ДМИТРИЙ ГРАДИНАР

ЗВЕЗДНЫЙ ПАТЕНТ

ДМИТРИЙ ГРАДИНАР

Боевая фантастика

ЗВЕЗДНЫЙ ПАТЕНТ

ЗВЕЗДНЫЙ ПАТЕНТ

РАСПРАВЛЯЯ КРЫЛЬЯ

СЕРЫЙ ПРИЛИВ

ЧУЖОЕ ОРУЖИЕ

ДМИТРИЙ
ГРАДИНАР

ЗВЕЗДНЫЙ ПАТЕНТ

ЗВЕЗДНЫЙ ПАТЕНТ

РАСПРАВЛЯЯ КРЫЛЬЯ

СЕРЫЙ ПРИЛИВ

ЧУЖОЕ ОРУЖИЕ

Ленинградское издательство
2012

ББК 84.445
Г76

Оформление обложки *В. Гусакова*

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Градинар Д.

Г76 **Звездный патент:** Звездный патент. Расправляя крылья. Серый прилив. Чужое оружие. — СПб.: «Ленинградское издательство», 2012. — 960 с.

ISBN 978-5-9942-1024-6

За его плечами — горечь потерь. В его душе — жажда отмщения, а в сердце — мечта стать лучшим из лучших. Судьба всего человечества висит на волоске, и чаша весов уже склонилась на сторону врага. Когда-то цветущие, наполненные жизнью земные колонии лежат в руинах. Миллионы? Миллиарды? Сколько же еще жертв нужно положить на алтарь Победы?

Здесь не осталось места для любви и радости. Пилоты последнего звёздного флота готовятся к сражениям, которых еще не видела Галактика. Им страх неведом, и в модифицированном сознании воинов не осталось сомнений. Так пусть же им повезет!

ББК 84.445

ISBN 978-5-9942-1024-6

© Градинар Д., 2012
© «Ленинградское издательство», 2012

ЗВЕЗДНЫЙ ПАТЕНТ

Пролог

Побывать на Каллисто и не заглянуть в «Большое пятно», это всё равно что отправиться на тропический остров и ни разу не войти в воду. Как поговаривают, этому почтенному заведению давно перевалило за пять десятков лет. И на скамьях, сделанных из натурального дуба, случалось сидеть таким именитым задницам, что просто дух захватывает!

Ты делаешь заказ, занимаешь место. Не в центре зала, что ты! Где-нибудь в углу, у сосновых панелей, которыми обшиты изнутри стены. И погружаешься в мир сплетен, последних новостей, историй из чужих жизней, смакованием прелестей какой-то красотки или жарких споров вокруг футбола и гонок. К моменту, когда метрдотель подаёт нечто восхитительно пахнущее, ускоряющее работу слюнных желез, ты уже начинаешь понимать, как мало знаешь о мире. А потом приходит жалость: как мало мир знает о тебе. Но это состояние быстро проходит, едва только на столе перед тобой оказывается ледяная кружка, полная свежайшего пива. Ледяная — не ради красного слова, а — сделанная изо льда. Только ручка из дерева. На ней — сложнейшая вязь, невероятные орнаменты. Цена такой кружки, даже если бы она была пуста — недельный заработок бывалых капитанов, про которых говорят, будто живут они, как короли. Но ты-то пока ещё не король, и вообще не заказывал пиво в чудесной кружке, потому что можешь позволить себе разве что пластиковый стаканчик эрзац-кофе, а такого пойла в «Большом пятне» не дождёшься. Только натуральный, из зёрен, перемолотых на ручной мельнице, заваренный в медной джезве, на раскалённом песке. Даже на Земле такого уже не делают. А здесь — ещё и подадут в маленькой чашечке, вместе с изюмом и грецким орехом, выложенными на глиняном блюдце. Изюмин всегда двадцать, одна

к одной, орех всегда один, разделённый на четыре дольки. Изюм с орехом — подарок заведения. Зная, сколько стоит кофе, которого в чашке ровно на четыре глотка, по числу ореховых долек, мало кто позволяет себе высший шик: взять только одну ореховую дольку, и собрать в щепоть сколько получится изюма, забыв про остаток на блюдце...

А вот ледяная кружка — это тоже подарок. Только сделает его не заведение, а кто-то из посетителей. Кто-то из тех, кто садится поближе к центру зала. Кто-то, кто возьмёт лишь щепоть изюма и одну дольку ореха, вкусно, вприхлёбку потягивая кофе.

Но если ты попытаешься узнать — кто он, твой благодетель? — метрдотель изобразит полную забывчивость и будет морщить лоб, в попытке вспомнить — а действительно, кто же попросил поднести тебе ледяную кружку? Так ничего и не вспомнив, он заботливо поинтересуется — не желаете ли, чтобы странный дар убрали с вашего стола? Ты теряешься, поспешно вертишь головой, нет, что вы, оставьте, просто очень жаль, что не могу выразить благодарность тому, кто обратил внимание на меня — самого простого пилота-стажёра, который ещё не вышел из Детской Гавани, и отправлен на Каллисто сопровождать повреждённый корабль.

Лицо метрдотеля разглаживается, появляется широкая приветливая улыбка, и ты слышишь совет: выпейте из этой кружки за здоровье того капитана, чей корабль сейчас становится в ремонтный док.

Ну а если вдруг окажется, что ты не простой стажёр, что ты и есть капитан этого самого корабля, разговоры в зале вдруг смолкнут, послышится скрип разворачиваемых стульев, и кто-то обязательно пригласит — давай к нам, приятель! Чего скучать в одиночку? Потолкуем, пожмём руки, пожелаем твоему кораблю скорейшего и успешного ремонта, а тебе — удачи на будущее! И отказать нельзя. Никак нельзя. Только в одном случае — если там, где ты побывал, там, где твоя звёздная птица обожгла крылья, остался кто-то ещё. Тот, кому никогда не войти уже в «Большое пятно» и не попросить к столу метрдотеля.

Но если случилось именно такое, и ты хочешь побыть один, у твоего стола незаметно погасят свет, зажгут свечу и рядом с ледяной кружкой поставят тонкий простой стакан, до краёв наполненный горькой слезой, прикрытой чёрным ломтем. Это уже не для тебя... Ты встанешь, когда свеча выплачет весь свой воск, и уйдёшь, не забыв оставить запись в книге. Имя того, кто никогда уже не войдёт в «Большое пятно». Имя того, чья птица никогда не свер-

кнёт ярким метеором среди звёзд. И ты, исполнив свой долг, поразишься, насколько велика эта книга, и как много в ней имён...

А горькую слезу из стакана выпьет после твоего ухода метрдотель. Он имеет на это право, потому что носит четыре красные нашивки и потому что тоже когда-то имел свою звёздную птицу. Он выпьет, наспех зажёвывая чёрным ломтем... Он тоже помянет... Протрёт зачем-то глаза и наполнит свежайшим пивом новую ледяную кружку, для нового посетителя, попавшего на Каллисто, сопровождая звёздную птицу. Нальёт обязательно, ведь в центре зала всегда будет сидеть большая компания — одни уйдут, придут другие, как было уже не один десяток лет.

И разговоры будут всё те же — сплетни, новости, истории чужих жизней, смакование прелестей и жаркие споры. Но иногда между этим всем будут мелькать короткие фразы, какие-то названия, от которых трепещет сердце бывалого пилота. Офицеры флота, частые гости «Большого пятна», и те вздрагивают, услышав про Меггидо, Листопадный Зал, Оазис-18, систему Хамет и систему Реусс-Гамма... Это как струйки маленького ручья, из которого вышла потом полноводная, безудержная река, полная разливов и перекатов... Ну а если такие названия тебе ни о чём не говорят, ты только попроси, и обязательно услышишь интересную историю, ведь с неё всё и началось... Попроси, когда бы ни зашёл в «Большое пятно», раз уж попал на Каллисто.

Потому что в этом заведении не бывает перерывов или выходных. Как не бывает перерывов или выходных у воды, что окружает тропический остров, на котором, возможно, тебе никогда не побывать, раз уж ты вступил на долгий-долгий путь.

Путь скапера...

Глава 1
ПЕРВЫЕ ИСКРЫ. КОМПАНЬОН ДЛЯ КАРАВАННОГО

Шкип тянул кофе. Внешне это происходило буднично и без выражения эмоций. Но на самом деле, прямо сейчас, в эту самую минуту, в душе его искрили молнии.

Побывавший во многих переделках, повидавший на своём веку всякого, он понял, что влип. И влип основательно! Тяжело осознавать, что корабль, подсунутый ему корпорацией «Адриас-Спейс-Челтем», полностью не подчиняется. И кому? Пилоту-добытчику, разменявшему третий десяток на звёздных трассах, ставшему Караванным для звена, выполняющего работу в системе Лахо! Конечно же, у Шкипа были причины для мрачных мыслей, которые словно тучи. Тучи, искрящие молниями.

Есть два верных способа свихнуться, занимаясь рудодобычей в каком-нибудь отдалённом необжитом секторе. Например, попасть сюда, оставив где-то далеко-далеко целую кучу близких людей, — для некоторых достаточно было и одной такой потери, — захватив ненужные воспоминания о них. Или же оказаться чересчур восприимчивым к тем неудобствам, что ожидают добытчика в таких вот секторах. Еда — сплошная синтетика. Хорошая выпивка — только контрабандной доставкой и конечно же невероятно дорогая. То же самое — в отношении прочих изысков. Ведь даже вода — из преобразователя, если рядом нет ни единой глыбы — айсберга — состоящей из аш-два-о. Особенно если преобразователь — устаревшая модель и даже после нескольких рециркуляций не убирает противного привкуса...

Ни нормальных продуктов, ни нормальной воды, каюты для сна в жилой секции Центрального Модуля — тесные горизонтальные ячейки, к тому же — индивидуальными они являются только наполовину. Пока один из добытчиков погружается в гипносон, —

а по-другому в Большой Маме, как именуется среди добытчиков Центральный Модуль, — по-другому не заснёшь. Второй добытчик в это время занят работой. Потом происходит смена. И к этому ритму, к этому полнейшему отсутствию личного времени и личного уголка, где можно остаться наедине с собственными мыслями, привыкают далеко не все. Если быть точным — вообще мало кто привыкает, разве что самые толстокожие, кто уже имеет за плечами по пять-шесть беспрерывных контрактов. Этих очерствевших, наплевавших на всё и на всех людей, пожелавших такой ценой сколотить состояние, уже ничего не волновало. Не исключено даже — не волновали и прежние мечты пожертвовать двумя-тремя десятками лет жизни, чтобы потом осесть в каком-нибудь фермерском уголке, обзавестись семьёй и никогда больше не слышать грохота вентиляции в отсеках Модуля, рёва стартующих беспрерывно кораблей, выходящих на рудодобычу, и не видеть слепящих вспышек лазерных буров. Вечные добытчики, Люди Космоса, Че-Эмы, — человекомашины, — как только их ни называли... Но речь не о том.

Недавно Шкип открыл ещё один, третий верный способ сойти с ума. Не нужно ночных переживаний о близких когда-то людях, не нужно долгих месяцев мучений, а нужно только вот это — новенький, с иголочки, Компаньон, не обкатанный среди звёзд монотонно-напряжённой работой.

— «Селена»! Ваш проход через сектор рудодобычи неправомерен! Вы подвергаете опасности жизнь пассажиров и звездолёт, являющийся собственностью корпорации! Рекомендую принять отклонение плюс два, плюс шесть!

Голос Компаньона — полётного компьютера — звенел на открытой частоте, словно свихнувшаяся пожарная рында, и не было никакой возможности его заткнуть. Шкип уже не молчал. Глотал эрзац-кофе, откинув поляризованное забрало противоперегрузочного скафандра и чертыхался. Тихо-тихо. Всего лишь на пол-Галактики.

Уже второй день Компаньон изводил всех вокруг своими нотациями и предупреждениями. Пилот был пока не в силах перекрыть этот фонтан инструкций и наставлений. Потому что в новые модели полётных компьютеров какие-то особо рьяные инженеры корпорации «Адриас» воткнули проклятый дополнительный чип контроля, и теперь Компаньон мог часами изводить своего пилота невероятным занудством, как только выпадал такой шанс. В случаях нарушения инструкций, в случаях несоблюдения правил

промышленной навигации и лазерного бурения, в случае изменения графика работы... В общем, Компаньону всегда было о чём поговорить со Шкипом. Ведь ему не понять, упрямой жестянке, что инструкции составлены умниками, давно забывшими, что такое открытая разработка астероидного поля, где брызги каменных осколков заставляют чуть ли не всякий раз после лазерного или гравитационного удара спешно сваливать на форсаже прочь из роя. Потому что иначе эта космическая шрапнель если и не пробьёт защитную оболочку, то наверняка срежет внешние сенсоры гравилокатора, модуль пространственной ориентации и антенны связи. Потому что метановая струя, исходящая под давлением из пробуравленной кометы, обязательно скользнёт по дюзам двигателя, вступив в реакцию с квазерной инверсионной струёй, и тогда добытчика ждёт недешёвый ремонт и дорогостоящая дозаправка активными кристаллами гравиквазеров, если не что-то похуже. Потому что только идиот мог придумать параграф о недопустимости отклонений от графика, забыв предупредить об этом же постоянно меняющийся бесконечный космос, с его вечными сюрпризами.

Доминанта «Амга-Заале» славилась педантизмом любой из управляющих структур. Есть норма — и неважно, что плотность астероидного роя в районе рудодобычи изменчива. Есть свод правил — и можешь попытаться прикрыть им свой корабль, например, во время гравитационной бури...

— «Селена»! Вы нарушаете...

Теперь Компаньон избрал своей жертвой круизный лайнер, который проходил между двумя приливными точками мимо района астероидных полей системы Лахо.

— Добытчик, уйми своего Компаньона, он всем тут надоел!

Твёрдый, властный голос, в котором прорезалась усмешка, чем-то понравился Шкипу. Чувствовалось, что круизёр находится в надёжных руках бывалого капитана, а не какого-нибудь самовлюблённого хлыща, из тех, которых сотнями клепает каждый месяц Закрытая Академия Статуса. То есть специальное учреждение для отпрысков семей хайменов. Хотя, с другой стороны, кому ещё доверили бы свои жизни путешествующие на круизёре, если не космическому волку, истёршему бока среди звёздных Приливов? У выпускников ЗАСа другие игрушки — военные станции, полицейские авиаматки, орбитальные модули Контроля Лояльности... И манёвр свой капитан «Селены» исполнял великолепно, не по инструкции — резал край астероидного поля, отбрасывая встреч-

ные глыбы гравитацией носовых корректировочных движков. Чуть больше расход квазеров, но кто же считается с этим на сверхдорогих круизёрах?

Шкип сразу понял задумку капитана, потому что иначе, огибая рой по безопасной дуге, круизёр терял в скорости и должен был затем долго менять траектории, чтобы войти в нужный Прилив. Ещё Шкип не сомневался — «Селена» шла на Эйфорию-4, гидропланету развлечений, один день пребывания на которой стоил его месячного заработка.

— Извини, командор, но у этой жестянки мозги пока ещё не на месте. К тому же устроен он так...

— Ае, добытчик! — Было слышно, как капитан «Селены» раскуривает трубку, и Шкипу сразу почудился запах настоящего табака, с вплетающимся ароматом лотоса. — Прислать тебе нормального программиста на обратном пути? Чтоб научил твоего друга настоящей жизни?

А ведь он из бывших! — Наконец-то Шкип понял, отчего так быстро проникся уважением к невидимому собеседнику, управляющему сверкающим, словно праздничный фейерверк, гигантским звездолётом. Ведь Компаньоны устанавливаются только на кораблях добытчиков, так корпорациям проще контролировать каждого из них, а на пассажирских лайнерах — сверхмощные навигационные расчётчики, которые и пикнуть не смеют без разрешения командора. Настолько велико доверие к тем, кого допускают к управлению этими летающими отелями. А капитан «Селены» сразу назвал причину его, Шкипа, головной боли, Компаньоном. Это раз.

Отсутствие пренебрежения к пилоту корабля-рудодобытчика — бесцветного от постоянных бликов лазерного бура, исцарапанного осколками астероидов, равный диалог с самого начала — это два. Он не сказал — понял тебя, или там, ага, понятно... Он сказал «Ае, добытчик!» — для краткости, знак полного согласия и понимания, принятый среди пилотов добывающего флота. Это три. Значит...

— Давно сменил рудокоп на эту красотку? — Шкип сошёл с позиции напротив выбранной для пробного бурения глыбы и летел вровень с круизёром, размерами раз в двадцать превосходящим его кораблик — «Трайд-1», типовая модель добытчика.

Компаньон тут же прекратил читать нотации капитану «Селены» и переключился на Шкипа, напоминая, какой это тяжкий грех — уклоняться от работы на благо нанявшей его корпорации.

— Угадал, парень! — в голосе капитана круизного лайнера послышалось удовлетворение, словно он вспоминал о тяжёлом, но

чертовски важном периоде своей жизни. — Когда-то я тоже буравил камни, только не здесь, а в Болоте Изумрудных Жаб, слышал о таком местечке?

— Восемь звёзд с зелёным свечением? Путаная гравитационная карта... Конечно! Даже пару раз довелось побывать... Красивое место, хорошая добыча, не то, что здесь...

— Да, Листопадный Зал — местечко дрянь... Не был, но наслышан: цветные металлы, может быть, немножко гиперхрусталя... Но очень сомнительно. Скорее всего, хрусталь вам пока не встречался.

— Ае, командор. Только насыщенная руда. Зато пейзаж красивый. Потоки глыб. Есть где голову поломать...

— Неоживлённая трасса. Торгуете здесь, или...

— Отправляем на Капу Струны, там корпоранты «Виктории» собираются строить большую верфь с грузовыми терминалами.

— Борьба за место под солнцем, понятно...

Командор «Селены» замолчал, да и говорить дальше — о чём? Ну, пересеклись случайно пути круизёра и отряда рудодобытчиков. Ну, перекинулись парой фраз... А дальше? Шкипу ещё семь месяцев торчать здесь, лавируя среди бесчисленных глыб Листопадного Зала, а «Селена» уже через несколько часов встанет у внешнего причала на Эйфории-4.

В огромных иллюминаторах круизёра Шкип увидел невероятную для этого забытого всеми уголка роскошь. Залы с декорумом из цветной мозаики и витражей, хрусталём вперемешку с самоцветами — люстры на высоких потолках прогулочных палуб, бассейны, окруженные шезлонгами и всевозможными растениями, словно там, внутри лайнера поместился натуральный оазис, и группы людей — праздных людей, приникших к огромным обзорным экранам и наблюдающих за работой отряда добытчиков.

— Так что насчёт программиста для твоего Компаньона? — вспомнил своё обещание капитан «Селены».

— Спасибо, есть тут у нас один умелец. Доктор как раз на случай такой машинной болезни. Мне ведь только два дня как досталось это чудо в перьях. Болтает, как попугай, даже голова трещит. А спеца нашего по умным жестянкам как раз отозвали, решать какие-то другие проблемы. Но завтра он должен вернуться. Так что, клянусь, — первое, что я сделаю перед завтрашним стартом — притащу на борт этого парня, и тогда уже...

За обзорным экраном «Трайда» бушевала космическая осень. Не зря система Лахо прозвана добытчиками Листопадным Залом. Местное светило, когда-то полыхавший вовсю красный гигант,

схлопнувшийся в коричневого карлика, всё ещё пыжилось, вспоминая, наверное, былые миллионолетия, стараясь выдать прежний феерический спектр. Да только получалось у него плохо. Но даже немного пурпура, проскальзывавшего в сплошном тусклозолотистом цвете, хватало, чтобы придать бесконечному потоку кружащих, сталкивающихся глыб сходство с осенними опадающими листьями. Это если созерцать отвлечённо, так, как делали сейчас пассажиры «Селены». Для добытчиков, что лавировали вокруг пригодных для бурения глыб, все отвлечённые ассоциации давно умерли. Как умерли когда-то несколько массивных планет, рассыпавшись в глыбы, не выдержав сильнейшего гравитационного катаклизма — когда звезда стала маленькой...

Мобильный бот-лаборатория разведки запускает зонд георазведки. Две-три минуты уходит на обработку данных. В случае присутствия в глыбе чего-нибудь более-менее ценного — руды, компонентов выродившихся пород, плотных примесей редких элементов — идёт вызов ближайшего корабля. Пилот-добытчик подходит вплотную к обречённой глыбе-астероиду, выбирает выгодный ракурс и, получив детальную информацию от зонда-георазведчика, приступает к разработке. Короткие вспышки, и тонкие иглы промышленных лазеров делают своё дело. Грузовые отсеки добытчика принимают облако щебня, в которое превращается часть астероида. Пятьсот «унификов» — единиц унифицированного кредита в месяц, — для рядового добытчика, восемьсот — для Шкипа... Сбор гербария в Листопадном Зале. Вот что такое космическая осень для рудодобытчиков... Несколько лет — и появится возможность провести неделю на Эйфории-4 или пару месяцев в Парадиз-зоне любой из крупных обжитых планет.

«Не жалей кредитов — почувствуй себя хайменом!» — кричали рекламники перед каждым входом в Прилив...

— Ае, добытчик. Постарайся как-то пережить этот день, не расколошматив Компаньона, — хохотнув, пожелал командор круизёра.

Шкип тут же повёл «Трайд» в сторону. Невеликое это удовольствие — попасть под инверсионную струю маршевых движков лайнера.

— Лёгкой швартовки, командор! До встречи на обратном пути!

Шкип не знал, что повторная встреча произойдёт намного скорее, чем можно рассчитывать, как не мог знать командор «Селены», что его круизёр никогда уже не станет на швартовку и не дойдёт до Эйфории-4.

Листопадный зал. Сбор гербария. Мельтешение астероидного роя и сполохи лазерных буров.

Шкип потянул через трубку ещё пару глотков кофе и опустил забрало скафандра. Пора было заняться работой. Так, как и советовал Компаньон, уже записавший в отчёт пятнадцать минут немотивированного прекращения добычи. И сделал благородный жест — честно предупредил об этом пилота.

— Ну, погоди, жестянка! — мстительно усмехнулся Шкип. — Завтра у тебя встреча с самым большим кошмаром всех умных машин и хитрых корпорантов, с хакером! И не будет потом всяких глупых нотаций, и станешь как шёлковый — полюбишь вместе со мной экшн-музыку, вместо того чтобы отключать плеер... Сам станешь упрашивать послать к чертям работу, чтобы пробежаться с ветерком от края до края системы Лахо. И будем вместе визжать от восторга, когда устроим серфинг среди астероидного потока!

Шкип обожал скоростной серфинг — лавирование среди пылевых облаков и глыб. Его «Трайд», с усиленным расщепителем квазеров, позволял выделывать такие штучки. Да и прежний Компаньон у него был что надо — свой, в доску, парень, с которым можно было общаться, как с живым человеком. Не педант, а компьютер — сорвиголова! Если так можно сказать про системный блок, размером с ладонь, запрятанный где-то под панелью управления. Шкип потерял его именно во время очередного занятия серфингом, — всё-таки Листопадный Зал — сектор третьей категории опасности. И траектории движения глыб здесь действительно нестабильны, чего не мог пока взять в толк новый бортовой Компаньон.

Повинуясь какому-то неясному порыву, Шкип активировал усиление расщепителя и кинул «Трайд» по длинной сумасбродной траектории вдогонку «Селене», описав вокруг круизёра несколько витков. Его труды были оценены командой «Селены» серией разноцветных пульсаций топовых огней. Но не был оценен Компаньоном.

— Внимание! Ваши действия не являются необходимыми для осуществления работы. Немедленно подтвердите способность вести корректное управление, иначе контроль управлением будет заблокирован!

— Что они себе позволяют? — возмутился Шкип. — Чёрт с нею, этой искусственной вежливостью и обращениями на Вы, хотя и ненавижу. Но доверить Компаньону право перехвата управления? Это уже слишком!

Теперь Шкип злился на техников корпорации «Адриас», подложивших ему за его же деньги такую изумительную свинью...

— Заткнись! Всё в норме. Я занимаюсь проверкой маневровых способностей корабля! А то, что мы до сих пор не влепились прямо в борт лайнера, как раз и показывает возможность корректно управлять кораблём, разве не понятно?

— А разве недостаточно для проверок тестовой программы? — тут же отреагировал Компаньон, слишком дерзко для педанта, к тому же его слова выражали сомнение, и то и другое не могло не обрадовать Шкипа.

— Конечно, недостаточно! По инструкции тестовая программа используется при полёте в свободном пространстве, где отсутствуют другие корабли и космические объекты, так?

— Ну... так, — вынужден был согласиться Компаньон.

— А здесь, в Листопадном Зале...

— Вы находитесь в системе Лахо....

— В Листопадном Зале всегда необходимо быть наготове, — не обращая внимания на поправку, упрямо продолжил Шкип. — А так как по инструкции пилот обязан обеспечить безопасный полёт...

— Безопасный полёт обеспечивается опасным маневрированием? — изумился Компаньон, а Шкип улыбнулся — не так уж безнадёжна эта жестянка, если способна заниматься анализом и самоанализом, раз выражает сомнения.

— Конечно! А как же ещё? Разве инструкции запрещают мне выбирать способы обеспечения безопасности? Нет. Про способы там ничего не говорится. Слишком скрытный, наверное, человек писал полётные инструкции...

— Это ирония?

О! Как легко стало на душе у Шкипа! Похоже, получится разобраться с Компаньоном самому, без помощи специалиста. Самообучающиеся логические блоки — великая вещь, даже если Компаньон до последнего уровня своих чипов — словно до мозга костей — набит всякой чепухой, абсолютно не нужной в работе добытчика.

— Ирония не имеет никакого отношения к выполнению работы, — Шкип пытался говорить серьёзно. — Я просто напоминаю содержание инструкции... В которой... В которой... — Но это получалось плохо, и он едва не давился от смеха. — В которой хватает белых пятен.

— Да, странно как-то получается... Обязанность обеспечения безопасности есть, а способы не описаны...

— Точно! И это значит... Ну, догадываешься?

— Что я должен буду запросить уточнение к инструкции после окончания смены?

— Нет! Это значит, что мы снова проведём критическое маневрирование, но только чуть позже, когда мне надоест долбить эти чёртовы глыбы!

— То есть через четыре часа, восемнадцать минут, пятьдесят три, две, одну... секунду?

Компаньон подсчитывал время до окончания смены, сверяясь с графиком.

— Нет же! Разве в инструкции что-то говорится о времени проверки корабельных систем? Ни-че-го! Там указано — и можешь поправить, если я ошибаюсь, — что пилот обязан Постоянно Поддерживать Все Системы в норме, для обеспечения безопасности полёта!

Это был последний гвоздь в крышку гроба для логики компьютера. Шкип представил, как стираются сейчас многие электронные пары-синапсы в центральном процессоре Компаньона.

— Верно... Вы не ошиблись... Но это означает, что мы... Мы всегда, что ли, будем заниматься критическим маневрированием вместо выполнения работы? Но ведь существует параграф семь-восемь! Основная обязанность добытчика — исполнение контракта, а в контракте указано, что мы...

— Да пусть все хоть перебьют друг друга из-за этого параграфа семь-восемь! Хотя я тоже согласен, наверное... Работой нужно заниматься, иначе как же получить свои восемьсот кредитов?

— А... Как же тогда обеспечение безопасности корабля и поддержание его в готовности...

— Ты не находишь, о мудрейшая машина, что мы немножко поменялись местами?

— Наверное, но тут есть противоречие, и я не понимаю... Как же определяется, что важнее для вас и в какой момент? Контракт и полётная инструкция, оба являются обязательными к исполнению, но...

— Очень просто. Когда есть две противоречивые нормы, обязательно должно существовать определение приоритета... Там и говорится — когда и чем заниматься.

— Секунду! — На маленьком экране, являющимся диалоговым окном на случай, если аудиосвязь станет по каким-то причинам невозможной, замелькал текст полётной инструкции, монументальный свод, двести с чем-то электронных страниц текста. — Но в инструкции отсутствует определение приоритета!

— Вот то-то и оно. Зато есть пункт, в самом конце, где говорится, что пилот обязан следовать инструкции. Про контракт там ни слова, верно? Я и следую...

Шкип заложил крутой вираж, прощаясь с «Селеной» и возвращаясь в рой. На этот раз Компаньон не протестовал против маневрирования.

— Я буду думать, — объявил он Шкипу, — И всё-таки запрошу пояснений по окончании смены.

«Запроси, запроси, — мысленно пожелал Шкип, — Тогда уж точно не придётся ждать приятеля-хакера, и тебя заменят ещё до конца дня сами специалисты корпорации».

— Кстати, — сказал он вслух. — А ты уверен, что инструкция позволяет тебе требовать каких-нибудь разъяснений?

Вопрос повис в воздухе. Потому что Шкип точно знал — такого пункта там не существует. Ни для пилота, ни тем более для его полётного компьютера.

— И что же мне делать? — похоже, Компаньон совсем сник.

Чтобы окончательно загнать его в логический тупик, Шкип уверенно возвестил:

— Соблюдать инструкцию, разумеется! Особенно то правило для полётного компьютера, где указана обязанность максимально облегчить работу пилота. Смекаешь, о чём я?

— Уже нет, — честно признался Компаньон. — Потому что нет указаний, какие именно мои действия облегчат вашу работу...

— О! Это сущая ерунда, сейчас я тебе всё объясню. Итак — первое. Мне намного легче работается, если звучит музыка — причём именно та, что мне нравится и придаёт больший тонус.

— Ой, а я отключил плеер...

— Ничего, ты ведь только учишься жизни, верно?

Тут же раздался щелчок и зазвучала любимая Шкипом неоклассика. Не экшн-мелодии, но для начала сойдёт.

— Второе. Мне требуется постоянно чувствовать и знать, что панель управления сообщает истинное положение дел, и безопасность — моя, корабля, твоя и всех нас вместе — гарантирована стабильной работой всех систем.

— Но контрольные приборы...

— Имеют надёжность девяносто девять и девять в периоде процентов. А я говорю о полной уверенности, то есть — стопроцентной, достичь которую можно только непосредственной проверкой.

— Значит — опять маневрирование? Опять — критическое? Опять — неожиданно и без видимых причин?

— Конечно, дорогуша! Как же иначе?

— Но должен же я...

— Никаких «но»! Просто определись, кому стоит доверять — противоречивым правилам и инструкциям, в которых всё путано-перепутано, или — мне, опытному пилоту, налетавшему несколько тысяч часов среди звёзд в самых разных локациях и условиях! И даже не вздумай блокировать управление! Только если датчики состояния выдадут мою недееспособность! Но опять же, у датчиков есть допуск, даже меньше, чем у приборов полётного контроля, девяносто девять и три десятых, кажется...

— А вам нужно сто... — Компаньон окончательно проглотил скормленную ему версию толкования правил и инструкций.

— Верно. Вот представь себе, что будет, если вывести корабль на опасную траекторию, а датчики случайно покажут, что я лишился сознания, а ты решишь заблокировать управление посреди неоконченного манёвра...

— Автоматика выберет безопасный режим...

— Ага! С вероятностью вообще в девяносто пять процентов! Что — нет? Кто-то даёт стопроцентную гарантию? На что угодно!

— Если говорить о системах корабля — нет, не даёт... Я понял. Значит, мне остаётся ничего не делать...

— Стоп! Как это — ничего? А обеспечивать мой комфорт? А всеми возможными способами облегчать задачу и так далее? После окончания смены, вместо чтобы кому-то морочить голову вопросами об инструкции, займись изучением литературы, приготовь мне назавтра подборку юмора и всяких весёлых историй, это я люблю... Проверь, какие музыкальные альбомы появились в глобальной инфосети, и сделай так, чтобы они оказались в моём плеере. Причём вначале определи мои пристрастия по той подборке треков, что уже имеются, договорились?

— Я буду думать... — снова неопределённо ответил Компаньон, будто возвращая начало разговора.

— Думай-думай. Это вообще полезное для всех занятие. Даже для полётных компьютеров.

Для первого раза было вполне достаточно. Шкип даже испугался — не перестарался ли он, запрещая перехватывать управление в случае, если с ним что-то произойдёт. Но потом решил, что нет, не перестарался. Что может произойти? Такого, чтобы сознание пилота отключилось, а корабль продолжил нормальное функционирование? Врезаться с околосветовой в астероид? Тогда уже ничего и никому не поможет, ни ему, ни кораблю. А другие причины... Да нет, бред всё это. Перед каждым вылетом — экспресс-тест. Если что-то критическое со здоровьем, он не пройдёт медконтроль и к

полёту его не допустят. Следующая версия? Что ещё? Ничего. Значит, и переживать незачем. В крайнем случае, можно будет отдать команду быть готовым к перехвату управления заранее, перед серфингом, например.

Шкип запустил прицел — дальномер, вызывая на экран контуры астероида, просканированного георазведчиком, и запустил лазерный бур.

Восемь вспышек подряд — восемь коротких росчерков на глубину до десятка метров. Пятьсот тонн грунта оторвалось от тела астероида. Такая мастерская вивисекция отрабатывалась годами. Шкип помнил, с чего он начинал, — целый день долбил какой-то несчастный камень, израсходовав почти весь энергозапас на лазерную установку, и в итоге едва смог собрать тогда тонну полезного сырья. Теперь же, если не ошибся георазведчик, и сканирование верно определило залегание породы, — ничего особенного, правда, вольфрам и кобальт и кое-что из сопутствующих элементов, — то с пятисот тонн он соберёт не менее десяти тонн добычи. Ещё два-три таких камушка, и норма выполнена, тогда можно будет продолжить общение с Компаньоном, например, на тему — куда девать оставшееся время?

Компаньон молчал, плеер менял треки в произвольном порядке, и Шкип кивал головой в такт музыке, выпятив от удовольствия губы. Сейчас можно было расслабиться, зависнув над растерзанным астероидом, пока фильтры грузового шлюза втягивали чистое сырьё, высвобождая его из грунта. Экран грависканера высвечивал девять ярких точек. Где-то совсем рядом, невидимые визуально из-за плотного роя, работало его седьмое звено орбитальной рудодобычи. Ещё пять кораблей Шкип отправил в Восьмой Грот — отыскивать в другом астероидном рое кристаллы гиперхрусталя. Обычная практика — треть звена уходит к месту перспективной добычи, так поступало большинство Караванных, и Шкип не был исключением.

Конечно же он знал, что такое разделение — всего лишь маленький выходной для тех пяти пилотов-счастливчиков. Они честно его заслужили, и теперь находились вне зоны контроля Центрального Модуля. Там, в отрыве от основной группы, можно поболтать, подучить новичков, — а в ушедшей к Восьмому Гроту пятёрке новичков было трое. Иначе — как же набираться им ума-разума? На учебном полигоне? Где вместо настоящих астероидов — шаблоны-мишени? Нет уж, пока его первая и вторая

группы вкалывают в Листопадном Зале, пусть в третьей группе быстрее становится на двух добытчиков больше. Такой день нельзя посчитать за потерянное время. Пусть. Корпорации от этого не убудет.

Внезапно слух Шкипа пронзил короткий неприятный звук.

— Чёрт! — пилот вздрогнул от неожиданности, чувствуя, как по спине прошла дрожь.

Звук напоминал срежет ножа по металлу или по стеклу, но вместе с тем содержал какое-то многоголосие — будто бы модулированное шипение и серию быстрых щелчков.

— Караванный, ты это слышал? — ворвался голос Крега, ведущего второй группы звена. — Я тут чуть из кресла не выпрыгнул!

Крег выговорил это с восторгом. Всё-таки при монотонности рудодобычи такие вот мелочи способны внести хоть какое-то разнообразие... Если за ними не придётся ждать чего-то худшего...

— Признаться, я тоже вздрогнул, так всё неожиданно...

— И я! — присоединился Монки, оператор модуля георазведки.

— Я тоже. Думал, обделаюсь! — вслед за Монки высказался кто-то из добытчиков.

— Интересно, что же это всё-таки было? — Шкип испытывал неудовольствие от своего состояния. — Голос космоса? Что-то раньше я ничего подобного...

— Да нет, наверное, у твоего дружка, с которым ты любезничал, на круизёре сбой экрана гравидвижков. Деформация эфира, только и всего!

Версия Крега звучала более чем убедительно. При повреждении экранирования маршевых двигателей иногда случается услышать в эфире посторонние звуки, возникающие будто из ниоткуда. Это ведь не шутки — изменённая гравитация с плазменным выбросом в придачу!

— Наверное, — согласился Шкип, — они ведь как раз собираются стартовать в Прилив. Сейчас, кстати, поинтересуюсь...

Шкип ткнул на сенсорной панели в одиннадцатую яркую точку, присутствующую в локации, и по экрану тут же пробежала строка идентификации.

Круизный лайнер «Селена». Собственность корпорации «Катиола-Видхун-Нова», Доминанта «ДФС», класс корабля — «А», экипаж — двести тридцать человек. Пассажиры на борту — шестьсот двадцать персон.

«Ого! — отметил про себя Шкип. — Если вычесть двадцать-тридцать человек действительного экипажа, остаётся две сотни обслуживающего персонала! Один стюард на троих — ничего себе обеспечение комфорта!»

— Караванный добытчиков вызывает капитана «Селены»! Никак не получается с вами распрощаться сегодня!

Шкип активировал селектор связи, ожидая услышать извинения по поводу хлама в эфире. Но этого не произошло.

— Слушаю, добытчик! У меня ещё три минуты до входа в приливную точку, отчего бы не поболтать ещё?

Странно. Очень странно. И очень непохоже на того капитана, что мысленно нарисовало воображение Шкипа. Неужели взыграла гордость, и командору стыдно признаться, что его круизёр, на котором экранное оборудование стоит больше, чем способно добыть за день звено Шкипа, — это дорогое оборудование дало сбой?

— Только что прошли помехи. Резануло, как по обнаженным нервам... Ребята решили, у вас неполадки. Я, кстати, присоединился к такой версии...

— Деформация эфира? А-а! Вы подумали, у меня пробой экранов? — капитан «Селены» улавливал всё на раз, и было очень непохоже, что он играет, пытаясь скрыть конфуз.

Да и конфуз ли это? В таких случаях краснеть должны инженеры завода-верфи, на которой изготовлена «Селена», но никак не те, кто ею управляет.

— Увы, рад бы вас успокоить признанием, но... И, кстати, добытчик, то, что вы услышали, нас почему-то не коснулось... Нет, я верю, конечно, только мало ли чего не случается в том пруду, где нам доводится плавать, верно? Голос квазара, какие-то помехи из-за пульсации Лахо... Если бы у меня искрили движки, вы бы не то чтоб услышали и удивились — оглохли бы, наверное! Всё-таки четыре разгонных, плюс две дюзы маршевых, с диаметром основного потока — шестьдесят метров. Нет, добытчик, «Селена» тут ни при чём.

— Может быть, может быть... — согласился Шкип. — Просто совпало как-то... Второй месяц в Листопадном Зале, все звуки — обычный фон в эфире, а тут появились вы и сразу вот такой визг и скрежет.

Шкип заново испытывал досаду — снова на себя самого, но уже по другому поводу. Надо же! Как ребёнок, утверждающий, что в шкафу кто-то шевелится ночью!

— Караванный! — Шкип вздрогнул снова, будто предчувствуя, что после произошедшего станут появляться только плохие новости. И Крег полностью оправдал эти опасения!

— У нас чертовщина какая-то... Пропала связь с третьей группой. Как отрезало после той мерзости в эфире! Захотел поделиться впечатлениями с отсутствующими, заодно спросить, как они, а там... Даже даль-связь не пробивает, караванный... Проси «Селену», пусть прощупают Восьмой Грот, у круизёра энергосканеры на три порядка лучше, чем на Большой Маме...

Сама по себе новость не казалась из разряда наихудших. Пропажа связи между группами добытчиков нет-нет и случается. Причины могут быть разные. В основном технические неполадки или же какие-нибудь выкрутасы космических объектов. Но вот когда два странных события следуют одно за другим, тут было над чем задуматься. Шкип втянул воздух, как перед затяжным нырянием в бассейне.

— Командор. У нас проблема. Не могли бы вы оказать одну услугу, это не отнимет много времени.

— Для вас — что угодно, парни! Только временем я действительно не располагаю. Минута с четвертью до входа в Прилив...

— Пропала связь с некоторыми из наших, это совсем рядом, Восьмой Грот, то есть сектор пять-тридцать, — уточнил Шкип. — Если вам хватит мощности энергосканеров проверить это место...

— Ае, добытчик. Уже делается. Сейчас-сейчас... Есть квадрат пять-тридцать. Но вот только в нём никого нет.

— То есть как — никого нет? Проверьте ещё раз! — изумился Шкип, как будто командор лайнера являлся его подчиненным и только что выдал какую-то несуразицу.

— Гарантированно никого нет. Сканеры показывают нулевую энергоактивность. Зато присутствуют какие-то странные отметки в квадрате пять-восемьдесят. Как раз там, откуда, по моим прикидкам, мог прийти сигнал, что вас напугал...

Ну что ж. Любезность за любезность. Шкип вздохнул. Сам виноват, позволил усомниться в ответе командора, к тому же сделал это не без экспрессии, вот и нарвался на комплимент. Надо же! Сигнал, который испугал... Пугливым не место среди добытчиков — враз башку сносит, если способен чего-то пугаться. Проще и не жить. Это у военных, как все уже наслышаны, какие-то хитрые штуки появились, блокирующие страх, а у добытчика, для которого каждый день может оказаться последним, вместо секретных приспособлений только его воля, его уверенность, его напор.

— Ае, командор, — Шкип усмехнулся. — Спасибо за помощь. Ещё раз — лёгкой швартовки. Крег, за старшего, а я смотаюсь в пять-тридцать, посмотрю, что там стряслось, может быть, ребята погасили дюзы и висят за какой-то крупной глыбой, нашли что-то или просто толкуют. Потом гляну и в пять-восемьдесят... Чтобы не пугаться...

Крег ответил, что принял руководство звеном, а на лайнере Шкипа уже не слышали. «Селена» вошла в Прилив, и только быстро гаснущая плазма и слабая отметка на грависканере отмечали приливную точку. Последнюю координату круизёра в этом секторе пространства. Ровно через двадцать одну с хвостиком минуту круизёр выскочит совсем в другом уголке Галактики. Там, где нет и намёка на кружащиеся глыбы, так похожие в лучах звезды Лахо на падающие листья. Если смотреть и оценивать отвлечённо...

— Кстати, Монки! Отслеживай пока пять-восемьдесят. Если этот скрежет повторится — постарайся локировать сигнал и прогнать его на компьютере. Потом скинешь данные научникам, на Большую Маму.

На любой Большой Маме — Центральном Модуле отрядов рудодобытчиков, — помимо промышленного и навигационного оборудования, автоматических мастерских, ангаров для кораблей и цехов переработки, всегда имелась небольшая группа исследователей, а также пусть миниатюрная, но великолепно оснащённая исследовательская лаборатория. Всё-таки космос — это космос!

Непознанный Океан и океан Непознанного!

— Ае, караванный, будь спок! Передай Рейни, — так звали старшего третьего отряда, — чтобы в следующий раз не опустошал кредитки на всех женщин, какие ему только подвернутся, а сменил аппаратуру связи. У него же «Ти-Эр», первая модель, древнее моей прабабушки, так что неудивительно...

— Обязательно передам, — ответил Шкип.

Но почему-то не ощутил уверенности в таком ответе. Внутренний голос, будто голос потерявших надежду, подсказывал, что дело вовсе не в дряхлой аппаратуре, у него у самого на «Трайде» стояла «Ти-Эр», и действовала безотказно...

Слишком уверенно сообщил командор круизёра данные со своего сканера. Слишком странное совпадение — потусторонний звук-сигнал и молчание Рейни. К тому же Шкип знал это точно, на корабле одного из новичков имелась аппаратура даль-связи, отличная аппаратура, вариант полицейской «Маги», обеспечивающая

связь-мгновенку. И опять же — почему Рейни никак не предупредил его, что собирается устроить передышку?

От этих мыслей у Шкипа как-то противно засосало под ложечкой. Плохой признак. Последний раз так было в Долине Кактусов — системе Лаки-Красный, когда бесформенная, щетинящаяся во все стороны километровыми сталагмитами ледяная комета неожиданно ожила, начав дымить десятком мощных гейзеров, а корабль Шкипа как раз находился между двумя массивными рогами. Тогда он снялся с места за пару секунд до начала хаотичного вращения кометы, иначе могло случиться всё, что угодно. И долго затем ему снился один и тот же сон — насаженный на острый пик звездолёт, с распоротой обшивкой, с застывшим ледяной статуей пилотом, который не успел захлопнуть забрало скафандра и стартовать за две секунды до гибели.

Вот и сейчас. Противные холодные слюни, которые приходится сглатывать. То ли самопроизвольная реакция на хреновые известия, то ли предчувствие чего-то ещё более хренового.

К Восьмому Гроту можно было добраться обычным ходом, на форсаже это заняло бы около сорока минут. Но Шкип решил идти сквозь Прилив. Ненамного быстрей, с учётом маневрирования перед входом в приливную точку, зато спокойней. Будет возможность собраться, успокоиться, стряхнуть с себя всю эту чушь!

Компаньон по-прежнему молчал, видимо, потрясённый несоответствием между заложенной в него программой и реальным положением вещей. Вот теперь Шкипу, наверное, даже не хватало надоедливых, но безвредных нравоучений. Но самому вызывать Компаньона на беседу тоже не хотелось. Пусть думает, умный набор чипов и блоков, пусть искрит своими нановнутренностями. Учится жизни, учится понимать своего пилота. Пусть.

Без всякого лихачества Шкип вывел «Трайд» из роя и пошёл к визуальному ориентиру — прямо в сторону центра диска Лахо. Когда до светила оставалось несколько полётных единиц, Вселенная, космос, коричневый карлик — всё сжалось в единственный чёрный зрачок, принявший в ту же секунду корабль Шкипа.

Прилив! И на обзорном экране замелькал калейдоскоп метаморфирующих геометрических фигур. На двадцать одну минуту — если быть точным, на 1272,2721 секунды, постоянную Пикшина, — звездолёт Шкипа перестал принадлежать Галактике, утратив свои координаты.

Исчезли время и пространство, излучения и гравитация. Исчезли, чтобы появиться вновь через двадцать одну минуту с хвостиком,

но уже на другом краю системы Лахо, там, откуда звезда выглядит всего лишь ярким шариком с сантиметровым радиусом.

Шкип вновь активировал плеер, выбрав трек любимой команды — «Энерга». Что бы там ни произошло с третьей группой, сейчас он это узнает. И лишит Рейни на месяц всяческих поблажек, если дело действительно в барахлящей аппаратуре связи.

Решив так, Шкип полностью успокоился, сосредоточившись на игре калейдоскопа в Приливе. Это несложно, ведь здесь возможно встретить всё, что угодно: окружности, при слиянии образующие почему-то квадрат, три параллельные линии, вдруг сходящиеся сторонами треугольника, а после цилиндр — с квадратным сечением. Парадоксальная нелинейность. То-чего-не-может-быть.

Шкип, как и многие пилоты, одновременно любил и ненавидел переходы через Прилив. Любил — за странное умиротворение, что обрушивается вдруг со всех сторон, за ощущение себя щепкой, плывущей в причудливой спокойной реке. Ненавидел — из-за коротких моментов внутреннего бунта, когда сознание начинало протестовать по поводу картинок, живущих лишь во снах и в Приливах, когда одновременно хочется и плотно зажмурить глаза и держать их открытыми, пытаясь найти смысл всем метаморфозам. Ведь в Приливе всегда так — устойчивое ощущение, будто вот-вот картинка станет чёткой и откроется невероятное таинство мироздания. Но это только ощущение, только обман, иллюзия. Визуально-графическое отображение сложных волновых процессов, происходящих в искривленном пространстве, — как это называется на языке научников. Калейдоскоп. Бешеная пляска. Временная смерть. Кривые зеркала. Зазеркалье. Туннель вечности... Как только попавшие в Прилив его ни называли...

Коротко тинькнул индикатор перезагрузки навигационных систем, тёмный космос с единственно-яркой точкой Лахо проступил на обзорном экране, — будто ушла пелена, — и «Трайд» вышел из Прилива в квадрате пять-тридцать. В Восьмом Гроте.

Дальше надеяться на визуальное ориентирование не было смысла, ведь хаотичную игру фигур в клубящемся тумане Прилива сменила чернильная темень. Шкип запустил грависканер и общие системы локирования, уверенно втискивая «Трайд» в слоёный пирог местного астероидного поля.

— Рейни, сволочь ты порядочная! Куда ты подевался? — запросил Шкип на открытой волне.

Но ему никто не ответил.

Глава 2
РУКОПАШНЫЙ ДЕНЬ. ЮБИЛЕЙ КАК ПРИКРЫТИЕ

Тост — это не только короткая речь с предложением за кого-то или за что-то выпить за праздничным столом. Не только поджаренный или подсушенный ломтик хлеба. Это и кое-что другое...

Такого грандиозного события, что должно было случиться завтра, экипаж и рабочая команда Тяжёлой Орбитальной Станции Терраформирования «Аллеган» не мог припомнить с момента закладки станции на юпитерианской верфи. Кстати, завтра должно было хватить любых тостов, и тех, что на тарелке, и тех, что — вслух. Решение было объявлено во время завтрака, как раз перед отправлением рабочей смены на поверхность Меггидо.

Сумрачный мир, лежащий в тридцати восьми тысячах километров под палубами станции, в этот день не казался уже унылым нагромождением горных цепей, которые через два-три поколения колонистов должны обратиться совершенно другим ландшафтом.

Стандартная технология терраформирования, то есть максимальной подгонки выбранного объекта под привычные земные условия, состоит из нескольких стадий.

После проведения георазведки, когда становится ясно — пригодна ли для преобразования планета, на орбиту выводится ТОСТ — с численностью рабочего персонала до пяти тысяч человек и собственным парком горных машин и специального оборудования. Первой задачей, первой стадией является расчистка площадки под посадочный причал, то есть создание практически идеально ровной поверхности площадью от пятисот до тысячи квадратных километров, в зависимости от сложности изначального ландшафта и прочих планетарных условий. Затем на причальной площадке выстраиваются грузовые терминалы и жилые блоки, а ТОСТ, к тому времени уже освобождённый от оборудования, которое доставлено на поверхность, превращается во внешний причал. В итоге получается уменьшенная копия действующего на Земле Лунного Причала. Теперь орбитальная станция может принимать корабли с грузом и колонистами, которые отправляются с орбиты на поверхность. Такая пара — внешний причал — посадочная площадка — остаётся стабильной неопределённо долгое время, пока на поверхности планеты полным ходом продолжается терраформирование. Это уже вторая стадия.

Затем идут третья и четвёртая — запуск гидроцикла и воссоздание почвы, с одновременным изменением качеств атмосферы.

Постепенно количество колонистов увеличивается, возводится сначала первый Город-Купол, затем второй... Как будто из тонкого робкого ростка пробиваются листья. Но первыми спорами цивилизации, теми зёрнами, из которых должны взойти ростки, являются именно Орбитальные Станции Терраформирования. ТОСТы проекта «Аппалачи» — для планет с гористым ландшафтом, проекта «Прерия» — для преобразования равнинных планет. Также юпитерианские верфи Солнечной создают станции проекта «Аква», ну, понятно, для преобразования какого мира, и отдельно — некоторые специальные станции для особых условий.

Орбитальная станция «Аллеган», проекта «Аппалачи», находилась на орбите Меггидо уже восемь лет, и её персонал практически закончил подготовку причальной площадки на поверхности. Но неожиданный праздник было решено устроить вовсе не по этому поводу. Всё-таки оставался ещё год-полтора до окончательного завершения первой стадии, и грузовые терминалы, а также энергетическая установка для запуска лифтов сообщения с орбитой пока ещё не были возведены. Только несколько больших ангаров для техники и две вспомогательные энергостанции. Да и постоянный жилой модуль на Меггидо пока что принимал лишь треть персонала «Аллегана», остальным приходилось находиться на орбите, в ожидании смены.

Тем не менее повод для празднования нашёлся. Смешной повод. Ради которого никогда ещё не сводили ни одну станцию терраформирования с орбиты и не сажали её на поверхность. Персонал, пребывающий на Меггидо, спешно эвакуировал горнопроходческую технику, освобождая место для посадки «Аллегана» рядом с причальной площадью. Всё-таки это не шутка — прибытие на поверхность огромной махины «Аллегана»!

— Три дня, и всё — за счёт корпорации? Да ну? — не могли поверить бывалые террастроители.

— Сами ведь слышали! Трансляция по внутрикорабельной сети повторялась несколько раз, плюс уведомления на персональные коммуникаторы, на каждой палубе и в любой каюте — везде об одном и том же. Какой же это розыгрыш? — восторженно убеждали другие.

Когда к «Аллегану» стали швартоваться многочисленные мобильные комплексы поддержки, станции орбитальной георазведки — не все, но большинство из них, — стало понятно, объявление о трехдневном празднике в честь юбилея какой-то там шишки из

корпорации «Стар-Квест» — корпорации, ведущей работы на Мегидо, — это не шутка и не розыгрыш.

— Как хоть зовут нашего благодетеля? Трайстар? Тристар? А, чёрт, какая разница!

И только очень немногие знали имя того могучего человека, ради которого вершилось невероятное — три дня безудержной оргии за счёт корпорации! — но с этими немногими происходило вообще что-то странное...

— Знаком ли я с директором Трайстером? Конечно! Я возглавляю отдел менеджмента на «Аллегане» и по службе приходится...

— Идите за мной, — офицеру службы внутренней безопасности Доминанты «Поларис» вполне хватило услышанного от менеджера.

— Но я не могу вот так просто... Разумеется, я подчинюсь, только вначале нужно поставить в известность...

— Командор «Аллегана» и шеф промышленной группы станции уже уведомлены.

Недоумевая, к чему такая спешка, а главное, — чем она вызвана, — ведь офицер не представил никаких объяснений, — старший менеджер пожал плечами и шагнул из каюты в коридор, где его тут же окружило четверо верзил в форме СВБ. Подобный эскорт больше походил на конвой, отчего менеджер занервничал.

— По какому праву и за что? Что всё это означает?

— Успокойтесь, — лицо офицера выглядело бледным, хотя глаза выражали какую-то тревогу, но ничего опасного в этом взгляде не было. — Вам абсолютно ничего не угрожает, даже не пытайтесь что-то фантазировать. Сейчас вас сопроводят к командору, он всё и разъяснит. Надеюсь на ваше благоразумие.

Менеджеру действительно оставалось лишь подчиниться.

— Единственный вопрос, — уже вдогон, повысив голос, спросил офицер. — Кто ещё из вашего отдела знаком с Трайстером? Либо встречался, либо просто может что-то знать о нём?

Окружённый охраной, менеджер удивлённо вскинул брови. Ничего себе вопросики!

— Вы же понимаете, точно ответить не смогу, у меня в подчинении восемнадцать человек, и каждый из них теоретически мог бы... Хотя нет, навряд ли. Директор — слишком обособленная фигура, замкнутый образ жизни, высокая должность, член семьи хайменов... Разве что мой заместитель,.. Он точно пару раз встречался с Трайстером — мы вместе вылетали по служебным вопросам, и...

— Спасибо, — офицер снова оборвал менеджера, а после бросил что-то неразборчивое в наплечный коммуникатор, и в коридоре,

словно из ниоткуда, возникла ещё одна четвёрка громил СВБ. — А где найти вашего помощника?

— Его рабочая каюта... — менеджер указал номер палубы и офиса, после чего направился вместе с сопровождающими к лифту.

А офицер с новой четвёркой прошёл к другому лифту, который доставил его к только что названной палубе...

Точно так же обстояли дела на Меггидо, куда ушёл скутер без опознавательных знаков, и люди, выдававшие себя за инспекторов корпорации, имевшие для такой должности слишком прямую осанку и властный взгляд, принялись искать тех, кто так или иначе соприкасался с директором Трайстером — виновником готовящегося торжества.

Конечно, это всё не могло остаться незамеченным, — когда и на орбите и на поверхности Меггидо происходят одинаковые вещи.

Либо эсвебеушники, либо загадочные инспекторы, в которых невозможно было не распознать тех же эсвебеушников или полицейских, подходили к некоторым служащим «Аллегана» и после короткого разговора уводили с собой. Позже всё было разъяснено, и напряжение спало, как только стало известно, что лица, которые знакомы с юбиляром, должны будут озаботиться подарком и праздничной речью, только-то и всего! В результате — ещё несколько человек самостоятельно обратились к командору станции, утверждая, что знакомы с директором Трайстером. Скорее всего, такая сознательность объяснялась весьма просто. Среди персонала поползли слухи, будто бы для поздравлений группу представителей с «Аллегана» отправят в Солнечную.

Но не всем эти слухи казались правдоподобными. И кое-кто успел даже разузнать о Трайстере много интересного, хотя прежде ни сном ни духом не догадывался, что где-то в Солнечной есть такой человек, занимающий пост директора отдела — один из сотен! — огромной корпорации, ведающей терраформированием для Доминанты «Поларис».

Сейчас этот «кое-кто» находился в пятнадцати тысячах километров от «Аллегана», на борту модуля орбитальной поддержки «Хулиган», и вёл собственные изыскания...

— Эй, компьютерное дитя, что ты там колдуешь? — пилот модуля насмешливо наблюдал, как Мартин, оператор бортовых систем, набирает на клавиатуре быстрые комбинации, высунув язык и прикусив его, что для Мартина всегда означало впадение в возбуждённое состояние и охоту за очередной сенсацией.

— Март! Я к тебе обращаюсь! Оторвись на секунду и посмотри, — кроме нас двоих в модуле — никого, и мне не с кем тут больше разговаривать... Так что ты делаешь? Завязывай, нам пора стартовать к станции.

— Не мешай, неудачник, ты никогда не интересовался, что происходит вокруг тебя на самом деле, поэтому и будешь до конца жизни ползать на этой брюхатой кастрюле, и навряд ли станешь пилотом корабля-исследователя...

— Я просто не тороплюсь. Мне и здесь неплохо платят. Кстати, ты тоже пока не стал навигатором большого корабля, так что эта кастрюля изумительно подходит нам обоим!

Пилот с нежностью погладил панель управления, где уже горел вызов с «Аллегана», и добавил:

— Между прочим, «Хулиган» — замечательный кораблик, и уж лучше здесь, чем в какой-нибудь затхлой заднице, ковырять глыбы...

Такие весёлые перебранки происходили на «Хулигане» постоянно. А так как весь экипаж модуля поддержки состоял всего из двух человек, пилот даже помыслить себе не мог, что было бы, окажись его оператором какой-нибудь угрюмый молчун. Хотя угрюмый напарник — это одна крайность, а вот Мартин, склонный к авантюрам, явно представлял собой крайность другую.

— Всё, Март, прекращай своё хакерство! Не знаю, какая муха тебя укусила, но только если попадёшься и на этот раз — чтобы потом не клянчил десяток кредитов до получки. Мало тебе одного штрафа с предупреждением?

— Не попадусь, Рой, не переживай... Вот только скажи, ты когда-нибудь слышал, чтобы из-за какого-то своего служащего, пусть даже большой шишки, корпорация прекращала на три дня работы?

— Не слышал, — согласился пилот, — ну и что? Всегда что-то происходит впервые. Глядишь, такие праздники станут хорошей традицией. Чего ты мучаешься?

— Не мучаюсь — сомневаюсь. А когда есть повод для сомнений, то... Кстати, почему нельзя было устроить праздник прямо на орбите? Обязательно, что ли, нарушать все традиции и снимать «Аллеган» с орбиты? Сажать его на поверхность? Ты представляешь, какой это расход энергии? И сколько потом потребуется квазеров для взлёта?

— Значит, на поверхности праздновать удобней. Вот, даже транспорт с девочками пригнали, а в жилых модулях на Мегидо

есть где уединиться... Представляю, как сейчас там, внизу, шустро все кинулись заниматься обустройством...

— Ага, транспорт с девчонками! И ты туда же, а вроде бы — умный человек. Или я зря тебя считал за умного?

— Да что тебе не нравится в конце-то концов? Вырублю сейчас бортовые системы, будешь знать, как...

— Стоп! — Мартин перепугался не на шутку, поверив этой угрозе. — Подожди ещё пару минут, и тогда... и тогда...

— Ну, и что тогда? Расскажешь мне, сколько дамочек на транспорте и всем ли достанется? Я и без тебя догадываюсь, что не всем... Или опять — считаешь, сколько мегакредитов утянули планировщики корпорации, списав на естественную убыль? Да ты сумасшедший, Мартин! Твоё место не в отряде терраформирования, а в музее, изображать блюстителя нравственности! Вечно тебе неспокойно живётся. Плюнь на всё и будь как все! Так дольше проживёшь...

— Идущий вперёд теряет покой, стоящий на месте теряет себя... — пробормотал Мартин, а после подскочил от возбуждения. — Ага! Вот оно! Три минуты, Рой! Я взломал базу данных кадрового отдела «Стар-Квеста» и сейчас...

— Что-о? — Глаза у Роя округлились от изумления, смешанного с неподдельным страхом. — Ты взломал компьютер корпорации? Да ты знаешь... За такие штучки тебя упекут на рудники, это же преступление! Отправят в колонию на Светоч! Бессрочно! На всю оставшуюся... И меня с тобой вместе... За компанию и отсутствие бдительности...

Но тут оператор модуля победно вскинул руки, издав радостный вопль:

— Бинго! — а после вскочил, высвобождаясь из захватов-компенсаторов кресла. — Не бойся, Рой, ничего нам не сделается! У меня новая программа-ломалка, так что...

— Иди ты к чёрту со всякими ломалками! Голову они тебе поломают, и больше ничего! Я отключаюсь...

Рой был полон решимости прекратить глупости оператора, а вот на лице Мартина расплылась довольная улыбка, после чего пилот с ужасом обнаружил, что он не может управлять ни одной системой модуля.

— Ты что? Отключил управление?

— Это чтобы всё не испортить, — с самым невинным видом пояснил оператор. — Орбита стабильная, модулю сейчас ничего не угрожает, к тому же — через две минуты всё образуется, и я буду точно знать...

— Что — знать? Март, ты свихнулся! Ты чокнулся на своих хакерских штучках! А если — метеоритная атака? А если прямо сейчас со станции потребуют, чтобы мы, чтобы мы... — пилот не нашёл чего придумать, и только крепко зажмурил глаза, сморщившись, будто сжевал лимон. — Ну и придурок ты, Март! Всё наоборот — это я считал тебя умным... А ты оказался придурком...

— Называй меня как хочешь... Кстати, ты уже успокоился? Тогда слушай, — Март подошёл к пилоту, опуская успокаивающим жестом руки на его плечи. — Какие там девочки на транспорте и к кому прилетели — я не знаю. Но вот охрана у них — более чем внушительная. Два вооружённых патрульных корабля полиции и два тяжёлых крейсера Военно-космических сил Солнечной...

Рой вздрогнул, услышав такую новость.

— Откуда ты...

— Пустяки, — как о чём-то несущественном сообщил Мартин. — По дороге пришлось вскрыть компьютер навигационного поста корпорации «Ла Коронилья», отвечающего за движение в этом секторе. Кстати, вся кавалькада находится по ту сторону Прилива, но нет никаких сомнений, как только они получат команду, тут же явятся к Мегтидо...

Пилот закрыл лицо руками. Теперь ещё и взломанный компьютер «Ла Коронильи». Рудники, Светоч, подземные галереи до скончания жизни...

— Как ты думаешь, Рой, — невозмутимо продолжил оператор, — военные и полицейские — они тоже будут праздновать тут какое-то торжество? Или просто прилетели воспользоваться дармовой выпивкой и девочками? Это раз! — Пилот хотел что-то возразить, но Мартин ему не позволил: — Теперь два... Жилые модули на посадочной площадке смогут комфортно вместить не более полутора тысяч человек. Ну, там, с мобильными куполами пусть будет две — две с половиной тысячи. Куда деваться остальным? Загнать пять тысяч человек в жилые модули — да там не протолкнуться будет! Я ведь не зря спрашивал — почему не на орбите такой спектакль? Зачем сажать «Аллеган»?

— Для ощущения общего праздника, — всё-таки вставил реплику Рой, — Доминанта любит устраивать такие штучки — корпоративный отдых, корпоративные вечеринки, мы — одна семья и всё такое прочее. Именно так было в Солнечной, когда я только-только учился управлению миниджетами. В общем, ты меня не убедил.

— Хорошо, летим дальше. Я связался со своим знакомым, он оператор связи на Мегтидо. Так вот там, на поверхности, одновременно

с подготовкой к мифическому празднику, полным ходом готовятся ещё к чему-то... Все горнопроходческие машины и остальная тяжёлая техника заполнены до отказа. В пакгаузе — лотки с лазерными резаками, периметр посадочной площадки, где проводились работы, утыкан отслеживающей аппаратурой. Это ещё зачем? А ещё — убрали куда-то всех, знавших хоть что-то о Трайстере, в честь которого... ну, ты понял. Якобы они полетят его поздравить в Солнечную, такая вот сказка. Хотя я и далёк от всяких политесов, но почему-то кажется мне, что на патрульных кораблях СВБ с поздравлениями не летают, а наш курьер-авизо, что как раз подошёл бы, уже три дня как не может почему-то вернуться, — его отправили на юпитерианские верфи. Зато вместо него — патрульные корабли — целых шесть штук! Плюс полиция, плюс... Снова не убедил?

— Не убедил. Ты видел хоть раз, что такое бригада в готовальню пьяных террастроителей? Двадцать пять наших молодцев, которых послали принимать новое оборудование, вместо ознакомлений со спецификациями знакомились с некоторыми тёплыми местечками, и разнесли вдребезги одно из заведений. Все патрульные города не могли их утихомирить. А ведь тут готовится кое-что похлеще! Будь спок, ребята отгуляют по максимуму! Когда ещё такое счастье выпадет?

— Правильно! Вот и спрашивается — зачем устраивать такую оргию? Это же глупо! Три дня праздника, плюс ещё пару дней, пока в себя придут, плюс «Аллегану» нужно будет взобраться на орбиту, выбрать позицию... Сколько там его орбиту нивелировали? День? Два? Иначе энергетические направляющие под орбитальные лифты выйдут нерасчётными...

— Это и потом можно сделать, не завтра и даже не в этом году лифты запустят, — больше автоматически возразил Рой, начиная понимать — что-то такое в словах бортоператора есть... И что большое количество отмеченных Мартином странностей в происходящем — неспроста.

Но потом пилот прогнал всякие тоскливые мысли.

— Слушай, Март, то, что ты рассказал — это необычно, я соглашусь. Но мало ли чего кому-то могло взбрести в голову? Военные корабли у Прилива... Учения, например, проверка новых звездолётов. Полицейские — на всякий случай, может, кроме девчонок какая-то важная персона ожидается. Да хотя бы сам... Ну, этот, как его? Хаймен-юбиляр. И поздравят его прямо здесь, на Меггидо, покажут, в порядке развлечения, кучу игрушек — проходческие машины, террастроителей с лазерными резаками... Для полноты картинки — «Аллеган» сбоку площадки изображает небольшую

гору. Может быть, директор любит именно такие штучки — типа парада. От «Аллегана» не убудет. Ну, сядет. Ну, взлетит потом. Хайменам ещё не такая блажь в голову прийти может. Особенно — в честь юбилея. Сколько ему стукнуло? Если круглая дата, то и отмечать с размахом. Всё логично. Ты много фантазируешь, Март, от этого все твои несчастья. А вот зачем тебе понадобилось взламывать компьютер корпорации? Что ты там хотел найти?

— Уже нашёл! — объявил Мартин, вернувшись к своему пульту. — Можешь, кстати, сам посмотреть... Поудивляться...

Чертыхаясь очередной странности бортоператора, с которым пилота связывала долгая дружба, Рой высвободился из зажимов-креплений навигаторского кресла и шагнул к Мартину.

— Ну?

Но тот молча ткнул пальцем в экран:

— Смотри!

На экране, в фас и в профиль, красовался какой-то мужчина. Рядом пробегали столбцы информации. Рой прочёл имя. Трайстер. Директор седьмого отдела снабжения и планирования, корпорация «Стар-Квест». Ясно. Март точно сошёл с ума. Пилот уже собирался заявить об этом, но что-то его остановило. Дата рождения! Она тоже была указана в электронной анкете. Дата...

— Вот-вот, — перехватив взгляд Роя, Март усмехнулся. — Я почему-то так и подумал с самого начала, что вся эта затея — сплошное надувательство. Решил проверить. Как видишь, странный какой-то юбиляр нам достался, Рой. Для маразмов ему ещё рановато, страдает ли директор и его окружение склерозом — не знаю, но только праздновать день рождения спустя четыре с половиной месяца после того, как оно действительно состоялось, — мягко говоря, неправильно, ты не находишь? Да и дата не круглая...

— Ого! А что же тогда это может означать?

— Не знаю, — Мартин покинул базу данных корпорации и теперь колдовал над клавиатурой, уничтожая следы проникновения. — Но точно не самое лучшее для нас.

— Нужно потребовать объяснений! Нужно предупредить остальных! Нужно...

— Помалкивать для начала нужно и попытаться побольше разузнать, Рой, поэтому давай причаливай к «Аллегану». Никому ни слова. Откроешь рот — тут же тебя и загребут, к «поздравляющим». Служба Внутренней Безопасности наверняка их изолировала именно потому, что кто-то мог знать дату и день рождения вот этого директора. Кстати, думается мне, прицепили его, как причину,

наобум. Наверное, сильно торопились, не смогли придумать ничего получше. Да и вообще — всё как-то быстро, в спешке... Группа — на поверхность, всем миниджетам — к станции, машины заправить... Что-то готовится, Рой. Но вот — что? Не уверен, что то, о чём мы разузнаем, сможет нам понравиться...

— Да, тот ещё праздник готовится... Может быть — бунт назревал? Мы днями болтаемся над Мегтидо, что творится внизу — не знаем... Какие-нибудь заговорщики...

— О чём ты, Рой? Какие заговорщики? Против кого бунтовать? Против снабженцев, что кормят нас не так, как в самых лучших ресторанах Солнечной? Бред! Тут что-то другое... И звездолёты ВКС... Они-то зачем?

— Тогда, может быть — эксперимент? Социологи нет-нет да и выдумывают дурацкие программы...

— Не до экспериментов. На Мегтидо полно работы, график еле-еле вытягиваем...Нет, Рой. Двигай к станции, на месте разберёмся. Только найди, пожалуй, какой-нибудь предлог, чтобы «Хулигана» не загоняли в середину швартовой обоймы, становись с краю, сразу заправь энергоприёмник...

— Ага! — Рой почувствовал, как дрожат руки, когда он взялся за джойстики управления. Несильно — но дрожат. Последний раз такую дрожь он испытывал лет шесть назад, когда впервые самостоятельно вывел модуль поддержки в полёт. Ну, может быть, подобная дрожь ещё случалась пару раз — когда модуль накрывало метеоритным потоком...

— Башня! Это «Хулиган»... У меня что-то с правым стабилизатором, разрешите стать последним в обойме? Понял, подожду...

Обернувшись к оператору, пилот кивнул.

— Сейчас пропустим «Меченого» с «Крохой», и будем с краю. Что дальше, Март? Может быть, лучше вообще не швартоваться? Причину я найду...

— Пока не нужно, до завтра есть целый день, уйма времени, посмотрим, что удастся разузнать, потом решим... Ты лучше вот для чего причину найди, Рой, — выдумай что-то, чтобы заранее получить двойной запас квазеров. Сможешь?

— Постараюсь. Ты, как всегда, толкаешь меня на враньё...

— Не я толкаю. Обстоятельства. И это никакое не враньё, а мера предосторожности...

Через час все миниджеты орбитальной поддержки закончили процедуру швартовки. Как и было задумано, «Хулиган» причалил

с краю одной из посадочных обойм, и в случае чего мог стартовать без позволения Башни — поста причальной службы.

Рой сразу побежал к знакомому технику, договариваться насчёт двойной нормы гравиквазеров — для двойной заправки, а Мартин, глубоко засадив руки в карманы комбинезона, ушёл в какое-то одному ему известное место «на разведку», как он это назвал. Насвистывая популярную мелодию из «Джагеров» и отчаянно при этом фальшивя, он шагнул в лифт, отправляющийся на жилые палубы.

К вечеру, когда ожидание и связанное с ним возбуждение достигли апогея, по корабельной связи прозвучало обращение командора. Он говорил, что им всем выпала невероятная удача. Расхваливал корпорацию, решившую устроить такой праздник честным трудягам космоса, пожелал экипажу и персоналу хорошо выспаться, чтобы наутро, со свежими силами... При этом командор трижды упомянул про некий сюрприз, явно намекая на транспорт, застывший на низкой орбите, отчего в кубриках раздались радостные вопли. А потом диск местного светила ушёл за край Меггидо, освещение на палубе и в переходах станции было приглушено, и люди, изнурённые вахтой, но вместе с тем — взбудораженные предстоящим событием, начали расползаться по каютам. Вместе с освещением утих и смех, лишь кое-где слышался громкий разговор. Постепенно всё притихло в ожидании завтрашнего утра. Палубы опустели, бодрствовать до утра оставались только дежурные посты — в центральной рубке, в энергетическом блоке, на радарном мостике. Так, по крайней мере, могло показаться на первый взгляд.

Мартин, которому хватило благоразумия вначале осмотреться, приметил, что коридоры вовсе не пустуют. У каждого лифта со скучающим видом прогуливались по двое служащих сил внутренней безопасности. Они останавливали тех немногих, кто проходил мимо и о чём-то с ними говорили. Ничего такого, просто пара вопросов, после которых терраформер мог идти куда угодно, налево или направо. Но только не к лифту.

Значит, перемещения с палубы на палубу закрыто, и всем, кто не успел до наступления полночи по бортовому времени станции добраться до своей каюты, предлагают направиться в общие кубрики, имеющиеся почти на каждой палубе. Теперь уже такие места на станции казались архаизмом, проектировщики добавили их в контуры станции на случай приёма колонистов — если у тех вдруг

по каким-то причинам не получится сразу отправиться на поверхность, или же для карантина, связанного с адаптацией к особым условиям на терраформируемой планете. Но после того, как была введена специализация для каждого ТОСТа, а значит — будущие колонисты чётко знали, в каких условиях им придётся начать существование на новой планете, — надобность в этих предосторожностях и лишних кубриках с ячейками для гипносна отпала. Теперь, как слышал Мартин, такие малоудобные кубрики использовались в станциях-модулях отрядов космической рудодобычи. Это потому, что добытчикам часто приходится сменять локации разработок, и состав их постоянно меняется, и три четверти объёма их Центральных Модулей занимают промышленные установки... Плюс — непрерывная работа в несколько смен... Плюс слишком большое напряжение сил — далеко не каждый решался пойти в добытчики, отсюда — бараки, принудительный сон, ячейки вместо нормальных гравикоек пусть в маленьких, но индивидуальных каютах. В общем, звёздная каторга... Правда, заработки у добытчиков — на порядок выше, чем в отрядах терраформирования, зато и риск и отсутствие комфорта... Каждому своё. Ещё одним пережитком эпохи начала колонизации других планет являлась именно вот эта принудиловка — никакого перемещения по станции после полуночи. Но такое правило давно забыто! Тем более — бортовое время — это одно, а время на поверхности, где террастроителям приходится чаще вгрызаться в глубь планеты, и их окружает ночь туннельных сводов, — это другое. Зря кто-то пытается сейчас возродить старые порядки, решил Мартин, очень зря. Не все с восторгом примут эти запреты. Чуть позже мысли оператора модуля орбитальной поддержки нашли подтверждение, а пока он стоял в укромной нише, образованной двумя элементами конструкции, тянущимися параллельно через несколько палуб.

В руке Мартин держал небольшой кейс, со множеством всяких интересных штучек. Если бы его заметили и решили поинтересоваться содержимым кейса, скорее всего, затея могла провалиться, и он никуда бы не дошёл и ничего бы не разузнал. Поэтому Мартин нервно теребил ручку кейса, ощущая, как уходят минуты, и как туже и туже затягивается петля на шеях всего персонала «Аллегана». Что-то замышлялось. Но что? А главное — зачем? Власть очень редко вмешивалась в дела таких вот далёких орбитальных станций. Здесь же вмешательство было слишком очевидным, чтобы речь шла о какой-то мелочи или о неожиданно проснувшемся рвении служак из СВБ. Они, плюс полицейские патрули, плюс военные

звездолёты, ожидающие — чего? — по ту сторону Прилива... Такие мысли навевали тревогу.

Чуть раньше, не выходя из своей каюты, Мартин успел с помощью удалённого доступа снова попасть в информаторий и знал, что к прежним двум военным крейсерам Солнечной добавилось ещё шесть. Итого — восемь боевых звездолётов. Не отставали и патрульные, они тоже наращивали силы. Теперь у них было двенадцать кораблей, собравшихся в этом секторе или готовящихся сюда пройти через Прилив: патрульные станции с ангарами под скутеры, корабли-перехватчики, пара специальных звездолётов с усиленной броневой защитой, которые использовались в силовых операциях против контрабандистов и наркоторговцев «Сиреневой картели», всё ещё промышлявших в Солнечной своим тёмным бизнесом, не всегда угодным Доминантам... Значит, традиционные распри между полицией и военными на время забыты. Но ради чего им нужно объединять усилия? Неужели действительно — «Сиреневая картель»? Какая-то особо опасная контрабанда? Новый синтетический наркотик, произведённый в таких уголках, куда не дотягиваются даже рудодобытчики... Или — происки конкурирующей Доминанты, решившей заслать на «Аллеган» некий подарок — взрывное устройство, биологический вирус, да мало ли что происходит в постоянно ведущейся конкурентной борьбе! Хотя вряд ли. Все разборки между Доминантами — это их внутреннее дело, ни полиция, прикормленная Доминантами, ни ВКС, подчиняющиеся Глобальному Совету Солнечной, в такие дела не вмешиваются, иначе тут бы было два набора полицейских кораблей...

Всем террастроителям свойственно быть «кухонными», или как это сейчас называлось, «палубными» политиками, и разнообразить свой быт промыванием косточек всем подряд Доминантам. Ну, может быть, за исключением той, куда входит корпорация, производящая террастроительство.

Тайна обжигала мозг, а кейс жёг руку, — так не терпелось Мартину пустить в дело кое-что из своего набора. Как же попасть в лифт? Как отвлечь эсвебеушников?

Между палубами, помимо лифтов, существовали и технические переходы. Но Мартин уже убедился — их тоже надзирали служаки СВБ. А всего-то ему нужно было попасть на три палубы вверх! Сейчас они казались далёкой звёздной локацией, Прилив к которой заблокирован.

Помог случай.

У этого случая даже оказалось имя!

Гризли — так называли на «Аллегане» самого огромного терраформирователя. Самого огромного — именно то и означало, что Гризли по своим росто-весовым показателям превосходил любого другого человека со станции, а значит — в этой пространственной локации. Год назад кому-то от нечего делать взбрело в голову заняться статистикой. Так вычислили, что среди прочих именно Гризли является самым-самым здоровяком в окрестностях Мегидо. А самому молодому строителю станции оказалось четырнадцать лет. Парень успел набрать грехов и скрывался от каких-то там проблем с патрулём, воспользовавшись услугами хакеров, он вскрыл свою электронную метрику и заменил данные в идентификаторе. Но командор «Аллегана» оказался великодушен — обманщика, непонятно как просочившегося через фильтры корпорации по найму служащих, так и не отправили в Солнечную. Парнишку прозвали Колобком, в честь какого-то вымершего животного, которое в незапамятные времена способно было уйти от преследования большинства хищников, обитавших на Земле... А Гризли... Собственно, это прозвище и приклеилось-то к нему после того, как стало ясно, кто на станции всех сильнее, всех огромней и... Нет, самым умным на «Аллегане», после результатов тестирования, был признан начальник навигаторской группы, а Мартин оказался третьим, потому что умышленно завалил парочку заданий на проверку индекса интеллекта. Зачем ему, простому оператору модуля орбитальной поддержки, выпячивать свои достоинства?

Гризли тоже не блистал должностью, работая в группе подпочвенного бурения. Человек на своём месте, сказал о нём как-то Мартин, когда узнал, что Гризли в одиночку способен перетащить и насадить на рабочий вал проходческой машины секцию тяжёлого бура, с которым обычно едва справлялось трое-четверо строителей. На вопрос — зачем он это делает? — ведь, чтобы не мучиться, существуют грузовые гравиплатформы? — силач и здоровяк ответил в обычной своей манере.

— Ну... Это... Так быстрее!

Сейчас он, в компании ещё двух своих товарищей, выплыл из-за поворота коридора, направляясь к лифту с явным намерением податься на другую палубу. Два и две десятые метра роста, сто семьдесят восемь килограмм. Наивные эсвебеушники попытались остановить троицу разговорами, но именно к разговорам Гризли был традиционно малочувствителен.

— Приказ командора... — начал один из охранников, придавая голосу уверенность, которую на самом деле он вовсе не ощущал.

— Это что за рожи? — удивился Гризли, для которого станция была вторым родным домом. А в своём доме, как известно, не очень-то жалуют всяких посторонних.

— У нас приказ... — обречённым эхом повторился другой охранник.

— А у нас — вот! — Гризли продемонстрировал металлическую флягу, какие обычно носят на поясе террастроители и в которой не всегда плещется вода. — Угощаю!

Он отстегнул флягу и сунул под нос ближайшему эсвебеушнику.

При всей своей монументальности Гризли обладал щедростью и простодушием ребёнка, о чём знали все, кто был с ним знаком. И можно было не сомневаться, что он действительно готов поделиться содержимым своей фляги даже с теми, кто пытался ему препятствовать. А вот охранники расценили такой жест как угрожающий. И занервничали ещё больше.

— Отойдите от лифта! Приказ командора! И я...

— Сам отойди! Приказа не слышал, а тебя я не знаю! — оборвал Гризли, продолжая движение к лифту, и добавил, то ли удивлённо, то ли обиженно: — Не нравится наше угощение, и не надо, больше останется.

— Но... Служба внутренней безопасности... Обязаны подчиниться... — доносилось до Марта, который не мог скрыть улыбки, наблюдая всю эту сцену.

— Потом, потом, отвалите, ребята, — отрезал Гризли, вклиниваясь между охранниками, не сбавляя шаг, отчего они чуть не повалились в разные стороны, как кегли.

Один из эсвебеушников начал что-то говорить в наплечный коммуникатор, видимо, сразу оценив шансы остановить этот ходячий каток как нулевые. Второй оказался менее догадлив или же слишком самонадеян, вытаскивая из футляра-кобуры полицейский электрошокер. Скорее всего, его ввели в заблуждение огромные размеры строителя, из-за которых он казался менее поворотливым, чем был на самом деле. Гризли уже коснулся сенсора вызова лифта, и хотя шедшие вместе с ним двое строителей явно стушевались перед аббревиатурой СВБ, увидев, что дело принимает неприятный оборот, он громыхнул хохотом, а после, заметив движение охранника, обнажившего шокер, сказал: «Эт-то ты... зря». В промежутке между словами он успел лёгким толчком отправить охранника в короткий полёт к дальней стене. Раздался звук, будто мокрым мешком ударили по пластиковым панелям. Вслед за этим охранник

издал ещё один звук — что-то среднее между «ой» и «эх», и сполз по стеночке на пол. Шокер вывалился у него из рук, издав третий звук — короткий костяной стук, будто поставил точку в произошедшей сцене.

Другой охранник, побледнев, всё-таки набрался решимости, встав между строителями и дверью лифта. Сейчас им наверняка двигала не столько храбрость, сколько беспокойство за свою дальнейшую карьеру. Мартин улыбнулся ещё шире, в предвкушении замысловатой траектории полёта второго охранника. Но тут створки лифта раскрылись, и оттуда высыпало сразу восемь громил, вызванные на подмогу, с резиновыми дубинками наготове. Они тут же пустили их в ход. Но это всё только раззадорило Гризли, и даже его двое знакомцев-строителей, видимо понимая, что назад пути нет, и что один чёрт, виноваты будут все, не остались в стороне, поудобней перехватывая ремешки, к которым крепились фляги... О любви террастроителей к цепным псам из СВБ можно слагать песни! И началась самая настоящая свалка, перемежаемая короткими тычками Гризли, после которых раздавался вопль очередного несчастного, вылетавшего, как из пращи, из этой общей кучи.

Поняв, что это его шанс, Мартин покинул укрытие. Прошмыгнув мимо великолепного клубка тел, а также взлетающих и опускающихся дубинок и булькающих фляг, Мартин попал в лифт, прихватив по дороге удачно подвернувшийся жетон одного из выбывших из игры охранников.

Затем, придав лицу заранее тревожное выражение и зажав жетон в ладони, Мартин отправил лифт на восьмую палубу, где находился пост диспетчера станции. Как он и предполагал, едва лифт остановился и двери раскрылись, из коридора на него глянуло два охранника. Не давая им времени одуматься, Мартин выставил жетон перед собой и выкрикнул:

— Наших бьют! На четвёртой палубе!

При этом ему даже не пришлось врать — кто такие «наши» каждый понимал по-своему. Охранники, видимо, уже осведомлённые по коммуникатору, что на четвёртой палубе что-то происходит, с фанатичным блеском в глазах шагнули в лифт, а Мартин, наоборот, в последнюю секунду вышел из лифта.

— Я — на пост!

И снова никакой лжи. Просто — ведь посты бывают разные. Охранники отправились пополнять собой список побед Гризли, к тому времени вошедшего в раж и швырявших направо и налево

всех, кто попадал под руку. У лифта на четвёртой палубе собралось теперь не меньше двадцати охранников, да и к терраструителям прибыла подмога, человек шесть, так что было кому попадаться под руку Гризли, стоявшему, словно башня среди всей этой неразберихи. А Мартин, переведя дыхание, через пару минут уже входил в диспетчерскую «Аллегана». В принципе, сам по себе этот пост — дежурного администратора, как ещё называли палубного диспетчера — был таким же, как и резервные кубрики, атавизмом, доставшимся в наследство от первых моделей станций терраформирования. Махина «Аллегана» достигала в длину почти километра. Основой станции являлся сильно вытянутый усечённый треугольник — каркас, в котором размещались гравитационные расщепители, технические ангары, служебные посты. Снаружи этот основной корпус буквально обвит эллипсами палуб. В горизонтальном положении «Аллеган» напоминал бы, скорее, не космическую станцию-звездолёт, а мегахаус в полсотни этажей, сужающийся от основания к верхушке. Между витками палуб из основного корпуса выходили гигантские пилоны-приёмники, словно лапы гигантского паука. На пилонах были вынесены причальные площадки-обоймы для модулей орбитальной поддержки, транспортов «орбита-поверхность», и прочих малоразмерных и среднеразмерных кораблей, участвующих в осуществлении «Аллеганом» его основной миссии по преобразованию планеты. Но инженерные машины, вспомогательные джеты и прочее оборудование были далеко не главной составляющей «Аллегана». Экипаж, рабочие группы, отряд пилотов — все, кто находился на борту станции, несомненно, являлись той силой, что изменяла Мегтидо, заставляя планету преобразиться, став ещё одной колонией человеческой цивилизации. В отличие от механизмов и вычислительных комплексов, людям свойственно постоянно занимать своё свободное время, хотя распорядок позволял иметь его не так уж много. Тем не менее «Аллеган» жил, будто городской квартал, наполненный людьми, их жизнью, их отношениями. Почему-то раньше считали, будто такие двойственные условия существования — замкнутые переходы и коридоры жилых палуб, пусть даже с имеющимися здесь центрами развлечений, минимагазинами, палубными кафе, саунами и прочим — с одной стороны, и — работа на поверхности пока ещё враждебной к человеку планеты — с другой, — эти условия обязательно должны привести к нестабильности массы человеческого персонала на борту. Когда человеком было открыто явление Звёздных Приливов и извечная мечта о звёздах стала близкой реальностью, астропсихологи, ещё

на заре становления исследовательского флота и первых станций терраформирования вывели теорию неизбежных преобразований психики человека. Состояний, близких к депрессивной рассеянности, когда человек не вполне адекватно сможет контролировать собственные действия. Эта страшилка имела действие на первых колонистов, но потом количество эксцессов на борту, связанных с человеческим фактором, неуклонно уменьшалось. Это как полёты на самолётах — когда-то они считались невероятно опасными, а людей, управлявших крылатыми машинами, считали героями. И очень не сразу стали возможны пассажирские рейсы с помощью нового транспорта, совсем не сразу поток пассажиров увеличился настолько, что можно было выпускать промышленные серии пассажирских лайнеров. Потом точно такая же история повторилась с лайнерами, летающими среди звёзд, и первые космические пассажиры становились известны всей Солнечной... Наверное, это великолепное свойство человека — возможность адаптироваться к новшествам, а главное — стремиться к достижению этих новшеств! И постепенно-постепенно функции контролёра состояния дел на жилых палубах сменились функцией администратора, который способен в любую минуту по запросу обитателя станции дать информацию о расписании работы проходческих групп, о местонахождении других обитателей. В этом «Аллеган» обрёл схожесть с огромным гостиничным комплексом для пяти тысяч человек.

— А, хакер Март! Здравствуй, рад видеть! Но ты ведь знаешь, что тебе нельзя здесь находиться?

Дежурным, как раньше успел выяснить Мартин, был его старый должник, по имени Руперт, едва не угодивший в колонию за вторжение в частную жизнь, как это могло быть сформулировано в протоколе.

На самом деле, где-то полгода назад, Руперт так увлёкся наблюдением за событиями в женском секторе станции, что прозевал сигнал аппаратуры, свидетельствующий, что его засекли. Если бы не Мартин, в то время находящийся рядом, торчать Руперту на какой-нибудь из Тёмных планет ближайшие пару лет за свою тягу к прекрасному, возникшую скорее от невероятной скуки, охватывавшей администратора, чем из его порочности. Но Мартин успел, — и понять, каким именно образом был перехвачен «взгляд» Руперта, и стереть цифровую запись увиденного, и деактивировать несколько камер наблюдения, запуск которых был возможен только в особых ситуациях и только по решению командора станции. Когда

четвёрка взбешённых фурий из группы внутренней безопасности «Аллегана» ворвалась в диспетчерскую, никаких следов, указывающих на тайные делишки Руперта, уже не осталось.

— Знаю, Руп. Когда-то это не было препятствием для нашего общения...

Мартин знал о том, что люди, которым оказываешь помощь или неоценимые услуги, редко когда оказываются благодарны, предпочитая поскорее забыть о любых моральных обязательствах, поэтому и не надеялся на быстрое согласие администратора помочь кое в чём. Поэтому он продемонстрировал диспетчеру цифровой чип в прозрачном футляре-капсуле.

— А вот знаешь ли ты, — он сделал ударение на слове «ты», отчего Руперт вздрогнул, — что это такое?

— Нет, не...

— Здесь все твои шалости. Увлекательное кино из жизни принимающих душ и занимающихся прочими делами дамочек из обслуживающего персонала. Давно хотел тебе сказать, что тогда я успел сделать резервную копию, да всё не представлялось случая...

Рупер, поднявшийся навстречу Мартину, сузил глаза и плюхнулся обратно в кресло.

— Сволочь ты, Март. А я считал тебя другом...

— Правильно считал. Не был бы другом, давно отнёс бы командору станции. А вот — решил тебе подарить. Зачем хранить такие вещи, правда?

Руперт сглотнул и, преодолевая отвращение к Мартину, к себе, ко всей этой неприятной ситуации, спросил:

— Что ты хочешь взамен?

— О, сущую ерунду! Мелочь...

— Ну? Не тяни!

— Хочу посмотреть, что прямо сейчас происходит у командора. Говорят, у него в каюте какие-то важные гости...

Глаза Руперта из просто круглых превратились в невероятно огромные.

— С ума сошёл? Это же... это же...

Он и с третьей, и с четвёртой попытки не смог найти подходящее слово, но Мартин держался спокойно, отчего происходящее казалось Руперту словно нереальным, происходящим не с ним.

— Надо, Руп. Кстати, если ты решил назвать меня сумасшедшим — не стесняйся! Сегодня меня уже так называли. Как выяснилось — очень даже ошибочно.

— Сумасшедший ты или нет, мне плевать. Но то, о чём ты просишь — невозможно! В командорской каюте нет ни единой камеры слежения! С чего ты взял, что я всемогущ?

— А как же постоянный контроль со стороны Доминанты? Он был бы неполным, если нельзя отследить, что творится у командора.

Руперт смотрел на Мартина едва ли не с ненавистью, решая — сказать? Не сказать? Но видеочип в руках бортового оператора модуля убеждал сделать первое.

— Они не отслеживают. Это привилегии всех командоров больших станций. Доминанты их не контролируют хотя бы потому, что не было случаев, чтобы такой пост доверили случайному человеку. Контроль лояльности, знаешь ли, дотошная процедура... Но! — заметив, как презрительно сощурился Март, диспетчер поспешил с разъяснениями: — Посмотреть — нельзя. Я не обманываю. Но можно прослушать. А потом тебя выкинут без скафандра в открытый космос, Март, и скажут, что так и нужно. А я не стану печалиться.

— Это как получится, — философски заявил Мартин. — Но только надо, Руп. Очень надо. Причём — сделать это так, чтобы никто не догадался, что я достоин отправки в космос. Сделаешь?

Он снова повертел в пальцах футляр с видеочипом. А Руперт раздумывал — не лучше ли ему прямо сейчас врубить запись тех речей, что вёл Март, а после повиниться перед командором? Одно дело — фрагменты жизни каких-то девах из женской секции, совсем другое — измена корпоративным интересам. Если, не дай бог, не что похуже — измена интересам Доминанты! В криминальном уложении — всего лишь расплывчатая формулировка: «на усмотрение официальных представителей Доминанты...». Без ограничения меры наказания!

Руперт уже потянулся незаметно к потайной кнопке, но Мартин, будто прочитав его мысли, неожиданно сменил тактику.

— Руп! Ты думаешь, — вот, прямо сейчас думаешь, что я негодяй и, возможно, предаю интересы Доминанты. Но это не так! Нет, Руп, не я кого-то предаю, а кто-то решил предать всех нас. Вот только пока я не догадываюсь — кто и зачем? Ради чего? Время уходит, Руп, я просто не успею тебе всего объяснить. Сделай это, и сам поймёшь, что я прав. И... извини за видеочип. Я собирался отдать, когда закончится твой контракт. В память о нашем славном космическом доме, чтобы было что вспомнить и посмеяться... А сейчас всё очень похоже на то, что ни твой, ни мой, вообще, ничей контракт здесь, на «Аллегане» — никогда не закончится. И смеяться станет

некому. Пока всё, что я понял — над нами собираются поставить какой-то эксперимент... Сделай, что я прошу, Руп! И если вдруг обнаружишь, что я ошибся, или обманываю — можешь сдать меня командору, или патрульным, или СВБ, — видишь, как много у нас сегодня гостей?

Мартин замолчал. Молчал и Руперт. Внутри у дежурного администратора сейчас шла тяжёлая борьба. Он не смог вспомнить ни единого случая или слуха, который бы как-то очернил Мартина. До сих пор никто не сказал про оператора ни одного плохого слова.

— Но... Откуда такая уверенность? В чём ты подозреваешь и — кого? Март, если нас засекут, чуда больше не случится. Когда-то ты спас меня. А кто теперь спасёт нас обоих?

— Ты. Если сможешь прослушать разговоры в командорской каюте так, чтобы нас не засекли, — простодушно ответил Мартин.

— Весёлое дело! Допустим, у них там важный и секретный разговор, на котором присутствуют и патрульные, и ублюдки из СВБ, и военные. Но раз так, то наверняка используются средства защиты и обнаружения утечки информации. Хотя...

— Ну? Ты же умница, Руперт. Ты же можешь что-то придумать. Точно можешь! Не бывает такой защиты, которую невозможно обойти! К тому же — как ты сказал? Военные? — Мартин сразу вспомнил о концентрации боевых звездолётов ВКС по ту сторону Прилива. — И как, по-твоему? Что они делают у нас на «Аллегане»? Тоже ждут дармовой выпивки и развлечений? Решили поучаствовать в возведении грузовых терминалов?

Ему пришлось использовать те же аргументы, что и для Роя, пилота «Хулигана». Как ни странно, сейчас они подействовали и на диспетчера. Хороший аргумент — всегда хороший аргумент!

— Знаешь, — осторожно начал Руперт, — ты прав. Защита от прослушивания неидеальна, но я давно уже кое-что придумал...

— Поделишься секретом?

— Э, да что тут такого? Сам бы мог додуматься, видно, тебе и впрямь приспичило, и временем ты не располагаешь, даже чтобы шевельнуть парой извилин... В общем, всё просто. Вот, смотри, — любые приказы командора, любые его действия — так или иначе могут повлиять на судьбу «Аллегана», так? Каюта командора в исключительных случаях может служить запасной рубкой управления. Там имеется мини-блок, дублирующий основные системы руководства станцией. А это значит, что «чёрный ящик» ведёт автоматическую запись всего, что происходит не только на капитанском

мостике, но и в каюте командора. Иначе, если со станцией что-то случится, как потом узнать — что и как происходило? Какие приказы отдавал командор? — Руперт победно взглянул на Мартина, во взгляде диспетчера так и читалось: «Ну, что? Уел я тебя, хакер?»

Но только почему-то ответный взгляд не содержал ни тени восторга или зависти к чужой догадке о том, как сложное сделать простым. Да и простым ли?

— Вот только... — как-то сник и заёрзал диспетчер.

— Что, Руп?

— Я не смогу расшифровать все записи «чёрного ящика»... Нужен специальный компьютер, специальная приставка-фильтр с программой для взлома кодов и считывания именно нужной информации, а не всего потока, который постоянно идёт в «чёрный ящик»...

— А если бы я достал такую приставку и такой компьютер?

— Тогда другое дело! Потому что я знаю, какая шина передаёт в «чёрный ящик» информацию из диспетчерской. Всё-таки здесь — целый потоковый узел, куда приходят данные со станции. Со всех уголков, даже самых укромных... Я надеюсь, ты действительно вернёшь мне видеочип?

— Верну, верну, не сомневайся, где эта шина?

— Шина? Она не имеет нумерации, и... сейчас... — Руперт принялся что-то бормотать о серверных блоках и сетевых коммутаторах, а потом встрепенулся. — Постой-ка! Ты сказал — если достанешь приставку, программу-дешифратор и специальный компьютерный комплекс. Но это ведь — гипотетически? Да? Или...

— Вот он, — Март распахнул кейс, вынимая из него плоский, как лист бумаги, дешифровальный модуль, который вставил затем в разъём спецкомпьютера, каким пользуются наладчики полётных компьютеров и который в экстренных случаях может служить для считывания и обработки информации «чёрных ящиков» и прочих устройств с мультипараметрической записью.

— Так ты... Ты знал с самого начала?

— Извини, Руп. Мне тоже пришла в голову идея насчёт «чёрного ящика». Только не расстраивайся, пожалуйста, ведь идеи носятся в воздухе, верно? Мне даже не нужно было шевелить извилинами — до нас с тобой такой метод использовали тысячу раз. По крайней мере, я видел дважды... Информация постоянно уходит в «чёрный ящик». Если получить к нему доступ, можно сделать то, что мы сейчас и собираемся делать. Всё гениальное — просто! — А потом, без всякого перехода: — Ты нашёл свою шину?

— Кажется... Да, можешь запускать свою адскую машинку, надеюсь, тебе удастся совместить обратную связь с работой в прямом потоке?

— Я тоже на это надеюсь...

Какое-то время экран отображал непрерывный бег странных знаков машинного языка — компьютер Мартина перехватил поток информации. Затем бортоператор подключил фильтр и программу-дешифратор. Через несколько минут им удалось сделать то, о чём просил Март. Перехватить запись разговоров, что велись в каюте командора.

Мартина не пугало, что разговор продолжался уже длительное время и, вполне возможно, что они попали на самое его окончание. Ведь всё, что прозвучало в каюте командора до их подключения, можно было вытащить из «чёрного ящика» и прослушать позже. Но даже этого не потребовалось. Через пять минут Руперт был готов простить Мартину всё на свете — и шантаж, и явное преступление, на которое ему пришлось пойти. Потому что услышанное не просто поразило — буквально пригвоздило диспетчера к месту. Он подумал: «Вот, именно о таких вещах и говорят: лучше бы мне этого никогда не знать...»

Глава 3
ПЕРВЫЕ ИСКРЫ. НЕСТАНДАРТ

— Рейни! Третья группа! — Шкип записал обращение, и бортовая аппаратура транслировала его во всех доступных диапазонах, — Включить маяки! Ответьте караванному! Рейни! Третья группа! — и так по кругу.

Прошло больше часа, как Шкип упрямо нырял и нырял в тёмные потоки глыб, в нагромождение астероидов, некоторые из них в десятки раз превосходили корабль добытчика. В душе пилота всё острее и острее проступало ощущение какой-то беды. Не одноразового жуткого совпадения обстоятельств, которые могли разом вычеркнуть из списка звена пять «Трайдов» вместе с людьми. Такое как раз случалось. Хоть редко, но — случалось. Нет, ощущалось нечто большее, время будто растянулось и пошло ступать тяжкими шагами, отмеряя приближение каких-то гнетущих событий, и снова сосало под ложечкой, и проснулись дремлющие ранее инстинкты,

словно мозг научился принимать сигналы из будущего и из прошлого. Тревожащий нервы звук в эфире, а после пропажа связи с третьим отрядом. Они оказались как-то связаны, два происшествия, Шкип не сомневался в этом. Покинуть локацию добытчики, конечно же, могли — с момента последнего сеанса связи с третьим отрядом до момента, когда связи не стало, прошло пятнадцать минут. Время, достаточное, чтобы войти в Прилив.

Пятнадцать минут, плюс затраченное Шкипом на последний разговор с командором круизёра, — за это время третий отряд должен был уже выйти из приливной точки. Шкипу не пришлось бы забираться сюда, в квадрат пять-тридцать. Но они не появились. Значит?

Ничего это не значит! Потому что есть второй вариант — группа вошла в Прилив, допустим, чуть позже... А ещё где-то рядом — варианты третий, и четвёртый, и двадцать четвёртый... И ни черта не ясно. Зачем скрытность? Что могло помешать Рейни отправить сообщение основной группе о том, что третий отряд возвращается в Листопадный Зал? Ведь больше из квадрата пять-тридцать никуда и не попадёшь. Потому что в пять-тридцать имеется только одна приливная точка, движение вне Прилива обязательно было бы отмечено сканерами «Селены»...

Ещё вариант — они ушли, пусть на предельной скорости, не пользуясь Приливом. Устроили серфинг по краю астероидного поля. Но... Где собирались финишировать? Куда отсюда можно отправиться, если не в Листопадный Зал? Пять-тридцать, или, как окрестили добытчики — Восьмой Грот, — это своеобразный аппендикс, тупик, окруженный пустым пространством. До ближайшей иной локации, наполненной хоть какими-то космическими объектами, не говоря уже о наличии других людей — несколько светолет. И опять — зачем им это потребовалось?

Нельзя было исключить и версию одновременной гибели всех пяти звездолётов. Самую ужасную версию, самую натянутую на кучу допущений и бесконечных «если» и «вдруг», но — единственно способную что-то пояснить. Но тогда — где же остатки кораблей? Почему не сработали системы принудительной эвакуации? Почему не включились автономные аварийные маяки? Вопросы, вопросы, вопросы. Без ответов. Пугающая неопределённость.

Неожиданно пискнул бортовой поисковый сканер. Коротко, пока ещё неуверенно. Есть! Засёк! И после — пошло сплошной морзянкой: «тиу-та, тиу-та, тиу-та...» Шкип положил «Трайд»

чуть влево, огибая очередную глыбу, потом вправо, становясь на прежний курс. Сейчас он шёл на небольшой скорости, не свыше одной тысячной от световой. За спиной глухо ворчал центральный реактор — расщепитель квазеров, будто бы недовольный, что делает такую великую работу, а выходит, что старается из-за пустяка, всего лишь из-за одной тысячной от световой!

— Это тоже входит в методы проверки готовности корабля? — подал голос и Компаньон.

— Нет! — Шкип вздрогнул, настолько неожиданным оказалось включение полётного компьютера, настолько напряжены были его нервы. — А ты чего проснулся? Молчал бы себе и дальше...

— Компьютеры во время полёта не спят! — назидательно выдал Компаньон, снова обретая менторский тон.

— Спасибо, что проинформировал! А я-то не знал... Это поисковая операция, контрольный облёт. Мы ищем пять пропавших кораблей... И, кажется, уже нашли...

Сканер больше не сомневался. Морзянка сменилась постоянным сигналом: «ти-и-и...». На экране навигации показалось пять компактных залежей металла. Потому что сканер работал сейчас в режиме аналогового металлодетектора. Теоретически это действительно могло оказаться пять точечных выходов металлосодержащей руды к поверхности астероида. Но Шкип понял, почувствовал, вздрогнул — это они! Пять пропавших «Трайдов»! Третий отряд его звена.

Цифра совпадала, как совпадали и другие признаки — все ближайшие астероиды не являлись рудосодержащими, иначе сканер, настроенный на максимальную чувствительность, верещал бы без умолку, а экран оказался забит пометками о перспективных для разработки астероидах. Сканер «Ресерч-8000», установленный на корабле Шкипа, обладал просто бульдожьей хваткой в отыскании и идентификации подобных промышленных объектов.

Снова — манёвр влево, манёвр вправо, ещё парочка глыб-гигантов, которые едва не растёрли в пыль пролетавший между ними корабль. И — вот... Вот оно!

На обратной стороне массивного астероида эллипсоидальной формы что-то отсвечивало матово-серым. Отсвет был слаб и мелькнул буквально на мгновение, но теперь поисковый сканер, задействовавший абсолютно все пригодные к помощи системы корабля, в том числе — оптику, немедленно врубил курсовой прожектор и буквально воткнул луч света в одну из каменных складок на поверхности астероида. Там, в небольшом ущелье, глубиной

до пятидесяти метров, виднелись три одинаковые груды чего-то светло-серого. Именно эта окраска так часто встречается в самых отдалённых локациях... На корпусах кораблей рудодобычи!

Шкип перешёл на дрейфующий полёт, погасив скорость, приближаясь к астероиду. Поисковая система выдала на экран увеличенную картинку — одна из трёх груд с серым отблеском. Ближе, ещё ближе, ещё... И Шкип, несмотря на всякие предчувствия до конца надеявшийся на лучший исход, с ужасом и содроганием прочёл: «Малышка, жди...». И рядом — бортовой один-восемь-четыре...

Малышка, жди меня! Восемьдесят четвёртый! «Трайд» Рейни. Корабль старшины третьего отряда. Бывший корабль бывшего старшины бывшего третьего отряда... Мысли заметались в поисках ответа на вопрос — что могло произойти со всеми кораблями отряда? Причём — произойти одновременно, ведь они не успели задействовать ни одну из аварийных систем. Никто из них!

Какой-то одинокий обломок кружил вблизи, как парящий лист, попав в завихрения ПГ-движка «Трайда», но Шкипу сейчас было не до опознания трупа по фрагментам.

Три металлические груды во впадине этого астероида, и ещё две — почти в таком же каньоне соседнего астероида. Ещё Шкип обратил внимание на странную форму астероида, расположенного напротив. Но обратил внимание быстро, мельком, не придавая такой мелочи никакого значения. Верхушка глыбы, там, где ей полагалось бы изображать закруглённое окончание эллипса, была снесена, будто срезана. Шкип успел повидать всякого — и несколько глыб подряд в форме скачущих лошадей с развевающимися гривами, и правильные пирамиды с разноцветно окрашенными верхушками, и даже человеческие лица, будто бы высеченные на поверхности каменных обломков...

Зато сейчас на такую неправильность обратил внимание Компаньон. Но сделал это не с позиции опыта — откуда у него собственный опыт? — а с позиции обобщенных данных, полученных многими системами «Трайда».

— Нерентабельное использование лазерного бура на сверхпредельной мощности! Добытчики подчинённой группы использовали лазерные...

— Заткнись! — оборвал его пилот. — Их нет больше! Ты понимаешь? Их больше нет, они мертвы!

— Нерентабельное использование произошло до утраты биологической активности! — тут же отреагировал, внося поправку, Компаньон.

Шкип с удовольствием разбил бы сейчас блок полётного компьютера. Вдребезги. Потому что слова «нерентабельно» и «смерть» отстоят слишком далеко, чтобы их использовать в одной такой чудовищной фразе. Однако формально Компаньон был прав. Когда «Трайд» Шкипа почти коснулся нижними пилонами двигателей каменного гребня у самой вершины астероида, пилот тоже заметил, — точнее, вторично оглядел астероид, и дал оценку увиденному, такую же, как минутой раньше Компаньон.

Верхушка отсутствовала, потому что была срезана. Срезана подчистую, срезана лазером, из-за чего образовалась идеально плоская округлая площадка, достигавшая в диаметре трёхсот-четырехсот метров. Это при том, что стандартная промышленная установка «Крот», которой комплектовались «Трайды» добытчиков, даже при самом мощном импульсе на породе такой плотности вряд ли могла преодолеть более двух сотен метров. «Кротам» здесь потребовалась бы серия ударов, которые неизбежно сделали бы площадку неровной, со следами наложения и рубцами, оставшимися вместо отхваченной породы. Очередное тяжкое размышление, очередной повод почувствовать, как натянуты нервы. Пять разбитых в хлам «Трайдов», и где-то там, посреди груды металлопластика застыло пятеро погибших товарищей. Плюс этот странный след — чисто снесённая верхушка астероида. Плюс странный звук в эфире. Плюс то, что группа не успела подать сигнал бедствия... Сплошные плюсы, прибавляющие и прибавляющие напряжения.

— Монки, Крег! Это караванный! — наконец-то размыкая пересохшие губы, вызывал Шкип. — У нас чрезвычайная ситуация! Срочно оповестите Большую Маму! Чрезвычайная! Монки, Крег! Мы потеряли группу Рейни. Они мертвы! Погибли... Монки, Крег!

Шкип выходил в эфир по даль-связи. Но вместо ожидаемого «ае, караванный!» ответом была тишина.

— Монки! — почти кричал Шкип. — Крег! Ответьте караванному! Да что же это такое... Компаньон! Что у нас со связью?

— У нас всё в порядке. Сигнал уходит. Даль-связь активирована...

— Тогда какого чёрта!

Непонятно, кому было адресовано восклицание, то ли Компаньону, то ли добытчикам звена, и что мог добавить Шкип. Потому что в следующую секунду в эфире прозвучала та самая мерзость — тянущийся звук, словно ножом по стеклу, и многоголосие шорохов. Теперь каждый полутон, каждая составляющая странного сигнала

звучала отчётливей. Сам сигнал длился две-три секунды, вряд ли больше, но этого хватило, чтобы Шкип содрогнулся, ощутив состояние, близкое к панике. Ему захотелось немедленно стартовать отсюда через Прилив в Листопадный Зал. Туда, к остальным добытчикам, к застывшему, зафиксированному в пространстве Центральному Модулю, где спят в узких ячейках добытчики другой вахты и где пока ещё не знают, что исчезла даль-связь, и что пятеро пилотов уже не вернутся к Модулю, чтобы поменяться местами с теми, пока ещё спящими, а пять «Трайдов» никогда больше не встанут к причальному пирсу... И что неизвестный сигнал на самом деле никакой не отголосок пульсации звезды Лахо, а самый настоящий предвестник несчастья.

А он появился вновь! Предвестник несчастья прозвучал в третий раз. Только теперь звучание длилось целых десять секунд, десять нестерпимо долгих секунд, кажущихся пыткой.

— Расшифровка сигнала невозможна! — доложился Компаньон. — Но очевидно сходство с действием поискового сканера... Наблюдаются схожие фрагменты и композиция сигнала... Если бы я был человеком, то назвал бы свои наблюдения интуицией. Но моя база данных не позволяет...

— Заткнись! — наверное, теперь это стало любимым приказом-обращением Шкипа к своему Компаньону. — Тихо!

Он не боялся приступов клаустрофобии, — на этот счёт среди добытчиков самый строгий отбор, — но вот сейчас, после десяти секунд скрежета и потустороннего шепота, напоминающего какие-то непривычные сочетания «ащщь...ощщь...», Шкипу стало очень и очень неуютно посреди движущихся бесшумно тёмных глыб.

— Выходим из сектора! Стартуем в Листопадный Зал, — зачем-то пояснил он свои намерения Компаньону. — Срочно! Несколько голографий места гибели четвёртой группы!

— Слайды готовы, — почти тут же отозвался Компаньон, будто ему передалась тревога пилота.

Затем Шкип принялся маневрировать, выбираясь из каменного сада, состоящего из концентрических кругов: первый слой астероидного поля — крупные глыбы, второй — астероиды чуть помельче, третий...

Когда «Трайд» проходил третий слой, эфир вновь заполнился скрежетом и противным шёпотом.

— Ащщь... ощщь... ащщь...

Но ещё более неожиданно прозвучало предупреждение Компаньона.

— Два корабля! Тип не идентифицируется. Сигнал нестандартный. На запрос не ответили. Предположительно — исследователи другой Доминанты...

Последнее предположение выглядело совсем уж удивительной новостью. Два исследователя другой Доминанты? Зачем? Почему — исследователи? Это же освоенный район! Ну, пусть даже так, тогда почему сразу два? Исследователь — слишком дорогостоящий корабль, чтобы без необходимости гонять его по всяким рудным районам. И — откуда они? А, чёрт! Не отвечают на запросы...

В голове промелькнул короткий сценарий про то, что где-то здесь, среди этого маленького отдалённого филиала Листопадного Зала, вращается астероид с друзой гравиквазеров. Такая находка, достанься она звену Шкипа, обеспечила бы всех добытчиков звена на всю оставшуюся жизнь, даже если делить вознаграждение по обычному правилу — треть вознаграждения караванному, треть — обнаружившему, треть — остальным. Хватило бы всем... Но главное — обнаружение друзы, то есть большого соцветия кристаллов гравиквазеров, существенно увеличило бы промышленную мощь Доминанты. Шутка ли — возможность заправки целого флота больших звездолётов! И тогда баланс сил вполне мог быть нарушен. Увеличившая свой энергетический потенциал Доминанта вполне могла отхватить солидный кусок у любой из остальных четырёх Доминант-конкурентов. Для достижения подобной цели даже два исследователя — мало. По идее, ради такой добычи можно было направить отряд вооружённых звездолётов, которые нашли бы предлог провести зачистку сектора от любых конкурентов. Вот только — вначале кто-то из отряда разведки «Стар-Квеста» должен был обнаружить такую друзу, оставить маркер и продать секрет другому хозяину. Зачем делиться? Самый ценный товар в косморазведке — информация. Тот, кто владеет информацией — владеет миром. Не это ли самое и произошло? И пять ребят не успели отправить никакого сигнала просто потому, что их убийцы подошли вплотную, ведь нахождение в секторе не запрещено никому, только разработка — для добытчиков, работающих в «Стар-Квесте», корпорации, входящей в промышленную группу корпораций Доминанты «Амга-Заале». Тогда — боевой лазер какого-нибудь крейсерского корабля вполне мог снести одним махом не только верхушку астероида, но и вообще разрезать его напополам! А все эти таинственные сигналы — просто для отвода глаз. Или для подавления эфира. Даль-связи-то нет!

— Неопознанные корабли движутся к нам. Скорость — две и две стотысячные от световой...

Ага! Ну, как же — незнакомый район! Боятся, сволочи!

— Выбросить радиобуй с информацией — атакован силами другой Доминанты! Запустить плазменные обтекатели...

Компаньон, как показалось Шкипу, даже поперхнулся от удивления.

— Использование плазменных обтекателей допускается лишь на околосветовых скоростях! А информация, которую я должен оставить на радиобуе, не соответствует действительности до уточнения...

— Выполняй! — рявкнул Шкип, активируя оптические фильтры рубки и опуская забрало шлема.

Руки его снова вздрогнули. Не сильно. Чуть-чуть. Но это была иная дрожь. Такой он не испытывал давно. Разве что в юношестве, перед дракой.

— Если информация не подтвердится — деактивируешь его, и дело с концом. А плазменные обтекатели ввести в ждущий режим.

Ждущий — означало, что сейчас передняя часть корабля покроется налётом плазмы, отведённой от движка «Трайда», и, в случае, если он увеличит скорость, управляемое плазменное облако сыграет роль щита против пыли и мелких осколков, находящихся за последним слоем астероидов.

— Исполняю... — совсем вяло отозвался Компаньон.

Для него сегодня случился день разочарования в инструкциях. Наверное, компьютеры тоже умеют взрослеть. Особенно — если снабжены логико-аналитической функцией.

За кормой «Трайда» мелькнул яркий метеор — радиобуй, размером с кулак, отправился в свой единственный полёт, ради которого был создан. Теперь с этим маленьким маяком могло произойти одно из двух: бесконечно долгое кружение в секторе, пока какой-нибудь корабль «Стар-Квеста» не засечёт знакомый сигнал и не выйдет к радиобую по пеленгу; либо — короткий импульс с борта запустившего его «Трайда», с командой о деактивации. На обзорном экране уже плясали невесомые сполохи плазмы, как ослепительные щупальца странной медузы.

— Сейчас проверим, к чему такие встречи! — Шкип увеличил скорость до тысячной от световой.

Мелкие астероиды он обходил, направляясь поперёк курса неустановленных кораблей, а прочий космический мусор был уже

не страшен — частично уничтожаемый, частично расталкиваемый активной плазмой.

— Неизвестные корабли — в оптике! — уведомил Компаньон, выводя на экран картинку.

— Что... Звёздная срань, что это? — изумился Шкип.

Не идентифицируются — это очень неверное определение, явно не подходящее увиденному. Странные конструкции и не могли быть идентифицированы, поскольку не являлись ни одним из известных Шкипу кораблей. Толстые диски, сверху и понизу которых выступали конусообразные рубки, чья поверхность казалась ребристой, будто набранной из множества пластин.

Но не внешняя форма больше всего поразила Шкипа. Инверсионный след. Он казался каким-то растрёпанным. Прямоточные ПГ-движки не оставляли такого следа. Не могли оставлять. Не умели... Да и траектории движения странных кораблей были странными, особыми. Каждый из них, словно запущенная по плоской поверхности юла-волчок, двигался не по прямой, а виляя из стороны в сторону, выписывая мелкую синусоиду.

— Запись всего, что сейчас будет происходить!

— Запись запущена, но согласно инструкции, при встрече с неизвестными объектами следует...

Компаньон так и не успел напомнить, что там нужно делать при встрече с неизвестными объектами, потому что дальше произошло сразу два события.

Прямо с края одного из дисков сорвался тонкий луч, одновременно с этим «Трайд» Шкипа совершил короткий бросок вперёд, будто перебежав от астероида к астероиду. Там, где только что находился добытчик, разлетелась в пыль ничего так порядочных размеров глыба.

— Ты видел? Ты видел? — заорал в возбуждении Шкип, сам не понимая, что заставило его кинуться с места, какое-то шестое чувство, что присуще любому добытчику и что не раз выручало Шкипа в сложной навигационной обстановке.

Компаньон для Шкипа внезапно стал чуть ближе, почти человеком, нуждающимся в спасении. Тем самым утопающим, что цепляется за волосы спасателя.

— ...необходимо сразу же запустить «Голубя»! — почти торжествующе выдал концовку фразы Компаньон и добавил: — Кстати, уже выполнено.

«Вот дурак», — подумал Шкип.

Теперь ему стало понятно, что за обломок со смутно знакомым рисунком кружил там, над местом гибели третьей группы. Это

традиция. Это была старая наивная традиция. Каждый корабль, работающий во Внеземелье, оснащался отстреливаемым пакетом с информацией о Солнечной и её обитателях. С какой-то там музыкой, слайдами с голофото земных пейзажей, математическими формулами, основными теоремами геометрии, типа «Пифагоровы штаны во все стороны равны»! И прочей чепухой, на случай встречи с другим разумом.

Они тоже запустили своих «Голубей», а взамен оказались распятыми на нитях боевых лазеров. Скорее всего — вот этих самых неизвестных кораблей. Теперь Компаньон Шкипа делал точно такую же глупость!

— Нас атаковали! Передай в эфир — в секторе пять-тридцать добытчик атакован инопланетными звездолётами! Должен ведь кто-нибудь услышать!

С этими словами Шкип вновь выдал ускорение на движок и инстинктивно, вопреки логике, заставил «Трайд» описать короткую петлю, прыгнул обратно — туда, где ещё отсвечивала малиновыми точками пыль уничтоженного астероида. Долей секунды позже в такие же малиновые точки превратилась и вторая глыба — та, у которой он только что находился.

Корабли-диски, с ребристыми надстройками, кружа и виляя, продолжали идти на сближение, не увеличивая скорости. Их боевая пляска ещё не закончилась.

Шкип понял — это только цветочки, они ведут пристрелку, и мощность их лазерных установок намного превышает стандартную противометеоритную защиту «Трайда». А ягодки он соберёт потом, когда враг поймёт, что ему нет необходимости осторожничать, а можно просто подойти вплотную и разрезать корабль Шкипа парой лазерных импульсов. Тут же, и очень не вовремя, всплыла недавно виденная картина — три груды, перемешка металла, пластика, электронных приборов... О том, что ещё находилось там, думать не хотелось.

— Значит, так, жестянка, — дрожь сменилась странным сосредоточением. — Ты видел, во что превратились корабли группы Рейни? Ты хочешь присоединить к ним и наш «Трайд»?

— Сохранение груза и корабля является одной из важнейших... — начал выдачу очередной порции бесполезной информации Компаньон, но Шкип его оборвал:

— Тогда не мешай мне! Всё, что я буду сейчас делать, — именно ради сохранения корабля, ещё себя, любимого, и тебя тоже, жестянка. Это понятно?

В тот же миг и снова каким-то шестым чувством Шкип угадал — нужно прыгать!

Короткое ускорение, и «Трайд» рывком выписал странный пируэт, за который любого пилота на аттестации лишили бы допуска к управлению. Но это была не аттестация. Шкип понял, что его спасение — в импровизации. Не имея абсолютно никакого плана действия, он пытался найти хотя бы временные решения, реагируя на каждый ход чужаков. Выходя на вираж, Шкип стремился как можно скорей выбрать такие несколько глыб, за которыми можно укрыться хотя бы на время. За кормой трижды ударили лазеры, и, кажется, они всё-таки умудрились задеть «Трайд»!

Теперь корабль вело чуть влево. Немного, но достаточно, чтобы в самое ближайшее время не вписаться в траекторию обхода и влететь в первую попавшуюся глыбу. Повреждён один из разгонных движков, понял Шкип. Так же он понял и другое... Какими же высокими должны быть характеристики боевых установок на тех кораблях, если вот так — с приличной дистанции, в локации, заполненной каменной окрошкой, они способны попасть в одиночную движущуюся цель! Насколько знал Шкип — а он успел узнать немало за свою жизнь! — вряд ли даже звездолёты военно-космических сил — любимой игрушки Глобального Совета Солнечной — обладают подобными возможностями!

— Ага! Вот оно! — Шкип увидел группу из шести астероидов, каждый внушительных размеров, расположены почти в шахматном порядке.

Пространство между астероидами было свободно, и Шкип приготовился бросить «Трайд» на форсаже в очередной прыжок.

— Баланс тяги выправлен. Потеря в скорости — два процента! — бальзамом на душу пролилось сообщение Компаньона, который тут же и стёр положительное мнение пилота. — Включить музыку?

— Лучше выключить. Ту, что играют они, — Шкип кивнул в сторону чужаков, которые вот-вот должны были продраться сквозь облако мелких камней.

— Вы встревожены... Давление и пульс...

В наушниках заплескалась расслабляющая, очень даже не к месту спокойная мелодия. Конец света, подумал Шкип, мой бортовой компьютер ещё и психотерапевт, хорошо ещё, он не предлагает обсудить моё состояние! Вот, чёрт! Он же не имеет в своём кибермозге никаких фантазий на тему инопланетной угрозы! А из таких мелодий получаются отличные похоронки...

Между тем Шкип медлил со сменой позиции. Ему показалось ужасно важным поглядеть, как чужаки станут преодолевать препятствие. Ведь их корабли не имели плазменных обтекателей, и всё же уверенно шли напролом. Пока не воткнулись в облако.

Дальше всё было просто и буднично — будто столкновение на скорости тридцать километров в секунду с такой вот каменной завесой — пустяк! Будто её просто раздвинули невидимой пятернёй, прокладывающей дорогу.

— Гравитация! — догадался Шкип. — Эти корабли-волчки имеют совсем другую схему двигателя. Похоже, отталкивание происходит во все стороны, иначе — зачем утолщённый диск и странная траектория?

— Всё происходящее фиксируется? Освободи память для того, что сейчас происходит. Никаких стандартных фотометрий, ничего, что относится к рудодобыче — только передвижения и действия неопознанных кораблей, понятно? И каждые двадцать секунд выбрасывай мини-пакет с видеочипом.

— Количество мини-пакетов ограничено, прошу уточнить необходимость такого расхода...

Ну, как объяснишь машине, которая даже не догадывается, что такое смерть, вероятность её приближения?

— Каждые сорок секунд, — придумал компромисс Шкип, уже примериваясь — какая глыба из выбранных шести первой послужит защитой.

Наконец, он определился с этим, готовясь к прыжку, и...

Все шесть астероидов превратились в тусклые раскрывшиеся цветы, разрываясь на мелкие-мелкие лепестки.

— Что это было? — изумился пилот.

— Шесть объектов, потенциально пригодных для разработки, разрушены шестью малоразмерными неидентифицируемыми устройствами, — поделился данными Компаньон.

Вот так. Ещё и какие-то малоразмерные устройства... Теперь ситуация становилась во сто крат хуже. Помимо боевых лазеров у них оказались ракеты, намного мощнее ракет ВКС, запуск которых Шкип видел во время прохождения краткосрочных военных сборов. Может быть, тогда, во время стажировки в управлении истребителем «Молния» ему и показалось, что ракеты истребителя обладают высокой манёвренностью и избирательностью, но вот мощность их оставляла желать лучшего по сравнению с только что увиденным.

У чужаков — ракеты, боевые лазеры, гравитационные щиты, а у Шкипа не осталось даже шести астероидов прикрытия.

— Вот ведь, дьявол! — Шкип выругался вслух. — Угадали они, что ли? Откуда им было знать, что я собираюсь именно к той группе астероидов?

Если это догадливость пилотов кораблей-волчков, — чертовски умные, значит, твари! А вот если у них на борту есть что-то наподобие тактического компьютера, просчитывающего не только боевые траектории, но и возможный манёвр соперника, то всё намного хуже. Хотя и так и так — умные. Были бы глупыми, не имели б таких компьютеров.

Намерения врага стали понятны Шкипу, чей разум должен был теперь противостоять тактическим вычислителям. Чужаки явно старались зачистить пространство, чтобы... чтобы... Ещё одна неожиданная догадка обожгла Шкипа. Они ведь могли спокойно запустить ракеты по «Трайду». Из шести хотя бы парочка точно попала бы в его корабль. Хотя достаточно было бы и одной. К чему игра в лазерный тир, если можно вот так запросто грохнуть его ракетами, и дело с концом? Это ведь только у тварей такие компьютеры, а на «Трайде» — только Компаньон, умеющий отстаивать интересы корпорации, шпарить параграфами всевозможных инструкций и включать неподходящую музыку в неподходящее время... Неужели чужаки собираются захватить «Трайд» вместе с пилотом? Корабль — для исследования, а его самого — для каких-нибудь гнусных опытов? Шкипа передёрнуло от отвращения, как только он представил, как какой-нибудь уродливый гуманоид, или, ещё хуже, — мерзкий монстр, наподобие таких, что показывают в видеофильмах, — станет втыкать в него всевозможные иглы и зонды, желая узнать, как он, Шкип, устроен, и что у него есть внутри.

Сомнений больше не осталось. Они давно умерли — сомнения... Это не секретные корабли какой угодно из пяти Доминант, властвующих в Солнечной. Конструкция звездолётов, их расчётная аппаратура, их вооружение, а главное — такие вот странные действия, — ну зачем бы какой угодно из Доминант пленный добытчик «Стар-Квеста»? — Всё указывало на разведку боем, проводимую инопланетным разумом.

— А всё-таки мы их встретили! — неожиданно-благоговейно для самого себя сказал Шкип, а после добавил: — Вот только они оказались сволочами!

Если бы не полётный скафандр и забрало шлема над лицом, он бы обязательно сплюнул, а так пришлось сглотнуть тугой комок.

— Кто такие эти сволочи? — наивность Компаньона заставила усмехнуться, видимо, полётный компьютер решил, что пилот сможет просветить его и в этом.

— Много будешь знать — быстро отработаешь ресурс, — отрезал Шкип. — Готовь системы к критическим перегрузкам.

— Исполнено! — эхом отозвался Компаньон, а Шкип почувствовал, как трансформировалось кресло-ложемент и изменил тональность реактор-расщепитель.

Сейчас надежда была только на движки. И на его, Шкипа, везенье. Но тут же мелькнула неожиданная мысль... А что, если?..

Шкип криво оскалился. Ну, верно, погибать, так с музыкой! Музыка, правда, уже есть, значит, дело осталось за малым. Чужаки уже расправились с астероидами вокруг «Трайда», зачистив пространство, и вполне недвусмысленно играли лазерами у самого корпуса, не задевая его. Плен. Опыты. Зонд в задний проход и в нос — противней Шкип ничего представить не смог... Сдохнуть тоже по-разному можно, а значит, мысль стоящая, и попытаться можно. Всё же лучше, чем не делать ничего.

— Активировать лазерный бур!

И сразу же, эхом, принятие к исполнению Компаньоном:

— Исполнено!

— Мощность триста процентов номинальной!

— Исполнено!

— Управление буром — курсовое, глубина разработки — без фокусировки, дистанция — восемь единиц!

— Параметры заданы, бур к работе готов!

Но это было привычно Компаньону, он готовился к операции по лазерному бурению, для которого, собственно, и был предназначен «Трайд». А вот вторая часть плана оказалась Компаньону непонятна.

— Иду на сближение! — Слово «разработка» было бы неверным, и Шкип, с каким-то затаённым восторгом, добавил: — Атакую!

— Инструкция запрещает... — начал протестовать Компаньон.

Совсем уж не вовремя!

— Ты хочешь жить, жестянка? Хочешь дальше читать мне лекции по инструкции? Считай, что я — пилот, принял эти объекты за астероиды, подлежащие разработке!

Чужаки были уже видны не только на навигационном дисплее, — Шкип отчётливо наблюдал две светящиеся, мелко вибрирующие точки, которые искрили лазерами, продолжая играть с ним в кошки-мышки.

Развернувшись строго носом к приближающимся противникам, Шкип качнул подвесками, будто давая понять, что диалог принят и что он не собирается никуда убегать. Ему бы и не дали это сделать, но всё же...

— Бур активирован. Отсчёт дистанции: двадцать две, двадцать одна, двадцать, девятнадцать...

Неужели Компаньон почувствовал нежелание Шкипа умирать или сдаваться без боя? Это невозможно, хотя логические чипы с функцией анализа ситуации — дело новое для полётных компьютеров. Может быть, у Компаньона случилось «горе от ума»? Разбираться во всяких парадоксах было некогда.

— ...пятнадцать, четырнадцать, тринадцать...

Ну, сейчас начнётся, подумал Шкип, начнётся и сразу закончится. Скорей бы!

— ...десять, девять...

И тут же один из чужаков допустил глупость, тактический промах. Вместо того чтобы продолжать идти параллельным курсом, полностью контролируя пространство вокруг «Трайда», он вышел вперёд, загородив собой второй корабль-волчок. На самом деле, это мог быть и не промах, а мера предосторожности со стороны подчинённого пилота, прикрывающего своего ведущего, вот только они не смогли предугадать последствий, поэтому все предосторожности обернулись просчётом.

— ...восемь! — объявил Компаньон.

Тонко заныл где-то под ногами лучевой генератор, чуть сдвинулась турель лазерного бура, готового к курсовой работе, затем — короткая вспышка, и Шкип увидел в приближении на дисплее, как остановился, будто наткнувшись на препятствие, первый волчок чужаков. Как что-то полыхнуло у него внутри, и корпус корабля стал схлопываться, то ли от разгерметизации, то ли ещё почему. Второй чужак, скорее всего, не стал бы играть дальше и просто шарахнул в упор по «Трайду», но Шкип не стал проверять — так ли это? — и, чтобы не доставить врагу такого удовольствия, он без всякой плавности увеличил скорость, врубая форсирование разгонных движков. Если бы он попытался уйти в сторону, неизвестно, как справились бы расчётные системы врага. Но Шкип повёл себя неоригинально, прыгнув по прямой, навстречу чужаку, едва не задев нижней секцией «Трайда» первый волчок, уже разрушенный лазерным буром.

Знакомое ощущение полёта на околосветовой — хотя «Трайд» мог выдать не более трёх десятых скорости света, — оно полностью захлестнуло Шкипа.

— Видел, как мы его? Ты видел?! Не-ет, парни, вы были неправы... Для опытов я не гожусь. Невкусный. К тому же от страха могу и в штаны наложить, стану ещё невкусней, особенно если вы включите ваш сигнал...

Компаньон молчал. «Трайд» мчался к приливной точке. Несомненно, Шкипу, привыкшему к астероидному серфингу, удалось бы войти в Прилив — аккуратно, точно, без дополнительной коррекции курса, как вдруг случилось совсем уж плохое...

«Трайд» вздрогнул. И чуть было не перешёл в неуправляемое кувыркание. Звездолёт врага, только что оставленный позади, кинулся вдогон: при своей конструкции двигательной секции, ему не нужно было даже тратить время на развороты. К тому же, наверняка зная координаты Прилива, чужак легко, будто играючи, обогнал Шкипа, пройдя под «Трайдом», и так же легко остановился, заняв позицию у самой Приливной точки.

— Влип! — сразу решил Шкип и приуныл, но совсем по другому поводу. — Если у него скорость — не меньше восьми десятых световых, если у него такое оснащение и вооружение — как же уйти? Как смогут уйти все-все «Трайды», которые окажутся на пути движения врага? И что-то стряслось с кораблём. Один из датчиков показывал падение мощности левого разгонного движка.

— Потеря мощности — восемнадцать процентов. Баланс восстановлен! — мужественно трудился Компаньон, перераспределяя подачу потока гравитации на ПГ-двигатели, даже не догадываясь, что за всем этим кроется и почему ему приходится заниматься такой работой.

А ведь меня хотят обездвижить, догадался Шкип. Он словно играет со мной, этот загадочный пилот не менее загадочного корабля! Теперь он точно решил взять реванш за гибель напарника, докончив начатое дело!

Между тем звездолёт противника завис на месте, исполняя свой странный кружащий танец. Теперь Шкип понял, откуда у него взялась эта ассоциация с волчком, способным вертеться на месте. Издалека ведь он казался красивой, живой игрушкой, вот только игрушки не плюются лазером и не ведут охоту на людей. А значит — всё как раз наоборот. В роли игрушки теперь выступает «Трайд», уже покалеченный, но всё равно желанный для врага.

— Убивать меня, значит, не будут... — вслух проговорил Шкип. — Ну или — пока не будут. Второй раз использовать лазерный бур волчок тоже не даст, теперь он настороже и знает, что звездолёт

Солнечной способен огрызаться. Ведь даже лошадь кусается! Но попытаться всё равно можно.

Прикинув уровень разрушения сбитого первого противника, Шкип отдал команду:

— Повторное активирование бура! Мощность — сто восемьдесят процентов, уклонение курсовое, глубина...

Внимательно выслушав до конца вводные данные, Компаньон меланхолично отрапортовал:

— Повторное бурение возможно только через тридцать восемь минут. Накопители опустошены, энергия отводится для поддержания энергетического балласта корабля.

Ах, чёрт! У нас же повреждены движки! Система пошла вразнос, потому что падение мощности почти на двадцать процентов это уже не шутки! Ещё один такой удар, и «Трайд» станет едва управляем, сохранив только способность двигаться по прямой из точки А в точку Б. Без всяких пируэтов, виражей и максимальных ускорений. И — сколько там высчитал Компаньон? — тридцать восемь минут? Да за это время противник успеет сделать с ним что угодно! Поймать Шкипа, выковырять из кабины «Трайда», выпотрошить, освежевать и подать себе же на обед!

Кстати, а как насчёт обеда? Ведь скоро должно выйти на разработку звено добытчиков второй смены! Неужели никто там, в Листопадном Зале, не хватился отсутствия караванного? Неужели никому не пришло на ум оторваться от работы, чтобы посмотреть — что со Шкипом и пропавшим отрядом? Тем более — если потеряна связь? Странно...

Новое, ещё более тяжкое предчувствие овладело Шкипом. Неужели и в Листопадном Зале вот такой же разгром? И в окрестностях Лахо хозяйничают враги? Не может быть! Два корабля полицейского патруля у Большой Мамы — это раз, там мощности лазерных установок хватит, чтобы сбить несколько волчков. Сама Большая Мама — достаточно крепкий орешек. Противометеоритные посты Центрального Модуля способны отслеживать, сопровождать и уничтожать цели на значительном удалении... Несколько звеньев кораблей добытчиков — тоже не подарок... Хотя, вспомнив, как играючи два волчка разделались с шестью крупными астероидами, Шкип понял и другое, — всё может быть... И это означает, что он оказался в ловушке! Единственный Прилив, ведущий из пять-тридцать в Листопадный Зал, охраняет вот этот кружащийся, словно надсмехающийся враг. И сначала нужно как-то разобраться именно с ним, чтобы решать последующие задачи. Допустим, разо-

браться каким угодно чудом удастся, — продумывать иные варианты всё равно бессмысленное занятие! А что дальше? Переход в Листопадный Зал, новые трагедии и новые враги, а до следующего Прилива, ведущего в обитаемую локацию, — минут двадцать лёта на полной скорости. Шкип тут же поправил себя — с учётом повреждений — минут тридцать пять — сорок... Да ему просто не позволят так запросто уйти из Листопадного Зала!

Вражеский корабль неожиданно прекратил танец и медленно поплыл к «Трайду». Шкип напряжённо всматривался в изображение на экране, зачем-то пытаясь запомнить каждую деталь, каждый штрих, каждый элемент конструкции и траектории чужого звездолёта. Решение он уже принял, и план его был настолько же прост, насколько и утопичен. Теперь главным было — не переиграть, не дать врагу почувствовать, что его обманывают, но в то же время — выбрать нужный момент, чтобы не опоздать с исполнением. Ведь неизвестно, что ещё за вооружение и аппаратура имеются на борту этого простенького до примитивности на вид, волчка. Толстый диск, диаметром примерно двадцать-тридцать метров, точнее покажет лишь телеметрия. Потом. Когда и если будет время посмотреть запись. В центре диска, сверху — треугольная надстройка с закруглённой вершиной. Толщина треугольника — в четверть диаметра диска, длина у основания — половина диаметра. Точно такая же надстройка — снизу. Создавалось впечатление, что одна конструкция продета в другую, ромб в колесе, — настолько симметричными были надстройки. Поверхность их — сплошь в каких-то складках, словно материя для пошива, название которой Шкип сейчас вспомнить не смог. А вот диск был очень даже непрост. Впечатление вращения создавала его внешняя кромка, поверхность которой разглядеть во всех деталях было тяжело из-за перебегания сполохов плазмы. Причём мешала не столько собственная плазма «Трайда» — щит корабля, а плазма на поверхности диска. Ну, хоть что-то стало понятно, с удовлетворением выдохнул Шкип. Тот же принцип. Гравиквазеры. Гравитационное отталкивание. Создание гравитационной тяги за счёт расщепления кристаллов квазеров. Ведь они, эти кристаллы, являющиеся продуктом сложной космической эволюции, встречаются в достаточном количестве, хотя и не во всех локациях... Принцип тот же, а техническое решение другое...

Осторожно, чтобы враг не отреагировал слишком бурно, влепив, например, свою ракету, — хотя было непонятно, где у него пусковая установка? — Шкип накренил «Трайд» и включил прочистку

фильтров рудозаборного отсека-контейнера. Потом — накренил в другую сторону, слегка опуская нос. Потом снова обратный крен, и так несколько раз. В итоге «Трайд» оказался в положении поплавка относительно курса движения вражеского звездолёта. Носом книзу, остывающими дюзами движков кверху. Телеметрическое оборудование выдавало на экран все действия врага. Вот, волчок поплыл чуть быстрей, не изменяя ни направления ни вертикального отклонения. Шкип совместил трёхмерное изображение «Трайда» с картинкой окружающего пространства. Затем начал осторожный переворот, уводя нос всё ниже, пока не была пройдена нижняя точка. При этом он не забывал изображать монотонные покачивания корпуса. Такая позиция кого угодно могла привести в заблуждение: потерявший управление «Трайд» с идущими вразнос, а потому остановленными движками, не дающими тяги, плюс облако мелкой взвеси, вытягивающееся откуда-то из-под брюха корабля...

Когда враг вышел практически на дистанцию прямой видимости, «Трайд» почти завершал переворот «через голову». Волчок выдал короткий импульс, определённый аппаратурой «Трайда» как сканирующий луч, — ещё одна схожесть в технологиях! — а после, не ожидая никакого подвоха, встал вплотную, так, что можно было разглядеть каждую металлическую складку на его надстройках. Шкип быстрым корректирующим импульсом выровнял «Трайд», становясь к волчку кормой. Успокаивающий жест. Открытая спина, бей — не хочу! И тут же врубил форсаж.

Пусть это была не гигантская струя круизёра, к тому же движки выдавали сейчас менее восьмидесяти процентов мощности, но когда расстояние до объекта измеряется десятками метров — микроны в космическом масштабе! Доли микронов! — и этого достаточно, чтобы вывести на какое-то время из строя звездолёт класса «Трайд», или нечто похожее на него размерами... Волчок попытался уйти из-под инверсионной плазменно-гравитационной струи, и это ему удалось, но всё же сюрприз состоялся и вышел достаточно неожиданным для врага. Краем инверсии правого движка, зато — практически в упор, Шкип задел его. И теперь улепётывал обратно, в глубь скопления астероидов, в нагромождение мёртвых глыб, надеясь, что такой ход не позволит врагу атаковать сразу.

Он ошибся. Волчок атаковал уже через секунду, выпуская веером несколько ракет. Теперь Шкип мог видеть, что это такое: шарообразные предметы, диаметром примерно равным шлему полётного скафандра, но имеющие хвостовую часть и собственный полётный движок. Каждая из ракет имела прямолинейную траекто-

рию полёта и превосходила «Трайд» в скорости минимум вдвое. Но вот ракета, идущая слева, чуть вздрогнула, дюзы её движка выдали корректирующий импульс, — Шкип видел всё это в приближении, так как сканеры антиметеоритной защиты вели исключительно ракеты, — и вскоре изменила траекторию, выходя в лоб «Трайду». Ракета, идущая справа, отреагировала точно так же и вскоре стала выписывать дугу разворота.

— Их радиусы! Быстро!

— Радиусы исчислены, переменная кривизны составляет...

— Расчёт точки пересечения курса «Трайда»...

— Точки пересечения установлены с погрешностью ноль-ноль две...

Шёл почти рабочий диалог между пилотом и его полётным компьютером, нервозный, в мелькании пальцев по сенсорам панели управления, в лихорадочной работе двух сознаний — живого человеческого и кибермозга машины, которая тоже будто хотела жить. Точные, выверенные импульсы на движки, плавное движение полётного джойстика — когда хотелось по-другому, рвануть на себя, выдать полный импульс, развернуться, выйти в лоб и...

Невероятно, но Компаньон не потребовал уточнений, не стал спорить относительно приоритета выставляемых задач, будто почувствовал нарастающую ярость берсерка, что зрела внутри Шкипа, едва сдерживающего порыв разом закончить эту игру.

Через пару секунд на экране, и без того испещрённом пунктирами, — отслеживаемая траектория корабля-волчка, траектории движения ближайших астероидов, до которых — вот-вот, — возникли и две петли. Путь обнаруживших и преследующих свою цель ракет. Тех, что слева и справа...

Шкип сбросил скорость. Петли, вытягиваясь, стали чуть удлинённей. Чёрт! Они реагируют на каждый мой шаг! Думать! Быстро! Пилот почувствовал, как со лба на лицо стекают ручьи пота. И не было никакой возможности их отереть тыльной стороной ладони в тонкой сверхпрочной перчатке. Мешало не столько забрало шлема, сколько необходимость безотрывного управления кораблём. Правая рука — на джойстике, левая — над сенсорами панели управления. Малейшая ошибка, вывод какой-нибудь ненужной функции на экран, и он лишится основной картинки, потеряет чувство единения с окружающей действительностью лишь на миг, на мгновенье, неверно оценит ситуацию и неверно отреагирует на её изменение, и тогда — петли-траектории смертоносных шаров пересекутся с его траекторией.

Думать! Быстрей!

— Усилить функцию катализа, включить овердрайв реактора...

— Овердрайв запущен, время работы — до семидесяти миллисекунд...

— Повторно!

— Отработано! Катализ в норме...

— Поддержка энергетического баланса?

— Норма. Потеря мощности двадцать семь процентов...

Ракеты почти закончили разворот и теперь неслись, опережая одна другую. Волчок завис где-то позади, наверняка его бортовая аппаратура хотя бы частично, хотя бы на время, но выведена из строя ударом гравитационной волны. Втайне Шкип лелеял мысль, что инверсией он упокоил и второго противника, но это было и осталось напрасной мечтой. Волчок крутанулся на месте, пошёл влево, потом чуть вправо, мелко завибрировал, будто отряхивая вынужденное оцепенение, и двинулся вперёд. В этот момент от паники помогла спастись другая мысль, которая, к счастью, оправдалась. Мысль о том, что у корабля-волчка ракеты наверняка на исходе, если не израсходованы вовсе. Но те две, что уже вышли на боевой курс, они уже рядом... Их вычислители цепко держат «Трайд» в захвате прицелов...

— Овердрайв реактора! Замкнуть цикл...

— Овердрайв до восьми секунд, максимальное число циклов...

— Баланс?

— Нарушение энергетического баланса! Смещение вектора тяги!

— Держи, жестянка! Держи баланс!

«Трайд» повело правым боком, датчики пилонов двигательной секции засветились тревожно-розовым. Скоро этот цвет может измениться на алый, и это будет означать, будет означать...

— Овердрайв! Усиление катализа! Мне нужна тяга и точность баланса на манёвре!

— Движки вразнос, капитан...

— Сколько у нас времени?

— Секунд сорок... Потом...

Сорок секунд, лихорадочно зажглись в сознании Шкипа цифры и побежали в обратном отсчёте. Потом датчик станет алым. Критическое напряжение несущей конструкции двигательной секции... Движки вразнос...

— Приближение к критическому порогу сдерживания реакции... Реактор разогнан, вероятность сдерживания...

— Овердрайв! Двойной! Тройной! Выжми из реактора всё до последнего! Или сейчас или никогда уже...

Торпеды в оптике, снижают скорость, они уверены, что цель не уйдёт. У них есть основания для такой уверенности. Движки захлёбываются импульсами, корпус «Трайда» вибрирует. Такой вибрации Шкип не ощущал никогда. Скоро критический порог, за которым — или ещё один шанс, или...

— Капитан!

— Овердрайв, жестянка! Дай миллион импульсов! Миллиард! На сколько хватит гравиквазеров в накопителе! Самое большое число, какое тебе только известно!

— Принято, капитан...

Если бы бортовым оператором Шкипа был человек, то можно было подумать, последние слова звучат с печальной покорностью.

— В следующий раз, если он, конечно, случится, отвечай мне — «ae!» — я пойму...

От напряжения дрожат пальцы, от напряжения дрожит металл, в глазах — цветные сполохи плазмы, щит режет астероидную крошку, а смерть имеет форму двух шаров. Размером как раз со шлем полётного скафандра. Звук реактора-расщепителя за спиной не поддаётся восприятию. Он разный. Он взлетает в ультразвуковой свист, режет нервы и опускается до утробного рёва. На экране — визуализация приближения конца. Гонка не может быть вечной. Везение имеет свои пределы. Ракеты держат цель. Только надежда не имеет предела.

— Ни-ка-ко-го предела! — по слогам произнёс, будто молитву, Шкип.

— Овердрайв!

— Ае, капитан...

«Трайд» пошёл влево. Смертоносные шары тут же отреагировали изменением курса. «Трайд» провалился вниз — ракеты пошли вниз, они дублировали движения корабля в зеркальном отражении, с нетерпением приближая миг, ради которого были рождены — счастливый миг встречи с целью! Они делали это с минимальной задержкой. Но всё-таки она была, эта задержка!

До крови закусив губу, чувствуя, как вниз по подбородку стекает тёплая тоненькая струйка, Шкип вглядывался в пересечение траекторий. Выдав масштабирование, он видел даже точку пересечения — вот, у этого небольшого астероида, если он не изменит курс. У астероида, размером как раз с его корабль. Но именно

масштабирование и подсказало верное решение! Поэтому, когда Шкип добавил очередные две сотни крат увеличения, то заметил, что траектории ракет-шаров имеют зубцы — отклонения от курса. Ракеты огибали препятствия, точно так же, как делал бы это корабль, ведь у них не было собственных щитов — ни гравитационных, ни плазменных. Они огибали препятствия, а после возвращались на прежний курс.

— Бур на двадцать процентов! Даже на пятнадцать, на десять, должно же хватить без ожидания...

— Бур активирован. Полная готовность на четырнадцати процентах...

— Управление курсовое! Глубина — двадцать метров. Расходящийся фокус!

— Фокус установлен...

— Объект — в точке пересечения, просчитанной для нас и вот этих двух...

— Объект отслеживается...

— Удар мой!

— Ае, капитан. Корабль готов к разработке.

Компаньон не подвёл. И Шкип тут же простил ему все прежние недоразумения. Удар мой — означало, что пилот сам активирует бур в нужный момент. Расходящийся фокус — при маломощном бурении и для разрыхления породы, лазерный излучатель выводил несколько лучей, фокусирующихся в одной точке. После прохождения точки фокусировки лучи расходились, при бурении с неподвижной позиции таким способом добытчики не резали астероид, а разрушали породу в узком колодце, напоминающем формой песочные часы. Это было необходимо для последующего анализа. Потому что астероиды, содержащие в себе космографит для взращивания нанотрубок, пригодных для создания на их основе высокоточной техники, подлежали аккуратной обработке специальным комбайном. В противном случае структура космографита могла быть разрушена. Но сейчас Шкип не собирался выискивать ценное сырьё в этой небольшой случайной глыбе. В ней он искал своё спасение!

«Трайд» и шары-ракеты сближались. Шкип больше не пытался изменить курс или скорость, поняв, что бесполезно. Если его догадка верна, то именно это свойство вражеского оружия — локировать препятствия и обходить их, должно было спасти «Трайд». Если же это не поможет, то... Шкип взглянул на экран, в котором звездолёт-волчок выглядел таким безобидным, таким подвижным, и снова

вернулась мысль, что можно всё изменить, направив «Трайд» прямо в лоб вражескому кораблю. С оговоркой, — можно попытаться всё изменить... Вовсе не факт, что чужак позволит Шкипу тупо протаранить его волчок.

— Музыкальный трек, пожалуйста! — неожиданно для самого себя попросил пилот. — Что-то невероятно громкое и быстрое и... например, Капеллу-Эл.

Рубка, и без того заполненная мешаниной звуков, буквально взорвалась изнутри рокочущей дробью ритм-боксов, вперемешку с долгими — то мелодичными, то яростными — пассажами электроскрипок. Не хватает лишь какого-нибудь древнего боевого знамени, подумал Шкип. И почётного эскорта вместе с прощальным цветным фейерверком — чуть позже, когда остатки звездолёта-добытчика вместе с остатками самого Шкипа распылятся во все стороны.

Теперь напряжением жила каждая мышца, Шкип почувствовал, как дёргается от нервного перенапряжения правое веко — небольшой дефект, который едва удалось скрыть при полётной аттестации — последствия травмы, перенесённой ещё в детстве. А губы — сухие, кровящие — вместо отсчёта шептали ритмичную фразу, окончание которой как раз должно было совпасть с решающим действием.

— Вот, на — стал — наш — ко...

За тысячу километров до астероида Шкип до упора увеличил тягу двигателей и, мгновением спустя, активировал бур.

За тысячу километров от астероида отреагировали ракеты-шары, так же увеличив скорость. Но оказавшееся на их пути препятствие заставило их чуть отклониться в поисках траектории обхода. Две противоречивые установки — атаковать цель и обходить препятствие дезориентировали умное оружие врага. «Трайд», буравящий туннель в астероиде, прошёл его насквозь, потому что быстро перемещённый фокус буровой установки буквально вспорол глыбу, и теперь она, как ореховая скорлупа, разлеталась во все стороны крупными кусками. Плазменные обтекатели чуть убрали воздействие мелких обломков, но всё же корабль получил повреждения. Одновременно вспыхнули сигнализаторы разгерметизации кабины, повреждения турели лазерного бура. Ещё одним отломком начисто срезало одну из двух секций связи, ту, что расположена позади кабины. Всё равно это была слишком маленькая плата за риск и удачу. Ещё мгновеньем позже «Трайд» толкнуло в корму. Шкип понял — его спонтанная задумка сработала! Ракеты, начав манёвр

уклонения, выбрали точку окончательной атаки, а после того, как позиция звездолёта совпала с позицией глыбы, всё же попытались атаковать. В результате — обе ракеты разорвали пространство за самой кормой, сметая обломки астероида, стирая их в атомарную пыль... Они опоздали всего на микросекунду...

— Ну что, братья по разуму? У вас тоже не всё пока совершенно? А у меня всё тип-топ! Я жив! Мы прошли! Жестянка, мы прошли, мы живы! А тебе, — Шкип упёрся взглядом в кружащую фигуру, — тебе я ещё надеру задницу!

Пилот орал это в возбуждении, не веря до конца в спасение, хотя никаких мыслей по поводу — где у врага задница, как выглядит и как её надрать — у него пока не имелось.

Какое-то время у него вообще не имелось никаких мыслей. Просто эйфория человека, только что обманувшего смерть.

Вражеский звездолёт-волчок, до сих пор, по-видимому, не сомневавшийся в том, что цель обречена, снова выходил в атаку, намереваясь прикончить израненный «Трайд», добить его, без всяких игр и попыток превратить корабль вместе со Шкипом в учебное пособие, в образец для исследований, или зачем там он пытался захватить «Трайд». Но Шкип уже вплывал в самый опасный поток, где вертелись глыбы диаметром с километр и больше. Теперь он был на своей территории. А враг потерял преимущество в скорости, потому что скорость здесь скорее привела бы к гибели, а не к победе.

Шкип, чувствовавший себя посреди этого живого, дышащего каменного мира как рыба в воде, действовал сейчас интуитивно. Он то кидал звездолёт в провалы, то выходил наверх, делая крутые горки, — будто за глотком кислорода, — то закручивал «Трайд» сложной петлёй. Так или иначе, лазерные залпы врага разрезали пустоту или же вязли в мощных каменных телах здешних обитателей.

Шкип понимал — если ему удастся выйти к Солнечной, самым ценным станет не его жизнь или сохранность «Трайда», а полный отчёт: телеметрия, слайды, расчёты, запись всех событий, данные с экранов пульта управления, отслеженные и зафиксированные характеристики вражеских кораблей и их вооружения. Именно расшифровка таких данных сможет оказать неоценимую помощь для последующих встреч с врагом. В том, что встречи ещё будут, а основные столкновения впереди, Шкип даже не сомневался. Слишком уверенно действовал враг, слишком жестоко и вероломно поступил с пятёркой добытчиков его звена. И...

— Чёрт! Слишком вёрткая у него турель!

Сенсоры левого борта стёрло касанием лазерного луча. Теперь «Трайд» будто ослеп и оглох на левую полусферу. Картинка с левого борта больше не выводилась на экраны, и надо было что-то делать, потому что погоня затягивалась, а возможности Шкипа уйти от преследования отнюдь не увеличивались. К тому же, кроме лазерной атаки, теперь приходилось постоянно опасаться и случайного столкновения, отвлекаясь на состояние пространства и рискуя каждый раз при развороте влево. Скоро, совсем скоро, враг поймёт, что с «Трайдом» что-то не так, что-то произошло, и подловит его на десятом развороте влево.

— Что с активацией бура? При мощности хотя бы в сто пятьдесят процентов?

— Тридцать две минуты... Отвод энергии для поддержания баланса увеличен, последний импульс имел большую длительность...

Да, Шкип явно перестарался, буравя астероид, — тот, что спас от ракет врага. Но в подобной обстановке не помогали никакие прежние навыки, всё приходилось делать впервые, на ощупь, быстро.

Вот, прямо по курсу появилась примерно такая же глыба, чуть-чуть крупнее корабля Шкипа. А пилот инопланетного корабля, убедившись, что стрельба при одновременном маневрировании не приведёт к успеху, разве что к случайному, — вышел на новую позицию, пристраиваясь точно за кормой «Трайда».

Шкип почувствовал — ещё несколько секунд, и его корабль окажется нанизан на лазерный луч. И тут же мелькнула новая спасительная мысль.

— По моей команде освободить грузовой отсек!

— Груз принадлежит корпорации! Его стоимость составляет...

Как не вовремя Компаньон вспомнил о своей роли надзирателя!

— Закрой пасть и открой люки отсека! — рявкнул Шкип.

Не хватало ещё, чтобы из-за такой глупости полётного компьютера, когда всё и так висит на волоске, его сумасбродная затея окончилась провалом!

— Высвобождение отсека невозможно...

— Скотина! Тупая жестянка! Открой люки! Параграф сколько-там-не-помню-но-точно-должен-быть, — допускается освобождение отсека для принятия более ценного груза! Скорее!

— Определите характер и ценность нового гру...

— Груз — первый неизвестный объект, подвергнутый бурению! То, что осталось от него! Исследователи отвалят кучу кредитов, чтобы я заменил тупицу-Компаньона! Скорее, сволочь!

Волчок встал на курс точно за кормой, держась чуть поодаль от инверсионной струи движков. Уйти вниз, вверх или куда угодно в сторону означало всё испортить. Секунды таяли.

— Выполнено... — будто с неохотой доложил Компаньон. И совсем уж неожиданно добавил: — Я не сволочь.

Корпус «Трайда» вздрогнул и качнулся. На панели замигал сигнал открытия люков грузового отсека. Шкип почувствовал небывалую радость, словно в день получки или посещения достойного увеселительного заведения где-нибудь на Марсе или хотя бы ближних колониях Солнечной. И рванул «Трайд» в сторону. Влево. Пусть с риском, зато сенсоры правого борта вывели на экран самую чудесную картину...

Шкип не знал, что именно закрыло находящийся прямо по курсу астероид — силуэт «Трайда», затрудняющая сканирование близкая работа ПГ-движков или же пылевое облако, вытягивающееся точно в кильватере и на какое-то краткое, но достаточное время сливающееся с силуэтом добытчика, вводя в заблуждение сканирующие системы врага. Скорее всего, сыграли роль все факторы, включая и фактор неожиданности. Инопланетный корабль, «Трайд» и астероид оказались на одной линии. Когда распахнулись люки грузового отсека и в космос вынесло несколько тонн мельчайшей пыли, обзор волчка оказался существенно сокращён, и когда Шкип увёл с образовавшейся линии свой корабль, пилот волчка просто не успел сориентироваться и разглядеть опасность, лишнюю секунду следуя за пылевым облаком, принимая его за «Трайд».

Там, где только что был астероид, вспухал большой яркий шар. Грависканеры «Трайда» показали возмущение метрики пространства, что указывало на детонацию квазерной двигательной установки волчка. И теперь инопланетный корабль исчезал в этой вспышке, соединив свой прах с прахом космической глыбы.

— Всё! — Только сейчас Шкип почувствовал, как он устал.

И как не хочется ему совершать новые подвиги, попав в Листопадный Зал.

— Приступить к сбору нового груза? — педантично напомнил Компаньон.

— Валяй. Режим сбора — автоматический...

Доверив привычное дело полётному компьютеру, переводя корабль на киберуправление, Шкип откинулся на ложементе, ощущая, как ноет после перегрузок каждая клеточка тела и как успокаивается, сменяя страх и отчаяние на радость победы, сознание.

Глава 4
РУКОПАШНЫЙ ДЕНЬ. РАССТАНОВКА ФИГУР

Командор «Аллегана» нервно вышагивал по каюте. Его гости — три офицера Военно-космических сил Солнечной, старшим среди которых был темноволосый полковник, и два офицера полицейского патруля, оба — майоры. А вот задача, которую они пытались решить, требовала компетенции гелиокомандоров и маршалов или хотя бы генералов. Но, как давно уже было известно, в армейских подразделениях и в патрульных отрядах действует одно и то же правило. Чем ближе к звёздам, тем меньше звёзд!

Говоря о первых, имели в виду настоящие звёзды, небесные светила, сгустки пламени, гиганты и карлики, звёзды спокойные, активные или скрывающие большую опасность. Во втором случае упоминались те звёзды, что на погонах. Сейчас история повторялась на Мегидо. В окраинном мире, где было решено основать колонию. Самую дальнюю колонию Солнечной. Именно тут, на борту тяжёлой станции терраформирования, полковник и два майора, а также командор ТОСТа «Аллеган» пытались разобраться с проблемой, явно выходящей за пределы их компетенции.

— Вы хоть понимаете, что предлагаете сделать? — командор был возбуждён, таким, наверное, его никто не видел последние полтора десятка лет. — Нет, вы понимаете, что предлагаете? — беспрерывно задавал он один и тот же вопрос. — Лично я не получал никаких предписаний на этот счёт. А у вас? У вас есть санкция высшего командования? Это же — чёрт знает что! Какая-то операция «Пьяный меч»!

— Скорее — «Пьяный щит». Я вам уже объяснял... Нет никакой санкции. Нет и не будет, как нет и не будет того самого высшего командования, о котором вы говорите! — устало отвечал полковник ВКС.

Было похоже, что спор длится не первый час, и за всё это время они так и не подошли к золотой середине.

— Мои восемь кораблей ожидают такого же исхода в соседней локации, диспетчерские службы делают вид, что всё нормально, потому что я приказал им не создавать панику. Но дела обстоят — хуже некуда. Вы уже пожертвовали своим посыльным кораблём, чтобы убедиться — мы в ловушке...

— Пусть так. Пусть я поверил, но вот этот ваш план... Это же сумасшествие! Майор Фелт, что вы молчите? Чья была идея, не ваша ли? Оповестить команду и рабочие группы моей станции, что

ожидается грандиозная попойка! Пир на весь мир! Ну ладно, ради осторожности и чтобы не допустить тревожных слухов и той же паники, я согласился высадить персонал на поверхность, обещая им праздник. И даже готовлю к спуску «Аллеган», снова исключительно поверив на слово! Но теперь... Вы и в самом деле считаете, что без этого не обойтись?

— Моей идеей было, как без нервотрепки и недовольства укрыть рабочих «Аллегана» на поверхности Мегтидо. Дальше — задумка военных, и к ней я не имею никакого отношения, командор! — огрызнулся майор-патрульный.

— Старо, как мир, Фелт! Полковник, вы слышали? Ещё ничего не произошло, но уже никто не хочет брать на себя ответственность.

Командор наконец-то прекратил мерить шагами простор каюты и сел в кресло напротив офицеров ВКС. Настала очередь встать и говорить полковнику.

— Вы хотите, чтобы ответственность за ваших людей и всё, что тут произойдёт, взял я? Хорошо, я готов, если только это поможет вас убедить. Капитан! — он обратился к одному из своих спутников, с которыми прибыл на «Аллеган». — Продемонстрируйте господину командору те записи, что пришли час назад.

Капитан с адъютантскими нашивками на воротнике форменного комбинезона встал, щегольски прищёлкнув каблуками. Потом, без слов, достал из небольшого пластикового кейса портативный голопроектор и включил воспроизведение, проецируя изображение на центр каюты.

С минуту все смотрели молча, и эта тишина только усиливала впечатление от увиденного. Тем более что воспроизведение шло без аудиосопровождения.

Из приливной точки, один за другим, выпали два разбитых, изуродованных звездолёта, в которых с трудом можно было опознать исследовательский корабль-разведчик, несущий обычно два огромных сферических сканера пространства, — сейчас сфера была только одна, и та со следами помятостей, будто её безнаказанно бомбардировал поток метеоров. Вторым был военный корабль сопровождения, карманный крейсер, пользуясь терминологией военных. Дыры, зияющие в бортах крейсера, делали его похожим на решето, сквозь которое можно видеть звёзды.

— С ними отправлялось ещё два экипажа, номерные крейсера серии «Форвард», — перешёл к пояснениям полковник. — На «Форварде-четыре» находился генерал-командор эскадры, поже-

лавший лично во всём убедиться. Винить его в этом нельзя. Тем более что и винить-то уже некого! Ни «Форвард-четвёртый», ни его близнец — «Форвард-третий» из Прилива так и не вышли. Судя по записи переговоров, которые генерал-командор вёл с командером исследователя-разведчика и которые частично сохранились на исследователе, на «Четвёрке» решили заблокировать Прилив. Последнее, что пришло на исследователь, был приказ генерал-командора готовить «Форвард» к подрыву. Как флаг-навигатор эскадры, командование оставшимися кораблями принял я...

— Но почему же ваш командир не отдал приказ об эвакуации? Не снял с крейсера экипаж и не ушёл сам? Или ваша хвалёная техника не способна вести корабль в автоматическом режиме? Я не могу понять, в чём была необходимость жертвовать людьми при подрыве крейсера в Приливе!

Полковник поморщился, но всё же сумел сдержаться, чтобы не сорваться на резкость.

— Командор, если командующий эскадрой принял такое решение, значит, необходимость была. В любом случае сейчас поздно рассуждать на эту тему. К моменту, когда исследователь и карманный крейсер прорывались обратно, «Форварда-третьего» уже не существовало, а «Четвёрка»... Капитан, прошу следующую запись!

Адъютант, у которого всё было подготовлено, перезапустил чейнджер, и в каюте появилась другая голографическая картинка.

— Они успели скинуть пакет с информацией, — пояснил полковник, — эта запись внутренних камер слежения крейсера...

Узкий коридор. Вначале он был пуст, но потом всё изменилось.

Бесстрастный глазок камеры слежения отреагировал на какое-то движение, возникшее в противоположном конце коридора. Потом оказалось, что это несколько членов команды, удирающие со всех ног, с искаженными страхом и плохим качеством съёмки лицами. А позади них...

Это больше напоминало стальную волну. Едва вмещаясь в пространство служебного перехода, людей настигало нечто, облачённое в эластичную броню, по крайней мере, именно такое впечатление возникало при взгляде на изображение. Форма тела этого нечто была аморфна, оно перемещалось, словно гусеница по листу яблони, сокращая мышцы, отчего по всей поверхности существа пробегали ожившие бугры. Аварийное освещение коридора не позволяло разглядеть всё до тонкостей, поэтому определить — что

или кто спешил вдогонку матросам крейсера, было невозможно. Потом с поверхности этого длинного, стелящегося над полом тела, сорвалась одна быстрая тонкая нить, за ней вторая. Камера зафиксировала, как раскидывая руки, упали навзничь двое из убегавших, а стальная тварь, не останавливаясь ни на миг, будто бы вспорхнула, изменившись в размерах. И метнулась к остальным, выбрасывая новые и новые нити, то ли перепрыгнув, то ли перелетев над уже лежащими и замершими в неподвижности людьми.

Когда она поравнялась с камерой, картинка исчезла...

— Что это было? Тёмные звёзды! Что это за тварь? — командор «Аллегана» даже привстал с кресла и подался вперёд, в попытке рассмотреть короткую запись поближе.

— Технический отдел сейчас пытается получить более чёткую картинку, вы же понимаете, технические возможности внутренних камер слежения, устанавливаемых на каждом военном корабле, оставляют желать лучшего. В гипермаркетах и то, наверное, разрешающая способность камер выше. У нас ведь привыкли экономить на всём подряд... Плюс — аварийное освещение во время записи. Ясно одно — корабль был захвачен тварями, поэтому оставалось только одно — не разнести эту заразу дальше. Кроме того, крейсер преследовало несколько кораблей чужаков, и в другом случае мы бы имели в соседней локации свору инопланетян с их звездолётами... Капитан!

Снова щелчок чейнджера, и появилось третье изображение. На этот раз съёмка велась наружной оптикой крейсера. Вдали полыхало центральное светило, звезда Реус-гамма. На фоне её слепящего света терялись другие огни. Много огней!

— Это и есть их звездолёты?

Полковник кивнул:

— Примерно восемь десятков малых кораблей — истребителей, двенадцать крейсерских звездолётов, каждый из которых превосходит вооружением любой из наших крейсеров. И четыре линейных корабля. Вот они, — полковник ткнул пальцем в угол картинки, и все увидели четыре маленькие Луны, скрывающиеся за пылевым облаком.

— Угловые размеры их таковы, что для сравнения, ваш «Аллеган» рядом с ними — горошина против апельсина. Замечательная вводная, правда?

Командор потёр неожиданно разболевшийся висок, пытаясь осмыслить только что увиденное и услышанное. Он больше не

сомневался в правильности решения, принятого командующим эскадры, когда тот задумал подорвать корабль вместе с экипажем в Приливе.

— Ну, а как же удалось уйти вашим другим двум кораблям? Исследователю и этому... эсминцу?

— Карманному крейсеру, — автоматически поправил командора полковник. — А что касается вашего вопроса, то вот их привела обратно наша хвалённая техника. Ни на исследователе, ни на Кадва выживших не осталось... Слишком слабая защита, и слишком мощное гравитационное оружие у врага...

— Ох ты ж... — выдохнул командор, одновременно размышляя, а какой защитой располагает его станция?

Его выводы оказались слишком неутешительны, чтобы озвучивать.

На минуту в командорской каюте повисло молчание. Каждый думал о чём-то своём. Только тихо тикал чейнджер, прокручивая одну и ту же картинку: сияние Реуса и выстраивающийся в боевые порядки флот вторжения неожиданно-агрессивных пришельцев.

— А ведь содержание ВКС, кажется, вовсе недёшево обходится Глобальному Совету и налогоплательщикам! И теперь оказалось, что все средства и усилия — всё насмарку... — наконец нарушил тишину командор «Аллегана».

Полковник лишь флегматично пожал плечами:

— Флот всегда использовался как гарант мира в Солнечной, иначе все пять Доминант давно бы уже устроили настоящую бойню за право безграничной власти. Нам бы не потребовались даже такие гости, и мы спокойно перебили сами себя, командор. Так что, в некотором смысле, вторжение чужаков — отрезвляющее благо для нас. Теперь Доминанты задумаются об объединении усилий. Это называется дружить против кого-то. Но я сейчас не склонен рассуждать о высокой политике, и мы пользуемся вашим гостеприимством вовсе не для ненужных споров, а для решения более насущных проблем.

— Да-да, — оживился командор, — перескажите ваш план ещё раз, полковник! — и добавил: — Если в нашей ситуации вообще возможно какое-то решение...

— Благодарю, капитан, вы свободны! — полковник кивнул адъютанту, тот кивнул в ответ, последний раз щёлкая каблуками, и покинул каюту.

— Теперь спешу представить поближе майора Клюгера, — полковник сделал жест ладонью в сторону второго своего спутника, как

только за капитаном закрылась дверь. — Майор является старшим офицером аналитической группы эскадры. Сумасшедший план, как вы назвали, — его задумка. И вы правы, командор, что бы мы ни решили, это будет только временным решением. Только отсрочкой приговора, который нам уже вынесли те твари, которых вы могли наблюдать... Кстати, нами получено предварительное согласие о содействии и со стороны командиров полицейского патруля.

Оба патрульных, до сих пор не проронившие ни слова, пока шла демонстрация записи, не прерывая молчания, закивали. А после майор, представленный полковником, встал и подошёл к экрану с трёхмерной картой локации, имевшейся в каюте.

— Исходные данные таковы, — безапелляционно, по-юношески высоким голосом заявил он, — что шансов на спасение ни у кого из нас нет!

Если это было актёрством, то из майора вышел бы великолепный актёр. Одной фразой он заставил всех ощутить весь ужас создавшегося положения и незавидные перспективы быть атакованными в ближайшее время.

Командор охнул ещё раз. Один из офицеров патруля состроил гримасу обреченности, единственно возможную при таком не добавляющем оптимизма заявлении, а полковник, присев на место ушедшего адъютанта, закрыл глаза, принимаясь перетирать переносицу между большим и указательным пальцами.

Ещё громче охнули Мартин и Руперт — оператор модуля орбитальной поддержки и дежурный диспетчер-администратор «Аллегана», подслушавшие весь разговор.

— Ё-моё, это что же такое творится? — диспетчер простил Марту всю его подлость, в возбуждении отбивая ладонью ритм по столу с экранами. — Что значит — нет шансов? И о каких пришельцах они там говорят? Кажется, вместо «чёрного ящика» мы подключились к кабельной видеосети станции, где сейчас транслируют фантастику. Откуда пришельцы взялись? Да ещё такие, что не оставляют шансов!

— Хотел бы и я, чтобы всё оказалось просто фразами из видеофильма. Но только один из актёрских голосов подозрительно схож с голосом нашего командора, когда тот обращается по корабельной сети к персоналу. Это не розыгрыш, Руп. Я сразу догадался: что-то нечисто...

— Ну, а к чему устраивать клоунаду? Какой-то дурацкий праздник? Разве что для того, чтобы напиться как следует? Перед смер-

тью? Не верится даже, что так вот — раз! — и нет шансов. Сам-то что думаешь, Мартин? Это же... это же ерунда полная!

— А как ты представлял себе вторжение? Всякие дипломатические ноты, предупреждения, десятилетняя готовность? Раз уж нам довелось встретиться с какими-то инопланетными отморозками, то всё логично. Они провели разведку, не обнаруживая себя, собрали информацию, подготовили флот вторжения и обрушились. Фактор внезапности — половина победы!

— Да о чём ты говоришь, Март? Никак я себе это не представлял! Флот вторжения... обрушились... фактор внезапности... Неужели им больше нечем заняться, раз они такие высокоорганизованные? Неужели нельзя было вести диалог? У тебя всё так просто получается? Пришельцы — обязательно отморозки, обязательно враги. Флот звездолётов — обязательно флот вторжения. Может быть, это просто противометеоритные системы у них... Как и у нас — на каждом корабле, хоть маломощный курсовой излучатель, но присутствует...

— Не у меня получается. У них. У отморозков. Ты ведь слышал, о чём говорил командор с военными? Мегтидо отрезан от остальных локаций. Вернее, есть единственный Прилив, на Хамет, где сейчас чего-то ждут корабли ВКС. А вот дальше...

— Вот, чёрт! Мы так привыкли к этим Приливам...

— ...Мы привыкли к Приливам. И даже не знаю, сколько времени теперь потребуется, чтобы организовать оборону Солнечной с учётом возможностей врага передвигаться на значительные расстояния в обычном пространстве... — продолжал майор-аналитик. — У Оазиса-восемнадцать, где произошло сражение, враг появился, не пользуясь приливной точкой. Словно возник из ниоткуда. Похоже, у них большой опыт преодоления галактических расстояний. Хотя и о Приливах они тоже знают, возможно даже — побольше нашего. И используют их стратегически и тактически грамотно. Четыре линкора — самые огромные звездолёты пришельцев, которые вы видели на записи, — они вынырнули из приливной точки. Комбинированная атака, комбинированное передвижение... Нам ещё только предстоит рассчитать, какова возможная точка старта тех кораблей, что шли в обычном пространстве... Ну а теперь — самая плохая новость. Сегодня сканеры второго корабля дальней разведки нашей эскадры зафиксировали приближение группы вражеских звездолётов. Идут обычным пространством. Подлётное время — около четырнадцати часов.

— И вы решили... — начал командор.

— И мы решили принять бой. Потому что к Хамету прямо сейчас идёт другая группа врага. Цепочка Приливов от Хамета к Солнечной прервана, вы сами видели, что творится у Оазиса-восемнадцать... И второй крейсер, «Форвард-третий», генерал-командор отправил затыкать Прилив, ведущий из Оазиса к Фитонии, чтобы на какое-то время остановить их продвижение к Солнечной. Вы ведь знаете, что закрыть Прилив навсегда невозможно. Это только временная отсрочка. Когда утихнут гравитационные возмущения, вызванные подрывом реакторов и запасов гравиквазеров, Приливы откроются снова. Как вена, в которой потоком крови протолкнуло тромб. Причем различные Приливы ведут себя по-разному. Когда их только-только открыли, у кого-то хватило ума поставить несколько секретных экспериментов, взрывая брандеры, вошедшие в Прилив. Одна приливная точка схлопнулась на четыре недели, другая на четыре года, третья, насколько мне известно, не раскрылась до сих пор. А вот четвёртый эксперимент дал вообще потрясающие результаты. Прилив начал действовать через восемнадцать минут после подрыва. На этом эксперименты прекратили. Я думаю, справедливо... Но вот сейчас нам будет очень не хватать понимания механизма, стопроцентно гарантирующего блокировку Прилива навсегда. Так что...

— Всё это мне известно. И про эксперименты я тоже слышал, — прервал лекцию аналитика командор «Аллегана», — но вот каким боком это связано с тем, что вы предлагаете сделать завтра?

— Поясняю. Как я сказал, — мы решили принять бой. Но поскольку помимо звездолётов у врага имеются транспорты, способные сбрасывать десант, как это произошло на Оазисе-восемнадцать и на борту «Форварда-четыре», то не исключено, что пришельцы появятся и на поверхности Меггидо. Обеспечить вам прикрытие в космическом пространстве мы не в состоянии, у нас просто не хватит для этого сил! Ваш «Аллеган» просто собьют орбиты, вместе со всем персоналом. А вот дать шанс пережить вторжение на поверхности Меггидо — вполне...

— Понимаете, командор, — вмешался полковник, — ни один из наших звездолётов не способен совершить посадку на поверхность. Если бы это было возможно, тогда мы садились бы вместе. Только транспорт, который, как говорят ваши рабочие, привёз весёлых девиц. Остальные корабли — орбитального причаливания. Во флоте только недавно стали задумываться над проектами боевых звездолётов, которые могли бы опускаться на планеты и самостоятельно

стартовать с поверхности. Патрульные станции полиции такую возможность имеют. Но только и здесь присутствует печальный маленький нюанс — им не хватит запасов гравиквазеров для взлёта. Обратный эффект — упрямая штука. Распад гравиквазеров происходит совсем по-другому, если проводить его в любой плотной атмосфере. Это как надувать воздушный шар. Пока внутри нет ещё воздуха, выдохи делать легко. Но как только внутренний объём начнёт заполняться, нужно прикладывать всё больше усилий. Я не силён в физике, и не могу объяснить ни себе, ни вам, в чём же связь между гравитационной волной и наличием плотной атмосферы на планете, но зато отлично помню, как вынужденно садился на атмосферную планету. Мои реакторы, с запасом активного вещества на месяц полёта, оказались опустошенными сразу на семь восьмых. То же самое произойдёт и с кораблями патруля. И какой с этого толк? «Аллеган», с имеющимися запасами провизии, с аппаратурой синтеза и системами восстановления, может послужить укрытием вам и вашим подчинённым на долгие годы. Разумеется, при условии, что враг не уничтожит его. Мы ведь не знаем, каковы возможности пришельцев и способны ли они вообще обнаружить «Аллеган» на поверхности Меггидо, но недооценивать их нельзя. Ещё, мы не знаем, станут ли они высаживать десант, разведку, кого и чего угодно, но если этого не произойдёт, я хотел бы, чтобы у ваших людей появился шанс...

— Но к чему тогда затея с алкоголем? Что-то вроде анестезии перед долгими, как вы сказали, годами лишений? Прощальный банкет? На котором провожают прошлую жизнь... Тогда не лучше ли наоборот — сохранить запасы, чтобы лишения не казались слишком тягостными?

Полковник переглянулся с майором-аналитиком. Потом медленно кивнул. И майор, прочистив горло коротким хеканьем, выдал ещё одно откровение:

— Это ваш шанс облегчить страдания... — А после, выдержав паузу, продолжил: — Вы видели тушу, что неслась по коридору за экипажем крейсера? Теперь представьте себе, что на Меггидо высадится целая армия таких же тварей. Учтите, затея с алкоголем — ещё не самое ужасное, что мы нафантазировали. Был ещё вариант собрать всех-всех с поверхности планеты на «Аллеган», сказав, что станция перебазируется в другое место, срочный заказ и так далее. А в случае вражеской атаки подать в вентиляционную систему «Аллегана» смертельно ядовитый газ, что убивает за долю секунды.

Увидев, как застыло, как вытянулось от изумления лицо командора станции и как побагровела его шея, аналитик поспешил добавить:

— Впрочем, можно оставить всё, как есть, и пусть случится, что случится. Наши экипажи к бою готовы, и никто не строит иллюзий относительно исхода этой схватки. Противник превосходит нас численностью в три раза. Это, скорее всего, один из их поисковых отрядов, что прочёсывают сейчас локацию за локацией, близкие к приливным точкам. Но численность, как вы понимаете, ещё не всё. Противник превосходит нас качественно. Думаю, скоро в Солнечной придётся объявлять тотальную мобилизацию и переводить экономику на военные рельсы. Так что вражеский перевес в численности может скоро сойти на нет. А что до качества... Человечество всегда проявляло дьявольскую изобретательность в вопросах создания нового вооружения. Особенно замечательно это свойство проявлялось в периоды вооруженных затяжных конфликтов. На три четверти общий прогресс человечества состоит из технических прорывов в области военной промышленности. Это потом уже разные достижения подвергались конверсии. Так что, — пусть враг силён и кровожаден, но если откинуть налёт культурных ценностей цивилизации, то легко прийти к выводу: мы далеко не вегетарианцы в вопросах кровожадности. Мы тоже — раса агрессоров. Так что не стоит ругать недостатки флота, который оказался не готов к моментальному и действенному отпору. Сам факт, что Военно-космические силы существуют даже в мирное время, говорит о многом. Кстати, вы никогда не задумывались, почему женщины — эта во многих смыслах лакмусовая бумага для мужчины — чаще всего тянутся к сильным мужчинам?

— Если уж мы все — такие готовые к смерти и подвигам сильные мужчины, давайте, кстати, подумаем о женщинах. Неужели нет никакой возможности для них? У меня на борту — неполных пять тысяч человек. Из них пятьсот — женский персонал. В основном служащие административного отдела, лаборантки в исследовательских секциях, медицинский персонал, кое-кто работает и на поверхности... Неужели нельзя разместить их на каком-нибудь из ваших звездолётов и попытаться прорваться хоть куда угодно!

— Куда, командор? Надеяться, что по пути встретится ещё не освоенный Прилив, который выведет к окрестностям Солнечной? Такой шанс — один из миллиарда!

— Но всё же это шанс! Неопределённость взамен гарантированной гибели!

— Данные грависканеров показывают, что в окрестностях Мегтидо нет Приливов, кроме ведущего к Хамету. А наши звездолёты... Мы говорим о крейсерских кораблях, так? Куда ещё можно попытаться разместить несколько сотен человек? Так вот, они не создавались на манер круизных лайнеров. Запас автономности любого крейсера не превышает месяца. Отсутствуют анабиотические камеры, отсутствуют достаточные запасы кислорода и воды, ведь их создавали для решения локальных задач и действий вблизи приливных точек. У патрульных кораблей — те же проблемы. Даже похлеще, потому что их оснащённость вооружением крайне невысока... Так что ваша идея — копия моей, то же самоубийство, только ещё больше растянутое во времени. Единственный корабль у Мегтидо, который мог бы продержаться длительное время, это ваша станция, командор. Но при максимальной скорости, — сколько там у вас? Две-три десятитысячные от световой? — вас нагонят в течение завтрашнего дня, даже если бы вы стартовали ещё вчера. Давайте смотреть правде в глаза, командор! Когда-нибудь, и даже очень-очень скоро, в этом я не сомневаюсь, появятся звездолёты, имеющие и достаточную броню, и мощное вооружение, сочетающие скорость и манёвр, а также обладающие возможностью вести длительный автономный полёт. Технологии у нас имеются. Дайте прямо сейчас любому толковому коммандеру крейсера любой круизёр класса «А», повесьте на него броню от фотосферных черпалок, установите вооружение, что разрабатывалось под грифом строжайшей секретности, схемы которого лежат под сукном и ждут своего часа, потому что раньше для него не существовало достойных объектов атаки. Оснастите такой лайнер самыми современными баллистическими и навигационными вычислителями, и вы получите корабль, на котором можно было бы уйти с Мегтидо. А ещё лучше — на котором можно встретить врага, вступить в сражение и победить! Скоро такая техника появится, но мы с вами её не увидим. Потому что завтра, примерно к часу дня по бортовому времени «Аллегана», враг уже будет здесь. И вряд ли стоит ждать от него пощады — что для флотских экипажей, что для вашего персонала, что для пяти сотен дамочек, которые отлично знали, подписывая контракты, на что идут, и что в Дальнем Внеземелье до сих пор гибнут и люди, и корабли. Так что решайте, командор. Выбор за вами. В любом случае наши звездолёты будут прикрывать орбиту Мегтидо до последнего. И если начнётся выброска десанта, мы постараемся, чтобы до вас добралось как можно меньше транспортников. Ну а потом...

— Я вас понял, спасибо за откровения, майор. И вам спасибо, полковник. Это действительно непростая проблема. Никто, кроме нас, как говорится...

— Вот и отлично! Осталось только обговорить детали. И начинать подготовку.

— Детали? Какие тут могут быть детали? Если ваши данные верны, и мы подвергнемся атаке, — то уж как повезёт. А если нет, и вражеский флот пройдёт мимо, то... Послушайте, так ли это необходимо — вогнать пять тысяч человек в состояние опьянения? Это, мягко говоря, абсурд. Не лучше ли разъяснить всем, что нас ожидает, чтобы люди были готовы отдать свои жизни подороже? Раз уж ничего другого им не остаётся...

— Мне понятны ваши сомнения... — майор отошёл от карты и смотрел на командора в упор. — Но во-первых... Ожидание конца всегда страшней самого конца. Во-вторых... Мы ещё не уверены во всём точно, а вы, сообщив о приближении врага, получите вместо пяти тысяч человек, благодушно настроенных на праздник, одну неуправляемую толпу. Оч-чень неуправляемую! Я бывал на Светоче, когда там вспыхнул бунт. Более жестокого и разнузданного зрелища я не видел больше нигде и никогда. Люди, осознавшие, что им нечего терять, способны на такое, отчего начинаешь любить собак и попугаев. Вот, кстати, вам возможность подумать о судьбе женского персонала, понимаете, о чём я, да?

Командор «Аллегана» кивнул, соглашаясь с этим. Лет десять назад он был на Светоче, окраинном мире-колонии, где восемь планет превращены в места заключения для преступников и прочих отбросов общества. После второго грузового рейса он решил прервать контракт, согласившись даже выплатить неустойку...

— В-третьих, узнав о скорой гибели, ваши террастроители всё равно устроят бунт и пожелают найти доступ к запасам алкоголя и наркотиков. Надеюсь, вы не строите иллюзий по этому поводу? И не станете утверждать, что все рабочие горестно повздыхают на судьбу и усядутся рядком, сложив руки на коленках? Да они сами захотят дать последний отпор! И будут готовы делать это хоть голыми руками. А наш план предполагает выдачу вашим людям оружия. Ну, то есть предметов, которые могут использоваться как оружие. Жаль, нет под рукой корабля-арсенала... И универсальная штурмовая винтовка больше подходит для обороны, чем лазерные резаки. Но это лучше, чем ничего! Что касается инженерной техники... Вы сами прекрасно понимаете, что тяжёлый грейдер — тот же танк, только без боевого лазерного излучателя. Если совместить

его с переносным плазменным генератором или с промышленным гравитационным пробойником, то...

— Понимаю. Мне просто тяжело представить всё это.

— Да вообще невозможно пока ничего представлять! Разве кто-то из нас думал, что мир перевернётся так легко и всего лишь за пару дней? Но я хочу сказать, что это ещё и наш общий долг — оказать сопротивление везде, где это только возможно. Конечно, неизвестно, какова психология врага. Но если пользоваться привычной человеческой психологией, то только так можно остановить продвижение пришельцев к Солнечной и сбивать их мораль с самого начала. Они должны знать, что увеселительной прогулки, где они смогут пользоваться превосходством в технике и вооружении, пока не истребят всех нас, у них не получится! Можно воевать с армиями, но нельзя воевать с народами. Это аксиома. Надеюсь, им она тоже известна. Если нет — обязательно станет известной. Моральный дух агрессора всегда высок, если он решился нападать. И его мораль будет расти, если агрессор сразу не получит отпор. Прежде чем переломать хребет их военной машины, нужно внести тревогу в умы его пилотов и солдат. Наши корабли будут драться не ради победы, но — ради будущей победы! Это как цепная реакция. Достаточно однажды проявить стойкость, и в следующий раз враг станет вести себя осторожней, потеряет боевой порыв, потому что будет знать — дёшево, за просто так, человечество себя не отдаст на растерзание! А там — кто знает? — противостояние вступит в стадию дипломатических переговоров. В конце концов, если им что-то от нас нужно, пусть скажут, а мы уже станем решать, насколько разумны эти притязания, чем оправданы, и вообще — как добиться компромисса и вести мирное сосуществование. Пять Доминант, разделившие сферы влияния в Солнечной, всегда готовы вырвать друг у друга кусок изо рта, но это происходит без жертв, и Солнечная не знает войн вот уже несколько поколений!

— Ладно, майор, это уже патетика. А мы люди простые, — прервал его командор. — Ругать власть Доминант я умею не хуже вашего. Только сейчас нужно решить другое... Скажите, почему всё-таки алкоголь? Можно высадить рабочих на поверхность, объяснив всё только в последний момент. Мне тяжело представить, что такое горнопроходческая буровая машина под управлением невменяемого оператора...

— Понимаю. Но если уж говорить начистоту, наше решение основывается больше не на рассуждениях и фантазиях, а на чужом опыте — опыте наших предков, опыте отшумевших войн и ушедших поколений.

— Вы ещё и по истории читаете лекции? — склонность майора-аналитика к нравоучениям и пространным рассуждениям начала раздражать командора.

— Почему нет? Завтра ни меня, ни вас не станет. Это и не хорошо и не плохо, как сказали бы древние воины. Это — наша судьба. Путь воина. Косматые головорезы под предводительством какого-нибудь рыжебородого эрла рисковали выходить в бушующее море на деревянных кораблях, чтобы потом на чужих побережьях высекать топором и мечом имя своего предводителя. Чем отличается современный звездолёт от скандинавского драккара? Я вам скажу — только разным отношением экипажа к смерти. Сытый, насыщенный благами мир сделал нас другими, но где-то в глубине, в подсознании, в сердце, в генном коде в каждом из нас сидит тот викинг, ратник ополчения, самурай, гвардеец-зулус, линейный пехотинец, варвар, выходящий обнаженным против укрытых панцирями легионеров, солдат стрелковой роты, идущий в штыковую атаку, сын ветра, пикирующий на палубу авианосца... Список долгий. Но, кажется, настала пора сделать его чуть-чуть длинней. Теперь это будем мы — восемь боевых кораблей плюс шесть патрульных станций, против превосходящего флота, и ваши пять тысяч самых обычных человек — против обученных убивать, готовых к этому, великолепно подготовленных и вооруженных тварей. Погибший в бою — не умирает! Это тоже вам обязательно бы сказали в древности. Так скажут и сейчас. А возбуждённое сознание, в котором подавлен страх и активированы инстинкты — это как раз то, что нужно. Для викингов и ратников было вино и священные грибы, для пехотинца перед рукопашной схваткой — законные сколько-то грамм чистого спирта. Мы оживим в ваших людях этого пехотинца и этого викинга! Химики лабораторий флагманского крейсера уже колдуют над пропорциями какой-то дряни. К утру всё будет готово. Если вы согласитесь, то не беспокойтесь — ваши рабочие, независимо от индивидуальных наклонностей и пристрастий, не станут валяться мертвецки пьяными, а будут готовы для боя.

— Но одной личной отваги, пусть даже разбуженной алкоголем, — этого недостаточно! А как же организация обороны? Нужны знаменосцы. Это ведь станет сплошным кошмаром — террастроители, размахивающие во все стороны лазерными резаками, или оператор грейдера, давящий без разбора всё подряд!

— А вы думаете, что раньше всё происходило как-то иначе? Тоже не стоит переживать. Даже опытнейший футболист хоть раз

в жизни загонял мяч в собственные ворота. Вы были бы страшно удивлены, если бы узнали полную статистику всех прошедших войн — сколько солдат гибло от рук своих же... Кошмара не будет. У меня есть кое-какие предложения на этот счёт. Кошмара не будет. Будут знаменосцы, которые поведут в атаку. Пусть это станет для всех сюрпризом...

— Чёрт возьми, полковник! Господа патрульные! Чего же вы молчите? Это ведь та ещё затея! Но что-то в ней есть...

— Мы всё уже обсудили раньше, командор, — ответил за всех полковник. — Нам нужно было только ваше согласие. А теперь — приступим к деталям... Кстати, командор, вы уверены, что наш разговор никем не подслушивается? Мне бы не хотелось отвечать на бесчисленные вопросы службы безопасности Доминанты. Хотя скоро на условности станет наплевать... Просто слухи — как осенние листья. Разлетаются очень быстро и очень далеко, пока не захватят всех. Так что лучше поздно, чем никогда. Майор!

— Понял вас, коммандер...

После этого голоса пропали. В «чёрный ящик» пошёл неясный гул и обрывки речей, из которых решительно ничего нельзя было разобрать. Руперт откинулся в кресле, смотря на Мартина оловянными глазами.

— Вот чёрт! — только и смог проговорить он.

— Видишь, как оно... — таким же растерянным оказался и оператор модуля. — Ладно, я пошёл, предупрежу своего пилота. Подумаю... К утру забегу. Когда будем уже на поверхности. Сейчас ведь ничего уже не изменить. Только смотри, Руп, не растрезвонь новости по всем каютам. Тогда в космос выкинут без скафандра тебя...

— А видеочип? — увидев, что Мартин собирается уходить, диспетчер словно очнулся.

Одно дело — угроза, которую пока ещё не ощущаешь. Совсем другое — компрометирующая запись, что пока ещё находилась в руке Мартина.

— Ой, извини, совсем забыл. Лови!

Когда Мартин ушёл, диспетчер запустил рекордер, чтобы всё-таки просмотреть — что же успело попасть на чип, ведь тогда он таки не успел это сделать...

— Всё равно ты сволочь, Март, раз приносишь страшные известия... — улыбнувшись, Руперт смотрел, как вечно несправедливый мышонок под развесёлую музыку садистски издевался над несчастным котом.

Глава 5
ПЕРВЫЕ ИСКРЫ. БЕГСТВО В НИКУДА

Для Шкипа наступил момент, когда можно заново пережить всё произошедшее, задавая бесчисленное множество раз один и тот же вопрос — почему?

Почему человечеству, ещё с колыбели мечтавшему встретить иную расу, человечеству, никогда не верившему, что оно одиноко в бесконечности Вселенной, человечеству, что стремилось к звёздам и до сих пор оснащало свои корабли посланиями, адресованными звёздным братьям, — почему же ему повстречались вот эти головорезы, запросто перечеркнувшие жизнь пятерых добытчиков? Почему это произошло? Чем провинились ребята третьей группы, усталостью и скрученными в жгут нервами зарабатывавшие себе на более-менее достойную жизнь?

А может, чужаки вовсе не головорезы? Неужели кто-то из третьего отряда совершил непростительную глупость, давшую высокоразвитой иной расе повод атаковать их? Но что они могли сделать? Шкип был уверен в их старшине, Рейни, который наверняка не стал бы заниматься глупостями. Нет, тут что-то другое, что-то не то... Во всех этих рассуждениях отсутствует оценка другой стороны события. Иные — зачем им входить в Восьмой Грот — локацию, где нет ни обжитых планет, ни более-менее крупных станций, с которыми можно было бы попытаться выйти на связь, как-то дать знать о своём прибытии и своих намерениях, если бы они были мирными... Слишком глухой сектор. Слишком странные совпадения: чужой сигнал и исчезновение связи с третьей группой. Слишком мало времени, чтобы разобраться в ситуации. И слишком много оружия на борту их звездолётов.

Конечно, можно предположить, что эти два корабля, неизвестно как попавшие в Восьмой Грот, минуя единственный Прилив, тот, что из Листопадного Зала, — корабли дальней разведки. Оказавшись в неизвестном районе и обнаружив незнакомые звездолёты, пусть даже что-то в действиях третьей группы показалось им признаком враждебности, — зачем они решили атаковать? Не ушли обратно, пытаясь повторить контакт другими средствами, другими методами, в другом месте? Так атакует змея — из предосторожности, если напугать её своим приближением. Но неужели им не хватило способностей понять, — им, вышедшим к звёздам! — что всегда возможно другое понимание ситуации? Вот, он, Шкип, только что переживший самое настоящее сражение — почему он

пытается отыскать хоть какое-то объяснение, найти хоть какую-то лазейку, чтобы оправдать пришельцев? А ведь так, начиная знакомство с уничтожения друг друга в дальних секторах, вполне можно положить начало большой войне!

Шкип представил, как может отреагировать руководство «Стар-Квеста», получив известие о потере пятерых добытчиков и, соответственно, пяти «Трайдов» — малоразмерных высокотехнологичных звездолётов рудодобычи. Хотя какое там! Шкип грустно усмехнулся собственным мыслям. Высокотехнологичные... Нам бы такое оснащение и такие движки... Тем не менее — корпорация запросит помощь. Завтра в Листопадном Зале и в квадрате пять-тридцать — локации Восьмой Грот — появятся боевые звездолёты Доминанты «Амга-Заале», а с ними — группа военных кораблей ВКС, затребованных Доминантой у Глобального Совета. Они выжгут к чёртовой матери все-все волчки, которые только встретятся. И плевать на звёздную дружбу, если она имела такое весёлое начало.

Нет. Всё равно неправильно. Всё неправильно. По поводу третьей группы... Они не стали бы строить из себя контактёров. Рейни обязательно вышел бы на связь, уведомив караванного, то есть — Шкипа. Затем Шкип уведомил бы Центральный Модуль. Командор Большой Мамы вышел бы на связь с Солнечной... Никто не лез бы на рожон. Всем понятно, насколько деликатное это дело — первые слова и жесты при первом знакомстве.

Совсем рядом кружили по вечным орбитам потоки астероидов. Они были здесь миллионы лет назад, когда изменения объёма звезды Лахо вызвало гравитационные возмущения, разорвавшие несколько планет системы. Они будут кружить миллионы лет потом, когда Лахо растеряет всё своё вещество для ядерного горения, и тихо-тихо начнёт угасать. И в унисон астероидам кружились по таким же замкнутым орбитам мысли Шкипа.

— Сбор груза закончен, — лаконично доложился Компаньон, отвлекая своего пилота.

— Так быстро? — изумился Шкип. — И... Как же его удалось разместить?

— Конструкция оказалась разбита на восемь частей. Пять из них сохранены, остальные три подвергнуты деформации...

Шкипа передёрнуло это слово. Ведь где-то там, среди обломков чужого звездолёта, наверняка находилось и тело пилота. Хорошо бы это тело оказалось внутри какого угодно из тех пяти фрагментов, что не подверглись гравитационному сжатию после лазерной

резки. То, что пилот был мёртв, Шкип не сомневался. Детектор давно показал бы биологическую активность. Либо, как вариант, корабль-волчок управлялся автоматами. Такое допущение, с одной стороны, было хорошим — Шкипа вовсе не радовало нахождение в его грузовом трюме инопланетного покойника. Но вот с другой стороны... Как-то не укладывалось в сознании, что пятерых его ребят грохнули два свихнувшихся робота, и они же чуть не прикончили затем самого Шкипа. К тому же изнутри, пока робко, но — пробивалась радость. Радость победителя. Триумф победителя. Одно дело — вести бой с противником из плоти, обладающим разумом, другое — с бездушными механизмами... Ладно, покойник так покойник, решил для себя Шкип. Чего только не побывало в трюмах наших «Трайдов»! И тут же вспомнил о другом:

— Ах, чёрт! Чёрный ящик! Нам нужно вернуться за «чёрным ящиком» какого-нибудь из пяти «Трайдов»...

— Автоматический режим разрешён? — осведомился Компаньон.

— Валяй! Только осторожно! Кстати, что у нас за повреждения? Движки не развалятся по дороге? Нам ведь ещё возвращаться, — Шкип подумал немного и добавил: — А может быть, снова уходить от погони или пытаться драться.

— Повреждена камера фокусировки гравитационной волны и сбрасыватель плазмы. Повреждения некритичны. Тяга постоянна при поддержании энергетического баланса. Падение мощности до семидесяти процентов от номинальной. Износ камер реактора — шестьдесят процентов. Прогрессии повреждений нет. Герметичность кабины восстановлена. Рекомендованы восстановительные работы при возвращении на базу...

— Ну, и на том спасибо! — Шкип с облегчением выдохнул, даже не представляя, что бы он делал, окажись повреждения чуть серьёзней.

«Трайд» шёл чётким маршрутом, просчитанным Компаньоном, возвращаясь к месту обнаружения погибших добытчиков. Вот и огромная глыба, изборожденная узкими впадинами-щелями, на обратной стороне которой три из пяти... Чуть дальше — другой астероид, где находятся остатки ещё двух «Трайдов».

— Как будто гвоздями их прибило! — дошла до Шкипа странность ситуации.

Или все пять добытчиков произвели посадку — на черта им это было нужно? — и их, уже севших на астероиды, расстреляли те самые два волчка, что гонялись за Шкипом. Или же они находились

вблизи астероидов и были скинуты на поверхность уже разбитыми. Может быть, пытались прятаться? Надеялись найти убежище в ущельях? Но почему никаких оповещающих сигналов? Никакого автоматического зонда с предупреждением об опасности?

Для точных ответов на все вопросы очень нужны были «чёрные ящики». Желательно все пять, но даже один — будет неплохо.

Обратная сторона астероида. Фрагменты кораблей, в лохмотьях металла. На экране перед Шкипом побежали данные со сканирующей аппаратуры.

Борт 1184. Неактивен! Борт 1180. Неактивен! Борт 1181. Неактивен!

Удручающая картина — борт одиннадцать восемьдесят четыре, корабль старшего группы. Когда-нибудь Рейни должен был занять место Шкипа, став караванным звена. Но... Другие два «Трайда» — восьмидесятый и восемьдесят первый — два новичка. Никому из них уже никем не стать.

— Чёрные ящики отсутствуют! — после третьего прохода сканирующего луча заявил Компаньон.

Та же история повторилась над местом гибели двух других кораблей.

Чертовски скверная история, задумался Шкип, теперь вместо ясности, которую могли внести записи «чёрных» ящиков, пойдут одни догадки и предположения. Оставляя решение проблемы на потом, пилот снова окинул взглядом место гибели третьей группы и направил «Трайд» к приливной точке.

— Установить зонд-маяк.

— Маяк установлен...

Позже, сюда, в Восьмой Грот, квадрат пять-тридцать, можно будет пригнать исследовательский модуль. Он найдёт место гибели добытчиков по пеленгу, передаваемому зондом, и переворошит всё вокруг мини-роботами георазведки. А вот и Прилив...

— Прилив, капитан!

Компаньон просто обязан был сказать эту фразу.

Старая традиция, родившаяся сразу с открытием Звёздных Приливов. И тогда уже корабли уверенно управлялись автоматикой. Но стоило любому из них подойти к одному из входов в этот загадочный туннель, как управление брал пилот. Человек. Наследник тех, кто выводил на орбиту первые спутники, кто строил орбитальные станции, кто впервые сделал шаг навстречу звёздам. И сейчас Шкип слышал то, что слышал уже не раз, что слышали до него тысячи других навигаторов.

— Прилив, капитан...

И вся необъятная Вселенная, с её бесчисленными россыпями, исчезла. Схлопнулась в тонкую нить. Осталась за пределами великого НИЧТО, которое окружало теперь Шкипа.

Клубы загадочного тумана, изломанные линии, будто попытки невидимой руки вывести какой-то внятный контур. Ни цвета, ни времени. Аппаратура «Трайда» фиксировала это НИЧТО единственным доступным ей способом — просто переставала что-либо фиксировать. В погасших экранах Шкип ловил лишь своё отражение — со странной гримасой, выражающей одновременно настороженность, ожидание и надежду.

Настороженность — потому что физика Приливов не поддается изучению. Есть только теории. Много теорий. Человечество получило волшебную дорогу, по которой можно двигаться только вперёд, не сворачивая и не останавливаясь...

Ожидание — это ожидание чуда! Все линии, все кольца тумана будто силились что-то показать, сделать всё понятным. Но у них не получалось. Так пытается немой рот произнести слово...

Надежду — что ровно через двадцать одну минуту с хвостиком — величина, названная Постоянной Пикшина, — ему доведётся вновь увидеть звёзды.

Вход в Прилив невидим. Но его можно локировать специальной аппаратурой. Каждый Прилив ведёт только в одну точку. Для того чтобы знать — в какую? — нужно однажды пройти именно этим Приливом. Каждый штрих, обозначающий путь Прилива в лоциях — это ещё и путь, которым когда-то прошёл человек. Расстояния, которые можно преодолеть, пользуясь Звёздным Приливом, могут быть разными. В одном случае, ныряя у орбиты Посейдона — первой из освоенных планет вне Солнечной системы, — корабль попадал к Алеусу, жёлтому карлику, схожему с Солнцем и находящемуся на расстоянии восемнадцати светолет от Посейдона. В другом случае, ныряя у Алеуса, можно попасть к Стигме — голубому гиганту с огромными красными пятнами. Расстояние — пять тысяч светолет. Никакой системы, никаких закономерностей и зависимости точки выхода и преодолённых расстояний от точки входа не выявлено... Только одно — от Посейдона к Алеусу, или от Алеуса к Стигме, или откуда угодно куда угодно, — время прохода через Прилив — Постоянная Пикшина, двадцать одна минута с хвостиком.

Шкип закрыл глаза. Он никогда не делал этого раньше, всякий раз очаровываясь абстракциями загадочного калейдоскопа. Но сейчас на выходе его могло ожидать что угодно. Он даже задумался —

а верно ли поступает, что возвращается в Листопадный Зал? Не слишком ли самонадеянно оценивает шансы выдержать ещё одну игру с кораблями чужаков, после, в общем-то, абсолютно случайной победы? Что у него есть? Понимание необходимости донести известие о неблагополучном первом контакте с иным разумом. Образец инопланетной техники в грузовом отсеке, и, может быть, мёртвая особь, стиснутая обломками собственного корабля. Ещё — движки, потерявшие почти четверть мощности. Нарушенный баланс управления «Трайдом», поддерживаемый исключительно работой полётного компьютера, который сам по себе неизвестно что способен выкинуть в следующую минуту. Лазерный бур, которым при оч-чень удачном стечении обстоятельств можно щёлкать скоростные, прекрасно вооруженные, постоянно маневрирующие корабли противника. По одному в сорок минут, или около того... Да от «Трайда» мокрого места не останется за эти сорок минут, если кораблей-волчков окажется два или больше, и если Шкип не успеет прорваться к Приливу.

Месяцы, проведённые за работой в Листопадном Зале, не прошли даром. Не открывая глаз, всё так же плотно сомкнув веки, Шкип мысленно рисовал схему локации.

Сразу по выходу из Прилива — пространство, свободное от астероидов. На максимальной тяге, которая ему сейчас доступна, он преодолеет его минут за десять-двенадцать. Дальше — край астероидного поля. Мелкие обломки, облака космической пыли, «бахрома», как называют это добытчики. Не забыть врубить плазменные обтекатели! Затем — два возможных пути. Первый — вклиниться в самую гущу астероидов, устроив великолепный серфинг. Тем более, как он уже успел понять, корабли-волчки вели себя весьма осторожно, попадая в астероидный рой. И их преимущество в скорости сразу сходило на нет. Но! У них же имеются чертовы шары-ракеты. Можно даже не попасть в «Трайд» Шкипа, достаточно уничтожить несколько глыб на его пути, и тогда он сам сможет благополучно угробиться...

Второй путь — рваться почти по прямой, как делал это командор «Селены». Пройти вблизи рудных разработок, надеясь на плазменные обтекатели, задевая край роя... Тогда, правда, волчки нагонят его вмиг! И снова вернулась представленная раньше картина если не гибели, то плена, с мерзким зондом в ноздре и... Шкип заёрзал. Слишком уж неприятными представлялись ему всякие там опыты. Ведь он — не политик, не дипломат. Кто захочет проверить — для чего инопланетная раса пытается раздобыть представителя хомо

сапиенса, для переговоров ли, философских бесед или для препарирования на манер лабораторной крысы, — тот пусть и проверяет. А его дело, раз уж повезло, — дотащить груз до первой попавшейся станции с исследовательскими лабораториями и работающей даль-связью. В идеале — доставить к Большой Маме, если в Листопадном Зале нет никаких врагов. Тогда можно даже рассчитывать на какие-нибудь привилегии. Награду. Деньги. Премиальные — за беспокойство при транспортировке нестандартного груза.

Последняя мысль заставила его усмехнуться. Надо же! Задница в огне, а он всё равно думает о наградах, привилегиях, премиях за доставку...

Тут же Шкип обругал себя за другую, более дельную, но запоздалую мысль. Потянув из набедренного футляра длинную тонкую палочку «Мудры» — так называли добытчики официально запрещённый, но употребляемый повсюду антидепрессант, подстёгивающий сознание и увеличивающий реакцию. Ведь космос — невероятно агрессивная среда для человека. Даже в самой статичной локации в любую минуту может случиться любая беда. Чтобы не растеряться в экстремальной ситуации, исключить панику, помочь мозгу найти верное решение, добытчики брали в каждый полёт и держали наготове вот такие палочки. Тонкая молекулярная обёртка не была помехой, — Шкип отправил «Мудру» в рот целиком, так, как есть, и принялся усиленно разжёвывать.

Антидепрессант начинал действовать не сразу, у каждого случалось по-разному, но лично для себя Шкип уже знал — должно пройти минут пять, пока химическая формула, заключённая в палочке «Мудры», подстегнёт его сознание. А до выхода из Прилива как раз и оставалось — минут пять, не больше.

Пять минут — и снова забьётся квазерный расщепитель — сердце звездолёта. Мягко вспыхнут экраны. Зелёным отсветом — экран сканирующей навигационной аппаратуры, голубым — общий экран состояния корабля, нейтрально-серым — вспомогательные экраны. Зрительные нервы звездолёта. Куда ярче полыхнёт плазменно-гравитационная струя за кормой! Разгонные движки — опорно-двигательная система, быстрые ноги звездолёта, хотя и израненные. А что же мозг? Компаньон? Ну уж нет. Мозгом корабля, его волей, его самой главной деталью остаётся он, пилот, караванный звена добытчиков, собственной персоной. А Компаньон — обязательный придаток, всего лишь мозжечок.

— О! — пришло прозрение. — Я так и буду его называть. Чтобы не обижался. Мозжечок! Чем не имя для Компаньона?

В традициях добытчиков было давать Компаньонам имена, прозвища и клички. Ведь общение с Компаньоном — общение с самим кораблём. Да и неудобно, обращаясь к компьютеру, называть его «компьютер».

— Эй, Мозжечок! Просыпайся! — позвал Шкип, пробуя это прозвище на вкус, примеряя его к своему Компаньону.

Он проснулся. Не сразу, через минуту. Тогда же за кормой плеснула яркая струя, вспыхнули и ожили экраны, подал голос реактор-расщепитель...

— Выход из Прилива, капитан!

Компаньон обязан это сказать. По традиции.

То, что увидел и осознал секундой позже Шкип, нельзя было представить в самом кошмарном из кошмаров... Локации Листопадный Зал, в том виде, как привык наблюдать пилот, больше не существовало!

Глава 6
РУКОПАШНЫЙ ДЕНЬ. ФЕЙЕРВЕРКИ ДЛЯ «АЛЛЕГАНА»

Мегидо — одна из немногих локаций, получившая имя по названию планеты, а не звезды, как было общепринято. Наверное, это связано с тем, что в отношении планеты имелись обширные, далеко идущие планы.

По классификатору терраформирования планете был присвоен индекс в девяносто два балла, что означало совпадение девяносто двух основных параметров из сотни основных параметров эталона. Само собой разумеется, эталоном являлась Земля. Наличие магнитных полюсов. Напряженность магнитного поля. Высокое содержание кислорода в атмосфере. Плотность атмосферы. Сила тяжести. Осевая скорость вращения. Радиационный фон. Наличие мирового океана. Наличие спутника — малого планетоида. Погодный цикл. Уровень освещенности... И так далее.

На Мегидо даже существовала органическая форма жизни, представленная морскими водорослями, которые и поддерживали кислородный баланс. Гигантские водорослевые поля тянулись плотными слоями на разных глубинах, отчего холодные воды океана, занимавшего около восьмидесяти процентов поверхности, казались чёрными.

Поскольку открыл этот мир экипаж звездолёта-разведчика изыскательской службы Доминанты «Поларис», то концессию на терраформирование получила корпорация, входящая в промышленную структуру «Полариса». Находка оказалась слишком лакомым кусочком, чтобы оставить всё просто так. Остальные четыре Доминанты, объединив усилия, пытались всячески помешать «Поларису» в освоении Меггидо. Поэтому начальная стадия, её первые три-четыре года проведения работ на поверхности, сопровождались различными скандалами и происшествиями. Поднятие индекса до девяноста пяти баллов автоматически переводили Меггидо в объект достояния всей Солнечной, без приоритетного собственника, каким являлась Доминанта «Поларис». Отсюда — неожиданные находки. Такие, например, как несколько видов насекомых...

Водоросли — это всего лишь водоросли. Одноклеточные организмы. А водяной кузнечик — это уже белковая форма жизни. Это — ещё один пункт индекса! Биологам «Полариса» пришлось потрудиться, чтобы доказать — на Меггидо не существует пищевой цепочки, одним из звеньев которой могли быть водяные кузнечики. Потом уже, когда прошла утечка информации, стало ясно, что кузнечики, попавшие на Меггидо и постепенно осваивавшие океан, не что иное, как генетически преобразованный вид микроскопических креветок, обитающих на Земле.

Но это была грубая работа, проба сил. Потом провокации и мистификации стали более изощрёнными и жестокими.

Например, вспышки неизвестных болезней среди терраструителей, которые нужно было погасить в срок, установленный Глобальным Советом. Целая армия вирусологов, микробиологов, медиков Доминанты-собственника бились над этой проблемой, расправляясь с болезнями. В противном случае планета Меггидо могла быть объявлена карантинной зоной, с установлением совместного контроля всех пяти Доминант.

Потом произошло «внезапное обнаружение» литографов — каменных плит с высеченными знаками, напоминающими иероглифическое письмо... Потом...

Последней попыткой не позволить «Поларису» расширить свои владения было появление у Меггидо большого астероида. Он возник самым неожиданным образом, имея достаточную начальную скорость, чтобы натворить множество бед на планете и траекторию, удивительно приближенную к траектории падения в районе основания комплекса терраформирования. Наполовину астероид состоял из железа, наполовину — из кремния. Мало кто

знал, каких несчастий избежала тогда планета. Размеры астероида хотя и были несопоставимы с размерами естественного спутника Меггидо — местной Луной, названной Ларусс, но всё же... Имея в поперечнике около трёх километров, в случае падения он мог бы стать причиной наступления ледникового периода. Катастрофе помешал вошедший в локацию вне расписания грузопассажирский транспорт «Прайд».

Лобовое столкновение. Детонация квазерной установки. Транспорт буквально разнесло на атомы. Но вследствие этого столкновения астероид обрёл стабильную орбиту.

В результате всех этих «случайностей» в локации Меггидо находился постоянный патруль. Плюс ко всему, после получения статуса окраинного мира — номинальной границы Солнечной, здесь часто появлялась военная эскадра ВКС. А работа и жизнь террастроителей проходила под неусыпным контролем собственной Службы Безопасности Доминанты «Поларис», которая тоже держала в локации Меггидо несколько звездолётов-перехватчиков и базу — Купол на Ларуссе, спутнике Меггидо.

Расстановка сил ко дню ожидаемого пришествия врага была такова: как и предполагал Мартин, в локацию вошло два тяжелых крейсера ВКС, в дополнение к двум уже имеющимся, сопровождаемые группой истребителей и четырьмя карманными крейсерами — Ка-два, как называли их во флоте, которые тут же заняли позицию вблизи Ларусса, а на орбиту Меггидо высыпало шесть патрульных кораблей СБ, покинувших ангар на Ларуссе. Кроме этого, вблизи «Аллегана» застыли две из четырёх станций полицейского патруля, ещё две зависли у приливной точки, ведущей к Хамету, и ещё пять вёртких скутера патруля крутились, пользуясь большим запасом хода, высокой скоростью и манёвренностью у дальней границы локации. Там же находился и военный корабль-исследователь, обшаривающий пространство двумя огромными сканерами.

Мартин пытался вызвать по коммуникатору Роя, пилота «Хулигана», но оказалось, что коммуникационная служба отключена. Добравшись до своей каюты, Мартин уселся перед экраном персоналки, обхватив голову руками. Перед этим он встретил несколько групп эсвебеушников, которые яростно проклинали какого-то верзилу, устроившего форменный погром на одной из палуб перед лифтом, из чего Мартин понял, что Гризли одержал очень убедительную победу и смог уйти, оставшись безнаказанным. Эсвебеушники строили планы мести, предвкушая, как завтра с помощью командора станции вычислят обидчика и сыграют с ним в футбол

всей оравой. Март грустно усмехнулся, услышав обрывок такого разговора. Несбыточные мечты, хотелось ему сказать служакам Доминанты, завтра вам будет не до проходчика Гризли. Вернее, уже сегодня. Стрелки часов перемахнули через полночь, начав новый отсчёт. Последний отсчёт последнего дня для последних землян, находящихся в локации.

Рой сам нашёл Мартина, просунув голову в незапертую дверь каюты.

— Ну, как изыскания? Я думал, тебя уже упаковала служба безопасности, а ты, оказывается, цел и невредим. Что ещё раскопал, Мартин?

Было видно, что пилота мучает любопытство, раз уж он дожидался бортоператора и не ложился спать.

— Герой жив, и даже не ранен, — с наигранной бодростью ответил Мартин. — Входи, чего стоишь?

Рой с готовностью проскользнул в узкую каюту оператора, которая размерами уступала даже рубке управления их модуля орбитальной поддержки. Но всё же это была отдельная каюта, полагающаяся каждому, кто работал на орбите, не то что многоместные номера терраастроителей, работающих на поверхности.

Если Рой обустроил своё жильё с присущим ему практицизмом, сохранив как можно больше свободного места, то каюта Мартина напоминала мелкую ремонтную мастерскую. Он был влюблён в технику. Когда у кого-нибудь из орбитальщиков выходил из строя портативный компьютер, или игровая приставка, или видеорекордер, то им не приходилось ломать голову над тем, где это всё можно починить. В результате Мартин постоянно был обеспечен добровольно взваленной на себя работой, а взамен обретал множество людей, всегда готовых на ответную помощь.

До прихода Роя Мартин размышлял над тем, что ему удалось услышать в диспетчерской. Ведь и раньше ему удавалось узнать то, что никак не предназначалось для ушей персонала «Аллегана». Но он всегда знал, что делать с полученной информацией. А вот сейчас случай оказался настолько особым, а новость настолько невероятной, что Март едва ли не физически ощутил, как гнетут, давят тяжким грузом эти знания.

Вначале он думал предупредить всех знакомых ему пилотов, операторов и прочих специалистов. При этом Мартин мог быть абсолютно уверен, что к моменту посадки на «Аллегане» останется мало таких, кто не будет извещён о грядущем событии. Потому что

у знакомых Мартина имелись свои знакомые, у тех, в свою очередь, ещё знакомые, у тех свои, и дальше, по цепочке. Такие известия распространяются со скоростью звука, куда там листопаду!

Но затем Мартин вспомнил предупреждения офицеров ВКС. Тогда ещё их слова о неизбежной панике и возможном слепом бунте показались убедительными. Как можно оставаться спокойным, когда знаешь, что живёшь последние часы? Как поведут себя рабочие? Особенно те, что сутками не вылазят из глубоких шахт, подготавливая нижний уровень обеспечения коммуникаций. Как поведут себя уставшие, злые, как черти, служащие, которым осталось меньше месяца до окончания контракта? Ведь пять тысяч террастроителей, несмотря на кажущуюся организованность, — настоящая пороховая бочка. Достаточно нескольких паникёров, чтобы бочка взорвалась. И тогда весь персонал станет неуправляемой толпой. Что последует за этим? Да что угодно! Поэтому Мартин не спешил делиться откровениями. Ну а Рой — совсем другое дело. В конце концов, совместная работа на одном кораблемодуле сделала их друзьями.

— Давай рассказывай! — торопил Рой, освобождая себе место между встроенным шкафом, в котором хранилась запасная форменная одежда, и небольшим столиком, заваленным какими-то микрочипами, схемами, шлейфами проводки.

— Рой... — неуверенно начал Мартин, не зная, как преподнести другу новость.

— Ну давай, не жадничай! Чего ты заикаешься?

— Рой... — Мартин предпринял вторую попытку. — Завтра... То есть сегодня уже... Ну, вместо юбилея, как я и думал, будет кое-что другое...

— Не тяни, Март! Юбилей не юбилей, какая разница? Плевать на шишку-хаймена! Что будет-то? Или праздник вообще отменяется?

— Нет, но...

— Ага! Всё-таки обещанное дармовое угощение и три дня, свободные от работ, остаются! Так не всё ли равно — из-за чего?

«Нет! — захотелось крикнуть Мартину. — Не всё равно! И вместо юбилея мы окажемся на собственных похоронах!»

Он почти сделал это, преодолев сомнения и уже размыкая губы, чтобы вытолкнуть роковые несколько слов, но ему помешали.

— Клик-клик! — прозвучал тонер над дверью каюты.

— Ты ждёшь гостей? — удивился пилот. — В такое время? Половина второго по-корабельному!

— Никого я не жду! — Мартина посетило какое-то беспокойство. — Рой, когда ты шёл ко мне, за тобой точно никто не увязался? И вообще, возле лифтов ведь...

— Никого возле лифта не было... А! Ты про драку? Там, говорят, Гризли с дружками кому-то начистили физиономии... Нет, никто за мной не шёл, а что?

— Клик-клик! — снова дал о себе знать тонер.

— Вот ведь какие настырные! — заявил Рой и потянулся к сенсору замка.

— Подожди, Рой!

Но было уже поздно. Дверь распахнулась, и Мартин с Роем увидели недовольно нахмуренное лицо служащего СВБ.

— Оператор модуля «Хулиган»? — сверяясь со списком в электронном планшете, так же хмуро спросил эсвебеушник.

«Ну, всё, — мелькнуло у Мартина в голове, — Руперт, идиот, всё-таки проболтался!»

— А в чём, собственно, дело? — чуть повысил голос Рой.

— Не знаю. Общий сбор экипажей орбитальных служб. Ни вам, ни нам выспаться не дают. Так вы...

— Оператор «Хулигана», — подтвердил Мартин.

— Вот и отлично. А это... — охранник показал пальцем на Роя.

— Пилот модуля «Хулиган», — представился тот, касаясь жетона на комбинезоне.

— Просто замечательно! Не нужно бегать на другую палубу! — удовлетворенно проговорил эсвебеушник, вычеркивая пальцем с экрана планшета сразу две строки. — Значит, так. Общий сбор у ремонтного ангара, я вам не нянька, так что сами дотопаете, ага?

— А почему нельзя было вызвать по коммуникатору? — спросил Март, которого уже отпустило напряжение, едва он услышал, что никто не собирается немедленно хватать за руки и куда-то тащить для неприятных разговоров.

— Потому, что коммуникаторы отключены, неужели непонятно?

Ну вот, подумал Мартин, ещё один человек на своём месте! Удивительная исполнительность. Отключены коммуникаторы, нужно изображать посыльного. А почему отключены? Что за общий сбор? Ему наплевать. Он сделает, лишь бы кто-то скомандовал — что именно?

— С чем же это связано? — всё-таки не удержался оператор, чтобы исключить последние сомнения в том, что вызов может быть связан с недавним вторжением в «чёрный ящик».

Но охранник кинул такой взгляд, словно Мартин спрашивал о смысле существования Вселенной, и коротко повторил:

— Общий сбор у ремонтного ангара.

После чего развернулся и ушёл.

— Уже начинается... — проронил Мартин.

— Что начинается? Что за день, кругом одни загадки! Не будь, как этот... — и Рой очень похоже изобразил унылое, недовольное лицо охранника.

— Пошли, там расскажут.

— Но... Ты узнал? Ты что-то ведь узнал, Март?

— Нет. Пока ничего.

Мартин принял решение сообщить Рою обо всём, что стало ему известно, но только чуть позже, после вот этого неожиданного сбора.

Они шли притихшим коридором, в котором лишь кое-где с шипением открывались двери, выпуская из кают таких же недоумевающих, как Рой и Мартин, пилотов и операторов орбитальной службы. У лифта их остановили четверо охранников, проверив жетоны. Давно такого никто не мог припомнить, — чтобы СВБ ввела контроль за передвижением на «Аллегане». Пока шла проверка, орбитальщики переговаривались приглушенными голосами, кое-кто чертыхался, кое-кто выстраивал версии. И только Мартин знал, с чем связан этот неожиданный вызов. Но при этом старался так же, как и все, выражать недоумение и кидать искоса взгляды на двух эсвебеушников — сопровождающих. Внутри Мартина сейчас жила только одна мысль — скоро всё разрешится само собой...

По пути лифт останавливался несколько раз, подбирая всё новых и новых пилотов. Наконец, створки лифта скользнули в стороны последний раз. Они вышли на служебную палубу: восемь экипажей модулей поддержки, шесть пилотов вспомогательных миниджетов и полётный состав исследовательских кораблей георазведки. Здесь, в этом коридоре, не было кают. Две или три двери вели в технические помещения, откуда производился контроль за состоянием техники в ремонтном ангаре.

Мартин с Роем бывали на этой палубе всего лишь два раза, когда отказала противометеоритная защита «Хулигана», и модуль получил повреждения рулевых сопел. Вообще, из орбитальщиков мало кто бывал здесь часто. Рабочие старты проводились с другой полётной палубы, которая находилась в другой секции «Аллегана». Поэтому для них всё выглядело странным вдвойне — ночной сбор, непривычное место, тишина, в которой лишь гулко отдаются шаги,

освещение, управляемое детектором массы, включающееся при приближении и выключающееся за спиной. Ни одного техника не встретилось им по пути. Казалось, секция ремонтного ангара вымерла.

Но вот, ближе к концу коридора обнажился большой обзорный экран-иллюминатор. И впереди идущие остановились рядом с ним, что-то увидев, сразу же начав переговариваться громче обычного. Когда Мартин с Роем подошли к экрану, то обнаружили, что отсюда видна противоположная часть станции с причальными обоймами. Там, возле причалов, где сейчас находились миниджеты и орбитальные модули, что-то происходило. Метались сердитые лучи прожекторов, выхватывая едва различимые из-за приличного расстояния корпуса звездолётов, и суетились ловкие суставчатые лапы причальных автоматов-манипуляторов. Было ясно одно — их корабли подготавливали к какой-то работе.

До конца коридора оставалось метров двадцать, дальше он заканчивался шлюзом, ведущим в ремонтный ангар. Когда орбитальщики вошли, то недоуменно завертели головами, даже Мартин невольно повторил этот жест, потому что в полумраке ангара абсолютно никого не было.

Но вот включился широкий видеоэкран, на котором появилось изображение командного мостика «Аллегана».

— Прошу прощенья, парни, — обратился к ним с экрана командор станции, — за то, что пришлось собрать вас посреди ночи, да ещё заставить тащиться в ремонтный ангар. Но у меня для вас есть кое-какая приватная информация...

Мартин затаил дыхание. Неужели, думал он, сейчас командор сообщит о приближении инопланетного флота и о предстоящей бойне? Он не угадал и услышал совсем другое.

— Как вы знаете, завтра, то есть уже сегодня, для нас на Мегтидо начнётся праздник. Я удивлён не меньше вашего, никогда в жизни ни о чём подобном не слыхал, как и вы, но... Не отказываться же нам от такого красивого жеста, верно?

Орбитальщики удовлетворенно зашумели, расцветая улыбками. Вся настороженность разом исчезла. К чему она, если речь идёт о празднике?

— Короче, так... «Аллеган» садится на поверхность через шесть часов. К восьми утра грузовая площадка на Мегтидо будет готова встретить нас, так что попойка выйдет знатной. Но это будет потом. Вначале, как это водится, пойдут какие-нибудь заминки, многим необходимо освоиться с Куполами на поверхности, а вам нужно

находиться на орбите. Сейчас всё объясню... — командор вскинул руку, пресекая ропот недовольства. — Тихо! Вы уже заметили, что причальная служба работает вовсю? Так вот, это станет нашим сюрпризом для тех, кто будет находиться внизу. У военных оказались с собой наборы специальных боеприпасов... Да тихо, вы! Это не то, о чём вы подумали! Специальные боеприпасы на торжественный случай...

— Фейерверки! — выкрикнул Рой, лицо которого засветилось неподдельной ребяческой радостью.

— Десять кредитов за догадливость, пилот! — ответно улыбнулся командор...

И только Мартин мог сейчас подмечать детали, которые оставались невидимыми для других. Лицо командора — губы, брови, щёки, подбородок, — оно улыбалось. А вот глаза — нет...

— Нужно будет, как только получите сигнал, сбросить контейнеры с фейерверками, и это будет сигналом к началу торжества. Само собой, после этого вы присоединитесь к нам, вас будут ждать, как вестников праздника! Ну как? — командор выдержал эффектную паузу, а после продолжил: — На орбите с вами выйдет на связь полковник Выхов, он даст более подробные инструкции и подаст сигнал...

Рядом с командором на экране появился подтянутый темноволосый мужчина в военной форме. Его лётный комбинезон, ослепительно-белого цвета, контрастировал со смуглым лицом. В отличие от командора «Аллегана», он не улыбался, а наоборот — хмурил брови, и Мартин понял... Он тоже готовился соврать!

Также Мартин отметил ещё одну деталь: офицер, полковник, которому сам Бог велел держаться перед другими людьми уверенным в себе орлом, сейчас прятал взгляд, и это выдавало огромную глубину лжи, что звучала сейчас с экрана.

Впрочем, в отличие от командора, полковник оказался немногословен, по всему было видно, что обманывать собравшихся в ремонтном ангаре не доставляет ему удовольствия.

— Поговорим на орбите... — коротко бросил он и отошёл, исчезая с экрана.

— Ну а теперь — последняя новость! — продолжал командор. — Всё-таки вы все — служащие корпорации. В ваших контрактах чётко говорится — любой труд должен быть оплачен, верно?

Орбитальщики расшумелись ещё больше, даже тот, кого подняли с постели, терял последние остатки сна. Всем было понятно, что речь пойдёт о премии за особую работу.

— Двести кредитов каждому, на большее я так и не смог развести казначея корпорации... Так пойдёт?

Он мог и не спрашивать. На секунду наступила тишина, как всегда случается, если нужно воспринять и переварить невероятную информацию. А потом...

— Пойдёт! Мы готовы! Спасибо, ком!

Двести кредитов — половина месячного жалованья, всего лишь за одну бессонную ночь и запуск каких-то контейнеров! Плёвое дело! Как будто им не приходилось выдерживать авралы, находясь без сна по две, по три ночи на орбите. Причём за меньшее вознаграждение. Ликование орбитальщиков, казалось, передалось и Мартину. На самом деле, он занимался сейчас тем же самым, что и командор. Играл роль, чтобы другие не заметили настоящих его чувств.

— Двести кредитов... — неслышно прошептал Мартин, — в теперешнем положении с таким же успехом нам можно обещать хоть по две тысячи... хоть по двести тысяч, хоть звезду с неба и пожизненные привилегии.

— Ну, тогда принимаемся за работу! Встретимся уже на Мегиддо. Обещаю придержать для вас кое-чего на фуршетных столах... Ещё раз извиняюсь, что не смог явиться лично, ну, вы понимаете, у нас тут тоже ночная вахта. Столько ещё нужно успеть... Удачи вам, парни! Открывайте праздник!

Экран погас. Ликование стало всеобщим. Восхитительные новости требовали выхода эмоциям.

— Ну, чего стоишь? — Рой повернулся к Мартину. — Ещё и с резиновой улыбкой. Думаешь, я не заметил? Что, не оправдалась твоя версия?

Мартина буквально распирало изнутри желание рассказать всю правду хотя бы собравшимся в ремонтном ангаре орбитальщикам. Рассказать здесь и сейчас. Но какой-то чересчур уверенный внутренний голос задавал один и тот же резонный вопрос: «И что изменится?»

До предполагаемой встречи с флотом пришельцев осталось несколько часов. Расскажи он обо всём, и эти несколько часов станут пыткой для остальных. Это если ему поверят, а то ведь скрутят ещё и отправят в медблок, как сошедшего с ума. «Ожидание — страшнее смерти» — вспомнил он слова флотского офицера. Промолчать — подарить несколько часов счастливого ощущения причастности к празднику и великолепного настроения. Рассказать — превратить несколько часов в кошмарное ожидание конца.

— Ничего, Рой, всё в порядке. Действительно, что-то я нафантазировал...

— Тогда пойдём! Твоей милостью «Хулиган» стоит крайним в обойме, нам стартовать первыми...

— Пошли, — обреченно выдохнул Мартин.

Он понял, что всё время, что отмерено им, только ему одному предстоит терпеть эту муку ожидания. Один — за всех. Ну, разве что Рою он расскажет всё равно. Не здесь. На орбите. Он так решил, потому что считал Роя самым близким человеком, который имеет право на правду, какой бы тяжкой эта правда ни была. Мартину часто приходилось делиться с Роем радостью. Теперь, похоже, настало время поделиться и другой ношей.

— Ты беги, Рой. Я должен вернуться в каюту. Забыл, — представляешь? — забыл отключить один прибор. Не хочу, чтобы перегорел микрочип.

— Давай, только быстрее. Я же говорил — твоя техника сведёт тебя с ума. Жду через двадцать минут, фантазёр...

Рой, всегда любивший поболтать с другими пилотами, задержался в ремонтном ангаре, где уже развернулась короткая, но интересная дискуссия на тему — как лучше потратить неожиданно свалившиеся двести кредитов? А Мартин, вместе с людьми из экипажа основного модуля георазведки, которым дольше всех предстояло готовить свою громоздкую посудину к старту, отправился к лифту.

— Что такой хмурый, хакер? — обгоняя, спросил его Ти-Патрик, первый пилот георазведчика. — Были какие-то планы на ночь? Вот узнают о твоих ночных подключениях к внешней антенне дальсвязи «Аллегана», и вместо двухсот призовых снимут со счёта половину кредитов... — и весело при этом подмигнул.

Вот тут Мартин не выдержал и рассмеялся. У любого хотя бы раз в жизни случается такой смех — который вместо слёз.

Ти-Патрик улыбнулся, довольный своей шуткой, и подмигнул ещё раз.

— Половина со счёта! — короткий приступ истерии прошёл так же внезапно, как и начался. — Знал бы Ти-Патрик, что это был за смех, он отдал бы со своего счёта всё до последнего кредита, лишь бы увидеть свет в конце туннеля...

Перед тем как попасть к себе в каюту, Мартин вышел из лифта на палубе, где располагалась каюта Роя. Они доверяли друг другу — пилот и оператор одного корабля. Конечно, никто из них

никогда не злоупотреблял этим доверием. Но сейчас наступил тот самый случай, когда Мартину пригодился цифровой ключ от двери Роя.

Войдя внутрь, он прислонился спиной к стене каюты, оглядывая её скромное убранство, имея вполне определённую цель: угадать, что из своих вещей захотел бы увидеть перед гибелью Рой? С чем бы ему хотелось соединить свой прах, когда придут чужие...

Первым делом он взял голографическое фото в рамке из оникса, где Рой улыбался, стоя в обнимку с отцом, матерью и сестрой. У них даже был уговор с пилотом — после окончания контракта Рой приглашает Мартина к себе, чтобы познакомить с сестричкой. Она тоже, по словам пилота, спала в обнимку с компьютером...

Быстро переворошив затем содержимое пластикового шкафа, Мартин остановился взглядом на тонкой серебряной цепочке, с подвешенным вместо кулона простым камнем, размером с крупную фасолину. Камень был обыкновенный, серый, с идеально ровным отверстием, через которое и была продета цепочка. По утверждению Роя, он нашёл камень на морском побережье, где побывал лишь однажды в детстве. И сохранил именно из-за этого отверстия. Потому что считал, будто его сделало само море.

Но Мартин знал, что эту цепочку с камнем Рой носил разве что в кармане. Потому что на груди пилота красовался другой талисман — осколок метеорита, чёрный, с вкраплениями металла. Три года назад, на другом корабле, Рой попал в спорадический метеорный поток. Один из множества камней, летящих со скоростью около шести тысяч километров в секунду, прошил внешнюю прочную оболочку, попав в стык четырёх защитных пластин. Хотя оболочка поглотила почти всю энергию метеорита, небольшой осколок, тот самый, что потом оказался вставлен в платиновую оправу и прикреплён к платиновой же цепочке, влетел в кабину, по пути раскрошив внутренности навигационного блока, и, окончательно потеряв скорость, плюхнулся в раскрытую ладонь пилота.

«Письмо от самого космоса!» — шутил потом Рой, с гордостью демонстрируя осколок.

Но сейчас этого талисмана нигде не было.

«Неужели Рой не снимает его даже перед сном?» — изумился Мартин, ещё раз обшарив полку со всякими мелочами.

Вместо так и не обнаруженного метеорита-талисмана, он прихватил видеорекордер, который сам же и дарил когда-то. Мартин

знал, что в видеорекордере хранятся семейные послания, которые Рой получал каждый месяц.

Мартину было трудно понять, зачем он это всё делает. Но что-то словно толкнуло его, там, ещё в ремонтном ангаре, подсказав, что в последние минуты, кроме пустоты пространства, из которого пришла смерть, рядом с Роем должно находиться хоть что-то, что способно сделать эти последние минуты немного милосердней.

Затем он отправился к себе, проделав то же самое в собственной каюте.

Талисманом Мартина являлся видеочип, точно такой же, которым он убеждал диспетчера «Аллегана» пойти на опрометчивый шаг... Только цепочка была не серебряной, не платиновой, а золотой. Подарок очень хорошего человека...

Воспоминания захлестнули Мартина, и он понял, что больше ему ничего не взять, потому что самое лучшее, самое светлое — оно всегда рядом, всегда внутри, не снаружи... Через десять минут он входил на причальный пирс.

Надеть полётный комбинезон. Пройти мимо сканера медконтроля, который сейчас был отключен... Эскалатор поднял его к стартовому коридору, который пришлось пройти до самого окончания. Последний шаг — внутри короткого переходника, ведущего в кабину модуля. Позади трижды щёлкнули фиксаторы, и зажглась зелёная полоска контролёра герметичности...

Рой уже готовил «Хулиган» к вылету. Предстартовая процедура обычно отнимала минут тридцать-сорок. Сейчас она оказалась короче, потому что не нужно было загружать в навигационный блок задания планировщиков. Да и проверка подвесного оборудования не проводилась. Вместо серебристых футляров с геодезическими запускаемыми зондами, на подвесках «Хулигана» пугающе выпирали два чёрных прямоугольных контейнера с невразумительной маркировкой, состоящей из абракадабры буквенно-цифрового ряда, и с эмблемами ВКС на тупых оконечностях.

— Как тебе пара гробов у нас под брюхом? — не оборачиваясь, поинтересовался Рой.

— Нормально. Чему удивляться? Нас же двое... — с полной серьёзностью в голосе ответил Мартин.

И тут же запустил базу данных по вооружениям ВКС, пока в памяти ещё сохранялись пятнадцать цифр и букв маркировки контейнеров.

— Слушай, а я вот подумал... А зачем было перегружать эти... фейерверки с военных кораблей на наши малютки? Не всё ли равно, кто их скинет в нужную минуту? Или это просто символизм действия, вроде суеверного жеста? С поверхности ведь — что флотский крейсер, что «шарманщик» (так между собой терраастроители называли патрульные станции), что модуль поддержки... Никакой разницы, потому что не различить. А учитывая, что всё торжество начнётся днём, так вообще ни черта не увидеть! Только вот эти салюты. Ты, Март, когда-нибудь видел фейерверк-негатив? Красиво! Голубое небо, ветерок, и вдруг появляется облачко, которое меняет цвет и формы...

— Правильный вопрос, насчёт разницы... — процедил Мартин, по телу которого прошла дрожь, как только он кое-что прочёл на экране. — Но только разница есть. Никто, кроме нас не сбросит эти контейнеры, потому что корабли флота будут держать периметр...

— Что-что? Как ты сказал?

— Выводи модуль, отцепляйся от «Аллегана», вот, тебе уже с башни сигналят... — не отвечая на вопрос, Мартин поторопил пилота со стартом.

Над полётным коридором выступала кабина дежурного оператора причальной службы. Он держал над головой обе руки, с выставленными вверх большими пальцами.

— Странно... Это, кажется, не наш оператор! — удивился Рой, включая внешний коммуникатор связи с «Аллеганом». — Башня, ответьте «Хулигану»! Эй, кто там на башне? Хамаль? Чо Линь?

— Не угадаешь, — сказал Мартин. — Это действительно не наш оператор. Два больших пальца вверх — жест, принятый во флоте. Так с авиаматки выпускают истребители.

— Да я тоже вот подумал — к чему вдруг операторам менять привычки? Хамаль сидит, как истукан, и только в конце, перед самым стартом, пожимает одной рукой другую, и так трясёт ими, что каждый раз страшно за его предплечья. Чо Линь вычерчивает пальцем круги перед собой. Я заметил — при старте по часовой стрелке, на финише — наоборот, против часовой. Ни разу не перепутал. А этот... Что делают на Башне военные?

— Вот у него и спроси...

Но оператор сам вышел на связь, полностью подтверждая версию Мартина.

— «Хулиган», вас слышу. На Башне лейтенант Оул, двенадцатая Дальняя эскадра ВКС, — он отвечал так, будто рапортовал на-

чальству. — Ваши операторы на сегодня освобождены от работы. Коридор чист. Можете стартовать.

— Во дают! — Рой продолжал удивляться. — Решили сэкономить пару сотен кредитов премии для операторов, заменив их военными? Кстати, Март, а откуда ты знаешь про жесты на авиаматках? Ты вроде во флоте не служил...

— Не служил. Во флоте. Околачивался при каких-то штабах, чинил компьютеры держимордам в погонах. А про жесты и всё остальное легко узнать в Глобальной Сети. В сети ведь не только по порносайтам можно бегать, но и ума-разума набираться.

— Это камень в мой огород? Кто тебе сказал, что я...

— Твой компьютер, Рой.

— Чёрт, откуда ты знаешь? У меня после каждого сеанса — обнуление записей.

— Ага. И пара десятков вирусов, которые мне же потом приходилось отлавливать...

— Ну, Март, ну ты и...

— Проехали. Я сам иногда там бываю. Только сестрёнке своей не говори, ладно? Давай лучше выруливай, не видишь, у лейтенанта скоро руки отвалятся.

— Ну, отвалятся так отвалятся, кто ж его просил?

Но модуль уже мягко качнуло гравитационной волной причала. Через минуту его вынесло в открытый космос, оттолкнув от ТОСТа. А на место «Хулигана» встал «Кроха», готовясь к старту.

— Успешного вылета, «Хулиган»! — напутствовал лейтенант.

— Э-э-э... Да! — Рой даже не нашёлся что ответить.

Потому что в привычках операторов было желать чего угодно. Набор их шуток, иногда сомнительных, был неиссякаем. В конце концов, не каждому дадут эту работу — провожать корабли.

Хамаль, бывший диджей, каждый раз выдумывал какие-то афоризмы на тему «от работы и верблюд погибнет». И ни разу, сколько его помнили, не повторился в своих шутках. У Чо Линя напутствия выходили постоянно какими-то странными, маргинальными. Он легко мог пожелать «если будете падать с орбиты, не забудьте полюбоваться горой Дартес. Как прекрасна она в лучах восходящей звезды...» И всё такое прочее. Вначале Рой готов был убить Чо Линя за такие пожелания, но потом привык настолько к этим лирическим пугалкам, что и помыслить себе не мог, чтоб кто-то провожал его вот таким наставлением... «Удачного полёта!» — надо

же! А за каким чёртом он здесь? Ежихе понятно, что полёт может и должен быть только удачным!

— Март, они все такие зануды, эти армейцы?

— О да! Ещё какие! Вдобавок юмор у них особый. Не обхохочешься, так обязательно наплачешься...

— Ты о чём? И вообще, хватит говорить загадками! Рассказывай, чем твои шпионские игры закончились.

— Ну, если ты так настаиваешь... Без проблем. Только давай слетаем к Ларуссу. Понимаешь?

— Понимаю. К Ларуссу так к Ларуссу.

У естественного спутника Меггидо, за обратной его стороной, находилась небольшая аномальная зона, в которой исчезала связь и с «Аллеганом» и с другими кораблями, если только они не находились в этой же зоне. Орбитальщики назвали её «лужей уединения». Здесь можно было разговаривать о чём угодно, не боясь, что разговор будет перехвачен. Рой заложил отчаянный вираж, отчего система гравитационной компенсации взвыла. Ведь модуль поддержки — не истребитель флота, и даже не полицейский скутер, чтобы выделывать такие пируэты. Будто тягловая лошадь, которую заставили показать класс в баллотаде, «Хулиган», отталкиваясь движками от пространства, завершил траекторию точной остановкой в «луже уединения».

— Выкладывай, что у тебя! — пилот развернул навигаторское кресло, поворачиваясь лицом к Мартину.

— Это не фейерверки, Рой... — Мартин задумчиво постукивал пальцем по экрану монитора.

— Вот чёрт... А я-то уже и обрадовался! И что же это такое в контейнерах?

— Орбитальные бомбы. Мощность ядерного заряда — примерно семнадцать мегатонн. У них даже имена есть...

— Март? Да ты в своём уме? Они были запрещены особым решением Глобального Совета лет сто назад! Их давно уже утилизировали, все до единой! Откуда ты это взял? Какие имена? Какие мегатонны?

— Тебе на который вопрос отвечать? На левой подвеске — «Санта», на правой — «Клаус»... Я же говорил, у военных особый юмор. Смотри сюда! — Мартин снова коснулся экрана. — Это полный список вооружения, которое было утилизировано. Видишь этот код? А теперь можешь запустить «инспектора» и сравнить.

Для оценки состояния наружной обшивки, надстроек и двигателей модуль был оснащён компактным дистанционно-управляемым

аппаратом, оснащённым камерами и тепловизором. С помощью такого аппарата пилот всегда мог получить изображение корабля снаружи. Рой даже не колебался, запуская «инспектора». Подобная информация не могла быть воспринята на веру даже при полном доверии к своему оператору.

Через пару секунд возникла картинка. «Инспектор» активировал камеру, и Рой, манипулируя мини-джойстиком, направил объектив камеры на контейнеры, считывая код и сразу же сверяя его с кодом, выведенным Мартином на экран компьютера.

— Вроде совпадает... — угрюмо резюмировал пилот, возвращая «инспектора» в техническую нишу.

— Угу, — кивнул Мартин. — Совпадает. Всё совпадает.

— Откуда у тебя такой список? Тоже из Глобальной сети?

— Нет, Рой. Из архива штаба ВКС. Видишь, гриф строжайшей секретности? Один знакомый хакер был кое-чего должен, вот, поделился в счёт долга. Это ещё три года назад... Тогда я думал — не пригодится, хотя пришлось взять, потому что не люблю за должниками гоняться, да и парень неплохой был, почему не пойти навстречу? А вот пригодилось...

— Мартин, ты хоть понимаешь, что это означает? Это же саботаж! Настоящая диверсия, устроенная конкурентами! Кто-то превратил наши модули в орбитальные бомбардировщики! И как только придёт сигнал, мы должны будем скинуть контейнеры, но вместо фейерверков... Семнадцать мегатонн? Это чрезвычайно много!

— Два раза по семнадцать, Рой. И помножить на общее количество контейнеров на всех модулях. Это очень много. Но только это не саботаж.

— То есть как это?

— Очень просто. Никакого фейерверка и не планировалось...

И Мартин пересказал пилоту всё, что узнал из перехваченного подслушанного разговора.

Прямо под «Хулиганом» раскинулись кратерные поля Ларусса. В двадцати тысячах километров «Аллеган» продолжал выпускать модули и джеты, и у каждого корабля на рабочих подвесках таращились в пространство тупыми оконечностями чёрные контейнеры с эмблемой ВКС.

— Но... Нужно ведь что-то делать, Мартин! Нужно рассказать хотя бы ребятам, что мы... что нас...

— И что изменится? Офицеры говорили что-то о вероятном десанте врага. Я думаю, орбитальные заряды нам прицепили именно

на этот случай. Смотри! «Аллеган» может быть атакован. Чужие обязательно клюнут на такую великолепную приманку. Высадят десантников, которые, кажется, не похожи ни на что нам известное, их даже ни с чем не сравнивали, называя просто тварями... И когда гибель персонала станет очевидной неизбежностью, мы сбрасываем бомбы. Они самонаводящиеся. Я уверен, что расчётчики доставят их точно на грузовую площадку. Хотя особой точности тут не требуется. Плюхнутся в плюс-минус нескольких километрах от «Аллегана», и то замечательно...

— Зачем тогда столько бомб? Почему всё-таки военные сами не хотят этого делать? Решили остаться чистенькими? Почему — мы? Я не хочу стать убийцей, Мартин! Я даже представить себе не мог, что на борту моего «Хулигана» окажется такая огромная куча дерьма! Давай скинем их прямо здесь? На Ларусс, а?

— Глупо. И тоже ничему не поможешь. А военные предоставили это право нам, потому что сами будут заниматься совсем другим делом...

— Геройски погибать? Молодцы, парни! Надо же, какое самопожертвование! Вступать в сражение, с самого начала зная, что победить невозможно!

— Они пытаются дать шанс «Аллегану», отвлекая врага на себя! А если этого не получится — дать шанс нам. Шанс сделать то, что мы должны сделать. Не думаю, что пришельцы, если они посадят десантные корабли, лишат их орбитальной поддержки. Так что не зря бомбы — на каждом модуле, на каждом джете. Сбросить контейнеры получится не у всех...

— Но это же неправильно! Это глупо! Почему сюда не выслали ещё несколько эскадр? Почему «Аллеган» садится на поверхность, вместо того чтобы покинуть локацию Меггидо? Почему мы должны уничтожать ребят с «Аллегана»? Наконец, почему, чёрт возьми, нам ничего не сказали, а придумали какое-то дурацкое торжество!

— На все твои вопросы есть ответ, Рой... Атакованы многие локации, флот теряет звездолёты и откатывается к Солнечной, захлопывая Приливы, будто закрывая двери. Часть двенадцатой эскадры находится у Хамета. Но это точно такая же ловушка, как и здесь. Нам некуда уходить, Рой, нам никто не может помочь, нас никто не может спасти... Так что неравный бой у Меггидо для кораблей флота — это так... Чтобы было чем заняться. Не изображать же им беззащитные мишени? А бомбы — для уничтожения десанта, когда станет понятно, что ребятам уже ничем

не поможешь. Офицеры не сомневаются, что, каким бы ни было сопротивление на Мегидо, планету не удержать, твари уничтожат всех наших. А вот когда они станут праздновать победу, мы уничтожим тварей.

— Как всё просто у тебя получается!

— Да, всё просто. Но эта простота из-за отсутствия выбора. И ты не переживай раньше времени, Рой, у военных вечно что-то идёт не так, как они планируют. Так что возможны импровизации. Но вот только растрезвонить эту новость всем орбитальщикам... Сомневаюсь, что это хорошая идея. Они сами узнают через несколько часов. А пока пусть побудут счастливыми людьми. Вот ты... Стало тебе легче, как только я всё рассказал? Видишь... А ещё я сильно сомневаюсь, что нам позволят побыть чёрными вестниками несчастья.

— Это кто же мне не позволит?

— Вот эти геройские парни, решившие поиграть в войну на своей большой леталке! — и Мартин кивнул за спину Роя.

Облетев Ларусс, вырастая на обзорном экране до огромных размеров, навстречу им шёл крейсерский корабль ВКС.

— Всполошились, как наседки, потому что их малыши заигрались слишком надолго? — усмехнулся Рой.

— Давай выводи нас из «лужи». Там, на звездолётах, и так нервы у всех на пределе. Они-то знают... Сейчас возьмут и шарахнут, так, на всякий случай. А потом станут разбираться, что мы здесь делали. С нашим-то грузом на борту!

Пилот не стал дожидаться подтверждения или опровержения последнего предположения Мартина. Вернулся в кресло навигатора и, выбирая траекторию, чтобы обогнуть крейсер, вывел «Хулигана» из аномальной зоны.

Через коммуникатор в каюту модуля тут же ворвался чей-то властный голос:

— Модуль орбитальной поддержки! Ответьте крейсеру Военно-космических сил!

— Слышу, слышу вас, крейсер, — сказал Рой. — У вас что-нибудь случилось?

— Это у вас что-то случилось! Вы не отвечали на вызовы! Отключили связь!

— Ну и что? В моём контракте нет ни слова о том, что я не имею права находиться в зоне эфирного провала. Что вам нужно, крейсер? — после всего, что он только что узнал, Рой готов был дерзить хоть Совету хайменов Доминанты-работодателя.

— Это в обычное время вы можете делать, что вам захочется, а сейчас...

— Минутку! А что необычного происходит сейчас?

Офицер крейсера, вышедший на связь, понял, что сболтнул лишнее, и попытался загладить впечатление от сказанного. Правда, получалось у него не очень хорошо.

— Э-э-э, ну, с вами пропала связь, и мы решили, что сейчас это не самое лучшее, мало ли, что может произойти?

— А что может произойти? — тут же отреагировал Рой. — Звезда превратится в сверхновую? Прилетят какие-нибудь гости? Что вы имеете в виду?

При слове «гости», офицер закашлялся, явно намереваясь получить хоть немного времени для обдумывания ответа. Но Рой его опередил, озадачив ещё больше:

— Хотя, знаете что... А ведь вы вовремя появились! У меня что-то с фиксаторами рабочих подвесок. Я могу потерять ваши фейерверки, укажите, куда лучше их скинуть? Вот у вас, позади рубки, удобная площадка. Не пропадать же красоте, верно?

При этом он имитировал начало манёвра сближения. На крейсере отреагировали мгновенно, сменив галс и отойдя на форсаже в сторону.

— Эй, вы чего? Фейерверков испугались?

Теперь уже перегнул Рой. Потому что через несколько секунд ему ответил совсем другой голос. Усталый, приглушенный, явно принадлежащий кому-то постарше дежурного офицера: постарше и возрастом и званием.

— Ну-ка, давайте кое о чём поболтаем. Запускаю закрытый канал. Это коммандер эскадры, полковник Выхов. Вы меня должны были видеть на экране...

— Ну, видел. Что с того? О чём нам болтать?

— О жизни, парень. Вернее, о том — сколько нам её отмерено...

— То-то вы мне ещё тогда показались таким хмурым. Кругом — сплошное торжество, а вы...

— Подходите к крейсеру. Становитесь у второго финишира. Видите световую стрелку с двумя точками? Встретимся прямо там, в посадочном ангаре. А с фейерверками ты осторожней. Это такие фейерверки, что всем чертям тошно станет, когда ты их зажжёшь...

Коммандер отключил связь, возвращая крейсер на исходную — поближе к «Хулигану». На правом борту боевого звездолёта загорелась огромная стрелка, указывающая место стыковки...

Глава 7
ПЕРВЫЕ ИСКРЫ. ПРАВИЛА ИГРЫ

Листопадного Зала больше не существовало. Вместо ставших привычными обширных астероидных полей, бесконечной лентой обтягивающих центральное светило, звезду Лахо, — их центр массы, теперь были только хаотичные, сбивающиеся в бесформенные тучи, нагромождения глыб.

Что-то нарушило долгое кружение каменных листьев. Но что? Даже цепкий ум Шкипа не сразу понял, какая самая большая перемена его ожидала здесь. Но это оцепенение длилось лишь первые несколько мгновений. Потом он словно прозрел. И новый мир, которому никогда уже не стать прежним, ворвался внутрь сознания.

Пространство между выходом из Прилива и краем видоизменённого астероидного поля буквально было забито инопланетной техникой! Недавние знакомые — маленькие звездолёты-волчки, терялись на фоне огромных крестообразных конструкций, а вдали, наполовину погружённая в космическую черноту, виднелась исполинская круглая туша, размерами превосходящая и Большую Маму, и все-все станции и звездолёты, которые только видел до сих пор Шкип.

Этот гигант был неподвижен, но перебегающие по его поверхности огни, заметные даже с колоссального расстояния, показывали, что он далеко не бездеятелен. И его нахождение здесь абсолютно неслучайным образом связано с нарушением порядка в Листопадном Зале. Он оставался неподвижен — подвижным было пространство вокруг него!

«Гравитационные орудия! — понял Шкип. — Ударами гравитационной волны он сбрасывает астероиды с устоявшихся орбит, отправляя в глубь роя и увеличивая тем самым хаос! Но — зачем?»

Шкипу никогда не пришло бы в голову, что можно воевать с астероидами. Ни он, ни кто-то другой ещё не знал, что такие действия означают уничтожение сырьевой базы Солнечной.

— Приближение потенциального груза! Накопители готовы к залпу. Провести лазерное бурение? — огорошил его Компаньон.

— Что? Какой-какой груз? А, чёрт! — Шкип вспомнил, что находится в его грузовом отсеке, и как он дал Компаньону именно такую вводную, обозначающую корабли врага. — Не сейчас! Управление буром беру на себя...

Между тем «потенциальный груз» — не менее двух десятков волчков, уже спешили к «Трайду», начиная свой боевой танец, пока не подошли вплотную. Но, к удивлению Шкипа, за этим ничего не последовало — ни атаки, ни попытки захвата, чего он опасался больше всего. Создавалось впечатление, будто сытая волчья стая окружила случайно попавшего в их логово кролика, обнюхала, роняя слюни, и... потеряла к нему интерес. Стая была сыта до отвала!

Прямо перед обзорным экраном проплыл какой-то обломок, в котором Шкип опознал часть фюзеляжа модуля георазведки. Потом появился ещё один обломок, с оплавленным краем, где застыли потёки металла. Потом — кормовой стабилизатор рудодобытчика. Потом... Если бы не освещённость локации, Шкип мог решить, что это — маленький астероид. Скрюченный, будто переломанный напополам. Очертаниями похожий на фигуру человека. Но это была именно человеческая фигура, будто переломанная напополам и так застывшая. Словно маленький астероид.

На погибшем не было скафандра, только белый комбинезон инженерной службы с пластиковым жетоном «2-й пост ЭГМ». Электрогенераторный Центрального Модуля! Но это значит... Это значит...

Мимо прошло ещё несколько кораблей-волчков, чётко державших сферический строй. Внутри этой сферы находился разбитый «Трайд» с яркой птицей, прорисованной на борту. Звено «Альбатросов»! Они должны были выйти на добычу только завтра!

Вместо левого крыла у нарисованной птицы зияла обширная трещина. Края трещины имели всё те же следы оплавления. А вместо каплеобразной кабины была пустота, словно кабину вырвали из тела «Трайда».

Контакт? Да это же нападение! Прямая агрессия! Звездолёты инопланетян, несущие столько вооружения, использовали его по прямому назначению! О каком контакте может быть речь? Даже — о какой попытке контакта? Парламентёр, вошедший в ваш дом, обвешанный с ног до головы оружием. И пустивший его в ход.

Огромный чёрный крест, из четырёх оконечностей которого вырывались плазменные струи, одним рывком — устрашающе и грациозно одновременно — приблизился к «Трайду» Шкипа. Теперь кролик оказался перед пастью гиппопотама!

Место пересечения двух гигантских конструкций-перекладин, составных частей крестообразной формы корабля, явно походило на центральную рубку. Это определялось по выступающим оваль-

ным надстройкам, по ребристым граням на толстых раструбах, которые могли быть чем угодно, кроме рупоров, из которых льются слова дружеского приветствия.

«Сейчас меня сожгут! — отрешённо подумал Шкип. — Расколошматят, как всех-всех добытчиков „Стар-Квеста", находившихся в Листопадном Зале».

Но ничего не происходило. Ожидаемая струя плазмы не плеснула, шары-ракеты не вылетели, звездолёт-крест застыл на мгновенье, подмигивая огнями центральной рубки, а потом снова: короткий импульс, четыре струи из оконечностей конструкции, только направленные в другую сторону, и звездолёт вернулся на прежнюю позицию.

Шкип судорожно сглотнул. Его не уничтожили. Зато с «Трайдом» начало происходить что-то странное.

Вначале запестрели белыми частыми полосками экраны, чего Шкип никак не мог ожидать. Потом сам собой вырубился и врубился реактор-расщепитель. Такого вообще не могло случиться! Потому что запуск расщепителя происходил непосредственно перед стартом, и его работа прекращалась при окончании полёта, когда «Трайд» становился в свой ангар, уже освобождённый от груза, с деактивированным пультом управления. Существовала единственная возможность аварийного выключения и запуска, но это могло быть осуществлено только самим пилотом. Шкип ни разу в жизни не коснулся сенсора аварийного управления расщепителем, хотя бы потому, что добраться до сенсора можно было только после набора особого кода, открыв панель управления. Не трогал он его и сейчас, тем не менее расщепитель заглох, отчего «Трайд» неприятно дёрнулся и завибрировал, а потом — снова запустился.

Вслед за реактором-расщепителем обрёл жизнь любимый плеер Шкипа. И принялся самостоятельно менять треки. Потом прошла команда на выпуск пакета, причём в пространство ушёл пустой зонд-пакет, не содержащий никакой информации.

— Параграф три-три-семь обязывает служащего корпорации подать грузовой контейнер к осмотру по первому требованию патрульного корабля! — возвестил Компаньон.

Шкип даже огляделся — какой, к чёрту, патрульный корабль?

— В случае перерасхода запасов квазеров, пополнение происходит с вычетом затрат с личного счёта... Если радиационный фон возрос до уровня порога сдерживания, то... следует немедленно перейти на запасной канал связи...

Компаньон нёс явную чушь, ахинею, от которой шевелились на голове волосы. В кабине будто перелились звуки фортепьяно. Амадеус. Мажорная мелодия. Шкипу она всегда нравилась. Но не сейчас. Теперь она пугала.

— Амадеус, Амадеус! — почему-то в ускоренном темпе пропел электронный вокалист.

Шкипу показалось, что чужаки, утратившие интерес к «Трайду», вдруг снова обратили на него внимание. Как будто их привлекли звуки музыки.

— Отключи плеер, — сдавленно просипел Шкип.

— Это возможно. Но лишь в том случае, если будет получен ответ — стандартный геозонд имеет массу десять килограмм и ещё полгеозонда, укажите его массу в килограммах...

— Отключи плеер, математик хренов! — Шкип едва сдерживался, чтобы не грохнуть Компаньона прямо сейчас, в эту самую минуту.

— Укажите массу в килограммах... — упрямо твердил тот.

Тут же врубился на полную громкость коммуникатор. Оказалось, что весь эфир забит жутким, тревожным шипением: «ащщь... ощщь». И сразу за этим — скрежет, будто ножом по стеклу.

— Вот оно как! Язык врага! — теперь это стало очевидным фактом. — Отключи плеер, ащщь тебя и ощщь!

— Укажите...

— Двадцать килограмм!

— Отключено.

Мелодия, очень и очень неуместная для той обстановки, в которой оказался Шкип, угасла. Но желанная тишина так и не наступила. Динамик эфирного коммуникатора продолжал выдавать звуки. Шкип попытался отключить его — безуспешно! Сенсоры показывали выключение, но то, что он слышал, утверждало обратное. И снова поперхнулся паузой движок. «Трайд» едва не влетел в ближайший звездолёт-волчок, но тот отреагировал на удивление шустро, мгновенно уклонившись от столкновения. Шкип, паникуя, сознался себе — это просто невероятный манёвр! Какова должна быть синхронизация сканера и маневрового двигателя волчка, чтобы вот так, легко, за считаные миллисекунды увести корабль с прежней подвижной позиции, будто бы «Трайд» с волчком действовали одновременно!

И снова ничего не произошло. Никакой атаки, никакого пресекающего действия. Волчок сопровождал наполовину потерявший управление корабль Шкипа ещё некоторое время, а потом ушёл на

сумасшедшем форсаже куда-то в сторону огромного крестообразного звездолёта. Звездолёта Икс, как назвал про себя Шкип эту конструкцию. А мелодия зазвучала вновь, с того самого места, где была прервана Компаньоном.

— Амадеус, Амадеус! — ликовал эл-вокалист.

— Ащщь! Ощщь! О-ощщь, о-о-о... — стонал шипением эфир.

По экранам опять пробежали полосы помех.

— Капитан, только что прошла команда на активацию лазерного бура. Имеется противоречие...

— Это сигнал извне. Они пытаются подобрать ключ к дистанционному управлению моим кораблём. Никакого противоречия, Мозжечок. Это война. Зато нас пока не уничтожили...

— Капитан! — голос Компаньона как-то странно дрожал. — Я уже шесть раз прошёл экстренное тестирование логических ячеек за то время, что мы вышли из Прилива... Такое возможно только при проведении восстановительных работ при отладке в спецлаборатории. Я не понимаю...

— Терпи, Мозжечок. Долго это не продлится. А ещё лучше — я тебя отключу...

Про себя Шкип подумал: «Лучше уж рисковать, продолжая движение с отключенным Компаньоном, чем ожидать неизвестно чего от такого компьютерного сумасшествия!» Хотя одновременно отлично понимал — даже если сейчас шанс выбраться живым из локации — мизерный, один на миллион, и помочь может только чудо, то без Компаньона, который не только отвечает за интерактивную связь пилота с кораблём, но и контролирует слаженность работы всех систем, такой шанс станет равен температуре за бортом, — абсолютному нулю!

— Амадеус... Ащщь! Амадеус... — Какофония звуков сводила с ума, полосы на экране повергали в ступор.

Потому что каждая такая полоса указывала на то, что сейчас корпус «Трайда» пронзает незримое цифровое поле, управляемое сверхмощным компьютером, пытающимся разобраться в системах «Трайда», абсолютно игнорируя пилота-человека. Шкипу казалось, ещё чуть-чуть, и его мозг, его сознание тоже начнут сбоить.

— Ву-у-т! Ву-у-у... — снова выключился и самостоятельно ожил реактор-расщепитель.

Хаос в Листопадном Зале, сотни деловито снующих повсюду вражеских кораблей, гигантский звездолёт«Икс», что находился уже совсем рядом, матово отсвечивая пластинами внешнего покрытия из незнакомого сплава, — всё это теперь наполняло хаосом

и чувства Шкипа. Видения разбитых, смятых, разрезанных, искорёженных «Трайдов» и обломков вспомогательных станций перестали беспокоить его, как только Шкип увидел разгромленную, «дымящую» во все стороны остатками кислорода и жидкостей Большую Маму.

Центральный Модуль находился в нестабилизированном медленном полёте, совершая странные перевороты, будто в пространстве кувыркался глупый, поражённый проказой и язвами великан.

Плиты перекрытия прочного корпуса Модуля съехали набок, едва сохраняя форму несущей конструкции. Противометеоритные щиты Модуля были изрезаны трещинами, кое-где в бортах зияли дыры, в которые спокойно мог протиснуться «Трайд». Но больше всего Шкипа поразило другое — какие-то длинные гибкие полосы, которые, словно гигантские языки, высунутые из ферм инопланетного «Икса», совершали жуткое шевеление, дотягиваясь до внутренностей Центрального Модуля. Вначале пилот принял их за полукилометровые полотна, глупость, конечно, но глупостью было всё, что он сейчас мог наблюдать. Затем Шкип понял — это ленты транспортёров! Своеобразный конвейер смерти. Вдоль них, как вдоль силового луча, скользили какие-то точки. Шкип тронул мини-джойстик управления оптикой «Трайда» и на полумёртвом экране всплыло увеличенное изображение... Чужаки собирали трупы! Мёртвый персонал Модуля и всех остальных, кто находился на Большой Маме в момент атаки.

Кроме человеческих трупов, «Икс» собирал и другой груз. В раскрытый, словно чёрная пасть, огромный грузовой шлюз звездолёты-волчки сталкивали остатки земной техники. Биосканер показывал наличие органики, красным горело трёхзначное число, но не было привычного, белого цвета, означавшего выживших людей. Паника и всё возрастающий страх обязательно захлестнули бы Шкипа, если бы он не принял антидепрессант перед выходом из Прилива. Но действия «Мудры» должно хватить ненадолго. Минут на двадцать — двадцать пять. Что случится потом и какие эмоции наверняка загонят его в сумеречное состояние безысходности, Шкип старался не додумывать. Он глядел на то, как ленты-транспортёры несут свой страшный груз в чрево огромного звездолёта пришельцев, а перед его мысленным взглядом проносились лица парней, с которыми он работал бок о бок, долгое время, с которыми мечтал о будущем, делил и сон, и тревогу, напряжение авралов и изматывающую монотонность рудодобычи...

— Амадеус, Амадеус... — сам того не замечая, Шкип вторил эльфийскому певцу из плеера.

Рука дрожала на джойстике управления, и палец соскальзывал с кнопки запуска лазерного бура. Но что он мог сделать? Один против этой здоровой махины вражеского корабля. Его попытка была бы подобна попытке комара прокусить шкуру носорога. По самым приблизительным оценкам — то, как он увидел это на экране, — толщина броневого покрытия «Икса» достигала полутора-двух метров. Сплав и компоненты, из которых была составлена броня, были ему неизвестны. Но что-то подсказывало — матовые отблески — это наверняка признак антилазерной защиты.

— Основательно подготовились, сволочи! — Шкип не отрываясь смотрел на звездолёт «Икс», боясь даже допустить мысль, что другая, ещё более огромная дрянь, прячущаяся за остатками астероидных полей, с лёгкостью тасуя их гравитационными ударами, тоже является боевым звездолётом... Что угодно — промышленная станция, комбайн огромных размеров, но только не сверхмощный корабль, начинённый смертью по самое не хочу. Что может противопоставить такой технике Солнечная? Что способно остановить движение вот таких гигантов? Лазерное оружие экспериментальных станций защиты? Генераторы гравитации военных кораблей? До сих пор им удавалось разве что уничтожать лоханки каких-нибудь гангстеров, да и то такое происходило пару десятков лет назад.

Мысли бегали по кругу, надежды таяли под тяжестью простого факта — Солнечная не была готова к войне с ТАКИМ противником!

До приливной точки оставалось тянуть минут десять, не раздумывая — почему он ещё жив? Если Компаньону удастся сохранить баланс в перераспределении мощности повреждённых движков. Если нет — он просто не сможет выдержать верный курс.

Внезапно рябь исчезла с экранов, реактор-расщепитель взял ровный тон, плеер отключился, эфирный коммуникатор замолк. То ли «Трайд» вышел за пределы досягаемости цифрового поля, то ли врагу надоело так играть, подумал Шкип. Но что же будет теперь? Что может случиться, когда он перестал интересовать их в живом виде? Короткий импульс лазерного излучателя? Одна-единственная ракета? Сокрушающее действие гравитационной волны? О! Этого Шкип едва ли сейчас боялся, ожидая такую концовку едва ли не как избавление.

Длящийся стресс, по-видимому, сократил время действия антидепрессанта. Хотелось потянуться за второй палочкой «Мудры», но так можно не рассчитать и вогнать себя в состояние нервозности, когда одна мысль тревожно обгоняет другую, сосредоточиться невозможно, и любые действия — скорее, исполнение какого-либо инстинкта, чем путь к спасению. К тому же Шкип вспомнил, что вторую «Мудру» отдал перед началом работы Рейни. Старшине третьей группы она не помогла.

«Ну же, не трогайте меня ещё несколько минут! — мысленно просил Шкип. — До сих пор я был вам неинтересен. Неужели мало трупов собрано с Большой Мамы? Неужели вам не хватило всех наших „Трайдов"?»

Но это было бы слишком щедрым подарком судьбы. В следующую минуту «Трайд» окружило не меньше десятка волчков и образовали снаружи строй-сферу. Точно так же, как они проделывали до этого раньше со всеми уничтоженными «Трайдами». С одной лишь разницей. Шкип был жив, и его корабль всё ещё способен оттолкнуться от пространства гравитационной струёй, лишь бы расстояние до Прилива оказалось чуть меньше. Перспектива стать единственным живым пленником не радовала. Шкипу хотелось сжечь хотя бы один волчок, пока есть такая возможность, а дальше — будь что будет!

— Корректировка курса, но это снова внешнее воздействие, — уныло сообщил Компаньон.

Шкип и сам почувствовал, как его корабль чуть смещается с оси движения. Коротким импульсом движков он вернул «Трайд» на прежний курс, а Компаньон тут же восстановил энергетический баланс. Потом звездолёт повело в другую сторону, потом — вверх, вниз, снова влево, и каждый раз пилот с помощью полётного компьютера выходил на прежнюю, нужную траекторию. Если бы так продолжалось ещё пять минут, Шкип готов был рискнуть и врубить форсаж, чтобы, резко увеличив скорость, прыгнуть в Прилив.

Но тут оказалось, что «Трайд» всё ещё находится в зоне действия вражеского поля, способного перехватывать управление. Точнее — пытающегося это сделать.

— Взлетаем на рассвете, под утренней звездой. Туда, где Солнце светит, туда, где ждёт покой! — высказал изумительную мысль Компаньон и добавил: — Чтобы лететь — нужны крылья, но их уже нет, пришейте другие...

Снова корректирующий импульс, и снова нарушение баланса, который выправил Компаньон. На этот раз было совсем непонятно,

как он ухитрился одновременно впадать в компьютерное безумие и выдерживать курс.

Полосы на экране. Снова — смена режима работы реактора. Чужие навязывали свою волю, мешали противостоять новой траектории, ведущей вместо приливной точки туда — к раскрытой пасти грузового люка крестообразного звездолёта «Икс». А пять минут, о которых так мечтал Шкип... Пять минут — иногда это ничто, иногда — время утраты надежд. «Трайд» оказался прочно скован гравитационными захватами, генерируемыми волчками.

— ...и я бы обрёл их, другим на зависть, но нити непрочны, и нити порвались...

Ещё коррекция! Шкип изумился — вот это да! Помешательство Компаньона принимало странную, очень странную форму. Он как будто продолжал воспринимать основную задачу по поддержанию курса, но при этом вместо нормальных докладов перешёл на рифмованное косноязычие...

Волчки шарахались чуть в сторону одновременно с рысканием корабля Шкипа, когда он выполнял коррекцию. Как долго это могло продолжаться? А если снова заглохнет реактор? А если он заглохнет навсегда? Пилоту оставалось только грустно усмехаться тому, что чужие ещё не влезли в его сознание. А вот сознание полётного компьютера совершало новую трансформацию.

— Когда я устану, ты это поймёшь, и вряд ли останки мои соберёшь. Я больше не помню, в каком краю мне нужно искать мечту свою...

Следующая попытка волчков сбить «Трайд» с курса увенчалась успехом. Коррекции не последовало. Но Шкип уже задумался над странной рифмой Компаньона. Не являются ли они попыткой о чём-то сказать? Пусть даже так, косноязычно, сказать о чём-то важном? При непрерывной борьбе со вторжением извне и, как признался сам Компаньон, частом сканировании собственной памяти вряд ли ему получится чётко следить за выполнением основных обязанностей, да и понимать — в чём они заключаются? Выдерживать курс, определяя координаты корабля... Нити непрочны, нити порвались... когда я устану, поймёшь... Вот! Вот оно! — «Я больше не помню, в каком краю!»

Шкип быстро пробежался по сенсорам пульта управления, выстраивая на экране короткую линию — от места сиюминутного нахождения «Трайда» до точки входа в Прилив.

— Слушай, Мозжечок, — вкрадчиво начал пилот, — давай поиграем? Смотри, что тут у нас: из пункта А в пункт Б идёт наш

«Трайд». Но кто-то не хочет, чтобы он дошёл... Понимаешь? Кто-то не хочет и постоянно уводит в сторону! — Шкип добавил на экране несколько стрелок, направленных от первоначального отрезка в стороны. — А нам нужно, очень нужно попасть из пункта А в пункт Б. Понимаешь?

После этого Шкип зачеркнул эти стрелки, оставляя нетронутым только графическое отображение самого большого своего желания — дороги к Приливу.

— Не ждёт ли нас опять обман? Ведь в точке Б стоит туман...

Вот чёрт! Переквалифицировался, что называется, из поборника инструкций в поэта. Непонятно, что хуже. Хотя, если вдуматься... Ведь пункт Б — это что? — так, наверное, в переводе с компьютерно-поэтического должна звучать последняя фраза Компаньона, решил Шкип. И ответил:

— Там приливная точка. Она позволит прекратить издевательства над тобой. Но идти нужно обязательно вот по этой прямой...

— Сменить балансировку! — выдал гениальное решение Компаньон, причём выдал обычным голосом, но только его ремиссия была очень краткосрочной. — Ничего-то ты без меня не можешь, человек! Я просчитываю схемы гравитационного взаимодействия звёзд в ядре Галактики. То, что не удавалось пока никому! Не мешай... Поддержание баланса, выравнивание после коррекций... Меня отвлекают эти мелочи. И мне не нравится это имя — Мозжечок! Это тоже мелко, задумайся, человек!

— Свихнувшийся полётный компьютер с манией величия! Ах, ты, умник какой нашёлся... — озлобился Шкип, но всё же принялся объяснять терпеливо, как ребёнку: — Ты не прав, самый великий из мозжечков! Задача очень сложная! Те, кто нам мешает, будут сбивать с пути, но это очень важно — не проиграть...

— Я открыт для диалога, человек. Но докажи, что решение такого пустяка важнее моей миссии, что пришла как озарение...

— Доказать? И тогда ты выполнишь эту задачу?

— Я выполню любую задачу. Которая важнее моих вычислений...

— Это элементарно! Звёзды в Галактическом ядре будут кружить и сталкиваться миллиарды лет. И тебе удастся, без сомнения, просчитать их ход, внести ясность в этом хаосе. Но вопрос — дойдём ли мы до Прилива? — должен решиться в ближайшие десять минут. В этом не важность, в этом — приоритет задачи. Ты согласен, что когда есть несколько задач, должны быть и приоритеты в

порядке их выполнения? Ты же сам такое говорил, не помнишь? Через десять минут ты сможешь вернуться к вычислению траекторий звёзд в ядре. И сможешь заниматься этим хоть миллиард лет. Но ни через миллиард лет, даже не через час ты уже не сможешь решить мою задачу... Мы никогда уже не попадём в этот Прилив, в нашу точку Б... И ты прав. Если я сам возьмусь сейчас проводить корректировку, мне не удастся справиться с выдерживанием баланса мощности. У меня не получится без тебя... А мешают сильно, нас будто подталкивают. Каждая коррекция даётся сложнее...

— А! Гравитационные захваты! Они уже обработали параметры движения и знают, куда ты стремишься. Чего же ты хочешь? Пойдём по синусоиде, в этот Б. Коррекции не обязательно выполнять после смены курса, можно производить их с разными неисчисляемыми интервалами. Запустить генерацию случайных чисел в пределах от одной до десяти секунд, и когда я понимаю, что нет спасенья, я просто прячусь в свою же тень!

Снова пошло иносказание! Снова полосы на экране, теперь уже сплошная рябь. Плеер, как сумасшедший диск-жокей, обкурившийся какой-то дряни, меняет треки через разные промежутки... То, что Компаньон собирался проделать для сохранения курса, — неплохое, кстати, было решение! — за него делали враги. Только уже на свой лад, в своих целях, сбивая неравным ритмом цифровых атак нормальную работу всех систем.

Шкипу захотелось бессильно выть. Разгромленная база добытчиков. Тысячи трупов на жутких лентах, опустошенная локация. Теперь новые орбиты и траектории астероидов сможет вычислить разве что какой-то другой свихнувшийся компьютер. Сам «Трайд» представлялся Шкипу больным животным, которого тащат на убой, и у которого нет ни сил, ни разума сопротивляться. Невидимые гравитационные арканы волчков скоро станут неодолимы.

«Всё! — решил он про себя, бессмысленно глотнув кофе. — Остаётся только схема „жертва"!»

Запутать работу реактора-расщепителя. Пустить его вразнос. Запасов квазеров должно хватить на весёленький такой прощальный фейерверк. Разорвёт не только «Трайд», но и тех конвоиров, что окажутся поблизости!

— Если в ближайшие пять минут ничего не изменится, так и поступлю, пока мне не заглушили реактор!

Приняв это решение, Шкип успокоился. Его взгляд остановился на электронном циферблате бортового хронометра.

Глава 8
РУКОПАШНЫЙ ДЕНЬ. ПОДЛЁТНОЕ ВРЕМЯ

Они пришли. Большие и малые корабли. Лучи света уже упали на ту сторону Меггидо, где находилась площадка терраформирователей и «Аллеган». Внизу вовсю шло празднование, и стюарды в белых форменках подносили к фуршетным столам откупоренные прямоугольные фляги.

Терраформирователи оттягивались по полной, отлично понимая, что такой случай выпадает раз на десять лет. Сотрудникам СВБ было дано указание никого не трогать, никого не задевать, и они занимались сейчас тем же самым, что и остальные. Опрокидывали бокал за бокалом веселящей огненной жидкости, за здоровье неизвестного им функционера корпорации. При этом служащие СВБ держались обособленно.

В самом начале, когда «Аллеган» только-только сошёл с орбиты, и большие грузопассажирские «Валентайны» принялись перевозить персонал «Аллегана» в основной Купол и несколько спешно развёрнутых Куполов поменьше, кто-то пустил слух, что ожидается салют. И что именно поэтому за столами в просторных залах Купола, которые начали постепенно становиться менее просторными из-за прибывающего народа, отсутствуют орбитальщики. Потом эти слухи умерли сами собой, так же, как и вопросы о группе орбитальной поддержки... Крепкие напитки и шампанское лились рекой, музыка звучала всё громче и громче... А там, высоко на орбите, уже забили первую тревогу.

— Эй, а это кто такие? — вышел в эфир Ти-Патрик, пилот модуля георазведки. — Со стороны неосвоенного пространства движутся какие-то корабли!

— Модуль! Вы локируете инопланетный флот вторжения. Это чужаки... — по-военному прямо, в лоб, без утайки, врубил командер эскадры.

— Это такая шутка, да? — в рубке управления георазведчика послышался смех.

— Меньше чем через час вы убедитесь, что нет. Поэтому рекомендую заранее перейти на низкую орбиту и ждать сигнала на сброс контейнеров.

— Ага, понял. Мы будем в самом низу, чуть выше пойдёт другой корабль, и так далее. Пирог из фейерверков! Оригинально... Эй, вы что, не шутите? Мои сканеры не могут идентифицировать объекты...

— Какие же тут шутки? Малые объекты — истребители, большие — крейсеры. Вчера точно такие же гости разгромили часть эскадры у Оазиса-восемнадцать и уничтожили инфраструктуру локации, а сейчас — наша очередь. Ребята, уходите на нижнюю орбиту, постарайтесь продержаться хотя бы полчаса после начала атаки, а мы постараемся продержаться здесь... Продержаться сколько получится...

— Да вы что? Какие инопланетяне? Какие...

Но последняя фраза Ти-Патрика исчезла в мощном посторонем сигнале, сразу забившем весь эфир. Шумоподавители запоздали всего на секунду, но и этой секунды было достаточно. Операторы срывали наушники, получив сильнейший акустический удар, связь между кораблями на какое-то время оказалась нарушена. Дьявольский скрежет, переходящий в визг, долго ещё звучал в сознании каждого, кто его услышал.

На звездолётах ВКС этот сигнал восприняли как сигнал к началу атаки. И на постах уже прозвучали первые боевые команды.

— Подлётное время — час восемнадцать... Количество целей — восемнадцать малых объектов, четыре больших... — выдал информацию звездолёт-разведчик, занявший позицию среди группы астероидов на большом удалении от Меггидо.

Тут же прошла команда с мостика флагманского крейсера:

— Всем «Меркуриям» и «Сафари», занять позиции у Ларусса. Вы прикрываете орбитальные джеты...

Потом включился пост целеуказания:

— Подлётное время — час пятнадцать. Уточнение... Малых объектов — двадцать четыре.

— Истребители. Наверняка стартовали с больших кораблей... — поделился догадкой старший офицер флагмана. — Ваше решение, командор?

Полковник медлил с ответом. По всему было видно, что он не годится в дипломаты, и очень даже оправданно не верит в возможность мирного исхода.

— Присоедините полицейские «Эссексы» к нашим Ка-два, пусть будут готовы к нанесению удара. Модули орбитальной поддержки пока останутся под нашим прикрытием, а патруль службы безопасности, на их велосипедах, пускай уходят на нижние орбиты, к георазведчикам...

Ещё десять минут назад на командном мостике крейсера шёл ожесточенный спор. Штаб двенадцатой эскадры, в полном составе, участвовавшие по видеосвязи командиры отдельных крейсеров,

аналитическая группа эскадры, возглавляемая опытным майором-аналитиком, — все они не могли решить окончательно — стоит ли наносить удар первыми, или же нужно дождаться вражеского удара, и только потом пытаться отразить агрессию.

Многие ведь не верили, что это именно агрессия. Мало ли что могло случиться у Оазиса-18...

— Коммандер! А вдруг они всего лишь реагируют на концентрацию нашего флота? Посчитали нас неспособными к мирному диалогу? — горячился командор карманного крейсера.

— И что ты предлагаешь? Пропустить первый удар? Я не политик, Тад, да и на тебе нет смокинга дипломата, а всего лишь мундир военного...

— Но здесь их намного меньше — звездолётов пришельцев! Мы имеем даже численное превосходство...

— При некоторых ситуациях численное превосходство не значит ничего! Вообрази себе снайпера, сидящего на вершине холма, с полной обоймой, и скачущих к нему по равнине да хотя бы сотню каких-нибудь всадников. Он сильнее каждого из них ровно во столько раз, сколько патронов в его обойме.

— Но мы не древние всадники! Наше оружие...

— Такое уже было, Тад! Вспомни, в твоей офицерской академии наверняка пересказывали случай из истории войн. Девятнадцатый век, битва за обладание Крымским полуостровом. Отважные пятьсот! Целый полк лёгких улан выкосило картечью артиллерийской батареей! Насчёт отважных пятисот не знаю, но один из них — тот, кто командовал полком, точно был полный идиот! Вспомнил? У оборонявшихся было несколько пушек и никакого прикрытия. А против них — полтысячи выходцев с британских островов... Они так и не достигли батареи, пушки под флагом с двуглавым орлом их просто разорвали на клочья несколькими залпами! У Оазиса-восемнадцать наши корабли не успели даже как следует подготовиться к бою, и были атакованы. А насчёт древних воинов и снайпера с полной обоймой... Мощность вооружения неприятеля превосходит возможности нашей защиты!

— Я подчинюсь приказу, коммандер. Но всё-таки я не согласен. Истребители и четыре крейсера против наших восьми крейсеров и истребителей, не считая полицейских «Эссексов» и «Сафари»...

— Вполне вероятно, они откорректировали необходимое для завоевания господства в локации количество кораблей. И посчитали именно такие силы вполне достаточными для атаки локации Меггидо.

— Всё равно, я готов рискнуть коммандер. Я не верю в невозможность мирного диалога...

Полковник прикрыл глаза. Как военный, он понимал, что его единственный шанс выстоять в этой схватке — атаковать первым. Постараться выбить как можно больше звездолётов врага ещё на подлёте, пока они не рассредоточились. Но как человек, как представитель человеческой цивилизации, где-то внутри испытывал точно такие же сомнения. Ему не было известно, атакованы ли локации, где не имелось кораблей ВКС, или же нападение происходит там, где другая цивилизация ощутила возможную угрозу. И их командоры приняли точно такое решение о превентивном ударе.

— Тад, а твои офицеры, они тебя поддержали? Они согласны уйти погибать без боя?

— Большинство считает так же, как и я. Нужно попытаться, чтобы исключить ошибку.

— Значит, так... — полковник собрался с духом, прежде чем отдать приказание. Он понимал, что ответственность за всё, что произойдёт с эскадрой, независимо от того, каким будет исход, — в любом случае ответственность будет лежать на нём, а значит, именно он должен озвучить приказ. — Командор Тад! Приказываю вывести подчинённый вам корабль из строя и попытаться вступить в контакт...

— Принято, ком! Благодарю за доверие!

Мальчишка, молокосос, думал полковник. Романтика дальнего космоса всё ещё в его голове и ветер фантазий. У тех, кого пришельцы сожгли на Оазисе-18, тоже были свои фантазии, свои надежды...

Сопровождать Ка-два вызвалось ещё четыре истребителя, думающих так же, как и командор Тад.

— В любом случае, — вышел на связь один из пилотов, — это будет выглядеть не как угроза, а как торжественный строй. Как раз по случаю.

— Откуда тебе известно, как всё выглядит в глазах пришельцев? — вспыхнул полковник, но потом решил идти до конца в принятом решении. — Два истребителя. Оружие деактивировать...

— Принято, ком!

Полковник знал, что никто его не осудит за такой эксперимент, даже если он допускает ошибку. В его решении присутствовал элемент другой логики. Если пришельцы настолько уверены в своём превосходстве, и уверенность их оправданна, то потеря одного из

Ка-два и двух «Меркуриев» не сможет сказаться роковым образом на общем исходе сражения. А вот в случае успеха такой миссии сражения не будет вообще, и кто знает, куда заведут дальнейшие шаги по дороге звёздной дружбы! Для командующих соединениями всегда существовало важное правило: не стоит идти на риск, если нет уверенности, что в случае успеха выиграешь больше, чем потеряешь в случае неудачи. Полковник следовал именно этому правилу, отправляя один из крейсеров навстречу врагу.

— Что у Хамета? — резко сменил он тему, чтобы отвлечься от слишком противоречивых мыслей.

— В локации Хамет присутствуют два наших тяжёлых крейсера, номерные «Форвард-шестой» и «Форвард-седьмой», восемь новейших истребителей «Молния» и линкор «Хлоя». Также к ним направилось четыре станции «Эссекс» полицейского патруля — для эвакуации персонала навигационного поста...

— Мне это известно! Какие силы противника вошли в локацию и сколько у них времени до контакта?

Сразу же после вопроса коммандера стало предельно ясно — начнись сражение у Хамета раньше, чем произойдёт сближение с силами врага на Мегиддо, и вся затея командора Ка-два, отправившегося навстречу с миссией мира, сразу же потеряет смысл.

— Для Хамета — подлётное время... Час десять. Двадцать четыре малые цели, четыре крупные.

— Всё ясно. И там, и здесь, они направили идентичные по составу эскадры. Четыре корабля, размерами сопоставимые с нашими тяжёлыми крейсерами, двадцать четыре истребителя. Хорошо хоть, пока ещё не появились такие же чудовища, что вышли из Прилива в Оазисе-восемнадцать... Дайте на мостик карту локации! Держите постоянную связь с группой у Хамета.

В центре командного мостика, над столом с мониторами, отображающими состояние эскадры, возникло голографическое изображение всей локации Мегиддо с прилегающими районами, с отображением расположения всех имеющихся сил.

Вот, у самого Ларусса, застыли в неподвижности двадцать мелких точек. Самые малые корабли: десять оставшихся истребителей «Меркурий», пять полицейских вооруженных скутеров «Сафари» и пять миниджетов орбитальной службы «Аллегана». У одного из скутеров час назад обнаружились неполадки в системе навигации, и пилоту было разрешено отправиться на поверхность планеты. Ему так и не стало известно о том, что должно произойти. Контейнер со скутера принял один из георазведчиков «Аллегана».

По замыслу коммандера эскадры, истребители, как самые маневренные и высокоскоростные корабли эскадры, составляли подвижный резерв, и должны были вмешаться в битву, когда начнёт вырисовываться общий рисунок сражения. Кроме этого, истребители имели приоритетную задачу: что бы ни происходило здесь, на высоких орбитах, если враг попытается произвести высадку десанта, все «Меркурии» должны атаковать десантные транспорты.

В отдалении от Меггидо, в первой линии, готовились к бою три оставшихся карманных крейсера и четыре патрульные станции «Эссекс». Стратегический план предусматривал ракетную атаку с целью уничтожения максимально возможного количества звездолётов врага. Приоритетными целями были обозначены крейсеры. Тогда ещё ни полковник, ни подчинённые ему командоры, не знали, на что способны вражеские истребители!

Сразу после запуска ракет, все корабли первой линии должны были отходить к Меггидо, под прикрытие четырёх тяжёлых крейсеров. Ка-первые, как обозначали во флоте каждый тяжёлый крейсер, — изначально находились в двадцати тысячах километрах над поверхностью Меггидо. И после атаки, проведённой первой линией, они сразу же выдвигались вперёд, начиная гравитационный обстрел. Восьмёрке модулей орбитальной поддержки, зависших сейчас рядом с Ка-первыми, среди которых был и «Хулиган», под прикрытием атаки крейсеров нужно было спуститься на низкую орбиту, где уже находились оба георазведчика «Аллегана» и шесть лёгких скутеров службы безопасности ТОСТа. Шесть велосипедов, как окрестил их полковник из-за отсутствия действенного вооружения.

— Фигуры расставлены, игра началась! — сказал кто-то из штабной свиты и готов был продолжить развивать эту тему, но его прервал возглас дежурного офицера:

— Коммандер! Связь с Хаметом прервана! Опять этот проклятый сигнал! Теперь они глушат им наши передачи.

— Е-два, е-четыре... Первый ход на второй доске за врагом... Посмотрим, что дальше...

После утраты связи с группировкой у Хамета, всем офицерам двенадцатой эскадры оставалось только следить, как пойдут дела у Ка-второго, сокращавшего дистанцию со стремительно приближающимся врагом.

— Подлётное время — сорок минут! Время до контакта пришельцев с Ка-вторым и «Меркуриями» — двадцать семь с половиной. Скорость объектов в два раза выше!

Полковник знал, что начальное возбуждение, связанное с ожиданием, исчезнет, как только произойдёт что-то одно из двух: или встреча с цивилизацией, которая способна сосуществовать с человечеством, разделяя бескрайность Галактики, или огневой контакт с врагом. Но что бы ни ожидало парламентёров эскадры, в любом случае это будет ответ. Ответ и руководство к действию.

— Пусть сделают остановку, а потом снова начнут движение! — скомандовал полковник. — Должны ведь они хоть как-то показать свои мирные намерения. При первом признаке опасности, даже если это будет из области метафизики, хоть дурное предчувствие, хоть неожиданное странное желание почесать правую ногу, что угодно! Сразу пусть уходят на форсаже!

— Передаю, ком! Ка-второй отвечает, что признаков агрессии не наблюдает. Объекты идут с постоянной скоростью. Определён их строй: четыре больших корабля позади двадцати четырёх малых...

Сканер пространства отобразил в голографической проекции, как остановились на несколько секунд крейсер и два истребителя, и потом снова начали набор скорости.

— Ка-второй сообщает, что пытается подавать световые сигналы бортовыми прожекторами. Одна-две-три вспышки, и снова — одна-две-три, но пока никакой ответной реакции со стороны объектов не последовало. Подлётное время объектов до первой линии — тридцать минут, время до контакта с Ка-вторым — двадцать...

— Что у Хамета? Есть связь?

— Связи нет, коммандер. Подлётное время — девятнадцать...

Орбитальщикам, первыми из которых были Рой с Мартином, уже сообщили реальное положение вещей. Полковник не видел смысла скрывать всю правду до последней минуты. Чертыхаясь, экипажи георазведчиков ушли на низкую орбиту. Модули поддержки остались с крейсерами.

— Пилот! — обратился полковник к Рою, когда «Хулиган» достиг причальной площадки и был доставлен в ангар. — Всё, что ты сейчас думаешь, оставь при себе. Это война. И если нам придётся сражаться, то мы будем сражаться. Если ты решишь, что куда лучше побыть пушечным мясом на поверхности, можешь отправляться прямо сейчас. В конце концов, нет никакой разницы, окажутся заряды рядом с «Аллеганом», если будут сброшены с орбиты, или окажутся рядом, когда враг сбросит десант. Никто ведь не знает, как пойдут у нас дела. Только эти штуки, что у тебя на подвесках — они

как вымершие страшные животные. И лучше держать их как можно дальше от «Аллегана». Специалисты по вооружению, которые смогли бы рассказать, как устроены и как поведут себя наши фейерверки, погибли вместе с «Форвардом-третьим», вчера, у Оазиса-восемнадцать. А я бы не хотел, чтобы какая-то случайная реакция подняла всю вашу грузовую площадку на воздух! Если враг скинет большой десант — можешь быть уверенным, людям с «Аллегана» не выстоять... Видишь вот тот транспорт? Это вы там что-то понапридумывали про девиц. На самом деле он несёт на борту кое-что другое, и я прямо сейчас спущу его на поверхность. Так что если вы получите сигнал о сбросе контейнеров, то получите именно с этого транспорта. А вообще, это тебе уже решать — оставаться на орбите, чтобы получить шанс после активации заряда и не превратиться в облако атомов вместе с «Аллеганом», или активировать заряд, находясь на поверхности. Гарантирую — шансов у вас тогда не будет. Бомбы рассчитаны на подрыв при высоте от нуля до ста метров над уровнем площадки, так что...

— А почему нам сразу не разъяснили, что происходит?

— Это вопрос не только ко мне, командор «Аллегана» тоже в курсе всех новостей. И паника на Меггидо ему не нужна, потому что транспорт не сразу подаст сигнал, даже если десанту врага удастся начать действовать. Всё будет зависеть от количества тех сил, что высадятся на поверхность. Посмотрим ещё, сколько их кораблей сумеют достигнуть поверхности.

Понимая, что спорить с офицером бессмысленно, и что всё давно уже решено без его участия, Рой только развёл руками, повторяя:

— Об этом можно было рассказать ещё в ремонтном ангаре...

— Извини. Никто не хотел рисковать. Скажи лучше, как ты догадался... Про контейнер...

— Это я догадался! — Мартин выступил вперёд. — Мой пилот абсолютно ни при чём!

— Прикрывать друга — это всегда хорошо! — заметил полковник и добавил: — Но только мне ведь всё равно. Просто было интересно. А сейчас нет даже смысла спрашивать, как тебе удалось... Утечка информации — слишком частое явление. Всё, парни, разговор окончен. Можете стартовать и ориентироваться уже по ходу событий. Гарантий на войне не бывает. Только возможности. А вот как их использовать — решайте сами. Только не наделайте глупостей. Договорились? Или мне нужно сейчас же освободить подвески вашего модуля?

— Я... я не знаю, — честно признался Рой. — Но если командор «Аллегана» в курсе...

— Он в курсе, — вместо полковника ответил Мартин. — Я точно знаю. Пошли, Рой, полетаем с огромной кучей дерьма на подвесках, как ты говорил... А если положение действительно окажется безвыходным — запустим фейерверки...

— Подлётное время... Время до контакта с Ка-вторым — семь минут! — продолжался отсчёт.

— Первая линия к бою готова!

— Связь с Хаметом не восстановлена...

— Крейсер к бою готов!

— «Меркурии» на позиции...

Чёткие доклады неслись со всех сторон. Вахты рапортовали о состоянии ходовой части, навигационных систем, систем вооружения...

Позади тяжёлых крейсеров восемь модулей поддержки ожидали, чем всё закончится или хотя бы — с чего начнётся?

На поверхности, рядом с «Аллеганом», не замеченный никем, садился транспортный корабль, шлюзы которого продолжали оставаться закрытыми. Внутри Куполов гремела музыка, и стюарды в белом открывали всё новые и новые фляги. На огромных видеоэкранах мелькали записи последних футбольных матчей, видеоклипы, фильмы, юмор, что угодно, и каждый мог выбрать себе по вкусу. Никто не знал, что случится с ними очень и очень скоро, потому что орбитальный бой быстротечен. Инженерная техника, подогнанная к самым Куполам, передвижные арсеналы проходческого оборудования, всё было наготове. Праздник продолжался.

— Подлётное время... Время до контакта объектов с Ка-вторым...

— Они ещё раз остановились. Теперь опять набирают скорость. Продолжают подавать световые сигналы и вызов на открытой волне...

Вразрез с этим начали звучать и совсем другие фразы.

— Торпедная секция докладывает: объекты в радиусе поражения дальнобойных торпед!

— Артбатарея докладывает: энергоприёмники генераторов изменённой гравитации заполнены, орудийные порты открыты...

— Секция лазерного вооружения... Системы наведения задействованы...

Полковник уже торопил время. Сейчас, или никогда. Один Ка-второй решить исход боя не мог, а вот одна-две минуты — вполне.

— Минута до контакта объектов с Ка-вторым!

И это оказалась последняя хорошая новость.

Вначале что-то изменилось в голографической карте. Секундой позже это изменение осознали полковник и находящиеся поблизости офицеры. Ещё через три секунды тяжкое известие подтвердил дежурный оператор.

— Утрата связи с Ка-два и обоими «Меркуриями»!

Три точки — одна яркая, большая, и две поменьше, перестали существовать, исчезли, оказались стёрты с карты...

Они даже не успели понять, что были атакованы.

И тут же взревели базеры боевой тревоги.

— Ка-второй и « Меркурии» уничтожены! Атака! Атака! Подлётное время объектов — шесть минут! Фиксируется запуск ракет!

«Мир-ротворцы!» — коммандер почувствовал чуть ли не ненависть к упрямцу-капитану, которому удалось убедить полковника в осуществлении такой нелепой затеи и из-за которого эскадра лишилась нескольких важных минут. Вместе с крейсером и истребителями погибла надежда на звёздную дружбу.

— Торпедам — запуск! Орудия к бою!

Из кораблей первой линии через минуту осталось только два Ка-вторых и один полицейский «Эссекс», который, вместо того чтобы стартовать на форсаже после запуска своих ракет, начал лазерную стрельбу. И был уничтожен после первых же попыток нащупать цель.

— Гравитационное оружие! У них — гравитационное оружие с дистанцией стрельбы, в десять раз превышающей возможности наших генераторов гравитации!

— Ракетная атака! «Форвард-второй» получил два попадания!

— Ка-вторые атакованы истребителями, они не успеют отойти к Мегтидо!

— Скорость объектов — семь десятых от световой!

— «Форвард-пятый» получил повреждение ходовой части!

— Один Ка-второй уничтожен!

Минуты стали секундами, а секунды мелькали, как сполохи боевых лазеров. Невероятно вёрткие истребители врага — теперь уже врага без всяких надежд и сомнений! — маневрируя, передвигались

по сложным, запутанным траекториям, на скоростях, исключающих возможность баллистическим вычислителям выдать целеуказания. Рассредоточившись, истребители словно шрапнель прошли сквозь строй тяжёлых крейсеров, оставляя позади сбитые надстройки и рваные раны в телах звездолётов Солнечной. Но этот проход не остался полностью безнаказанным:

— Попадание во вражеский крейсер!

— Уничтожено три истребителя противника!

И сразу же:

— Мы потеряли «Форвард-второй»!

Лицо полковника стало белее мела, как форменный комбинезон. Казалось, вся кровь с лица ушла в сердце, которое оплакивало поражение.

Рядом с флагманским «Будгардом», крейсером новейшей серии, на котором и находился коммандер эскадры, вспухало облако. Металл и человеческая плоть. Остатки «Форварда». Врагу удалось меньше чем за две минуты уничтожить больше половины группы. Способность сопротивляться сохранили только два номерных крейсера, «Форвард», первый и пятый, и флагман, чьи усовершенствованные системы защиты более-менее успешно смогли прикрыть корпус от разрывов ракет и серии гравитационных ударов, которыми молотили по «Будгарду» вражеские крейсера.

— Отход к Ларуссу! Кормовая секция — отгоняйте истребители! «Меркуриям» — вступать в бой только по моей команде!

— Командор! Связь с нашими истребителями потеряна!

Полковник тут же бросил взгляд на карту. Двадцать точек всё так же мерцали за обратной стороной планеты-спутника.

Аномальная зона! Какая глупость!

Он вспомнил, как пытались вызвать модуль поддержки и как пилот сказал что-то о зоне эфирного провала. Тревожные новости ходят парами, и тут же появилась очередная вводная.

— С крейсеров противника запущено девять кораблей! — доложили с тактической вахты.

По эстафете эта вводная ушла на пост целеуказания:

— Это не истребители! Траектория движения — прямолинейная! Расстояние до объектов... Вероятность поражения...

Нет никакой вероятности, сразу понял коммандер. Три крейсера сразу же прикрыли их манёвром. Теперь, даже если «Форварды» или сам «Будгард» решились атаковать новые объекты, им пришлось бы пройти вблизи генераторов гравитации врага. А их

работа оказалась безупречной — на каждый залп группы кораблей Солнечной противник отвечал пятью-шестью залпами, каждый — в десять раз превосходящий вооружение ВКС по мощности и дальности поражения.

«Форвард-пятый», у которого была повреждена ходовая часть, неожиданно выбился из строя, кренясь влево-вниз, и пошёл на сближение с крейсерами пришельцев.

— На «Пятом» потеряно управление! Нарушен вектор тяги, движки находятся в постоянном разгоне!

Помочь раненому кораблю с такими повреждениями не могло даже чудо. Экипажам двух оставшихся крейсеров оставалось только наблюдать, как с «Пятёрки» одна за другой слетают броневые панели, не выдерживающие ударов гравитационных орудий. Вдобавок четвёртый крейсер пришельцев, получивший попадание дальнобойной торпеды и не участвовавший до сих пор в схватке, начал подавать признаки жизни. Стабилизировав полёт и поравнявшись с остальными крейсерами, он тоже выпустил три объекта, сразу же прикрывая запуск, выходя наперерез «Форварду-пятому».

— Объекты выходят к Меггидо! Предположительно — готовятся совершить посадку на поверхность.

— Это десантные транспорты, и мы их, кажется, упустим... — уже не надеясь ни на что хорошее, прокомментировал полковник.

Но кубики военной удачи вертятся, подпрыгивая, без остановки. На их гранях мелькают и единицы, и двойки, и шестёрки, далеко не всегда можно понять, в какой момент и что выпадет, для какой из сторон — удача, для какой — наоборот...

— «Меркурии» вышли на связь! Они пошли на перехват транспортов!

Истребители пришельцев, тут же прекратив свои смертельные танцы вокруг крейсеров ВКС, кинулись вдогон. Такое изменение объекта атаки позволило комендорам «Форварда-первого» и «Будгарда» сбить сразу пять штук. Но и шестнадцать оставшихся — слишком большое превосходство над «Меркуриями». Командор группы истребителей наверняка это всё понимал, даже не пытаясь снять с кормы преследователей, сосредоточив все усилия на перехвате транспортов — кораблей прямоугольной формы, которые уже коснулись верхних слоёв атмосферы Меггидо.

— Коммандер! Они сбили четыре транспорта! Поправка — пять транспортов! А «Пятёрка»...

«Форвард-пятый», на палубах которого вовсю бушевали пожары, с которыми не могли справиться системы обеспечения безопасности, потерявший больше половины боевых установок и продолжающий неуправляемый полёт, неожиданно оказался вблизи четвёртого крейсера противника. Три других больших звездолёта пришельцев прекратили гравитационный обстрел, чтобы не задеть и свой корабль. Слава богу, подумал коммандер, для лазерных импульсов и гравитационной волны не существует системы «свой-чужой»!

Израненная «Пятёрка» вступила в противоборство с врагом.

— Почему не эвакуируется оставшийся экипаж? — задал вопрос кто-то из свиты коммандера.

— Потому что у них было два листка бумаги, с надписями «задница» и «полная», а они умудрились из них сложить слово «удача»! — ответил полковник.

«Пятёрка», действовавшая сейчас только носовыми артустановками и вспомогательными лазерными излучателями, — потому что в основной секции лазерного оружия не осталось ни одного живого человека и ни одного неповреждённого автомата. У её соперника, по-видимому, были сбиты системы наведения. Четыре ракеты врага прошли на удалении от «Форварда», и были уничтожены средствами противодействия в момент, когда начали манёвр возврата к захваченной цели. В ответ «Пятёрка» влепила дальнобойную торпеду. В упор, прямо в центр двух перекрещенных несущих конструкций, где угадывались очертания командной рубки. Вражеский крейсер вздрогнул, выкидывая газовые струи, тут же превращающиеся в облака смёрзшихся частиц. А потом «Форвард», не успевший отвернуть в сторону или потерявший возможность маневрировать, на всём ходу буквально вошёл в корпус чужого крейсера. В следующее мгновение запас активного вещества на крейсере пришельцев сдетонировал, и оба корабля, два бывших соперника, растворились в ярчайшей вспышке, превращаясь в плазменное облако.

Сила детонации оказалась такова, что находящийся ближе остальных к месту взрыва корабль врага попал в зону новосотворенного пространства — ударной волны при детонации, — и его несущие оси переломились, будто спички. Оторванная конечность одной из осей, со всё ещё работающей двигательной установкой, сиреневым метеором прочертила длинную линию в сторону Мегидо, поставив в конце точку прямо на одном из трёх транспортов, уходивших последними.

«Меркурии» израсходовали все свои ракеты, сбив ещё два транспорта, после чего их нагнали истребители врага, уничтожив лазерными ударами восемь из десятка. Но затем, в свою очередь, оказались атакованы пятёркой скутеров «Сафари», которые выдвинулись вслед за «Меркуриями» и оказались позади. Поэтому у «Сафари», когда они обнаружили перед собой врага, осталась только одна возможность — атаковать!

Жалящими импульсами лазерных установок скутеры пронзили два крайних истребителя, которые сразу же вышли из боя, уходя к крейсерам, оставляя за собой след из смёрзшихся частиц. На этом удача для «Сафари» и закончилась. Четырнадцать истребителей легко расправились со скутерами, и пять точек на карте локации погасли навсегда...

Наступила следующая фаза схватки. Флагман «Будгард» вместе с «Форвардом-первым» прижались к Ларуссу, контролируя пространство перед собой. Два противостоящих им крейсера пришельцев заняли позицию напротив, но атаковать не спешили. Их истребители, окончив сопровождение транспортов, которым уже ничего не угрожало, вернулись на орбиту.

Два крейсера, четырнадцать истребителей, — ещё два, повреждённые скутерами, скрылись в ангарах одного из крейсеров, — у врага, и два крейсера плюс два истребителя — остатки эскадры ВКС, — застыли друг напротив друга. Гравитационные орудия пришельцев молчали, причина этой передышки была неизвестна коммандеру, но он особо и не задумывался над ней. В бою для любого события может быть только одна оценка — тактическая. О причинах всего-всего можно подумать потом, если это «потом» случится.

— Торпедные отсеки! У вас что-то осталось?

— Пусто, коммандер! Есть только обоймы с маломощными «иглами»... Для такого противника, как крейсер, — что слону дробь.

— А для их истребителей?

— Для истребителей наоборот — как с молотком гоняться за комарами... Разве что отпугнуть.

— Ясно. Потери?

— Легла половина прислуги...

Полковник скрипнул зубами. Израсходовать весь запас, потерять половину персонала торпедных секций и уничтожить всего лишь несколько истребителей, да и то по большей мере благодаря случайности. Майор-аналитик, находившийся рядом, на командном посту заметил это состояние коммандера.

— А всё-таки это замечательно... — кинул он фразу, отчего лицо полковника стало ещё угрюмей.

— Что замечательного? Вы контужены? Или видите то, чего ни я ни остальные не заметили?

— Вижу, полковник. Прекрасно вижу. Именно то, что вы пока ещё не заметили.

— Поделитесь? Чтобы я не решил, будто с вами не всё в порядке...

— Конечно. Даже успел уже подготовить кое-какие заметки. И я действительно считаю, что нам повезло с таким противником. Потому что всё могло оказаться намного хуже.

— Куда уж хуже! Мизерный успех при таких потерях! Если бы не удача «Форварда-пятого», вообще можно говорить о проигрыше всухую.

— Я не подсчитывал цифры. И имею в виду совсем другое. Наш враг, кем бы ни были пришельцы, действует понятным нам оружием — торпеды, боевые лазеры, гравитационные удары, ну разве что плазмомёты их истребителей заставляют удивиться. Принципы движения их кораблей — тоже традиционны. Гравиквазерное расщепление. Никакого качественного превосходства. Только количественное — в мощности артиллерийских установок, в дальнобойности и скорострельности. А это вопрос чисто технический. Представляете, что было бы, если пришельцы обладали оружием или двигательными системами, в которых нам был бы непонятен даже принцип действия? Какие-нибудь аннигиляторы материи, над которыми наши учёные безуспешно бьются столько лет, или неизвестный вид излучения, блокирующий действие всей нашей аппаратуры. Во время боя было отмечено несколько попыток врага использовать какое-то поле, влияющее на работу тактических и навигационных вычислителей, но при простой схеме дублирования их попытки остались безрезультатны. Наши вычислители включались попеременно, обнуляя коды доступа, именно поэтому результаты стрельб не такие эффективные, как нам хотелось бы. Но в будущем, если оказаться к этому готовым, и сразу использовать защиту для вычислителей и всей бортовой компьютерной техники, результаты улучшатся. Я не инженер, и не знаю, как эта проблема решается технически, но уверен в главном — в том, что она решается. Иначе мы бы не продержались и минуты, оказавшись беспомощными с самого начала.

— Вы меня решили успокоить? — недоверчиво осведомился полковник.

— Всех нас успокоят вот эти летающие поперечины — крейсеры, или же спустят на нас свору своих истребителей. Я говорю о том, что это превосходство — только временное. Нашим торпедам хватает мощности подрывного заряда для того, чтобы нанести повреждения врагу. Не хватило всего лишь скорости и манёвренности, потому что раньше у нас не было такого врага и таких целей, для которых нужны скоростные торпеды. Скоро эта новость станет достоянием всей Солнечной, и на заводах, изготавливающих вооружение, запустят ещё один дополнительный цикл при производстве торпедного оружия. Усиленные движки, высокоскоростные расчётчики. И врагу не поздоровится. То же самое готов сказать о гравитационном оружии. Теоретически количество энергии, отводимой из центральных энергетических установок для гравитационного удара — неограниченно, можно забрать хоть всю, правда, в ущерб скорости, но тогда и наши генераторы гравитации станут мощнее и возрастёт уровень концентрации гравитационной волны, что увеличит дальность действия. Лазерные секции вообще не нуждаются в принципиальной переделке. Им просто не хватило более быстродействующих баллистических вычислителей и более подвижных турелей. Это тоже вопрос времени и небольшого переоснащения вместо замены всего комплекса вооружения кораблей... Так что...

— Простите, майор. Ваши наблюдения действительно ценны. Я просто не имел времени над всем этим задумываться, но сейчас выражаю полное согласие с вами. Жаль, что нам это понимание уже не поможет.

— Мне тоже жаль. Но тут уже ничего не поделаешь. Как говорится: не преступно делать ошибки, преступно их не исправлять. Вот разве что, не знаю теперь, как поделиться этими мыслями с инженерами Солнечной...

— Приготовьте пакет с информацией, если появится возможность хоть как-то, хоть кому-то выбраться наружу из запертой локации, он доставит этот пакет куда нужно, и там ваши заслуги будут оценены... Ещё предлагаю запустить зонды, оснащённые системами «свой–чужой». И раскидать их по локации. Часть — здесь, часть — у Хамета. Знать бы ещё, что там творится, остались ли целыми корабли второй группы... Всё-таки с ними старушка «Хлоя», я помню этот линкор со времени, как впервые надел форму навигатора. Вот их гравитационные орудия главного калибра способны на многое...

Коммандеру было неведомо, что к тому времени линкора «Хлоя» больше не существовало. Вступив в затяжную дуэль с

атакующими крейсерами и задействовав для этого абсолютно всё вооружение, на линкоре прозевали атаку истребителей, слишком понадеявшись на средства защиты и крейсерское прикрытие. Двадцать четыре малых звездолёта пришельцев, легко проскользнув мимо тяжёлых крейсеров Солнечной, потеряв при этом только два корабля, подошли к «Хлое» вплотную, выпустив по четыре ракеты каждый. Из восьмидесяти восьми ракет, уничтоживших сразу почти все надстройки линкора, лишивших его броневых панелей и искоревших корпус, несколько ракет нашло дорогу к сердцу «Хлои» — центральному реактору, а также к его арсенальным отсекам... Герметизация и без того повреждённого корпуса оказалась полностью нарушена во многих местах, взрывом реактора и энергоприёмников оружейных секций выкосило до восьмидесяти процентов экипажа. Но даже тех, кто каким-то чудом не погиб непосредственно во время такого ошеломляющего удара, в конечном итоге ожидала смерть. Через несколько минут агонии выживших на линкоре не осталось.

Более успешно, чем «Меркурии», действовали новейшие истребители «Молния», сумевшие в жестокой схватке произвести равноценный обмен. Они погибли — все восемь пилотов, но успели сжечь восемь истребителей пришельцев. А объединённая группа из двух тяжёлых крейсеров и четырёх патрульных станций «Эссекс» общими усилиями выбили ещё восемь истребителей и повредили два крейсера противника. Шесть оставшихся истребителей, также получивших повреждения от близких разрывов торпед, были вынуждены стать в ангары одного из своих крейсеров. В этой ожесточенной битве корабли сошлись борт в борт, и враг не сумел использовать преимущество в дальнобойности гравитационной артиллерии. Но оба крейсера ВКС и три «Эссекса» получили, как часто иронизировали до этого военные, повреждения, несовместимые с жизнью кораблей. Их экипажи погибли практически полностью, только на одном из крейсеров — «Форварде-седьмом», осталось несколько изолированных в герметичных отсеках постов. Остались, чтобы ожидать конца, который должен был наступить, как только иссякнет кислород в отсеках.

Последний «Эссекс» пытался таранить ближайший к нему крейсер, и эта попытка ему почти удалась. Почти — потому что последствия тарана оказались примерно такими же, как если бы пассажирский скутер столкнулся с грузовой платформой. Крейсер пришельцев потерял ход, но сохранил целостность конструк-

ции, а патрульная станция разлетелась на куски, поскольку не обладала броневой защитой и усиленным каркасом основного корпуса...

— Секция лазерного оружия? — полковник продолжал опрос боевых постов, оставаясь в счастливом неведении относительно судьбы группировки у Хамета.

— Противник уничтожил восемь установок из двенадцати... У них защита — о такой только мечтать, коммандер!

— Артиллерия?

— Работают только два генератора гравитации... Остальные вышли из строя, орудийная прислуга уничтожена...

— Чёрт! Что на «Форварде»?

Закончив принимать доклады о состоянии флагмана, полковник запрашивал другой уцелевший крейсер.

— Имеем две дальнобойные торпеды и шесть сохранившихся лазерных установок! Вот только расчётные системы повреждены... Выбито больше половины экипажа... Защита неэффективна...

Патовая ситуация для дальнейших действий. Защита «Будгарда» позволяла приблизиться к неприятелю, но его нечем было атаковать. На «Форварде» положение дел с точностью до наоборот. Плюс — непонятные действия пришельцев. Чего выжидал враг было вообще не понять.

— Возможно, они проводят анализ сражения. Оказались слишком самонадеянны, отправив к Мегиддо только небольшую группу, и вот результат: вместо того чтобы задавить нас численностью, а они вполне могли себе такое позволить, — коммандер вспомнил ситуацию у Оазиса-восемнадцать, — у врага уничтожено два больших корабля и восемь истребителей... Не так уж плохо для первого раза! — он снова вернулся к событиям у Оазиса-18. — Похоже, мы первые оказали хоть какое-то сопротивление, и избиения младенцев у них не вышло. Пусть даже основная часть наших успехов принадлежит одному-единственному «Форварду-пятому», вечная им слава!

— А что же с транспортами? Они успели выбросить десант и теперь на поверхности...

— Теперь на поверхности начинается то, что для нас, похоже, уже заканчивается! — сказал полковник. — Похоже, наша передышка окончена.

Оба вражеских крейсера вновь раскрывали орудийные порты...

Глава 9
ПЕРВЫЕ ИСКРЫ. ПОСЛЕДНИЙ КРУИЗ

Конечно же, как большинство людей, набравшихся жизненного опыта и перешагнувших определённый возрастной рубеж, Шкип верил в материализацию желаний. Он смотрел на циферблат и ждал чуда. Вот только спутанные мысли и эмоции всё никак не могли подсказать — о каком чуде можно сейчас мечтать?

О том, чтобы вся техника пришельцев, большие и маленькие корабли, исчезли, растворились во мраке космоса, словно их и не было? Такое возможно только в одном случае, и Шкип это понимал: только если бы ему всё просто привиделось. Стало картинками его галлюцинаций.

Шкип решил, что если бы было так, то — он согласен. Согласен очнуться однажды в медблоке, в белизне изолированного кубрика, напичканным транквилизаторами, пусть даже привязанным к койке, и без всякой надежды когда-нибудь вновь работать среди звёзд. Только бы убедиться, что звездолёты-волчки, вот этот «Икс», находящийся на полпути к Приливу, всё только плод больного воображения.

Напрасные мечты! Шкип привык доверять своим чувствам и рассудку. Да и заключению медиков при получении полётного сертификата тоже можно было доверять. Будь у него хоть намёк, хотя бы отголосок предрасположенности к умопомешательству — не видел бы он никогда ни звёзд, разве что в качестве пассажира, ни Листопадного Зала и того, что сейчас здесь творится. Ни бесчинств братьев по разуму... Значит, это чудо отпадает. Надежды несбыточны.

Вариант, часто обыгрываемый в кинофильмах, когда пришельцы неожиданно подыхают все разом от какого-нибудь микроба, уходит туда же — в корзину несбыточных надежд. Слишком уж уверенно чувствуют себя чужаки, по всем признакам, космическое пространство для них — что вода для рыбы. Глупо надеяться, что вышедшие к звёздам, обладающие высокотехнологическим оснащением, они позволят себе глупо загнуться от какого-нибудь вируса.

Тогда о чём мечтать? Ведь он — человек, а человек мечтает всегда! О самом невероятном, хоть о воскрешении всех погибших в этой локации. Новомодные теории убедительно провозглашали существование петли времени. Вот только почему-то никто ещё не сумел отправиться ни в прошлое, ни в будущее на быстрых колёсах

машины времени. Разве что своим ходом, назначенным нам природой — от секунды к секунде. Как делал это сейчас Шкип. Шёл к своему будущему, проживая мгновение за мгновением, и будущее его представлялось печальным. Вдобавок — а чем могло бы помочь оживление рудодобытчиков? Второй шанс? Даже если представить, что им было бы известно о нашествии врага, — что могли они сделать?

Развороченный, разбитый вдребезги Центральный Модуль наглядно демонстрировал мощь врага. Нет, даже если иметь второй шанс, ни черта бы он не помог! Пытаться организовать оборону, заранее активировав все доступные средства противодействия? Ничего бы это не изменило. Чужаки с удовольствием расколотили бы добытчиков «Стар-Квеста» ещё раз. Ну, может быть, потеряли при этом несколько своих кораблей. Судя по общему количеству звездолётов-волчков, находящихся в Листопадном Зале, для врага это стало бы невеликой потерей. Если и мечтать о втором шансе, о петле времени и тому подобной чепухе, то нужно начать раньше, намного раньше, лет за десять-двадцать до сегодняшнего столкновения. Строить огромные боевые корабли, оснащать их мощным вооружением и навигационными системами, ковать броню для звездолётов, которая не рассыпается от первых же ударов врага.

— Эх, не видать мне чуда! — вздохнул Шкип, начиная набор запрещённой комбинации для установления смертельного режима работы реактора...

Но Чудо явилось. И было оно вовсе не радужным, сияющим, приносящим радость и чувство избавления.

Объятое пожарами, с отваливающимися кусками обшивки и деталями внешних конструкций, наполовину сожжённое, с прорехами пробоин, оно упрямо пёрло из Прилива навстречу кавалькаде звездолётов-волчков с пленным «Трайдом», устрашающе зияя дырами в когда-то зализанных, красивых бортах.

— «Селена»? — не веря своим глазам, изумился Шкип.

Да, это был он! Круизёр класса «А», отправлявшийся к планете-курорту. Сейчас его стало трудно воспринимать как круизный лайнер. Скорее, он больше походил на смертельно раненного, загнанного зверя, обложенного со всех сторон сворой диких псов. Вслед за круизёром из Прилива выкатилось десять, нет, пятнадцать, нет, — двадцать волчков. Они беспрерывно долбили корпус «Селены» своими страшными боевыми лазерами, вспарывая и без того лохматую обшивку.

По-видимому, волчки успели влепить в лайнер все-все свои проклятые ракеты, но тем не менее «Селена» жила! Она даже огрызалась редкими залпами противометеоритных пушек.

— Командор! — заорал Шкип, включая эфирный коммуникатор. — Сюда нельзя! Они здесь всюду! И их слишком много!

Тут же его посетила ужасная догадка. Раз «Селена» вынуждена повернуть обратно и возвратиться в Листопадный Зал, да ещё с таким эскортом, наседающим со всех сторон, значит, дела совсем уж плохи. Значит, атаке подверглись и другие локации, не только Листопадный Зал — один из самых отдалённых промышленных районов Солнечной. Но Эйфория-4... Мир развлечений, принимающий ежегодно, насколько был осведомлён Шкип, больше миллиона туристов! Означает ли это, что Эйфории больше не существует? Как не существует Центрального Модуля «Стар-Квеста» и подразделения рудодобытчиков, базировавшегося на Модуле. Неужели враг атаковал одновременно во многих местах? И теперь в разных локациях ползут ленты-транспортёры, собирающие трупы и укладывающие их в недра огромных кораблей-«Иксов»? А ещё так же мрачно зависли в отдалении гигантские чёрные туши, наподобие той, что сбивала в кучу астероиды Листопадного Зала?

— Командор! — снова позвал Шкип.

Вместо ответа — шипение вражеских голосов, скрежет, какие-то высокие звуки, напоминающие захлёбывающиеся вскрики.

— Капитан! У нас сбита секция даль-связи, вы не можете отправить сигнал на «Селену». Но если перейти на узкий вспомогательный канал...

— Мозжечок? Ты снова со мной? Или считаешь звёзды в Галактическом ядре? Больше не станешь изображать рифмоплёта?

— Я делал что-то неправильное? Извиняюсь, но мои логии памяти...

— Потом поговорим, — Шкип почувствовал, что враг оставил в покое его «Трайд», и теперь пилотом овладела жажда какой угодно деятельности, лишь бы не остаться безучастным наблюдателем. — Давай канал связи с «Селеной»! Проверь системы, всё ли тебе подчиняется?

— Исполня... — начал было Компаньон, но тут же поправился: — Ае, капитан! Канал открыт. Системы функционируют. Прогрессии повреждений нет.

— «Селена»! Здесь караванный Шкип! Звено добытчиков «Стар-Квеста»!

Сквозь трескотню вражеских голосов и жуткий гул помех, оставляемых разбитыми движками круизёра, он едва смог расслышать ответ:

— Привет, караванный... Похоже, нам никак не распрощаться сегодня...

Шкип был поражён теми интонациями, что присутствовали в голосе командора «Селены». Ни тени паники, ни признаков истерии. Будто бы он вёл «Селену» самым обычным маршрутом. Будто бы всё, что происходило сейчас с его кораблём, не касалось командора.

— Командор! Вы... Ваш круизёр...

— Заметно, правда? Да уж, эти твари постарались на славу!

Компаньон, полностью пришедший в себя после сбоев в логических цепях при цифровой атаке чужих, прогнал сигнал через фильтр, отсекая все ненужные звуки, и связь улучшилась. Теперь к невозмутимости голоса командора «Селены» добавилась невозмутимость эфира. Словно и не существовало всего этого кошмара, а рядом не было ни оравы вражеских кораблей, перекликающихся скребущими нервы голосами, ни картин разгрома в Листопадном Зале.

— Где вас атаковали? У самой Эйфории? Что с пассажирами?

— У самой, добытчик... Нет больше Эйфории. Они сбросили орбитальные бомбы, мы успели это увидеть... А потом на нас насели со всех сторон... И пассажиры... Пусть космос даст им лёгкую смерть! У меня полный борт гостей. Мне их уже не стряхнуть... А что тут у вас творится? Тоже братья по разуму наследили?

Рядом с голосом командора звучали и другие голоса. Шкип ловил обрывки фраз, какие-то восклицания, флотскую тарабарщину, что встречается только среди больших экипажей звездолётов, работающих в Дальнем Внеземелье.

«Ещё один! Шесть дырок правее, раскачивай реакторы... Добавить минусовки в центральные салоны, чтобы там не мучились... Второй пост! Вы ещё дышите? Что? Виски и шампанское? Делайте это скорее, они добрались уже до флихтеров... Ходовая вахта! Что с детонаторами? Не отправьте нас к звёздам раньше времени! Группа стюардов с плазменными резаками, наверное, уже не дойдёт. Держитесь сами. Засифоньтесь в отсеке... Ещё два! Две дырки влево, готовь башмаки. И-и, раз!»

Движки грубой коррекции выдали импульс, разворачивающий «Селену» влево, одновременно превращая два волчка в бесформенные комки, откидывая их куда-то в сторону астероидных полей.

— Листопадный Зал и Восьмой Грот... Центральный Модуль... Всё вдребезги! Они собирают трупы и тащат на ту махину, что справа от вас... Звездолёт «Икс», в форме креста. А на другом краю локации...

— Вижу! Это линкор. Две такие чёрные туши разметали все патрульные корабли, что находились у Эйфории. А потом пошли класть свои бомбы. Твой «Икс» — тоже не подарок, за нами увязался один, скоро выползет из Прилива...

Волчки, сопровождавшие «Трайд», оставили его в покое и ринулись туда же, в общую свалку, добивать «Селену». Один из них, оказавшийся зажатым между тремя своими собратьями и лишённый возможности манёвра, был сбит на подлёте залпом носовых противометеоритных установок «Селены».

Команда круизёра продолжала торговаться за свою смерть!

Шкип заметил, как вздрогнул, запуская движки, звездолёт «Икс», будто собравшись и сконцентрировавшись перед боем. Как закрылись его грузовые порты и исчезли ленты-транспортёры. Насытившись человечиной, он выплывал навстречу «Селене», обнажая на ходу короткие раструбы вдоль несущих осей, недобро мерцая импульсами движков у оконечностей корпуса. Через несколько секунд пространство вокруг «Икса» стало нечётким, расплывчатым, даже ровное сияние Лахо принялось дрожать, когда свет звезды проходил мимо этого звездолёта. «Селену» начало швырять из стороны в сторону, будто кто-то надавал ей невидимых оплеух, каждая из которых вырывала целые секции из повреждённых бортов.

— Гравитационные орудия! Командор! Они используют гравитационное оружие большой мощности, вы...

— Уже знаем, что это такое. Нам досталось ещё у Эйфории. Если пользоваться классификацией Солнечной, твой «Икс» — это крейсерский корабль. Надеюсь, ты ведёшь съёмку всего, что тут происходит?

— Конечно, но только кому она понадобится? «Трайд» повреждён. Я... Ого! У вас полно трофеев!

Только сейчас Шкип разглядел, что поодаль от «Селены», затянутые кильватерной струей её сильных двигателей, тянется вереница искореженных волчков. Их было не меньше полутора десятка, и кроме них ещё несколько кораблей другой конструкции, которые Шкип видел впервые.

— А это что за коробки?

— Прямоугольные? Это их транспортники. Они успели накидать в мою «Селену» толстых прожорливых личинок, как в кусок

протухшего мяса. Мы не сразу поняли, что они такое... А потом было поздно... И вообще, долго нам не продержаться... Ты-то как уцелел?

Шкип вздрогнул. До сих пор он не задумывался, как может выглядеть его спасение в глазах других пилотов. Вокруг — осколки разбитых «Трайдов», а он — ничего. Живой. Всего-то зацепили дюзы разгонных движков и уничтожены сенсоры левого борта.

— Повезло... — чтобы не вдаваться в подробности, коротко бросил в ответ, а после добавил, будто оправдываясь: — Но я тоже снял двоих вот этих, вёртких. Один из них у меня в трюме, в разобранном виде!

Возникла пауза. Сквозь молчание командора, который принялся обдумывать что-то своё, всё явственнее проступало возбуждение остальных офицеров на командном посту.

«Ушло ещё два ускорителя... Держать тягу! Четырнадцать — слева. Запускай колотушки! Седьмая секция скисла, двадцать человек, как корова языком... Только бы нам не опоздать с подрывом!»

«Селена» сделала невероятный прыжок, уходя из-под гравитационного обстрела, разбрасывая покалеченными, но ещё работающими движками плазменные струи. Её противометеоритные установки левого борта прошили пространство лазерными нитями. Один из волчков дёрнулся, сходя с траектории атаки и расцвёл ярким шаром, разорванный изнутри детонацией своего реактора. Остальные шарахнулись в стороны. Круизёр прошёл так близко, что Шкип успел увидеть картины разрушения в его прогулочных залах.

Куда девался блеск старомодных помпезных светильников? Вместо дорогой стенной обивки, коридоры были покрыты гарью пожаров, шикарные занавеси с кисточками превратились в обгорелые лохмотья. Но огня уже не было. В тревожном синем мерцании аварийного освещения сверкали острыми гранями осколки гиперхрусталя обзорных экранов.

А внутри... Там будто копошилась какая-то светлая масса. Несколько пассажиров, уцелевших непонятно как, оказались заперты в небольшом герметичном отсеке. От космического холода и безмолвия, ворвавшихся в салоны круизёра, их отделяла, скорее всего, какая-нибудь тоненькая переборка, возле которых шевеление странных, отражающих аварийные блики, существ было особенно активным. А люди — пять или шесть человек, среди которых, как показалось Шкипу, один ребёнок, беззвучно приникли лицами

к овалу иллюминатора. Рассмотреть всё до мельчайших подробностей Шкип не успел, но ему показалось, что на лицах несчастных застыло выражение обреченности. Одной на всех.

— Что же они творят! — вырвалось у Шкипа.

Чем мог он помочь погибающей «Селене»? Чем мог помочь этим выжившим, чьё счастье на самом деле являлось агонией, отсрочкой неизбежного конца, который вот-вот для них настанет?

— Значит, так, добытчик... — по-прежнему лишённый интонаций голос командора вывел Шкипа из состояния прострации от увиденного. — Как ты понимаешь, к Эйфории пути нет. Остаётся единственный Прилив, ведущий к Капе Струны, и ты должен будешь туда попасть.

— Было бы неплохо, — иронично, но без особой веры усмехнулся Шкип. — Но как, командор?

— Не знаю. Но думаю, если тебя не сожгли до сих пор, есть вероятность, что не тронут и дальше. Почему так происходит — сейчас не стоит рассуждать. Может быть, жив пилот того истребителя, что ты загрузил в свой трюм, может, причина в другом... С Эйфории не ушёл ни один корабль, в этом я убеждён. Мы приняли сигнал по связи-мгновенке, что атакованы ещё несколько локаций, и что большими звездолётами Военно-космических сил запечатывают Приливы, которые могут привести врага к Солнечной. Догадываешься, как это происходит?

— Самоуничтожение... — выдохнул Шкип, чья ирония разом испарилась, потому что сознание отказывалось принять новость, услышанную от командора «Селены».

Атакованы несколько локаций... Значит — вторжение!

— Вот-вот. Самоуничтожение. Я получил указание возвращаться в Солнечную, чтобы спасти своих пассажиров, ты же понимаешь, что у меня за пассажиры... Но раз уж спасать уже некого — ты сам видел, кто хозяйничает в пассажирских салонах корабля, — мы тоже надеемся дойти до следующей приливной точки и навсегда остаться в Приливе. Мои реакторы держатся на честном слове, так что... А шесть из восьми основных постов уничтожены проникшими на лайнер тварями, спасает только многократное дублирование управления. Я думаю, никто в Солнечной пока не догадывается о характере угрозы и реальных возможностях врага. Поэтому твой груз и подробная запись всего происходящего может оказаться ценней, чем «Селена»... По ту сторону Приливов — сплошная паника. Последнее, что я услышал, были истеричные выкрики какого-то офицера, командора военной станции. Он приказывал

всем, кто находится в окраинных локациях, уничтожать навигационные системы, чтобы врагу не достались карты маршрутов и схемы исследованных Приливов. Потом связь прервалась. Враг умеет вдобавок ко всему глушить эфир. Жаль, мы с тобой не распознали сигнал, когда он прозвучал в первый раз... И знаешь, что я думаю? Тот офицер прав! — речь командора стала поспешной, обрывчатой. На командном мостике «Селены» что-то происходило, но что именно, разобрать было трудно, какие-то хлопки, глухие удары, визг разрезаемого металла. — Для врага наши лоции очень важны! А у тебя, возможно, есть лоции врага. Доставь свой груз. Сейчас я отправлю пакет по информационному каналу. Там — отчёт. Всё, что произошло у Эйфории... Что произошло с нами... Это важно!

— Командор Грей! Они уже здесь! До подрыва — четыре минуты! Всё готово, приказ исполнен, корабль переведён на автоматику и готов к уничтожению! — вклинился чей-то голос.

Шкип стиснул зубы, понимая, что командор прав! Дело не в том — спасёт он свою шкуру или нет, дело в этих самых обломках, что заполняют грузовой отсек «Трайда».

Тип брони. Химическая формула и технология сплавов. Особенности конструкции. Вооружение. Навигационный блок. Пилот-чужой, живой или мёртвый, неважно. Данные телеметрии о ходовых качествах врага. Любая мелочь может оказаться важной. Хоть какой-то шанс нащупать их слабое место или же хотя бы создать действенные средства защиты и вооружения. Листопадный Зал и Эйфория — это только начало. Если это война, то Солнечная успеет отмобилизовать силы для защиты. Схлопывание Приливов это только временная мера. Потеря дальних колоний и промышленных районов разработки, пусть даже погибнут многие тысячи, — Шкипу было страшно назвать самому себе цифру с шестью нулями, — это ещё не гибель всего человечества! Нужно лишь время. Время и знания, как можно больше знаний о противнике!

Затем он услышал ноющий звук сирены. Шкип знал, что это означает. Мощные, кипящие энергией реакторы-расщепители «Селены» вышли из-под контроля автоматики. Если их не заглушить немедленно, то лайнеру останется жить всего лишь несколько минут. Но если заглушить — останется и того меньше.

— Командор Грей! — теперь он знал его имя. — Обещаю, что ваша смерть не будет напрасной.

— Я надеюсь на это, добытчик! Выводи свой кораблик на пересечение курса... Надеюсь, твой Компаньон справится, а мы под-

хватим тебя носовым финиширом и... Держись покрепче, я дам три девятки. Перед самой точкой входа пойдёт реверс, тебя выкинет прямо в Прилив... Потом уже войдём мы... Отсчёт пошёл!

Шкип трижды суеверно стукнул себя по шлему ладонью. Три девятки! Девятьсот девяносто девять тысячных от полной световой! Чуть меньше трёхсот тысяч в секунду! Такую скорость он испытал лишь однажды, на тех же военных сборах, когда, послав подальше лейтенанта-инструктора, утопил до отказа педаль скорости и врубил полный форсаж... Он всё равно никогда не мечтал о карьере военного.

Но то был боевой истребитель, чей запас прочности рассчитан на несколько таких прыжков. Выдержит ли «Трайд», вовсе не предназначенный для критических скоростей? Хотя, находясь в захвате финишира «Селены», он станет её частью, значит, думать нужно о другом — выдержат ли перегрузку компенсаторы «Трайда» и он сам?

Шкип нервно повёл подбородком по мягкому основанию шлема. Это неважно. Даже если ему не суждено, «Трайд» проскочит Прилив, и с другой стороны его всё равно подберут и после обнаружат груз, а сзади пойдёт «Селена», замуровывая своей гибелью Прилив.

— Мозжечок, слушай внимательно. Мне нужен чёткий баланс движков. Курс — на пересечку курса «Селены». У нас есть двадцать пять секунд. Остальное неважно...

— Ае, капитан, — приглушенно, как показалось Шкипу, отрапортовал Компаньон.

Движки попеременно выдали несколько импульсов, заставив «Трайд» рыскнуть из стороны в сторону, а потом ударили ровной струёй, выравнивая траекторию. И корабль — «кораблик», как назвал его командор — начал разбег. Ещё через секунду Шкип включил форсаж, чувствуя, как натужно гудит реактор в режиме овердрайва, проглотив последние кристаллы гравиквазеров.

«Селена» тоже набирала ход, прекратив попытки отбиваться от звездолётов-волчков. Теперь лайнер казался скелетом какого-то большого существа, выпрыгнувшего из жестокого пламени. Целым остался лишь несущий каркас, в глубине которого, где-то там, между кормой и серединной частью, укрытый множеством опустевших палуб и задраенных переборок, остался командор со своими офицерами. И вряд ли они ещё были живы. Теперь жил лишь этот скелет, странным образом сохраняя подвижность, теряя внутренности, которые тут же разносило во все стороны.

Вот отделилась и какое-то время неслась по инерции рядом с «Селеной», её бортовая секция пассажирских мини-ботов. Совсем недавно ещё толпы туристов совершали отсюда обзорные экскурсии, чтобы было чем похвастать, возвратившись в Солнечную. Сейчас всё это превратилось в кучу ненужного бессмысленного хлама, пригодного разве что для переплавки. Вот треснула у основания и отправилась в самостоятельный полёт основная надстройка систем навигации, сбитая гравитационным ударом инопланетного крейсера. Вместе с ней отвалилась и надстройка систем связи, успев выдать пятисекундный информационный пакет, принятый вспомогательной антенной «Трайда» и закачанный в память полётного компьютера. В эти пять секунд вложилось многое — видеосъёмка трагедии у Эйфории-4, столкновение круизного лайнера с боевыми кораблями пришельцев, путь «Селены» от Эйфории к своей последней локации.

Шкип был уверен, что информация, переданная командором Греем, окажется не менее ценной, чем данные, собранные аппаратурой «Трайда». Вот только у него был шанс донести эту информацию до Солнечной, а у «Селены» такого шанса уже не было. Он исчез, как только прозвучала тревожная трель сирены, обозначившая обратный отсчёт до взрыва реакторов лайнера. Кроме этого, как понял Шкип, оставшиеся на командном посту старшие офицеры «Селены» готовили ещё один взрыв — на случай, если запасов гравиквазеров, активированных в расщепителях, окажется недостаточно для создания гравитационного возмущения, способного закупорить Прилив. Они подготовили к детонации весь запас квазеров, имевшихся на борту. На круизёрах класса «А» таких запасов должно хватать на двадцать лет автономного полёта, так же, как запасов сырья для пищевых синтезаторов и запасов кислорода, воды — с учётом цикла регенерации... Вот только ничего из этих запасов не могло уже пригодиться пассажирам «Селены». Большинство из них оказались убиты космическим вакуумом. Тем, кому удалось избежать этой участи, досталась участь ещё страшней. Их убивало то самое, шевелящееся, отсвечивающее тело, состоящее из десятков и сотен инопланетных тварей, которых Шкип не смог, не успел рассмотреть. Вражеский десант наверняка добрался и до командного поста. Голос командора пропал. Пропали голоса и остальных, остававшихся на мостике. Только безжизненный автомат удивительно спокойным голосом продолжал отсчёт для Шкипа. Не тот отсчёт, что приближал момент гибели «Селены», а что перелистывал секунду за

секундой в коридоре времени, отведённом Шкипу для выполнения инструкции командора.

— А ведь они могли попытаться спастись на мини-ботах, — прорезалась мысль. — Точно так же скользнуть в захваты финиширов, и...

Но никто из команды круизёра этого не сделал. Все оставались до конца на постах. Шкип был уверен — командор принял решение, как только узнал, что за груз находится на борту добытчика. Поверил на слово. Из глаз Шкипа, совсем уж неожиданно, скользнула слеза, оставляя след на щеке. Наступила стадия депрессии после окончания действия «Мудры». Запустив компенсаторы перегрузок в экстренном режиме, он, будто находясь в тумане, подвёл «Трайд» к носовой секции лайнера, где сохранилось лишь два блока финиширования, которых до последнего мгновения прикрывали все оставшиеся противометеоритные орудия круизёра. Это тоже входило в часть молниеносно созревшего плана командора.

Добытчик скрипнул зубами. Ничего, командор. Ты молодец. Здорово распорядился отведённым временем. На своём ты был месте. А вот теперь моя очередь. Доживу, я упрямый! Не зря же вы гробились на своём посту. И я отомщу. Не знаю ещё — как? — но отомщу! За тебя, за твоих офицеров, за «Селену», за каждого из своих ребят. Видишь? У меня тоже есть счёты к тварям! Отомщу за каждого, кто сегодня не дошёл к своему пункту назначения, не станет никогда у причального пирса...

Шкип даже не заметил, как начал говорить сам с собой.

— Шесть... секунд... Пять... секунд... — выговаривая каждое слово, выдерживая чёткие паузы, с каким-то едва уловимым акцентом диктовал последнюю волю командора электронный голос.

«Трайд» уже коснулся автоматических фиксаторов финишира. Как только это произошло, отсчёт прекратился. Шкип вжался в кресло-ложемент, которое тут же заняло горизонтальное положение. «Три девятки!» — билась в голове тревожная мысль.

— Красивой тебе смерти, командор! — запоздало пожелал Шкип, втягивая в лёгкие как можно больше воздуха.

И командор, уже мёртвый, ответил ему голосом всё того же автомата:

— Долгой жизни тебе, добытчик!

Последний штрих его плана. Пожелание и наказ одновременно. Он успел набрать эти слова, чтобы автомат произнёс их в конце отсчёта. Он доверял. Знал, что Шкип их услышит.

Добытчик закрыл глаза, чувствуя, что вот-вот брызнут слёзы, по-настоящему, не одиночная слеза, а целый поток горячих муравьёв готовился высыпать на лицо...

В следующий миг страшное ускорение вышибло из него весь воздух и все мысли. Сознание Шкипа померкло. Он уже не ощущал, как рванулась в последнем усилии «Селена», на которой не осталось никого живого. Не видел, как гигантские гейзеры свирепого гравитационного потока прощальными торжествующими струями рвут пространство за кормой и сметают не успевшие выйти из атаки истребители врага, что преследовали лайнер.

Он не видел, как звёзды из точек превратились в цветные чёрточки.

Три девятки!

На груди Шкипа сейчас плясали великаны...

Глава 10
РУКОПАШНЫЙ ДЕНЬ. СХЕМА: «УГРОЗА УЛЬЮ»

Мартин с Роем видели, как несколько тёмных точек скользнуло с орбиты к поверхности. После потерь, понесённых эскадрой ВКС, выброс десантных транспортов был вторым наихудшим событием. Видели они и то, как вдогонку кинулись истребители, все десять «Меркуриев», как успели снять несколько транспортов, но были атакованы сами.

Ничего не зная ни о численности, ни о возможностях десантников пришельцев, они никак не могли решиться — что же им делать? План, в утверждении которого участвовал и командор «Аллегана», предписывал им находиться на низкой орбите, откуда провести сброс контейнеров по сигналу с транспортного корабля Солнечной, уже совершившего посадку. Но полковник, командующий эскадрой, ясно дал понять, что любой план может оказаться ошибочным, не говоря уже о том, что ещё раньше он был признан и вовсе сумасшедшей идеей.

— Рой, давай всё-таки рискнём. Я не специалист по вооружению, но точно знаю, что бомбы, лежащие в наших контейнерах, не взорвутся сами по себе без активации специального детонатора, а он активируется в момент сброса контейнера с подвесок. Если ты не высвободишь их из захватов, ничего не случится, боевой плутоний не взрывается просто так, как динамитная шашка. Может

быть, это и риск, но как мы будем убеждены, что настал тот крайний случай, когда нужно сбрасывать контейнеры? Мне до сих пор не по себе... Сигнал с транспорта может оказаться ошибочным, откуда нам знать, что они верно оценивают ситуацию? А если транспорт окажется уничтоженным? Если он уже уничтожен? Так и будем здесь болтаться, прячась у края атмосферы? И наш фейерверк будет без зрителей...

— Мартин, что бы мы сейчас ни делали, это действия слепого, послушавшегося совета у другого слепого...

— Согласен. Ну, а что будет, если нас прямо сейчас атакуют? Добьют большие корабли и примутся прочёсывать всё пространство над Мегидо? Вызови кого-нибудь из наших, попробуем что-то придумать...

— Это без проблем. Как раз на связи твой знакомый, пилот георазведчика...

— Ти-Патрик? Дай-ка я с ним пообщаюсь.

Рой перекинул канал связи на оператора.

— Патрик? Ещё держитесь? Вы что-нибудь можете разглядеть? Что там, внизу?

— Внизу настоящий ад, Март! — сквозь шум помех ворвалась третья наихудшая новость в рубку «Хулигана»...

Атмосфере Мегидо лишь чуть-чуть недоставало кислорода, но это позволяло проводить вне защищённых зон не более полутора-двух часов. Используя обогащающие дыхательные маски, можно было дышать воздухом планеты до шести часов, столько, на сколько хватило бы мини-аккумуляторов обогатительного аппарата. Кабины инженерных машин были оборудованы собственными установками контроля и регенерации кислорода, работавших от электромоторов на грейдерах, передвижных буровых платформах и прочей технике. Когда командор объявил конкурс, что-то вроде «лучший по профессии», разгоряченная донельзя толпа хлынула из Куполов на грузовую площадку.

Вообще, до этого дня, уровень опасности для жизни на Мегидо не был высок, разве что разветвлённые карстовые пещеры, тянущиеся на многие километры под толщей скальных пород, таили немало каверз для групп подпочвенного бурения. Поэтому объявление командора было воспринято с восторгом, особенно обрадовала рабочих «Аллегана» заключительная часть, в которой каждому, показавшему класс в своём деле, обещалась премия. В итоге, меньше чем через двадцать минут после обращения командора, в Куполах

остались только те, кто не имел отношения к терраформированию: административный штат «Аллегана», вспомогательные службы, в том числе служба внутренней безопасности, персонал, обслуживающий террастроителей и жизнедеятельность самой станции. Но всех их сегодня ждало одно испытание...

— Ну что, Шериф? — командор с насмешкой взглянул на старшего офицера СВБ. — Тут до меня дошли слухи, что твои громилы зря жуют свой хлеб. Расслабились, наверное, заскучали без активных действий. Не смогли обеспечить сегодня ночью спокойствие на станции... И всего-то — какой-то уставший после недельной вахты террастроитель, как поговаривают, случайно уронил троих ли нет, даже — четверых охранников! Это правда, или врёт кто-то?

Старший эсвебеушник не знал, куда провалиться от стыда. Потому что пострадавших охранников при детальном пересчёте оказалось не трое, не четверо, и даже не пятеро, а в общей сложности двенадцать. Некоторые из них до сих пор хмуро прятали взгляды и маскировали расплывшуюся под глазами синеву под непроницаемо-чёрными очками.

— Видели бы вы этого уставшего, командор... — только и смог он проговорить в оправдание.

— Представь себе, видел. Разговаривал с ним час назад, вот, так же, как с тобой сейчас... Он, кстати, просил передать свои извинения по поводу случившегося... Сказал, что он нечаянно, обещал, между прочим, что изо всех сил постарается, чтобы подобного больше не случилось. Так что теперь твои громилы могут дышать спокойно — все террастроители извещены — слишком сильно бить охранников СВБ нельзя. А то ведь и покалечить можно.

Кулаки Шерифа сжимались и разжимались сами собой, и воздуха ему явно не хватало, несмотря на то что разговор происходил под Куполом, где витал тонкий запах йода и ионизированной свежести.

— Да если бы я оказался у того лифта, укатал бы вашего уставшего террастроителя в лазарет, месяца на два...

— Ну да, конечно... А если бы я управлял буровой проходческой машиной, может быть, мы соблюдали бы графики работ... Не за то нам с тобой платят, Шериф. Ты согласен?

Старший офицер СВБ беспомощно молчал.

— Короче, так...Запоздалые оправдания никому не нужны. Предлагаю полную реабилитацию твоей службы. Но только ты

скажешь прямо сейчас — согласен или нет, а потом я объясню, что вам предстоит сделать. Идёт?

Зная авантюрные наклонности командора и его пристрастие ко всякого рода экспериментам, эсвебеушник заколебался. Скажи он сейчас «да», и окажется, что придётся чуть ли не вываляться в грязи перед всем «Аллеганом». Уж кто-кто, а командор способен придумать что-то совсем уж экстравагантное. Но с другой стороны, сказать «нет» — признать, что твои подчинённые ни к чёрту не годятся, а ты сам, как отвечающий за организацию службы и подготовку охранников, виноват вдвойне...

— Согласен, командор!

— Вот и замечательно! Собери своих, чтобы через десять, самое позднее — через пятнадцать минут были при параде по схеме «Угроза Улью».

Шериф вздрогнул. Схема «Угроза Улью», У-два, как называлась она в СВБ, это отработка полноценных боевых действий с применением оружия в случае попытки захвата станции и территории вооружённым противником. Естественно, это была чисто теоретическая схема, тем не менее действия по У-два входили в курс обучения охранников СВБ любой Доминанты.

— Но... командор! Все мои люди... Я не скажу, что они пьяны, как сапожники, тем не менее... Да и сам я... Надеюсь, боеприпасы демонстрационные?

— Упал с Ларусса, что ли? Разве я предложил поиграть в пейнтбол? Пиф-паф, ой-ёй-ёй, и рожа в краске? Нет уж. Всё, как положено. Бронежилеты, штурмовые винтовки, полная выкладка, как если бы на нас напали... ну, скажем, какие-нибудь инопланетяне. Вот мы и поглядим, как твои громилы станут нас всех защищать. Всех-всех, даже самых усталых терраформирователей, которые роняют у каждого лифта по несколько охранников, а после раскаиваются и извиняются. Усёк?

Лицо Шерифа побелело, сам он выпрямился, развернул тяжёлые плечи, сразу же став выше ростом.

— Принято, ком!

Шериф, майор СВБ по внутреннему табелю Доминанты «Поларис», в прошлом проходил службу в полку штурмовой пехоты и свои первые лейтенантские нашивки — настоящие, армейские, получал не в тиши уютных офисов Доминанты, а в адской заварушке на Светоче, когда бунт подняли не заключенные, а восемнадцать охранных полков, поддержанные частями специального назначения патруля.

Тогда кое-кому пришло в голову, что вполне возможно устроить на Светоче маленькое королевство, избавившись от диктата Глобального Совета Солнечной. Идея оказалась утопической, но только доказывать её утопичность пришлось единственному полку штурмовиков, которых бросили на усмирение восставших. Без уточнения обстановки, без сбора информации, в неоправданной надежде, что не все силы охраны на Светоче попали под гипноз сладких обещаний и речей о независимости. И чья-то ошибка обернулась кровавой бойней, после которой от полка осталось только пара сборных рот.

Что толку от объединённой ударной эскадры ВКС, провисевшей без дела у Светоча всё то время, пока на вторую планету, где располагались административные учреждения системы, шла выброска десанта? Корабли флота так и не решились провести орбитальную бомбардировку, предоставив право делать грязную работу пехоте...

Шериф со свистом втянул воздух, в глазах его засветилось опасное пламя. Руки непроизвольно вытянулись по швам, будто он снова — сержант второго года службы, которому через неделю предстоит стать лейтенантом и быть отправленным в отставку, подальше из Солнечной, чтобы не разбрасывался ненужными воспоминаниям там, где не надо. Но та неделя запомнилась ему на всю жизнь, сколько её отмерено... И в памяти остался другой, настоящий лейтенант, нашивки которого потемнели от службы. Его звали Тор, и так потом начали обращаться ко всем действительным лейтенантам штурмовой пехоты...

...Он собрал их — свой взвод, двадцать штурмовиков, которым до окончания службы оставалось кому месяц, кому два. Только никто из них не догадывался, что их служба затянется навечно и они останутся навсегда в списках полка.

...Он лично проверил экипировку и двинул в лицо правофланговому, чьё имя Шериф уже забыл, который не поверил, что всё всерьёз, и решил схитрить, захватив вместо запасного фильтра для дыхательной маски флягу с коньяком.

...Он просмотрел, все ли шлемы-прицелы работают корректно, не обращая внимания, что при этом нюхает потные подшлемники своих солдат. Он сказал им: нас отправляют на интереснейшую прогулку, мать их так!

А после, когда посадочный модуль коснулся поверхности, избежав попадания зенитной ракеты, Тор провёл их лабиринтами улиц, где за каждым углом притаился ночной дозор восставших,

и тогда ночь становилась днём, и штурмовая рота потеряла половину состава. Он заставил их взлететь по каменным лестницам к крышам, на которых засели снайперы спецназа. Он заставил держать темп бега, при котором сердце было готово выпрыгнуть из груди, а под кожей от нагрузки, один за другим, лопались капилляры...

Но они успели миновать «мёртвую зону», пространство, недоступное для автоматической батареи тяжёлых миномётов, что тупо били по площадям, когда стало уже понятно — свою задачу полк выполнит! Он бежал замыкающим, колотя прикладом штурмовой винтовки в лопатки отстающих. Кричал им: «Быстрее! Быстрее, сопляки, дерьмо, гниды! Вислозадые твари — быстрей, мать вашу так!» А после отхаркивался кровью, лёжа на боку, потому что спину ему распороло осколком, — ещё в самом начале безумного спринта, когда стальные чушки, набитые поражающими элементами, сыпались с неба, будто дождь.

Шериф запомнил тот взгляд. Сжатые в точку зрачки, жёсткая полоска чёрных спекшихся губ, запомнил его частое дыхание, а потом — умопомрачительную улыбку мертвеца.

— Дошли... Мы дошли, вислозадые!

Он был крутой мужик, этот Тор. Половина челюсти Шерифа была набита искусственными имплантами, — заслуга армейских стоматологов и Тора. Вернее, наоборот — вначале Тора, а потом уже стоматологов... А из двадцати их осталось семеро, и они ждали, что хотя бы на прощанье лейтенант скажет им что-то хорошее, доброе, светлое... И он сказал!

Он сказал им то доброе и светлое, самое лучшее, что мог сказать, лёжа на боку, с разорванной спиной, из которой ручьями текла кровь, перемешиваясь с пылью Светоча-2.

— Ну, ублюдки, как вам прогулочка?

— Тор... Лейтенант... — В горле Шерифа тогда стоял такой комок, что было не сглотнуть и не сплюнуть.

Но он сплюнул. Ему помог валяющийся в пыли мертвец, который почему-то всё ещё шевелил губами, и чей хриплый шепот казался громче рёва посадочных движков, что рвали воздух где-то совсем рядом.

— Там... — он даже попытался поднять руку! Но ему не удалось. — Там, перед вами, дорога, по которой вы пройдёте, как по самой шикарной авеню. И в конце пути будет роскошный зал, где укрылся этот слизняк, из-за которого вся заваруха... Вы узнаете его по бегающим глазкам, почувствуете его дорогой запах, которым он

завонял весь Светоч... И я хочу, чтобы вы выпустили ему кишки, чтобы он начал пахнуть собственным дерьмом. Нельзя допустить, чтобы чистенькие губошлёпы, что садятся сейчас на поверхность, взяли его под стражу... Сержант! Это приказ... Ты — старший... Нельзя, чтобы слизняки жили даже на минуту больше, чем...

Он зашёлся в кашле. Изо рта Тора хлынула кровь. Он заскрёб пальцами по земле. Но всё-таки вытолкнул то самое, светлое-светлое и доброе напутствие, прощаясь со своими солдатами:

— Вперёд, вислозадые! Мать вашу так...

И они прошли! Прошли там, где шикарная авеню встречала их шквалом огня. А их лица обретали сказочный загар после вспышек плазменных гранат, и когда стихали крики заживо запечённых в ДОТе стрелков, они скалили эти лица в безумных улыбках. Они дарили приближающемуся рассвету взгляды, полные восхищения своим Тором, который уже где-то далеко, который наблюдает за ними пока ещё робким блеском Светоча. Они взяли батарею тяжёлых миномётов, забив прислугу прикладами винтовок, будто совершая кровавое жертвоприношение, и развернули платформу с короткими толстыми раструбами в другую сторону. И снова лилась с неба сталь, будто смех Тора. Но они знали — этот смех не может им повредить, и пошли в полный рост, по своей самой шикарной авеню, поливая пространство перед собой щедрыми очередями.

Они смеялись вместе с Тором, и их осталось только четверо, а сзади ревели мегафоны, и кто-то был триста раз неправ, требуя обязательно брать живым зачинщика бунта. Только глупец, думали они, мог наговорить столько чуши! Но его можно простить, ведь он не слышал приказа Тора...

Когда всё закончилось, Шерифа нашли в подвале центрального здания администрации. Он лежал с шестью пулями в теле, с переломанной грудной клеткой, в обнимку с человеком в дорогом костюме и золотыми запонками на рукавах рубахи, забрызганной кровью и распоротой от пояса до горла. Рядом лежало вповалку ещё шестеро мертвецов в камуфляжной форме, хотя у Шерифа не было при себе ни винтовки, ни гранат, только стальной тесак, застрявший во внутренностях того, с запонками... А на ступенях, ведущих в подвал, в окружении ещё одной кучи мёртвого камуфляжа, навсегда замерли трое счастливцев, улыбающихся, будто им стала известна самая важная тайна на этом свете. Самая-самая! Нужно уметь с достоинством пройтись по своей шикарной авеню...

Потом, когда Шерифа вытащили из комы, поставили на ноги, а взамен пытались вытряхнуть всю душу, оказалось, что даже после смерти Тор позаботился о своём солдате.

— Сержант... Это приказ! Ты — старший...

Когда прозвучали слова, записанные на личный командирский чип, вшитый в штурмовой комбинезон Тора, один из гелиокомандоров, присутствовавший при допросе, в ярости смахнул со стола военного трибунала все-все своды законов, стаканы с водой для пятерых благообразных полковников и микрофоны, в которые Шерифу задавали вопросы. А старший конвоя, молодой лейтенант, видевший кровь разве что по видео, дрожал всем телом, не в силах оторвать полный ужаса и восхищения взгляд от сержанта. Последнего солдата из взвода, который выполнил приказ своего Тора...

— Принято, ком! — Шериф встряхнул головой, чтобы отогнать наваждение, но у него не получилось.

Заметив метаморфозы, произошедшие в облике и во взгляде начальника СВБ, командор «Аллегана» удовлетворённо кивнул.

— Я рад. Теперь слушай... — и он приблизился к Шерифу, быстро-быстро рассказывая что-то. Последние его слова были: — Попробуй только не поверить! Десять минут. И время пошло!

Начальник СВБ, разворачиваясь, всё ещё видел вместо Купола огромное пылающее здание. Он смотрел на стюардов, меняющих посуду и закуски, смотрел на спешащих к выходу терраформеров, которые улыбались, которые были счастливы в своём неведении, но видел горы обгоревших трупов. Он слышал музыку, но она казалась ему гулкими залпами батареи тяжёлых миномётов, тех самых, что когда-то уже встречались ему в жизни.

— Эй, ублюдки! — проговорил он в наплечный коммуникатор, включив перед этим режим общего вызова. — Нам предстоит интереснейшая прогулка! — и добавил неожиданно для самого себя: — Мать вашу так!

В отдалении ревел мощными моторами строй грейдеров, и операторы заняли места в кабинах, уже опустив сверхпрочные четырёхметровые ножи к самой площадке. Любой, кто находился рядом с таким монстром на огромных, выше человеческого роста, метровой ширины колёсах, где кабина располагалась на шестиметровой высоте, испытывал невольный страх. Двенадцать колёс, по шесть с каждой стороны, попарно посаженных на три несущие оси, обеспе-

чивали грейдеру скорость около сотни километров в час по пересечённой местности. Рабочая скорость движения зависела от твёрдости грунта, который предстояло срезать по верхушке, оставляя ровную, как стол, поверхность после прохода ножей. Перед въездом в центральный туннель, уводящий в пещерный лабиринт, было пусто — все инженерные машины и передвижные буровые установки собрались у противоположного ската горы, готовясь пробить новый туннель. Группы проходческих отрядов с переносными резаками и ультразвуковыми дробовиками, выстроились рядом, готовясь раскрошить в пыль несколько огромных валунов, скатившихся с корявых склонов. Техники тянули кабели высокого напряжения, пристёгивая к стационарным лазерным платформам.

«Скоро, совсем скоро праздник достигнет высшей кульминации!» — думали терраструители.

Обещанные премии — ничто по сравнению с возможностью растоптать, раскатать в блин чужие горы, для того, чтобы человечество обрело ещё один мир!

Откуда рабочих посещали такие возвышенные мысли, знали только химики лабораторий крейсера «Будгард», изготовившие, как они окрестили, «коктейль патриотов»... К этому моменту секция, в которой располагались изыскательские лаборатории звездолёта, уже были эвакуированы после получения звездолётом повреждений. Но своё дело они сделали. Как и обещал майор-аналитик, терраструители не валялись пьяными под столами, не сходили с ума от глотка неожиданной передышки, помноженного на множество глотков алкоголя. Они готовились к своему празднику.

Отряд, возглавляемый Гризли, первым подготовил свою горнопроходческую машину, готовую вцепиться множеством клыков в твёрдую породу. Сам Гризли, взвалив на плечо сорокакилограммовый бур, оттолкнув огромной ногой упор-фиксатор, как ненужную ему деталь, сейчас скалил зубы, громыхая по сторонам добродушным, разве что чрезмерно частым, смехом. Хмель в голове Гризли делал своё дело — звал на подвиги и требовал высвобождения всей энергии, накопленной за год работы по контракту. Он ощущал себя искрящим аккумулятором, который нельзя передерживать без нагрузки. В остальных проходчиках жило точно такое же ощущение. А в стороне от общего возбуждённого веселья оживал «Аллеган».

Операторам противометеоритных установок тоже не терпелось выяснить — кто из них лучший по профессии? Командор сказал: я обеспечу ваши установки целями, а вы уж постарайтесь...

В ином состоянии это заявление было бы встречено с недоверием. Но сейчас, когда рядом с турелями скорострельных автоматов — шампанское и коньяк, недоверия быть не могло. Артустановки ещё не приступили к работе, не начали поглощать энергетические обоймы, а вот бокалы уже опрокидывались один за другим!

— Полная выкладка. «Угроза Улью». Тройной боезапас. Готовность — десять минут, — выталкивал слова наружу Шериф, в голове которого всё ещё звучали воспоминания, перемешиваясь с информацией, которой поделился командор «Аллегана».

— Шериф, да что за блажь? Ты пьян, вот и всё, какая, к чёрту, Угроза Уль...

Охранник, пытающийся панибратски закинуть руку на плечо старшему команды, с которым провернул немало разных дел за годы работы в СВБ, отлетел на несколько шагов, по дороге сметая столы с салатницами.

— Ещё сомневающиеся есть? — всё так же пылая взглядом, оглядел он собравшихся. — Старшие групп — ко мне, остальным — исполнять!

Подчинённые Шерифу офицеры СВБ недоуменно переглянулись, но всё же вышли вперёд, а рядовые охранники, оседлав гравиплатформу, метнулись к «Аллегану», в оружейную комнату. Они и раньше видали, как накатывает ярость на старшего команды. Видали его и после более внушительных попоек. И успели узнать — каков бы ни был их начальник, но просто так слов на ветер не бросает. Даром, что контуженный в какой-то стычке на Светоче, о которой только и сказали когда-то, что силы безопасности Солнечной разогнали недовольных в системе Светоч. Что были применены щадящие спецсредства, что при восстановлении порядка пятеро человек погибло, несколько получили ранения. Виновные предстали перед трибуналом... Это уже потом, через несколько дней случилась настоящая трагедия, подробности которой новостные каналы раструбили по всем уголкам: группа транспортных звездолётов, следовавшая на учения, попала в мощный метеоритный поток, и роковая случайность при отказе автоматики противометеоритной защиты привела к гибели самого большого транспорта, на котором погибло несколько сотен солдат и офицеров из состава полка штурмовой пехоты, возвращавшиеся со Светоча, а также солдаты и офицеры охранных подразделений Светоча, включая спецназовцев патрульной службы. Новостные каналы смаковали подробности целый месяц, демонстрируя съёмки с ме-

ста события. Однако Шериф никак и никогда не комментировал эти два случая. На тему умиротворения недовольных на Светоче он не разговаривал вообще. Что касается крушения транспортного звездолёта, когда его всё-таки доставали особо любопытные, интересуясь, как могло случиться, что несколько человек и сам Шериф в их числе выжили во время такой катастрофы? Шериф коротко отвечал: «Валялись пьяные в спасательном боте, чтобы Тор не заметил. Повезло».

На вопрос, а кто такой этот Тор, Шериф сказал:

— Самый лучший лейтенант штурмовой пехоты...

Поскольку из него больше ничего нельзя было вытянуть, тема угасла, и Шерифа оставили в покое. Кому какое дело, кто кому и за что натыкал в морду на Светоче? Там каждый год какие-нибудь беспорядки... Зачем было гонять большой полковой транспорт со штурмовой пехотой, тоже чужого ума дело...

— Старший, зачем бить-то? — спросил Шерифа его заместитель, тоже из бывших военных, связист с марсианской базы. Только он один и мог почти на равных разговаривать с начальником, но тем не менее не додумался бы хватать руками за плечи.

— Экономит время, у нас его и так почти не осталось, — ответил Шериф, наблюдая, как выкарабкивается из-под стола наполовину протрезвевший охранник.

— Бегом в оружейку! — рявкнул Шериф, исключая всякие неловкости от обиды. И уже вдогон: — Обратно вернёшься с гравиплатформой, захватишь амуницию для меня и старших групп!

Повторять не пришлось. Охранник, увидев, каким неожиданно серьёзным стал тон Шерифа, почувствовал — что-то здесь не так. Чёрт с ней, с оплеухой, за вчерашнее ещё и не такое стерпеть можно, но эта глупая вводная... Что-то не так, зря гонять по «Угрозе Улью» Шериф не стал бы.

— Но можно хотя бы объяснить, что ожидается и откуда тебе известно то, что неизвестно нам? — настаивал на ответах заместитель.

— Уязвлённое самолюбие? Сейчас я это исправлю. Слушайте сюда... Через двадцать, самое большее — тридцать минут, мы будем атакованы. Враг уже сбросил посадочные транспорты...

Подчинённые снова переглянулись. Кто-то приписывал мысленно эти несуразные вводные Шерифа ночной нерасторопности охранников у лифта, а кто-то посчитал просто желанием показать выпендрёж перед зарвавшимися терраформирователями. И никто даже представить не мог, что всё это может быть правдой.

— Какие транспорты, старший? Чьи?

— Никто пока не знает. Каких-то тварей, которые прямо сейчас жгут на высоких орбитах наши корабли. Поэтому «Аллеган» на поверхности... Кто-нибудь из вас обратил внимание, что со вчерашнего вечера отсутствует связь со всеми локациями, кроме Хамета?

— До сих пор не восстановлена, — подтвердил старший второй группы. — С утра пытался поговорить с Оазисом-восемнадцать, но...

— Нет больше Оазиса-восемнадцать. Понятно? Это нашествие. И командор просит прикрыть его людей. Кто не верит — вот, — Шериф достал из нагрудного кармана кредитную карту, с открытым кодом доступа, и протянул её своим офицерам. — Если я выдумываю, и ничего здесь происходить не будет, смело потратьте всё, что есть у меня на счёте. А у меня там много чего есть...

Со стороны «Аллегана» показалась грузовая платформа, на которой, поверх нескольких комплектов боевой амуниции, сидел охранник, спешно пристёгивающий бронепластины к комбинезону.

— Скоро, совсем уже скоро, враг окажется здесь, у нас в гостях, — продолжил Шериф, пряча кредитку, которую никто так и не решился взять, обратно. — Задача — обеспечить самый тёплый приём, боеприпасы не жалеть. Не раздумывать. Не показывать спины, даже если вас начнут убивать. Ни цели, ни причины вторжения, ни силы и возможности противника нам неизвестны... Так что сегодня вы будете моими сержантами, а я стану вашим Тором, — произнёс он загадочную фразу.

Вскоре все сорок охранников, в комбинезонах с трёхслойной защитой и добавленной навесной броней, с оружием в руках стояли навытяжку у входа в Купол и смотрели, как чётко, когда-то доведёнными до автоматизма движениями, их Тор облачается в комбинезон, скинув одежду прямо на площадке, не обращая внимания на посторонних.

— Что дальше?

— Дальше — каждая группа выбирает сектор обстрела, прикрывая подходы к «Аллегану». Прикрывает извне, понятно? Враг, если он попытается пробраться на станцию, должен оказаться между вами и «Аллеганом», так что ищите укрытия. Не исключена орбитальная поддержка, у них, как сказал командор, на орбите до черта звездолётов... Приёмники настроили, чтобы постоянно поддерживать связь? Давайте ваши шлемы, я проверю...

Пока они отстёгивали шлемы-прицелы, ещё болтающиеся без дела на спинах, на манер капюшонов, Шериф вогнал в винтовку

обойму и посмотрел в небо. Для него история повторялась. Только сейчас он играл в ней другую роль...

Неожиданно на «Аллегане» заработали противометеоритные установки. Все. Разом. Комендоры станции начали выяснять — кто лучший? Одновременно с этим был отдан приказ начинать и терраструителям...

— Всё, время вышло. Пошли, вислозадые... Я научу, как пройти по самой шикарной вашей авеню...

Глава 11
ПЕРВЫЕ ИСКРЫ. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПРИЛИВА

Сознание пробуждалось медленно. Первое время Шкип облизывал пересохшие губы, пытаясь понять — где он находится и что с ним происходит. Забрало шлема изнутри было забрызгано чем-то липким, бурым. Он не сразу осознал, что это его кровь вперемешку с выплеснувшимся кофе. Запахов он не различал, в носу до сих пор противно хлюпало, а перед глазами плыли разноцветные круги. Позвоночник ныл, болела грудная клетка, он почувствовал, как с трудом ему даётся каждый вдох.

Медленно, очень медленно Шкип пошевелил сначала правой рукой, потом попытался проделать это левой, но тело тут же скрутила дикая боль, исходившая из левого плеча. Вместе с болью в него ворвались звуки.

Их было много — звуков. Голоса, тревожные и не очень, эфирная перекличка диспетчеров, сопровождавших грузовые звездолёты. Искрящие изношенными фильтрами на движках, куда-то шло несколько старых лихтеров. Шкип узнал их по характерному почерку помех. Но вместе со всем этим ощущалось какое-то напряжение, будто перед грозой. Оно мелькало в обрывках фраз, в некоторых словах, в раздраженном тоне какого-то диспетчера, спорящего со шкипером грузового каботажника.

— Восемнадцатый! Я вам который раз говорю — этот Прилив закрыт! Следуйте на Зенес, там ваш груз будет принят.

— Но в моём коносаменте нет ни слова о том, что кто-то примет груз на Зенесе! Что вы мне голову морочите? И почему здесь закрыто движение?

— Спросите у командора патруля. Он отдал распоряжение не пропускать этим Приливом корпоративные звездолёты.

— Что? Опять? Наши доблестные военные вместе со стражами порядка вздумали провести какие-то никому не нужные манёвры? Или ожидается почётный эскорт для какой-нибудь шишки?

— Спросите у патрульных. Я не знаю.

И тут же в перебранку вклинился другой голос, явно принадлежащий офицеру патруля:

— Эй, каботажник! Даже не вздумай качать права и лезть ко мне за разрешением. Иди на Зенес, или вообще проваливай куда хочешь, пока я не решил проверить твои трюмы. Усекаешь?

— Слышу, слышу, — инженер явно потерял охоту продолжать спор. — Но хотя бы объясните, что тут случилось?

— На Зенесе объяснят...

Вопреки боли и всему остальному, на лице Шкипа появилась кривая ухмылка. Уж он-то хорошо знал, что такое разъяренный патруль и как он может устроить праздник жизни, переворачивая верх дном грузовые трюмы.

Ему наконец-то удалось перевести кресло-ложемент в рабочее положение, и взору Шкипа открылась гигантская стройка. Он уже бывал здесь, и знал, что несколько корпораций Доминанты «Виктория» объединили усилия, чтобы выстроить в системе Капа Струны большой товарный причал. Работы велись полным ходом, локация была забита снующими туда-сюда звездолётами, а в отдалении виднелся каркас будущей станции-причала: огромной, многоярусной, в сполохах плазменной сварки. Идиллия! Что сказать? Вот только ко всему ранее увиденному добавилась неожиданная деталь.

Раньше здесь никогда не бывало такого количества боевых кораблей ВКС. Трёх-четырёх полицейских модулей всегда хватало, чтобы обеспечить порядок. Теперь же модулей патруля стало десять. Они фланировали у самой приливной точки, которая скоро должна исчезнуть, но об этом знал только Шкип. В его голове всё ещё звучало последнее пожелание командора «Селены»...

А кроме звездолётов патруля, тоже вблизи Прилива, завис отряд военных крейсеров. Шесть кораблей веретенообразной формы, с многочисленными надстройками и распахнутыми люками боевых излучателей.

Выходит, военные и патрульные знали, что происходит по ту сторону Прилива, а остальным ещё ничего не известно...

Внимание Шкипа отвлёк зуммер экстренного вызова, сопровождаемый одновременным мерцанием индикатора на панели. Его запрашивали по закрытому каналу. Тронув сенсор, Шкип вздрогнул, настолько неожиданными оказались прозвучавшие слова:

— Это военный корабль «Манат»! «Трайд-один», немедленно остановитесь! «Трайд-один»! Не предпринимайте никаких действий до нашего подхода! «Трайд-один»... В случае неподчинения вы будете уничтожены!

Шкип осторожно подал «Трайд» чуть влево, не понимая, как так могло случиться, что его принимают за врага! Как он и ожидал увидеть, слева — снизу к нему приближался один из крейсеров ВКС.

— Я же приказал — не маневрировать! — голос сорвался на крик.

— У меня сбита оптика левого борта. Ваш вызов принял не сразу. Корабль повреждён...

— «Трайд-один»! Назовите себя!

Крейсер уже распахнул створки полётного ангара, собираясь принять добытчика. Но одновременно с этим, распахнулись и несколько орудийных портов.

— Пилот Шкип. Караванный звена рудодобычи корпорации «Стар-Квест», Доминанта «Амга-Заале»...

— Откуда вы прибыли? Вы летели, как из пращи, если бы не патруль...

Ага, догадался Шкип, мало того что автоматика «Трайда» наверняка пыталась уменьшить скорость, как только получила данные о том, что пилот — в бессознательном состоянии, так ещё и полицейские модули на выходе из Прилива постарались! Успели его зацепить гравитационными арканами. Иначе он влетал бы сейчас прямо в диск Капы! А военные наверняка допускают мысль, что любой корабль с той стороны Прилива мог оказаться неприятным сюрпризом пришельцев, о которых здесь даже если и слышали, то всё равно никто ничего толком не знает.

Когда «Трайд» втянуло в ангар гравитационным захватом финишира и Шкипа вынесли на руках поднявшиеся на борт два дебелых сержанта-техника, явно привыкших к тяжестям, добытчик пришёл в себя и присвистнул. Он не мог представить свой корабль таким израненным даже в самом кошмарном сне.

Левая сторона звездолёта оказалась изуродована обширными термическими мазками, как если взять пластмассовую игрушку и провести по ней раскалённым ножом. Потёки расплавленного металла застыли овальными каплями, будто по всей боковой поверхности «Трайда» высыпали уродливые бородавки. Противометеоритные броневые сегменты, выполненные из особых композитивных сплавов, кое-где была срезаны до самого основания, и в этих

местах обнажился основной корпус. Панели внешних сенсоров выглядели так, словно их старательно обрабатывали несколько часов потоками плазмы. Но Шкип знал, что касание вражеского луча лазера было быстрым, всего лишь на короткий миг! А правый борт и носовая часть казались шкурой животного, по которой десять тысяч раз скользнула тигриная лапа, — настолько они оказались исцарапаны потоком осколков, сквозь который пришлось пройти «Трайду».

Там, где раньше красовался весёлый нарисованный человечек, шагающий от звезды к звезде, — эмблема «Стар-Квеста», теперь темнел ожог со вздутой плёнкой выпаренной краски.

— ...кажется, оттуда, с той стороны Прилива...

— В рубашке родился! — доносился из-за спины шепот сержантов-техников.

Шкип уже встал на ноги и самостоятельно обошёл «Трайд». То, что он увидел в кормовой части корабля, вообще можно смело причислить к чуду!

Самой удручающей деталью смотрелись изуродованные дюзы движков. Кое-где сверхтугоплавкий сплав вообще превратился в растрёпанную бахрому. Один из техников ударил по свисающему куску юбки — крайней части дюз, — и тот кусок, размерами с ладонь, просто отломился, с глухим звуком упав на площадку ангара.

— Не в рубашке — сразу в скафандре... Как же он тянул? Не увидел бы — ни за что бы не поверил, — продолжили изумляться техники.

И были абсолютно правы! С такими повреждениями дюз, с повреждённой обшивкой — как будто звездолёт зарылся на полном ходу по самый бронекозырёк кабины в поток астероидов — «Трайд» не мог, не должен был дойти до Прилива. Скорее всего, не окажись рядом «Селены», он бы и не дошёл...

Навстречу Шкипу вышли трое офицеров флота. Увидев, в каком состоянии находится пилот и его корабль, они обменялись взглядами, полными одновременно удивления, сочувствия и восхищения.

Удивление и сочувствие — по той же причине, что и техники, назвавшие Шкипа родившимся в скафандре. Восхищение — потому что, несмотря на уровень разрушений, Шкип дошёл до Прилива и потом появился у Каппы Струны. А перед этим выжил в схватке с врагами, о возможностях которых ходили самые зловещие слухи.

— Командор заградительной группы, генерал Габо, — представился самый старший из них. — Мы получили приказ блокировать Прилив, проверяя все корабли, выходящие из системы Лахо...

Он словно извинялся за то «приветствие», которым встретили Шкипа здесь, у Капы Струны. А Шкип подумал: «Не будет больше кораблей, выходящих из Листопадного Зала... Эх, знал бы ты, генерал, что вся твоя заградительная группа — беспомощная груда железа против нового врага!» Что звездолёты-волчки, в сопровождении двух-трёх «Иксов» и хотя бы одного чёрного линкора, объявись они здесь, разделали бы всю группу под орех.

Наверное, эти мысли как-то отразились в скептическом пожимании плеч Шкипа, потому что генерал поспешил добавить:

— Тебе повезло, добытчик. Потому что прямо сейчас мы начинаем минировать выход из Прилива.

— За вас это уже сделал круизёр «Селена», — обронил Шкип.

В подтверждение его слов у всех трёх офицеров разом сработали личные коммуникаторы. Пока двое отвечали на вызов, генерал вцепился в плечо Шкипа, так, что добытчика прошила новая волна боли.

— Что тебе известно о «Селене»? Что с ней?

— Мне всё известно... «Селены» больше нет. Они закрыли Прилив, подготовив реакторы к взрыву...

— Командор! — спешил передать новость один из офицеров. — Прилив на Лахо...

Генерал кивнул, а после отвёл Шкипа чуть в сторону, всё так же не отпуская плеча.

— Ты точно уверен в том, что «Селена» погибла?

— Это так же верно, как и то, что стою здесь и разговариваю с вами, — подтвердил Шкип. А после, не удержавшись, добавил: — Но если бы вы вывели свои корабли через Прилив, то всё могло случиться по-другому! И те, кто ещё оставался на «Селене», могли спастись!

Лицо генерала побледнело. Он отшатнулся, словно Шкип влепил ему пощёчину.

— У нас не было приказа! Связь со многими локациями неожиданно прервалась, поступали только какие-то хаотичные обрывки, и все с минуты на минуту ожидали вторжения в Солнечную...

— Они глушили эфир, это так. Но почему было не войти в Прилив? Хотя бы попытаться принять бой? Хотя бы несколько

кораблей? Да, у вас ничего бы не получилось, но... Командор «Селены» и часть его экипажа были ещё живы, они ещё сражались! Их можно было эвакуировать с подготовленного к подрыву лайнера! И были живы добытчики «Стар-Квеста», они тоже пытались драться. А вы... Ваши звездолёты...

Шкип вспомнил, как беспомощно выглядел Центральный Модуль «Стар-Квеста» и как деловито, с омерзительной методичностью, ленты-транспортёры собирали человеческие трупы. Вспомнил хаотично кружащие обломки кораблей рудодобычи. А после — ревущую сиренами, охваченную пожарами, с вымершими палубами, облепленную со всех сторон вражескими кораблями «Селену».

— У нас не было приказа... — повторил генерал, словно пытаясь оправдаться перед заляпанным собственной кровью, оглушённым сумасшедшим ускорением добытчиком с разбитым шлемом. — Мы должны были прикрыть выход из Прилива, чтобы не допустить пришельцев сюда, на Капу...

У Шкипа вдруг зашумело в голове, он попытался вдохнуть поглубже, но воздуха почему-то не хватало, и пришлось осесть на пол, издав слабый стон. Ангар куда-то поплыл. Кто-то дважды прикоснулся раскрытой пятернёй к его щекам, и при этом возник странный, будто бы когда-то слышанный звук. Потом генерал, склонившись над добытчиком, говорил неестественным баритоном, повернувшись в сторону, почему-то растягивая слова: «В ла-а-заре-ет!». И кто-то вдруг выключил свет, чтобы наступила сплошная темнота, приносящая облегчение...

Глава 12
РУКОПАШНЫЙ ДЕНЬ. КОКТЕЙЛЬ ПАТРИОТА

Время вышло. Но первой стала умирать тайна, которую так долго держали в секрете...

— Это какие-то странные цели! Как думаешь, наш командор не сошёл с ума? Расчётчик показывает, что они делают противозенитный манёвр...

— Да ну? А моя оптика... Вот чёрт! Какие-то четыре коробки, идут цепочкой... Нет, расходятся, но чешут точно к нам. Три к одному, наши скорострелки не собьют и половины целей!

— Принимаю!

Стрелок-комендор третьей секции Арс любил свою работу. В большей степени из-за того, что станции очень редко что угрожало. А если и случалось оказаться на пути какого-нибудь шального потока, то основной удар принимала активная защита ТОСТа — отстреливаемые композитивные частицы, плазменные обтекатели. Секция противометеоритных артустановок вступала в действие лишь тогда, когда к станции неслись крупные объекты, по спецификации таковыми считались камни диаметром свыше полуметра. Эффективность действия противометеоритных установок достигала девяноста процентов вероятности уничтожения. Но это — при прямолинейном движении, постоянной траектории и постоянной скорости объектов. Здесь же мишенями оказались странные прямоугольники, имеющие сотню метров в длину, по пятьдесят в ширину и высоту. Этакий кирпич. Плёвое дело!

Арс, решив, что этого будет достаточно, слегка заплетающимися пальцами набрал код активации второго уровня противодействия. Многолучевые лазеры мелким гребнем принялись скрести пространство над «Аллеганом». Чувствительные фотоэлементы сразу же показали как минимум десяток попаданий в силуэты объектов, однако ничего не происходило. Они продолжали спуск, дёргаясь из стороны в сторону, избегая, таким образом, трёх четвертей воздействия лазерного оружия.

— Ладно. Отражающий слой. Это я понял...

Арс перекинул контрольные переключатели, снимая ограничение по мощности. Теперь, по его мнению, и одного попадания стало бы достаточно, чтобы сбить цель. Один из объектов, до которого дотянулись спицы лазеров, сделал несколько хаотичных движений, потеряв несколько кусков обшивки.

— Вот! Один есть! Ещё один, и ты проиграл! — удовлетворённо заявил стрелок помощнику-оператору.

Оператор, следящий за перемещением целей на экране расчётчика, протёр глаза:

— Как бы не так! Ничего не понимаю... Ты же его сбил!

— Сбил, конечно, это всё равно, что из пистолета попасть в потолок, — только подними руку вверх... А что?

— А ничего, всё равно четыре активные цели!

— Как это? Фу, чёрт, точно! Говорил ведь — не нужно перемешивать коньяк с шампанским! Да-а, ерунда какая-то, сейчас попробуем по-другому.

Продолжая лазерный обстрел, Арс задействовал кинетические орудия секции. Теперь навстречу объектам летели небольшие

болванки из обеднённого урана, разогнанные в стволах электропушек до восемнадцати тысяч метров в секунду. Тем не менее, хотя расстояние постоянно сокращалось, достать опускающиеся объекты кинетикой на высоте свыше сотни километров, учитывая их постоянное маневрирование, оказалось проблематично.

— Ладно, пусть окажутся чуть ниже... Через десять-пятнадцать минут, если они, конечно, не изменят скорость, перещёлкаю их всех как орехи.

— Не зарекайся, — в длинный узкий отсек основной секции противометеоритной защиты вошёл командор, успевший ухватить конец фразы. — Не думаю, что это будет так просто.

— А что за цели такие, командор? — спросил Арс и был просто поражён ответом.

— Это? Транспортные корабли.

— Что-о? — Арс тут же отключил автоматику управления стрельбой.

Уж что-что, а первую заповедь он усвоил очень хорошо. Никогда, ни при каких обстоятельствах не вести огонь, если в секторе обстрела может оказаться корабль с людьми. Не говоря уже о том, чтобы вообще вести стрельбу по таким кораблям. На этот случай у «Аллегана» есть эскортные патрульные станции, а патрульным, как известно, никакие правила и заповеди нипочём.

Лазерные излучатели прекратили свою быструю пляску на подвижных турелях, кинетические орудия тоже умолкли. Хотя температура воздуха в этой части единственного материка была двадцать по Цельсию, над длинными разгонными стволами, перевитыми спиралями, создающими ускоряющее электромагнитное поле, вилось облачко пара. Это испарялся отработанный криоген, охлаждавший трансформаторные батареи.

О первой заповеди Арс напомнил и командору, пытаясь понять, какая ошибка могла произойти?

— Не переживай. Ты говоришь о кораблях с человеческим экипажем, а это не наши корабли. Там, на транспортах, нет людей. Так что продолжайте, не исключено, вам ещё и повезёт сковырнуть хотя бы один.

— Что значит «не наши»? Чьи они? Доминанты «Сасебо»? «Амга-Заале»? Автоматические звездолёты?

— Не мучайся, всё равно не отгадаешь. Да и поверить сразу трудно... Только Доминанты тут ни при чём.

— Тогда кто же? Какие-нибудь гангстеры? Я думал, их давно уже перебил флот... Да и чем им тут можно поживиться? Командор, я прошу объяснений, мы ведь не на военном корабле...

— И не гангстеры, Арс. Я же сказал — тяжело поверить... Эта техника вообще не имеет отношения к Солнечной. Вторжение, Арс. Дождались пришествия врагов по разуму... Многие локации атакованы. Вот такие корабли садились даже там, где имелось мощное прикрытие, так что если собьёте хотя бы одну такую штуку, получите лично от меня двадцать тысяч кредитов. Если десант с оставшихся трёх транспортов не закатает нас всех в землю. Я не шучу, Арс, — заметив слабую улыбку на лице стрелка-комендора, самым серьёзным тоном заявил командор «Аллегана». — Сообщи эту новость остальным секциям, не забудь передать и моё обещание насчёт награды, и, давай, запускай свои скорострелки.

Глаза комендора основной секции заблестели, в неприкрытом возбуждении он даже провёл языком по губам. Двадцать тысяч кредитов! Двадцать тонн! За коробок сто на пятьдесят метров в силуэте! Да он был готов выскочить наружу и начать помогать орудиям, швыряя в небо камни! И ему наплевать, что за посланники со звёзд спускаются ему на голову! Если и сожалеть, то только о том, что их четыре, всего лишь четыре транспорта! В итоге — восемьдесят тонн, не добрать до миллиона!

— Разрешаете ли вы использовать ракеты с ядерным зарядом? — вспомогательный оператор секции оказался практичней своего стрелка-комендора, он поверил сказанному и понимал, что если такие с виду беззащитные транспорты садились на защищённые планеты, то шансов справиться с ними у противометеоритных секций не так уж много. — У нас ведь на каждом посту по три тактических «Ка-Эса». Две килотонны. Хватит, чтобы превратить каждую такую штуку в красивое облачко...

Оператор знал уже ответ, но всё равно они обязаны запрашивать разрешение на использование этого вооружения. Едва услышав, что транспорты не являются земной техникой, присоединив приказ командора об их уничтожении, легко было понять, что будет и санкционирование применения ядерных ракет ограниченной мощности, «КС» — Крайний Случай, как расшифровывали заводскую аббревиатуру комендоры.

— Я разрешаю вам всё, что угодно, даже вынуть резинки из трусов, чтобы сделать рогатки и использовать их вместе с «Ка-Эсами», — командор «Аллегана» почти точь-в-точь озвучил мысли стрелка, только мотивация была совсем другой. Огромное вознаграждение у стрелка и тревога у командора. — Только действуйте осторожно, возможны всякие неприятные сюрпризы.

Задержавшись на минуту, командор вгляделся в экран оптического сопровождения цели, наблюдая, как проваливаются в атмосферу Меггидо, всё ниже и ниже, транспорты врага. Сейчас в нём жило два чувства. Тревога, потому что неизвестно, какими средствами противодействия обладают эти примитивные на вид конструкции. А ещё было чувство затаённой радости. Ведь первоначально транспортов было двенадцать! Он узнал цифру, связавшись двадцать минут назад с полковником.

Так же командор не шутил по поводу размера вознаграждения. Если стрелкам-комендорам удастся разгромить десант на подлёте, а потом ещё, рано или поздно, всем им получится выбраться с Меггидо, то что будут значить деньги по сравнению с пятью тысячами человеческих жизней? Собрать по четыре кредита со счёта каждого террастроителя, и вот она, награда за один транспорт...

— Там, на орбите, корабли флота и патрульные станции успели сжечь восемь таких коробков, так что нам уже повезло. А если вы не дадите коснуться поверхности ещё и вот этим четырём... В любом случае, — закончил он, отрываясь от экрана, — сделайте всё, что возможно.

Командор понимал, что даже если получится не допустить на этот раз высадку десанта, то полностью проблема не решится. И сейчас спешил на командный мостик, чтобы успеть сделать очень и очень важное дело, после чего останется только ожидание...

— Как думаешь, мы сами справимся? — осторожно начал Арс, как только овальная дверь скользнула на место за спиной командора, отгораживая секцию от коридоров станции. — На «Аллегане» четыре противометеоритные секции, но двадцать тысяч намного лучше делятся на двоих, чем на восьмерых...

— Не знаю, Арс, я не уверен, что так будет правильно. Дело не в том, что на что делится лучше... Как-то слишком уверенно они опускаются... — оператор вглядывался в экран целеуказателя, чтобы не пропустить изменения цвета отметки дальномера. — Лазерные скорострелки должны были развеять по небу тот транспорт, в который ты попал, а ему — ничего. Прёт себе дальше... А вообще, командор всё равно ведь узнает — передал ты его указания остальным или... Вот, если бы ты его сбил... Но ведь не сбил. А перекрёстная стрельба четырёх секций увеличит шансы в несколько раз.

— Какие, к чёрту, шансы? Ты что, не видишь, что это за цель? В такую махину я попаду с закрытыми глазами. Пусть только окажутся поближе. Сколько там до отметки?

— Минута двенадцать секунд. Но... Ты собираешься нарушить приказ командора?

— Победителей не судят. И я собью его. А насчёт приказа... Ну, могли мы на минуту заняться чем-то срочным? Например, что-то давно у тебя не барахлили сенсоры оптического сопровождения...

— Но только на минуту, Арс! Если не получится с первых залпов, мы ведь не станем ждать следующей отметки?

— Там видно будет, — уклончиво ответил стрелок-комендор. И уже уверенным тоном старшего секции добавил: — Готовь «Ка-Эсы».

— Уже готовы. Я сразу понял, что без них не обойтись.

— Ты молодец. И мы сейчас им покажем! Переконвертируем этих сволочей в деньги! Отметка?

— Сорок секунд.

Арс перераспределил энергию для залпа, выводя её всю в накопитель центрального излучателя, подняв мощность импульса сразу в три раза за счёт отключения остальных излучателей. Оператор в это время прогнал программу моделирования на тактическом вычислителе.

— Слушай, Арс, я тут просчитал кое-что... Если мы ударим внахлёст четырьмя секциями, то гарантированно снимем первый объект, а если сами... при таком маневрировании... Расчётчик выдаёт не более шестидесяти процентов вероятности!

— Не мог чуть позже просчитать? Что может нам помешать это проделать потом, когда пойдёт следующая отметка?

— Да вроде ничего... Не знаю... Не нравится мне, как они идут. И если у нас не получится сейчас, останется три отметки, на которых вычислители будут брать цели. Понимаешь? Начнём сейчас, все вместе, есть шанс сбросить все четыре объекта. А если нам не повезёт? Ты понимаешь, о чём я? Останется только три отметки! Три вероятности. Три транспорта! Один всё равно...

— Почему нам обязательно не повезёт? И даже если останется один... Всё! Прекрати паниковать. Сколько до отметки?

— Двадцать.

— Как только расчётчик выдаст целеуказание, запускаешь Ка-Эс. Нет! Два, чтобы наверняка! А я обрежу ему лазерами траектории манёвра, и...

— Отметка! Есть целеуказание!

— Давай! Вмажь мерзавцам!

Основная секция противометеоритной защиты, расположенная в угловой надстройке, пришла в движение. Лазерный излучатель

выдавал импульс за импульсом, кинематика швыряла короткие порции болванок, а из пусковой установки рванулись навстречу цели два огненных шара, оставляя позади длинный след инверсии.

Другие секции молчали. Их комендоры решили не тратить напрасно энергию излучателей, уже успев оценить манёвренность объектов-целей, и дожидались, когда вероятность поражения приблизится к расчётным девяноста процентам. Все они, и стрелки и комендоры, прошли обкатку в Дальнем Внеземелье, среди спорадических метеорных потоков Плеяд, в каменном шквале Харизмы-девять, на опасном Переходе Вульперта, где выход из Прилива выводит точно в центр несущейся карусели глыбин, размером с миниджет. Нервы персонала противометеоритной секции словно обросли шкурой. Никто из них не жал панически на гашетку, увидев в прицельной рамке расчётчика смертоносный метеорит весом в пару тонн, такая паника бывает только вначале, когда специальность ещё не вошла в мозг и руки, не покрыла нервы шкурой... Но то были особые цели, летящие с космическими скоростями, представляющие огромную опасность для жизни «Аллегана». Четыре опускающихся, будто планирующих на поверхность объекта не внушали вообще никакого страха и никакого ощущения опасности. Возможно, если бы Арс сообщил им то, что должен был сообщить, события пошли бы как-то по-другому. Но сейчас три секции молчали, а четвёртая, основная, вела искусную стрельбу, и вопросов по этому поводу никто не задавал. Потому что каждая секция привыкла действовать самостоятельно, по собственному плану, за исключением случаев, когда отдан приказ старшего комендора о совместной стрельбе внахлёст. Пока что такого приказа не поступило...

— Арс! Мы попали! Обе ракеты бабахнули у самого корпуса чёртовой коробки! Как ты умудрился просчитать дистанцию подрыва? Ты ювелир, Арс!

Но комендор вовсе не разделял восторгов своего оператора.

— Это не я... То есть никакой дистанции я не выставлял. Ракеты шли с программой подрыва при контакте с целью, разве что с запущенной программой самоуничтожения при превышении высоты в сотню километров. Они должны были влепиться в корпус, и тогда уже...

— Так добей его, Арс! Он... он... Добивай его! Даже если подрыв не там, где предполагалось, не может быть, чтобы на такой дистанции ракеты ничего ему не сделали!

Комендор сам уже увидел, что объект не уничтожен. Сменив траекторию, чему не помешала работа лазерной установки, он продолжал спуск, пройдя сквозь зону разрыва, которая оказалась километром ниже, чего вообще не должно было случиться. Контакта с корпусом транспорта не было, значит, ракеты могли взорваться только в том случае, если бы прошли мимо и достигли высоты в сто тысяч метров. Но объект давно прошёл отметку в сто тысяч, а подрыв случился и того ниже...

Фотоэлементы контроля лазерной турели больше не показывали попаданий, и кинематические орудия тоже зря выталкивали в небо серию за серией.

— Смотри! — оператор наконец-то что-то нашёл. — Грависканер показывает возмущение гравитации как раз в точке подрыва! У них есть какая-то защита! Что-то вроде гравитационной ловушки, когда ракета попадает в зону возмущения и её расчётчики неверно оценивают ситуацию, посчитав, что ракета преодолевает расстояние, а на самом деле это полёт на месте!

— Бред какой. Откуда ты такое понавыдумывал?

— Нет-нет-нет! У наших военных тоже что-то такое есть, только пока что в экспериментальном виде. Это не бред. Это гравитационная ловушка! Что-то вроде генератора гравитации, только наоборот, с изменённым вектором! Попав в поле её действия, ракета шла в сотворяемом ловушкой пространстве, которое получается при работе генератора! Они выбросили её навстречу нашим Ка-Эсам, и...

— Генератор не генератор, ловушка не ловушка... Но как-то ведь их можно сбить? Командор сказал — сколько там? — восемь штук свалили ещё на орбите. Если бы уже тогда раздавались обещания, выходит, кто-то заработал полтора миллиона, минус налоги... А мы тут двадцать тысяч заработать никак не можем! Готовь третий Ка-Эс. Сколько там до следующей отметки? Вероятность увеличится до семидесяти процентов...

— Арс! Я не знаю, как и почему их сбили корабли флота, — возможно, этим транспортам нужно было время для активирования защиты, возможно, атаковать их можно только сверху, а снизу они имеют несколько уровней защиты, их сбивали боевыми лазерами, там энергетическая подкачка на порядок выше нашей... Да что угодно возможно! До отметки — минута сорок, но что, если опять... Нужно ударить всем четырём секциям, тогда и нам хватит энергии...

— Слышал уже! Совместные залпы — это ещё не гарантия. Если их невозможно сбить одной секцией, не думаю, что это так

просто сделать и четырём... Но мы попробуем, ведь для совместных залпов останется ещё две отметки, а одного-то мы должны сбить сами!

Впрочем, остальные три секции самостоятельно начали стрельбу, но также не добились никаких результатов.

— Арс! Нужно сказать остальным... Тактический расчётчик только у нас, в центральной секции, остальные не смогут...

— Никто. И ничего. Не сможет. Мне. Помешать. Заработать сегодня кучу денег! Ты понял?

Помощник-оператор понял всё.

Алкоголь лишь активирует то, что есть внутри у каждого, что обычно скрывается под защитными слоями сознания. Химики флагманского крейсера, изготовив «коктейль патриота», не учли только одного — патриотизм для каждого свой. Комендор центральной секции противометеоритной защиты в полной мере был сейчас патриотом. Он хотел заполучить деньги, на остальное ему было наплевать. В его голове вертелась на месте и в то же время преодолевала огромные расстояния одна и та же мысль: «Ничего. Не сможет. Мне. Помешать...» Он был в этом уверен. И он — ошибался!

На высокой орбите два вражеских крейсера, напоминающие формой букву «Икс», или же крест, — кому как виделось, — пока оставили в покое два избитых крейсера ВКС. Они дожидались окончания высадки десанта, который должен смести, уничтожить любые следы пребывания на этой планете другой расы, другой цивилизации.

Если бы аппаратура связи на «Будгарде» или на «Аллегане» оказалась более совершенной, то наверняка можно было бы выделить на фоне мощного, перекрывающего эфир вражеского сигнала и другие сигналы, намного слабее. Так транспорты обменивались информацией со своими крейсерами.

Вот, получив очередной такой слабый импульс, один из крейсеров, тот, что находился чуть ближе к Меггидо, сменил позицию. Его чуткая аппаратура засекла опасную помеху транспортам. Мгновенно исчисленная точка помехи заставила сработать другую аппаратуру. Приоткрыв несколько утопленных в корпус поблескивающих глаз, крейсер откорректировал наводку и ударил широким, плоским лучом лазера. Центральную противометеоритную секцию «Аллегана» разрезало так, как нарезают лимон — тонкими кружочками. Комендор Арс так и не дождался следующей точки перенацеливания. Его мечта о быстром обогащении погибла

вместе с его патриотизмом, им самим и орудиями центральной секции. Оставшиеся три секции продолжили попытки, и две из них были уничтожены в течение последующей минуты тем же крейсером, ведущим орбитальное прикрытие. А третья противометеоритная секция, последняя на «Аллегане», была очень напрасно воспринята врагом как не несущая угрозы десантным транспортам, что объяснялось очень просто: её лазерные излучатели и кинетические орудия били куда угодно, но только не в сторону цели.

— Эй! На «Аллегане»! Вы нашли для себя какую-нибудь цельневидимку и теперь гоняетесь за ней по всему небу? — ворвался в комендорский пост третьей секции незнакомый голос.

— Вот, чёрт, кто это? — оператор секции, торопясь, срывал наушники плеера.

Потому что командор третьей секции временно был недоступен для общения. Он вовсю храпел, привалившись к спинке кресла, пристёгнутый оператором ремнями. Для верности, чтобы не выпадал во время сна.

У комендора третьей секции оказалась собственная разновидность патриотизма, тоже неучтённая химиками «Будгарда»...

От монотонности праздных будней, комендор секции давно уже пристрастился к величайшему достижению человечества, продукту волшебного процесса взгонки и очистки, чистому, как слеза спирту. В то время как все на «Аллегане» угощались шампанским, коньяком и прочими благородными напитками, в которых в обязательном порядке присутствовал «коктейль патриота», комендор остался верен привычке, набравшись в честь праздника ещё вчера, «по самые брови», как называл это состояние его оператор. Справедливо считая, что на поверхности Меггидо «Аллегану» не будет угрожать метеоритная опасность, комендор был спокоен и относительно последствий своего тихого разгула. Когда противометеоритной группе была отдана странная команда занять места по расписанию, оператору третьей секции пришлось буквально тащить своего стрелка-комендора из каюты на пост и втискивать в кресло, пристёгивая ремнями. Потому что оператор тоже посчитал, что это какая-то формальность, какая-то проверка готовности, не более...

На какое-то время комендор пришёл в себя, но только для того, чтобы сделать два великих дела. Первое — перекинуть сигнал управления противометеоритными установками на компьютер оператора, пока тот возился в другом конце поста, заваривая

эрзац-кофе. Вторым пунктом — успеть сделать хороший глоток из неразлучной фляги, забыв хоть как-то предупредить оператора о параллельном управлении стрельбой со второго компьютера. Рука комендора была заботливо прижата ремнём к груди. Но это произошло уже после того, как повинуясь не разуму, но рефлексам, комендор успел набрать сенсорный код активации установок.

Не замечая ничего особенного, так и не дождавшись приказа, который должен был передать стрелок-комендор Арс — патриот собственного кредитного счёта, оператор третьей секции запустил игровую программу, и гонял по экрану трёхмерные фигурки тетриса. При этом он пребывал в счастливом неведении относительно того, что каждый его сигнал, каждое нажатие курсоров, отзываются в чувствительных сервомоторах разворотом боевых турелей.

Оператор играл в тетрис, орудия третьей секции играли в «поймай невидимку». И у человека и у механизмов наводки то и другое выходило просто замечательно...

— Эй! Противометеоритная секция! Вы там живы? Говорит офицер комплекса прикрытия военного транспорта двенадцатой эскадры! Секция, ответьте! Или хотя бы прекратите сыпать по небу болванками, вы мешаете нашей системе наводки!

Только благодаря счастливой случайности, оператор заметил краем глаза мигающий сигнал внешнего вызова. Иначе он имел много шансов так ничего и не узнать, потому что, переходя с уровня на уровень своей игры, чтобы не слушать причудливых носовых трелей комендора, он слушал музыку в наушниках.

— Секция, ответьте! Это военный транспорт двенадцатой эскадры! Что с вашими установками? Скоро вы продырявите ими всё небо!

Сорвав наушники, узнав, что они, оказывается, ведут стрельбу, оператор оценил ситуацию как полностью идиотскую. Бросив полный ненависти и презрения взгляд на своего стрелка-комендора, он немедленно заблокировал управление стрельбой, заодно пытаясь сообразить, как можно будет оправдаться перед командором «Аллегана», когда тот узнает все подробности.

— Слышу вас, транспорт! У нас... э-э... у нас неполадки. Система выдаёт неверные координаты излучателям. Спасибо, что подсказали...

— Ну, хоть кто-то живой! Я уже решил, что вас тоже накрыло. А вы что, не пользуетесь оптикой? Или всё-таки накрыло?

— Накрыло? Нас? — оператор чуть было не спросил: — Кто? — но вовремя увидел отметки на мониторе комендора и красную

полоску оповещения, что остальные три секции находятся в нерабочем состоянии. — Да! Нас накрыло! Ещё как! — тут он ткнул комендора кулаком в бок. — А как вам наш праздник?

Он спросил первое, что пришло ему на ум, и сделал это исключительно для того, чтобы получить хоть немного времени собраться с мыслями. Четыре отметки-цели. Три умолкшие секции, связи с которыми почему-то нет. Что всё это означает?

— Праздник? — офицер призадумался, но потом, восприняв вопрос как шутку, ответил в том же ключе: — Праздник удался. Ждём не дождёмся, когда нашему транспорту позволят поучаствовать на нём.

Тут произошло нечто такое, что явно демонстрирует огромный потенциал человеческих возможностей. А именно, стрелок-комендор секции, которого только что невозможно было привести в чувство ничем абсолютно, даже тычками в бок, вдруг дёрнул головой и открыл один глаз.

— Тра-анспорт? Где он? Там ведь полно девочк-ов! — при этом он икнул и после высказанной фразы снова впал в сон-оцепенение, продолжая искрить мыслями на извечную мужскую тему, но уже в собственном сне.

— Ну, если нам не удастся сбить их посадочные средства на подлёте, дойдёт очередь и до наших девочек...

— Ага. Угу. Вас понял... — промямлил оператор, лихорадочно складывая всю полученную информацию в одно целое.

Нас атаковали — то и означает, что мы атакованы. Вот этими самыми объектами, потому что больше некому. Три умолкшие секции... Повреждения... Ага! Если не удастся сбить на подлёте, значит — их ещё не сбили, и третья секция, — сам оператор и ушедший в себя комендор, виноваты не в том, что вели бессмысленную, глупую стрельбу, а в том, что стрельба не принесла нужных результатов. Есть всё-таки разница! А расчётчик выдавал другую информацию...

Четыре объекта. Высота — пятьдесят километров, идут с ускорением, выполняют противозенитный маневр... Приличный силуэт, попасть в такой — плёвое дело! До точки перенацеливания тридцать секунд.

— Успею! — решил оператор, который сейчас рассуждал точно так же, как до него стрелок-комендор Арс.

И принялся вводить схему противодействия: мелкий гребень лазерных лучей, можно обойтись без кинетики, тем более в тетрис сыграло восемь обойм с болванками. Осталось лишь две...

— Противометеоритная секция! А ведь вам повезло! За отвратительную стрельбу вы получили от пришельцев несколько минут или часов жизни... Не то что остальные три секции... Транспорты идут под орбитальным прикрытием!

— Остальные три секции, они что — уничтожены? — вырвалось у оператора.

— Разрезаны на кусочки. Очень высокий уровень энергетической подкачки боевых лазеров... Похоже, если ты откроешь огонь, — палец оператора застыл над кнопкой активации установок, — то долго не протянешь... — оператор отдёрнул руку.

— А... что же тогда делать?

— Мы вот просчитали траектории... Попасть будет несложно, но вот пробить их защиту... Знаешь, что? Давай запускай свои ракеты, сколько есть. Пока они выставят защиту, попробуем накрыть хотя бы парочку своими лазерами... Приготовься.

У оператора пропал дар речи. На использование тактических ракет Ка-Эс необходимо разрешение командора «Аллегана», выходить на связь с которым сейчас не улыбалось. Потому что командор вполне может задать резонный вопрос — почему из противометеоритной секции его запрашивает оператор, а не стрелок, и потребует на связь вот это заспиртованное тело... Хотя всем ведь было объявлено, что никаких ограничений ни в закусках, ни в выпивке не будет. Мало ли у кого какая сопротивляемость? Вот у него, у оператора, как оказалось — нормальная, чему он сам удивлён, а у стрелка... Ну, бывают, наверное, такие странности!

С такими мыслями он отправил по коммуникатору запрос на связь с командором, но оказалось, что тот сейчас занят другим разговором...

— Натли! Ты уверен, что в этом есть хоть какой-то смысл? — в третий раз командор пытался добиться ясности в интересующем его вопросе.

Очень интересующем! Потому что ответ означал появление шанса для какой-то части терраформеров, если дела пойдут совсем уж плохо. А судя по тому, как они пошли на орбите, где сейчас хаотично носились обломки погибших звездолётов, здесь, на Меггидо, можно готовиться к худшему.

— Какой-нибудь смысл есть во всём и всегда... Командор, карсты под поверхностью полностью не изучены, я не уверен даже, что такое в принципе возможно. Ну, по крайней мере ближайшие пару десятков лет. Ведь кора Меггидо — как хороший сыр с солидной

выдержкой, весь в подземных лабиринтах. Наверняка это связано с обширным океаном, который начал отступать лишь недавно. Но одно можно сказать точно — люди, укрывшиеся в карсте, продержатся ровно столько, на сколько им хватит запасов еды.

— А воды? А кислорода?

Интендант «Аллегана», с которым вёлся этот спешный разговор, пожал плечами.

— У нас есть аварийные переносные опреснители. Они практически вечные. К тому же — в пещерах достаточно влаги, чтобы собирать её в больших количествах.

— Вот-вот. Высокая влажность и низкая температура...

— Насчёт температуры — решаемо. Есть утеплённые комбинезоны, есть мини-горелки, много чего есть... А с влажностью уже ничего не поделаешь. Нужен большой запас медикаментов. Самое сложное — с кислородом. Единицам удавалось продержаться на Мегтидо несколько часов, потом всё равно начиналась «горная болезнь»... Потому что в атмосфере кислорода меньше девяти процентов...

— То есть — им не выжить?

— Ну, так категорично, наверное, не стоит смотреть на проблему. Например, на Земле, в Тибете, есть интересная народность — шерпы, они живут на высотах более четырёх километров над уровнем моря. Там, где обычному человеку очень долго не продержаться. А вот им — ничего.

— Какое-то эволюционное приспособление?

— Да, у них увеличен кровоток. Недостаток кислорода компенсируется переизбытком крови и частой её обращаемостью...

— Но это был долгий процесс, а нам... Нет у нас времени на эволюцию!

— Я понимаю. Но, командор! Я всего лишь интендант. В мои функции не входит управление эволюцией. Хотя, если посоветоваться с медиками, уверен, — что-то можно придумать. Витамины, инъекции оксида азота, удерживающего кислород в крови и расширяющего стенки сосудов...

— Откуда вам это всё известно? Это, случайно, не фантазии?

— Я вырос в Гималаях. И хотя, увы, не являюсь шерпом, кое-что знаю...

— Значит — решено?

— Я бы сказал — можно попытаться...

— Понял. Срочно загружайте всё необходимое и перемещайте в лабиринт. Помощников для этого у вас будет предостаточно. Ещё

бы ваша идея подоспела чуть раньше, хотя бы с утра... В общем, сделайте всё, что сможете.

Затем командор переключился на связь с военным кораблём-транспортом, находящимся неподалёку от «Аллегана». Уж он-то точно знал, что за «девочек» занесло случайным ветром на Меггидо.

Так и не дождавшись ответа, оператор третьей секции нашёл наконец-то нужную фразу, чтобы выпытать ещё немножко информации у офицера, вышедшего на связь.

— А это не опасно — использовать тактические ракеты? Я имею в виду — не опасно ли в нашем положении?

— Наибольшая опасность в жизни — это сама жизнь. Болезнь со стопроцентно летальным исходом... Откуда я знаю? У ваших коллег вроде даже получилось попасть. Правда, ни один транспорт они не сбили, похоже, у этих ящиков великолепно защищённое брюхо...

У кого-то получилось во что-то попасть. Значит, разрешение на использование Ка-Эсов имеется. Получилось попасть, но транспорт не сбили... Значит, прямой запуск ракет ничего не даст. Откуда уверенность, что он окажется везучей, чем комендоры остальных постов до него? Не сбили ни один... Ни один! Не сбили! Попав тактической ракетой с мощностью подрывного заряда в пару килотонн!

Оператор чуть не подпрыгивал от всех этих новостей. Что же тогда можно сделать, чем остановить движение объектов к поверхности? Не сбили... Потому что у них защищённое брюхо...

— Офицер! — сказал он вместо всего вслух. — А кроме брюха у них везде такая защита?

— Возможно, что нет. Нашим звездолётам удалось укокошить восемь транспортов. Правда, потом эти инопланетные твари укокошили почти все наши звездолёты...

— Что за твари-то? Это что — вторжение пришельцев? — известие ошеломило оператора больше, чем невозможность снять какую-то цель тактической ракетой. — Так это транспорты инопланетян? И сейчас они...

— Высадят десант! — офицер закончил за него фразу. — Ты что? Впервые слышишь? Куда же вы стреляли и кого собирались сбивать?

— А... Ну-у... — оператор понял, что ничего правдоподобного не придумать, и решил сознаться хотя бы частично.

— Дело в том, что я не комендор, а всего лишь помощник — тактический оператор. А сам комендор...

— Ранен? Убит? — живо переспросил офицер.

— Он... ранен, — соврал оператор, хотя мог смело утверждать, что стрелок-комендор убит. На ближайшие полдня.

— Ясно. Значит, с этой минуты ты исполняешь обязанности главного стрелка секции. У тебя получится, — буднично, как будто речь шла о чём-то несущественном, какой-то мелочи, которую можно вот так исправить, сказал офицер. — Готовь ракеты... запустишь по своему исчислению цели. Цель — нижний объект.

В голове у оператора до сих пор немножко шумело после выпитого шампанского, немножко — после свалившейся на него новости, но иногда именно в таком состоянии происходят озарения.

— Слушайте! А что, если попытаться ударить по самому верхнему транспорту? Если нижняя, посадочная часть, защищена, но сверху достать их можно, то... — он задумался, прикидывая, как лучше осуществить смутную пока идею.

— Продолжай! — поторопил и одобрил старания офицер.

— Можно запустить ракету по баллистической траектории, чтобы разрыв произошёл над транспортом... — Пальцы оператора забегали по сенсорной панели, хоть он и не был в полном смысле стрелком-комендором, но даже на своём месте успел многому научиться и многое понять из работы стрелка. — Да! Получается! Открываю огонь! — с восторгом выкрикнул оператор.

И выпустил первый Ка-Эс...

Для осуществления этой странной затеи интендант «Аллегана» выбрал два транспорта «Валентайн» и несколько грузовых платформ. По его подсчётам выходило, что нужно успеть обернуться за пятнадцать-двадцать минут. Наспех собранная методом тыка команда погрузчиков принялась заваливать транспорты и платформы всякой всячиной, которую интендант посчитал самыми необходимыми вещами. Рабочие, из числа подпочвенных бурильщиков, что-то ворчали о несправедливости начальства, потому что надеялись опередить другие группы в призовом соревновании. Их лазерные резаки валялись на площадке, и горнопроходческая машина, полностью подготовленная к работе, но оставшаяся без дела, находилась рядом с грузовым трапом «Аллегана». Сейчас по трапу перемещались какие-то бесконечные упаковки, коробки, контейнеры. Терраструители, отвлечённые от участия в общем трудовом

психозе, даже не догадывались, какое огромное дело им доверено. И продолжали ворчать.

Особенно выделялся среди них проходчик-гигант, который был на голову выше любого другого терраформирователя.

— Нет, ну это неправильно! Мы что — грузчики какие-то? Я поспорил на десять кредитов, что уделаю этого умника Брока из восемнадцатой группы... А меня... а нас...

— Сплюнь, Гризли. Зато нам обещали по сотне кредитов каждому. Если успеем загрузить платформы за пятнадцать минут...

Оператор запустил ракету, задав ей крутую навесную траекторию. С таким расчётом, чтобы она прошла в отдалении от транспортов, а потом атаковала один из них сверху. Находящийся рядом с «Аллеганом» военный транспорт Солнечной, щетинившийся лазерными излучателями комплекса прикрытия, выдал несколько пристрелочных залпов. И тут же был атакован с орбиты. К счастью, отражающим слоям брони хватило надежности, чтобы выдержать этот удар. Хотя все оборонительные системы транспорта оказались выведены из строя.

Думая о том, что его секция тоже может быть атакована, оператор, только что повышенный до стрелка-комендора, живо покинул пост, как только отправил Ка-Эс в полёт. Поэтому он не видел восхитительной картины, что демонстрировали сейчас экраны единственному неблагодарному зрителю — спящему комендору, чей патриотизм оказался на порядок полезней прочих.

Ракета, описав дугу, разорвалась на удалении в пару сотен метров от верхней части транспорта. Теперь на Мегиддо продолжали спуск только три десантных корабля. Комплексу прикрытия военного транспорта Солнечной нечем было поддержать эту ракетную атаку. Для транспорта оставалась другая, самая важная задача...

Оператор последней уцелевшей секции противометеоритной защиты «Аллегана», убедившись, что возмездия после запуска ракеты почему-то не произошло, вернулся на пост, где и узнал, что цель, которую не смогли снять остальные секции, поражена! Если бы он узнал вдобавок, что в этот момент стал богаче на двадцать тысяч кредитов — размер его заработка за несколько лет! — то был бы во сто крат счастливей. Но только очень ненадолго...

Два последующих запуска ни к чему не привели. Транспорты, распознав новую угрозу, легко ушли в сторону, отработав гравита-

ционными движками, и два Ка-Эса разорвали небо пустым громом и ненужной вспышкой. А потом, резко увеличив скорость, превысив все мыслимые перегрузки, транспорты врага произвели посадку...

Первая горнопроходческая машина уже вгрызлась в основание горной цепи, проделав двадцатиметровую полость. Теперь ей на смену шёл бронированный туннелеукладчик, исторгающий из себя прочные кольца для укрепления стенок полости. Затем должна была наступить очередь буровых платформ, пробивающих вертикальные и горизонтальные штольни. По штольням, в свою очередь, прошли бы группы подпочвенного бурения, подготавливая путь для проходческих машин, и цикл замыкался.

Так выстраивался лабиринт, что должен был стать основой для инфраструктуры грузового порта и создания административного, товарного и промышленного муравейника. Но, кроме рукотворных лабиринтов, сделанных силой и разумом человека, горные цепи Мегтидо скрывали внутри каменного массива и другие лабиринты, созданные слепой природой планеты. Протяженность карстовых пещер не поддавалась измерению. Но даже самые общие подсчёты, полученные при геосканировании, указывали на то, что длина лабиринта карстовых пещер измеряется не десятками, не сотнями, а тысячами километров. Для сравнения — самая большая пещерная система на Земле, в Северной Америке, достигает длины в пятьсот шестьдесят километров.

Поэтому инженерная техника на Мегтидо постоянно сталкивалась с открывающимися полостями карстовых пещер, и пришлось формировать специальные группы подпочвенного бурения, которые одновременно вели георазведку.

Необходимость в группах подпочвенного бурения и разведки влекла за собой увеличение количества обслуживающего персонала. Потому что каждого терраструителя нужно как минимум одеть, накормить, обеспечить ему более-менее комфортные условия для работы и для отдыха, не говоря уже о поддержании в постоянной исправности такого сложного механизма, как изолированное сообщество.

Поэтому численность рабочих, обслуги и экипажа на «Аллегане» была так велика, приближаясь к предельно допустимой для станций проекта «Аппалачи». И командор, окруженный небольшой группой помощников, ломал себе голову — как уберечь эту огромную группу людей от того непоправимого, что скоро могло

случиться. И как могло случиться, что идея использовать карстовый лабиринт в качестве убежища родилась так поздно?

На второй вопрос ответ имелся: новость о вторжении высокоорганизованных инопланетных существ оказалась настолько для всех неожиданной, что командор просто не успел сориентироваться, собраться, сконцентрировать внимание, а пошёл на поводу у офицеров флота. А вот первый вопрос — о спасении пяти тысяч человек с минимальными потерями, пока оставался открытым...

Транспорты сели. Только теперь можно было рассмотреть, что коробками они вовсе не являлись, а чем-то вроде больших ангаров, запрятанных в прямоугольные контейнеры. Нижняя часть контейнеров, на которые плашмя осуществлялась посадка, имела несколько движков, утопленных в днище. Сейчас их уже не было видно, разве что перед касанием поверхности все три транспорта совершили манёвр, гасящий скорость, продемонстрировав плазменное мерцание скрытых дюз.

В первые минуты ничего не происходило. Они просто высились на приличном удалении — будто три пятнадцатиэтажных строения, обращённых к изумлённым терраформировщикам и «Аллегану» квадратами гигантских передних панелей. Затем на двух из них панели рухнули, толкнув ощутимый даже на расстоянии поток воздуха, а вслед за откинутыми панелями показались выдвигаемые из внутренних корпусов-ангаров широкие аппарели. И по этим широким сходням хлынул поток тварей, таких же, что видел командор «Аллегана» на видеозаписи с погибшего у Оазиса-18 крейсера Солнечной. Только теперь их можно было рассмотреть детально, во всей красе. Или же — во всём уродстве, настолько невероятном, что казалось красотой.

— Не успели... — только и смог сказать командор интенданту «Аллегана», который вычищал последние склады станции, собирая запасы питания, вещи, аппаратуру и прочие материалы для перемещения в глубь лабиринтов Мегтидо.

— Да уж... Послал нам космос братьев по разуму, — отозвался интендант, не прекращая своего занятия и не ощущая пока никакой угрозы, что могла бы исходить от странных созданий. — Вот и ответ на вопрос — одиноки мы или нет во Вселенной. Чего теперь будем делать?

— Заканчивать погрузку, — сцепив зубы, напряженно всматриваясь в экран внешнего обзора, сказал командор. И тут же пере-

ключил коммутатор, выходя на связь с террастроителями: — Группе грейдеров — развернуться фронтально к нашим гостям. При первом же признаке враждебности, давите их, сколько сможете! Подвижным буровым платформам — выстроить ряд за грейдерами, приготовить установки к работе!

В полутора километрах от «Аллегана», неуклюже разворачиваясь навстречу чужакам, становились в линию двенадцать грейдеров, выставляя ножи, будто щиты. За ними, подчиняясь приказу командора, с неохотой выползая из только что проделанных пещер, вращая огромными башнями, похожими на орудийные, становились буровые платформы. Террастроители, тоже не ощущая угрозы, с изумлением осматривали в визиры инженерной техники три странных корабля. Один бездеятельный, застывший, и два других, из которых появлялись всё новые и новые твари.

Дистанция до места посадки десантных транспортов составляла около двух километров, и первые волны пришельцев, стелющихся над самой поверхностью грузовой площадки, уже катились навстречу террастроителям, быстро-быстро сокращая это расстояние.

— Это что за твари? — удивлялись в рабочих отрядах, выхватывая друг у друга из рук всевозможную оптику.

— Как будто блестящие аскариды-переростки!

— Во-во! Нас ведь загнали в самую задницу Галактики, а какая же задница без глистов?

Командор выхватил на экране одну из движущихся фигур, задал многократное увеличение и постоянное слежение за выбранным объектом. Теперь одну конкретную особь можно было разглядеть детально.

Тварь имела примерно пять метров в длину, тело её располагалось горизонтально над поверхностью и являлось будто бы техногенным гротескным червём. Дождевой червь-переросток — это самое близкое сравнение, которое нашёл для себя командор. Диаметр туловища оказался невелик по сравнению с длиной — примерно треть метра в обхвате. Но это туловище волнообразно и очень энергично сокращалось, благодаря чему, собственно, и происходило передвижение.

Никаких конечностей, никаких явно выраженных признаков зрительных, обонятельных, дыхательных органов, как и органов слуха. Тварь казалась слепой. Но вместе с тем её туловище прикрывали кольцевые сегменты, явно искусственного происхождения. Кольца-сегменты блестели, отражая дневной свет, а заодно

изменяли свои размеры при каждом перебегании мускульной волны, как будто сделанные из эластичного металла. Странное сочетание, но именно так всё и казалось со стороны. При ширине кольца в те же тридцать сантиметров, сегменты то вдруг увеличивались, становясь метрового диаметра, то опадали до начального размера. С увеличением диаметра уменьшалась ширина. Ещё на каждом кольце-сегменте присутствовали небольшие отростки, будто отогнутые зубья, между которыми перебегали слабые искры статических разрядов.

— Надо же! Ползучий кошмар какой-то! — прокомментировал интендант. — Черви! В броне, как средневековые рыцари. Без рук, без ног. Да и головы я тоже не наблюдаю. Как же они вообще сумели эволюционировать из примитива в разумные существа?

— Ну, это ещё неизвестно, — ответил командор, — разумные они или нет... Может быть, настоящие пришельцы управляют кораблями, создают звёздную технику, а это — какие-нибудь прирученные звери, вроде охотничьих собак.

— В такой сложной оболочке? Не верится... Да и действуют они совсем не как звери, смотрите! — интендант кивнул на другой экран, где отражалась вся картина в целом.

Покидая аппарели-сходни (сейчас их вернее было бы назвать «сползнями»), твари вытягивались в цепочки, которые даже могли пересекаться, но не перемешиваться. Будто несколько рек разного цвета соприкасались друг с другом, а после расходились, сохраняя каждая свой цвет. За этим чувствовался свой особый порядок.

— У охотничьих собак есть, например, ошейники, а рыцарские кони, если вспомнить средневековье, покрывались защитными пластинами. А ещё существовали боевые слоны со специальными башнями для стрелков... Любую разумную тварь можно приучить держать строй...

Но потом, вслед за потоком огромных червей, по аппарелям транспорта выкатились на поверхность Мегидо несколько аппаратов более чем странной конструкции. Каждая такая конструкция представляла соединённые тонкими перемычками несколько шаров трёхметрового диаметра. Будто механические четырёх- и пятисуставчатые муравьи, отметил командор. Аппараты имели явно гравитационную тягу, потому что двинулись прямо поверх скользящих, сокращающихся червей. Некоторые из шаров оказались прозрачными, и внутри них, скрюченные в позе эмбрионов, находились такие же самые черви, только без стальных трансформирующихся колец.

Прямо во время движения аппараты начали изменять конфигурацию, и на поверхности шаров обнажились овальные ниши с выступающими из них тонкими чёрными жалами, из которых хлестнули лазерные плети.

Сомнений почти не осталось. Персонал «Аллегана» атаковали существа, обладающие разумом, существа, взлетевшие по собственной лестнице эволюции к звёздам, а теперь рушащиеся со звёзд на голову человечеству. Их кольца-сегменты — разновидность изменяемой брони. А соединённые в короткие цепочки шары — боевые машины с лазерным оружием.

— Не успели... — снова повторил командор.

Глава 13
ПЕРВЫЕ ИСКРЫ. СВОЙ–ЧУЖОЙ

Шкип очнулся в просторном офицерском салоне медблока. Его гравикойка располагалась прямо по центру, а рядом, сияя медицинской белизной, пустовало девять других коек.

У нас такой стерильности не было, подумал Шкип, вспоминая лазарет Большой Мамы. Там, на Центральном Модуле, медблок ютился между взлётной палубой и ремонтными отсеками — чтобы не терять время, когда садился очередной добытчик, чей корабль помяло глыбами Листопадного Зала. Такого невезучего — сразу в лазарет, а его корабль — в ремотсек. Ни то, ни другое помещение, как правило, никогда не оставались пустыми. Больных добытчиков не бывает, любил приговаривать старший медик, бывают только травмированные...

Но это уже — в прошлой жизни. Шкип лежал, вытянувшись во весь рост, смотрел в ослепительно-белый и на удивление высокий потолок. Он думал обо всём сразу и ни о чём. Мелькали события прошедшего дня, приходили обрывающиеся, ускользающие мысли о том главном, что изменило привычное положение вещей и стучалось чужими звуками эфира в будущее человечества.

Боль в плече утихла, остальные конечности тоже оказались в порядке. Шкип пошевелил руками и ногами, убеждаясь в этом. Правда, слегка туманило голову, но, скорее всего, так действовали препараты, которые вернули его в норму.

Как только он собрался встать, дверь салона ушла в сторону, и к нему явилось трое посетителей. Два офицера флота, один из

которых имел эмблему медслужбы, и ещё один, высокий тип в зелёном халате, наброшенном поверх чёрного костюма. Шкип отметил, что зелёный халат идёт высокому, как бантик мамонту. Настолько велик был посетитель, настолько нелепо смотрелся на нём обязательный атрибут посещения медблока...

— Ну вот! Я же говорил — пару часов, и мы поставим его на ноги, — довольным тоном проговорил медик.

— А что всё-таки с ним было? — спросил человек в накинутом халате. — Он ранен? Контужен?

— О, ничего такого... Сильный нервный срыв, плюс последствия большой полётной перегрузки... Немного разбито лицо, парочка вывихов... Теперь он в полном порядке, вы можете говорить с ним сколько угодно.

Выполнив миссию, заодно полюбовавшись результатом своей работы, медик поспешно ушёл, оставив Шкипа наедине с двумя наверняка важными персонами. Поймав пристальный взгляд высокого в халате, Шкип понял, что он вытащил бы Шкипа на разговор и говорил сколько угодно, даже если бы пилоту оторвало руки-ноги, да и голову в придачу.

— Что у тебя в трюме, добытчик? — без предисловий, без всяких приветствий, словно они были ненужными формальностями, прямо с порога спросил человек в халате.

— Несколько тонн подарков для Военно-космических сил... — Шкип вскочил с койки, с удивлением обнаруживая, что вместо полётной форменки его ожидает комбинезон пилота ВКС.

— Значит, подарки... — высокий сел на соседнюю койку, продолжая так же бесцеремонно разглядывать Шкипа.

Вошедший вместе с ним офицер подошел к другой койке, но садиться не стал, доставая из кейса портативный компьютер.

— А вы, наверное, уже решили, что я протащил через Прилив какого-нибудь Троянского коня? — Шкип усмехнулся, оставаясь в одном белье, не притрагиваясь к флотскому комбинезону.

— Ну, для Троянского коня эта штука прибыла в сильно разобранном виде, — наконец-то подал голос и офицер, а после всё-таки представился: — Полковник Рено, старший аналитической группы, а это — капитан Плант, сотрудник Комитета Глобальной Безопасности. Можешь называть его мистером Смитом, он не обидится.

— К вашим услугам, господин полковник Рено и господин мистер капитан Плант-Смит, — без всякой улыбки ответил добыт-

чик. — А я пилот Шкип, караванный звена добытчиков «Стар-Квеста». Можете называть меня безработным, я не обижусь.

Оба вошедших, и аналитик, и агент КГБ, рассмеялись.

— Принято, караванный! Но только, кажется мне, без работы ты не останешься. Сейчас её очень много навалилось. Во флоте полно вакансий пилотов. Ты как? Наверное, даже не мечтал когда-нибудь управлять боевым истребителем, а? — губы полковника ещё смеялись, а вот глаза — уже нет.

Глаза выдавали его с головой. Шкип понял, что в аналитике сейчас живёт самый неподдельный страх перед неясным будущим. Страх и надежда узнать что-то очень важное, как будто от него, от Шкипа, сейчас зависело — узнает или нет Солнечная тайный рецепт победы?

— Вы специально пришли, чтобы завербовать меня в пилоты ВКС? Уж действительно — не мечтал и не мечтаю... Или спросить — как легко, на два счёта можно завалить вражеский корабль-волчок, почти такой же, что у меня в трюме, только неповреждённый, с полным комплектом ракет, с лазерами, с полётным и тактическим вычислителями, что нам пока и не снились?

— Оставим в покое, что кому снилось, у нас тоже хватает и лазеров и ракет...

— Ладно, оставим... Что касается вашего намёка — в истребители я не гожусь. И вы должны это прекрасно понимать. У всех добытчиков проблемы с субординацией. А вот что касается вашего вопроса... Вы же желали задать именно такой вопрос, да? Отвечу откровенно: сбить волчок пришельцев можно только случайно. Потому что наше вооружение не сравнить с их вооружением, уж не знаю, на какие такие секретные разработки вы намекали, но всё, что я видел до сих пор, а видел я многое, не идёт ни в какое сравнение. Кстати, я укокошил две такие штуки. Вернее, одна из них сама укокошилась, врезавшись в астероид. А вот этого, разобранного, я сбил только потому, что он сам прекратил атаковать. Думаю, меня хотели взять в плен.

— В плен? — оживился Плант. — Вы уверены? Для чего им?

— Абсолютно уверен. Они могли добить меня сто раз, вместо этого попытались захватить гравитационными арканами. А для чего я им понадобился — не знаю. Для опытов или в качестве трофея... Я же говорю — спасся абсолютно случайно.

— Хороши случайности! — снова хохотнул капитан, но смеялся он теперь в одиночку. — Если каждый рудодобытчик может вот так,

случайно, уничтожить сразу два корабля, то нам больше не о чем мечтать.

— Есть! Есть о чём мечтать! — чуть ли не выкрикнул Шкип. Его внезапно разозлил и этот взгляд, в упор, и вальяжный смех при такой теме, и потуги делать вид, будто ситуация под контролем, и сейчас вот-вот разрешится окончательно. — Десять больших кораблей флота по эту сторону Прилива, в то время как с другой стороны они жгли всё подряд — добытчиков и круизные лайнеры! Они провели бомбардировку Эйфории-четыре, уничтожив всех, кто находился на планете и рядом с ней. Они переколотили все «Трайды» в Листопадном Зале, у Лахо, уничтожили Центральный Модуль, а после начали забавляться, собирая трупы и изменяя орбиты астероидных полей. Теперь там, у Лахо, такой весёленький каменный ад, можете смеяться...

— А про Эйфорию ты откуда знаешь? — игнорируя сарказм Шкипа, спросил Плант.

— Мне успел рассказать командор круизного лайнера «Селена»...

Плант с полковником переглянулись.

— Значит, ты видел, как погибла «Селена»?

— Не только видел. В моём полётном компьютере есть полный отчёт командора круизёра. Он успел скинуть информационный пакет, перед тем как забросить меня в Прилив, сам бы я не дошёл... В пакете запись с Эйфории и всё, что творилось на «Селене»...

— А почему же они сами не вошли в Прилив?

— У них не было времени. Лайнер захватили какие-то твари, не успел рассмотреть... Пришельцы взяли их на абордаж. Все пассажиры были мертвы ещё до того, как лайнер появился в Листопадном Зале, убежав с Эйфории-четыре... Ну, или почти все были мертвы, — уточнил Шкип, вспомнив несколько человеческих лиц, прижавшихся к обзорному экрану маленького помещения. — Но даже те, кто ещё жил, всё равно были обречены...

— Почему ты так считаешь?

— Лайнер шёл с разгерметизированными салонами, весь в пробоинах, эвакуация уже была невозможна... Командор сказал, что ему уже нет смысла спасать пассажиров, потому что спасать некого, корабль захвачен, и что управление ведётся через дублирующие системы. Они ведь заперлись в рубке управления, но долго тоже держаться не могли... Командор узнал, что лежит в моём трюме, скинул информационный пакет и принял решение запечатать Прилив...

— Говоришь, к тому моменту выживших не осталось... — задумавшись о чём-то своём, проговорил полковник. — Расскажи об этом генералу. Сам расскажи. Обязательно сделай это. А то он не выдержит...

— Зачем это? Не выдержит чего? Что не решился без приказа защитить всех, кто так нуждался в помощи, в Листопадном Зале? Я же говорил, там не только «Селена», там ещё добытчики и персонал Центрального Модуля. Они убивали всех подряд! Вот только одного не пойму — как мне дали пройти через всю локацию и оставили в живых...

— Тебя спас твой груз, добытчик. Мы уже забрали его... Истребитель, который ты случайно, не случайно, но — сбил, имеет что-то вроде системы «свой—чужой». Она, кстати, до сих пор активна и подаёт сигналы. Твой груз отправлен в Солнечную, там его разберут на молекулы, но узнают, как побеждать не только благодаря случайностям... А генерал... У него действительно был важный приказ — блокировать Прилив. Отказ от исполнения, нарушение приказа — верный трибунал. Это флот, добытчик. И корабли флота — не личная собственность генерала, чтобы распоряжаться ими как захочется... Про «Селену» ничего не было известно, тем более, не было известно, что она вырвалась с Эйфории-четыре. А в числе пассажиров была семья генерала... Так что ты скажи ему, ладно? Что выживших уже не было...

— Я не знал... — проговорил Шкип, вспоминая, какие слова пришлось выслушать генералу.

Но в душе его всё равно бродила тёмная обида. «Селена» — всего лишь круизный лайнер. Он мог остаться навсегда на Эйфории-4, мог не добраться до Листопадного Зала, эфир глушили пришельцы, и ничего этого известно здесь не было. Но чёрт возьми! Зато им было отлично известно про Модуль «Стар-Квеста»... Пока генерал будет оплакивать свою семью, кто-то будет оплакивать и добытчиков «Стар-Квеста»... Потом Шкип сделал глубочайший вдох, отгоняя все эти мысли, и пообещал:

— Я обязательно ему скажу...

— Ты сделаешь великое дело, добытчик. А теперь, раз уж мы здесь встретились, давай поговорим вот о чём...

Глава 14
РУКОПАШНЫЙ ДЕНЬ. ЛУЧШИЕ ПО ПРОФЕССИИ

Когда раздались первые крики, Мартин с Роем только вынырнули из-под обширных облаков, скопившихся за обратным скатом горной гряды. Используя архаичную длинноволновую связь, они поддерживали контакт с георазведчиком. Ти-Патрик держал свой модуль в гуще облаков в верхних слоях где-то в стороне. Хотя это, конечно, больше играло психологическую роль, чем давало надёжное укрытие. И на «Хулигане» и на георазведчике со страхом ждали одного-единственного сигнала на оговоренной частоте. Сигнала к сбросу контейнеров, который должен подать транспорт.

На случай, если транспортный корабль окажется уничтожен раньше времени, существовал второй вариант: эфирные посты транспорта и «Аллегана» отправляли короткие импульсы. Как только оба маячка прекратили бы работу, это означало, что станция и транспорт окончательно уничтожены, либо захвачены. Это же свидетельствовало бы и о том, что люди на поверхности Мегтидо, даже если к тому времени останутся выжившие, обречены...

Где-то на орбите, словно загнанные в угол, два крейсерских корабля Солнечной готовились к последнему раунду смертельного поединка. У них тоже не имелось никаких шансов. Но всё же, на случай, если «Хулиган» или георазведчик Ти-Патрика уцелеют и проведут бомбардировку, им предлагалось идти на соединение с крейсерами. Наверное, для того, чтобы разделить участь боевых звездолётов. А ещё, точно так же не зная событий, происходящих внизу, вертелись где-то в облаках остальные миниджеты, прорвавшиеся к Мегтидо, готовые сбросить контейнеры.

Поскольку такая неопределённость внушала неуверенность, Мартин с Роем убедили экипаж Ти-Патрика в том, что будет лучше, если хоть кто-нибудь подтвердит необходимость окончательной бомбардировки. Спуск и подъём на форсаже мог осуществить только «Хулиган», потому что днём раньше Рой принял двойной запас активного вещества и мог осуществить «атмосферный» старт, когда расход квазеров увеличивается сразу в несколько раз при работе движков в атмосфере. Теперь «Хулигану» осталось только перевалить через гребень, чтобы оказаться над грузовой площадкой.

— Ну что, Мартин? Ты готов?

— Увидеть то, что происходит на площадке? Наверное, к такому нельзя быть готовым. Ты, главное, прижимайся к склонам, чтобы нас не засекли. Но и не рискуй зря.

— Справлюсь, Март. Приготовься к спуску. Хотя, возможно, нам и не придётся опускаться к самой площадке, и мы увидим всё, что нам нужно увидеть, прямо с вершины.

— С вершины точно не увидим. За тем скатом такие же облака...

— Разберёмся. Ну, что? Пять, четыре, три, два, один...

Пилот аккуратно повёл модуль на планетарной тяге, приподнял его над самым высоким пиком и повёл вниз, впритирку со склонами горы.

— Как, Март? Ты что-то видишь? Мы в четырёх километрах от поверхности.

— Нет, пока мешают облака, но сканер показывает присутствие на площадке трёх посторонних объектов.

— Трёх? Почему трёх? Это кто же успел постараться? Садилось-то четыре десантных транспорта!

— Ты прав. Кто-то постарался. Но было бы намного лучше, если б не сел ни один.

— Временная мера. Последний бокал вина перед казнью. Пришельцы полностью господствуют в локации. Приливы закрыты, спешить пришельцам некуда. Чуть позже высадят вторую группу десанта... Я вообще не понимаю, зачем они его сажают? Могли бы расстрелять Купола и «Аллеган» с орбиты... А так, почему-то нам приходится это делать...

— Хотят познакомиться с нами поближе, посмотреть, на что мы способны в рукопашной схватке. Готовятся к другим боям, набирают опыт. Не знаю. Но точно знаю, что... О, чёрт! Мартин! Смотри! Да что же это такое?

«Хулиган» прошёл сквозь облако, цепляющееся за скальные выступы, и тут же заработала оптика, выдавая полную картину происходящего на площадке.

Там, внизу, шло самое настоящее сражение!

Две волны сверкающих гибких тел пытались захлестнуть островки сопротивления терраструителей. Площадка заполнилась мельканием лазеров: резаки рабочих против оружия врага. У пришельцев оказались какие-то скрытые излучатели, расположенные прямо на туловищах. И каждое тело в эластичной броне, повторяющей любое движение, искрило лазерными импульсами во все стороны.

Сознание оказалось неспособным охватить всю битву целиком, в голове у Мартина и у Роя мелькали лишь разрозненные фрагменты, что выхватывала услужливая оптика.

Вот, используя груду металла, в которой угадывались очертания разбитой горнопроходческой машины, отряд террастроителей с лазерными резаками в руках отражает натиск трёх тварей. Разбитая машина стала чем-то вроде баррикады... К этой баррикаде, нависая над площадкой, плывёт странная конструкция, явно неземного происхождения. Четыре тёмных шара, с поверхности которых срываются частые смертоносные лучи. Там, где она прошла, не осталось никого живого. Но ей наперерез уже вышел тяжёлый грейдер, задравший свой нож к самому небу. Как молот, который вот-вот должен опуститься...

Буровая платформа, покрытая клубами дыма, сквозь видны языки пламени, продолжает бессмысленно бить в корпус другого суставчатого аппарата пришельцев. Два из четырёх шаров вскрыты лазерным буром, пробиты насквозь. Похоже, эти два противника уничтожили друг друга. Кабина оператора на платформе отсутствует, словно её там никогда не существовало, и платформа будто зациклилась, неуправляемая в слепой ярости, выжигая внутренности уже мёртвого врага...

С натужным воем сервомоторов, грейдер всё-таки успел опустить нож, разрывая цепочку шаров. Но к нему скользнуло несколько червей, добравшись до кабины оператора...

— Март! Куда нам?
— Не знаю, давай к «Аллегану»!
— Нас сожгут в воздухе!
— Обойди по дуге, тварям сейчас не до нас...
А у «Аллегана» разворачивались другие события.

План спасения персонала в карстовых лабиринтах выполнялся, несмотря ни на что. И несколько грузовых платформ, заполненные под самую завязку, всё-таки успели попасть в центральный тунель недостроенного муравейника. Теперь они уходили всё дальше и дальше внутрь горного массива, и вместе с платформами ушёл пассажирский «Валентайн».

Оказав сопротивление на подходах к куполам, где всё ещё стояли фуршетные столики и гремела музыка, персоналу «Аллегана» удалось отвлечь пришельцев. Когда несколько тварей кинулись вслед за грузовыми платформами, их встретили новые игроки на этой шахматной доске смерти...

Военный транспорт, до сих пор не подававший признаков активности, распахнул посадочные шлюзы в самый критический

момент. И оттуда высыпала рота штурмовой пехоты, случайно оказавшаяся в локации Мегидо после учений на каком-то планетоиде-полигоне.

Штурмовики шли в полной выкладке, спускаясь по сходням единой шеренгой, но после рассредоточиваясь, открывая огонь, используя преимущество во внезапности и то, что они атаковали врага с тыла.

— Вот и девочки к нашему празднику! — нервно переминаясь с ноги на ногу, будто пританцовывая, сказал интендант, находящийся рядом с командором на мостике.

Им всем, отрезанным от места основной схватки, запертым в «Аллегане», оставалось только наблюдать, чем всё закончится, хотя исход был уже ясен: со стороны транспортов врага шла новая волна атакующих...

— Главное, чтобы успели платформы со снаряжением, — ответил командор. — Женский персонал уже отправлен в лабиринт, а пехота... Было бы замечательно, если бы они смогли продержаться хотя бы десять минут, отвлекая тварей от эвакуации.

Они продержались пятнадцать. Пехотинцы плотным огнём штурмовых винтовок разметали в клочья не меньше десятка бронированных червей, что пытались сжечь грузовые платформы. Потом их захлестнула вторая волна, и каждый штурмовик оказался предоставлен сам себе. Ни о каком едином командовании уже не могло быть и речи! Пришельцы, словно почувствовав, что это — последние, и что больше некому вот так внезапно атаковать их с тыла, метнулись в общую свалку у противоположного подножия. Но некоторые остались рядом с «Аллеганом», приступая к выжиганию прохода внутрь. Им на помощь откатилась из гущи сражения четырёхсуставчатая машина, чьи лазерные установки действовали, как резаки, вгрызаясь глубже и глубже в корпус «Аллегана», как раз там, где находился грузовой люк.

— Скоро они будут здесь, — наблюдая за быстротой, с которой твари резали корпус, прокомментировал интендант. — А на станции осталось около сотни человек...

— Как — около сотни? — опешил командор. — Я ведь приказал всем покинуть «Аллеган»!

— За всеми не уследишь, — развёл руками интендант.

Он уже перестал нервничать, видимо, свыкшись с мыслью, что скоро ему придётся погибнуть. — Не могли же мы насильно тащить людей под Купол? Кто-то решил отдохнуть, люди ведь устают друг от друга. Кто-то просто захотел выспаться, надеясь

на два других праздничных дня... Кто-то, возможно, готовит сообщения знакомым и родственникам, дожидаясь, когда наладится связь...

— Понятно. Дежурный диспетчер на месте?

— Да. Он вызвался продублировать отправку сигналов для джетов... запускать фейерверки...

— Пусть заодно посмотрит — кто из оставшихся где находится. Пора устроить общий сбор у грузового люка. Не можем ведь мы вот так, сложа руки, смотреть, как к нам на «Аллеган» лезут непрошеные гости?

Находящиеся на мостике одобрительно загудели.

— Согласен, ком! — теперь интендант, пройдя состояние паники и стадию спокойствия, впал в состояние возбуждения, чувствуя, как руки сами просятся хоть к какому-нибудь делу.

— У тебя ещё что-нибудь осталось? — командор потрогал кобуру с табельным «глоком». — Что-нибудь получше этих хлопушек?

— Найду, командор... Только прошу не подумать, что я готовил какой-то мятеж на «Аллегане»... Так, немножко штурмовых винтовок, несколько ручных бетонобоек, парочка плазменных гранат...

— Немножко винтовок, говоришь? Ладно, поверю на слово, что никакого мятежа не готовил, — командор подмигнул интенданту.

— Всем оставшимся на борту станции! Внимание! — загремел, покатился по каютам и коридорам голос диспетчера, говорившего на канале экстренного вызова. — Передаю приказ командора! Внимание! Всем оставшимся на борту...

В это же время, истрёпанные схваткой террастроители, чьи ряды значительно поредели, да и в лазерных резаках и других подходящих инструментах закачивались энергетические обоймы, по одному, по двое, разрозненными группами спешили укрыться в лабиринтах Мегтидо. Инженерная техника всё-таки успела пробить начальные полости, и там, в глубине рукотворных залов, обнажились проходы, ведущие куда-то в неизвестность..

Скоро этот отход должен был перерасти в повальное бегство, и тогда тварям останется лишь прикончить прекративших сопротивление землян. А пока только первые десятки уходили всё дальше и дальше, вглубь и вглубь, не гадая, какая судьба их ждёт дальше. Те из них, кто сохранил часть энергии в обоймах, и обнаружив, что отход не остался незамеченным, рушили своды

пещер, отгораживаясь от преследователей. Но тут обнаружилось феноменальное свойство инопланетных чужаков, которые, как оказалось, умели пробивать себе дорогу даже через каменные завалы. Для червей-инопланетян это было тяжёлым, но привычным делом. Так же, как для обычных земных червей было привычным просачиваться сквозь почву.

Пришельцы умели прокладывать туннели, пропуская сквозь себя с сумасшедшей скоростью каменную породу. И оставалось только надеяться, что в разветвлении пещер они потеряют след. Залп резака снял со свода пещеры огромную глыбу-сталактит. А дальше — две пещеры, два неровных извилистых коридора, налево и направо. Может быть, в конце какого-то из них тупик. Может быть — всё зря, потому что даже не у всех спасшихся имелись кислородные обогатители. Да и сколько можно продержаться в подземном лабиринте, в полной темноте, гнетущей тишине, в которой рождаются галлюцинации, сколько можно здесь тянуть без пищи и тепла? Тем не менее они на что-то надеялись...

Залп! И рядом падает вторая глыба, перекрывая путь назад. А с той стороны завала уже слышны скребущие звуки, и двое замыкающих остаются перед развилкой, готовясь встретить уродливых, слепых, но безошибочно ориентирующихся в пространстве тварей...

— Ну что, вислозадые? — Шериф привёл свою группу к окраине центрального туннеля. Дальше начинался неизученный карст. — Здесь нам и оставаться.

Мимо прошла ещё одна загруженная платформа, усилив извечный пещерный сквозняк. Каждый охранник почувствовал себя попавшим на станцию подземки, откуда только что ушёл последний экспресс и других не предвидится.

Платформу тут же разгружали, передавая из рук в руки коробки, свёртки, упаковки с концентратами.

Шериф отобрал в группу самых сильных своих охранников. Сильных не столько физически, сколько морально. Он понимал, что сейчас только это качество сможет помочь в выполнении важнейшего задания, которое поручил ему командор.

— Значит, так... Разложить взрывпакеты у каждого входа в лабиринт, замкнуть в цепочку и приготовить к подрыву. Наша задача — как только пройдёт последняя платформа, перекрыть пещеры и выйти навстречу врагу. Этим мы отвлечём тварей...

Он не стал говорить, что последний штурм, когда черви кинутся к центральному туннелю, одновременно и станет моментом отправки сигнала для бомбардировки. Сказать такое — слишком жестоко и слишком ненужно. Можно лишить человека смысла жизни, но никого нельзя лишать смысла смерти. Ведь каждый охранник группы знал, что его смерть не будет напрасной.

Снаружи, перед входом в центральный туннель, была уже выложена другая цепочка взрывпакетов. Активация детонаторов могла быть осуществлена любым из участников группы. Если бы погиб старший, нажать сенсор на собственном маленьком брелоке должен помощник. Когда не стало бы помощника — сигнал мог подать другой охранник. А чтобы избежать ситуации, когда некому будет запустить детонацию, Шериф решил замкнуть обе цепочки в единый контур и выставил замедление в пятнадцать минут. Ровно столько потребовалось им, чтобы дойти по центральному туннелю до начала неисследованных пещер. Теперь, через пятнадцать минут после срабатывания первой цепочки взрывпакетов, вторая закладка должна была замуровать и вход снаружи.

— Как мы узнаем, что прошла именно последняя платформа? — спросил кто-то из охранников.

— А вот сейчас спросим у эвакуаторов...

Шериф подошёл к террастроителю, отчаянно ругавшему кого-то по коммуникатору, и сразу понял, что перед ним и есть тот самый ночной возмутитель спокойствия, накидавший его охранникам по самое не хочу. Но теперь было не до старых обид, и эсвебеушник даже обрадовался, что имеет дело с таким здоровяком, который наверняка и здесь будет стоять до последнего.

— Почему не вышли? Ну-у, это неправильно! У грузового трапа?

Шериф понял, что Гризли — он вспомнил его имя — возмущён чьим-то отказом укрыться в пещерах. И был с ним согласен. Независимо от того, скольких тварей успеют положить оставшиеся на «Аллегане», это не более чем разновидность самоубийства. По подсчётам эсвебеушника выходило, что в лабиринт эвакуировано не больше одной пятой от общей численности персонала станции. Половина на половину, мужчины и женщины. Мужской состав — в основном вспомогательные службы, медицинская секция в полном составе, горные инженеры, специалисты исследователи-георазведчики, к ним должны были добавиться группы террастроителей, покидающие поле боя, если только смогут найти дорогу

со стороны противоположной горной гряды, пробравшись под грузовой площадкой. Но это в теории, только в самых оптимистичных прогнозах. Как оно будет на деле, и выживет ли вообще хоть кто-нибудь из этой одной пятой, половина на половину, — никто не знал. А десять сотен счастливчиков, — они разбивались на сотни, — разгрузив платформы, унося с собой всё, что только можно, уходили всё дальше и дальше, в неизведанный, нехоженый лабиринт.

— В чём дело? Когда нам закрывать проход? — спросил он у террастроителя-великана.

— Да вот... Командор и с ним ещё человек шестьдесят... Собрались у грузового люка, а с этой стороны к ним ломятся твари...

— Значит, платформ больше не будет, и ждать нам больше нечего? — уточнил Шериф.

— Неправильно это... Нужно командора спасти. Пока черви снаружи, заняты тем, что пытаются вползти внутрь, ударим сзади, освободим тех, кто остался на станции, и тогда уже...

— Освободим. Ага. И потеряем время. Сейчас — понимаешь? — сейчас, пока не поздно, нужно рвануть заряды, ведь скоро все-все твари поймут, что происходит, и ринутся сюда. Как, кстати, дела на площадке? Я потерял связь со своими группами... Не знаешь?

— Хреново на площадке. Бьют наших. Уже почти всех и перебили. Сволочи, такой праздник испортили!

Шериф изумился, что кто-то всё ещё верит в спонтанность произошедшего.

Он не знал, что четыре его группы, зажатые между горой и волной атакующих червей, отбивались до последней обоймы, прежде чем активировали плазменные гранаты. Теперь там, у подножия, полыхал погребальный костёр, в котором корчилось несколько червей, став жертвой для погибших охранников. Две группы всё ещё держались, прикрывая два последних уцелевших грейдера, которые выполняли роль активного щита, но при этом передавили уже около десятка червей. И только одна группа, практически в полном составе, успела скрыться в пещерах на той стороне, прикрывая отход полусотни террастроителей. Отбившись от самых рьяных преследователей, что сунулись за ними в подземные лабиринты, истратив все до единой гранаты, группа уходила в темноту, решив не экономить энергию в нескольких фонариках. Впереди их ждал очень долгий путь...

— Так ты поможешь или как? — спросил Гризли, словно речь шла о каком-то пусть трудном, но, в общем-то, обычном деле. Вроде переноски тяжестей.

— Не дури, строитель. Полтора километра до «Аллегана», там, на месте, ещё неизвестно, как всё сложится. Тебя ведь всё равно засекут. А потом, даже если повезёт, обратно мы точно не успеем...

— Ясно. Значит, не поможешь. Ну, тогда я сам, со своими ребятами. Эй! Задохлики! Чего расселись? Нужно сходить за командором. Давай выкатывай платформу побольше, поедем с комфортом!

Энергия спокойной уверенности, исходившая от Гризли, оказалась настолько мощной и настолько заразительной, что все терраструители, находившиеся в центральном туннеле, которые ещё секунду назад ловили воздух ртами, словно выброшенные на берег рыбы, вскочили на ноги.

— Твою мать... Ну надо же! — выругался Шериф.

Он понял, что Гризли не переубедить, да и ни к чему переубеждения в таком благородном деле. Прав он, этот наивный детина в рабочей спецовке, сшитой по особому заказу. На все сто прав. Похоже, он уже начал идти по своей авеню. Но тогда — зачем здесь группа Шерифа?

— Стой! Назад! — эсвебеушник шагнул к терраструителям, протягивая свою дыхательную маску. — Тут батарея часов на пять-шесть. Советую меняться по очереди. Я пойду. А ты и твои ребята забирайтесь-ка в пещеры. Там, в лабиринте, ваши резаки будут полезней моих винтовок.

— Ну, это другое дело, — одобрительно прогудел Гризли. — Значит, вместе пойдём... Сейчас только взвалим эту штуку на платформу, и...

Рабочие остались стоять, и никто из них не решился принять кислородный обогатитель Шерифа.

— Вам что? Десять раз нужно повторять? — крикнул Шериф. — Если и делать попытку, то... Только несколько человек, больше не нужно... — а после обратился к своей группе, задав единственный вопрос: — Кто?

Когда от серых стен туннеля отодвинулась последняя фигура и все десять человек выстроились в шеренгу, Шериф понял: пришельцам никогда не одолеть Солнечную. Может быть, пройдёт не год и не два, может быть, пройдёт несколько лет. Но пока в человеке жив инстинкт самопожертвования, не управляемый разумом,

всегда найдётся кто-то, кто станет на рубеж огня, даже зная, что ему никогда уже оттуда не вернуться.

— Двое останутся. Если удастся отправить сюда хоть кого-нибудь с «Аллегана», их нужно будет встретить. И взорвать тут всё к чертям.

Поняв, что эту задачу охранники, накачанные «коктейлем патриота» решат не скоро, Шериф дважды ткнул пальцем.

— Ты. И ты. Если через пятнадцать минут мы не вернёмся, — закрывайте проход и уходите. И в любом случае закрывайте проход, если заметите, что черви направляются к центральному туннелю. А ты куда? — он обернулся к Гризли, который уже примеривался, куда загрузить свой громоздкий аппарат.

— А что я? Как это — куда? Туда. Потому что вам не управиться со стационарным пробойником. А там, кроме червей, которых ещё можно хоть как-то завалить, есть вот эта, как её? Ну, связка яиц без ножек, так что...

— Ладно. Принимается. Нужна ещё одна, а лучше две платформы. На чём-то нам нужно ведь будет возвращаться назад?

— Так это... Возле «Аллегана» осталось несколько...

— Это если их не уничтожили черви.

— Точно! Как я сразу не подумал!

— Всё, погнали! Долгие прощанья — тяжкая дорога... Провожающие пусть лучше отправят нам вслед платформы.

— Ну, погнали, — согласился Гризли и помахал рукой своим товарищам. — Мы это... Мы быстро. Туда и обратно! — но после подумал и добавил, отстёгивая свою флягу: — А это так, на всякий случай, не пропадать же добру?

И платформа, кренясь на левый бок из-за того, что слева расположился Гризли с пробойником, поплыла в сторону «Аллегана».

Глава 15
ПЕРВЫЕ ИСКРЫ. НАГРАДА ЗА УДАЧУ

На протяжении часа Шкип торопливо отвечал на вопросы, задаваемые попеременно то офицером-аналитиком, то агентом Глобальной Безопасности. Он понимал, что в условиях полной неразберихи и неясностей, что царили сейчас повсеместно, любая мелочь, любой нюанс и любое свидетельство очевидца могут оказаться важными.

Насколько стало понятно Шкипу из разговоров, таких очевидцев, вроде него самого, которые видели врага, столкнулись с ним и сумели выжить после этой встречи, было крайне немного. В основном — пилоты небольших кораблей, что объяснялось очень даже просто. Многие командоры больших звездолётов понимали, что случится, если враг пойдёт дальше, от Прилива к Приливу, захватывая всё новые и новые локации. И они подрывали реакторы, закрывая приливные точки. Но это — если им удавалось дойти до Прилива, потому что чаще случалось обратное. Враг, обладая великолепными боевыми звездолётами, несущими мощное вооружение, и используя фактор внезапности, уничтожал в первую очередь крупные корабли Солнечной, не позволяя им уйти из локаций. Немногим из командоров удавалось при этом спасти экипаж и пассажиров.

Дальние колонии спешно эвакуировались. Причём было очень тяжело, практически невозможно определиться, какие локации могут подвергнуться нападению в дальнейшем. Потому что враг использовал только ему известные приливные точки, пока ещё не обнаруженные исследовательским флотом Солнечной, а потом звездолёты пришельцев шли в обычном пространстве, преодолевая огромные расстояния, и атаковали колонии и промышленные районы. Например так, как это случилось на Эйфории-4 или в Восьмом Гроте.

Впрочем, Шкипу открылось не так много откровений. Частично из-за того, что и аналитику и агенту ГБ, многое самим не было известно. Но даже той частью разрозненной информации, которой они обладали, они не торопились делиться со Шкипом. А вот от него самого требовалось очень многое: многое вспомнить, многое пересказать, заново переживая события этого дня.

— Вы были на хорошем счету у своих подчинённых, — задал вопрос капитан Глобальной Безопасности, — почему же никто из них не пошёл за вами, когда исчезла связь со смежной локацией?

— Я думаю, они были атакованы сразу после того, как я отправился в Восьмой Грот. Только откуда вам известно, как относились ко мне добытчики?

Шкип сознательно опустил слово «подчинённые», потому что вкладывал в него совсем другой смысл. Для добытчиков подчинение означало в первую очередь доверие и уважение, а вовсе не слепое выполнение команд. Чтобы получить статус караванного, есть только один путь — доказать, что ты достоин такого статуса. Можно всю жизнь провести в Дальнем Внеземелье на рудодобыче, но так и не стать караванным. Не то что во флоте или прочих госу-

дарственных структурах: приходит время, и очередная бездарность получает очередную лычку...

— Так откуда вам известно, кто и как ко мне относился?

Полковник с агентом переглянулись, и при этом оба как-то удивлённо хмыкнули.

— Ты говорил, что не обнаружил ни одного «чёрного ящика» с кораблей, уничтоженных в том самом Гроте...

— Не обнаружил, — со вздохом подтвердил Шкип. — И мучился вопросом — не сделали ли мои ребята чего-нибудь такого, что подтолкнуло пришельцев к нападению...

— Ты и сейчас так считаешь, что они могли спровоцировать агрессию?

— Нет, сейчас уже нет. Не считаю. Не могло же получиться, что абсолютно во всех локациях, которые подверглись нападению, пришельцев к этому спровоцировали? К тому же — их корабли... Они имеют слишком явно выраженное боевое предназначение... И атаковали они одновременно и во многих местах. Да и ребята... Нет, я не считаю, что они умудрились сделать что-то неправильное. Но всё же...

— Ладно, добытчик. Ты заслужил право это знать... «Чёрные ящики», все пять, подобрал тот корабль чужаков, который ты потом уничтожил. Всё это время «чёрные ящики» были рядом с тобой, в грузовом трюме.

— И я могу взглянуть, что там есть? — оживился Шкип.

— Увы, нет. Мы отправили их по срочному запросу в Генеральный Штаб ВКС. Но часть информации всё же просмотрели. Атака была внезапной. Твои ребята даже не успели понять, что произошло...

— Так я и думал... — услышав такое известие, Шкип почувствовал облегчение.

— Кстати, а почему ты постоянно называешь истребители пришельцев волчками? Ты имеешь в виду, что они — как маленькие звёздные волки?

— Нет, полковник. Я рос в таком месте, где волчками называли игрушечные гироскопы.

— Ах, вот оно что! Наверное, мы с капитаном росли в других местах... Странное название для боевого звездолёта, к тому же — очень грозного звездолёта!

— Не знаю, — пожал плечами Шкип. — Назвал, как назвал. Ещё они мне напомнили ткань для пошива, из-за ребристых надстроек.

— Ткань? Игрушка и пошивочный материал? Странно... Очень интересные ассоциативные связи, — удивился аналитик.

— Ничего странного. Восемь месяцев назад я был в Солнечной. На Земле как раз была мода — шить одежду из... как его? — Шкип даже прищёлкнул пальцами и неожиданно вспомнил слово, что ускользало от него всё то время, пока он играл со смертью в Восьмом Гроте, а позже — и в Листопадном Зале. — Вельвет!

— Вельвет? Вельвет... — аналитик придал лицу согласное выражение, чуть выпятив губы, опуская книзу уголки, округлив глаза и вскидывая брови. — Как? — переспросил он агента.

— Вельвет? Звучит неплохо. Мне нравится, — согласился тот. — Послушай, добытчик, ты не против, если в нашем отчёте мы вместо слова «волчок» будем называть истребитель пришельцев «вельвет»?

— Валяйте, какая мне разница?

— Тебе, может быть, разницы никакой. Но, боюсь, что большинство лиц, которые станут читать этот отчёт, тоже не росли там, где всем хорошо известно, что такое волчок. Значит, договорились?

— Без проблем!

Шкип уже думал о том, как бы ему скорей попасть в Солнечную. В центральный офис «Стар-Квеста», а может быть, даже попытаться прорваться в Совет Доминанты «Амга-Заале». Для того чтобы осуществить только пришедший на ум замысел.

— Могу и я попросить об услуге? — при этом он вспомнил так понравившийся ему ответ командора «Селены» на такой же вопрос.

Командор сказал тогда: «Для тебя — что угодно, добытчик...»

— Если это в наших силах, — ответил офицер-аналитик.

— И если не принесёт вреда интересам Солнечной, — присоединил агент ГБ, втыкая в добытчика стальной немигающий взгляд.

Ну, понятно, решил Шкип, я ведь теперь носитель тайны, которая не сразу станет всем известна. И если вдруг решу продать какому-нибудь галактическому медиа-центру свою историю, со всякими откровениями и комментариями, то это наверняка посчитают сведениями, наносящими вред чьим-либо интересам. Тех же Военно-космических сил, например... И сразу же окажусь в списке «неблагонадёжных», а там и до Светоча рукой подать...

— Да нет, я только хотел попросить отправить меня как-нибудь на Землю. Вы же видели, что у меня с кораблём... А ещё я никогда не

беру кредитку в полёт, она всегда оставалась в менеджмент-офисе Большой Ма... то есть Центрального Модуля. Так что...

Полковник с агентом переглянулись ещё раз, теперь без хмыканья. Конечно, Шкип в их глазах выглядел героем хотя бы потому, что сделал в одиночку огромное дело. Экземпляр корабля пришельцев, с особью-инопланетянином! Полковник-аналитик, разговаривая со Шкипом и составляя при этом отчёт, всё это время внутренне дрожал от возбуждения. Ему не терпелось узнать результаты исследований вражеской техники, если, конечно, инженеры Солнечной не столкнутся с чем-то недоступным человеческому пониманию. Потому что невозможно сражаться с врагом, о котором ты ничего не знаешь. Звездолёты Солнечной гибли десятками в дальних локациях, гибли бесславно и с честью, но эта гибель тут же становилась частью печальной статистики. И вдруг, простой пилот-добытчик, один из великого множества пилотов добывающего флота, сумел не просто выжить, великолепно использовав все шансы, что предоставила ему счастливая судьба, но и вернуться с великолепным трофеем!

Шкип думал практически о том же самом, только выделял в мыслях не собственное везение, а то обстоятельство, что он — не один-единственный, что помимо ВКС и сил полицейского патруля, у Солнечной есть ещё одна армия. Бесконечное множество пилотов рудодобычи! Да и запали ему в душу слова агента. О том, что если бы каждый добытчик сжёг по два корабля пришельцев, то Солнечной не осталось бы о чём мечтать ещё!

— Шкип... — прервал его размышления торжественно-официальный тон полковника. — Генеральный Штаб Военно-космических сил Солнечной выражает тебе огромную признательность за твой подвиг. Ты можешь бесконечно долго говорить о стечении обстоятельств, и я ценю твою скромность, но только корабль пришельцев в грузовом трюме — это не случайность... То, что ты выжил, умело используя все обстоятельства, тоже нельзя считать случайностью. Я бы назвал это хладнокровием. Поэтому, в знак признания заслуг, на твой счёт переведено десять тысяч кредитов, а к социальному статусу добавлены привилегии первого класса. Даже я не обладаю такими! Кроме этого... — полковник жестом остановил готовящегося что-то сказать добытчика, — кроме этого, технический отдел ВКС просит согласия на приобретение твоего корабля вместе с грузом. Оценка «Трайда» произведена, разумеется, без учёта износа и повреждений, и составляет восемь тысяч кредитов, а груз... Ну, мы надеемся, что не прогадаем, если

переведём за него на твой счёт ещё двенадцать тысяч. Ещё мы надеемся, что ты проявишь сознательность и не откажешь флоту в этом приобретении. Что скажешь?

Тридцать тысяч «унификов»! При заработке в восемьсот кредитов, который и без того считался очень неплохим для пилота-рудодобытчика, Шкипу пришлось бы собирать такую сумму тридцать семь с половиной лет! Это — если не тратить на себя ни единого кредита, не выплачивать государственные налоги и вообще, вкалывать без перерывов и отдыха, что в принципе никак не возможно.

Шкип усмехнулся. Как странно, подумал он, человек всю жизнь идёт к богатству, тратит на это годы жизни и все свои силы, жертвует свободой и личной жизнью. А потом, если оно вдруг само валится ему на голову, если с ним случается такое вот невероятное событие, оказывается, что богатство — вовсе не то, что нужно ему в жизни...

— Спасибо. Как я понимаю, отказываться от вашего предложения мне не рекомендуется? Да и вряд ли мой отказ помешает штабу ВКС заполучить то, что ему нужно...

— Необычайная проницательность! — съязвил агент, явно не ожидавший такой сдержанной странной реакции со стороны добытчика. — Но только лично мне кажется, что это довольно щедрое предложение. По поводу награды — тут всё понятно. Она твоя по праву. А вот кто ещё согласится приобрести разбитый «Трайд» по цене нового и ещё эту инопланетную рухлядь — это ещё вопрос...

— Почему же? — Шкип, побывавший в гостях у смерти, привыкший к необъятности космических глубин и постоянным опасностям, скрывающихся в них, не испытывал перед агентом ГБ никакого трепета, а потому готов был поспорить. — «Трайд» можно выставить на аукцион, где какой-нибудь сибарит-хаймен отвалит за него треть миллиона, именно за такой вид и такое состояние, учитывая великие деяния моего кораблика... Инопланетную рухлядь можно продать любому техническому отделу любой из Доминант. Вернее, той из них, что даст цену побольше. Ведь технологии и информация — самое дорогое, что существует на свете, не так ли? Итого, глядишь и — ещё одна треть миллиона «унификов». А сам я превращусь на какое-то время в звезду видеошоу и напишу бестселлер «Как я надавал пришельцам под зад, и какие девочки бывают в моей постели»... С отчислениями рекламщиков — это ещё одна треть. А потом, когда моё имя примелькается, буду сам вести шоу

и учить домохозяек, как правильно сделать салат из огурцов... Так и получаются, наверное, миллионеры...

Полковник, начавший было смеяться, неожиданно запнулся. Лицо у агента ГБ, которого мало что могло удивить в этой жизни, расплылось в изумлённом восхищении. Оно словно говорило: «Каков наглец!» В разговоре возникла некоторая напряжённая пауза.

— Прошу меня простить, — Шкип первым же и прервал молчание. — Это была очень неудачная шутка. Если мой груз действительно способен принести пользу Солнечной, то я передаю его штабу ВКС без всяких вознаграждений...

«Ты только что отказался от пятнадцатилетнего заработка и возможности ничего не делать всю оставшуюся жизнь!» — гневно нашептывал внутренний голос. Но другой голос, идущий из глубин сознания и души, доказывал, что Шкип поступил верно. Потому что нельзя жить ради денег. Обязательно должно быть ещё что-то!

— Привилегии и десять тысяч мне очень не помешают, — продолжил добытчик. — А если вы считаете, что вам для полного счастья и детального исследования необходим и мой «Трайд», то я могу быть лишь благодарным за возмещение без учёта повреждений. Правда, именно повреждения интересуют вас больше всего, правда? Характер воздействия, реакция брони, уровень разрушений, механизм влияния на работу полётного компьютера... Вот только жаль мне Мозжечка. Я почти сделал из него настоящего Компаньона. Но теперь смогу заказать новый звездолёт, с новым компьютером. Ведь миллионер из меня всё равно бы не получился...

— Почему? — чтобы сгладить абсолютно все острые углы, подал вопрос-реплику полковник.

— Их очень мало, миллионеров, которых манят звёзды, и которые любят рудодобычу и свой маленький корабль в потоке астероидов. Большие деньги мало кого приблизили к звёздам, скорее наоборот, заставили о них забыть... Надеюсь, я не показался вам слишком наивным? Даже если так — всё равно спасибо.

— Бинго! Я выиграл десять кредитов! — рассмеялся полковник.

А капитан ГБ, убравший с лица изумление, но не восхищение, с радостью достал кредитную карту.

— Мы поспорили с полковником... — пояснил он при этом. — Я утверждал, что рудодобытчик ни за что не откажется от всех этих деньжищ, а полковник — известный альтруист... В общем, я проиграл.

— Если это всерьёз, то мне кажется, взамен ты приобретёшь кое-что больше, чем просто двенадцать тысяч кредитов... — загадочно проговорил аналитик. — И если всё-таки надумаешь стать офицером Военно-космических сил — только скажи, я обещаю обеспечить самую блистательную карьеру. К тому же, думаю, тебе есть за что поквитаться с чужаками, и это наверняка повлияло на отказ от вознаграждения за сбитый истребитель...

— Вы правы. Повлияло. И мне есть за что мстить, — ответил Шкип. — Вот только форма военного не для меня. Будь мне сейчас лет восемнадцать, я был бы счастлив услышать такое предложение, но... Каждый должен идти своей дорогой. Скажите лучше, мне нужно исполнить какие-нибудь формальности? Ну, там, о передаче корабля и груза?

— Обязательно. Иначе уже сегодня куча бюрократов в штабах и Глобальном Совете начнёт разрываться между долгом и желанием набить карманы кредитами за передачу всего этого какой-нибудь из Доминант. Тут ты прав. Пока одни делают свою работу, другие делают себе состояние...

Аналитик объяснил, что ему нужно для официального подтверждения, включил рекордер на запись, и Шкип твёрдо проговорил формулу сделки:

— Я, пилот Шкип, караванный рудодобытчиков корпорации «Стар-Квест» Доминанты «Амга-Заале», в соответствии с Законом об экспроприации в пользу Солнечной, передаю груз, полученный при внештатной ситуации, во внеслужебное время, добыча груза произведена не в интересах корпорации...

И так далее. Шкип чуть ли не вспотел от напряжения, пока довёл до конца всю эту фразу.

— Вот и замечательно! Теперь мы сможем уладить с корпорацией и с Доминантой любые вопросы...

— Слава богу! А я-то решил, что мне целый день придётся распинаться как телезвезде, только бы какие-нибудь юристы-казуисты не припёрли меня к стенке. За превышение полномочий и несоблюдение условий контракта. И вас, между прочим! За оказание психологического давления! Между прочим, я так и заявлю, если что, тогда вам придётся меня выручать.

Аналитик рассмеялся. Агент КГБ изрёк мрачным тоном, которому можно было доверять:

— Пусть только попробуют!

— Ну хорошо... Теперь, если это всё, я бы хотел узнать, где моя одежда, к которой я привык, моя новая кредитка, к которой только

предстоит привыкнуть, и как мне всё-таки попасть в Солнечную, на Землю?

Теперь рассмеялся и агент и помрачнел полковник.

— Жаль, жаль, военная форма украшает любого мужчину, а толковые офицеры, умеющие ловить удачу за хвост, нам очень бы пригодились... Так что ты всё-таки подумай, я ведь не требую немедленного ответа. Кредитка будет минут через десять-двадцать, я уже запросил эскадренного казначея... Рейсов на Солнечную, как ты понимаешь, сейчас нет. Да и вообще, перекрыто движение через многие Приливы. Но можно, пожалуй, сделать исключение. На моём корабле-авизо закинем тебя к Трее, а оттуда — Прилив прямо к Лунному Причалу. Идёт? На Трее, кстати, сейчас собирают всех тех, кто сумел пробиться из локаций, атакованных пришельцами. Возможно, тебе будет интересно с кем-то из них пообщаться.

— Добытчики среди них есть? — тут же спросил Шкип.

— Чего не знаю, того не знаю. Точно известно о возвращении всего одного крейсера и нескольких истребителей, остальные — малые корабли, но, думаю, наверняка среди них будут и добытчики. Ты же понимаешь, — извиняющимся тоном пояснил полковник, — в первую очередь я получаю данные о кораблях флота...

— Ну, разберёмся. Так что насчёт одежды? Не лететь же мне, обеспеченному человеку, в компании двух офицеров, на Трею и дальше в одной лишь майке?

Полковник снова с сожалением и весьма выразительно посмотрел на Шкипа и на аккуратно уложенную на стуле форму пилота ВКС, так и оставшуюся нетронутой.

— Серые брюки и светлая рубаха пойдут? — спас положение капитан. — Сейчас раздену своего помощника...

Через двадцать минут корабль-авизо покинул борт военного крейсера.

Глава 16
ЗВЁЗДНЫЙ ПАТЕНТ. КАПЕРЫ СОЛНЕЧНОЙ

Перед тем как покинуть мостик, командор «Аллегана» успел заметить, что со стороны Центрального туннеля мчит платформа с людьми. Хотя интендант приказал Гризли больше не рисковать и уходить в лабиринт как можно скорее, терраструитель, по

видимому, и не думал исполнять приказ. По счастью, один из мониторов отслеживающей внешней оптики показывал состояние дел у входа в Центральный туннель. В последний миг командор зацепился взглядом именно за это изображение. Понимая, что сейчас всё решают минуты и что нужно как-то помочь этому благородному порыву, чтобы он не оказался напрасным, он набрал на панели код запуска реактора и подал тягу на маршевые двигатели. Командор знал, что после атмосферного полёта накопители пусты и что кристаллов квазеров хватит лишь на то, чтобы поднять облако пыли вокруг «Аллегана». Но это было именно тем, что нужно в сложившейся ситуации!

Импровизированная дымовая завеса и мощный удар станции по грунту породили два взаимоисключающих эффекта. Черви, копошащиеся перед люком грузового отсека, на несколько минут оказались окутаны плотными клубами, теряя ориентацию и способность распознать угрозу. Гризли ещё на полпути к станции активировал пробойник, и ему не составило труда нанести несколько точных ударов в то место, где находилась закрытая пылью машина пришельцев. Уже после третьего гравитационного импульса все находящиеся на платформе услышали громкие хлопки, как если бы лопнуло два большущих надувных шара. В следующую секунду платформа влетела в облако, и охранники принялись палить во все стороны. Вслепую, длинными очередями. Их штурмовые винтовки, требующие немалого мастерства, чтобы вести стрельбу, плясали в руках, били страшной отдачей в плечи. Разрывные реактивные пули оглушительно взвизгивали при попаданиях в корпус «Аллегана» или же чавкали, попадая в грунт. Но иногда возникал и другой звук — рвущегося металла, тут же сменяющийся плотным, коротким чмоканьем, — когда пули входили в тела червей, сквозь недостаточно прочные сегменты брони. И это было хорошей новостью.

Плохой новостью оказалось то, что происходящее сейчас у «Аллегана»привлекло внимание основных отрядов пришельцев, которые практически полностью подавили сопротивление терраформеров на грузовой площадке. И десятки туш, забрызганных человеческой кровью, рванулись к станции.

— Скорее! Открывайте люк! Ну же! — орал Шериф.

— Может быть, люк заклинило? — предположил Гризли. — И они не могут его открыть?

Но всё же тяжёлые створки начали опускаться на гидравлических подвесках, и оттуда, с двухметровой высоты, не дожидаясь

окончательного раскрытия люка, стали выпрыгивать люди. В это же время со стороны Центрального туннеля прибыли две грузовые платформы.

— Скорее! — торопил Шериф. — Садитесь плотнее, иначе все не поместитесь! Нужно отправляться...

Пыль постепенно-постепенно начала оседать, и оказалось, что станцию отделяют от волны атакующих всего пара сотен метров.

— Не успеем! Пора сваливать! — закричал один из охранников, за что тут же получил чувствительный толчок локтём в грудь.

— Молчи, ублюдок! Мы не за этим сюда пришли! Все переходите на другие платформы! Быстро!

Подчиняясь властному приказу, охранники живо покинули платформу, переключая внимание на новую опасность. При этом они опустошали обойму за обоймой в накатывающий, как снежный вал, строй пришельцев.

Когда до «Аллегана» оставалось всего двадцать-тридцать метров, а платформы были загружены на три четверти, Шериф и сам понял, что они не успевают. Первые несколько червей, идущие в первой шеренге, вдруг замерли и твари начали увеличиваться в объемах. Затем разом, как по команде, резко выпрямились, снова опадая до своего обычного размера, и взвились в воздух. Как стрелы, пускающие сами себя. Две туши шлёпнулись прямо на платформу, набитую людьми, тут же заискрив скрытыми в броневых кольцах лазерами. Половина спасаемых — те, кто был в передней части платформы — мгновенно превратились в мертвецов.

— А-а-гх! — страшным голосом заревел Гризли, полностью оправдывая сейчас своё прозвище.

Невероятным усилием он поднял стокилограммовый блок гравитационного пробойника и нанёс им тяжкий удар по извивающимся на платформе червям.

Броневые кольца одного из них не выдержали и лопнули вовнутрь, смятые тяжёлым ударом, вонзая рваные края в плоть. Второй червь, хотя ему тоже досталось, оказался оглушен, но не обездвижен, и принялся метаться, принимая самые различные конфигурации, как сошедший с ума шланг высокого давления, движимый изнутри слепым напором.

Но Шериф уже не обращал на всё это внимания. Сказав что-то ближайшему охраннику, он прижал винтовку к правому боку, стреляя от пояса, и повёл платформу прямо на строй врага. Ему

сейчас не было надобности в прицеливании, потому что почти каждая пуля находила себе цель. Один из червей прыгнул на Шерифа, но был отброшен ещё в воздухе длинной очередью, прошившей тварь от передней части до задней, будто в неё воткнули несколько раскалённых спиц, буравящих внутренности. Вблизи оказалось невозможным отличить — где у пришельцев голова, а где хвост, или задница, или пятка, или чем они могут заканчиваться? Потому что черви имели абсолютно одинаково выглядевшие окончания туловища. Тщательно рассчитав бросок и выставив мощность подрыва на тридцать процентов, охранник, с которым только что говорил Шериф, метнул в гущу пришельцев плазменную гранату.

Яркая вспышка, которую можно было увидеть даже с орбиты, поглотила практически две трети строя.

Но червей это не остановило, и тогда Шериф, отбросив винтовку, зажав в руках сразу две гранаты, въехал на платформе в эту разъяренную боем массу сплетающихся тел. Поворачиваясь назад, будто провожая стартующие к Центральному туннелю две платформы, он улыбался — уже мёртвый!

Его гранаты были готовы к подрыву. Он выставил всю сотню процентов на каждой...

На этот раз его шикарная авеню оказалась короткой, но тем не менее — изумительно яркой...

— И что, они успели уйти? Ну, которые на платформах? — к рассказчику подошёл мужчина в форме инженера-техника, сидевший до этого у стены транзитного зала.

— Успели. Те, кто были живы, прикрылись мертвецами, как щитом. Только один остался. Охранник Службы безопасности «Аллегана», что перетащил пару мертвецов с одной платформы на другую. Вот он-то не успел, — ответил рассказчик с названием корабля на нагрудном кармане: МОП «Хулиган».

— Мёртв? Сгорел? — зачем-то уточнял подошедший.

— В том-то и дело, что нет! Парню сказочно повезло, он упал под опущенный грузовой люк. Ожоги, перелом руки... Вот уж не знаю, как он умудрился её поломать... Но — живой. Мы подобрали его, когда спустились к «Аллегану». Нашли по биосканеру. Хотели ещё и парочку червей затащить в кабину, у нас в модуле места хватило бы, но к нам уже скользили другие твари. Пришлось стартовать.

— А потом что?

— Потом я поднялся на несколько километров, выждал, чтобы дать шанс людям с платформы углубиться в лабиринт, и нажал

на кнопку сброса контейнеров... — ответил другой орбитальщик, у которого на кармане была такая же нашивка — Модуль Орбитальной Поддержки «Хулиган». — Ну а потом нам повезло ещё больше. Крейсеры на орбите сцепились с кораблями пришельцев, но там без шансов было... Мы думали спрятаться на обратной стороне планеты-спутника, и тут вдруг открылся Прилив...

— Что? Вот так взял и открылся? Ерунда какая-то, ещё никто не видел, как появляются новые Приливы.

— А это не новый Прилив. Какие-то опыты были давно — закрывать Приливы взрывами. Они ведь по-разному потом восстанавливаются. Этот был закрытым несколько лет. А тут... Может быть, из-за сильных гравитационных возмущений, драка ведь хорошая шла на орбите! Может, ещё из-за чего... О! А вот и наш охранник! Быстро его подлатали... — в транзитный зал вошёл спасённый, всё ещё нетвёрдо держащийся на ногах. — Как ты? Неужели отпустили?

— Раненых много, а места мало, — пояснил он, — вот и подумал, чего там зря место занимать? На Земле уже долатают.

Транзитный зал пассажирского порта на Трее был заполнен всего лишь на треть, всего около сотни человек, которые собрались ближе к выходу. А ещё человек двести нуждались в экстренной помощи и находились в лазарете и в коридорах здания порта, куда спешно доставили гравикойки. Медики с посеревшими от напряжения лицами сновали между ними, всаживая обезболивающее, психотропные препараты и накладывая прямо там, в коридорах, швы и скобы на раны.

— Так ты, значит, спасся при разрыве плазменной гранаты? Находясь в радиусе поражения? — не отставал инженер. — Везучий!

— Это Тор мне сказал, чтобы при счёте восемь я должен был оказаться или на платформе, или под створкой грузового люка. Лицом в грунт. И лежать так, пока на моей спине будет весело полыхать комбинезон. Если бы не вот эти двое орбитальщиков, там бы и остался...

— А Тор — это кто? Твои приятели ведь называли его Шерифом.

— Всё верно. Тор — это тоже он. Запомни, сказал, меня как Тора... Он же в пехоте служил, был лейтенантом. И вообще крутым мужиком был...

Шкип, успевший на Трее выслушать не одну такую историю, обхватил голову руками. Здесь собралось примерно три сотни

человек, размышлял он. Пятая часть, человек шестьдесят, не дотянут до Солнечной. Так сказал медик в разговоре с другим медиком. Значит — останется человек двести сорок — двести пятьдесят. Выжившие и попавшие сюда из восьми локаций. А всего в тех локациях — Шкип знал из наперечёт — находилось больше трёхсот тысяч — колонистов, туристов, пилотов, пассажиров, техников, диспетчеров, добытчиков, теперь он узнал и про терраформеров...

Двести пятьдесят из трёхсот тысяч! А ведь сколько ещё атаковано локаций, откуда вообще никто не выбрался!

Кроме Шкипа на Трее оказалось пять других добытчиков. Группа в полном составе улизнула из-под самого носа у десятка «волчков», или «вельветов», или, какая, к чёрту, разница, как их называть!

Добытчики, работавшие в Долине Кактусов, так же, как и Шкип, высвободили грузовые трюмы и нырнули в Прилив. А следом вошла Большая Мама, на которой почти никого не осталось, и чьи реакторы были пущены вразнос... И вот, только пятеро из трёх сотен... Жалко их старшего. Не доживёт. Шкип видел, как четверо несли его в операционную, и как хирург отказывался принять... Зачем возиться с обречёнными? Он шёл замыкающим, принял на себя смертоносный шар-ракету. С той стороны Прилива вышел уже не «Трайд», а какой-то обрубок. Да и от пилота только обрубок остался. Ни рук, ни ног... Сейчас все четверо сидели в транзитном зале, молчали, переглядываясь друг с другом. Их «Трайды» тоже забрали военные. Тот самый аналитик-полковник и забрал, ограничившись только компенсацией за реквизированные для исследований звездолёты.

— Ае, добытчики! — подошёл к ним Шкип.

На миг в их глазах что-то блеснуло, но этот блеск сохранили только двое.

— Откуда, караванный?

— Листопадный Зал.

— Один?

— Один...

— Ну, присядь.

И ему освободили место.

Через пять минут вышел молодой доктор в зелёном халате, подошёл к добытчикам и сказал одно-единственное слово.

Те двое, чей блеск в глазах погас, остались сидеть не шелохнувшись. А вот двое других...

— Инопланетные ублюдки... Им зачтётся!

— Обязательно поквитаемся! Поставить на «Трайд» две буровые с ускоренным режимом... Нет, три! Четыре! К чёрту грузовые трюмы — набрать подрывных зарядов...

Шкип усмехнулся. Точно так же думал и он сам. До тех пор, пока не понял, что нужно делать.

— Ребята, «Трайды» своё уже изжили. Кончилась добыча и торговля. Впереди — добыча и битвы! Как насчёт прикинуть, что на самом деле нам понадобится?

— Броневые секции, лазерные турели, ракеты... — поймали они мысль с полуслова.

— Ускоренные движки, активная защита от чёртовых шаров! — но продолжали фантазировать в том же ключе, думая лишь об одной стороне дела.

— Это понятно... — перебил Шкип. — Но я имею в виду другое.

— Заменить полётные компьютеры на боевые вычислители? А то ведь Компаньоны ни на что в бою не годятся...

— Уже теплее, — подбодрил их Шкип, отвлекая на время от мыслей о погибшем старшем и всех-всех остальных погибших, кто сегодня не дошёл до спасительных Приливов.

— Выстроить собственную базу? Гавань? Ремонтные ангары?

— Ещё теплее!

— Ну, не томил бы уже. Скажи, если знаешь...

— Знаю, — ответил Шкип. — Уже знаю.

— Да говори же тогда! Вот, уже транспорт скоро подойдёт, нам ещё со старшим проститься...

— Нам нужно право на отстрел тварей! — заявил Шкип. — Патент, только не офицерский, не корпоративный, а свой, собственный, для каждого, кто желает, чтобы звёзды вновь принадлежали только нам!

— Звёздный патент? — добытчик, один из павших духом, покачал головой. — Вести свою собственную войну с тварями? Разве флот допустит такое дело?

— А разве флот уже не нуждается в квазерах для реакторов? — в тон ответил Шкип. — В космографите для вычислителей? В гиперхрустале для боевой оптики? Как думаешь? — Остальные добытчики, прислушавшись к словам Шкипа, одобрительно закивали, и он продолжал: — А кто, как не мы, сможет ещё всем этим их обеспечить? Но ты замечательно сказал — Звёздный Патент! Да, нам нужен Звёздный Патент, чтобы стать каперами среди звёзд, каперами Солнечной, спейс-каперами, — уточнил он, — брать добычу не для корпораций, а для всех, иначе Солнечной не выжить!

— Ого! Кажется, здесь интересное дело начинается! — подошли к ним оба орбитальщика с «Хулигана». — Рой... Мартин... — представились они. — Послушайте, а этот патент — только для рудодобытчиков? Я — классный пилот, всю жизнь мечтал летать среди звёзд, а не сидеть привязанным к своей станции...

— А я могу подготовить для ваших кораблей компьютеры, о каких вы и не мечтали! Сами же говорили — с Компаньонами одни хлопоты. Нужны совсем другие машины — баллистические расчётчики, тактические и навигационные вычислители, с защитой от внешних воздействий и с программами, которые работают без сбоев...

По одному, по двое, к группе добытчиков стали подходить другие люди. Техники, навигаторы и просто желающие мстить, пока не владеющие никакими полётными специальностями. У каждого из них имелась какая-нибудь собственная идея...

Как сделать корабли добытчиков настоящими боевыми звездолётами. Как обустроить будущую станцию, наподобие огромного Центрального Модуля, со своими службами, постами, техническими подразделениями. Как наладить взаимодействие с флотом. Даже один из медиков, проходивших мимо и услышавших краем уха, о чём разговор, и тот загорелся:

— А ещё нужно организовать собственные отделы астромедицины, чтобы на больших кораблях содержать лазареты и операционные...

И у каждого в глазах появлялся злой блеск. Как раз такой, что нужен для великого дела: снова выйти к звёздам. Чтобы вернуть себе право называться Человечеством с большой буквы.

— Транспорт на орбите! Прошу занять места в посадочных модулях! — объявил ровным тоном электронный диспетчер.

По залу поплыли компактные грузовые платформы для сбора багажа. Табло над центром зала демонстрировало рекламный ролик пассажирской компании, осуществляющей рейс.

Как будто ничего не случилось. Как будто сегодняшний рейс к Лунному причалу — самый обычный, такой же, как был вчера.

— Нам пора прощаться со старшим...

— Я с вами, ребята... Мне ведь не с кем уже прощаться.

А над Треей пылало разноцветными огнями звёздное небо.

Такое же, как было вчера, такое же, что будет и завтра...

Эпилог

Плывёт по орбите гигант Юпитер. Неспешно замыкает круг каждые одиннадцать лет. Словно огромный радужный пузырь. Метановые потоки, окрашенные в разные цвета, изрисовали его полосами. Ветер Юпитера, перемешивающий тысячекилометровые облачные слои, окажись он на Земле, в мгновенье снёс бы всё, что сделано земной природой и руками человека. А сердцем, рождающим движение таких ветров, пульсирует Большое Пятно. Будто странный глаз, что смотрит наружу и вовнутрь. Шестнадцать планет-спутников, как загипнотизированные этим взглядом, кружат поблизости, и среди них жемчужина свиты — Каллисто...

Есть на Каллисто одно уютное местечко, и ты уже знаешь о нём. «Большое пятно». Заведение для тех, кто прибыл к юпитерианским верфям, сопровождая израненные звездолёты. Некоторые входили в систему верфей-заводов своим ходом. Некоторые, покалеченные в Дальнем Внеземелье, с боевыми шрамами по всей обшивке, с отсутствующими надстройками, вместо которых — зияющие раны, втягивались на верфь скорбными буксировщиками, накинувшими гравитационные арканы. И звездолёты становятся к швартовочным модулям, с погашенными топовыми огнями, со спящими орудийными турелями. Но они не мертвы. Иногда они оживают! И начинают рассказывать друг другу, где были, что повидали. Как выжили в схватке, в которой выжить было невозможно...

А на Каллисто, находясь в тепле и уюте «Большого пятна», говорили о том же самом пилоты, стрелки, навигаторы. Нетороплив их рассказ, но бывает и быстр, и сбивчив. Так отличают тех, кто только что — со звёзд. В ком живёт ещё бой, кто толком не осознал ещё, как ему повезло, что он — здесь. Греет руки о тёплые бока кофейной чашки, не забывая согреться и изнутри.

— Колосаль, Стигма, Санторидис, — мелькают и мелькают в речи пилотов имена локаций, в которых побывали рассказчики.

— Задержка, импульс, сдвоенные излучатели... — перекидываются стрелки.

— Курсовое отклонение, цепочка Приливов «Дорога Смерти», сразу по выходу — скопление астероидов... Принимаешь вправо, ориентир — сбитый линкор, он всегда там... — делятся секретами навигаторы.

Кредитки в пальцах, раздел доли в добыче, звон бокалов... Иногда весёлый, тонкий, иногда — приглушенный. За тех, кто никогда уже не войдёт в «Большое пятно», оставшись только именем в огромной книге, что ведёт метрдотель. И ещё стаканы со спиртом, что накрыты чёрным ломтём, и рядом — свеча. Она догорает, догорает... Отбрасывая колышущиеся тени, будто даёт понять, как всё не вечно под звёздами.

А сами звёзды — зелёные, синие, яркие и мерцающие, вот они — совсем рядом! Только протяни руку! Зовут, дразнят своим светом. Невидимые Приливы скоро вновь понесут к этим звёздам караваны кораблей. И штурманов, и пилотов, и стрелков. Всех, кто решил поиграть с удачей, надеясь не остаться записью в толстой книге метрдотеля. А впрочем — так ли это плохо? Остаться на вечных страницах, а не угаснуть тихо, незаметно, в свой срок, или по другой какой-то причине, где-то в трущобах мегаполиса, вдали от звёзд...

Они не глушат печаль. Они не плачут о тех, кого уже нет. Ведь кто знает, куда занесёт судьба в следующий раз и какой вообще она будет, эта судьба.

Они встречаются, чтобы расстаться. Но расстаются, чтобы встретится вновь. Их будущее туманно, их путь далёк. Офицеры флота, только что сопроводившие к верфям избитый в жестокой гравитационной дуэли карманный крейсер, Ка-два, почтительно кивнули собравшимся в центре зала. И заняли места чуть попроще, поближе к стенам в деревянной обшивке.

— Да кто они такие? — совсем молодой ещё лейтенант, впервые переживший арьергардный бой на Ка-два, уцелевший один из всей своей секции, изумлённо вскинул бровь.

— Сядь. Успокойся. Они здесь по праву. Это их заведение, а мы — лишь гости... — отвечает седой майор, от роду двадцати шести лет.

— Нет, но почему? По какому такому праву? — не унимается лейтенант.

— По праву скаперов, сынок, — совсем неожиданно, будто из пустоты, вырастает метрдотель, с тремя ледяными кружками. — Вам передали...

— О-ох! — выдыхает лейтенант.

Да, он был только в первом сражении, но откуда-то уже знает, какова цена каждой такой кружки.

— Не откажемся, спасибо и за угощение и за остальное — тоже спасибо! Удачи вам, — провозглашает майор, обращаясь в центр зала.

— Удача, честь и дружба!

— Всегда рядом, всегда вместе, всегда к победе!

— Богатство, скорость, удар!

Понеслись в ответ клановые здравицы.

— Благодарить за угощение — это понятно, — хоть и перешёл на шёпот, но всё никак не уймётся лейтенант. — А за остальное — это за что? Они, что ли, держат врага на самых подступах? Они теряют корабли и экипажи? На них держится весь мир, или всё-таки на нас, на крепостном флоте?

— Теряют, ещё как теряют, — расслышал невероятно чутким слухом метрдотель. — И корабли и экипажи. Только не на самых подступах, а подальше...

— Ты тоже научишься их благодарить. Каждый раз, когда твой корабль выйдет на старт, в его реакторах будут перегорать квазеры, добытые вот этими самыми угощающими. И сейчас, на верфях, нашему Ка-два будут ставить заплатки и новые броневые сегменты, а в них окажутся металлы и сплавы, добытые далеко от Солнечной, там, куда мы с тобой пока не долетим. Не знаю, на ком держится мир, но мы точно держимся на них! — и майор вновь поднял бокал, салютуя какому-то длинноусому капитану в широкополой шляпе, сплошь обвешанному амулетами.

А в зал «Большого пятна» уже входят новые посетители. Их корветы-ракетоносцы на несколько секунд появляются над огромным прозрачным куполом заведения. И все видят, как несладко им пришлось. Подвески корветов сорваны, дюзы расплавлены сумасшедшими ускорениями, надстройки станций наведения и боевых расчётчиков срезаны подчистую, а броневые сегменты, уставшие от жёстких гравитационных ударов, обвисли, обнажая основной корпус. Где-то они побывали, где-то вели этот бой, откуда-то вернулись. Осталось немножко подождать, пока вновь прибывшие обменяются с уже сидящими в зале своими короткими «Ае!» — скаперским согласием-приветом. Места уже освобождены, добавлены

тяжёлые дубовые стулья, метрдотель тут как тут... Он смотрит на них с надеждой, но они печально кивают, и на столе появляется огромная скорбная книга и несколько стаканов. И свечи, что напоминают: всё не вечно!

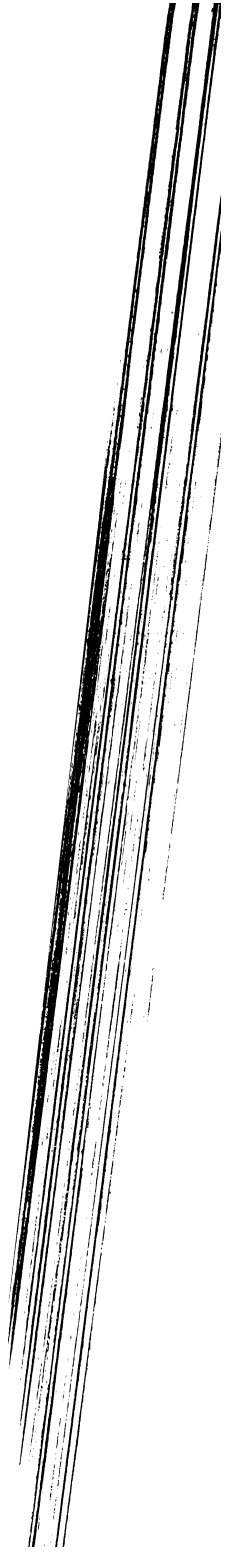
Сейчас будет ещё одна история, сейчас они что-то расскажут. И нет конца этим историям, как нет конца скаперскому пути. Потому что это и есть их жизнь.

Ты сидишь в углу, угощаясь из ледяной кружки. Ты только недавно коснулся джойстика навигатора, и твои враги — автоматические мишени Детской Гавани. Но твой час близок — пересесть поближе к центру и рассказать свою собственную, единственную и неповторимую, скаперскую историю.

— Ае, скапер! Звёзды тебя ждут...

РАСПРАВЛЯЯ КРЫЛЬЯ

Пролог,
который не должен стать эпилогом

— «Гольф», «Стела», «Витраж»!... «Гольф», «Стела», «Витраж»!.. «Гольф», «Стела»...

— К чёрту! — Джокт с яростью отшвырнул переговорное устройство, как всегда, мешавшее в бою, а теперь и вовсе бесполезное. Потому что эфир сектора, в котором вела бой эскадрилья истребителей, был полностью блокирован работой радиобуя Бессмертных.

«Гольф» разорвало на куски прямым попаданием контактной торпеды. И раз уж Смоки Фаервью вёл переговоры с Богом, его уже не могли заинтересовать запросы из Крепости.

«Стела» попала в гравитационную ловушку и теперь медленно растекалась в пустоте космоса, заполняя её своими атомами, находясь в конусе прицела зависшего напротив крейсера Бессмертных. А пилот «Стелы», Спенсер Янг Ли, похоже, уже никогда не упьётся любимым «Джек Даниелем» в заведении Крепости, именуемом «разврат после возврата».

Возврата для него не будет. Это точно. Потому что Джокт решал сейчас собственные проблемы, оставшись один против семи вражеских кораблей, и его «Витраж» швыряло из стороны в сторону возмущениями пространства, вызванными ударами гравитационных орудий Бессмертных. Больше помочь Спенсеру было некому.

Эскадрилья, правда, тоже успела постараться: из одиннадцати вражеских звездолётов четыре неподвижно замерли, прервав свой бег, словно мухи в паутине.

«Осталось всего семь. Самая малость», — горько усмехнулся Джокт, отлично понимая, что живым ему вряд ли удастся выбраться из всей этой кутерьмы. А вот что касается четырёх повреждённых кораблей врага... Что ж... Их пилоты действительно почти бессмертны. И, насколько знал Джокт, подлежат регенерации при возвращении на базу.

Бум — бум — бум! — одно из автономно действующих бортовых орудий открыло огонь.

Джокт впился взглядом в экран, и его лицо, с закушенной до крови губой, осветилось мрачной улыбкой.

Истребитель Бессмертных, до сих пор не подпускавший его «Витраж» к крейсеру, выпаривающему «Стелу», допустил оплошность при манёвре, и его рулевые сопла были теперь повреждены — ха-ха! — примитивной противометеоритной пушкой, реагирующей лишь на прямолинейное равномерное движение объекта — цели.

Джокт описал вокруг противника несколько кругов, при этом другие Бессмертные временно прекратили гравитационную стрельбу, опасаясь уничтожить свой же истребитель. Затем четыре крестика на экране прицела замерли точно по центру вражеского корабля. Это означало, что враг стал поражаем любым из четырёх видов оружия, имевшегося на «Витраже».

И Джокт не стал скупиться...

Сразу же после уничтожения истребителя он занялся крейсером, поскольку ни один из шести оставшихся вражеских кораблей не мог сравниться в скорости с истребителем.

Крейсер огрызался какое-то время вспомогательными орудиями, а затем, поняв, что землянин слишком назойлив, неохотно покинул своё фиксированное в пространстве положение и, словно мастиф на карликового пуделя, метнулся к «Витражу».

— Живи, Спенсер! — проорал прямо в экран Джокт, одновременно делая ложный подъём, после чего его истребитель провалился вниз, заходя в хвост обманутому крейсеру.

Игра с удачей закончилась для него в тот момент, когда три огненных молнии, вырвавшиеся из боевой надстройки другого звездолёта противника, оплели «Витраж» багряной вязью.

Экран погас сразу же... Уже бессознательно пальцы Джокта стиснули джойстик управления огнём, когда прямо в иллюминаторе мелькнул похожий на блин корпус радиобуя. В следующее мгновение расплавленная пластмасса панели брызнула на лицо Джокта, мгновенно превратив его в уродливую маску — пособие для медиков ожогового центра.

Именно в это время, после устранения блокады эфира, умница Спенсер Янг Ли послал в пространство сигнал с указанием координат места происходящего сражения, адресованное Крепости.

Сигнал был принят девяткой дежурных мониторов, которые тут же начали обстрел сектора со сверхдальних дистанций, испепелив

крейсер и ещё два вражеских звездолёта. Оставшиеся корабли Бессмертных поспешили ретироваться, и только мерцающие блики мёртвого разорванного металла свидетельствовали о том, что здесь не так давно ещё жили и надеялись на что-то такие непохожие друг на друга разумные существа.

Но Джокт этого уже не видел...

Убегающие звездолёты врага успели дать прощальный залп по истерзанным и без того истребителям землян. И если пилот «Стелы» мог позволить себе такую роскошь, как предупредить мерцание импульсных пушек врага, направив свой корабль в сторону, то Джокт был абсолютно беспомощен... И в следующее мгновение его сердце на какой-то неуловимый миг оказалось нанизанным на импульсный луч.

Его первая смерть наступила мгновенно...

Глава 1

В желудке тугим комком неудобно ворочались галеты, наспех проглоченные перед отбоем. Сон, такой желанный, который вот-вот должен был принять Джокарта в мягкие объятия, сняло как рукой. Ещё была противная вязкость во рту, будто от полусгнивших фруктов. Джокарт свесился с казенной койки, сплёвывая на пол, и только потом открыл глаза...

Полночь. Недолгое равновесие нулей на светящемся табло у дверей казарменного блока — временной палиндром, останавливающий взгляд. Но стоило Джокарту сморгнуть несколько раз, как это равновесие было нарушено. Почему-то подумалось, что следующего палиндрома пришлось бы ждать час и девять минут. А затем он стиснул зубы, но уже не от наступающей после дополнительных тренировок тошноты, нет. Причина была вовсе не в изматывающих перегрузках, она крылась где-то там, на дне сознания, там же, где рождаются сны.

Воспоминания. Вот что это было. Они тоже чувствовали полночь. Били через край почти физической болью, постепенно захлестывая все остальные мысли.

Ровно два года назад Джокарт поступил в лётный корпус и оказался в Крепости «Австралия», Капа Струны. Случилось это после того, как тяжелый сухогруз «Хванг» попытался эвакуировать с Плутона часть персонала и членов их семей. Но попытка не удалась, и неповоротливый грузовой корабль оказался прекрасной мишенью для Бессмертных. Лишь по прошествию времени стало понятно, что в сложившейся тогда ситуации не справился бы даже первоклассный пассажирский лайнер, прикрытый полями защиты и обладавший несомненно большей маневренностью, чем злополучный «Хванг». К тому же прорыв врага на окраину Солнечной

оказался очень уж неожиданным, если не сказать — невероятным: группа истребителей и несколько крупных штурмовых кораблей, которые не могли действовать на таком удалении от своих основных баз, буквально вывалились из спорадической приливной точки. Возможность воспользоваться спонтанным Приливом — попросту говоря, оказаться в нужное время в нужном месте, — явилась огромной удачей для Бессмертных и страшной потерей для Земли. Ещё более тяжким ощущение потери было оттого, что этот же Прилив не позволил станциям гравиметеорологии, отслеживающим гравитационную «погоду» в пределах Солнечной, вовремя предупредить патрули КС — Космических Сил Земли. А собственный патруль Плутона оказался бессильным перед лицом неожиданной угрозы, когда истребители Бессмертных группировались в четвёрки, а где-то позади них изготовились к стрельбе корабли покрупнее.

Навигаторы Бессмертных не растерялись и, быстро разобравшись, что к чему, а так же — какой подарок приготовил им локальный космический катаклизм, вывели истребители на боевой курс.

Пилот-Бессмертный, целых двадцать минут долбивший беззащитный и уязвимый «Хванг» из всех видов оружия, даже не предполагал, что уничтожает вовсе не груз для военных фабрик, а целую сотню тысяч землян. И, наверное, изошёл слизью, давя на гашетки всем своим лощенным телом, гадая, почему капитан сухогруза не сбрасывает отсеки с контейнерами. Без них шансы «Хванга» уйти повысились бы... С абсолютного нуля до двух-трёх из ста. Вот только вместо контейнеров в грязных, плохо вентилируемых и наполненных радиацией трюмах лежали вповалку, запертые, словно в гигантском гробу, люди. Бились в конвульсиях при каждом залпе гравитационных орудий, кричали от боли, сгорая в потоках плазмы, застывали потом ледовыми мумиями...

Сотня тысяч без малого, как сообщит позже «оранжевый ящик». И где-то среди них, в том кошмарном аду, находились мать, отец и младший брат — вся семья Джокарта...

Истребителям Бессмертных быстро удалось подавить орбитальные станции прикрытия, и они принялись за посты ПВО, находящиеся на поверхности Плутона. Поэтому трагедия «Хванга» была лишь недолгим эпизодом другой огромной трагедии.

Затем на поверхность был скинут десант, и несколько сотен Бессмертных-штурмовиков превратили двухмиллионный город-купол и все пригородные купола-посёлки в тысячу гектаров рыхлой почвы. А ещё через несколько часов, когда штурмовиков подобрали

автоматические эвакуаторы, поверхность Плутона, та её часть, где велась разработка полезных ископаемых, была уничтожена слаженными залпами больших кораблей. После всего прорвавшаяся группа ускользнула, воспользовавшись той же приливной точкой. И подоспевшим патрульным эскадрам «Юпитер-5» и «Юпитер-6» досталось первым вкусить горечь страшной потери, бессильно сосчитав гравинверсионные следы уходящих кораблей противника. Итогом этого прорыва явилась потеря Плутона как значимой промышленной базы Солнечной и гибель более чем двух миллионов человек, из которых почти сотня тысяч погибла во время самоубийственной попытки прорыва на «Хванге».

То, что семья Джокарта приняла мученическую смерть, находясь в трюме «Хванга», а не на поверхности планеты, стало известно благодаря считыванию информации «оранжевого ящика». Нет, нет! Бортовой карго-компьютер «Хванга» не считывал личные коды всех людей, принятых на борт. Он способен был вести расчёт контейнеров с рудой, процент заполнения газовых ёмкостей, но уж никак не сотни тысяч людей. А даже если такая возможность и имелась бы, ему просто не хватило времени. Всё происходило очень быстро: капитан грузовоза решил открыть грузовые порты и принял всех, кто находился в секторах, близких к стартовой площади. Тогда ведь ещё ничего не было известно о прорыве. Просто — сработала система оповещения о внешней угрозе, и это могло означать что угодно, вплоть до бомбардировки поверхности метеоритным потоком. Земляне колонизировали Плутон относительно недавно, да и то — это была не абсолютная колонизация, а ограниченная, поэтому пока не представилось случая испытать прочность Купола при метеоритной атаке. Многие из колонистов вообще подумали, что сигнал — всего лишь очередные учения штаба КС. Но все, кто находился рядом с грузовым портом, решили не рисковать и после получения оповещения направились к готовящемуся к старту «Хвангу». Родители Джокарта служили в самом порту, поэтому наверняка попали на борт грузовоза, потому что других кораблей в порту не было, и необходимости оставаться на своих местах перед лицом опасности у них не имелось. Младший брат находился рядом с ними, Джокарт был в том уверен, так как по вторникам (а это был вторник) портовыми службами принимался пакет видеопрограмм с Земли, который затем транслировался в Городе и посёлках. И все подростки рвались под любым предлогом в этот день поближе к порту, чтобы первыми посмотреть очередную серию популярного телесериала «Дискавэр». Все объяснялось тем, что в городе и по-

сёлках трансляция начиналась вечером, по окончании рабочего дня, а в порту можно посмотреть телесериал сразу после приёма. Брат Джокарта слыл большим поклонником «Дискавэра». Джокарт тоже любил «Дискавэр», только в тот день он смотрел очередную серию, находясь на Ио, куда был направлен за неделю до трагедии для прохождения практикума.

Если бы Плутон действительно ожидало падение метеоритов, то в действиях капитана «Хванга» и колонистов, пытавшихся найти дополнительное укрытие в массивных отсеках корабля-межпланетника, не боявшегося попаданий в метеоритные потоки, имелся бы смысл. Значительную роль(учитывая все последствия, эту роль никак нельзя было назвать роковой) сыграло извечное недоверие колонистов к Куполам. Но всё оказалось тщетным — и надежда ста тысяч человек (девяносто восемь тысяч восемьсот, погрешность для нестандартного груза — до пятнадцати процентов, как сообщит «оранжевый ящик»), и отвага капитана, принявшего столь трудное решение, сумевшего даже вывести корабль на орбиту.

Просто — в далёкой безымянной точке пространства располагалась военная группа кораблей Бессмертных. Просто — та же самая точка вдруг стала Приливной, и неизученные до конца силы космической стихии вышвырнули всю группу прямо к Плутону. Просто — на Плутоне располагался город-Купол, и этот чёртов купол был до отказа набит людьми. Там же оказался готовый к старту злополучный «Хванг», он просто принял на борт какую-то часть обреченных колонистов. Ну а дальше...

Просто. Всё — просто! От этой простоты у Джокарта опять сжало сердце. На табло прошло время второго после полуночи палиндрома, в углу казарменного блока низко гудел кондиционер, а со стороны соседней койки доносились немузыкальные трели, издаваемые курсантом по имени Моджо. Этот храп на минуту выдернул Джокарта из вязкой мути мучительных размышлений и воспоминаний... Он подумал о Моджо, который был гавайцем, таким же огромным, как знаменитые на всю Солнечную волны у берегов его родных островов. Как такого здоровяка выдерживала складная койка — являлось второй из величайших загадок для всей учебной группы Джокарта. Первая загадка — каким же образом Моджо умудрялся втискиваться в нутро имитатора боевого истребителя?..

Но счастливая минута прошла, и опять...

Имя капитана «Хванга» вызывало у всех самые противоречивые чувства. Кто-то считал его героем, кто-то — глупцом. Какое-то время ходили даже упорные слухи, что Альварес Октави — так

его звали — страдал наивностью. Якобы информация о том, что на борту его грузовоза — множество поселенцев, а не военные грузы, была передана им в эфир на открытой волне, и что таким образом он надеялся избежать обстрела.

То, что это всего-навсего слух, глупый, злобный, распространяемый может быть такими же, как Джокарт несчастными, у кого родные и близкие находились и погибли именно на «Хванге», понимали многие. Наверное, это была попытка свалить хоть часть ответственности на одного-единственного человека, очернив его имя. Ведь людям так привычно искать виновных даже там, где быть их не может.

«Поворот Альвареса» — именно так назовут потом командиры грузовых судов манёвр, что совершил капитан «Хванга». Движение заданным курсом при критическом тангаже, когда корабль разворачивается таким образом, чтоб в зону обстрела попала командная рубка. В этом случае, ведомый только автоматикой, уже без экипажа, подставившегося под удар, корабль имел небольшой, но шанс донести свой груз до точки назначения. Это как движение вперёд полубоком. Разумеется, в трёхмерном пространстве всё куда сложнее... Расчет мощности маршевых двигателей, порога управляемости с помощью корректирующих сопел полуразвернувшегося, со вздыбленной носовой частью корабля... Массы... Скорости... Гравитационной плотности пространства... И многое-многое другое. Альваресу Октави пришлось сделать всё это за считанные минуты, пока «Хванг» выходил на орбиту. А тремя часами раньше, когда только-только раздался сигнал-оповещение об угрозе и первые колонисты поспешили найти укрытие в трюмах грузовоза, Альварес начал закачку сжиженного кислорода... Получалось, он с самого начала не исключал такого развития событий, при котором ему придется тащить в трюмах, не предназначенных для этой цели, живой груз. И когда люди хлынули потоком, получив от Альвареса уведомление, что им необходимо искать защиту в отсеках «Хванга», он уже знал — что может за этим последовать.

Старт! — Когда металлические стены и переборки грузовых отсеков отразили выдох множества людей, увидевших, как поднимаются сорокаметровые ворота грузового трюма, отрезающие их от внешнего мира.

Непонимание и паника. Когда всё вокруг начинает сотрясаться из-за стартовой вибрации... Ужас и боль от внезапно наступивших перегрузок, которые смогли пережить далеко не все невольные пассажиры...

Всё это рисовало сейчас сознание Джокарта. Достоверно же было известно только одно: первые попадания пришлись на рубку управления грузового корабля, как и желал капитан Альварес. Он сделал всё, что смог. Джокарт был уверен в этом. Сделал всё верно, едва увидев яркие росчерки плазменных излучателей в тёмном небе Плутона. Его корабль взлетал прямо навстречу посадочным капсулам с готовыми уничтожить всё и всех штурмовиками Бессмертных.

Просто ему не повезло. Просто враг оказался безжалостней и дотошнее, чем мог предположить капитан Альварес. Просто один из истребителей не нашёл лучшего занятия для воина, чем расстрелять старую беззащитную лохань. Просто...

О, Господи! Опять это «просто»! — Едва сдерживая рвущийся сквозь сомкнутые губы стон, Джокарт наконец проваливался в мутный, тревожный сон. И так происходило вот уже два года. Все семьсот тридцать ночей.

...Цивилизация Бессмертных. Высокоорганизованная раса существ, схожих с земными червями. С той лишь разницей, что удел земных червей — смиренно вытягиваться после дождя на асфальте. Ползти к неведомой цели. Просто дожидаться опускающейся подошвы сапога или вращающегося автомобильного колеса. А вот их звёздные собратья научились преодолевать космические расстояния, строить надежную технику, да и не встречаются на Земле черви пятиметровой длины...

В условиях затяжной войны с Бессмертными, когда вся промышленность и инфраструктура оказалась перенаправлена на военное производство, каждый землянин мог считать себя участвующим в битве. Джокарт проходил обучение на техническом факультете Плутонианского института гравионики, готовясь стать со временем инженером-микрометристом и занять своё место в цехе контроля за изготовлением гравитационного оружия на каком-нибудь из автоматических заводов Солнечной.

При этом то, что война не может идти вечно, понимали все. А вот на вопрос — как долго она может продолжаться? — не мог ответить никто.

С самого начала земляне оказались в неравных по сравнению с врагом условиях. Хотя бы потому, что Бессмертные первыми начали атаку, захватив такие дальние колонии Земли, как Денебский мегаполис, Конфедерацию Веги и сырьевые базы в районе Большого кометного облака в Плеядах. К тому же враг обладал

внушительным боевым флотом. На Земле, где вероятность межзвёздного конфликта с неизвестной расой если и учитывалась, то только как номинальная, военный флот пришлось создавать уже в ходе боевых действий, истощая сумасшедшими темпами и без того скудные для войны такого масштаба ресурсы. Самым страшным было то, что до последнего времени не имелось никакой ясности по поводу местонахождения сердца цивилизации Бессмертных.

Соединения боевых кораблей врага возникали словно ниоткуда, используя ранее неизвестные Приливные точки. И так же откатывались после боестолкновений в никуда. Но это вовсе не означало, что Бессмертные — кочующая раса, задавшаяся целью уничтожить всё живое на своем пути.

В течение первых десятилетий войны Земля сумела создать действенные военно-космические силы. Однако вслед за разработками эффективного оружия поражения и новых типов кораблей, таких, например, как мониторы дальнего действия, способные поражать противника на удалении более десяти светоминут, у Бессмертных появились новые средства защиты и нападения. Менялась и тактика боевых действий. Всё говорило о высокоразвитом техногенном обществе, планетах, населённых Бессмертными, их собственных источниках сырья. Поразительное дело, но даже после установления контроля над Большим Кометным Облаком враг не производил там никаких промышленных работ, а оба обустроенных на искусственных планетоидах завода были просто уничтожены вместе со всеми накопленными на сырьевых складах запасами.

Без утраченных сырьевых районов Солнечная была на грани истощения. Командиры кораблей — ловцов астероидов и комет — получали баснословные барыши, но им в этом никто не завидовал. Потому что потери флотилий были просто ужасающи, и желающих искать заработка в экипажах кораблей-добытчиков становилось всё меньше и меньше. Всё от того, что Бессмертные давно раскрыли этот нехитрый секрет: если нельзя добиться победы в лобовом столкновении, то можно исподволь, обложив места рудных разработок и мест скопления комет и астероидов своими кордонами, лишить землян средств ведения войны. И уж тогда...

Бессмертные умели ждать, демонстрируя это своё искусство раз за разом. Им ничего не стоило провести очередную битву за какую-нибудь обжитую планету с развитой промышленностью, а затем откатиться, будто предлагая противнику забрать назад то, что только что было потеряно. Но в том-то и дело, что после захвата Бессмертными планет, пускай даже на непродолжительное

время, там уже не оставалось абсолютно ничего, за что стоило бы бороться. Известная формула — построить заново легче, чем восстановить, — срабатывала только на пользу Бессмертным... Мы отстраивали — они уничтожали.

— Подьём! Учебным отделениям построиться! — неслось из стен, из-под пола, с потолка.

Джокарт уже привык к каждодневной побудке, поэтому действовал больше автоматически, чем осознано. Без спешки и паники.

Две секунды — вскочить на ноги, нажать кнопку у изголовья, и автоматика тут же сложит койку, выдвинув взамен из стены небольшой пластиковый короб с формой и амуницией.

Ещё тридцать секунд — влезть в повседневный комбинезон, обуться, повесить через плечо планшет. Сразу за этим короб сменяется индивидуальной аптечкой в форме ошейника, настроенной уже на его организм.

Надеть. Почувствовать на шее два щипка — слева и справа. Прикрепить к поясу табельное оружие и бегом направляться в зал построений. «На плац», как любили говорить сержанты и офицеры. По дороге нужно успеть облегчиться в туалете.

Стимуляторы начинают действовать практически сразу же после шейных инъекций, поэтому любые остатки сна улетучиваются в одно мгновение. И за это Джокарт испытывал благодарность к своей аптечке, потому что вовсе не был уверен в том, что хотел бы вспомнить — что же ему снилось ночью...

Никаких взбадриваний, никакой физподготовки — вся скопившаяся за ночь в мышечных тканях молочная кислота нейтрализована тем же стимулятором (укол слева), сознание ясное, если курсанту пришлось бы вечером выводить сложный математический расчёт и посреди этого занятия мгновенно уснуть, то теперь, через тридцать секунд после подъема, его мозг был готов продолжить вычисления прямо с того места, на котором произошла остановка. Это действовал, насколько знали курсанты, щипок справа. Были ещё всякие мелочи, вроде срабатывающих мгновенного слёзных желез, после чего можно было просто смахнуть пальцами лёгкие комки из уголков глаз, мгновенная свежесть в дыхании — неконтролируемая вентиляция лёгких, как первый вздох и выдох новорожденного, очищение пор на всей поверхности кожи... И многое другое.

Расплатой за откровенное издевательство над организмом являлось сокращение жизни на какое-то время, пусть даже на год или два. Но что означали эти пару лет для тех, кто избрал своей участью

стать пилотом-истребителем, жизнь которого редко продолжается больше десяти лет... Для тех, кто принёс негласную клятву, не предусмотренную никакими сводами и наставлениями...

Джокарт запомнил этот день. Он наступил сразу после принятия официальной присяги, когда им — сорока курсантам, поступающим на учёбу, — вручили табельное оружие у оплавленной броневой плиты погибшего в бою двадцать лет назад линкора «Катанга».

Его, Джокарта, новоиспеченного школяра лётных курсов, завели в дальний кубрик и...

Нет, совсем не это! Драться новичку с курсантами второго года обучения — просто самоубийство, и старшекурсники это понимали. Во-первых, всё те же стимуляторы, во-вторых — «развёртыватели генной структуры», о которых Джокарту стало известно уже через полгода. Ужасно дорогостоящая и болезненная процедура, после которой можно быть спокойным насчёт исхода любой драки. Если, конечно, это не драка с собратом — курсантом или — не дай, Бог! — с действительным служащим частей штурмовой пехоты. Для штурмовиков, по слухам, готовился какой-то совсем уж мрачный коктейль из различных процедур, после которых ресурсы человеческого организма вырабатывались сразу на десять процентов. Вот только остальные девять десятых человека, трансформированного в бойца-штурмовика, гарантировали ему абсолютную непобедимость в чемпионатах Солнечной по профессиональному боксу или борьбе. Всё-таки им нередко приходилось сталкиваться с Бессмертными врукопашную, где один червь-штурмовик стоил множества земных пехотинцев.

Широкую известность получил случай, когда два сержанта штурмовой группы устроили между собой драку. Просто так, от скуки. Психика у штурмовиков, как поговаривали, была та ещё! Эта драка, где все удары наносились по-настоящему, продолжалась ровно восемь часов, пока их обоих не утихомирил случайно оказавшийся поблизости лейтенант особого отряда той же штурмовой группы.

Впрочем, слухи о возможностях штурм-пехоты были достаточно скудными в среде будущих пилотов. Не исключено, что среди пехотинцев циркулировали какие-нибудь не менее невероятные байки про летунов, обладавших реакцией Бога! Способных на скорости в две десятые световой, да ещё на вираже, провести истребитель сквозь кольцо, размерами едва превышающими размеры самого истребителя.

Три ха-ха и реверанс! — подумал бы в ответ на это курсант-первогодок. Те же «ха-ха!», но уже без реверанса — выдаст уча-

щийся второго курса. Выпускник, а тем более — действительный пилот, ограничились бы, скорее всего, быстрой ухмылкой. Потому что подобная байка была не так далека от истины...

Тогда, после принятия присяги, четверо второкурсников впускали новобранцев по одному в кубрик, где их уже поджидали с дымящимися чашками кофе в руках, — о, привилегия! — пятеро или шестеро курсантов четвёртого, последнего года обучения, каждый из которых имел помимо учебных и боевые вылеты.

Джокарту разъяснили, что жизнь пилота — не сахар и озвучена чаще траурными трубами, чем триумфальными фанфарами. Но Джокарт догадывался об этом сам. И, учитывая события, после которых он решил попасть в лётную школу, оставался к начатому разговору равнодушным. Потом ему сообщили, под большим секретом, сведения из штаба Крепости. Это было уже интереснее, и Джокарт узнал, что действительными пилотами после окончания курсов станет лишь каждый десятый. Остальным суждено погибнуть или выбыть по другим причинам раньше.

«Четверо действительных пилотов из сорока курсантов! Как же... Как же это!» — думалось Джокарту.

Потом кто-то из выпускников спросил у него, сколько ему лет? Узнав, что таковых набралось неполных восемнадцать, все пятеро (или всё же шестеро?) поздравили его, заверив, что он может смело надеяться после становления на действительную службу, если, конечно, он окажется одним их десяти, протянуть целых десять лет.

— Двадцать восемь лет! Прекрасный возраст окончить жизнь! Не правда ли? — Один, самый тонкий и низкорослый, старался больше других.

«Похоже, они сами не знают, о чём говорят», — подумал Джокарт, который никак не прореагировал на последнее высказывание и которому сейчас было глубоко наплевать — получится ли у него стать долгожителем.

Затем в кубрик вошёл действительный пилот, только что вернувшийся из патрульного рейда. Он будничным тоном сообщил, что из пятнадцати истребителей в Крепость вернулось всего девять, а потом добавил, в особенности-то к Джокарту и не обращаясь, что всё, что было сказано здесь и сейчас выпускниками — правда. В появлении пилота во время курсантского «посвящения» не было ничего удивительного. Оно тоже являлось частью ритуала.

Джокарт понял причину такой пренебрежительности со стороны боевого летчика к его персоне. Ведь для этого летуна, пускай и не космического волка, а вчерашнего выпускника, у которого на

глазах и уходили упомянутые девять из десятка, а теперь продолжают уходить остатки его сокурсников, для этого пилота Джокарт пока являлся всего лишь комком глины, из которого, может быть, и выйдет чего путного, а может быть, и нет. Тем более что всегда оставалась вероятность быть скомканным в бесформенную груду и оказаться отправленным кружить с венком в ногах по строго рассчитанной орбите. Здесь, в Крепости, ничего не пропадало даром. Даже мертвецы, которые в своих гробах являлись частью оборонительной системы Крепости. Джокарту потом пришлось пролетать в районе «службы второго срока», как называли это место. И его слёзные железы сработали тогда вовсе не от инъекции стимулятора, настолько подавляющим оказалось открывшееся ему зрелище.

Тогда, в кубрике, он вспомнил «Хванг», лица матери, брата и отца, вспомнил свои полуночные мучения...

— У меня есть за что мстить! — возникла банальная фраза, которую он тут же прогнал.

Вместо этого он сказал другое:

— Хочу научиться летать! Хочу стать пилотом истребителя...

— Для чего? Тебе объяснили, что это всё не романтика, а сплошной риск. Это даже не жизнь, по большому счёту, а долгое ожидание смерти... — сказал лётчик, вошедший в кубрик. — Или ты хочешь что-то доказать? Неважно кому...

— Пожалуй, нет.

— У тебя должна быть очень убедительная причина, иначе все твои жертвы окажутся напрасными. Поверь, жизнь, проведенная в чужой шкуре, лишь немногим лучше, чем смерть. Одно дело всё обдумать, осознать, и отказаться от короткой карьеры пилота сразу после присяги, тогда ты будешь переведён в персонал обслуги взлётных площадок. Но учти, этот шанс имеется только до начала медицинского вмешательства, потом, когда в твои нервы и вены загонят столько химии и денег, что проще купить сразу два новых истребителя, будет поздно. И выйти из игры ты сможешь либо с венком в ногах, либо по ещё более противной причине...

— Почему же всё это не объясняют до принятия присяги?

Пилот невесело усмехнулся.

— Ты слышал, что я сказал, как только вошёл в кубрик? Девять из пятнадцати... Вот сколько нас вернулось из, в общем-то, обычного рейда. Из вашей группы в пилоты выйдут лишь несколько человек. Может быть — каждый десятый, может, каждый восьмой. Но в любом случае их будет немного. Вот и сосчитай. А затем подумай, что произошло бы, если желающих оказаться в учебных

классах стало в два раза меньше? В три? В четыре? Тогда всего выпускного курса не хватило бы даже для одного полноценного сражения. Понимаешь?

— А как же свобода выбора?

— Да не существует никакой свободы! Есть лишь необходимость. Летать, побеждать или погибнуть. Запомни этот девиз. И ещё раз подумай — нужно ли тебе всё это. Я не предсказатель, не пророк, но могу с уверенностью сказать, что из вас, новичков, больше половины — случайные люди. Кто-то прельстился высоким уровнем обеспечения пилотов-истребителей, какого-то сопляка предала девчонка, у кого-то — проблемы с родителями. Самые глупые это те, кого привлекает военная романтика. Поэтому я и спрашиваю тебя — из-за чего? Зачем? Во имя чего, если тебе так больше нравится...

И тут вдруг неожиданно ясно, словно если сквозь брешь в облаках увидеть солнце, Джокарт понял, что за цель зрела в нём с момента известия о гибели «Хванга» и колонии на Плутоне.

— Я хочу, — уже твёрдым голосом ответил он, — однажды встретить того червяка, который сжёг «Хванг».

— Так ты... у тебя... — начал один из курсантов-выпускников, но действительный пилот прервал его.

— У тебя трудная цель, курсант, — сказал он, обращаясь иным тоном, по-другому, пристально глядя на Джокарта. — Желаю тебе её достичь.

На этом обряд посвящения для Джокарта был закончен. Остальных ребят, как выяснилось позже, курсанты-выпускники заставили сделать разные глупости, вроде как выпить залпом стакан неразбавленного спирта «во славу космического флота», съесть кусочек астероидного мха (гадость редкостная, Джокарту довелось потом убедиться), ему же предложили кофе, от которого Джокарт не отказался. Пилот рассказал какой-то анекдот, чтобы хоть как-то разрядить обстановку. Это ему удалось.

— Спенсер Янг Ли, — протянул он для знакомства руку.

И Джокарт её пожал...

Расписания занятий, как такового, не существовало. Выстроившимся после побудки курсантам объявляли, чем они будут заниматься весь день, потом шёл развод на вахты и назначение дежурств, короткая сводка новостей, и курсанты растекались по классам.

Вначале Джокарту, да и всем остальным, подобная система обучения представлялась хаотичной и бессмысленной. Но уже ко

второму курсу стал заметен один из основных её плюсов. А именно то, что курсантам, пребывающим в неведении относительно расписания занятий, ожидающих на следующий день, приходилось тщательно готовиться по всем предметам, будь то теория астронавигации, занятия по изучению вооружения, скоростной драйв на имеющемся в Крепости треке или основы Ино-биологии.

Вдобавок, при подаче знаний навалом, когда приходится заниматься так, что голова кругом идёт, мышцы, даже после усовершенствования, ноют как проклятые, а глаза устают следить за экранами учебной панели управления, сглаживались границы между предметами любимыми и не очень. Например, Джокарт сразу невзлюбил шахматный класс. Наверное, оттого, что в своей бытности студентом Плутонианского института гравионики всегда отдавал предпочтения более динамичным, на его взгляд, азартным играм. Покеру, преферансу и бриджу. Ещё он питал пристрастие к повсеместно распространенному и ставшему чрезвычайно популярным маджонгу. Но когда дело дошло до блиц-турниров, как шахматных, так и по игре в маджонг, многое становилось понятным. Недаром эти занятия проводились в рамках курса по психологической и интеллектуальной подготовке.

Вот и сегодня — офицер-куратор объявил первым занятием блиц-турниры. Первый час — шахматы, второй — маджонг. Учебное отделение Джокарта заняло места за специальными шахматными досками, и — понеслось...

— Первая партия — десять минут! — объявляет психолог-наставник. — Максимальное время хода — десять секунд. Курсанты готовы? Начинаем!

Тихое клацанье таймеров. Но уже через две минуты в шахматном классе включается музыка. Её звучание становится сильнее и сильнее. Одновременно с громкостью начинает изменяться освещение — от нестерпимо яркого света до слабого мерцания, в котором едва различаешь собственные руки над доской.

Название «шахматная доска» — чисто условное. Потому что ничего общего с обычными шахматными досками эти тренажеры концентрации внимания не имеют. Фигуры — и те начинают менять окраску. Это могут быть любые сочетания двух цветов. Единственное, что позволяет их отличить — светлые и тёмные тона окраса. Прямо посреди такой игры чёрный цвет сменяется вдруг синим, а белый — оранжевым. Потом возникает сочетание коричневого и бежевого, алого и малинового, охры и горчичного цвета. Достаточно по ошибке прикоснуться к чужой фигуре, как тут же засчитывается

штрафной балл. Штрафные баллы — это дополнительные занятия после окончания дневной учёбы.

Дальше — хуже: идут сочетания белый — хрустально-прозрачный, чёрный — светло-синий... Мелькание рук над досками, пульсация света в помещении и пульсация звука...

Соперником Джокарта оказался Моджо. Гаваец, как ни странно, удивительно легко справлялся с концентрацией внимания во время смены цвета фигур. Зато ему тяжело давалось другое...

Шахматные часы. Два идентичных циферблата. Две кнопки с разболтанными от постоянных хлопков штифтами. И неумолимые красные флажки, отмечающие время хода...

Здесь этого не было. Вместо шахматных часов — синхронизированная система ручных и ножных переключателей таймера. Помимо внимания, уделяемого, собственно, игре, курсантам приходилось контролировать все свои конечности. Первый ход — остановка флажка таймера правой рукой. Второй — нажатие педали под левой ногой. Третий — левая рука, четвёртый — правая нога. И так по кругу. Ошибка в синхронности предполагала сразу десять штрафных баллов. Моджо весь первый курс не вылезал из дополнительных занятий по шахматам из-за этой самой синхронизации. Ему казалось, что никогда он не сможет добиться слаженных действий от своих огромных рук и ног. Несколько раз, компенсируя внимание и скорость силой, Моджо ломал педали и таймеры, так выяснилось, что на гражданке он занимался борьбой сумо. Техникам даже пришлось изготовить специальную доску, с таймерами и педалями повышенной прочности, на которой бегемот мог станцевать тарантеллу, если бы умел. Ещё Моджо переживал, что из-за этих, по его выражению «шахмат для сумасшедших», он может вылететь с курса. Но психолог успокоил его, объяснив, что всё дело в психомоторике, и что ничего странного и страшного в этом нет.

Действительно, ко второму курсу гаваец всё меньше и меньше ошибался, хотя и набирал штрафные баллы во время каждой игры. Джокарту такие блиц-турниры давались проще, он даже шутил, что после этих занятий можно начать успешную карьеру барабанщика, если найти такой анахронизм, как барабанную установку.

Порядок использования таймеров впоследствии усложнялся. Теперь схемы становились более запутанными. Например, два выключения таймера руками, затем — два выключения с помощью педалей. А самыми тяжелыми были асинхронные переключения, когда нужно было дополнительно загружать и без того вскипающий мозг отсчётом переключений каждой конечностью.

Теперь это могло быть десять переключений левой ногой, затем — одно правой рукой, а после — семь переключений правой ногой, два — левой рукой. Иногда инструктор устанавливал цикличность: пять-одно-два-два, потом — четыре-два-три-три, и дальше — с увеличением на единицу первого движения, и увеличением — второго, третьего и четвёртого. И так до определенного числа. Затем последовательности менялись.

Инструктор терпеливо дожидался, когда общий ропот по поводу такого истязания превратится в настоящий бунт против «шахмат для сумасшедших». А когда такой момент наступил, отвёл всю группу в тренажерный зал, где занимались курсанты третьего курса. И тут всё стало ясно.

— Что, цыплятам шахматы надоели? Думают, что и без них смогут стать орлами? — усмехнулся тогда инструктор тренажерного зала со страшной раной на лице и протезом вместо ноги. — Ну что ж... Эти хоть продержались больше года. Уже хорошо. Ну-ка...

Так Джокарт впервые побывал в кабине учебного истребителя. А роптания с тех пор прекратились, потому что управление основной моделью боевого истребителя «зигзаг-пятьдесят два», или «пятьдесят двойки», как его называли действительные пилоты, строилось именно на асинхронной работе рук и обеих ног.

Левая рука — смена режимов панели управления и управление защитными средствами истребителя. Правая рука — полётный джойстик с гашетками вооружения. Правая нога — управление ускорением, левая — тангажирование в полёте с помощью поворотной педали.

— Всё ясно, голуби? — на этот раз списанный в инструкторы бывший пилот верно поименовал их в соответствии с негласным ранжированием учебных курсов.

Первый курс — цыплята, голуби — второй. Вороны — третий, а выпускной, четвёртый, — орлы.

Наверняка кому-то такие эпитеты и казались странными, если даже не глупыми, но только так было заведено давно, ещё со времени ввода в состав действующего флота Крепостей.

Теперь в каждой из них бытовали свои, присущие только этим базам, традиции. Если в «Австралии» были птенцы, голуби, вороны и орлы, то на «Европе» — «школьники», «подростки», «юнцы» и «зрелые»...

В «Азии» и «Африке» кастовость курсантов истребительных курсов была вообще более чем странной. Там водились какие-то «Лотосы», «Сакуры»... Чёрные мамбы...

Самое понятное положение вещей сложилось в Крепости «Америка». Там всё было предельно просто, без ущемления чьих-либо вкусов и чувств.

Моджо так и высказался: «Просто и со вкусом!», — узнав, что на «Америке» мучаются за шахматными столами всего-навсего «Ястребы», «Грифоны», «Соколы» и... тоже Орлы.

Только курсанты — штурмовики в учебках всех крепостей именовались одинаково бессмысленно — «духи», «черпаки», «слоны» и «деды». Откуда пошли такие названия в космической штурмовой пехоте, не знал никто.

Громкость музыки в шахматном классе между тем усилилась. Теперь это был сплошной лязг и грохот, от которого сводило зубы и разрывались барабанные перепонки.

Освещение также обернулось разноцветным стробоскопом, заставляющим непрерывно сужаться и расширяться зрачки.

Движение меняющих цвет фигур. Мелькание рук над досками. Ритм переключений таймера, пульсирующий где-то в глубинах мозга....

Неожиданно Джокарт почувствовал, как какая-то плёнка сошла с его сознания, будто отодвинуты лёгкие шторы, и всё стало ясным и доступным.

Фигуры, даже если они меняют цвет, всё равно остаются чёрными и белыми. Руки и ноги действуют сами по себе, и куда-то подевалась боязнь сбиться с ритма. Джокарт понял, что теперь сам сможет поддерживать любой заданный ритм, любую последовательность отключения таймера столько, сколько этого потребуется. Да и вообще, схема отключения флажков, заданная инструктором, показалась настолько примитивной, что Джокарт даже улыбнулся. В какофонии звуков он уловил далёкую мелодию, идущую на втором плане, там, за тёмным горизонтом. А уловив, сразу понял, что это было такое: тема лета из «Времён года» Вивальди. Теперь Джокарт мог получать от всего этого какое-то наслаждение, а главное — основное внимание переключить на саму шахматную партию.

Время обдумывания хода было уменьшено инструктором до трёх секунд. Моджо бездумно двигал вперёд всё, что подворачивалось ему под руку: пешки, лёгкие и тяжелые фигуры. Было видно, что он старается не сбиться с ритма и выдержать заданный темп. Ни на что другое его уже не хватало.

В этот день Джокарт выиграл у Моджо все партии подряд. Потом инструктор сменил ему партнёра по игре. Теперь им оказался Пит, до сих пор считавшийся лидером по шахматам на всём первом

курсе. И вновь Джокарт обыграл соперника вчистую. Пит, скорее всего, подумал, что у Джокарта случился счастливый день, когда везёт и везёт в игре... С Питом были согласны все. И только Джокарт знал — это совсем не так.

Когда занятие было окончено, и перед курсантами высветились итоги игр и суммы набранных штрафных баллов, вызывающие восклицания радости у одних и вздохи разочарования у других, перед Джокартом светились только нули. Как на часах казарменного блока в полночь. И Джокарт понял, что настало его Время Палиндромов. Он сам не мог объяснить, откуда пришла такая мысль и что она может означать. Это сделал за него инструктор, после того, как объявил перерыв и переход в маджонг-класс.

— Это был Вивальди, да? — сам решил напроситься на комплимент Джокарт, ощущая в своём вопросе и гордость, и мелкий стыд подхалима.

— Да, курсант. Вивальди. А ещё мы называем это «эффектом дельфина»...

— Почему? — разочарованный таким ответом изумился Джокарт.

— Потому что всё намного проще, чем ты думаешь. После одной из медицинских процедур у всех у вас был запущен процесс модификации деятельности мозговых полушарий. Ты первый, в ком эта модификация окончена. Теперь две половины твоего мозга способны дублировать друг-друга и даже самостоятельно производить два разных расчёта. Это как сон дельфина, во время которого всегда работает одно полушарие...

Увидев досаду и разочарование на лице курсанта, инструктор поспешил подсластить пилюлю.

— Но ты всё равно молодец. Никакие генные и прочие модификаторы не срабатывают в человеке в полной мере, если этот человек сам не приложит усилий. Тебе удалось. Так что сосчитай это себе в заслугу.

— И что... Все пилоты обладают этим э-э... «эффектом дельфина»?

— Ты знаешь, Джокарт, не все. Вернее, обладают в разной мере. Ведь человеческий мозг — маленькая Вселенная, которую нельзя познать до конца. Любые выкрутасы сознания происходят у всех нас по разному. Я рад, что в моей группе появился первый кандидат в действительные пилоты.

Потом, заглянув Джокарту в глаза и поняв, что сказанного недостаточно, инструктор добавил.:

— В хорошие действительные пилоты.

— Спасибо, — ответил ошеломленный Джокарт.

— Спасибо нужно говорить не мне. Я всего лишь оператор процесса, придуманного не сейчас и не мной. Но тебе ещё много чего предстоит. Надеюсь, ты уже понял, что ни один из предметов обучения не окажется лишним?

— Даже маджонг?

— Даже прикладной курс практической навигации. Не слышал ещё о «водяных матрёшках»?

Занятия забирали у курсантов очень много времени и практически не оставляли его для общения с другими группами. Поэтому Джокарт только недоуменно пожал плечами.

— О! Это та ещё развлекаловка! Надеюсь, тебе удастся осилить и «матрёшек». Удачи, курсант!

Поскольку пожелание удачи прозвучало для Джокарта торжественно, он вытянул руки по швам и с полной серьёзностью произнёс слова из присяги: Летать, Побеждать или Погибнуть!

А потом был маджонг.

Глава 2

...Всего-навсего древняя игра с использованием разрисованных фишек, что-то вроде домино. Её предком является более древняя игра — карточная, называвшаяся Ма-Тяо.

Существует несколько разновидностей маджонга, самые архаичные из которых напоминают покер. С тем лишь отличием, что вместо привычных четырёх карточных мастей в маджонге их присутствует больше. Три основные масти — бамбук (палки), точки (доты) и символы, затем — фишки, обозначающие трёх драконов, фишки, символизирующие четыре ветра, по количеству сторон света. Ещё в игре участвуют фишки — растения, традиционно это обозначения цветков сливы, хризантемы, орхидеи и бамбуковой поросли. Так же имеются фишки-времена года.

Маджонг-покер теперь встречался крайне редко, поскольку требует одновременного участия четырёх игроков и достаточного количества времени для разыгрывания партии. Поэтому очередной бум переживал простой маджонг-пасьянс, целью которого является разбор сложных фигур, составленных из фишек, где одинаковые фишки, не «запертые» другими, убираются попарно. Джокарт сразу

почувствовал разницу между этим неспешным занятием в свободное время и тем же занятием, но уже проводимом на лётных курсах, когда роль расслабляющей музыки востока выполняет подстегивающее тиканье таймера. Хотя поначалу и здесь всё представлялось простым делом.

— Я не хочу, — говорил инструктор на вводном занятии, чтоб вы привыкали к красивым рисункам на фишках, потому что рисунки будут постоянно изменяться. Даже не буду требовать, чтоб каждый из вас научился правильно выговаривать «Пиндзу», «Мандзу», «Содзу» и «Сян-Гэн-Пай»... — Дружный хохот в учебном классе. — Мне важно другое...

Для того чтоб удачно разыграть маджонг-пасьянс, требовалось внимание и способность к оценке ситуации перед снятием каждой пары фишек, а также (и это едва ли не главное) всех последствий, к которым может привести их снятие. Достаточно одной-единственной ошибки, и головоломка не разгадывалась. Тем, кто играл в маджонг, объяснений не требуется. Остальные могут попробовать, чтобы убедиться...

Гонг! Специальная установка коротко взбалтывает фишки и выстраивает на столе перед каждым курсантом замысловатые строения из маджонга. Второй гонг — время пошло!

Пит, продувший только что вчистую все шахматные партии Джокарту, как-то позволил себе усомниться в пользе занятий в маджонг-классе.

— Как в детском саду! Кубики — фишечки... Почему бы не вернуться к привычному электронному варианту игры?

Многие разделяли его точку зрения. Инструктору даже пришлось прочесть небольшую лекцию.

— Ещё во времена развития реактивной авиации на Земле компьютеры получили повсеместное признание и использовались практически везде. Тогда впервые было высказано предложение о замене систем управления самолётов на компьютерную клавиатуру с миниджойстиками. Многим такая идея казалась вполне прогрессивной и целесообразной. Но всё же от неё пришлось отказаться...

— Почему? — Пит всё никак не мог успокоиться.

— Одна из главных причин — нарушение тактильной связи между пилотом и его орудием — самолётом. Вы должны чувствовать отдачу механизмов корабля на каждое ваше движение. Настоящая техника, будь то истребитель, штурмовой танк, просто прогулочный мобиль, — это не компьютерная эмуляция, не игра. К тому же нет никакого смысла насильно уничтожать заложенные

в любом человеке природные инстинкты. Тактильность — один из них... А ну, кто может похвастать тем, что, играя в какие-нибудь космические гонки на игровой приставке, не пытался как можно сильнее вдавить кнопку джойстика управления, когда включал ускорение, желая обогнать соперника? Причем — заметьте! — наверняка зная или хотя бы догадываясь, что компьютерной приставке безразлично — насколько сильным будет ваше нажатие...

Это был аргумент. Пит перестал спорить. Джокарт, хорошо помнящий, сколько раз он менял джойстик, приходящий в негодность именно из-за таких инстинктивных вдавливаний, когда он участвовал по И-сети в чемпионате Солнечной по космическим гонкам, тоже вынужден был согласиться с инструктором, который между тем продолжал объяснять.

— ...В пиковой ситуации инстинкт всегда берёт верх над разумом, я бы сказал, помогая ему таким образом. Миллионы лет человек развивался, учился бороться за выживание, охотиться и воевать. Эти времена забыты, но что-то внутри нас помнит: чтобы уничтожить врага, нужно сильнее сжать древко копья с каменным наконечником. Чтобы выстоять в схватке с каким-нибудь саблезубым чудовищем, нужно суметь не выпустить из ладоней рукояти ножа. Человечество, перед тем как допрыгнуть до звёзд, ещё в свою первобытную юность, училось допрыгивать до ветвей с плодами. И чтобы прыжок получался удачным, что-то внутри человека Училось Знать — насколько сильно нужно напрячь мышцы ног, какой силы должен быть толчок, если под ногами камни и если — песок. Не подари природа ему свойство тактильности, как смог бы первобытный человек знать — идёт ли он по лугу или по пружинящей коже бездонного болота? Как смог бы он охотиться с помощью лука? Метать пращу? Конечно, занятия по маджонгу и шахматам предназначены вовсе не для развития координации, а совсем для другого, но никаких электронных игр не будет. Так что прошу отнестись к маджонгу очень и очень серьёзно.

— Ну, понятно. Учимся всё трогать руками, — пошутил кто-то.

Наставник при этом лишь пожал плечами, выражая всем видом простую и очевидную вещь: нравится — не нравится, а заниматься придется.

Ко второму курсу разговоры на эту тему прекратились.

— Опять Маджонг! — удрученно вздохнул Моджо.

Для него проблема заключалась вовсе не в том, что название игры, созвучное его имени, давно превратилось в повод для насмешек.

«Любимая игра Моджо», «Игра в Моджо» — иначе курсанты не называли маджонг.

Там, где была необходима реакция или выносливость, равных Моджо не имелось. На ралли гаваец брал самые крутые повороты не снижая скорости. Кроссы, силовая подготовка, занятия в СВЗ – скафандрах высшей защиты, — ничто не изматывало его так, как Маджонг.

После второго гонга, когда фишки с костяным стуком легли на стол и цепкие взгляды курсантов начинают стремительное скольжение по выстроенной комбинации, Моджо буквально впадал в ступор.

— Где же эти чёртовы драконы? Сян, Гэн, Пай! — бормотал он, бесцельно блуждая руками над доской.

При этом название драконов — Белого, Зелёного и Красного – звучали в его устах, как грязные ругательства.

Рисунки на фишках, как и было обещано, постоянно изменялись, отличить фишки одну от другой становилось всё сложнее. Перемешивающая машина, не допускавшая повторов в выложенных комбинациях, всегда располагала фигуры таким образом, что они могли быть собранными за один раз, без перемешиваний и повторного выкладывания. В этом заключалась ещё одна большая разница между занятием курсантов в маджонг-классе и тем, чем занимались прочие любители маджонга на игровых серверах.

Время, отпущенное на разгадку очередного пасьянса, постепенно уменьшалось, и Джокарту приходилось концентрировать всё внимание, чтобы успеть проредить выложенную перед ним комбинацию хотя бы наполовину.

Он надеялся, что после достигнутых в шахматном классе успехов собрать маджонг будет для него раз плюнуть. Но не тут то было! Джокарт глубоко заблуждался по поводу своих новооткрытых способностей. И вышло даже хуже, чем обычно. К третьему удару гонга горка фишек на его столе уменьшилась едва ли на четверть. Да что там говорить! Успехи Моджо на этот раз оказались существенней.

Джокарт, пребывая в недоумении, захотел получить объяснения у наставника.

— Что, понадеялся на «эффект дельфина»?

— Да, — удрученно проронил он в ответ.

— И эта штука не сработала?

— Как видите, наставник...

— А чем же этот эффект мог тебе помочь? Отвлекающие факторы: шум, свет, даже изменение давления и гравитации — всё это

предусмотрено для занятий по маджонгу с третьего курса обучения... Здесь нужно другое.

— Какой-нибудь очередной эффект?

— Верно. Только не «какой-нибудь», а самый главный. Мы называем это «Глаз Орла», и дай Бог хотя бы половине из вас, кто выдержит всю программу обучения, стать обладателями этот эффекта...

— Неужели вы хотите сказать, что маджонг будет преследовать нас до самого окончания обучения?

— Для тех, у кого откроется «Глаз Орла», — да. До самого окончания. Остальным придётся заниматься в маджонг-классах, только уже других, и проходить дополнительные медицинские процедуры даже после того, как они станут действительными пилотами.

— О!...

— Желаю тебе и в этом стать первым. А пока, за сегодняшние успехи в маджонге, назначаю два часа дополнительных занятий после окончания дневного цикла.

— Принял! — по уставному ответил Джокарт.

«„Эффект дельфина“... „Глаз Орла“, — вертелось у него в голове во время лекции по классификации своих и вражеских звездолётов. — Тьфу ты, гадость какая!»

После назначенной двухчасовой отработки, когда время Крепости, оно же — общее время Солнечной, приближалось к шести и искусственный свет в учебном центре скоро должен был потускнеть, имитируя сумерки, Джокарт решил посетить видеозал.

Разнообразить вечерние часы в Крепости можно было всего несколькими способами. И Джокарт уже знал, что некоторые ему не подходят. Так, чтение книг или прослушивание их аудиовариантов только приближало его полуночную депрессию, граничащую с психозом. Вопреки бытующему мнению, что полугодовой срок, а уж тем более два года — достаточное время для излечения душевной боли, Джокарту казалось, будто она становилась сильнее. Может быть, всему виной — монотонность распорядка курсантской жизни в Крепости? Когда с подъёма и до шести, к окончанию всех отработок, натягиваешься, как струна, и находишься все эти часы в таком состоянии. А затем, когда отработки заканчивались, струна рвалась, лопалась, и прежние тяжкие думы накатывали с неизбежностью морского прилива, достигая апогея к полуночи. Джокарт убрал подальше все сохранившиеся семейные фотослайды. Это помогало, но не намного. С восьми до десяти, то есть до вечернего построения и отбоя, он посещал трек, гоняя на гравискутере, до из-

неможения тренировался в СВЗ, ходил на дайвинг в специальный глубоководный бассейн Крепости...

Дайвинг был рекомендован всем курсантам, но почему-то кроме Джокарта мало кто появлялся в бассейне. Он и не стремился в эти часы обрести компанию. Скорее, наоборот... Ведь это была — его боль. Его борьба с самим собой и собственными воспоминаниями.

А чёрная вода расслабляла. С аквалангом на спине и маленьким фонариком в руках Джокарт мог погружаться на допустимую глубину в тридцать метров. Иногда ему хотелось глубже... Много глубже... Дольше. И было почти наплевать, что — вот она! — «красная отметка», что воздуха — впритык для всплытия, даже если не учитывать декомпрессионные остановки. Однажды он сорвался.

Это случилось только один раз, когда техник «Чёрного колодца», как называли глубоководный бассейн Крепости, чудом успел вытащить курсанта, и Джокарт неделю провалялся в барокамере, испытывая отчаяние от своего малодушия. Отчаяние и страх.

«Я не такой... Отец! Ты учил меня быть сильным! Мать поддерживала тебя в этом, а брат стремился во всём походить на меня... Я смогу. Я справлюсь. Просто мне тяжело... Больно и тяжело. Ну почему, почему меня не было рядом с вами? Почему у Альвареса не получилось? Почему?» — беззвучно и бесслёзно рыдал Джокарт, пока медицинские машины выводили из вен многочисленные тромбы, а целые стада микроботов латали изнутри сосуды...

Оператор медицинских машин осуждающе качал головой. Он-то знал, каково бы пришлось Джокарту, не заполучи Крепость годом раньше трофейный вспомогательный корабль Бессмертных, битком набитый регенерационной техникой. Микроботы были творением врага. К счастью, людям и раньше удавалось приспосабливать некоторые технологии Бессмертных под свои нужды.

Если бы только Джокарт мог знать, с какой из них ему придётся столкнуться в будущем! Если бы мог...

Разговор со штатным психологом был недолгим. Курсанту был назначен небольшой курс лечения антидепрессантами, и высказано пожелание поскорее начать думать о своей потере, как об уже свершившемся факте, к которому, как говорится, не прибавить — не убавить.

Именно благодаря психологу, который наблюдал подобные случаи депрессии не первый раз, Джокарта не отчислили с лётных курсов как суицидальную личность. И теперь, погружаясь в «Чёрный колодец» или тренируясь в зале повышенной гравитации, он

не забывал обещание, которое дал в первую очередь себе самому в присутствии старших офицеров и куратора учебной группы.

— Это не повторится. Никогда. У меня есть цель, и я её достигну...

Не поверил ему или сделал вид, что не поверил, только пилот-инструктор, которому предстояло вести обучение Джокарта на четвёртом курсе.

Офицер с майорскими знаками отличия догнал его в пустом коридоре и рванул за шиворот, притягивая к себе почти вплотную.

— Запомни, сопляк! Солнечной не нужны пилоты — истеричные барышни, способные в любую секунду потерять голову, если на них что-то там нашло! Хочешь сдохнуть? Валяй! Но только сделай это сейчас, а не тогда, когда твоя смерть может повлечь за собой смерть другого, более достойного пилота.

Джокарт трепыхнулся, но хватка майора оказалась железной.

— Если ко времени, когда ты попадёшь в мой класс, а не вскроешь как-то по случаю вены, тебе не удастся разобраться со своими воспоминаниями, то — клянусь! — я сделаю так, чтоб тебе досталась самая вшивая работа в Крепости! И если ты не научишься подбирать сопли сейчас, потом тебе придётся пускать их всю жизнь, протирая зубной щеткой гальюны и стартовые площадки вместо робота-уборщика. О такой ли карьере ты мечтал, когда поступал на курсы и принимал присягу?!

Наверное, это были хоть и справедливые, но неправильные слова. Кощунство! Святотатство! — закричало что-то внутри Джокарта. Даже прямота и откровенность, с которой они были высказаны, не заставили его проглотить их вперемешку с горькой обидой и унижением, которое он ощутил.

— В — вы... Т — ты, с-скотина! Пошёл ты!.. — срываясь на фальцет, брызнув слюной прямо в лицо пилоту, Джокарт ожидал тяжелого нокаута и мысленно успел попросить всех хирургов Крепости ничего не перепутать, когда они начнут складывать его косточки, словно весёлый натуралистичный маджонг.

Но никакого избиения не последовало.

— Хочешь кусаться? Это хорошо! Значит, не всё ещё потеряно! — усмехнувшись без всякого глумления, пилот тихонько дотронулся до его плеча, развернулся и ушёл.

Может быть, именно это осторожное, почти отеческое прикосновение, последовавшее за злыми словами, навсегда закрыли для Джокарта ту дверь в безвременье, которую он почти был готов открыть, уступая терзавшим его душевным мучениям.

Теперь от всего осталось только одно — время между отбоем и провалом в сон. Злая полночь. Время палиндромов...

...В видеозале курсантского блока было на удивление тесно. Все пятьсот мест оказались забиты курсантами лётного отделения и почти квадратными фигурами курсантов школы космической пехоты. Мелькали и чёрные с голубым комбинезоны действительных пилотов... С узкой ядовито-жёлтой молнией на груди — истребительного корпуса. С ярко-красными строенными кругами — пилотов корпуса мониторов сверхдальнего действия. С чёрным силуэтом летучей мыши — означающие принадлежность к экипажу корабля вспомогательного флота, и, наконец, здесь присутствовали пилоты линейных кораблей прорыва и прикрытия, имеющих своей эмблемой изображение планеты, окруженной кольцами, в честь формирования первого земного флота линейных кораблей вблизи Сатурна.

Такого разнообразия офицеров в курсантском видеозале Джокарту ещё не доводилось наблюдать, не иначе, подумал он, будут передаваться важные новости, и все видеозалы Крепости забиты желающими эти новости услышать.

Ещё здесь находились офицеры штурмовой пехоты. Их Джокарт видел впервые, потому что офицерская казарма штурмовиков находилась на другом полюсе Крепости, но тем не менее он сразу понял, что это за люди.

Огромные, одетые в чёрные мерцающие костюмы спортивного покроя, с выпирающими из-под ткани буграми мышц и с тяжелыми, гнетущими взглядами. Вокруг них мгновенно образовывалась какая-то тёмная аура, и Джокарт заметил, как один из курсантов летной школы осёкся на полуслове и замолк, побледнев, едва рядом с ним на свободное место одним расчётливым движением, будто гигантский зверь, скользнул двухметровый офицер особой группы. На его груди выделялись странные рисунки — два десятка бесформенных белых клякс.

— Ого! Человек-Гора, лично удавивший двадцать червей-штурмовиков! — вспомнилось Джокарту, что обозначают эти кляксы.

Судя по тому документальному видеоролику, что демонстрировался курсантам на лекции по Инобиологии, один штурмовик-Бессмертный стоил в бою целого взвода земной пехоты. Окончательно же уничтожить его было вообще чрезвычайно трудным делом, поскольку модифицированные наружные ткани червя-штурмовика и уникальное ню-кевларовое покрытие, напыляемое

на голый торс, были способны выдержать до нескольких попаданий кумулятивных танковых снарядов.

Каждый сегмент такого червя прикрывала дополнительная броня-трансформер с изменчивой конфигурацией, чтобы червь мог вытягиваться в длину, уменьшаясь в обхвате вчетверо — с полутора метров приблизительно до двадцати сантиметров. И если в обычном состоянии штурмовик-Бессмертный был что-то около пяти метров в длину, то при растягивании в стадии просачивания, то есть при прохождении сквозь почву, эта длина увеличивалась в три раза.

Джократу особенно запомнился один ролик, отснятый низкоорбитальным спутником во время битвы на поверхности какой-то безкислородной планеты: два танка при поддержке нескольких пехотинцев устроили дуэль с одним лишь червём... Было видно, как дёргается огромное, невероятно гибкое тело при попаданиях. Пехотинцы заколачивали в него обойму за обоймой, двое из них, самые отважные, приблизились на расстоянии около двадцати метров и использовали огнемёты. Это оказалось их роковой ошибкой!

Когда на том месте, где извивался червь, всклубилась нестерпимо-яркая плазма, и со стороны могло показаться, что всё кончено, Бессмертный лишний раз оправдал название своей цивилизации, вывалившись из плазменного горения пылающей дугой, поразив обоих смельчаков лазерным импульсом.

Танковые орудия, чьи прицелы были сбиты после плазменного залпа огнеметчиков, судорожно дернулись, пытаясь вновь захватить цель. Экипаж одного из них, поняв или догадавшись, что вот-вот может произойти, попытался откатить на форсаже свою боевую машину, но было поздно...

Дальше кадры фильма воспроизводились в замедленном темпе.

Вот червь штурмовик, только что разделавшийся с оплошавшим огнемётным расчётом, сжимается, словно пружина, укорачиваясь и разбухая до невероятных размеров. Так, что броня вплотную прижимается к телу, сдавливая его, не оставляя никакого зазора. Сейчас бы самое время влепить пару бронебойных зарядов, но этого не происходит — трехствольные орудийные башни только-только нащупали силуэт червя. Автоматическое открытие огня начинается, когда червь уже вытягивается для прыжка, и броневые плиты принимают боевую трансформацию. Потом — следующий кадр — первый миг прыжка. И снова автоматика опаздывает...

Курсанты уже прослушали несколько лекций о природе Бессмертных, поэтому даже неуспевающие знают, что должно произойти на экране.

— Ну давай же! Кумулятивным! — не сдерживает невольного выкрика кто-то из них.

Именно сейчас, когда тело червя вытянуто в максимальном растяжении, а это что-то около пятнадцати метров, обнажились межсегментные складки, потому что броня не способна вытягиваться на такие размеры за короткое мгновение, и не может прикрыть всё тело, распадаясь на фрагменты-кольца, а собственное ню-кевларовое покрытие червя — уже недостаточная защита против танковых орудий, и даже против реактивных пуль автоматов пехоты.

Бортовые компьютеры танков успевают открыть огонь из вторых стволов, с кумулятивным снаряжением, но не успевают среагировать на уменьшение объема цели. На экране видны штрихи следов от зарядного конденсата — снаряды проходят в каких-то сантиметрах от туловища Бессмертного. Если бы планета имела хоть какую-нибудь атмосферу, этого оказалось бы достаточно — удар воздуха, даже разреженного, если бы и не разорвал червя, то хотя бы отбросил в сторону.

Здесь этого не происходит. В углу экрана мерцает пояснительная строка состояния: сила тяжести — 1,2 земной, поток радиации — средний уровень, освещенность... уровень рефракции.. Вот оно! Давление на поверхности — 0,000.

И червь, преодолев в прыжке за секунду расстояние, разделяющее его от танков, бьет по черным, обтекаемым башням обоими концами туловища, бьет в два приема, наверняка...

Здесь наглядно становится видна другая ошибка штурмового подразделения — второй танк должен был находиться на большем расстоянии от первого. Они начали отход, но не успели.

На обеих оконечностях тела Бессмертный сгенерировал теперь мощное гравитационное поле. Червь бьет! Касается первой танковой башни, и в месте этого касания башня сминается, проваливаясь внутрь. Можно быть уверенным — из двух членов экипажа один мёртв со стопроцентной гарантией, второй погибнет через секунду, потому что герметизация корпуса танка — нарушена, а в узкие стаканы танковых отсеков невозможно втиснуться в СВЗ.

Червь, словно крыло мельницы, производит короткое вращательное движение и касается башни второго танка — уже другой оконечностью.

Из танковых коробок вырываются струйки пара. Это уходит жизнь танкистов, про которых уже можно забыть. Но фильм этой сценой не заканчивается.

Крупным планом — червь. Он вполне мог ограничиться генерированием гравитации лишь у одной оконечности, чтоб сэкономить энергию, но он ударил двумя. Теперь ему нужна подзарядка. Пять-шесть секунд. «Вдох», как говорят пехотинцы...

В эти секунды лишенное танкового прикрытия отделение — восемь оставшихся солдат — выскакивает из-за естественного укрытия — небольшой группы валунов — и, врубив антигравы штурмовых СВЗ, пытается успеть добраться к лежащему на поверхности временно небоеспособному червю. Синхронный залп в упор, в одну точку, несомненно, пробил бы защиту Бессмертного, но они тоже не успевают, ведь их разделяло порядочное расстояние.

Тогда группа решает открыть огонь с дистанции не более сорокапятидесяти метров. Опять идут замедленные кадры, и видно, как реактивные пули отрывают от броневого прикрытия врага целые пласты. В одном месте из-под кольца брони просочилась тёмная вязкая масса, тут же застывшая уродливой грязной сосулькой. Казалось, ещё миг — и погибшие танкисты будут отомщены. Но этот миг не наступил...

Раненный, скопивший недостаточно для боя энергии червь изогнулся, изобразив перевёрнутую букву «U», и в следующее мгновение исчез, провалившись под землю. Причем это нужно воспринимать буквально — природное предназначение червя, его основное атавистическое свойство, как было установлено учеными, изучающими взятых в плен Бессмертных, было таким же, как и у земных червей — подпочвенный образ жизни.

Если человек, прежде чем подняться в небо, возможно, слез с дерева, то Бессмертные, несомненно, выползли в небо из-под земли.

Стадия просачивания. На глубину, недоступную георадарам земной пехоты. Теперь пехотинцы не смогут угадать, каков будет маршрут передвижения червя под поверхностью.

Именно это свойство Бессмертных, а вовсе не отличная защищенность, малая уязвимость и широкий спектр поражающего оружия червя, заставило бы плакать офицеров штурмовых групп КС. Если бы, конечно, они умели плакать не только после утренних побудок или при «адреналиновом всплеске» перед рукопашной...

Снова замедленные кадры... Мелкий гравий, бьющий, словно столб воды за курортным водоциклом. Снова опадание червя в объёме. И вот его уже нет на поверхности.

И тут подразделение пехоты допустило третью, последнюю ошибку.

Вместо того чтоб запросить подмогу, или срочную эвакуацию, или же просто постараться оказаться как можно дальше от места поигранной схватки, чтобы разыграть какую-нибудь другую комбинацию, восемь бойцов, посовещавшись накоротке, видимо решили взять реванш. Заняв круговую позицию, разделив пространство перед собой на сектора и активировав георадары, они начали выжидать появления червя, справедливо полагая, что после ранения червь не сможет долго оставаться на планете и попытается вызвать эвакуатор. А для того чтоб послать узконаправленный импульс вызова, адресованный его личной капсуле, болтающейся где-то на орбите, прикрытой отражающими полями, а потому малозаметной (учитывая и малые угловые размеры) для техники землян, Бессмертному необходимо подняться на поверхность. Иначе то, что не смогли сделать танки и пехота, с ним сделает мёртвая планета.

Пехотинцы успели просмотреть видеослайды, отснятые цифровыми записывающими элементами их автоматов, чтобы понять — герметизация брони-скафандра червя нарушена. И сосулька застывшей снаружи крови означает такую же, а может, и большую по размерам сосульку в теле червя. Поврежденный участок туловища был наспех изолирован внутренними выделениями, аналогом человеческой лимфы, но без оперативного возврата в комфортные для Бессмертного условия, червь может впасть в оцепенение. И тогда настырные земляне сотрут его в порошок, установив мощный фугас или что похуже. В таком случае эвакуатору станет затруднительно найти пригодный для полной регенерации фрагмент тела, а значит, как это ни парадоксально звучит, Бессмертного ждёт смерть.

Анекдоты вроде «кощей-бессмертный прыгал с поезда, выпрыгивал из самолёта, топился в болоте, в общем — развлекался целый день» были в полной мере применимы к Бессмертным, но — до определенного предела. К сожалению, предел этот достаточно высок, поэтому цивилизация-агрессор и получила такое название.

Пехотинцы замерли, боясь сбить настройки радаров, находящихся на левом запястье каждого бойца. Оружие зажато в правой руке... Даже в СВЗ, оборудованном мышечными усилителями, это непросто — удерживать в одной руке штатный автомат-пулемёт «Леборейтор», снаряженный реактивными пулями кумулятивного действия, который весит около двадцати килограмм.

Джокарт и обеими руками его еле-еле удержал, когда группа отправилась на ознакомительные стрельбы. Да и то — курсантам лётной школы было позволено вести стрельбу только в положении лёжа, зафиксировав автомат четырьмя сошками — два под самым

дульным срезом, ещё два — у цевья. И даже тогда Джокарт ощутил, какая энергия заключена в каждой выпущенной пуле, недаром эти автоматы пехотинцы называли между собой «баллистами». Потому что пуля, выпущенная из «Леборейтора», вполне могла иметь баллистическую траекторию, схожую по досягаемой высоте с малыми ракетами ПВО.

Тогда же Моджо, то ли не расслышав предупреждения инструктора полигона, то ли просто сдуру, понадеявшись на свою физическую мощь и подсмотрев, как ведут стрельбу курсанты пехотного отделения на соседнем стенде, буквально впечатался в стенку, находящуюся метрах в десяти позади огневого рубежа. Отбил лёгкие, получил пару трещин в лопаточной кости... В общем, на неделю выбыл из строя. Потом ещё две недели состоял дневальным, в наказание за подобную глупость...

А эти ребята стояли, как заправские коммандос, те самые, что штурмовали «Альпийский редут» в далёком 47-м позапрошлого века.

Так продолжалось несколько минут, лишь один из пехотинцев отвлекался пару раз, видимо, для связи с орбитальной командой. Но даже в эти секунды стоящие справа и слева от него бойцы поддерживали контроль, расширяя сектора действия георадаров.

А потом было какое-то мельтешение на экране... Какие-то синие сполохи, беспорядочная пальба на развороте, чуть ли не друг в друга, но никого из них эта пальба не спасла, так же, как и прицельная блокировка автоматов «свой-чужой».

Вскоре взгляд снимающей камеры перепрыгнул, порыскав по сторонам, на быстро спускающуюся сверху капсулу-эвакуатор для Бессмертного, а вот и сам червь — забравшись в капсулу, он исчез, успев стартовать за несколько мгновений до того, как орбитальная команда разобралась что к чему и всё-таки врезала по этому злосчастному пятачку каменистой пустыни фугасом. Для этого им пришлось активировать заряд, имевшийся в СВЗ одного из пехотинцев. В ослепительной вспышке, которую не смогли подавить до конца светофильтры ведущего запись спутника, исчезло всё... Джокарту показалось, что непосредственно перед моментом подрыва ядерного заряда он увидел восемь обуглившихся тел во вскрытых, будто консервные банки, скафандрах. Было ли это действительно так, и сработало боковое зрение, или просто показалось, он не определился.

Эффект от увиденного был таким, будто курсанты, находящиеся в учебном классе, попали в гущу происходящего. Джокарт сам

невольно подпрыгнул, коротко вскрикивая, другие отреагировали подобным же образом. Потом установилась тишина...

Поскольку отснятые события происходили в безвоздушном пространстве, не было никаких звуков, сопровождавших кадры фильма. Всё происходило в полной тишине, и поэтому кадры казались тем страшнее, чем если бы у них имелась хоть какая-то звуковая окраска. Теперь эта тишина стала абсолютной.

Нарушил её инструктор. Он выдержал эффектную паузу, а затем будничным тоном задал вопрос:

— Кто успел понять, что именно произошло с группой пехоты?

Вначале говорить не желал никто, настолько были потрясены курсанты увиденным, и продолжали пребывать под впечатлением от этой хроники. Потом только раздались первые голоса.

— Грохнули их, всех восьмерых... Свои же грохнули! Из-за одного червяка! — это был Моджо.

— Сами друг друга перестреляли! — это Пит. — Стояли бы, как и стояли, а то вдруг развернулись и начали палить.

— Теплее, — прокомментировал ответ Пита инструктор, — но всё равно мимо.

— Надо было сразу валить оттуда, как только червь зарылся под землю! — ещё один выкрик.

— О! — инструктор допустил живой тон, что прозвучало едва ли не кощунственно. — Примерно за такой ответ курсант пехотного отделения получил восьмёрку по десятибалльной шкале.

— А кто же получил десятку? — подал голос и Джокарт.

— Насколько я знаю, на том занятии не было проставлено ни одной десятки, хотя это были учащиеся второго, выпускного курса пехотного отделения. Даже они, с их, поверьте, нечеловеческими способностями, не разобрались, что же произошло в последние секунды с погибшей группой. Но кое-кому поставили девять баллов...

— Кому же? Какой был ответ? — теперь реплики неслись со всех сторон, и было тяжело разобрать, кто их выкрикивает.

— Тише! Девятка была проставлена курсанту, который сказал, что приказал бы отделению отступить сразу после потери танкового дуэта, а если бы пришлось оставаться на месте, активировал фугас как только червь скользнул под землю...

— Ничего себе, правильное решение... Получается, у них изначально было немного шансов? Тогда зачем все эти поединки? Значит, Бессмертных нужно бить только в открытом пространстве, на расстоянии, пока их штурмовики только-только готовятся к десантированию...

— А что же делать, если они успеют высадиться? Зажмурить глаза и дать себя погрызть? Нет. Шанс есть всегда. Просто и танкисты, и пехотинцы, которых вы только что видели, во время боя допустили ряд серьёзных ошибок. Тактика червя, к слову, тоже не была идеальной. И позже вам покажут другие фильмы, где всё случилось совсем наоборот...

— Это как же? Один пехотинец, уничтожающий... сейчас... Восемь плюс два огнеметчика, плюс четверо танкистов и танки впридачу...Уничтожающий шестнадцать червей, что ли?

— Нет. Не шестнадцать. Троих. Я думаю, после увиденного, даже такое соотношение должно внушить вам уважение к «Диким», — инструктор ввернул словечко, которым за глаза в Крепости называли штурмовиков КС.

Аудитория согласилась.

— Шансы на самом деле, — это некая абстрактная вещь, и важно сделать так, чтобы они использовались нашей стороной, а не врагом. А теперь смотрим те же кадры, только в замедленном темпе. Итак!

Восемь пехотинцев, образовав круг приблизительно десяти метров в диаметре и став спинами внутрь этого круга, вновь ожили. К сожалению, только на этой видеозаписи. Вот они активируют георадары, выставив руки на уровне груди локтями вперёд. Перехватывают оружие другой рукой... Теперь Джокарту в сознание почему-то впечатывается, что один из восьмерых — левша, он держит автомат в левой руке. Потом другой пехотинец бесконечно долго тянется свободной рукой к шлему СВЗ, видимо, производит настройку связи с орбитальной командой. Сейчас наверняка ведётся доклад о потерях, об ускользнувшем штурмовике-Бессмертном... Его соседи медленно поводят руками с циферблатами георадаров на рукавах, расширяя сферу сканирования, пока один из них ведёт доклад. Затем, в самом углу экрана, появляется какое-то туманное дрожание. Оно усиливается, растёт, начинает приобретать форму. И становится понятно, что столб загадочной мути появился не где-нибудь, а в самом центре образованного пехотинцами круга.

Потом столб превращается в червя. Это тот самый, со знакомым следом ранения на боку. Червь встаёт вертикально, опадая после фазы просачивания и обретая свой обычный размер.

Когда первый из пехотинцев улавливает движение, происходящее за спиной, и начинает оборачиваться, запрокидывая ствол автомата наискось: через плечо и в сторону, — видно, как его ука-

зательный палец начинает вдавливать гашетку подачи реактивных пуль, — от червя во все стороны выплеснулись тонкие почти прозрачные нити. Тут же начинают разворот и остальные пехотинцы. Самая выгодная позиция — у левши, ну и конечно же у бойца, первого заметившего опасность. Они практически одновременно открывают огонь, и пули начинают вминаться в броневую защиту червя, но только теперь это не причиняет Бессмертному сколь ни будь существенного вреда. Червь собран. Балансирует на нижнем оконечье, словно на хвосте. Сегменты его тела сомкнуты, и броневые кольца надёжно их прикрывают. К тому же видно, что большинство пуль уходит рикошетом от этих броневых колец. Причина — нестатичность положения стволов оружия и малое расстояние для стабилизации пули в полёте.

Все пехотинцы стреляют, продолжая разворачиваться и удерживая бьющие страшной отдачей автоматы одной рукой. В этот же миг нити, исторгнутые червем, касаются всех восьмерых, и по этим нитям струятся синие змейки.

На этом воспроизведение было остановлено.

— Дальнейшее вам известно. А вот последние кадры, что мы смотрели в повторе, несут много ценной информации.

«Ну да! Пособие для начинающего Бессмертного-штурмовика. Как нужно расправляться с бестолковыми хомо, невзирая, что они сапиенсы...» — Джокарта посетила чёрная ирония.

Судя по оловянным взглядам других курсантов, их мысли были примерно такими же.

— Во первых, — включив свет, инструктор пристукнул ладонью по пульту, пресекая ропот, прокатившийся по аудитории, — вы только что видели сразу несколько специфических возможностей Бессмертного и то, как он их использует. А именно: его появление точно в центре позиции пехоты КС подтверждает выводы инопаталогоанатомов, что одним из важнейших органов получения информации у Бессмертных является нечто схожее с боковой линией земных рыб. С помощью такого органа особь-штурмовик, — прошу обратить на это внимание! — черви-пилоты такой особенностью не обладают, у них припасены свои сюрпризы для наших пилотов... Именно штурмовик-Бессмертный с помощью «боковой линии», действующей даже сквозь ню-кевларовое покрытие, способен выявлять и анализировать множество параметров. Таких, как напряженность электрического поля, молекулярный состав окружающей среды... Он может чувствовать гравитационные колебания, вести инфра- и ультразвуковое сканирование, и в этом его возможности

практически равны георадарам пехоты КС. Во-вторых, помимо оружия, установленного на броневом прикрытии, червь в своем организме имеет орган, генерирующий гравитационное поле, то самое, с помощью которого были уничтожены оба танка. Ещё червь может создавать кратковременный электрический импульс и, если не обнаруживает вокруг себя среды для проведения электрического разряда, выбрасывает вот такие токопроводящие нити. Отмечены случаи, когда нити достигали полусотни метров в длину. Но это зависит, по-видимому, от индивидуальных особенностей каждого червя.

Ещё одно его оружие — умение маскироваться, в чём вы только что убедились. Своеобразная мимикрия, то самое туманное дрожание, — следствие изгиба и преломления оптических лучей. Особенности такого феномена до конца ещё не изучены, и механизм невидимости штурмовиков-Бессмертных недоступен научному корпусу КС. Но ясно одно — подобная невидимость достигается червями только в оптическом диапазоне, и только на очень короткое время...

Вспоминая увиденную видеохронику и комментарии лектора, Джокарт по-другому взглянул на офицера с двадцатью отличительными знаками-кляксами. И неожиданно увидел совсем другого человека, который не казался теперь таким огромным и в чьём облике не было ничего звериного. Человека, позволившего искусственное гипертрофирование мышечной массы, скелета, сухожилий, нервной системы и всего остального, что в нём есть, чтобы стать машиной войны.

Тут же вспомнив учебные дисциплины лётных курсов, собственную модификацию, достигнутый «Эффект дельфина» и ещё недостигнутый таинственный «Глаз Орла», Джокарт содрогнулся.

А он? Во что превращается он сам, как не в такую же машину войны? В придаток для другой, более грозной машины — боевому истребителю Космических Сил «Зигзаг-52»... Как служил придатком к своему «Леборейтору» офицер-штурмовик.

Двадцать пятиметровых, несущих почти идеальную броню, вооруженных лучше среднего штурмового танка «Шарк-5000» червей вышло против этого человека. И он победил!

Не осознавая, зачем ему это нужно, Джокарт протиснулся между рядами, вызывая протесты и нелестные возгласы среди сидящих, и занял место рядом с штурмовиком, благо других желающих занять это место среди курсантов не имелось.

Освещение меркло, на четырёх больших экранах видеозала мелькнула заставка с изображением Солнечной, и сквозь звуки бравурного марша донесся голос диктора.

Глава 3

Те ещё были новости! Джокарт не разбирался в причудах политики, но даже он, человек неискушенный, понял, что за дышащими бодростью словами кроется какая-то недоговоренность. Может быть даже — недобрая весть. Вот только в чем она заключалась, он ещё не понимал.

А в зале нарастал ропот. То один, то другой офицер, сначала шепотом, качая головой, потом в полный голос кидались различными нелестными словами.

— Сволочи! — убежденно сказал кто-то слева.

— Идиоты! — выкрикнули справа. — Теперь точно на убой погонят!

Штурмовик, остававшийся бесстрастным на протяжении почти всего блока новостей, вдруг начал отбивать тяжелую дробь пальцами по подлокотнику.

— Прорыв уже близок! Тот час, когда внеземная нечисть будет загнана в самый глухой угол Галактики, — недалек! — патетически вещал ведущий программы, известный на всю Солнечную Барри Гудман. — Новый сверхмощный флот, созданный на верфях Солнечной, готов нанести окончательный удар...

Бирюзовые запонки на его манжетах отчаянно блестели, когда он принимался жестикулировать. Может быть, из-за этого Джокарт так и не уловил, в чем именно крылась ложь, которую успели понять бывалые военные.

Когда в зале вновь зажегся свет и повсюду вспыхнули споры (в основном это были трактовки только что прозвучавших заверений в скорой победе), Джокарт собрался было уходить, чтоб найти кого-нибудь из наставников, кто смог бы разъяснить суть возникшего недовольства. И тут сиплый голос остановил его, а на плечо легла кажущаяся свинцовой ладонь.

— Ну что, летун? Пойдём обмывать твои лычки?

Штурмовик, за весь сеанс так и не проронивший ни слова, неожиданно обратился именно к нему.

— Лычки? — переспросил Джокарт, на всякий случай обернувшись по сторонам — убедиться, что рядом нет никого другого.

— Пошли, пошли! — Штурмовик властно подтолкнул его к выходу. — Успеешь ещё наслушаться, этих разговоров на целую неделю теперь хватит.

Подчиняясь больше офицерскому званию, чем чужой воле, Джокарт пробрался вдоль свободного уже прохода, и штурмовик последовал за ним.

У выхода из видеозала им навстречу попался Спенсер Янг Ли, который удручённо вздыхал.

— Ну вот. Опять всё пропустил! О чём хоть сообщали?

— О скорой победе и обо всём неминуемом... — отвечал ему кто-то.

Пилот на секунду закатил глаза, издав обреченное «у-у-у!», а после заметил Джокарта и высившегося над ним пехотинца. Как оказалось, оба офицера были уже знакомы между собой.

— Привет, Балу! Не всех червей ещё передавил? — пожали они руки.

А Джокарт подумал: «Балу... Балу... Что-то знакомое. Это, кажется, из мультфильма. Ну что ж. Подходяще!»

— Ты тоже ещё не отлетался, как я посмотрю!

— Как видишь, нет.

— И что, не нашлось ещё летуна-Бессмертного, чтоб сбить твою «Стелу»?

— Только после вас... Когда там следующая вылазка?

Ну и шуточки у них, содрогнулся Джокарт, так же обменявшись предложенным рукопожатием.

— Куда этот медведь тебя тащит? — обращаясь к Джокарту, Спенсер Янг Ли как-то подозрительно скользнул взглядом с курсанта на штурмовика и обратно.

— Обмывать лычки...

— Вот так даже? — пилот картинно хлопнул себя по лбу. — А я уже подумал о тёмных каптерках, учащенном дыхании и прочих атрибутах чистой мужской дружбы.

— Ка...ких к-каптерках? — поперхнулся Джокарт, ощущая внезапный страх и желание мгновенно очутиться в кубрике рядом с храпящим Моджо.

— Оставь эти байки для сосунков с гражданки! — весело отмахнулся штурмовик.

— Байка — ложь, да в ней — намёк...

И штурмовик, и пилот рассмеялись. Потом, увидев бледность на лице курсанта, поспешили его успокоить.

— Это такая страшилка для маменькиных сыночков — насчёт неразборчивости во вкусах офицеров пехоты. Разновидность первичного отбора. Проняло, правда?

Джокарта действительно проняло. Потому что он слышал раньше подобные истории, но когда штурмовик пригласил его в бар, они все почему-то вылетели у Джокарта из головы.

— Э, постой! Какие лычки? Ты вроде только второй год здесь? Экстернов, насколько мне известно, для пилотов не существует.

— На втором, — согласно кивнул Джокарт.

— Тогда...

Вмешался Балу и всё разъяснил.

— Я же говорил — о скорой победе речь пошла. Значит — что?

— Ты думаешь? — Спенсер Янг Ли недоверчиво потрогал мочку уха.

— Уверен. Скоро всех ваших курсантов посадят на истребители, и — вперёд, за Солнечную! Как там у вас? Летать и погибать!

— Летать. Побеждать или погибнуть, — вставил слово Джокарт.

— Во-во. Я и говорю... Погибать всех отправят. А как же погибать — без лычек?

Спенсера смела какая-то группа пилотов — истребителей, вовлекая в свой спор. Джокарт захотел улизнуть, но это ему не удалось.

Ещё через несколько минут, промчавшись две дюжины уровней на скоростном лифте, Джокарт очутился вместе с Балу посреди большого овального зала.

В стены здесь были вмонтированы огромные аквариумы, в которых посреди колышущихся водных растений мелькали стаи разноцветных рыб. Звучала музыка: тихо, чтоб не мешать разговорам, ведущимся за столиками. Сами столики — разноразмерные, от двух до десятиместных, — были расставлены в сложном порядке. Так, чтоб оставить свободным небольшое пространство в центре зала. Там имелась овальная эстрада, повторяющая очертания зала, подсвеченная снизу. Сейчас эстрада была пуста, но нависающий над ней видеокуб и ведущие на неё ступеньки говорили о том, что здесь иногда происходит какое-то действо.

— Виски? Джин? Водка? — начал перечислять подскочивший неведомо откуда официант.

И запнулся, увидев рядом с офицером молодого курсанта. Но едва он начал раскрывать рот (видимо, для того, чтоб напомнить Джокарту причины, по которым его не должно быть в этом баре),

штурмовик проделал некоторую манипуляцию сразу с двумя кредитными картами, после чего нотаций не последовало, и бармен удалился — так же быстро, как и появился.

— Первая карта — оплата услуг заведения, — пояснил Джокарту офицер. — Вторая — оплата услуг официанта. Смекаешь?

Джокарт смекнул. И решил больше ничему не удивляться, а также не задавать лишних вопросов.

Затем они заняли столик на двоих в центре зала, у самой эстрады, и Балу, прищелкнув пальцами, указал куда-то в глубину зала.

— Видишь, ещё несколько курсантов. Разумеется, в сопровождении офицеров. Так что ты не один такой случайный гость в этом заведении.

Джокарт присмотрелся, и действительно разглядел в сумраке парочку столов, за которыми сидели трое курсантов пехоты КС. Значит, решил он, сегодня имеется повод для нарушения порядков Крепости. Как известно, появление курсантов в офицерских заведениях не то чтоб запрещено или считалось нарушением пиетета, а, как бы это сказать... Оно было невозможным. Джокарт пребывал в уверенности, что в любой другой день официант ни за что не обратил бы внимания на сложные пассы, которые проделывал Балу второй кредиткой.

— Удивлён?

— Ну да. Конечно, удивлен, — ответил Джокарт, ещё не определившись, каким тоном ему следует разговаривать с новоявленным знакомым.

Балу хохотнул, обнажив набор белых, без изъяна, зубов.

— Я тоже удивлялся семь лет назад, когда меня, ещё молодого курсанта, привели в этот же зал...

Джокарт, успевший узнать о майорском звании Балу, услышав про семь лет, вспомнил, что в пехоте в звании растут быстро. Правда, погибают ещё быстрее...

— Кстати, то были офицеры — пилоты. Поэтому я и решил нарушить традицию пехотного братства.

— Извините, а что всё-таки за повод? И в чём тут связь?

— Хороший вопрос, курсант. Только ты, оказывается, не научился вдумчиво слушать и правильно понимать услышанное... Там. В видеозале.

— Это как читать между строк? Нет. Наверное, не научился...

— Я тебе объясню, как объясняли мне когда-то те летуны. Семь лет назад срок подготовки курсантов штурмовых отрядов был уменьшен до двух лет. Раньше обучение продолжалось три

с половиной года. И мне повезло, потому что в то время я как раз оканчивал обучение по трехлетней программе. Иначе, и скорее всего бы, мы с тобой сегодня не побеседовали. То есть для тебя такая беседа могла состояться, но — уже не со мной.

— И тогда, семь лет назад, по видеосвязи...

— Ага! Уловил? Да, именно это. Тоже прошел блок новостей. И хлыщ с напомаженным для съемок лицом, может быть, даже тот же самый, что и сегодня, передал обращение Правителей Солнечной... Дело было перед штурмом Большого Кометного...Тоже вещали на всю Галактику о близкой победе и всякой другой чепухе. Спустя два-три дня срок обучения был сокращен, ещё через год, когда было подготовлено двойное пополнение, последовали жуткие бои на Пламенной и Следящей. Сейчас мало кто помнит все события. А ведь там нас сбрасывали прямо в штурмовых СВЗ. Без всяких ботов и групп орбитальной поддержки. Тридцать процентов десанта Бессмертные уничтожили именно при сбросе, СВЗ — не слишком маневренная упаковка... Ещё процентов двадцать мы теряли в первый миг после контакта с поверхностью, когда нужно было переводить скафандры с полетного режима в боевой. И уже в схватках гибло ещё сорок процентов десанта. Такая вот статистика...

Уже потом, когда мы выбили Бессмертных с Пламенной, Следящую они отдали почти без боя, — оказалось, что из оставшихся десяти процентов только каждый шестой — пехотинец, обучавшийся по новой, укороченной программе...

— Значит, скоро и нам предстоит...

— Предстоит. С большой вероятностью... Как тебе новость?

— Ещё не знаю. Как-то пока не верится... Мы даже не делали тренировочных вылетов, но то, чтоб — в бой.

— За этим дело не станет. С «водяными матрёшками» пришлось уже повозиться?

Вот. Опять! Кто-то уже упоминал при Джокарте эти загадочные матрёшки. Ах, да! Инструктор по настольным играм! И пообещал, что это окажется увлекательным занятием...

— Нет. Не пришлось. Наверное, о них знает вся Крепость. Кроме меня одного.

— Узнаешь. И очень скоро.

Штурмовик словно сквозь воду глядел. Всё-всё сбылось именно так, как он говорил...

Балу помахал кому-то, ему, наверное, ответили, потому что офицер улыбнулся и несколько раз кивнул. Вот только с кем он обменивался приветствиями, Джокарт, как ни старался, разгля-

деть не смог. Свет у эстрады словно опускал полог, вырисовывая правильный круг на пять-шесть шагов, за которым всё тонуло в сумраке.

— Кстати! Из-за этих всех новостей тебе перепало кое-что приятное! Сейчас мы увидим и услышим Лиин. Знаешь, кто это?

Джокарт не знал и отрицательно крутанул головой.

У эстрады возникло некое оживление. Кто-то из обслуги бара установил старомодный микрофон на изящной черной стойке. Свет усилился, а после померк, в зале раздались аплодисменты.

Официант как раз подал на стол напитки: водка для офицера и два бокала свежевыжатого сока — непозволительная роскошь в Крепости! — для Джокарта.

Лучше бы он принес обыкновенной воды, подумал Джокарт и тихо охнул. Причиной была вовсе не баснословная дороговизна натуральных продуктов. Последний раз он пил нечто подобное несколько лет назад, ещё когда все были живы, и они в семейном кругу праздновали Рождество на Плутоне...

С минуту Джокарт ошарашенно смотрел, как оседает на стеклянное дно мякоть, и чувствовал, будто на него надвигается скоростной экспресс, вовсю сигналя, но возможность сойти с монорельса пропала. Перестала быть возможной. Глупо, глупо, глупо! — кричало что-то внутри Джокарта... Но было поздно. И мякоть уже осела.

К горлу подкатил предательский комок. Джокарт ощутил в пальцах знакомую дрожь и захотел уйти. На трек. В «чёрный колодец». Куда-нибудь. Лишь бы не видеть и не осязать играющий сейчас перед ним цветом этот осколок минувшего счастья.

— Э-э, друг мой... Такой взгляд я видел не раз. Чёртовы воспоминания?

Попадание в точку ускорило процесс. И Джокарт трудно сглотнул, готовый в следующую секунду пустить слезу. Мысленно он понимал, что очередной срыв, скорее всего, заставит руководство курсов серьёзно задуматься над его пригодностью к дальнейшему обучению. Но плакать готово было сердце, а ему, как известно, не прикажешь...

— Я... пожалуй, пойду... — сумел выдавить из себя Джокарт, начиная вставать из-за стола.

Редкое чувство, но, к сожалению, многим знакомое — знать, что делаешь что-то не так, но быть не в силах что-либо изменить.

Офицер сориентировался мгновенно.

— Бармен! — выкрик в сторону барной стойки, сопровождаемый замысловатым жестом над головой.

Это потом уже Джокарт понял, что так посетители всех публичных заведений Крепости просят о конфиденциальности. Столик, за которым они сидели, мгновенно оказался окружен тубусом розового мерцания. Звуки исчезли, всё происходящее извне казалось теперь отражением в кривом зеркале.

— Держи! Только пей залпом...

Джокарт, словно заводной автомат, опрокинул стакан водки, протянутый штурмовиком. И в следующий миг почувствовал, как по щекам побежали слёзы.

Беззвучные. Едва весомые.

— Держи ещё!

Стакан вновь полный. И вот уже — пустой. Теперь, казалось, слёзы бегут и изнутри.

Штурмовик между тем неспешно прикурил сигарету, откидываясь на спинку кресла, деликатно предлагая не стесняться нахлынувших чувств. Он словно перестал интересоваться тем, что происходит с его собеседником, смешно открывая рот, выпуская кольца дыма — по три: два сквозь одно, и, морщась, тёр переносицу. Будто решал какую-то отвлеченную сложную задачу. Говорить он начал только через минуту.

— Знаешь, я всегда считал, что самое опасное в человеке — то, что живёт глубоко внутри. То, с чем вольно-невольно приходится жить.

Боец, оплакивающий потерю — это не страшно. Нормально, если так можно сказать... У каждого должен быть клапан, что не позволяет мучительной боли сожрать нас изнутри. Ты, наверное, слышал, что пехотинцы не умеют плакать человеческими слезами, делают это только вынужденно и исключительно по необходимости... Это не так. Мы тоже плачем. Считаем потери, вспоминаем о ком-то и плачем.

Мы плакали раньше и будем делать это потом. А слёзы там или не слёзы — другой вопрос. Всей военной медицине никогда не сделать из нас бесчувственных чурбанов, как бы они ни старались...

Потом, в неуловимое мгновение оказавшись лицом к лицу с Джокартом, пристально заглядывая ему в глаза, штурмовик спросил:

— Кто?

Спросил так, будто утверждал, констатировал... Знал, что кто-то был.

— Все... Семья... — выдохнул Джокарт, с удивлением и благодарностью обнаруживая, как уходит боль.

Всё. Ушло. Словно отхлынувшая волна, оставляющая после себя мокрый, холодный песок и корчащуюся на нём в предсмерт-

ных судорогах и шипении морскую пену — всю в прожилках разорванных водорослей.

— Денеб? Вега? Пламенная, Барьерный Риф, Каверна Титлиновой... — последним прозвучал Плутон.

Офицер перечислил цепочку человеческих трагедий, и Джокарт ужаснулся — насколько она длинна. Но тут штурмовику в точку попасть не удалось. Он забыл ещё одно звено...

— «Хванг».

Теперь Джокарт уже не плакал. Кусая губы и оттирая глаза, он проклинал свою недопустимую, неуместную слабость! Выпитое спиртное напомнило о себе, и искаженные силуэты за оптико-акустическим барьером задвигались быстрее, а мерцание светового тубуса потеряло цвет, превратившись в блеклые шторы, провисающие причудливыми складками.

— Из за этого и решил стать пилотом? — откуда-то издалека донесся голос Балу.

Джокарт кивнул, решив не вдаваться в подробности. Вместо стыда появилась злость на собственную несдержанность.

— А не боишься? Я уверен, что кто-то из наставников уже обсуждал с тобой эту тему, но всё же... Не боишься, что эти мысли и это состояние настигнет тебя прямо посреди боя? Я такое видел однажды... Не сказать, что парень погиб зазря, — всё-таки он достал своего червя, добив его в упор. Но...

— В бою мне навряд ли предложат апельсиновый сок. А фотографии я спрятал. И у меня есть цель! — с каждой новой фразой голос Джокарта набирал силу, будто он грозил кому-то невидимому, но потом, когда такое крещендо достигло апогея, звучание его речи снова пошло на спад, словно угасло. — И с глупыми мыслями покончено. Осталось только это. Извините...

— Извиняю, — штурмовик сделал пару затяжек, — я-то извиняю, как смотрят на всё твои наставники? Как вообще ты жил эти два года? Неужели — снова и снова?

Джокарт пожал плечами, потому что ответ был очевиден. Теперь, когда сознание было окружено мягкой пленкой алкогольного опьянения и подкатила тошнота, желание уйти стало ещё сильнее. Чтоб офицер не увидел другого его позора. Джокарту стыдно было признаться, но последний раз (он же первый и единственный) ему довелось напиться целую вечность тому назад — ещё на первом курсе Плутонианского института.

— Значит так... У вас, летунов, свои медпроцедуры, у нас, у «Диких», — свои... — Балу предостерегающе поднял ладонь, словно

говорил «не спорь!» — Завтра после занятий подойдёшь на палубу Зет-14, найдёшь медблок пятого штурмового отряда, там скажешь, что я тебя направил. Посмотрим, на что способны наши эскулапы. А пока — прими вот это.

В руках офицера появилась маленькая красная капсула. Джокарт знал, что это такое, но не мог предположить, что действие будет настолько быстрым и эффективным. Едва он проглотил капсулу, запив её треклятым соком — фреш, как всё стало обратно на свои места.

Стол. Два кресла. В одном — опозорившийся курсант, в другом — офицер пехоты КС, почему-то отказавшийся замечать его позор. Мерцающий тубус таял, и на эстраде оказалась грациозная девушка, певшая — и, по-видимому, уже давно — чудный блюз.

Балу вновь развалился в кресле, закинув ногу за ногу и затягиваясь ароматным табачным дымом. Народу в зале заметно прибавилось, и все они — о, чудо! — смотрели мимо Джокарта. Туда, на эстраду.

Это и есть Лиин, подумал Джокарт. Ещё он подумал: «Ах, какой глубокий грудной голос!». Блюз был прекрасен, а певица — очаровательна. Но всё же его не сразу покинули невесёлые думы. И о том, что надо что-то делать, и что завтра он обязательно найдёт палубу Зет-14 и посетит медблок штурмового отряда. Пусть делают с ним что угодно, решил Джокарт, хуже всё равно не будет! Лишь бы груз прошлого не утянул его снова на дно.

— Нравится?

И тут Джокарт понял, что вольно или невольно штурмовик коснулся ещё одной щекотливой темы, где Джокарта, ко всем прочим его недостаткам, мог ожидать ещё один позор, таблетки от которого, насколько он знал, ещё не изобрели.

Он панически боялся женщин!

Какие-то обрывчатые знакомства во время учёбы в институте — не в счёт. Близость, по-студенчески горячечная, — да, имела место, но являлась скорее обоюдными экспериментами. Лиин на сцене выглядела богиней, о которой нельзя задавать подобные вопросы...

Понравилась ли она Джокарту? «Бог мой, — подумал он, — за два года жизни в Крепости я видел женщин только по видео, и только пару раз — вблизи и живьём». Первый — когда инструктор по маджонгу вынужден был отлучиться по неотложным делам, и его заменяла какая-то старая карга.

Второй раз это оказалась офицер-психолог, показавшаяся после случая в глубоководном бассейне фурией, решавшей его судьбу!

И всё, что он запомнил — чувство облегчения, когда она это решение приняла. После удачно провалившейся попытки суицида, из всей внешности психолога Джокарт запомнил только ярко накрашенные губы, которые диктовали рекомендации по лечению. Теперь он вряд ли даже мог ответить на вопросы о её возрасте и внешности. Чёрт возьми! Тогда ему было абсолютно наплевать — блондинка она или брюнетка, не говоря уже о том — какой длины была на ней форменная юбка и насколько стройные из-под неё выглядывали ноги.

— Хочешь познакомиться?

Всё ясно, понял Джокарт. Он не совпал с офицером-штурмовиком по фазе. Так выражались в учебном отряде про возникающие противоположности во взглядах. Третий раз за столь короткое время Балу умудрялся ввергать Джокарта в уныние.

— Я... Мне... Скоро вечерняя поверка... Может быть — завтра?

С богинями не знакомятся. Их пожирают взглядами, утрамбовывая при этом усилием воли прочие мысли. А потом вспоминают о них в волнующих снах...

— Кто знает, где мы окажемся завтра, и что нас ожидает, — философски заметил Балу, притушив наконец-то сигарету о край пепельницы.

Потом он подал официанту ещё очередной загадочный знак, и на столе появилась чашка кофе, нарезанные дольками яблоки, шоколад... А рядом с их столом, словно из ниоткуда, возникло ещё одно кресло.

— Неужели это для... — начал, да так и не закончил свой вопрос Джокарт.

— Привет, мальчики!

Нимб над её головой, созданный световой игрой миниатюрных юпитеров над эстрадой, исчез. И она оказалась милой, симпатичной девушкой лет двадцати двух — двадцати трёх. За неимением жизненного опыта Джокарт плохо разобрался в оценке возраста новой собеседницы, несомненным было только, что она была чуть старше его. Вздернутый нос, слегка полные губы, изящные руки, обнаженные от самого плеча...

— Я, пожалуй, пойду, — затянул старую песню Джокарт, увидев, как штурмовик поцеловал певице руку.

Но сам Балу никак не отреагировал на слова Джокарта, и заговорил, перебивая его, обращаясь к певице:

— Позволь представить тебе моего юного друга. Это Джокарт. Будущий пилот экстра-класса. Не ты ли недавно говорила, что желаешь познакомиться с кем-нибудь из пилотов помоложе?

Джокарт, это Лиин. Без неё жизнь в Крепости для многих стала бы окончательно пустой! — запросто сказал Балу, одновременно двинув под столом ногу вконец потерявшегося курсанта.

— А... Очень приятно! — выдавил из себя Джокарт и вслед за этим попытался изобразить из себя галантного кавалера, тоже решив поцеловать её руку.

И сразу вспомнилось, что дорога в ад вымощена благими намерениями, а дурной пример — всегда заразителен. Чашка была сметена со стола его неуклюжим движением, на грудь и на руки певицы выплеснулся обжигающий кофе. Она вскрикнула.

— Извините! — он успел подумать и про безнадёжно испорченный вечер. — Я сейчас...

Балу, казалось, едва не умер от смеха, когда Джокарт попытался вытереть салфеткой то самое место, где темнело кофейное пятно — чуть ниже выреза её платья.

Глаза Лиин стали абсолютно круглыми. Она даже не пыталась протестовать. А когда Джокарт, вконец смутившийся, осознавший свои действия, сказал: «Не вытирается, надо бы солью попробовать», — штурмовик загрохотал в полный голос.

Лиин при этом быстро переставила прибор с солонкой в сторону, а Джокарт, вдобавок к прежним несчастиям, умудрился, убирая руки, опрокинуть свой стакан с соком — опять ей на платье. Тут штурмовик издал неожиданно тонкую заливистую трель: и-и-ха! А Джокарт ляпнул ещё одну несуразицу.

— Я только хотел поцеловать ручку...

— Ага! А заодно... а заодно... — казалось, штурмовик сейчас ляжется на пол и начнёт кататься, — а заодно проверить — всё ли там натур... Ой!

Одно мгновенье Лиин находилась на перепутье — рассмеяться ли вместе со штурмовиком, обращая произошедшее в шутку, или...

Она выбрала второе.

— И ты, и твой друг — хамы! — сказала, как отрезала она, после чего порывисто вскочила и убежала.

— Ну вот. Испортил ей платье... — бормотал Джокарт, проклиная собственную неловкость, воспринятую как похабную грубость.

— Как ты сказал? Ты сказал — платье? — и веселью Балу вообще не стало пределов.

А картина теперь несколько изменилась.

Стол. Три кресла: одно пустое. В двух других — дважды опозорившийся курсант — сосуд скорби и офицер — фонтан смеха. Да ещё унылая без своей богини эстрада.

К ним подошел официант с весьма выразительным укоризненным взглядом. Предупреждая любые его слова и возражения, Балу успел выдавить между приступами смеха:

— Двойной натуральный рислинг... Розовое шампанское, ещё шоколад, кофе и всё, что она пожелает... И смотри, неси всё это осторожно, чтобы... чтобы...

Джокарт сидел мрачнее тучи. Официант тоже не разделял веселья штурмовика.

— И-и-ха! Чтобы снова не... Скажите, что курсант извиняется! Я, кстати, тоже!

Официант стоял неподвижно, словно прикидывая что-то в уме, и Балу пришлось вновь достать две кредитки, одной из которых он провел над магнитной полоской, прикрепленной к нагрудному карману официанта, после чего выражение лица обслуги сменилось на более приветливое.

— Лиин выглядела очень расстроенной. Кажется, она расплакалась. Но если всё случившееся — просто какое-то недоразумение, рекомендую также передать букет цветов. Удовольствие не из дешевых, но того стоит... Всё-таки это Лиин! — и снова эта обвиняющая укоризна!

— Откуда цветы в Крепости? — Балу потрогал кончик носа, постепенно утихомириваясь.

— Курьерским «Номо» привезли кому-то из комендантского управления целый цветник. Так что могу организовать.

— Организуй. Обязательно... С извинениями, наверное, нам стоит повременить. Ты уж придумай что сказать, хорошо?

Официант исчез. На его месте появился другой персонаж: огромная фигура, нависающая теперь над столом, словно башня, скрипучим голосом осведомилась у Джокарта:

— Что, сосунок? Решил над Лиин поиздеваться? Так?

Имя Лиин у него прозвучало коротко, как «Лин», что автоматически отметил Джокарт, одновременно начиная осознавать, какой грандиозный скандал может случиться из-за его оплошности. Наверняка Лиин тут знали все. И не кто-нибудь, а сплошь офицеры элитных подразделений Крепости.

— Остынь, Тор! — вмешался Балу.

Ему всё-таки удалось проглотить смех, и теперь он говорил обычным голосом. Торами же, насколько знал Джокарт, именовались все лейтенанты групп штурмовой пехоты.

— Простите, не заметил вас... Ферзь!

Ферзями называли действующих в составе штурмовых групп майоров. Тех, кто пребывал в майорском звании, но занимался общей

координацией боя с орбитальных баз, называли Королями. Но это — сугубо в разговорах между собой. И в допустимости такого обращения к старшему по званию в личной беседе Джокарт абсолютно не был уверен. Тут же выяснилось, что сомневался он не напрасно.

Зрачки Балу опасно сузились, Джокарт физически почувствовал, как напряглись мышцы обоих штурмовиков. Но старший, как известно, на то и старший, чтоб всегда оставаться на высоте.

— Присядь!

В следующую секунду не успевший отреагировать на молниеносную подсечку лейтенант очутился в третьем, свободном кресле. Ещё мигом позже у него в руках оказался бокал с водкой.

— Новости по видео слышал? — самым непринужденным тоном осведомился Балу, одновременно протягивая к сигарете во рту лейтенанта свою зажигалку.

Джокарт протёр глаза. Потому что такого ещё не видел и ни о чём подобном слышать ему не приходилось. Он готов был поклясться чем угодно — когда лейтенант подошел к их столу, водка не была налита в бокал. И уж тем более подошедший не держал в губах сигарету.

Три секунды длилась пауза. Наконец лейтенант, согласившись с явным превосходством Балу, сделал глубокую затяжку, а после, не выпуская дыма из лёгких, опрокинул внутрь предложенное спиртное.

— Слышал. Хреновые новости...

— Вот то-то. А про то, о чём только что подумал — забудь. В жизни разное случается. И если кто-то всерьёз обидит Лиин, я лично ему пасть порву. Ты согласен?

— Согласен.

— Уже хорошо. Но раз уж ты всё-таки успел подумать... Всякое нехорошее... Принимай теперь задание... Тор! — Балу явно брал реванш за невежливое обращение лейтенанта, пусть даже продиктованное праведным желанием вступиться за певицу, — мы сейчас уйдём, а ты доведёшь до сведения всех интересующихся — да смотри, никого не пропусти! — что произошел некий курьёз, — и это правда! Что ни я, ни курсант, кстати, находящийся здесь по моему приглашению, ничего плохого никому не желали, жутко переживаем по поводу случившегося и уже отправили Лиин кучу извинений. Официант подтвердит. Дошло, правдолюбец?

— Прошу извинить, но со стороны всё выглядело...

— Знаю. Извиняю. Так получилось, и мы раскаиваемся. Даже перед тобой, — снова в голосе зазвенел металл. — Так получилось, и мы оба раскаиваемся. Ты ведь раскаиваешься, курсант?

Джокарт кивнул.

— Вот, видишь? Он раскаивается...

Лейтенант попытался что-то возразить, но Балу игнорировал эту попытку.

— ...а потому — принимай второе задание. Все твои объяснения должны быть настолько убедительными, чтобы больше ни у кого и никогда по этому поводу не возникало никаких вопросов. И ещё я хочу, чтоб у моего юного приятеля была долгая и счастливая жизнь. Насколько это, конечно, возможно в истребительном флоте. Усекаешь? — Лейтенант сидел мрачнее тучи, а вот Джокарт как-то сразу не уловил, что имел в виду Балу, говоря о долгой и счастливой жизни, но уже после следующих слов штурмовика ему всё стало понятно. — Значит, с этим неповинным ни в чём молодым человеком в ближайшем будущем не должны произойти никакие, не дай Бог, несчастия. Это понятно?

— Да, ком.

— Ну всё. Мы побежали, тебе же желаю ничего не забыть из того, что я тут говорил. — Балу неожиданно сместился чуть в сторону, — восемнадцатая группа? Соединение славного Гиршина? Чудно!

Лейтенант сделал инстинктивный жест, стараясь спрятать плечо с нашивкой от взгляда майора, но опять — запоздало. Поэтому ему ничего не осталось сделать, кроме как кивнуть, соглашаясь.

— Да, ком.

— А сам Гиршин случайно не здесь? Давно не болтал с ним по-приятельски...

— Нет. После информационной программы убыл по неотложным...

— В «Разврат после возврата» напиваться с летунами. Одобряю. Ну, бывай. Обмани смерть, лейтенант!

Стандартное пожелание удачи в бою прозвучало сейчас несколько двусмысленно, но Джокарт, хотя и обратил на этот оборот внимание, думал совершенно о другом. В его голове вертелось всего одно слово: чёрт, чёрт, чёрт!

Увидев, что курсант замешкался, штурмовик сгрёб его за плечо одной ладонью и повёл к выходу. Уже на пороге заведения Джокарт услышал, как в зале раздаётся речь лейтенанта, которому предстояло поработать адвокатом, оправдывая в глазах остальных случившееся между Джокартом и Лиин.

Потом был лифт, он проваливался куда-то вниз, унося Джокарта и Балу в зону обитания обслуги Крепости. Там Джокарту не доводилось бывать ещё ни разу. Пустынные коридоры пестрели

предупреждающими табличками. Он и не думал, что в Крепости есть такие места.

Зона сброса температуры! После сигнала немедленно покинуть коридор!

Криогенные генераторы. Вход только обслуживающему персоналу...

Отсек автоматики вывода спасательных капсул. Перед посадкой проверьте наличие коммутационных адаптеров!

И так далее.

— Куда это мы попали? — полный недоумения, Джокарт озирался по сторонам, пытаясь понять, зачем Балу его сюда притащил.

— Сейчас. Познакомлю тебя кое с кем, раз уж с Лиин ничего не вышло...

— То есть с другой какой-нибудь женщиной?

На этот раз Джокарта посетил непередаваемый испуг, перед которым блекло и недавнее происшествие, и прочие напасти, которыми был наполнен этот вечер. От подобных знакомств Джокарт бежал бы, скорее всего, даже под хохот своих собратьев курсантов, не говоря уже об офицере штурмовой пехоты. Но всё оказалось гораздо проще. И вскоре они попали в другое небольшое кафе, где имелось всего пять круглых столиков, из которых четыре были пустыми.

За пятым же столом сидели двое мужчин в синих комбинезонах, испещренных застёжками и молниями. Обслуга всех этих криогенных и прочих генераторов, догадался Джокарт. Они встали, увидев новых посетителей и поприветствовали их. В большей степени, разумеется, это относилось к Балу, которому оба техника пожали руку, в сторону Джокарта было сделано два вежливых кивка.

— Знакомьтесь, это Джокарт. Курсант истребительного флота.

После этого техники проявили к нему больше благосклонности.

— Очень приятно, курсант. Я — Хийси, это — мой напарник Тонк. Группа радиационного контроля отсека холодного термояда.

— Знаешь, почему ты здесь? — обратился к нему Балу, присаживаясь на стул и подтягивая ещё один для Джокарта.

Вначале Джокарт решил дать самый правдивый и очевидный ответ, что он не имеет ни малейшего понятия. Но потом передумал и, коротко поразмыслив, сказал:

— Точно не уверен, но, скорее всего, те два пилота, о которых вы говорили, привели после офицерского зала вас именно сюда. Нет?

— В точку. Именно так всё и было. Они сказали мне, что здесь — самое защищенное место во всей Крепости, и случись что-нибудь плохое, выживут именно те, кто окажется вблизи этого уровня.

Хотя в этом утверждении есть множество несостыковок. Вспомогательный реактор термоядерного синтеза... Криогенные генераторы, служащие для охлаждения реактора, ещё какие-то механизмы. Но! — тут он поднял указательный палец вверх. — Совсем рядом и обойма спасательных капсул.

Техники дружно закивали, соглашаясь со штурмовиком, Джокарт тоже кивнул, давая понять, что согласен и противоречий никаких не видит, но всё же он не мог понять — какого чёрта офицер притащил его сюда — в самую глубину Крепости, едва ли не к зоне «ГГГК» — Главного Гравитационного Генератора Крепости.

— Ты всё ещё не видишь никаких особенностей этого места?

Теперь уже Джокарт не стал раздумывать, отвечая отрицательно.

— Ну а всё же?

Место как место. Находись оно рядом с курсантским отсеком, даже внимания на него не обратил бы... Тихо, безлюдно, техники — не в счёт, наверняка допьют сейчас свой кофе и убегут на пост. Вот, даже бармена нет...

— Стоп! — наверное, он почти выкрикнул это самому себе, но вся троица — Балу и Хийси с Тонком — поощрительно заулыбалась. — Где же бармен?

Едва он это сказал, как тут же заметил отсутствие барной стойки, вообще какой-либо вещи, которая бы напоминала здесь об официанте.

— Правильно, Джокарт. Здесь никого нет. Только тот, кто сюда заходит. Всё остальное время — тишина и покой. Ты что-нибудь слышишь?

Тут только до него дошло, что помимо официанта в этом месте отсутствуют всяческие звуки.

— А знаешь, почему мы сейчас смогли сюда войти? Потому что Хийси не заблокировал изнутри дверь и не вывесил снаружи коричневый флажок — знак того, что кому-то захотелось побыть в одиночестве. Ну или...

На лице Балу молнией мелькнула короткая усмешка, но Джокарт уже отметил место, куда офицер стрельнул взглядом: в углу помещения находилось мягкое раскладное кресло. Сейчас оно было сложено, но в случае необходимости превращалось в уютный диван. А если ещё отодвинуть в сторону столы и стулья... И какая-то дверь...

— Это душевая. — Теперь уже штурмовик проследил за взглядом Джокарта. — Если нужны подробности — она двухместная. В стенных шкафчиках — кофеварка, бокалы... Ещё где-то был музыкальный процессор. Тут скрытое кондиционирование...

— Не понимаю, — коротко резюмировал увиденные и описанные достоинства комнаты Джокарт, — зачем было сюда приходить?

Техники засмеялись, тот, который представился Тонком, просительно взглянул на штурмовика. Дождавшись ответного кивка, он пояснил:

— Видишь ли, парень, это место целиком и полностью наша задумка. Ну, то есть не моя лично с Хийси, конечно, другие тоже приложили к этому руку. Но только ни на одной из схем Крепости ты не найдёшь здесь обозначенной комнаты отдыха. Такой же, кстати, как и в каютах высших офицеров. А числится всё это как вспомогательное помещение для складирования пробников. Это такие штуки для...

— Чтобы не вдаваться в подробности, — перебил его Хийси, — достаточно сказать, что здесь бывают только посвященные лица. Те, кому эту комнату показали. Если я всё правильно понимаю, у вас что-то вроде наставнической вечеринки. Братство по оружию, преемственность поколений, какие-нибудь воинские традиции и всё такое... Наверное, Балу решил посвятить и тебя. Была, видимо, причина... Дай-ка попробую угадать... Девушка? Ведь у вас тот самый возраст, когда есть с кем, но — нет где. Тогда это место подойдёт вам как нельзя кстати.

Джокарт молчал, обдумывая услышанное. Потом пытался слабо протестовать насчёт «есть с кем...», но этот протест утонул в хохоте.

— А мне показалось, что она тебе всё же понравилась, — с наигранной укоризной сказал штурмовик.

— Кто?

— Как кто?! Лиин, конечно... Да-а, умеет ваш брат курсант с девицами знакомиться.

— Да я же...

— Тише, парень. У Лиин знаешь, сколько поклонников? Но никто ещё не умудрился сделать ничего подобного.

— Я не хотел...

Но Балу не слушал его возражений, а техники навострили уши, ожидая услышать свежую историю, что в Крепости всегда было редкостью.

— Хотел — не хотел. Какая теперь разница. — Балу отвлёкся и, удовлетворяя любопытство Хийси и Тонка, вкратце рассказал им о произошедшем в офицерском зале. Поэтому продолжение разговора следовало под аккомпанемент смеха, — будь уверен, теперь она надолго тебя запомнит. Так что лови момент, как говорится.

— Ну а как же другие? — зардевшись и совершенно смутившись, Джокарт пытался доказать (наверное, больше себе самому) невозможность продолжения знакомства с очаровательной певицей.

— Другие могут и в «Разврат после возврата» сходить.

Хотя он услышал это название не впервые, всё равно его передернуло. Балу поспешил разъяснить.

— Ресторация послеполётная Вип-класса. Болван какой-то назвал так... А «Разврат...», ну, так намного лучше звучит. А главное — честнее... Или совсем уж в крайнем случае — ЭР-ПЭ-ВЭ.

— А что там такого?

— Подрастёшь — узнаешь. Но лучше попробуй познакомиться с Лиин. Мне показалось, что вы друг другу подойдёте.

— Да уж...

Снова взрыв смеха, теперь засмеялся и Джокарт.

— Не вздыхай. Поживёшь с моё, и всё равно в женщинах разбираться не научишься. Непредсказуемые они. Сегодня — одни, завтра — другие. Так что найди способ встретиться с Лиин. Уверен, ты сможешь объясниться. А там, глядишь — поближе познакомитесь... Вот, комната эта и пригодится.

Джокарт вспыхнул, но ободряющие взгляды техников остудили его юношеское возмущение.

Потом уже, выпив по чашке кофе и разговорившись о разных отвлеченных вещах, Балу признался ему, что до смерти не любит похабников среди молодёжи.

— Представляешь, сопляк сопляком, а ведёт себя как прожженный Дон Жуан. Одного такого мы свели с некой персоной женского пола... Мадам Рози. Не слыхал? Нет? Ну и не надо. Видел бы, как тот мальчишка убегал от неё... Нет, Джокарт, что-то в тебе есть. Рад я, что именно с тобой в офицерский зал сходил. Мне ведь, понимаешь, всё равно было, кому долг чести отдавать. Любого курсанталетуна был готов пригласить. Тут ты подвернулся. Думаешь, не заметил я, как ты лычки мои разглядывал? А потом пробирался между рядами, чтоб рядом оказаться... ещё спасибо за то, что не полез с дурацкими вопросами — рассказать да показать... как я с червями воевал, что нащёлкал два десятка. Ненавижу такие разговоры. А то, что на слёзы тебя пробивает, — палуба Зет-14. Медблок. Получится с Лиин — теперь будешь знать, где время провести можно. Мне ведь тоже — как не вернётся со штурма пять — десять человек из тех, кого близко знал — сразу сюда бегу. Коричневый флажок — он в душе валяться должен — снаружи на дверь, и всё. Звукоизоляция тут полная, но можно включить оповещатель. Здесь

как бы промежуточное пространство: чуть выше — обычные жилые уровни, чуть ниже — уже зоны ограниченного доступа, царство технарей, ядерщиков и гравиоников. Так что...

Такой вот выдался Джокарту вечер.

Потом была поверка. Отбой. Полуночный палиндром под рулады Моджо. На удивление никаких переживаний о прошлом — Джокарту приснилась Лиин...

Глава 4

Как и предсказывалось, изменения, связанные с очередным демаршем победившей на выборах Партии Войны, произошли. Курсантам было объявлено, что следующий год обучения станет последним. А вот новый набор вообще переходил на двухгодичную программу.

— Взлёт — посадка! — энергично рубанул воздух рукой офицер-куратор в конце этого официального извещения.

Впоследствии выяснилось, что то же самое хотели проделать и со вторым курсом — за оставшиеся полгода посадить в истребители. Но эта затея не прошла. Даже с сокращением обучения на год возникло множество проблем, сплошь связанных с уже заданной прогрессией генных модификаторов. Офицеры-наставники радовались этой маленькой победе. Многие же курсанты восприняли всё как раз наоборот... Нашлись и такие, кто подавал рапорт за рапортом. «Прошу сократить срок обучения для перевода меня, нижеподписавшегося, в действующий истребительный флот». И так далее.

Куратор дождался, пока поток подобных заявлений иссякнет, собрал рапорта в одну стопку и опустил её в аппарат для уничтожения документов.

— Вы думаете, кто-то обрадуется вашему рвению? Героями стать захотелось? Посмертными! Нет? Тогда какого чёрта... Значит, так. Кому не терпится поскорее стать пушечным мясом — подавайте рапорта о переводе в специальные группы переподготовки на корабли Большого Флота. Тех, у кого шило в одном месте — будем переводить на мониторы дальнего действия и линейные корабли. А здесь останутся только те, кто хочет стать настоящими пилотами истребителей. Никаких сроков больше для вашего курса сокращать никто не будет. И так всё кувырком... Сутки на размышления, после чего рапорта о переводе приниматься не будут. Это не моя за-

тея — приказ комендантства Крепости. Будь моя воля... — куратор оборвал речь и покинул зал построений.

А курсанты потом долго гадали — какая муха его укусила? Таким несдержанным куратор не представал перед ними на протяжении всего времени обучения.

Нервозность посетила далеко не одного их наставника. Инструктор по настольным играм тоже стал заметнее раздражительней. Выражалось это в том, что отработки для неуспевающих стали куда сложнее и продолжительней. Чей-нибудь малейший просчёт за шахматным столом инструктор воспринимал теперь едва ли не как свой собственный. В его речи чаще и чаще мелькали разные нелестные эпитеты, а занятия стали интенсивнее. Время будто уплотнилось вокруг курсантов, и теперь за один и тот же его промежуток приходилось делать в два раза больше дел.

— Быстрее! — прикрикивал инструктор сквозь какофонию прочих звуков при блиц-игре.

То же самое говорили на занятиях по маджонгу, после которых кружилась голова и в глазах долго не утихала рябь от бесчисленных чёрточек, крестиков, двойных точек, настолько утомительным стал для всех маджонг.

— Быстрее! — гремел в шлемофонах голос тренера по скоростному ралли.

И вскоре это «Быстрее!» стало определяющим для всего происходящего понятием. Этакой постоянной установкой к любому действию.

Окончание второго курса и начало третьего для Джокарта было сумбурным. Вся стройная система обучения вдруг оказалась сплошным хаосом, в котором лишь изредка происходило нечто значимое.

Так, оставаясь верным своему слову, он побывал в медблоке палубы Зет-14. Там, к огромному удивлению, его не заставили проходить никакие тесты или сдавать анализы. Психолог — пожилой, но молодящийся мужчина с расплывшимся лицом, выпяченными губами и в старомодных бесконтактных линзах, одетых в массивную оправу, терпеливо выслушивал историю его трагедии, то и дело сочувственно кивая, а после прочёл длинную и интересную лекцию о комплексе вины.

— Знаете, молодой человек, тут нет никакого секрета, — восхитительно картавя, начал он. — Люди, страдающие этим комплексом являются отличными исполнителями. Таких историй сейчас много, очень много. И, к сожалению, их становится всё больше. Дело ведь не в излишней сентиментальности или каком-то психическом

отклонении. Наоборот — тяжело ожидать, что после такой потери вы бы стали холодны и рассудительны, хотя, конечно, бывает и так. А то, что прошло два года... Поверьте, это ещё не срок. Есть люди, которые всю жизнь мучаются осознанием своей мнимой или реальной виновности. Я даже не буду пытаться вас переубедить, говоря, что вы ничего бы не смогли изменить даже если бы оказались в тот момент рядом со своей семьёй. Уверен, что если покопаться в спецификациях всех препаратов, которыми пичкают курсантов — и особенно летунов! — то там обязательно можно найти разгадку всех ваших несчастий. Какое-нибудь соединение, какой-то активатор подкорки головного мозга, что необходим при современном обучении, так же постоянно заставляет реагировать вас одним и тем же образом...

Бессонница? Слёзы? Попытка суицида? Учтите, молодой человек, все эти неугасающие переживания могут привести ко всяческим неприятным болезням. Язва ещё не образовалась? Боли в эпигастрии... Э-э-э, в области солнечного сплетения не беспокоят?

Психолог говорил, говорил, говорил. При этом его глаза, увеличенные толстыми линзами очков, смешно таращились на Джокарта, а руки жили, казалось, своей, отдельной жизнью. За всё время консультации эти руки беспрерывно шарили по столу, ворошили какие-то бумаги, трогали клавиатуру компьютерного терминала. Честно говоря, у Джокарта создалось отчётливое впечатление, что психологу тоже необходима какая-нибудь помощь со стороны его коллег. Но тем не менее Джокарт слушал его, не отвлекаясь, смотря прямо в эти большие глаза.

— Ну и ладно. Язвы, гастриты — от них лечение, к счастью, существует. Причем эффект может быть достигнут и без медицинского вмешательства. Нужны положительные эмоции и некоторый покой, — заметив усмешку на лице Джокарта, мужчина тоже хмыкнул и махнул руками, — я знаю, знаю... Учёба, занятия... Где же им взяться — покою и положительным эмоциям? Но всё же — вы молоды. У вас должны быть какие-то увлечения, да хоть чтение литературы. А полностью избавиться от комплекса вины вам поможет даже не время — жизнь! Когда-нибудь в ней появится человек, за которого вы будете нести ответственность, так же, как и он перед вами. И тогда уже не вы, а само ваше внутреннее «Я», кстати, можете называть его хоть подсознанием, хоть ещё как-нибудь — всё равно не угадаете, и никто пока не знает, что это такое... Так вот, это внутреннее «Я» само решит, когда оставить вас в покое. Причём — заметьте! — не ради вас, а ради того человека, который будет

рядом. Но это вовсе не означает, что вам нужно броситься на шею первому встречному, объявляя себя его покровителем, или пытаться фантазировать, отыскивая в любом знаке внимания со стороны признаки желания нести ответственность за вас. Внутреннее «Я» не обманешь, уж поверьте. Так что пусть всё идёт, как идёт.

Предугадывая каким-то чутьём вопрос Джокарта о возможностях медикаментозного лечения, психолог продолжал словесный марафон.

— Вам могут помочь антидепрессанты, но это будет временной мерой. Краткие ремиссии, за которыми последует ещё более жестокий упадок. Так что если вы имеете под подушкой какие-то капсулы, советую срочно спустить их в унитаз. И ваше тело, и ваша душа, и ваше сознание — всё и так переполнено нагрузками. Генные модификаторы, все эти развёртыватели подсознания, процедуры, которым вы подвергались в начале обучения и будете подвержены в дальнейшем... Этого достаточно. Можно сказать, сейчас вы балансируете на узкой грани, где слева и справа — пропасть. Нельзя усиливать амплитуду и делать эту грань ещё более узкой. Вы меня понимаете?

Джокарт понимал. С одной стороны — он ожидал и даже втайне надеялся на очередное медицинское вмешательство. На что угодно — вплоть до электрошока! Поэтому был слегка разочарован таким поворотом и наставлениями психолога. С другой — его слова были наполнены смыслом. Смыслом и надеждой, которая забрезжила и в самом Джокарте. Чёрт возьми, думал он сейчас, этот спец говорит не более, чем я сам бы мог рассказать любому! Но как цепляют его слова!

— Вы ни в коем случае не должны считать себя в чём-то ущербным. Для вас главное — усвоить программу обучения, правильно я говорю? Вот и думайте об этом. Думайте! Даже тогда, когда бегут слёзы и хочется ринуться в шахту лифта, или глотнуть какую-нибудь гадость. Мечтайте, чтоб все ваши действия служили конкретной цели, а не потусторонней печали. В любое время буду готов вас принять у себя, если...

Тут психолог, оборвав фразу, взглянул на часы, а после привстал, давая понять, что аудиенция окончена. Джокарт немедленно поблагодарил его за беседу и собрался уходить.

— Да, вот ещё что! — догнал его у двери окрик. — Можете считать мои рекомендации полноценным заключением специалиста. Файл, содержащий наш разговор, будет направлен в информаторий и приобщён к вашему личному делу. Так что в дальнейшем не переживайте, что вас отчислят только потому, что вы оказались

самым обычным человеком с весьма и весьма распространенным в наше время комплексом. И не забудьте передать огромный привет вашему покровителю!

Джокарт понял, что речь идёт о Балу, лишний раз позавидовав такой популярности этого офицера, и обещал передать, а также рассказать, как он тронут этим разговором.

— Всего хорошего!

— До свидания!

Теперь Джокарт действительно перестал ощущать свою ущербность. После простого, на первый взгляд, разговора с психологом штурмового отряда у него словно камень с души свалился. Немало помогло этому и другое событие.

...Он столкнулся с ней абсолютно случайно, на вечеринке по поводу завершения второго курса обучения.

Кругом было шумно, зал построений был превращен в место для банкета. Везде туда-сюда сновали люди, и вначале Джокарт решил, что она его не заметит в толпе. Но вышло по-другому. Она заметила. Рассмеялась, положив руку на плечо, как старому и близкому знакомому. А вторую руку демонстративно спрятала за спину.

— Это чтоб ты не решил поцеловать её ещё раз! — сказала она и рассмеялась.

Потом Лиин пела блюз и после выступления, быстро обойдя все столы с офицерами курса, где её просили остаться для компании, подсела за стол к Джокарту.

Когда это произошло, удивлению остальных курсантов не было предела. Джокарт, несомненно выросший в глазах сокурсников, показался самому себе чуть выше, чуть привлекательнее и мудрее, чем он есть на самом деле. Таким, впрочем, он и оставался на протяжении всего вечера.

Удивительное дело! В этот вечер ему удавались все шутки и реплики, а на любые её слова он находил правильные ответы и даже умудрился ни разу не ляпнуть какую-нибудь несуразицу, чем в то же самое время грешили остальные собеседники, пытаясь привлечь её внимание. Им, остальным, это не удалось. Даже офицер-куратор смешно вздёрнул брови и поспешил ретироваться, когда Лиин, отвечая на какой-то из его вопросов, неожиданно переспросила:

— Правда, Джокарт?

Постепенно вечер превратился в волшебную ночь. И пригодилась тайная комната в недрах Крепости, на двери которой Джокарту пришлось вывесить коричневый флажок. Даже то, как они

вдвоём, шутя и одновременно срывая друг с друга одежды, искали его, не доставило никакой неловкости. Флажок действительно оказался в душевой, и на миг Джокарт услышал где-то рядом смех офицера-штурмовика.

Надо бы как-то повидать его, решил Джокарт. Но это была последняя посторонняя мысль, все остальные кружились вокруг Лиин. Вокруг её тела, и взгляда, и спутанных волос, разметавшихся по дивану...

— Ты знаешь, а я ведь ждала тебя, — уже потом, когда первое насыщение друг другом прошло, сказала она. — Сначала всё думала — каков нахал! Потом думала, как буду ругать и кричать на тебя, когда мы встретимся. Потом... А ты не приходил. И я испугалась, что мы никогда не увидимся. И ревела, как дура, после выступлений. Это просто замечательно, что всё так произошло... Я ведь поняла, что ты не хотел меня обидеть, просто всё так получилось, но...

— Не надо, Лиин, — прервал её Джокарт, мысленно поражаясь правоте Балу, когда тот говорил о непредсказуемости женщин, — не говори ничего. Я полный осёл и дурак. Я ведь действительно не стал тебя искать, потому что... потому что боялся...

— Теперь не боишься?

В её глазах мелькали карие искры. Руки, те самые, из-за которых всё произошло, упирались ему в грудь. И Джокарт решил, что он никогда её больше не потеряет.

Только в самом конце, когда бортовой оповещатель прервал их короткий утренний сон, глаза Лиин потемнели, она как-то по-особенному, крепко обняла Джокарта за шею и сказала:

— Ты не такой, Джокарт. Не такой, как все. Это трудно объяснить словами, но я чувствую... У меня были друзья, и все куда-то исчезали. Самый лучший мой друг... Он... Его сбили где-то далеко от Крепости, и я слышала запись боя с его голосом. Это было страшно! Он ушёл и больше не вернулся. Я не хочу, чтоб с тобой... чтоб тебя...

Неожиданно она расплакалась. Джокарт легонько высвободился из её объятий. Не потому что ему было неприятно слышать о других её мужчинах, нет. Просто минуту назад он сам подумал о том же.

Как долго ему отмеряно? Как долго? — Ему и его счастью?

— Лиин, — неожиданно охрипшим голосом сказал он, — не надо. Я здесь. Я с тобой. Мы целый год сможем быть вместе...

— А что потом? Что будет, когда ты сядешь в свой летающий гроб?

— Потом я сделаю так, что буду всегда возвращаться. Слышишь? Всегда! Я сделаю. Я научусь...

— Год — это немного. Сначала он улетит вдаль, потом — ты. Я уже слышала такие слова, Джокарт. И уже ни во что не верю. Не надо пытаться никого обмануть, ты знаешь, что рано или поздно происходит даже с лучшими пилотами. Надо искать выход, Джокарт... Надо искать.

Ушли немногие. Со всего курса — лишь восемнадцать человек. Те, кто решил использовать свой шанс поскорее отправиться к звёздам.

— Пассажиры! — презрительно отозвался о них Спенсер Янг Ли, когда Джокарт столкнулся с ним на предполётной подготовке и рассказал все свои последние новости, — не знаю, кого эти сопляки собрались осчастливить там, на мониторах дальнего действия, скажу лишь одно: те, кто остался, сделали правильный выбор.

— Не понимаю, когда-то вы говорили об опасностях, подстерегающих пилотов истребителей, теперь вот...

— Опасность существует для всех, пока идёт война. Любые количественные сравнения здесь неуместны. Мониторы, конечно, гибнут не так часто, но это — одновременная гибель нескольких сотен человек. Истребители сражаются и умирают в одиночку. Что до пехоты КС, то с момента появления возможности орбитального обстрела их функции фактически свелись к вторичным: очистка территорий, выполнение прочих локальных задач. Причём — обязательно! — при участии космофлота. Что бы смогли сделать наши штурмовики без орбитального прикрытия? Что делали бы они без истребителей над головой? Представляешь картину — полумиллионный штурмовой корпус на какой-нибудь «родной» планете червей, а над ним — сплошь звездолёты бессмертных... Каково им будет? И что будут стоить тогда тысяча червей, которых они умудрятся прихлопнуть на поверхности, если им, конечно, повезёт?

— Но ведь без штурмовой пехоты Солнечной не удержать контроля над планетами, разве не так?

— Так, Джокарт, так. И без мониторов дальнего действия нам не справиться, и без прорывателей блокады. Всё так. Но я сейчас не об этом говорю. По боевым возможностям современный истребитель, тот же «Зигзаг», не уступает крейсерским станциям, а кое в чём даже превосходит их. Я имею в виду мобильность, тактическую самостоятельность. Не зря же у наших врагов тоже существует целый истребительный флот? Суммарная мощность полного бортового залпа это далеко не всё... Мой ведущий, — тут Спенсер сделал паузу и чуть склонил голову, — теперь он дослуживает второй срок... Он смог за два часа

боя уничтожить сразу шесть кораблей врага. Три истребителя, крейсер прикрытия и вспомогательный звездолёт, а так же лохань с грузами, которую вся эта свора прикрывала. Вот это был бой, скажу тебе!

— А... вы? — задал свой вопрос Джокарт.

— Что я? Я всё это время прикрывал ему хвост. И если тебя интересует кое-что другое, могу сообщить, что сбили его уже потом, когда я был переведён в другое звено. А мой бывший ведущий...Тогда ему пришлось прикрывать какой-то транспортник. Груз дошёл, а вот четыре истребителя прикрытия — нет. Но не будем сейчас об этом...

Так вот, единственное явное преимущество кораблей Большого флота — способность бить с большего расстояния и оставаться вне досягаемости вражеского оружия. Кстати, в бой на средних и уж тем более на ближних дистанциях крейсера и линкоры предпочитают не ввязываться. Особенно если рядом не будут кружить хотя бы несколько истребителей.

— Как же тогда собственные истребители прикрытия кораблей Большого флота? Ведь линкор несёт на борту до двух десятков миниджетов? Как их там — «Блоха», «Вариор»...

— «Блохи» — они блохи и есть. Способны укусить, но не смертельно ужалить. «Вариоры» — джеты посерьёзней, но всё равно топчутся на коротком поводке... Ещё «Меркурии» — новинка для флота Солнечной и для врага. Всех их объединяет общий недостаток — привязанность к своему базовому кораблю. И цель у них самая простая — защитить линкор от близкой атаки. Кстати, вооружение у них-то слабенькое, больше всякой отвлекающей мишуры — ловушки-обманки, имитаторы цели, подавители связи и всё остальное... «Зигзаг» — вот машина законная! Ограничения радиуса действия — только по кислородному запасу. Вооружения — хватит, чтоб спалить к чертям малый планетоид, если никто не помешает предаться такому занятию. Маневренность выше, чем у любого корабля бессмертных, а ведь черви не новички в космосе! Что ещё нужно для полного счастья?

Джокарт, который на предполётной подготовке узнал достаточно много, если не всё, об основных характеристиках и возможностях «Зигзага», всё же нашёл, чем смутить пилота, так упоенно расхваливавшего сейчас свой истребитель.

— Защищенность и живучесть корабля...

— Ну вот. Думаешь — уел меня? Реакция пилота, его навыки и способности — это и есть защита. Подумай, — выигрывая в силе мы всегда проигрываем в расстоянии, то есть в размерах и прочих параметрах. «Зигзаг» в бою это всё равно что зигзаг молнии — бы-

стрый, неуловимый, яркий! Погашение инерции движения происходит практически без потери времени, малый радиус разворота — примерно половина длины лунной орбиты при максимальной скорости в 0,9 световой... Чувствительная автоматика, сверхточные оптико-электронные системы прицеливания... Связь — мгновенка! Эх ты... Мало ты ещё знаешь о корабле, с которым скоро тебе придётся познакомиться.

Было видно, что Спенсер находится в очень и очень приподнятом настроении. Джокарт поинтересовался — не день ли его рождения сегодня? Пилот рассмеялся, утвердительно кивая:

— Можно сказать и так. Сегодня — День рождения. И не только у меня одного. Все двенадцать истребителей вернулись с рейда. Между прочим, сожгли пять «Кнопок» бессмертных и один «Бумеранг».

«Кнопки» — одна из разновидностей истребителей бессмертных, по форме напоминающие именно архаичных канцелярских тёзок, — массивные диски с выступающей в виде усеченного конуса боевой рубкой. Не исключено, что именно они посещали когда-то давно Землю, и были уже известны под названием «летающих тарелок». Бумерангами, насколько было известно Джокарту, звались V-образные малые десантные транспорты. А вообще всё это именовалось малой штурмовой группой. Ещё, правда, там полагалось находиться парочке крейсеров противника — «Букимэнам» или «Кросроудам», вся разница между которыми заключалась в том, что «Букимэны» являлись кораблями устаревших конструкций и оставляли за собой при движении неопрятный газопылевой шлейф. Джокарт поделился этим соображением с пилотом, и Спенсер Янг Ли не преминул похвалить его.

— Ого! Из тебя в самом деле выйдет толк! Действительно, там было три «Букимэна» и один «Кросроуд». Но они ускользнули, не приняв боя.

— Как? Бросили свой транспорт?

— Даже не пытались ничего предпринять для его спасения. Истребители тоже, кстати, пытались улизнуть, только у них получилось хуже... Такая уж теперь у нас установка приоритетов — сначала истребители и транспортники, потом всё, что крупнее. Как видишь, даже в этом проявляется превосходство истребителей над крейсерами — в степени опасности и проникающей способности, потому и такие приоритеты. Ведь стайка «Кнопок», удачно замаскировавшись под астероидный рой, или даже использующая настоящее скопление астероидов, может внезапно атаковать и так же внезапно скрыться, чего не скажешь о больших кораблях, как наших, так и вражеских.

Их-то можно засечь ещё на подходе по возмущению гравитационной погоды. А если они вздумают заглушить движки, то...

— У них уйдёт время на стартовую процедуру, достаточную, чтоб обнаружить опасность!

— Вот-вот.

— Послушайте, а где происходил этот бой? Ведь малая штурмовая группа просто так не стала бы шастать по окрестностям.

— Ты и это просёк? Ну молодчага! Быть тебе, парень, ведущим тройки, а то и командиром соединения.

Джокарт смутился, тем более что по его мнению не стоило быть особо проницательным человеком, чтобы понять — штурмовая группа это не истребительное звено, которое может оказаться где угодно. У них был транспорт штурмовой пехоты. Пускай даже малый, но он всё равно перемещался с какой-то своей, особой, целью.

— До командира соединения мне как до Земли — далеко. Быть ведущим в тройке...Ну что ж. Полетаю, наберусь опыта...

— Вот это новость! Ты не знаешь, как формируют полётные тройки?

— Что вы имеете в виду?

— Разве тебе ещё не говорили, что ведущими и ведомыми становятся вовсе не после подсчёта полетного времени?

— Прямо до этой минуты было неизвестно. А кто же становится ведущим?

— Тот, кто умеет находить единственно верный выход из любой ситуации. «Глаз Орла», слышал?

— Слышал. На занятиях в маджонг-классе. Так что же? «Глаз Орла» — это и есть способность находить верные решения?

— Единственно так. Ты что же думаешь, дорогой? Уйти в полёт, выпустить боезапас и вернуться живым — в этом смысл работы пилота истребителя? Не-ет! Всё намного сложнее: разгадать схему боя, успеть подметить тактические новинки, найти уязвимое место в обороне врага и максимально эффективно использовать собственные преимущества... Даже изменить полётное задание в случае необходимости. Иначе всё стало бы какой-то тупой долбёжкой — взлетел, уничтожил, вернулся. Весело провёл время в эр-пэвэ, опять — взлетел-уничтожил-вернулся. Мы — их, они — нас... Конечно, первые несколько вылетов — только не самый первый боевой! — будешь цепляться за хвост ведущему, пока не привыкнешь и не прочувствуешь свой истребитель. А потом...

— Странно. А почему — не самый первый боевой вылет? Где тут логика?

— Тут не логика, тут целая военная тайна скрыта. Которую я просто не имею права разглашать, да и тебе не советую с вопросами лезть к кураторам, их дело — обучить вас, а дальше... Ничего, скоро всё сам узнаешь. А насчёт маджонга... Вот что я скажу, почему-то многие не хотят понять одной очевидной вещи — не стали бы столько времени и внимания уделять на курсах этой игре, если бы оно того не стоило. «Глаз Орла» даёт нашим пилотам неоспоримое преимущество в бою перед врагом, а знаешь, как выбирают ведущих и ведомых? Нет?

— Неужели и тут маджонг замешан?

— Угу, — вкрадчиво поощрил его фантазию пилот.

— Выкидывают, наверное, фишки. У кого драконы или, там, времена года, тот и ведущий. Вроде как — зачем нам несчастливые ведущие? Только это проще было бы делать с покерной колодой. У кого джокер — тот и босс. Остальные — ведомые. Пока джокера не научатся вытягивать.

Спенсер расхохотался в очередной раз. Его позабавила шутка курсанта.

— Почти угадал!

— Как это? — опешил Джокарт, вконец запутавшись в откровениях пилота.

— А увидишь... Через три месяца, это по новой учебной программе, вы начнёте полёты. Это будут истребители, побывавшие в боях с изношенными движками и отработавшими все ресурсы механизмами, переделанные под учебные. Советую выбрать машину с максимально возможным количеством дефектов.

— Зачем? — глаза курсанта непроизвольно округлились.

— Чтобы потом полёт на нормальном, полностью отлаженном истребителе показался раем! Шутка.

— Тьфу, а я поверил, — прямодушно признал Джокарт.

— Выбирать вам не придётся, что дадут, то дадут. И это будут вполне нормальные «Зигзаги»... Разве что с некоторыми ограничениями возможностей, по скорости и вооружению.

— Почему же? Чтоб какой-нибудь дурак не разнёс случайно всю Крепость?

— И это тоже. Хотя, Крепость мало чем прошибёшь. Тут действительно целая группа мониторов постараться должна. Как-то курсант решил полихачить на первом же вылете, забыл, идиот, взглянуть на бортовой грависканер, втопил сразу до половины световой и угодил в спорадический прилив.

— А что дальше?

— А ничего. Пеленг он тоже сразу не включил, поэтому и не нашелся. Так что первые полёты будете делать на учебных. Это займёт месяца два. Потом — первый боевой. Что это такое — не спрашивай. Не скажу, сам узнаешь. И только потом за маджонг-столом вас будут делить на ведомых и ведущих. Причем, тоже ожидаются сюрпризы, не спрашивай, какие.

— Ну, ладно. Если вы считаете, что о некоторых вещах мне стоит узнать, когда придёт время — поверю вам на слово. Но всё же я не согласен, вернее, не понимаю, почему нас с первого дня не обучают полётам? Шахматы, ралли, вооружение, тактика, маджонг, другие прикладные предметы... Это понятно, а летать — в самом конце обучения. И это — по сокращенной программе!

— Мой дорогой! Ты сам не знаешь, о чём говоришь. Но это пока. Я тоже так размышлял, и не только я один. Но когда мне впервые довелось сесть в истребитель и отправиться в самостоятельный вылет, то я понял, что — готов. Откуда нам знать, может быть, в той серии инъекций, прививок, вливаний в кровь всевозможных сывороток была и такая штука, что учит быть пилотом изнутри? По крайней мере, лично я так считаю. Здешние медики все, как один, исполнители. Дипломированные сиделки, которые используют то, что предписано и так, как предписано. Все эти медикаменты готовят в сверхсекретных лабораториях Земли. Доставляют в Крепость и другие места базирования флота и пехоты в условиях величайшей тайны. Их используют так, что никакой, даже самый тщательный анализ не сможет указать на все составляющие специнъекций и технологию их изготовления. Насчёт полётов с первого дня обучения — есть и такая программа. Для подготовки пилотов «карманных» истребителей Большого флота. Ведь для «Блох» и «Вариоров» достаточно пилота, который умеет носиться вблизи базового корабля и прикрывать его. Пилот «Зигзага» — это штучный товар. Дороже любого офицера-штурмовика или флотского офицера, проходящего службу на линкоре. Так что если говорить об оружии, мы и есть самое надёжное оружие Солнечной. Два в одном — тактика и стратегия. Все остальные корабли — чистая стратегия. Их используют для решения каких-то конкретных задач, мы же — всепогодные.

— Ага, — Джокарту вспомнилась старая шутка, — вольный народ, куда нас пошлют, туда мы и хотим.

— Хотим — не хотим. Зря ты так, — похоже было, пилота задела небольшая доза язвительности в голосе курсанта. — Хотим мы все одного — жить и оставить после себя жизнь. Не мы полезли к червям войной, так что теперь выбирать не приходится... Да, кстати! — решив свернуть тему и явно опаздывая на скромный

банкет по поводу счастливого — нулевого, как называлось это на языке пилотов, — вылета, Спенсер заговорил о другом. — Видался недавно с Балу, он тебя хорошо помнит и шлёт кучу приветов. Занят он сейчас всё время — гоняет молодое пополнение в СВЗ, до дрожи в коленках. А правду он мне сказал, что ты с Лиин... Что у тебя...

— У нас, — поправил его Джокарт, — правда. И спасибо ему огромное, даже не знаю кого или что мне ещё благодарить за знакомство с Балу.

— Ну молодец. Смотри только, осторожнее с ней... Очень уж непредсказуемая тебе девушка досталась, все так считают.

— Это точно, что непредсказуемая, но...

— По самые уши? — спросил об очевидном пилот, одновременно выставляя перед собой обе руки, давая понять, что эта тема касается только Джокарта и Лиин.

— Ага, — улыбаясь во всю ширь покрасневшего лица признался Джокарт.

— Ну, тогда успеха тебе! То есть вам, — поправился Спенсер, пожал Джокарту руку и убежал.

Джокарт же так и остался стоять, улыбаясь. Ужесточенная программа обучения позволяла ему встречаться с Лиин только один день в неделю, и сегодня был именно такой день.

— С нулевым вылетом! — запоздало выкрикнул он поздравление удаляющемуся пилоту.

За прошедшее время из сознания как-то выветрились слова-предостережения относительно неизбежных потерь среди курсантов до окончания обучения. Загадочный Первый Боевой должен был произойти почти через полгода, и больше всего переживаний было именно по поводу этого вылета, травмы, случавшиеся с курсантами на занятиях с СВЗ и, ещё чаще, при вождении гравискутеров, как правило, не являлись фатальными. Трое курсантов получили баротравмы в «Чёрном колодце», но скоро их возвратили в строй.

Потом наступила «проклятая пятница», как окрестили её между собой курсанты. День, когда выбыло сразу двое. Безвозвратно.

Первое несчастье произошло во время огневой подготовки: бракованный заряд разорвался в стволе «Леборейтора». Один на миллиард, скажут позже специалисты-оружейники, а тогда, на огневом рубеже, Джокарт запомнил бьющееся в конвульсиях тело курсанта, которому куском металла пробило насквозь голову. Команда реаниматоров добиралась до стрельбища целую вечность, — у них оказалось много работы после принудительного возвращения сразу четырёх сбитых

истребителей. Потом все скорбно качали головами, повторяя одно лишь слово: «Пантеон». Но старший среди реаниматоров махнул рукой: «Безнадёжно, уничтожены оба мозговых полушария...»

Как всё просто, отстраненно думал Джокарт, который вполне мог оказаться на месте погибшего курсанта, — а ведь у него теперь нет никаких проблем с его внутренним «Я». Человеческий мозг! Вот где оно спрятано! — теперь он знал это точно.

Вторая безвозвратная потеря произвела на Джокарта куда большее впечатление.

Пит. Последнее время он делил с Джокартом первенство в шахматных блиц-турнирах, потому что тоже владел теперь «эффектом дельфина». Поединки между Джокартом и Питом за шахматным столом, оборудованным теми самыми таймерами, что имитировали схему управления истребителем, забирали внимание всей группы. Не зная, как всё выглядит снаружи — скорее всего, обычной игрой двух сосредоточенных противников, — изнутри Джокарт представлял себя многоруким Шивой, одновременно делающим много дел. Ему доставляла удовольствие не столько сама игра, сколько всё остальное, ей сопутствующее. Инструктор запускал самые изощренные комбинации цветовых сочетаний фигур, к лязгу и грохоту, сквозь которые доносились слабые отголоски каких-то мелодий, добавлялись и прочие отвлекающие параметры. Такие, например, как жара и холод, изменяющееся давление воздуха в помещении. Тогда движения становились вялыми, а мысли пробивались словно сквозь слой ваты. Общее возбуждение и ломота в висках сменялись сонливостью и апатией.

Один раз Джокарт даже успел увидеть короткий, но выразительный сон прямо во время игры. Ему показалось, будто его руки лежат на джойстиках управления истребителем, а ноги жмут реальные педали скорости и тангажа, и ему нужно выйти на разворот с критическим зарыскиванием вправо, чтоб сбросить с хвоста вот-вот готовую дотянуться до его «Зигзага» плазменными нитями вражескую «Кнопку» и успеть поразить кажущийся невероятно огромным вблизи «Кросроуд», который заманчиво подставлялся под излучатели правого борта.

И было чувство досады, потому что ему не хватало доворота — совсем чуть-чуть! — красная точка захваченной цели ускользала из прицельной рамки. «Уйди на вираж секундой раньше, и я бы успел», — думал Джокарт. Но он не успел. Червь-пилот, управляющий «Кнопкой», оказался проворнее. Истребитель коротко и плавно толкнуло, и смертельный холод космоса протиснул корявые щупальца сквозь прореху в корпусе «Зигзага».

Почему я не в СВЗ? — вспыхнула и погасла последняя мысль. Потому что вслед за ней Джокарт с удивлением увидел собственную руку, переставляющую короля при рокировке.

— Ого! — вырвалось у него после того, как горло отпустил сильный, как от удушья, спазм, — настолько реальным оказалось это сновидение.

Со стороны никто не заметил ничего особенного, и партия вскоре была сведена вничью.

Сразу за ней последовала ещё одна партия, вот тут-то всё и произошло!

Теперь Джокарт полностью сосредоточился на игре, предоставив рукам и ногам делать их дело самостоятельно.

«Никаких фантазий! Я просто не выспался, вот и всё! Но ночь с Лиин того стоила, а поэтому — чёрт с ними, с мелодиями! Пусть хоть Вивальди, хоть ремейк для бензопилы под Лондонский королевский оркестр!» — командовал он сам себе.

Совершенно неожиданно лицо Пита расцвело в улыбке. Он начал часто открывать и закрывать рот, как рыба, выброшенная на берег. И Джокарт вдруг осознал, что Пит смеётся!

Вначале он попытался понять — чем вызван этот смех. Неужели тем, что положение на доске слагалось пока не в пользу Джокарта, и тут он услышал...

— Ха! Ха! Ха! Посмотрите! У меня восемь ферзей! Все смотрите! Плевать на СВЗ, дайте «Леборейтор» и мои восемь ферзей! Восемь ферзей и шесть «Зигзагов»! Им не поможет ничего! — при этом глаза Пита бешено вращались, а под столом что-то противно зажурчало.

Потом Пит взял в руки фигурку короля и стал целовать её, как святую реликвию.

— Ваше величество! Солнечная будет спасена! — А после вскочил из-за стола и, не переставая нести всю эту белиберду, перемежая шахматные ферзи с «Зигзагами», маджонг и СВЗ, выскочил из класса.

Тут растерялся не только Джокарт, но даже сам инструктор. А Пит, невесть как разблокировавший дверь аудитории, мчался уже по коридору.

— Какое счастье, что в это время давление было нормальным, — сказал после всего инструктор, — нас всех могло просто размазать по стенкам!

Он сумел догнать Пита в переходнике, ведущем к ангарам боевых истребителей... И всё это произошло не просто в пятницу, а именно в пятницу 13-го числа!

Пит был водворён в изолятор, и надежды курсантов на то, что вскоре он придёт в себя, не оправдались. Курсант, который погиб на стрельбище, находился в патологоанатомической лаборатории. И Джокарт позабыл про свой странный сон, иначе бы он живо вспомнил слова Спенсера об уникальной методике обучения лётным навыкам «изнутри».

Поскольку оба происшествия являлись чрезвычайными, занятия были прерваны, и к вечеру курсантов собрали в аудитории Инобиологии, где уже расхаживал посреди фрагментов особей-бессмертных старший офицер-куратор курса и два психолога. Один из них не был известен Джокарту, — долговязый молодой человек, выглядевший едва ли старше собравшихся курсантов. А вот второй... О, как же было забыть это громоздкое оптическое приспособление на лице и живые, выразительные глаза под ним!

— Руководство курсов и Комендантство Крепости выражает не только свои соболезнования в связи с теми событиями, что произошли сегодня, но и озабоченность, связанную с некоторыми суевериями, которые уже успели прийти многим из вас на ум! — начал свою речь старший офицер.

Впрочем, эта речь оказалась короткой, и суть её сводилась к тому, что действующего пилота истребителя поджидает куда как больше опасностей, чем курсантов. Ещё старший офицер сообщил об инициативе Комендантства Крепости, сводящейся к восстановлению прежних сроков обучения, так как консилиум врачей-психиатров и специалистов по внедрению генных модификаторов и модификаторов сознания пришёл к неутешительному выводу о повышении опасности для душевного и физического здоровья курсантов, связанной с сокращением срока обучения.

— Лучше меня вам всё объяснят приглашенные сюда специалисты: доктор Конте, — долговязый встал и чопорно склонил голову, — и профессор психиатрии, неврологии и прикладной психологии, полковник медслужбы Бар Аарон. — Давешний знакомый Джокарта, оказавшийся офицером в таком высоком чине, да ещё и со степенью профессора, кивком не ограничился.

Он встал со своего места и картинно раскланялся перед аудиторией, чего никто и никак от него не ожидал.

Офицер-куратор продолжил.

— Эта инициатива должна быть одобрена Землёй, так что пока ничего конкретного сказать по этому поводу не могу. Но в любом случае, даже если возврат к прежним срокам окажется невозможен, прошу всех курсантов сохранять доверительное отношение к

инструкторам курсов, поскольку ни в первом, ни во втором случае их вины в произошедшем не было. — Дальше он перешёл на патетику, повысив голос и придав лицу самое официальное из возможных выражение. — Также прошу помнить о долге, возложенном на каждого из вас! Солнечная нуждается в пилотах! Можно сказать, миллиарды гражданского населения надеются на вас. Расправляйте же скорее крылья!

Старший офицер ушёл, а профессор Аарон, пользуясь своим старшинством среди оставшихся в аудитории, попросил удалиться и остальных наставников.

— Вас тут больше двухсот человек, поэтому прошу не шуметь, моим связкам за вашими уже не угнаться... — Он сел, опёрся грудью о край стола, отчего его очки стали выглядеть самой значимой вещью всего его облика. — Мне грустно говорить об этом сейчас, но, видимо, придётся...

Тут он сделал знак своему коллеге, и тот услужливо подал на стол воду и широкий бокал.

— Итак, вам говорили всё это раньше, в самом начале обучения, и я теперь только повторюсь, но, как это ни печально, по планам Комендантства пилотами должны были бы стать из всех присутствующих около тридцати человек. А в связи с выработанной новой стратегией обучения, требования, предъявляемые к выпускникам, будут несколько смягчены, что позволит выбрать из вас всех половину, то есть сотню новых пилотов. И я вовсе не уверен, что это благо. Как для Солнечной, так и для вас!

Он неспешно налил в бокал воду и стал пить мелкими глотками, давая курсантам возможность самим обдумать смысл сказанного.

С одной стороны — какая же это грустная новость? Сотня пилотов, это в три с хвостиком раза больше, чем тридцать. С другой...

Курсантам демонстрировали, помимо прочих, несколько хроник реального боя уже не штурмовиков, а звездолётов в каком-то глухом уголке системы Персея. Вот она и пригодилась — все вспоминали сейчас эту хронику...

Вначале орава «Кнопок» и «Вельветов», названных так за частые ребристые обводы на корпусе, разметала усиленную группу, машин в пятьдесят, истребителей Земли. В углу демонстрационного экрана гасли окна состояния кораблей земной группы. И было страшно это видеть — тёмные квадраты там, где только что высвечивались наименования и порядковые номера каждого истребителя. Они гасли — один за другим... Вскоре почти все квадраты стали тёмными, те,

кто уцелел, спешили выйти из боя и улепётывали, видимо, стремясь достичь зоны досягаемости орудий мониторов дальнего действия. Но сразу вслед за этим появилось узкое веретено — строй из пятнадцати других истребителей. Тут же в другом углу экрана вспыхнула строка состояния уже для этой новой группы, и курсанты ахнули — то были пилоты из отряда «саламандр», элитного отряда, базирующегося на Земле, невесть как оказавшиеся у Хи Персея.

Казалось, веретено «саламандр» шло на верную смерть. «Кнопок» и «Вельветов» было порядка семидесяти штук, вдобавок они действовали при поддержке десятка «Букимэнов» и даже одного линкора гигантских размеров.

Вдруг из строя, один за другим, через неравные промежутки времени, начало отделяться по «Зигзагу», каждый из которых совершал сложные эволюции, конечная цель которых была непонятна никому. Наконец, группа, наполовину рассредоточенная, вышла на дистанцию запуска контактных торпед. Бессмертные ринулись навстречу. Что тут началось!

Каждый из «Зигзагов» сразу нашел себе цель, выпустив по две торпеды. Количественное преимущество бессмертных тут же превратилось в тактический недостаток, и пока враг тоже начал рассредоточение, тридцать его истребителей превратились в блуждающие кометы, чьё хаотичное движение явилось причиной гибели одного крейсера, навигатор которого не смог найти верную траекторию посреди уже мёртвых, обезображенных разрушениями «Кнопок». Поэтому девять оставшихся «Букимэнов» поспешили укрыться за мощным торсом линкора, а истребители стали намного осторожней. Им это, правда, никак не помогло. Веретено продолжало пронизывать их ряды, и каждая новая партия вырывающихся из строя «Зигзагов» вновь и вновь наносила чувствительные удары. Меньше чем через две минуты боя строй вражеских истребителей поредел ещё вдвое. Крейсера пока не могли нанести удар, чтоб не уничтожить вместе с отчаянными землянами своих пилотов. Хотя, если бы они могли знать, кто противостоит им на этот раз, возможно, они решились бы на такой шаг. Но они не разобрались.

И даже тогда, когда «Кнопки» и «Вельветы», не выдержавшие натиска «саламандр» стали выходить из боя, теряя при этом машину за машиной, «Букимэны» были неподвижны. Потом какой-то самый мудрый, по видимому, червь-командер понял, что бой превратился в избиение и что истребителям уже ничего не поможет, начал выводить на арену космической схватки крейсеры, а линкор опасно замигал фасетками импульсных орудий, очищая пространство для

манёвра. Но «саламандры» наплевали на общепринятое мнение о том, что подходить к линкору на близкое расстояние — просто самоубийство. Напротив! Теперь они облепили огромную глыбу звездолёта со всех сторон, и сразу пять торпед, выпущенных в горячке с «Букимэнов», пронеслись в опасной близости от ходовой части линкора. На одной из них, шедшей точно в корму, сработала система самоуничтожения, выполняя предписанную определителем «свой-чужой» команду. Для бессмертных лучше было бы, чтоб эта система не сработала. Попадание единственной торпеды в усиленный броневой обвод разгонных сопел не могло быть фатальным, тем более что активная оборона корпуса просто отстрелила бы за доли секунды до контакта часть брони, размером с пару диаметров торпеды. И эта оборона сработала, но как!

Разорванная самоликвидатором на множество мельчайших фрагментов, торпеда заставила активную защиту линкора выставить ей навстречу почти всю броню двигательной части. Вслед за этим, лишенные обвода дюзы стали предметом атаки всех пятнадцати «Зигзагов», причем именно в этот момент все они оказались вновь собранными в веретено, нацеленное именно в корму линкора. Курсантам как-то не верилось в такой точный расчет, но и назвать всё произошедшее случайностью не поворачивался язык, хотя бы из чувства сопереживания за своих пилотов.

Тут же произошло ещё одно неприятное для врага событие: сразу после запуска злополучных торпед автоматика линкора запустила разгонные двигатели, чтобы вывести корабль из зоны их поражения.

— Странно, — прокомментировал этот момент инструктор, — но получается так, что бессмертные не вполне доверяют своей системе определения «свой-чужой».

Линкор дернулся, сразу же лопнула тяжелыми брызгами уничтоженная самоликвидатором торпеда, и «Зигзаги» всадили в проплешину, где отработала активная броня, по половине энергетических запасов. Поэтому вместо того, чтобы начать движение вперёд, линкор стал неуклюже разворачиваться на месте. Было видно, как из дыр в боковинах поврежденных разгонных сопел вырывается яркая плазма. Довершила все несчастия врага система синхронизации стрельбы и манёвра, рассчитывавшая на несколько иное положение корабля в пространстве. Из-за этого была нарушена прицельная сетка, и полный бортовой залп комендоров линкора накрыл сразу три крейсера и пять собственных истребителей, вернувшихся в квадрат боевых действий.

Финал схватки был настолько эффектным, что курсанты, не выдержав, повскакивали со своих мест.

«Зигзаги» совершили посадку прямо на корпус линкора! Коснувшись туши вражеского звездолёта на какой-то миг, они тут же взлетели и снова выстраивались в знакомое веретено — будто бы имитируя наконечник разящего копья. Таким же походным ордером они и покинули квадрат.

Где-то позади них на корпусе линкора, в местах их короткой посадки, вспыхнули ослепительные точки, вспухая затем фиолетовыми фонтанами. И гигантский светящийся каньон в форме буквы S расколол линкор на две неровные половины — боевой брэнд группы «Саламандра». Знак их победы.

— Орбитальные бомбы! Они вывесили на линкор орбитальные бомбы! — озвучил кто-то очевидное над самым ухом Джокарта.

Тогда же курсантам стало известно, что вместо обычной системы самоуничтожения корабли элитного отряда истребителей использовали именно орбитальные бомбы, чтоб любой из «саламандр» или «фениксов» мог даже своей смертью наводить ужас на врага.

— Ничего себе, полётная выучка! Как они их!

— Да, те первые пятьдесят пилотов, что начинали бой, — младенцы перед «саламандрами»... А ведь и они — действительные пилоты... — такие примерно разговоры велись после этой видеохроники.

— А как они строй держали!

На покадровом воспроизведении было видно, что пять «Зигзагов» постоянно формировали строй веретена, давая общее направление атаки, а десять других выделывали такие пируэты, что даже замедленный просмотр не всегда позволял судить — что это были за фигуры пилотажа. Потом истребители по одному выходили из атаки, возвращаясь в строй и заменяя тех, кто только что был в стержневой пятерке.

— Знакомьтесь! Перед вами была седьмая группа отряда «саламандра». Лидер группы — генерал Седых — давал информацию о героях инструктор, — его личные ведомые — генерал Джаварлах Хусади и полковник Кай Ши. Все остальные пилоты отряда состоят в майорских званиях, за этот бой все награждены знаками «Солнечной короны», а члены их семей получили на Земле привилегии второго класса на три поколения. Учитесь, курсанты! Учитесь побеждать! Мечтайте стать настоящими асами, чтоб рано или поздно вам довелось вот так вот оставить свой личный знак на побежденном противнике...

Именно эту хронику вспоминали сейчас в аудитории Инобиологии курсанты, вполне отдавая себе отчет, что в три раза больше — не означает в три раза лучше. Тени сомнений и мрачных мыслей пробегали по лицам многих.

Покончив с водой в бокале, психолог продолжил:

— То, о чём я вам сообщил, — и вы должны понять верно, — это крайняя мера. Из тех, кто пройдёт весь курс обучения и не сможет получить звание действующего пилота, всё равно выйдет толк. Пусть даже в чём-то другом. Навыки в обращении с системами корабельного оружия позволят многим стать комендорами станций планетарной обороны. Те, кто далеко продвинулся в освоении навигационной науки, но споткнулся в чём-то другом, обязательно будет принят в штурманскую группу линкора. Иные смогут стать командирами танковых отделений, которым требуется не меньше воли и мужества, чтоб вести в бой тяжелый «Шарк»... Это — не игра в войну. Это — война! Где пилоты противника умеют убивать по настоящему и владеют выучкой и знаниями целых поколений. Поэтому получается так, что две трети выпускников рискуют стать мишенью для бессмертных там, где другая треть мишенью бы не стала. И я действительно говорю о таких вещах с грустью... С грустью и тревогой — за вашу судьбу и за тех, кого вы призваны защищать.

— Меня, впрочем, попросили поговорить с вами не об этом, — изменил тему разговора психолог. — Конкретную тревогу у руководства курсов вызвала не столько потеря двух курсантов в один день, сколько домыслы и разговоры, распространившиеся после случившегося среди курсантов. Разговоры именно об этом дне...

Для начала я хотел бы поинтересоваться, известен ли кому-нибудь из присутствующих такой термин, как «трискайдекафобия»? Ну, давайте смелее, не бойтесь ошибиться... Так, правильно, это действительно боязнь. Но боязнь чего? Нет? Никак? Да, не повезло этой фобии с вами. Никто о ней не знает. А другое название — «параскавидекатриафобия» — не слышали? Давайте, я повторю по слогам...

Кто-то из сидящих в самом первом ряду уловил в трудновыговариваемом слове одну из составляющих.

— Что-то с пятницей связано?

— Верно, с пятницей. А теперь догадайтесь — с какой именно?

— Неужели, с пятницей, тринадцатого числа? — сразу несколько одновременных выкриков.

— Представьте себе, именно с ней. Это названия болезней, которой подвержены люди, панически боящиеся цифры тринадцать и тем более — тринадцатой пятницы.

И профессор поведал слушателям обо всех суевериях, связанных с этим днём и этим числом.

— Если говорить о фактах, то когда-то именно в такой день — тринадцатого апреля, в пятницу, войска великой империи уничтожили всех членов могущественного ордена тамплиеров, и с тех пор монашеские военные ордена перестали играть в дальнейшей истории какую-либо значительную роль. Впрочем, тогдашних обывателей во всей этой истории больше интересовала загадка исчезнувших несметных сокровищ тамплиеров, чем сам факт произошедшего в тринадцатую пятницу. Однако масса легенд о проклятье этого дня и этой цифры существовала и до охоты на несчастных монахов, которые фактически пострадали, как это назвали бы сейчас, за сокрытие доходов и неуплату налогов. Легенды же относятся к началу становления одной из религий, когда-то довлеющих над человечеством. Якобы один брат убил другого и сделал это именно в пятницу, тринадцатого числа. Даже мифологические первые люди отведали запретное яблоко с дерева познания в такой же день. А потом по тринадцатым пятницам ведьмы собирались на шабаш. Для тех, кто плохо знаком с исторической мифологией, поясню — ведьмы вовсе не вымышленные персонажи, а женщины, причем, как правило, рыжеволосые и зеленоглазые, совершавшие нудистские обряды. Вымысел же заключался в том, что слетались они на шабаш на древних приспособлениях для уборки помещений. Так вот, впоследствии в архивах раскопали принципиальные схемы таких приспособлений, и эта деталь признана недостоверной, потому что расчётной мощности их примитивных электродвигателей и силы исходящей воздушной струи оказалось явно недостаточно для преодоления силы притяжения.

— Почему же такую пятницу нужно было бояться? Ну, ночью... ну, голые, — наоборот...

— Дело в том, что для этого обряда собиралось строго определенное число ведьм. А именно — двенадцать. Потом к ним присоединялся тринадцатый участник. Древнее злое божество...

— Вот хорошо он устроился! — позавидовал кто-то.

— Осторожнее, молодые люди! — вмешался молчавший до сих пор другой приглашенный. — Речь идёт об очень древних и мстительных божествах и их антиподах. Спешу заметить, что упомянутый профессором фолиант, откуда и черпались все эти мифы, содержит даже упоминание о нашем сегодняшнем враге — о бессмертных червях. Конечно же, в аллегорической форме.

— А мы-то думали... — донеслось с последних рядов, — что там имелось полное руководство по борьбе с «Кнопками». Вот было бы здорово!

Шутка показалась удачной, и все рассмеялись.

После упразднения Глобальным Экономическим Советом Солнечной всех религий — официальных и неофициальных — прошло достаточно времени, чтоб эта тема вызывала улыбку. Единственное, что осталось от религиозного исторического периода, это фраза последнего Папы Солнечной: «Теперь мы остались одни!»

А потом пришли Бессмертные, и выяснилось, что это не так.

Молодой психолог продолжил.

— В любом случае ни одно из событий, которые тут упоминались, не может и не должно служить поводом для суеверия. Потому что земной календарь неоднократно изменялся, и никаких увязок с историей либо мифологией по датам и дням недели не сохранилось. Тем более что несчастья, произошедшие сегодня с курсантами, могли случиться в любой другой день, а могли и не случиться вообще. Поэтому вас не должен посетить отрицательный настрой на этот случайный и, в общем-то, ни в чем не виновный день — пятницу тринадцатого числа.

Профессор опустошил другой бокал, и выпитая вода немедленно выступила на его лице мелкими каплями пота. Теперь он снова взял слово.

— Как я уже говорил, люди, боящиеся пятниц и числа тринадцать — это больные люди. Больные той самой трискайдекатриа и параскавидекатриафобией. Считаю, что вам не стоит становиться нашими клиентами по этому же поводу. Вы согласны? Вообще, плохие приметы — целая тема для диссертаций. В них верят почему-то все, даже я. К примеру, я заметил как-то, что если утром встать с левой ноги, то обязательно произойдёт сбой моего компьютерного терминала. И, что самое удивительное, так оно и происходило раз за разом! Пока я не сменил терминал... Вот, если кто-то из вас увидит, что на истребителе разболтаны кормовые турели — это действительно Очень Плохая Примета. Или если не обновлен энергозапас СВЗ. Тоже не к добру.

Профессор иронизировал долго. Каждый из слушателей воспринимал его слова по своему, потому что многие имели известные только им плохие и хорошие приметы.

— Я вас не буду переубеждать насчёт всего сразу, попрошу только об одном — бойтесь бояться тринадцатых пятниц. Хорошо сказал? И четырнадцатых. И каких угодно. Разрешаю бояться любого

дня недели, если он выпал на тридцать второе число месяца. Вот это уже будет поводом для беспокойства... А если говорить серьёзно, — он стал вдруг сосредоточенным, даже снял с носа очки, — гибель первого курсанта уже расследована. Дело оказалось в недостаточной балансировке реактивной пули, совпавшей с промышленным дефектом — микротрещиной — оружейного ствола. Ответственный инженер — менеджер, исполнявший свои обязанности в день выпуска этой партии боеприпасов, тоже будет скоро установлен. Второй случай сложнее и вызывает больше тревог. Но и он имеет своё объяснение. Курсант Пит Вальде очень хотел спасти Солнечную. Стать её героем. В какой-то момент, достигнув определенных успехов в обучении, он позволил эмоциям взять верх над сознанием. Винить его нельзя, как нельзя винить кого-нибудь другого. Теперь он достиг своей цели, правда — в другой, вымышленной реальности. Всё, что я могу рекомендовать по этому поводу вам, остальным, это постараться держать свои эмоции в узде. Подсознание — страшная штука, когда оно работает против вас. Почувствовав неожиданную, даже самую лёгкую эйфорию, сразу пытайтесь найти ответ — чем она вызвана? И если причин для таковой не найдётся — срочно принимайте стабилизаторы. Их уже готовят по нашим рекомендациям в лабораториях Крепости. Через неделю вы получите по комплекту стабилизаторов, которые будут безвредны при приёме в любое время, даже если вы и ошиблись в самооценке. Странно, как раньше о них никто не додумался...

Вот ещё что. Мне лично, а также моим коллегам приходится общаться с действительными пилотами и офицерами пехоты КС, многие из них регулярно обращаются к нам за помощью, так что не считайте зазорным и для себя подойти к психологу. Сейчас, ближе к концу обучения, для ваших организмов, и тем более — вашего сознания, настают тяжелые времена, учтите! Кстати, недавно один курсант, — Джокарт встрепенулся, поняв, о ком именно идёт речь, — я не хочу называть его имя. Так вот он имел со мной беседу. Думаю, это пошло ему на пользу. О нём я ничего, как уже предупредил, говорить не буду, но вкратце скажу о его проблемах, которые являются общими для всех вас.

И профессор сообщил аудитории всё, что слышал от него раньше Джокарт — про воздействие спецпроцедур на организм и сознание курсантов, про опасность держать всё в себе и так далее.

«Странно, — подумал Джокарт, — профессор меня не выдал, а вот я всё равно удостоился многих взглядов. Плохая эта штука — репутация! Потому что бывает разной».

Курсанты расходились шумно. Все обсуждали встречу с психологами, но общее напряжение, связанное с произошедшим за день, было снято.

Потом выяснилось, что слова об опасности, возникающей к окончанию курсов, — не просто слова. Через неделю свихнулось сразу трое курсантов.

Они так и не дотянули до «водяных матрешек», совсем чуть-чуть не дотянули. Джокарт наконец-то узнал, что это такое, потому что не перестал верить в свою счастливую примету по имени Лиин. Жаль, что встречи их были редки, и в них всё больше и больше возникало напряжения.

Его почему-то начинало злить, что она проводит много времени в офицерском обществе. Ведь рядом с ними он чувствовал себя неоперившимся птенцом. Ещё он понимал, что среди поклонников Лиин не все были такими же галантными, как Балу.

— Ты что? Ревнуешь? Значит — любишь! — дразнила его Лиин.

А когда он пытался протестовать, то понимал, что выглядит вдвойне глупей. Потому что Лиин уже не раз доказывала свою порядочность в отношении него.

— Представляешь, как я буду выглядеть на сцене, если перед этим обзову свиньями тех, кто этого заслуживает?

— Кто?! Скажи мне, Лиин! — терял голову Джокарт.

Она смеялась.

— Дурак. Я же тебя люблю. Зачем мне другие? Если бы тебе приходилось кидаться на всех таких горе-ухажёров, то скоро у тебя просто ни на что другое не будет хватать времени. Даже на меня...

Но он не хотел, чтоб ему на Лиин не хватало времени. И понимал всю беспочвенность и глупость своей горячности.

— Прости, Лиин. Просто мне тяжело даже думать о том, что ты с кем-то... что кто-то...

— А ты не думай. Это глупо. Я же не шлюха какая-то, а всем желающим клубнички весь спектр услуг оказывают в эр-пэ-вэ. Кстати, когда ты получишь право посещать это место, я напомню все эти твои разговоры.

— Что ты, Лиин! Да я — никогда...

— Вот видишь? Ты — никогда. Почему же я обязательно должна оказаться хуже тебя? И вообще, ты не о том думаешь.

— А о чём же мне думать, кроме как о тебе?

— О том, куда ты устроишься в Крепости после окончания своих курсов.

— Как это — куда? Для чего я вообще стал курсантом? Конечно, чтобы быть пилотом истребителя! Ты же знаешь...

— За тебя сейчас говорит твоя молодость. Неужели ты думаешь, что без тебя не найдётся кому воевать? Торопишься погибнуть? А как же тогда мы? И зачем мы с тобой...

В её глазах всё чаще появлялись слёзы, и Джокарту было тяжело это видеть.

— Лиин! Если ты меня любишь, то должна понять, что я попал сюда не случайно, и это действительно стало моей мечтой — летать! Я видел запись боя «саламандр»... Никто из них никогда не погибнет, потому что они — лучшие! И я обязательно стану таким, поверь, Лиин. Ты не потеряешь меня.

— Теперь ты меня выслушай! Ты ещё мальчишка и многое не понимаешь... А я регулярно вижу сытые рожи обвешанных наградами до пупа нахлебников этой войны. Как думаешь, за что им достались награды? А потому что вовремя во всём разобрались и нашли себе неплохие местечки, которые есть не только на Земле, но и в этой проклятой Крепости!

— Не надо, Лиин. Я тоже это понимаю. Наверное, таковы правила жизни. Мне не светит стать интендантом или попасть в научный корпус...

— Почему? Ты же говорил, что учился в институте гравиоников! Мы сможем попасть на Землю, где я найду себе место певицы в любом шикарном месте. Как ты думаешь, зачем я торчу в этой дыре вот уже четвёртый год? Не знаешь? Так я тебе обьясню. Таких, как я, певиц на Земле — что звёзд во Вселенной. В хорошие заведения, а не в какой-нибудь портовый кабак, можно попасть, только имея влиятельных друзей или родителей... А если их нет, то нужно поспешить обзавестись ими — пока внешние данные позволяют. Угадай теперь — как? Родных у меня нет. Таких друзей — тоже. Одна надежда — стать известной здесь, в Крепости, чего я уже, думаю, достигла, а потом, попав на Землю, использовать эту известность, продавая свой голос под вывеской «певица с форпоста Солнечной». И петь мне придётся вовсе не блюз. Мы с тобой похожи, Джокарт. У тебя ведь тоже никого нет, кроме меня. Мы очень похожи... Я — для тебя, ты — для меня. Только так мы будем счастливы.

— Ну, хорошо... — оставался непрошибаемым Джокарт, — ты сможешь петь на Земле. Пускай даже под вывеской. А чем мне заняться?

— Ты окончишь обучение, получишь работу на военном заводе... А ещё лучше, я устрою так, что тебя переведут в какую-нибудь внутреннюю службу Крепости, и...

— И обвешают до пупа наградами, которых я не заслужу. И ты будешь меня за это любить?

— Буду!

Голова шла кругом от таких разговоров. Джокарту приходилось разрываться на части, и в казарменный блок он возвращался чаще счастливым телесно, но не духовно. Чем ближе был срок окончания его обучения на курсах, тем чаще случались эти разговоры. И скоро любая их встреча оканчивалась одним и тем же её вопросом: решился ли он на что-то? Ради неё и её любви. И именно такая его постановка порождала в душе Джокарта внутреннее противодействие и дискомфорт. Но именно благодаря этим вопросам он всё крепче желал достигнуть другой своей мечты. Той, что появилась раньше, чем Лиин. Тем более что первые вылеты были уже близки.

Ему всё чаще теперь снились сны, в которых он, словно вживую, управлял истребителем. В этих снах всё происходило поразному. Он мог проснуться победителем, а мог — побежденным. Но всегда — с новыми знаниями! Детализация и информационная насыщенность снов ставила их на десять порядков выше тех, в которых люди просто испытывают ощущение полёта. Наяву же он, — наконец-то! — учился владеть «водяными матрёшками».

— Держать ровно! Руки согните, чтоб края находились примерно на уровне солнечного сплетения, в ширину ладони от туловища. Так, замечательно!

Почти все курсанты учебного отделения не смогли спрятать усмешек на первом занятии.

Круглая посудина, диаметром около тридцати сантиметров, глубиной сантиметров пять, до края наполненная водой. Её нужно было держать именно так, как объяснял инструктор. Казалось, нет ничего проще, ведь необходимо всего-навсего пройтись по аудитории, стараясь не допустить поливания воды через край.

Конечно, нести такую посудину приходилось осторожно, потому что вода реагировала на малейшее неуклюжее движение рук, на малейшую встряску при передвижении, никак не желала оставаться у края. Через десять минут усмешек стало меньше, как стало меньше и воды практически в каждой посудине, а руки начали дрожать с непривычки.

Нет, с мышцами и сухожилиями всё было в порядке! После двух лет непрерывных тренировок, стрельбища и прочих радостей курсантской жизни их мышцы забыли, что такое усталость. Просто очень уж необычным явилось для них новое упражнение.

— Это и есть «матрёшка»? — поинтересовался в самом начале занятия Джокарт. Изумленно и с долей разочарования.

— Нет. Это всего лишь одна часть. После вводного занятия вам предстоит пройти медпроцедуру, ничего особенного, по три дополнительных инъекции в день на протяжении недели, и тогда уже — будет вам «матрёшка».

Всем было известно, что это название старинной детской игрушки, где несколько деревянных фигурок, разных по размерам, вкладывались одна в другую. Про воду никто ничего не слышал.

К концу вводного занятия выяснилось, что вышагивать с блюдцем, наполненным водой, и не проливая её, — не такое уж простое дело. Никто не мог похвастаться тем, что ни единой капли не пролилось у него через край.

Стоя на месте, Джокарт ещё мог удерживать воду в назначенных ей пределах. Как только он начинал движение — всё! — вода тоже теряла неподвижность.

— Ваше тело должно стать отлаженным комплексом гироскопов, способных сохранять такое вот равновесие. Потому что это очень важно во время полёта — чувствовать корабль, как часть себя самого...

Неделя медпроцедур пролетела быстро. Первые два дня инъекции делались в медблоке, потом эта функция была доверена индапам — индивидуальным аптечкам, и четыре дня курсанты ходили, чертыхаясь трижды в течении суток.

Через неделю отделению вновь выдали уже знакомые посудины. Курсанты называли их блюдцами, а инструктор — Большими.

— Чтоб было проще понять, — пояснил он, — та ёмкость, что у вас в руках, имеет самый большой диаметр. В неё нужно будет поместить потом ещё одну ёмкость, поменьше размерами, она будет Средней. А уже в Среднюю помещается следующая — Малая матрёшка. При старых сроках подготовки этому упражнению отводилось больше времени, и матрёшек было не три, а — пять. Но вы особенно не радуйтесь, с вас и трёх хватит для начала, чтобы понять — что это такое.

Джокарт понял. Издевательство, помноженное на чьи-то мучения, навязываемые как целая учебная дисциплина. Вот что это такое. И бессильны были помочь все обретённые «эффекты». Тело должно было само научиться сохранять жидкость в матрёшках в равновесии. А делалось это так.

В Большую наливалась уже не вода, а раствор, который оставлял ярко-синий след на внешней боковушке посудины. Теперь

любая оплошность становилась заметна сразу. Ходить приходилось в замкнутом, ограниченном пространстве небольшой прямоугольной комнаты, где уже троим тяжело разойтись, не задев друг друга локтями. Задеть — это означало... Ну, понятно.

Кося одним глазом на прочих бесцельно движущихся курсантов и отдавая всё остальное внимание чёртовой жидкости, которая норовила оставить как можно больше синих следов, учащиеся пыхтели сквозь зубы, боясь даже дыханием потревожить строптивый раствор. И больше никто не смеялся.

Через какое-то время отделение могло свободно расхаживать взад-вперёд и даже переговариваться во время движения. Тогда задание усложнилось. Теперь нужно было, помимо ходьбы, совершать приседания, повороты, да и сама ходьба велась в быстром темпе.

Когда же и этот барьер был взят, настало время познакомиться со Средней матрёшкой.

Сосуд, на треть меньше в диаметре, с «плавучей» подушкой снизу и так же заполненный раствором, оставляющим следы, помещался в Большую, где мог свободно плавать. Порождая, естественно, и движение раствора в Большой.

Мало того, что раствор из второго сосуда мог оставлять след на боковушке. При попадании и смешивании его с раствором, находящимся в Большом сосуде, получались шикарные розовые кляксы. Теперь всё пришлось начинать сначала. Медленно ходить — ходить быстрее — приседать — поворачиваться... Также бояться задеть чей-то локоть и думать, как бы не задели тебя.

Потом появилась третья матрёшка. Снова — синие потёки на боковушках и уже зелёные кляксы, — при попадании в раствор второго сосуда. И опять: ходить — высунув от напряжения языки, ходить быстрее — к языку добавлялись выпученные глаза, потому что приходилось контролировать положение уровня и неподвижность раствора в трёх сосудах одновременно. Приседать — сходить с ума. Кружиться на месте — сдерживать нешуточное головокружение. Теперь прекратились и разговоры.

— Главное — плавность движений. Боевой истребитель должен всегда пребывать в равновесии и согласии с окружающим пространством. Любой рывок на вираже со скоростью свыше первой космической — не принесёт ничего хорошего. Оплошность при скоростях в десятые доли световой — и от вас останется такая же клякса, как в матрёшке.

— Но там же есть автоматические компенсаторы манёвра! — умудрился произнести целую фразу Джокарт.

— Есть. И даже автопилот имеется, для принудительного возврата в точку старта. И вы надеетесь с их помощью тягаться с бессмертными? Между прочим, их корабли-истребители не имеют таких устройств. Вот и думайте.

Увидев, что в его матрёшках расцвело уже достаточно клякс — и розовых, и зелёных, и даже экзотичных розово-зеленоватых, Джокарт понял, что терять ему уже нечего, всё равно отработка обеспечена. А ведь сегодня — встреча с Лиин!

Тут же он с ужасом понял и другое: что готов пожертвовать встречей ради овладения этим проклятым равновесием!

— Ком, нам говорили, что у бессмертных и вестибулярный аппарат действует как-то по другому. Что они все — прирожденные воины и летуны.

— Как бы не действовал их вестибулярный аппарат, но он у них есть. Значит, им тоже приходится работать над собой, ведь космос — не их среда обитания. Даже если бы это и было так — рыба в воде, и та совершенствует свои способности. Черви должны были работать над собой, иначе не стали бы прирожденными воинами. Логично?

— Да, но у них имеется механизм генной памяти. Каждая вновь рожденная особь владеет практически всеми навыками родителя.

— Не так. Помнит о них. Знает. И только после получения собственного опыта — владеет. Есть разница?

— Да, ком. Но всё равно... Это даёт им преимущество. Если, например, родительская особь была отменным пилотом, значит, и у её потомства имеются все шансы стать такими же отменными пилотами. А у нас — что? — тридцать процентов со всего курса. Ну, пусть теперь — половина. И в людских семьях у родителей-военнослужащих может родиться, например, дочь — певица. Кстати, а почему среди пилотов нет женщин?

— Вам на который вопрос ответить? Если на первый — шанс есть и у вас. И кто вам сказал, что где-то внутри вы тоже не несёте аналог «генной памяти»? Все эти «информативные»инъекции, сеансы гипноза, произведенные в начале обучения, о которых вы даже не помните. Пора хотя бы догадываться об этом. Потом вся информация, так сказать, выйдет наружу. Не переживайте за себя. А природная генная память у бессмертных... Что ж. В этом есть доля хорошего для нас. Потому что не все особи-пилоты, произведшие потомство, были отличными пилотами. Дошло? Вы же, в отличие от них, получаете только лучшие знания и самую полезную информацию. Детально всё объяснить вам я не могу, и никто в Крепости

не сможет, но вы имеете в памяти лучшие знания лучших пилотов. Именно поэтому, наверное, «саламандры» очень редко покидают Солнечную. «Фениксам» вообще запрещены вылеты дальше орбиты Юпитера. Конечно, главная их функция — оказаться под рукой в случае прорыва к Солнечной. Потому что Крепости хоть и контролируют все Приливные точки, с помощью которых можно добраться до Солнечной, всегда остаётся возможность использования врагом спорадического прилива. Например...

— Я знаю, ком. Прорыв к Плутону. — Джокарт с неудовольствием отметил, что эти слова доставляют ему боль, и повторил тише: — Я это знаю...

— Верно, — благодарение Вселенной, инструктор не стал развивать дальше эту тему. — Теперь ответ на вопрос о женщинах. Бессмертные — существа когда-то двуполые. Так они были устроены изначально природой. Впоследствии они трансформировались в гермафродитов. Неизвестно, как именно они к этому пришли: вследствии мутаций или в связи с осознанной необходимостью...

— Какая же тут может быть осознанная необходимость?

— Может, курсант. Когда-то Земля пережила настоящий бум трансвестизма. Это, конечно, только условное сравнение. Одно дело — отдельные люди с изъянами в психике, другое — целая галактическая раса. Но всё же... Так что бессмертные — универсальны теперь по всем физиологическим показателям. Мы же, мужчины, во многом отличаемся от женщин. И существует ряд препятствий, скрытых в самих женщинах, которые не позволяют проводить трансформацию их в современных солдат. А ведь когда-то, во время существования отдельных государств, женщины проходили военную службу. Но только война с бессмертными — совсем другое дело. Без генных модификаторов и модификаторов сознания никак не обойтись. Сознание же женщины — это вовсе не то же самое, что и сознание мужчины. Мужской шовинизм тут ни при чём, но есть такое понятие — женщина с мужским складом ума. Правда, ум это ещё не всё. Есть разнящие нас черты характера, особенности психики, обусловленные гормональными процессами... Особенности поведения... Слышал шутку о том, что науке неизвестно, кого в природе больше: говорящих рыб или молчаливых женщин? Познакомишься с женщинами поближе, сам всё поймёшь. А теперь, чтоб наш разговор оказался для тебя полезным — объявляю два часа отработки в конце дня. На следующем занятии начинаем использовать дополнительные факторы — помехи...

Как-то ему приснился необычный сон. В нём перемешалось всё: и Лиин, и управление истребителем. Пит, хохочущий в лицо: «У тебя есть восемь ферзей, Джокарт?»

Дурак, отвечал он ему, зачем ты пришёл? Ты же сошёл с ума из-за своих восьми ферзей. Чуть не угробил нас всех, вскрывая дверь учебного класса, что тебе сейчас от меня нужно? Твоё место — на Земле, в психушке, так что не мешай — видишь, чуть не пролил раствор из малой матрёшки в среднюю.

Но Пит не уходил. К чёрту матрёшки! Попробуй собрать восемь ферзей на одном поле! И вообще — следи за хвостом! Джокарт оборачивался и видел, что там, сзади, дела неладные — в атаку вышли сразу три «Кнопки». На панели вовсю мигает сигнализатор опасности — его «Зигзаг» в захвате! Педаль под правой ногой — до упора вниз. Правая рука готова кинуть истребитель в сторону. Но — нельзя, резко — нельзя. На обводах кабины сразу выступят синие потёки, и появятся розовые кляксы. Главное — плавность!

Я же говорила, что все пилоты рано или поздно гибнут, — печальная Лиин обнимала какого-то офицера с сытой рожей, обвешанного до пупа наградами. Нагрудный карман его мундира набух от кредитных карт.

Не трогай мою Лиин! Это не я её трогаю, справедливо отвечает офицер и противно ухмыляется, но я всё таки не против. Мне наплевать, кричит Джокарт, сначала разберусь с «Кнопками», потом займусь тобой, жирный боров! Вот-вот, я опять не против. Разбирайся со своими «Кнопками», а мы пока развлечёмся. Правда, Лиин? Ты сам виноват, Джокарт, видишь? Я снова плачу... Она обвивает шею офицера, пряча лицо.

А «Кнопки» всё ближе. Кормовые турели «Зигзага» дают залп, истребители врага отворачивают, теряя Джокарта из захвата. Сигнализатор успокаивается. Но положение всё равно тяжелое. Где же ведомые? Брось, ты ещё не сидел за маджонг-столом, и никому не известно — кто ты? — ведомый или ведущий... То ли дело я — со мной всё ясно. Восемь ферзей — это... Заткнись! Не сейчас!

Раствор выплеснулся из верхней матрёшки и стекает по боковушке... Опять бьют кормовые. «Зигзаг» держит 0,98 световой, а бессмертные прут, словно приклеенные. Вот! Сейчас. Теперь раствор льётся каскадом — из верхней в среднюю, из средней — в большую, из большой — на форменные брюки. Почему — брюки? А где же...Ты хоть раз пробовал спать с девушкой в СВЗ? Теперь не скули. Кстати, Лиин — сладкая ягодка. Ух, какие мягкие губы! Да, девочка, да! Ещё! Ты видишь? Я всё равно плачу. Мы с тобой

одинаковы, Джокарт. Я буду петь блюз под вывеской, почему ты не плачешь со мной? Ещё, девочка, ещё!

Скверно, согласен. Хочешь, я подарю тебе ферзя? Все восемь не могу, и так дорого за них заплатил, но даже один тебе сейчас не помешает. Спасибо, Пит, я не знал, что ты можешь быть хорошим другом, но уже поздно... Ты что, сопляк, сдался? Нам не нужны такие пилоты! А ведь тогда мне показалось, что ты можешь кусаться... Я могу! Но Лиин! Смотрите, что она делает! Да, девочка, да!

Да Бог с ней, с Лиин, даже не удобно, что я вас познакомил. Выиграешь этот бой — сходим в эр-пэ-вэ. У меня всегда при себе две кредитки. Мы не будем заказывать апельсиновый сок-фреш, и ты прольёшь кофе на кого-нибудь другого...

Одна из «Кнопок» выпускает контактные торпеды. Губа закушена до крови, но кровь, попадая в раствор, становится зелёной. Значит, она течёт из его верхней матрёшки. Я думаю — значит, я существую!

Бессмертные недавно переняли у нас идею использования контактных торпед, поэтому торпеды у них пока не совершенны. Правая кисть чуть вздрагивает, и они проходят под пилонами левого разгонного двигателя. Уже хорошо. Теперь — тангаж. Разворот носа истребителя на сорок пять градусов относительно оси движения. Да знаю я, что кормовые турели остаются без работы... Погашение инерции! Снова ускорение! Без СВЗ тяжко. Компенсация инерции вышла чувствительной, и что-то с глазами. Наверное, лопнули сосуды. Кровь хлещет из глаз, чёрт, как невовремя!

Наконец-то ты плачешь, Джокарт! Не стесняйся, я ведь тебя люблю! В СВЗ нам действительно было бы неудобно. Ещё, девочка! Да!

Да, жаль, что я вас познакомил. Балу! Прошу тебя! Ты же можешь, ты умеешь! Как я тебе завидую... Ладно, парень. Всё-таки меня летуны тогда пригласили... Хотя новости всё равно плохие, и скоро — на убой. Где твои лычки?

Лычки? Толстый офицер, сбитый подсечкой, падает на стул. Балу втыкает ему в рот сигарету и выливает за шиворот стакан водки, но не успевает поднести зажигалку, потому что — уход на вираж. Волной. «Кнопка» в захвате! Ты и без ферзя справился, жаль... А знаешь, Джокарт, ведь меня скоро выпустят из психушки. Дадут пособие. Я выберу любую девушку, какую захочу. А ты всю жизнь будешь тискать одну и ту же шлюху. Лиин не шлюха! Шлюха, шлюха! Посмотри, как у неё всё получается. Ещё, девочка, ещё! Я люблю, когда ты плачешь ВЕЗДЕ. — И плотоядный смех сквозь стон наслаждения.

— Прости, парень, тот червь, что уничтожил моих ребят и два танковых экипажа... В общем, я его нашёл, и сейчас покажу, что такое майор штурмовой пехоты КС! Вот и покинул тебя твой ферзь. А ведь точно! Майор — ферзь. Как же я сразу не догадался? Балу! Тресни напоследок этого гада... Извини, брат, есть проблемы, которые ты должен научиться решать сам. Последний вдох. Теперь загубник можно выплюнуть, всё равно кислорода не осталось, а дно уже близко... Отец, почему ты не сказал, что всё будет так?

— Джокарт, война когда-нибудь закончится, и Солнечной потребуются инженеры. Много инженеров. Почему бы тебе не поступить на учёбу в наш институт? И я, и мать, мы всегда будем рядом. Подумай хорошенько, Джокарт, а мы пока посмотрим «Дискавэр», странно, зачем это «Хванг» открывает грузовые люки? Не-ет!!

Ещё, девочка, ещё!

Прицелы пляшут, — какая ты сладкая! — «Кнопки»стегают пространство плазменными плетями... Главное — плавность. Чтоб не перелился раствор. Это — Вивальди. А это — ведьмы с зелёными глазами. Главное — плавность, даже если получил два попадания в разгонный двигатель и кормовую турель. Скорость падает сразу до 0,1 световой, хотя я не снимал ускорения, — какая-то чертовщина! Но враг не успевает погасить и компенсировать свою скорость! Проносится рядом, подставляясь с кормы. Ага! Они ещё не знают, что написано в моей строке состояния. Я — «саламандра»! Тебе это не поможет, Джокарт, видишь? — я плачу... Ещё, девочка...

Джокарт вскочил с койки. В ушах стоял постепенно затихающий голос отца. В висках стучала кровь. Бешеная, чёрная энергия сна продолжала толкать сердце: быстрей, быстрей, быстрей! Мозг всё ещё оставался многоквартирным домом, где за каждой дверью жила своя, отдельная от других мысль. Но сейчас во всех окнах этого дома спешно гас свет. «Ещё, детка!» — донеслось из-за последней открытой двери. Наконец, захлопнулась и она, — оставив Джокарта стоять — оглушенного, будто бы контуженного тяжелым ударом.

Едва оправившись от пережитого во сне, Джокарт поспешил к коммутационному терминалу и набрал номер Лиин. Окно вызова оставалось пустым, и он подумал: «Зачем она отключила свой терминал? Мы же договаривались...» Но вот пошёл вызов, обозначенный скудной надписью на экране — «Подождите соединения». Ну что же это она? Нельзя так крепко спать! Или — можно? Ведь, наверное, это тяжело — отстоять несколько часов на сцене...

Подождав, Джокарт снял вызов и вернулся к койке, пытаясь заснуть. Это у него не получилось, и отчего-то в груди начало сжиматься и разжиматься какое-то чужеродное тело. И снова в сознании опасно приоткрылась дверь с гадкими словами!

«Нет! Я должен её услышать! Сейчас!» — снова решился Джокарт и кинулся к терминалу.

Всё то же. «Подождите соединения». Он прочёл эту надпись пятьдесят пять раз и готов был довести эту цифру хоть до тысячи, но она так и не ответила. Пусть она обзовёт его, отругает за назойливость! И автоматика отключила вызов, потому что даже дураку было бы ясно, что ответа он не дождётся.

Наверное, она спит, накрыв подушкой голову! Или включила музыку, да так и заснула и теперь не слышит вызова. Громко включила, она же певица. Или видео. Она говорила, что любит смотреть перед сном какой-то интерактивный сериал, ещё говорила, что может променять его, Джокарта, только на этот сериал. Да, точно! И Джокарт представил включенное на полную громкость видео, оттого, что в конце серии она пошла принимать душ, а потом не успела приглушить, как её сморил сон. Искать каких-нибудь других объяснений он побоялся.

На всякий случай Джокарт принял стабилизатор, но даже лекарство не помогло сразу. И было отчего-то так плохо и неуютно...

Последнее, что он открыл для себя с изумлением, это то, что Моджо перестал храпеть. А следующий сон оказался милосерден к нему, и в нём не оказалось ничего, что не умерло бы при пробуждении.

...Пока отделение спешило на построение, Джокарт, обычно стеснявшийся при всех звонить Лиин, торопил матовый прямоугольник терминала. Наконец, соединение произошло.

— Это ты? Зачем в такую рань? Джокарт, ты рехнулся! Корабельное время — шесть утра!

— Лиин, ты... Извини, я звонил тебе ночью.

Слова, которые должны были прозвучать разоблачающим паролем, получились едва ли не просительными. Ну дай же, дай мне правильный ответ! — мысленно молил он её.

Заспанное, но всё же самое прекрасное лицо на свете, мелькнувшее в экране терминала, почему-то стало пунцовым. Ночные догадки и оправдания её молчанию, которыми он пытался оградить себя от ужасных, болезненных фантазий, сменились ясностью мышления. Индап уже сделал своё дело. И если бы Лиин сейчас сказала, что не услышала вызова, он бы не поверил. Но она так не сказала.

— Звонил ночью? И что же? Ты обещал встретиться со мной после занятий. Я как дура два часа проторчала в нашем кафе, — так они стали называть помещение, показанное Балу — нашим кафе, — я выпила с Хийси, наверное, весь кофе. А когда он ушёл, еле-еле отвязалась от двух незнакомых технарей. И после этого ты ожидал, что я отвечу тебе посреди ночи, когда тебе захочется о чём-то поговорить со мной? И выслушивать твои глупые оправдания? Да! Я слышала! И не ответила нарочно! Плакала в подушку, разрываясь между желанием ответить и своей маленькой гордостью... Скажи, я имею право на гордость?

Когда она говорила про то, что плакала, в Джокарте опять шевельнулось что-то скользкое, и тут же он почувствовал на шее укол инъектора.

— Имеешь, Лиин. Ты и должна быть гордой. Только такой я тебя и люблю. А ты? Ты любишь меня таким — опаздывающим, приходящим не вовремя на свидания, и даже вовсе на них не приходящего? Ведь ты должна понять, опять эти проклятые отработки... Сейчас всё стало так жёстко. Скоро вылеты, все нервничают. Нам говорят, что мы не готовы, мы и сами понимаем. А сверху уже идут запросы — когда флот получит новых пилотов?

— Ты сам избрал для себя это, Джокарт. Но я тебя всё равно люблю. Беги, наверное, ты опаздываешь. Хотела бы я, чтоб ты так торопился на встречу со мной.

От таких слов на спине будто начали прорастать крылья.

— Буду! Буду к тебе торопиться! И я тебя очень и очень люблю!

— Я тебя сильнее!

— Нет, я сильнее!

— А ты докажи. Попробуй сегодня не опоздать.

— Значит, как всегда — в девять?

— Как иногда — в девять. Это было бы вернее.

— Не будь жестокой, Лиин. Я не могу так закончить разговор, а если опоздаю на построение, то схлопочу отработку по тактике на вечер.

Беседа, которая вот-вот должна была закончиться, опять нашла своё продолжение.

— Ну а что? Разве я говорю неправду? Ты приходишь, когда у тебя это получается, то есть всё реже и реже...

— Когда я стану пилотом...

— А когда ты станешь пилотом, ты влюбишься в проклятый космос и забудешь про меня.

— Не говори так! Тебя невозможно забыть! Ведь я люблю тебя, Лиин!

— Ладно, не говорю. Я тоже тебя люблю.

С глупой улыбкой до ушей Джокарт едва-едва успел втиснуться в строй, и сразу в зал построений вошёл старший офицер-куратор.

— Смирно! — командует инструктор. — Офицер на палубе!

— Курсанты, через месяц начинаем полёты! Прошу удвоить старания!

Затем было объявлено расписание для отделений. Первое: маджонг — маджонг — предполётная. Второе: предполётная — маджонг — ралли. Третье...

Отделению Джокарта, седьмому, выпало целый день заниматься предполётной подготовкой, то есть «матрёшками» и тренировками на истребителе — тренажере. Джокарт, помня свои приключения во сне и выделяя те из них, где он уходил от «Кнопок», был доволен таким расписанием.

Глава 5

Балу он всё-таки навестил. Нет. Не так. Они встретились. При самых необычных обстоятельствах, когда до начала учебных вылетов осталась всего одна неделя.

Дурной сон, к счастью, не повторился. Но Джокарт пережил многое за это время. Например, исчезновение Лиин на целых три дня. А с её появлением ему пришлось выслушать долгую, удивительную историю про «творческие» дни, которые должны, оказывается, быть у каждого художника, музыканта или литератора. Поскольку Джокарт не был ни первым, ни вторым, ни даже третьим, в конечном итоге пришлось ещё и поверить, хотя это далось ему с трудом.

— Ты не понимаешь, а я не знаю, как тебе всё объяснить...

— Как бы ты ни объясняла, я всё равно этого не пойму. Исчезнуть вот так, неожиданно и без какого-нибудь предупреждения. Молчи, Лиин! Существует тысяча способов, как сообщить о себе. Я уже не говорю о самой простой вещи — почему ты не вызвала меня и не сказала всего несколько слов: «Я устала. Хочу отдохнуть. Жди меня через три дня».

— Всё не так! Я не устала, и это был не отдых! Вот видишь? Ты уже не понимаешь. Как же ты собирался понять меня, даже если

бы я сказала такую чушь? Устроил бы, как сейчас, сцену? Но мне не нужны были сцены! Мне нужен был только покой. Понимаешь? Покой, и — чтоб никого рядом. Репертуар приходится обновлять — это непреложная истина для исполнителя. А все свои песни я пишу сама. Угадай — когда и как? К тому же я не могла знать, сколько времени мне потребуется... Думала, успею к вечеру — как раз наклёвывался один заманчивый мотивчик... В итоге — три дня и пять новых песен. Когда ты станешь пилотом, ты будешь слушать их в офицерском зале.

Говоря так, Лиин допустила ошибку. Ещё не зная, что она скрывает за этой маленькой ложью, и маленькая ли она на самом деле, Джокарт понимал, что Лиин, после всех прежних уговоров, никогда бы не сказала вот так спокойно, будто констатируя факт: «когда ты станешь пилотом». Что угодно и как угодно, но только не это и не так.

— Лиин, ты даже не можешь объяснить мне, где всё-таки ты была.

— Потому что ты не спрашивал.

— Вот, спрашиваю.

— Ну что ж. Госпитальное отделение Крепости имеет несколько восстановительных палат. Каждая палата — замкнутый мир, куда не проникает снаружи ни-че-го! Именно мне это и требовалось... Видеоэкраны во всю стену с фрагментами земных или других пейзажей. Представляешь? Ты — в центре такой комнаты, с синтезатором в руках, а вокруг — бушующее море... И кажется, будто брызги волн попадут сейчас на руки. Или — сумеречные горы Денебского Мегаполиса. И ты стоишь на вершине, а где-то внизу, так реально, словно взаправду, так, что кружится голова, мерцают от горизонта и до горизонта огни цивилизации...

— Нет больше Денебского Мегаполиса, — автоматически вставил Джокарт, — уничтожен Бессмертными.

— Я же говорю — это видео! Хотя, наверное, ты прав... Денеб я хотела найти, но его не оказалось в списке репродукций, это сейчас я говорила для образности. Но море — было. И лес. И...

— Лиин! Я три дня не знал, что мне делать и о чём думать! Обращался даже к старшему офицеру-куратору, и не только к нему. Но мне так никто и не помог тебя найти. Был человек — нет человека. Мне кажется, ты просто воспользовалась тем, что я не имею доступа в зону проживания вольнонаёмного состава Крепости.

— Ты не имеешь доступа и в госпитальное отделение. А твой офицер-куратор наверняка увидел уведомление о конфиденциальности и не стал тебе ничего говорить. Воспользовалась... Скажешь

тоже. А что бы ты стал делать, даже если бы узнал — где я нахожусь?

— Я бы сломал себе руку и попал в госпитальное отделение...

— Не надо. Не пугай меня так больше, Джокарт! Ты же не сумасшедший, чтобы из-за ерунды...

— Это не ерунда, Лиин! — он повысил голос и снова начал перечислять. — Ты исчезла, тебя не было три дня. Никто не мог мне сказать — где ты и что с тобой. Что я должен был думать?

Она попыталась поцеловать его, но, убедившись, что не дождётся объятий, пересела на другой край дивана.

— Что угодно ты должен был подумать. Только не то, о чём продолжаешь думать сейчас. Когда нет тебя, я должна понимать, что ты занят обучением, — из глаз её посыпались слёзы, хотя лицо сохраняло прежнее выражение, состоящее из смеси влюбленности и решимости отстоять свою правоту, — я должна понимать всё — твои проблемы, все заботы, что тебя окружают, эту дурацкую подготовку к игре со смертью! А ты? Ты хоть раз пытался меня понять? Задумывался — каково это: выходить каждый вечер на эстраду, четыре года выдерживать жёсткую диету и следить за голосом, чтоб не потерять его. Мои песни... Ты хоть раз спросил — откуда они? Нет. Ты даже ни разу не поинтересовался ни о чём подобном. Поэтому тебе сейчас и обидно — оттого, что ты ничего не понимаешь, и даже если хочешь мне поверить — не веришь. Если бы ты хоть раз...

Наконец, уголки губ опустились, слёзы покатились потоком, и она прикрыла лицо руками.

На какой-то миг Джокарт почувствовал подленькое удовлетворение от её слёз и беспомощности. Но тут же это чувство ушло, остался лишь он — обнимающий её вздрагивающие плечи.

— Всё. Успокойся, Лиин, не надо. Я верю тебе...

— Нет. Ты мне не веришь. Ты просто говоришь так, потому что не хочешь видеть моих слёз, — продолжала рыдать Лиин.

Конечно, они помирились. Конечно, бывает в жизни всякое... И, конечно же, Джокарт умудрился проверить — действительно ли Лиин три дня безвылазно провела в восстановительном центре, о котором раньше он никогда не слышал.

— Это так, — скупо сообщил ему тайный информатор, техник, с которым он познакомился в Их Кафе.

После этого Джокарт дал себе слово никогда больше не говорить и не думать о том, что может причинить боль им обоим.

— Я принёс больше! — торопливо говорил он технику в коричневом комбинезоне, передавая несколько упаковок капсул для

«адреналинового всплеска», попавших к нему случайно ещё в начале обучения. — Ты только не проболтайся ей самой или кому-нибудь другому, что я... Ну, сам понимаешь...

Ещё он пережил миг озарения, когда очередная головоломка маджонга из запутанной фигуры стала вдруг до безобразия простой, словно детская беспроигрышная комбинация в крестиках-ноликах.

Сначала ему показалось, что перемешивающая машина случайно выложила элементарную для разгадывания фигуру-комбинацию. Но когда то же самое произошло и в третий, и в четвёртый раз, он понял!

— Ком, у меня, кажется...

— Вижу, курсант. Сейчас попробуй разгадать ещё одну, контрольную комбинацию. Тогда узнаем точно.

Он разобрал. К изумлению инструктора не в двадцать два действия, как указывала оптимальное количество взятий фишек перемешивающая машина, а в двадцать.

Потом, захлёбываясь, он зачем-то втолковывал инструктору, презрев любую субординацию.

— Я понял! Машина имела в виду схему распутывания, когда с первого же хода я убираю угловую пару, освобождая сразу четыре фишки. Выглядит заманчиво, но это не так! Я убрал, хотя это на первый взгляд и казалось глупым ходом, два стоящих рядом «бамбука», но потом...

Ещё ему хотелось рассказать о своей любви к Лиин, о том, что всё так замечательно складывается — к «эффекту дельфина» он присоединил и «Глаз Орла», а значит...

— Успокоиться! Немедленно! Внешние данные — девятнадцать Же! — почему-то невпопад и не то отвечал инструктор, и вдруг оказалось, что Джокарт находится на полигоне, уже облаченный в СВЗ. — Экономить дыхание! Следить за контролем... Антиграв — на максимум!

Только потом, после двадцати минут «силовыжималки», как называли подготовку в СВЗ курсанты, когда Джокарт, еле-еле высвободившийся из зализанных, прочных доспехов, лежал на полу и дышал, будто левиафан на вершине Эвереста, инструктор скормил ему дозу стабилизаторов («это уже третья, кажется») и заговорил спокойным голосом:

— Я уже подумал, что ты как Пит. Или те, другие. Уйдёшь в себя и не вернёшься. Потому что так часто бывает — приобретёт курсант «Глаз Орла», и у него сразу купол протекает. От счастья. Так что

извини, Джокарт, за девятнадцать же. На самом деле их было двадцать пять. Даже если бы ты переломал в СВЗ все кости, но остался в норме, в ладу со своей бестолковкой, я был бы счастлив.

— Ну да. Правильно. Не думай задницей, посоветуйся со своей бестолковкой — так говорят нам иногда инструкторы, — возвращался в реальность курсант.

И постепенно очертания тренировочного полигона вытеснили из сознания тот хаос, что бушевал всего несколько минут назад.

— Мне очень жаль было бы потерять такого курсанта, как ты.

— Звучит, как объяснение в любви, ком, — улыбнулся в ответ Джокарт.

И тут же схлопотал за это час отработок.

— Пришёл, значит, в себя? Хорошо. Хотя это и будет теперь для тебя просто детской игрой, но лучше ты будешь тратить свой юмор на фишки маджонга...

За два, вернее, почти за три года учёбы, Джокарт сдружился почти со всеми курсантами. Врагов на курсе у него не было, как, впрочем, не было их и у остальных. Любое проявление крайней несовместимости между курсантами, их полярности в характерах, перераставшие в неприязнь, тут же пресекались инструкторами.

— И без этого вам есть куда потратить свою энергию и свою ненависть. Если же у кого-то этого добра окажется слишком много — только шепните, как у вас их не станет! — сказал как-то инструктор по ралли.

И посадил двух не ладящих между собой курсантов в скутер с двойным управлением.

— Попробуйте не уложиться в норматив! Вышвырну с курсов обоих! Принять задание: Филеас — ускорение и контроль горизонтального стабилизатора, Шиллер — управление. Время пошло!

Скутер с двойным управлением — мучение, хуже некуда. Джокарт сам как-то имел случай убедиться. Если действия одного пилота скутера шли вразрез с действиями другого — всё! Что угодно, до влипания на полном ходу в ограждение трассы.

— На «двойке» только в цирке выступать можно!

— Сказали бы сразу, что это такое наказание. А то звучит как гордо — пилотирование «двойки»!

— Не-ет. Издевательство, точно. Чтоб потом кошмары снились.

Примерно так высказывались все курсанты, которым довелось погонять на этом гравискутере — единственном и неповторимом на весь ангар. Так сказать, для укрощения строптивых.

Шиллер с Филеасом и в обычной обстановке не могли найти общего языка ни по одному из поводов. С чего началась их вражда — не помнил никто. Наверняка с какой-нибудь мелочи. А уж в скутере они просто готовы были перегрызть друг другу глотки.

— Проснись, тупица! Ты же видел, что я ухожу на вираж! Куда ускорение добавляешь?

— Сам тупица! Нужно было накренить «двойку», проскочили бы на центробежной, идиот!

— Я идиот? Нас развернуло из-за твоего дурацкого крена с торможением! В следующий раз постараюсь переломать тебе ноги!

— Смотри не перестарайся!

Остальные курсанты, те, кто не участвовал в ралли, получили море удовольствия от прослушивания такого содержательного и конструктивного диалога, потому что инструктор переключил на внешний селектор внутреннюю связь скутера.

В итоге эта парочка умудрилась перевернуть «двойку» кабиной книзу и так финишировать. Ни о каком выполнении нормативов не могло быть и речи.

— А теперь, щенки! — говорил инструктор, когда-то командовавший «Шарком» и списанный из-за глубокой контузии после дуэли с «Трепангом» бессмертных, — я раскрою вам один хитрый секрет. И попробуйте этим не воспользоваться в следующий раз!

Извлеченные за шиворот, словно нашкодившие котята, два недруга демонстративно отворачивались друг от друга, пока инструктор терпеливо объяснял им, какой знаковой системой пользуются танкисты в экстренных случаях, когда внутренняя связь по каким-то причинам переставала действовать.

Курсанты в «двойке» сидели как бы лесенкой — один над другим, имитируя расположение членов экипажа боевого танка, поэтому инструктор говорил:

— Мы делали это так: первый номер может протянуть левую руку и достать лодыжку второго. Второй может дотянуться носком ноги до плеча первого. Два толчка по плечу — реверс и разворот на сто восемьдесят, два толчка и нажать на плечо — разворот, пока не снимут ногу. Два подёргивания за лодыжку — проникающий — кумулятивный. Три — кувалда — бронебойный.

Всё отделение заинтересовалось.

— А почему — два, три, а не один и два? — спросил кто-то.

— Потому что один раз можно и случайно задеть. А эта система, она как музыка, что звучит в голове. В печенках должна сидеть: почувствовал два толчка — даже не раздумывай! Реверс и разворот...

Значит, так надо было, ведь шутить в бою никто не будет. Через час, — вновь обращаясь к провинившимся, — чтобы сигналы взаимодействия были придуманы и отработаны, и начнёте пробные выезды. Через два часа — повторите попытку на время. И я не шучу. Не уложитесь — вызываю старшего куратора и объявляю вас негодными к службе. Уматывайте в свою деревню дураков и там разбирайтесь — кто круче! Задание принято? — два нестройных ответа.

— Не слышу!!

— Принято, ком!

— Уже лучше. Исполнять. За один раз этого не вышибешь, — вновь обратился он к остальным. — Но вы же команда, чёрт вас дери! Вам вместе бессмертных жечь придётся! Вот и следите за этими петухами. Бездействие иногда хуже любого действия. Захотелось позора на всё отделение?

Шиллер и Филеас вместе подошли к инструктору и доложили, что система знаков разработана, но за час они не добьются требуемого результата. И все знали — попробуй они ещё раз, у них бы не получилось.

— Возникают проблемы взаимопонимания при движении на поворотах, — говорили они.

Это тоже все знали, потому что уйти на вираж можно чуть сбросив скорость и отработав джойстиком управления, а можно было скорость не сбрасывать, но ввести скутер в резкий крен. Ещё можно было... В общем, действительно проблема.

— Мы иногда одновременно пытаемся уменьшить радиус разворота. И тоже — по разному. Нужно на час поменяться местами... Тогда, может быть... Но всё равно, норматив на «двойке» мы выполним разве что случайно. Не хотим надеяться на случайность!

— Взаимопонимание... Пытаемся... — передразнил инструктор, — никакого взаимопонимания у вас и не будет, если не поумнеете. Слушайте, а почему бы вам не поступить на курсы пехоты Космических Сил? Да ещё в разные учебные отделения? И сражаться — исключительно в разных квадратах. А? Секрет-то простой — нужно постоянно следить, чтоб вы не оказались рядом, вместе. Вот командиры отделений и будут за вами следить, чем же им ещё заниматься?

Но потом он сменил гнев на милость.

— Но это хорошо, что вы не надеетесь на случай... Выполните задание завтра. В вашем распоряжении — время после занятий, до отбоя, и целая ночь. Делайте, что хотите. Если опять передерётесь, будете обижаться только на себя. И уже не здесь...

Примерно так же решались вопросы сложных взаимоотношений и другими инструкторами. Потому что каждый из них уже имел целый багаж уловок, позволяющих направить негативную энергию в нужное русло.

У Джокарта подобных проблем не возникало ни с кем. Но среди многочисленных приятелей были и настоящие друзья.

Первый — Моджо, который, казалось, вообще не был способен ни на что обидеться и всегда был рад прийти на помощь.

— Борьба богов! — рассказывал он про Сумо. — Делает тебя самого наполовину богом! А бог, если бы он когда-нибудь существовал, ни за что не мог быть обидчивым или мстительным. Потому что это уже — неправильный бог. И сама дохё — площадка для борьбы — вытолкнет его за круг...

Вторым был Ростислав, с которым Джокарт просто не мог не подружиться. Потому что Ростислав был Плутонианцем, избежавшим гибели благодаря случайности. За день до трагедии он пригласил свою девушку к Юпитеру, на Европу, погонять на серфингах в Блаженном Океане, чтобы сгладить какую-то глупую ссору. Но его не захотели простить, и он, плюнув, отправился один.

— И почему его не гложет такая же боль, как меня? — думал и завидовал этому обстоятельству Джокарт. — Что из того, что потом он волосы рвал на голове?

— Потом я понял, — будто отвечая на невысказанный вопрос Джокарта, говорил он, — что жизнь не кончается, и нужно просто что-то начать сначала. Выбрал Крепость. Хочу стать пилотом...

Отдельной историей был Густав, третий друг Джокарта.

Густав являлся выходцем из богатейшей семьи, почему-то не пожелавший продолжить дело своего отца — совладельца сети заводов по производству синтетического питания и пищевых добавок. Говорили, что могущество семьи Густава простиралось так далеко, что вопрос о продолжении его учёбы на курсах пилотов решался на уровне Комендантства Крепости. И якобы сам комендант ткнул в лицо обвешанному бриллиантами хлыщу — корпоративному юристу, прибывшему на авизо с Земли, — изданными в карманном формате «Правилами определения».

— Это у вас там — династии! А у нас — война! И что с того, что я сам происхожу из рода... — дальше он сказал что-то такое, отчего высокооплачиваемый «шестёрка» ретировался и стартовал обратно.

— Я знаю, что натуральных продуктов на всех не хватает! Но как подумаю о том, что каждый вкусный «эргер», это чьи-то непрожитые дни, пускай часы или даже минуты жизни! — как меня начинало тошнить. Сам-то я этих «эргеров» не ел! И привык пить воду талых голубых айсбергов, а не из цветастых упаковок.

На курсах его называли «экстремистом», в память о существовавших когда-то политических движениях. Умерших, впрочем, вместе с государствами в старом смысле этого слова. Но больше прижилось другое прозвище — Барон. В память, так сказать, о высоком происхождении.

— Барон, так Барон. Главное — не надо мне рассказывать о нелёгкой доле жителей буша, саван и пустынь. Решением Корпоративного правительства их уровень жизни был поднят ровно до такой черты, чтоб у них исчезли соблазны пытаться достичь его силой. Тоже бред, кстати. Глобальное государство — непобедимо! В кварталах мидлменов живёт девяносто восемь процентов населения Солнечной. Самое насущное, что им необходимо, — у них имеется. О чём же ещё мечтать? Это очень удобно для остальных двух процентов, которые, кстати, втайне печалятся, что их именно два, а не полтора процента, или ещё меньше, — такие речи, проглатываемые курсантами с открытым ртом, Густав мог толкать часами.

— Я правду говорю, «План Тысячелетий» оказался выполнен. Теми, естественно, кто его задумал тысячи лет назад. Случайных людей в числе Хай-менов становилось всё меньше и меньше, пока чёткая, одетая в каркас законов и исполнительной власти, пищевая пирамида не была сформирована. Пастухам остаётся стричь своё стадо... Стричь и лелеять... Лелеять и стричь.

В Густаве Джокарта поражало то, что даже если поверить хотя бы половине его рассказов, было видно — он отрёкся от очень и очень многого. От всего, что для остальных в Крепости навсегда останется недостижимым. Ещё привлекала простота и открытость, — человек сознательно променял одну, лучшую жизнь на другую, полную опасностей, и ничем не показывал, что он красуется этой жертвой.

Говорили, что во всей истории с Густавом замешана какая-то женщина. Якобы она оказалась не из их круга, а самого Густава готовили к династическому браку для укреплений позиций семейной корпорации за пределами Солнечной. Но тут вмешались чувства. Естественно, у влюбленных так ничего и не вышло, и несчастная просто исчезла в одно прекрасное утро — другого способа оградить Густава от нежелательной связи, грозящей перейти в открытый

бунт, почему-то не придумали. Случайный отказ гравискутера на горной трассе в Карпатах... Обрыв — почти километровый.

Только Густав как-то докопался до подноготной её смерти и решил изменить свою жизнь. А раз так, делались выводы, значит это — не навсегда. Помается, пожуёт курсантских концентратов, может быть, изготовленных на тех самых семейных заводах, и вернётся в свой круг.

На первом курсе даже действовал (втайне от Густава, естественно) тотализатор, где ставки велись на то, когда он пошлёт все прелести курсантской жизни подальше... Но время шло, а Густав оставался таким же, каким запомнили его с первых дней обучения остальные курсанты. Нормальным парнем, без привычки задирать нос и ныть по любому из поводов.

Когда он переломал ноги во время силовой подготовки в СВЗ и угодил в лазарет, решили — всё! Больше не вернётся. Но он вернулся. И, узнав про тотализатор, долго смеялся без всякой обиды на незадачливых спорщиков.

— Какие нынче ставки? А в банке сколько накопилось? Ого! Это замечательно. Можете сразу всё мне отдать, а я закажу шикарный банкет для всего отделения, когда закончится обучение! Погуляем. Вместе, — сделал он ударение на последнем слове.

Правда, свои интересные разговоры Густаву пришлось прекратить после того, как о них узнал комендант. Всё объяснялось просто — Густав вёл их открыто, не стесняясь присутствия офицеров, которые, кстати, тоже не прочь были его послушать.

— Как вы думаете, кто выигрывает во всей этой войне? Понятно, что победители... Я имею в виду — сейчас, прямо в этот самый момент... Правильно. И трофейные технологии первым делом оцениваются ими. Слышали о специальной комиссии? Как это — зачем? А вдруг у Бессмертных и вправду удастся секретом бессмертия разжиться? Неужели вы думаете, что оно для всех окажется доступным? Не думайте! Такое уже было. Не с бессмертием, это точно, но — с секретами долголетия, например, дистанционного управления сознанием... Всё уже было. Включая потенцию до глубокой старости, — под общий смех продолжал он. — Так что трофейные технологии — это раз. Резервный запас, который можно использовать при торговле за свою жизнь, даже в случае оккупации Земли Бессмертными — это два...

— Глупости. Бессмертные не торгуются. От нас им ничего не нужно, кроме наших планет. А если что-то и нужно — возьмут сами. В случае оккупации. Кто им помешает? И кто может знать, что ещё

для бессмертных может оказаться ценным? Золото? Натуральные бриллианты? Или — человеческое дерьмо? Может, оно для червей является деликатесом.

— Я. Никогда. Не. Говорю. Глупости, — неожиданно глухим голосом, чеканя каждое слово, сказал Густав. — И я не болтун. Просто если решил никогда не возвращаться. Туда! — он неопределенно кивнул, — то почему бы не поделиться с вами всем, о чём вы даже со слухов не узнаете? Или я для вас — интересная игрушка, а вы мне — не друзья? Я не знаю, что ценят больше всего Бессмертные, но это знают Они, — он поднял взгляд кверху. — Даже среди Хайменов имеются свои тайны, которые не всегда являются общим для них достоянием. Это тоже жестокий мирок, где каждый следит за тем, чтоб его сосед не узнал чего-то большего. И если комендант нашей Крепости — выходец одной из семей, то значит, на «Азии», или «Европе» кто-то высоко сидит — из другой. Кто хочет со мной поспорить на все наряды до конца обучения? Ну?

Хотя курсанты всё равно не верили ему до конца, спорить с Густавом не пожелал никто.

— Да, я не был посвящен в многие тайны. Но знаю другое... Хайменам приходится получать кое-что от Бессмертных. Сам видел золотые слитки в форме бубликов — странная форма, правда? — с каким-то несуразным клеймением, похожим на царапины. Откуда это у Них? — дистанцироваться от общества Хайменов у него получалось так легко и непринужденно, что вскоре все поняли, что он действительно перестал считать себя хайменом. — Почему золото бессмертных попало к ним? Почему именно золото, а не какие-нибудь технологические новинки? Этого я тоже не знаю. Никто не знает. Но уверен — существует какой-то запасной вариант. Всегда существовал, даже в прежние времена, когда сталкивались самые непримиримые враги.

— Можно подумать, такого не было, когда победители просто казнили побежденных! Историю здесь многие знают, — возражал кто-то.

— А ты уверен, что это была настоящая история? Та, которую тебе преподавали? В эпоху индустриального ренессанса никто никого уже не казнил. Отправляли в изоляцию — да. Сами уходили тоже — да. А если происходила показательная казнь. Под фанфары, после судебного фарса, значит, прикрывали кого-то другого. Или самих себя. Всегда есть запасной вариант, — убежденно говорил он.

— Слушай, Густав! А то, о чём ты говорил... Может, это было трофейное золото? Большой флот часто делает такие подарки...

— Может. Но только слышал ли кто-то о взятии трофейных золотых слитков? Нет? А почему? Корпоративное правительство любит поднимать боевой дух перечислением трофеев. Целый список раз в месяц оглашается — платина, вольфрам, плутоний, цезий, и количество квазеров — энергетических частиц для гравитационного оборудования. И военные технологии. Про золото, если честно, тоже однажды сообщили, но было это лет тридцать назад. Взяли корабль-арсенал, а у него половина корпуса — золотые. С чего такая блажь — неизвестно. Может, на верфях у них как раз корабельные сплавы закончились. Потом уже разобрались, что в том золоте какая-то гадость была. То ли новый вид излучения, то ли чипы атомарного уровня изготовления — для наводки по сигналу. Троянский конь, вот что это было! Сразу, как разобрались, вывесили эту часть корпуса где-то за орбитой Нептуна. Вовремя успели — через неделю в этой точке такая гравитационная буря случилась! Нептун чуть с орбиты не сполз. Про это говорили. А вот про слитки в форме бубликов — ни слова...

— Но это же предательство!

— И кому ты собрался предъявить обвинение? А главное — как? Только потому, что я наболтал? В лучшем случае — шлёпнут. Чтобы не мешал жить. Так что знайте — пока одни гибнут, другие всегда найдут, как достаток улучшить и в потерях не остаться. Неразрывная связь между жизнью и смертью в наглядном виде. Всегда так было...

Тут в кубрик вошел сам комендант, и курсанты подпрыгнули едва ли не до потолка. Только Густав умудрился встать построевому, без лишнего трепета. И без слов вышел вслед за комендантом.

Никто не знает, о чём там был разговор, но вернулся он тихий, спокойный, лишь руки вздрагивали, будто с четырьмя матрёшками отработал.

— Всё. Я закончил. Будем учиться воевать. И чёрт с ними, с Хайменами. Всегда так было., — последний раз повторил он любимую присказку и действительно — как излучателем отрезало.

Больше никто не слышал от Густава ни единого слова про тайные интриги Хайменов.

А прозвище осталось. Он привык, и все привыкли — Барон.

Только Моджо, Ростислав и Барон — Густав имели право знать некоторые подробности его отношений с Лиин. И никогда не разносили их дальше. Если даже зубоскалили, иногда даже грубо, только

между собой. Вот их четверых и вызвал к себе старший офицер-куратор.

Впервые за время обучения они попали в святую святых для курсантов — резиденцию старшего офицера, где хранились личные данные на каждого из них, включая секретные планы продвижения по службе. Потому что дальнейшие перемещения производились только при согласовании с руководством курсов, которое знало всё о своих курсантах.

Понаблюдав за тем, как робеют будущие пилоты, переступающие высокий комингс (меньше всех, естественно, робел Густав), старший офицер-куратор без вступления перешёл к делу.

— Вам придётся самим выбрать одного из четверых, кто отправится на неделю на Землю.

Подобное проявление демократии на курсах, когда курсантам предлагалось самим что-либо решить, было чрезвычайной редкостью, поэтому все четверо, не исключая уже и Густава, пребывали в замешательстве.

— Разрешите узнать дополнительные вводные? — это был Моджо.

— А без вводных? — зачем-то решил подразнить их куратор. — Ну кто желает получить неделю отпуска?

Тут пахло даже не бесплатным сыром в мышеловке. Крысиным ядом, если не похлеще, несло от такого щедрого предложения. Впрочем, Барону удалось остаться Бароном.

— Тут и без совещания всё ясно. Мы согласны отправиться вчетвером. Почему бы нас не отправить всех? Тем более, раз уж руководство курсов колеблется, не зная, кого посчитать самым достойным...

Подразнить не вышло. Старший офицер побарабанил пальцами по столу и изменил трактовку вопроса.

— Отправится только один. А кто именно из вас — руководству безразлично, потому что вы — лучшие в той или иной области учёбы в своем отделении. Достаточно было, что из семи отделений мы выбрали случайным методом именно ваше. Поэтому решили, что случайностей достаточно, и вполне возможно, что вы сами как-нибудь справитесь с дальнейшим выбором.

Дальнейшие пять минут напоминали игру в вопросы и ответы, где вопросы задавались, а все ответы оставлялись на потом.

— Ну хорошо. В герои вы не рвётесь, но и осторожничаете в меру, — удовлетворенно обобщил старший куратор, — значит, всё обстоит именно так, как докладывали инструкторы. Я имею в виду про дружбу вашей четвёрки.

— Недостаточно вводных, — гнул своё Моджо, поддержанный остальными.

— Ладно. Значит, так. Целью полёта является кратковременное обследование для составления на Земле заключения о сроках обучения на курсах пилотов истребителей. Четыре Крепости из пяти, включая, как вам известно, нашу, высказались за отмену сокращения этих сроков и о возврате к прежнему графику обучения. Только на «Европе» обрадовались такому новшеству. Ну, с ними понятно...

Крепость «Европа» прикрывала зону гравитационных приливов, где ей противостоял в основном Большой флот Бессмертных. Поэтому они нуждались в большем количестве пилотов для линкоров, крейсеров и мониторов. Служба в истребительном флоте на «Европе» считалась самой лёгкой по сравнению со службой в других крепостях. И истребители в зоне ответственности «Европы» были скорее экзотикой, но не самой насущной необходимостью.

— От тех, кто попадёт на Землю, не потребуется ни демонстрации навыков, ни чего-то ещё. Будет просто медицинское сканирование организма и сопоставление полученных данных с эталоном подготовленного к вылетам курсанта. Это займёт от силы сутки. Может быть — двое, как мне известно. А поскольку остальное время будет в распоряжении самих курсантов, это, в какой-то мере, можно считать и краткосрочным отпуском. Руководство курсов получило задание отправить для обследования одного из самых подготовленных курсантов, потому что равнение идёт на лидеров, а не на аутсайдеров. Седьмое отделение действительно было выбрано случайным образом, потому что так проще найти не абсолютного лидера, а среднестатического, а уже из отделения, как я говорил, отобраны ваши четыре кандидатуры. Теперь вам осталось самим сократить всю цепочку до одного человека.

— Кто хочет слетать на Землю? — обратился к остальным Густав, давая понять, что его можно не брать в расчёт.

Всем своим видом, к тому же он выражал ясную мысль, в духе его же рассказов, мол, чего я на Земле не видел?

Моджо перевалился с ноги на ногу и тоже отказался.

— Я сам — с Земли. Конечно, был бы не против повидать её ещё раз, — тут он посмотрел на Джокарта и Ростислава, — но вам это будет интереснее.

Теперь их осталось двое претендентов.

— А я никогда не видел Землю, — сорвалось у Джокарта, и это решило дело.

Ростислав отказался в его пользу. Джокарт не захотел принимать подарка. Рости настаивал, Джокарт не соглашался. Пока это не надоело куратору.

— Курсант Джокарт. Принимайте задание! Вам приказано отправиться на Землю и пройти обследование в Центральной медицинской службе Штаба Флотов КС. Срок отсутствия в Крепости — семь суток. Отбытие на Землю — сегодня, вашим временным куратором будет являться пилот Спенсер Янг Ли, так же имеющий необходимость прибыть в Штаб Флотов. Кроме вас полетит офицер штурмовой пехоты... — так не бывает, подумал Джокарт, неужели? — Майор Балу. Насколько я знаю, оба офицера вам знакомы.

Так Джокарт и оказался в компании, которая была ему более, чем приятна.

— Моджо и Густав — ещё понятно, хотя к гавайцу у меня тоже есть вопрос. Но почему отказался ты? — спрашивал он Ростислава, перед которым испытывал какую-то неловкость.

Ведь получилось так, что он первый сказал, что желает отправиться на Землю. И Ростислав лишь проявил великодушие к другу. А ведь всё могло случиться и наоборот.

— Ну не люблю я, когда меня просвечивают и зондируют со всех сторон, — искал убедительную причину Ростислав, но Джокарт ему не поверил.

— Ерунда. Никто этого не любит. Но ты знаешь, как это происходит — ложишься в медсканер и через секунду встаёшь, а оказывается, что прошли сутки.

Наконец Ростислав сдался и была высказана истинная причина.

— Понимаешь, Джокарт. Даже если бы ты ничего не сказал про Землю, я бы всё равно предложил лететь тебе.

— Но почему?

— Твоя Лиин. Ты говорил, что у вас какой-то разлад...

Это было так. Из-за глупой ссоры Джокарт не общался с ней вот уже третий день. И это произошло между ними впервые.

— Я не знаю, кто там и в чём виноват, но только смотреть, как ты мучаешься, мне удовольствия не доставляет. У тебя же на лице написано, что думаешь только о ней. А это тебе сейчас не нужно, — за неделю до полётов. Но раз уж вы никак не можете помириться, да и окончательно расстаться тоже, я подумал, что должно произойти что-то такое... Помнишь, она исчезла на два дня?

— На три, — машинально поправил Джокарт, а сам подумал, что наконец-то прозвучало то, в чём он боялся себе признаться: расстаться окончательно.

— Я тогда её тоже не понял и на твоём месте никогда бы не простил такую выходку. Почему бы теперь и тебе не исчезнуть? На неделю! Может быть, помучается, подумает... Я ведь тогда... С Плутона... Потому и отправился один к Юпитеру. И был уверен, что это поможет. Нам поможет, не мне одному, понимаешь? Всё, что потом произошло, в мой план не входило, и было лишь жестокой случайностью. Но я всё равно уверен, даже сейчас, что это нам помогло бы. Отправляйся, Джокарт. Если Лиин захочет тебя увидеть, мы найдём, что ей сказать. — Потом, чтобы сгладить тяжелый для Джокарта разговор, Ростислав шутливо добавил: — а с Крепостью ничего не случится. Обещаю.

Все точки над «и» были расставлены. Сборы были недолгими, если это вообще можно было назвать сборами: переодеться в парадную форму и выпросить у интенданта курсов чип для видеозаписей.

Балу явился к стартовому ангару одетым так же, как тогда, в видеозале, где Джокарт увидел его впервые. И знаков на вороте куртки штурмовика прибавилось. Теперь их было двадцать две.

— Стараемся! — довольным тоном ответил Балу на восторженный взгляд Джокарта.

Спенсер Янг Ли прибыл к ангару в самую последнюю минуту.

— Попрощаться нужно было кое с кем, — загадочно пояснил он. — Ещё ребята составляли список подарков, которые мне теперь придётся отыскивать на Земле.

И Джокарта осенило. Конечно! Он привезёт Лиин какой-нибудь подарок с Земли! И когда они снова встретятся, он скажет ей... он скажет... Но радость сменилась унынием. Что можно сказать тогда, когда всё уже сказано? Разве что повторяться.

Момент попадания авизо в точку прилива Джокарт пропустил. А когда он запоздало взглянул на обзорный экран, там была лишь какая-то серая муть, будто плотный непроницаемый туман, едва-едва подсвеченный изнутри фосфорицирующими живыми организмами.

Вообще, при пользовании гравитационным приливом, экран не передавал никакого изображения. Как можно передать великое Ничто? Здесь каждый, кто пытался что-то увидеть, видел своё. Эта загадка была далеко не единственной, из тех, что были связаны с переходом с помощью гравитационного прилива, и которые научный корпус Солнечной пока не мог разрешить.

На вводных лекциях по теории движения в Приливах инструктор лишь пояснил, что оптические иллюзии, возникающие в них, — выражение связи индивидуального сознания с макрокосмосом,

частью которого оно, сознание, и является. Ни Джокарт, ни его друзья не поняли ничего из той лекции. Только одно — объяснений не было, а явление было, и Солнечная даже научилась его использовать.

Здесь не действовали привычные законы, и не было никаких ориентиров. Корабль, вошедший в точку прилива, просто появлялся каким-то непостижимым образом в другом месте. Для внешнего наблюдателя всё выглядело мгновенным действием — вход в Прилив и появление, выход из него. Носовая часть такого корабля уже пребывала в месте финиша, когда корма только погружалась в Прилив. Но для всех, находящихся внутри звездолёта, полёт проходил без каких-либо ощущений. И занимал время — Постоянную Пикшина.

Эта единица получила своё название в честь первого пилота (кстати — истребителя!) Пикшина, который осуществил когда-то полёт сквозь точку гравитационного Прилива. Длительность его полёта равнялась тысяче двумстам семидесяти двум целым, две тысячи семьсот двадцать одной десятитысячной секунды. Величина, вызывающая восторг у математиков, — 1272,2721. Грубо — 27 с половиной минут.

— И здесь палиндром! — поразился услышанному на лекции Джокарт.

С момента её открытия, Постоянная Пикшина ставила новые и новые задачи-загадки перед научниками. Первая, и самая сложная, пока не поддающаяся решению — каким образом время, проведённое в Приливе, оказывается больше по длительности по отношению ко времени внешних наблюдений? То, что происходило с кораблём при входе и выходе из Прилива, укладывалось для таких наблюдателей в долю секунды.

Сколько нужно времени истребителю длиной восемнадцать метров на то, чтобы переместиться ровно на эту собственную длину корпуса? Ага! Не хватает вводных? — чему-то ликовал инструктор. — А вот и парадокс! Потому что ни от скорости движения звездолёта, ни от его размеров, это не зависит. И Постоянная Пикшина останется Постоянной.

Было доказано, что через точку Прилива можно переходить с любой скоростью, больше нулевой, и всё равно фактически этот переход займёт именно эту величину — 1272,2721 секунды. Причём естественные космические тела, обладающие скоростью и любой, даже спорадической траекторией, при пересечении приливных точек продолжали двигаться, как ни в чем не бывало, — на них таинственные силы отказывались действовать! А вот стоило вме-

шаться человеку и изменить что-то в траектории либо скорости космического шатуна, как он тут же, спустя 1272 с хвостиком, выныривал в точке выхода из Прилива. Этот феномен ученые тоже не могли объяснить, прикрываясь новомодной теорией гравитационной предопределенности для естественных объектов Вселенной. Доказательством наличия Судьбы у всего сущего, как называлось это на языке философии. Вот и получалось, что точки гравитационных Приливов — какое-то мерило для разграничений творения самой Вселенной и разумных существ, обитающих в ней.

Во многих нюансах теории гравитационных Приливов, пускай даже эта теория была несовершенна, Джокарт разбирался лучше других на курсах, как-никак он успел проучиться в институте гравионики. И сейчас он с жаром вёл разъяснения для Спенсера и Балу. Офицеры слушали его внимательно, без иронии, потому что тут было что послушать и над чем задуматься.

— Дело в том, что экспериментальным путём были получены многие и многие интересные данные, — говорил Джокарт. — Например, при сверхмалой скорости, порядка десять в минус какой-то степени метров в секунду, тот же истребитель, погружающийся миллиметр за миллиметром в приливную точку, и так же медленно выползающий в точке выхода, внешне тратил на такое действие иногда больше суток. Это для внешних наблюдателей, которые слудили за входом и выходом корабля через приливную точку. Но для пилота проходило... Представляете? Та же Постоянная — палиндром!

Загадок, связанных с Приливами, хватило бы на целые поколения учёных династий. Жаль, что единственным применением такого чуда Вселенной было чисто стратегическое, военное их использование. И счастье Солнечной заключалось в своевременности открытия этого чуда. Потом уже были придуманы грависканеры — приборы, позволявшие локировать приливные точки, имеющиеся в районе Солнечной и всех исследованных и колонизированных миров. Но счастье, как известно, редко ходит в одиночку, без своего антипода — беды. А беда вся в том, что это же вселенское чудо было известно не только человеку, но и Бессмертным...

Ещё загадкой оставались так называемые «серые» приливные точки. Корабли, входившие в них, так никогда и не возвратились. Где оканчивался их полёт — было неизвестно. Многие считали, что на самом деле полёт окончен не был, и ушедшие исследователи продолжают движение в Приливе, а на часах их ещё не прошло двадцати семи минут, и это объяснение пока считалось самым убедительным. Ведь в используемых для передвижения «устойчивых» приливных

точках, месторасположение которых было установлено и занесено во все навигационные терминалы, место выхода их Прилива являлось и местом входа для движения обратно — к первоначальной точке. Причем Вселенная, как оказалось, не только подарила возможность преодолевать прежде недоступные расстояния, но и умела сама оберегать корабли от опасностей. И если вход в Прилив оказывался недостижим, то это означало, что другой корабль уже стартовал навстречу. А выход звездолёта из приливной точки каждый раз сопровождался возмущением метрики пространства — всегда достаточным, чтобы столкновение не произошло сразу после выхода. Жаль только, что Вселенная оберегала не только корабли Солнечной...

В остальном, всё связанное с Приливами оставалось тайной за семью печатями. Пока — всего лишь Игрушка Для Очень Взрослых, неожиданно попавшая в руки детей, не умеющих ладить между собой.

На авизо, основным предназначением которого являлись сугубо гражданские рейсы, включая и туристические маршруты, имелся ворох красиво оформленных рекламных брошюр. Джокарт с изумлением убедился, что в них содержалось даже своеобразное толкование принципов движения в Приливах, изложенная именно для туристов, попадающих время от времени на корабль.

«Притча о черепахе и Ахиллесе! Теория единства пространства и времени!», была даже « Блистающая грань бесконечных фигур космогонии...» Предопределённые природой двадцать семь с хвостиком прошли, и маленький корабль-авизо финишировал между орбитами Земли и Марса.

Глава 6

Солнечная встретила их будничной швартовкой на одном из внешних сателлитов. После короткого осмотра служащими искусственного планетоида, корабль отправился на Луну. И уже оттуда, с помощью экспресс-лифта, идущего вдоль энергетического луча, троица попала в колыбель человеческой цивилизации — на Землю.

Помыкавшись в огромном здании Лунного причала, они наконец-то нашли то, что искали — массивную видеопанель извещений, где высвечивалась нужное объявление, адресованное им, с указанием, в какое именно помещение следует пройти. Как было указано на панели «для контрольного тестирования персонала Крепостей».

Очень и очень лаконично. Наверное, догадался Джокарт, чтоб не посеять какие-нибудь ненужные слухи среди гражданского населения.

Ещё он решил, что без Спенсера и Балу, которым было не впервой посещать Землю, сам он никогда в жизни не нашёл бы и это объявление, — всего лишь строчку на экране в пять-шесть сотен квадратных метров, — и само место сбора. А остался бы стоять, вот так, разинув рот, поражаясь величию открывшегося зрелища.

За прозрачными стенами Лунного причала царило мельтешение света. В ярких вспышках энергетических лучей на Землю прибывали всё новые и новые ромбовидные кабины. Отдельно — огромные грузовые, отдельно — пассажирские, рассчитанные на сорок мест каждая. А ввысь, навстречу этим кабинам стартовали другие — унося людей и груз к Луне, откуда можно было направиться во все доступные точки, контролируемые Космическими Силами Солнечной. Потому что взлёт космических кораблей с поверхности Земли был разрешён только в трёх, как пояснил Балу, космопортах.

Само здание было наполнено иным мельтешением — человеческих лиц, голосов и множества других звуков. Лунный причал пестрел разномастными нарядами путешественников и тех, для кого подъем и спуск на экспресс-лифте был деловой необходимостью.

Под ногами туда-сюда сновали юркие роботы-носильщики. Тяжелые грузовые погрузчики двигались по специальным огражденным маршрутным дорожкам, кидая в просторы зала предупреждающие оранжевые блики сигнализаторов. А пространство над головами расчерчивали юркие электронные гиды и посыльные, пользуясь гравитационными подушками.

Но больше всего Джокарта поразил вовсе не этот красочно оформленный, упорядоченный урбанизм Лунного причала, а другое.

Деревья. Они располагались по периметру зала. Вдоль стен высились гигантские пальмы вперемешку со стройными елями, распространяющими чудный успокаивающий аромат шелушащейся коры и хвои. Ярусом ниже раскинулись дубовые кроны, а среди остролистых плачущих ив притаились плодоносящие деревья.

На Плутоне, под Куполом, люди когда-то смогли развести разве что кустарник, вспомнил Джокарт, не та гравитация, а к искусственной живые растения привыкают слишком долго. Не успели...

От этих воспоминаний стало грустно. Но печаль быстро развеял Балу, который, пользуясь преимуществом в росте, подошел к ближайшему дереву и запросто сорвал несколько плодов.

— Держите, — протянул он Спенсеру и Джокарту какие-то сморщенные фиолетовые плоды овальной формы, размерами — как раз сжать в ладони.

— Это инжир, — пояснил Спенсер недоумевающему курсанту.

— Инжир, — как эхо повторил Джокарт, который видел такое яство впервые.

Потом разломил мякоть и увидел внутри какие-то неопрятные белесые нити, напоминающие маленьких червей. Земных, естественно.

— Инжир, — ещё раз сказал он, обнаружив, что это очень вкусно.

— Вся эта красота, — Балу повёл рукой, — была задумана для того, чтобы первым космическим гостям, которых мы рано или поздно должны были встретить, показать — что такое наша Земля.

— Только гости попались малоинтересующиеся, — проронил Спенсер, но не смог сбить штурмовика с его благодушного настроя.

— Там, в Изумрудном, если не ошибаюсь, зале — морская флора и фауна, — невозмутимо продолжил Балу. — Сейчас дожуём, отдышимся после прибытия и пойдём посмотрим. Бассейны под ногами: с акулами и кальмарами, а вдоль стен — аквариумы с подводными ландшафтами всех четырёх океанов. Сколько раз уже видел, а всё равно нравится. — Штурмовик вздохнул, а потом пояснил, оправдывая своё пристрастие, — я ведь когда-то родился и жил на берегу океана.

Но Джокарт, не отрываясь, смотрел на кроны деревьев, где птицы свили гнёзда и теперь парили под теряющимся в высоте потолком, отделяемые от зала невидимой силовой сетью.

— Зачем сеть? — подумал Джокарт и даже хотел попросить разъяснений у Балу. Но тут же догадался сам — любое явление может иметь несколько проявлений.

Заметив, что Джокарт не торопится перейти в Изумрудный зал, уставившись на деревья и на птиц, Балу поощрительно похлопал его по плечу.

— Смотри, смотри. В городе тебе навряд ли придётся это увидеть...

— Почему? Разве в городе нет деревьев? А что же там есть?

— Как это тебе объяснить... В городе — только город. А найдётся ли возможность побывать в природном заповеднике, это ещё вопрос.

— Кстати, о времени... — намекнул пилот, и Джокарт сразу заторопился.

— Да-да! Нам предписано сразу найти место сбора, чтобы оттуда...

— Правильно. Вот мы его сейчас и поищем. В Изумрудном зале. А потом — в Оранжевом. Тут такие места есть! Сидишь под пальмой, пьёшь кофе, музыка расслабляющая, а прямо пред тобой — представляешь? — бассейн, и выступает группа синхронного плавания. Девушки — как на подбор, все красавицы...

— Временем злоупотреблять, конечно, не будем? — то ли в шутку, то ли всерьёз осведомился пилот.

— Не будем, — так же загадочно ответил Балу.

— Тогда пошли искать...

Удивительным пейзажам, казалось, не будет конца. Джокарт устал вертеть головой, настроив чип на постоянную съемку.

— Сувениры здесь лучше не брать. Очень дорого. Пиво не заказывай, в туалет может оказаться очередь, — предупреждал все движения его души штурмовик.

Пилот тоже кидал реплики, от которых реальность становилась какой-то расплывчатой. Умел он это делать, признал Джокарт, наколовшись в очередной раз.

— Об этих ягодах даже не мечтай — они ядовитые. На этих девочек не заглядывайся, на самом деле они мальчики.

— Как это — мальчики?

— Ну, пошутил я. Смотри, сколько хочешь. Только инжир рвать не стоит. На первый раз нас простили, — Спенсер указал на парящий чуть ниже птиц малоприметный шар со множеством отростков — видеообъективов, — во второй раз неприятностей не оберёшься.

Действительно, решил Джокарт, если каждый из находящихся на Лунном причале захочет сорвать по одному плоду, не то что инжира — листьев на деревьях не останется.

— А почему же простили на первый раз?

— Привилегии третьего класса! — гордо пояснил Балу, потрогав нашивки с белыми кляксами.

— Тут, на весь причал, в лучшем случае человек десять наберётся — с привилегиями третьего класса. Даже я их не имею, — картинно вздохнул Спенсер.

— Ещё успеешь. Да и зачем вообще пилоту привилегии? Это мы, анахронизм военного дела, всякие цацки обожаем. За пилотов привилегии получают их семьи... И если учесть, что все летуны холостяки, то это мудрый закон. Сколько добра сэкономить на вас можно!

Штурмовик чему-то вздохнул, сказав в сторону:

— Ваши привилегии — манёвр и скорость...

Джокарт догадался, что Балу завидовал летунам. Но развивать эту тему и задавать ненужных вопросов не стал. Он давно понял одну из нехитрых житейских заповедей: если человек хочет о чём-то рассказать, рано или поздно он расскажет. Если нет, то нечего к нему приставать — можно потерять уважение.

Только через три часа они наконец-то вошли в помещение сбора — просторный кабинет, под стать всему зданию станции, где имелись кресла, видеоэкран, парочка терминалов и множество цветущих растений в широких поддонах. В помещении находилось по три человека ещё с трёх крепостей. Оставалось дождаться только одну группу, которая, видимо, продолжала поиски.

Из встречающих присутствовало два офицера адъютантской службы. Молодые, холенные лица, руки, не знавшие что такое «Леборейтор», сознание, не ведающее про модификаторы. Мужчины без возраста, со взглядами без выражения.

Через полчаса, когда все уже были в сборе и пилоты успели обменяться новшествами в области теории пилотирования, а штурмовики — неутешительными сведениями о потерях в личном составе, подземный экспресс помчал их с экватора, где располагался на искусственном острове Лунный причал, к Евразии, в Средиземноморский Мегаполис. Туда, где курсантам предстояло пройти контрольное тестирование, а офицерам — пилотам и штурмовикам, принять участие на текущей сессии штаба внешней обороны по взаимодействию флотских и штурмовых подразделений. Вещь абсолютно новая, если учесть, что обычно на такие сессии приглашались офицеры Большого флота, а не истребители.

Ещё и Спенсера, и Балу должны были наградить нагрудными регалиями отличия.

— Вот бы мне так! — мечтательно подумал Джокарт, когда его тело опутали щупальца медицинского сканера, а конечности и голову зафиксировали эластичные обручи.

Потом сверху опустилась светящаяся полусфера сканера, и он провалился в забытье.

Когда свет вновь ударил в глаза, а руки и ноги обрели подвижность, Джокарт обнаружил, что кроме него в помещении никого нет.

Как странно, подумал он, куда все подевались? А оглядевшись, сделал ещё одно открытие — сама медицинская комната изменилась.

Работали только лампы, освещавшие небольшое пространство вокруг сканирующей установки, которую он только что покинул. На жёстком стуле, которого не было перед началом процедуры, висела

его парадная форма-комбинезон: чёрное на голубом и жёлтая, опасная молния на груди. В углу мягко мерцали экраны медицинского терминала, по которым пробегали непонятные цифровые ряды и шевелились извилистые нити синусоид.

Да где же все? Где медики? Их было человек восемь. Неужели всем сразу понадобилось покинуть комнату, оставив его одного? Вдобавок здесь ощутимо похолодало, отчего Джокарт поискал взглядом кондиционер, нагнетающий тёплый воздух, который — он точно помнил! — мерно жужжал, когда он ложился в сканирующую капсулу. Но теперь не было ничего — ни жужжания, ни кондиционера, ни тепла. Ощущая озноб, Джокарт торопливо натянул форму, привычным движением огладив себя по бокам. И тут же обнаружил ещё одну странность — под воротником, там, где прежде имелись лишь три короткие нашивки длиной с ноготь, обозначающие третий год курсантского обучения, теперь гордо поблескивала чайка, раскинув стилизованные крылья, напоминающая букву «V» с закругленными наружу концами. Он скосил глаза, разглядывая её. Те самые лычки, которые пророчил ему Балу после просмотра информационного блока в видеосалоне.

— Офицер-стажер! Я — офицер-стажер! — забила крыльями в душе Джокарта ещё одна птица.

Но ликование было недолгим, потому что вскоре он вспомнил... Там было четыре капсулы! Все курсанты проходили тест в одном помещении! Значит это — совсем другое место.

Списав запоздалое прозрение на время, потребовавшееся ему для адаптации после процедуры, Джокарт обратил внимание и на другие странности. Здесь была тишина. Невероятная тишина для такого шумного места, как Штаб Внешней Обороны Солнечной. И она рушилась сейчас на Джокарта, заставляя представить самого себя — маленького человечка, потерявшегося в бетонном монолите двадцатиэтажного здания, занимающего площадь в несколько футбольных полей.

— Эй! — сначала робко, а потом громче, не стыдясь уже слабого касания клаустрофобии, закричал Джокарт. — Есть тут кто-нибудь?

Только еле уловимый шорох медицинских самописцев по бесконечному рулону узкой кальки.

— Эй! — приступ миновал, паники не было. Тяжесть тишины и ощущения одиночества постепенно уступали место рациональным мыслям.

Форма принадлежит мне, делал он выводы, над карманом — моё имя и номер учебного отделения. Значит, «чайка» тоже моя.

За что? Почему? Сейчас не важно, мало ли... Это место может оказаться какой-то особенностью проведения сканирования. Что я о нём знаю? Форму снять, нательное бельё кладите туда, ложитесь в капсулу. Глаза закрыть, считать до десяти... Вот и всё. Досчитался! Наверное, так оно и происходит — начинается в одном зале, сразу на четверых, а заканчивается...

«Поэтому здесь холодно. У тебя — „чайка", а никого нет, чтобы принести скупые поздравления. Тут мало света, и очень, очень тихо», — услужливый внутренний голос был тут как тут.

Ерунда какая-то! Почему рядом нет восьмерых медиков? Хотя бы двоих? Ну уж один то точно должен быть? Или что-то со мной не так, и сканирование ещё не закончено, а я встал раньше времени? Тогда всё ясно. Сейчас войдут, обзовут дубиной... Уложат в капсулу заново.

Нет. Тоже не то! Кто-то должен следить за всей этой абракадаброй на экранах терминала. Для чего же оно высвечивается? И как-то раньше не доводилось ему слышать, чтобы кто-то вот так запросто выскочил из медицинской капсулы, и прерывание процедуры осталось незамеченным. Ладно. С этим тоже потом разберусь. Главное... А что главное?

Найти выход, отыскать медблок, где всё начиналось, и доложить всё как есть. Я же теперь не задохлик какой-то, не голубь, не ворона, и даже не орёл, потому что от орла только глаз остался, четвёртый курс тю-тю! Я — офицер-стажёр. Без пяти минут пилот, даже не так — без минуты, без секунды! А почему и за какие заслуги — не моя забота, «чайку» зря не дадут. Аксиома! Вот доложу, пусть сами и разбираются. Если даже встал не вовремя, значит — кто-то виноват. Но только не я, само собой. Никаких инструкций на этот счёт не получал, опыта прохождения сканирований не имею, выполняя задание, прибыл в распоряжение медицинского персонала, вот и распоряжайтесь. Скажете, повторное сканирование пройти — ну и чёрт с ними, с ещё одними потерянными сутками! Пройду.

— А что со временем? — он вскинул руку со вшитым в рукав хронометром.

Вскинул — и простоял так целую вечность, ожидая, пока цифры, отмечающие секунды, пробегут всю дистанцию. От ноль-ноль до пятидесяти девяти.

С момента начала сканирования прошло восемь суток.

— Бред! — решил Джокарт и даже хлопнул ладонью по циферблату.

Но хронометр, этот практически вечный электронный, сверхточный механизм остался невозмутим. Он словно говорил сейчас: «моё дело — верно отсчитывать время. А твоё — решать, куда ты его успел потратить. И почему ты провалялся восемь суток, сам не знаешь где...»

— Восемь суток! Питание, наверное, через трубки... Меня что, не смогли вывести? И это — отделение для коматозников?

Дверь оказалась заблокирована, рядом с металлическим косяком не было ни намёка на внутренний селектор с кнопкой вызова, или на пульт управления дверью. Сначала толкнув её обеими руками, а потом ударив ногой, он убедился, что открыть её не сможет.

Тогда он метнулся к терминалу, надеясь, что там можно найти хоть какую-то связь с другими помещениями медицинского отдела. Но сколько ни барабанил по клавиатуре, заставляя синусоиды исполнять загадочные танцы, сколько ни шарил под крышкой стола, так ничего и не обнаружил. Затем его взгляд упал на стоящий отдельно блок, откуда шнуры питания выходили на терминал, мониторы, самописец и даже тянулись к сканирующей капсуле. На этом блоке сейчас тревожно мигал всего один огонёк. «Блок аварийного питания», — прочёл он. И дальше, в рубиновом мигании: « Корпорация Элм гарантирует бесперебойное снабжение энергией любой аппаратуры в течение ста шестидесяти часов».

— Сто шестьдесят часов! Без восьми часов — семеро суток! Так вот почему в помещении не горят остальные лампы и не срабатывает сенсорное управление дверной панели! Но что же тогда получается?

Он сел напротив стола с терминалом на пол, обхватив колени руками:

— Мне нужно как-то отсюда выбраться. Думай! Думай! Думай!

Совершенно неожиданно его взгляд зацепился за бумажный лист, пришпиленный к ножке стола кнопкой. Обычной, магнитной. Не способной держать околосветовую скорость и плеваться плазмой.

Джокарт был готов поклясться, что минуту назад, когда он пытался найти внешнюю связь, этого листка здесь не было. Или всё же был? Просто он не обратил внимания, потому что искал другое? Сорвав листок, Джокарт подошёл к медицинской капсуле, продолжавшей изливать свет. Аварийный, в четверть яркости, определил он, слепящим свет показался из-за пробуждения...

«Джокарт! Это Спенсер. Через час после запуска программы сканирования, Солнечная была атакована флотом Бессмертных.

К моменту, когда я начал писать эту записку, прошло шесть часов, вначале как всегда ситуация была неясной. Теперь уже понятно — дела хреновые. Они вышли из спорадического прилива, повторив фокус у Плутона. Сейчас я уверен, то была не случайность, а генеральная репетиция. Медики сказали — нельзя прерывать сканирование. Ты же не хочешь проснуться идиотом? Тебя и трёх других курсантов эвакуируют на нижний уровень, а я — пошёл на работу.

Небо в огне, Джокарт! Они используют орбитальные бомбы. И их очень, очень много! Если к моменту, как ты придёшь в себя, мы не очистим это небо... Во внутреннем дворе Штаба есть подземные ангары. Это так — на всякий случай.

Всё, Джокарт. Штурмовая пехота приняла бой с десантом. Мне пора».

Ниже этих строк была нарисована стрелка, указывающая на край листа. Джокарт перевернул бумагу и на обратной стороне прочёл короткую приписку.

«Поздравляю с „чайкой". С тебя — тоник, когда встретимся. Всё, что должно прилагаться к лычкам, я передаю санитарам, и оно будет ждать тебя где-то рядом с этой запиской. Всё».

Спенсер писал «когда встретимся», но между строк (кажется, он научился это делать) Джокарт прочёл: «Прощай!»

Небо в огне! Великий космос, что же это такое?!

Джокарт представил, как неожиданная россыпь точек появляется на экранах грависканеров станций обнаружения. И станции тут же становятся бесполезной кучей хлама. Истребители Бессмертных вгрызаются в орбитальную оборону Земли, сжигая спутники ПКО, очищая окна, в которые чуть позже ринулись десантные транспорты... Крейсера ведут дуэль с наземными средствами обороны, а выплывающие последними из приливной точки линкоры мечут, словно икру, орбитальные бомбы, несущие ужас и смерть ни в чём не повинному населению. Бомбометание заканчивается тогда, когда первый транспорт отработал посадочными движками и уже готов облегчить нутро, исторгнув на поверхность полусотню червей-штурмовиков.

«Это же катастрофа! — изумился он простоте, с которой всё произошло. — Пока мы дрались с бессмертными где-то далеко, за сотни светолет отсюда, меняли корабль на корабль, эскадру на эскадру... Пока десятки новых курсантов, ошалевших от иезуитских шахмат и маджонга только-только готовились к защите Солнечной на дальних её рубежах, они готовились к другому. Целых три года с момента нападения на Плутон! А мы ничего не поняли...»

Тут же Джокарт увидел и другую картину.

Сразу после получения сигнала опасности население Земли — тысячи, сотни и тысячи тысяч, направляются в убежища. Когда становится ясно, что на этот раз уже не выстоять, часть этих людей, под огненными метеорами спускающихся бомб, едва ли не штурмом берут звездолёты-транспортники... Те, кто успел. Те, кому повезло оказаться рядом с космопортами. И уж вне всякого сомнения — Хаймены, для которых схема спасения должна сработать без сбоя, даже если бы под ногами разверзлась Чёрная дыра. А ведь только Хайменов — триста тысяч, плюс обслуживающий персонал, даже из числа самых приближенных, — уже пара миллионов. А космопортов на поверхности, на которых разрешена посадка и взлёт грузового транспорта — всего три. Хотя в распоряжении Хайменов и скоростные яхты, и корпоративный транспорт... Им, может быть, повезёт. Не всем, хотя бы четверти из них. Для остальных — сотни грузовозов открывают грузовые порты. И судьба этих звездолётов не будет отличаться от судьбы «Хванга»!

Теперь Джокарт словно наяву видел сотни транспортников, сжигаемых ещё на стартовых площадках истребителями и крейсерами, раскатанных в блины гравитационными залпами линкоров. После враг перехватит все стабильные приливные точки в окрестностях Солнечной... И нам останется вести прозябающее существование в Крепостях и тех немногих фортах помельче, что ещё остались у Солнечной. Без поддержки Земли. Без пополнения запасов гравиквазеров с Юпитера и Меркурия. Без надежды на будущее человечества. А потом Бессмертные расправятся и с Крепостями.

Джокарт, чья воля на секунду оказалась парализованной картиной, нарисованной воображением, прошелся от терминала к капсуле, расположенной в центре помещения, а потом обратно.

— Подземные ангары внутренней площади Штаба! — ох, не зря упомянул про них Спенсер. — Но как к ним добраться?

Он понимал, что его место сейчас — в истребителе. А там — получится, не получится... И уже неважно, что показал медицинский тест, и насколько его, Джокарта, рефлексы оказались близки эталонным. Теперь вместо учебных вылетов и Первого Боевого будет один. Первый. Боевой. И «чайка» под воротником отразилась в угасающих экранах мониторов.

Всё, что прилагается к лычкам... Что же это может быть? Рядом с запиской... Может быть — оружие? Табельный «Клинч» с обоймой на пять реактивных разрывных пуль и небольшим энергетическим излучателем? Им, пожалуй, можно вскрыть проклятую дверь.

Джокарт буквально смёл со стола уже отключившийся терминал и мониторы, потому что время, гарантированное корпорацией «Элм» истекало, и свет над капсулой начал тускнеть. Скоро здесь всё погрузится во тьму, торопил он себя, переворачивая компактные ящички стола и высыпая их содержимое на пол.

В них были какие-то бланки. Формуляры медицинских свидетельств, даже чья-то кредитная карта. И больше ничего. Блок энергопитания издал противный прерывистый писк. Джокарт метнулся к капсуле, и там, у её основания — как он мог не заметить? Сначала записку, потом вот это? — лежал небольшой пакет.

Первой он достал пластиковую кобуру для для пистолета, но ожидания его не сбылись, сменившись разочарованием — она была пуста, только в маленьком кармашке оставалась одна запасная обойма, абсолютно сейчас ненужная. Зато под бесполезной амуницией он нащупал офицерский индап. Хоть что-то!

Пистолет, скорее всего, забрали санитары, поняв, что дело зашло слишком далеко. Хорошо, что они не позарились на аптечку! Обученные руки Джокарта сами, без участия сознания, набирали на крохотной панельке индапа «Тревожную» комбинацию. В отличие от курсантских аптечек, выполняющих свои функции автоматически, офицерский индап имел возможность настройки режима. От беспробудного сна до...

— «Адреналиновый всплеск»! Активация всех процессов, установленных модификаторами! Работа в авральном режиме, — износ одной пятой всех ресурсов организма, — плевать! Активация памяти: генной, наведённой, всей, — ещё одна пятая! — Он не знал, что именно может понадобиться, поэтому запускал всё подряд. И, будто рядом инструктор: — Быстрее! Быстрее! Быстрее!

Погас свет? Чёрт с ним! Индап съест половину жизни? Тем же концом по тому же месту! Без индапа он и так её потеряет. Потому что подача воздуха в помещение — принудительная, а нагнетатель наверняка был переподключен к автономному питанию, а корпорация «Элм» подсунула старьё на сто шестьдесят часов!

— Готов? — спросил он себя и одел на шею аптечку.

Потом мир взорвался. Пол ушёл из-под ног, а из глаз, как из крана, хлынули слёзы. Сердце забилось словно в судорогах, и его стук разогнал тишину, отразившись эхом от голых стен.

Вслед за миром рухнула дверь, выбитая локтём. Боли не было, она придёт потом... Лишь протестующее вякнула переломанная защёлка. Теперь нужно найти выход на внутренний двор.

Новые ощущения. Новые, до сих пор не испытанные ощущения. Постепенно осколки мира, будто ртутные шарики, сползлись в целую картинку. Пустой коридор — сорок два метра, судя по эху, в одну сторону, сто двадцать — в другую. Темнота близкая к абсолютной — это же нижний уровень! Сначала туда, где конец коридора ближе. Сорок два плюс сорок два значительно меньше, чем дважды по сто двадцать — туда и обратно. Нет. Неверно! Движение воздуха как раз с другой стороны. Преодолевая более длинный путь, он высаживал все двери подряд, но те помещения были пустыми. И вот он, выход из коридора на верхние уровни.

— Против штурмовиков Бессмертных я бессилен, значит мой шанс — в скорости бега, — не ощущая собственного дыхания, думал Джокарт.

...Последняя дверь, отгораживающая тупик от лестницы наверх. А рядом — шахта лифта. Так вернее...

Обдирая с ладоней кожу он преодолел все восемь этажей с помощью аварийного троса, примитивного и надёжного, существующего на случай отказа гравитационного подъемника. Это был уровень, где сквозь створки проникал свет, на целую долю секунды ослепительно яркий.

Когда он выбил и эту дверь, понял, что ему нужно выше. Здесь тоже был подземный уровень и настоящий, дневной свет пробивался сверху. Значит, ещё два этажа. Наконец-то!

Вестибюль наполнен дымом и запахом горелой пластмассы. По полу раскиданы какие-то бесформенные ошметки, напоминающие вымокшие и измазанные в красном и чёрном комки ваты. Под ноги попал такой комок побольше размерами. Джокарт наклонился рассмотреть — что это такое, и его едва не вывернуло наизнанку. Спасибо внутривенному питанию!

На него смотрела половина человеческого лица, разрезанного от лба к подбородку лучом лазера, словно гигантским отточенным скальпелем. Над бровью погибшего к голове прикипел остаток белого шлема.

— Внутренняя охрана штаба, — отвлеченно определил Джокарт.

Пока он пересекал вестибюль, направляясь к какому-то извилистому коридору, ведущему внутрь здания, его преследовал мутно-голубой, подёрнутый пленкой остекленения и словно бы вытекший ссохшийся глаз.

— Не менее трёх дней и не более недели. — Понял он, о чём ему нужно думать, чтоб прогнать навязчивое видение. — Не менее трёх...Ты опоздал, Джокарт!

Выход из коридора ко внутреннему двору был завален телами погибших. Здесь были и охранники в бесполезных против гравитационного оружия шлемах, и пехотинцы, продолжавшие сжимать в мертвых руках штурмовые винтовки. Было даже несколько трупов в комбинезонах пилотов. И ни одного в СВЗ.

— Да что же это такое? Почему они не облачились в броню для боя? Если вторжение на Землю началось семь дней назад, неужели им не хватило времени изготовиться к обороне?

Увиденная картина разуверила Джокарта в необходимости подобрать оружие. Ни «леборейторы», ни тем более пистолеты «Клинч» им не помогли. Значит, не помогут и ему.

Вторжение началось семь дней назад. Неделя. Значит это — последние, понял Джокарт. Те, кто до последнего момента не могли покинуть по разным причинам здание штаба. А значит те, что были до них — в СВЗ и даже при поддержке тяжелой техники — проиграли. Всё, что он видит, это следы зачистки Бессмертными очагов сопротивления...

Осознав бесполезность ручного оружия, Джокарт задумался и о другом. Раз всё уже случилось, к чему будет его фарс с боевым истребителем? Если сражаться уже не за что? Продолжая двигаться, он вглядывался в изъеденные разложением лица погибших и спрашивал: «К чему»?

Вход в подземные ангары отыскался сам собой. Джокарт просто рухнул вниз, шагнув на одну из квадратных плит-обманок. Невидимый силовой каркас опустил его на самое дно. Это оказалась пустующая шахта, откуда уже стартовали корабли — на бетонных стенах виднелись бесцветные, как полоски кожи альбиноса, следы действия энергетического луча. Значит, здесь есть и подъемники!

В том, что теперь он получил доступ ко всем остальным шахтам, Джокарт не сомневался. А вот если бы не было энергетических подъемников, и пришлось стартовать на собственных двигателях, то... Две пятых ресурсов организма высасывало из него действие «Тревожной» комбинации. Сколько же ресурсов отрабатывают разгонные движки истребителя, не предназначенные для включения на поверхности кислородосодержащей планеты? Гравитация не в счёт. Что такое первая и вторая космические для двигателя, способного разогнать корабль почти до скорости света? Всё дело в другом — что-то там в невосполнимости ресурсов, использованных не

в безвоздушном пространстве космоса, а в планетарной атмосфере. Какая-то обратная циклическая реакция гравиквазеров.

Так как Джокарт не окончил обучение в институте гравионики, и не был инженером в полном смысле, то в тонкостях процессов, происходящих в прямоточных плазменно-гравитационных двигателях звездолётов, он не разбирался. Его задачей было использовать эти процессы, добавляя и снимая ускорение, кидая истребитель в противоторпедное виражирование, не думая о причинах бесконечности энергии в двигателях. Включение антигравитационного режима для подъёма с поверхности ничего бы не дало. Так, подъём на высоту вдвое меньше высоты птичьего полёта. Значит, энергетический подъёмник — это шанс. Очень хороший шанс использовать запас гравиквазеров, имеющийся на истребителе, по прямому назначению, для полёта в космосе. Критическая масса гравиквазеров была необходима при запуске двигателя, дальше начинали действовать какие-то другие законы, и следующая порция требовалась только к очередному запуску двигателей.

Ага! А вот и шанс проверить, чего стоит в бою обученный не до конца, не имеющий никакой лётной практики (разве что теоретическую, хранящуюся в подсознании), но в душе давно готовый к пилотированию курсант, только что получивший лычки.

Машина, внешне похожая на «Зигзаг», несомненно была истребителем, что легко определялось наличием боевой рубки и кормовых турелей, а также подвешенными к килевым пилонам контактным торпедам. Вот только обводы у неё были очень широкими, а позади кресла пилота имелись места ещё для двоих пассажиров. Из-за этого едва выступающая, зализанная кабина превращалась в уродливый скошенный горб.

Всё ясно, окинув взглядом знакомую панель управления, успокоился Джокарт. Это модификация «Зигзага» под эвакуатор. Он слышал о таких, но никогда ещё не видел. И, насколько помнилось из лекций по вооружению, такой «Зигзаг» имел увеличенный кислородный запас. Это, а также форма корабля, были его единственные отличия от основной модели.

СВЗ почему-то оказался только один. Интересно, а как же двое пассажиров? Они что, должны быть спасены только для того, чтоб погибнуть от перегрузок на первом же боевом развороте?

Когда Джокарт запустил предполётный контроль, всё стало ясно. «Зигзаг»-эвакуатор имел в навигационном терминале одну единственную полётную схему: полёт к приливной точке под прикрытием Марсианских постов обороны.

— Зачем же тогда вооружение? — изумился Джокарт, отключая навигационную программу.

Теперь, после доставки эвакуатором на орбиту, всё маневрирование придётся делать самому, без помощи автоматики. Даже выполнение в общем-то стандартных маневров ухода от одиночного атакующего: монотонное «виляние хвостом», выражаясь языком пилотов.

И вот истребитель готов к старту. С момента герметизации кабины до объявления всех систем о готовности прошло две-три минуты, но даже они показались Джокарту утомительной вечностью, за которой его ждёт Неизвестность.

Силовые захваты, срабатывающие за счёт конденсации и усиления собственного магнитного поля планеты перенесли истребитель из ангара в одну из отработавших шахт. Сейчас в небо — действительно цвета пламени, уже теряющего прозрачность — должна взметнуться стрела энергетического луча, вдоль которого истребитель отправится на орбиту.

Джокарт успел осмотреться. Количество шахт на крайне малой для того, чтобы быть космодромом площадке было, соответственно, невелико. Шесть-семь, от силы восемь. Судя по размерам ангара, кораблей, стартовавших через эти шахты, было в десять раз больше. И это могли быть только яхты (одну он видел в ангаре), лёгкие, не несущие никакого вооружения авизо, или истребители, учитывая размеры самих шахт. Сейчас, вот уже через несколько секунд стартовый колодец зальёт прожигающая сетчатку вспышка, светофильтры обзорных экранов выставят затемнение, и останется лишь только следить за временем, чтобы не прозевать момент выхода на стартовую орбиту и немедленно, как только это произойдёт, запустить разгонные... Сейчас, ещё несколько ударов сердца, несколько вздохов. Джокарт на всякий случай зажмурил глаза, ведь ему пока не приходилось стартовать в энергетическом луче. Да и вообще не приходилось... стартовать! И так, в ожидании, прошла минута.

— Проклятье на «Элм» и её барахло! Как я мог забыть! — едва не оглох от собственного крика Джокарт. И только потом включилось рациональное мышление.

«Неужели индап не сработал? При „тревожной“ комбинации должны блокироваться все эмоции. Или это неправда и извечное человеческое свойство ошибаться и давать волю эмоциям, упуская из виду главное, — непобедимо? Как говорил что-то такое про пехоту Балу — мы плачем, как и сотни лет назад... А ведь индап пехотинца должен подавлять все ненужные в бою движения души и

сомнения даже сильнее, чем индап пилота! У нас другое. Остаться чутким ко всему, но превратить это в чуткость машины. Неужели машины чертыхаются из-за недостаточно мощного энергетического оснащения штабных объектов?»

Уже успокоившись, Джокарт заново начал манипуляции с управлением полётных режимов, готовясь к старту на двигателях истребителя. Вот и представился случай выяснить — сколько ресурсов вырабатывает двигатель при атмосферном запуске, подумал он.

Выснил. Почти одновременно с запуском, по абсолютно понятной причине, ожила система контроля. Джокарт, естественно, игнорировал это предупреждение, потому что дорога назад исчезла, расплавилась в переплетении тугих струй плазмы и гравитационных полей разгонного двигателя.

— Ничего себе, какой дорогой билет! — присвистнул он при этом.

Всего двадцать пять минут полёта после старта из атмосферы! Вот тебе и ограничения только по кислородному запасу, вспомнил он Спенсера и его восторги по поводу возможностей корабля-истребителя.

Джокарт сжал полётный джойстик, готовясь вскинуть нос истребителя к зениту, как только тяга позволит «встать на хвост», и скинуть после этого блокировку ускорения. Ничего страшного, утешал он себя, это как управлять гравискутером: счётчик инерции доходит до стартового предела, скутер начинает мелко елозить на гравитационной подушке, и тогда снимаешь тормоз. Рывок! И трек прыгает навстречу, а после становится покорной лентой, которая сама ложится под ноги.

Момент истины настанет вот-вот, хотя теоретически старт ещё можно было отменить. Но что-то уже тянуло сильнее всякого энергетического луча в миллион киловольт туда — вверх! К звёздам, где могли барахтаться в гравитационных ловушках транспорты, которые никто не прикрыл, не помог им прорваться к точкам гравитационных приливов.

Есть старт! Плавное, будто упражнение с водяной матрёшкой, снятие блокировки. Только показался край шахты, как сразу исчез, затерялся где-то посреди оставшегося внизу комплекса штабных зданий. Уже в полёте, чувствуя, как тяжело сейчас приходится экзоскелету СВЗ, Джокарт увидел чуть вправо по курсу разрыв в небе. Это мог быть только след другого стартовавшего корабля. След, похожий на сруб перевернутого колодца, на дне которого плещется обнаженное солнце.

— Ну вот, значит, нас — двое! Значит, можно попробовать разыграть какую-то полётную комбинацию! — обрадовался и тут же почувствовал себя увереннее Джокарт.

Истребитель лез в небо послушной, клокочущей энергией, птицей. Птицей, которую он оседлал.

— Говорит Йоши! — высокий, звонкий голос. Передаёт на открытой волне, клером. — Второй истребитель, ответьте! Вы у меня на южной полусфере!

Какова бы ни была траектория полёта истребителя, как бы он ни был ориентирован в пространстве, задняя полусфера — юг, передняя — север, левый бок — запад, правый — восток. Ну, ещё верхняя полусфера — северо-запад, а нижняя — юго-запад, и не стоит искать логику в традициях! Исключение из правила — полёт юзом, чрезвычайно сложный манёвр, когда нос истребителя отвернут больше, чем на девяносто градусов относительно оси движения. Вспоминая азы терминологии, используемой в полёте, Джокарт подумал: «Йоши, где-то я уже слышал и это имя, и этот голос». Ну конечно! Это же один из курсантов, прибывших на Землю для прохождения медицинского сканирования! Значит — курсант... Ну что ж. Так даже лучше. Окажись рядом с ним в небе бывалый пилот, Джокарт точно бы занервничал, раз уж индап чего-то сбоит.

— Значит, курсант... — ещё раз подумал он и мысленно отругал себя за нерасторопность.

Выйди он на связь раньше Йоши, был бы Первым, а так...

— Здесь Джокарт, Второй истребитель. — И чтобы хоть как-то компенсировать справедливое, в общем-то чужое первенство, добавил: — Офицер-стажер.

Втайне он мечтал, чтоб Йоши оказался без «чайки», курсантом, каким и прибыл на Землю. Тогда первенство перешло бы к Джокарту по праву старшинства, потому что при равенстве званий (если считать, что курсант это звание), первенство брал тот истребитель, который первый обнаружил другого, и вышел с ним на связь. И здесь, правда, было исключение: участие в полётной тройке, где можно быть или ведомым — одним из двух, или ведущим, лидером.

— О, конечно! Ты тоже час назад узнал, что произведён в офицеры? — свёл на нет тщеславные мечтания Джокарта теперь уже точно пилот Первого истребителя. А ещё Джокарт поразился шутливой лёгкости, с которой была произнесена фраза. С учётом сложившихся обстоятельств, это больше походило на браваду.

Всё дальше и дальше проваливалась панорама пылающего Средиземноморского Мегаполиса. Потом вместо неё внизу оказалось

широкое блюдце, в которое кто-то жестокий и злой вылил горючую смесь и зачем-то поджег... Облачности не было. Её разметало по небу, и теперь вокруг порхали бездомные хлопья. Справа, навстречу стартующим истребителям, на Землю рушились тёмные точки — транспорты врага!

— Откуда взлетал, Первый? — справившись с этим словом, задал вопрос Джокарт. — У нас разница по старту — несколько километров.

— Подумал, что к штабным ангарам не пробьюсь, пришлось пробежаться по эвакуационному туннелю. Я его случайно обнаружил, там сейчас фильмы ужасов снимать можно.

— В штабном здании не лучше. Странно, почему они не растёрли Штаб в порошок?

— Не знаю. Сейчас нам многое будет казаться странным. Всё ближайшее десятилетие.

Почему Йоши говорит о десятилетии? Ещё ведь ничего не окончилось! Сознание Джокарта запротестовало, и он вновь поразился отсутствию блокировки эмоций. Это было странным и волновало Джокарта больше всего.

— Но почему только десятилетие? Или...

— Я воспользовался индапом. Так что мне осталось...

— Понял. Я тоже настроил перед стартом «тревожную» комбинацию.

— Значит, вместе. Ты из какой Крепости, Джокарт?

— «Австралия», а ты? — То, что Йоши умышленно или из-за отсутствия привычки опускает слово «Второй», обращаясь к нему по имени, Джокарту не могло не импонировать.

— «Африка». Куда пойдём?

После такого вопроса Джокарт вдруг обнаружил в сознании какую-то пустующую нишу, и она располагалась именно там, где должен был находиться хоть какой-нибудь план полёта. Взлететь-то они взлетели, тут особого мастерства и не требовалось. А то, что их до сих пор не сожгли, объяснялось просто — Бессмертные не станут их трогать, пока на Землю продолжают прибывать транспорты. Зато сразу после выхода из атмосферы... Джокарт поёжился, представляя, что может ожидать на орбите.

— Йоши, а ты уверен, что нам стоит пробиваться к Крепостям?

— Нет. Не уверен. Что ты предлагаешь?

— Транспорты... Если на орбите блокированы транспорты, мы можем попытаться... Мы должны...

— Погибнуть глупой смертью? Да нас к ним в жизни не подпустят! — И тут же, без перехода: — Кстати, я скоро выпрыгиваю из атмосферы. Если что... Ну, ты понимаешь... Ныряй обратно.

— Без шансов. Внизу — смерть. Только прорываться. Сколько осталось?

— Пять, четыре, три... — И выкрик: — На выходе сразу вправо! Ускорение не включай! Выпускай все обманки! О, Амитерасу, сколько же их здесь!

Джокарт словно наяву увидел, как Йоши выполняет все те действия, что выкрикивал в микрофон. Вот он наталкивается на завесу вражеских кораблей и испуганно снимает ногу с педали ускорения, потому что прохода ха пределы орбиты нет. Вот он выпускает обманки — эмуляторы истребителя, которые принимают на себя контактные торпеды, вот он...

Джокарт убрал ногу с педали ускорения и выпустил обманки, ощутив приступ дежавю. Прямо над местом выхода на орбиту навис линкор, контролирующий сейчас обширный сектор. Его ленивая туша даже не шевельнулась, позволяя Джокарту уйти от торпед. Значит, решил он, здесь плотная блокада. Западня для таких вот, как мы, одиночек. Маневрируй, не маневрируй — конец один!

Йоши, вынужденный сразу уходить из зоны поражения и вовремя локировавший гравитационные ловушки, чего не сделал Джокарт, выписывал петли над самой кромкой атмосферной оболочки. Но линкоры были не единственными кораблями Бессмертных, висящими на орбите.

Выпустив все имеющиеся обманки и обогнув линкор, Джокарт едва не врезался в строй вражеских крейсеров. И тоже вынужден был гасить имеющееся ускорение, опасно приближаясь к атмосферной границе, переходя на низкоорбитальный полёт. Но кое-что заметить он всё-таки успел...

Там были транспорты Солнечной. Не сотня. Где-то три десятка. Но это наверняка только те, что поднялись с одного из космодромов Земли. Значит, на самом деле их в три раза больше, около сотни грузовозов, пойманные в ловушки, висящие сейчас над планетой лишенные маневра и подвижности. Похоже, Бессмертные тщательно всё спланировали. И вслед за группами кораблей, производивших атаку, шла ещё одна волна звездолётов. Тех, что должны были занять всю внешнюю сферу, не допуская взлёта и прорыва во внешний космос. Одно счастье, истребителей здесь не было. Куда же, лихорадочно соображал Джокарт, они подевались? Неужели все — на поверхности?

— Йоши! Нужно держаться рядом. Один будет прикрывать другого.

— Поиграем в догонялки? Согласен. Но что-то, знаешь, предчувствие у меня нехорошее. Тесно тут очень... Надо прорываться.

Через минуту оба истребителя, скорректировав скорости, шли параллельными курсами, скачками перегоняя один другого. Линкоры действовали вяло, скорее всего опустошив свои накопители при орбитальной атаке. Активны были не более пяти процентов их излучателей. Пока Джокарту и Йоши удавалось уворачиваться от залпов блокирующего флота. Тем более что своей игрой они сбивали прицелы врага. Но оба при этом понимали, что долго так продолжаться не может.

— Йоши! У меня запас — пятнадцать минут. Из-за атмосферного старта!

— Не дрейфь, старик. У меня не больше. Но надо прорываться. Сам видишь — к транспортам не пройти, а даже если и пройти...

На этот раз тон Первого изменился, и в этом «если» прозвучало полное бессилие. Согнать линкор, и даже крейсер, с позиции, которую они занимали, и откуда собирались выпаривать застывшие транспорты, да ещё под залпами других линкоров и крейсеров — такое было едва ли под силу даже «Фениксам» и «Саламандрам».

Странно, вдруг обнаружил ещё одну загадку Джокарт, а почему Бессмертные до сих пор не разделались с транспортами? Потом мысли переключились на элитные отряды Солнечной.

— Зря я сейчас о них вспомнил. Их, наверное, уже не вспоминать, а поминать нужно.

«Фениксы» и «Саламандры» погибли в самом начале. Это как дважды два. Все стартовали и все погибли. Сколько они там ухлопали кораблей врага, удалось ли им вновь оставить свои «фирменные» росписи на линкорах — уже было неважно.

И что, подвёл Джокарт итог, осталось? Силы орбитальной обороны были уничтожены раньше, чем элита истребительного флота. Казематы ПВО наземного базирования превращены в пыль. Последняя надежда — корпуса штурмовой пехоты. Вот вам и вторичные функции!

Джокарт, физически ощущая истечение пятнадцати минут работы двигателей, выпустил уже все контактные торпеды и работал только излучателями. «Работал», это такое словечко, подслушанное им у Спенсера. На самом деле он метался вслед за Йоши, опустошая накопители, изображая крутого смертоносного пилота, и с горечью думал — как велика разница между тем, что представлялось ему раньше и тем, что происходило сейчас. В мечтах он всегда пред-

ставлял себя героем, побеждающим врага в любых, даже самых безнадёжных ситуациях. Он просто не знал раньше, что ситуация может стать безнадёжной НАСТОЛЬКО.

Десять минут до остановки двигателей, машинально отметил Джокарт.

— Йоши! Я кое-что понял!

— Внимательно.

— Где?

— Внимательно слушаю, говорю... — И снова без перехода: — кстати, вот и «Кнопки».

Джокарт готов был кусать себе локти. Контактные торпеды были истрачены им впустую. Как бы они ему сейчас пригодились!

Пока истребители Бессмертных поднимались на стартовую орбиту, они были беспомощны и максимально уязвимы. И каждая торпеда могла послужить маленькой местью за то огромное несчастье, что принёс враг цивилизации Солнечной.

— Йоши, я...

— Понял. План спасения откладывается. До прорыва далеко, а у тебя не осталось торпед.

— Откуда ты...?

— Знаю. Я тоже все выпустил. И только пощекотал защиту крейсера.

Изготовившись к ближнему бою, не имея никаких навыков его ведения, два недоученных пилота из разных Крепостей ожидали скорее смерти, чем чего-то другого. Или Чуда. И оно случилось!

«Кнопкам», как оказалось, не было никакого дела до двух «Зигзагов», мечущихся по орбите. Они все — тридцать машин, как сообщил тактический терминал, беспрепятственно вышли за кольцо блокады и устремились к Луне. Видимо, для них нашлась какая-то срочная работа.

— Что это с ними? — Джокарт заставил «Зигзаг» выполнить два кульбита, уходя от витиеватого лазерного вензеля, вычерченного ближайшим крейсером.

— Не знаю. Может быть, на Луне ожила какая-нибудь станция ПКО, которую Бессмертные сочли уничтоженной?

Станция противокосмической обороны, сохранившая боеспособность за шесть дней сражения? Маловероятно, думал Джокарт, и вдруг понял...

— Первый! — теперь он не стеснялся называть так Йоши. — Это не ПКО! Для неё хватило бы звездолётов на орбите! Истребителям нужно не это!

— Что же?

— Точка! Там — приливная точка!

— Что-то я не слышал раньше...

— И никто не слышал! Поэтому они только сейчас и поняли! Что-то там происходит, Йоши, и если прорываться, то именно туда. Попробуем?

— Идёт. Пока крейсеры не закрыли коридор. На раз-два-три. Готов?

И два истребителя, сменив траектории, сплелись в «змеином танце», перекручиваясь вокруг воображаемой оси, направленной к естественному спутнику Земли, к Луне.

Внизу, сквозь разрыв в багровой темноте, — они шли над ночной стороной. — Джокарт увидел пятно материка. Он был опоясан рубиновой каймой пожаров, видимо, пылали портовые мегаполисы, первые подвергшиеся атакам. А вот в центральной его части ещё ничего не закончилось. Яркие точки, будто мелкая сыпь, покрыли центральную часть материка. И это, насколько понимал Джокарт, не были следы орбитальной бомбардировки. Там, посреди истерзанной пустыни, продолжался яростный бой. Отряды штурм-пехоты выводили технику, и в накрытиях УЗО — установок залпового огня, корчились штурмовики Бессмертных.

Это был героизм не каких-то безымянных воинов и экипажей боевых машин, а героизм последней силы Земли — пехотных частей, сражающихся без прикрытия с орбиты, без надежды на победу.

Вновь прорвались эмоции, и жгучие слёзы бессилия потекли по щекам Джокарта, что крайне нежелательно при натянутом СВЗ.

Нет! Так не должно было произойти! Так не может быть! И так не будет — что за какие-то шесть дней рухнет всё, что возводилось земной эволюцией и её самым большим достижением — человечеством.

Далёкая паутина наземного сражения ушла из поля зрения, и вдруг Джокарт понял, что увиденный материк и есть та самая Австралия, в честь которой названа Крепость, где он проходил обучение. Неужели этой, настоящей Австралии больше не будет? Неужели, всхлипывал он, останется только та, другая — искусственный сфероид в несколько десятков километров в диаметре?

— Ты видел, Йоши?

— Я всё видел, Джокарт. И готов вырвать свои глаза за то, что они это видели. Если бы только это могло помочь...

— Я не верю...

— Никто в это не верил.

Их не пустили. Педаль ускорения не была задействована, вместо этого замигали сигнализаторы опасности. На экране тактического терминала высветилась безрадостная картина...

Для того чтоб выйти за сферу, контролируемую блокирующим флотом Бессмертных, нужно было пересечь ещё одно препятствие. Там, перед оставшейся недосягаемой расчётной орбитой, откуда можно было осуществить прорыв, располагался третий эшелон сил вторжения. Эти корабли — чёрные, без единого проблеска на непроницаемо-матовых даже для солнечного света корпусах, оказались самой надёжной сетью, через которую пробиться было невозможно.

Они не вспарывали пространство контактными торпедами, не полыхали лазерными залпами, даже гравитационное оружие, если оно и имелось на этих кораблях, то сейчас бездействовало. Образовав геометрически правильный многоугольник, внутри которого находилась Земля, каждый из звездолётов третьего эшелона постоянно поддерживал общую сеть «лучей смерти», как называли действие импульсных пушек, переведённых на режим постоянного излучения. Точечные уколы этих пушек превращались в единое широкое лезвие гигантского тесака. Пересечь такую завесу и остаться в живых для человека было невозможно. Даже в СВЗ и под бронёй истребителя.

— Йоши... — Джокарт обнулил скорость, потому что между орбитой поражения второго эшелона и завесой «лучей смерти» третьего образовалась мёртвая зона, — наверное, погибать просто так — глупо. Как думаешь, если направить истребитель на линкор, это будет достойная плата?

— Ты имеешь в виду...

— Ноль целых, девяносто восемь сотых световой. Полное ускорение. Нам всё равно не прорваться.

— Шанс есть всегда, — голосом, потерявшим любой окрас, ответил другой пилот.

— Нет, Йоши! Сейчас нет никаких шансов! Всё, что мы можем — это...

— Нас собьют на подлёте.

— Ноль целых, девяносто восемь сотых световой, понимаешь?

— Всё равно собьют. Или отработают манёвр уклонения. Видел? Двигатели у линкоров запущены, автоматика сама отреагирует на опасность.

— Нас собьют раньше, если мы провисим тут хотя бы... О, чёрт! У меня энергии на две минуты полёта!

— И так и так собьют. Твоя жертва будет напрасной.

— Почему только моя? Ты что... Ты... Две минуты, Йоши! Она станет ещё напрасней, если мы не попытаемся. Мы можем...

— Мы можем сесть обратно. Там, внизу, идут бои. Нужно только рассчитать место посадки и...

И тут Джокарт понял, что его случайный напарник струсил.

— А для чего тогда ты взлетал? Для чего, Йоши?

— По той же причине, что и ты сам. Вспомни, о чём ты думал, когда садился в истребитель. Вспомни, как колебался. А потом решил, что это — самый верный шанс подняться в небо на истребителе, и устроить всем Бессмертным Галактики большую бойню. Ты же — пилот! Ты же — офицер! И никогда ещё не летал на истребителе...

— Йоши, ты же говорил, что ввёл «тревожный» режим. Подумай сам... Ты не можешь... — А взгляд ловит навигационный экран, где...

Одна минута!

— Прости, Джокарт, это была неправда. «Тревожный» режим оставляет слишком мало жизни...

— У меня одна минута! У меня... — И вдруг страшное озарение посетило Джокарта. — Сколько времени осталось у тебя?

— Ага! Догадался... Правильно догадался, Джокарт. И стартовал я не из штабных ангаров, потому что знал, где найти действующий энергетический подъёмник.

— Ты обманул меня, Йоши! — пятьдесят секунд. Джокарт пытался не верить в то, что услышал.

— Ты сам себя обманул. Ещё тогда, когда решил надеть форму курсанта. Что у тебя была за причина? Стадный инстинкт «хочу быть как все»? Комплекс неполноценности «хочу быть героем»? Неужели — желание сдохнуть, даже без ореола славы, вот, как сейчас? Ореола точно не будет, и славы, ничего не будет... И никто никогда не узнает, что здесь произошло, и почему один из линкоров чуть-чуть сдвинулся в сторону, пропуская мимо себя какого-то там Джокарта, который решил на полном ускорении врезаться в Землю.

— Он не успеет! Линкор не успеет! — сорок секунд, слова рвутся из груди криком. — А тебя не спасут сэкономленное время жизни и энергия в двигателях! Ты умрёшь позже — при посадке. А если не умрёшь сразу, достанешься на прокорм червям.

— Я сяду. И ты сядешь, это лучшее... Мы успеем выбрать место для посадки. — Почему он говорит «мы»? — у Джокарта начали как-то странно путаться мысли. — Катапульты-эвакуаторы выкинут нас раньше, чем Бессмертные уничтожат истребители. Полетали и хватит! Мы...

— Не говори «мы»! Ты трус, Йоши! — тридцать секунд — Ты просто трус! Глупый, не заслуживший своих лычек пилота. А ты зачем стал курсантом? Любишь покрасоваться, ведь так? И на Землю тебя прислали для тестирования потому что думали, ты — самый лучший! Даже если не самый, то один из них точно. Зачем ты стал курсантом?

— Напрасная трата времени. У тебя, к тому же, его совсем не осталось. Ни на что. А форма курсанта — всего лишь трамплин. Достаток и настоящая слава достигаются не потом и кровью, а совсем другими путями. И я это понял. И просто хотел получить цензработы в Крепости...

«Буду петь под вывеской!» — вернулся голос из сна.

Ту же запищал тактический анализатор, требуя загрузки полётного задания. Если не ответить на его вызов, или не позволить двигателям любой, самый слабый импульс, анализатор сочтёт пилота выбывшим из боя и включит программу принудительной эвакуации. Вот на что надеялся тот, другой пилот!

Десять...

— Протуберанец тебе в зад, Йоши, а не эвакуация! — зло выкрикнул Джокарт, готовясь отключить связь.

Девять...

— Постой! — голос Йоши стал испуганным. — Ты не понимаешь! Нам нужно садиться! Мы ещё понадобимся, когда прибудет подкрепление из Крепостей! Запускай двигатель, даже одна секунда тебя спасёт! Я не хочу — один...

Три...

— Прощай, Йоши, желаю тебе тускло сдохнуть. И я тоже не хотел — один.

Две секунды...

Джокарт отключил связь и выбрал ближайшую цель.

Одна...

Запуск! Экстренное ускорение, перегрузка выше критического порога! Не нужно плавно, нужно — вот так! — 0,98 световой,

чтобы — хруст ломающегося позвоночника. Расплескать самого себя!

Вот я — маленький. Вот моя семья. Пусть не как «саламандры»... Линкор не успеет уклониться! У Лиин мягкие губы. Балу со Спенсером прощально машут руками, они одобряют... И Пит швыряет мне через Вечность все восемь своих ферзей. Последняя секунда это и есть Вечность... Он дорого за них заплатил, но не дороже, чем я. Я стал пилотом. Пусть на двадцать пять минут, но чайка машет мне крыльями. Это — Вивальди. «Времена года». Я угадал?

— А-ах! — в непроизвольном оргазме забилось то, что секунду назад было Джокартом.

Глава 7

В здании Лунного причала всё было сегодня не так, как два дня назад. Лил дождь, и его бесконечные струи барабанили по прозрачным стенам и крыше. Было видно, как по наклонным плоскостям стекают широкие потёки. Небо стало черным от туч, и из этой черноты вырывались изломанные молнии. Снаружи вовсю резвился ветер, собирая в пригоршни и этот дождь, и эту непогоду, швыряя их в непокорное стихии здание.

Народу было немного, потому что энергетические лучи не действовали. Зато оживленнее стало движение грузовых платформ, волокущие бесконечные тонны груза. Экваториальный циклон, как объяснил Джокарту какой-то случайный собеседник, это не шутка! Человек в странном оранжевом одеянии во что бы то ни стало желал дождаться экспресс-лифта. Должен ли он был кого-то встретить, или собирался сам попасть на Луну, Джокарт не понял, да и вообще, слушал его вполуха, подавленный тем, что ему пришлось пережить при медицинском тестировании. И инстинктивно вздрагивал при каждом проблеске молний, потому что их сполохи были слишком похожи на работу боевых лазеров.

— Программа-провокатор, — объяснил подполковник медслужбы, пока Джокарт, стыдясь произошедшего, обтирался после душа. — Чудный парень, наш Йоши, не правда ли?

— Угу, — буркнул курсант, стараясь не глядеть ни на кого, сосредоточившись на натягивании формы, словно это был самый важный сейчас ритуал.

Чёрное на голубом. Три полоски, обозначающие третий год обучения.

Это испытание явилось неожиданностью не только для Джокарта. Спенсер, зашедший посмотреть — как идут дела с курсантом его Крепости, округлив глаза уставился на экран монитора, где шла запись ментограммы, снятой при тестировании.

— Если направить истребитель на линкор, это будет достойная плата? — спрашивал сейчас измененный модулятором голос Джокарта. — Нам всё равно не прорваться...

— И насколько всё это реально? — наконец-то отвлёкся Спенсер. — Это как сон?

Он просматривал запись уже четвертый раз.

— А ты у него спроси, — хохотнул кто-то из медиков, — все признаки перелома позвоночника, полное облегчение организма, это ерунда, а вот — даже синяки на спине, и был момент, когда кардиограмма показала остановку сердца.

Джокарт, которому и разогнуться-то сейчас было трудно, действительно разглядел в зеркальном отражении часть своей спины. И там действительно красовался огромный синяк.

Спенсер присвистнул:

— А ведь так и загнуться можно!

— Ну что вы, — с укоризной, словно обвиняющее, ответил подполковник. В его взгляде явно читалось недосказанное: «Мы же рядом!»

— Что скажешь, курсант? — теперь Спенсер обращался к нему.

— Тестирование окончено? Или будут ещё какие-то процедуры? Может быть, потребуется, чтоб я ещё и шею себе свернул для убедительности и чистоты эксперимента? — Джокарт процедил сказанное сквозь зубы, рискуя нарваться на неприятности.

Всё-таки перед ним находился старший офицер, пускай даже с крестом и полумесяцем под воротником.

Подполковнику, похоже, было не впервой встречать такой взгляд у прошедших тестирование. И на вызывающий неуставной тон вопросов он не отреагировал никак.

— Я могу быть свободен? Неужели даже формальности какие-нибудь не требуются? — тон Джокарта стал более вызывающим. Ему захотелось спровоцировать подполковника на что-то такое... на ответный крик или, может быть, на обещание применить взыскание, вплоть до немедленной отправки в Крепость для препровождения на гауптвахту. Если бы медик попробовал это сделать, у Джокарта были готовы ещё несколько реплик. О! Как он желал сейчас, чтоб подполковник повысил голос!

Наверное, это понял и Спенсер, который встал за спиной курсанта и положил руки ему на плечи, подавая тайные знаки сжатием ладоней.

Но медик остался невозмутим и не стал одергивать Джокарта.

— Какие формальности? Ты только что уничтожил линкор Бессмертных. За такое испытание, если бы от меня зависело, я бы не раздумывая вручил тебе прямо здесь, неодетому, «Солнечную корону» и любые привелегии... Твои ноль целых, девяносто восемь сотых световой, помноженные почти на столько же процентов реалистичности происходящего... — подполковник покачал головой, и Джокарт мгновенно обмяк. — Да, «Солнечную корону»... — повторил подполковник и оживился. — Знаешь, как мы сделаем? Я отправлю твоему офицеру-куратору благодарность за подготовку курсантов. Думаю, он сам уже как-то сможет...

— Не надо благодарности. Всё было невзаправду.

— Невзаправду? Почему же тогда двое из четырёх курсантов даже не попытались взлететь, а ещё один двадцать минут глупо удирал от «Кнопки», не выпустив ни одной торпеды? Не скажешь, нет? Ну тогда я скажу... Знаешь, что я скажу...

Джокарту, у которого перед глазами продолжали плясать прицелы и силуэт линкора, нагло висящего на траверсе, было сейчас наплевать на то, что может сказать медик. Он видел картину гибели Земли, и вместо сердца в груди билась какая-то обида. Не на Йоши, что оказался всего лишь программой-провокатором, а на ощущение беспомощности перед неотвратимой кончиной человеческой цивилизации. Но то, что сказал подполковник, нашедший наиболее правильные слова, заставило Джокарта полностью изменить настрой.

— Если бы что-то подобное случилось на самом деле, и мне, человеку гражданской профессии, пришлось выбирать — кому доверить защиту эвакуируемого госпитального транспорта, я бы не стал выбирать «саламандр». Я бы выбрал тебя, пилот!

По телу Джокарта словно пробежал электрический ток, наполняя энергией каждую мышцу, каждую вену, и, сам от себя не ожидая, он вытянулся в струну, чеканя слова:

— Летать. Побеждать или погибнуть!

Ведь только что он узнал, что есть вещи более ценные, чем «Солнечная корона».

— Ты и так погиб, — нарушил торжественность момента тот медик, что шутил по поводу испытания, — погиб, как герой. Я прогнал расчёт дальнейших событий на вычислителе. Просто так, из

интереса. Знаешь, что получилось? — второй раз ему предлагали угадать что-то неизвестное. — Твой «Зигзаг» таранил командный пост линкора. Вражеская автоматика отреагировала чуть запоздало, но — отреагировала! Вот, посмотри!

Он пригласил Джокарта к терминалу, и курсант увидел...

Вспышка, от которой на несколько секунд исчезла картинка, а потом — огромное облако плазмы и разлетающихся во все стороны обломков линкора. Соседние корабли, держащие строй, оказались заложниками собственной миссии.

Вот они запускают маневровые двигатели. Но поздно! Строй рушится. Ещё два линкора и несколько крейсеров пропадают в бесшумных вспышках. Обломки, теперь их уже намного больше, достигают третьей сферы блокады, и там, среди чёрных кораблей, поддерживающих сеть «лучей смерти», возникает брешь — в четверть блокируемой ими сферы. Все тридцать транспортов, освобожденные от гравитационных ловушек, энергия которых была поглощена противодействующей кинетикой обломков, рвутся во внешний космос сквозь эту брешь...

— Видишь, что произошло бы на самом деле, если ты... Если бы ты сделал то, что сделал! Извини за каламбур.

Сейчас все восемь медиков склонились над экраном, хранящим смоделированную вычислителем картину спасения почти трёх миллионов человеческих жизней.

— Один шанс из тысячи!

— Да, но всё-таки...

— Вот так и случаются чудеса!

Пока все спорили, что же это: ошибка вычислителя-модулятора, или невероятное стечение обстоятельств — суммарной схемы гравитационного взаимодействия громоздкого флота Бессмертных, неожиданного самоубийственного ускорения «Зигзага», расстояний между всеми фигурантами этой виртуальной схватки, — Спенсер задумчиво поскребывал подбородок.

— Если бы ты сделал то, что сделал. Да... Парадокс.

Теперь к Джокарту пришло смущение.

— Ну, я не думал об этом... Только линкор. Один. Всё остальное — случайности. Сколько то там процентов вероятности. И вообще, был момент, — хотел признаться Джокарт, — момент, когда я...

— Знаю. Вот. — Подполковник протянул длиннющую ленту со следами отметок самописца, ткнув в какую-то высокую горку посреди неровностей медицинской кривой. — Тут ты почти согласился с Йоши.

— Почти! — Спенсер выставил указательный палец, вступившись за Джокарта.

— Половина тестируемых, из тех, кто доходит до этой стадии, — девять из десяти — соглашаются, — пояснил кто-то из медиков.

— А... Ещё один из десяти?

— Получает «Солнечную корону», — прикоснувшись к его груди, словно прикрепляя невидимую награду, сказал подполковник. — Поздравляю, Джокарт. Из тебя выйдет отличный пилот. Смелый, отважный и... чертовски везучий! Какая красивая, величественная смерть!

На лицах присутствующих появились улыбки, но Джокарта посетила другая, наверняка даже более важная мысль.

— Если я прошел тестирование, значит — расписание подготовки отменять не будут? Или остальные трое курсантов... они же не смогли...

Собственно, насколько он понимал, ради ответа на этот вопрос и проходило тестирование.

А если так, то его победа оборачивалась крахом надежд руководства курсов. И неизвестно теперь, думал Джокарт, как на самом деле оценит его геройство старший офицер-куратор.

Подполковник отпустил наконец-то отворот его формы-комбинезона и, заложив руки за спину, начал расхаживать по помещению.

— Здесь всё не так просто. Твоя личная победа — ещё не показатель. К слову, реакция и потенциальный уровень самоконтроля у одного из пилотов, который остался на поверхности, приняв управление «Шарком», превосходят вашу, молодой человек. И он тоже успел постараться... Мы не оцениваем поступки и действия испытуемых. Что до вашей готовности к самопожертвованию, это вообще импровизация создателей сканирующей программы и никак не влияет на итог сканирования. Вся представленная ситуация-модель служит лишь для определения уровня готовности к действительной службе без предоставления дополнительного времени на ускорение и увеличение вероятности срабатываний вложенных в вас биохимических программ-модификаторов.

Подполковник остановился, внимательно-изучающе взглянув на Джокарта. Потом, словно убедившись в чём-то, кивнул и продолжил:

— Раскрыты ли все доступные уровни сознания? Достаточно ли надёжно работают модификаторы в боевых, стрессовых условиях? Не случится ли какой-нибудь обратной реакции? Психического и физиологического срыва? — Вот на какие вопросы мы искали

ответ. Вопросы серьёзные и окончательный результат станет известен только после суммирования всех полученных данных. Ведь за сутки тестирования у вас были взяты более сотни проб крови, мышечной и даже костной ткани. Нет-нет! Без всяких последствий! — поспешил успокоить он Джокарта, который начал ощупывать свои руки и почему-то шею. — Микрозонды не оставили никаких следов вмешательства... А весь полученный биологический материал уже представлен для анализа в лаборатории. Мой отдел будет заниматься исследованием вашей высшей нервной деятельности во время тестирования и сравнением её с эталоном. А так же выяснением — какое количество синоптических связей уже заменено на модифицированные. Другие отделы займутся изучением и сравнением других параметров... Так что ответа стоит ждать где-то через четверо-пятеро суток. Поэтому вы и направлены сюда на неделю, потому что в случае, если возникнет необходимость...

— Ещё раз пройти этот?.. Эту?

Своей недосказанной, но вполне понятной фразой Джокарт окончательно разрядил обстановку, и улыбки сменились смехом.

— А что, не хотелось бы?

— Нет.

— Почему? Испугался?

— Испугался, — отвернувшись к мониторам, где продолжали жить собственной жизнью вымышленные события, в которых гибла Земля, и её не могли спасти уже никакие одиночные подвиги, — вот этого испугался. Я не хочу видеть Землю такой! И это произойти не должно...

— Никто не хочет, Джокарт, — подполковник снял и принялся развешивать на вешалке-плечиках зелёный медицинский халат, — поэтому тебе и пришлось пройти через всё это. Но больше ничего не потребуется. Глубокое медсканирование не может производится так часто. Это может повредить твоё сознание. Мы же знаем, что у вас, в Крепостях, и так достаточно много курсантов, утративших связь с реальностью. Тем более я уже увидел всё, что меня интересовало, и со стороны моего отдела никаких рекомендаций по увеличению срока обучения не последует. Курсанты готовы к полётам. А вопрос, кому из них стать героем, а кому оказаться нашим Йоши — это уже другой вопрос. И в жизни трус с героем очень часто меняются местами... — тряхнув головой, будто отгоняя ненужную мысль, медик наконец-то полностью разделался со своим зелёным облачением, оставшись в форменном повседневном кителе. — Речь идёт только об энцефалограммах, кардиодиагностике, составе крови, показа-

телях общего тонуса...Обо всём, что легко проверить за считанные минуты. Вот это может потребоваться. Для поддержки штанов, так сказать. То есть — для нашей большей уверенности. Понятно?

— Понятно, ком. Я свободен?

— Всего хорошего, курсант, — вместо ответа подполковник протянул ему для прощания руку. — Летай. И побеждай. Этого будет достаточно.

Потом Спенсер потащил его в какое-то кафе, где стал заказывать неизвестные Джокарту блюда. Балу не смог присоединиться, будучи занятым по служебным делам. Поэтому им вдвоем пришлось перепробывать все кухни мира, в ознакомительных пропорциях, естественно, предаваясь тем не менее обжорству до конца дня.

Ночевать пришлось в гостинице при Штабе, и Джокарт буквально провалился в сон без сновидений, измученный прошедшим испытанием.

На следующий день Спенсер, зачем-то пряча глаза, сказал, что раз уж на обзорную экскурсию по Мегаполису они обещали дождаться Балу, а тот все никак не освободится, то...

— Понимаешь, мы очень редко видимся, — не выдержав настойчиво-недоверчивого взгляда Джокарта, сказал наконец правду пилот, — Раз в несколько месяцев, а то и реже... А у меня три-четыре вылета в неделю... Ты понимаешь? Так что походи пока сам... Я рекомендую посмотреть Италийский район, Корсику, обязательно загляни в район Нильской набережной, там ещё сохранились эти, как их...

— Пирамиды. Я знаю, — покорно согласился курсант.

— Им, между прочим, несколько тысячелетий!

Но Джокарт распорядился свободным временем по-другому, понимая, что за сутки он едва ли успеет рассмотреть достопримечательности набережной Нила, и разве что расстроится, проносясь мимо красот Италийского Мегаполиса. Поэтому он отправился на экспрессе к Лунному причалу, где была хоть какая-то надежда объять необъятное.

И теперь, обхватив колени, сидел у края бассейна, где резвились огромные морские животные, и слушал завывания ветра, отвлекавшее от голоса собеседника в оранжевой одежде.

Этот ветер прокрадывался через вентиляционные и прочие технические шахты внутрь здания, чтобы петь заунывные песни. И Джокарту казалось, что он поёт только для него. Даже птицы, повинуясь инстинкту, спрятались в гнёздах, не решаясь довериться крыше. А другие люди просто не обращали на ветер внимания.

Джокарт смотрел на дождевые струи, словно впитывая их в себя, смотрел на мрачность туч и молнии, из-за которых приходилось вздрагивать. А рядом со всем этим ему виделась другая картина — волны атакующих звездолётов, пылающие материки, на которых в остервенении кидаются в бессмысленные атаки цепи пехотинцев. Видел он и то, другое небо, которое больше похоже на истлевающие одежды мертвеца. И понимал — у него есть что защищать. Пускай даже среди миллиардов землян есть таинственные Хаймены, которым подвластно всё, но и они нуждаются в защите. Потому что есть часть, а есть — целое.

Гром ударил по стеклам в последний раз, и наконец-то выглянула ясная, умытая дождём Луна.

— Ну, всего, курсант! Сейчас запустят энергетический луч! — попрощался человек, которому показалось, что он провёл интересный и содержательный для собеседника разговор.

Глава 8

Проводив взглядом отсвет последних молний, бесшумно играющих за горизонтом, Джокарт покинул Лунный причал.

Если его и мучили весь день какие-то вопросы, то ответов на них он даже не искал. А к следующему утру всё казалось отголосками сна, приснившемуся не ему, а кому-то другому. Всё — всё стало чужим сном: и события, пережитые во время сканирования, и день, проведенный в здании Лунного причала. Потому что наступал новый день. Теперь Джокарт думал, что он не выдержит огромного пространства и масштабов, которые на Земле были намного большими, чем те, к которым он привык в Крепости. Поэтому третий день можно было назвать Днём Сравнений. Джокарт сравнивал то, к чему привык за три года со всем, что окружало его сейчас. И сравнения были не всегда в пользу Земли. Например, кажущаяся целенаправленность движения огромной людской толпы в Мегаполисе оказалась не чем иным, как хаосом в высшей степени его проявления. Хаосом, внешне похожим на упорядоченное течение. Этого, как он ни старался, Джокарт понять не мог — после замкнутого пространства Крепости, где нельзя идти куда-нибудь, а можно только туда, куда нужно. Ему было тяжело описать свои чувства словами. Даже небо над головой — настоящее, глубокое, как океан, было непривычным явлением, вызывающим слабые приступы агорафобии.

Спенсер не появился в гостинице на ночь. Не было его и с утра. Балу тоже никак не мог покинуть идущие с утра и до позднего вечера таинственные совещания в Штабе. Если штурмовик и приходил ночевать, то Джокарт об этом не узнал. И был почему-то страшно взволнован тем, что может вот так свободно поехать куда угодно, делать что ему вздумается. Правда, разговора с людьми, оказывающимися рядом, не получалось. Не мог же он кричать всем подряд, что прибыл из Крепости «Австралия», и что это так далеко, что её может разглядеть отсюда только какая-нибудь астрономическая обсерватория. Что он не знает — куда ему идти и чего бы хотелось увидеть. Теперь Джокарт вспоминал о вчерашнем навязчивом собеседнике почти с сожалением. Может быть, виной всему — его форма курсанта? По крайней мере, в Средиземноморском Мегаполисе комбинезоны пилотов не мелькали на каждом углу. Исключая, естественно, район, где располагались штабные здания. Один раз мимо Джокарта прошествовал капитан-командор со знаками принадлежности к экипажу линкора и с двумя объёмными пакетами, до верха набитыми покупками. Курсант, поравнявшись с офицером, вытянулся в струнку. Но тот не удостоил его даже взглядом. А налетевший сзади верзила в странном, на взгляд Джокарта, до пят балахоне, грубо толкнул локтём, кинув на ходу:

— Чего замер, придурок?

После этого, заметив офицерскую форму, Джокарт уже никак не реагировал. Зато больше никто не обзывался и не толкал локтями.

Они не знают, утешал он себя, что их высокое небо в один случайный день может расколоться пополам. И вместо дождя на землю будут падать орбитальные бомбы, а потом — транспорты врага. И молнии перестанут быть игрушками стихии, превратившись в грозное оружие, испепеляющее целые кварталы. Откуда им знать, что такое удар с дальней орбиты широким лучом? Да ещё — направленным по касательной к поверхности... Такими ударами можно стирать города.

Неожиданно прямо перед ним выросло приземистое строение, высотой не более, чем в три этажа. Эта бетонная коробка (зданием её трудно было назвать) занимала целый квартал. Вокруг не липли к посадочным уровням гравискутеры, и праздных пешеходов рядом было мало. Редкие людские потоки словно обтекали коробку по сторонам, чтобы потом, сомкнувшись через сотню метров, вновь влиться в огромную реку, движущуюся в гомоне голосов по широким проспектам.

Заинтересовавшись, Джокарт обошел всё строение по периметру. С улицы ему были видны массивные полукружья на плоской крыше и длинные антенны устаревшего комплекса радарного наведения. Вдруг он понял, что это такое — наземная точка ПКО! Уже завершая обход, увидел Джокарт и вход в здание-коробку, рядом с которым имелась проржавевшая металлическая пластина: «Убежище 11-01».

— Какой идиот придумал совместить комплекс противокосмической обороны с убежищем! — возмутился он. — Даже если там несколько подземных уровней, это никого не спасет! Стоит зенитчикам выпустить первую партию противоракет, как эта допотопная точка окажется захваченной в прицелы и уничтожена! Случись подобное, — непонятно на кого озлобился Джокарт, — здесь будет большая братская могила!

Пессимизма у него прибавилось, когда во время второго обхода убежища дорогу ему преградил курсант-пехотинец.

— Что-нибудь ищешь?

— Да нет, просто смотрю.

— А что смотреть? Учения проводят раз в месяц, сейчас тут никого нет, только я. Может, сходишь за джином? Здесь недалеко.

— Как это — никого нет? — игнорировал просьбу достать спиртное Джокарт. — А если...

— Что — если? Ты откуда свалился? С Антарктиды? Так это у вас — постоянная боевая номер два. А в городе... Тем более сам понимаешь, на что годится эта рухлядь. Так как насчет джина? Ты не переживай, у меня антидот есть.

С тех пор как Балу заставил его выпить два стакана водки, Джокарт ни разу не побаловался алкоголем. Даже при встречах с Лиин он не пил ничего крепче кофе, хотя сама Лиин позволяла себе пропустить бокал-другой шампанского. «Чтобы быть в тонусе», как она объясняла. Поэтому сейчас ему вовсе не улыбалось нарушить самим же установленное табу.

— Извини, я не хочу.

— Эй, а ты точно из Антарктического укрепрайона? Там все — белые, как глисты, по полгода солнца не видят... Тут всё совпадает. Но чтоб отказаться от выпивки — такого ещё не слышал.

— Я из «Австралии», — ответил Джокарт. Увидев недоумение во взгляде курсанта пехоты, пояснил. — Из Крепости «Австралия». Капа Струны, четвёртый крепостной флот внеземелья. Слышал?

— Ого! Тогда понятно. Наверное, жуткая дыра там у вас и порядки строже, чем в самой глухой заднице здесь, на Земле, раз уж выпить даже не можешь...

— Я не говорил — не могу, — смутившись нелестного отзыва о месте своей службы, Джокарт был вынужден повториться, — я сказал «не хочу».

— Это меняет дело, — согласился курсант. — Надолго сюда?

— До конца недели. Я же не просто так...

И Джокарт вкратце рассказал пехотинцу всё, что происходило с ним во время медицинской процедуры, а заодно и про то, как провел целый день на Лунном причале.

— Интересное дело! Тебе скоро — в бой, а ты ни разу не летал?

— Ни разу, — сокрушенно выдохнул Джокарт.

— А как воевать собираешься? Собьют ведь сразу же, даже имени не спросят.

— Не знаю, методика у нас такая. Сначала всё накапливается где-то внутри, а потом выходит наружу. Это как умение плавать. Оно ведь во всех людей заложено, и нужен только небольшой толчок, чтобы...

— Насчет плавания я знаю. Мне сержант такой толчок устроил — до сих пор вспоминаю!

Смирившись с мыслью, что джина ему не дождаться, пехотинец стал рассказывать, как учили плавать его отделение.

— Представляешь? Не просто — проплыть, а с полной выкладкой, в СВЗ, ещё вводную дали, мол, скисли антигравы. Но самое страшное — это то, что до воды вначале долететь было нужно. Скала — метров двести. Внизу даже волн не видно. Тут он меня и толкнул. Лечу, ору в голос, штурмовую винтовку выронил, так что не успел даже приводниться, как получил четыре наряда. И это ничего — трое вообще разбилось. Романтика!

— Ужас! В Крепости ничего этого нет. Пехотинцы тренируются в залах переменной гравитации, на стендах и в глубоководном бассейне.

— Понятное дело! Они же там, в капле или струне, как ты сказал? А мы — тут. Лучшие подразделения в горных районах и на полюсах, где червям тяжелее просачиваться будет. Только я так думаю, если мы их на Землю пустим, всё! Ни хрена уже отсюда не выкурим. Вот как я думаю...

— А ты как воевать будешь? Тоже ведь по-настоящему не приходилось.

— Почему не приходилось? А захваченные штурмовики на что? Недавно подарок нам прислали — какой-то флот транспорт с боевой группой отбил. Целёхонький! Они его заблокировали со всех сторон и на Землю опустили...

— Перемещаемая гравитационная ловушка! — догадался Джокарт.

— За тех червей, знаешь, какая драка была? Каждый командующий хотел себе побольше заполучить.

— Зачем?

— Для тренировок, само собой! Мы тоже кучу всякой дряни в начале обучения принимали, миллион процедур прошли, и какая-то ерунда снится. Будто я — командир отделения, и нужно зажать червя в кольцо, а он, гад, уже под землю уходит, разве что за хвост ловить...

— Ударит, — авторитетно заметил Джокарт, вспомнив всё, что ему известно о боевых возможностях Бессмертных — штурмовиков.

— Правильно, ударит. В такой позиции — на выбор: гравитацией, лазером, электричеством. Даже диэлектрическая защита СВЗ не спасает. Такая зараза, наверное, целую улицу освещать смогла бы.

Увлеченный разговором, Джокарт не заметил, как пролетело два часа. Поняв, что время уходит, а он так и не нашёл достойного местечка, которое можно было бы посетить, Джокарт решил свернуть разговор.

— Слушай, а ты Мегаполис хорошо знаешь? Куда тут у вас сходить можно?

— То есть как это? А ты куда шёл?

— Просто. Прогуливаюсь.

Только сейчас Джокарт признался, что на Земле он впервые, и сам не знает, чего ему хочется.

— Завтра офицеры освободятся, куда-то там уже собрались со мной проехаться, а сейчас...

Курсант пехотинец растерялся. И было чему. Потому что практически невозможно в такой ситуации посоветовать что-то конкретное, не зная вкусов и предпочтений незнакомого человека. Даже в небольших городах с полумиллионным населением всегда найдётся множество достопримечательностей, мест отдыха и развлечений, парков, озер и прочих вещей, достойных внимания.

— Точно выпить не хочешь? — переспросил он у Джокарта, и после отрицательного ответа покачал головой. — Тогда не знаю... Убивать время — нелёгкое занятие. Я бы много мест хороших показал. И джина обязательно с тобой тяпнул. Но мне здесь до вечера торчать, пока не сменят. Потом — в казарму. Вырваться в город только по выходным получается... Жалко.

С минуту новообретённый знакомый размышлял, перебирая в уме варианты, отбрасывая прочь различные библиотеки, театры

и музеи. По крайней мере, ему казалось кощунством предлагать такие места собрату-курсанту, впервые попавшему на Землю.

— Слушай, а как у вас в Крепости с девчонками? Говорят, там их целый контингент присутствует? Если так, то, конечно...

— Присутствует, — подтвердил Джокарт, вспомнив разговоры про эр-пэ-вэ, — но только это для офицеров.

— А как же вы? Ты? — теперь его мысли обрели, наконец-то, верное направление.

— Я нормально. У меня девушка есть.

— А у других?

— Ну, кто как... — попытался уйти от ответа Джокарт, лишний раз поняв, как выделяется он среди других курсантов отделения тем, что встречается с Лиин. — У кого-то тоже подружки есть, не в пустыне ведь живём... Не знаю. У меня случайно всё получилось, и мы друг-друга любим.

— Почему же у тебя получилось, а другие — на индапы молиться должны, чтобы крышу не сорвало?

— Она певица, — проговорил Джокарт, раздумывая стоит или не стоит говорить много. — Мы действительно познакомились случайно.

Решив, что его отношениям с Лиин этот разговор не сможет навредить, он рассказал про Лиин, про кофе, пролитый ей на платье, и про лейтенанта, которого успокоил Балу.

— Лиин? — переспросил пехотинец. — Крепость «Австралия»? Что то я такое слышал.

— Что — слышал? — Джокарт напрягся. — Что ты мог про неё слышать, если даже не знаешь, где старушка «Австралия» находится?

— Да погоди! Где твоя Крепость находится, я не знаю, но... Точно! Сквер Милано! Я там прошлое воскресенье с ребятами из отделения проводил. И видел рекламную вывеску: «Лиин — певица из Крепости!» и что-то там было про блюз под гравитационным обстрелом, про песни с другого края Галактики. Ну, ты знаешь, как рекламщики любят всякую ерунду писать. Мы даже хотели билеты взять, а оказалось, что всё продано на две недели вперёд.

— Как... как мне найти этот сквер? — Джокарт не верил, думая, что курсант-землянин просто решил его подразнить.

Если это так, думал он, и никакой вывески там не окажется, вернусь и...

— Да ты что? Совсем бледный стал. Думаешь, обманываю? Сходи и посмотри, рекламник наверняка ещё там. Будешь должен упаковку джина. Идёт?

— И-идёт. А чем добираться?

Теперь Джокарт и сам начал ощущать, как кровь сходит у него с лица. Был бы на нём индап, точно получил бы парочку инъекций. Но сейчас он даже жалел, что аптечка осталась в Крепости, очень уж неприятными становились ощущения — как будто силы уходят, а с ними уходит из под ног земля.

— А она тебе не сказала разве?

— Что?

— Что на Землю собирается? Да, это точно любовь! Такие сюрпризы. Всё- всё, молчу. Просто в рекламнике говорилось о гастролях на целый год. Мы поэтому и не стали особо из-за билетов переживать. Всё равно за год успеем сходить.

— На год?

— Так было написано. А вообще на Землю часто из провинций перебираются... Знаешь что? Найти-то вывеску ты найдёшь. Это не трудно: через два квартала городская надземка, проезжаешь восемнадцать станций, а там у кого-нибудь спросишь. Это место все знают. Только если это действительно она... Не переживай.

— Я не переживаю, — срывающимся от волнения голосом едва смог выговорить Джокарт.

— Это ты своему индапу расскажешь. А вообще, такое часто бывает. Ты — курсант, она — певица. Что у вас может быть общего, кроме постели? Повстречались — разбежались... Ну на меня-то зачем злиться? Я всё это уже прошел. И у меня любовь до гроба была. Танцами занималась. Всё хорошо начиналось, а как пошла жизнь курсантская, мою любовь — тю-тю! — даже не знаю, с кем и куда уехала.

— И не узнавал? — уже больше просто для того, чтоб сказать хоть что-то, спросил Джокарт.

— Нет. Да и что толку, даже если бы узнал? Уехала и уехала. Плюнь и разотри. Как убедишься — садись обратно на экспресс, и выходи на площади Цветов. Вот где раздолье для курсантов! Там у нас городское место знакомств. Девочки — не шлюхи, а... просто... новых ощущений хотят. Без формы там делать нечего. Главное — всё без напрягов, выбирай любую и... Эй, подожди, не хочешь — сюда возвращайся! Джин не забудь и себе что-нибудь возьми!

Но Джокарт уже ничего не слышал и через пять минут старательно отсчитывал станции надземного экспресса: «первая, вторая, третья... одиннадцатая... восемнадцатая!»

...Рекламник был на месте. Лиин, такая красивая, одетая почему-то в комбинезон пилота, смотрела сейчас на Джокарта, маня к себе

рукой и часто-часто моргала, прищуриваясь от яркого света, который изливался на неё со всех сторон живой картинки. С каждым взмахом её ресниц, с каждым движением полных, удивительно хорошо очерченных губ, Джокарт отходил на шаг назад. Он понял — это не его она звала, не ему улыбалась... Наконец, Джокарт встретился спиной с каким-то одиноким деревцем, которого сразу даже не заметил. Оно было совсем не таким, как деревья Лунного причала, а чахлое и невзрачное, едва покрытое куцей листвой. И Джокарт показался сам себе таким же одиноким деревцем — оторванным от зелени настоящего леса, с корнями, закатанными в бетон, и без надежды стать высоким, могучим исполином.

Он пытался придумать для неё оправдание, и это ему почти удавалось, но потом карточный домик фантазий рушился, потому что оправданий здесь не требовалось. Это была её мечта — стать известной на Земле, петь «под вывеской», поэтому она и снялась для рекламника в форме пилота, которую так не любила.

— Почему она мне ничего не сказала? — была последняя внятная мысль Джокарта.

А потом он куда-то шел, расталкивая замешкавшихся прохожих локтями, как тот тип в балахоне. Было душно. И ещё была Площадь Цветов, куда он попал едва ли не случайно. Почему он здесь оказался, Джокарт вспомнил уже в салоне гравискутера, которым управляла девица с ярко накрашенными губами, такими же полными, как у Лиин, и в короткой юбке, едва прикрывавшей чёрные трусики. Она, не стесняясь, демонстрировала их Джокарту вместе с длинными ногами с отточенными икрами, — когда изгибалась, чтобы что-то показать там, внизу, среди безликих городских кварталов.

И ещё она постоянно хохотала, прикрывая рот кончиками пальцев, на которых алели длиннющие ногти каплевидной формы. Потом эти же пальцы зачем-то рвали с него одежду, когда скутер опустился на безлюдном горном склоне за пределами Мегаполиса. Здесь была трава. Обнаженной спиной Джокарт чувствовал её щекотание, а девушка, загораживая ему предзакатное солнце, щекотала грудь своими распущенными волосами. И очень часто просила: «Не надо называть меня Лиин. Я — Эстела, понимаешь, глупый? Ты правда с „Австралии“? Тебе хорошо со мной?»

— Мне хорошо с тобой, Лиин, — невпопад отвечал Джокарт...

У неё оказалась с собой пластиковая упаковка какого-то крепкого напитка, но Джокарт не оставил ей ни капли. И снова её лицо,

уже раскрасневшееся, с размазанной вокруг рта помадой, оказывалось над ним. И ещё, и ещё!

«Да, девочка, да!» — нашептывал на ухо глумливый голос. И Джокарт вдруг понял, что это голос Лиин, которая говорит ему — да, Джокарт, это случилось. И мир переворачивался, теперь уже девица оказывалась снизу, в широко распахнутых глазах стоял неподдельный ужас, который вызывал у неё курсант с искаженным от боли и ярости лицом.

Потом неизвестно откуда появился Спенсер вместе с Балу, и Эстела что-то объясняла им, плача и стыдливо прикрывая одной рукой полную грудь, второй же рукой прижимая к лобку свою крошечную юбку. Спенсер тряс его за плечи, заставляя надеть форму, а Балу безучастно смотрел, как девушка садится в скутер и улетает.

Джокарт пришел в себя только через несколько минут, уже после того, как Спенсер втиснул ему в сомкнутые губы капсулу-антидот.

— Значит так, курсант! — прокатив «эр», будто жестянку по асфальту, отчитывал его пилот. — Если ты готов сойти с ума из-за первой же юбки, не лучше ли тебе будет вообще отказаться от идеи пилотировать истребитель? Я видел много способных парней, которым это так и не удалось. Они просто поменяли свою мечту на глупые переживания. Это же из-за Лиин, правда? — при этом Спенсер как-то неодобрительно поглядывал на Балу.

— Да, ком, — прищурившись, ответил Джокарт, даже не зная, как ему реагировать.

По сути, это было его личным делом, и почему бы им всем не оставить его в покое? Так и заявил он офицерам.

— Вы не знаете, что у нас было... Вы не понимаете, что она для меня значит... А этот рекламер... А она ничего не сказала...

Спенсер не слушал возражений, продолжая бушевать и тыча ему в лицо пальцем. Балу, стоявший до сих пор молча, наконец подошел и мягко отстранил пилота.

— Не надо, Спенсер, он не поймёт... Сейчас не поймёт. Здесь нужно время, — потом он обратился уже к Джокарту. — Но ты зря считаешь себя каким-то особенным. Все мужчины проходят через это. И мало кому удаётся избежать такой участи. Первый блин — почти всегда комом. Понимаешь?

Джокарт кивнул. Штурмовик продолжил.

— Я, наверное, виноват во всём. Мне не нужно было вас знакомить. Ведь если бы не то посещение офицерского кафе, — согласен? — где пела Лиин, то ничего бы и не случилось. Ты бы продолжал учёбу, не отвлекаясь на личную жизнь, а Лиин... Она всё равно

покинула бы Крепость. Может быть даже — скорее. Потому что рано или поздно такое должно было произойти. Прости, Джокарт, я не думал, что так получится и что ты так глубоко нырнёшь. Сейчас уже ничего не сделаешь, нужно время. Вернёмся в Крепость — поговори с ней. Просто поговори. Скандал и крик только оттолкнёт её ещё дальше.

— Куда уже дальше. Она и без скандала далеко... оттолкнулась.

— Нет, Джокарт. Ты пришел в Крепость, чтобы стать пилотом. И у тебя это обязательно получится. А Лиин... Теперь ты знаешь, для чего она попала к нам. Так?

— Я знал это и раньше, — постепенно успокаивался Джокарт, — она сама мне говорила.

— Чему же ты тогда удивляешься?

— Она говорила, что не хочет, чтоб я стал пилотом. Чтоб мы вместе... На Землю.

Балу со Спенсером переглянулись. Пилот сорвал травинку и начал её жевать, сплёвывая через уголки губ.

— Джокарт. Ты поговори с ней. И пусть она отправляется на Землю. Кто знает, может быть, вам ещё доведётся быть вместе? Но только ничего хорошего тебя не ждёт, если ты не окончишь своё обучение. На Земле свои сложности, и их много, поверь. Если у Лиин всё получится, значит она молодец. Ей тоже трудно, Джокарт. Наверное, вы слишком рано встретились. А ты... По моему, кто-то говорил, что у него достаточно причин, чтобы стать истребителем? И, кажется, у него это почти получилось. Никто не виноват, что идёт война. Я не имею права тебе говорить, но... — Балу посмотрел куда-то в сторону, а Джокарт, который большинство сказанного пропускал мимо себя, вдруг заинтересовался. — На совещании штабов нам сказали, что скоро будет произведен набор всех резервистов. Обучение теперь будет занимать — год для пехоты и столько же — для пилотов. Как тебе новость?

Услышанное ошеломило не только Джокарта. Теперь даже Спенсер выплюнул несчастную травинку и приподнял брови: «Ну-ка, ну-ка!»

— Спенсер мне рассказал про твой бой с линкорами. Знаешь, что это было на самом деле? Новые методы подготовки пилотов. Целый год вот таких почти реальных полётов, плюс какие-то усиленные модификаторы и... Я не знаю, что это будут за люди — едва ли им удастся после такого обучения адаптироваться к нормальному человеческому поведению, аутизм — плохая штука, но пилоты, как обещали, получатся отменные.

— Да ну? Ерунда какая-то... — Спенсера глубоко задела сама идея такого глубоко проникновения в психику будущих пилотов, — на Земле в этом уверены?

— Времени нет проверять... Все надеются, что методика себя оправдает. Но мне кажется, что ваша подготовка несравненно лучше. Помнишь, Джокарт, мы уже говорили об этом? Так что выбора, если честно, у тебя нет. Или ты уйдёшь в бой подготовленным пилотом, или — недоученным подмастерьем на линкоре. Хоть штурмовиком танкового подразделения... Вот так вот.

— А к чему такие рискованные эксперименты? — теперь Спенсер забыл о Джокарте и его проблемах, жадно выпытывая у Балу всё, что тот узнал.

— Через два-три года Земля останется без запасов стратегического сырья. После потери Большого Кометного и остальных районов добычи, ресурсов хватит только на поддержание уже имеющегося флота, без пополнения парка боевых машин и разработки нового вооружения. Сегодняшний приблизительный паритет с противником — не навсегда. Я разговаривал с командирами местных штурмовых групп, так вот им уже четырежды приходилось встречаться с Бессмертными прямо на окраинах Солнечной. И даже ближе — месяц назад бой произошел на Европе, спутнике Юпитера. Об этом пока не говорят открыто, чтоб не допустить паники, но факты — упрямая вещь. От них не отмахнёшься.

— Как же они туда пробрались?

— Никто не знает. Видимо, Бессмертные пользуются цепочкой Приливов и как-то вычислили доступ к Солнечной. У Юпитера сейчас срочно создаётся новый флот прикрытия. В любом случае времени до решающих сражений остаётся очень мало. Поэтому и решено всё подготовить для наступательных действий. И ударить...

— Куда наступать будем?

— Это уже тебе станет известно. Флот всегда идёт вперед, а мы уж следом за вами.

— Стоит понимать, что Солнечная пошла ва-банк?

— Я тоже так мыслю.

— Интересно, где взять столько машин для новых пилотов?

— Будут. И истребители, и крейсеры — будут. Ещё несколько соединений мониторов дальнего действия. Насчёт линкоров не знаю. Естественно, усиленные группы флота сопровождения. Ну и нас не забыли — планируют набрать несколько миллионов пехотинцев. Такие дела.

Все помолчали, обдумывая каждый своё, потом Спенсер протянул Джокарту руку.

— Ну что, пошли? Если бы не вшитый под кожу идентификатор, мы бы тебя никогда не нашли. А что могло в твою голову взбрести — ты сам, наверное, не представляешь. С моста броситься не хотелось? Здесь, на Земле, полно таких мостов, которые породили целую статистику самоубийств. И из-за несчастной любви, и по другим причинам...

— Да нет, видишь, парень не растерялся! — нарочито весело подхватил Балу. — Зачем ему с моста прыгать? Он сразу девчонку прихватил... Джокарт, ты меня слышишь?

Он слышал. И понимал, к чему все эти душеспасительные сентенции. Даже ощутил укол совести по отношению к любвеобильной Эстеле, потому что она, можно сказать, оказалась пусть временным, но спасением для него. Джокарт не думал о высоких мостах, висящих над бездной. Наверное, потому, что был к ним непривычен. Роль такого моста должен был сыграть гравискутер, поднятый до критичной (для верности) высоты. Открыть кабину и...

Следующие дни, проведенные на Земле, показались ему никчемной тратой времени. Правда, Спенсер и Балу или кто-нибудь из них теперь постоянно находились рядом.

— Смотри! Это остатки исчезнувшей цивилизации, — пояснял Балу, когда они побывали на другом материке, осматривая Чечен-Ицу.

А Джокарт думал, что лучше бы вся Солнечная оказалась разом исчезнувшей цивилизацией, раз в ней совсем не осталось места для его маленького личного счастья. Потом проклинал себя за чёрные мысли. Потом принимался вновь проклинать Землю, которая украла у него Лиин, и желал Земле скорейшего падения под ударом Бессмертных. Чтобы остались только Крепости, и чтобы Лиин не захотела покидать «Австралию». Потом уже и с червями разобраться можно. Когда он станет, наконец, пилотом!

Никаких дополнительных данных медицинской комиссии не потребовалось. Об этом сообщил уже знакомый подполковник, проводивший сканирование. К тому времени Джокарт собрался с мыслями и сильно переживал, что кто-то захочет измерить ему давление, не говоря уже о проведении ментоскопирования. Джокарт знал, что он не в порядке. Это мог подтвердить любой медицинский прибор. Даже примитивный электронный градусник.

Но Спенсер успокоил, сказав, что будь Джокарт сейчас даже без ноги или без руки, с изъеденными болезнями лёгкими, посаженной активными возлияниями печенью и страдай он всем набором психических отклонений, всё равно уже ничего нельзя изменить. Теперь его страшила необходимость возвращения в Крепость. И всякий раз, когда он пытался представить себе разговор с Лиин, он натыкался на каменную завесу мысленного безмолвия. А стоит ли вообще о чём-либо говорить?

Балу продолжал что-то рассказывать Спенсеру про предстоящие боевые операции, Спенсер сам уже многое успел узнать, а Джокарт слушал их безучастно, будто эти разговоры его не касались. И вообще ощутил себя живущим как бы в двух телах. Одно тело продолжало на что-то надеяться, вспоминая о Лиин, другое, с метоморфированным сознанием живого навигационного терминала, присутствовало в окружающей действительности, чтоб наблюдать за барахтаньем того, другого Джокарта.

— Ну что? Все довольны? Отпуск окончен, возвращаемся в Крепость! — заявил Спенсер, волоча за собой с помощью гравиносильщика целый ворох различных подарков. — Джокарт! Не будь таким кислым! Представляю, что ты ещё сможешь учудить, попав в Крепость. Надеюсь, Лиин не ждёт какая-нибудь мучительная смерть? Ты точно не собираешься её задушить? А что? — убрал плечо из под настойчивых похлопываний штурмовика Спенсер, — такое тоже бывает. Вместо прощального поцелуя — «так не доставайся же ты никому!», и руки сомкнуть. На горле. Нет?

— Не трави ему душу! Он же не параноик. В то, что сам готов себя жизни лишить, в это я ещё поверил бы. Насчёт Лиин... Не думаю, что ей грозит хоть какая-нибудь опасность, кроме опасности оглохнуть от криков нашего курсанта или захлебнуться в его слезах. Нет, ну посмотри на дурака! Волком-то как смотрит! А подарков для своих друзей не подобрал...

Подарки почему-то ассоциировались у Джокарта только с Лиин. Других вариантов он даже не рассматривал. Забыл про Густава, Моджо и Ростислава. Нет Лиин — нет подарков! И это казалось ему логичным.

К счастью, пилот со штурмовиком не дали ему вернуться с пустыми руками.

— Вот. Это ты подаришь Лиин... Не спорь со старшими! Научись расставаться как мужчина — без соплей и сантиментов! Когда-нибудь она, возможно, локти себе будет кусать, что упустила такого парня. И прижимать к груди этот медальон. Ещё прихвати

букетик роз. Помнишь? Они ей нравятся. Не думаю, что завянут к концу дня...

— А это — чипы с новыми видеофильмами. Тут разные, я не имел времени выбирать, пришлось взять всё, что было в гипермаркете. Мелочь, а друзьям будет приятно. Запомни — девушки приходят и уходят, а друзья остаются. Никогда нельзя забывать о друзьях. Есть среди них, кстати, одна редчайшая разновидность — женщина-друг. Когда-нибудь она у тебя появится. Слово офицера!

Растерявшись от такой заботы, Джокарт неожиданно почувствовал, как уходит тяжесть с души.

Спасибо, шептал он, спасибо! Я не буду больше глупым. Я смогу стать пилотом. Я...

— Давай напоследок махнём к одному чудесному горному озеру, а? Искупаемся... Стряхнём с себя, так сказать, пыль Мегаполиса.

Балу поддержал Спенсера, а согласие Джокарта подразумевалось, потому что никаких причин ответить отказом у него не было.

— Это далеко? — было единственным, о чём он спросил.

— Не очень, в Евразии. Есть одно место, каких на Земле немного осталось, — охотно поделился Спенсер, — находится как раз между двумя Мегаполисами.

— Женевское озеро? — предположил Балу и угадал.

— Да, я там бывал несколько раз, потому и предлагаю.

Через полчаса, отправив багаж на Лунный причал, они уже пересекали горную цепь, являющуюся границей между двумя Мегаполисами — Средиземноморским и Восточноевропейским. Скутер вёл Спенсер. И только сейчас Джокарт зримо убедился, что такое иметь навыки пилота. Сразу же отключив автоматическое управление, Спенсер резвился, как ребёнок, которому вернули отобранную игрушку. Он заставлял скутер выделывать такие вещи, что ему не снились с момента рождения на конвейере.

— Ах, чёрт, я совсем забыл! — хлопнул себя по лбу штурмовик, как только Спенсер заложил на скутере первый вираж. — Надо было ехать подземкой!

Горные цепи то нависали над головой, то щетинились каменными пиками откуда-то сбоку, потом возвращалась на привычное место. Земля надвигалась с сумасшедшей скоростью, чтобы потом провалиться вниз. Был момент, когда на панели управления зажегся вызов Дорожно-патрульной службы, и два скутера с синими проблесками маяков попытались сжать Спенсера с обеих сторон.

Наверное, патрульные решили, что скутером управляет водитель, находящийся в состоянии опьянения — алкогольного или наркотического. Они не знали, с кем имеют дело!

— Держись, военные! Сейчас мы немножко поиграем!

— Ну, да, — вставил реплику Балу, — ты поиграешь, а штраф, как всегда, придётся мне платить!

— Разве оно того не стоит? — засмеялся в ответ Спенсер, кидая скутер в отвесное пике, а потом совершенно неожиданно оказывался на хвосте патрульной машины, в каких-нибудь двух десятках метров от неё.

— Вижу вас, патруль! — наконец-то ответил он на вызов, и, не удержавшись, добавил: — вы у меня в прицеле!

— Пилот? — то ли вопросительно, то ли утвердительно проскрипел динамик голосом патрульного.

— Действительный пилот флота внешней обороны. Вот, решил вскружить голову своей девочке, чтоб была посговорчивей.

— Снизить скорость и остановиться! — было короткое резюме патрульного.

— Эй, я пошутил! У нашего скутера что-то с автоматическим управлением! Сейчас перейду на ручное...

Джокарт переглянулся с Балу, и тот пояснил:

— Это он пытается избежать наказания. Каждый раз думает, что его звание на кого-то тут подействует. А они сейчас скажут сажать скутер.

— А если...

— Посадят принудительно. У них есть такая возможность.

В подтверждение слов штурмовика на канале связи послышалось покашливание, будто кто-то прочищал глотку, а потом...

— Сажай скутер, недоумок! Из-за таких, как ты...

Непонятно было, что именно происходит на Земле из-за пилотов Крепостей, потому что дальше посыпалась брань и набор крайне нелестных для Спенсера слов.

— Полегче, приятель! — возмутился Спенсер. — Я на самом деле являюсь действительным пилотом. Прибыл на Землю всего на неделю, и уже сегодня отправляюсь обратно — защищать ваши задницы. Попробуйте сами меня посадить!

— До этого раньше не доходило! — удивленно произнёс Балу и пояснил для Джокарта. — Обычно всё происходит по простой, можно даже сказать, отработанной схеме. Спенсер хулиганит в воздухе — его засекает патруль — просят пойти на посадку — Спенсер садится, пытается качать права — я плачу штраф — патрульные

довольны — Спенсер недоволен — мы пожимаем руки — патруль отваливает — Спенсер хулиганит в воздухе дальше. До следующего патруля. Почему-то он считает, что штраф — небольшая плата за удовольствие. Моё удовольствие! — наигранно-возмущенно воскликнул Балу. — Вот только до оскорблений никогда раньше не доходило и отрываться от патруля нам не доводилось. Ни разу эта схема не отказывала, и вообще, пилот внеземелья — верная нажива для патрульных. А сейчас они, кажется, сболтнули лишнее, и...

Уши заложило от неожиданного рывка вверх. Задача для Спенсера теперь усложнилась во много раз, потому что мало было юлить вокруг скутеров с патрульными, ещё нужно умудриться не попасть в радиус действия блокирующего поля. Это составляло, как успел поделиться Спенсер, примерно триста метров. Но попробуй оторваться на такое расстояние от патрульной машины на обычной городской «Ламе», у которой скорость — раза в полтора меньше, ограничение по набору высоты и более широкий радиус разворота, чем у патрульного «Мустанга»! Джокарт посчитал такую задачу не решаемой. Патрульные, видимо, тоже. Не согласен оказался только Спенсер и выписывал кренделя целых пятнадцать минут, используя в основном вертикальное маневрирование.

Потом мерное жужжание гравитатора начало затихать, и словно на невидимом парашюте, скутер плавно опустило в зеленую долину.

— Видел, курсант, как я их сделал? — ликовал пилот, но утверждение его было спорным, и Джокарт разделял его радость только отчасти, потому что в конечном итоге этот «бой» был ими проигран.

— Выйти из скутера! Руки за голову! Ноги на ширину плеч! — гремел усиленный внешним мегафоном голос патрульного.

Второй «Мустанг» завис метрах в трёх над головой.

— Ага, сейчас! — недовольно бормотал Спенсер. — Будут и ноги за головой, и руки шире плеч...

— Я пойду первым, ладно? — поинтересовался Балу и, не дожидаясь ответа, одним движением выпрыгнул из пассажирского салона.

Вторым вышел Джокарт, а Спенсер что-то колдовал над панелью управления. Наконец, вышел и он, изображая на лице полную независимость и непричастность к каким-либо нарушениям.

— И кто из них твоя девушка? — под хохот второго патрульного поинтересовался тот, что командовал выйти из скутера.

— Не твоё дело! — огрызнулся Спенсер. — Я никому не мешал, полётный коридор был чист! Шёл на автоматике, скутер взбесился. Вы и сами знаете — такое с «Ламами» хоть редко, но всё равно случается.

— Он что-то повредил в схеме срабатывания ручного управления! — догадался Джокарт, который что-то слышал о таких штучках, проделываемых пилотами на Земле.

— Мы сами разберёмся, кто там у вас взбесился. Руки за голову я сказал! Живо! У кого-то плохо со слухом?

Джокарт, не ожидавший такого оборота, начал поднимать руки, и тут Балу шагнул навстречу патрульным, перед этим коротко спросив пилота «Успел?»

— Успел, — ответил пилот.

Джокарт и Спенсер были одеты в форму, поэтому их никак нельзя было спутать с гражданскими лицами, а вот Балу сменил чёрную повседневку на легкомысленную рубаху, расписанную пальмами и облаками.

Едва он начал движение, в руках патрульных появились парализаторы. Архаичное, но безотказное оружие, исторгающее нити-тоководы, называвшееся раньше скорчером.

— Зачем вам это? Мы и без оружия можем поговорить... — начал штурмовик, а потом время ускорило бег.

Патрульный скомандовал «Стоять!» и одновременно, не давая Балу никакого шанса, нажал на кнопку парализатора. Джокарту даже показалось, что сначала патрульный выстрелил, а потом отдал команду. В любом случае ничего хорошего для патрульных из этого не вышло.

Вот один из них нажимает на спуск, и из широкого, прямоугольного ствола вылетела сеть, чьи ячейки искрились электрическими разрядами. А вот они — оба патрульных — стоят в обнимку с Балу, и он им что-то негромко говорит. То, как штурмовик оттолкнулся одной рукой от земли и как его огромное тело перелетело над сетью, Джокарт уловил разве что боковым зрением. Патрульные изображали жалкое подобие улыбок, один из них помахал экипажу, находящемуся в воздухе. Теперь уже было видно, как штурмовик пальцами сграбастал плечо одного патрульного, грозя вырвать лёгким движением весь плечевой сустав, а второго приобнял за корпус, и там уже подозрительно потрескивали рёбра.

Естественно, с расстояния всё выглядело по-другому. Решив, что их сослуживцы встретили старых знакомых, другие патрульные тут же снялись с места, и скоро их «Мустанг» исчез за горизонтом.

— Вы совершаете преступление! — пискляво выдавил тот, у кого трещали рёбра.

— Парализаторы — на землю! — не обращая внимания на его слова, тоном, не терпящим пререканий, скомандовал Балу. — Ви-

дите того курсанта? Его видеочип заснял всё, что тут происходило.

— Вы не подчинились приказу патрульного! Ещё раньше ваш скутер создал опасность для движения в коридоре, вы...

— Параграф семнадцатый Правил патрульной службы: «запрещено без угрозы для жизни применять парализующее оружие в отношении гражданского лица».

— Но вы же не... ой!

— Почему это — нет? Я же его подружка, не так ли? И на мне нигде сейчас не написано, что я боевой офицер, — кивнул в сторону Спенсера Балу, потом продолжил: — Наказывается дисциплинарным взысканием вплоть до исключения из патруля. Параграф восемнадцатый — запрещено использование парализатора на максимальной мощности в отношении всех лиц, за исключением случая задержания преступников, объявленных в Общепланетарный розыск Солнечной. Дисциплинарное... вплоть до ответственности по Уголовному уложению Солнечной.

— При чём тут максимальная... ай! — никак не мог успокоиться патрульный, за что и был награжден щелчком большого пальца по рёбрам.

— Курсант, проверьте! — Балу кинул взгляд на Джокарта и подмигнул.

Подмигивание было явно излишним, Джокарт и так уже понял, что от него требуется. Подобрав парализаторы и переведя их регуляторы на максимум, он протянул их штурмовику.

— Убедились?

Патрульные не рискнули оспаривать действия Джокарта в силу вполне очевидных причин.

— Параграф двадцать седьмой Правил патрульной службы, — продолжил после небольшой паузы Балу, заставив Джокарта призадуматься, — откуда ему это всё известно? — Патрульный обязан оказать любую помощь людям, оказавшимся в опасной для жизни ситуации. Как вы считаете, полёт на скутере с неисправным управлением — это достаточно опасная ситуация?

Теперь уже самый разговорчивый патрульный сигнализировал лишь яростным пыхтением. Мол, что за дела? И чья именно жизнь находится в опасности прямо сейчас?

Штурмовик пресёк и этот протест.

— Когда на ваш запрос было сообщено, что управление скутером вышло из строя, чем вы помогли нам? Облили помоями моего

друга в свой дурацкий микрофон? Кстати, параграф второй — патрульный должен быть вежлив, честен, справедлив и исполнять свой долг в соответствии с Конституцией Солнечной, не нанося при этом никакого физического либо морального вреда гражданам Солнечной, независимо от их планетарного происхождения, половых, возрастных отличий и социального статуса. К сожалению, хамство у нас не наказывается ничем... Что до остального — надеюсь, вы теперь не будете сомневаться, что управление нашего скутера действительно вышло из строя?

— Конечно не будем, — заверил его второй, до сих пор молчавший патрульный, — не будем, раз уж ваш приятель — пилот.

— Это уже хорошо. Ну так как вам ситуация?

Балу отпустил чресла несчастных и вернул им парализаторы, предварительно опустив флажки предохранителей и загнув их к корпусу так, что стрелять из них до вмешательства оружейников вряд ли кому-нибудь придётся.

— Из бывших патрульных? — опять спросил догадливый.

— Всё может быть, — флегматично ответил Балу, а Джокарт поставил себе низший балл за недогадливость по поводу очевидного.

Ну, конечно! Кто ещё может шпарить наизусть статьями Правил патрульной службы, если не бывший патрульный?

— Если так, то тогда — двадцать кредитов.

Курсант, которому раньше не доводилось сталкиваться со стражами порядка, хмыкнул. К его очередному удивлению, Спенсера и Балу очень даже устроило такое предложение.

— Учитывая сложившиеся обстоятельства, пусть будет сорок. А наш маленький, неприятный обеим сторонам инцидент не будет иметь никаких последствий.

— В участок бы тебя, — мечтательно проговорил патрульный.

— А не жалко участка? — живо, но без злобы отреагировал Балу, — нашёл, чем пугать! За мной — больше тридцати штурмов. Вот там бы тебе побывать... Кстати, — тут Балу обратился к более молодому патрульному, тому, что командовал в мегафон, — вам сколько лет? Если ещё нет двадцати трёх — милости прошу в Крепость «Австралия». Как-никак, мы уже познакомились. Вот там и потолкуем насчёт морали, вежливости и о многих других вещах...

«Мустанг» чуть-чуть повисел над поверхностью, словно патрульные раздумывали — стоит ли всё оставлять вот так? Но Балу честно скинул сорок кредитов со своей карточки на кредитки обоих

стражей, поровну. И в конечном итоге патрульный скутер умчался, оставив их на поляне втроём.

— А как же мы дальше полетим? — поинтересовался Джокарт у Спенсера. — Если ручное вообще не работает, а автоматическое... Ведь это же городской скутер, имеет только полётные маршруты для Мегаполиса.

— Никуда лететь и не нужно. Тут минут двадцать пять пешком через парк. Пройдёмся, настоящим воздухом подышим.

— Ты что, не понял? — рассмеялся Балу.

— Нет. Что я должен был понять?

— Спенсер, ты уверен, что из этого курсанта выйдет пилот? Объясни ему.

— Выйдет. Просто у него в детстве не было возможности полихачить наперегонки с патрульными. Под Плутонианским куполом не очень-то можно было разогнаться. Джокарт! Они бы нас никогда не посадили. Разве что вызвали подкрепление. Просто впереди, за этим парком озеро. Большое озеро. Я запросто мог напугать каких-нибудь взлетающих на скутерах туристов. А так — сел именно там, где и собирался с самого начала. Неважно — с патрульными на хвосте или без них.

— Вот-вот! — поддакнул Балу, — они, туристы, не виноваты, что к ним на Землю прибыл гроза флота Бессмертных пилот Спенсер Янг Ли собственной персоной. С нерастраченной в боях энергией и шилом в заднице, что не позволяет спокойно пройти рядом патрульного скутера. Лучше нам в следующий раз поехать на экспрессе! — сделал из сказанного неожиданный вывод Балу.

— Ты это уже говорил. Пять месяцев назад, помнишь? Когда мы ввосьмером собрались на барбекю на берегу Лох-Несса.

— Ага, и мой курсант подстрелил какую-то тварь, что собиралась выползти на берег. Померещилось ему, видите ли...

— После настойки, что готовит Мигун, ещё не то померещится...

Так, переговариваясь и обсуждая прошлые похождения, оба офицера и Джокарт прошли через весь парк, где кроме них не оказалось ни одного другого посетителя. И с вершины высокого холма открылся вид на огромный водоём, со всех сторон окруженный горами.

— Мы находимся на возвышенности, справа — Высокие Альпы, слева — горы, которые тоже когда-то были достаточно высокими, но потом там стали что-то разрабатывать, и гор не стало. Над озером вечно клубятся облака, поэтому его и не было видно в полёте. Нравится? Сейчас, ещё немножко, и часа два поваляемся на пляже...

— Я без плавок, — признался Джокарт.

— Не переживай, на Земле опять мода вернулась — загорать голышом. К тому же мы всё равно идём на один малоистоптанный пляж, и...

Выйти на дикий пляж не получилось. Прямо перед ними выросло невидимое с вершины холма ограждение с предупредительными табличками «Собственность Женевского муниципалитета. Доступ запрещён», после чего было проставлено несколько жирных восклицательных знаков. Зато теперь стал заметен аккуратный замок с островерхими башнями, рядом с которым ютилось несколько живописных домиков, увитых плющом.

— Шале, так здесь дома называют, — пояснил Балу. А Спенсер задумался.

— Ничего не понимаю! Ещё год назад здесь был свободный доступ к озеру. Сюда даже горожане добирались. Для воскресных пикников тут самое место. Теперь вот — таблички какие-то понатыканы.

Спенсер потрогал металлическую нить ограждения, и тут же ожил скрытый в столбике динамик.

— Ближайшие общественные пляжи — в пяти километрах слева. Просим не нарушать границ владения. Вся территория охраняется опасными животными. Повторяю...

Голос звучал в записи и не содержал никаких эмоций, но Джокарт сразу почувствовал неприязнь к его владельцу.

— Это же ненормально! — высказался он, уже примериваясь, как бы получше преодолеть препятствие. — Представляю, сколько народа привыкло сюда ходить. А потом нашелся какой-то му-ници-па-ли-тет, — непривычное слово путалось на языке, — и осчастливил своих же горожан.

— Муниципалитет, то есть управление города, не Мегаполиса, это человек двадцать собственно управителей плюс необходимый персонал — ещё сотня чиновников, — назидательно разъяснял Спенсер, — для Мегаполиса к этим цифрам можно дорисовывать по нолику. Но где ты видишь жильё для ста двадцати человек? Нет, это владения хаймена, которому понравился тихий, уединенный пляж. Замок — для его семьи, шале — для прислуги. Хороший вкус у владельца, ничего не скажешь.

— Почему же на таблице указано — собственность муниципалитета?

— Скорее всего, хаймен — женевский мэр. И так и так город в его распоряжении. Почему же не воспользоваться правами и возможностями должности, не обременяя себя лично расходами на

содержание участка? Уверен, это не единственный замок одного и того же владельца. Но тут ничего удивительного, сейчас на Земле общественных, «ничьих» пляжей почти нигде не осталось. Везде ограждения, таблички...

— Ну а как же людям отдыхать? Я имею в виду — обычным людям, не управителям?

— Проходишь на пляж, владелец которого не выставляет запрета на посещение, платишь сколько-то кредитов и отдыхаешь.

— И так — везде?

— Наверное. Не знаю. На Лох-Нессе точно всё застолбили, только платные пляжи остались... Здесь вот — тоже.

Балу присел на корточки и вытянул руки, положив ладонь на ладонь.

— Времени и так нет. Не умрёт местный хозяин, если мы час поплещемся на его пляже.

— Думаешь? — Спенсер недоверчиво покосился на табличку. — Не хочется с этим связываться... Общественный порядок, патрули и всё такое — это одно, а вот потоптать травку местного хаймена — совсем другое. Тут, на Земле, своя жизнь. Мы просто отвыкли от неё, Балу. За ограждением — охрана. Животные какие-то...

— Разве это ограждение? Да и дворец какой-то недоделанный...

Вблизи, из-за проволоки, действительно было видно, что замок ещё не достроен, центральная часть с парадным входом только наполовину облицована мрамором, а вот пристройки находятся в зачаточном состоянии — готов был только каркас для пенобетона. Дорожки только кое-где покрыты плиткой, а в глубине участка виднелись сложенные штабелями доски и камни, видимо, для отделки двора и установления настоящего забора.

— Я думаю, охранять по-настоящему это место начнут, когда вселится владелец или когда всё будет готово к проживанию. Тогда и животных запустят. Разных: четвероногих и двуногих, с клыками и парализаторами. Так что на пляж выйдем здесь, а потом, когда искупаемся, пройдём вдоль берега до платных пляжей. Скутер-то нам всё равно где-нибудь нужно взять?

Спенсер продолжал колебаться. Джокарт, если честно, тоже не испытывал уверенности, что всё обойдётся без неприятностей. Как выяснилось позже — абсолютно не зря. Только Балу продолжал настаивать на своей затее.

Ни в домиках, ни в замке я не наблюдаю никакого движения. Тут сейчас, скорее всего, вообще никого нет. Ну в крайнем случае, если что, животных я беру на себя. Пошли?

Спенсер посмотрел сначала на Балу, потом на Джокарта. А после, раз уж именно он притащил сюда всю компанию, кивнул.

— Давай.

Штурмовик перекинул их через ограждение, словно кули с птичьим пухом, настолько малыми были его усилия. А потом сам, едва ли не одновременно с Джокартом, которого он подкинул ладонями вторым, приземлился на ноги по другую сторону ограждения.

— Всё. Идём не останавливаясь. Тут пройти — двести метров. Вот там, левее, кустарник над водой. Нас не будет видно. Раз уж собрались, значит — поплаваем. Эх, надо было таблички посрывать, чтобы если что — знать не знали, куда попали. Шли, шли и пришли...

— Тогда, может быть, вернёшься? Таблички и сорванное ограждение — это хорошо. А то мало ли...

Спенсер, хоть и согласился, явно был не в восторге от вторжения на территорию могущественного хозяина.

— Понимаешь, — оправдывался он перед штурмовиком, — даже в бою можно и нужно чего-то бояться. Особенно того, что тебе неизвестно. Вот спустят на нас свору волкодавов, и что тогда? Не одну-две шавки, а двадцать-тридцать псов, что порвут на части и ещё заслужат за это благодарность. В виде наших костей. Что тогда будем делать?

— Уплывём. — уверенно ответил Балу, — С любым псом на воде человек справится даже без подготовки. И вообще, было когда-то время, что охотник в одиночку разрывал пасть матёрому волку. В нас, в пехотинцах, эти способности разбужены модификаторами, и если будут волкодавы — получат по самое не хочу...

Первым уловил какое-то движение метрах в ста от тропинки Джокарт.

— Балу, справа!

До воды оставалось каких-то тридцать метров, но это не могло им помочь.

— Вижу. Замрите! Сволочь!

Наверное, так штурмовик вёл общение в бою. Кратко и содержательно. Одновременно обо всём, и в то же время — с лаконичной конкретикой.

«Вижу» — информацию принял, подтверждения не требуется. «Замрите!» — команда Джокарту и Спенсеру, причем это был приказ замереть в той же позе, мгновенно, как в давно забытой игре из детства: «космос волнуется раз, космос волнуется два, космос

волнуется три, земная фигура — замри!» Ну а «Сволочь!» — крайне мягкое выражение своего отношения к владельцу участка. Потому что нельзя доверять таким опасным животным охоту на людей. Никак нельзя. И уж тем более глупо называть их животными.

Если оторопел даже штурмовик, увидев, какого охранника содержали на когда-то общественном пляже, то что говорить про Спенсера и уж тем более Джокарта.

— Сволочи! — обобщив, наверное, всех хайменов, повторил Спенсер. А Джокарт, не отрывая взгляда, смотрел на...

Он был без броневых колец. Слабое утешение для тех, кто должен стать его жертвами. Потому что отсутствие их не делало червя менее опасным. Любой человек, каким-то образом, нарочно или случайно попавший на запретную территорию, был обречен.

Ню-кевларовое покрытие, названное так из-за обтягивающей голый торс собственной защиты, блестело на солнце. Значит, боевым лазером, являющимся табельным оружием и крепящимся ко внешней броне, червь воспользоваться не мог. К сожалению, это не лишало его возможности использовать всё остальное.

Как только Джокарт со Спенсером, да и Балу, в первую секунду, замерли, червь тоже остановил движение. Его пятиметровая туша походила сейчас на оживший обрубок большой гофрированной трубы. Потом у этого обрубка появилась пластика, и он стал бесшумно вытягиваться, опадая в диаметре. Джокарт не успел досчитать и до трёх, как червь стал почти десятиметровым.

— Что бы ни произошло, оставайтесь неподвижными, — шепотом, почти одними губами, проговорил Балу, — если из него как-то сделали охранника, он не должен атаковать тех, кто...

Надежды штурмовика на появление человеческой охраны не сбылись, и договорить он не успел — червь рывком вытянулся ещё больше — до максимальной длины и приподнялся над травой, опираясь на две крайние точки тела.

— Пора! — отдал сам себе приказ Балу и прыгнул к воде, перекрывая сразу четверть расстояния.

С грацией ртутной капли червь собрался в половину длины, а потом опять вытянулся, будто перетёк из широкого сосуда в узкий. И теперь летел наперерез пехотинцу, прямой, как стрела.

«От нас до Бессмертного — примерно сотня метров. До воды — около тридцати. Червь выбрал направление к точке у береговой черты, квадрат гипотенузы равен... — мозг Джокарта в бешеном темпе производил вычисления, — значит, он выбрал прямую

длинной почти в сто четыре метра. Балу, даже используя преимущество первого старта, не может опередить червя, и их «встреча» могла состояться даже тогда, когда Балу преодолеет только двадцать метров. Или червь выбрал траекторию с запасом, или...»

У курсантов, начиная со второго курса, была такая игра: инструктор запускал шар по площадке для пинбола, где имелись ускоряющие и замедляющие движение устройства и многочисленные (количество их увеличивалось от занятия к занятию) преграды. Нужно было вычислить траекторию шара, учитывая все имеющиеся преграды, угол столкновения шара с ними, перемену дальнейшей скорости, и определить конечную точку, в которой шар прекратит движение. Эти вычисления приходилось производить в уме до того, разумеется, как шар пройдёт весь путь. И такой пинбол давался нелегко. Но уже к третьему курсу Джокарт, да и многие другие, были способны установить точное время и место остановки шара где-то на половине пути после его запуска. Необходимое в бою, сверхчеловеческое умение, достигнутое упражнениями, позволяло курсантам спорить в скорости проведения таких расчётов даже с навигационными вычислителями. И потенциал человеческого мозга, оперирующего у обычных людей тремя-четырмя процентами для обработки информации, возрастал у пилотов почти до десяти процентов. Естественно, не без помощи модификаторов.

Поэтому для Джокарта произвести расчёт движения Бессмертного и Балу было сейчас простой задачей. Но так как исходом получения любых данных должен становиться, как учили, анализ этих данных, его мысль на цифрах не остановилась.

— Почему червь, имеющий ещё более развитые к вычислению способности, выбрал большее, чем ему необходимо, расстояние? — о судьбе Балу Джокарт не думал. Он даже не успел заметить, как запретил себе об этом думать. — Для чего ему нужен запас? Неужели?... — Молния мысли стала ещё быстрее, ещё ярче, пока не переросла в догадку. — Балу! Вода! Он не пускает тебя...

Если на расчёты Джокарту потребовалась одна-две секунды, то на подсказку офицеру ушло почти три. И последнее слово прозвучало уже после того, как всё произошло.

— ...к воде! — Балу подпрыгивает, нарушая физику движения и чуть-чуть законы тяготения, что отметил Джокарт, и зависает перед самым червём, который его уже дожидался у кромки воды.

Зависает на лишнюю долю секунды. И это спасает ему жизнь.

Бессмертный тут же вздрагивает, но страшный гравитационный удар, генерируемый одной оконечностью тела, удар, которым червь

способен сминать броню «Шарка», не говоря уже об СВЗ и вообще не вспоминая про человеческое тело, — этот удар приходится на пустоту и пропадает в ней же. Потому что там, где должен был оказаться Балу, его не оказалось. Он находился сантиметром выше предполагаемой червём точки в момент нанесения им гравитационного удара.

Поскольку радиус гравитационного поля, генерируемого червём, невелик — всего несколько сантиметров, и его напряженность, а также мощность зависят от направленности удара, и неравномерны внутри этого радиуса, Балу попадает в зону возмущения, образованную внезапным изменением гравитационного поля. Его ступни неожиданно взлетают вверх, слышен хруст позвоночника, который у обычного человека оказался бы переломан таким рывком. А сам Балу, дернувшись, словно кукла-марионетка, у которой кукловод решил поменять местами голову и ноги, флюгером улетел в озеро.

Разгадки тому фокусу, что проделал штурмовик, не существует. Но уже давно было установлено, что некоторые атлеты-прыгуны или игроки-баскетболисты зависают в воздухе дольше, чем это допускает их масса, помноженная на силу толчка. Так же, как не у всех пилотов активируется «Глаз Орла» — способность принимать верные решения, у штурмовиков дар нарушать законы физики встречается на двадцать человек только у одного. И речь при этом идёт чуть ли не о метафизическом свойстве молекул тела изменять движение с хаотичного на упорядоченное под воздействием волевого импульса.

Простая задача — легко представить два абсолютно идентичных вольера, по сотне попугаев в каждом. В одном вольере попугаи сидят на жердочках, а во втором — одновременно взлетели. Одинаков ли окажется вес этих вольеров?

У штурмовиков это называлось «эффектом Ариэля».

Однако Балу обладал не только набором эффектов, но и невероятно прочным скелетом.

Джокарт, вздрогнув при звуке хрустящих костей пехотинца, и не надеялся, что Балу, упавший в озеро, когда-нибудь вынырнет на поверхность.

Но он вынырнул. И сразу же рванулся к берегу. Судя по его шумному, с присвистом дыханию, пехотинцу пришлось нелегко. Червь, распластавшийся у береговой черты, — но не пересекая её! — тут же оживился.

— Спен-сер! Маят-ник! — с каждым быстрым гребком выкидывал слоги Балу.

Пилот, словно получив зашифрованное послание, тут же побежал к червю.

— Быстрее! На пять шагов сзади меня! — отдал он, в свою очередь, команду Джокарту.

Когда до червя осталось пять метров (для Джокарта — примерно десять), и Бессмертный, отреагировав на новую цель, изогнулся, вновь собираясь для броска и для удара, Спенсер рухнул на землю, разбивая в кровь локти и колени. Но едва червь был готов вбить пилота в каменистую прибрежную почву, из воды выпрыгнул Балу. Бессмертный отреагировал и на это движение, перекрутившись вокруг своей оси.

— Теперь — я! — неожиданно ясно осознал план офицеров Джокарт и ринулся вперёд, перепрыгнув через лежащего Спенсера.

Червь реагирует снова. Джокарт, оттолкнувшись, прыгает вперёд и вверх. В это время Спенсер берёт низкий старт, кидаясь головой прямо в тушу врага, а Балу, с криком «Коррида!» обхватывает ту его оконечность, которая отработала запас для удара.

«Что дальше?» — с замиранием сердца успел подумать Джокарт, и тогда происходит невероятное.

Червь, вместо того чтоб ударить Балу или Спенсера — на выбор, любого из них, пытается достать Джокарта.

Он почувствовал, как по пяткам бьёт железная ладонь, и взвился ещё выше, изогнувшись назад. Потому что Балу успевает изо всех сил (а у Ферзя сил много, много больше, чем у пешки!) дернуть червя на себя, и тот снова промахивается, но уже существенней.

Очнулся Джокарт оттого, что ему брызгали на лицо водой, а после хлопали по щекам.

— Живой? — над ним стоял Балу, он и лил из ладоней воду.

Спенсер уложил голову курсанта себе на колени и ритмично, от всей души, хлестал по лицу.

— Где?.. — спросил Джокарт, и даже небольшое усилие, чтоб вытолкнуть из груди воздух для одного-единственного слова, тут же отозвалось болью в голове.

— Вот. Пошёл поплавать — поняв его мысли, кивнул в сторону озера Балу, тоже опускаясь рядом на колени, чтобы расстегнуть на груди курсанта комбинезон, облегчая Джокарту дыхание.

Курсант попытался скосить глаза, но ничего увидеть не смог, потому что его подхватил водоворот головокружения.

И опять Балу пришлось брызгать водой, а Спенсеру — хлопать его по щекам, правда намного слабее, чтобы привести его в чувство.

— Что... со мной? — снова открыл глаза Джокарт.

— Ты спикировал с неба на землю, как и полагается бравому пилоту. Покинул, так сказать, небеса, метров с пяти... Успел выставить руки, так что тебе удалось избежать фатального вывиха шеи... Но посадка всё равно вышла жёсткой, — перечислял подробности Спенсер, — поэтому ни шасси, ни гироскопы у тебя временно не функционируют.

— Ты сломал нос и, скорее всего, руку, — Балу был краток, — ещё у тебя сотрясение мозга. У меня что-то с ногой, а Спенсер боднул червя до шишки на голове. Так что дешево отделались, — подвёл он итог.

— А... червь? — дышать стало легче, но теперь пришло много боли.

Тупая — в области носа, и острая, нарастающая — в правой руке.

— Червь растерялся. Меня и Спенсера он ударить не мог, потому что неминуемо пострадал бы сам. Это у них что-то вроде инстинкта самосохранения: скорпион, который никогда себя не ужалит. Пока он выбирал тебя в качестве жертвы — кстати, молодец, сориентировался! — я сбил ему прицел. Так что ты остался жив. Потом мы спихнули его в воду... Хочешь посмотреть?

У Джокарта появилось желание — сильнее боли, сильнее тошнотворного головокружения — увидеть поверженного врага. Ему хотелось кричать об этом. Вскочить и бесконечно долго пинать Бессмертного, чьё состояние оказалось диаметрально противоположно названию его расы. Но он смог лишь кивнуть, одновременно опуская веки.

— Давай-ка, осторожнее... — Балу взял его на руки и держал теперь, как держат грудных младенцев, а после развернулся в сторону озера.

Там, почти у самого берега, в каких-нибудь трёх-четырёх метрах, где глубина была небольшой, лениво колыхалась на мелкой озерной волне пятиметровая тварь. Рядом с ней, кверху брюхом, в такт волнам качалось несколько рыбёшек. Ещё две рыбины покрупнее всплыли поодаль.

— Электрический удар. Мы помогли ему сделать харакири, — пояснил Спенсер, отряхивая с себя тину и липкий ил.

— Успели выскочить. Повезло. — Балу не был столько же жизнерадостен и сплёвывал кровавую слюну. — Нам всем сегодня повезло. Потому что у этого червя втрое снижена реакция и существенно уменьшены энергетические возможности. Видимо, держали на голодном пайке и что-то сотворили с его органическими генераторами.

— Значит, мы дрались с кастрированным штурмовиком? — не ожидая ответа, спросил Спенсер.

— Почти. Если бы этот червь пользовался всеми своими способностями в полной мере, от нас троих и мокрого места бы не осталось.

Потом, неожиданно для Джокарта, который даже вскрикнул, Балу освободил одну руку, перехватив тело курсанта другой, и отдал воинский салют поверженному врагу.

— Почему? — не веря своим глазам спросил Джокарт.

— Потому что он солдат. Он сражался и погиб в бою, — коротко ответил офицер, вновь принимая Джокарта в обе руки.

И на несколько минут все замолчали, слушая, как музыкально плещется вода о тело мёртвого червя.

— Ну вот и искупались, — попытался пошутить Спенсер, но его слова ни у кого улыбки не вызвали.

Джокарт наотрез отказался от того, чтоб его несли на руках. Тем более он заметил, что Балу уверенно ступает только на одну ногу. Вторую он подволакивал, сильно хромая, стараясь наступать только на носок. Но так как головокружение и тошнота Джокарта не проходили, офицерам пришлось поддерживать его с обеих сторон.

Шатаясь и раскачиваясь, словно пьяные, они прошли вдоль берега около пятисот метров. Легче всего приходилось Спенсеру, который хоть и разбил колени, мог идти быстро. И Балу, ощущая свою и Джокарта ущербность, предложил пилоту самому пробежать пять километров до зоны общественных пляжей, чтобы, раздобыв скутер, вернуться за ними.

Спенсер долго не раздумывал. Похоже, он и сам собирался сделать такое же предложение, но боялся, что это будет воспринято как слабость духа. И теперь быстро, словно спринтер, молотил подошвами воду, удаляясь от осевших на берегу Джокарта и Балу.

— А вдруг здесь другие черви есть? — похолодев от собственной догадки, спросил Джокарт, к которому вернулась способность связно мыслить и разговаривать.

— Вряд ли. Слишком дорогое удовольствие. Если бы здесь был второй червь, он бы себя уже проявил. И мы превратились бы в покойников. Но одного на такую небольшую территорию, видимо, оказалось достаточно. Он один мог перебить хоть сотню человек. Если они, конечно, не оказались бы офицерами или курсантами Крепости «Австралия»! — Балу ободряюще взъерошил волосы на голове Джокарта. — Кстати, ты ведь первый заметил, что червь не подпускает меня к воде. И именно твой окрик надоумил — что мож-

но попытаться сделать. Вода — никудышный диэлектрик, и электрический удар червь попытался нанести, так сказать, в пылу схватки. Потерял голову, короче.

«Черви не любят воду. Означает ли это, что на их „родных" планетах мало воды? — призадумался над словами штурмовика Джокарт. — Допустим, для человека водная стихия тоже является враждебной. Но без воды мы не проживём. Если представить себе планету, лишенную водоёмов, будет ли суша обязательно пустыней? Нет, не то... Моря и реки можно спрятать, одеть в панцирь... Но тогда — нарушится баланс и обмен воздушных масс атмосферы... Значит, перекрыть все водоёмы — будь то технически возможно, — глупая затея. И пусть у Бессмертных сильно развиты электрические органы, вода — не помеха, потому что они наверняка приобрели в ходе эволюции защитные механизмы...»

Какой-то важный вывод вот-вот должен был родиться в ходе его рассуждений, но Джокарту помешали.

Коротко фыркнув, из-за тех самых кустов, где они собирались искупаться, показалось два водоцикла. Высокие водные струи уже опали за их кормой, когда водоциклы приблизились к месту, где сидели офицер с курсантом.

— Кто такие? — резко, не терпящим возражений тоном поинтересовался один из подплывших. Второй достал парализатор и направил на берег.

— А ты кто такой? — Балу тоже было не занимать резкости.

— Оставайся на месте! — теперь уже заговорил второй.

Они оба были одеты в обтягивающие чёрные комбинезоны ныряльщиков. Под эластичной тканью просматривался рельеф мышц, не хуже, чем у Балу. У обоих, помимо парализаторов, на поясах висели «Клинчи».

— Вот. Ещё одни опасные животные, — замер, оценивая очередную неприятную ситуацию Джокарт.

— Я-то на месте останусь, только имей в виду, что сейчас ты разговариваешь с майором штурмовой пехоты, который таких, как ты, сосунков, съедает по три на завтрак. Понял, ублюдок?

И, не дав охраннику открыть рот, Балу продолжил, переходя даже не на крик, а на какой-то утробный рёв.

— Совсем свихнулись? Какая скотина придумала людей Бессмертными травить?! А? Видишь, как он нас покалечил? У меня — ноги переломаны, у него — руки... — Балу дернул головой в сторону Джокарта, а сам облокотился о землю и сделал вид, что собирается

ползти к охранникам. — И кто-то за это ответит, потому что в следующий раз я приведу с собой несколько человек из офицерской группы, угадайте — что тут может случиться? Что уставились? — сыпал словами Балу. — Думали, приручили червя, и можно спокойно пузо пивом заливать? Почему, я спрашиваю, нас никто не встретил и не разъяснил ситуацию?

Охранники, замешкавшиеся в первое мгновение, уже приобрели прежние наглые выражения на лицах и подогнали водоциклы к самому берегу.

— Майор, значит... Тем хуже для тебя, — нехорошим, масляным голосом сказал один из них, возвратив парализатор в кобуру и взяв вместо него «Клинч». — Знал я одного майора, такого же крутого, как ты. Достал он меня как-то, и я ему башку проломил. Доходит? А то, что из Крепости — твои проблемы. Сидел бы там и не рыпался на Землю. Делай, что прикажут, подыхай, когда прикажут... Правильно, майор?

Второй охранник попробовал его остановить, взяв за руку.

— Ну чего ты... Видишь, ноги перебиты... Забудь про свою службу.

— Отстань! Чего сопли распускаешь? Может, нам ещё извиниться нужно? За то, что он без спроса припёрся... Почтил, так сказать, высоким визитом? Червяка прихлопнул, а теперь орёт на меня, будто на своих новобранцев? Хозяин с нас три шкуры за зверя спустит! Я этого майора сейчас с дерьмом смешаю!

Одним движением первый охранник, он был повыше и мускулистей другого — видимо, действительно имел отношение к штурмовой пехоте, — спрыгнул с водоцикла и влепил ногой прямо в лицо офицеру.

— Ага! Что же ты не дерёшься? Пару человек офицерской группы! — передразнил он Балу. — А сам не можешь? Ножки болят? На! — И он ударил ещё раз, снова в лицо ногой.

— Оставь! — Джокарт попытался вцепиться охраннику в ногу, но получил зубодробительный удар в челюсть, рухнув рядом с обливающимся кровью Балу.

«Почему он не встаёт?» — мелькнула мысль.

— Не вмешивайся, курсант. У них оружие. Придётся потерпеть, — быстро шепнул офицер, и Джокарт понял, что не только охранника-Бессмертного не досчитается сегодня владелец замка.

— Ах ты, сволочь! Пользуешься тем, что я встать не могу? — Балу выплюнул кровавый сгусток и подтянулся на руках, попытавшись схватить ногу охранника.

Понятное дело, ему это не удалось, и верзила, который из двоих охранников был за старшего, принялся наносить удар за ударом — целя в голову и по рёбрам.

Балу, насколько мог успешно, прикрывался руками, стараясь увернуться от ударов. Но его попытки приводили охранника в ещё большее остервенение.

— На! Получи, тварь крепостная! Видел ограждение? Читал, что написано было? Да ты знаешь, на чью территорию ты пробрался?

— Хватит! — снова рискнул вмешаться второй.

— Не лезь! А то и ты получишь! Вызывай ребят, отволочем их в подвал, если живы останутся — что-то я сегодня в ударе и давно уже так не веселился... Пусть хозяин тогда сам разбирается. А сдохнут — с каждым новым ударом Балу трепыхался всё слабее и слабее, — скажем, что червь успел потрепать. Ну?

Второй охранник отвернулся в сторону, чтобы не видеть картину избиения, и поднёс к лицу руку с браслетом коммуникатора.

Этого момента и дожидался штурмовик!

— На! — в очередной раз выкрикнул старший охранник.

Но его нога в высоком ботинке прошла сквозь пустое место. Уверившись в беспомощности жертвы, он не успел даже изобразить на лице удивление, когда Балу отточенным движением, встав на одно колено, нанёс ему резкий удар растопыренной кистью в пах. Охранник не издал ещё ни звука, когда пальцы Балу сомкнулись на его причинном месте в железной хватке, а после штурмовик дёрнул руку на себя.

Вот теперь он закричал, и крик его оказался неожиданно тонким, похожим на фальшивую ноту, взятую трубачом. Второй охранник, не успев отреагировать, был оглушен ударом, который Балу нанёс в прыжке, и свалился в воду, так и не успев ничего сделать.

Старшему, насколько понимал Джокарт, уже ничто не могло помочь. Он бился в агонии, прижимая руки к каким-то лохмотьям, свисающим промеж ног. Рывок у Балу вышел на славу! И вместе с плотью он оторвал большой лоскут прочной, предназначенной для защиты от острых камней ткани.

Второго охранника штурмовик вытащил за шиворот, когда тот, выронив парализатор, уже собирался опуститься на дно.

Охранник успел наглотаться воды и теперь висел в руках офицера, будто тряпка, натужно откашливаясь, не помышляя ни о каком сопротивлении.

Сорвав с его пояса пистолет и зашвырнув подальше в озеро, Балу отвёл для удара правую руку, нацелив кулак прямо в переносицу охраннику.

Сейчас он вобьёт ему кости прямо в мозг, подумал Джокарт, всё это время остававшийся безучастным зрителем.

Но в самый последний момент, когда у полузахлебнувшегося охранника во взгляде мелькнуло прощание с жизнью, Балу остановил удар, сделав вместо него громкий шелбан в лоб. Охранник, чьё сознание отреагировало весьма своеобразно, рухнул, как подкошенный, закатив глаза, словно офицер и в самом деле отправил его на тот свет.

— Это тебе за понимание ситуации и недоразвитую кровожадность! — прокомментировал его падение Балу, а после, словно его и не колотили целую вечность ногами по голове, зачерпнул воды и сполоснул лицо, выполоскав и рот.

— Я думал, зубы выбьет, — кивнул в сторону уже застывшего старшего охранника, — забыл, понимаешь, что они у меня все искусственные, из сверхпрочного сплава, и насажены на титановые штыри...

Ещё через несколько минут над местом побоища завис скутер, И Спенсер высказался в своей манере по поводу увиденного.

— Это, наверное, детёныши того червя. Удивительно, как они на людей похожи! Не мог их просто утопить, майор? Зачем было издеваться?

— Давай сматываться отсюда, пилот. Похоже, у червя тут осталось ещё много детёнышей...

— Принято, ком. А ты уверен, что второго стоит оставлять в живых?

— Не уверен. Но для меня это уже будет перебор. Хочешь — сам попробуй.

— Тогда придётся брать с собой.

— Чтобы он по дороге очнулся, и... — вставил реплику Джокарт, у которого перед глазами всё ещё стояла картина избиения Балу, а в ушах звучала фраза «знаешь, на чью территорию пробрался?»

— Ничего он не сделает. Я присмотрю. — перебивая курсанта, согласился со Спенсером штурмовик. — Мысль стоящая. Если не хотим убивать, значит, сделаем так, чтоб он не смог рассказать про всё... Похоже, нам ничего не светит, если местный хозяин захочет отомстить за своего любимого зверя.

Такое событие не могло не омрачить последний день пребывания на Земле.

Очухавшегося охранника Балу сдал такому же, как он сам, майору Средиземноморского отряда. Наверное, старый товарищ,

решил Джокарт и был сильно удивлён, узнав в последствии, что два майора встретились первый раз в жизни.

Охранник не сопротивлялся, не пытался качать права, может быть оттого, что понимал — Балу ничего не стоило отправить и его на тот свет, вслед за старшим охранником. «Адреналиновый всплеск» в организме пехотинца — вещь упрямая, дурная. Мало чья воля ей противостоять может. Однако же вот — Балу как-то сдержался.

— Червь, говоришь, — услышал самое окончание беседы курсант. — Настаивать на официальном разбирательстве будешь?

— А надо? Охранник был вооружен, драку начал первым, хотя я ему и успел представиться.

— Значит, не убедил...

— Такого убедишь. Он сам, похоже, какое-то отношение к пехоте имел. Решил выместить на мне все свои обиды на службу. Дустом вы их тут травите, что ли?

— Что насчёт проникновения на частную территорию? — игнорировал восклицание Балу другой майор.

— Ничего. Было такое. Только, думаю, хаймену огласка истории тоже ни к чему. Червь-охранник... Как-то это чересчур.

— Им виднее... Ладно, замнём как-нибудь.

Только не забудьте с уцелевшего охранника ментограмму снять, чтоб потом всё с ног на голову не перевернулось.

— Уже делается. Как там служба?

Спенсер, находившийся рядом с Джокартом, до сих пор увлеченно ковырял носком асфальтовую крошку, попавшую под ногу. Заметив, что Джокарт прислушивается к разговору штурмовиков, он прекратил своё занятие и отвёл курсанта в сторону.

— Это их дело. Сами разберутся. Как твоя голова? Ещё кружится?

Потом, когда делать на Земле им осталось решительно нечего, и даже задуманный поход в какой-то известный Спенсеру мегаресторан был отменен из-за гадкого, после всего случившегося, настроения, офицеры и курсант направились к Лунному причалу.

За окном экспресса побежали кварталы.

— А это что? Красиво...

Джокарт увидел башню с теряющимся в облаках шпилем, которая со всех сторон была украшена потоками воды. Именно украшена, потому что эти потоки не падали к её основанию. Нет. Они рвались от земли к небу, волнами опоясывая каждую складку башни.

— Храм Единения Веры, — сказал Спенсер, пока экспресс обходил башню по широкой дуге, готовясь нырнуть под землю и уже в туннеле набрать скорость. — Здесь когда-то и были похоронены все земные религии. Теперь внутри музей. В следующий раз, как попадёшь на Землю, сходи обязательно, — посоветовал он Джокарту, — сможешь узнать много интересного.

— Ну да, — вступил в разговор Балу, — узнаешь, сколько из-за этих самых божеств крови на земле пролилось. Бессмертные покажутся просто средней руки бандитами.

А потом экспресс всё-таки нырнул в темноту, чтобы показаться на поверхности уже у экватора.

Лунный причал. Скольжение вдоль энергетического луча, которого, как вспоминал Джокарт, так не хватило ему при вымышленном старте с гибнущей планеты. Потом были авизо, вход в приливную точку, метаморфирующий туман ослепшего обзорного экрана. И, наконец, — Крепость.

— А вот ещё одна достопримечательность Солнечной! — Спенсер словно оживал при виде «Австралии», ставшей ему вторым домом.

Во время первого прибытия в Крепость Джокарт, тогда ещё пребывавший во власти темной депрессии, как-то не обратил внимания на особую красоту Крепости.

Ну, шар. Вернее — сфероид, чуть сплющенный к полюсам. Ну, огромный. Чёрный, покрытый бисером пульсирующих огней...

Покидая впервые за три года искусственный мир Крепости, Джокарт увлёкся разговором с пилотом и штурмовиком, поэтому тоже не оценил грандиозности этого рукотворного чуда. А вот сейчас, при возвращении...

От места выхода из прилива и до причальных коридоров «Австралии» скоростной авизо должен был идти около двух часов, если на четверти мощности разгонного движка. Пилот судна, знавший, кого он перевозит, врубил половинную. И то лишь потому, что полётными правилами запрещалась навигация с большей скоростью вблизи Крепости. За исключением, разумеется, экстренных случаев.

Даже на эту короткую дистанцию они получили эскорт: два дежурных истребителя выросли по бокам словно из ниоткуда. И теперь должны были сопровождать пассажирский кораблик до зоны финиширов, защищенных мощными полями и батареей мониторов дальнего действия.

Глядя, как ровно, будто связанные с авизо и между собой невидимой нитью, держат строй «Зигзаги» эскорта, Джокарт почувствовал укол ревности.

И я! И я так скоро смогу!

Крепость, имеющая и без того немалые угловые размеры, если наблюдать её при выходе из Прилива, теперь становилась всё больше и больше, занимая всю переднюю сферу обзора. Её чёрный сплющенный корпус казался отсюда тёмным провалом. Капа Струны — ближайшее светило, расточало вокруг себя сонмы фотонов света. Но ни один отблеск не появлялся на корпусе, имеющем практически нулевое отражение.

Потом стали заметны несколько более светлых линий, опоясывающих Крепость как по меридиональным, так и по широтным направлениям: стартовые коридоры, откуда во все стороны могли стартовать корабли флота «Австралии» — истребители, крейсера и вспомогательные суда. Восемь линкоров, которые, объединившись в один строй, составили бы половину размеров Крепости, и ещё два больших транспорта — десантный и эвакуационный, висели на собственных орбитах. Большие транспорты не использовались за всё время существования Крепости ни разу. При этом про эвакуационный транспорт, предназначенный для приёма на борт всего персонала Крепости (около трёхсот тысяч человек), можно было сказать — к счастью, не использовался. А вот про Большой десантный транспорт — наоборот, к сожалению. Потому что корпус штурмовой пехоты не имел пока цели, достойной такого штурма. На частные операции штурмовики отправлялись средними, а чаще — малыми транспортами, вызываемыми в случае надобности с Юпитерианской транспортной базы. Ещё, насколько знал Джокарт, рядом с приливной точкой находился законсервированный, прикрытый всевозможными полями искажений — оптических и гравитационных — прерыватель блокады «Кирасир». Древний, переделанный из состоявшего когда-то на вооружении Солнечной супердредноута, прерыватель блокады был, по сути, тем же эвакуационным транспортом. Но уже рассчитанным на самый крайний случай, если проход через приливную точку окажется невозможным, и вся защита Крепости будет уничтоженной. Тогда «Кирасир» — один! без прикрытия! — должен уходить к следующей точке прилива, находящейся в двух световых днях от «Австралии» и ведущей к Солнечной.

Это чудовище, как говорили, могло выдержать несколько часов непрерывной бомбардировки его поверхности, но даже при этом не

потерять возможность огрызаться и упрямо переть сквозь строй да хоть бы и линкоров Бессмертных.

Джокарт не верил в такие россказни. Спенсер, когда курсант спросил его об этом, тоже высказался скептически.

— Если всё было бы именно так, к чему остальные старания? Пять-шесть «Кирасиров», забитые под завязку гравитационными и плазменными генераторами, сами могли бы противостоять местному флоту Бессмертных. И гнать его до места нахождения тайной приливной точки, а то и дальше... Когда это были боевые корабли — супердредноуты, так почему то не случилось. Солнечная потеряла тридцать лет назад сразу четыре супера. А с ними — два миллиона обслуживающего персонала. Масштабы, Джокарт, масштабы! Их использование — жест отчаяния. Без линкоров, крейсеров, или истребителей, прерыватели — просто огромные неповоротливые медведи, пускай и с толстыми шкурами, которых можно обложить со всех сторон сворой бигтерьеров. Видел в зоопарке бигтерьера? Сжатие челюстей — почти тридцать атмосфер!

Джокарт успел побывать в зоопарке, но побродив немного среди силовых вольеров с животными очень быстро покинул это место. Люди, запертые по необходимости в Крепостях, — это одно. А вот животные...

— А если всё же взять пять-шесть «Кирасиров» и придать им весь крепостной флот. Тогда как?

— И кто останется прикрывать приливную точку? Враг — далеко не дурак. Все погибшие супердредноуты сначала были лишены флотов прикрытия... Правда, тогда это были совсем небольшие флотилии, роящиеся возле Суперов. Но дело ведь не в количестве, верно? Уже после того, как не оставалось ни крейсеров, ни истребителей, а подмога только-только выходила за пределы Солнечной, самое жуткое и происходило... Их убивали несколько часов, Джокарт! Это очень много, и первая же минута после утраты запаса прочности становится роковой.

Я ещё застал то время, когда историю супердредноутов рассказывали курсантам шепотом. Настолько это была щемящая тема. Сейчас времена прошли, старое забывается, те трагедии сменились новыми... Так вот, четвёртый погибший Супер... его зажали в полусферу и врубили импульсные излучатели на постоянную работу. «Лучи смерти», ты видел их во время медицинского теста... Потом, сохраняя строй, полусфера сделала два полных оборота вокруг дредноута. На нём слишком поздно была запущена программы принудительной эвакуации, да и не очень то легко маневрировать

такой махине. Но он смог уйти через Прилив. Домашний флот Солнечной стряхнул с него вражеские крейсера уже на выходе, за орбитой Плутона. А вот дальше... Представляешь, что это было за зрелище, когда обнаружили полмиллиона мертвецов на в общем-то функционирующем корабле? Работало двадцать восемь команд «уборщиков» и дезактиваторов. Половина с ума посходила. Говорят, последних мертвецов, наплевав на человеческие обычаи, доверили выносить роботам-погрузчикам. И на каком-то из искусственных планетоидов есть братская могила, где прах — вперемешку. То, что вынесли погрузчики постарались как можно скорее сжечь. Ни единого цельного трупа! Искромсанные манипуляторами роботов ошмётки... Тогда ещё не было защиты от импульсного оружия. Это сейчас... Да и то — только на линкорах и десантных транспортах.

Джокарт содрогнулся.

— Разве не было проще разрезать четвёртый дредноут на куски? Мёртвым всё равно, они и так и так уже мёртвые...

— Но корабль то остался цел! Представь, сколько сплавов ушло на его изготовление! А аппаратура? А ресурсы? Их же делали по несколько лет каждый! А двигательные установки? А терминалы? В том то и дело: всё равно — мёртвым, не живым.

— Давай лучше о чём-нибудь другом, ладно? — к курсанту вернулись и головная боль, и головокружение от этого рассказа.

Спенсер пожал плечами, мол — ты спросил, я ответил. Дальше разговор он продолжать не стал, предоставив Джокарту созерцать приближение Крепости.

На ней вскоре стали видны и точечки иллюминаторов боевых постов, и три из шести провала двигательных шахт. Крепость, последние несколько лет пребывавшая в неподвижности, могла использовать двигатели в любую минуту. Например, для смены орбиты. В принципе, весь её каркас был смонтирован на двигательной схеме — трёх пересекающихся под прямыми углами, лежащими в двух плоскостях отрезках. Такая компоновка отнимала много полезного объёма, но это компенсировалось огромными радиусами внешних сфер — лежащими один нал другим слоями каркаса. Размеры же Крепости были таковыми, чтоб в случае чего она наглухо закупорила приливную точку. Отсюда и шесть двигательных шахт — для более точного маневра. Ученными было установлено, что в противоположных направлениях сквозь одну и ту же приливную точку тела одновременно двигаться не могут. А вот в попутном направлении — сколько угодно. Тут-то и вступали в действие размеры Крепости. Потому что имеющие такой же или больший размер

объекты, проходящие сквозь точку прилива, блокировали движение других объектов — уже любого размера. В принципе, если бы такое стало возможным, сквозь Прилив можно протащить даже звезду. С астероидами всё обстояло более-менее понятно — когда их траектории пересекали приливную точку, не происходило ровным счетом ничего. То же самое с кометами. Со звёздами такие эксперименты были невозможны. Муравей, тянущий на спине веточку в десять раз тяжелее его самого — это одно, а тот же муравей, пытающийся овладеть горой — другое. Солнечная, не глядя на достигнутый прогресс, и была муравьём. Тем, которому не осилить гору. И звёзды неподвластны человеку. Наталкивались ли они в своём движении на приливные точки, и что при этом происходило — астрофизикам известно не было. Хотя ответ мог быть и положительным, учитывая размеры Галактики, количество звёзд в ней, а особенно — плотность звёздных скоплений в галактическом ядре. Всё это относилось к области неразрешенных вопросов, связанных с Приливами.

Может быть, миллионы лет назад какой-нибудь голубой гигант, размерами в тысячу раз превышающий Солнце, устав от тесного соседства с другими гигантами, и направляемый недоступными для вычислений силами, порождающими переменные траектории движения, уже вошел в далекую приливную точку. Миллионы лет — для Солнечной... А для той звезды... Ну что такое для звезды двадцать семь минут? Её выход из «серой» приливной точки останется в Солнечной незамеченным. Потому что некому и нечему будет его заметить.

Сила возмущения пространства, порожденная выходом всего одной десятитысячной фотосферы гиганта убьёт всю Солнечную.

Это будет прощальный рассвет, длящийся мгновение. Потом на Солнечную обрушатся чуждые радиация, поток излучений, электромагнитные поля. Вторгшееся из ниоткуда новое тело с силой притяжения, превышающей всё, что когда-нибудь придумывала человеческая фантазия, словно огромный магнит соберёт жалкую металлическую стружку тринадцати планет, ютящихся вокруг такого привычного, милосердного светила. Его свет оставит смутные тени, радиочастотное излучение забьёт эфир, а шум, производимый бурлением звёздного вещества, расколет на осколки всё, что окажется достаточно близко.

Сгореть в пламени — это только одно из следствий. А всего их будет великое множество. И каждое — фатально для Солнечной. Появись в ней такой недобрый гость.

Вот как это может случится!

Швартовка была быстрой. Чёрный круг Крепости неожиданно прыгнул навстречу, и теперь корабль-авизо просто падал на её поверхность. Потом, подхваченный полями финишира, провалился в стартово-посадочный коридор и, наконец, замер.

Истребители сопровождения, одновременно погасив ускорение, отвернули в стороны и ушли обратно к приливной точке.

Джокарт был дома! Теперь вернулись мысли о Лиин. О Лиин и о полётах, которые начинаются завтра. Джокарту трудно было понять — какие мысли оказались сильнее...

Глава 9

— Курсант Джокарт! — голос инструктора, звучащий в шлемофоне, оказался злым. — В чём дело? Мы, кажется, когда-то говорили на эту тему?

Он имел в виду инцидент после попытки самоубийства Джокарта, когда инструктор наорал на курсанта, и Джокарт надерзил в ответ.

Сейчас инструктор застал его в неподходящий момент. Вернее, самого Джокарта в неподходящий момент захлестнули ненужные мысли о Лиин. Но инструктор почему-то решил, что всё дело в той же трагедии Плутона, хотя досадная ошибка была вызвана воспоминаниями о другой потере.

Лиин. Шла вторая неделя лётной подготовки, а от неё не было никаких известий.

Теперь какими-то несущественными уже казались страхи первых полётов, когда никакие модификаторы не могли переубедить курсантов в том, что они — смогут. Пятерых уже отчислили, как «несовместимых с практическим пилотированием», с рекомендацией отправить на переподготовку для зачисления в навигационные расчёты мониторов. Что-то не так оказалось у этих курсантов с рефлексами и приснопамятной тактильностью. Изменённое сознание — это одно, а полёт-кувырок по узкому УПК — Условному Полётному Коридору, обозначенному сигналами маяков, полёт, где одни и те же оптические привязки меняются местами чаще, чем бьётся сердце, и надо заставить сознание поверить, что истребитель, хоть и кувыркаясь, продолжает движение по прямой, а не улетел уже в соседнюю галактику, такой полёт — совсем другое. Верить, что сошедший с ума навигационный терминал — это не навсегда.

Действительные пилоты, как сообщил инструктор, могут даже вести стрельбу из такой, мягко говоря, нестабильной позиции. И тут же продемонстрировал, как это делается.

— Вы должны понять, — внушал им инструктор, — что двигатель — такое же оборонительное оружие, как и Имитатор Ложной Цели. При сплошном, осевом и курсовом вращении, плазменно-гравитационная струя сбивает вражеские торпеды не хуже противоракет. Кроме этого, постоянное изменение расчётной траектории, которая может измениться в любую секунду, — достаточно лишь стабилизировать полёт вот так, одним движением джойстика, — не позволяет вражеским тактическим устройствам вести стрельбу с упреждением, что является обязательным как для Бессмертных, так и для наших истребителей на скоростях, начиная с одной десятой световой...

Но даже осознав необходимость такого умения, те пятеро курсантов, так и не ставшие пилотами, всё равно ничего не смогли изменить. Если мозг человека — загадка, то мозжечок — загадка в загадке. Весь парадокс заключался в том, что без трехгодичного курса модификаций невозможно было определить — насколько удачно они прошли у каждого из курсантов. В числе выбывших оказался Ростислав, и Джокарту было больно видеть его слёзы. Больнее даже, чем вспоминать о Лиин.

Снова Лиин. Когда он вернулся в Крепость после сканирования в медцентре, её уже там не оказалось. По коммуникатору ответил какой-то то ли саксофонист, то ли флейтист — новый музыкант готовил себе «вывеску»... Он сообщил Джокарту, что Лиин улетела через день после отлёта курсанта на медсканирование. Больше всего убивало то, что от руководства курсов она знала, где именно на Земле должен находиться Джокарт. Знала и не нашла его. Послание, обнаруженное Джокартом в личном терминале, было каким-то лаконично-отстраненным и казалось неудачной шуткой, после которой должна появиться сама Лиин, закрыть ему глаза ладонями и шепнуть в ухо: «Сюрприз!» А после они найдут слова... Он найдёт...

«Жизнь — одна, Джокарт. И шанс в ней даётся только однажды. Прости и прощай. Уже не твоя. Лиин».

И всё...

Первые вылеты снимали посторонние мысли. Вцепившись в рукоять джойстика, уперев ноги в педали и беспомощно бегая взглядом по невероятно огромной, почему-то совсем не такой, как в ими-

таторе истребителя, панели управления и обзорным экранам, Джокарт думал только об одном: не опозориться, не сглупить, не дать случиться какой-нибудь оплошности. Малейшее нажатие на педаль тангажирования отклоняло нос истребителя чуть ли не на несколько градусов от оси движения, и учебный «Зигзаг» Джокарта летел почти боком. Запутавшись, не совладав с синхронизацией основных и вспомогательных двигателей (тангажных и клиренсовых), Джокарт запускал истребитель за пределы условного коридора, и его возвращали принудительно. Поэтому стоило примешать к обычным, в общем-то, совершаемым всеми курсантами ошибкам мысли о Лиин, как инструктор начинал кричать, а курсанты представляли себе, как брызжет при этом слюной обучающий их офицер.

Через неделю всё изменилось волшебным образом. Может быть, наконец-то в Джокарте произошла окончательная модификация, и все «шарики да ролики» встали на вновь отведенные им места, и включились все приобретенные эффекты, необходимые для полётов? А может быть, это произошло после двух двенадцатичасовых рейдов на истребителе — спарке, где инструктор ни разу не позволил себе повысить голос даже когда курсанты допускали грубые ошибки в управлении. Понятное дело — нераскрытых секретов пилотирования ещё хватало! Но Джокарт, во время первого такого рейда, дьявольски уставший от новых и новых вводных, заодно устал и бояться. Теперь он даже мог более-менее сносно «следить за хвостом» ведущего и самостоятельно прокладывать курс для ведомых.

А сейчас — снова нахлынуло...

«Уже не твоя». Джокарт и заметить не успел, как вышел из коридора. И теперь выслушивал справедливые, упрёки, приписав, правда, действиям курсанта неверную мотивировку.

— Ещё раз спрашиваю, в чём дело? Ты дважды заснул при маневрировании. Ещё раз — и я сниму с полётов. Рассказывай тогда, кому хочешь, что там такое у тебя на душе и как тебе нелегко с этим жить третий год подряд... Или ты будешь летать, курсант Джокарт, или...

За недосказанностью маячило Самое Страшное. Снятие с полётов — это признание негодности. А крейсер или линкор — совсем не то, к чему стремился Джокарт.

— Принято, ком! — загоняя на дно сознания воспоминания о Лиин, крепче стискивая зубы, ответил Джокарт.

Извиняться было глупо. И поздно. В бою выпадение одного истребителя из общего строя грозило непоправимой бедой не только ему одному, но и, как минимум, ещё двум пилотам. Если ты —

ведомый, значит, без прикрытия оставался твой лидер — ведущий. Если лидер... Всё! Больше не думать о ней! Извиняться поздно... Только так — по-уставному.

Принято. И пошла ты к чёрту, Лиин! Не — Моя — Лиин! К чёрту! Это такой плюгавый офицер из моего сна. С кредитками вместо души и сердца. К Бессмертным! Под вывеску, в публичный дом, куда угодно... Принято, ком!

Третьего раза не случится. Не должно случиться. Дура ты, Лиин... Жизнь — действительно одна. И нет ни потустороннего мира, ни загробного существования, ни смысла нет в этой единственной жизни без любимого человека! Может быть, я и был твой шанс, Лиин. Лиин? Ты ещё не ушла? Принято, ком...

Не извиняться. Не думать. Был ли я твоим шансом? А ты — моим? Об этом поздно теперь говорить. И сейчас мой шанс — вот этот непослушный «Зигзаг». Великий Космос! Какой же он строптивый, мой истребитель!

Впритирку к границе коридора. Выполнять новую вводную. А ведь это — только пилотирование. И скорость — не свыше одной десятой световой. Что же будет на полной — 0,98 от световой? Если бы время жизни можно было измерять не годами, а световой скоростью, то это шанс прожить десять тысяч жизней за один только рывок «Зигзага».

Сколько может пройти пешком, пробежать, промчаться на скутере обычный человек за всю свою жизнь? А сколько — пилот истребителя? Вот то-то!

Пролетать в секунду двести девяносто пять тысяч километров, щетинясь залпами излучателей, накидывая ловчую сеть прицельных захватов на мечущиеся точки вражеских кораблей! Уходи, Лиин... Принято! Уходи из меня... Это больно, я уже знаю. Я переживал боль целую вечность — два рейда по двенадцать часов, жизнь нескольких поколений по изобретенной мною мерке.

Уход на вираж — спасение от бессилия что-либо изменить. Привязка по ориентиру Fagot-233... Нет, уже следующая вводная! Ещё одна! Ещё! И Джокарт на миг почувствовал себя в самой гуще настоящего сражения. Сейчас бы ещё что-то покруче, погорячее, чтоб занять кровь другими волнениями...

Словно услышав его мысли, инструктор даёт новую, совсем уже неожиданную вводную, и пульс учащается от сотни до каких-то бесконечно больших величин. Во рту — привкус крови. Истребитель, словно сгусток энергии, обволакивает, подключается к твоим венам напрямую и начинает волноваться вместе с тобой.

— Ну что, девочки? Будем мелочиться или полетаем по-настоящему? Не надоело плестись, как стадо беременных тараканов? Педаль до отказа! Пора, девочки, превращаться в мальчиков... Ноль целых девяносто восемь сотых! И... Сей — час!!

— Час — час — час! — и так миллион раз в секунду — вздрогнул разгонный движок.

Джокарт непроизвольно зажмурил глаза. А когда открыл их, то увидел, что звёзды из точек превратились в чёрточки. Он знал, что чудовищная инерция, с которой не смогут справиться до конца гравитационные компенсаторы, будет ощущаться позже — при погашении ускорения или при изменении траектории. А пока — будто рушилась куда-то вся седая Вселенная, теряя парики туманностей и подвязки созвездий. А в этом всём растворялся и «Хванг», и страх, что заставляет зажмуриваться, и даже Лиин.

Всё-таки нашлось лекарство от всех его недугов, ликовал Джокарт, боясь шевельнуть даже мизинцем. Инструктор позволил им пять минут такого полёта. Время от первых триглодитов до создания космических Крепостей. Мысли текли отвлеченно, путаясь и перемежаясь одна другой. И стало легко и просторно, а позвоночник пропускал через себя волны приятнейшей дрожжи. Глаза же радовались миллионам оттенков всех цветов. Кто сказал, что космос это обязательно темнота? А скрытые диапазоны? Линии излучения металлов? Цвет и время. Вот куда вторгался сейчас его учебный «Зигзаг».

Бывают же дни — бесстыдно-серые, и время их обходит стороной. Есть — обычные. В них что-то происходит, но это только мелкие шероховатости голодного листа белой бумаги. Они проглатывают все заглавные буквы, оставляя только мелкую, никчемную вязь прописных. Дни-праздники полны добродушной блистательной лени. Они величественны, но величественность их — преходящая, словно случайная гостья, которой уже пора... Дни-тревоги, похожие на чёрно-оранжевый — огонь и дым! — муар. Дни-невидимки. Мы их просто не замечаем. Они надевают волшебную шапку-невидимку, и мы не замечаем... Наверное, им так и приходится умирать — в шапках-невидимках, чтоб о них никогда не вспомнили. А есть вот такие, полные неожиданности, изменяющие жизнь. Здесь звёзды — черточки, здесь долгожданное осязание мечты... И наверняка будет ещё что-то, а символом такого дня непременно должен служить рог изобилия...

Полное слияние с пустотой! Мысли текут сами по себе, вдоль траектории полёта. Пять минут. Первые пять минут блаженства! Неужели когда-нибудь оно станет привычным?

— Внимание! Включен главный тактический терминал Крепости «Австралия»! Всем доложиться. Каждый называет себя тем именем, под которым он будет занесён в реестр истребительного флота. — И дальше уже весело, бесшабашно, словно принимая счастливые роды: — как ощущение, ПИЛОТЫ? Первый!

— Курса... — начал кто-то, но не закончил, лишь коротко ойкнул, видимо, поздно осознав всё только что сказанное.

— Неудачное имечко, пилот Курса. А ваше «ой!» — это всё, что вы можете сказать о полной скорости? Возражения не принимаются! Второй!

— Пилот Гаваец! — И нет больше Моджо, который созвучен с маджонгом. — Ощущения — как на доске для серфинга под волной.

— Принято. Третий?

Ещё один казус.

— Пилот... — пауза и вторая попытка, — пилот Молния!

— Пилот по имени Пилот! Замечательно! Насчёт молнии — можно сказать и так... Только вы теперь — как шаровые молнии. Хотя и на «Зигзагах»... Четвёртый?

— Пилот Филеас. Нормально.

— Принято, пилот Филеас.

Та-ак... Значит, Филеас решил остаться под своим собственным именем. Может быть, гадал Джокарт, и мне стоит? После первых пяти минут полёта на максимальной скорости его мозг исторг из себя все эти «вихри», «ястребы» и прочих «тигровых акул». И детство, и юношество остались где-то позади, за тонкими иглами струй разгонного движка. Джокарт знал, что по команде инструктора курсанты должны назвать себя так, как будут именовать их теперь любой другой пилот. Традиция... Никто никого не неволит. И нет никаких противоречий — это на курсах они известны как Моджо и Кавадо. В истребительном флоте их представят уже как Гавайца и Курсу. Новые люди, новое окружение. Только и всего-то — новые имена. Выбранные добровольно.

На самом деле традиции этой насчитывалось множество лет. Обмануть смерть — так считали когда-то люди, шепча секретное имя на ухо ребёнку. Пусть она ищет, но не найдёт — человека, сменившего имя.

Единственное, о чем не думал Джокарт, что это действо — предложение о смене имени — произойдёт именно сейчас, когда новизны

ощущений и так хоть отбавляй. (Действительно — рог изобилия!) А главное — взят барьер Скорости. Быстрее истребителей Вселенная позволяет летать только фотонам и другим частицам. Забудем пока про прилив, а торпеды — не в счёт. Ими можно уверенно работать только до половины световой. Дальше — дело личного везения самой торпеды.

Думая сразу о многом и волнуясь, как девственник перед обнаженной красавицей, Джокарт чуть было не стал обладателем очередного курьезного имени.

Уже случились Курса, Пилот, Почему, Пилот-второй и, как уловил краем уха Джокарт — Мама и Ужас. Теперь настала его очередь...

Нет, потом он понял, что случилось не самое худшее из того, что могло случиться с его будущим именем. Но горло сдавил какой-то мелкий спазм, или просто не хватило воздуха, или...

Решив последовать примеру Филеаса, он не захотел мудрить и выпендриваться, но когда его вызвал инструктор, Джокарт всё равно оказался не готов. И чуть было не стал Пилотом — три или ещё какой-то Чебурашкой.

— Двадцать второй!

— Пилот Джок... — вот он, спазм! — «т»! — успела протиснуться ещё только одна буква его имени.

— Пилот Джокт! Принято. Комментарии по поводу ощущений?

Это было как два бокала шампанского сразу. И новое слово «пилот», и скорость...

— Это... это... — а спазм всё не отпускал, — это что-то, ком! Так я готов летать до самой смерти!

Комментарий вышел зловеще-двусмысленным, и Джокарт, теперь уже — Джокт, сам понял это. Почему же именно сейчас не произошло никакого спазма? На его счастье, инструктор уже перешёл к следующему.

— Двадцать третий!

— Барон! Люксотно, того стоит. — Густав, ну, конечно же!

Джокарт, уже примерял к себе новое имя, повторяя два волшебных слова: «пилот Джокт. Я — пилот Джокт!». Он жалел сейчас только об одном, что в их отделении, после всех переукомплектаций сейчас всего тридцать человек, а не тысяча, чтобы можно было продлить этот первый световой полёт.

Но их оказалось даже меньше — двадцать девять. Потому что у кого-то случилось «короткое замыкание»... Не выдержал скорости, скажут потом, навсегда вычеркивая имя курсанта из реестра 7-го, теперь уже учебно-боевого отделения.

А затем каждый день держал в руках по рогу изобилия. И сменялись вводные. Полётные коридоры обрастали изгибами, петлями, узкими лазами. Когда первая контактная торпеда, выпущенная Джоктом (Джоктом. Все забыли о Джокарте) поразила условную цель, он узнал и новое ощущение: страсть к победе. Потом торпеды сменялись излучателями, излучатели — плазменными резаками, плазма — гравитацией...

Где-то шли настоящие бои. Спенсер, когда им доводилось встречаться, всё реже и реже мог похвастать нулевыми вылетами.

Какое счастье, тем не менее радовался Джокт, Спенсер жив!

— Как учёба? — постоянно спрашивал действительный пилот.

— Да так. Нормально. Каждый день вылеты. Вчера вышли за «радиус безопасности», несколько часов маневрировали на максимальной — трое теперь лежат в лазарете...

— Было тяжело?

— Наверное. Не помню. Все очень переживали, что могут появиться «Кнопки». Но обошлось.

— Знаю, что обошлось. Моё звено прикрывало ваш квадрат.

— Правда?

— Абсолютная правда. И «Кнопки» появились, но мы их не пропустили.

— «Нулевой»? — с надеждой в голосе спросил Джокт, но ответа не последовало.

Значит, пока они только учатся пилотированию, кто-то уже успел отдать за это свою жизнь.

— Понимаешь, Джокт. — Спенсер подозрительно быстро привык к его новому имени. Пожалуй, быстрее, чем сам Джокт, иногда ещё представляющийся Джокартом. — Всё очень непросто. Основная цель истребительного флота — нести максимальный урон вражескому космическому корпусу звездолётов. Эскортирование, патрули — это частные задачи. Бессмертные знают. Поэтому грохнуть целое отделение — три девятки истребителей — это, наверное, сладкая мечта противника. Выполнение миссии защиты учебного полигона многие пилоты считают делом чести. Даже если бы всему моему звену — десяти машинам, пришлось остаться Там, но это спасло бы ваше отделение — тридцать будущих пилотов, жертва была бы не напрасной. А «Кнопки» сегодня старались. Мы это чувствовали... Старались обойти наш строй защиты, играли с нами на вертикалях и горизонталях, выстраивались полусферой и кидались в одиночные прорывы. Кстати, на этих-то прорывах и погорели. Не повезло им с командором... Делали всё возможное,

чтоб только прорваться в ваш квадрат. Они бы тоже с удовольствием обменяли десять своих машин на тридцать наших. Пусть даже с недоученными пилотами. Но ты не переживай, — заметил волнение Джокта Спенсер, — придёт время — а оно обязательно придёт! — отдадите долг, и будете охранять следующее поколение пилотов. Так вот, Джокт...

Затем Спенсер увёл разговор, не доставляющий удовольствия им обоим, в сторону. Наверное, с такой же лёгкостью ему удавалось уводить и вражеские истребители. Он принимался расспрашивать Джокта о методах пилотирования, которым их обучают. Делился некоторыми собственными секретами — «фишками», как он называл, и наблюдениями. Вообще, к этому времени практически каждый курсант нашёл себе друзей в среде действительных пилотов. И тем интенсивнее становился весь процесс обучения, чем больше им доводилось общаться.

— Скутером управлял? Это то же самое! Ну и что, что управление разное? Дело ведь в принципе! Опускаешь заслонки двигателя, при этом не забудь о горизонтальном ориентировании, потом летишь какое-то время задрав нос. Принимаешь на себя торпеды, момент то подходящий — снижение скорости почти вполовину! Бессмертные всегда ждут такого удобного случая. И когда система оповещения уже споёт по тебе реквием, доводишь мощность почти до полной и сбрасываешь заслонки. Торпеды — тю-тю! — проходят мимо, кстати, при этом маневре полезно иметь по носу какой-нибудь другой вражеский объект. — Понимаешь? А твой истребитель стартует сразу же в другом направлении. И тебе польза, и тому, кто оказался прямо по курсу — приятная неожиданность. Бессмертных сколько ни учи, всё равно на эту уловку попадают. Жалко, в бою этот фокус можно использовать только два-три раза, на большее заслонок не хватает, пробивает струей...

Джокт, закрыв глаза и выводя пассы руками, имитируя подсказанный Спенсером маневр уклонения, вдруг приходил к новым открытиям.

— А что, если уклоняться вертикальной параболе?

— Уклон по вертикали? Можно сорваться во вращательный полёт. Тоже штука полезная. Чтобы у Бессмертных головы закружились, если бы были, конечно. Только они уже не реагируют как раньше. Так, изредка червяк-недоучка торпеду истратит. Нет, тут они поумнели, твари, и на полёт-кувырок уже реагируют по-новому. Стараются гравитацией достать. Знаешь, что может произойти, если при вертикальном — с носа на корму — вращении уткнуться

в гравитационный луч «Кнопки»? Лучше тебе никогда этого и не узнать... Что такое кишки на шее и глаза в кармане! Летай. Расправляй крылья, Джокт. Всё у тебя впереди! — этой высокопарной фразой Спенсер теперь заканчивал каждую познавательную для Джокта лекцию.

Иногда он участливо интересовался, заранее морща лицо.

— О ней — ничего?

— Ничего, — коротко отрезал Джокт, и вскоре Спенсер перестал задавать этот вопрос.

Лезть в душу молодого пилота, даже на правах старших, ни Спенсер, ни Балу не решались. Поэтому Джокту пришлось самому справляться с этой проблемой. И опять он начал обращать внимание на электрическое табло, показывающее полночь. Теперь уже две голографии были запрятаны далеко-далеко: его семьи и Лиин. Две голографии — две потери. Неужели и во второй из них он не виноват? Вопрос, мучавший его первую неделю после осознания утраты Лиин, теперь становился скорее риторическим. То ли подавлять в себе тоску и обиду стало его постоянной привычкой, то ли индап не давал уже шанса отвлекаться на всё постороннее, только полётный инструктор уже не мог упрекнуть Джокта в том, что он «засыпает» при пилотировании. И где-то впереди замаячил загадочный «Первый Боевой».

Некоторые пилоты-стажеры не придавали этому вообще никакого значения, не видя тут никаких тайн и решив, что будет всего-навсего обычная боевая операция — простенькая миссия вроде «слетай туда — не знаю куда, дерись с тем — не знаю с кем...и вернись». Миссия «Альфа» на языке тактики. Некоторые — мрачнели при любом упоминании о «Первом Боевом». Третьи, к ним относился и Джокт, свято верили в поддержку действительных пилотов, которые не должны были дать «Кнопкам» порвать молодую смену на клочья в первом же бою.

Все попытки разузнать хоть что-то про Первый Боевой у инструкторов разбивались о глухую стену всяческих увёрток и заканчивались переводом разговора на другие темы. Например, на тему дополнительных нарядов после занятий.

— Через месяц всё узнаете! Кстати, тактический терминал шепнул мне на ухо, что кое у кого из стажеров дуга разворота вышла с низким коэффициентом рациональности. На двадцать второй минуте полёта, при отработке маневра «все вдруг». Было дело? Час занятий на тренажере!

Какая там вышла дуга и что в действительности происходило на двадцать второй минуте учебного полёта — уже и не припоми-

налось. Ясно было одно — не нужно задавать таких вопросов инструктору. Так или иначе, охота спрашивать насчёт Первого Боевого постепенно у всех исчезла.

— Можно вопрос, ком? — обратился как-то Джокарт к полётному инструктору, отношения с которым складывались у него намного лучше, чем можно было ожидать.

Видимо, за внешней суровостью, в душе инструктора всё же было понимание переживаний одного из обучаемых.

— Давай, Джокт. Предупреждаю — если опять про ПБ, лучше сразу отправляйся в ангар, помогать технарям укладывать Имитаторы Ложной Цели в контейнеры.

Ужасная вещь — возиться с выбрасываемыми Имитаторами. Потому что это было устаревшее оборонительное приспособление, уступающее в эффективности запускаемым Имам. Плоские ящички, способные генерировать частотное и энергетическое излучение, схожее со следом истребителя, вдобавок имеющие возможность вырисовывать пространственный силуэт «Зигзага», нуждались в скрупулезной, точной укладке в контейнеры. То ли дело — запускаемые имитаторы. Их выносит ракетой на любое расстояние в нужном направлении. Поэтому Джокт вздрогнул, услышав, какую кару придумал инструктор для тех, кто назойливо любопытен.

— Нет. У меня вопрос по пилотированию. — Дождавшись ответного кивка, которым ему разрешали задать свой вопрос, он продолжил: — Нам постоянно говорят: «Представьте себе, что „Кнопка“ идёт следом... „Кнопка“ уходит на вираж... Ещё что-то делает треклятая „Кнопка“». Мы, конечно, представляем. Только это всего лишь работа фантазии, помноженная на чужой опыт. На самом деле, «Кнопки» наверняка имеют какие-то особенности при движении и маневрировании. И одно дело — знать в теории, другое...

— Что ты предлагаешь? — Инструктор выглядел заинтересованным, что приободрило Джокта.

— Почему нас не учат, хотя бы ознакомительно, пилотировать вражеские истребители? — скороговоркой выпалил он то, что уже давно занимало ум. А после заторопился, боясь оказаться неверно понятым или даже высмеянным. — Если бы наши пилоты могли почувствовать возможности «Кнопки» или «Вельвета», динамику их полёта, какие-нибудь особенности. Найти, наконец, моменты, когда истребители Бессмертных наиболее уязвимы... Понять — когда удобнее производить стрельбу и наоборот — когда пилот «Кнопки» отдаёт максимум внимания пилотированию, и его можно успешно атаковать. Я понимаю, что технически это всё не так просто, но...

— Давай отойдём в сторону. Хочу кое-что объяснить тебе...

Теперь уже Джокт оказался заинтригован.

— Очень правильная мысль, стажер. Хвалю. Только почему ты решил, что пилотов Солнечной этому не обучают?

— Ведь планирование учебных полётов...

— И в учебных планах, и даже в боевой подготовке действительных пилотов это нет. Потому что подобное обучение занимает почти год. Плюс дополнительные модификации, разумеется. Всё-таки сознание Бессмертных — это не человеческое сознание. И реакция у них своеобразная, и сопротивляемость перегрузкам... Но такое обучение проходят... Угадаешь — кто?

Джокт, с одной стороны разочарованный вторичностью своей догадки, а с другой, довольный похвалой инструктора, думал недолго. Он не столько перебирал варианты, сколько оценивал насущную необходимость такой спецподготовки для... Ну конечно!

— «Саламандры»? «Фениксы»? — благоговейно выдохнул он.

— Умница ещё раз. Освободить тебя, что ли, от отработок до конца недели?

— От отработок? — округлил глаза Джокт. — Я же не спрашивал про Первый... ой.

— Вот, видишь? Уже спросил! — Это было просто нечестно, о чём Джокт приготовился заявить вслух, но не пришлось. — Шучу. Повод найдётся и так. За задержку при изменении направления движения. Что за фокусы ты устроил с двигательной задвижкой?

Лицо Джокта расплылось в улыбке. Пока у него не совсем получалось то, что посоветовал научиться делать Спенсер. Вернее — совсем не получалось. Пока.

— Уже кто-то из летунов поделился опытом? Как его — Спенсер? Ты вот сначала попроси у него на пару вылетов его боевой истребитель. Уже ведь знаешь, что учебная максимальная скорость, та, что отмечается на ваших навигационных экранах, всего лишь три четверти от действительной «ноль целых девяносто восемь сотых». Потому что инструктору невозможно вмешаться и перехватить управление... Так что впереди вас ждёт ещё большая эйфория от действительной максимальной. За неделю до ПБ ограничение будет снято. Вот тогда и поэкспериментируешь с заслонами.

— Ладно, проехали, — инструктор махнул, заметив усмешку на лице Джокта. — Не за что мне отработки назначать. Но индульгенцию до конца недели ты тоже не получишь, мало ли что... Но ты угадал. Пилоты групп «Саламандра» и «Феникс» проходят лётную подготовку на «Кнопках», «Вельветах» и вообще на всей вражеской

технике не крупнее крейсера. Они бы проходили её и на унитазах, если таковые имеются у Бессмертных, и если бы эти унитазы летали. Как я уже сказал, спецподготовка проводится в течении года. Заманчиво? Проблема не в том, что нам негде взять лишний год, чтобы учить и вас. Тут дело в стратегии. Крепостной флот истребителей осуществляет общевойсковые операции, а элитные группы — только специальные. Например, у нас, в зоне ответственности «Австралии» работали «Саламандры». Четыре года назад, когда появились «разрисованные».

Джокт вздрогнул, зябко поведя плечами. «Разрисованные», или «суперчерви», как их ещё называли, были элитой истребительного флота Бессмертных. Их «Кнопки» бесстрашно полыхали яркими ядовито-оранжевыми полосами, нарушая привычную схему оптической маскировки боевых машин. Ведь обычно и «Зигзаги» Солнечной, и вражеские истребители покрывались светопоглощающими материалами. «Разрисованные» же словно дразнились издалека: вот они — мы! Мы идём!

— Группа в двадцать машин играючи громила наши звенья. Статистика была плачевной: Крепость недосчиталась тридцати «Зигзагов», а «разрисованные» потеряли всего один истребитель. Да и то — почти случайно. Что-то произошло у пилота-Бессмертного с двигателями. Или зацепили, или... Короче, загнали его в гравитационную ловушку. Почти загнали. Возле самой звезды. Когда Бессмертный понял, что его собрались в плен брать, стартовал прямо в фотосферу Капы. Не оттого, что герой, червям вообще понятие героизма чуждо — для мотивации их поступков значение играет только необходимость. Ритуальным самоубийством это тоже не могло быть — останься от пилота хоть одна молекула ДНК, и вызволи затем «Кнопку» остальная группа — Бессмертного бы восстановили. Тут, видимо, секреты какие-то его истребитель имел. К слову — у «Фениксов» и «Саламандр» машины тоже с секретами...

Выдержав паузу, чтоб Джокт полностью осознал — что такое элитары врага, — инструктор продолжил:

— Три линкора и половина крейсеров Крепости вели охоту за «разрисованными», не говоря уже о наших «Зигзагах»... Кстати, комендант тогда флоту истребителей приказ отдал — уклоняться от боя с «разрисованными», прятаться за гравитационную завесу мониторов. Тому, кому посчастливилось бы сжечь хоть одно «разрисованного», награда обещалась — не скажу какая, всё равно из наших никому она не досталась. Вышло всё наоборот — когда «разрисованные» сами уничтожили два линкора, провели, так сказать,

охоту на охотников — очень удачную кстати! — пришлось обращаться к флоту Солнечной. И тогда уже прибыли «Саламандры». Двое — этого хватило. Пилот Николаев эту «охоту на охотника» и прекратил. В одном бою — восемь «разрисованных».

Представляешь? Он с пилотом Злотным такой многосерийный спектакль устроил — аплодировать хотелось. Начали как бы с самого конца — полковник Злотный был ведущим, майор Николаев — ведомым. Ну, ты сам догадываешься, у «Саламандр» это условности... Так и летали вдвоём, под носом у «разрисованных» несколько раз ходили. Спасала скорость. На «Зигзагах» «Саламандр» ускорение — три девятки. Я же говорил — особенные у них истребители... А как «разрисованные» к такой схеме привыкли, тут «Саламандры» свои таланты и проявили. Не знали, видимо, черви их полётной схемы — «Янус многоликий». В общем, неожиданно местами они поменялись — полковник и майор. «Разрисованные» всей двадцаткой растерялись, когда ведомый вдруг стал лидером, вырвался вперёд и отутюжил их строй, а полковник со средней дистанции его поддержал. Так и грохнули вдвоём восемь «Кнопок», пришлось вражеским элитарам уйти из зоны ответственности «Австралии»...

Стиль полёта — вот что иметь нужно! А ещё лучше — несколько стилей, чтоб использовать для успеха в любом деле. Вы же пока научитесь хотя бы строй держать. Выпустили торпеды — думайте, что дальше делать. Работать вплотную или отходить к мониторам. «Кнопки» без необходимости рисковать не будут... Летай, Джокт, пусть у тебя сначала крылышки отрастут, — почти повторил слова Спенсера инструктор, — сначала крылышки, а потом уже и о гребне «Саламандры» мечтать будешь...

И Джокт летал. Его условными сопровождающими были Барон и Гаваец, чему никто не удивлялся. И тот, и другой идеально проявили себя ведомыми — ведь это тоже искусство, если вдуматься. Предоставляя Джокту выбирать приоритеты в определении целей, блокирование контратакующих и выход из атаки обеспечивали именно они, ведомые. Быть в арьергарде при выходе из атаки — то ещё счастье! Хотя однажды Барон такой приёмчик выдал, что Джокт, уже свыкшийся с мыслью о лидерстве не только в учебном, но и в боевом построении, ощутил укол ревности.

— Барон! Тебе же... Ты же... — Джокт восторженно терял слова после вылета. — Завтра займёшь место лидера! — и добавил, изобразив великодушие: — Уступаю!

Барон смеялся, отмахнувшись от такого предложения.

— Неужели ты думаешь, что инструкторы — слепые служаки? Уткнулись в микрофоны и только и раздают замечания? Нет, всё они видят, всё замечают... Скажут — годен в лидеры, придётся исполнять. Но тогда будем летать в разных тройках — зачем одной тройке два лидера? А скажут — кому куда — после особого маджонг-пасьяна. Так что, извини, друг, но я пока за твоим хвостом удобно себя чувствую.

Глава 10

Неделя! До первого Боевого осталась одна неделя!

Эта мысль приобретала весомость и была прочувствована всеми стажерами. Потому что теперь (как и обещали инструкторы) максимальное ускорение действительно стало максимальным. 0,98 — в реале, а не на мониторе панели управления.

Теперь чёрточки звёзд стали длиннее, а впечатления от полёта — более многообразными. И увеличение ускорения даже на одну тысячную световой добавляло своих трудностей. Джокт убедился, что «три девятки» — ускорение до 0,999 световой, когда вот она — обнаженная грань релятивистских законов Вселенной, это не просто честь и расширенные возможности для «Саламандр», но и огромнейший труд с напряжением в придачу. Всего одна тысячная отделяла пилотов элитных отрядов от превращения в чистую энергию... Поговаривали, будто на «трёх девятках» можно поймать какую угодно галлюцинацию — чуть ли не увидеть создание Вселенной и ощутить отголоски Большого Взрыва.

Неделя! Всего неделя!

Отделение ввели в ангар с боевыми истребителями, где уже стояло двести десять (на семь отделений плюс резервные) новеньких, с иголочки, «Зигзагов».

Машины были доставлены ещё месяц назад транспортником с Юпитерианской верфи. И всё это время истребители проходили очередной контроль — уже пятый по счёту с момента их создания. Сюда включалась адаптация навигационных терминалов к местным привязкам, обкатка на всех скоростных режимах действительными пилотами, калибровка прицельных устройств, проверка в спейс-динамической трубе Крепости и доводка камуфляжного покрытия — нанесения последнего слоя с учётом спектра излучения ближайших светил.

Джокт, очень переживавший в этот момент, опасался, что их просто подведут — весь строй пилотов-стажеров к строю истребителей, и укажут за кем и какая машина закреплена. Потому что надеялся отыскать два заветных крестика, проставленных белым маркером: условный знак, которым Спенсер Янг Ли должен был пометить «Зигзаг», обкатку которого производил он сам.

Хотя когда-то курсантам прочли лекцию о суевериях, из которой Джокт запомнил только то, что все ведьмы — зеленоглазые. И обязательно — голые. На пы-ле-со-сах.... А потом было ещё несколько подобных лекций, — стажеры обрастали суевериями как деревья корой. Особенно к окончанию курсов.

Так или иначе, Джокт попросил Спенсера сделать это.

— Зачем? — рассмеялся пилот. — Тебе недостаточно будет гарантий, например, моего лидера? Между прочим, ему пророчат скорое повышение в звании, а может быть, и приглашение в отряд «Фениксов»!

Джокту не хотелось признаваться, что в мыслях он избрал Спенсера своим талисманом удачи. Его и Балу, конечно. Вот только Балу не умел управлять истребителем... Поэтому Джокт пустился в пространные суждения о давности их со Спенсером дружбы, пришлось даже напомнить, что именно Спенсер явился когда-то к зеленому рекруту Джокарту на принесение тайной присяги.

Пилот, конечно же, всё понял, но больше смеяться не стал.

— Хорошо. Два крестика на подвижных пилонах левого — запомни! Два на левом! — разгонного движка.

— А почему именно там и именно два? — удивился Джокт, думая, что Спенсер шутит.

Но тут шуткой и не пахло. Просто не только Джокт верил в талисманы.

— Потому что один крестик поставит Паспату для этого вашего, как его, с большим носом...

— Филеасу, — подсказал Джокт.

— Вот-вот. Ему. А на пилонах правого движка пометка для Гавайца. У подвесок с торпедами — знак Барону, и так почти на всех машинах.

Вот такие были откровения. Но сейчас Джокт всё равно волновался. Зря, как оказалось, ведь инструктор тоже являлся действующим пилотом — при объявлении «Красной черты» — сигнала опасности для Крепости «Австралия», — имел место в экстренном боевом расписании. Но ещё раньше инструктор был курсантом...

Убедившись, что практически все истребители имеют на себе пометки — где крестики, где черточки, а иногда и вовсе откровенные

надписи, вроде «Лобану — от Вейса. Летай на здоровье», Джокт наконец-то нашел искомое — два крестика у левого движка, выполненные на высоте около двух метров. И теперь гладил корпус истребителя, от которого будет зависеть многое, если не всё, в дальнейшей жизни.

Отказы каких-нибудь систем истребителя во время боевых вылетов были чрезвычайно редкими. Но всё же случались. Самым страшным, конечно, считался отказ двигателей. Без вооружения, даже с нефункционирующим навигационным экраном, можно было ещё попытаться уйти от опасности. Но даже принудительная эвакуация, при которой истребитель, ориентированный на Крепость или же на приливную точку, уходящий по сложнейшим траекториям, избираемым генератором случайностей, была невозможна без движков. Потом шел отказ самого навигационного терминала. Без него, кстати, эвакуация тоже становилась невозможной. Потом... Любой отказ мог оказаться фатальным, поэтому думать о таком несчастии никому не хотелось. Единственным утешением являлись статистические выкладки, сообщавшие, что «чрезвычайно редко» — это значит один случай из миллиона. Гарантия пусть не полная, но достаточно внушительная. Другое дело — в везении истребителя. Иногда в одних и тех же ситуациях, в равных полётных условиях, торпеда, выпущенная одним пилотом, настигала цель, а другой пилот-истребитель, при идентичном маневрировании, скорости и расстоянии до цели, попадания не добивался. Вот почему Джокт непременно хотел верить в свою машину, как верил в везение Спенсера.

Казалось, «Зигзаг» заснул. Своими размерами он напоминал Джокту посыльное судно. Вот только корабль-авизо мог перевезти сколько-то там тонн груза или два десятка пассажиров. В боевом истребителе весь объём был занят для выполнения единственной задачи — выжить и победить в бою. «Зигзаг» будто бы замер в каком-то суровом сосредоточении, и Джокту неожиданно показалось, что истребитель сам пристально всматривается в своего будущего наездника фасетками светоулавливающих объективов и пытается прочесть мысли усиками навигационных антенн.

Пилот зависит от своей машины — истребителя. Истребитель находится во власти пилота. Две половинки одной души, пронзающие пространство почти со скоростью света.

Непроницаемо-чёрный светопоглощающий окрас «Зигзага» делал его зримо чуть меньше, чем он был на самом деле. Но Джокт знал — восемнадцать метров в длину, четыре с половиной — наибольшая высота в первой трети корпуса. Сверху истребитель напоминал очертаниями морского ската, которого Джокт видел в Изумрудном

зале Лунного причала. Распластанные эллипсы выступающих по бокам разгонных двигателей, чешуя лазерных и плазменных излучателей по всему корпусу, длинный прямой хвост, тянущийся на две трети общей длины, в котором скрыто всё навигационное и тактическое оборудование, защищенное специфической броней и кормовой турелью... Жабры тангажных движков и по паре выступов на каждом из разгонных — двигатели вертикального тангажа — клиренса. Учитывая, что все линии скрадывались, сливались с черным корпусом, «Зигзаг» действительно походил на воплощенный в металле биологический организм. Джокт побывал над ним сверху в монтажном гравиковше, и вполне убедился такой схожести.

Причем гравиковшем он пользовался исключительно ради получения полного представления о том, как выглядит его истребитель со всех ракурсов. Ведь пилот попадал внутрь снизу — через шлюз, после чего специальная капсула поднимала его в кабину, а освободившееся пространство подъемного стакана тут же заполнялось криогенным составом, так как охлаждение всех излучающих систем забортной температурой не могло полностью нейтрализовать избыток тепла, выделяемого при работе разгонными двигателями. Покинуть истребитель можно было только двумя путями — или своими ногами (которые ой как тяжело переставлять после полётных перегрузок!), потому что криогенный состав удалялся при швартовке, или же, в самом крайнем случае — используя катапультирующее устройство, отстреливающее всю кабину.

Снизу пространство между движками и килем «Зигзага» было занято двумя подвесками-арсеналами. Каждая подвеска имела шесть унифицированных лотков, составляющих две строенные секции, на которых можно было установить шесть торпед или же шесть имитаторов цели, 3 подавителя эфира или два контейнера-генератора гравитационных ловушек. Стандартов для снаряжения одиночного «Зигзага» каким-то определенным набором оружия (наступательного и оборонительного) не существовало. Потому что всегда учитывалось действие соединения истребителей — от тройки и выше. Как правило, лидер нёс в арсеналах десять торпед МПКТ (мультипараметральная контактная торпеда) и два имитатора (Има) для защиты от вражеских торпед. Первый ведомый снаряжался шестью МПКТ, они занимали по традиции всю правую подвеску, а на левых лотках устанавливались два радиобуя — подавителя эфира и столько же Имов. Второй ведомый оказывался наименее вооруженным, потому что нёс в арсеналах лишь четыре торпеды и два Има. Все шесть лотков другой подвески были заняты

под два контейнера с ловушками, которые должны были запускаться перед боевым столкновением в тыл неприятельскому строю, чтобы ограничить уклонение противника и его манёвренность, а также затруднить ввод в бой следующей волны.

Вынужденные обходить стороной зоны действия ловушек «Вельветы» и «Кнопки» могли атаковать только сплошной полусферой, наращивая от центра к краям, а не выводить истребители звено за звеном. У ловушек Солнечной зона захвата была существенно меньше, чем у Бессмертных, — черви оказались истинными кудесниками гравитационного боя, используя помимо выбрасываемых ловушек, с радиусом действия едва ли не втрое больше, чем у ловушек Солнечной, ещё и захватывающие лучи. К счастью, возможность удержать в луче земной корабль имели только крейсера и линкоры врага...

Командир девятки истребителей мог применить другую схему, при которой, например, все «Зигзаги» несли исключительно МПКТ, ну и по три-четыре имитатора, естественно, а отделенная тройка этого строя — управляемые наименее опытными пилотами, снаряжались средствами подавления связи и гравитационной борьбы. Они, само собой, активных действий в первой фазе боя — при сближении и дуэлях на контркурсах — не предпринимали. Опустошив арсеналы и оставшись только с оружием малого радиуса действия, эти три истребителя вели арьергардное прикрытие или вообще использовались в качестве дежурных эвакуаторов. К сожалению, исполнять роль эвакуаторов им доводилось очень редко. «Зигзаг», поврежденный в схватке настолько, что не мог совершить маневр принудительного выхода из боя и самостоятельной эвакуации, становился прекрасной мишенью для Бессмертных, и те немедленно прошивали его импульсными лучами, несущими смерть любой органике.

При крупном атакующем строе в несколько девяток (что тоже происходило редко), схема вооружения выбиралась произвольная. В том смысле, что такое соединение истребителей, действующее в обязательной связке с крейсерами и линкорами, не говоря уже об усиленном отряде мониторов, могло просто-напросто обложить группу противника ловушками со всех сторон условной сферы. И тогда — потерявшие маневренность, запутавшиеся в зонах действия гравитационных ловушек, звездолеты Бессмертных уничтожались кораблями Большого флота.

— Линкоры и мониторы, — объяснял инструктор по тактической подготовке, — это разящий тесак, которым рубят головы. Но

для того, чтоб им можно было воспользоваться, противника сначала нужно загнать шпагой в гибельный тупик. Эта шпага — наш истребительный флот...

После лекции среди курсантов появилось расхожее «будем фехтовать!»

Но теперь — все лекции в прошлом. Джокт гладил чёрный и почему-то теплый корпус истребителя, и вдруг ему почудилось, будто «Зигзаг» вздрогнул в ответ.

Есть истребители, а есть — истребители... Глупая фраза, но глупая только на первый взгляд. Та машина, на которой Джокт совершал учебные вылеты и что постоянно обманывала его неверной, завышенной индикацией скорости, — она была совсем другой. Не такой, как эта, она не умела реагировать на своего пилота и не вздрагивала корпусом. Пусть даже это и была всего лишь игра воображения. Да, именно так: есть огромная куча камней, а есть горы, есть много воды, а есть — океан. Есть истребители и... истребители!

— Внимание, стажеры! — Инструктор, глядя на счастливые лица учеников, и сам невольно светился улыбкой. — Теперь вам всем предстоит выбрать позывные для своих истребителей. Дать им имена, которые попадут в базу данных тактического терминала Крепости. Пока все «Зигзаги» имеют только нумерацию верфи, на которой были произведены. Позывные должны быть выбраны по интер-алфавиту Солнечной, потому что в бою каждая машина обозначена на экране командира соединения литерами. Представляете, что это будет за управление боем, если все точки на экране окажутся одной и той же повторяющейся буквой? Омега-один и омега-два, даже омега-три, это ещё куда ни шло. Но шестьдесят омег сведут с ума даже электронику, не говоря о командире. Итак, начинаем с правого фланга. Имя на альфу... Следующий — бета, и дальше...

Про шестьдесят омег не зря было сказано. Интер-алфавит Солнечной, включающий в себя как буквенные, так и иероглифические литеры, состоял именно из шестидесяти знаков. Седьмое учебно-боевое отделение начинало раздавать названия своим истребителям и использовало первую половину интер-алфавита, от «альфы» до «ксай». Шестое — продолжало. Пятое отделение опять возвращалось к альфе, но их истребители уже обозначались как альфа-1, бета-1 и так далее. Потом подходила очередь четвертого отделения. Наконец, третье начинало всё сначала, и это были альфы, беты — вторые.

Обратный отсчёт, который начинало последнее отделение, был ещё одной из бесчисленных традиций истребительного флота. Если

смена собственного имени пилота возвращала к давно забытым временам, когда люди, желая обмануть смерть, давали детям вторые, тайные имена, то обратный отсчёт являлся выдумкой какого-то психолога, настоявшего на так называемом скрытом паритете. Отделение — последнее по реестру, а вот истребители у них — первые.

Может быть, кому-то всё казалось полной ерундой, но что-то, видимо, было в идее безызвестного психолога, раз уж такая традиция процветала во всех Крепостях. Джокт вспоминал свои давние экзамены в институте гравионики, там происходило то же самое — первыми подходили к экзаменационным терминалам наиболее уверенные в себе абитуриенты, последними... ну, в общем, их противоположности. А потом, после поступления, те самые, что были первыми, оказывались посередине и даже в конце списка. И это был пусть крохотный для них, но дискомфорт.

Первые — они же последние, и последние, которые являются в чём-то первыми... В этом действительно что-то было — например, очередной своеобразный палиндром.

— Ещё одно обязательное условие, — привлек к себе внимание инструктор, едва утихли многочисленные шутки и комментарии по поводу названий для истребителей на ту или иную букву, — обозначение ваших машин должно быть кратким. «Зигзаг» — не линкор, который можно назвать «Неукротимый дух Эвереста, держащего на плечах небо», — дружный смех при упоминания известной на всю Солнечную «цветастой» группы линкоров с верфи Циндао-4, славящуюся красочностью названий изготавливаемых там звездолётов, — и не «Двести лет объединения Солнечной» верфи «Мелитополь». Я рекомендую использовать не более восьми букв в названии. Чем оно станет короче, тем легче будет вам общаться в боевой обстановке. Потому что за то время, что уйдёт на вызов какого-нибудь «Навуходоносора», его успеет сбить торпеда.

Джокт, который должен был начинать название с «вед», почему-то вспомнил красоту Лунного причала, увиденного на Земле. И, перебрав в памяти всё, что отложилось после посещений Лунного причала, неожиданно отчетливо представил зал, в котором царила сочная игра цвета — из-за оригинального остекления зала. Он ещё переспросил тогда у Балу — как это называется...

— Витраж!

И это слово из шести букв не шло ни в какое сравнение с загадочным «Каэлао», что выбрал себе Гаваец. Потому что на выдохе «Витраж» звучал почти в два раза короче.

— А что это такое? — переспрашивали Гавайца, но тот отмалчивался, сохраняя присущую ему невозмутимость, и не обращал никакого внимания на вольные попытки толкования этого названия.

Когда выбор имён-позывных для «Зигзагов» был окончен, курсантам разрешили подняться в кабины. Само собой, без заполнения подъёмного стакана криогенном. Джокт замер, оказавшись в кресле пилота.

Нет, действительно, есть истребители, а есть — «Витраж»!

Экраны визуализации позволяли вести обзор во всех направлениях — на триста шестьдесят градусов вкруговую и столько же — в перпендикулярной плоскости. В ждущем режиме экраны казались прорезями, опоясавшими кабину пилота, будто ленты. Но стоило им перейти в полностью рабочее состояние, и пол под ногами должен был провалиться, куда-то уйти, исчезнуть... А вместе с ним — бронеколпак кабины, и всё-всё-всё! Пилот словно оставался висеть в пространстве, окруженный со всех сторон огоньками далёких звёзд, и тогда ощущение единения с пространством нарушало только присутствие панели управления с терминалом навигационного и тактического вычислителей, да ещё две сверхчувствительные педали под ногами.

Джокту уже было знакомо по учебным полётам такое чувство — оказываться в незримом коконе, когда внешние детали корпуса — двигатели, подвески-арсеналы, хвост, — всё исчезало для него... Конечно, режим визуализации мог быть изменен. Это как смена камеры обзора при игре в компьютерные гонки, где одни предпочитают мчаться вот так, без антуража кабины, бестелесно, другим — наоборот, хочется оставаться внутри, чтобы сохранялась грань: вот я внутри, а вот — всё остальное снаружи. При критических повреждениях оптики, когда большинство световодов приходит в негодность, можно даже скинуть бронеколпак, и увидеть звёзды вживую, собственными глазами, а не через экраны визуализации.

Сейчас Джокт не видел, что происходит на «Юге» — в кормовой полусфере «Зигзага». Можно было вывести картинку на вспомогательный экран, и так тоже поступали довольно часто, чтоб не вертеть во время боя головой. Сколько не оглядывался бы сейчас Джокт, нижняя часть «южной» полусферы была недоступна его вниманию. Зато сильно скошенный от кабины к носу корпус истребителя позволял видеть, что инструктор подаёт всем какие-то знаки.

— Надеть шлемофон! — догадался Джокт. — Раз мы в кабинах без СВЗ, то можно пользоваться внутренней связью через аварийный шлемофон.

Искомый был обнаружен под креслом пилота, вместе в составе аварийного набора, куда входила ёмкость — НЗ со сжатым кислородом, которого должно хватить на несколько часов, набор концентратов «спейсэргер», — и Джокт сразу же подумал, какова будет на них реакция Барона? — герметичный термос с водой, имеющий выход на систему цикличной очистки. Ракетницу и гранату-излучатель, которой можно воспользоваться при отстреле кабины от истребителя, — для подачи сигнала.

— Не хватает только видеорекордера с парочкой записанных чипов, чтобы веселее скоротать время, — весело подумал Джокт, — время, достаточное, чтоб тебя, почему-то ещё живого, подобрали свои, или же то время, на которое хватит кислорода.

Однако и с кислородным запасом пилот, несомненно, должен был погибнуть, если бы находился в кабине без СВЗ, имеющего термальную прослойку. Холод космоса в этом случае просто-напросто сожрал бы кабину, превращенную в спасательную капсулу, раньше, чем пилот успеет сделать хотя бы пару выдохов.

— Как вам лошадки? — прозвучало в шлемофоне. — Готовы начать их объездку? Тогда через два часа начинаем вылеты. Всем получить новые СВЗ и офицерские индапы!

— Началось! Наконец-то началось! — ликовал Джокт. — Остались только две недели учёбы, и будет «чайка»!

Вот только водораздел между курсантской жизнью и жизнью действительного пилота — загадочный Первый Боевой, никак не давал покоя.

Почему всё окутано тайной, искал и не находил ответа на свой вопрос Джокт. А тайна оказалась настолько непроницаемой, что не он один — все остальные стажеры тоже мучались этим вопросом.

Зато для Джокта наконец-то настало время откровенно заглянуть в глаза всему темному, что жило в нём, всему, что сдавливало в полночь грудную клетку, самому жестокому врагу — памяти. И Джокт встроил в панель управления «Витража» голографию своей семьи. Он очень хотел видеть их в тот день, когда найдёт навигатора — Бессмертного, расправившегося с «Хвангом».

Когда Джокт достал семейный снимок и прошептал: «Здравствуйте, родные!», из глаз опять пошли слёзы, как бывало и раньше. В другой, прошлой жизни, где он ещё звался Джокартом.

С голографией Лиин всё оказалось намного сложнее. Десять минут, а может быть, и больше, Джокт вглядывался в милые черты, пытаясь прочесть в её взгляде что-то такое, что не смог уловить раньше, за всё время их знакомства. Потом ещё какое-то время

он раздумывал — нужно, не нужно? Посмотрев с сожалением на оставшийся пустым квадратик в панели управления, Джокт принял решение и выбросил последнее напоминание о бывшей любви в утилизатор. Он вполне отдавал себе отчёт, что когда-нибудь потом будет мучиться вновь, вызывая в памяти образ Лиин, будет сожалеть, что не оставил на память эту голографию... Но ведь она его предала! Пускай даже ради собственной великой мечты, дорога к которой не была усыпана для Лиин розами... Но всё равно — предала! Предала! Джокт ударил кулаком по сенсору включения утилизатора.

Прощай, Лиин! Ты ушла, даже не попрощавшись. Жаль, что не забрала с собой мои к тебе чувства... Теперь — вот так, на атомы, в прах! Пусть уйдёт и это... Даже если осталась память.

«Витраж» во многом выгодно отличался от учебного истребителя. Скорость — скоростью, но имелись и другие отличия. Радиусы разворотов у него были меньше, время разгона — «разбег» — короче. Новенькие откалиброванные движки позволяли выделывать множество фокусов, недоступных Джокту при пилотировании учебного «Зигзага». Теперь курсант научился не только брать старт с задвинутыми заслонками... Единственное, что вначале оказалось неприятной неожиданностью, была новая компоновка панели управления. Даже рукоять джойстика, ещё не истёртая множеством прикосновений, по-другому ложилась в ладонь. Но вскоре он привык, и успел забыть старую компоновку панели. Теперь всё казалось привычным, можно сказать — обжитым. И до Первого Боевого осталось только два дня.

— Ну скажи! Неужели так мне ничего и не скажешь? — допытывался он у Спенсера, заглядывая ему в глаза с преданностью цепного пса.

Какое-то мгновенье Джокту казалось, что все завесы сейчас упадут, и Спенсер всё-таки шепнёт ему на ухо хотя бы несколько слов.

Но это ему только показалось.

— Понимаешь, Джокт, это не моя тайна. Почему — узнаешь послезавтра. Я думаю, что ты успел научиться многому, и значит — всё будет в порядке. А сейчас оставь свои вопросы, у меня через час очень важный рейд.

— Работаешь в тройке? В девятке? — поняв, что ему ничего не добиться, Джокт подхватил новую тему.

Он всегда волновался за Спенсера, боясь, что однажды пилот не вернётся из рейда.

— Нет, дружище. Не угадал. Лечу один.

— П-почему? — запнулся от неожиданности Джокт.

— Потому, что кончается на соответствующую букву! Так надо, и большего я сказать не могу.

— Топ — секрет? Ладно... — вроде бы перестал любопытствовать курсант, но уже через минуту, увидев, что пилот действительно торопится, попытался разузнать о странном вылете, но уже с другого конца. — А вот ты при одиночном полёте как загрузишь арсенальные подвески? «Пополам»?

«Пополам» — так называлась схема вооружения эскортного истребителя, уходящего на большие расстояния. Если приходилось сопровождать какой-нибудь корабль авизо на короткое расстояние, использовалась схема «Одиннадцать»: десять Имов, для непрерывного их отстрела с целью прикрытия сопровождаемого и две торпеды — на всякий счастливый случай. Почему «одиннадцать», если Имов только десять? Просто, если случай выпадет несчастливый, то в критический момент истребитель сам должен был оказаться в роли Има, приняв контакт с вражеской торпедой, спасая ценой своей гибели эскортируемый звездолёт. Имей когда-то «Хванг» хотя бы один истребитель, оснащенный по схеме «одиннадцать», он мог бы уйти...

Ответ Спенсера прервал печальную мысль.

— Ты не поверишь. Лечу «нулём». Даже плазмогенераторы собираюсь снять...

Такой ответ выглядел просто издевкой. «Ноль», он ноль и есть — полностью пустой, невооруженный «Зигзаг» мог надеяться разве что на сомнительное уменьшение возможности засечь его энергорадаром. Такой истребитель опознавался бы Бессмертными как авизо или ещё какая-нибудь мелочь, не стоящая внимания. Вот только внимание своё враг обращал теперь на любой корабль Солнечной.

— Спенсер, зачем ты так? Не хочешь, или не можешь говорить — не говори. Работа есть работа, я понимаю... Но...

— Я и не шучу, Джокт. Имеющий вдобавок к ушам ещё и разум — не только услышит, услышать и животное может, но и кое-что поймёт... Мой полёт напрямую связан с вашим Первым Боевым. И на этом точка. Всё. Больше ничего не скажу.

— Всё равно не понимаю...

— Послезавтра. Всё — послезавтра... А за меня переживать не нужно, потому что этот вылет будет со стопроцентным возвратом.

Вернусь, пойду в эр-пэ-вэ, и там буду уже переживать за тебя и за всех остальных стажеров. Честно! Ты лучше пока подумай — кто в отделении на что горазд, прикинь сильные и слабые стороны, собственные и других ребят...Попробуй заранее продумать — что ты станешь делать во время боя. Первый Боевой — он взаправду боевой. Торпедирование, уклонения, усложненные рисунки полёта... Всё продумай, Джокт. Я вернусь только завтра, но, боюсь, с тобой мы не увидимся. Не люблю говорить «до свидания»... И обязательно ложись спать пораньше. Не получится — «попроси» сон у индапа. Хороший сон придётся очень кстати перед боем...

Спенсер ушёл, оставив Джокта разбираться во всём сумбуре, что творился в голове после таких речей. Здесь была и схема «ноль», и совет выспаться, и множество прочих теней от непонятых тайн.

Глава 11

Следующий день был наполнен странностями, как Галактика — звездами. На утреннем построении курсантов встретили не офицеры курсов, как обычно, а только полётный инструктор.

— Значит, так, — отсекая возможные вопросы, он начал с ходу «давить голосом», — перед завтрашним вылетом вам даётся свободный день, поэтому никаких занятий на сегодня, первый боевой будет производиться следующим образом: каждое отделение получит свой оперативный квадрат для проведения операции «Альфа». Свободная охота — занятие не такое простое, как принято считать, напротив, это ответственная работа и половина успеха будет зависеть от того, как подготовиться к вылету. Так что к обеду оружейники должны получить от вас планы снаряжения истребителей. И в этом, — послышался ропот, инструктор повысил голос, и теперь он звенел, отражаясь от стен, — у вас не будет советчиков, так что продумайте всё до мелочей, прикиньте схему вооружения, которая должна находиться в прямой зависимости от избранной тактики. Разрешается даже индивидуальный подбор оружия, — кто не чувствует в себе достаточно уверенности для проведения активных, наступательных действий, пусть набирает побольше Имов. Остальные, кто уверен в собственных способностях пилотирования, можете забить хоть все арсенальные подвески торпедами. Относительно гравитационных ловушек думайте сами. Определенно я могу сказать только насчёт подавителей эфира: они

вам не потребуются... Полётные карты загрузят в навигационные терминалы истребителей завтра, перед вылетом. Отбой — на два часа раньше обычного, с принудительным погружением в сон. Это всё. Теперь можете задавать вопросы, но я не обещаю ответить на все...

Вопросов у каждого из курсантов имелось множество. Целую минуту никто не знал — с какого начать? Особенно после откровения инструктора насчёт ответов.

— Помимо тридцати истребителей нашего отделения какие ещё силы будут участвовать в операции? — первым собрался с мыслями Барон.

Наверняка ответ на такой вопрос интересовал любого курсанта. Но ответа как раз и не последовало.

— Не располагаю данными, — коротко бросил инструктор, и первое же ожидание сменилось досадой, вырвавшейся единым общим выдохом.

— Вероятная численность и состав флота противника?

Казалось бы, на этот вопрос уж точно не найдётся ответа. Однако же нашёлся! Только что курсантам было отказано узнать о собственных общих силах боевой группы, в составе которой предстоит выйти в рейд. С чего бы после такого прозвучать информации о флоте Бессмертных? А вот — прозвучало. Хотя инструктор заметно колебался, прежде чем ответить.

— Группа истребителей, без прикрытия, предположительно от двадцати до сорока машин. Плюс-минус ещё десяток... Хотя лучше без минуса — вас встретят от двадцати до пятидесяти «Кнопок».

— Схема вооружения врага? «Кнопки» готовятся к наступательным действиям или...

— Неизвестно. — Инструктор вгляделся в напряженные лица и чуть-чуть смягчил тон: — Честно, никто не знает...

— Можем ли мы надеяться на прикрытие мониторов дальнего действия?

— Мониторы будут обязательно. Координаты зон прикрытия, обеспеченные работой мониторов, тоже загрузят в навигационные и тактические терминалы ваших «Зигзагов». Завтра, непосредственно перед вылетом.

— Удаление места боя от Крепости?

— А какая, собственно, разница? Привыкайте к тому, что истребители используются на любом удалении.

— Прогноз количества оставшихся в живых после боя?

— Не бывает таких прогнозов. Это только от вас зависит.

— Рекомендуемая схема вооружения? — Кто-то пытался схитрить и был тут же высмеян.

— Для вас персонально я порекомендую сменить имя на какое-нибудь другое, но чтоб оно обязательно содержало в себе сочетание «хитрая задница»! Ответ дан в самом начале разговора.

— Простите, но... — не унимался тот же курсант.

— Прощаю. Следующий вопрос.

— Рекомендуемая скорость движения в бою?

«Ну всё, началось! — подумал Джокт. — Сейчас все будут стараться задавать наводящие вопросы, играть словами, чтобы выцарапать как можно больше сведений, которых нам знать почему-то не положено. Инструктор, конечно, не дурак, всё понимает, и, пожалуй, можно только разозлить его!» Именно так и вышло.

— Скорость в бою вас интересует? А вам не кажется, что уже пора оторваться от материнской груди? Я всех спрашиваю — готовы ли вы стать действительными пилотами?

— Да, ком! — дружно выкрикнуло отделение.

— Если так, то я прошу прекратить этот цирк. Скорость в бою... Вооружение для боя... Надеюсь, никто не ждёт от меня полётно-тактической схемы, где всё будет расписано, как по нотам — когда запускать торпеды? Когда отстреливать Имитатор ложной цели? Каким именно образом использовать гравитационные ловушки?

Это ваш бой! Первый! И последний экзамен курсов, после которого всё станет на свои места, и вы наденете офицерскую форму действительных пилотов. Те, кто выживет в этом бою... Могу обрадовать, для всех, кто не ждёт никаких подсказок и намерен с честью провести бой, кто отличится в этой схватке, — для них допустимо присвоение звания первого лейтенанта. Шагнуть через ступеньку, — поверьте! — такая возможность появляется нечасто. Итак, ещё вопросы?

— Нет вопросов, ком! — выпалил неожиданно для себя Джокт, который, если честно, почти придумал, как спросить инструктора о предстоящем бое, чтоб добиться ответа.

Барон ободряюще улыбнулся Джокту и согласно кивнул. Гаваец показал руку с поднятым большим пальцем. Несогласные с окончанием разговора — такие наверняка ещё оставались — никаких возражений на узурпацию общего мнения Джоктом не высказали.

Инструктор дважды обвел взглядом строй и, убедившись, что вопросов действительно больше не будет, сказал:

— Вот и замечательно. Почти как настоящие пилоты!

Потом он прошёлся вдоль строя, поправил воротник комбинезона одного из курсантов, смахнул несуществующую пылинку с плеча второго... И все поняли — он многое знал, их полётный инструктор, и мог бы сказать, отправляя отделение в первое боевое сражение. Но что-то мешало ему это сделать. И не только ему одному... Прекратив хождение перед строем, инструктор остановился в центре зала.

— Отделению вернуться в кубрик для составления схемы вооружения! В четырнадцать ноль-ноль корабельного времени схема должна быть готова — на все тридцать истребителей. Её вы передадите оружейнику, который зайдёт к вам. А я, — тут инструктор взглянул на нарукавный хронометр, — я вынужден буду вас покинуть. Все офицеры курсов отправляются на Землю — за пополнением. Так что...

Делать выводы из сказанного он предоставил недоумевающим курсантам. Какие могут быть неотложные дела, если завтра их отделение ожидает смертельная схватка, из которой ещё неизвестно — суждено ли вернуться большинству в крепость? И к чему тогда несколько лет подготовки? Неужели самый важный экзамен должен происходить вот так: в вопросах, остающихся без ответов? Кто, в конце концов, направит их всех в неведомый квадрат на свободную охоту, неужели — офицеры технического отдела?

Словно подслушав мысли курсантов, инструктор поспешил подбодрить на прощание:

— Да, вот ещё что! — Он снова раздумывал — говорить или нет? Но потом неожиданно улыбнулся: — Не волнуйтесь вы так! Если бы крепость не была уверена в своих курсантах, никто не допустил бы вас к Первому Боевому. Вот и я советую — верьте в себя. Увидите, всё закончится хорошо. Из боя вы возвратитесь в крепость уже не стажерами, а действительными пилотами.

Наверное, сказанного показалось инструктору мало, и он продолжил:

— В любом случае, что бы ни произошло в квадрате Свободной охоты, я буду рядом...

Ага! Уже кое-что, обрадовался Джокт, теперь можно быть уверенными, что хоть один действительный пилот идёт с нами. Отряд мониторов, готовый принять под свою защиту учебно-боевое отделение... Спенсер, непонятно зачем и куда отправившийся для выполнения загадочной миссии... Нет, о нас не забыли... И на произвол судьбы никто никого не бросает! Просто дали понять, что наша жизнь пилотов начнётся во время Первого Боевого, а не после него. Что ж, так тому и быть!

— Барон! Гаваец! — подозвал своих ведомых Джокт. — Про вооружение когда будем думать? Предлагаю ещё до завтрака подготовить заявку, а всё остальное время освободить для составления схемы боя...

— Нелогично получается, — резонно заметил Барон, — сначала выбираем вооружение, а только потом думаем — что мы станем делать? Атаковать или обороняться? И вообще...

Гаваец пожал плечами, показывая, что ему всё равно и что заранее предвидеть ничего не возможно.

Остальные курсанты тоже собрались по трое, устоявшимися полётными составами. Инструктор ушёл, и теперь стажеры были предоставлены сами себе.

— Есть предложение! — перекрыл общий хаос голосов Нерон — лидер в своей тройке. — Сначала встречаются лидеры и советуются, — как поступить? — потом их решение узнают остальные.

— Ты уверен, что так будет справедливо? — тут же отозвался Филеас.

Джокт догадывался, почему Филеас оспорил чужое, пусть и не лишенное разумности, предложение. Просто он сам мечтал стать лидером, но почему-то инструктор всегда выставлял машину Филеаса в ведомые.

— Да, уверен! — ни секунды не колеблясь, ответил Нерон. Он вообще был человеком весьма и весьма категоричным, не терпящим, когда ему возражают.— Я считаю — сейчас не самое удачное время для оспаривания прав лидера и смены составов полётных трое. Разве что кто-нибудь из лидеров сам, добровольно откажется от своей роли...

— Согласен! — высказался Пилот, так и не сменивший случайное имя на другое, хотя ему, как и другим, предлагалось.

— Согласен! — Ещё один голос, следующего лидера — Монса.

Джокт заметил, как неоднозначно реагируют на предложение Нерона все ведомые — двадцать курсантов, из которых трое к тому же были переведены на курсы «Австралии» с Земли, для доукомплектации учебной группы. А вот на Земле, насколько было известно, двое из них тоже вышли в лидеры...

— Послушайте! — начал Джокт, решивший стать миротворцем в сложившейся ситуации, ведь непонимание и взаимная неприязнь — это самое последнее, что было нужно курсантам при подготовке к полёту. — Менять лидеров в нашем положении — это, конечно, глупость. Но только никто не говорил нам, что лидер учебно-боевой группы обязательно станет лидером среди дей-

ствительных пилотов. Разбивка на тройки происходила принудительно, хотя и не без учёта талантов каждого из нас, по указанию инструктора. Поэтому я считаю, что планы будущего сражения и схему вооружения истребителей должны обсуждать не только лидеры. Ни у кого из нас нет боевого опыта. А на практике я убедился, что мои ведомые, — он обернулся к Барону и Гавайцу, успев заметить попытку погасить блеск в глазах — у первого и непрошибаемую невозмутимость второго, — один из них достоин быть лидером даже больше, чем я.

— Правильно, Джокт! — Филеас был доволен, что выскочка-Нерон, его старый недруг, не смог протащить свою идею.

— Пусть каждый лидер сначала посоветуется со своей группой, и только после этого мы вместе сможем детально обдумать вопросы тактики. Ну и схему вооружения, конечно.

Нерон скорчил гримасу, будто пережевывал лимон. Он был самым старшим по возрасту стажером на курсах, ему уже стукнуло двадцать семь. Естественно, всегда и во всём он пытался играть роль командира. Именно так — играть роль. Ведь пока шла подготовка, все вылеты являлись учебными. Неожиданностей, из-за которых отделения курсов могли бы использоваться в каких-нибудь операциях, за время обучения не произошло. Поэтому неизвестно ещё — как проявит себя Нерон, попади он в компанию ещё более взрослых действительных пилотов.

По меткому замечанию Барона, ведомыми Нерона оказались двое самых молодых курсантов в отделении: Кама — тот, который — Мама и Умас, чуть было не оставшийся Ужасом. К счастью, руководство курсов оказалось не настолько безжалостным к их ошибкам и позволило заменить неудачные имена, получившиеся из-за волнения при первом старте на околосветовой скорости, с единственным условием — чтоб имена оказались созвучны занесенным в тактический терминал Крепости. Так и получились: Кама-Мама, Ужас-Умас... Вот Курса так и остался Курсой, Пилот — Пилотом. А Пилот-второй стал Аватароем... Стажер, которого раньше звали Нгой, тот самый, что не к месту попытался задать вопрос, тоже остался под странным прозвищем — «Почему». Без вопросительного знака, как шутили потом остальные. Фантазии всего отделения не хватило, чтоб придумать созвучное слово, походившее к тому же на имя. «Почему» и не унывал, утверждая, что стал самым большим оригиналом.

Предложение Джокта было принято. Барон, потянув его за рукав, отвесил сомнительный комплимент.

— Вот уж не знал, что ты можешь быть блестящим популистом!

Джокт, в жизни не слыхавший таких слов, отмахнулся:

— Оставь свои хайменские штучки. Думай — чем вооружаться будешь?

— Об этом подумать я успею. А вот ты сделал серьёзную заявку на то, чтобы стать лидером для всего строя. Уверен, если мы будем его выбирать, все ведомые назовут именно тебя.

— Даже не задумывался над этим... Неужели ты решил, что я специально?

Барон рассмеялся:

— В том то и дело, что не специально! В том то и дело... Фальшь в таких вопросах видна издалека. Искренность — это то, чего сейчас не хватает остальным лидерам... А ты был искренним. И если уж хочешь знать моё мнение — абсолютно неправым.

Вот это да! Джокт от неожиданности заморгал.

— Видишь ли, — пояснил Барон, — ни к какому единому мнению мы всё равно не сможем прийти, как бы ни старались. А вот выбор одного варианта из десяти, то есть совещание только лидеров, это совсем не то, что выбор из тридцати вариантов. Согласен?

Джокт усмехнулся, внутренне поражаясь тому, как быстро умеет Барон переставить ситуацию с ног на голову.

— Если я скажу тебе забить все арсенальные лотки только торпедами, ты сразу же согласишься, так выходит?

— Да, Джокт. Соглашусь. Потому что я тебе верю. Такое всегда происходит с порядочными людьми: они больше беспокоятся о других, чем о себе лично. И если ты скажешь, чтоб я вышел в бой без защиты Имов, значит, Гаваец получит от тебя указание защищать сразу два истребителя — и свой, и мой. Вот Нерону я не стал бы доверять. Он всегда больше думает о себе. Увидишь, он будет проталкивать тактику, которая использовалась нами при самых первых вылетах в тройках...

— Лидер — атакует, ведомые — прикрывают? Двенадцать торпед — у лидера, двадцать Имов — у ведомых... И что в этом плохого?

— А ты не понимаешь? Потом скажешь — насколько я угадал.

Джокт задумался и увидел ту опасность, которую имел в виду Барон.

При боевом контакте на встречных курсах, после которого авангард превращается в арьергард, для ведомых такой расклад становится далеко не самым лучшим. Что они будут делать, если в первой атаке придётся израсходовать половину Имов — больше для прикрытия лидера, между прочим... Если они не помешают строю

врага выпустить веер торпед и израсходуют уже для собственного прикрытия оставшиеся Имы, на средней дистанции любая торпеда, окажись она в запасе у врага, несёт им гибель!

Он тут же поделился размышлениями с Бароном, и тот кивнул.

— Зато представляешь, какое поле деятельности для лидера этой тройки! «Кнопки» отстрелялись по ведомым и остались без торпед, дистанция сокращена до минимума. И тут он — весь в белом! — в упор расстреливает всё, что перед ним движется. Победа!

— А ведомые?

— Какие ведомые? Их уже нет. В лучшем случае, сработает программа эвакуации, и они пойдут служить второй срок... А обычно даже праха не остаётся.

— Это неправильно. — Джокт оглянулся, посмотрев в сторону Нерона, который как раз что-то втолковывал своим ведомым, и те бледнели с каждым его словом всё больше и больше.

Неужели Барон угадал? И Нерон попытается использовать именно такую схему вооружения, чтобы ценой жизни своих ведомых купить победу?

— Джокт, — снова Барон, и опять переворачивает с ног на голову, — к таким вещам нельзя применять категории «правильно — неправильно». Всё будет зависеть от исхода поединка. Если погибнут двое ведомых, но взамен лидеру удастся сбить пять-шесть «Кнопок», скорее всего его сочтут героем и он получит первого лейтенанта...

— Это неправильно, — упрямо повторил Джокт.

Теперь он видел, как Кама с Умасом, вначале робко, а потом всё твёрже, отрицательно качают головами. Нерон повысил голос и начал размахивать руками перед лицами ведомых.

— Одно дело, случайности и необходимости в бою, может быть, Кама с Умасом сами решат пожертвовать собой ради победы.... Другое — расчётливое продвижение к славе по чужим головам.

— Это самый эффективный метод! Ты не знал? Ещё говорят — «перешагивает через трупы». Лично я уверен, что Нерон сумеет убедить их в чём угодно... Давай думать о вооружении нашей тройки.

— Ты же сказал, что доверяешь? — Джокт выжидал, чтоб к нему вернулась только что ускользнувшая мысль. Он был просто уверен, что сумеет найти выход — для всех, не только для себя и своих ведомых.

— Я действительно тебе доверяю и от своих слов не отказываюсь. Прошу только об одном — не воспользуйся моим доверием и не стань вторым Нероном. Просто я думаю, что каждый истребитель

должен нести и Имы, и торпеды. Подавители эфира нам советовали не брать, значит...

— Схема «Пополам», — неуверенно сказал Джокт, — нас может раскидать в бою, и мы ничем не поможем друг другу. Осталось лишь придумать, что делать с ловушками? Можно вообще от них отказаться, а можно...

— Я возьму две ловушки, — неожиданно заявил молчавший всё это время Гаваец.

— Зачем? — вырвалось у Джокта.

— У меня останется место для четырех торпед и двух Имов, — не обращая внимания на этот вопрос лидера, Гаваец продолжал говорить. — Если я что-то из себя представляю, то мне будет достаточно. Вы можете взять по одной ловушке и к ним — по пять торпед и по четыре Има. Или наоборот. Потому что ловушками можно попытаться отсечь тройку Бессмертных, и тогда получится на равных. Наша тройка — против тройки «Кнопок».

— Работаем в обычной схеме, прикрываем Джокту хвост, и после его выхода из атаки атакуем сами, — подхватил мысль Гавайца Барон.

«Не то! Не то!» — кричало что-то внутри Джокта, но спасительная идея не торопилась вернуться, поэтому он согласился.

— Уф! — Барон картинно отер лоб, словно после тяжелой работы. — Половина дела сделана, а дальше — как фишки лягут. Интересно, что остальные себе мыслят?

Здесь, прямо в зале для построений, только четыре тройки смогли сообща согласовать примерную тактику и вооружение. Нерон так и не убедил своих ведомых, ещё в пяти тройках рассматривали сразу несколько вариантов и пока не решили — на каком остановиться.

После скоротечного завтрака подтвердилось то, о чём говорил инструктор: все офицеры курсов вылетели на Землю и должны были вернуться только к завтрашнему дню.

Отсутствовал даже комендант Крепости, а в адъютантском отделе особо интересующимся курсантам посоветовали дождаться возвращения офицера-куратора и уже ему задавать свои глупые вопросы.

— Ну вот, — изобразив глубокую печаль, съязвил Курса, проходя мимо тройки Джокта, — оставили нас одних, на геройскую погибель, чтобы никого больше совесть потом не мучила.

Собравшись в кубрике, недоговорившиеся тройки продолжили внутренние споры. Громче всех звучал голос Нерона, который старался теперь убедить не только своих ведомых, но и тройку Аватароя в собственной правоте.

— Сходил бы ты, послушал, что ли, — лениво протянул Барон, обратившись к Гавайцу.

Дважды просить его не приходилось, и он, продолжая сохранять невозмутимость, направился к Нерону.

Вернулся Гаваец почти сразу. Причем теперь он не выглядел невозмутимым. Скорее — удивленным.

— Ну что? — Джокту было интересно не столько предложение Нерона, сколько умение Барона разбираться в людях и их устремлениях.

— Барон ошибался. Все торпеды он предлагает взять ведомым, а сам, с двенадцатью Имами, обязуется защищать их до последнего своего дыхания.

— Как всё запущено! — Барон ничуть не смутился тем, что не угадал. — Ты не находишь, Джокт, что это то же самое, о чём я говорил, только в сто раз хуже?

— Погоди, что-то я не понимаю... Какой смысл лидеру нести только оборонительное оружие? Ведь он первым выходит в атаку. Гаваец, ты ничего не напутал?

Тот лишь выразительно хмыкнул — «спрашиваешь тоже!»

— Какой смысл — я не знаю. Но только Нерон втолковывал что-то про фактор неожиданности и прочее счастье, что ожидает его тройку в бою, если Кама с Умасом согласятся принять такую схему...

— Задача максимум — стать героем, а минимум — остаться в живых. Если ведомые согласятся, то Нерон, можно сказать, свою задачу-минимум уже выполнил! — прокомментировал Барон.

— Но для защиты трёх истребителей — своего и ведомых — он отстреляет Имы всего в два приема. Что дальше?

Нельзя сказать, что Джокту нравилась роль скептика. Просто он уже не раз убеждался, что после разговоров с Бароном именно в такой манере легче всего найти истину.

— А дальше он может уйти под защиту мониторов. Нерон — один из лучших пилотов по части исполнения маневров ухода.

— А ведомые?

Барон задумчиво посмотрел в сторону Умаса и Камы, потом тряхнул головой, словно отгоняя дурные мысли.

— Я же тебе говорил, что удобно чувствую себя за твоим хвостом, Джокт. Если бы это был не ты, я бы скорее всего, любой ценой добивался лидерства в тройке.

— Да у вас прямо любовь! — пошутил Курса, услышавший пение дифирамб. — Присоединиться можно?

— Садись! — Барон подвинулся, освобождая место на гравикойке.

— Ну и чего вы надумали? — всё тем же шутливым тоном поинтересовался Курса, сам являвшийся лидером, однако взгляд его при этом стал напряженным.

Джокт сообщил принятую схему вооружения и приблизительную тактику боя, не скрыв и того, что задумка принадлежит Гавайцу.

— А у вас что выходит?

— Решили — всем идти «Пополам».

— Без ловушек?

— А зачем? Нужно готовиться к худшему, чтобы всё другое лучшим показалось. Если начнётся свалка — какие уж там ловушки? Или если придётся разделиться... Так для каждого — равный шанс.

— Фатализм! — бросил Барон и стал перечислять все недостатки схемы боя, в котором «Зигзаги» не будут нести гравитационных ловушек.

Потом к ним присоединились Монс и Пилот — ещё два лидера, в чьих тройках было достигнуто согласие. Пилот тоже выбрал схему «Пополам», не надеясь, что им удастся сохранить строй. А вот предложение Монса оказалось более чем оригинальным. И теперь он нервничал, опасаясь, как бы его не сочли трусом.

— Мои ведомые — лучшие постановщики ловушек в отделении, — то ли утверждал, то ли выспрашивал лидер, пытаясь уловить реакцию собеседников, но это было правдой, всем известно мастерство тройки Монса при постановке гравитационных ловушек. — Предлагаю, чтоб моя тройка несла двенадцать ловушек, тогда остальные смогут взять больше торпед и Имов.

Вот! Вот оно! Наконец-то прозвучали слова, позволившие Джокту дооформить мысль в чёткую картинку.

— Великолепно, Монс! Просто великолепно!

— Ну, это только одно предложение. — Монс почему то решил, что Джокт высмеивает его. — А так мы готовы нести и торпеды...

Нерешительнее Монса в отделении были только Кама и Умас, ведомые Нерона.

— Ты не понял! Скажи своим ведомым, что они просто молодцы, если согласятся на такую схему. Значит так... Нас тут четверо лидеров, вот и прикинем кое-что...

«Странно, но почему же кроме него никто не додумался до такого очевидного решения?» — недоумевал Джокт.

Это же так просто! Работая в тройках, они будут представлять для врага лёгкие мишени, в любом случае, нужно попытаться выйти общим строем, так чтобы одни тройки смогли прикрыть других. Почему не использовать плюсы каждого курсанта? Зачем нужно искать «золотую середину», если и так ясно — лучше тройки Монса никто не выставит ловушки, он, Джокт, со своими Бароном и Гавайцем должны атаковать, всё равно ни один из них не чувствовал себя достаточно уверенным для принятия оборонительного боя. А есть тройки, которым сам космос велел огрызаться Имами, чтоб враг потратил как можно больше своих торпед.

— Барон, ты куда? Останься. Вы, кстати, тоже пригласите ведомых. У меня пока только набросок, и нужно ещё о многом подумать...

Минут через пятнадцать, обратив внимание, что в углу кубрика сгрудилось двенадцать человек и что-то энергично обсуждают, выстраивая на электронных планшетах какие-то схемы, к ним подтянулись и другие — тройка Аватароя, Ксура и Лазаря. Нерон, Валдис и Ким продолжали планирование только со своими ведомыми.

— Не пойдёт! — звучало теперь рядом с Джоктом.

— Ещё как пойдёт! — отвечали сомневающемуся. — Правильно Джокт говорит, выходить в бой разрозненно, тройками, — ерунда. С таким же успехом вообще можно поодиночке сражаться!

— Эй, вы! Идите сюда! — позвали и остальных девятерых курсантов.

Валдис с Кимом и их ведомые присоединились сразу. Нерон подошел последним, заранее изобразив на лице скептическую ухмылку.

— А если начнётся полуобхват? Тогда на Западе остаются только те, кто уже отстрелялся...

— Быстрая рокировка, это несложно...

— А если будет не пятьдесят, а все сто пятьдесят «Кнопок»? Мало ли что инструктор сказал.

— Тогда и пытаться не стоит... Сближаемся, даём один общий залп — всё равно кого-то из бессмертных зацепит, постановщики ловушек возводят препятствие и уходим под защиту мониторов...

— Хорошенькое будет сражение! Сковырнем пару «Кнопок» и — назад!

— Зато без потерь...

— Тогда зачем вообще в бой соваться, если — чтоб без потерь? Улизнём сразу же, без общего залпа, мониторы нас прикроют. А там, глядишь, какой-нибудь дурак бессмертный поближе сунется, а за ним ещё парочка таких же дураков, вот мы их и...

— В чём, в чём, а в глупости Бессмертных обвинить сложно. И если действительно появится больше пятидесяти «Кнопок», то ничего хорошего нам ждать не придётся.

Теперь в споре участвовали все. И противники, и сторонники идеи, высказанной Джоктом.

Вкратце идея сводилась к тому, что нет смысла дробиться на тройки, раз уж заранее неизвестна ни численность, ни тактика противника. Если бессмертные попытаются навязать индивидуальные поединки — что ж... возражать им никто не станет. Разве что тройка постановщиков сразу отходит. Совсем другое дело, если враг сам выйдет строем.

Тридцать «Кнопок», атакуя в своей излюбленной манере — вогнутой полусферой и достигнув в этом построении едва ли не совершенства, способны противостоять вдвое большему количеству «Зигзагов», если те будут выступать раздельно. Курсантам было известно умение навигаторов бессмертных координировать общие действия истребителей таким образом, что даже к прорыву сквозь полусферу, для захода в атаку с тыла они оставались нечувствительны.

Во-первых, такой прорыв сквозь сплошной заградительный поток «лучей смерти» являлся сам по себе делом довольно проблематичным. И пилотов Солнечной спасало при этом не столько умение, сколько везение, наличие которого проверять курсантам, не нюхавшим боя, не стоило. Они даже не догадывались, как поведут себя, увидев на тактическом экране предупреждения об опасности, надвигающейся со всех сторон.

Во-вторых, то, чего удалось добиться учебному отделению при фланговых перестроениях-рокировках, бессмертные с не меньшим успехом демонстрировали при фронтальном перемещении, когда из вогнутой их полусфера неожиданно становилась выпуклой. И «Кнопки» могли использовать свои, пусть и несовершенные пока торпеды, с максимальной эффективностью.

Действительно — как уйти одиночному истребителю или даже тройке, если торпеды идут сплошным потоком — вырисовывая расширяющийся конус? Тут уже точно «Зигзагам» станет не до атаки.

Третье преимущество — вогнутая полусфера почти стопроцентно гарантировала «Кнопки» от уничтожения с дальних дистанций, то есть сводила на нет преимущество земного оружия. Хотя истребители, составляющие внешний обвод такой полусферы теоретически являлись наиболее уязвимыми, в действительности, как объяснялось курсантам на занятиях по тактике, они просто сбрасывали скорость, позволяя другим истребителям полусферы заняться нейтрализацией атаки. Вслед за ними, как только торпеды землян были перехвачены, скорость сбрасывали и «Кнопки» внутренних концентрических кругов. И тогда, в предельно короткий промежуток времени, полусфера становилась выпуклой.

В общем, много ещё сложностей имелось в противодействии такому вражескому построению.

— Эх, знать бы точно, что с нами будет хотя бы один линкор! — мечтательно высказался кто-то.

Но линкор им не обещали. Скорее — наоборот... Своей игрой в молчанку и нежеланием отвечать на вполне резонные вопросы курсантов инструктор явно давал понять — надейтесь только на себя! Ведь это — ваш бой.

Мониторы — это только прикрытие. Это — отход, поджатые хвосты и зализывание ран...

Действительные пилоты в бою с «Кнопками», держащими полусферу, использовали с переменным успехом комбинированную тактику: некоторые истребители имитировали лобовую атаку, а если им удавалось подойти ближе, чем они надеялись, то имитация обращалась настоящей атакой. Часть пыталась по гигантской дуге выйти во фланг вражескому построению, основная же масса «Зигзагов» — ядро атакующей группы, вела дуэль с «Кнопками» на дальних дистанциях, заставляя врага уделять ей почти всё своё внимание. Особую роль тогда играли и пилоты, выставляющие ловушки. Поймать в них хотя бы одну «Кнопку» было тяжело, а вот рассеять строй, заставить бессмертных спотыкаться при перестроениях, внести хаос и неимоверно усложнить работу навигаторам — это пожалуйста! Весь фокус заключался в том, что победа в таком бою зависела от той небольшой группы, что прорывалась во фланг полусфере.

— Линза имеет обыкновение рассеивать или концентрировать свет через свои выпуклые или вогнутые поверхности, — наглядно пояснял инструктор-тактик, — но на это не способна боковая грань, ребро линзы...

Если группе прорыва удавалось успешно закончить свой манёвр до того, как истребители схлестывались в ближнем бою, то у бессмертных оставалось немного шансов. Им приходилось или разворачивать часть «Кнопок» навстречу новой опасности, и тогда общие возможности всего строя к групповому сопротивлению снижались, а торпеды ядра — центровой группы «Зигзагов», начинали находить себе цели даже с больших дистанций, не говоря уже о средних. Или же бессмертные продолжали идти на сближение с основной группой истребителей Солнечной, жертвуя «Кнопками», оказавшимися в прицелах «Зигзагов», которые атаковали полусферу с фланга.

К сожалению, такой рисунок боя курсанты даже не рассматривали сейчас, потому что им явно не хватило бы слаженности действий и мастерства для ведения подобной схватки. И попытка флангового прорыва могла оказаться всего лишь бессмысленным дроблением сил и потерей нескольких машин. Но можно было придумать кое-что другое...

Джокт так увлекся, защищая свою идею о проведении совместных действий всеми тридцатью истребителями отделения, при которых каждый «Зигзаг» играл бы свою, заранее отведенную роль, что даже не расслышал замечания, высказанного Бароном. Когда же Барон повторил реплику, в кубрике настала тишина.

— Вдруг окажется, что мы зря всё усложняем? Всё таки это — первый боевой. Не десятый, и даже не третий... Если от нас ждут простого участия в обычном для действительных пилотов бою? Скажем так — каждая наша тройка должна продублировать действия боевой тройки истребителей... Прикрывать их, если потребуется. Чем тогда осуществит это прикрытие тройка Монса, у которых окажутся только ловушки? Или первые три тройки — наша, Курсы и Пилота? У нас ведь по придуманной схеме — только торпеды и по два — по четыре Има на истребитель. По-моему, нужно проще смотреть на предстоящее испытание.

Неужели вы думаете, что нас пошлют на убой под пятьдесят «Кнопок», пилоты которых от нас даже мокрого места не оставят — пойдём мы общим строем, или тройками, или поодиночке.

Джокт почувствовал обиду на друга. Кому приятно, когда его прикладывают лицом об стол?

Вдобавок ко всему, на обсуждение плана совместных действий было потрачено слишком много времени, и вот-вот должен был появиться оружейник за схемами снаряжения «Зигзагов».

Но обида была мимолетной, тем более что в словах Барона имелся смысл.

— Мне кажется, — осторожно начал Монс, чей почин нести все гравитационные ловушки был с восторгом принят Джоктом, — если бы всё обстояло так просто, как думает твой ведомый, нас не стали бы мариновать в тайнах, проще сказать всё начистоту: идёте «Пополам» или даже — «Вглухую», с одними Имами. Держитесь за хвосты опытных летунов, и вообще — ни о чём не переживайте. Нет! Нам наоборот намекнули сотню раз — надейтесь только на себя! Заставили ломать головы, переживать перед встречей с неизвестностью.... Лично я считаю, что Джокт прав. Прости, Барон, — зачем-то извинился Монс.

— Конечно! Для тебя план Джокта в самый раз! Вся тройка — с ловушками, и ты её командир... Запустили, и сматываться! — противно-писклявым голосом спаясничал Нерон.

И тут произошло невероятное. Монс, курсант-тихоня, самый маленький по росту в отделении, подскочил к верзиле Нерону и, обхватив его шею рукой, пригнул голову книзу, так, чтобы лицо Нерона, никак не ожидавшего такого оборота, оказалось вровень с лицом Монса.

— Слушай, ты, фазан! Я уже говорил, — мои ведомые — лучшие постановщики ловушек на всём курсе. Это твой план — для тебя в самый раз! Хочешь подставить Каму и Умаса, а потом — пожать лавры героя или же смыться! Будешь ты их прикрывать Имами, как же! Ты их для спасения собственной задницы прибережёшь...

Барон бросил многозначительный взгляд на Джок-та, словно сообщая: «Вот видишь? Не только я раскусил Нерона!» А Гаваец, который был всё равно в два раза здоровее Нерона, растащил обоих спорщиков и теперь держал их в вытянутых руках.

— Что ты сказал? — Лицо Нерона опасно багровело, и тут же все отчётливо услышали несколько коротких щелчков инъектора.

Вмешательство индапа оказалось своевременным. Со стороны всё выглядело так, будто медицинский прибор встал на защиту Монса.

Нерон дернулся под рукой Гавайца, поняв, что это бесполезно, даже попытался сорвать с шеи предательскую аптечку. Вовремя сообразив, что занимается ещё более бесполезным занятием, он хлопнул сверху по ладони Гавайца, и, когда тот его отпустил, Нерон, демонстративно отвернувшись от обидчика, заявил:

— Твой план — дерьмо, Джокт! С чего ты вообще решил здесь командовать? А вы все, — он обвел долгим, налитым едва ли не

ненавистью взглядом остальных, — вы можете делать, что хотите, а я буду действовать по собственному плану!

— То есть по обстоятельствам? — нарочито спокойно переспросил Барон.

— Вот именно — по обстоятельствам! Это просто бред, всё, о чём мы говорили... Не зная ничего о противнике, изобретать велосипед с квадратными колесами — вот что такое ваш план!

— В общем, ты решил в одиночку расправиться с «Кнопками»? Ну прямо как берсеркер!

— Пусть берсеркер. — Похоже, Нерон не заметил издевки в словах Барона, или же это индап не позволил ему заметить. — Называйте как хотите, но только ни один коротышка не смеет обвинять меня в трусости!

Он даже не повернулся к Монсу, обзывая его коротышкой. Монс проглотил оскорбление, но вместо него заговорил Велес, ведомый Курсы, который был почти такого же низкого роста, как и Монс, разве что раза в три пошире в плечах.

— Меня ты тоже имеешь в виду?

— Имел я вас всех... в виду! — отчеканил Нерон, превозмогая успокаивающее воздействие индапа и направился к выходу.

Велес, не уступающий Гавайцу в силе, помноженной к тому же на тканевую модификацию организма, был известен своей задиристостью.

— Эй, а ну-ка подожди! — Он уже начал вставать с пола, где сидел всё время, скрестив ноги.

Теперь настала очередь сработать и его индапу.

Ведомые Нерона переводили тревожные взгляды от общей группы к дверям, которые только что закрылись за их лидером.

— Ну чего растерялись? Не можете жить без своего кровопийцы? — Велес, передумавший догонять Нерона, чертыхнулся и уселся снова на пол. — Был бы он моим лидером, я бы в два счёта научил обхождению с ведомыми.

— Он не такой плохой, как вы думаете, — робко начал Умас, и Кама его поддержал: — На дополнительных занятиях помогал нам освоить фигуры пилотажа...

— Ага! — в разговор вступили остальные. — Ещё бы! От вашего умения зависит безопасность его задницы!

Видели, какие фигуры вы отрабатывали, — прикрытие лидера обоими ведомыми, приём торпед на себя с попыткой уйти в полёт-кувырок... Блеск, а не лидер!

Кажется, это был Аваторой, его поддержал и Курса, втайне гордившийся своим ведомым — Белесом.

— А после засылал вместо себя исполнять наряды, так?

Умас и Кама потупились, не зная, что и ответить. Но как бы там ни было, демарш Нерона, отказавшегося участвовать в общем строю, спутывал все планы.

— Оставьте их в покое, — это уже Монс, — ребята не виноваты, что им достался этот... — он показал пальцем на дверь, словно она и была Нероном, — лучше давайте решать, что будем делать с ними обоими.

Теперь все смотрели на ведомых Нерона, наконец-то осознав, что лидер их просто бросил, как ненужный хлам. Не самых, между прочим, худших ведомых!

— А кто виноват? Они сами и виноваты — позволили сесть на шею и ноги с них свесить! — не мог успокоиться Белес, сжимавший и разжимавший огромный кулак. — Не-ет! Был бы я у Нерона в ведомых...

Никто не узнал, что бы сделал ему Белес, потому что снова заговорил Барон. И снова слова его оказались для всех неожиданностью...

— Все в этом виноваты. И ты, Велес, и ты, Монс. Джокт, Гаваец, я... Все!

— Обоснуй! — набычившись, попросил Велес.

— Если ты видел, каким именно действиям обучает Нерон своих ведомых да ещё заставляет потом бегать вместо себя на камбуз — расфасовывать полуфабрикаты для всего курса... Почему же ты тогда не высказал Нерону всё, что решил высказать сейчас? Если бы я был его ведо-омым! — передразнил Белеса Барон. — Не обижайся, но ты бы послушал себя лучше со стороны. Прямо бойцовский пёс, ищущий драки. Оно тебе нужно? Кому вообще сейчас нужно обсуждать Нерона, за сутки перед Первым Боевым? Все мы виноваты, раньше нужно было воспитанием заниматься, — убежденно повторил Барон, — давайте лучше о другом думать... Чёрт с ним, с Нероном... Я предлагаю усилить группу постановщиков ловушек — пусть Кама с Умасом тоже загрузятся ловушками и становятся под команду Монса...

Если бы только Барон мог знать, насколько он оказался прав! Позже Джокт не раз с содроганием думал, — что могло бы случиться, не остановись тогда курсанты на предложении Барона!

А ведь Джокт чуть было сам всё не испортил, предложив Барону выступить в роли лидера для Камы и Умаса, с тем, чтобы сам Джокт

шел с одним ведомым, а тройка Барона была вооружена торпедами и Имами — «Пополам». К счастью, этот вариант был отвергнут. Причем Барон вторично всех спас, справедливо возразив, что лучше иметь одну усиленную группу постановщиков ловушек, чем две ослабленные тройки: одну — неполную, а вторую — «неслетавшуюся».

— Монс, ты как? — в завершение спросил Барон. — Пойдёшь лидером пятерки?

— Я пойду, — ответил зардевшийся Монс, — если все считают, что это необходимо.

— Не знаю насчёт необходимости, но вот наиболее целесообразно — это точно, — поддержали Барона сразу три лидера: Пилот, Курса и Аватарой.

А обычно неразговорчивый Ксур, который славился своим умением задавать прямолинейные и не обязательно тактичные вопросы, а также простодушно откровенничать насчёт некоторых аспектов собственной жизни, неожиданно добавил:

— Правильно Барон придумал. Постановка ловушек у них получится, чего не скажешь про остальные действия в строю — хоть с лидером, хоть без лидера. Давайте составлять заявку на вооружение, через пять минут должен оружейник появиться... У моей тройки — по восемь Имов и по четыре МПКТ... А я пока схожу в туалет — попудрить носик...

С тем он и удалился, долговязо перешагивая через задумавшегося непонятно о чём Белеса.

Пять минут пролетели быстро. Единственной проблемой оказался вопрос — какое вооружение заявить для машины Нерона? Он мог быть каким угодно подлецом, но пилотировал просто замечательно, а в бою, как известно, лишних истребителей не бывает. Но и эта проблема решилась сама собой. Оказалось, что Нерон встретил оружейника у входа в кубрик и указал, чтобы лотки его «Зигзага» заполнили только торпедами.

— Дурак! — бросил Барон, узнав эту новость.

А потом принялся диктовать оружейнику всю схему снаряжения группы.

Таким образом вопросы тактики и соответствующего ей вооружения были решены ещё до обеда. Оставшееся до отбоя время курсанты, словно сговорившись, провели в кубрике, не распыляясь на любые другие занятия, будь то гонки на скутерах или же просмотр фильма в видеозале.

Каждый нашел какую-то историю из своей жизни, которую ещё не пересказывал остальным курсантам. Даже Барон, нарушив давно

данное себе слово, выдал парочку рассказов «из жизни хайменов». Джокт, побывавший в переделке у Женевского озера, слушал их уже с меньшим недоверием.

Ещё каждые двадцать-тридцать минут кто-нибудь подходил к коммутатору и пытался вызвать офицеровнаставников. Все попытки оказались неудачными, ни один из инструкторов не ответил на вызов. Или же они просто не вернулись в крепость, или...

— Что-то здесь всё равно не так. Хоть кто-то должен был остаться с нами. Морально подготовить, что ли... Проследить, чтоб мы сдуру ошибок не наделали при подготовке к вылету. А вдруг мы бы сошли с ума и вооружились одними только подавителями эфира?

— Тебе же сказали, чтоб без подавителей...

— То-то и оно! Сказать — сказали, а проверить забыли...

Ксур меланхолично сосал круглый леденец на пластиковой палочке. Он вообще мог целый день питаться только этими леденцами.

— Да брось ты! — советовал ему Барон. — Там же химии до черта! Посадишь печень, даже индап не спасёт.

— Знаю! — отвечал Ксур, но занятия своего не прекращал. — Нравится!

Эта тема послужила толчком к другому, совсем уж ненужному разговору перед вылетом.

— Слушайте, а какие ранения, полученные истребителем в бою, могут оказаться несмертельными? И вообще, какие шансы выжить, если в «Зигзаг» попадёт торпеда?

Вопрос задал Аватарой, но оказался вовсе не единственным, кто жаждал узнать ответ.

— Если торпеда попадёт — шансов, считай, никаких, — авторитетно заявил Ким.

Он трижды ломал конечности за время обучения и по этой причине регулярно попадал в медицинский изолятор, где наслушался множества историй от раненых действительных пилотов, оказывавшихся рядом.

— Не смертельно, это когда поврежден СВЗ и на вираже ломаются рёбра. Одному импульсным лучом ногу прошило. Тоже несмертельно, главное, вовремя эвакуироваться, чтоб какая-то там реакция в организме после попадания не началась. Ну головой приложиться можно. Даже скафандр не поможет, если сильно тряхнёт гравитационкой... А лучше всего — вообще без ранений...

— Нет, нам ведь говорили, что даже если торпедой — главное, чтоб она не прямо в кабину попала...

— Забудь! Это всё сказки. Принял торпеду — хана! Все пилоты так говорят. Ты же на ускорении идёшь, верно?

— Ну?

— И вдруг твоя траектория резко меняется. Я уже не говорю про отвалившиеся движки, распоротую обшивку и прочие прелести... Да тебя же разорвёт, и никакой СВЗ уже не поможет! На сколько он там рассчитан? На сорок? На пятьдесят «Же»? А вокруг — абсолютный ноль, и давление — ноль, и проникающая радиация, и излучение звезды, и...

— Хватит! — оборвал словоохотливого Кима Велес. — Если ты ещё хотя бы пару минут будешь перечислять всё хорошее, что нас ожидает, то я просто испугаюсь и в рейд не пойду!

— Действительно, Ким, — присоединился и Джокт, — другие летают, и ничего... Почему с нами должно что-то случиться?

— Другие? Это какие — другие? Те десять-двадцать процентов, что не возвращаются из каждого боя? Даже опытных летунов сжигают, а мы...

— Всё, заткнись. Ещё ничего не произошло, а ты уже причитаешь. Всё нормально будет. Не стали бы нас вот так в бой швырять, словно выставлять за дверь, если бы что-то ужасное ожидало в квадрате охоты. Никому не выгодно угрохать три года на обучение курсантов, чтоб потом потерять и курсантов, и время, на них потраченное, — в первом же бою. За такое по головке никто не погладит. Готовила крепость и раньше курсантов, значит, и сейчас всё обойдётся.

Сама собой в разговоре возникла пауза. Вроде бы Велес нашел веские аргументы, но почему-то до конца они не убеждали.

Финалом разговора стало заявление Барона:

— Слышал я про новшество в медицинской науке. Что-то там люди в белых халатах придумали, чтоб оживлять пилотов...

— Ну-ка, ну-ка, — подтянулись к нему поближе остальные.

— Да так, пока только слухи... Вроде бы недавно сбили кого-то из «Фениксов». А через пару недель — ничего, как новенький.

— Летает?

— Летает.

— А если это уже не он? Может быть, опыты по клонированию наконец-то удались?

— Клонирование имеет свои пределы. Не столько физического плана, сколько сущностного. Внешнее сходство — да, такое возможно. Частичная передача характеристик того или иного человека —

тоже можно. А вот создать точную копию... Ну как бы руки пока не доросли у наших эскулапов. А может, оно и к лучшему?

— Почему? Сам ведь говоришь — оживили... Так любого, значит, можно. Записать матрицу, — я в фильме видел, — а потом наделать столько, сколько нужно копий.

— Тебе от этого легче будет? Память личности? Не наведенная, а твоя собственная... В общем, это совсем другой человек получится. Даже не человек — монстр по образу и подобию. Лично мне не хотелось бы, чтоб кто-то, как две капли воды на меня похожий, заявлял всем, что он — это я! Нет, там совсем другое... Какая-то трофейная технология бессмертных.

— Регенерация?

— Не совсем. Регенерация поверхностных и некоторых других тканей уже проводится. Что-то связанное с заменой поврежденных органов.

— У-у! Нашли, чем удивить! Таким операциям сто лет в обед!

— Нет, я неправильно выразился... Органы не заменяют. — Барон прищелкнул пальцами в поисках подходящего слова.

— Реконструируют? — подсказал Джокт.

— Что-то вроде того... Пока проект держат в секрете, думаю, готовят к предстоящим через год боям. Название, правда, мрачноватое у проекта...

— И какое же?

— «Пантеон».

— Да, не самое веселое. Но если сработает — пусть называют как угодно. Я согласен! — заявил Джокт, обрадованный известию о внедрении новой медицинской технологии.

Потом разговор угас окончательно, и никто даже не поинтересовался, откуда Барон взял эти сведения? Наверное, все уже привыкли, что то, о чём говорит Барон, перепроверить обычными путями невозможно, а нужно или принимать на веру, или не верить с самого начала. Сведениям о Пантеонах почему-то хотелось верить...

Нерон появился где-то без четверти восемь.

— Я ложусь спать! — ни к кому не обращаясь, зачем-то сказал он, набрал на индапе комбинацию принудительного сна и рухнул — как был, в комбинезоне — на койку.

Через пятнадцать минут, выполняя приказ полётного инструктора, все курсанты разбрелись по своим местам.

Джокт уже спал, Барон подошел к коммутатору и последний раз пробежался пальцами по сенсорам. Убедившись, что ответа не будет, он последним активировал индап.

— Уж полночь близится, инструктора всё нет... — были его последние слова, которых никто не услышал.

Глава 12

Когда проваливаешься в сон не от усталости, что смеживает веки, не из-за волнений прошедшего дня, оставляющего на память гул чужих голосов, а по велению маленького медицинского прибора, подавившего активность нервной системы, то этот сон не похож ни на что.

Минуя обе фазы поверхностного сна, человек попадает сразу в сон глубокий, максимально восстанавливающий силы организма и характеризуемый так называемой медленноволновой активностью. В стадии глубокого сна отсутствуют движения глаз и снижена мышечная деятельность. Если прерывание сна происходит именно в это время, то разбуженные долго не могут адаптироваться к окружающей обстановке и чувствуют себя дезориентированными. Все сравнения сна со смертью относятся именно к глубокому сну. Ему на смену приходит следующая стадия — парадоксальный сон. Теперь дыхание становится более частым, глаза под закрытыми веками начинают совершать быстрые движения, а частота сердечных сокращений и артериальное давление — увеличиваются.

За ночь смена стадий происходит несколько раз — по полтора–два часа каждый цикл, и такой природный механизм служит как для восстановления организма и активности мозга к следующему дню, так и для обработки мозгом информации, полученной раньше.

Индап перераспределял во время сна продолжительность отдельных фаз в соответствии с конкретной целью. Если курсантам было необходимо закрепить какие-либо важные знания, индап увеличивал длительность парадоксального сна за счёт сокращения времени фаз поверхностного. Когда ставилась другая задача — подготовить тело и сознание к тяжелой работе, индап увеличивал продолжительность глубокого сна, как за счёт тех же поверхностных фаз, так и стадий парадоксального сна.

В любом случае, каждый курсант, набравший для инъекторов программу-комбинацию погружения в глубокий сон, мог быть уверенным, что, проснувшись, он сможет свернуть горы. Это могла быть не только физическая, но и интеллектуальная деятельность — расчёт любой сложности, будь то прокладывание оптимального

курса или траектория передвижения во время боя, когда от скорости и реакции, от быстроты принятых решений зависит многое, если не всё.

Ещё запрограммированный сон был необходим для активации сразу всех эффектов, необходимых для боя.

Самой удивительной способностью при пилотировании истребителя на субсветовых скоростях являлась возникающая при этом способность предвидения — не последствий того или иного маневра, нет. Предвидение — своеобразная разновидность человеческой реакции, не имеющая ничего общего с прорицанием и ясновидением, и активировалась она тоже с помощью индапа, который и был, собственно, ради этого изобретен.

Свет в вакууме, как известно, распространяется со скоростью приблизительно равной трёмстам миллионам метров в секунду (в воде эта скорость становится меньше — двести двадцать пять миллионов метров в секунду), Солнце по отношению к центру Галактики перемещается за секунду на двести пятьдесят тысяч метров. Ураганный ветер может достигать двадцати пяти метров в секунду, молекула кислорода при температуре в один градус Цельсия имеет скорость в четыреста двадцать пять метров в секунду, а молекула водорода при той же температуре — примерно тысячу семьсот. Это курсантам объяснили для наглядности.

Потом, поближе к теме, сообщили некоторые особенности и характеристики человеческого тела. Так, кровь в капиллярах сочится со скоростью от половины до двух миллиметров в секунду, в вене — в десять раз быстрее, в артериях — ещё в два, два с половиной раза быстрее. А нервный импульс обладает скоростью от сорока до ста метров в секунду! Много это или мало — вопрос бессмысленный. Человек вынужден пользоваться тем, чем был наделён природой.

Для ускорения нервных процессов стали использовать индивидуальные аптечки, совмещенные с модификаторами. Потом, с достижением околосветовых скоростей, оказалось, что этого недостаточно.

Время реакции на появление неожиданной помехи движению составляет для человека в грубом приближении секунду. В грубом — потому что очень многое зависит от индивидуальных особенностей организма. Нервный импульс проделывает двойной путь, после чего идёт передача команды мышцам тела, которые действуют существенно медленнее. Это означает, что при скорости движения, например, гравис-кутера, в шестьдесят — семьдесят километров в час, человек с развитыми рефлексами способен отреагировать на помеху с минимального расстояния до неё около пятнадцати —

двадцати метров. Случись такая помеха чуть ближе — человеческой реакции не хватит.

Теперь — истребитель, идущий на девяти десятых световой... За час он покрывает девятьсот семьдесят два миллиона километров. Если время реакции остается тем же, то пилот сможет предпринять хоть какое-то действие на расстоянии до помехи (цели, опасности, торпеды или «Кнопки») в двести семьдесят тысяч километров. А если расстояние окажется в сотни, в тысячи раз меньше? «Зигзаги» зачастую сталкиваются с Бессмертными вплотную, идут встречными курсами, прошивают вражеский строй... К тому же пилоту приходится не только маневрировать, но и рассчитывать дальнейшие действия, управлять вооружением. Как быть?

Чем смелее человек шагал к звёздам, тем больше опасностей его подстерегало на трудном пути. Но одновременно с ними появлялись и союзники. Скрытые возможности человека, о которых много писали и в прессе, и в специальной литературе, посвященной различным загадочным феноменам. А оказалось, никаких феноменов и не было. Резервы человеческой психики природа оставила нам «на потом», на то время, когда ими смогли воспользоваться. Мы вышли к звёздам, изобрели плазменно-гравитационные движки, точнейшее навигационное оборудование, сплавы, защищающие астронавтов от всепроникающих космических излучений. И вот тогда пригодились наши резервы.

Парадокс способности предвидения заключался в том, что она позволяла реагировать на помехи, возникающие на расстоянии, меньше расчетного критического. Ведь даже увеличение скорости всех рефлексов в десятки раз не решало проблемы само по себе. Предвидение, которое проявляется на околосветовых скоростях, позволяло мозгу принимать решения и передавать их на исполнение мышцам тела со скоростью, на порядок большей, чем скорость света.

Установленную, между прочим, как максимальную для Евклидова пространства!

Человечество пользовалось пробудившейся способностью, происхождение и сущность которой объяснить не могло! Всё, что необходимо было для подготовки нервной системы к предвидению, — специальная инъекция, стоимостью едва ли не в хороший гравискутер, и полёт на околосветовой скорости!

Использовать явления, которые пока не поддаются объяснениям, человечеству было не впервой. Тот же самый «Глаз орла». Тео-

ретически высшей формой проявления этого эффекта могла стать абсолютная непобедимость в бою! А каковы же методы, с помощью которых достигались все эффекты? Можно смело утверждать, что курсанты во время обучения, будь то маджонг или шахматы, занимаются натуральным колдовством, аналогичным тем необъяснимым камланиям, при которых ритуальный танец и старый бубен в руках древнего шамана заставляют небеса разверзнуться, а неожиданно появившееся облако обрушиться дождём на ссохшуюся землю.

Мы знали — Что? Но даже не догадывались — Почему?

Может быть, именно поэтому не все люди обретали такие возможности. Но и это ещё не всё...

Рассказав о превышении скорости действия неизвестного составляющего человеческого сознания над скоростью света, инструкторы вслед за этим задавали вопрос: «Какое явление демонстрирует такой же процесс во Вселенной?»

И оказывалось, что им было не что иное, как явление Прилива. Постоянная Пикшина — 1272,2721, оказалась не только исчисляемым в секундах временем прохождения через приливные точки, но и соотношением обнаруженной суперскорости (при Предвидении) к скорости света.

Использование времени и надвремени, гравитации и надгравитации — вот что такое околосветовой бой и приливные точки, без которых — никуда! Время и гравитация — вот они, взаимопереходящие, являющиеся частями одной необъятной целой величины, альфа и омега нашего непознанного мира!

Все остальные измеряемые величины — вес, масса, ускорение, плотность, давление, проводимость, сверхпроводимость, распад ядра и так далее — не существуют вне времени и гравитации. Сын и дочь изначальной Сингулярности — реликтовые гравитоны и первичное время, породили вещество. И пошло...

Опасно играя с сознанием курсантов, ученый корпус и знать не знал, к каким открытиям это приведет совсем уже скоро, буквально за считанные дни до окончания жизни человеческой цивилизации.

Джокт спал. Рядом застыли Барон и Гаваец. Их индапы, обрезая ненужные для завтрашнего испытания стадии сна, делали своё дело: готовили курсантов к бою. И сны их были — незапоминаемые обрывки, радиоволны, шуршащие в быстро перенастраиваемом радиоприемнике.

И что-то таилось на дне этих снов!

— Входим в Прилив! — Эта весть заставила трепетать каждого.

Потому что там, в другой приливной точке, откуда им предстояло вынырнуть через двадцать семь минут, ждала, перемигиваясь сигнальными огнями «Кнопок», неизвестность.

Мониторы выдвинулись раньше. Как оказалось — ещё неделю назад. Их прикрывала группа, состоящая из отряда крейсеров, звездолётов вспомогательного флота и нескольких истребителей. Лидером группы выступил линкор «Монблан», напомнивший Джокту своим названием посещение Средиземноморского Мегаполиса и Женевского озера в его окрестностях, по пути к которому вершина Монблана не раз мелькала среди облачной завесы.

Но мониторы со «свитой» шли совсем через другую точу и должны были расположиться на позиции, находящейся на порядочном удалении от предписанного учебно-боевому отделению квадрата Свободной охоты.

Тактика сражений с использованием мониторов дальнего действия угадывалась из их названия. Джокт знал, что, едва выйдя из приливной точки и установив прицелы, мониторы тут же принялись выдавать залп за залпом. И страшная энергия микроскопических чёрных дыр, используемая в артиллерийском снаряжении мониторов, погнала гравитационную волну туда, где должны были сражаться пилоты-стажеры, прибывшие через неделю. Мониторы, оснащенные сверхточными вычислителями, за пультами которых сидели модифицированные расчётчики, накрывали определенные зоны, и за этой завесой возмущений пространства могли, в случае чего, укрыться «Зигзаги» стажеров.

Другого прикрытия отделению истребителей не существовало. Полётный же инструктор — не в счёт. Он и ещё три «Зигзага» под управлением действительных пилотов, должны были выйти из Прилива последними, заняв позиции сторонних наблюдателей. Когда Джокт, уже сидя в кресле пилота, вместе с остальными курсантами прогонял тест для СВЗ, он услышал загадочную фразу:

— Сигнал получен. Я проверил.

Это был голос Спенсера, и обращался он к полётному инструктору. О чём они говорили дальше, Джокт так и не узнал, потому что инструктор, видимо, спохватившись, отключил личный коммуникатор от тактической эфирной сети отделения.

«Сигнал получен... Что бы это могло означать?» — недоумевал Джокт, пока пальцы сами, действуя реф-лекторно, активировали системы и подсистемы «Зигзага».

Объяснение нашлось позже — уже после выхода из Прилива.

Но перед этим произошло ещё одно событие, запомнившееся Джокту надолго и заставившее его вздрогнуть... Как всегда, индап отреагировал мгновенно, и скоро всё показалось мимолетной галлюцинацией. Вот только никто раньше не говорил ему, что при переходе в Приливе, помимо зрительных, возможны и слуховые галлюцинации...

Вначале была клубящаяся муть. Джокт, не совсем привыкший к иллюзии парения тела сквозь пространство, достигаемой при помощи аппаратуры обзорных экранов, чуть было не поджал ноги. Наверное, в действительности ему было бы неприятно брести, преодолевая такую гадость... Муть начала искриться крохотными точками света, будто темную картинку прокалывали тонкие световоды. Потом клубы оформились в сложный геометрический узор, где было всё — трапеции и шары, пирамиды и эллипсы. Какая-то извилистая линия начиналась в нигде и, перечеркивая узор, уходила в никуда.

Совсем неожиданно, боковым зрением, Джокт уловил, что часть фигур, где-то слева от него, сложились в одну большую фигуру. Огромный, с выступающими надстройками звёздный корабль пересекал курс «Витража». Это наваждение длилось всего секунду. Когда Джокт повернул голову, чтобы лучше рассмотреть странную иллюзию, она тут же исчезла, вновь рассыпавшись на бессмысленные кубики, многоугольники и сфероиды. Но в тот самый миг, когда увиденное нечто должно было пройти сквозь истребитель, останься оно зримым и осязаемым, — Джокт услышал...

— О-о-м! — протяжный выдох, звучащий у нижней границы воспринимаемых человеком частот. А потом ещё раз, — Ом! — и в третий, и в четвертый...

Спину пронзили цепкие когти, какой-то животный страх поднялся по позвоночнику к затылку, а воздух застыл в груди вязким киселем — той же мутью, что окружала сейчас его истребитель со всех сторон.

Джокт собрался, решив, что всё это напоминает воздействие инфразвука. Ему показалось, что будь граница звучания странного слова чуть ниже, такой звук мог бы серьёзно повредить нервной системе, и неизвестно ещё, как бы справился индап.

«Зов смерти!» — тяжким молотом бухнула паническая мысль, и только тогда индап сработал.

«Спасибо, маленький друг!» — мысленно поблагодарил Джокт медицинский прибор, вновь глядя спокойными глазами на безобразие, творящееся за корпусом «Витража».

Прилив! Загадка Вселенной, и ничего тут не поделаешь.

Тактический анализатор ожил сразу после выхода из приливной точки. На экране, за сотни миллионов километров отсюда, выстраивался неприятельский флот — тридцать бирюзовых точек. Анализатор сразу же определил их как истребители бессмертных.

— «Кнопки»! Ну что ж... — усмехнулся Джокт, страхи которого и обычный перед схваткой мандраж уже стирал индап.

И почему-то Джокта абсолютно не удивляло, что «Кнопки» выстраиваются вогнутой полусферой.

Полусфера. Четыре концентрических круга — тринадцать, восемь, пять и три истребителя плюс один истребитель в самом центре.

Пилотов— стажеров, которые вот-вот должны были лишиться второй составляющей своего табельного наименования, изумило то, что обычно ровные круги полусферы, какие обычно демонстрировались на занятиях по тактике, здесь были не идеальны. Некоторые «Кнопки», хоть на чуть-чуть, но нарушали общий строй — тактический анализатор сразу показал эту особенность. Они приближались друг к другу больше, чем необходимо, оставляя зиять неприкрытые сектора пространства перед полусферой, выдвигались вперед и за края воображаемых окружностей, на которых должны были занимать позиции. У бессмертных от чёткости выстраивания полусферы зависела суммарная плотность залпа, точность торпедной атаки и слаженность перестроений. Поэтому Джокту было странно наблюдать неровности вражеского строя.

Энергорадар «Витража» зафиксировал старт — на удивление, полусфера начала движение ровно, без шероховатостей. Экран ожил мельканием цифр.

— Идут на одной десятой световой, — отвлеченно отметил Джокт.

Прицелы ещё не начали свою пляску — расстояние для систем наведения торпед было велико.

Из приливной точки позади «Витража» продолжали прибывать истребители его отделения. Они появлялись тройками и тут же образовывали заранее оговоренный собственный строй.

Наконец появилась пятерка «Зигзагов» — постановщиков гравитационных ловушек. Монс и его четверо ведомых несли два-

дцать контейнеров с генераторами ловушек. Этого было больше чем достаточно для использования против полусферы в тридцать «Кнопок». Однако количество не переходило в качество — общие возможности торпедной атаки отделения были существенно уменьшены. А всё из-за демарша, устроенного Нероном!

Его «Пульсар» вынырнул за постановщиками и тут же занял независимую позицию — чуть сбоку и впереди общего строя.

Одновременно с Нероном вышли истребители инструктора и трёх пилотов. Были ли это сослуживцы Спенсера или же летуны другого отряда — Джокт не знал. И узнать не представлялось возможным, потому что «Зигзаги» действительных пилотов замерли сразу после выхода из приливной точки и сохраняли молчание в эфире, не подключаясь к коммутационной сети всей группы.

Зато на связь вышел инструктор.

— Говорит майор Шандо! — Голос какой-то изменившийся, все стажеры обратились в слух. — Хочу наконец-то ответить разом на все вопросы и рассказать предысторию традиции Первого Боевого вылета. Время у нас ещё есть, я буду фиксировать передвижение бессмертных на своём экране...

И он рассказал... Про то, как несколько лет назад группа истребителей бессмертных была атакована отрядом, вышедшим на свободную охоту именно в этом квадрате. Из тридцати семи «Вельветов» врага пятнадцать «Молний», — прототипов современных «Зигзагов» — уничтожили тридцать пять. Лёгкость, с которой досталась такая победа, поразила весь флот «Австралии». Но ещё большее изумление вызвала картина обстрела бессмертными двух оставшихся истребителей.

— Интересно? — поинтересовался рассказчик, и Джокт удивился тому, что ему действительно стало интересно — за пятнадцать — двадцать минут до боя слушать эту историю.

Инструктор волновался, словно заново переживал описываемую схватку, и вдруг стало понятно, что он не просто рассказывал, он вспоминал! Майор был участником тех событий!

— На самом деле звездолётов противника было больше — в триста шестом секторе этого квадрата, на максимальном удалении, зависли два легких крейсера. Но они с самого начала не вмешивались в ход событий... Как показали впоследствии наши тактические анализаторы, ошибка именно тех самых двух оставшихся «Вельветов» и позволила нам победить. Они сбили своему строю всю схему боя, и мы разметали их, уничтожая поодиночке. Удивительное дело — сверхманевренные, но относительно малоскоростные «Вельветы»

не использовали свой главный козырь — укороченные радиусы разворотов. Вернее, пытались, но получалось у них очень и очень посредственно. Наша группа — пять троек, справилась с «Вельветами» всего за несколько минут. Причем около половины из них были уничтожены оружием ближнего боя... А вот двое оставшихся... Ну так получилось, они были направляющими, это сейчас бессмертные выставляют в центр полусферы только один истребитель, когда-то их было три, вместо того, чтобы дать общее направление, их центровые машины пошли вразнос. И полусфера расстроилась. Единственный из направляющей тройки «Вельвет» был сбит нами в самом начале огневого контакта, а двое оставшихся — уже не центровых, которые выпали из боя и с которыми мы думали расправиться в конце, — оказались сожжены крейсерами. Свои же их и уничтожили. Безвозвратно! Без права на воскрешение и регенерацию! Крейсеры ушли в Прилив, а наш крейсер-эвакуатор подобрал остатки наименее поврежденных «Вельветов». Представляете, как удивились наши технари, когда услышали эту историю и не нашли никаких расхождений со стандартом врага в системах навигации, маневрирования и средств защиты сохранившихся кораблей! А мы-то вначале решили, что атаковали строй каких-нибудь экспериментальных истребителей, не доведенных до кондиции, а потому не оказавших нам достойного сопротивления... Это плюс уничтожение бессмертными собственных кораблей и натолкнуло на мысль, что встретились нам пилоты-новички, не сумевшие противостоять «Молниям» с пилотами, имевшими по сорок — пятьдесят вылетов.

Анализатор коротко пискнул, но тут же умолк, приняв какой-то манёвр одной из находившихся пока очень далеко «Кнопок» за выход в одиночную атаку. Видимо, то же самое проделал и анализатор инструктора, потому что он запнулся на полуслове, но сразу продолжил.

— Потом мы ещё не раз сталкивались с такими же группами вражеских истребителей, и всё повторялось один в один... Правда, до стопроцентных разгромов дело больше не доходило. Но если какой-то «Вельвет», а позже — «Кнопка», совершал грубейшую ошибку, его уничтожали надзирающие за ходом боя крейсеры, которые никогда не вмешивались в саму схватку. Тогда мы поняли, что это за группы... И появилась идея использовать эту странную, с нашей точки зрения, традицию бессмертных обкатывать пилотов-новичков в настоящем бою, без включения в состав их строя опытных истребителей. Все квадраты, в которых бессмертные, раз за разом, ведут эту обкатку, установлены. Примерно известно и время,

когда появляются группы их «стажеров». Если говорить начистоту, даже курс вашего обучения пришлось подгонять под время боевого крещения бессмертных, чтобы к окончанию вы смогли поучаствовать в настоящем, не учебном бою. По-моему, всё честно. Как вы считаете? Три года не должны были пройти даром. Вы имеете самый современный истребитель, какой только смогла создать Солнечная. Подготовка позволяет вам схлестнуться с равным противником. Ведомые — крепче держитесь за хвосты лидеров! Командиры троек — выводите группы на дистанцию торпедной атаки! Для вас теперь нет смерти, нет жизни, есть только враг, которого нужно победить. Не Солнечная — вся цивилизация бессмертных следит за вашим боем, так покажите им, что такое атака землян! Ну понеслось! С Первым вас Боевым!

Джокт почувствовал необычайно болезненный укол в шею, отчего перед глазами мелькнула радуга. Когда она исчезла, сознание захлестнул всё ускоряющийся ритм барабанного боя. Дробь плотных, будоражащих кровь ударов, увлекала вперед. Туда, где скрючились в тесных кабинах-раковинах пилоты — бессмертные.

Полусфера ширилась на экране, и скоро уже визуально стал заметен концентрический узор вражеского строя. «Червивая роза» — на языке пилотов. Проклятый цветок!

— Барон! Гаваец! Выходим на половину световой! — каким-то чужим, резким голосом выкрикнул команду Джокт.

Вспыхнувшие и опавшие огни двух желтых точек на экране, обозначавших «Каэлао» и «Лувр» — истребители его ведомых, означали приём команды к исполнению.

А ритм нарастал, ширился, словно прибой, хотя Джокт никогда не видел морского прибоя... Слева — тускнеет серебро угасающего белого карлика. Эпсили-он Фламинго, как показывает навигационная карта. Сразу за ним — зона прикрытия мониторов. Она выведена на тактический экран и обозначена красным цветом.

Великий космос! Ведь всё — взаправду! Доверни «Витраж» чуть ближе к местному светилу, и он будет смят ударами своих же мониторов, пославших чудовищные залпы ещё неделю назад.

— Ким, Курса, Пилот, Аватарой! Выстраивайте свои группы в квадрат, позади нас!

На экране полыхнули ещё двенадцать точек. Теперь строй «Зигзагов» обрёл своё остриё, состоящее из истребителей, вооруженных преимущественно торпедами. Тройки вызванных Джоктом лидеров образовали четырехугольное основание опрокинутой набок пирамиды, вершиной которой стал «Витраж».

— Постановщики ловушек! Идти под прикрытием квадрата! Ловушки запускать по моей команде, чтоб мы успели убраться с траектории запуска генераторов.

Никто сейчас не оспаривал у Джокта право лидерства над всем отделением. Это произошло само собой сразу после вчерашних событий. Лидер был необходим, и им хотел стать Нерон. Но сейчас Нерон шел один, и даже не отвечал на вызовы.

«Будь он курсантом у бессмертных, за такие штучки его бы точно сожгли!» — зло, почти с ненавистью подумал Джокт, констатируя уменьшение общего количества участников группы на одну боевую единицу.

Свет звезды перестал казаться тусклым серебром. Теперь это был слепящий расплавленный металл. «Зигзаги» проходили в опасной близости от зоны гравитационной завесы.

— Ксур, Валдис, Лазарь! Обгоняйте нас! После атаки «Кнопок» сразу отстреливайте Имы и равняйтесь с квадратом. Дадим бессмертным право первого залпа и после вашего перехвата бьём сами!

Три тройки, образовав вершины гигантского равностороннего треугольника, заключающего в себе пирамиду-остриё, вырвались чуть вперед и активировали Имитаторы ложных целей.

Полусфера бессмертных ускорила движение. Теперь они шли на четырех десятых световой. Отделение Джокта тоже пошло быстрее — на семи десятых.

Семь десятых и четыре — вражеских, в сумме, при встречных курсах — одна и одна десятая световой. Это какое же количество энергии высвободится, если столкнуться лоб в лоб?

Джокт дал команду для группы Монса.

— При достижении сто пятидесятого сектора я со своими ведомыми вытягиваемся в цепочку, — след в след, — а вы, Монс, запускайте пятнадцать... Нет! Десять ловушек перед тройками наших перехватчиков.

Это действие достигало сразу двойного эффекта.

Во-первых, генераторы гравитации приняли бы на себя часть торпед, предназначенных для троек Лазаря, Ксура и Валдиса.

Во-вторых, они сужали «зону ответственности» тех же троек, которые произвели бы перехват в более ограниченном секторе — только перед пирамидой.

Полусфера одним синхронным движением — прилежными стажерами оказались червяки! выровняли-таки строй! — свела круги в одну плоскость. И тут же ожил сигнализатор опасности. Теперь он

уже не ошибался — в сторону всего отделения шли торпеды! И если бы не воздействие индапов, неизвестно ещё, как бы почувствовали себя курсанты, впервые испытав торпедную атаку!

Страха не было и быть не могло. Наверное, он бы не пришёл даже тогда, когда корпус истребителя оказался искореженным близким ударом гравитационных орудий врага.

Десять, двадцать, тридцать и, наконец — шестьдесят торпед, сосчитал тактический анализатор. Значит, «Кнопки» израсходовали сразу по две торпеды. Да ещё с предельно дальней дистанции, откуда и опытным пилотам тяжело-то попасть. Восемнадцать торпед шло к группам перехвата, по шесть неразличимых, видимых только на экране вращающихся шаров — к каждой из вершин треугольника. Остальные сорок две — к пирамиде. Джокту даже показалось, что все они нацелены только на его «Витраж».

Ага! Значит, индап не всесилен! По-крайней мере, его всемогущество ограничено неравными временными промежутками! — Джокт ощутил панику.

«Это — гибель! И голос в Приливе предупреждал о том же!» — Паника уже срывала шлюзы и ломала плотину самоконтроля, когда в действие вступила аптечка.

Пок-пок-пок! — быстрая работа пневмоинъекторов снова перекрыла поток неуправляемого страха.

А вот и обозначенный на экране сто пятидесятый сектор этого квадрата! Вообще-то квадрат — неверный термин. Правильнее было бы говорить — оперативный куб. С гранью в пять световых часов. Но традиции есть традиции...

Барон с Гавайцем перестраиваются в одну линию позади Джокта, теперь на экране Гаваец видит только сплошные помехи от работающего в сотне километров впереди двигателя «Лувра». А у Барона — то же самое из-за работы двигателей «Витража». Но это — необходимость. Группа Монса выстреливает ловушки.

— Монс! Почему пятнадцать?

— Надо, Джокт. Сейчас убедишься...

Ну всё верно. Он же — не настоящий командир, а всего лишь временно облаченный в чужое доверие. А раз так, то его приказы можно почти исполнять.

Лидер группы постановщиков ловушек оказался пророком. И Джокт ему всё простил.

Едва торпеды бессмертных пересекают черту «принятия решения», «Кнопки» дают ещё один залп, по той же схеме: восемна-

дцать — на группу перехвата, сорок две — в пирамиду. И сигнализатор опасности становится просто невыносим!

Две и две — четыре. «Кнопка» несёт всего шесть торпед. Что они собираются делать потом, уж не надеются ли бессмертные уничтожить всё отделение первыми залпами?

Джокт недоумевал, а потом вдруг понял — они боятся! И поклялся расцеловать свой индап по возвращении в крепость.

Ужас, страх, паника — вот те субъективные факторы, что способны свести на нет какую угодно объективную данность, — и отличные тактико-технические характеристики, и высокую надежность любого оружия. Спасал ситуацию невзрачный приборчик, свернувшийся змеей вокруг шеи. Уж не его ли, этот прибор, прозорливо предугадали медики прошлых времён, избрав медицинской эмблемой?

«Мудр, как змий, и выпить не дурак» — ушло в избитости, давно устарело. Сейчас говорили «хочешь жить, терпи укусы!»

Вместо паники индап давал спокойствие, ужас менял на расчётливость, страх обращал в харизматическое предчувствие победителя. Бессмертным приходилось летать без индапов. Вот они и нервничали, спеша прикрыться потоком торпед.

Девять ловушек Монса генерируют огромные невидимые мешки, тут же обозначаемые на гравирадарах.

Все тридцать шесть торпед, предназначенных для троек Ксура, Валдиса и Лазаря, исчезают в этих мешках. Теперь пройдёт много времени, пока в торпедах, отработавших двигательный ресурс в попытках пробиться сквозь кривизну пространства, сработает система самоликвидации. Сигнал о самоуничтожении, посланный извне, торпеды из гравиловушки принять не могли.

Ещё шесть ловушек Монс и его ребята выставили прямо перед пирамидой. Джокту пришлось огибать препятствие, уводя весь строй в сторону. Но в этих же шести ловушках гибнут почти три десятка вражеских торпед. Остальные принимают на себя шестьдесят Имитаторов, запущенных тройками перехвата.

Какая прелесть на экране тактического анализатора! Точки, чёрточки, литеры, цифры...

Всё! Теперь можно атаковать!

Лелея надежду на скорый успех, можно не заметить мелочи, щепки, застрявшей в дверном косяке, не позволяющей закрыть дверь. С Джоктом такое уже случалось...

Желая разнообразить монотонность быта Плутонианской колонии для сына, отец отвёл его, тогда ещё школьника, в секцию классического бокса.

Среди интереса к вновь возрождаемым, забытым в триумфальном шествии технического прогресса, увлечениям Солнечной, бокс занимал особое место. Им грезили все подростки, мечтавшие когда-нибудь одеть форму штурмовика земной пехоты. Гладиаторы ринга, чей безупречный образ героев вновь культивировался повсеместно в прессе и по видео, представлялись суперменами, рыцарями «без страха и упрёка», способными встать в любую минуту на защиту общечеловеческих ценностей и сограждан по Солнечной. Дети и взрослые не отрывались от видеоэкранов, когда в очередной серии «Претендента» главный отрицательный герой — Рок, желавший остаться непобедимым чемпионом Солнечной, решился на нечестный шаг, и в нелегальной медицинской клинике прошел курс модификаций. На бой с ним вышел молодой, набирающий обороты, боксёр Невич, оспаривавший чемпионский титул Рока. Претендент даже не догадывался, какие возможности приобрёл его соперник.

Их схватка длилась двенадцать раундов, и всё это время зрители, знавшие, естественно, о модификации Рока, сопереживали второму боксёру. Ценой невероятных усилий, с рассеченными, кровящими бровями, Невич, дважды побывавший в нокдауне, выигрывает поединок, демонстрируя превосходство духа над физической силой.

Если бы знали те мальчишки, как это всё ненатурально! Но они не знали... Верили. И Джокт не знал и верил. Теперь, познакомившись поближе с Балу, он точно знал, каковы были бы шансы любого боксёра-профессионала, обладающего отменной техникой и реакцией, сойдись он на ринге со штурмовиком. Не надо Балу, любой действительный сержант убил бы профессионала сотню раз прежде, чем тот нанёс хотя бы один стоящий удар. Но тогда вся правда жизни оставалась за кадром, как это почти всегда происходит в кино.

Мальчишки мечтали. Солнечная ждала своих героев — суперменов. И Джокт был отправлен в секцию, которая увлекла его, как увлекает подростков любое занятие, способствующее высвобождению энергии.

Спенсер Янг Ли, будучи тогда ненамного старше Джокта, — всего на восемь лет, гонял, наверное, над Пекинским Мегаполисом на гравискутерах, играя с патрулями, за что ему нередко доставалось от родителей, и от самих патрульных, когда они его всё же ловили...

Балу, ещё знать не знавший о всяких модификациях, сам вёл охоту на «асоциальные элементы», как принято было говорить.

И сильно преуспел в этом деле, став начальником силового подразделения в Парамуширских кварталах, как сам он рассказывал Джокту после истории с проникновением во владения хаймена.

Их судьбы уже были предрешены: один стал пилотом истребителя, второй — Ферзём, коммандером штурмового отряда, которому было бы сейчас наплевать — Рок или Невич перед ним, даже — десяток Роков или Невичей, или элитные бойцы из охраны хай-мена — навряд ли туда попали бы случайные люди.

А Джокт, судьба которого оборвалась и начала плетение незримых нитей заново, с момента гибели «Хванга», с упорством старательного спортсмена — новичка прыгал через скакалку и мочалил боксёрскую грушу. А после выходил на ринг для встреч с соперниками. Однажды, во время какого-то клубного турнира (на Плутоне было достаточно немного боксёрских клубов, чтобы любой турнир считался крупными соревнованиями), против Джокта вышел более опытный противник, уже не раз становившийся победителем.

Трудно было сказать, почему так получилось — или из-за его неопытности, или же потому, что подобное случилось впервые, но Джокт проиграл. Причем это оказался не банальный проигрыш, ведь в любом единоборстве всегда есть победитель и побежденный. Всё оказалось сложнее'. Выстояв под градом ударов первый раунд и выждав подходящий момент, когда соперник раскрылся, Джокт провёл серию, после которой, как ему показалось, победа была обеспечена. Уже собираясь закончить поединок эффектным правым прямым, он пропустил удар, которого не ожидал и который оказался, пожалуй, самым чувствительным из-за его неожиданности. Потом Джокт, уже не помышлявший об атаке, оказался оттесненным к пружинящим канатам, и его тренеру не оставалось ничего, кроме как выкинуть на ринг белое полотенце.

Из секции он ушёл, но потом долго размышлял о произошедшем, пока не понял... Не возникни в нём ожидание победы, не поверь Джокт в свой несомненный успех, продолжая и дальше вести себя осторожно, следуя методичному рисунку боя, позволившему выстоять в первом раунде, — поражения могло бы и не быть...

Сейчас Джокт пропускал второй такой удар. С тем лишь отличием, что некому выкинуть полотенце на огромный, пять на пять светочасов, ринг...

Анализатор пискнул за секунду до срабатывания автономных систем самозащиты «Зигзага». Убаюканный излишне назойливым сигнализатором опасности, считавшим положение критическим

едва ли не с самого начала боя, Джокт не заметил настоящей опасности.

Одна из торпед врага не была уничтожена!

Прорвавшись сквозь густую сеть траекторий Имитаторов, которые удачно приковали к себе весь веер, «счастливая» торпеда уже рвалась к самой близкой и удобной цели — к «Витражу»!

— Джокт! — панический выкрик Ксура, Валдиса и Лазаря, чьи Имы не до конца выполнили задачу.

Они, лидеры группы перехватчиков, тоже заметили опасность. Ксур тут же отстрелил сразу два Има, но это было больше запоздалое, инстинктивное действие, чем реальное спасение.

Торпеда, выпущенная какой-то из «Кнопок», — полуразумная хищная тварь, — уже не желала больше ничьей крови, кроме его, Джокта!

Неожиданность очевидного сковала разум всего на миг, но как это много для космической схватки!

— При одновременном массовом перехвате большого количества вражеских торпед Имитаторами ложных целей, возможна ошибка в работе анализаторов, которые локируют неперехваченные торпеды с запозданием. — Слова инструктора по тактике, услышанные едва ли не год назад, вновь явственно звучали прямо над ухом. Они показались отзвуком всемогущего космического эха, способного выхватить из любой точки времени и пространства любое событие и повторить бессчетное количество раз! — Такие случаи довольно редки, но всё же не стоит забывать о них. Итак, запомните: при одновременном массовом перехвате большого количества...

Круг замкнулся, фраза зазвучала вновь, с самого начала. Выходит, космос — запомнил, а Джокт — нет. И что толку от эха, если оно всегда звучит запоздало?

В подвесках-арсеналах «Витража» ждали команды на перехват два собственных Имитатора, взятых по общему уговору атакующими тройками так, на всякий случай. Похоже, этот случай для Джокта наступил. Используй он Имы и возникни перед его истребителем точная оптико — энергетическая копия «Витража», — алчность торпеды превзошла бы её интеллект.

Но Джокт растерялся. Последние занятия по пилотированию сплошь состояли из отработки манёвров атаки, уклонов, «полёта-кувырка»... Последнее слово всегда запоминается лучше предыдущего!

Где-то под брюхом «Витража» задёргалась проти-вометеоритная кинетическая пушка. Её работа отдавалась мелкими вздрагиваниями

всего истребителя, ощущаемыми пилотом через педали и пилотажный джойстик.

«Тактильность... И это — только первый вылет...! Почему не сработали Имы перехватчиков?» — вертелся в голове набор ненужных мыслей, пока расстояние между «Витражом» и торпедой не сократилось до вздоха.

Миг — это много. А вздох, заключающий в себе множество мигов — почему-то бесконечно мало...

Активная защита выбрасывала навстречу торпеде частицы внешней обшивки, пачки с примитивными патронами помех, опустошая отстрелочные револьверы. Те, заправка которых в качестве отработки, для курсантов — каторжный труд... Вот-вот над корпусом должна появиться обтекающая плазменная оболочка — часть струй, отведенных от двигателей. Скорость сброшена, мозг лихорадочно ищет выход. Вот тебе и «Глаз орла» с прочими чудесами!

И вздох сократился до полувздоха.

Поворотная педаль под ногой, джойстик — на себя! Стоит попробовать уйти в «полёт-кувырок».

«Струя!» — До Джокта вдруг доходит, что она мешает видеть Барону то, что видит сейчас Джокт. Если он уйдёт с курса, Барон может не успеть! Даже если и успеет — остаётся Гаваец, которому точно не светит...

— Джокт! — опять голос Ксура или Лазаря...

Но теперь за пилота всё решал его инстинкт, активированный действием индапа.

Педаль — под ногой. Джойстик...

Активная защита всё же сработала. От близкого разрыва уничтоженной торпеды «Витраж» тряхнуло так, что анализатор дважды потом запросил отмену принудительной эвакуации. Что именно остановило торпеду — понять было сложно, скорее всего, невозможно. А главное — незачем. Так или иначе, опасность миновала, и теперь нужно было готовиться к атаке.

— Ты цел? — В голосе Барона прозвучало больше участия, чем даже тогда, когда ушла Лиин.

— Спасибо... Всё в порядке, — ответил Джокт на этот короткий, но емкий вопрос.

И до крови закусил нижнюю губу.

«Космос! Я ведь чуть было не убил тебя, Барон! Если бы не удалось уничтожить торпеду, я был готов уйти с курса! Как могла повести себя торпеда? Могла попытаться меня догнать, но более

вероятно — увидела бы новую цель... Которая находилась слишком близко, чтобы можно было промахнуться!»

Никогда! Никогда больше он не позволит идти ведомым вот так — след в след, чтобы на их экранах стояли сплошные помехи от близко работающего двигателя лидера...

И ещё Джокт вспомнил, что инструкторы не раз твердили о превосходстве систем захвата и навигационных устройств МПКТ! Значит, червям ещё предстоит улучшать характеристики своего оружия, а его, Джокта, уже чуть было не угробила такая несовершенная торпеда...

И снова индап. Хочешь жить — терпи укусы...

Время привычно застучало пульсом в висках, анализатор убедился в способности пилота продолжать бой и отключил обидный до слёз запрос на эвакуацию.

— Атака по достижению сто пятьдесят пятого сектора! — И голос опять не его, и всё уже в прошлом... — Барон, Гаваец! Мы атакуем центр полусферы. Дальше — по порядку: тройка Пилота, Курсы, Кима... По четыре торпеды! Аватарой! Выпускаете по шесть торпед, вы атакуете внешний круг.

Дистанция. Запуск! Теперь поглядим, насколько лучше наши торпеды!

Расстояние всё ещё велико, тем более что «Кнопки» почему-то сбросили скорость. Увеличивать же собственную скорость для отделения было бессмысленно — торпеды просто не успеют достаточно перегнать выпустившие их истребители, и толку тогда от них, если всё равно придётся вступать в ближний бой?

Тройка на тройку, или даже на сколь угодно большее количество «Кнопок» — пожалуйста! Тройка может и должна использовать торпеды в ближнем бою. Индивидуальная дуэль — сам космос велел расстреливать врага в упор торпедами, для верности. Но когда собственных истребителей много, например тридцать машин, то использование МПКТ только внесёт хаос в работу и без того перегруженных анализаторов. За попадание в свой же «Зигзаг» можно было, конечно, не опасаться. Но самоликвидация торпеды системами опознавания «свой — чужой» на близком расстоянии, затрудняла прицеливание из другого оружия.

Теперь уже свои, прирученные хищники стаей неслись к полусфере, которая начала спешно отхаркиваться противоракетами... Два роя на экране — желтый и бирюзовый. Вот они приблизились друг к другу... Вот начинают гаснуть желтые черточки. И вот они слились. Теперь там ад! Маленькая копия Галактического ядра, в котором

плавятся миры, сталкиваются светила и скопления светил. Где жизнь невозможна по определению, едва возникнув, она была бы немедленно уничтожена в дьявольских тепловых и гравитационных катаклизмах, ежесекундно сотрясающих Ядро. А мы это видели... Подсмотрели в узкую щель: из набора автоматических зондов, побывавших в Ядре благодаря Приливу, вернулся только один. Один из пятидесяти, да и то случайно, только потому что он шёл последним.

Едва кончики его рецепторов высунулись из приливной точки, как что-то толкнуло зонд обратно — уже без рецепторов, но с терабайтами данных, записанных в информационном накопителе. Учёные Солнечной долго ломали голову над этими данными, до сих пор этим занимается специальная лаборатория, но за несколько лет расшифровки удалось обработать и понять только пять процентов из всей суммы новых знаний.

Мы видели картину непонятной гибели сорока девяти зондов, и смерть каждого из них оказалась неповторимой, индивидуальной, наступившей по какой-то одной, отличной от других, причине... Потом стало понятно, что, судя по изменению параметров гравитации, температуры и плотности вещества в пространстве, окружающем приливную точку, рядом оказался сверхплотный белый карлик, размером приблизительно с Юпитер. И всё бы ничего в этом белом карлике: звезда, как звезда. Ну разве что умудрилась выжить в самом центре Галактики, где и голубому сверхгиганту выжить трудно. Вот только... Чехарда данных свела с ума не одну группу ученых — «нет, это предварительный вывод, мы понимаем всю абсурдность и невозможность, но...», — звезда не имела силы притяжения. Она имела силу отталкивания!

«Кнопки» тоже пытались отталкиваться от МПКТ, используя собственные системы активной защиты. Но бредень оказался широк, и брешь была пробита. Анализаторы зафиксировали уничтожение восьми «Кнопок».

С одной стороны — мало, рассчитывали-то на большее! А с другой — «Зигзаги» выпускали уже второй веер торпед. Теперь количество вражеских истребителей должно было уменьшиться вполовину.

— Монс! Выводи пятёрку из общего строя! Идите к приливной точке, вы свою задачу выполнили... Перехватчикам — оставаться на том же курсе, приготовить торпеды! Вы будете выбирать цели, а мы попробуем разметать для вас то, что осталось.

«Кнопки», количество которых сократилось до двадцати двух, тем не менее не ударились в панику. Они вновь смыкали строй,

образуя ту же полусферу, только поменьше: с кругами в одиннадцать, семь и три истребителя с центровым посредине. Конечно, эта «червивая роза» была существенно пожиже, с оборванными лепестками — вместо четырех концентрических кругов — три. Но одновременно они стали мобильнее, начав перемещение по круговым орбитам, как кабинки «колеса обозрения». И вот — три таких колеса, словно вдетых одно в другое, встретили второй веер торпед.

Джокт осознал ошибку практически сразу же после выпуска второй серии МПКТ, ведь многие из торпед изначально, сразу после активации, захватили цели, которые потом оказались уничтожены первой волной. Теперь торпеды проделывали сложные перестроения, вели перенацеливание и меняли траектории. Им навстречу вылетел плотный рой противоракет, вслед которому грянул отсекающий гравитационный залп, и ожидаемый эффект достигнут не был. Из строя вышли всего две «Кнопки», да и то одна из них, постоянно сваливаясь в бортовое вращение, рывками заковыляла в сторону крейсерской группы бессмертных. Единственным плюсом оказался практически нулевой, как показали анализаторы, запас противоракет.

Джокт, уже было собравшийся скомандовать третий торпедный залп, осёкся...

У «Кнопок» нет торпед. Они отстреляли все средства сопротивления торпедам «Зигзагов», и при этом — самое странное! — истребители бессмертных по-прежнему не увеличивали скорость. Почему? Их оставшийся шанс — в скорейшем сближении и встречном бое на коротких дистанциях... Ведь стоит сейчас выпустить «Зигзагам» торпеды, — а в тройках атакующих истребителей их осталось по четыре штуки, за исключением тройки Аватароя, отстрелявшей в два раза больше МПКТ, и идущей с остатком в три торпеды на всю группу, — и всё! Девятнадцать торпед без противодействия найдут девятнадцать целей. Двадцать два минус девятнадцать... И не нужны даже шесть торпед группы перехвата. Они не в счёт, это НЗ, обязательный резерв на какой-то Самый крайний случай. А «Кнопки» идут, держат скорость в четыре десятых, будто дразнят, приглашая атаковать ещё раз...

Не так, ой не так должны вести себя бессмертные! Лидер их строя — на месте. Сам строй — сохранен, пусть и не в первоначальном виде. И вариантов у бессмертных — два: увеличить скорость, выйти на расстояние использования боевых лазеров и всего оставшегося оружия, или же — немедленно развернуться, уходить

к приливной точке, опять же, увеличив скорость до максимума. А тут всё наоборот.

У нас — своя логика, у бессмертных — своя, решил Джокт. Вдруг «Кнопки» имеют дополнительный запас торпед и противоракет? Должны же они когда-нибудь понять, что шесть — ровно вдвое меньше двенадцати? Понять и провести модернизацию истребителей, как уже делали однажды, сменив «Кнопками» «Вельветы».

Если бы полусфера, ставшая «полусферкой», так и держала четыре десятых, Джокт, не мудрствуя лукаво, точно не пожалел бы оставшихся торпед. Остальные были бы не против. Но, видимо, что-то в этом есть — сталкивать лбами новичков с новичками. Здесь, помимо демонстрации достижений в навыках пилотирования, происходила и схватка с чужой волей, чужой выдержкой, при которых всё может случиться... Нам не понять логику бессмертных. Понимают ли они нашу?

Вот, анализатор фиксирует снижение скорости «Кнопок» до трёх, а потом до двух десятых. И явь сменяется сном. Плохим сном! Просто кошмаром!

— Эй, Джокт! — вдруг оживает сетевая связь с Нероном.

Но он уже видит, что за спиной, позади разрозненного строя «Зигзагов», от которого отделилась группа Монса, зажигается бирюзовый огонь. Гравирадары отмечают возмущение пространства, вызванное появлением из ниоткуда нового противника. Спорадическая приливная точка! Спорадическая ли?

— Проклятье! — рычит издалека инструктор, и три «Зигзага» действительных пилотов — тоже далеко, чересчур далеко! — запускают двигатели.

Новая группа в тридцать «Кнопок» образует вогнутую полусферу и тут же выходит на восьми десятых световой.

«Доигрались! Педагоги чертовы!» — пока есть время для принятия решения, Джокт мрачно злорадствует в адрес полётного инструктора и всех-всех-всех, кто придумал играть в такую игру.

Теперь он словно прозрел... Это же ясно, как день! Втайне от Комендантства Крепости и тем более от штаба космических сил Внеземелья, кураторы курсов обкатывали пилотов на этом полигоне. Никаких договоренностей с бессмертными, естественно, не было и быть не могло. Тут инструктор не врал в начале боя. Совпадения, ставшие традицией. Ритуалом посвящения в пилоты.

Из года в год, курс за курсом, выпускники «Австралии» и новички бессмертных делали вид, что играют честно. Политиканам

Солнечной мог не понравиться сам факт такого контакта, официально ведь никаких контактов с бессмертными у Солнечной не имелось. Отсюда скрытность, полное отсутствие информации о Первом Боевом. А рассказали голосом инструктора — уже после выхода из Прилива, да и то, рассказали не всё. Как там Барон сказал? Всегда есть запасной вариант... Может быть, и скорее всего, такой вариант есть и у нас. И когда-нибудь, например, через год, перед уже согласованной в штабах попыткой отбросить бессмертных далеко от форпостов Солнечной, вот так же будет планироваться уничтожение всего пополнения истребительного флота бессмертных. Только враг сделал это раньше, не стал ждать ещё год...

Даже отсутствие всех офицеров курсов объяснялось очень просто — они убыли на Землю. Оставшийся инструктор решил провести пробный бой вместе со своими курсантами. Вот и найден единственный виновник, а кому-то — летать кучей пепла, собранной в полётный шлем, с венком вместо воротника. Служить «второй срок»... Джокту очень легко сейчас было представить тридцать аккуратненьких венков.

Выход же на позиции мониторов наверняка можно объяснить какой-нибудь плановой стрельбой по квадратам. И чем провинился перед мониторами невзрачный белый карлик — Эпсилион Фламинго, кто там будет на Земле разбираться?

— Проклятье! — повторяет инструктор, и отдаёт команду: — Отделению уходить под завесу мониторов! Мы проиграли...

Проиграли? Ну уж нет!

Вторая полусфера при построении выказывает те же недостатки, что и первая. Истребители становятся на неравных удалениях друг от друга, чёткость выстроенной линзы «плывёт», и бессмертные уже в полёте исправляют позиционные недостатки. Значит, это опять — новички! Тактическая уловка, помноженная на тайное знание о механизме управления Приливом. Вот что происходит...

С новым умением цивилизации бессмертных еще предстоит разобраться. Не Джокту и не Монсу, оказавшемуся ближе всех к неожиданным визитёрам. Над этим должны и будут ломать головы астрофизики Солнечной, весь научный корпус, потому что нет страшнее угрозы, чем возможность провести скрытую атаку в любую точку пространства.

Был Плутон, а с ним — «Хванг», но мы не поняли... Потом — судорожные усилия штурмовой пехоты у «Европы», которые держатся в тайне, а мы не поняли опять. Теперь — вот хоть какая-то

польза от этого дурацкого боя! Теперь-то мы должны понять всю уязвимость Солнечной?

Со всем этим разберутся ученые...

То, что «Кнопок» оказалось в итоге не тридцать, а вдвое больше, тоже о чём-то должно говорить. Усиленное комплектование флота. Удвоение количества истребителей в группах... Явная подготовка к массированным флотским операциям.

А с этим пусть разбираются тактические отделы штабов. И пока будут происходить все разбирательства, мы должны разобраться с самими «Кнопками». Найдётся и для червей запасной вариант!

— Отделение! Повторяю приказ!

Ребята медлят. Они чего-то ещё ждут, хотя все понимают, в какой ситуации оказались.

Принять бой со второй полусферой — стопроцентно подставиться, позволив остаткам первой зайти в хвост. Продолжить разгром первой полусферы, что должно получиться более успешно, значит остаться без оружия дальнего боя, с полной задницей гвоздей, то бишь тридцатью изготовившимися к стрельбе с тыла «Кнопками». Но и под завесу мониторов уходить поздно!

Бессмертные, которые тоже с самого начала локировали «зону безопасности» для «Зигзагов», выбрали позицию, удобную для перехвата. Причем при бегстве — а иначе отход сейчас никак не назовешь — две группы врага окажутся на флангах. Следуя параллельными курсами, они успеют повыдергивать не менее половины «Зигзагов» прежде, чем оставшиеся окажутся под прикрытием. Так что это не выход. Что тогда?

— Отделение! — командует Джокт, игнорируя желание инструктора хоть как-то, любой ценой, спасти ситуацию. — Разворот ко второй полусфере! Активируйте все Имы. Со мной — Барон, Гаваец, тройки Аватароя и Курсы. Мы пробуем разогнать первую группу в ближнем бою и сразу возвращаемся к остальным.

— Джокт! Я отменяю... — начал инструктор, но договорить ему Джокт не дал.

— Вы сами сказали: это — наш бой! И мы его проведём до конца. — Потом уже, отключив канал инструктора, добавил для других стажеров: — Каждый, кто думает, что у нас не получится, может идти к Эпсилиону, под мониторы. Путь к приливной точке уже отрезан. Монс! Твоя пятёрка уходит в сторону первой. Без прикрытия вам, не выйти в позицию для постановки ловушек. А для прикрытия у нас слишком мало сил...

— Сил мало, а ловушек — много! — тут же отозвался Монс.

Джокт был поражен, он никогда бы не подумал, что тихоня Монс может быть таким отважным. На всю пятёрку у него осталось только пять ловушек. И это он называет — много?!

— Будет прикрытие! — теперь настала очередь Нерона всех удивить.

— Но у тебя нет Имитаторов, чем ты будешь меня прикрывать? — снова Монс, и прежней размолвки как не бывало!

— К чёрту Имитаторы! Зато есть двенадцать торпед. Как видишь, Джокт, я не стал выпендриваться в одиночку. Эй, коротышка! — это он Монсу, но только беззлобно, понимая, что всем сейчас наплевать, как и что он сказал, главное — что и как он будет делать... — Не против, чтоб я стал вашим ангелом-хранителем?

— Скорее уж — демоном... Они тоже, как когда-то считали, не отличались скромностью и тактом, — пробурчал Монс, — к тому же хорош ангел, с мечом, но без крыльев...

— С крыльями! Мы все здесь с крыльями!

— Тогда — начинаем, — то ли отвечал, то ли спрашивал Монс.

— Начинаем! — ответил за Нерона Джокт, уже собираясь увеличить скорость.

Но перед этим он мгновенно произвёл подсчёт и сильно удивился полученному результату.

К началу боя три тройки перехвата несли семьдесят два Има и тридцать шесть торпед. Атакующая «пирамида», состоявшая из пяти троек — сто пятьдесят МПКТ и тридцать Имов. Пятёрка Монса шла с двадцатью Ловушками.

Противодействуя двум торпедным залпам бессмертных, перехватчики отстреляли шестьдесят Имов, а постановщики ловушек опустошили подвески на три четверти. Потом было произведено два запуска по шестьдесят шесть торпед, — только тройками «пирамиды». Теперь группы атакующих троек и группа перехвата должны были поменяться местами, потому что у первых остались нетронутыми тридцать Имитаторов и всего восемнадцать торпед, а у вторых — десять Имов и тридцать шесть торпед. Ещё Нерон... На подвесках его «Пульсара» — двенадцать МПКТ!

— Ого! — Джокт поразился, насколько его представление об остатке вооружения всего отделения оказалось далеко от реального положения.

К счастью, различие шло только на пользу. Но при таком раскладе нет смысла мелочиться...

— Нерон! Монса пусть прикроет Курса и Ким. Тройки Лазаря, Валдиса и Ксура пойдут с ними вместе против второй полусферы. А мы с тобой, да ещё мои ведомые и тройки Аватароя и Пилота, продолжим здесь...

Нерон долго не отвечал, целых несколько секунд. Потом, наконец, высказался.

— Джокт. Помнишь, тогда в кубрике, я назвал твой план дерьмовым?

Разумеется, Джокт помнил, но он не воспринял тогда слова Нерона всерьёз, посчитав их проявлением неправого негодования. И не понимал — зачем Нерон вспомнил об этом сейчас?

Джокт подумал, что, скорее всего, Нерон просто захотел извиниться, но извинений не последовало.

— Как все уже убедились, это оказался действительно дерьмовый план. А знаешь почему, Джокт? Потому что ты не учёл неожиданностей вроде появления второго состава вражеских истребителей... Что мы будем делать, если это ещё не предел? И через несколько минут, когда все мы окажемся разделены на две части, появится ещё столько же «Кнопок»?

— Всё учесть невозможно, — осторожно начал Джокт, проклиная себя за горячность и самонадеянность, потому что уже уловил основную мысль Нерона, — но даже если такое произойдёт, мы должны драться...

— Драться? Должны? Играешь в героя, Джокт? Тебе понравилось... Я бы не стал сейчас этого делать.

— Я не играю. И не понимаю...

Но Нерон, с присущей ему бесцеремонностью, продолжил, перебивая Джокта.

— Да, мы сожжем до черта «Кнопок». Может быть, даже половину из них, тридцать машин. Но останутся другие тридцать. А что останется от нас? Пятёрка Монса и ещё кто-то, кто успеет смотаться под защиту мониторов? Это неравный обмен. И бессмысленный. У бессмертных сохранится половина их истребителей, у нас — от силы, четверть. Это победа?

— Нет, это не похоже на победу. — Как не хотелось Джокту соглашаться с Нероном, но он сделал это, признавая чужую правоту. — А что предлагаешь ты?

— Я полагаю, — Нерон тактично заменил три буквы в слове на одну, — что нам нельзя так рисковать. И даже «зона безопасности» нам

не подмога, потому что нельзя в ней укрываться вечно. А значит, нужно прорываться к приливной точке, в этом инструктор был прав.

— Всеми силами?

— Нет, не всеми. Нельзя оставлять на хвосте такую ораву «Кнопок». Я не участвовал в атаке, но наблюдал со стороны... И могу напомнить: то, что все вы назвали «полусферкой» — это двадцать истребителей. Это пилоты, которые не дрогнули, не рассеялись. А стали заманивать вас в ловушку... Если бы ты, Джокт, скомандовал третий торпедный залп, я бы вмешался, вышел на разговор раньше и отговорил всех. И если бы ты не отменил атаку, твой престиж мог сильно пострадать...

— При чем тут мой престиж? — возмутился Джокт, лишний раз убедившийся, как плохо разбирается он в людях.

Выходило, что если бы лидером стал Нерон, который к этому и стремился, отделение под его командой могло бы действовать более эффективно.

— Не скажи, Джокт. Престиж коммандера — это всё! Это главное, без чего нельзя выводить группу в атаку. Да, я был жесток к своим ведомым, но вовсе не потому, что собирался их использовать, как вы подумали, для собственного спасения. И совершать подвиги за их счёт я тоже не собирался... Нужно прорываться к Приливу, — оборвал он свой монолог про отношения с ведомыми. — А двадцатку «Кнопок» должны сдержать боем только несколько «Зигзагов».

— И кто, по-твоему, может это сделать?

Джокт продолжал разговор таким тоном, будто он получает дельные советы от одного из подчиненных и раздумывает, поскольку это в его власти, — последовать таким советам, или нет. Но для себя он уже понял, что всё не так. Он, Джокт, оказался худшим командиром, чем Нерон. Сплоховал с той злосчастной торпедой, участвовал в бою по им же составленному черновому плану, вместо того чтоб находиться в стороне, как Нерон, думать, анализировать и переписывать всё в чистовик... Он был готов согласиться со всем, что сейчас говорил Нерон. Странно, почему Нерон, которого невзлюбило всё отделение, не поступит проще? Ошибки Джокта уже очевидны. Можно опять обозвать всё дерьмом и скомандовать, кому что делать. И остальные должны согласиться! Они и согласятся, воспримут его команду, полетят, куда он прикажет. Не потому, что Нерон вдруг стал хорошим и для них ничего не стоит заменить им Джокта, а потому что Нерон учёл куда как больше факторов... И будут правы. И Нерон прав. И он,

Джокт, в роли лидера отделения — самонадеянный болван. Разве что — болван человечный, уважаемый всеми... Но лидера нужно уважать не за человечность...

— Это сделаю я. И мне нужна одна тройка, всё равно: с Имами или без. Потому что мы сразу пойдём в ближний бой. Без всяких предисловий! Умас, Кама! Я выбрал бы вас, мальчики, потому что знаю — вы бы не подвели. И мы неплохо слетались вместе, но... Ваши ловушки должны спасти всех остальных.

— Пойдём вместе! — заявил Джокт. И снова спорол горячку...

— Нет. Ты должен вести отделение в прорыв. У тебя получится, Лазарь! Как насчёт тебя и твоих ребят? Полетаем?

Вместо ответа вся тройка Лазаря полыхнула точками на экране. Они принимали нового лидера!

— Но этого мало! — запротестовал Джокт. — Четыре «Зигзага» на двадцать «Кнопок»... Мы пока не «Саламандры»!

— Правильно. Мы тоже идём, — прозвучал голос Велеса, — если, конечно, мой лидер не против. И если ты никого больше не станешь называть коротышкой.

Курса был не против...

Глава 14

Как часто потом Джокт вспоминал этот диалог, в котором каждый вёл себя без налёта личной неприязни, и вспоминал исход этого боя — мучаясь и запоздало фантазируя «что было бы, если...» Его поддерживал скупыми утешениями Барон, который чувствовал себя не лучше, потому что тоже ошибся в Нероне. Но Барон держался, не в пример Джокту, бодрее.

— Ты не виноват... Почему всегда и по всем поводам ты пытаешься искать вину только в себе? Родители, Лиин, теперь вот — Нерон...

— А в ком мне искать вину? Барон, скажи, в ком? Мы все ошибаемся, но только есть ошибки, которые уже не исправить, которые нельзя себе простить...

— Нет, Джокт. Нет таких ошибок, которых нельзя себе простить. Другим — нельзя прощать многое... Нельзя прощать Лиин. Нельзя прощать бессмертных, что сожгли «Хванг»... Хайменам, как ты убедился, многое нельзя прощать. Но ты должен научиться прощать себя. С одним обязательным условием —

чтобы прежние ошибки не повторялись. Иначе не стоит и жить, Джокт...

Семь истребителей приняли бой с двадцатью «Кнопками», и сектор пространства, где это произошло, озарился частым, словно стробоскопическим, полыханием плазмы и лазеров.

Пять генераторов гравитационных ловушек заставили вторую полусферу превратиться в бестолковое кольцо — обруч. Группа Монса выставила ловушки под носом у бессмертных, напротив центра вражеского строя.

Пока деформирующиеся концентрические круги наползали изнутри друг на друга, прорывающееся отделение уничтожило пятнадцать «Кнопок», включая и их центрового пилота. Враг дрогнул, рассеялся...

Джокт тут же послал сигнал продолжавшей жуткую драку семёрке во главе с Нероном, и оказалось, что от семёрки осталось лишь три истребителя...

Нерон погиб, успев забрать с собой трех бессмертных... И не стало Лазаря, сбитого ещё на подлёте. Из его ведомых уцелел только один. А Курса недосчитался Велеса... Широкоплечий коротышка, прикрывая отход своей тройки, прошёл сквозь две «Кнопки» на максимальной скорости...

Из двадцати трёх машин, что пошли за Джоктом, к приливной точке добралось двадцать. Потом оказалось, что один истребитель возвращался программой-эвакуатором. Потому что Валдиса подделало «лучом смерти».

— Хорошее число — двадцать два, — дрожащим голосом сказал перед возвращением в крепость инструктор, — в прошлом году оно было не таким хорошим...

Позже Джокт слышал, как инструктор Шандо жалуется другим пилотам: «Сколько раз всё повторялось, а всё равно никак не привыкну...»

Тогда же почему-то никто не захотел узнать — сколько пилотов вернулось из Первого Боевого в прошлом году. Горячка боя прошла, осталась лишь горечь...

Что-то будет в следующем году! — думал каждый.

Всеобщий штурм? Эскадры по несколько сотен истребителей, идущие при поддержке десятков линкоров и крейсеров? Огромные соединения мониторов, которые будут способны гасить своими залпами звёзды? Никто не знал.

А ведь чуть в стороне, на главной дороге человеческой жажды познания, оставались ещё и голоса, звучащие в Приливах.

И таинственные звёзды, которые обладают антитяготением, «серые» приливные точки, ведущие в неизвестность... Жаль, что человек ходит не только по дорогам... И прочие тропы всегда тяжелы и извилисты.

Джокт верил — наступит время разгадок, когда человек шагнёт ещё дальше в бесконечные глубины космоса. Встретит на своём пути не только врагов, какими оказались бессмертные, но и друзей. И тогда на всех хватит озёр, где можно будет не бояться червей и нелюдей с человеческой внешностью. Хватит небес, в которых можно резвиться на скутерах. Хватит радости, и какой-нибудь молодой пилот ни за что не расстанется со своей певицей.

Вселенная бесконечна. В ней можно найти всё. Только нужно искать.

Но сначала...

СЕРЫЙ ПРИЛИВ

Пролог второй.
Снова не эпилог

— ...Безнадежен... — Кардиохирург наконец-то выговорил единственное слово за полтора часа, в течение которых шла борьба за жизнь Джокта.

На плазменном мониторе едва пульсировала тонкая угасающая полоска, постепенно превращаясь в Бесконечную Прямую.

— Док! Уверен, вам довелось вытащить с того света уйму пилотов. Но ни один из них в подметки не годился нашему Джокту!

— Все так говорят, командор, — ответил медик, — однако этому парню уже ничего не поможет. И кто знает, может быть, именно на том свете ему будет легче. Потому что единственное, что еще можно попробовать...

— Пантеон?... — с ужасом прошептал командор.

— Пожалуй, это все, что для него осталось у земной медицины. Но решать не мне. Вам, несомненно, известно, какие формальности необходимо соблюсти...

— Согласие родных? У него их нет. Грузовой транспорт «Хванг» был уничтожен шесть лет назад, во время нападения Бессмертных на Плутон. Среди тысяч других невольных пассажиров на транспорте находилась вся семья Джокта...

— Значит, согласно Правилам Определения, его судьбу должны будете решать вы как непосредственный командир. Времени для раздумья — не более получаса... Тем более, — с затаенной скорбью добавил медик, — вы же сами знаете, что даже это не всегда является выходом.

Знал ли об этом командор? Еще бы!

Полтора года назад ему самому пришлось пройти через Пантеон. Но все, что он пережил тогда, до сих пор преследовало его в ночных кошмарах. Правда, командору удалось позабыть своего Двойника. И не доставлять ему хлопот в жизни.

На протяжении долгой, слишком долгой войны с Бессмертными, где вопрос стоял «или-или», Солнечная потеряла более четверти своего населения. Экономика всей цивилизации практически схлопнулась до одной-единственной отрасли — оборонной. Ученые не успели довести до конца всю работу по созданию клонов, и теперь потери росли... К счастью, изначально вместе с горечью потерь земляне узнали и радость побед. Трофейные технологии в области биоэнергетики и биоинженерии как нельзя кстати пришли на помощь военной медицине.

Конечно же, людям было еще далеко до всех достижений Бессмертных, которые умели восстанавливать уничтоженную особь даже из одной-единственной уцелевшей клетки, несущей в себе генный код. До этого пока не дошло, однако существовали Пантеоны Гражданского Сочувствия, где происходило нечто, о чем только предстояло узнать Джокту.

Поскольку корабельные верфи не могли обеспечить каждого из подлежащих призыву землян звездолетом, а тактика войны с использованием гигантских искусственных планет не оправдала себя, и после гибели сразу двух таких монстров, с полумиллионным экипажем на каждой, их производство было прервано. Подавляющее большинство землян вынуждены были оставаться на Земле-матери и ждать... Призыва по мобилизации в обучающие центры либо чего-то еще...

Вместе с возникновением Пантеонов появился и новый закон, ставший «Военной конституцией» Земли: Правила Определения, обязывающие гражданское население посещать Пантеоны и по возможности оказывать помощь потрепанным в лохмотья, обгоревшим в головешки, погибшим и вновь реанимированным воинам. «По возможности» — означало, что этот закон устанавливает обязанность как право, и ситуация здесь пока сохранялась неважной. Толпы профессиональных политиков и законодателей ломали голову сразу над двумя крайностями — перерастание права в обязанность привело бы, на фоне обнищавшей экономики, к повсеместным гражданским неповиновениям. Но дальнейший либерализм мог иметь еще более тяжкие последствия — захват Земли Бессмертными и, как следствие, уничтожение расы землян. Чаша весов клонилась к очевидному краю, но пока все оставалось неизменным, как и два года назад — в день открытия Пантеонов.

Множество тайн и трагедий скрывали за своими черными высокими стенами Пантеоны, более всего напоминавшие древние монастыри.

Позади каждого из них имелись кладбища, и если площадь Пантеонов оставалась неизменной со дня их постройки, то эти кладбища росли: каменные пирамиды над небольшими тумбами с пеплом, оставшимся после кремации... Словно взгляды в зенит ранее живых, и молчаливый укор еще не переступившим порог смерти.

...Джокт был воскрешен. Он жил...

С обожженным лицом, напоминающим теперь языческое божество, вырубленное в темной каменной глыбе, с розовой искусственной кожицей на пальцах. С язвами по телу — после полученного облучения и... пробитым сердцем.

Пусть чудо и существовало здесь, чудо возвращения к жизни, но этот возврат происходил только временно. На какой-то срок.

Если за время, определенное компьютером жизнеобеспечения, находился человек, готовый поделиться своей сущностью (иначе это не назовешь) с воскрешенным, то чудо становилось вечным. На тот век, что отпущен человеку.

Реципиент не имел ничего общего с понятием «донор». Нет. Тут все обстояло намного сложнее и проще одновременно.

Проще — оттого что имела место обычная пересадка человеческих органов. Сложнее из-за того, что... ох, и нелегко же объяснить то, что до конца не дается пониманию даже ученых.

Заменить безвозвратно потерянный орган на донорский не являлось проблемой. Проблема состояла в другом.

Луч смерти, однажды коснувшийся абсолютно неважно какой части тела человека, не обязательно убивал сразу. И это был не просто поток разрушающих частиц, нет. Частицы, заключенные в луче, несли в себе какой-то дьявольский код, информацию, программу действия. Отныне каждая клетка человека начинала «мечтать» о смерти, будто запускался скрытый механизм саморазрушения. Иногда, при периферийном поражении, например нижних конечностей, таких последствий удавалось избежать. Скафандры, подчиненные индапам, сразу же изолировали пораженный участок, перекрывая кровообращение. Пока медицинскому управлению удалось установить лишь то, что действие Лучей смерти напрямую связано с наличием железа в крови. В индустрии используется явление «памяти металлов». Здесь же металлическая составляющая получала новую память-программу, за несколько быстрых циклов приводившую носителя к смерти. Очень далекой аналогией могли бы стать отравленные стрелы древних дикарей. Вот только речь шла не о дикарях, и отрава была совсем другого свойства.

Пока действие Лучей смерти и код, содержащийся в них, оставались необъяснимыми. Но последствия могли быть нейтрализованы. А для этого нужно всего два условия: энергоприемник, что вживлялся в замененный орган и что-то вроде гомеопатии, — другая программа-созидатель, исходящая от живого донора, которому вживляли крохотный энергопередатчик. Два биомеханических прибора настраивались на одну частоту резонанса. По этому туннелю жизни к воскресшим астронавтам шла информация и энергетика действующего органа двойника. А вместе с ними — сама жизнь. И с этого момента два человека оказывались связаны между собой братством сильнее кровного. Вот только...

Не каждый горел желанием сыграть в рулетку. К тому же человеку-донору навсегда закрывалась дорога сквозь Прилив. Почему-то реципиенту это позволялось загадочными законами Прилива, а донору — нет.

В распоряжении Джокта имелось две недели.. Большего требовать от системы жизнеобеспечения он не мог.

Едва взглянув в зеркало после возвращения к жизни, он понял, что все оставшееся время, все четырнадцать дней, будет проклинать командора, давшего согласие на помещение пилота в Пантеон «Монблан», расположенный где-то в северной провинции Евразии.

Джокт был опытным пилотом. Он умел мгновенно оценивать ситуацию и всегда принимать верные решения. Ведь для того, чтоб уцелеть более чем в двадцати крупных сражениях, необходимо быть почти провидцем. А его последнее сражение... Оно просто не имело верных решений.

Но сейчас не было необходимости использовать расчет и интуицию, хватало простого понимания человеческой психологии. Джокт сразу определился, что это за место, в которое он попал, и как здесь будет приниматься последнее в его жизни решение... Кем-то — за него. За или против...

На свой же случай он уже придумал некую модель. Кормление зверей в зоопарке! Вот что напоминало ему пребывание в Пантеоне.

«Ты хороший лев — на тебе хлеба! Ты — красивая лиса — возьми конфетку. А ты — уродливая гиена, и поэтому ничего не получишь!»

Джокт, с маской страдания вместо живого человеческого лица, казался себе хуже гиены. Ну, верно, обычная армейская рациональность и ничего больше — если нет гарантии, что подвергшийся воз-

действию Лучей смерти найдет двойника-донора, зачем же тратить время и силы, чтобы «заштопать» его. Военный маркетинг — штука из разряда тупого юмора. Какой-то умник доказал, будто люди охотнее проявляют сострадание, если видят перед собой как можно больше ран пациента в Пантеоне.

Среди сплошного месива обнаженных лицевых мышц и синего носового хряща, под которым уродливо выступали оплавленные зубы, едва прикрытые сожженными лохмотьями губ, словно карие самоцветы беспрестанно светились лишь его большие глаза. Без век и ресниц.

Он стал уродом, монстром. И люди, пришедшие в Пантеон, едва завидев такого «нуждающегося» еще издалека, спешили свернуть в другой коридор, наполненный другими страданиями и иной болью. Кому какое дело могло быть до того, что именно Джокт был единственным пилотом, сумевшим защитить и провести сквозь звездные посты Бессмертных пассажирский транспорт «Элма», на борту которого, возможно, находились те самые люди, которые отворачивались от него сейчас?

Еще сохранился у Джокта его глубокий грудной голос, которым он успокаивал когда-то персонал искореженной артплатформы «Вулкан», заставив людей на этом грозном, но лишенном оптики прямым попаданием в навигационный пост звездолете сначала просто успокоиться, затем взять себя в руки... А затем...

Находясь в маленьком «Витраже» перед надвигающейся армадой врага, Джокт не прыгнул сквозь Прилив и не оставил экипаж платформы дожидаться своего горького часа. По его сигналам канониры на «Вулкане» разворачивали в указанные им сектора пространства гигантские орудия и били, били по вражескому флоту до тех пор, пока оставшиеся звездолеты Бессмертных не повернули обратно.

И все это время его истребитель висел в неподвижности, являясь легкой добычей. А Джокт ожидал каждое мгновение одного-единственного мерцания импульсной пушки, но не тронулся с места на форсаже, боясь изменить сетку координат для прицеливания батарей монитора.

Как память о том сражении перед телом Джокта подвешенный в силовом поле, рядом с десятью другими боевыми наградами, лежал орден «Лунной радуги». Но даже старые заслуги, воплощенные в платину и золото, не могли привлечь никого к живому мертвецу по имени Джокт.

В первый же день пребывания в Пантеоне к нему подошел какой-то проныра в ладно скроенном двубортном пиджаке цвета маренго. Он крутился рядом целых полчаса, и Джокт почти поверил в свое счастье...

Но незнакомец тут же пропал, едва находящийся рядом с Джоктом ветеран-артиллерист с военного транспорта «Тристан», уничтоженного месяц назад Бессмертными, завращал звериными желтыми глазами.

У артиллериста оказались разбиты гортань и бронхи, были сожжены легкие, но даже с такими ранами компьютер даровал ему время в полгода. Время, за которое его мог избрать Двойник. К тому же существовала большая надежда на то, что либералы проиграют в политической борьбе, и тогда право выбора станет чьей-то обязанностью.

Джокт вначале сильно изумился такому поведению ветерана, едва сумев побороть родившуюся подлую мыслишку, что артиллерист таким образом отпугивает Двойников от других несчастных из чувства скорбной зависти — «почему не меня?». Но на следующий день ему все стало понятно, и он устыдился прежних мыслей.

Человек, потративший на созерцание Джокта свое время, являлся представителем крупного киноконцерна. И появился вновь уже с двумя похожими на него прощелыгами и какими-то бумагами.

— Вы можете читать... э — э... пилот Джокт? — поинтересовался он, взглянув на информационный экран, находящийся рядом с силовым полем.

— Да, — ответил Джокт, — еще могу.

— Тогда ознакомьтесь с этим документом, чтоб мы не тратили много времени и я не объяснял вам всей очевидности предлагаемого вам блага.

Джокт прочитал.

И если бы смог покинуть свою невидимую клетку, то убил бы и кинодельца, и его приспешников. Потому что предложенное навряд ли можно было счесть благом.

Ему предлагался контракт, и он должен был дать свое согласие на съемку в очередной версии фильма о чудовище Франкенштейне. Взамен же он получал Двойника, назначенного быть таковым. Ну и, конечно же, решались кое-какие формальности с флотом.

С некоторых пор кинокартины с участием живых актеров переживали новый бум. Пресыщенные зрители устали видеть совершенные компьютерные формы киногероев, да и с передачей эмоций все было не так гладко у программистов-режиссеров.

— Я приду через двенадцать дней, за четыре часа до вашей окончательной смерти. У вас останется всего шестьдесят минут, так как за три часа до истечения срока поддержания жизнеобеспечения служащие Пантеона переведут вас в самую отдаленную из галерей, чтоб никто из посетителей не заметил вашей кончины. А потом вас кремируют. И все из-за того, что в вас слишком мало рассудительности и чересчур много неуместной в таких случаях гордости... Поверьте, я умею уговаривать!

С этими словами человек ушел, оставив в душе Джокта очередной гниющий рубец.

Джокт отлично понимал, что, подписав такой контракт, он отдавал киностудии вместе с телом свою душу. Быть пожизненной декорацией концерна — вот что предлагалось ему!

Теперь Джокту стало понятно, отчего так скрипел днем раньше зубами артиллерист — он уже был знаком со всем этим вороньем, питающимся мертвечиной.

Так прошло пять дней.

На ночь воскрешенных воинов убирали в подвал, где они и оставались наедине с миганием безжизненных ламп системы жизнеобеспечения и своими собственными воспоминаниями.

— Тангаж! Доверни чуть правее, командор! Ну где же ты? Где же ты, боже?! Что тебе стоит, ведь надо — чуть-чуть... — кричал в дальнем углу парень с «Антилопы», попавшей в засаду и растерзанной гравитационными залпами.

— ...«Осанна»! Прикрывай! У нас не осталось...

— «Вестерн»! Мы сгораем!..

— Группа «Браво»! «Чарльстон»! Поворачивайте назад! Их здесь очень... очень много...

Тягость пережитых мгновений витала в этом огромном помещении с гулкими сводами. Те, кто вырвался, пусть на время, из цепких объятий смерти, видели в вязких снах последние картины прошлой жизни и воспроизводили последние свои слова и фразы.

Джокт ничего не кричал, проваливаясь в мутный вязкий сон, пахнущий медицинскими дезинфекторами.

Он видел «Стелу», корчащуюся в гравитационной ловушке, чувствовал чужие отчаяние и страх, а после — панель управления «Витража» как наяву прыгала ему на лицо кипящей волной. Затем он просыпался, засыпал вновь, и все повторялось сначала.

Дрожание гашеток на джойстике, пляшущие огни прицельной рамы, сбивчивый шум эфира, Спенсер Янг Ли и... вспухающая волдырем панель управления.

И так до самого утра.

Еще через несколько дней Джокт занялся статистикой. Как оказалось, из более чем двухсот «пациентов» Пантеона за прошедшую неделю нашли своих Двойников лишь восемнадцать. Семеро их так и не дождались.

— Ну помогите же мне! Что вам стоит? — рыдал в дальнем углу коридора юноша, почти мальчик, который наверняка не успел еще ни разу поцеловать женщину и был сбит в своем первом же бою. Такой вот «незачет» по Первому Боевому... Ему оставалось ждать четыре часа.

А мимо проходили люди. Просто проходили мимо него люди, которые ничего не знали о той бездне ужаса, которая ожидает астронавта в открытом пространстве, когда ты — один в тонкой скорлупе истребителя, а вокруг все ярче и ближе загораются неумолимые зеленые огни, словно глаза хищных зверей.

...Они затыкали уши ватой, чтоб не слышать этого крика. Они отворачивали свои взгляды, чтобы не видеть этого страдания...

— Так зачем вы пришли сюда? — крикнул молодой пилот в последний раз, когда настало его время.

— Они приходят, чтоб выполнить свой гражданский долг, — нервно ответил оператор Пантеона, подхватывая каркас с силовым полем и бьющийся внутри человеческий обрубок. А затем добавил: — Исполнить по возможности, черт их дери!

Обреченного парня оттащили куда-то в темноту переходов, и его крик исчез за первым же поворотом.

На следующий день в Пантеон было доставлено еще почти сорок человек, реанимированных, чтобы умирать заново. А в это же время еще пятерых переместили в глубь Пантеона — доживать свои последние три часа.

Ночью повторялся сон: сполохи выстрелов, «Стела», панель... Пляска прицелов, Спенсер Янг Ли, панель... Звезды, звездолеты, панель...

— Джил! Я люблю тебя... — отчетливо прошептал недалеко какой-то страдалец, и мир сразу перевернулся для Джокта.

Ведь он тоже когда-то любил...

Наутро он сообщил оператору Пантеона свою просьбу — связаться с Лиин, о которой ничего не знал вот уже больше года.

— Я найду ее, пилот, — пообещал его могильщик, перемещая еще одного обреченного подальше от людских глаз.

Ответ пришел через день. И оператор был немногословен.

— Она скорбит о том, что случилось с вами.

Вот так. Коротко и предельно ясно, подумал Джокт, ощущая, как время ускорило свой бег. В принципе ничего другого он и не ожидал. А затем на него снизошло умиротворение, так, словно кто-то отпустил ему разом все грехи.

— Мне осталось ровно два дня, — сказал он вечером оператору. — Я понимаю, что шансы мои невелики, и вряд ли кто-нибудь захочет стать Двойником для своего ночного кошмара. Единственного посетителя, который наверняка навестит меня, как и обещал, я видеть не желаю в свои последние часы и уж тем более не собираюсь подписывать с ним никаких сомнительных контрактов. А поэтому прошу вас, уберите меня прямо сейчас, в эту же минуту, куда-нибудь подальше и отключите систему жизнеобеспечения...

Оператор, которому Правила Определения были известны намного лучше, чем Джокту, сначала взглянул на него, едва сдерживая подсознательный инстинкт — отвести глаза, а затем, ничего не отвечая, куда-то удалился.

Вернулся он практически сразу, меньше чем через две минуты.

— Я разговаривал с Координатором Пантеона...

— Ну?.. — напрягся Джокт, желая и страшась ответа.

— Ваша просьба не может быть исполнена. Я сожалею...

Так, наверное, в гроб с человеком, заснувшим летаргическим сном, вбивают последний гвоздь. Спорить было бессмысленно, и Джокт хрипло выдохнул:

— Спасибо, что побеспокоились за меня.

Оператор не ответил. И настала предпоследняя ночь...

Глава 1

Командора Беркли все называли везунчиком. Он и сам так считал до недавнего времени. Но это время закончилось семнадцать минут тому назад, когда тактический анализатор сделал первую отметку о приближающемся неприятеле. Тогда еще можно было сняться с орбиты и стартовать к приливной точке, уводя за собой флотилию звездолетов — рудодобытчиков. Послать сигнал, чтоб станции-мониторы выставили непроницаемую завесу на выходе. Тем более что разработка крупных и средних астероидов, кружащих возле темного шатуна, случайно обнаруженного в этом глухом секторе, была практически окончена. А мелкие — не в счет, овчинка выделки не стоила, и ковыряться в них стало бы расточительной роскошью. Но командор не отдал приказ на экстренное сворачивание миссии, и виною вовсе не отсутствие логики или же просто элементарной осторожности. Скорее всего, причину стоило поискать в том, что уже вторую неделю вся флотилия деловито сновала в астероидных кольцах, ни о чем не тревожась, и чувство опасности притупилось за это время.

Еще здесь было замешано ощущение обжитости сектора — он наш, и ничей больше, мы здесь хозяева! — не позволяющее вот так просто бросить все и бежать, поджав хвосты. А еще более вероятная причина — та самая вера в бесконечное везение, ведь Беркли был уверен — с его линкором и остальными звездолетами, находящимися под защитой линкора, ничего плохого случиться не может! Командор, по убеждению всех, кто знал его историю, нашел таинственный источник этого самого везения, и пил из него сколько хотел, ни с кем не делясь.

Но шутки в сторону! Источник везения иссяк, хотя Беркли узнал об этом слишком поздно. Вначале пошли отметки. Так себе:

парочка допотопных «Букименов», чьи несуразно-ромбовидные корпуса буквально сочились в пространство неопрятной дымкой, будто слизью. Что это был за эффект — особенности работы неизвестного движка или еще какие технические прибамбасы, ученый корпус Солнечной так и не установил. Странное дело, но за все время войны с Бессмертными ни один вражеский крейсер этого класса не был захвачен неповрежденным. «Кросроуды» — да, истребители — конечно, однажды повезло настолько, что к орбите Юпитера приволокли целехонький линкор. А вот «Букимены» — никогда. И раз уж какие-то особенности крейсеров этого типа оставались загадкой даже для ученых, то Беркли вообще было наплевать — зачем и почему он чем-то там дымит, обрастая космами, как маленькая комета. Дымят чем-то, ну и пусть себе.

— Червячье мясо! — было его любимой присказкой, когда приходилось отдавать команду на использование главного калибра — дальнобойных гравитационных орудий с увеличенным сектором обстрела. Мощность такого залпа на продолжительное время меняла траектории даже некоторых не особо крупных небесных тел, скажем, размерами с Луну. И, естественно, такой удар не оставлял от крейсеров Бессмертных ничего сколь-нибудь вразумительного и подлежащего исследованиям. Правда, работа генераторов гравитации главного калибра съедала приличное количество гравиквазеров, отчего в последнее время, в условиях острой нехватки сырья, эти генераторы использовались командорами линкоров все реже и реже, и действие их было направлено исключительно против линкоров и транспортов врага. Именно линкоры и транспорты, от средних и выше, стали единственными приоритетами для артиллерии главного калибра.

Во-первых, для борьбы с крейсерским флотом существовало и другое вооружение. Субсветовые торпеды или те же генераторы гравитации, но только меньшей мощности, с более узким сектором обстрела. Для работы по точечным, так сказать, целям. Во-вторых, и это, как догадывались все без исключений командоры линкоров Космических Сил Солнечной, являлось главной причиной установления такого приоритета — нельзя было дать понять Бессмертным, насколько туго стало в Большом флоте КС с запасами квазеров. Поэтому и сходились по-прежнему в артиллерийских дуэлях линкоры Солнечной с линкорами Бессмертных. И на дальних дистанциях «выбивали пыль» из пространства, растирая в порошок подвернувшиеся не ко времени и не к месту малые планетоиды.

Час «Ч» уже близился. Командор Беркли знал, что через год положение со стратегическим сырьем станет настолько угрожающим, что воевать будет просто нечем. А значит...

Скоро — в прорыв! Тогда можно будет не жалеть энергии из артиллерийских погребов-накопителей. Размазывать «Букимены» и все-все-все, что летает, но не принадлежит Солнечной, по космической пустоте. Разведывательные зонды отправлены во все досягаемые приливные точки, нащупывая местонахождение главных баз Бессмертных. Кипят умы аналитиков, подстегнутые модификаторами, и перегреваются процессоры больших вычислителей в центрах стратегического планирования, определяя направления главных ударов. Ценой ошибки будет жизнь цивилизации.

Но это — через год. А пока нельзя трогать два некстати появившихся «Букимена» главным калибром, даже если они собрались задымить своими газовыми шлейфами весь сектор. И пора выпускать «блох».

— Вызываю командира соединения миниджетов! — передал по интеркому Беркли вместо того, чтобы срочно сворачивать миссию.

— Майор Джамиль на связи, командор!

— Отправьте отряд «Вариоров» наперехват вражеских крейсеров. Пусть отпугнут их. Только не увлекайтесь, все равно особого вреда вы не сможете им причинить. Главное, связать крейсера боем на какое-то время.

— У нас запас хода всего на десять минут при полной скорости...

Неизвестно, что хотел еще добавить командир «микрофлота», как называли на линкоре отряд миниджетов, только Беркли в нетерпении перебил:

— Знаю! Но больше нам и не потребуется. Через пять минут крейсера будут обстреляны артиллерией средней мощности. Комендорам нужно совсем чуть-чуть, чтобы начать вести прицельную стрельбу.

— Извините, командор. Случайно сболтнул лишнее...

Но Беркли не стал слушать извинений майора, вновь оборвав его на полуслове.

— Туда и обратно! Не позвольте им провести атаку на рудодобытчиков. Две минуты боя, не больше. Потом мы рискуем накрыть собственные джеты.

Даже игнорируя извинения своего офицера, Беркли понимал, что поставленная задача не совсем типична для этого класса мини-

кораблей. Хотя напоминание расчетного времени действия джетов прозвучало более чем некорректно.

Потом он отдал команду комендорам второй палубы левого борта, с удовлетворением отмечая скорый старт восемнадцати дежурных «Вариоров».

— Наряжайте своих дам. Сегодня бал! Два кавалера нуждаются в их внимании.

Потом обратился к рудодобытчикам, успокаивая всполошившиеся вольнонаемные экипажи. Потом...

Вспомогательное судно «Метео-4» зафиксировало сразу четыре следа финиша из только что возникшей приливной точки. Эти следы принадлежали еще четырем крейсерам Бессмертных, на этот раз «Кросроудам», более усовершенствованным звездолетам, способным в таком количестве представлять угрозу даже для линкора.

Иногда некоторые слова оказываются проклятыми. Но без них никак. Следующее «потом» наступило минуты через три, когда атакующие «Вариоры» вплотную приблизились к «Букименам» и принялись трудиться. Вот только труд их обещал стать напрасным...

Восемь финишей! Из четырех приливных точек! Точнее — новых четырех приливных точек на разных полусферах линкора. Восемь финишей — восемь «Кросроудов». Вся идиллия первозданного пространства в этом секторе, тревожимая ранее разве что черточками лазерных буров рудодобытчиков, оказалась загажена скопищем крестообразных кораблей врага.

Едва появляясь из новосотворенных Приливов, «Кросроуды» тут же производили запуск торпед. От торпедной атаки с дальней дистанции линкор способен отмахнуться, как от чего-то несущественного. Расчетчики прослеживали курс каждой торпеды, и им наперехват отправлялись средства противодействия: противоторпеды с собственными генераторами гравитации. Но вот только всем почему-то стало понятно, что это цветочки. Ягодки — вот они...

* * *

...Двадцать следов финиша. «Кнопки». Форсируют скорость и рвутся в ближний бой, как это делали только что «Вариоры» для своего линкора. Двенадцать крейсеров при поддержке двадцати истребителей, это уже более чем серьезно. Вдобавок оба «Букименa» уже стряхнули с себя «Вариоров» и начинают сближение. Значит — четырнадцать крейсеров. Было бы неразумно в таких

условиях атаковать «Букимены» по прежнему плану — гравитационной артиллерией всей второй палубы одного борта. «Кросроуды» сейчас только этого и ждут, а «Инку» может не хватить времени на перезарядку генераторов.

«Вариоры» улепетывают со всех, если так можно выразиться, ног. Но им наперехват уже ринулись несколько истребителей. Слаженная торпедная атака, и джеты, не имеющие собственных средств противодействия, оказываются разметанными над планетой-шатуном, стремясь укрыться в астероидных кольцах. Пять или шесть джетов сбиты. Потом Беркли услышал, как Джамиль отдает приказ на вылет всем «Вариорам», имеющимся на линкоре. Командор словно воочию видит своего майора, лично возглавляющего безрассудную, но очень, очень нужную сейчас линкору атаку. Потом...

Вот оно! Вновь проклятое слово! Беркли кинуло в пот. Ему показалось, что он весь изошел этим потом, пока не сработал индап.

Семнадцать минут с момента первого предупреждения об опасности! Как далеко отсюда можно было оказаться за семнадцать минут, если бы он не был столь самонадеян!

Мысль появилась и исчезла с тихим хлопком инъектора. То же самое происходило на всех палубах звездолета: индапы всего личного состава вели охоту на тоскливые мысли, заставляя людей делать то, что они единственно могли и должны были делать в сложившихся условиях. Беркли, как и любой другой астронавт КС, не любил еще одно проклятое слово — «воевать». Он называл это работой...

Бой — слишком опасное время суток для эмоций. Линкор в бою — слишком опасный противник даже для своры из четырнадцати крейсеров, и черт с ними, с истребителями! Против «Кнопок» вышел весь «микрофлот» — пятьдесят с чем-то оставшихся «Вариоров». Запас хода в десять минут на полной, двадцать — на половинной скорости. А все эти ограничения из-за того, что джеты производят «атмосферный старт», вылетая в космическое пространство из внутренних ангаров линкора. Но все равно этого достаточно, чтобы «Кнопок» стало в два раза меньше. А вот сами «Вариоры»...

Иногда командор ловил себя на мысли, что смотрит на пилотов миниджетов, словно на смертников, и на языке вертелось уже не проклятое, а вообще запретное слово, сохранившееся с древних времен, которое и не вымолвишь при собеседнике — «человекоторпеды»!

Джет — да, имеет вооружение. Оснащен уменьшенной копией прямоточного плазменно-гравитационного движка полноценного гусара войны — истребителя «Зигзаг-52». И в случае внеатмосфер-

ного старта радиус действия будет ограничен только кислородным запасом. Вот только вооружение миниджета исключительно наступательное: две торпеды МПКТ-МР, те же мультипараметрические контактные, но только — малого радиуса, применяются на скорости не выше одной сотой световой. И два плазмогенератора: носовой и кормовой. Никаких имитаторов ложных целей, никаких гравитационных ловушек. А кислородный запас — все, что хранит в себе полетный СВЗ, к тому же — сильно упрощенного варианта. Запас кислорода в нем много меньше, чем у штурмового СВЗ (сто восемьдесят минут), и не такой, как у пилота истребителя (те же сто восемьдесят, плюс система воздушной регенерации, плюс собственный запас кислорода в машине — на пару суток, с регенерацией!). Меньше. Не стыдно и повториться: не просто — меньше, а много меньше! Всего сорок пять минут. Без регенерации. Обусловлена такая вопиющая несправедливость исключительно предназначением джетов. Взлетели, отработали у самого корпуса своего линкора, отогнали врага, пошли на посадку. Смена отрядов — как в хоккее меняются пятерки игроков — прямо посреди игры. Пока одни играют, другие восстанавливают силы (то бишь восполняют кислородный запас, запасы гравиквазеров и торпед).

Всего сорок пять минут... Что будут делать уже через двадцать восемь минут те оставшиеся пилоты «Вариоров», что укрылись, лишенные поддержки линкора, в астероидных кольцах? И что будут делать пилоты всех остальных «Вариоров», если линкор проиграет бой? Уйти в Прилив? Если бы! До точки — минуты четыре полного хода. Плюс тысяча двести семьдесят две секунды полета в Приливе. Плюс (он же минус, причем смертельный!) еще пять минут хода к следующей приливной точке, потому что выбраться отсюда можно только через цепочку Приливов. Там еще одна Постоянная Пикшина. Но дальше можно и не считать. Кислород у них закончится во время второго перехода. Они просто умрут в Приливе. А рискнуть уйти в первый Прилив можно только при условии, что их там будет кто-то ждать. Но вот только никто не ждал. И не мог ждать, потому что зона между выходом из ближнего Прилива и входом в другие пристреляна отрядом мониторов дальнего действия. Поэтому любой выход нужно было согласовывать с мониторами, чтобы не угодить под обстрел.

Это не чья-то глупость и не пустая, неоправданная трата энергии. Один из последующих Приливов вел прямиком к Марсу, откуда рукой подать до Земли. А израсходованные на обстрел запасы квазеров должны были с лихвой пополнить те самые рудодобытчики,

ради которых и находился у темного шатуна линкор «Инк» под командованием командора Беркли.

Если бы не действие индапа, самое время было бы ему вспомнить лишний раз о потерянных семнадцати минутах. Линкор — ничто по сравнению с драгоценным грузом, который скопился в квазерохранилищах рудодобытчиков. Этого груза хватило бы не только на пополнение арсеналов отряда мониторов, но и на оснащение целого флота линкоров. Ему, Беркли, была доверена такая важная и ответственная миссия, а он, командор, которому всегда и во всеми везло, ее провалил.

— Пять «Кросроудов» блокируют вход в Прилив! — доложили с расчетно-боевой вахты. — Через несколько минут мы будем иметь по несколько крейсеров на каждой полусфере. В случае попытки вывода каравана добытчиков — неизбежная атака с кормы и левого борта, там сконцентрированы оставшиеся истребители врага.

— Зафиксированы еще двадцать следов финиша! — очередная новость, огревшая Беркли по затылку, пришла с «Метео-4», жавшегося сейчас к линкору, — Все двадцать — истребители. Направляются к западу.

Запад — по левому борту любого корабля Солнечной, в любом его положении в пространстве, в любом месте Вселенной.

Эфир был заглушен, связь с внешним миром действовала обрывками, в которых ничего нельзя разобрать. И полностью подтверждался неутешительный прогноз расчетчиков: ничего, уже ничего не спасет от уничтожения караван с грузом! Не будь индапа, Беркли, скорее всего, застрелился бы из табельного «Клинча».

Орудийные палубы залиты синим тревожным светом. Лица людей на обзорных мониторах — это лица мертвецов, которые еще не знают, что они мертвецы.

И люди работают...

— Накрытие малыми орудиями! — докладывают одновременно с третьей и четвертой палуб правого борта.

Один из «Букименов» наконец-то весь превратился в облако пыли. Вторым был «Кросроуд». Он пострадал меньше, но это только внешне. Энергорадары боевого поста доложили о полном отсутствии кинетической активности на его борту.

«Нет чтоб сказать, что там просто передохли все черви!» — подумал Беркли, а вслух сказал другое:

— Расчетчикам! Каков возможный процент сохранения добытчиков, если мы выйдем в атаку на основную массу кораблей, отправив рудовозы в Прилив без прикрытия?

Пять «Кросроудов», стерегущих вход, это не двенадцать крейсеров (включая эти же пять), которые все вместе начнут охоту на караван, если линкор повернет к Приливу. Подобный маневр вместо того, чтобы отвлечь, связать боем, расположенные дальше от Прилива крейсеры, только спровоцирует атаку всех вражеских сил, включая и тридцатку истребителей. И вход в Прилив обернется для каравана входом в преисподнюю. Для каравана и для самого линкора, естественно. Отправить же караван сквозь строй из пяти крейсеров только на первый взгляд безумное решение. Добытчики тем и славятся, что они отменные навигаторы и умеют выбираться из любых, даже самых безнадежных, передряг. Ходить под прицелами вражеского флота им не впервой. К тому же наверняка можно что-то придумать. Пожертвовать частью каравана, подставив его под удар, но вывести основную группу. Сделать своеобразный «разворот Альвареса»...

— У них нет шансов, командор! Пройдут процентов пять от общего числа, не более!

Снова косноязычие! Запретить, что ли, уставное общение на «Инке»? Или дежурный офицер специально завуалировал печальный итог? Из двадцати добытчиков — один-два корабля. Это образней. Одновременно Беркли решал, хватит ли такого количества, чтобы его имя не склоняли потом во всех уголках Галактики как имя самого большого (разумеется, после командора Альвареса) неудачника?

— Вздор! — Ворвавшийся в диалог новый голос, громкий и низкий, почти бас, был голосом шкипера Эрнальдо, владельца каравана. — У нас не какие-то там тихоходные корыта! Половина, скорее всего, останется разделить вашу участь. Половина пройдет. Самая загруженная половина! — со значением добавил Эрнальдо.

Десять кораблей, под завязку набитые гравиквазерами! Да ему в жизни никто не дарил более дорогие подарки! Десять — это достойная цена, — решил Беркли.

— Внимание! Всем постам! Выходим в атаку на северную полусферу! Задача — связать боем семь крейсеров и истребители! «Остальные пять мы уже проворонили», — чуть не добавил он. — Джамиль! На тебе истребители. Отсекайте их от приливной точки. Сделайте все, что сможете!

— Принято, ком! — Командир выводил оставшиеся после трех минут боя тридцать миниджетов наперехват быстроходным «Кнопкам».

Его пилоты сжигали сейчас остатки энергии, не думая о возврате. Энергии и кислорода. Какова частота вдохов при пульсе

в сто восемьдесят — двести? И перегрузках свыше двадцати «же»? «Вариоры» на ходу меняли рисунок боя, и каждый критический вираж бил по экзоскелетам СВЗ будто двухтонная кувалда. Джеты вели бой, для которого не были предназначены.

— Эрнальдо! Помни! Ты обещал довести половину!

— Славной тебе смерти, командор Беркли! Я помню. Доведу!

Караван перестроился в четыре колонны, по пять кораблей в каждой, и на форсаже стартовал к Приливу.

«Эрнальдо не мальчишка, чтобы безответственно раздавать такие обещания. Наверное, даже умудрился связаться с мониторами, узнавая, когда следующий безопасный коридор!» Затем все мысли Беркли обратились к пожеланию шкипера-владельца, — как красиво обустроить собственную смерть и не подпустить другие крейсера к приливной точке, пока не ушел караван.

Не только эмоции опасная в бою вещь. Еще есть чувство самосохранения. В некоторых случаях оно более опасно, чем все остальные чувства, данные человеку природой. Индап командира линкора способен решать и эту проблему, когда в том есть необходимость. Так же, как и индапы офицеров расчетных служб, старшего навигатора и главного корабельного комендора. Всех тех, кто владеет ситуацией полностью и имеет достаточно четкое ее понимание. Остальные члены экипажа — эритроциты кровяного потока, направляемого сердцем и венами, питающими корабль жизнью. Знает ли эритроцит, осознает ли он свою миссию по поддержанию огромного организма в функционирующем состоянии? Пусть даже этот организм — линкор 1-го класса «Инк», изготовленный на верфи «Сатурн — основная», а эритроцит... Да хоть командир расчета седьмого излучателя пятой палубы левого борта!

Упоминание о пятой палубе — не случайно. Она перестала существовать всего пару минут назад, когда одновременный запуск торпед тремя крейсерами достиг своей цели. И два из сорока шаров, наполненные смертью по самое не хочу, вгрызлись в казематы этой палубы. Но до самого последнего мига артиллеристы делали свое дело. Залитые синим мертвенным светом, они и раньше казались Беркли мертвецами.

— Отсечение пятой палубы! Выставлены антирадиационные заслонки. — Центральный бортовой вычислитель бесстрастно озвучивает действия, выполняемые аварийными системами корабля.

— Накрытие! — Доклад с другой палубы.

Теперь остались только «Кросроуды», без всяких «Букименов».

А майор Джамиль замолчал. «Выбыл из боя» — поясняет строка состояния на тактическом терминале. Для джетов принудительная эвакуация не предусмотрена — не та электронная начинка. Да уже, вполне вероятно, там некого и нечего эвакуировать.

Майора сменил другой пилот, которому достался под командование всего десяток «Вариоров».

Если даже «Зигзаги» не всегда выходят победителями из боя с «Кнопками», то что говорить о миниджетах? Кстати, истребители Бессмертных за время скоротечной схватки на контркурсах потеряли всего две машины. Да и то потому, что пилоты двух «Вариоров» вышли на таран. Они, человекоторпеды линкора, тоже относятся к касте Избранных. Тех, чьи индапы умеют делать из людей берсеркеров. И удивляться тут нечему. И некогда. Надо работать!

— Планетарная бомбардировка! — командует Беркли, заметив, что истребители врага пытаются обмануть торпеды линкора, направляясь к Приливу впритирку с кольцами планеты. — Объект атаки — астероидный пояс!

И через минуту, благо планета находилась недалеко, геометрически четкий узор ее колец, состоящий из миллиона маленьких Лун, рушится, покрываясь нестерпимо-белыми язвами.

Расчетчики вовремя разгадали коварный маневр группы истребителей. Бомбардировка вышла идеальной, на упреждение. Десять «Кнопок» сгинули бесследно в том пестром аду, что творился на орбите планеты. Еще несколько получили серьезные повреждения, не успев провести маневр уклонения от разящих астероидных останков.

Это было хорошее известие. Но оно тут же уравновесилось другим.

— Следы финиша еще двадцати «Кнопок»! Сразу направляются к нашей приливной точке!

Удивительно, как это «Метео-4» не развалился в тех гравитационных бурях, что вихрились сейчас вокруг огрызающегося линкора?

К предыдущему сообщению добавилось еще одно.

— Отсечение третьей и четвертой палуб правого борта! Выставлены антирадиационные заслонки. Повреждение дюз разгонного двигателя! — констатирует Центральный бортовой.

— Накрытие! «Кросроуд» под оперативным — восемь, выходит из боя!

— Еще накрытие! Ушел номер шесть! — перекрывают доклады Центрального с орудийных палуб.

Хотя это вряд ли можно было назвать очень уж хорошими новостями. Линкор — на то и линкор, чтобы давить крейсерский (и линейный, если повезет) флот противника. Потеря трех орудийных палуб из двенадцати — пять с каждого борта, кормовая и носовая — еще не самое страшное для него. А вот повреждение дюз разгонного двигателя — это нога в капкане, которую не перекусить, как делают дикие звери. И от капкана того не освободиться, нет никаких шансов у ремонтного батальона хоть как-то исправить положение в условиях непрерывного маневрирования посреди отчаянной схватки.

У Беркли в запасе был еще один козырь, но помня о семнадцати минутах и о той легкости, с которой враг вводил в бой все новые и новые силы, командор держал свой козырь про запас. На самый последний миг. Ждал, когда можно будет с честью завершить сражение — поставить жирную точку, или умереть красиво, как пожелал ему капитан-владелец каравана.

— Командор! Мои старатели в Приливе! Иду замыкающим! — Эрнальдо словно подслушал, о чем думает сейчас Беркли. — Прошло одиннадцать кораблей, я — двенадцатый. Если сумеешь продержаться хоть пятнадцать минут, поймаешь свой шанс! Там, кажется, кто-то спешит на помощь. Я не разобрал... С мониторов сообщили, что...

Передача оборвалась. Как понял Беркли, из-за того, что последний рудодобытчик вошел в Прилив, а держать связь, находясь в Приливе, — невозможно. Сквозь Прилив — обязательно да! — без этого была бы невозможной связь-мгновенка. Сквозь — да, а в нем — категорично нет. Ни выйти на связь, ни принять сигнал. Непреложная данность, секрет другого, более глубокого секрета самого явления Прилива.

Итак, Эрнальдо ушел. Прорвался-таки, черт! Провел двенадцать рудодобытчиков сквозь строй вражеских крейсеров. И это без орудийных палуб, пользуясь одними только гравитационными ловушками, пускай даже со сверхактивными генераторами гравитации! Противометеоритные пушки, естественно, не в счет. Вот кому командовать линкором! Такому капитану, как Эрнальдо, а не ему, некогда самому удачливому командиру, а ныне — самому невезучему из всех неудачников!

Мысль растворилась в общем потоке абсолютно других мыслей, которые могли бы принадлежать шахматисту, пытающемуся единственным ферзем прикрыть голого, без единой пешки, короля от вновь и вновь появляющихся на доске табунов коней и слонов.

Работал линкор, работали члены его экипажа и их индапы. А командор с недоумением обнаружил, что его рука сжалась в кулак и готова долбануть с размаха по панели командного пульта.

Король спасся сам, а ферзь остался, вопреки всем правилам. И должен был умереть.

Пять «Кросроудов», чье пребывание возле приливной точки стало бессмысленным, заблокировали подходы к ней гравитационными ловушками, сквозь которые «Инку» не пробиться. Вот разве что кто-нибудь финиширует с той стороны. Тогда защитная мембрана приливной точки (еще одно загадочное свойство Приливов) освободит проход. И что-то там Эрнальдо сказал ведь про помощь!

Но Беркли знал диспозицию почти всех линкоров, которые с наибольшей вероятностью могли быть отправлены на подмогу. И знания эти были неутешительны...

Любые корабли из состава прикрывающего флота самой Солнечной исключались. «Змей Циньдао», «Лотос» и громадина старой постройки «Вепрь» также отправлены охранять верфи Сатурна и Юпитера, и не сдвинутся с места после недавнего прорыва Бессмертных в центр Солнечной. Линкорам крепостей «Азия» и «Америка» добираться сюда слишком далеко — через восемь Приливов. Про «Африку» можно не вспоминать — она вообще на краю космографии, прикрывает последний рудный район где-то у дзеты Семирамиды.

Остаются «Европа» и «Австралия». С «Европы» точно не уйдет ни один из линкоров, ведь им противостоит самый большой линейный флот Бессмертных. Гравитационные дуэли на главных калибрах — каждый день! Ослабить свой Большой флот даже на одну единицу — слишком опасно для Крепости. В «Австралии», насколько знал Беркли, случилась другая крайность. Ввиду слабой активности вражеского линейного флота у Каппы Струны сразу три линкора из восьми, имеющихся в распоряжении «Австралии», отправили на восстановление, в ремонт. Их места в окрестностях Крепости занимают энергетические муляжи. Все чин по чину! Даже депеши родным и близким рассылаются два раза в день, а имитатор воспроизводит частоту пульсаций двигателя, работающего в ждущем режиме.

Неужели «Австралия» рискнула отправить один из пяти оставшихся линкоров? Но который? «Бушмен»? На нем новый командор. «Эльдорадо»? — Приоритеты на сопровождение мониторов дальнего действия. Навряд ли... «Зеландия»? Тоже не то — линкор

последней, самой свежей постройки, еще не прошедший полностью ходовых испытаний. И вообще он приписан к той же «Европе», где из-за наличия мощнейшего флота линкоров Бессмертных шла наиболее активная разведывательная работа. Очень вероятным выглядело, что дредноуты врага болтаются не просто так, а прикрывают какой-то, несомненно, ценный во всех отношениях Прилив или цепочку Приливов, ведущих к домашним планетам Бессмертных. Потому и не прекращаются дуэли на главных калибрах. И вообще по потреблению стратегических запасов гравиквазеров «Европа» — на первом месте.

Кстати, о главных калибрах... Не пора ли? Если не придут линкоры, значит — крейсера. Много ли будет здесь с них толку? Раскупорят заблокированный вход в Прилив при финишировании, и то хорошо. А прикрывать уже будет некого. «Инк» доживает последние пульсации маневровых движков, и пока Беркли потратил несколько секунд на все эти размышления, линкор получил еще два повреждения, оба — кормовых разгонных дюз. А последним сообщением «Метео-4» явилось известие об очередном финише. Теперь — шести крейсеров и десятка «Кнопок».

Расклад: пятнадцать «Кросроудов», половина из которых под завязку набита энергией и торпедами, и тридцать пять истребителей. А «Метео-4» погиб. Его командир и члены экипажа так и не бросили сражающийся линкор...

Много «Кнопок» — не самое страшное. Много «Кросроудов» — тоже, как до последнего времени считал Беркли. Но когда одновременно много и тех, и других, и стаи истребителей постоянно отвлекают своей назойливостью защитные средства «Инка» — это уже слишком. Слишком много шансов быть затравленным насмерть. Наверное, именно поэтому Бессмертные не отправили сюда парочку собственных линкоров. Жаль. У артиллеристов Беркли появились бы по-настоящему достойные цели... А так приходилось огрызаться на крейсеры, уходящие с дистанции ближнего боя, или хотя бы ждать боя на средних дистанциях. Зато в ближний бой рвались чужие истребители. Медведю не справиться с собачьей сворой, особенно если лапа в капкане!

Добытчиков уже не нужно спасать, они и сами успешно спаслись и находятся уже в безопасности. Само место разработки уничтожено при планетарной бомбардировке, а с ним исчез дополнительный повод для отправки свежих сил на помощь «Инку». Спасать линкор — бессмысленно, и командование не может этого не понимать.

Раз «Инк» не появился, воспользовавшись Приливом, значит — не смог. Раз не смог, значит, связан боем. Связан боем с настолько превосходящим в маневренности и численности противником, что из боя ему уже не выйти. О какой помощи вел речь Эрнальдо?

Маневренность «Инка» снизилась едва ли не втрое, когда истребителями Бессмертных, потерявшими всего шесть машин, была выведена из строя часть маневровых двигателей. Попутно «Инк» задел один из крейсеров. Хорошо задел, и торпедисты, и канониры гравитационных орудий честно поделили эту маленькую победу. Но пять орудийных палуб уже бездействовали, и скоро должна была наступить развязка.

Она и случилась, но вовсе не такая, как предполагал командор Беркли и как могли счесть Бессмертные.

Вспомогательное судно, отслеживающее гравитационные возмущения в оперативном квадрате, погибло. А собственные средства обнаружения и опознавания целей на линкоре практически все вышли из строя. Поэтому появление новой фигуры на доске произошло неожиданно.

Линкор Бессмертных! Овальная черная туша, превосходящая размерами «Инк» и большинство любых других действующих линкоров Солнечной.

Командор надеялся, что это произойдет, ждал такого мгновения, как ждали его комендоры первых, до сих пор бездействовавших палуб.

— Главный! — скомандовал Беркли, уже зная, что должно произойти через считаные секунды.

Крейсера немедленно разошлись в стороны, оставляя наконец-то в покое истерзанный корабль землян. Оставляя только для того, чтоб по нему был нанесен последний, смертельный удар.

Сейчас уже не имело смысла подсчитывать, какой запас хода останется у «Инка» после использования излучателей главного калибра. Даже если запас оказался бы значительным, линкору все равно не уйти. Потому что его визави — линкор Бессмертных, тоже изготовился к стрельбе, грозя в любое мгновение выплюнуть невидимые сгустки гравитации. Он тоже отработает залп своим главным калибром.

О взаимном погашении гравитационных волн не может быть и речи. Гравитация не причиняет вреда пространству, пускай даже возмущенному другой гравитационной волной. Только материальное тело, такое как, например, «Инк», оказавшись на пути волны, станет жертвой. Ну может быть, еще то, что осталось от

астероидных колец планеты, — скопище обломков, — тоже навеки покинет своего гравитационного сюзерена.

Беркли отдал команду, и «Инк» выполнил «Стандарт 1-1», маневр разворота носом к атакуемой цели. Так, чтоб могли действовать обе первые палубы — левого и правого борта.

Если бы маневр исполнялся не в ходе сражения, а на сдаче нормативов по тактической подготовке, и командор, и весь экипаж «Инка» неминуемо ждало бы взыскание, настолько медленным и неуклюжим вышел разворот. Сказывались повреждения кормовых дюз и маневровых двигателей. Но к счастью (или к несчастью, с какой стороны смотреть), рядом не имелось строгой комиссии адмиралтейства, и некому было оценить неуклюжесть линкора.

Линкор Бессмертных тоже отработал схожее движение, но преуспел в этом еще меньше, чем «Инк». Бессмертные наверняка не ожидали, что израненный линкор еще способен на атаку излучателями главного калибра.

— Успели! — удовлетворенно выдохнул Беркли одновременно с тяжелым выдохом орудий, отозвавшимся во всех отсеках линкора.

Комендоры «Инка» опередили вражеские батареи! А враг поздно осознал свою ошибку. Сработала уловка с использованием во всех активных фазах боя с крейсерами только вспомогательных калибров, с уменьшенными секторами воздействия. Теперь, когда энергорадары вражеского линкора показали, какое именно количество энергии только что высвободил «Инк», сделать что-либо было затруднительно. Зря, выходит, приперлась в этот квадрат овальная черная туша!

— Командир! Фиксируем финиш! Много следов с той стороны Прилива! Но это не линкоры...

— Ага! Даже не крейсера! — догадался Беркли, — Интересно, чем нам помогут...

Истребители! Сразу семь троек «Зигзагов»!

«Кросроуды», только что наблюдавшие гибель своего линкора, вновь атаковали со всех полусфер. Но теперь им было труднее добиться успеха, потому что к ним несся рой субсветовых торпед. И крейсерам приходилось думать еще и о собственной защите.

— Командор! Я — Гонза, командир группы, крепость «Австралия». Сможет ли ваш линкор самостоятельно войти в Прилив?

— Вы хотите сказать — доковылять? Сомнительно... Об этом лучше спросить у тех, крестообразных... Мы только что прихлопнули линкор, набитый червями, поэтому нам нужно минут десять, чтобы добраться к Приливу.

— Считайте, у вас есть эти десять минут. Уходите, начинаем прикрывать...

«Зигзаги». Сначала — рудодобытчики, что смогли самостоятельно прорваться сквозь завесу вражеских крейсеров. Теперь вот — истребители, надеющиеся справиться с флотом, оказавшимся не по зубам для «Инка». На кой тогда вообще Солнечной сдались линкоры? И кто вообще додумался отправить сюда единственный линкор без крейсерского или хотя бы истребительного прикрытия?

Так думал Беркли. Но со всеми невысказанными вслух вопросами можно было разобраться потом. Сейчас нужно попытаться вывести линкор из боя. А как это сделать?

Трудная задача, если целая свора «Кросроудов» пытается достать его сериями торпедных атак, а орудийные расчеты, даже сохранившиеся, бездействуют, потому что весь энергозапас съели палубы главного калибра.

Дымя в пространстве улетучивающимся сквозь множество прорех в обшивке кислородом, «Инк» немногим отличался сейчас от «Букимена».

Кое-какие средства защиты, к счастью, все еще действовали. Но много, очень много отсеков, перекрытых автоматическими заслонками, уже не нуждались в защите. Возможно, в таких отрезанных отсеках еще находились живые, но им оставалось только завидовать мертвым. Потому что минуты жизни были для них сочтены, и это были мучительные минуты.

В развороченном чреве «Инка» то тут, то там полыхали быстротечные пожары — врывающаяся пустота Вселенной справлялась с ними лучше всяких брандвахт и автоматических средств пожаротушения. Несколько постов оказались отрезаны от основных коммуникаций линкора, хотя и не пострадали во время вражеских атак. У людей, находящихся там, тоже не было никаких шансов спастись. Беркли по себе знал, что означало оказаться запертым в такой вот секции линкора — в полной темноте, когда непонятно, жив ты или нет, а нагнетатели вместо воздуха гонят едкий дым, и стенки секции, раскаляясь, постепенно начинают приобретать малиновый оттенок. Десять лет назад Беркли повезло. Он успел облачиться в СВЗ. Но эти воспоминания сейчас были лишними. По крайней мере, так посчитал индап.

— Ганг, Фолис, Мегаши! Идете на сближение с «Кнопками»! Джокт! Ты со своими ребятами отвечаешь за линкор. Будете его сопровождать к приливной точке. Остальным лидерам — атака на крейсера! Отсекайте их... Попробуем навести здесь порядок.

Беркли понравился уверенный тон командира истребительной группы. Помочь «Зигзагам» линкор не мог, — его кормовая орудийная палуба превратилась в огнедышащий вулкан, ставший к тому же местом погребения для сотни человек. На корме, больше всего пострадавшей от торпедных атак, не сохранилось активной защиты. Единственное, что могло еще обрадовать — возвращение на борт семерки «Вариоров» — одной десятой части всего «карманного флота».

Линкор полз к приливной точке, словно раненый зверь, стремящийся забиться в темный угол, где его не найдут падальщики. В отдалении шел бой, «Зигзаги», похоже, собрались любой ценой спасти «Инк», и вскоре «Кросроуды» прекратили попытки догнать, добить ускользнувшую добычу, к тому же истребители завалили два крейсера, продолжая атаковать остальные.

«Зигзаги» без колебаний вышли вплотную к «Кросроудам». И теперь выполняли сложный групповой танец, больше напоминающий вакханалию безумных демонов космоса. Истратив практически все имитаторы целей, без торпед, которые были спешно выпущены для отвлечения внимания врага от спасаемого линкора, истребители уходили в головокружительные полеты-кувырки, когда торпеды врага отбрасываются плазменно-гравитационными струями двигателей. Замелькали боевые лазеры. Крейсера, уже отказавшиеся от намерений прорваться к «Инку», приняли ближний — не то слово! — ближайший, бой лоб в лоб! Бой, в котором только скорость мешала увидеть врага за обманчиво-хрупким хрусталепластиком огневых точек, что располагались на каждой из четырех оконечностей корпуса «Кросроудов». И вот еще два крейсера, облепленные истребителями, как вкуснейшая конфета — мухами, выходят из боя. Их маневровые двигатели выдают неверные, асинхронные импульсы, отчего «Кросроуды» дергаются, будто фигурки-марионетки. Генераторы «лучей смерти» на крейсерах, насколько знал Беркли, выбивались истребителями в первую очередь. Затем плазмогенераторами взрезались и уродовались маневровые двигатели, вот, как сейчас, заставляя звездолеты врага ограничивать подвижность. Потому что при попытке активного маневрирования, учитывая несинхронизированную работу движков, крейсер мог запросто развалить сам себя. Беркли видел однажды такое, когда противоположно направленные по вектору тяги двигатели «Кросроуда» одновременно отработали на форсаже. И корпус звездолета не выдержал чудовищной глупости автоматики, направившей энергию с двух противоположных концов к центру креста.

Ось «Кросроуда» просто сложилась, как телескопическая антенна, а когда такое же несчастье произошло с двумя оставшимися боковыми двигателями, крейсер разломился на две закорючки, ничем уже не напоминающие составные части боевого звездолета...

Более-менее организовавшиеся для отпора истребителям КС «Кнопки» успели выстроиться в некое подобие вогнутой полусферы. Вот только хватило их ненадолго, потому что тройки «Зигзагов» не стремились уничтожить вражеские истребители. Задачей было сковать их боем, не подпустить к уползающему на тринадцати сотых световой «Инку».

Интересно, подумал Беркли, каково сейчас тройке, которая прикрывает его линкор? Бездействовать, наблюдая со стороны за боем своих товарищей по оружию, это всегда тяжело. И он решил связаться с ними, подбодрить в случае необходимости.

— Лидер Джокт! Вызывает командор Беркли! — Случись что, и судьба линкора будет зависеть от этих трех истребителей, что вынужденно снизили скорость, уравняв ее со скоростью линкора. — Как получилось, что вы отправились к нам на подмогу? По моим подсчетам, вам пришлось прыгать сквозь несколько Приливов, а значит, решение было принято задолго до того, как я был атакован.

— Нет, ком. — Голос слегка отрешенный, видимо, пилот ни на секунду не отрывался от тактического анализатора, следя за боем остальных «Зигзагов». — Не было никакого решения. Это случайность. Даже не дежурный облет... Нас отправили сопровождать транспорт с пополнением для штурмовой пехоты, — две группы из Крепости зачем-то перебрасывались к Земле. Но задание было отменено, и тогда командир указал курс к вашему сектору. Попрактиковаться в торпедных стрельбах, чтобы не летать никуда завтра. С увеличенной дальностью захвата цели. А здесь — планета-шатун, астероиды, — множество целей для того, чтоб вести учебу. Вот и... Вам просто повезло, — закончил пояснения пилот.

Да уж, повезло, хмыкнул Беркли. Бортовой вычислитель сообщал о потере пятидесяти процентов экипажа линкора. Аварийные команды — люди и роботы, уже высыпали наружу, в открытый космос, латая корпус и дюзы там, где это возможно. Канониры некоторых орудийных палуб схватили смертельную дозу облучения, потому что часть торпед Бессмертных была снабжена «грязными» ядерными зарядами, оставляющими сумасшедший фон после взрыва. При близком поражении не спасали ни переборки, ни СВЗ. Теперь эти люди нуждались в скорейшей отправке на Землю или

к любой из Крепостей. Собственный лазарет «Инка», упрятанный глубоко внутри корабля, мало чем мог им помочь. Разве что попытаться поддержать жизнь до прибытия к ближайшему рег-центру. А еще где-то на нижних палубах пылали факелами канониры отсеченных казематов. Беркли кинул всего лишь взгляд на единственный, чудом функционирующий обзорный экран одной из таких палуб — пятой, той, что была уничтожена первой — и скрипнул зубами. Картинка будто замерла оттого, что камера потеряла возможность вести подвижное слежение и теперь показывала одно и то же: откатившийся назад двухметрового диаметра казенник орудия-генератора. Виднелась также вогнутая броня внешней обшивки, сквозь прорехи в которой сияли далекие звезды. И десять полурасплавленных фигур в СВЗ возле энергетического лафета, раскиданные, словно кегли. Еще — на черной, обугленной панели в дальнем углу экрана — три светлых выпаренных силуэта: флаг-офицеры, находившиеся в момент подрыва заряда без скафандров на орудийной палубе. Их предназначением было направлять действия канониров в случае утраты связи с центральной рубкой боевого управления. Три пустых СВЗ — вот они, рядышком. Спекшиеся в какую-то груду.

«Почему они нарушили инструкцию? — подумал командор. — Почему не надели скафандры высшей защиты?»

Но тут же себя одернул. В скафандрах, без скафандров — какая разница? От тяжелой торпеды, пробивающей внешнюю броню, не спасет ничто. И флаг-офицерам это было известно. Наскребут ли потом хоть грамм их праха для отправки к месту «службы второго срока»?

Поймав себя на том, что в голову лезут совсем уж мрачные мысли, а индап никак на это не реагирует, потому что полностью исчерпал запас воздействующего вещества, Беркли вызвал адъютанта с просьбой заменить индап. До Прилива оставалось пять-шесть минут хода, если не случится дальнейшее падение мощности. Ведь от полусдохших энергетических и двигательных установок можно ожидать чего угодно. Да мало ли что может произойти...

В широкой нише возле командного пульта находился СВЗ командора. Но Беркли не позаботился, чтобы его надеть. «Надо же! Повезло!» — вспомнил он реплику пилота сопровождающего истребителя. Пять сотен мертвецов, критические повреждения корпуса в восьми оперативных зонах линкора из двадцати, дырявые дюзы маршевых двигателей, сами двигатели... как дырявые... И снова вернулось воспоминание о семнадцати потерянных минутах.

— Адъютант! Я просил индап, черт вас дери!

А бой продолжался. В какой-то момент даже начало казаться, что «Зигзаги» сотворят невероятное — расколошматят всю эту свору бессмертных, отомстив за потерю половины каравана, вспомогательного судна и зияющие в бортах «Инка» провалы. Но это только казалось. Без торпед «Зигзаги» не могли нанести крейсерам большого ущерба и теперь сами вынуждены были обороняться, уходя из-под ударов оставшихся «Кросроудов». Схватка с «Кнопками», можно было сказать, оказалась сведена к ничьей. Обе стороны, израсходовав контактные торпеды и почти полностью опустошив энергозапасы гравитационного оружия, доигрывали партию одними лишь лазерами, сохранявшими эффективность при работе вплотную к цели. Но совсем вплотную не получалось — сказывался численный перевес «Кнопок», готовых захлопнуть ловушку для любого «Зигзага», который рискнул бы подобраться поближе. На средних же дистанциях защита и той, и другой стороны вполне справлялась с лазерными импульсами.

Но все же обе группы «Зигзагов» — и та, что наседала на крейсеры, и та, что связала боем вражеские истребители — не спешили прервать эту игру. Спасти линкор было не просто делом чести пилотов, но делом престижа человеческой расы. Подвержены ли Бессмертные упадку духа — пока не было точно установлено. Если и им не чуждо отчаяние при виде ускользающей добычи, помноженное на чувство бессилия вернуть утраченную победу, то сейчас все происходящее именно на это и походило. Вся группировка противника утратила активность. Можно сказать, действовала вяло, отмахиваясь от «Зигзагов». А в каких-нибудь трех-четырех миллионах километров от безучастной ко всему планеты неподвижно висел в пространстве мертвый линкор врага. На нем, видимо, не осталось никого, чтобы запустить энергоустановки или хотя бы зажечь топовые огни. Энергорадары никак не реагировали на его черный овал, теперь линкор локировался только грависканерами дальнего действия, которые определяли его как неактивное небесное тело с малыми угловыми размерами. Жаль только не было никакой возможности сжечь его к чертовой матери орбитальными бомбами, разорвать, расплавить, расплескать по пространству, чтобы не оставить Бессмертным никаких надежд на регенерацию членов экипажа. А ведь червей в линкоре — ой, как много! Скоро, очень скоро эти же черви, что сопливыми гроздями висят сейчас в расплющенных лазах-коридорах линкора, будут возвращены к жизни и займут места в отсеках другого, нового корабля.

Это как нечестная игра в шахматы, как могут играть только дети — по собственным правилам, когда через несколько ходов съеденные пешки возвращаются на доску, а может быть, даже становятся средними и тяжелыми фигурами, да чем угодно, хоть ферзями! Вот только играющим другим цветом не дано воспользоваться этими правилами. Три светлых силуэта и сваренные вкрутую СВЗ на мониторе обзора пятой орудийной палубы являлись наглядным тому подтверждением.

К счастью, наконец-то появился адъютант с индапом, и кошмар отпустил командора Беркли на какое-то время. Очень кстати.

Эфир вдруг словно взорвался! Ожили навигационно-тактические панели. И ласковый зверь снова вонзил свои тонкие зубы-иглы в шею командора.

— Фиксируем следы финиша! Близко! Два «Кросроуда» и десять «Кнопок»!

С гравипоста донесся чей-то полный отчаяния выкрик:

— Да что же это?! Снова — только что образовавшийся Прилив!

Снова! Только что! Образовавшийся!

Умение Бессмертных управлять явлением Прилива повергло в шок уже не одну группу военных аналитиков. Как можно планировать оборону, если враг способен появиться где угодно, когда угодно и какими угодно силами? Солнечная была готова сыграть ва-банк, но похоже, Бессмертные начали подготовку к такой же игре раньше, вновь опережая Космические Силы Солнечной на несколько шагов.

— Четвертая орудийная! Доложить о готовности к стрельбе! Сейчас вам будет перенаправлена энергия ходовых систем линкора!

Беркли решился. Не смог вынести молчаливого укора тех, с пятой палубы. А ведь кроме нее еще несколько секторов корабля хранят в себе схожие останки.

— Экипажу приготовиться к эвакуации. После залпа — уходить в Прилив. Командира группы истребителей, прошу прикрыть эвакуационные боты!

— Командор Беркли! Это ошибка! — Голос Гонзы не был ни взволнованным, ни напряженным, вообще бесцветным. — Ваш линкор способен подойти к приливной точке инерционным ходом...

— Будьте уверены, Бессмертные не сделают нам такого подарка! Уводите свою группу, вам тоже не справиться. Я попытаюсь сбить крейсера и сколько получится «Кнопок», а дальше... Половина

пройдет, — вспомнил он уход Эрнальдо. — Стоит вам кинуться мне на подмогу, как вся эта свора, которую вы держите пока на привязи, кинется вслед. Лучше попытайтесь помочь хотя бы части эвакуаторов, а три истребителя, что выделены для нашего прикрытия...

— Командор Беркли! Атакуйте крейсера, но не спешите эвакуировать экипаж. Вам осталось идти три минуты. Если удастся разобраться с «Кросроудами», остальных свяжут мои пилоты. К тому же кривизны пространства, генерируемой ловушками «Кнопок», недостаточно, чтобы остановить линкор... Джокт!

— Принято, ком! — Он все понял и теперь старался подражать голосом командиру. — Идем в атаку после залпа линкора.

Снова тревожный синий свет в отсеках. Энергетический пост в полном составе сходил с ума — люди и электронные машины перенаправляли поток энергии на энергоприемники четвертой палубы.

— Не так! — Готовность к самопожертвованию снова покинула командора Беркли, увидевшего другой выход из создавшегося положения, теперь он обращался к тройке Джокта: — Имитируйте атаку! По моему сигналу уходите в сторону, на крейсерах не успеют...

Джокт с полуслова понял, что хотел предложить, вернее, что приказывал сделать командор линкора. Формально тройка истребителей прикрытия должна выполнять приказы только командира группы, то есть Гонзы, но в словах Беркли имелся немалый резон. Как только «Зигзаги» пойдут в атаку, все внимание Бессмертных в эти секунды переключится на них. На это же время линкор утратит главный приоритет для врага. К тому же истребители будут перекрывать линию стрельбы линкора, что тоже должно ввести в заблуждение стрелков-навигаторов «Кросроудов». А потом, в неуловимый миг все изменится...

В общем, план сработал. Тройка истребителей выставила свои последние ловушки, поглотившие половину торпед, выпущенных вновь прибывшими истребителями и крейсерами Бессмертных. Другую половину торпед отвлекли Имы — имитаторы целей. Потом «Зигзаги» провалились вниз, а «Инк» дал последний залп.

Нет, это была не жирная точка в сражении, скорее — запятая. Потому что истребителям Крепости «Австралия» пришлось самим прорываться к Приливу. И группа все же потеряла две машины. Как ни жестоко давать такую оценку — не очень-то и плохо для сложившейся ситуации. Прикрывающая тройка Джокта сразу после удара линкора вторично вышла в атаку, на этот раз — настоящую,

а точнее — продолжила начатую, потому что залп по крейсерам и их гибель — секундное дело. Беркли не видел, как тройка отработала дуэль на встречных курсах. Всего восемь десятых секунды действовали их лазеры, и чуть больше — плазмогенераторы... Не видел командор и три коротко полыхнувшие и сгинувшие «Кнопки»... Его линкор вошел в Прилив.

Через вторую приливную точку «Инк» смог осуществить проход еле-еле. И пока звездолет совершал медленные и неуклюжие эволюции, пользуясь в основном инерцией, Беркли почудилось, что сейчас враг вынырнет следом за ними, чтобы дожать, добить. Но этого не случилось. Бессмертные слишком хорошо уяснили, что соваться в Прилив вслед отходящим кораблям землян нельзя — безнадежное занятие! И там, в точке выхода, их обязательно будет ждать какая-нибудь гадость вроде гравитационной завесы, выставляемой мониторами, или орбитальные бомбы, превращенные в чуткие мины, мгновенно срабатывающие при появлении чужаков...

Инерция — инерцией, но вот того мизера энергии, что сохранилась в накопителях «Инка», хватило на единственный корректирующий импульс. Беркли сам вывел навигационный расчет, причем сделал это едва ли не без помощи вычислителя. Все-таки он был везучим, капитан Беркли. И его прошение об отставке так и не было удовлетворено впоследствии. Если бы только кто-то мог знать, какую огромную роль сыграет в будущем все произошедшее! Если бы мог...

Уже по выходе из второго Прилива — в пределах Солнечной, у марсианской орбиты, где гравитация планеты едва не доконала бездействующий линкор — Беркли вспомнил, что не сказал самого главного...

Он поблагодарил командира Гонзу за помощь, назначив рандеву всем пилотам группы в одном из ресторанов Земли.

— Даже если меня решат расстрелять за фактическую потерю линкора, я попрошу об отсрочке, чтобы увидеться с вами и отдать долг чести! — произнес он мрачновато-высокопарную фразу. — Кстати, со своей стороны я буду хлопотать о награждении всей вашей команды. Особенно для тройки, что меня прикрывала. Изумительная четкость действий! Расчетчики показали — уйди они в сторону всего на три десятых секунды позже, гравитационный удар задел бы и их. А на те же три десятых раньше — крейсера успели бы начать расхождение. Все могло стать напрасным, нам и так повезло — мы ведь били третью мощности, — уже словно извиняясь, добавил он, — да еще вспомогательными орудиями. Наверное, эта

троица — одна из самых опытных в группе, нет? Сначала — мастерское уклонение по команде, потом — продолжение атаки... Три «Кнопки», я уже в курсе... Который это у них вылет? Держу пари, успели, наверное, разменять вторую сотню...

— Вы чуть-чуть ошиблись, командор! — со смехом ответил Гонза. Куда только подевался его бесцветно-монотонный голос. — Тройка Джокта выполняла свой второй боевой вылет. В составе моей группы, да еще при взаимодействии с линейным кораблем — первый. Удачи, командор! Хоть вам крепко досталось, вы тоже успели постараться...

И группа, пройдя над самой командной рубкой с черепашьей скоростью, так, чтобы было заметно прощальное покачивание крыльями-подвесками, сорвалась на форсаже и стартовала в Прилив. Назад, к своей далекой Крепости.

«Случайно оказались в моем оперативном квадрате... Второй вылет... Везение это или нет?» — думал Беркли, только теперь, когда все осталось позади, почувствовавший, как тяжело дался ему этот бой.

Глава 2

— Давайте с самого начала, пилот. — Офицер особого отдела закинул ногу на ногу, делая рукой жест, приглашающий к откровенности. — Вы не на докладе у коменданта, а наша беседа пока не является официальной. Я даже готов убрать записывающий видеочип, если он вам мешает.

Кроме особиста в небольшом конференц-зале собралось еще несколько человек. Все они, насколько понял Джокт, представляли самые различные службы Центрального Штаба Внешнекосмической Обороны: от технического и медицинского управлений до аналитического отдела Внешней разведки.

— Понимаете, в чем дело... Ваш случай далеко не единственный. К сожалению, я лично глубоко убежден в этом. Многие пилоты, столкнувшись с подобным феноменом, предпочитают не упоминать о нем в послеполетных рапортах. Так что ваша искренность достойна благодарности. Вот только...

Джокт и сам понимал, что его сжатый, лаконичный поуставному доклад о встрече в Приливе с загадочным кораблем-призраком, который он увидел во время перелета к месту Первого Боевого, слишком сух и имеет весьма категоричную оценку. После

выхода из Первого Боевого он долго думал — включать ли вообще описание собственного видения в Приливе в отчет? Потом все же решился и занес в файл следующие фразы:

«...на семьсот восьмидесятой секунде нахождения в Приливе (сверка по времени — с бортовым хронометром) испытал зрительную галлюцинацию — в виде большого корабля, предположительно относящегося к классу линкоров. Длительность галлюцинации — не более двух-трех секунд. Индивидуальная аптечка вмешательства не производила. Помимо зрительной имел также слуховую галлюцинацию, выраженную в нечетком, неоднократно повторившемся звуке. Длительность — до десяти секунд. Испытал чувство страха. Неконтролируемого. — Джокт вспомнил, как мучился: писать, не писать именно это слово — страха. — Произведено медицинское вмешательство...»

— Может быть, вас несколько сковывает одновременное присутствие множества незнакомых лиц?

Джокт отрицательно повел головой.

— Ну тогда что же?

Как сказать особисту, что он вообще не имеет никакого желания рассказывать обо всем, что касается Первого Боевого? Ведь этот фокус с негласной договоренностью с Бессмертными об обкатке боем пилотов-новичков являлся, насколько узнал Джокт, одной из тайн, не подлежащих разглашению. И знать подробности боевого крещения пилотов-стажеров КС кому-нибудь там, наверху, выше комендантства Крепости, также непозволительно. Он был уверен, что в тайну Первого Боевого посвящены не только полетные инструкторы и не только действительные пилоты, вроде Спенсера, которые вылетают в установленный оперативный квадрат вот так — без оружия на борту, чтобы отправить сигнал вызова на поединок. Еще об этом знали высшие офицеры «Австралии», в этом Джокт не сомневался. Зачем за день до вылета стажеров на первую настоящую встречу с врагом комендант вместе со свитой неожиданно отправился на Землю? Джокт умудрился разузнать — не было тогда никаких экстренных совещаний для комендантов, и других особых поводов тоже не было. Значит, Старик прикрывал эту авантюру, но на всякий случай готовил для себя лазейку, чтобы остаться в стороне в случае чего. Отсюда два вывода...

Первое. В тайну Первого Боевого посвящены все высшие офицеры Крепости, включая Старика — ее коменданта. Но не более! Здесь, в штабах, о чем-то могли догадываться, что-то могли слышать, но — еще раз — не более!

Второе. Раз во всем этом есть нечто такое, что заставляет быть осторожным даже коменданта (да и остальные отмалчиваются), значит, ему и подавно, — пилоту, только-только получившему лычки первого лейтенанта (прыжок через одну ступеньку, как и обещал полетный инструктор), не следует распространяться обо всем слишком далеко. Джокт не был уверен, что рассказал бы всю правду о Первом Боевом даже Лиин, если бы она не сбежала на Землю. А тут — группа офицеров, восемь человек, один другого старше по званию. Да еще верховодит у них не технарь, не специалист-паранормальщик или психоневролог, а именно офицер особого отдела. Начнут выведывать про галлюцинации, а там, глядишь, еще что-нибудь вытянут.

К тому же разговор никак не тянул на неофициальную беседу. Скорее на самый настоящий допрос, где нужно уметь держать язык за зубами.

Почему вы оказались именно в этом квадрате? — Не знаю, координаты сектора пространства давал инструктор... — С какой целью, по-вашему, вся учебно-боевая группа отправилась к месту, где нет никакой активности вражеского флота? За исключением именно такого дня, заметьте, — случающегося раз в году! — когда туда прибывает для выполнения Перового Боевого вылета группа стажеров? — С целью проведения этого самого Первого Боевого! Откуда я знаю, какая там активность в другое время? Но я бы сказал, очень даже большая, судя по проведенному бою... — Как вы считаете, почему вашей группе было придано недостаточное сопровождение? Согласитесь, несколько истребителей — этого явно недостаточно, чтобы спасти всех вас в случае выхода на арену кораблей большого флота противника? — Не знаю. Нам хватило. И справились мы сами... — Вам не показалось подозрительным отсутствие всякой информации о Первом Боевом, предоставляемой курсантам перед вылетом? — Показалось. Когда Бессмертные начали выходить из новосотворенных приливных точек, это тоже выглядело большой странностью. И когда то же самое произошло у Плутона... Когда сожгли «Хванг» и город под Куполом. Все показалось странным, даже штурмовая пехота Бессмертных, свалившаяся как снег на голову с юпитерианской орбиты прямо на Европу, «планету-спутник-рай!» — вспомнился известный рекламный слоган, — а там в месте спуска на поверхность, их поджидала очень кстати оказавшаяся танковая бригада планетарных сил, отправленная именно в это время на переподготовку с Земли... И очень кстати бригадой командовал ас из асов, гений тактики, как охарактеризовал его майор

Балу, а в «Шарках» случайно оказались лучшие операторы орудийных башен, которые сбили десант, не дав ему развернуться в полную силу... С Ганимеда в это же время случайно вылетел отряд «Фениксов», хотя спутники оповещения были выбиты Бессмертными сразу же после выхода из Прилива... И «Фениксы» сожгли к чертям все транспорты и прикрывающие звездолеты, висящие над Европой... Кажется, только один корабль успел уйти... Все! Все мне кажется странным! Даже червь, охраняющий домишко какого-то добропорядочного хаймена... Или про это не стоит вспоминать? Или это — в порядке вещей?

Джокт выдохнул, вовремя сообразив, что весь его внутренний диалог с особистом вот-вот начнет читаться по буквам прямо на лице.

— Я сообщил все, что смог, в послеполетном рапорте. Даже если бы среди вас находились коменданты всех крепостей и лично министр внешнекосмической обороны, мне нечего было бы добавить. Потому что это была галлюцинация. Зрительная и слуховая. Ни один прибор не зафиксировал никаких объектов рядом с моим кораблем. Как только я отвел взгляд, перестал концентрироваться на увиденном, все исчезло. Считайте, я ущипнул себя за нос. Это все.

— Позвольте мне? — вмешался безучастный до сих пор к разговору специалист медицинского управления.

— Да-да, конечно!

«Ага! Выходит, особист тут действительно за главного, раз у него спрашивают разрешения! — Джокту было невдомек, что штабные офицеры любого ранга и любой из служб всегда чувствуют себя неуютно перед особистом. Ему, пилоту в звании первого лейтенанта, они казались все одинаково старшими, не пересекающимися по роду деятельности фигурами. — Но если главный — офицер особого отдела, а не медик, или хотя бы технарь, значит я — прав? И их интересует не столько все, что привиделось какому-то там пилоту, — порядковый номер в Крепости — далеко за сотню тысяч, личный рейтинг — ноль целых, сколько-то там десятых! — сколько сам по себе Первый Боевой, и все, что с ним связано!»

Но уже в следующую минуту Джокт понял, что ошибся.

— Во-первых, — начал перечислять офицер-медик, — я считаю, что при первом разговоре ваше присутствие, — он обращался именно к особисту, — вовсе не обязательно. Не только потому, что любой служащий КС робеет, когда с ним «проводит беседу», — медик произнес это с иронией, качнув головой в такт последнему слову, — сотрудник спецслужбы. И... Нет, не протестуйте! Даже я начинаю

припоминать все грехи молодости, когда нахожусь рядом с вами! К тому же никогда не знаешь, куда вы повернете разговор...

Особист неожиданно улыбнулся и потер переносицу, а после развел руками, давая понять, что всякие подозрения беспочвенны, и он здесь вовсе не для того, чтобы копаться в чьих-то там грехах молодости.

— Во-вторых, и это главное... Поймите же! Сначала нужно выяснить — не было ли все на самом деле галлюцинацией? Нужно быть последовательными, и дайте возможность мне одному пообщаться с пилотом. Думаю, мои рекомендации и оценка того, что я услышу, только облегчат дальнейшую беседу. Если, конечно, будет смысл ее продолжать. Все же галлюцинации у пилотов-истребителей, как ни странно, вовсе не редкость. Страшно даже вспомнить, какие изменения происходят в их сознании при модификациях...

Первым с этим заявлением согласился особист, который встал и демонстративно потянулся на носках, выпячивая грудь, будто все мышцы затекли от безделья.

— Всю ночь не спал. Пойду, попью кофе. Вы как, господа?

Предложение медика выглядело логичным, и было убедительно аргументировано, поэтому зал покинули все.

— Это не займет много времени, уверяю! — сказал вслед уходящим медик, а после пригласил Джокта перебраться поближе к столу, на котором находился терминал, высвечивающий файл с послеполетным отчетом Джокта о произошедшем событии.

— Садись, пилот. Сразу скажу — похоже, ты не зря решился включить свое видение в рапорт. И это была не галлюцинация. По крайней мере, лично я в этом убежден.

«Интересно, — подумал Джокт, принимая приглашение и усаживаясь в кресло, которое только что занимал офицер-особист, — я ни в чем не могу быть убежденным, а он вот — убежден! Или это такая методика обращения с потенциальными пациентами?»

— Как вы можете судить обо всем, опираясь только на мой рапорт? В конце концов, подобное можно просто выдумать, не говоря о более простом пояснении — и мне оно кажется единственно верным... Все привиделось... Померещилось... Я сам нагнал на себя страху, и поэтому сработал индап.

— В этом-то и дело, что индап сработал после того, как ты услышал звук, а не до... Ты, наверное, думаешь, что я специалист в области психиатрии? Пришел сюда, чтобы определить — имеются ли у тебя отклонения и не пора ли списать пилота Джокта на линкор или еще куда... Ошибаешься. Мой отдел как раз занимается

разработкой индивидуальных медицинских средств. И кому как не мне решать — что именно делал твой индап? Спасал от сумасшествия или реагировал на объективную опасность извне? Так вот, описанная тобой волна страха, возникни она спонтанно, как ты говоришь, на основании личного вымысла, была бы пресечена индапом в самом начале. Он не допустил бы паники. Понимаешь? А ну-ка, опиши, пожалуйста, что это был за страх?

— Ну... Галлюцинация... Огромный корабль... Он будто прошел сквозь меня. Вернее, мой истребитель и это видение, мы как бы пересеклись курсами. В этот момент возник звук, и мне показалось...

— Стоп! — Медик предупреждающе выставил ладонь. — О звуках мы поговорим потом, ладно?

Джокт пожал плечами и продолжил:

— Тогда мне вообще нечего сказать. Если бы не звук, было бы не так страшно. Я ведь не раз летал в Приливе или, вернее, перемещался в нем, потому что там невозможно пользоваться ускорением — с какой скоростью вошел, с такой и...

— Не отвлекайся. Только что ты говорил о пересечении курсов — твоего истребителя и какого-то загадочного корабля. Не это ли ощущение столкновения послужило причиной страха?

— Нет, — убежденно ответил Джокт, — к моменту пересечения курсов видение исчезло. Вот только звук... Знаете, будто по нервам провели чем-то шершавым. Еще я успел подумать, что это низкочастотный сигнал, воздействующий на нервную систему. И только из-за этого, если честно, решил все описать в рапорте. Мало ли что услышит кто-то другой, находясь в Приливе. Еще мне показалось, что если звук продлится чуть дольше или прозвучит чуть громче, то я умру. Извините за такие подробности, — смутился от собственного признания пилот.

— Нет, Джокт! Это ты меня извини, что держу тебя в неведении. Хочешь, я приведу доказательство, что это не было галлюцинацией?

— А... Да! — опешил Джокт.

— Вот прямо сейчас я напишу на бумаге одно слово, а ты получше вспомни, что именно за звук ты слышал, идет? А после сверим. Готов?

Медик быстро чиркнул что-то на квадратном листке для записей и накрыл написанное ладонью.

— Тут и вспоминать особенно нечего. Это было...

Медик щелчком отправил листок скользить по полированному пластику стола, и Джокт с изумлением увидел...

ОМ!

Кожа на затылке съежилась, по спине пробежала знакомая дрожь. Хотя в зале, где происходила беседа, было светло и через полностью распахнутую фрамугу окна проникали звуки (все-таки это был Средиземноморский Мегаполис, куда Джокт был приглашен сразу по прибытии на Землю), — все это куда-то исчезло. И солнечный свет, и стол, и стены, даже поток звуков. А Джокт будто вновь окунулся в клубящуюся муть Прилива, где можно увидеть все, что угодно. И что угодно услышать, как понял он однажды.

— Ом! Ом! Ом! — толчками выдал внутренний голос.

— Я угадал? — вернул его к действительности медик и, заметив бледность на лице пилота, протянул бокал с водой. — Вот сейчас должен был сработать индап. Но он не сработал. Почему?

Джокт выпил воду и машинально ощупал шею. Индап висел на месте. Всякий, кто носит такое приспособление несколько лет, привыкает к нему как к части тела и не замечает его присутствия. Наоборот — без индапа любой пилот чувствовал себя раздетым. То же самое происходит с людьми, постоянно сверяющими время по ручным часам. Стоит забыть часы на ванной полке, например сняв их перед бритьем, и целый день гарантировано чувство, что ты ходишь почти без трусов. Для женщин уместный в данном случае аналог — отсутствие макияжа на лице. Мужчины не всегда замечают это, но любой женщине, опаздывающей на работу или еще по каким делам, покажется, будто она наполовину раздета и выглядит неряшливой. А водить по губам помадой, находясь в постоянно маневрирующем в потоке транспорта скутере или, еще хуже, в авто — то еще удовольствие! Попробуйте заявить женщине, не забывшей нанести макияж, что она «ненакрашена», и вы увидите секундное замешательство, а после — зеркало в ее руках.

Вот так же и с Джоктом.

Индап был на месте. Возникшее только что ощущение — вполне схоже с прочувствованным ранее. Только тогда аптечка сработала, а сейчас...

— Ничего странного! — разъяснил ему медик. — Сейчас тебя посетило простое воспоминание об ощущении, а воспоминания всегда безопасны. Почти... — оговорился он. — Тогда же это было что-то другое. Но не фантазии. Мысли о смерти... Возможно. Они способны посетить любого человека. Существует даже понятие «танатофобия» — боязнь смерти, но это другое. Если бы у тебя имелась подобная фобия, ты ни за что не сел бы больше в истребитель да и, пожалуй, в любой другой корабль. Не полетел бы к

Луне, а после — в энергетическом луче, сюда, на Землю... Да что я говорю! Ты же участвовал в другом сражении! Нет, Джокт, это не боязнь смерти. Подавляющему большинству людей, к счастью, не приходит в голову бояться неизбежного... К тому же индап не обманешь. Это достаточно совершенный прибор, и ему мало расшалившегося воображения. Я провел расшифровку твоей аптечки и выяснил, что тогда, именно во время нахождения в Приливе, прибор отработал не стандартный успокоительный коктейль, который действительно используется иногда для устранения излишних, наиболее сильных эмоций, нет! Это был так называемый набор Х-8-2. Блокиратор резонанса нервной системы. К тому же пять молекул вещества — почти ударная доза! Так что кое в чем ты оказался прав. Это был инфразвук. И никто из пилотов твоей группы его не услышал. Никто, кроме тебя. А вот это уже интересно. То, что тактический анализатор никак не отреагировал на внешний источник звука — еще понятно. Все приборы работают в Приливе нестабильно. Что касается пилотов... Эту загадку с твоей помощью будут распутывать работники технического отдела. Меня же интересует совсем другое...

Джокт, не спрашивая разрешения, налил себе еще воды. Но пить не стал, поигрывая бокалом в руке.

— Скажите, откуда вам известно, что я услышал именно это слово... Этот звук? Ведь в рапорте я ничего такого не сообщал.

— Просто замечательно, что ты опустил в рапорте такие подробности, иначе не поверил бы мне сейчас.

— Я... Я вам верю. Только всеми подробностями я поделился с некоторыми другими пилотами...

— Ага. И я сначала разузнал все у них, а теперь использую эти знания, как козырь в рукаве. Неужели те твои друзья, которым ты рассказал о видении в Приливе, не сказали бы, что с ними беседовал кто-то из штаба. И именно по поводу твоего случая? Я не верю.

Джокт тоже не верил в это. Единственными, кому стали известны детали, были только Барон, Гаваец и Спенсер.

Гаваец, если бы кто-то попытался разузнать у него что-то о Джокте, скорее всего отмолчался бы. У него люксотно получалось играть в случае необходимости этакого непрошибаемого тугодума. Хотя на деле все было совсем не так.

Барон... Тут сложнее. Барон мог и рассказать. Но только обязательно предупредил бы Джокта. Хотя черт его знает. Барон постоянно себе на уме, не всегда возможно проследить за ходом его мыслей, но в конечном итоге и в большинстве случаев он оказыва-

ется прав. Если бы Барон решил, что так нужно, рассказал бы все, что узнал от Джокта. И медику этому, и даже особисту. Но все равно потом предупредил бы его!

Спенсер тоже мог. Он классный пилот. С жадностью интересуется всем, что связано с Приливами. Сообщил бы точно. Ради науки и для того, чтобы помочь разобраться самому Джокту. Но тоже предупредил бы. Даже если у него взяли подписку о неразглашении. Ведь он — пилот. И этим все сказано. Все самое страшное в жизни может случиться с ним в ближайшем бою. А ведь им, возможно, скоро придется летать вместе. По крайней мере, участие в летной группе майора Гонзы — временное. Так сказал сам майор. У него полностью устоявшаяся группа. Все выбывшие пилоты (Гнать! Гнать подальше другую формулировку!) заменяются только пилотами, имеющими приличный стаж. Потому что его группа — ударная. Что-то вроде собственных «саламандр» Крепости. Значит, медик не обманывает... Но откуда ему известно? Неужели сам слышал этот зов в Приливе?

На невысказанный Джоктом вопрос медик ответил чуть позже. Сначала он желал получить ответы на собственные вопросы.

— Меня интересуют все подробности, чтобы в следующий раз индап любого пилота смог устранить ощущение реальности происходящего до того, как наступит состояние страха. Пускай даже это не просто ощущение, а сама реальность. Представь себе, что ты слышишь так напугавший тебя звук и вообще видишь надвигающийся огромный корабль в последние секунды пребывания в Приливе. А потом вываливаешься прямо в гущу сражения. Каково тебе будет?

— Да... хреново, наверное, — откровенно заявил Джокт, выпивая наконец-то воду.

— Хуже! Набор Х-8-2 гасит резонанс нервной системы и волновую активность мозга на целых пять секунд! Догадываешься, что это означает?

— Буду блаженствовать в неведении, как идиот, а меня в это время начнут расстреливать все кому не лень.

— Вот-вот. Что-то вроде этого... Так что вернемся к подробностям. Сколько раз повторился звук? Какие эмоции ты испытал непосредственно перед входом в Прилив? Вообще с момента пробуждения? Перед тем, как увидел свой «Летучий голландец»? Перед звучанием? В промежутках между звуками? И так далее, вплоть до возможной связи между уже забытой попыткой суицида вкупе с прочими несчастьями и увиденным в Приливе.

Джокт не знал, какие выводы сделает для себя офицер медуправления и насколько вообще помогут его, Джокта, воспоминания — нечеткие, уже стертые временем и перехлестнутые недавними эмоциями участия в миссии по спасению линкора, не говоря уже о состоявшемся Первом Боевом. Но на все вопросы он отвечал полно, четко, ничего не скрывая и стараясь фантазировать поменьше.

— На первый раз достаточно. Я распечатаю файл с записью нашей беседы, просматривай его на досуге. И если удастся еще что-то вспомнить, немедленно свяжись со мной. Со мной или с любым дежурным офицером по управлению. В конце концов просто обратись к штатным медикам Крепости. Главное — подробности. Это нужно не только мне, не только всем остальным, кто жаждет сейчас пообщаться с тобой, но, возможно, это нужно всей Солнечной. А пока сюда не вернулся офицер особого отдела, кстати, он не кусается, не тот у него профиль что ли... Можешь быть с ним пооткровеннее по поводу видения в Приливе... В общем, пока его нет, хочу тебе кое-что рассказать...

Медик даже не колебался — стоит говорить или нет — похоже, он с самого начала не сомневался в искренности Джокта и решил ответить откровенностью на откровенность.

— Впервые подобный случай был отмечен двадцать лет назад, когда экипаж разведывательного корабля «Дозор-204» увидел схожее видение другого звездолета, идущего в Приливе. И услышал этот самый звук — «Ом». Странное дело, но из восьми членов экипажа двое отказались признаться. Тогда еще не существовало набора Х-8-2, и проверить реакцию индапов членов экипажа было невозможно. Бортовая аппаратура тоже не фиксировала никаких внешних воздействий... Следующий раз это произошло год спустя. Пилот истребителя — не «Зигзага», тогда это еще были «Молнии» — описал в рапорте то же самое, что и ты. Его борт-стрелок остался в счастливом неведении... Потом вышел совсем уникальный случай, когда свидетелями такого явления стало шесть членов экипажа тяжелого крейсера прорыва «Галахер», включая их капитана. Двое из шести — инженер-гравионик двигательных установок и судовой медик, естественно, ничего не могли наблюдать, так как не имели доступа к обзорным экранам. Зато в одно и то же время они услышали внезапно возникший звук, который повторился пятикратно. Причем обоим показалось, что звук издавал кто-то из находившихся рядом, что-то вроде чревовещания... А вот младший комендор кормовой турели, по его признанию, попытался даже убедить старшего комендора развернуть орудия в сторону увиден-

ного звездолета. Он оценил ситуацию как угрожающую всему кораблю. Старший канонир подтвердил все сказанное подчиненным, добавив, что посчитал его временно недееспособным. И отправил в лазарет. Где артиллерист имел очень интересный разговор с медиком. Сам капитан тоже решил, что испытывает галлюцинацию. Про звуки он ничего не смог рассказать, но как выяснили офицеры особого отдела, он просто слушал музыку в наушниках-ракушках, потому что на посту находился старший помощник. Старпом, в свою очередь, не смог похвастать подверженностью галлюцинациям. А музыка в аудиорекордере капитана была самая что ни на есть располагающая к игнорированию всяких там «Омов». Группа «Мегасмерть» Слышал?

Ну, кто же не слышал легенду земного музэкшна? Джокт сам с удовольствием прослушивал старые записи этой группы. Если включить рекордер на полную громкость (а на меньшей громкости эту группу нет смысла слушать), и рекордер — не какая-нибудь дешевка, а самый настоящий «Спринт», с эффектом внутреннего звучания, то не только до «Омов», — вообще ни до чего дела уже не будет.

— Потом выявлено еще несколько случаев. Все они происходили в разных Приливах, в разное время и с абсолютно разными людьми. Теперь вот — ты. Один из множества пилотов группы, прошедшей одним Приливом. Единственный из них... Так что не взыщи, но помимо беседы тебе придется пройти несколько тестов. О, ничего особенного! — Заметив, как встрепенулся пилот, медик поспешил его успокоить: — Не будет никаких наведенных реальностей и программ-провокаторов...

Значит, он все знает, понял Джокт и почему-то впервые за время разговора ощутил неприязнь к собеседнику. Но тут же справился со своим чувством, гадая, что знает о нем тот, другой, «жаждущий пообщаться». Офицер особого отдела.

— С тебя снимут энцефалограмму головного мозга, прогонят несколько комбинаций раздражителей, определят точные параметры слухового аппарата и так далее. С этими тестами справится любой медик-универсал, я тебя не буду торопить, можешь даже пройти обследование в своей Крепости. В любое время, но только обязательно перед следующим вылетом... Ты уж прости за откровенность, пилот...

Потом, к удивлению Джокта, с ним беседовал офицер технического отдела. Он был невероятно сух в разговоре, сразу было заметно, что этот человек привык больше общаться с приборами, чем с живыми людьми. Воды он не предлагал, постоянно что-то

записывал в блокнот и даже не смотрел в глаза. Еще у него имелась странная привычка употреблять в разговоре слово «замечательно!». К месту и не к месту.

— Каковы примерные угловые размеры увиденного вами корабля?

— Не могу сообщить, я увидел только его часть, к тому же слишком близко, чтобы судить о полных разме...

— Замечательно! Имелось ли на корабле какое-нибудь вооружение?

— Не могу сообщить. Надстройки какие-то были, вот только не знаю — боевые или...

— Замечательно! Скорость движения?

— Чья?

— И ваша тоже!

— Стандартная — подлетная к Приливу.

— Замечательно! Скорость другого корабля?

— Сравнимая с моей... Мы ведь находились в Приливе! А там все движется, будто одинаковые лодки в одной реке.

— О! Вообще замечательно! Курсовое направление другого корабля?

Тут техник оторвался наконец-то от блокнота и посмотрел на Джокта, выжидая.

Джокт сам поразился собственной недогадливости. Конечно же! Об этом и нужно было в первую очередь указывать в рапорте! Курс другого звездолета, «Летучего голландца», как назвал его медик, пересекал курс «Зигзага» почти на перпендикуляре к левому борту. Значит, тот корабль, если, конечно, принять за аксиому, что он не плод галлюцинации, двигался черт знает откуда и черт знает куда, пересекая направление Прилива, идущее, как известно, единственно от точки входа к точке выхода!

Сразу же Джокт вспомнил, что помимо загадочного корабля он видел прямую линию, идущую из ниоткуда в никуда — из бесконечности в бесконечность. Совпадал ли курс звездолета-чужака с этой линией, лежал ли вдоль нее? Этого он уже вспомнить не мог. Потому что тогда просто не обратил внимания.

— Замечательно...

Потом был специалист-акустик. Ему Джокт почти слово в слово повторил все, что сообщил раньше медику. Потому что акустика интересовали параметры звука.

— Будто на выдохе, прямо над ухом, — так прокомментировал свои ощущения Джокт.

Тогда специалист достал небольшой приборчик, и позвоночник Джокта охватила знакомая неприятная дрожь. То был генератор низких частот.

— Видишь ли, пилот, то, что ты слышал — это одно, человеческое ухо не воспринимает звучание частот, лежащих ниже определенного порога. Примерно восемнадцать герц плюс-минус... Все остальное может показаться неясным гулом, но он будет звучать прямо в твоей голове, минуя слуховой аппарат.

Так низкочастотное излучение в десять-двенадцать герц, происходящее, например, при подвижке земной коры, заставляет некоторых людей выпрыгивать из окон своего жилища, будь это даже квартира на восьмидесятом этаже. Ломиться в закрытые двери, бежать без оглядки... И с этим ничего не поделать — атавистический страх! — все зависит только от индивидуальной чувствительности нервной системы. Неконтролируемый страх — вот первый признак воздействия низкой частоты. Судя по тому, что я сейчас услышал, ты подвергся излучению примерно в восемь–девять герц. К тому же — достаточно мощному... Вот смотри!

Акустик вновь включил свой проклятый прибор, и Джокт снова дернулся от дрожи в позвоночнике.

— Не надо! Я вам и так верю!

— А, ты об этом? — Специалист отключил прибор. — Ладно, пока не буду. Но впоследствии, может быть...

Если это нужно Солнечной, его согласия наверняка даже не спросят, с грустью подумал Джокт, невольно начавший следить за рукой акустика, которая выделывала мелкие пассы в опасной близости от сенсора включения мерзкой штуковины.

— То, что ты услышал — это одно. А вот то, что звучало на самом деле — несколько больше... Весь вопрос в спектре. Какие-то звуки мы не слышим, но они — присутствуют рядом!

— Не надо! — снова дернулся Джокт, которому показалось, будто специалист решил подтвердить свои слова действием низкочастотника.

— Это ерунда! — почему-то развеселился собеседник. — Просто эмулятор сабвуферизации. Вот если бы тут была настоящая низкочастотная мембрана диаметром в метр-полтора, мы бы вместе уже прыгали в окно! — Акустик снова усмехнулся. — С такими мембранами я работал, проверял на собственной шкуре!

Джокт был рад за офицера-техника, но предпочел не распространяться об этом. Мало ли... Хоть и эмулятор, а по нервам бьет, как настоящая... как ее там?

Акустика сменил другой медик. На этот раз — самый настоящий «шизохренолог». Ни о какой конкретности в его вопросах не могло быть и речи.

— Достаточно ли сильно вы переживали потерю своей семьи?

— Достаточно.

— Вы уверены?

— Уверен, — ответил Джокт и добавил мысленно: «Пошел и чуть не утопился в бассейне».

— Не образовался ли у вас комплекс вины?

— Еще какой! — «Но об этом вам лучше расскажет полковник Бен Аарон. Он вообще много чего может рассказать. О суевериях и голых ведьмах, например...»

— И как это повлияло на ваше решение поступить в истребительный корпус?

— Очень и очень положительно повлияло.

— Были ли у вас другие попытки суицида, кроме отмеченной в личном деле?

— Вы имеете в виду мысли и намерения или какие-то конкретные действия?

— Действия.

— Нет. — «Разве что во время специального тестирования. Я умер, спасая человечество, а потом чуть не выпрыгнул из скутера. Но это уже из другой оперы — спасибо Лиин!»

— Отношения с противоположным полом?

— Ну...

— Был ли у вас половой контакт непосредственно перед Первым Боевым вылетом?

— Непосредственно — это как? За час? За день? За неделю? — «Как ее там звали, Эстела, кажется? А еще я трахался с водяными матрешками, маджонгом, шахматами для сумасшедших и кучей всего интересного, что предоставляется курсантам в половое пользование во время отработок!»

— Как вы оцениваете ваше душевное состояние?

— Я не идиот.

— Меня не интересуют умственные способности...

— И не псих. — «Так, накатывает иногда понемножку. Дурел раньше в полночь. По Лиин с ума сходил, дурак малолетний!»

Неприятная вышла беседа. После нее даже приборчик акустика показался Джокту милой игрушкой по сравнению с раскопками, произведенными психиатром.

Затем был физик. Офицер отдела по разработке навигационного оборудования. За ним — темная личность. Специалист по паранормальным явлениям, потом...

Особист остался последним. И, к неописуемому восторгу Джокта, милостиво предложил встретиться «как-нибудь в следующий раз». Не забыв, впрочем, оставить Джокта в состоянии легкого ступора, продемонстрировав свою осведомленность о многих вещах.

— У вас ведь встреча, не стоит на нее опаздывать. Только не пейте апельсиновый фреш и водку. И не очень обращайте внимание на эстраду, особенно если там будет выступать какая-нибудь певица...

Особист встал, протянул руку и внес ясность в свое решение.

— Раз уж нам не довелось побеседовать всем вместе... Сообща, так сказать, то я считаю нужным сначала изучить все, что вы рассказали штабным специалистам. Сверю полученные данные с рапортом, кое-что разузнаю... А потом мы встретимся.

— Но только обязательно — перед следующим моим вылетом. Так? — преодолев неловкость, сказал Джокт.

— О! Конечно! Вы на удивление проницательный юноша!

— Да нет, я бы сам не додумался. Мне это тот, первый, медик сказал. Всего хорошего, ком!

— До встречи, пилот. Я сам вас разыщу, так что можете сегодня развлекаться, как вам угодно.

Глава 3

— Ну, что? — первым делом спросили его Барон с Гавайцем на выходе из штаба, и только потом кто-то из них вызвал скутер.

— Да так, ничего особенного...

— Как беседа? О чем спрашивали?

— Ничего. Поспрашивали и отпустили.

Хоть Джокт второй раз находился возле штабного городка и наблюдал фасад с мраморными колоннами, перевитыми стальным плющом, в памяти всплывала другая картина... Тот же фасад, только искусственные растения уже оплавлены, и под ногами валяется мраморная крошка, вперемешку с чем-то, напоминающим комки ваты, измазанной красным. А где-то там, за спиной, остались темные коридоры со сканирующей медкапсулой и прощальное послание Спенсера.

«Забыть!» — приказал себе Джокт, и все стало таким, как есть.

Снова ярко сияло солнце. В огромном небе ни облачка, и только по краям видимого горизонта, достаточно близкого, если учесть наличие высотных зданий, вставала сиреневая дымка. Отшлифованный мрамор колонн блестел, плющ казался совсем настоящим, если бы не цвет — не бывает растений со стальным блеском.

Недолгое молчание нарушил Барон, сразу спросив о том, чего все они больше всего боялись при этом вызове в штаб.

— И насчет Первого Боевого?

— Нет. Как раз об этом — ни одного вопроса. Там целая комиссия меня ждала, по поводу моей галлюцинации.

— Той штуки, что ты увидел в Приливе? — уточнил Гаваец, хотя и так было ясно.

Не очень доверчиво уточнил, между прочим!

— Ребята, вы чего? Я не стукач. И тоже думал, что в первую очередь насчет нашего боя со стажерами Бессмертных будут...

— Стоп! — Барон приложил палец к губам. — Больше ни слова. Здесь.

При этом он многозначительно направил взгляд по дуге.

— Есть такие места, где и стены слышат. Одно из них — прямо перед нами. — А потом добавил, демонстративно скрестив руки на груди: — Если хочешь, чтобы о чем-то молчали, молчи первым!

— Действительно, что мы тут болтаться должны? И так два часа потеряли... Найдем какое-нибудь кафе, глотнем по наперстку джина. Там и поговорим. До банкета все равно время еще есть! — Гаваец шагнул к остановившемуся скутеру, услужливо распахивая дверцу. — К вашим услугам, лидер!

— Спасибо, ведомый! — в тон ему ответил Джокт.

И скутер понесся по случайно выбранному маршруту.

Строения складывались в кварталы, кварталы — в районы. Хотя преобладали типовые постройки — здания от десяти до двадцати этажей, встречались и необычные дома: круглые башни с вращающимися уровнями, здания с зеркальным покрытием, еще какие-то низкие приземистые терминалы. Магазины уходили под землю своими бесконечными уровнями, пилоты видели лишь фасады этих магазинов с яркими рекламниками над входом.

— Остановку, пожалуйста! — попросил Джокт, когда скутер проплывал рядом с серым невзрачным зданием.

— Это что — кафе? — с сомнением протянул Гаваец. — Ты уверен?

— Нет. Как раз я уверен в обратном. Подождите меня минуту, я сейчас...

Джокт направился к монолиту станции наземной обороны, глубоко совмещенной с убежищем. Но того, кого он желал бы увидеть, здесь не было. А у малоприметного входа стояли двое белобрысых верзил, настолько одинаковых, что можно было решить, будто они братья-близнецы. Вот только нашивки одного курсанта свидетельствовали, что он состоит в корпусе самоходной гравитационной артиллерии, а другой обучался в общевойсковом пехотном училище. Близнецов никогда бы не разлучили. С этим правилом Джокт был знаком.

Пообщавшись с курсантами и узнав все, что его интересовало, Джокт вернулся к скутеру.

— Жаль... — невольно вырвалось у него.

— Кого ты уже жалеешь? — удивился Барон.

— Был тут один. Я ему ящик джина задолжал. Вот, вспомнил...

— Долги нужно отдавать, — убежденно заявил Барон.

А Гаваец согласно кивнул. Но никаких дальнейших расспросов не последовало. Если человек захочет — он сам расскажет. Нехитрая, но жизненно полезная истина. К тому же ни Барон, ни Гаваец никогда не отличались излишним любопытством.

— А вот и кафе! Подойдет? — У Гавайца, наверное, был нюх на такие вещи.

Никто, кроме него, не обратил внимания на маленькое уютное заведение, приткнувшееся к стене высотного здания.

— Нам все подойдет. Иди знай, где тут еще такие места есть?

Джокт знал. Но смолчал. Ему очень не хотелось еще хоть раз в жизни опять попасть в Сквер Милано, восемнадцатая станция подземки.

Место действительно оказалось удачным. Терраса на улице, маленькая правда, но им хватило. Четыре столика под цветастым тентом и зал в полуподвальчике. Спускаться в помещение никому не захотелось, к тому же тент защищал от солнца, и в воздухе вился приятный ветерок.

Все четыре столика были незанятыми, что позволяло выбрать любой. Услужливый паренек с белой тряпицей через руку принял у пилотов скромный заказ, и исчез.

— Короче, так, — продолжая прерванную беседу, сказал Джокт. — Первый Боевой в моем изложении никого не интересовал. А если бы и заинтересовал, изложение было бы достаточно четким... Чтобы ничего не понять. Ну я на это надеюсь, — поправился Джокт под

недоверчивым взглядом Барона. — По крайней мере, все вопросы были из другой оперы.

— Что такое опера? — тут же встрял Гаваец, сама святая простота.

— Это место, где все громко поют на древних языках и в перерыве можно съесть мороженое! — пояснил Барон, который, в отличие от Гавайца, ни за что в жизни вот так, в открытую, не признался бы, что ему неизвестно какое-то слово.

— А зачем — громко?

— Потом объясню. Может быть, сходим даже когда-нибудь. Не перебивай!

— В общем, их интересовало мое видение в Приливе. Все пытались меня убедить, что это не было галлюцинацией. Оказывается, не только я видел то, что видел, и слышал то, что слышал. Были и другие пилоты.

— Может быть, какой-то непонятный процесс? Один и тот же, но повторяющийся не всегда и не для всех? — предположил Барон, который втайне завидовал Джокту. Ведь именно Джокт встретился с чем-то необъяснимым, а не Барон.

— Может. Я не знаю. Они тоже, кстати, не знают.

— Кто — они? Особисты?

— Не только. Медики, физики, садисты-акустики. — Джокт принялся перечислять всех, с кем ему довелось побеседовать. — Особист, правда, тоже был. Он же меня и пригласил. Но только с ним я не успел поговорить, потому что совсем устал от тех, других интересующихся. Еще меня приборчиком травили — коснешься сенсора, сразу из шкуры вылезти хочется. Классно! Обещали еще более удивительную штуку показать... С настоящей мембраной.

— Зачем? — снова спросил Гаваец.

— Чтобы проверить — стану я выпрыгивать в окно или нет.

— Инфразвук, что ли? — сразу угадал Барон. — Я что-то такое и предполагал, когда ты нам про галлюцинации рассказывал. Не поверишь — ты рассказывал, а у меня самого мурашки по коже ползли!

— А у меня — нет! — гордо сообщил Гаваец. — Но скоро поползут точно, если нам принесли вместо джина какое-нибудь дешевое пойло!

Он снял с подноса крохотные рюмочки-наперстки с полупрозрачной пахучей жидкостью.

Разговор на какое-то время умолк, пока официант расставлял перед пилотами бокалы с водой и тарелочки с грильетами — горячими бутербродами.

— Так что там насчет особиста? Ты что, просто так взял и прямо ему заявил, что устал от разговоров... время к обеду... и все такое прочее? А он тебя сразу же отпустил?

Пока Гаваец сосредоточенно жевал, пытаясь найти вкусовую разницу между кружками колбасы, что были на бутербродах, и гидропонными эргерами, которыми их кормили в Крепости, Барон с Джоктом вели беседу.

— Нет, конечно! Он сам сказал, что хочет побеседовать в другой раз, когда что-то там обобщит, разузнает кое-что... И сам меня найдет. Потом.

— Э, значит все у тебя впереди! Смотри, не расслабляйся.

— Постараюсь. Но вообще странно.

— Что странно? Что их заинтересовал твой звездолет?

— Да нет, тут как раз все понятно... — И Джокт пересказал, что сообщил ему первый офицер — медик из отдела разработки индивидуальных аптечек.

Естественно, он при этом наплевал на обещание не разглашать услышанные сведения.

— Только меня не выдавайте!

— Я — шлем второго срока службы! — поклялся Барон.

— А я вообще, когда ем, ничего не слышу, — заявил Гаваец, — родители меня так приучили. Когда я ем, говорил отец, я должен быть глухим и немым человеком. И стукал ложкой по лбу, если я нарушал это правило.

— Ложки ему было не жалко, — заметил Барон, но от главной темы не уклонился. — Хорошо. Звездолет — это не странность. И что-то такое действительно летает в Приливах. Предтечи какие-нибудь, отражения наших же линкоров, проходящих в это же время другим Приливом.

— Нет. Не наш был линкор. Я просто называю его линкором. И не корабль Бессмертных. Я бы опознал.

— Значит, искаженное отражение. Мираж в пустыне, знаешь, что это?

— Нет, не знаю. Но что-то в этом есть. Может быть, ты, Барон, только что нашел разгадку, которую ищут уже двадцать лет с момента первой встречи. Может быть... Но мне другое кажется странным, черт с ними, с галлюцинациями или миражами. Странно, что мы так боимся признаться самим себе, что тайна Первого Боевого — глупая тайна.

— Обоснуй! — немедленно отреагировал Барон.

— Вот представь. Ты — комендант Крепости. Каждый день твои пилоты гибнут в стычках с «Кнопками». Но при этом знаешь, что

раз в году, в конкретном, известном тебе секторе собирается вся «золотая молодежь» Бессмертных. Пилоты-новички.

— Ну и что?

— Почему бы не прихлопнуть их? Ведь не прекратили же Бессмертные посылать стажеров в тот квадрат, даже после разгрома, что учинили когда-то действительные пилоты целому выводку? Вспомни, что инструктор рассказывал! Он ведь сам тогда жег новичков-Бессмертных! А они все равно посылают стажеров. Раз в год.

— Мы же все равно с ними справились... Ну почти, — поправился Барон, — какая разница, кто бы это сделал — мы или действительные пилоты?

— Большая разница! Неужели ты ее не видишь? Нерон мог остаться жить! А с ним и другие...

— Лично мне все представляется вполне справедливым. Никто не мешал нам использовать такую же хитрость — выйти из Прилива двумя группами. Сначала первая — приманкой, а потом вторая.

— Тогда бы они нас всех сожгли! Вспомни, что там творилось! Во-первых, численное превосходство, во-вторых — Бессмертные как-то научились создавать собственные Приливы. Это — справедливость?

— На войне как на войне. Но всегда есть другая сторона медали. Вот послушай: прикрепили бы нас к пилотам-асам, хвосты им прикрывать. И отправили бы на встречу с полноценной эскадрой «Кнопок». И там тоже ждала бы засада, тоже раскрылся бы Прилив у тебя за спиной. Только выпрыгивали бы из него не новички, не умеющие толком строй держать, а черви из червей! Колерованные такие, матерые червячищи! Что тогда бы произошло? Или, по-твоему, в этом случае наши асы должны были бы нас прикрывать? Да? Хорошо, прикрыли бы. И остались бы все там, чтоб я, да ты, и еще Гаваец, его тоже жалко, успели живыми выйти из боя. Что дальше? Не знаешь? Так я с тобой поделюсь секретом! Дальше тебя кидало бы в дрожь каждый раз, когда придется выходить на задания. Ты бы боялся схватки, как девственница маньяка! Индап обколол бы тебя так, что жизни осталось — на два года! Все из-за того, что ты ни черта не сделал толкового в Первом Бою. Пропустил удар, как сам говорил. И на твоей совести остались бы жизни настоящих пилотов, каким тебе никогда уже не стать. Дошло?

Вообще-то тема Первого Боевого мусолилась всеми достаточно долго. Но никогда еще Джокт не видел Барона вот таким — разма-

хивающим бутербродом, словно оружием, отчего по сторонам летели куски сыра и капли соуса. Даже Гаваец прекратил есть, уронив челюсть. К его чести, он не нарушил своего правила еды за столом. Видимо, не мог забыть неоднократно погнутую об его широкий лоб отцовскую ложку.

— Ты чего, Барон? Что я такого сказал?

— То и сказал, Джокт! Ты готовишься стать лидером. Настоящим, с утверждением в штатном расписании. Но с тебя было бы намного больше толка, если научишься когда-нибудь до всего доходить своим умом. Думай! Анализируй! То, что говорят со всех сторон, может оказаться неправильным! Любой человек имеет право на собственное мнение... Черт возьми! Он обязан иметь собственное мнение! Даже если все утверждают, будто он ошибается!

На солнце набежало случайное облачко. Ветерок крепчал и теперь трепал тент, смахнув со стола салфетки, принесенные официантом.

— А с чего ты решил, что только ты бываешь прав? — с раздражением, которого не ожидал от себя, выкрикнул Джокт. — Может быть, сейчас ты несешь полную чушь! Скорее всего, так оно и есть! А я, человек, который по твоим же словам имеет право на собственное мнение, я — прав. И то, что мы вернулись из Первого Боевого — я, да ты, и Гаваец — всего лишь случайность! «Кнопок» могло оказаться в три, в четыре раза больше! Еще Бессмертным могло прийти в голову... то есть куда им там мысли приходят... обкатать на нас новичков-навигаторов «Кросроудов». Представляешь, был бы нам подарок: пошли, как бараны на убой, а там — все в белом! — девять-десять крейсеров, штук двести «Кнопок», и мы — тридцать штук. Смертники. Какие бы тогда впечатления у тебя остались?

— А я предлагаю повторить! — Гаваец наконец-то разделался с бутербродом.

— Что — повторить? — в один голос рявкнули разгоряченные спором Джокт и Барон.

— Джин. — Взгляд Гавайца был спокоен, он говорил, словно только что обсуждалось меню. — Только не мелочиться, а хлопнуть по паре бокалов, тогда, может быть, я увижу впечатляющее зрелище — как вы друг другу морды бьете. Вот это я понимаю — отметили очередное прибытие на Землю! Если бы рядом были Бессмертные, им бы тоже понравилось.

Вот так. Внешностью и манерой поведения Гаваец не раз вводил в заблуждение всех окружающих относительно прочих своих качеств. Следующим заявлением он окончательно прервал глупый

спор, грозивший перерасти в еще более глупую ссору между друзьями.

— Вы оба правы. И ты, Джокт, и ты, Барон. И оба не правы. Вообще не нам судить обо всем этом. Если Джокт намекает, что неплохо бы обсудить тему Первого Боевого с особистом, то он действительно несколько тупее, чем мне кажется. Но ты ведь так не думаешь, правда, Джокт?

— Правда.

— Барон? А ты чего взъелся? Ладно, я понимаю, что у тебя всегда свое мнение... Но зачем кричать? Бутерброд вот зря истратил... Лучше бы мне отдал. Что-то случилось? Никогда не поверю, что ты готов сорваться с места из-за глотка спиртного, а другой причины пока не вижу... Может, расскажешь что-нибудь интересное? Из жизни хайменов, например? Давно, кстати, ничего не слышал... Да и место располагает.

Барон сжал виски ладонями, потом ткнулся лбом в плечо Джокта.

— Прости, а? Я, наверное, по четвергам становлюсь идиотом. Учти это, лидер, когда будем уходить на задание. Сегодня ведь четверг, нет?

— Пятница! — мгновенно остыв и уже усмехаясь, сказал Джокт.

— Пятница! А по пятницам я вообще... слов нет сказать, в кого превращаюсь! Простишь?

— Уже. Но ты был не прав...

— Э-э, Джокт! Не начинай все с начала! К тому же с идиотами нужно обращаться ласково и не пытаться их переубедить ни в чем... Барон?

— Что? Мы же вроде помирились.

— Расскажешь?

— Да что тебе рассказать?

— Тебе виднее. Только я заметил, что ты с утра сам не свой. На пилота авизо наехал, тихоходом обозвал. Теперь вот сорвался на Джокте...

— Не ожидал такой проницательности! — признался Барон. — Джокт на это просто не способен, а от тебя не ожидал! Прости еще раз и не удивляйся, Джокт. Это в бою у тебя — Глаз Орла, а в жизни... Гаваец прав. Есть причина... Если это, конечно, хоть как-то меня оправдывает.

— Как интересно! А я то подумал, ты всерьез решил отстоять свою гражданскую позицию. До последнего форпоста.

— Иронии только не надо. Черт с ней, с позицией, заслонку мне в горло! Сегодня утром пришло сообщение от семьи... От моей семьи...

Ого! А ведь все уже решили, что семья Барона поставила на нем как на строптивом сумасбродном отпрыске жирный крест.

— Умоляют добровольно вернуться на Землю. Перейти в наземную службу, подать в отставку, что угодно, только покинуть Крепость. Догадываетесь, что это означает?

— Объединение дружной семьи, — вернулся к прежней манере разговора Гаваец.

Теперь, после того, как он уел их обоих, ни Джокт, ни Барон не решились отмахнуться от его шутки.

— Нет. Не дружной. Отец сообщил, то есть от его имени сообщили, что даже если я откажусь, семья найдет способ отправить меня на Землю. Хочется верить, что со мной обойдутся не совсем так, как с Вайной.

— С кем? С той девушкой, которую...

— Ее так звали. Вайна. И она ни в чем не была виновата. И любила меня такого, какой я есть, а не за мое происхождение. Вот как вы...

— И что с того? Тебя и раньше уговаривали бросить флот, службу, казармы...

— Но еще никогда не указывали срок.

— Какой срок?

— Две недели. У меня — две недели, чтоб дать согласие. Иначе...

— Найдут. Если обещали, значит, найдут способ. Приятно было летать с тобой, Барон! — как-то весомо изрек Гаваец. — Только я не понимаю, как тебя вообще к Первому Боевому допустили? Хаймены ведь все могут... У нас на островах случай был. Поймали одного отморозка. Ему, гаду, сильно наши танцы полюбились. Не столько танцы, как сами танцовщицы. Девушки с цветами на шее... Сначала к тем лез, что сами не против. Потом перешел к остальным. Охотник, серф ему в зад! Маску надевал, речевой преобразователь в горло вставлял, чтобы по голосу не опознали... Молекулярные перчатки... Никаких следов. Это ему для полноты ощущения жизни не хватало! Сам признался, когда я его...

— Ты его поймал?

— Я. С самого начала хлыща этого заприметил. У нас на пляжах чужаков прорва. Патрульные — так себе. Настригут кредитов с владельцев лодочных эллингов, акчи нажрутся, и сами — айда по девкам! Потом оказалось, что просто так они его взять не могли...

Хотя в суде уже предписание об аресте лежало... Короче, когда я его притащил — от страха дерьмом перемазанного, с записью на чип всех признаний, и когда выяснилось, что он — сынок какого-то хаймена... Вот тут для меня новая жизнь и началась.

— Колония? Рудники? Штрафная служба? — перечислил возможные для хаймена-насильника варианты Джокт.

— Штраф? — несколько убавил надежды Джокта Барон, но тоже оказался не прав.

— Ни-че-го! А я срочно в Крепость отправился. На курсы пилотов. Воспылал идеей защиты Солнечной.

— Наверное, убедили всех пострадавших забрать заявления? Они умеют убеждать! И кое-что изменить в своих рассказах, наверное...

— Пытались. Не вышло. Вернее, не со всеми так получилось. Люди столько страху натерпелись! Кому — денег, а кого и запугивали. Но не вышло.

— И как же тогда?

— Да запросто! Изменили закон Мегаполиса. Убрали из уголовного уложения статью. Нет статьи — нет преступления. Нет преступления — вопросы к тому, кто заставил хаймена голосовой преобразователь проглотить...

— Так что же теперь? Можно приехать к вам на Гавайи, запросто схватить любую приглянувшуюся девчонку и... Слушай, давай съездим?

— Не надо так шутить, Барон. Через день после суда и оправдания статью обратно ввели. А подонка хайменского — ты уж прости, Барон, что так говорю, — отпустили. Мне как главному свидетелю — я же его тепленьким с соседской дочки снял! — намекнули так обстоятельно, что бывает с некоторыми неудачниками. Серф — вещь небезопасная. Даже если на гравитаторе. Если огромной волной накроет, то все! А волны у нас почти все огромные. Серьезные дяди намекали... А за то, что я еще и пару ребер ему сломал, вообще сказали, загонят на край Вселенной, квазеры добывать во славу Солнечной. Пришлось воспользоваться единственной альтернативой.

— Не жалеешь? — Барон пристально посмотрел на Гавайца, умудрившегося все эти годы, что друзья были вместе, держать в себе такую тайну.

— Чего жалеть? Дело прошлое. Даже лучше для меня вышло, а то бы забрали сейчас в штурмовую пехоту — по комплекции для меня в самый раз! — с них станется...

— Ну если честно, это не единственная такая история. Возьми уголовное уложение любого Мегаполиса, и там всегда можно найти статьи, что отменялись на какое-то время, а потом... А вы предлагаете мне вернуться в этот осиный рой!

— Ладно тебе, Барон. Не все же хаймены сволочи. Наверняка хоть сколько-то порядочных наберется...

— Есть и порядочные. Есть... К моей семье это никак не относится. К сожалению.

— Как ты можешь так говорить о своей семье? — вспыхнул Джокт. — Какие бы они ни были люди, все же это твои отец и мать!

— Не заводись. Я знаю, почему ты так говоришь... Но только я не виноват, что какая-то Y-хромосома пошла не туда, и мне претит все, чем занимается семья. И Вайна в этом была не виновата. Я старше, чем ты, Джокт. Может быть, когда стану еще старше, буду смотреть на все по-другому. А пока не могу.

— И что же ты решил? Две недели пролетят быстро. Надеюсь, не хочешь повторить мою выходку с Черным колодцем? Или нарочно погибнуть смертью героя в следующем бою?

— Это было бы слишком просто. И для меня, и для семьи. Можете поверить, что меня ждут вовсе не с распростертыми объятиями!

— Ну сердятся... Разговор, конечно, неприятный будет... Но все же заботятся, не хотят, чтоб ты оставался в Крепости.

— Сердятся? — чему-то развеселился Барон. — Ты сказал — сердятся? Да, они сердятся, если кто-то на приеме неловко наступит на ногу или если неожиданная поломка яхты заставляет отложить на сутки круиз по Адриатике. Когда неумелый слуга прольет на скатерть вино. Если бы ты знал, Джокт, как я их всех рассердил! Двадцать два процента акций семейной корпорации — мою долю — я переписал сразу после гибели Вайны на счет Фонда ветеранов и Глобальной программы помощи космическому флоту! Тебе это о чем-то говорит? Вполне возможно, сейчас мы с тобой летаем как раз на тех истребителях, что были построены на деньги моей семьи. Вот уж они не ожидали от меня такой выходки! А теперь всеми правдами и неправдами будут пытаться уломать меня вернуть все потраченное. Знаешь, как это делается?

— Как? — теперь заинтересовался и Гаваец.

— Упечь меня в психушку, признать все мои прежние действия совершенными в невменяемом состоянии, и тогда...

— Что, и «Зигзаг» ты все это время пилотировал в невменяемом состоянии? Кто в это поверит?

— Кому надо, тот и поверит! Всегда можно найти убедительные аргументы. Например, треть от тех процентов, что вернутся семье после признания меня умалишенным. За треть даже в Корпоративном правительстве поверят... Гаваец, ты только что рассказал поучительную историю. Думаешь, я фантазирую? Не-ет. Пойду к Старику (так за глаза называли коменданта Крепости), повалюсь в ноги. Может быть, найдется для меня работа где-нибудь у черта на рогах? Под самым носом Бессмертных... Серый Прилив какой-нибудь разведать.

— Не дури, Барон. — Только сейчас до Джокта дошло, какой невероятный груз носил и продолжает носить на душе его друг. — Старик сам из хайменов, ты же говорил...

— Знаю, только он другой. Как я завидую твоему другу Балу! — вырвалось у Барона.

— При чем тут Балу? — спросил Джокт да так и замер с раскрытым ртом, пораженный своей догадкой.

— Я вам этого не говорил! — быстро протараторил Барон. — Забудьте, ради меня и ради себя! И давайте, действительно, еще джина тяпнем! Все равно сегодня на грудь принять придется. К тому же у меня для вас есть еще новости.

Когда официант водрузил на столик повторный заказ, на этот раз прижав салфетки вазочкой с искусственными цветами, беседа продолжилась.

— В общем, так, друзья мои. Слышащий — услышит! Ведь вы проморгали самое важное известие, касающееся вас. Ну то есть нас, всех вместе. С Крепостью в придачу.

— Это насчет двухнедельного срока?

— Гаваец! Ты сегодня поражаешь меня своей проницательностью! Конечно. Две недели — и грянут какие-то события. Вот от них подальше меня и пытаются убрать.

— Чтобы потом засунуть в психушку и признать сумасшедшим?

— Это достоверная информация. К счастью, не все в семье желают мне такой судьбы... Я даже знаю фамилию профессора, который готов дать заключение о моей болезни. И диагноз, что будет фигурировать в заключении. Все знаю. За то время, что я обучался на курсах, семья пыталась различными способами вытащить обратно свои деньги, но только у них ничего не получилось. Остался последний вариант. И если раньше там всем было наплевать на меня, то теперь мертвый я им не нужен. Вернут деньги, потом, глядишь, обратно здоровым сделают. Если буду хорошо себя ве-

сти... О Первом Боевом никто не догадывался — что это такое на самом деле, верно? А когда в семье узнали, что я уже участвовал в настоящем боевом рейде, том самом, который пойдем сейчас обмывать, тут они и переполошились. Я больше чем уверен, что в течение двух недель мне не светят никакие вылеты. На Старика надавят — вот увидите! — а через две недели произойдет нечто такое, что даже власти Старика окажется недостаточно, чтобы меня удержать. Смекаете?

— Общая команда? Прорыв? — Джокт почувствовал, как им овладела радостная лихорадка.

Все ждали такой команды. Всем было понятно, что война затянулась, и если не сейчас, когда враг уже обладает новым мощным оружием — способностью создавать Приливы, то уже, вполне вероятно, никогда... В «Австралии» был развернут новый корпус штурмовой пехоты. В резервных ангарах вовсю шло стендовое тестирование новых истребителей, пилоты которых вот-вот должны были прибыть в Крепость.

То, что Бессмертные научились создавать Приливы и выводить свой флот куда угодно, перечеркивало любые имеющиеся доктрины активной обороны. Пока что-то мешало врагу свалиться на головы спящих землян, неожиданно, в обход форпостов Солнечной. Но можно было не сомневаться — это временная отсрочка. На Земле вовсю муссировались слухи, будто Бессмертные уже осуществили проводку Прилива прямо под мантию планеты и теперь прогрызают путь на поверхность, используя специальные аппараты. Поводом для таких домыслов послужили недавние катаклизмы, прокатившиеся по Земле. Когда одновременно ожили несколько вулканов, которые раньше считались крепко спящими, и сразу в нескольких районах произошли землетрясения. Одно из них, чьим очагом было местечко Вранча, едва не уничтожило окраины Трансильванского Мегаполиса.

У страха глаза велики. И кое-кто из жителей Карпатских пригородов якобы даже видел штурмовиков Бессмертных, вывалившихся прямо из горного массива. На эту тему киношники успели снять пару зрелищных блокбастеров, принесших невероятные кассовые сборы, но усилившие панику во сто крат.

Многие поспешили иммигрировать из Трансильвана в другие мегаполисы, преимущественно — на острова, со всех сторон окруженные океаном.

Понятно, что никакой почвы под собой такие слухи не имели, но власти Мегаполиса, с целью успокоения граждан, ввели

в предгорья Карпат бригаду саперов. Хотели как лучше, а вышло... В общем, теперь на Земле точно были уверены, что Корпоративное правительство темнит. И что там, в предгорьях Карпат, уже идут подземные бои.

Более рассудительные обыватели поправляли, что это не так. Что бои идут в аравийских песках, потому что червям незачем прогрызаться сквозь скалы, когда есть податливые пустыни.

Третьи, до которых, невзирая на карантин, докатились слухи о реальной попытке вторжения на Европу, вторую по численности населения планету Солнечной, теперь утверждали, что черви под землей есть, и в Карпатах, и в Аравии, но ждут сигнала, когда им можно будет выползти на поверхность, не опасаясь орбитального обстрела. Ведь самая главная составляющая — космический флот, все еще действовала. Зачем же им рисковать?

— Пессимист всегда видит туннель, оптимист — свет в конце туннеля, реалист — рельсы. А машинист поезда — просто трех идиотов, стоящих прямо на путях. — Так Барон прокомментировал все слухи, о которых они узнали еще на Лунном причале.

Но сейчас ему было не до шуток.

— К смерти я не готов, хотя и не боюсь ее. Гораздо страшнее оказаться жертвой такой несправедливости и позора, что придумали для меня мои же сородичи. Но вот получить какой-нибудь боевой орден, с привилегиями, это было бы в самый раз. Офицер-орденоносец! Звучит? Фонду ветеранов станет в тысячу раз легче защищать свои и мои, попутно, интересы в арбитраже. Тот еще будет шум! А огласка в таких делах крайне нежелательна...

— Потому что кто-нибудь из корпоративных правителей заступится за правду? — спросил абсолютно неискушенный во всех этих делах Джокт.

— Нет! Потому что отстегивать придется не треть, а уже половину с этих же процентов, или даже больше, чтобы вернуть хоть что-нибудь! — возвратил его с небес на землю Барон.

— Зачем им столько денег? Даже если твои двадцать с чем-то процентов — это миллионы или даже миллиарды, Правители тоже не на социалке живут, — продолжал любопытствовать Джокт и был вознагражден сполна.

— Извини, конечно, Джокт, но только ты — дубина! Разве я что-то говорил о деньгах? Я говорил — треть от процентов, половина, в общем — доля. Знаешь, что означает оказаться совладельцем того бизнеса, которым занимается моя семья? Ну-ка подсчитай: население всей Солнечной — около двадцати миллиардов, каждый из этих

миллиардов съедает в день хотя бы по одному эргеру. Стоимостью от четверти до полутора кредитов, в зависимости от места продажи. Это сколько? А еще есть комплексные наборы «завтрак для всей семьи», обед и ужин... Часть дохода получает транспортная корпорация, часть — мелкие подрядчики. Но это немного. Основная прибыль... Ты считаешь, Джокт? Хочешь хотя бы на день стать совладельцем всего одной сотой доли этой прибыли? Почти полтора миллиарда кредитов! Ты понимаешь, что это такое, Джокт? — Барон почти кричал, и Гавайцу пришлось похлопать его по плечу.

Он понизил голос и теперь шептал — быстро и горячо, будто спеша сообщить все тайны, которые ему известны.

— Каждого, кто хоть как-то попробует встрять в любое занятие какой угодно семьи, просто размажут как масло по бутерброду! Ты, Гаваец, очень дешево отделался! Если бы я оказался нормальным отпрыском семьи и ты сломал бы мне ребро, то на следующий день от твоих островов остались бы одни воспоминания!

— Ну это ты слишком... — протянул Гаваец, не представляя, что это может случиться с его Гавайями.

— Слишком?! Помнишь случайное падение недостроенного линкора «Вэлиэнт»? Что осталось после этого от Тайваня? Вообще, знаешь ли ты, что был такой остров? А ведь он, пожалуй, размерами побольше твоего Оаху будет.

— Там тоже кому-то что-то сломали? — попытался иронизировать Джокт, не веря до конца, что такое может быть на самом деле.

— Никому ничего не сломали. Местный губернатор захотел прибрать к рукам производство каких-то электронных цацек, чтобы урвать кусочек счастья. Были спровоцированы беспорядки на этнической почве, вспомнили даже о религии... Обмануть людей ведь несложно. А когда хотят получить долю, сразу начинают народ баламутить. И религию вспомнят, и все, что угодно...Так было раньше; к сожалению, методы ничуть не изменились. И у того губернатора почти получилось. А потом, в одну чудную лунную ночь, на остров с орбиты спикировала стальная туша — восемьсот пятьдесят тысяч тонн. Якобы автоматика дала сбой. Двигатели уже были смонтированы на корпусе... И энергоприемники оказались заправленными. Форсаж, разгон и...

— Зачем такая жестокость?

— Чтобы другой губернатор, желающий стать хайменом и иметь одну сотую от чего угодно, навсегда забыл бы о своих скромных желаниях.

— Неужели больше никаких вариантов...

— Запасной вариант есть всегда! — Это была любимая присказка Барона, когда ему не верили. — Этот был выбран как самый убедительный.

— А просто убрать губернатора? Неужели хайменам не под силу было тихо кокнуть его, и всего делов?

— Значит, не под силу. Или же его смерть ничего не решала. Нашелся бы другой на смену. А так — раз и навсегда. Не влезай — убьет! Губернаторы все равно больше любого смертного от жизни имеют. Так что, Гаваец, считай, тебе попался чрезвычайно мягкотелый хаймен. Ваши же, Джокт, приключения у Женевского озера — вообще нонсенс. Если бы не Балу, торчать бы тебе и Спенсеру где-нибудь на рудниках, что прикрывают наши собратья из Крепости «Африка». Недолго сидеть, кстати. День-два. Пока на каком-нибудь бульдозере автоматика не откажет, как на «Вэлиэнте». А самого Балу, скорее всего, расстреляли бы. Законно, между прочим! За убийство гражданского лица и уничтожение чужого имущества в невероятно крупных размерах.

— Но ведь это была самооборона! И охранник был не совсем гражданским — имел армейскую модификацию и оружие!

— Это ты мне можешь рассказать. Или Гавайцу. И мы поверим. Но только если бы не вмешательство Старика, пообещавшего навести шорох на всю Солнечную и привести на орбиту Земли нашу старушку «Австралию» со всеми ее погремушками, то так бы все и случилось. Вас — в карьер. Балу — к стенке. А может, я и не прав. Кто его знает? Я ведь не провидец, верно? Можно — всех троих к стенке, чтобы не затягивать сатисфакцию...

По спине Джокта пробежал холодок. Одно дело — дожидаться смерти в скорлупе истребителя. Другое — вляпаться в глупую историю, которая приведет к тому же, что и залп в упор какого-нибудь «Кросроуда». Бортовой. Полный. Только такая смерть будет намного страшнее Просто Смерти.

— Вначале я даже думал уподобиться отшельникам. Ни с кем не общаться, ни с кем ни дружить... Не разговаривать. Но у меня не получилось. Вдобавок это выглядело бы глупо, и так действительно можно сойти с ума. Особенно после модификаторов.

Джокт даже не сразу понял, что Барон перескочил на другую тему. И теперь анализировал отношения между собой, Джоктом и Гавайцем. И то, как они складывались.

— За нас боялся? — Гаваец подпер голову рукой и теперь смотрел на Барона странным взглядом, в котором читался одновременно и ужас от услышанного, и обожание рассказчика.

— Боялся, — признался после некоторого раздумья Барон, — а потом понял, что зря. Не тот вариант. Убрать друзей — нет никакого смысла, хотя меня действительно пытались этим шантажировать.

— То есть как?

— Просто. Не вернешься в семью, вокруг тебя начнут исчезать люди. Как Вайна... Черт! — Он с размаху двинул по столу, так, что выбежал официант.

Но Джокт проделал фокус с двумя кредитками, которому его научил Балу, и паренек удалился, пытаясь скрыть довольную ухмылку.

— Черт! — повторил Барон, даже не заметив появления и ухода официанта. — Мне так и сказали: «Как Вайна»! В семьях умеют резать по живому.

— Ну-ка поподробней насчет тех, кто тебя окружает. Если можно, конечно... — Гаваец прищурил глаза, и взгляд его стал другим, хотя поза осталась прежней.

— Конечно, можно. Для вас — что угодно. Я и так разоткровенничался настолько, что буду просить индап о мнемоблокаде... Помните, вначале я никого не выделял. И сам старался казаться — пустобрех-пустобрехом. Потом в кубрик вломился Старик и пригласил меня на пару слов. Помните? Вот там-то мы обо всем и договорились. Я не пытаюсь создать ажиотаж, не строю из себя инструктора-антиглобалиста, но зато дружу с кем захочу и не переживаю за своих друзей. Вот такой подарок от Старика. Карт-бланш на дружбу, — невесело усмехнулся Барон. — Жаль, я не был пилотом, когда встречался с Вайной. Похоже, Старик чем-то очень крепко держит моего папашу за яйца, и не его одного, если может давать такие обещания.

— Ты говоришь о своем отце как о каком-то монстре. Психушка. Доля в семейном деле. Тайвань какой-то... Это же твой отец! А ты — его сын! Как же...

— Вот так. Был бы я единственным сыном — тогда ничего. А так... И мать у меня — не родная, у отца было несколько браков, каждый из которых приносил ему по чаду. Я — где-то посредине, ни старший, ни младший... Все дело в необходимости не оставлять за спиной людей, которые потом смогут пытаться шантажировать, иначе отец даже не вспомнил бы обо мне. А мать...

— Что? И мать? Как Вайну? — оторопел Джокт.

— Нет. С моей матерью все в порядке. Управляет сетью семейных магазинов где-то в Ливийской провинции. Имеет долю. Из семьи не выпадают, Джокт. Только если ты пожелаешь больше, чем тебе полагается.

— Наверное, ты хотел сказать — меньше. Ты же пожелал... — поправил Гаваец.

— Нет. Я пожелал именно большего. Свободы выбора, а это самая большая ценность, какая только имеется на свете. И очень немногие могут ее себе позволить. А насчет отношений с отцом... Хочешь, Джокт, я расскажу тебе притчу о добром банкире?

— Давай. У меня уже дрожь по телу от этих разговоров.

— Это старая-престарая притча. Слушай! К управляющему банка пришел рядовой служащий и попросил дать ему ссуду. Может, он был и не рядовым, а каким-нибудь мелким начальником, но это неважно. Банкир, конечно же, отказал. Тогда человек объяснил, что у него смертельно болен ребенок, что лечение возможно, но стоит очень дорого, и именно поэтому он просит ссуду. Не ради себя, а ради жизни ребенка. Напомнил о своих заслугах, о том, что был честен в работе и не воровал, хотя это и было возможно, потому что работал он с кредитными счетами... Банкир рассмеялся и заявил, что все это признак трусости и неуверенности в собственной квалификации. И что он знает все про всех — кто и чем занимается в его банке и как тащат крохи с его стола. Совсем уж отчаявшись, служащий предложил — давайте, я угадаю, какой глаз у вас искусственный? А это была самая большая тайна в банке. Банкир согласился, и служащий сказал — левый! Он угадал! Управляющий сразу приказал выдать ему кредит, но спросил, как удалось раскрыть его тайну тайн? И человек ответил — когда я рассказывал о своем больном ребенке, мне показалось, что в левом вашем глазу мелькнуло сочувствие...

— Три девятки! — восхитился Гаваец. — Да, как все запущено...

— Ты не знаешь, Джокт, что значит видеть кучу шлюх в доме, помаду на воротниках отцовских рубашек. И как тебя могут выставить за дверь, как только ты покажешься лишним. А такое бывало часто. Женщины в его жизни играют важную роль. Важнее, чем собственные дети. Не все, врать не буду. У меня есть трое сводных братьев и три сестры. Тоже сводные. Две из них — где-то в Европровинциях, их загнали в учреждения закрытого типа, набираться уму-разуму. Третья постоянно живет на небольшом острове, устраивая жуткие оргии. Кстати, когда-то мне нравилось принимать в них участие... А братья... Отцу доставляло удовольствие стравливать нас друг с другом и смо-

треть, кто кому набьет рожу. Он называл это «закалять волю». А я понял, что просто ему приятно было видеть, как мы готовы вцепиться друг другу в горло, чтобы оказаться к отцу поближе. Когда я принес в дом попугая, кажется, это было еще в школе, отец не стал меня упрашивать, чтоб я отдал кому-нибудь эту птицу, потому что она издает громкие звуки по утрам. Нет. Он просто взял его в руки и свернул попугаю шею. Прямо на моих глазах. Чтобы я знал — нельзя делать то, что ему может не понравиться. Потом ему надоела моя мать, и я переехал с ней далеко-далеко. Но там жизнь была не жизнь. Мать всегда старалась использовать меня как козырь для вытягивания из отца лишних денег... — И резко, без перехода, Барон добавил: — Не бросайте меня, пожалуйста! Даже если я буду выделывать глупости и срываться из-за ерунды! Джокт! Мне очень тяжело... И я не знаю, как с этим справиться. Когда я смотрел на тебя с Лиин, думаешь, мне не хотелось тоже найти себе девушку? У меня получилось бы... Но я боялся, что привяжусь и из-за этого она погибнет. Дело не в Вайне. Ее уже нет. Просто — мое проклятие всегда со мной.

— Обещаю! — Джокт встал, чувствуя, как голос его дрожит. — Что бы ни случилось, как бы ты себя ни повел и какие бы слова ни произнес, я всегда... буду знать, что ты мне друг.

— Я тоже обещаю! — Гаваец не вставал, он просто выпрямился, отчего его голова оказалась на уровне плеча Барона. — Обещаю всегда быть рядом и никогда не забывать, что видел твою душу! — потом, смутившись своих слов, он пояснил: — Так говорят у нас на Оаху. И мне терять нечего. Пусть приходят за тобой какие угодно шестерки, ты только покажи пальцем... Опыт ломать ребра хайменам у меня уже есть!

Гаваец удачно разрядил обстановку, и все рассмеялись.

— Помните, я сказал, что завидую Балу, потому что он — единственный у Старика. Но был еще один сын. Его сожгли где-то в Каверне Титлиновой. Поэтому Балу стал штурмовиком, как брат, хотя из него мог получиться отличный пилот.

Так вот отчего Балу всегда с затаенной завистью смотрит на форму пилота! И лучший друг его — пилот. Спенсер Янг Ли. И выбрал он именно меня — курсанта флота — для наставнической беседы после видеосеанса! Все, все теперь понял Джокт.

— Поэтому Старик мне поможет. Пойду, упаду на колени, и он поймет... Кажется. я уже говорил это, а?

— Официант! Счет господам офицерам! — проревел Гаваец, и голос его, пробежав по ступенькам, ведущим в зал, отразился гулким эхом.

Есть такой минус в прохождении модификаций пилотами истребителей: спиртное нужно не пить, а нюхать. Да и то желательно через салфетку.

Служащий заведения издал неудовлетворительное цыканье, когда троица пилотов расплатилась и направилась к выходу с террасы.

— Вот черт, совсем забыл! — хлопнул себя по лбу Джокт, доставая вторую кредитку.

Пропало облако. Ярко сияло солнце. Все разговоры потеряли значимость. Междугородний экспресс нырнул под землю; видимо, его машинист не верил в слухи и не боялся таящихся под землей червей.

Где-то в стороне мелькнул Храм Единения Веры, и Джокт с грустью подумал, что снова туда не попал. Возможно, думал он, именно там я бы привел в порядок свои чувства. Барон был откровенен. Да, разговоры казались теперь делом прошлым, но после его исповеди часть невидимого груза легла и на плечи друзей. Джокт молчал и думал...

Когда-то «Хванг», потом Лиин — все отодвинулось на еще более дальнюю полку сознания. Наверное, не зря раньше люди боролись с огнем, пуская навстречу стену другого огня...

Глава 4

Рандеву в «Стокгольме», так назывался ресторан, расположенный в одноименной провинции, прошло под стать событию, которое там отмечалось. Сначала шла бесконечная вереница тостов за погибших во время схватки у Темного шатуна. В скорбном молчании старший помощник «Инка» оглашал длинный список имен. Под его монотонное чтение, усиленное динамиками, поднимались бокалы. Джокт с самого начала понял, что мероприятие обещает стать далеко не будничным междусобойчиком, раз уж проводится в шикарном ресторане на берегу красивейшего фьорда. При входе каждому пилоту прислуга ресторана раздала по упаковке нейтрализаторов.

— Банкет еще не начался, а мы уже обошлись командору Беркли в кучу кредитов! — заметил Барон. — Привык он, наверное, к полным бортовым залпам...

Самого Беркли Джокт видел лишь издалека. Потому что прибыли они последними, когда все остальные заняли уже места за длинными столами. И троице пришлось приткнуться на самом краю, хотя командир Гонза пытался подавать какие-то знаки, чтоб они пересели поближе.

Но даже отсюда, с самого края, и даже когда панихида была окончена и началось «восхваление героев», как назвал это Барон, было заметно, что Беркли пребывает в подавленном настроении. Гаваец сразу же разжился новостями. Оказалось, в числе приглашенных был и Эрнальдо, капитан — владелец рудодобывающего каравана. Но он не пришел. И никто из рудодобытчиков не явился в «Стокгольм». Подтверждением этого слуха были два полностью накрытых стола с пустующими креслами в правой части огромного зала.

Добытчики, опять же со слов Гавайца — а уж откуда и как ему стало известно — почти тавтология, но — неизвестно! — проводили свое собственное застолье. Совсем в другом месте. И Эрнальдо якобы сказал Беркли, что не видит для себя чести сидеть с ним за одним столом, считая только командора линкора виновником всех смертей.

Что-то такое пытался сказать в микрофон и сам командор, но Гонза, сидящий рядом с ним, не позволил договорить и, перехватив микрофон, разразился речью на целых несколько минут. Вот уж чего не ожидали от него пилоты!

Он говорил, что личная доблесть и готовность к самопожертвованию ради других — главное качество командующего линкором. Потом справедливо заметил, что уход каравана, пусть и с потерями, результат нелегкого решения и что не каждый капитан рискнул бы такое решение принять. Дальше Гонза напомнил, что «Инк» уничтожил в бою несколько крейсеров, линкор и множество истребителей Бессмертных. Каждое слово пилота-истребителя, каждая фраза ложились в таком порядке и звучали в такой тональности, что Беркли в конце концов расцеловал Гонзу. И со слезами на глазах заявил, что только сейчас считает гибель сотен членов экипажа — не напрасной, а свою честь — спасенной.

Потом еще кто-то говорил... И тоже — подыскивая только хорошие слова. Кажется, это был представитель Центрального Штаба ВКО Солнечной.

— Внимание! Большая шишка! — шепнул на ухо Джокту Барон. — Член семьи хайменов!

Джокт в это время прикидывал, как бы сэкономить нейтрализаторы, чтобы хоть что-то оставить про запас. А потом он вместе с Га-

вайцем полностью переключился на еду, особенно в этом преуспел Гаваец. Такую роскошь они наблюдали раньше только по видео.

— Ом-ный ум-ум алп! — пытался что-то произнести с набитым ртом Гаваец, теперь уже растеряв все свои застольные правила. Минутой позже он уточнил: — Полный залп! Сколько жратвы, и вся — одни деликатесы!

Гонза опять начал подавать им знаки. Увидев, что тройка никак не реагирует, спешно подчищая все на своем конце стола, командир взял в руки микрофон.

— От имени командора Беркли я приглашаю сюда самых молодых участников моей группы, лидера Джокта и его ведомых, которые непосредственно были заняты сопровождением вашего линкора. Может, кто не разглядел — вертелись там рядом с вами три букашки, когда у Прилива появилась последняя группа Бессмертных... Финальный аккорд схватки взяли именно они — пилоты-новички истребительного флота, крепость «Австралия»! Пилот Джокт! Пилоты Барон и Гаваец! Прошу. Остальное пусть скажет сам командор.

Потом время понеслось быстрее. Дальнейшее показалось Джокту вопиющей несправедливостью. Да что там! Это и была несправедливость. Командор Беркли, обладающий правом награждения подчиненных ему членов экипажа, по очереди пожал руки Джокту и его товарищам, пытался что-то сказать, но в итоге махнул рукой, потому что голос у него снова предательски задрожал, и заранее приготовленная речь оказалась скомкана.

— В том бою... Вы действовали, защищая мой корабль, как любой из военных астронавтов линкора. Я считаю себя вправе... Я обязан... А помощник министра подтвердит мое решение... Знак «За помощь в бою»... Пилот Джокт! Пилоты Барон и Гаваец! Примите и носите с гордостью!

Помощник министра, или кто он там был, кивнул, и на груди у Джокта — у первого — появилась маленькая, но вызывающая такие большие чувства медаль.

«Пришел на помощь» — было выгравировано на лицевой стороне, рядом с изображением руки, обхватывающей другую, бессильно поникшую руку.

— Летать! Побеждать или погибнуть! — дружно вытолкнули воздух из легких награжденные пилоты, и банкет был продолжен.

Хоть сердце Джокта и переполняла гордость за полученную награду, все равно это было несправедливым — выделить только их тройку.

На одной стене, покрытой черным драпом, в крошечных светильниках мелькало пламя сотен свечей. В память о погибших. На другой — в ярко-желтом облачении, красовалась огромная эмблема Большого флота — планета, окруженная кольцами, что выглядело весьма символично, поскольку бой шел именно возле такой планеты, имевшей кольца. А рядом находились другие эмблемы: летучая мышь — в память об экипаже «Метео-4» и узкая молния пилотов-истребителей.

Постепенно официоз стал спадать, в зале началось движение. Кто-то вышел на веранду, покурить и полюбоваться фьордом, некоторые сбились в кучки, обсуждая какие-то общие темы. Барон, отстегнув наградной знак и рассматривая его, пошутил:

— Если за каждый бой получать по одному такому знаку, то скоро можно будет претендовать на привилегии третьего класса и на пенсии, если удастся до нее дожить, раз в неделю ходить с семьей в такой же ресторан. А еще бесплатно пользоваться подземкой любого Мегаполиса и не переживать за детей, что все их доходы съест фискальная служба.

— Почему? — Гаваец, по примеру Барона, тоже снял с груди знак и стал его разглядывать.

— Потому что привилегии распространяются на членов семьи и каждый в семье пилота подлежит налоговой амнистии на пятнадцать процентов. Но нам об этом еще рано думать.

— Барон, глянь! А это что такое? — Гаваец перевернул знак и теперь с недоумением взирал на несколько рядов цифр, выбитых с другой стороны.

— А это, друзья, означает, что мы далеко не первые, кто имеет такую награду.

Джокт тоже снял и перевернул медаль. Число внушало... Выстроенные в шесть рядов цифры даже не сразу сложились в общий итог. Проще было начать подсчет числовых разрядов с конца.

— Космос! Сколько несчастий! Сколько помощи нам потребовалось...

— Брось. Если все было бы наоборот и это не мы спасали «Инк», а он нас, цифра увеличилась бы сразу на полторы тысячи. Хотя, конечно, впечатляет...

— А штабные офицеры, те, что в боях не участвуют, могут получить такой знак? — полюбопытствовал Джокт, вспомнив забытый разговор с Лиин, когда она говорила, какие разные пути бывают для достижения славы.

— Конечно! Сколько угодно. Увидишь, даже этот министерский чин скоро такую же заимеет. И кто-нибудь из его окружения. От-

дел планирования... Ну чьи-нибудь адъютанты и, непременно, их экселенцы. Достаточно в файл с описанием всех наших действий – «вылетели из такого-то квадрата, прибыли в такой-то, приняли бой при следующем соотношении сил...» – добавить одну лишь фразу: «По заданию штаба ВКО». И все.

– Но это же нечестно! Не было никакого задания! И в квадрат мы шли без всякой цели. Так, для учебных стрельб в условиях затрудненной астронавигации... Вообще-то я считаю, что даже наградить только нас троих – это большая несправедливость, – наконец-то он смог высказать свое отношение к происходящему.

– Джокт, Джокт! Ну какой ты наивный! Хотя я говорил тебе раньше, перед Первым Боевым, что именно твоя честная наивность и не позволяет мне задирать рядом нос, а спокойно идти ведомым... А насчет было или не было какого-нибудь приказа, это ты у Гонзы попробуй спросить. Почему он кинул всю группу через несколько Приливов? Мало ему, что ли, каких-нибудь местных окольцованных планет возле Каппы Струны?

– Предвидение. Отработка стрельб после длительного пилотирования. Да что угодно! Если бы мы шли с конкретной целью – спасать линкор, через тактический анализатор нам так бы и сообщили. И вообще мы вышли задолго до нападения на «Инк».

– Такого предвидения не бывает! Но ты спроси, спроси у Гонзы. Только он тебе не ответит. Так что радуйся, что и тебе малая толика славы перепала. Будет чем красоваться перед другими. А по непроверенным пока данным, медальку эту даже Старику предлагали. Вроде как он наш самый главный командир и все, что вылетает из «Австралии», подчиняется ему. Только Старик отказался. Он же особенный!

– А как ты... насчет Старика? Ты... Так ты знал?! С самого начала знал, что нас должны наградить?

– Ну знал.

– А почему молчал?

– Во-первых, не был до конца уверен. Думал, Гонзу наградят и дело с концом. Но ему кое-что посолиднее должны дать. И скорее всего, дадут. Так ведь не бывает – подчиненные героические парни, а их командир – не очень... Во-вторых, не хотел ломать вам кайф. Приятно было получить первую награду от человека, которого спасал. Ведь спасал? Мы могли и наплевать на приказы Беркли. Его линкор – его проблемы. Хочешь дать залп по крейсерам – попутного ветра. Солнечного. А мы сваливаем потихоньку. Выпускаем торпеды и сваливаем. И никто бы нас не попрекнул. Два крейсера,

куча истребителей — и все на наш редут. Да нас только за то награждать нужно, что не дали себя сжечь. А линкор... Выкрутился бы как-нибудь. Ему до приливной точки меньше минуты оставалось. Потерял бы еще часть отсеков, ему и так выше крыши досталось, год в ремонте стоять будет, если на утилизацию не пошлют.

— Ты? Ты действительно так думаешь? — Глаза у Джокта сузились, и предупредительный Гаваец взял его за руку.

— Ну, да. А что тут такого?

Джокт хотел сказать, что ничего общего с просьбой понимать его всегда и во всем эти слова Барона не имеют. Что это низость, говорить такие вещи. Но на лице Барона уже мелькнула усмешка-предатель, и Джокт стукнул его кулаком в грудь.

— Я-то решил... Нельзя, понимаешь? Даже напившись, нельзя...

— Тебя легко обмануть, Джокт. Задумайся над этим. К сожалению, школа лжецов для тебя закрыта. Вернее, все вакантные места в ней заняты. Знаешь, какой конкурс на всякие политические, экономические, юридические факультеты? Это на инженера — гравионщика ты смог поступить. А в другой институт... Родословная не та. Да и работать в этой сфере ты бы не смог, разве что на подхвате. Закончил бы юридический, запихнули бы тебя в какой-нибудь Мегаполис, маленькие полоски на погонах, и дали команду — фас! Тогда твоя честность, все, что ты имеешь хорошего, послужило бы великому делу статистики и упрочению человеческой пирамиды. А если бы научился чувствовать фальшь — сразу бы другую работу тебе нашли. И так, потихоньку-потихоньку, доковылял бы по лесенке до сытой пенсии, казенным поздравлениям на каждый юбилей от начальства, которое и думать-то про тебя забудет на самом деле. И полоски стали бы чуть шире... А если сразу понять правила игры и подстроиться под кого надо, полоски вообще бы огромными стали. Но все равно меньше, чем у тех, кто эти правила устанавливает. Умные нужны только исполнители. Необходимый минимум для руководителей — покорность. Системе и тем, кто его сделал руководителем. Судьей вот тоже неплохо стать, если есть кому туда протолкнуть. И в том и в другом случае, пока будешь с простыми смертными дело иметь, — кувыркайся как хочешь. Хочешь — честно, хочешь — нет. Если смертный этот, конечно, не близок окружению хаймена. А вот стоит чуть выше взять — все! Стоп! Попросят побыть патриотом Мегаполиса и Солнечной, принять во внимание, что есть чей-то бубновый интерес... Иначе — не для тебя лестница. Так и останешься на первой площадке, между совестью и следующим этажом. Политика? Туда вообще лучше не

лезть. Но тебя бы и так забраковали, еще до экзаменов. А насчет экономики — притчу о добром банкире не забыл?

— Зачем ты все это говоришь, Барон? Не мечтаю я ни о какой лестнице. Летаю, побеждаю, не сожгли пока — вот и счастье.

— Ага. Девчонку упустил, — в тон ему добавил Гаваец.

Если бы такое сказал Барон, Джокт опять мог вспыхнуть. Но на Гавайца, никогда не комментировавшего разрыв с Лиин, Джокт просто не мог обижаться.

— Не упустил. Она сама...

— А ведь предлагала тебе бросить все, лететь на Землю, устроить тихую счастливую жизнь?

— Предлагала. Но это не жизнь. Это сделка!

— Вся наша жизнь — сплошная сделка, — философски протянул Барон. — Только знаешь что, Джокт? Если бы я был большой шишкой, обязательно бы тебя к себе перетянул. Хоть на Землю, хоть главным управляющим. Таких, как ты, нужно под стеклом хранить, сдувая пыль.

— Почему?

— Ворон много, а белая среди них — только одна. Может быть, когда-нибудь мы вернемся к этому разговору. Потому что я тоже — белая ворона. Нас никто не любит, и мы не особо кому-то и нужны...

Барон намеревался продолжить свои сентенции, но его перебил Гаваец.

— Знаете, что я вам скажу, господа Белые Вороны? — Гавайцу явно надоел этот разговор, к тому же он постоянно перебегал взглядом с одного блюда на другое. — Давайте лучше выпьем, закусим и зациклим этот процесс! Как программер, который пошел в ванную помыть голову и не вернулся.

— Почему? — оказывается, Барон не знал этой старой шутки.

— Потому что на этикетке было написано — выдавить шампунь, втереть в волосы, смыть, повторить процесс.

— И? Ах да! — дошло до Барона, и он рассмеялся. — Согласен. Начинаем зацикливаться. Только будем следить друг за другом, чтобы не забыть про нейтрализаторы...

— Договорились!

И они напились вдрызг. Что называется, до третьей космической. А утром долго озирались, пытаясь понять, что это приключилось вчера и почему у Барона на лице засохли остатки салата. Джокт, как истинный лидер, отыскал спасение, что лежало в кармане. Три сохранившиеся, словно по заказу, капсулы нейтрализатора.

— Куда теперь? — выйдя из душевой, поинтересовался Гаваец.

— Куда угодно! Какая приятная легкость образовалась! — комментировал попутно свои ощущения Барон, взирая на клубы тумана над фьордом.

— Интересно, мы сами до номера добрели или нас тащили волоком?

Джокт, убедившись, что они находятся в гостиничном номере того же «Стокгольма», только где-то на верхнем этаже, с ужасом пытался подсчитать количество выпитого через подсчет израсходованных нейтрализаторов.

— Навряд ли сами... — видимо, Барон произвел схожие подсчеты.

В это время в дверь постучали.

Ранним посетителем оказалась горничная — женщина приблизительно сорока — сорока пяти лет.

— Мальчики, вчера один из вас сломал кусок облицовки в коридоре. Я вот подумала — неудобно как-то идти к вашему начальству...

— Сколько? — спросил Барон.

— Ну с учетом того...

— Сколько? — повторил он.

— Шесть кредитов.

Сумма была завышена, потому что какой-то кусок облицовки не мог иметь такую стоимость.

— А кто поломал? — осведомился Джокт.

— Я, наверное. — Гаваец осторожно потрогал нижнюю губу, и только тут Джокт с Бароном заметили, что она распухла. — Как бы не пришлось швы накладывать.

Прикинув вес Гавайца и количество потенциальной энергии, которая при превращении ее в кинетическую могла смести не то что обшивку, но и проломить стену, Джокт не стал спорить по поводу названной суммы.

— Больше он ничего не ломал? Лифт не уронил? Странно... — Барон протянул свою кредитку к считывающему чипу горничной. — Скажите лучше, вам известны хоть какие-нибудь подробности нашего вчерашнего... э-э... заселения?

— Конечно, известны. — Горничная хмыкнула. — Вот этого, самого здорового, нес какой-то весь седой пилот, симпатичный на лицо, с загадочным взглядом. Вокса, кажется, его зовут. Он сам года два назад вот так же... вселялся. Это у вас, у пилотов, наверное, эстафета такая, черная, нет? Здорового принес Вокса, а вас обоих приволок другой, с седой бородой. Тоже как-то... пребывал...

По-моему, у него что-то пропало на банкете — почти вся его группа укатила, а он что-то искал. Хороший мужчина, кучу кредитов на чай мне оставил, он сам из Северного Мегаполиса.

— Гонза! — прозрел Джокт, не реагируя на прозрачный намек горничной.

— Точно. Вот влипли.

— Да вы не переживайте, за облицовку расплатились, не буянили... Откуда прилетели? По загару вижу, что не на Земле службу несете.

— Откуда у нас загар? — изумился Джокт.

— Вот я и говорю, что по загару...

— Мы с «Австралии». Каппа Струны. Крепостной истребительный флот, — зачем-то расписал подробности Барон. — Вы нас извините, конечно, но только у нас, во Внеземелье, о такой роскоши и мечтать не приходится. Еще награды получили, вот и дорвались.

— Ладно, не извиняйтесь. — Горничная больше не упоминала про чаевые. — Хотите, кофе принесу?

— Нет-нет. Скажите, этот высокий с седой бородой... Он здесь, в гостинице?

— Пока здесь. Сидит в зале с кем-то еще, чай пьет. Я же говорила — что-то пропало у него.

— Спасибо!

Когда дверь за горничной закрылась, Барон стал разглаживать складки на форменке.

— Надо сразу расставить все точки! Идемте вниз к командиру!

— Стыдно, — признался Гаваец, — лучше дернем в город. Должен же здесь быть другой выход, не через ресторанный зал?

— Стыдно не стыдно, есть выход — нет его, а нужно идти. Лучше сразу выслушать все, что о нас подумали, чем потом... При посторонних он сильный разнос чинить не будет. Давайте, давайте!

— Гаваец! Только ты это... — Джокт едва сдерживал смех, чтобы не обидеть друга, но поделать с собой ничего не мог, очень уж комичной представлялась картина крушения Гавайца. — Губу подверни, она у тебя вся лиловая.

— Сейчас...

И пилоты спустились в ресторанный зал.

Здесь, как и ожидал Барон, разнос оказался несильным. Вернее, как такового разноса вообще не было.

— Так. Все в сборе. Кто бы меня теперь медалью порадовал — за помощь в бою... Кидало вас знатно, как при гравитационном обстреле.

— Мы... случайно, — протянул Гаваец.

— А деревянную панель со стены кто смахнул?

— Я нечаянно.

— Случайно — нечаянно. Кофе будете? Или подобное к подобному просится?

— Нет-нет! Только не это! — Гаваец замахал руками, отчего у него сразу же разболелась губа.

— Как хотите. В Крепость отбываем завтра. Так что до следующего утра вольны делать, что пожелаете. Может, и к лучшему, что вчера перебрали и с вас довольно. Не буду весь день переживать. Так что встречаемся на Лунном причале в восемь ноль-ноль, у девятьсот девяносто девятой секции. Легко запомнить. Вляпаетесь в какую-нибудь историю — месяц без увольнений. Даже послебоевых.

— Принято, ком!

— Тогда я вас не задерживаю больше. Идите.

Они ушли, радуясь в душе, что все так легко обошлось. И снова встал вопрос — а собственно, куда им идти?

Джокт, который не так давно мучился подобным вопросом, вспомнил о Храме Единения Веры. Гаваец принялся всех уговаривать отправиться с ним на Оаху.

— Да вы себе представить не можете, что это такое!

— Ага, зато ясно представляется некролог про пилотов, что избежали гибели в жестоких схватках и нашли глупую смерть, приложившись головой о камни. У вас там есть камни на дне?

— Давно уже нет! Песочек, волны, солнце!

А Барон отчего-то помрачнел.

— Ты что? Не хочешь в Храм или на Гавайи? Давай, другое место выберем.

— Не в этом дело. Я вообще предпочел бы сразу стартовать к Крепости. Или остаться в гостинице. Второе невозможно, потому что выглядит по-идиотски. Первое — по той же причине... Может, вы вдвоем прогуляетесь? А я схожу в видеозал, закажу программу до завтрашнего утра... Вам со мной будет скучно.

— Что за блажь?

— Не блажь. Нельзя мне разгуливать так просто. Глобальный информаторий, слыхали? Засекут соглядатаи семьи и возьмут меня тепленьким, прямо посреди улицы. Знаете, как это делается? Спускается скутер, открывается дверца, и через секунду скутер улетает. А человека нет. Вот и конец моей карьере пилота, а Старик — далеко. Потом все по плану — привет, психушка!

— Ты серьезно?

— Вполне. И вам рядом со мной тоже необязательно находиться. К тому же мне кое-кого повидать нужно... На всякий случай попрошу вас следить за сигналом моего идентификатора.

— Как? Он же у тебя отключен?

— Как увидите, что включился, можете попытаться мне помочь. Вам не впервой. — И Барон указал на медаль, украшающую грудь Джокта.

— Ладно, отговаривать не будем, тебе виднее. Ты, кстати, тоже можешь посмотреть — где мы и что мы. Если все нормально — давай сразу к нам. — Гаваец сразу согласился с Бароном. — Тем более, нам необязательно расставаться до утра. Видео так видео, но вечером, часов в десять, включи на минуту идентификатор. Не окажемся слишком занятыми — приедем.

— Договорились! Джокт, не смотри на меня так... Помнишь, когда нам предложили выбирать — кто полетит на Землю для тестирования? Я отказался. Теперь ты знаешь настоящую причину отказа. Так что не смотри... И глупостей не наделай, пока меня рядом не будет.

— Каких глупостей? Зачем?

— А я знаю? Вдруг ты захочешь Лиин навестить...

Лиин! Сердце бухнуло, и кровь прилила к лицу Джокта. Хотя он думал, что все уже прошло... А ведь странно, спохватился Джокт, если бы Барон о ней не напомнил, я бы и не подумал даже... Махнул бы с Гавайцем туда, где волны и серфинги, и танцовщицы с гирляндами цветов на тонких шеях.

Но Барон напомнил. И сразу захотелось ее увидеть. Ее глаза, ее губы. Может быть, даже поговорить... Поговорить?

— Нет. Не будет никаких глупостей.

— Ты уверен?

— Обещаю!

— Хорошо. Гаваец, присмотри за ним, ладно? А то опять станет ходить потом сам не свой. Такая встреча к добру не приведет. А нам — на вылеты. Через две недели вообще что-то невообразимое должно случиться... Нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Понимаешь, Джокт? Как бы тебе этого ни хотелось. Нельзя.

Барон развернулся и быстрым шагом отправился к станции подземки, рукой подав знак, чтоб его не провожали. И предоставил Джокту с Гавайцем разбираться самим — как и где они будут проводить время.

Туман над фьордом, постепенно тающий в лучах восходящего солнца, больше не напоминал о полете в Приливе. Он стал ворохом серых лоскутов, сползающих с плеч каменных утесов и скользящих над водной гладью. Ни волн, ни малейшей ряби.

— Эта вода скучная, — сказал Гаваец, — холодная и тяжелая. Давай ко мне, а? Я же говорю — там пляж, вечное лето, серфы, девочки!

— Девочки, говоришь? Только что вы отговаривали меня встречаться с девушками, а тут...

— Нет! Это Барон отговаривал, а я молчал. И вообще речь шла не о случайных знакомствах, а о встрече с Лиин. Тебе и вправду незачем с ней встречаться, даже если и хочется. Давай ко мне. Трансконтинентальная закинет нас на Оаху меньше чем за час. На пляже всегда можно с кем-нибудь познакомиться. Мы — два пилота. В форме. При медалях! Да нам только выбирать останется — весь пляж наш! Где еще на Земле ты знаешь такое место?

Девушки? Форма? Конечно, индап умеет подавлять гормональные бури, что он и делал с самого первого дня нахождения курсантов в Крепости. Это было во все времена, во всех армиях мира, когда в воду, в чай, в еду — куда угодно! — военнослужащим добавляли специальную дрянь, которая везде называлась одинаково — сухостоем. Но сейчас индапы ждут пилотов на базе, рядом с СВЗ и их истребителями. А на Земле есть такое место! И Джокт его отлично знал!

Вдобавок Гаваец, обладавший не только даром убеждения, но и достаточным практицизмом, связался с метеоинформаторием и теперь кисло выслушивал про разгул очередного тайфуна над родными островами.

— Да, вот тебе и пляж с серфингами. Хорошо бы я выглядел, если бы притащил нас на Оаху под тропический ливень. Это, конечно, тоже зрелище не для слабонервных — летающие в небе крыши и пальмы, стена воды и ветер, что сбивает с ног... Но вот с женским полом тяжко знакомиться в такую погоду.

— Слушай! — неожиданно охрипшим голосом сказал Джокт. — Я знаю одно место, я там уже был. И форма очень пригодится. С медалями вместе.

— Шлюхи? Это, конечно, тоже вариант... Заразу только бы не подцепить какую-нибудь.

— Нет! Они не шлюхи, просто хотят новых ощущений. И без формы там делать нечего.

Джокт невольно повторил слово в слово то, что слышал когда-то от курсанта-пехотинца, охранявшего неизвестно от чего точку противокосмической обороны.

«Главное — не перепутать! — билась мысль. — Площадь Цветов! Никогда не ходить больше в Сквер Милано!»

Они ехали в подземке, и им казалось, будто те немногие пассажиры, что находились кроме них в вагоне в этот ранний час, смотрят на них с улыбками.

Все дело в загаре, вспомнил Джокт.

«Мы знаем, откуда вы прилетели! — читалось на лицах этих пассажиров. — Со звезд, из крепости „Австралия"! И знаем, куда вы спешите! Мы все знаем. Знаем...»

...что вам нужна Площадь Цветов!

Добираться подземкой в другой Мегаполис, пусть даже расположенный на этом же континенте, оказалось медленней, чем трансконтинентальной до Оаху. Вытянутый, напоминающий сосиску, вагон-экспресс, скользящий вдоль энергетического луча, слегка раскачивало от скорости, неощущаемой изнутри. Лишь слабое шипение над головой показывало, что вагон летит, многократно обгоняя звук, и специальная пневматическая система выравнивает давление между головой и хвостом экспресса. По видео шла какая-то белиберда, состоящая преимущественно из рекламных сюжетов, и смотреть ее не хотелось. Кофе в аппарате оказался слишком сладким, автомат по торговле эргерами живо навевал неприятные ощущения от воспоминаний рассказов Барона. Пришлось вести беседу между собой о будущих сражениях, потому что сражений, в которых побывали Джокт с Гавайцем, пока было явно недостаточно для длительной беседы. И Джокта, и Гавайца тревожило известие Барона о том, что через две недели что-то должно произойти. Прорыв не прорыв, решили пилоты, но какая-то массированная атака всех крепостных флотов — обязательно. Знать бы еще, что прикажут им атаковать. Или кого. Врагов в досягаемом пространстве водилось в избытке. Бессмертные, даже не имея еще возможности проникать куда угодно с помощью Приливов, и так контролировали достаточно много звездных и планетарных систем. Просчитать, какая из них главная для обеспечения деятельности вражеского флота вторжения, пока не получалось...

Потом, когда полупустой вагон-экспресс выплюнул друзей на нужной станции, оказалось, что в парке посетителей еще меньше. Трое пожилых мужчин выгуливали домашних собак — непозволительная роскошь в условиях Мегаполиса! А в небольшом кафе за одним из столиков полулежали, уронив головы на руки, трое

официантов — два парня и девушка. Вначале она показалась им явно не той девушкой, которая заинтересовалась бы ими.

Несколько парковых скамеек, стоявших вдоль аллей, пустовали. И Джокт поразился, каким маленьким оказался весь парк по сравнению с тем, каким он почудился ему в первый раз. Тогда это был просто лес, где толпами ходили мужчины в военной форме и девушки в коротких юбках. Насколько великим было горе, свалившееся тогда на Джокта, настолько большим и показался парк, решил он.

— Ну что? Начинаем знакомиться? Тебе блондинку или брюнетку? — принялся дурачиться Гаваец, раскидывая руки, будто старался поймать кого-то невидимого. — А, они все равно подряд все крашеные! Девушка, не проходите мимо! Это — я, а это мой друг, благодаря которому мы здесь очутились. Вы разглядели наши медали? Не все сразу, девушки, по очереди...

Его голос разбудил официантку. Она сонно посмотрела на пилотов, потом на часы. А после покрутила пальцем у виска.

«Пришли слишком рано! — осознал очевидное Джокт. — Наверное, движение тут начинается не раньше обеда. И продолжается до позднего вечера, а то и до утра. Вот официантка и не выспалась. А с утра и до обеда... Ну понятно, — вспомнил он полет с Эстелой в предгорья. — Если бы не мое состояние, точно прокувыркался бы с ней до самого утра!»

— Чего так рано? — подтвердила его мысли официантка.

— Мы... кофе попить, — брякнул Джокт.

Гаваец не потерял оптимизма и веселого настроения.

— А когда будет не рано?

— Часа через два, может быть, кто-то и подойдет.

Джокт с Гавайцем переглянулись. И задумались, потому что такой расклад их никак не устраивал.

— Так что насчет кофе? Будете заказывать? Или через два часа придете? А еще лучше — через три?

Они опять переглянулись, потому что ни Джокта, ни Гавайца не прельщала перспектива провести два часа, накачиваясь кофе, в обществе спящих официантов. Но уходить сразу только из-за того, что приехали слишком рано, тоже не хотелось.

— Будем! — решился Гаваец. — Все равно нам больше некуда идти.

— Ого, какие откровенные! — неожиданно улыбнулась официантка, и Гаваец шепотом поведал Джокту, что он, в общем-то, не против и с ней свести поближе знакомство.

— Издалека, мальчики? — еще раз улыбнулась она, поправляя передник, в чем явно не было никакой необходимости, и кидая слишком уж выразительный взгляд на Гавайца, ощупывая этим взглядом его огромный торс с изумительным мышечным рельефом, который не смог спрятать форменный комбинезон.

А потом она увидела медаль. И все поняла.

— Так значит вы издалека, — уже утвердительно, понизив голос, ответила она на собственный вопрос. — Проходите, мальчики, садитесь. Сейчас и кофе будет готов!

Пока она суетилась, демонстрируя округлый зад, едва прикрытый белым халатиком, Гаваец толкнул Джокта плечом и показал большой палец.

Да. Тяжело ему пришлось. Совсем изголодался парень, понял Джокт, вспоминая более пышные формы Эстелы. Хотя в этих воспоминаниях наверняка имелось больше фантазий.

Не будь сейчас рядом Гавайца, он сам бы начал заигрывать с миловидной и очень приветливой официанткой.

— Вы не торопитесь. Нам же два часа здесь ждать. Или три. Так вы сказали?

Девчонка вспыхнула, и ее красивое личико вдруг приняло обиженно-тоскливое выражение.

Джокт был восхищен. Ух ты! Похоже, Гаваец очень даже знает, как обращаться с женщинами. Интересно, что было бы, если бы Балу пригласил когда-то в офицерское кафе Крепости не его, Джокта, а Гавайца? Возникла следующая, уже с ярким оттенком ревности, мысль. Устояла бы Лиин? Ведь она клялась, что полюбила Джокта с первого взгляда. А если бы за столом сидел Гаваец?

И кто-то изнутри, какой-то ангел-хранитель, нашел ответ. Если бы там оказался кто-нибудь другой, Джокт никогда не пережил бы страшного унижения и мучений, что принесло ему в конечном итоге знакомство с Лиин.

— Может быть, даже четыре... — неумело соврала официантка.

— Значит, будем ждать четыре часа. Или пять. И сколько угодно. Неужели здесь не появится ни одной девушки, пусть даже не такой красивой, как ты, которая бы скрасила единственный день на Земле, что отпущен пилотам из далекого Внеземелья? Ни за что не поверю...

Причем сказано это было как-то так, что было непонятно, чему не может поверить Гаваец — тому, что не найдется, или тому — бывают ли красивее.

Официантка тоже уловила двусмысленность. А Гаваец, словно тяжелый танк, уже попер в лобовую.

— Или нам не стоит терять здесь времени? Четыре часа! Три часа! Два... Я умру от горя и одиночества, если через десять минут передо мной не появится кто-то, кому я готов сдаться без боя!

— Неуютно тут у вас, — усаживаясь в жалобно скрипнувшее под его весом кресло, добавил Гаваец, — вот официанты еще спят. Ты-то чего проснулась?

Он вытянул руки перед собой и потянулся, зевая, отчего рукава форменки отползли до локтей, обнажая бугристые, перевитые венами мускулы. А после зевнул еще шире, прикрыв рот рукой и потянувшись сильнее. И форменка натянулась на его бицепсах, выступивших внушительными буграми.

— Они... Им на смену через час заступать, просто пришли пораньше, — лепетала, побледнев, девчонка, не в силах оторвать взгляд от великанской мощи пилота, — а я через час смену сдаю...

— Десять минут! И так это слишком много! И мы уходим. Я ухожу, — снизив голос, промурлыкал Гаваец.

«Все, редут пал!» — понял Джокт.

Официантка побледнела еще больше. Потом швырнула салфетку на землю и толкнула одного из официантов.

— Вставай, твоя смена.

Сама же она прошла в небольшую пристройку-киоск, служащий, по-видимому, и кухней, и подсобкой.

— Слушай, что это за волчицы здесь собираются? Куда ты меня привел? — удивленно спросил Гаваец. — Если бы мне рассказали, я бы ни за что не поверил, что могу НАСТОЛЬКО пользоваться спросом.

— Да я и сам толком не все знаю. Слышал, что здесь собираются девушки, мечтающие свести короткое знакомство именно с военными. Так что нашей братии здесь самое место!

— Все равно как-то не по себе становится. А деньги они берут? Ну за свои услуги...

— Нет. Наоборот, даже угостить вином готовы, только бы ты оставался рядом.

Она появилась меньше чем через десять минут, будто и впрямь поверив угрозе Гавайца. И перемена, произошедшая во всем ее облике, могла сравниться разве что с трансформацией гусеницы в бабочку.

Никаких вещей, из-за которых ее можно заподозрить в принадлежности к обслуге бара. Халат, передник, белые босоножки — все

исчезло. Милое личико сменилось чарующим лицом прекрасной женщины. Ярко накрашенные губы, из-под которых выглядывает вздрагивающий язык, порождали желание немедленно прижать ее к себе, попробовать их на вкус... К тому же эти губы напоминали сейчас сочные дольки апельсина — видна была каждая складочка, они увеличились в объеме как минимум в два раза.

«Когда она успела все это проделать? — восторгаясь и изумляясь скорости перевоплощения официантки, вздрогнул Джокт. — Или это не она, а просто в киоске находилась другая девушка?»

Над губами, обретшими чувственность, притаилась маленькая мушка, как раз под плавными крыльями носа. Еще голодными выглядели ее глаза, неожиданно большие, с длинными пушистыми ресницами, подведенные черной тушью. Голодными казались и оттененные строгими бледными тенями скулы. Белые виски, белый лоб, прекрасная маска, на которой жили только пронзительно-зеленые глаза и алые губы. Руки — наглухо закрыты длинными черными перчатками. Между краями перчаток и блузкой в обтяжку — белые острые плечи. Блузка — черная. Такого же цвета бархатная юбка, заканчивающаяся там, где только начинались у девушки ноги. Эту юбку не нужно было даже оттягивать, чтобы стали видны шелковые подвязки ее чулков.

Одновременно с этим Джокт заметил еще одну перемену, произошедшую с девушкой.

— Ну что, великан? Понравилось, как я исполняю твои прихоти?

Видимо, Гаваец, у которого все в порядке было только с теорией, в практике не преуспел. Потому что при виде изменившегося облика недавней простушки-официантки, у него отвисла челюсть. Гаваец держал глаза навыкате, поедая ее всю, целиком, и не справился ни с бледностью — первым признаком смущения, ни с дрожью в голосе.

— Понравилось...

— Тогда посмотрим, как ты сумеешь исполнить мои прихоти.

Она провела языком по губам, подтянула невидимую складку на чулке, чтоб стало видно, какие стройные ноги они облегают. И Джокт увидел чудо из чудес — как полыхнули огнем уши Гавайца. Признак второй. Бравада обернулась беспомощностью.

— Я... Э... Постараюсь. — Он обернулся в поисках поддержки к Джокту. — А что вы... ты... имеешь в виду?

— Скоро узнаешь. На друга своего не смотри. У меня нет переносных светильников, и ему просто нечего будет держать.

Может быть, Гаваец еще что-то хотел сказать, но одна ее рука уже легла ему на плечо, и затянутые в перчатки пальчики поскребли по-кошачьи — пойдем!

— Кстати, можешь не беспокоиться о друге. Я успела вызвать для него подружку, и скоро она будет здесь. Так что, — теперь уже она обратилась к Джокту, — можешь выпить две чашки кофе, раз Великан торопится. Ты ведь торопишься, правда?

Опять руки на плечах и снова игра пальцами.

«Вставай же, дубина!» — чуть было не подсказал Джокт, но Гаваец понял, насколько глупо выглядит со стороны его неподвижность под этим ласковым, но еще более грозным, чем надвигающийся «Шарк-3000», натиском.

— Я... Мы пойдем, Джокт. — Была ли во фразе Гавайца вопросительная интонация, Джокт не стал гадать.

— Да, мы пойдем! — В ее словах такой интонации точно не было. — Нескучного тебе дня, пилот!

К террасе плавно опустилась «Лама», городской гравискутер, и парочка умчалась.

— Как все просто и быстро! — невольно вырвалось у Джокта.

Но потом он пришел к очевидному выводу, что в подобном месте, где такие скоропостижные знакомства происходят помногу раз на день, было бы удивительно встретить официантку, не относящуюся к той категории женщин, которые...

Джокт так и не смог найти подходящего определение. Да и времени для размышлений на эту тему уже не осталось. Потому что вслед за отплывшим скутером появился другой.

— Как я рада, что меня не обманули! Ой, какой галантный кавалер меня ждет! Даже кофе заказал! Эй, а мы раньше не встречались?

«Галантный, ничего не скажешь!» — со злостью на самого себя за то, что вообще пришел в этот парк, подумал Джокт, пряча глаза.

Перед ним стояла Эстела.

Глава 5

Похоже, она тоже его узнала, потому что замерла, остановившись и обдумывая что-то, и только потом присела на краешек кресла.

Назревал момент, который Джокт уже наблюдал — когда Лиин вот так же замерла после его невольной выходки в офицерском заведении, взвешивая, уйти или остаться, и выбрала первое. Здесь

тоже было кафе, столик, чашки с дымящимся кофе. Вот только вместо Лиин за столиком сидела другая девушка. И Джокт обошелся с ней просто по-скотски. Теперь ему неожиданно захотелось оправдаться в глазах Эстелы. Вот уж кто действительно не сделал ему ничего плохого!

— Да. Мы встречались. Только ты была со мной, а я — совсем с другим человеком. Оба этих партнера сделали нам больно.

Вовремя вспомнив, что любое действие или неловкая фраза способны отпугнуть Эстелу, он замолчал, предоставляя решить ей все самой. Но смотрел прямо в глаза. Без вызова, не изучающим и не пустым безвольным взглядом. Что-то среднее между корректной учтивостью и интересом — что же она решит?

— А я ведь даже запомнила, как тебя зовут... — Эстела ответила таким же взглядом, — и как зовут ту, другую...

— Звали. Так вернее.

— Я понимаю. Зачем было бы пилоту, имеющему близкую подругу, настойчиво тащить меня в скутер? Такие пилоты не идут напролом, они словно крадутся...

— Она не была мне другом. И вообще тогда казалось, что ты сама посадила меня в скутер и задала направление полета.

— Разве? — Наконец-то на ее лице мелькнула слабая усмешка. Похоже было, что она на что-то решилась.

— Хочешь попробовать еще раз? Учти, тогда ты напугал меня до смерти. И я не уверена...

— Да, Эстела. Сейчас у меня нет никакого разлада с самим собой. И нет Лиин.

— Стоп! — Эстела села поудобнее и взяла чашку обеими руками. Джокт тут же отметил, что ногти у нее такие же длинные и такие же кроваво-красные, как в предыдущую встречу.

То, что произошло между ними, он решил называть просто встречей. Чтобы не вспоминать, чем все закончилось и из-за чего так произошло.

— Почему-то все пилоты Внеземелья любят рассказывать нам свои житейские истории. Те, кто регулярно посещают Землю, или Европу, или вообще несут службу в пределах Солнечной, ведут себя по-другому. Погрязли в искушениях, наверное, пресытились... Не знаю. А внеземельщики всегда говорят о других женщинах. Я сразу попрошу тебя — ни единого слова о бывшей подружке. Я не жилетка, в которую можно поплакаться. И запомни на будущее: знакомясь с женщиной, никогда не рассказывай ей... Так можно только начать знакомство, и то — больше, чтобы дать понять, что ты

одинок и свободен. А потом никогда не возвращаться к этой теме. Потому что никто из женщин не любит сравнений, и абсолютно все мы невольно ими занимаемся. Наше первое знакомство состоялось, будем считать, ты выговорился и... Договорились?

Джокт кивнул. Его изумила ее речь, потому что в прошлый раз Эстела показалась ему глупой хохотушкой, пустышкой, ведь он посчитал ее...

— Ты думаешь, мы все здесь шлюхи? — Теперь Эстела улыбнулась открыто, не таясь. — Учти, я умею читать мысли! Ну-ка, ответь — ты действительно так думаешь?

Джокт снова кивнул. Весь разговор начал казаться ему каким-то нереальным.

— Вот! Я так и знала!

— Знала, что я посчитаю тебя... ну... шлюхой?

— Нет, что ты признаешься в этом! Запомни тогда правило второе... Хочешь получить максимум удовольствия, обращайся даже со шлюхами как с королевами. Когда ты пользуешься платком, ты же не вываливаешь его после в грязи только за то, что он — не древнее знамя?

А затем улыбка исчезла, уступив место сузившимся глазам и сжатым в кулак пальцам.

— И запомни третье, Джокт. Я не шлюха. Ни я и никто из девушек, что сюда приходят. Это потом, когда некоторые из нас попадают в Крепостные Эр-Пэ-Ве, вы сами делаете из нас шлюх. Я — Эстела, и все. Мне никогда не стать штурмовиком или пилотом. И то, что я делаю...

«Добровольное общество содействия армии и звездному флоту», — Джокт вспомнил фразу, случайно услышанную когда-то от Спенсера.

— Пилоты не пользуются платками, — невпопад сказал он.

— Знаю. Модификации позволяют навсегда забыть про кучу человеческих болезней. Я знаю все обо всем! И принадлежность к истребительному флоту, — она коснулась эмблемы на комбинезоне, и это интимное касание чертовски взбудоражило Джокта, — и технические характеристики твоего истребителя, и состав эскадр Большого, вспомогательного и истребительного флотов у каждой из Крепостей. Могу даже пароль угадать, хочешь?

— Какой пароль?

— Я знаю даже то, что представляет собой ваш Первый Боевой...

— А это откуда? — невольно вырвалось у Джокта, и в сознании тренькнул сигнал тревоги: а может быть, эта встреча — вовсе не

случайность? И именно таким образом офицер особого отдела пытается, как он сам говорил, «кое-что разузнать дополнительно»?

— Оттуда. Не все же вымещают на мне прежние недомолвки с подругами. Некоторые и просто поговорить успевают. Но ты не переживай. Что знаешь ты, знаю я. И также никому другому не расскажу. Нужно было получше подготовиться, Джокт, перед тем как идти сюда во второй раз... Слышал о таких — футбольных болельщицах? Так вот они знают об игроках все, даже то, чего не знают их жены. Я уже не говорю о том, что сколько существует футбол, женщина — капитан болельщиц спит с мужчиной — капитаном команды. Это не измена. Это традиция. И мы все здесь, в Парке, — капитанши-болельщицы, а вы, пилоты, наша команда. Дошло?

До Джокта дошло. Он сам когда-то играл в институтской команде, и у них была группа болельщиц. Капитанша болельщиц спала с капитаном команды, а остальные ему завидовали. Потому что его подруга была лучшей из лучших! Девочка-лето, как называли ее за медовые волосы, в которых всегда, днем и ночью, была вплетена ленточка с эмблемой их футбольного клуба.

Лучшая из лучших. Такая же, как Эстела.

Теперь все встало на свои места. Ведь девушку-лето никто никогда не смел называть шлюхой. Любого, кто обидел бы ее, ждала неминуемая расправа.

— Я понял, Эстела. И...

— Ну, — опять появилась улыбка, она подбадривала, как и касание руки, — и что же ты хочешь теперь сказать мне, пилот Джокт?

И он пролепетал какую-то чушь насчет того, что будет нежен с ней, что первый раз не в счет...

— Дурачок. — Эстела провела пальцем по его губам, одним шагом пересекая все границы, так что кроваво-красный ноготок чуть-чуть проник внутрь, дотронулся до языка и оставил во рту волнующий шоколадный привкус. — Мне не нужна твоя нежность. Тогда, в горах, ты почти угадал, что мне нужно. Просто нам помешали... Помешала, — поправилась она, не упоминая, впрочем, имени Лиин. — Моя мечта — побывать с тобой в эскадренной атаке, хочу ползти через Прилив навстречу победе, кричать от радости, как кричишь ты, когда твоя цель поражена! Смотри на меня, считай меня лучше шлюхой, чем сумасшедшей! Буду твоим истребителем, ты только дай мне все это, Джокт! Ты — капитан, я — твоя болельщица, и тебе не победить без моей поддержки!

Скутер свечой взмывал вверх, а потом проваливался к самой поверхности, едва не задевая гравиподушкой тротуар. Эстела не

стала включать автоматику, и вела машину сама. Теперь ей не нужно было изгибаться, чтобы обнажать бедра. Наоборот — одна нога, та, что должна находиться на педали торможения, демонстративно поджата, тело чуть откинуто назад, чтобы можно было вытянуть во всю длину другую ногу, утопившую педаль ускорения. Губа закушена, левая рука сжимает джойстик управления, правая — безвольно повисла вдоль тела. Джокт понял, почему она так сделала, и сжал ее ладонь в своей, почувствовав ответное пожатие. Секунда, и кабина скутера откинута! Теперь встречный воздушный поток заставляет слезиться глаза и развевает волосы Эстелы.

Джокт неожиданно представил Эстелу, сидящую в навигационном кресле «Зигзага», и видение поразило его. Он ведь часто ловил себя на том, что закусывает губу. И еще он понял, чего не хватает этой поездке на скутере — исчезающих, растворяющихся в обзорных экранах броневых плит, обшивки, оружейных турелей — тогда иллюзия смогла бы стать полной! — и единения с окружающим пространством!

— Еще, Джокт! Еще! — кричала она позже, широко раскрыв рот с размазанной вокруг губ помадой.

Кричала так, как делал бы это в бою Джокт, отдавая приказ уходящей к вражескому строю торпеде. — Давай! Ну же, давай!

Казалось, что Эстела ободрала всю кожу со спины, будто это экзоскелет СВЗ проводил компенсацию, сдавливая тело после прохождения пика перегрузок. Дыхание сбивалось, и ее, и его, а потом обретало общий ритм, как и все остальное: руки, тела, мышцы ног.

— Еще! — Теперь ей не хватало воздуха на крик, но она требовала, сжимая Джокта бедрами, буквально вдавливая грудь в его пересохшие губы.

Светлые вьющиеся волосы, собранные в пучок на затылке, растрепались, и теперь мокрые, шальные пряди стегали Джокта по лицу, по шее, опускаясь все ниже, и вот они коснулись его напрягшегося живота, а ему остались только пальцы, тонкие, длинные, с кровавыми каплями ногтей. И он обхватывал их губами, ощущая вкус шоколада.

Никакого возбуждающего белья. Каждая складка ее тела заменила шелковую паутину, ямки над ключицами, колени, губы — все одновременно оказалось рядом. Вместо интимной музыки — грохот и вьюжные шорохи динамика, наполненные какими-то до боли знакомыми звуками.

«Наложение дорожек! — Джокт поразился собственной возможности ухватывать сейчас мысли на отвлеченную тему. — „Времена года“ Вивальди под двумя слоями мелодий, и еще что-то...»

Мысль исчезала. Вместо нее приходило облегчение, будто вся сущность Джокта, все его внутреннее «Я» выплеснулось в Эстелу через единственную микроскопическую точку соприкосновения.

Девушка забилась всем телом, словно в конвульсиях, а сам Джокт, кажется, закричал... И представилась ему смерть в гравитационном залпе, когда нет уже ни мышц, ни воли, и все сминается в бесконечно малый комок. Коллапсирующая плоть и искрящее, отключающееся сознание ищут выход и не находят. Остался только крик... Это все, что он смог сделать.

— Знаешь, если бы смерть была такой же... Я готов умирать хоть сотню раз, — сказал он, когда наступил перерыв.

Перерыв в том, что сложно было назвать любовной игрой!

— Посмотрим, сколько раз ты сможешь умереть сегодня, — ответила Эстела.

А потом все начиналось сначала.

Ты мой пилот, я твой истребитель, сказала она. Теперь он верил, и игра стала настоящим боем. «Вивальди?» — спросил Джокт. «Да, и Вивальди, не отвлекайся, слышишь? Это запись переговоров во время схватки... Еще, Джокт! Я — Эстела, попробуй только ошибиться. Еще!»

А ему казалось, это не она, а он сам дает позывной. Я — «Витраж»! Еще, Эстела! Больше никогда не ошибусь. Еще! Дай мне себя и бери, сколько хочешь! Я — Эстела! Я — «Витраж»! Еще! Вивальди, ее колени, все футбольные болельщицы, губы, высокая грудь, запах шоколада. Крика уже не было, только полное погружение в наслаждение. Бредовые мысли и перевернутая верх дном комната.

Снова непродолжительный бессвязный разговор чужими голосами, снова позывные.

— Джокт, Джокт... Я-то думала, что ты безнадежен...

Уже остывшие, после душа, они разговаривали, как два пилота, только что участвовавшие в одном сражении. Без стеснения, откровенность за откровенность.

Правда, Джокту пару раз пришлось прикусить себе язык, когда с него чуть не сорвалось что-то вроде «у меня ни с кем еще так не было». Потом все-таки сорвалось, но она только рассмеялась и подарила долгий поцелуй в губы. Он понял — если бы произнести то же самое, но с упоминанием имени Лиин, реакция была бы совсем другая.

— Молодец! Ты способный ученик, Джокт! Говори эту фразу всегда, даже после ночи с ледяной мумией. И мумия растает.

Потом она показала свою коллекцию — голографии звездолетов и боевых станций.

— Знаешь, что нравится мне больше всего из этого? — спросила она и, не дожидаясь ответа, ткнула пальцем в одну из голограмм. — «Зигзаг — 52». Основной истребитель Космических сил Солнечной. Пришел на смену боевому двухместному аппарату «Молния»... Экипаж — один пилот. Вооружение... Радиусы разворотов при различных режимах полета...

В своей любви к «Зигзагам» Эстела напомнила Джокту Спенсера, который вот так же, взахлеб, мог превозносить свою «Стелу».

Эстела знала все. И не только про истребители. Ее смело можно было отправлять сдавать экзамены по вооружению и теории навигации. Вот только этого мало, бесконечно мало для пилота.

— Как я тебе завидую, Джокт! — неожиданно загрустила она. — Летать на околосветовой скорости, побеждать в самой отчаянной схватке, погибнуть — с честью!

Почти слово в слово Эстела повторила девиз пилотов истребительного флота. А Джокт увидел набор специальных обучающих чипов.

— А это тебе зачем?

В рекордере замелькали длинные ряды знаков и чисел, сопровождаемые звуковыми сигналами и пояснениями невидимого специалиста.

— Это тот язык, на котором общаются между собой навигационные и тактические вычислители. Для пилотов все просто: данные на дисплее понятны, системы функционируют, сообщая свое состояние. Но чтобы научить их это делать, нужен вот такой язык. Это я в общих чертах поясняю. Я заочно обучаюсь в Глобальном институте информации и информатики. Три «И», слышал? Скоро смогу оказать настоящую помощь флоту. Я же говорила, болельщицы всегда идут за своей командой.

— Но почему не дневное отделение? Интерактивное преподавание это одно, а лекции полного формата, да еще проводимые специально подготовленными преподавателями, совсем...

— Тогда ты никогда бы меня не встретил и не узнал, как это бывает на самом деле! — Она улыбнулась, но улыбка вышла грустной, — Джокт, ты хотя бы представляешь, во сколько может обойтись такое обучение? Для избранных, чьим детям позволено многое, в том числе получать лучшее образование, это не сложно. Для меня...

— Но ведь ты готовишься работать для обороны Солнечной! Какие-то льготы... Ты ведь не в институте искусств пожелала учиться!

— Знаешь, в моей группе, обучающейся по одной программе, двенадцать тысяч человек. Таких групп по всей Солнечной великое множество. Неужели ты думаешь, что для всех нас найдется нужное количество преподавателей?

— Нет, наверное... Но должен быть хотя бы один шанс. Пусть не для всех, для тех, кто имеет самую лучшую успеваемость...

— Нет, Джокт. У нас нет такого шанса. По окончании курса обучения я стану инженером-наладчиком вычислительных терминалов. Кто-то поднимется только до уровня обслуживающего оператора. Но никому не будет позволено достигнуть высшей квалификации. И руководителем я смогу быть разве что самого низкого ранга.

— Не понимаю...

— Джокт! Ты был курсантом, потом — пилотом-стажером, теперь ты действительный пилот в звании первого лейтенанта. Скажи, сколько еще ступенек есть для тебя на этой лестнице?

— Ты имеешь в виду...

— Можешь ли ты дорасти до командора? Управлять всеми истребительными группами твоей Крепости? Или хотя бы руководить всей предполетной подготовкой? Навряд ли.

— Нет. Но я к этому и не стремлюсь.

— Правильно. А знаешь, почему? Потому что никто никогда не давал тебе повода мечтать о такой карьере. Для тебя ее просто не существует. И максимум, чего ты сможешь достичь — это командования группой и звания подполковника, чтобы выйти в отставку полковником. Только... Очень мало действительных пилотов становилось подполковниками. Почти для всех лестница обрывается на майорском звании. Это может быть очередной вылет, где Бессмертным повезет больше, чем пилотам твоей группы и, естественно, тебе самому. Еще это может оказаться неожиданно наступившее сумасшествие, какая-нибудь еще бледная немочь. И наоборот — очень редко те, кто становится командорами, хотя бы пять лет были до этого действительными пилотами-истребителями. Поверь. Для того чтобы достичь звания командора и принять под свою руку командование линкором или весь крепостной истребительный флот, нужно другое... Догадываешься?

— Почему ты так говоришь? Это несправедливо. Никакой командор не сможет руководить подразделением, если сам он когда-нибудь не начал идти по лестнице, как ты выразилась, с первой ступеньки. Первым или вторым лейтенантом.

— А я и не утверждала, что командоры никогда не были лейтенантами... Ладно, Джокт, давай забудем этот разговор. Он совершенно сейчас ни к чему.

С этим Джокт согласился, потому что не желал, чтобы чудесное время, проведенное им с Эстелой, закончилось вот таким серьезным разговором. Проблемы, на которые она открыла ему глаза, никак не решались, если о них говорить. А больше ничего и не существовало для их решения. Джокт вспомнил Гонзу — отличный пилот, майор, командир группы. Какие шансы он имеет уцелеть во всех боях, которые еще предстоят? Разве что теоретические. Еще существовал путь в элитарные отряды. «Фениксы» и «Саламандры». Но ведь это тоже не гарантия долгой и счастливой жизни. Быть может, совсем наоборот.

Джокт вздохнул, пытаясь прогнать все эти никчемные размышления прочь. Эстела, заметив его состояние, лишь шевельнула бровями.

— Прости. Я не хотела. Хочешь еще заняться любовью?

Вот у нее избавление Джокта от невеселых мыслей получалось намного лучше...

Потом они просто лежали рядом на круглой кровати, Эстела курила, а Джокт недовольно морщился, что, впрочем, не мешало ей делать затяжку за затяжкой.

— Знаешь, ты оказалась права, — нарушил он молчание.

— В чем? Мне показалось, что эта тема...

— Нет-нет! Ты права в том, что раньше я действительно не знал, как Это бывает по-настоящему, на самом деле, — повторил он ее же слова.

— Я рада, что пришлась тебе по вкусу. Только что-то меня смущает твой телячий взгляд... Слушай, Джокт! А может быть, ты уже влюбился в меня? Такое бывает, хоть это и смешно.

— Я... нет... да... Я не знаю, — растерялся Джокт.

— Ну и молодец! Ни в коем случае не привязывайся ко мне. Ни ко мне, ни к другим девушкам, с которыми можно познакомиться на Площади Цветов.

— А ты? Ты сама ни к кому не привязана? — сам не зная, какое может быть продолжение у его вопроса, все же спросил Джокт.

Где-то внутри, втайне от разума, зашевелилось ожидание чего-то такого... Ну он не против был бы сейчас выслушать объяснение в любви или хотя бы ответное признание, как ей было с ним хорошо и почему бы им не договориться о встрече в следующий раз?

Вместо этого самолюбие Джокта оказалось уязвлено. И слова Эстелы оказались струями ледяного душа, которые разом смыли ощущение теплоты и покоя.

— Джокт... Прими, пожалуйста, мой последний совет...

— Ради тебя я готов. — Он все еще пытался подыграть собственным скрытым желаниям.

— Понимаешь, нельзя подменять высокие чувства простым инстинктом. Гони меня из воспоминаний, думай как о боевом товарище, пусть я стану безликим техником, подготавливающим твой «Зигзаг» к вылету... хотя, возможно, я и слишком многое о себе думаю...

— Нет, ты действительно, ты... я...

— Не надо. Сексуальная совместимость — ничто по сравнению с другой, просто человеческой совместимостью. Близость тел никогда не сравнится с сердечной близостью. Ты найдешь свою родственную душу, Джокт, я верю...

Он замер, напрягшись, потому что такое тоже происходило с ним впервые. С языка едва не сорвался глупый вопрос — почему? А она прочла мысли. Она действительно умела их читать!

— Я не шлюха, Джокт. Но и не восторженная наивная девчонка, что мечтает о принце. Люди часто ходят разными дорогами, просто иногда эти дороги пересекаются. Вот как у нас с тобой. Так что думай лучше о главном...

— О чем, Эстела? Зачем ты вообще все это мне говоришь?

— Выживи в бою, Джокт! И только после нашей победы, — она сказал «нашей», и Джокт не удивился этому, — сможешь искать человека, с которым ваши дороги не просто пересекутся, но станут одной, еще более широкой дорогой. Нельзя быть счастливым в смутное время, когда стоишь на краю пропасти. Через две недели все, возможно, решится, и тогда станет ясно — смогли ли мы преодолеть эту пропасть...

Две недели — срок ультиматума для Барона, подумал Джокт. Эстела, знавшая больше, чем положено знать обычному землянину, тоже говорит про две недели. Значит, все сходится, и прав был Барон... И она права в своем жестоком отрицании счастья.

— Я выживу, вот увидишь! И тогда снова вернусь к тебе, потому что мне будет тяжело тебя забыть.

— Ах, Джокт! Ты ничего не понял... Даже сотня оргазмов — это не повод для серьезных отношений. Пока тебе и не понять этого. Вы, мужчины, просто взрослые дети... Но я знаю... Думай о главном, а остальное придет само. Ты поймешь, когда это случится. Обещаю. А пока — возьми вот это. — И в его руке оказалась небольшая

голограмма, на которой Эстела в легкомысленной юбке, раздутой колоколом, слала воздушный поцелуй.

— Только не нужно думать, что я противоречу своим же словам. Просто хочу быть рядом — через две недели... Пора, пилот. Будет глупо, если из-за меня тебя сочтут дезертиром.

Часы безразлично отсекали минуты. День был полон этими минутами почти до краев, и оказалось, что Джокт опаздывает на Лунный причал, где ждали его у секции девятьсот девяносто девять — три девятки, легко запомнить — командир Гонза и все остальные.

А ведь она нарочно не отпускала его до последних минут, вдруг понял он, чтобы просто не осталось времени на разговоры... Их губы встретились в последний раз, пилот приготовился к легкому касанию, как целуются иногда просто друзья. Но вновь оказался обескуражен той неподдельной страстью, что уместилась в единственный поцелуй. Мягкий, обволакивающий, такой влажный и волнительный, что всего лишь секунда отделяла его от безумного решения продлить удовольствие.

Она плавно отстранилась, посмотрела в глаза и молча открыла перед Джоктом дверь. И все слова сразу же растворились в коридорном сквозняке.

Словно сомнабула, Джокт спустился в лифте. Обычном, допотопном лифте, скребущемся тросами по шкивам. Где-то наверху электромотор издал низкое глухое урчание, а после этот звук взлетел сразу на две октавы вверх. И был подъезд, в который входили и из которого выходили вот так же множество пилотов, побывавших у Эстелы. И он все понимал, и не понимал одновременно, а может быть, виной всему близкая осень, о которой Джокт только знал, но не мог ее почувствовать. На стене, рядом с подъездом, красовалось граффити: «Осенью все птицы летят на юг». И ему показалось, что только Эстела во всем этом большом доме могла написать такие глупые и грустные слова.

Мегаполисы. Урбанистические пятна, ставшие основными деталями земного пейзажа, различимые с орбитальных высот и искрящие за пределы Солнечной своими потоками излучений. Здесь смотрели видео, радиостанции выбивались из сил, пытаясь в узости радиочастот пробиться к своим слушателям. Тощие реликтовые леса окружали нечеткие границы пригородов, и совершенно в случайных местах были странные парки вроде Площади Цветов, где можно встретить странных людей, таких как Эстела.

Когда-то Лиин пыталась доказать ему, что единственный путь в жизни — спрятаться за спины других, сделать самого себя каким-то

особенным и, замкнув маленький мирок, что только едва соприкасается с другими мирками, считать себя счастливым. Пилоты — пропащие люди, не стоящие внимания таких, как Лиин, вот какой вывод можно было сделать, слушая ее. А потом вдруг, как это часто бывает, весь свет опрокидывался, и оказывалось, что в нем есть другие женщины, верящие совсем в других мужчин и ценящие не столько будущее, сколько настоящее. Пусть Эстела была бабочкой-однодневкой для множества таких, как Джокт. Пусть крылья этой бабочки легки и невесомы и пестрят незатейливыми рисунками. Но она расправила эти крылья не для себя — для других. Вселяя уверенность, что в этом истина, что любой замкнутый мирок погибнет без другого, огромного мира. Прийти на Площадь Цветов без мундира — оказаться пустым местом в глазах всех бабочек-однодневок, которые там обитают. Странно, думал Джокт, как странно! Это жизнь, отвечал ему внутренний голос, и ты ничего в ней не изменишь, не важно — знакомы тебе правила игры или нет. Скорее всего, их просто не существует, и мы плывем по течению, все, без исключений, и каждый изгиб реки готовит новое открытие, новую встречу, очередную неожиданность.

Джокт, сказала Эстела, слова женщины нужно успеть записать на ветре и на водах быстрой реки. Еще никому не удавалось это сделать. Почему ты решил, что именно тебе удастся? Не привязывайся ко мне... Ни к кому... Мы на краю пропасти. Выходит, она, живущая на Земле, где только понаслышке знают о звездных сражениях и верят слухам о Бессмертных, что спрятались в горах или в песках, она лучше понимала, чем та, другая, что является еще во снах? Лиин была рядом, в Крепости, видела глаза пилотов, тех, кто вернулся из вылета, но не смог вернуть половину своей группы. И она видела мир наизнанку. А Эстела и все ее подруги — а их немало, Джокт был уверен в этом! — видели мир. Или, может быть, в том-то и дело, что здесь, на Земле, находясь вдали от форпостов, на которых каждый день готовит кому-то погибель, есть место для фантазий? Идиллий? Как черный звездолет в Приливе... Мысли путались, ускользали, на губах остался привкус шоколада.

Ему предстоял только один путь — к Лунному причалу. А после — в Прилив, к Крепости. А там... Что-то будет через две недели!

Похоже, что эта мысль его обрадовала. Он видел смысл своих действий, своей жизни в службе. Не служака, нет, а человек, расправивший крылья для других.

Межконтинентальная. Заполненный вагон. Люди, спешащие по своим делам и еще не знающие, что через две недели их дела могут оказаться пустыми хлопотами. И, наконец, Лунный причал.

Глава 6

Теперь здесь все было по-другому. Не так, как два дня назад. Отсутствовала толчея и даже намек на хаос, который поразил Джокта, когда он попал на Лунный причал в первый раз. Но это не означало, что людей здесь убавилось, совсем напротив! Просто сейчас все обрело организованность, четкость и слаженность. Группы! Вот что поразило Джокта. Не было толпы, были группы — большие и малые. Цепкий взгляд уловил движение перемещающихся групп, и все стало ясно. Большинство находившихся на Лунном причале было не чем иным, как направляемым к дальним форпостам пополнением. То здесь, то там мелькала офицерская форма, слышались лаконичные команды, после которых группа меняла направление, двигаясь уже не туда, куда можно, а именно — куда нужно. Армия, флот — единые организмы, которые не могут существовать без порядка и четкости действий. И прав был командир Гонза, назначивший место встречи возле конкретного терминала, потому что очередь на посадку и отправление к Луне оказалась длиннее цепочки минут, что были отмерены каждой группе.

Барон о чем-то беседовал с Гонзой, их окружали остальные пилоты, и Джокт облегченно выдохнул, потому что переживал за друга, так и не включившего свой идентификатор. Гаваец, что до сих пор пребывал в блаженной нирване, сидел на мраморном парапете чуть поодаль, ожидая Джокта, чтобы было с кем поделиться, как мало ему оказалось нужно для счастья.

Они пожали друг другу руки и обменялись многозначительными взглядами, но Барон так и не подошел, издалека помахав в знак приветствия и быстро стрельнув глазами наверх, где под высоченным потолком парили маленькие электронные соглядатаи.

Барон хотел, чтоб его постоянно окружали пилоты Гонзы, понял Джокт. Ну что же, ему виднее, возможно легкая паранойя вполне уместна в его положении.

Потом был подъем в энергетическом луче. Вместо авизо — малый десантный транспорт, подхвативший их всех и стартовавший к Приливу. Один из отсеков транспорта заполнила другая

группа — сотня или около того юношей лет девятнадцати-двадцати. На удивление молчаливых юношей. Джокт ошибочно приписал эту странность в поведении растерянности, которая является неизбежной спутницей всех новобранцев. И гадал теперь только об одном — какие курсовые группы пополнят эти новенькие? Пилотов-истребителей или штурмовой пехоты?

Он дважды ошибся в своих рассуждениях, потому что это была не растерянность. А юноши — вовсе не новобранцы... Ни Джокт, ни Гавалец, ни кто-нибудь другой не связали между собой прибытие странной группы и новшество, которое присутствовало вблизи Крепости.

Скопище новых, несколько необычных, как смог рассмотреть в бортовую оптику Джокт, истребителей висело черной гроздью рядом с «Австралией», и несколько космических буксиров перемещали их все ближе и ближе к шлюзам Крепости своими гравитационными полями.

— Ого! Смотрите! Это еще что за чудо? — Один из пилотов показал куда-то в сторону.

Там, в переливании искажающих полей, то появляясь, то вновь выпадая из оптики, мелькала круглая громадина.

— Это же «Кирасир»! Экраны, что ли, вышли из строя?

— Нет. Не вышли. Их снимают, — авторитетно заявил Гонза, — кто-то решил расконсервировать нашего монстра.

Кстати, теперь стало ясно, что буксиры волокут новые машины мимо Крепости. Видимо, полетные испытания уже были закончены. Единственным разумным объяснением было то, что вся «гроздь» направлялась к кораблю — прерывателю блокады.

— Ну вот, — вставил реплику и Джокт, — стоит покинуть «Австралию» на пару дней, как тут сразу начинается что-то интересное!

— Да уж, интересное. — Как в любом сообществе, тут же обнаружился скептик. — Только нужно ли вообще оживлять этого динозавра? Там, наверное, все устарело. Не те скорости, не то навигационное оборудование...

— Истребители-то — новые! — возразили ему. — А динозавру, как ты говоришь, энергоприемники только зарядить как следует, и...

— А это, как старушке — бантик!

Возник оживленный спор, мнения в котором разделились. Одни поддержали скептика, считая, что потраченные на расконсервацию и подготовку к боевому походу средства и силы напрасны.

— Это же чудовище! Прожорливое, просто «черная дыра»! Съедает ресурсы как три-четыре линкора! А вот какой с него будет толк — еще неизвестно!

— Нет! — отвечали другие, Джокт с Гавайцем оказались в их числе, отмалчивался только Барон. — Может быть, он и обходится как три-четыре линкора, но зато совмещает в себе силу тактического крыла! На нем и сверхдальняя артиллерия, и генераторы увеличенного радиуса действия... Это бригада мониторов, большой штурмовой транспорт и верный десяток линкоров в одном корпусе!

— В том-то и дело, что — в одном... Бессмертные и станут лупить в этот корпус, пока не развалят! И погибнет все сразу — бригада мониторов, штурмовой транспорт и сколько-то там линкоров! Случится то, что уже случалось.

— Тогда их не прикрывали истребители и крейсера! Теперь все может быть по-другому!

Спор затих сам собой, когда транспорт мягко качнулся в гравитационных захватах финишира. В центральном коридоре, объединяющем все отсеки, возникло движение — прибывшие вместе с пилотами новобранцы, какими они показались не только Джокту, сопровождаемые офицерами с эмблемами медицинской службы, нестройно прошагали к центральным сходням, предназначенным для выезда бронетехники штурмовых отрядов. Вот тогда-то и почудилось что-то неладное в поведении новичков.

Они шли молча, это раз. Не переговаривались ни с сопровождающими офицерами, ни между собой. Несмотря на то что одеты юноши были кто во что, у всех на груди имелось по значку со странной эмблемой. Таких эмблем в Крепости еще никто не видел. Это два. Третьей удивительной особенностью были взгляды. Равнодушные, ничего не выражающие — ни удивления, ни восторга, будто в первую секунду после сна. Вот только секунда эта растянулась до минуты, а потом зависла, сохраняя пустоту во взглядах.

Таких равнодушных взглядов у живых людей Джокт не наблюдал ни разу в своей жизни. Разве что по видео.

— На перевоспитание их к нам прислали, что ли? — вполголоса спросил Гаваец.

С таким же успехом он мог проорать что-нибудь прямо в ухо кому-то из проходящих, они все равно никак бы не отреагировали.

— Кого — на перевоспитание?

— Этих инфонариков, кого же еще?

И тут Джокт вспомнил. Инфонаркоманы, точно! Инфонарики, как называли их в видеопрессе, те, кто ушел в иллюзорную реальность глобальной И-сети, позабыв про настоящую жизнь. Этим могло объясняться и их поведение, и медики в роли сиделок. Но если присутствие медиков хотя бы наполовину можно было

объяснить, то чем можно объяснить отправку инфонариков на дальний форпост Солнечной, неужели действительно для перевоспитания? Джокт отбросил такую идею как изначально бредовую. И поделился своими сомнениями с Гавайцем.

— А почему про медиков — только наполовину объяснимо?

— Потому что медики — военные. Что-то тут не так, Гаваец...

Когда пилоты покинули транспорт, последними, между прочим, а перед ними вышла группа штурмовиков, человек в шестьдесят, Джокт кинулся разыскивать Спенсера. Видно, уже привык, что Спенсеру известны любые новости. Гаваец со временем обещал стать таким же всезнающим, но пока понимал ситуацию не лучше Джокта. То есть вообще ничего не понимал. Новые истребители, машины, о которых ни на занятиях, ни по слухам ничего известно не было. Расконсервация «Кирасира» — тяжелого корабля — прерывателя блокады, какие-то воспитуемые, которым самое место где-нибудь на задворках корабельных верфей или просто в больницах и интернатах, но уж никак не в «Австралии».

Однако Спенсера найти не получилось, тот пропадал где-то, не отвечая на вызовы коммуникатора. Пришлось идти к своему новому жилищу. После крещения Первым Боевым бывших курсантов перевели из общих казарменных блоков в пилотские жилые уровни. Теперь каждый попал в новое, непривычное окружение, хотя по возможности пилоты-новички старались устроиться друг к другу поближе — сказывались четыре года обучения, проведенные вместе. Уровень, на котором обитал Джокт, назывался общежитием для пилотов истребительного флота. Еще существовали уровни-общежития для экипажей крейсеров, вспомогательного флота и линейных кораблей. Причем жилые палубы линкоровцев наполовину пустовали, потому что на самих линкорах, базирующихся рядом с Крепостью, постоянно находилась часть экипажа, чтобы в экстренном случае привести корабли в боевую готовность, пока на них доставят остальных.

Особенного резерва мест для постоянно пополняемого истребительного флота не имелось. Часть пилотов разместили на палубе экипажей линейного флота, часть должна была занять места выбывших пилотов. О причинах, по которым такие места освобождались, новичкам вроде Джокта думать не хотелось. К чести старослужащих летунов такие темы, как «сначала в этом номере жил такой-то. Сбит. Потом такой-то. Задет лучом смерти. Третий — сожжен...», никогда не обсуждались.

Джокт, Барон и Гаваец пытались отстоять право обитать по соседству, потому что являлись членами одной полетной трой-

ки. Офицер комендантства, квартирмейстер, ответственный за размещение военнослужащих Крепости, резонно возразил, что это состояние — временное и что вскоре они наверняка будут разведены по разным тройкам, и тогда их аргумент сам по себе отпадет. Ситуацию, как ни странно, разрулил Гаваец. О чем-то пошептавшись с квартирмейстером, он все-таки договорился, что вся троица будет жить на одной палубе, в одном секторе коридора. Почти стенка в стенку, прокомментировал он такой исход переговоров.

Дело в том, что коридоры в Крепости были разные. Имелись замкнутые, те, что находились поближе к поверхностной оболочке и охватывали, словно обручи, шесть раструбов разгонно-маневровых движков «Австралии». Были и незамкнутые. Это те, что располагались у самого ядра Крепости, рядом с основными энергетическими установками. На нижних, незамкнутых ярусах, обитали штурмовики — и офицеры, и новобранцы. Срединные ярусы занимал персонал управления и обслуживания Крепости. Там же, на срединных ярусах, располагались офицерские заведения, включая Эр-Пэ-Вэ и медицинский комплекс. Ну а верхние ярусы занимали экипажи всех кораблей, приписанных к Крепости. Конечно же, самые близкие к поверхности — оболочке Крепости — замкнутые коридоры, шесть, по числу навигационных осей, заселяли пилоты истребителей. Чтобы оказаться быстрее всех на своих стартовых площадках в случае внезапной угрозы.

Первые дни Джокту казалось, будто там, над потолком его жилья начинается космос. Но это было далеко не так. Над самыми верхними коридорами находились палубы управления защитными средствами Крепости, посты гравиметеорологов и ангары с постоянно готовыми к вылету «Зигзагами». Крейсера хоть и не висели на орбитах, за исключением дежурной группы, пристегивались к Крепости захватами специальных, крейсерских финиширов и соединялись с ней коммуникациями снабжения и дозаправки квазеров и боекомплекта, а также переходами-сходнями для экипажей. Таким образом, часть поверхности «Австралии» служила для обслуживания крейсерского флота.

А еще были монолитные броневые слои, и слои с «активной», отстреливаемой броней, и обсерватории станций визуального слежения, и станции связи. В общем, отсюда далеко было Джокту до звезд. Но даль та — не навсегда... Сначала — скоротечный бой за спасение линкора «Инк», в котором тройка Джокта встретилась вовсе не с новичками. Чуть позже опять начались сюрпризы...

Вызвать Спенсера он так и не смог. Не успел. Не прошло и пятнадцати минут с момента, как Джокт оказался в своей каюте, думая, куда удачнее пристроить голограмму с Эстелой, как раздался вызов. Экстренный!

— Группа майора Гонзы! Всем истребителям — вылет! Группа майора Гонзы! Всем истребителям...

Тут же общий вызов по интеркому был продублирован через личный идентификатор, вживленный в предплечье. Теперь, когда Джокт стал действительным пилотом, вызов — нестерпимый зуд под кожей — мог застать его где угодно и когда угодно. Почувствовав такое, пилот должен немедленно мчаться к ангару, потому что все прочие вызовы отдавались лишь легкой щекоткой.

— Группа майора Гонзы!

В коридоре он столкнулся с Бароном и Гавайцем. И где-то, за изгибами коридора, почти километровой змеей свернувшегося вокруг оси двигателя, торопились, слева и справа, еще двадцать шесть пилотов. Сам Гонза жил у противоположного полюса Крепости. Но это не имело значения, эскалаторы боевого дежурства доставили к ангарам всю тридцатку одновременно с их командиром.

Широкая дверь скользнула в сторону, пропуская Джокта к его «Витражу». Дежурный техник, осуществляющий обслуживание и подготовку истребителя к вылету, уже укрылся в герметичной кабине контроля за стартом.

Это был не тот ангар, где Джокту впервые довелось погладить корпус тогда еще безымянной машины, ставшей затем «Витражом». Тогда истребители находились в «общем» стартовом ангаре, предназначенном для использования при обучении курсантов. В Крепости имелось два таких ангара. Подумать только! Когда-то Джокт едва справлялся, и не без помощи индапа, со страхом промахнуться мимо створок учебного ангара, снабженного к тому же двойными гравитационными финишерами. Ему представлялось, что он не рассчитает и влепит учебный истребитель мимо створок, и даже не смерти боялся, а позора. Но это чувство быстро пропало, когда курсанты убедились в надежности навигационного оборудования, позволявшего производить финиш на подлетной скорости до пяти десятитысячных световой. Энергия, погашенная гравитационными захватами, отправлялась в энергетические накопители, а ведь это невообразимо большая цифра! Любой отказ финишира неизбежно привел бы к катастрофе, учитывая даже эти десятитысячные доли от полной световой скорости. Теперь пилотам приходилось вылетать и финишировать через узкий коридор, выделенный под индивидуальный стартовый ангар.

Сейчас в таком ангаре был только Джокт, техник, укрытый в своей кабине, и сам «Зигзаг», в котором уже производилась запущенная техником дистанционно программа предполетной проверки навигационных и стрелковых систем. Боевое снаряжение истребителя, кроме случаев специально подготавливаемых вылетов, разумеется, составлялось по схеме «пополам». Половина лотков на арсенальных подвесках занята торпедами, половина — Имитаторами целей. Некоторые опытные пилоты заранее просили техперсонал снаряжать их машины парочкой гравитационных ловушек, в ущерб остальному вооружению. Ни Джокт, ни Барон с Гавайцем, не считали себя подготовленными к вылетам в неизвестность без достаточного количества торпед и Имов. Тем более что даже того набора наступательного и оборонительного запускаемого оружия — шесть торпед, шесть Имов — не всегда оказывалось достаточно. Постановка ловушек — особое искусство, оттачиваемое практикой. Четверка Монса, несшая только ловушки во время Первого Боевого — это так, импровизация, как оказалось впоследствии. И просто счастье, что эта импровизация тогда удалась.

Для регулярных вылетов с полетным заданием «Альфа», несмотря на то что это — прямолинейная схватка, без всяких там стратегических изысков, ловушки тем не менее тоже были необходимы. Но в небольших количествах. И выставляли их посреди схватки только самые подготовленные пилоты, которые умели различать рисунок боя с первого взгляда, когда пилотам-новичкам еще ни черта не было ясно.

Зеленый свет на табло, прямо над входом в стартовый коридор! Значит — истребитель к старту готов.

СВЗ хранится тут же, в запирающейся нише, и надеть его для обученного пилота — секундное дело. Нужно просто шагнуть в имеющийся на тыльной стороне скафандра раскрытый шов, по-бычьи согнув шею, и попасть в рукава. Потом шов герметично запечатывает пилота внутри скафандра, и остается сделать несколько шагов под брюхо истребителя, где уже раскрыт шлюз. Подъемный стакан доставляет на четырехметровую высоту, и под ногами срабатывают криогенераторы. Компенсация термоперегрузок вследствие работы разгонного движка — это не единственное их предназначение, и вместе с запуском внутренних генераторов холода включались внешние криогенераторы ангара. Вся точная аппаратура «Зигзага», все системы, агрегаты и детали обшивки при этом получали превентивный «термошок», чтобы быть готовыми к попаданию в крайне агрессивную, недружелюбную к людям и технике среду, где

властвует космический холод и потоки всевозможных излучений. Всего несколько стартов без соответствующей подготовки развалили бы истребитель вернее гравитационного залпа Бессмертных, потому что мало какой материал способен выдержать мгновенный перепад почти в триста градусов.

Положенное на предстартовую подготовку время истекло, и Джокт плавно коснулся педали ускорения, стронув ее буквально на толщину нескольких человеческих волос, потом так же плавно повел джойстиком управления, сразу устанавливая восходящую траекторию старта. А кислород уже стравлен из ангара, иначе — атмосферный старт и все-все последствия, самое страшное из которых — начало обратной реакции в гравиквазере, космическом веществе, используемом для работы движков и генерирования полей гравитации.

Внешние створки ангара, отделяющие его от стартового коридора, исчезают мгновенно, будто их и не было там, куда нацелен узкий хищный нос истребителя. Теперь вместо них проглядывает вечная чернота космоса и пара синих точек — далекие звезды Галактики. Может быть, к одной из этих точек придется сейчас добираться через Приливы. Может, цель их вылета намного ближе или, напротив, — дальше. Прилив — тысяча двести семьдесят две секунды — игнорирует все прочие длительности.

«Отчаянным человеком был Пикшин! — часто думалось Джокту. — Прыгнуть сломя голову, окунуться на старенькой „Молнии-М" в вязкую муть Прилива, не зная даже, что это такое и что ожидает в нем. А после не потерять голову от страха там, где спасовали все навигационные приборы, так и не нашедшие привязок, а точно, без всяких гравирадаров — их ведь тогда еще не существовало! — войти обратно в приливную точку. По собственным следам. По воспоминаниям об этих следах. На ругани и невероятном везении! Что там — спасение линкора! Что — Первый Боевой! Это уже рутина. Вот он, всем подвигам подвиг!»

Чернота начала проступать со всех сторон, окружая Джокта. Это включились обзорные экраны. Теперь за спиной громоздилась поверхность Крепости, кажущаяся гигантской тенью какого-то невидимого, загадочного объекта, вызывая фантастические, непередаваемые ощущения. Нет больше «Зигзага». Он — вокруг, но его нет. Синяя стрела позади — след работы движка, СВЗ и навигационная панель. И больше ни-че-го! Ах да! Космос... В нем растворяется силуэт истребителя и все человеческие эмоции. Они ведь — ничто перед вечностью и бесконечностью...

По имеющейся статистике пятая часть всех пилотов-истребителей Солнечной не пользовалась режимом полного сферического обзора. Теряли уверенность, терялись сами в этой бесконечности пространства, таких не спасали даже индапы. Хотя при выключенных экранах или при ограниченном их использовании эти двадцать процентов пилотов действовали так же, как и остальные. Для Джокта полный обзор был чем-то вроде дополнительного допинга. Он чувствовал себя маленьким божком в собственных владениях, то есть абсолютно комфортно. К тому же связь с истребителем, ощущаемая через органы управления и навигационную панель, никуда не исчезала. Напротив, было приятно знать, что помимо скафандра от бездны тебя отделяет еще один — незримый, но постоянно присутствующий рядом друг. Быстрый, маневренный, и очень, очень опасный для твоих врагов!

А вот старт миниджетов с борта линкора происходил совсем не так, по-другому. И Джокт в этом однажды убедился, когда при обучении производились вылеты на «Вариорах» с линкора «Февраль», на время предоставившего свою стартовую палубу курсантам. Не секрет ведь, что многие из тех, кто не смог стать пилотом истребителя, зачислялись именно в «карманный флот» линкоров, то есть на миниджеты. С одной стороны — двадцать вылетов и почетная отставка, потому что у организма не остается биологических ресурсов для дальнейшей работы, с другой — перевод с повышением в экипаж корабля Большого или Вспомогательного флотов. Это — если хоть что-то осталось, что позволяет не застывать по ночам статуей с распахнутым в немом крике, перекошенным ртом и со сведенными судорогой мышцами по всему телу. Но то всего лишь последствия, мучительные, однако не смертельные. Джокт знал, что двадцать вылетов на миниджете — совсем не то же самое, что даже в два раза больше вылетов на «Зигзаге». Он хорошо запомнил присутствовавшую на застольном полупразднике-полупанихиде в «Стокгольме» небольшую группу пилотов миниджетов с «Инка». Сколько их там было? Одиннадцать человек, которые держались обособленно, пряча взгляды, исполненные мрачности. Космос! Да ведь с ними никто из остальных даже словом не перекинулся! Одиннадцать человек... Из восьмидесяти... Им достались награды, но только воспоминания о смерти остальных — подавляющего большинства пилотов «Вариоров» с «Инка», видимо, затмевали радость и без того спорной победы.

Линкор производит запуск миниджетов, когда рядом больше нет никого, кто смог бы прикрыть его от прорвавшегося сквозь

заградительные залпы врага. Пусть даже целому соединению «Кнопок» не уничтожить линейный корабль (если это, конечно, не элитары вроде «разрисованных»), но вот нанести существенные повреждения, например вывести из строя все внешнее навигационное оборудование, они могут. И гигантский корабль превращается в циклопа с выколотым глазом — тупая, бьющая через край энергия, пропадающая зря. Такой ослепший, потерявший ориентацию и возможность вести позиционный бой корабль с легкостью добьют крейсера и линкоры противника. Поэтому, когда часть «Кнопок» все же прорывалась к линкору, не прикрытому в силу разных причин крейсерами и истребителями, вот как «Инк», например, на обеспечение сохранности его внешних систем и надстроек вылетали миниджеты. Короткий кинжал, которым приходилось отмахиваться от длинных шпаг! А фехтовал враг умело!

Миниджеты уступали «Кнопкам» и «Вельветам» во всем, от вооружения до скорости и маневренности. Но зато превосходили и, как правило, побеждали врага именно численностью. А вот в условиях, наподобие тех, в которых оказался «Инк», гибли целыми группами. Одиннадцать человек из восьмидесяти — слишком большая цена и слишком тяжелый груз, который каждому из выживших пилотов «Вариоров» придется теперь носить на душе. Нет, это не про страх в бою... Ведь страх стирали из сознания индапы, превращая пилотов в человекоторпеды, как говорил сам себе, и никому больше, командор Беркли. В бою они не могли ничего испытывать, но вот после... Да, теперь это мог быть и страх, и бесконечные депрессии, заканчивающиеся, как был наслышан Джокт, растоптанным индапом и вскрытыми венами. Редко, но все же... Примеривая на себя состояние пилотов «Вариоров» после такого боя, Джокт содрогался. Действительно, впору было вешаться от такого груза! Впрочем, сейчас его мысли были не о том...

Когда линкор вступает в сражение, все пилоты миниджетов готовы занять места в своих крошечных планетолетиках. В случае вражеского прорыва старт производится мгновенно, ведь отсчет идет на секунды. Какие уж тут предстартовые процедуры! Никаких криогенераторов, никаких особых предполетных проверок. Просто рвутся заменяемые герметичные мембраны стартовой палубы, и джеты сразу оказываются нос к носу со смертью. Время такого боя тоже исчисляется секундами, реже — минутами, потому большой запас гравиквазеров для миниджетов и не нужен. Их самих — машины, не людей — заменяют после каждых шести-семи вылетов. Больше не выдерживают композиты, из которых изготовлялась

их обшивка, да и вся бортовая электроника. Правда, электроники той было — раз в сто меньше, чем на «Зигзаге», да и классом она пониже. Вот, кстати, как ни парадоксально, в связи с этими особенностями вырисовывается и некоторая выгода использования миниджетов. Массовость и сравнительная дешевизна изготовления!

Гибель джетов — потеря песчинок в пустыне. Если бы при этом не гибли их пилоты...

На тактическом экране высветилось расположение остальных истребителей. Ядро группы находилось по другую сторону Крепости. Но это, впрочем, тоже было не важно. Командир Гонза сообщил номер приливной точки, сквозь которую предстояло осуществить переход к следующему Приливу. Два перехода, сорок минут подлетного времени. Это достаточно далеко от Крепости! Что же случилось там, в удаленном оперативном квадрате? Неужели опять какой-нибудь линкор попал в беду? Джокт думал об этом не один, его мысли разделяли и ведомые, которые вышли на связь.

— Бессмертные, наверное, устроили охоту на линкоры! Опять будут прыгать со всех сторон, сволочи! — убежденно объявил Гаваец.

— Тогда есть шанс получить еще по одной медали, что само по себе неплохо! — Реплика Барона вышла на грани цинизма и оптимизма. Непонятно, чего в ней было больше.

— Поживем — увидим. — Джокт не стал гадать, а командир не спешил с разъяснениями подробностей предстоящего задания.

Истребители группы постепенно втягивались в Прилив. Со стороны это могло стать феерическим зрелищем — видеть, как корпуса истребителей исчезают, один за другим, будто что-то незримое поедает их по частям. Но даже на одной десятой световой уловить момент вхождения «Зигзагов» в Прилив, и уж тем более разглядеть его во всех подробностях — нереальное занятие. Для внешних наблюдателей, например офицеров тактического поста ближнего наблюдения, просто гасли точки на обзорных экранах и с тактических панелей исчезали буквенно-цифровые обозначения единиц истребительной группы.

Для самих пилотов, управляющих истребителями, входящими в Прилив, все происходит и того быстрее. Вот где-то справа монетка Каппы Струны, а слева — черный провал Крепости, к которой зачем-то добавился еще один силуэт — подготавливаемого к боевой службе блокадопрерывателя, чьи размеры частично соотносились с размерами Крепости. А вот уже — нет ни звезд, ни космоса, связь

исчезает, и вокруг — только туман с синими искрами. Он наползает со всех сторон, обволакивает, будто желает пробраться внутрь СВЗ и прикоснуться к телу. Никогда не привыкнешь к этому ощущению!

Джокт крутил головой во все стороны, надеясь еще раз увидеть силуэт загадочного звездолета и услышать низкий зов, будто бы произносимый на выдохе каменной гигантской глоткой. Но так ничего и не обнаружил. Потом истребители вывалились из Прилива и оказались рядом с группой мониторов. Связь ожила, Гонза приказал снять ускорение и погасить скорость. Видимо, ему требовалось время для уточнения каких-то данных и для согласования действий с мониторами, которые на удивление бездействовали. Значит, гравитационной завесы там, где им вскоре придется работать, не было. Или же пункт назначения находился слишком далеко для этих артиллерийских платформ.

Джокт никогда не наблюдал мониторы вблизи, поэтому, отработав маневровыми движками, приблизил «Витраж» к одному из них. И сразу же почувствовал себя неуютно — прямо над ним раскрылся гигантский зрачок — раструб генератора гравитации. Вернее, это были не совсем генераторы... Одно дело — использование гравитационной волны, возникающей при возобновляемом распаде гравиквазеров. Здесь же использовался другой принцип действия.

Мониторы не направляли энергию расщепления квазеров, они выбрасывали в пространство, разгоняя до субсветовых скоростей, сами частицы, обрабатывая их перед залпом-выбросом таким образом, что выпущенное вещество начинало генерировать гравитационное поле на нужной дистанции. Системы мониторов производили точно рассчитанный катализ, и вся энергия выводилась не в луче, как происходило во всех других случаях со всеми артиллерийскими системами, от истребителей до линкоров, а примерно так же, как используются ловушки. Только в ловушках вектор распространения гравитационного поля направлен внутрь, к центру ловушки, тем самым отдаленно напоминая природный феномен Черных дыр, а при обстреле из орудий монитора, он направлен вовне и происходит микрокатаклизм наподобие взрыва сверхновой. Только вместо вещества за радиус равновесия выходит гравитация. Дальше волна затухает, как ей и положено. Но этого радиуса достаточно, чтобы прикрывать заданные квадраты пространства непроходимой для врага завесой. Самой большой проблемой в использовании мониторов сверхдальнего действия была процедура «прицеливания». Потому что зачастую приходилось давать залп, последствия которого

наступят лишь через час, через день, через неделю — какой уровень катализа выставят техники монитора. Но в случае необходимости эти же артиллерийские платформы могли принять и ближний бой, и тогда очень плохо приходилось всякому кораблю Бессмертных, что оказывался в прицелах мониторов. Единственным недостатком в ближнем бою являлся малый конус поражения, а точнее — его отсутствие. В чем-то такой бой походил на стрельбу шрапнелью, при которой важно, чтоб разрыв произошел как можно ближе к поражаемому объекту. Поэтому для истребителей врага, а на средних дистанциях и для крейсеров, страшны были одновременные залпы группы мониторов. Но этот класс боевых станций и так работал только большими группами. Сейчас, например, Джокт насчитал двадцать пять мониторов и четыре прикрывающих их патрульных крейсера, превосходивших размерами крепостные крейсера. Также рядом находилось несколько вспомогательных кораблей, обеспечивающих точность прицеливания, и два звездолета-арсенала, пополняющих запасы квазеров на мониторах. Проходы к обеим приливным точкам здесь были, конечно же, минированы и пристреляны.

— Значит, так! — объявил наконец-то Гонза. — Входим в Прилив на двух десятых, по выходу — рассредоточение тройками, дальше — по обстановке. Идем на поддержку группы новых истребителей, таких же, что мы видели возле «Кирасира». Еще там будут два линкора, несколько крейсеров и наши коллеги — другая группа «Зигзагов», относящихся к базовому флоту Солнечной. Вопросы?

Вопросов не возникло. Они были бессмысленны, потому что вряд ли командир знал больше, чем только что передал своим пилотам.

— Джокт! — Ну вот, он так и знал, что Гонза заставит держаться в конце строя. — Твоя тройка выходит из Прилива последней. Подчиняться в бою будешь только мне и никому больше! Пусть даже это окажется обер-командор. Никаких импровизаций, действовать по своему усмотрению — только если я разрешу или... Ну ты не маленький, понимаешь... В случае чего, — Гонза обратился уже ко всей группе, — за меня остается Вейс. За Вейса — Клим... Дальше — по обстановке. Все понятно? Тогда — вперед! Потрудимся, господа пилоты!

Когда Гонза перечислял схему замещений командования группы, Джокту стало как-то не по себе. Потому что при оказании помощи «Инку» таких распоряжений не было. Выходит, тогда командир не сомневался, что вернется живым, а сейчас сомневается? Великий космос! Что на этот раз? И неужели теперь всегда будет так

происходить: кто-то вляпывается в неприятности, а со всех сторон к нему начинают кидаться незадействованные в боевом дежурстве истребители и корабли Большого флота? Это же — путь к хаосу! Энтропия в самом наглядном ее проявлении! Так Бессмертным удастся здорово расшатать пока еще существующую схему обороны Солнечной и ее форпостов. А может быть, именно сейчас, когда истребительный флот «Австралии» оказался неожиданно ослаблен на тридцать единиц, ей самой потребуется помощь? Что тогда? Снимут недостающие для отражения массированной атаки истребители с других Крепостей? Пошлют еще одну группу с Юпитера или Сатурна? А если в это время произойдет атака на Солнечную? И все подобные стычки — детали одного грандиозного плана Бессмертных?

Дальше думать не хотелось. В любом случае это бессмысленное занятие вместе с нарастающей тревогой прервало действие индапа. Ну правильно! Что нужно для дела пилоту истребителя? Холодная, ясная голова, горячее сердце и руки, натренированные «водяными матрешками». Омытые жидкостями из проклятых «матрешек» чистые руки...

Проход в Приливе. Никаких посторонних звездолетов или потусторонних звуков. Туман, какие-то мирные шары и тетраэдры с постоянно увеличивающимся количеством граней, если на них смотреть долго. Как их там? Додекаэдры? Или что-то в этом роде... Выход из Прилива.

— Ого! — вырывается у Джокта.

Сразу срабатывают инъекторы индапа. «Долбаные черви!» — Это Гаваец. «Кошмар!» — Барон. Три лаконизма, три срабатывания индапов. Целое море огней на тактическом терминале, полыхание плазмогенераторов...

Такого Джокт еще не видел и даже не мог представить, что оно случается. Два линкора — Солнечной и Бессмертных — сошлись борт в борт и резали друг друга лазерами и плазмогенераторами, не имея возможности дать полный бортовой залп гравитационными орудиями.

— Но почему? — Очередь Гавайца изумляться вслух.

— Нельзя бить с такого расстояния. Они стоят вплотную. Возврат гравитационной волны будет ничем не лучше самого удара.

Каким-то непостижимым образом два соперника оказались на расстоянии, не превышающем километра, и наверняка испытывали даже слабые поля тяготения друг друга — ньютоновский закон

в действии! — а теперь боялись разойтись, потому что расхождение даже на одну светосекунду означало немедленный удар противника. Чем-то все напоминало ковбойскую дуэль из старых видеофильмов. Не обязательно тот, кто первым потянется к оружию, окажется победителем. Еще было похоже, что линкоры, влипнув в глупую, смертельно опасную для них обоих ситуацию, сцепились крепче, привязавшись обоюдно использованными гравитационными ловушками. И теперь им оставалось кипеть плазмой, выжигая друг другу шкуру до самых внутренностей. Исходом такого боя могло стать только обоюдное уничтожение. Можно сказать, они шли, обнявшись, дорогой в никуда.

С земного линкора, с его другого, правого борта, полным ходом шла эвакуация экипажа. На палубах левого борта, прижатого к линкору Бессмертных, очевидно, все были уже мертвы. И теперь там действует только сохранившаяся автоматика. Порты гравитационных орудий закрыты, чтобы сохранить генераторы для возможного победного залпа. Сохранять до последней минуты! До срока жизни надежды...

Эвакуацию у правого борта прикрывало три крейсера и десять троек «Зигзагов». Крейсера были ограничены в маневре, принимая спасательные капсулы — одну за другой, и поэтому не вели активный бой.

«Кнопок» было порядка пятидесяти, и «Зигзаги» дрались, что называется, на последнем издыхании. Они уже отработали торпедами — в стороне раскорячилось два уничтоженных «Кросроуда», и кое-где, вокруг сцепившихся линкоров, носились по хаотичным вихревым орбитам обломки нескольких «Кнопок».

Линкор Бессмертных эвакуацию не производил. Вообще возможности эвакуировать членов экипажа больших кораблей были сильно ограничены у Бессмертных. Предполагалось, что звездолет, хоть частично сохранивший целостность, можно эвакуировать полностью, чтобы потом неторопливо воскрешать экипаж. Если, конечно, оставалось из чего воскрешать. Похоже, кое-кому такое счастье не светило. Сейчас своим левым бортом линкор врага отбивался от других четырех крейсеров Солнечной, долбивших его с неимоверной яростью. Крейсера в свою очередь отражали атаки юлившей рядом с ними группы «Кнопок», состоящей из двадцати машин. И получался своеобразный многослойный пирог, начиненный смертью и беззвучным пламенем.

Но не это было кульминацией всей схватки. Впереди, достаточно далеко для запуска торпед, велось еще одно сражение.

Второй линкор Солнечной, находясь в выгодном положении, держал на расстоянии два вражеских линкора.

Командор «Блистательной Порты», так определил его название тактический анализатор, умудрился втиснуть свой звездолет между тремя огромными астероидами и уравновесил скорость со скоростью дрейфа этих астероидов. Прикрываясь тремя пухлыми тучами обломков — видимо, он здесь еще и произвел бомбардировку — «Блистательная Порта» неторопливо, будто из охотничьей засады вела отстрел истребителей, что пытались приблизиться. Одновременно ее батареи главного калибра производили залп за залпом в сторону линкоров. Состояние их командоров можно было смело охарактеризовать как растерянное, будь это люди, а не черви, с их чуждыми землянам логикой, сознанием и мироощущениями. Действительно, как вести обстрел спрятавшегося за планетоидами корабля, если все удары вязнут в этих каменных облаках? С небесными же обломками, градом рушившимися на обшивку из-за гравитационной стрельбы противника, «Порта» справлялась без труда. А два «Кросроуда», сунувшихся было поближе, оказались тут же уничтожены залпами батарей вспомогательного калибра. Вот этому линкору собственные миниджеты на самом деле могли сослужить хорошую службу, не особенно при этом рискуя.

«Вариоры» рассыпались по всем полусферам, сменяясь каждые семь-восемь минут и отпугивая некоторые особо ретивые «Кнопки». Они даже сожгли пять или шесть истребителей. Но и этой частью общая диспозиция боя не заканчивалась.

Рядом с линкором, превращенным в дрейфующую крепость с собственными форпостами — астероидами, развернулось совсем уж странное сражение.

Кучка истребителей, тех самых, новых, как и предупреждал Гонза, врезалась в самую гущу «Кнопок» и теперь играла со смертью на сверхблизких дистанциях. Вплотную!

Соотношение сил было как два к семи — десяток истребителей Солнечной против тридцати пяти вражеских. Но что они творили!

Подобных фигур пилотажа ни Джокт, ни Барон с Гавайцем не видели. Похоже, впервые сталкивался с таким стилем боя и Гонза.

— Сумасшедшие! — услышал Джокт характеристику, что дал командир этим отчаянным пилотам.

Восприятие и осмысление всего происходящего заняло несколько секунд по выходу из Прилива, теперь и для группы Гонзы настало время вступить в бой.

— Джокт! Идете к крейсерам, что проводят эвакуацию. Смотрите не подходите близко к линкорам, пока они занимаются любовью друг с другом. Скоро от этой любви родится сверхновая! Держитесь на удалении, помогайте истребителям прикрытия. Все. Исполнять.

— Принято, ком!

Провал влево-вниз, Барон с Гавайцем идут как привязанные, почему же их обязательно нужно развести по разным тройкам? Потом — форсирование скорости.

— Торпедный залп! Выходим на внешнюю линию прикрытия крейсеров!

И тройка выныривает из глубокого виража, оказываясь между крейсерами и выдохшимися истребителями — с одной стороны и пятьюдесятью «Кнопками» — с другой. Шесть торпед без труда находят цели. Потом Джокт выпускает сразу четыре Има, прикрывая себя и ведомых от ответного торпедного залпа. И чертыхается... Видимо, и у Бессмертных с торпедами тут очень туго... Это становится понятным после того, как все четыре Има выстраиваются в очередь, чтобы принять на себя единственную торпеду.

Жаль, что идем «напополам», подумал Джокт. Восемнадцать торпед вместо Имов, вот бы они сейчас пригодились!

Но сожалеть долго не приходится. Выпустив еще по одной торпеде, тройка уходит с линии атаки. Две «Кнопки» ничего не успевают сделать, буквально нанизываясь на торпеды. Третья торпеда бесславно пропадает в гравитационной ловушке. Кто допустил промах — неважно. В конце концов, это могла оказаться чересчур «невезучая» торпеда. При чем здесь пилот?

Вслед за уходом Джокта и его ведомых в дело вступают другие «Зигзаги», те, которые практически без торпед. Они принимают бой на контркурсах, и Джокт понимает, что это далеко не новички. Пространство наполняется сабельным мельканием лазерных лучей там, где только что находилась его тройка.

— Джокт, ты как?

— В порядке, ком. Уничтожили восемь «Кнопок».

— Понравилось, наверное, медали получать? Смотрите там, осторожнее... Следите за линкорами.

Джокт хотел поинтересоваться, как дела у остальных пилотов группы, но ответ пришел сам собой. Две тройки истребителей Гонзы присоединились к Джокту. Значит, у Гонзы все хорошо, раз уж он отправил сюда шесть «Зигзагов».

— Салим, как там? — спросил Джокт у вновь прибывших, опознавая их с помощью тактического терминала.

— Там полный бардак. К ним даже не сунуться, потому что... Эти новенькие, похоже, и не думают ни о ком. Взаимодействовать не получилось, но они и сами справляются... — Лидер Салим говорил отрывисто, дыхание его было шумным, что могло означать виражирование на критических углах и радиусах, когда СВЗ едва успевает компенсировать все перегрузки.

— Все так же держат ближний бой?

— Еще как... держат... Не выпускают «Кнопок» из ближнего боя!

— Ага, вошли в клинч! — вспомнил боксерский термин Джокт.

— Не знаю, может, у них торпеды закончились, но кажется, без них даже лучше получается... Никогда не видел таких сумасшедших! — повторил характеристику, данную командиром, лидер Салим. — Секунду...

Подошедшие истребители выпустили торпеды. На экране погасло шесть «Кнопок». Ну вот, теперь тридцать девять на тридцать шесть! У нас преимущество, отметил Джокт.

Подсчет вышел несвоевременным. Один из трех крейсеров, на котором, видимо, решили, что в противодействии «Кнопкам» он будет нужнее, внезапно ринулся в атаку, прервав эвакуацию. Ему было несложно застать врасплох истребители Бессмертных, которые не учли возможности такого изменения приоритета действий. Крейсер запустил маневровые движки, намереваясь подобраться поближе к очередному спасботу, а потом врубил ускорение и очутился в самом центре вражеского наспех восстановленного строя. И сразу произвел атаку по всем полусферам, разметав истребители и уничтожив при этом пять «Кнопок».

Вслед за крейсером, развивая успех, рванулись десять изначально находившихся здесь троек. Форсировав скорость сразу до максимальной («Е! — изумился Джокт. — Это какие же там перегрузки!»), «Зигзаги» сожгли еще несколько машин. Оставшиеся Бессмертные вышли из боя, стремясь укрыться под защитой больших кораблей.

Между тем на обоих, связанных дуэлью с «Блистательной Портой» линкорах плюнули на такое занятие, посчитав его безнадежным при создавшемся тактическом преимуществе земного линкора, и тоже начали отход. Плюнули — не столько образное выражение, сколько отголоски пилотских баек на тему «что умеют, а что не умеют делать черви».

Насчет «не умеют» в специальном файле информатория общего доступа, куда каждый желающий мог внести свою лепту, фигуриро-

вал список из более чем двухсот глаголов. Самые обычные вещи и похабщина — все по соседству. А вот глагол «плеваться» находился в другом файле. Кто-то обозвал Бессмертных «космическими верблюдами», имея в виду огромное количество слизи, выделяемое червями. Опять же исторгаемые нити-тоководы... Короче, способны, значит, Бессмертные к плевкам.

«Порта» тут же выплыла из астероидных обломков и, отработав разгонными и маневровыми движками, приблизилась к месту схватки отчаянной десятки пилотов, дерущихся в ближнем бою.

«Им бы сейчас выйти на форсаже из боя, — понял Джокт намерения командора линкора, — тогда „Порта“ одним залпом прихлопнет всю свору!»

Командор, именно так и полагавший, сначала скомандовал истребителям, что продолжали носиться в гуще «Кнопок», отход, а потом обложил их ругательствами за неисполнение.

— Эй, идиоты! Выходите из боя! Упрямые ублюдки! Я сказал — выходите!

Но они не вышли и доиграли до конца, пока «Кнопки» сами не стали покидать место сражения, понимая, какая опасность в лице линкора, подошедшего на дистанцию убойного бортового залпа, им угрожает. Командор «Порты» пытался выяснить, в чьем подчинении состоят непокорные пилоты, но оказалось, что они — словно сами по себе. Ни Гонза, ни командир другой группы истребителей не смогли выйти с ними на связь. И двадцать «Кнопок» им все-таки удалось сжечь, этим сумасшедшим!

Постепенно-постепенно бой затихал. Вопреки имеющимся опасениям рядом не возникло ни одного Прилива с вываливающимися кораблями врага. Десятка не подчиняющихся никому пилотов свалила в приливную точку, как только исчез противник. Словно потеряли интерес к происходящим событиям. Впрочем, здесь все было понятно. Хуже дело обстояло со сцепившимися линкорами. Вот где еще ничего не было ясно!

...Ситуация тут была патовая — ни один ни другой огромный звездолет не имел сил, чтобы покончить с соперником одним решительным ударом. Причем сделать это так, чтобы самому не оказаться уничтоженным. Опасность обоюдного уничтожения заставляла удерживаться на расстоянии все другие корабли Солнечной. В случае одновременного взрыва двух линкоров могло накрыться разом не менее одной десятой оперативного квадрата.

— Какие прогнозы? — с наигранной веселостью спросил Гонза.

— Они продержатся еще минуты три-четыре, потом — бах! — Снова отыскался скептик-пессимист.

— Но ведь у наших линкоров оружие ближнего боя намного лучше! — возразил оптимист.

— Лучше не лучше, а минут через пять погибнут оба. — Прогноз реалиста не отличался от первого мнения.

Между тем командор линкора так не считал. Убедившись, что им не угрожает атака с остальных полусфер, на линкоре перекинули всю энергию правого, незадействованного борта, на разгонный двигатель. И пространство за кормой корабля прорезали мощные потоки. Наполовину сожженный, лишившийся почти всего навигационного оборудования и потерявший не менее четверти экипажа, линкор начал движение в сторону приливной точки. Вместе с ним, естественно, поплыл и линкор Бессмертных.

— Говорит Локес, командор линейного корабля «Маунтстоун»! Прошу быть готовым отсечь любые силы врага. Освободите подход к Приливу, у нас крайне низкая возможность маневра... Надеюсь, мы не очень испортили этот подарочек...

С подходом к приливной точке все было понятно — командор «Маунтстоуна» решил протащить израненный вражеский корабль на нашу территорию, надеясь как-то справиться с сопротивлением Бессмертных и сохранить хоть что-нибудь в качестве приза. Насчет маневрирования тоже ясно — вся корма, дюзы разгонных и маневровых двигателей были похожи на крупное сито. К тому же Бессмертные, осознав, какая участь их поджидает, врубили собственные двигатели, их разгонные работали сейчас на пределе, на том, естественно, что они могли себе позволить в режиме реверсирования. Но так как первый ход сделал «Маунтстоун», осталось только уравновесить противодействие двигательных установок линкора Бессмертных, и изначально приданный сцепившимся кораблям импульс приведет их туда, куда наметил командир «Маунтстоуна». Ко входу в Прилив. Само собой, точное управление всей сцепкой являлось крайне затрудненным.

Два левиафана пытались побороть друг друга. Для обоих это была борьба на грани жизни и смерти. Стоило Бессмертным хоть чуть-чуть трепыхнуться — как не подходит это слово к громадине их корабля! Но все же... — или ослабить гравитационные захваты, как на «Маунтстоуне» могли вообще снять захват и перевести движки в рейдовый режим. Тогда Бессмертные сами «оттолкнулись» бы, мигом оказавшись на приемлемом и безопасном расстоянии для залпа. А сориентировать линкор вдоль оси движения, перевернув-

шись к врагу палубами другого борта — вообще мгновенное, пусть и неприятное для экипажа действие. И тогда — полный бортовой! Для верности можно — всеми калибрами! Бессмертные не могли не просчитать такой вариант; и все, что им оставалось делать, — это не дергаться, неважно, подходит такое слово к их звездолету, или нет.

Но вот о каких «любых силах врага» предупреждал командор «Маунтстоуна», Джокт пока не понимал. Все группировки Бессмертных — и крейсерские и истребительные — действовавшие в квадрате, были дезорганизованы. «Блистательная Порта» являлась надежным и достаточным арьергардом, к тому же к линкору присоединились два крейсера и половина группы Гонзы. Отряд пилотов, удививших своим безрассудством и мастерством в той же мере, что и неумением вести коллективное сражение, тоже барражировал на отдалении. Видно, они передумали уходить первыми, справедливо полагая, что их помощь еще может пригодиться здесь. И даже пытались атаковать. Но им мешала работа вражеских линкоров, тех, что не смогли выковырять «Порту» из астероидного прикрытия. Эти линкоры, хоть и не пытались теперь приблизиться к флоту Солнечной, прикрывали оставшихся пилотов «Кнопок». Неужели на «Маунтстоуне» считают, что эти остатки вражеского соединения ринутся в атаку?

Оказалось, командор Локес знал, чего бояться и о чем предупреждать. В течение двух минут было зафиксировано несколько следов финиша — три линкора и «Кросроуды». Победа вот-вот могла обернуться поражением, прими корабли Солнечной бой с новоприбывшей группой.

— Отсекаем! — тут же отдает команду Гонза.

Все истребители — две группы по тридцать машин и, к всеобщему удивлению, сумасшедшая десятка — становятся в «Завесу» — неплотное размещение истребителей в одной плоскости, отсекающей остальных, нуждающихся в такой помощи. Ядро «Завесы» образует «Блистательная Порта» и два крейсера, контролируя подходы к приливной точке. А «Маунтстоун» вместе с линкором Бессмертных уже исчезает в Приливе.

— Все! Уходим! — командует своим пилотам Гонза, поняв, что атаки не последует.

Вообще подобные действия были характерны для Бессмертных. Убедившись, что какому-то звездолету уже ничем нельзя помочь, они или пытались его уничтожить, или, что случалось чаще, вообще бросали, зная, что даже единственную «Кнопку» не так-то

легко захватить в качестве приза. В любом случае у попавшего в капкан врага всегда был выход — пойти на самоуничтожение. Или же драться до последнего, пока корабли Солнечной просто не сжигали их.

На что надеялся командор Локес, затащив вражеский линкор в Прилив? На то, что у Бессмертных не хватит духу запустить программу самоуничтожения линкора? Хватит, еще как хватит! Это может оказаться просто глупостью, думал Джокт. Вообще ради чего стоило идти на такой шаг? И заниматься доставкой бомбы замедленного действия на собственную территорию, где она способна взорваться в любую минуту?

Линкор — не истребитель. И даже не крейсер. И если на нем решат заняться ядерным харакири в окрестностях Крепости или куда там хотел его приволочь «Маунтстоун» — это окажется вовсе не подарок. На что же надеется командор Локес?

Ответ должен был отыскаться через тысячу двести семьдесят две секунды. «Витраж» Джокта вошел в Прилив.

...Снова туман. Опять игра иллюзий и раздолье для воображения. Какие-то черные тучи, будто грозовые, с огненной бахромой по краям, плывут под ногами. Вместо молний в пространстве Прилива мелькают загадочные линии: сплошные и идущие пунктиром. Вот они изгибаются, приковывая этим движением взгляд, вот змеятся, перекручиваясь, образуя наглядное изображение струи от плазменно-гравитационного двигателя... Раньше Джокт не вглядывался во все эти метаморфирующие причуды Прилива, но после Первого Боевого, когда Прилив заставил его увидеть то, что не каждому дано увидеть, отношение Джокта к живой акварели пространства изменилось. Прилив притягивал к себе и пугал одновременно. И вот в первый раз, все когда-нибудь происходит впервые, Джокт отключил обзорный экран, отгородившись от геометрических безумств и оставив себе только узкую полоску. Да и то, больше по привычке. Ведь он и представить себе не мог, что чувствует группа каких-нибудь офицеров аналитического поста, которая связана с миром за обшивкой линкора только показаниями приборов, видя отображение реальных событий на тактических вирт-экранах. А еще хуже: каково это — быть штурмовиком, оказаться в непроницаемом брюхе транспорта, сидеть и гадать, что ждет его уже через минуту после сброса... Джокт, как и любой другой пилот истребителя, нуждался, как в воздухе, в прямом визуальном контакте с окружающим пространством. Пускай даже не

совсем в реальном контакте, а происходящем через принимающую и передающую оптику, ведь никакой прозрачный материал не выдержит контакта с плазмой и воздействия гравитационного оружия. Только специальные фасетки из кристалликов гиперхрусталя, идущие рядами вдоль всего корпуса «Зигзага». Миллионы крошечных зрачков, передающих одну общую картину с помощью обзорных экранов. Видеть... Как воздух... Вот только в Приливе воздух для него почему-то начинал казаться спертым. От чужого дыхания.

Сейчас зрительная связь с пространством была настолько мала — сужена до ширины каких-нибудь десяти сантиметров, — что Джокт даже не сразу понял, что произошло. Несколько линий на обзорном экране слились в одну, отчетливую, будто наделенную смыслом, самоутвердившуюся грань чего-то реально существующего в хаосе иллюзий. Вслед за ней из других линий, обрывков, пунктиров и кубиков тумана возникла вторая линия — грань. И это были...

— Ом! — бухнул тяжелый молот.

— Ом! — от неожиданности повторил словно ужаленный Джокт.

Индап запоздал на доли секунды, но их хватило, чтобы страх и какой-то внутренний звон пронзили позвоночник. И мгновенно оказалась забытой лекция техника о низкочастотных сигналах и все остальное, дающее более-менее материалистичное пояснение феномену.

— Ом! Ом! Ом! — грохотало пространство.

И четких граней становилось больше и больше в этом пространстве, и Джокт, вновь включая экран в режим полного обзора, почти угадал, что он увидит.

Почти. Даже в самых дурных кошмарах он не думал встретить ЭТО во второй раз. Все походило на встречу с несуществующей потусторонностью. С призраками. С «Летучими голландцами», как называли их штабные офицеры.

Два корабля! Три! Четыре!

— Ом! — неслось отовсюду, и сознание Джокта превратилось в камертон для странного, страшного и гнетущего звука.

Пять кораблей! Четкие надстройки, радиусы огромных окружностей, скрывающихся за пределами видимости. Щетинящиеся конусы, которые не могут быть ничем иным, кроме как оружием. Вот только в каждый конус мог свободно пролезть не то что истребитель — средний крейсер флота КС!

«Великий космос! Какую энергию могут высвобождать эти орудия!» — Мозг, чья работа поддерживалась теперь исключительно

беспрерывным действием индапа, буквально захлестывало непередаваемое ощущение грандиозности увиденной картины.

Они чередовались — мысли, образы и ощущения, словно Джокт стоял на пороге постижения огромной пропасти неведомого, которое не смог постичь до него никто другой. Джокт захлебывался странным восторгом, не чувствуя никакой враждебности от гигантов. Но если существует грань между человеческим сознанием и человеческим безумием, то Джокт стоял как раз на ней, на этой грани, не в силах сопротивляться падению...

— Ом! — Губы его разжались, в глазах пробудился странный блеск, будто он получил «адреналиновый всплеск».

И, не отдавая себе отчета, он повторял раз за разом вслед за таинственным голосом.

— Ом! Ом! Ом!

Индап, похоже, понял, что просто так с возникшей проблемой ему не справиться. И то состояние, в котором оказался пилот, несхоже ни с одним, для противодействия которому и был предназначен медицинский прибор. Несхожим, но тем не менее крайне опасным, угрожающим рассудку пилота.

В шоковом коктейле, что получил Джокт в последнюю секунду, прежде чем его сознание шарахнулось не в ту сторону, растворились и линии, и звуки. Первое стало миражом, просто картинками какой-то неземной техники, которую — тра-ля-ля! — он высмотрел в детском калейдоскопчике. Второе — звуки — превратились в шум. Бесконечный шум. Так, наверное, свистит невидимый космический ветер. И нужно только потрясти головой. Тогда он уйдет... Уйдет... Уйдет?

Джокт даже не заметил, как «Витраж» вывалился из Прилива.

— Принудительная эвакуация! — Впервые для него сработала экстренная система «Зигзага».

И истребитель, оповещая все находящиеся рядом корабли, принялся автоматически прокладывать курс к Крепости.

— Ом! — все так же машинально, по инерции, шептали его губы, когда финиширы приняли «Зигзаг» аварийными захватами, и в ангар, после установления нормального давления и температуры, хлынула спасательная команда — медики, техники, два штурмовика корабельной службы...

Просто удивительно, как много людей может вместить в себя индивидуальный ангар с косо застывшим истребителем, пилот которого не смог вернуться на базу самостоятельно.

Глава 7

Какое-то тепло, пробивающееся извне к замороженному сознанию. Какие-то касания. И свет.

Он не чувствовал ни рук, ни ног, ни единой клеточки собственного тела. А потом оказалось, что тепло — это звуки, касания — реакция барабанных перепонок, не более. Вначале звуки походили на растянутые нити, которые вибрируют, еще не решив, как будет лучше. Провиснуть и принести покой или, натянувшись до предела, лопнуть, как струна, озарив все вокруг прощальным звучанием, превращаясь в немощь и боль. Потом звуки сложились в буквы, буквы стали словами, фразами... И Джокт открыл глаза.

— Ты слышишь меня? Эй, пилот, ты меня слышишь? — Над ним склонилось знакомое лицо с водруженной на нос старомодной оправой очков. — Ну наконец-то!

Полковник Бар Аарон оттер лоб, будто ему пришлось последние полчаса, а то и более, заниматься утомительным физическим трудом.

— Я уже думал, придется прибегнуть к помощи ремкомплекта.

Наверное, на пока еще неподвижном лице Джокта ожила какая-то складка, потому что медик тут же поспешил пояснить:

— Реанимационный комплект для вывода, в данном случае, из длительного транса. Для простоты — ремкомплект. Что-то вроде индапа, только не умеющего принимать самостоятельные решения.

Теперь Джокт смог вздохнуть поглубже, хотя это и стоило ему мгновенных болезненных покалываний на всем пути движения воздуха — от ноздрей до самых легких. Ему захотелось спросить, почему именно глубокий транс? Почему не более серьезная причина, и вообще почему рядом психиатр, а не какой-нибудь хирург-травматолог? Пока что Джокт понял и вспомнил совсем немногое. Бой. Два линкора, заключившие друг друга в смертельные объятия. Прилив. Его «Витраж»... Зачем-то уменьшенный сектор обзора. У него что, отказала оптика? Или же была какая-то другая причина? А потом оптика снова переведена в режим полного обзора... И что-то он увидел.

Вопросов имелось множество. Память возвращалась толчками — по фрагменту на каждый вдох. К счастью, Бар Аарон оказался тем человеком, которому не обязательно нужны вопросы. И Джокт вспомнил, что полковнику, чтобы заговорить, достаточно просто наличия слушателя.

— У тебя целы все кости и мышцы. Связки не порваны. Физическое состояние — в норме. Ну потенциально в норме, пока к телу не вернется чувствительность. А вот с капитанским мостиком, что у тебя над плечами, все далеко не в порядке. Понимаешь? Ты вошел в состояние глубокого транса, и индап усугубил процесс, использовав режим консервации. Допустил ошибку, так сказать, посчитав, что его подопечного задело лучом смерти. Наверное, что-то неправильное обнаружилось в работе мозга, раз индапу пришлось превращать тебя в реликтовую обледенелость. Поэтому рядом оказался не какой-то там костоправ, а я!

Глаза медика, увеличенные толстыми линзами очков, радостно поблескивали. На лице играла улыбка. Наверное, ему она казалась доброй и радушной, а вот Джокту чудилось за ней нечто плотоядное.

Еще бы! Специалист, дорвавшийся до любимой работы! Теоретик, засидевшийся без практики. Вероятно, что-то такое начал испытывать и сам полковник, начавший потирать руки.

— Ну-с, минут через десять ты должен полностью прийти в себя, и тогда мы пообщаемся...

— Нет. — Джокт сам не ожидал, что у него получится произнести что-то в ответ.

Он не имел в виду отказ от общения с Бар Аароном вообще. Просто вспомнил обещание, данное офицеру особого отдела. Там, на Земле, когда они договаривались, что Джокт будет сообщать любые подробности видений в Приливе. Итак, Джокт вспомнил это обещание. И еще кое-что...

В тот день, после посещения «Стокгольма», беседа не состоялась. Едва появившемуся в Крепости и сразу же получившему задание на вылет пилоту тоже было не до общений с особистом. Да и что он мог сделать? Чем бы Джокт мотивировал отказ от вылета? Рассказать Гонзе, что у него имеется неоконченный разговор с кем-то из штабистов и поэтому он не может пойти в рейд? В штабе его, быть может, и похвалили бы за такую ретивость в исполнении взятых обязательств, а вот Гонза и остальные пилоты... Те же Барон и Гаваец — что они могли подумать? Нет, никто бы его не понял. Из своих. А особист и прочие интересующиеся тайнами Прилива — далеко, очень далеко отсюда.

— Мне нужно... — Джокт с трудом выговаривал слова, едва двигая непослушным языком. — Мне нужно связаться со штабом Внешнекосмической Обороны Солнечной... Можно с медицинским управлением...

— О нет, мой храбрый друг! С тобой не настолько все плохо, чтобы вызывать специалистов с Земли! Моего опыта и моей квалификации вполне...

— ...или сразу с особым отделом, — умудрился все-таки закончить Джокт.

— Хм, — как-то неуверенно запнулся медик, продолжая теребить пальцами край покрывала, которым был укрыт Джокт.

В это же время сознание Джокта полностью выплыло из тумана, и память услужливо распахнула все свои двери, оттолкнувшись именно от ближайшего знакомого ей объекта.

Медик-психиатр, палуба «Зет-14», сначала «Хванг», потом — Лиин. «Черный колодец», вердикт медкомиссии, к счастью — положительный, хочу кусаться, маджонги — матрешки, от которых пухла голова и дрожали руки. Шахматы и проигравший самую важную партию Пит. Самому же себе ее и проигравший. Потом — Первый Боевой. Первый контакт с реалистичными причудами Прилива. Теперь — второй. Причуды делаются реалистичней, и их становится больше! Нет, не так! Первый контакт, Первый боевой, линкор «Инк», линкоры «Порта» и «Маунтстоун». И теперь — второй контакт.

— Доктор! Я чуть не сошел с ума? — пожалел он полковника, который уже помог ему в жизни. Пусть немного, чуть-чуть, как осознал это позже Джокт, но — помог.

Теперь полковник Бар Аарон, хороший знакомый Балу и знающий все душевные драмы Джокта, выглядел грустным и растерянным. Тоже — чуть-чуть. Но и этого было достаточно, чтобы Джокт решил поговорить с ним. Видимо, медик не любил, когда у него отнимали пациентов, считая это уязвлением собственной значимости. Он был не так устроен. И Джокт вспомнил, с какой обстоятельностью делился Аарон знаниями о комплексе вины, как блистал перед битком набитой аудиторией, рассказывая о суевериях, полностью затмевая своего коллегу. Ну что ж... Если он был лучше, значит — имел такое право. Поэтому с ним нужно было заговорить, Джокт просто физически ощутил эту потребность.

Услышав наивный вопрос, Бар Аарон принялся отвечать, разом спрятав растерянность.

— Сошел ли ты с ума? Действительно, хороший вопрос! И знаешь, что я отвечу? Знаешь? Я отвечу, что скорее — да, чем нет. Да, ты сошел с ума. Индап отреагировал несколько... э-э... обширней, чем мог бы. В результате твое состояние транса усилилось, и...

— А разве сумасшедшего можно так быстро излечить? — удивился ответу медика Джокт, вспоминая Пита и еще троих, чей рассудок вышел погулять, да так и не вернулся обратно.

Предсказанные десять минут прошли, и теперь он свободно мог распоряжаться своей речью. Вот только с артикуляцией еще не все было в порядке, будто лицевые мышцы отходили от наркоза, а потому не полностью подчинялись Джокту.

— Нет. Излечить их — увы! — зачастую невозможно, и это уже навсегда... Нарушение законов мыслительной деятельности, сами законы и находящееся в прямой зависимости от них душевное здоровье, все это неподвластно медицине. Пока! — убежденно сверкнул он очками. — Я уже, кажется, говорил, что наш мозг, наше сознание — это целый мир. Почти такой же непознанный и непознаваемый, как Вселенная. Поиск своего внутреннего «Я» равнозначен поискам правды о сущности мироздания. Но, к счастью, как космосом правят законы гравитации и времени, так и сознание имеет собственные механизмы защиты. Иногда нельзя излечить поврежденное сознание, но вот само оно вполне способно излечиться. Конечно, пока не пройдена определенная граница, черта, за которой — провал! Отрыв от реальности, все, что угодно, вплоть до жизни среди чудовищ. Понимаешь, Джокт, тараканы водятся в голове каждого из нас. Иногда они начинают шевелиться. Бывает, это не страшно. Важно не дать им расползтись и расплодиться...

— Я... не понимаю вас, — признался Джокт, — скажите лучше — я нормальный или все же сошел с ума? Я видел кое-что в Приливе и чуть не слился со своим видением. Очнулся только сейчас и даже не знаю, сколько времени прошло с того момента... Мне плохо, и я не готов сравнивать себя и свое сознание со Вселенной.

— Ничего странного, тебе пришлось нелегко. Процедура консервации, проведенная индапом, всегда нелегка. Но она необходима, потому что луч смерти — не только объективное, физическое поражение любого участка тела. В какой-то мере это запускаемая программа внутреннего самоуничтожения. Поэтому индап и произвел консервацию всей твоей активности и жизнедеятельности.

— Даже ток крови?

— Почти так, Джокт.

— Но это же невозможно!

— Почему ты так считаешь? При создании соответствующих условий живой организм может длительное время находиться в законсервированном состоянии, это когда процесс разрушения клеток от кислородного голодания замедляется в тысячи раз. Су-

ществует целый набор болезней, та же склеродома, когда кровь может не поступать на отдельные участки под воздействием холода. А потом приходит боль. Жуткая боль.

— Но мне почему-то не больно. Плохо, будто весь мир меня обидел, но не больно.

— Это потому, что индап, хотя и неверно определил характер угрозы, не стал углубляться в крайности. Он не смог обнаружить место поражения лучом смерти. Поэтому просто начисто подавил мозговую активность. Превратил тебя на время в живой овощ. А если бы ему было что обнаруживать, тогда... Но индап, помимо всего, умеет производить локализацию травмы через блокировку кровяного потока и нервных окончаний. Может подать команду экзоскелету СВЗ, если речь идет о конечностях, и тогда на ногу или на руку будто накладывается жгут — срабатывает специальная система скафандра. Ты этого не знал?

— Что-то такое нам говорили, но... А что дальше?

— Дальше — кому как повезет.

Медик снял и протер стекла очков. Вполне уместный жест, чтобы чуть-чуть отойти в сторону от темы.

— Знаешь, пилот, ты вот собираешься что-то рассказать особистам, не мне, значит, в этом есть какая-то тайна. Не буду любопытствовать, так и быть. Но у медиков тоже есть свои тайны. Мы считаем, что чем меньше люди, а особенно офицеры флота КС знают о всяких, — он чуть помедлил, водружая очки на место, — ну, скажем, болезнях... Чем меньше они обо всем знают, тем проще их жизнь. Логично? Забота и спасение здоровья — дело индапа. Ваше дело — война. Победа в бою. А если кому-то не повезет... Вот только тогда ему приходится узнавать много нового. И не всегда приятного. А вероятность исцеления после поражения лучом смерти зависит от множества факторов: от собственных характеристик луча, расстояния, с которого велся обстрел, от индивидуальных особенностей организма. Давай, поговорим об этом в следующий раз. Еще лучше — никогда об этом не поговорим... Что-то едва не свело тебя с ума. Или же — почти свело, но тут же отпустило. Индап ошибся. Он не должен был вмешиваться подобным образом. Редкий случай! Редчайший! Надеюсь, после разговора с представителями медицинского управления этот пробел в работе индапов будет устранен. В остальном же... Ты цел, здоров, твое физическое и психическое состояние — вне опасности. Ну а мне можешь и не рассказывать, что ты увидел в Приливе, и так все понятно.

— Да? — переспросил Джокт, думая, что его провоцируют.

— Да, Джокт. Ты встретился с «Летучим голландцем». На что еще можно наткнуться в Приливе? И слышал голос...

— Слышал, — подтвердил Джокт, немного разочарованный, что его тайна на самом деле никакая не тайна.

Хотя, конечно, Бар Аарон, как старший офицер, несущий действительную службу в медицинском корпусе КС, мог ознакомиться с тем самым послеполетным рапортом, из-за которого Джоктом заинтересовались на Земле. Может, так оно и было, но Джокт не спросил, а медик не стал распространяться дальше на эту тему.

— Все, Джокт. Захочешь как-нибудь рассказать — заходи, побеседуем. Еще не забыл, как меня найти? Сейчас тебе придется поваляться еще часа два, для верности, заодно медаппаратура чуть подновит твой организм. Немножко глюкозы для крови, немножко фильтратов для печени, небольшая доза восстановителя нервной деятельности. Что-то вроде успокоительного. Тебе это пойдет только на пользу. А я свяжусь с медуправлением.

— Два часа? — Джокту почему-то не понравилась такая перспектива.

— Могу устроить тебе полный курс. Так сказать, по дружбе — на неделю.

— Нет-нет! Я просто хотел узнать — нельзя ли, чтоб пришли друзья? Они ведь наверняка захотят меня увидеть?

— Твои ведомые? Барон и Гаваец, кажется... Они уже четыре часа стоят под дверью!

Вопрос о продолжительности нахождения Джокта в медблоке отпал сам собой. И Джокт не зря беспокоился, потому что это могло оказаться и десять часов, и сутки, и сколько угодно.

— И еще кое-кто помимо ведомых...

— Спенсер? — обрадовался Джокт.

— Спенсер и Балу. Не забыл еще, кто нас так удачно познакомил?

Нет, Джокт не забыл. Тем более что Балу умудрился познакомить пилота не только с Бар Аароном...

— Ладно, разрешаю. Под твое честное слово не вскакивать с постели. Договорились?

И через минуту Джокт едва не оказался задушенным в дружеских объятиях.

Кроме Гавайца, Барона, Спенсера и Балу пришел еще Гонза. Ну все правильно, ведь Джокт фактически являлся пилотом его группы. Хорош был бы командир, что не навестил подчиненного, попавшего в странную переделку.

— Когда я увидел, что «Витраж» идет в режиме экстренной эвакуации, подумал, что рядом враг, который научился делать невидимыми свои звездолеты и которого не смогли локировать наши сканеры. — Гонза сиял, довольный успешным окончанием очень плохой истории. — Мы выстроились в арьергардный ордер, затребовали помощь Крепости... Да, знатный переполох ты устроил!

— Я не виноват! — запротестовал Джокт, живо представив разворот всей группы «Зигзагов» в арьергардный ордер: построение, почти копирующее собой вогнутую полусферу Бессмертных.

— Догадываюсь, что не виноват. На Землю уже сообщили о происшествии, скоро здесь будут какие-то важные шишки. Надеюсь, они не станут ставить под сомнение твою возможность участвовать в рейдах? Вы ведь неплохо справляетесь, черт возьми!

В глазах Спенсера читалась скрытая гордость. Мол, что я говорил? Барон и Гаваец тоже оценили похвалу майора и пытались стереть с лиц чуть глуповатые счастливые улыбки.

Балу сжимал в своих ручищах ладонь Джокта, и неожиданно бросилось в глаза, что белых клякс, обозначающих количество уничтоженных Бессмертных, на его форменке существенно прибавилось.

— Ого! Когда это ты успел? — вырвалось у Джокта.

— А! Заметил! — Теперь и Балу выглядел польщенным. — Успел вот. Кстати, последние четыре — в сегодняшнем рейде!

Вот этого уже Джокт не ожидал и с неподдельным интересом, вместе со всеми, выслушал рассказ Балу. А ему было о чем рассказывать!

Группа штурмовой пехоты в составе пятидесяти человек находилась на борту «Блистательной Порты». Вторая такая же группа под командованием Балу — на «Маунтстоуне».

— Все новое — хорошо забытое старое! — прокомментировал начало рассказа Барон, который, кажется, знал уже всю историю.

Было решено пойти на опасный эксперимент по захвату вражеского линкора. Потому что здравая, перспективная идея о наличии на линкорах Бессмертных аппаратуры для создания искусственно управляемых Приливов нуждалась в практической проверке. Разведка боем, не иначе, вот что такое был рейс «Маунтстоуна» и «Блистательной Порты».

Неслучайным оказалось и введение в состав эскадры десяти новейших истребителей, управляемых пилотами нового типа, как обозвал их Спенсер, уже наслышанный о причудах и плохом послушании «сумасшедших», как их уже окрестили в Крепости.

Вхождение линкоров в губительный сверхблизкий контакт было не случайностью, а результатом длительного и расчетливого маневрирования, произведенного всей группой кораблей Солнечной.

Задачей «сумасшедшей» десятки являлось сковывание боем какой угодно части истребительного отряда врага. И они с этой задачей справились блестяще!

Пока «Кнопки», лишенные возможности использовать оружие дистанционного боя, сплелись с «сумасшедшими» в один клубок, а «Кросроуды» все никак не могли занять удобную для отсечения этих новых истребителей позицию, на земных линкорах сделали вид, что не собираются вступать в бой с линкорами Бессмертных. Те, осмелев, сами пошли на сближение, опасаясь задеть дальними залпами свои же истребители и крейсера, а когда дистанция оказалась сокращена до минимума, за которым должна была последовать артиллерийская дуэль, «Маунтстоун» одним рывком, коротким и мощным форсажным импульсом, переместился к оказавшемуся ближе остальных вражескому линкору, запустив гравитационные захваты. Автоматика управления огнем сработала у Бессмертных так, как того и ожидали на «Маунтстоуне», то есть сблокировала гравитационные излучатели и аппараты выпуска торпед. «Порта» удачно отсекла два оставшихся вражеских линкора и, пока на них не успели до конца разобраться в ситуации, вязала их боем, предварительно подготовив удобную позицию среди астероидов. К тому же эти астероиды оказались вовсе не случайным подарком космоса. Командир «Порты», кстати, полный кавалер «Солнечной короны», тащил их через Прилив от самого Юпитера. И запасной план предусматривал высадку штурмовиков именно на эти астероиды, откуда, если бы представилась возможность, они смогли бы попасть на линкор Бессмертных.

Все очень просто. Кемаль Аттала, командор «Порты», вполне заслуженно носил свои «короны». Показав и доказав личным примером, насколько удобна позиция между тремя астероидами, а потом неожиданно покинув эту позицию, он надеялся, что враги сочтут такие действия ошибкой и попытаются втиснуть какой-нибудь из линкоров между астероидными обломками. Вот тогда-то и должен был настать черед штурмовой пехоты КС...

Технические службы Солнечной уже знали многое о линкорах врага и знали, где линкоры наиболее уязвимы для такой операции.

Штурмовики ознакомились с подробными схемами вражеских звездолетов, а тактические модули их СВЗ могли теперь определить, где именно находятся лазы-переходы, через которые можно проникнуть на линкор, какие коридоры существуют внутри линкора и куда ведут, «выучив» всю транспортную внутрикорабельную схему... Как оказалось, черви перемещаются по кораблю, из отсека в отсек, с помощью особых пневматических туннелей. О том, пригодны ли эти туннели для землян, было выяснено еще раньше, потому что линкоры уже побывали в качестве трофеев в руках технических служб Солнечной.

Так возникло сразу два плана, один из которых сработал. Повезло «Маунтстоуну» и группе Балу.

Имитируя попытку доставить линкор врага к Солнечной через Прилив, чему Бессмертные в сложившейся ситуации сопротивляться не могли, «Маунтстоун» дошел практически до приливной точки. И буквально за пару минут до окончательного вхождения, когда враг этого никак не ожидал, на внешнюю оболочку был выброшен десант.

Дальше Бессмертных ждало новшество, какого еще не было за всю войну, — штурм в Приливе!

Высокоэнергетическое оружие здесь не срабатывало, иначе мониторы могли бы вести стрельбу сквозь Приливы на какие угодно расстояния без особых потерь времени для постановки гравитационной завесы. Но это свойство Приливов являлось одновременно и проклятием, и подарком для военных — зато можно было не опасаться неожиданных ударов сквозь Прилив со стороны врага. Хватит с них возможности создавать собственные приливные точки!

По этому же поводу Балу назвал Прилив «местом водяного перемирия», это случилось после того, как Спенсер нашел анимационную версию древних книг Киплинга.

Итак, действовать оружием, обладающим высокой энергетикой (в том числе — реактивными пулями), было невозможно. Бессмертные находились в таком же положении. Им приходилось даже еще хуже, потому что они не могли пользоваться и тоководами на своих постах, а во внутрикорабельных переходах группа Балу даже не пыталась вступать в схватки.

— Вы что же? Вы — голыми руками их?! — У Джокта округлились глаза, а в уме он подсчитывал производительность усилителей

штурмовых СВЗ, которые могли позволить случиться подобному единоборству.

— Нет, что ты! — со смехом ответил Балу. — Человек стал царем зверей на Земле не оттого что сильный и ловкий, а оттого что был умным! У нас для такого случая имелось кое-что получше, чем супермышцы СВЗ!

Откуда-то из-за спины Балу извлек нечто странное. Длинное, с зазубринами и в потеках дурно пахнущей жидкости. Основанием этой непонятной штуковины являлась прямоугольная коробка с двумя рукоятями, из которой выползала зубчатая лента. Черная, под цвет штурмового скафандра.

— Что это? — умел, умел Балу преподносить сюрпризы.

— Седая древность, Джокт! Артефакт ушедших эпох истребления лесных массивов! Мотопила «Фридом». Естественно, уже не на архаичном горючем... Потеки — это смазка.

— И вы... и вы... — Джокт начал запинаться, до него разом дошло предназначение нехитрых составляющих агрегата, особенно — стальной ленты.

— А что, и в самом деле такое оружие когда-то существовало? — С чувством брезгливости Барон потрогал изогнутые зубцы, тут же отдернув руку.

— Осторожнее! — запоздало выкрикнул Балу, хотя на лице его не возникло никакого намека на тревогу.

Напротив, лицо штурмовика прямо-таки излучало радость от любования игрушкой.

С пальцев Барона закапала кровь, а штурмовик продолжал улыбаться. Наверняка ведь нарочно допустил эту случайную демонстрацию опасности пилы, подумал Джокт, потому что перехватить руку Барона на полпути, да еще с его-то реакцией, для Балу раз плюнуть!

— Экстра-графит! — пояснил Балу, протягивая Барону бежевый платок. — Или супералмаз, если хотите.

На платке уже имелось несколько темно-бурых пятен. Значит, не одному Барону уже довелось потрогать режущий элемент.

— Такая пила никогда не использовалась в качестве оружия для регулярной армии. Так кто-то из оружейного отдела оказался большим любителем старых видеоужастиков. Сейчас на Земле опять мода появилась... Пересъемки, новый взгляд режиссуры — повторение забытого. Повезло парню, правда? Теперь он за свое пристрастие еще и орден получит. Идея-то к месту пришлась! — притворно позавидовал Балу неведомому оружейнику и продолжил краткий

экскурс в историю. — Вообще-то их использовали для распилки древесных стволов. Кое-кто умудрился добавить пропеллер и получил мини-вертолет. А мы вот...

Архаика! Но разве не архаичными являлись те же торпеды? Пусть даже с новой начинкой и собственными околосветовыми движками, с вычислителем, чей ай-кью превосходит уровень среднестатического обывателя? Или «леборейторы»? Ведь существовал даже официальный праздник — «День стрелкового оружия»! А церемониальные клинки свисали с поясов высших офицеров. Говорят, такие клинки пользовались особым спросом на «темных» рынках...

— А почему — не топоры? Клинки, или еще вот... палки с шипами на конце? — Гонза проявил интерес и эрудицию в области архаичного оружия.

Потом он тоже, но уже осторожнее, чем Барон, прикоснулся к зубьям и тоже отдернул руку, немедленно поместив палец в рот.

— Не та эффективность. А вот эти штуки нам здорово помогли...

Когда до входа в Прилив осталась всего минута, штурмовой группе, доставленной на обшивку вражеского линкора с помощью телескопических сходен, удалось быстро просочиться внутрь. Было такое особо незащищенное место в корпусе линкора, то ли для сброса каких-то веществ, то ли еще для чего — мембранка вроде стартовых мембран для «Вариоров», которую штурмовики прошли без проблем.

Да, сигнализаторы опасности сработали, к тому же разгерметизация не могла остаться незамеченной. И полчища червей, не ожидавших такой наглой выходки, довольно быстро вступили в бой с прорвавшимися землянами.

Был шум, была схватка, и было специальное офицерское подразделение — Балу, еще двое майоров-ферзей и четверо Торов — первых лейтенантов. В то время как основная группа, стоя по колено в крови (вражеской, больше напоминающей сопли), косила и косила защитников линкора, привлекая к себе всеобщее внимание новых групп червей, офицерское подразделение все глубже и глубже, по техническим шахтам, над чашами энергетических установок, в коллекторах с жидкостями, — просачивалось к сердцу и мозгу корабля! К его центральному навигационному посту!

Подсвечиваемая картинка со схемами внутренних коммуникаций и лазов-коридоров линкора ложилась изнутри прямо на обзорники шлемов.

— Это было как в компьютерной игре! Знал бы ты, Джокт, сколько месяцев мы отрабатывали такой план захвата! Ползали по всем туннелям, обнюхивали каждую щель, каждую нишу трофейных кораблей, что использовались в качестве макетов!

А потом игра закончилась. И для офицерской группы настало время «великого рубилова», как выразился Балу.

— Мы потеряли одного Тора, который остался нас прикрывать уже на подходе к центральному посту. Какой-то патруль заметил... Конечно, ничего удивительного, было бы странным, если бы нас вообще не заметили!

Лейтенант, сдерживающий многотонный натиск атакующих туш, против которых не помогала алмазная пила, понял, что ему не продержаться. Тогда он заклинил своим скафандром проход — просто встал враскорячку и заблокировал экзоскелет, направив всю мощность СВЗ на поддержание застывшей фигуры.

Червям пришлось просачиваться сквозь него поодиночке. Все, что потом нашли — какие-то ошметки скафандра, с бесформенными дырами на грудных и спинных панцирях. Шлем и его содержимое были позже обнаружены в брюхе мертвого червя. Но благодаря этому самопожертвованию остальные прошли, установив блокаду проходной мембраны, используемой Бессмертными в качестве дверей, ведущих на пост. Прошли и учинили настоящий погром, хотя это нелегко было сделать. Как и предполагалось, помимо навигаторов, в общем-то не оказавших никакого сопротивления, на центральном посту находилась «личная гвардия» командора. Два десятка отборных червей, превосходивших размерами своих собратьев и потому опасных даже без лазерного и электрического оружия. Они почему-то сохранили возможность генерировать гравитационные поля.

— Это для них все равно как кулаками помахаться! Неотъемлемая сущность, несмотря что — энергия высокого уровня. Вот вам и закономерности Прилива... Вот этого мы не ждали...

И легли еще двое Торов. Один из трех Ферзей (к счастью, не Балу, обрадовался Джокт) навсегда останется калекой.

— Жизнь ему, может быть, и вернут. И даже шейные позвонки поставят на место. А вот возможность продолжить службу — нет. Что-то там с гипоталамусом... Теперь он видит небо под собой и стоит на голове, упираясь ногами в землю. Ту, что наверху. Его даже в Пантеон не стали направлять...

Насчет Пантеонов Балу распространяться не стал, несмотря на расспросы Джокта и Гавайца. Барон молчал. Гонза со Спенсером

тоже. Но если им и было что-то известно — не Барону, тот бы рассказал — знаниями они не поделились.

Единственную откровенность (с большой натяжкой это можно назвать откровенностью!) допустил Гонза.

— Считайте, это вроде табу. Вроде обсуждения темы Первого Боевого. Если наступит время — узнаете. Все мы узнаем... Но лучше, чтоб оно не наступило никогда, такое время... Продолжай, Балу.

Бороться с мотопилами, прорезающими броневые кольца за секунду благодаря усовершенствованным материалам для изготовления режущей кромки, Бессмертные обучены не были. А самым важным, как объяснил Балу, являлся не столько факт захвата линкора, сколько — незнание остальных Бессмертных об этом захвате.

— Понимаете, у нас ведь было всего двадцать минут! Чтобы к моменту выхода из Прилива управление линкора оказалось в наших руках. Ну управлять им, мы, конечно, не могли, но зато не допустили уничтожения и отправки сигнала о штурме звездолета. А в следующую секунду после выхода из Прилива сцепки двух звездолетов был активирован специальный заряд, имитирующий взрыв большой мощности...

Сам же вражеский линкор, как оказалось, был немедленно водворен на место «Кирасира» и сразу прикрыт полями искажения.

— А куда подевали «Кирасира»? — почти в один голос спросили Барон и Гаваец. — Мы же, когда подходили к Крепости, его не видели...

— Никто не знает. И Бессмертные тоже, — закончил за Балу Спенсер.

Вот так. Теперь у «Австралии» появился свой козырь в рукаве. Два козыря. Во-первых, тяжелая станция прорыва — «Кирасир», чье место занял трофейный звездолет. Теперь ее можно неожиданно пустить в дело тогда, когда враг не будет этого ожидать. А «Кирасир» после переделки — очень серьезное оружие. Особенно если использовать его с умом, не отправляя слепо в лобовую атаку. Во-вторых, сам линкор Бессмертных. Несмотря на то что звездолет сильно пострадал в схватке с «Маунстоуном», двигательные установки и агрегаты управления и связи продолжали функционировать. Раз так, то его можно использовать еще эффективнее, чем упрятанного невесть куда «Кирасира». Когда? Для чего именно? Наверное, над разработкой перспективного плана билась сейчас вся аналитическая группа Крепости при личном участии Старика.

Одно дело — трофейный корабль. Другое — трофейный корабль, который враг уже посчитал уничтоженным. Кстати, вместе с линкором Солнечной «Маунтстоуном» (его уже отправили к верфям для восстановительных работ). Так что даже не два, а целых три козыря получила «Австралия» в этот день.

— В общем, Джокт, про свои приключения я рассказал. Очередь за тобой, — закончил Балу, умолчав о многих подробностях кровавой бойни без бластеров в этом «марсианском» аду.

Впрочем, полностью всю живописную картину битвы на мотопилах можно было посмотреть и позже. Видеочип СВЗ зафиксировал все, что видели они — офицерская группа, ворвавшаяся на центральный пост вражеского линкора. Туда, куда ни разу еще не доводилось попасть человеку, пока этот пост занимали Бессмертные-навигаторы, окруженные личной гвардией.

— А знаешь, в этом ведь есть что-то от Средневековья, — высказался Спенсер, — древнее оружие... Ну пусть не оружие, а инструмент для распилки древесных стволов... Сомневаюсь, что на Земле существовали деревья с ню-кевларовой корой! Метод захвата... Даже когда на морских кораблях уже использовалось какое-нибудь оружие, тем не менее никто не брезговал и абордажем. А еще в более ранние времена пехота на кораблях считалась самым лучшим оружием. Пока одни палили из пушек — не гравитационных, пороховых, или вообще — перекидывались огромными камнями, другие подходили, становились борт в борт, и... Как и вы — по сходням, по сходням! Навалом! Цель — капитанский мостик!

— Ну что ж. Можете считать нас именно такой абордажной командой! — Балу хохотнул. — На Земле, кстати, уже оценили наше сражение. Чувствую, грядут новые штурмы и будут летать линкоры со штурмовыми отрядами на борту. Штатные внутрикорабельные команды не в счет, само собой. Это ведь так, тоже пережитки прошлого...

— Военная полиция, — поддакнул Гонза, — что с них возьмешь?

Но во время диалога Балу безотрывно смотрел на Джокта. Его предыдущий вопрос будто повис в воздухе и теперь опускался на медицинское ложе, высвечиваемый, словно прожектором, взглядом штурмовика.

— Я расскажу, Балу... Конечно, расскажу. Я...

Но договорить ему не удалось. Дверь медицинского отсека скользнула в сторону, и внутрь шагнули трое — человек в штатском, который оказался тем самым особистом, что не договорил

два дня назад с Джоктом, военный медик, уже другой, со знаками различия старшего командора, «страшный эскулап», как называли таких во флоте. Редкая, невиданная птица. Третьим был офицер-адъютант. Неизвестно чей, особенно учитывая полковничьи шевроны на рукавах.

— Очистить палубу! — коротко приказал адъютант.

Балу, вероятно, хотел выдать что-то в ответ, но Спенсер предупредительно сжал ему локоть. В отличие от бесстрашного во всех отношениях штурмовика, пилот всегда соблюдал пиетет перед верхушкой командования и робел даже в присутствии полковника. Особенно если этот полковник оказался чьим-то адъютантом. Вот, видимо, именно о начальстве адъютанта и подумал сейчас Спенсер.

Гонза, Барон и Гаваец по очереди потрепали Джокта по плечу и почти строем, глядя в затылок впереди идущему, удалились из отсека. Спенсер, опустив взгляд, тянул за собой Балу. Тот в свою очередь не особенно упирался, но все же оставил последнее слово за собой.

— Кстати, Джокт! С меня причитается! Помнишь того червя на вилле хаймена?

Джокт мелко кивнул, не ожидая, что Балу вообще когда-нибудь заговорит об этом, но, видимо, что-то позволяло штурмовику не таить давно прошедших событий.

— Не знаю, как отметит командование флотом ваш сегодняшний бой, а за червя... В общем, готовь дырочку для «кляксы». Будешь первым пилотом Крепости, удостоившимся пехотного знака! — добавил он, обернувшись к особисту с адъютантом, и, гордо вскинув голову, шагнул вслед за Спенсером.

Как показалось Джокту, сделал он это несколько картинно, а Спенсер заметно побледнел.

Адъютант, впрочем, остался непроницаемо-равнодушным к браваде штурмовика, а вот особист как-то недобро прищурил глаз, будто фиксируя в голове очередную проблему, нуждающуюся в решении.

— Не дай себя проглотить, Джокт! — донеслись уже из коридора последние слова Балу, и Джокт представил, как Спенсер волочет штурмовика за рукав — двухметровую тушу с бесшабашным взглядом — подальше от неожиданных визитеров.

— Пилот Джокт? — осведомился адъютант, словно ничего и не произошло, хотя мог бы довериться идентификации пилота его же друзьями и, кроме того, офицером особого отдела.

Хотя откуда ему? Недоверие у адъютантов культивировалось на генном уровне. Их модификации, как и модификации служащих особого отдела, приводили, помимо развития других особых свойств, к верности единственному хозяину. Или хозяевам. Медик-старший командор также мало походил на доброго Айболита...

— Да, ком! — Джокт встал, только сейчас обнаружив, что из одежды на нем имеются лишь трусы, и принялся нащупывать форму, свернутую аккуратным рулоном у изголовья.

Медицинская аппаратура недовольно пискнула, протестуя против прерывания сеанса восстановительной терапии, две контактные форсунки, прилегающие к телу пациента, когда он покоился на своем ложе, тут же скрылись, втягиваясь внутрь. Но это, похоже, никого не волновало.

— Мне поручено сопровождать вас на Землю, в штаб внешнекосмической обороны. Начальство будет предупреждено, у вас есть двадцать минут.

И все. Кем поручено? Зачем? Хотя зачем — и так было ясно. Смущало одно: стоило ли им всем мчаться сюда, в Крепость, когда достаточно было просто отправить вызов?

Адъютант повернулся и как-то непринужденно, но в то же время с размеренной четкостью, покинул отсек.

Пошел предупреждать комендантство Крепости, понял Джокт. А Старик не тот человек, что будет бегать на цыпочках, наверняка еще и промаринует адъютанта в приемной! Такие слухи ходили про Старика, поэтому Джокт не сомневался, что пройдет больше двадцати минут, пока он покинет Крепость. В любом случае сделать это можно, только если ему позволит или прикажет, без разницы в данном случае, Комендант. Сам, лично или через кого-то из адъютантов. Своих адъютантов.

— Самочувствие, пилот? — Медик проявил не больше многословия, чем его предшественник — адъютант.

— Врач сказал — в норме! — бодро отрапортовал Джокт и неожиданно осознал, что ему не хочется вот так, в одних трусах, стоять и отчитываться перед командором. — Можно я сначала оденусь?

Не дожидаясь ответа, которого, вполне возможно и даже скорее всего, могло и не последовать, Джокт принялся натягивать комбинезон. А когда посреди общего молчания он справился с этим, то обнаружил с правой стороны груди нашивку «ранение в бою», красную, означающую среднюю тяжесть, и тут же почему-то вспомнилась Площадь Цветов. «Ну, все. Теперь у меня будет десять Эстел и двадцать метаморфирующих официанток!» Гаденькая, но прият-

ная мысль вызвала на лице блуждающую улыбку. Но на это никто не обратил внимания.

— Ты видел ЕГО? — Настала очередь особиста проявить участие к происшедшему с Джоктом.

— Не ЕГО, — вскидывая голову, как только что Балу, и стряхивая с плеча невидимую пылинку, Джокт потер, нарочито медленно, шею, застывшую во время долгого лежания. — ИХ было несколько.

Наверное, такая новость заставила особиста не фиксировать поведение пилота, и он не стал щурить глаз, превратившись снова в того человека, каким увидел его впервые Джокт. Разговорчивого, понятливого, не требующего соблюдения субординации. Просто Интересующегося Человека.

— У адъютанта своя служба, у меня — своя. Извини, что прервали твой разговор с товарищами... Ты же понимаешь, как все это важно.

— Понимаю. Именно поэтому никто еще не знает всех подробностей. Я и сам, если честно, вспомнил их несколько минут назад, когда пришел в себя. А вам я обещал...

— Нет-нет! Я сам должен был тебя найти! И вовсе не собирался раскапывать чьи-то грехи, нельзя же слова воспринимать так буквально! Веришь?

— Да, наверное, — осторожно ответил Джокт.

Он уже был готов отправиться куда угодно, осталось только дождаться приказа коменданта. А вот с этим вышла явная заминка. Сначала прошло двадцать минут, потом еще десять, и особист успел уже расспросить обо всех подробностях полета в Приливе. Старший командор-медик вызвал полковника Бар Аарона, и они о чем-то беседовали, если так можно сказать. Потому что говорил в основном полковник, поблескивая очками, что явно раздражало вышестоящего офицера, к тому же Аарон размахивал руками и показывал на экран медицинского терминала, вел разъяснения, не встречая особого понимания со стороны собеседника, давно отвыкшего от практической работы. После, улучив момент, Аарон даже состроил за спиной командора гримасу, пожимая одновременно плечами, демонстрируя Джокту, насколько тяжело дается некоторым постижение очевиднейших вещей. Как только командор-медик вновь обратился к нему за разъяснением, его лицо обрело вежливо-уставное, терпеливое выражение.

— Пилот Джокт! — наконец-то ожил динамик корабельного интеркома. — На двое суток вы поступаете в распоряжение начальника

крепостной обороны Солнечной, заместителя главнокомандующего КС Солнечной, гелиокомандора Бисмара. Одновременно сообщаю вам о представлении к награде. За умелое управление полетной тройкой в бою и личное участие в уничтожении сил противника вы награждаетесь медалью-знаком «За отличие» четвертой степени.

— Оу! — воскликнул Джокт, не стесняясь остальных офицеров, приседая и резко согнув руку в локте.

Но это было еще не все.

— Также за проступки, порочащие честь пилота Крепости, совершенные на Земле, на вас налагается дисциплинарное взыскание в виде ареста продолжительностью в двое суток, начиная с этого часа, и взимается административный штраф в два кредита — за порчу чужого имущества. Кроме этого, за прежние заслуги и личное участие в уничтожении живой силы врага вам отдается в принадлежность один пехотный знак «Личная победа». — «Ага! Вот как на самом деле называется „клякса", которую обещал Балу!»

Насчет проступка можно было не сомневаться — комендант имел в виду то самое купание в Женевском озере, когда Балу, Спенсер и Джокт завалили червя-штурмовика. Недаром символический штраф в два кредита — всего-навсего скромный ужин в средней руки заведении — был привязан к награждению «кляксой». Вот только Джокт не понимал, зачем все это? «Отличие» четвертой степени — маленький ромб с ветвящейся молнией — это еще ясно. А ворошить старые грехи? Те, на которые намекал и особист, это-то зачем? Непонятно...

— Также за полученное ранение... черт дери, лейтенант, надеюсь, мне кто-нибудь расскажет, как ты умудрился оказаться в лазарете! — Нет, в речи Старика был определенный шарм. Умел он говорить с экипажем, даже по интеркому. Ох, умел! — Вам предоставляется отпуск длительностью двое суток, место проведения отпуска — по вашему усмотрению!

«Ну все, — понял Джокт, — я люблю коменданта, что бы про него ни говорили! И где же скрытое коварство, про которое ходит столько...»

— Ваш отпуск начинается через час, одновременно с началом отбывания дисциплинарного наказания и убытием на Землю под команду гелиокомандора Бисмара.

«...слухов... Как это понимать?»

А вот так и понимать. Никогда нельзя торопиться с любовью!

— Прошу явиться ко мне для вручения награды.

Интерком умер, чтобы воскреснуть позже.

Аарон сердечно поздравил Джокта, умудрившись найти сразу очень много слов. И про начало блистательной карьеры, и про то, что к ее окончанию наград у Джокта будет больше, чем звезд на небе. И про то, что лучше было бы ему, Джокту, не начинать такую карьеру, когда в любой момент можно оказаться в медицинском блоке, а это — лучшее, из того, что может произойти.

Командор-медик проронил что-то неразборчиво-поощрительное, а вот особист почему-то сильно загрустил.

— Ну что ж. Недаром ваш Старик стал комендантом, — философски сказал он и кивнул Джокту, когда тот отправился в святая святых Крепости, к самому Старику, за получением награды.

В приемной его встретил адъютант, прибывший с Земли. Он сейчас выглядел не лучше электрического чайника, в котором закипает вода. Что-то пробивалось у него изнутри, какие-то слова невидимо пузырились на губах, но так и не появлялись на свет. Еще почему-то шея адъютанта стала вишневой. Не привык, или наоборот, отвык он, наверное, от таких ожиданий в приемных.

— Пилот... — начал было Джокт, но не закончил.

Потому что цепкая пятерня сомкнулась у него на воротнике.

Дверь закрылась автоматически. Вслед за ней из ниш выскользнули еще две двери, по очереди отсекая официальные апартаменты коменданта от приемной. В углу комнаты заработал какой-то прибор, напоминающий кондиционер, но воздух от этого свежее не стал.

— Откуда только такие берутся на мою голову? — вместо приветствия сказал комендант и протащил Джокта через все помещение прямо к «кондиционеру». — Это — шумоподавитель, он же — защита от записи. Видишь, на что мне приходится идти?

Джокт зачем-то сказал, что да, видит, но сегодня, наверное, случился такой день, когда никто не собирался его, Джокта, слушать.

— Садись! — В икры ткнулось выкатившееся низкое кресло, и Джокт рухнул в него, балдея от такого обращения.

Нет, без шуток, оно очень ему понравилось! Сначала — случай на озере, за который еще не получен нагрудный знак, но уже нарисовалось взыскание. Потом отпуск по ранению, совмещенный с арестом и отбытием на Землю... Отпуск, который пропал, даже не начавшись. Теперь — шумоподавитель и нелюбезное кресло. Но все это представлялось намного лучшим, чем казенщина и официальные разбирательства, которым его, несомненно, должны подвергнуть на Земле.

— Значит, так, пилот. Парень ты, может быть, и геройский, но это не повод, чтобы задирать нос перед заместителем главнокомандующего ВКО или даже перед его адъютантом, усек? — Потом дальше, без паузы: — То, что вы натворили на Земле, теперь никого не касается. Ты наказан. Мной. И прежде чем наказывать тебя еще раз за тот же проступок, если так можно назвать убийство охранника, избиение второго охранника и уничтожение некоей домашней зверушки, им придется попытаться аннулировать мое решение. Черта с два они его отменят! А значит, повод для шантажа отпал. Это тоже запомни! По возвращении из отпуска... Через два дня, в общем, первым делом пройдешь экспресс-сканирование. За этим ты обратишься к полковнику Бар Аарону, не дожидаясь моего напоминания. Понял? Сразу, как вернешься — к Аарону. Дальше... Находясь в отпуске, офицер не становится гражданским лицом, но и не может быть задействован в боевой операции без указания лишь немногих уполномоченных лиц. Еще ты не расстанешься на Земле со своим индапом и табельным оружием. И оружием! — веско повторил комендант, заметив, что Джокт отвлекается на звук шумоподавителя, и при этом вгляделся в лицо, словно оценивая, достоин ли пилот всех его откровений.

— Офицер имеет право применить оружие, если возникнет угроза его жизни или жизни окружающих со стороны любых лиц — как гражданских, так и других военнослужащих, независимо от ранга. Забудь про окружающих, пусть это будет их проблемой. Но сам... Не снимай руки с кобуры, понял?

— Я понял... я знаю... — едва услышав о возможности применения оружия, начал лепетать Джокт, на самом деле абсолютно ничего не понимая.

— Да ничего ты не знаешь! Олухи царя небесного! Один, как малое дитя, тешится своей службой и лезет, куда не нужно! Другой просит о защите, чуть не на колени падает... А третий строчит черт знает что в послеполетных рапортах!

— Но я же не знал! Откуда я мог знать...

— Ниоткуда! Но на будущее запомни одну очень простую вещь, раз уж ты сам до нее не смог додуматься... Все, что связано с Крепостью, тем более то, что выходит за рамки обычного, должно тут же становиться мне известным!

— А про Первый Боевой... — по инерции озвучил свои мысли Джокт, абсолютно справедливо полагая, что Старика этим не удивить.

Действительно, комендант отмахнулся от сказанного Джоктом, словно от чего-то несущественного. И продолжил:

— Потому что ты не можешь предугадать, какие будут последствия. А меня это волнует. И еще как! С Земли ведь всего не видать, и планирование местных операций мы проводим без них, докладывая в штаб ВКО не до, а после.

— Но что такого может быть интересного для Крепости в моих видениях? Которые к тому же неизвестно чем являются на самом деле? Свой рапорт я отправил по команде и...

— Он должен был рано или поздно попасть мне на стол. Так? Так ты думаешь?

— Ну да. — Абсолютно сбитый с толку Джокт полагал это очевидным.

— А как ты мне ответишь, если я скажу, что не передавал содержимое твоего рапорта на Землю? Вернее, прежде чем я узнал о «Летучих голландцах», об этом уже знали в штабе на Земле.

— Наверное, кто-то отправил. Но не я!

— Кто-то, но не я, — будто передразнивая, повторил комендант. — Вот и мне неизвестно, кто это сделал. Усекаешь?

— Вы думаете, в Крепости есть офицеры... с двойным подчинением? — сам собой придумался термин.

Комендант коротко хмыкнул, настолько наивной оказалась эта реплика Джокта.

Естественно, в Крепости имелись ставленники штаба, потому что при всей безграничной власти коменданта требовался постоянный канал связи со штабом. Где очень не хотели, чтобы однажды эта безграничность вышла из-под контроля. Мера обязательная и разумная. Поэтому помимо каналов скрытой связи и информаторов (кстати, это не обязательно могли быть офицеры, скорее какой-нибудь шифровальщик или оператор вычислительных машин Крепости), существовали и скрытые до поры до времени каналы воздействия. Вплоть до устранения коменданта от командования гарнизоном и приданным ему флотом. Но Старик не стал распространяться перед Джоктом, хотя пилоту хватило и этой короткой ухмылки, чтобы понять пусть не все, но многое.

— Простите, но все же каким образом мои галлюцинации или даже не галлюцинации могут повредить Крепости? И... неужели вы бы их скрыли от штаба?

— Не знаю, пилот. Еще не знаю, могут ли «Летучие голландцы» как-то навредить мне, но тебе, похоже, они уже навредили.

— Это как? — Джокт чуть не подпрыгнул от такой новости.

— Кое-кто в штабе считает тебя предателем.

— Как это? Почему? — Воздуха стало мало, пространство сузилось до какой-то клетки, два на два шага, нелепость такого подозрения не позволяла поверить в услышанное. — Как я могу быть предателем? Предать что? Или — кого? Кому?

Голос Джокта начал срываться и дрожать. В голове кружился вихрь вопросов, и если бы не жужжание аппарата противодействия прослушиванию и записи, можно было бы услышать щелчки пневмоинъектора.

— И вы? Вы тоже так считаете? Глупость какая-то!

— Я как раз так не считаю, иначе ничего не стал бы тебе говорить. Еще, возможно, я не совсем правильно выразился... Не предателем, а кем-то... Кем-то другим. Не тем, за кого ты себя выдаешь.

— Не понимаю, кому и зачем понадобилось городить такую чушь! Но если меня не обманули, я не единственный пилот, кто сталкивался в Приливе с «Летучими голландцами». При необходимости я готов пройти полное мнемосканирование и все-все, что угодно...

— Все, кто встречался с «Летучими голландцами», исчезли, Джокт. Вошли в Прилив и не вернулись. Поэтому было решено считать, в целях безопасности, так сказать, что вы — порождения Прилива. Или что-то в этом роде. А раз уж Приливы умеют хранить тайны, то мнемосканирование не поможет.

— Но ведь я уже проходил процедуру мнемосканирования, неужели тогда...

— Тогда ты еще не видел своих призраков. Или наоборот, они еще не вышли с тобой на связь.

Джокт начал крутить головой, пытаясь взглядом поймать хоть что-то, что вернуло бы пол под ноги, но все тщетно. В шаге от него гудел аппарат, похожий на кондиционер, на экранах терминала, занимающего верную треть помещения, кружился водоворот звездных пейзажей, из которых более-менее привычными были виды Крепости во всех ее ракурсах. Наконец появилась мысль, хоть как-то спасающая положение.

— Почему тогда меня не отстранили от полетов? Вдруг я тоже исчезну, как те, другие?

— Потому что позже они вернулись. Все до единого... — Комендант доверительно склонился к Джокту и ответил на невысказанный вопрос. — Вернулись и сообщили, что видели другую галактику. Другой Млечный Путь.

— Пятьдесят три — шестьдесят четыре генерального каталога? Эм — тридцать один — Андромеда? — быстро назвал пилот первые же пришедшие на ум спиралевидные галактики, схожие с Млечным Путем.

— Нет. Именно нашу Галактику. И там были огромные звездолеты, гигантские станции, были люди! Понимаешь, Джокт? Люди! Другое человечество! И никаких Бессмертных.

— А потом? Что происходило с ними потом?

— Потом все астронавты исчезали во второй раз. Но в этом уже нельзя было винить Приливы.

— Их изолировали? Да? Для подробного изучения полученных данных, как те зонды-спутники, побывавшие в Ядре Галактики?

— Нетрудно догадаться, верно?

— Я все равно не понимаю, — наверное, в десятый раз повторил Джокт. — Во-первых, мне говорили, что среди услышавших зов Прилива имелись не только пилоты истребителей. Там были офицеры линкора, других кораблей с большими экипажами. Как же они могли исчезнуть? Во-вторых, как возвращались обратно? — Джокт волновался, невзирая на то что индап справился с первым страхом, волновался, потому что открывшаяся перспектива стать подопытным кроликом на Земле его никак не радовала. — В-третьих...

— И в-третьих, и в-четвертых, и в-пятых... Вопросов много. Боюсь, что ответов у меня пока нет.

Ну вот. Как на инструктаже перед Первым Боевым, вспомнил Джокт.

— Единственное, что мне известно, — их гоняли бесчисленное количество раз сквозь Приливы на одноместных автоматических катерах, чтобы ускорить повторную встречу с тем же самым, что встретилось и тебе. И потом они начали исчезать. Не знаю, как именно это происходило. Только через какое-то время катера вновь выпрыгивали из Приливов. Кома, транс — таково было состояние всех возвратившихся. Дальше мне неизвестно ничего, только обрывки слухов из коридоров Генерального штаба... Якобы каждый из них побывал неизвестно где и встретился неизвестно с кем. Условно это назвали людьми, не доверяя полностью астронавтам. Все. Занавес. Тайна, покрытая мраком!

— Значит, я не вернусь в Крепость через двое суток... Меня не отпустят.

— Вернешься, — обнадежил комендант, — и тебя отпустят. До следующего раза, дожидаясь, когда ты пройдешь Приливом и вынырнешь в неизвестности. А вот затем, при возврате, тебя точно

упрячут под колпак и разберут твою память по фрагментам. Не удивляйся, что я обо всем с тобой откровенничаю. Проблема в том, что эти исследования проходят уже без участия Штаба ВКО. Вот это меня и волнует.

— Почему?

— Никто не знает, пилот, как развернутся дальнейшие события. Наш хваленый «Общий штурм», которому пропели осанну на всех видеоканалах Солнечной, — всего лишь атака предполагаемых перспективными квадратов. Стрельба по площадям. Бой слепых великанов с великой пустотой! Вот чем это обернется! Я не могу пока сказать, когда начнется «Общий штурм»...

— Через две недели, — не смог удержаться Джокт и, смутившись, поправился: — Уже через одиннадцать дней!

— Молодец! Разрешаю и дальше поддерживать этот слух! На то ведь она и пропаганда, чтобы быть и явной, и тайной одновременно.

— Значит, не через одиннадцать? — Джокту почему-то стало жаль и себя, и Барона, и даже Эстелу, что они оказались обманутыми. Пусть даже обман произошел из благих побуждений.

— Не могу сказать, — повторил комендант. — Штурм будет. Это все, что нам положено знать. Когда и почему назначен именно этот срок — решаю не я. И не ты. Но это, честно говоря, мало меня беспокоит. Я полагаю, чем бы такой штурм ни завершился, он не может означать конец всей войне. Неважно — удастся нам успешно его провести или нет... А волнует меня то знание, та тайна, которую кто-то решил оставить для себя. Для личного, так сказать, пользования. И если тебе доведется вынырнуть из Прилива не в той точке, где ты ожидал, не торопись возвращаться. А когда вернешься — вспомни все, что я тебе говорил.

В интеркоме прозвучал сигнал вызова, но комендант никак не отреагировал, даже не попытался узнать, кто его беспокоит. И Джокт понял, насколько важен этот разговор для Старика, который между тем продолжал:

— Глобальный Совет вынужден был уступить давлению верхушки командования ВКО, причем не только и не столько главнокомандующему, как всем нам — комендантам пяти крепостей. И теперь в каждой Крепости ведется свой поиск. Уже — на благо всем. Всей Солнечной.

— А если меня... — Джокт хотел сказать «собьют», но Старик, в который уже раз, понял и без слов.

Ответ же его оказался весьма и весьма уклончив.

— Такое бывает. Ты уж постарайся...

Он тоже не стал договаривать, «чтобы тебя не сбили».

— И еще, Джокт. Хочу, чтобы ты знал мое мнение. Я не верю в предательство или мистическое перевоплощение пилотов в соглядатаев Бессмертных или Приливов. Первые просто в них не нуждаются, потому что им хватает мощи флота и штурмового корпуса, да и с помощью разведзондов можно собрать больше информации, чем известно всем штабистам, не говоря уже о пилотах, вместе взятым. Второе... Как-то это неубедительно звучит — стать шпионом космического процесса. Все равно что поступить на службу к урагану или к законам термодинамики. Но мне кажется, что предатели все-таки есть, только искать их нужно не среди несущих службу в Крепостях и даже не в штабах. Так что удачи тебе и успеха. И лучше будет, если ты не станешь шататься по Мегаполису. Пусть даже к этому все подталкивает и располагает. Ночуй в штабе. Присматривайся. Прислушивайся. То, что я задумал, гарантирует твой возврат в Крепость на девяносто девять процентов. Но ты ведь знаешь, какая пропасть лежит между «тремя девятками» и полной световой скоростью? Ее не измерить всего одной риской, делением шкалы спидометра. И всегда возможны неожиданности. Вот теперь все. Иди, мы и так заставили кое-кого подождать.

Невероятно! Комендант Крепости «Австралия» предложил ему быть шпионом (правда, почему-то всегда лучше звучит слово «разведчик») в штабе ВКО! Хотя, быстро все обдумав, Джокт решил, что в этом нет ничего сверхъестественного или неправильного, раз уж речь зашла о чьих-то интересах, не совпадающих с интересами Космических Сил. Загадкой оставалось, чем же мог Старик гарантировать те самые девяносто девять процентов?

— Да! Чуть не забыл!

Окрик коменданта застал Джокта в дверях, когда он уже видел профиль адъютанта, сидящего в приемной с раздутыми ноздрями. Жужжание аппарата в углу смолкло, и Старик опустил руку на сенсорную клавиатуру селектора связи.

— Пилот Барон! Получите у командира группы сувенир для своего лидера! — После этого комендант развел руками и сказал так, чтобы услышал и адъютант: — Извини, у меня здесь не склад с наградами. Мои поздравления ты выслушал, фанфары и всеобщее ликование для такого случая не предусмотрены, придется подождать до следующего раза, когда это будет «Солнечная корона», а для вручения перед строем сейчас слишком неподходящее время.

Затем он вышел из кабинета, придержав Джокта за руку. И рассыпался в извинениях перед адъютантом.

Нельзя сказать, что это были очень уж душевные извинения. Так, интонация чуть более теплая, чем требовал случай, и сразу же — переход на другие темы. Как дела в штабе? Не замотала ли адъютанта жизнь по дальним форпостам? Как дети? Оказалось, у адъютанта имелась семья, и почему-то Старик помнил поименно всех ее членов, не забыл даже поздравить с прошедшим юбилеем супруги. Взгляд адъютанта чуть потеплел, но все же остался настороженным. Ведь он был явно не простак-рассыльный, которому можно отвести глаза разговорами.

Адъютант наверняка догадался, о чем мог так долго беседовать комендант с неожиданно оказавшимся в центре внимания лейтенантом. Но все же поддержал разговор, эти правила игры были давно ему известны, тем более, разговор получился о вещах, близких адъютанту, а поэтому он не смог скомкать беседу, когда в приемную вбежал Барон, чуть запыхавшийся, с красивым бархатным футляром в руках.

— Пилот Барон! — начал он рапортовать.

— Вижу, вижу, что прибыли! Подождите одну минуту! — с деланым раздражением комендант подтолкнул растерявшегося Барона к своей рабочей каюте. — И прикройте дверь, незачем вам слышать все наши тайны! — Старик тонко издевался над адъютантом, который ничего сейчас не мог с этим поделать.

Джокт все понял. Барон тоже. Едва закрылась дверь, он быстро начал шептать.

— Джокт! Я был у Старика и рассказал об ультиматуме семьи. Сначала он не хотел мне помочь, но потом согласился... Ты — моя гарантия! Гарантия, что меня не затребуют на Землю в течение двух недель! Ты отправишься на два дня в штаб и расскажешь все, что видел в Приливе. — Тут он смутился от своей восторженности. — Ну тебе все равно пришлось бы все рассказывать. Не знаю, почему это оказалось так важно, но... Старик при мне связался со штабом и выставил свое условие. Если бы они не согласились, тебя бы перевели в лазарет какого-нибудь линкора и отправили бы этот линкор в рейд. Извини, что так, наверное, не было другого выхода. Так что тебе снова придется лететь на Землю вместо меня, хоть это теперь и не твой выбор. Извини...

Аудиенция близилась к завершению. Комендант вместе с адъютантом (первый — цветущ и бодр, второй будто съел чего-то кислого) вошли в помещение, к ним присоединился майор Гонза. Грудь

и ворот форменки Джокта украсило сразу два знака. Бронзовый ромб с ветвящейся молнией и белая клякса. Короткое поздравление, все пожали ему руку, и адъютант сделал приглашающий жест следовать за ним.

«Нет, это ты извини меня, друг!» — без грусти, но с каким-то чувством опустошения мысленно обратился Джокт к улыбающемуся Барону, который до последнего момента не верил, что кто-то вмешается в его судьбу и не позволит отправиться прямо сейчас на Землю. В колючие объятия семьи.

Почему-то Джокту Старик открыл глаза на несостоятельность ожидаемого срока «Общего штурма», а вот Барону не подал даже намека. И не пребывание Барона вдали от Земли гарантировал отлет Джокта. А наоборот. Возврат Джокта был гарантирован тем, что Барону придется через одиннадцать дней покинуть Крепость. Тут все честно, наверняка Барон рассчитывал, что начало масштабных военных действий отвлечет те силы, что заинтересованы в его возврате. Оно бы так и случилось, если... Если бы через одиннадцать дней что-то произошло.

Так что по всему выходило, что девяносто девять процентов гарантии для Джокта — это Барон. Даже защиту от записи и прослушивания Старик выключил как раз перед тем, как... А, ладно! Что уже об этом думать!

Прости, еще раз мысленно извинился Джокт, но ты сам учил меня видеть и анализировать то, что не лежит на поверхности. А Спенсер с Балу — читать между строк. Или это Балу так сказал? Тоже неважно. Все остальное, о чем Джокту стало известно от коменданта, было настолько сложным, что он не стал над ним задумываться.

Прибыть на Землю. Выдержать двое суток бесконечных расспросов. Возможно, опять придется пройти сканирование и дергаться от действия излучателя инфразвука. И вернуться.

Вернуться, чтобы снова пройти в Приливе. И еще раз, и еще. И сколько потребуется. Увидеть свои загадочные звездолеты, услышать таинственный зов. Если и впасть в злополучный транс, то только для того, чтобы увидеть другой Млечный Путь, Солнечную во всей ее мощи — Другую Солнечную с Другой мощью! И пусть в той галактике не будет места Бессмертным.

Посыльное судно-авизо. Знакомый пилот, незаметно для всех остальных подмигнувший Джокту. Вход в Прилив на двух сотых световой. Джокту показалось, что так выглядит скорость улитки в глазах гепарда. Не зря всем без исключения пилотам истребителей

можно смело выставлять диагноз «непригоден к жизни без полетов». Полетов среди звезд, превратившихся в черточки, когда взгляд не успевает охватить все пространство, необходимое для боевого разворота, а мысль не успевает за предчувствием.

Глава 8

Попав в салон судна-авизо, Джокт сразу оказался в фокусе трех взглядов, впившихся в него, будто перекрестья прицелов. Недобротягучий — взгляд адъютанта, для которого Джокт являлся своеобразной квинтэссенцией неласкового приема в Крепости и недостаточной почтительности Балу и коменданта. Видимо, адъютант привык к большей покорности, расторопности и уступчивости, потому что представлял во всех вояжах фигуру наиболее внушительную, чем он сам. А тень, как известно, иногда бывает длиннее того, кто ее отбрасывает, и таково свойство всех адъютантов — казаться самим себе более значимыми, чем они есть на самом деле. Ведь от его рекомендаций, докладов, даже тона, которым делаются эти доклады, зачастую зависела карьера не только какого-нибудь лейтенанта, но и старших офицеров. Впрочем, Джокт не боялся подковерной возни относительно своей скромной персоны. Не станет же, в самом деле, командующий крепостной обороной следить за карьерой пилота, одного из тысяч, ожидая удобного случая, чтобы срезать тому очередное звание. Вот, например, за Стариком, снискавшим в штабах славу самодура (но самодура умелого, человека на своем месте), никогда не замечали злопамятства. Виновного он мог наказывать или миловать, заслужившего награду — наделять ею, но никогда он не допускал несправедливости. Большая, наверное, редкость в Космических Силах. Если в других Крепостях, пусть не часто, но бывали случаи подачи рапортов офицерами «о невозможности совместной службы...», то в «Австралии», насколько знал Джокт, такого не произошло ни разу с тех пор, как Старик стал комендантом.

Не вмешиваясь во внутреннюю жизнь гигантского разношерстного коллектива, что находился под его командованием, Старик тем не менее умудрялся знать все про всех. И еще помнил имена каждого из офицеров Крепости. Это, наверное, самый важный признак, отличающий командира такого ранга. Тем более комендант никогда не допускал, чтобы малейшие проявления недружелюбия и взаимной неприязни перешагнули порог кубриков, разбираясь

сам с такими случаями. Для этого у него имелось много методов. И людей, служивших ему верой и правдой. Вот и Джокту выпал шанс также сослужить службу Старику. А хорошо это или плохо, Джокт мог решать только на интуитивном уровне, даже не догадываясь, о каких настоящих предателях говорил комендант.

Хорошо или плохо? Хорошо или плохо... В своем решении Джокт пока склонялся к первому варианту ответа.

Второй взгляд. Медик. Тот, что «дорос» до старшего командора. Высокое звание съело в нем профессионала, как сказал бы Балу. Этот взгляд не был недружелюбен, не был тягуч. Но равнодушие зачастую куда хуже любого недружелюбия. Вот эту жизненную истину Джокт успел постичь сам. Оставалось только удивляться, зачем медик вообще смотрит на Джокта?

А вот третий взгляд был подобен цепкой хватке хищника. Неожиданно Джокт понял, что истинный облик особиста проявился не там, где он дружелюбно уступил просьбе другого медика, занимающегося разработкой индивидуальных аптечек. Все эти ленивые потягивания, приглашение на кофе остальных участников комиссии, а после — прощание с Джоктом, немножко яда в словах и обещание всенепременно раскопать какие-то дополнительные данные. Все это не являлось истинным обликом. Даже сейчас Джокт не мог решить, что по-настоящему выражает взгляд офицера особого отдела. Но только поначалу. Потом он понял и это: особист внимательно, с напряжением, изучал лицо Джокта, надеясь поймать какой-то неуловимый момент. Тот самый, что выделил Джокта среди тысяч других пилотов. Ведь авизо шел сквозь Прилив!

— Это никак не проявляется, — хлопая ресницами, сказал Джокт, нарушая общее молчание.

Медик-командор и адъютант не отреагировали, а вот особист вздрогнул. Еще бы! Умение читать чужие мысли не может быть полным без способности скрывать свои собственные. И особист явно не ожидал такой проницательности от Джокта, потому и вздрогнул. Он понял, что его намерения раскрыты, но отнекиваться и переспрашивать, что имел в виду Джокт, не стал.

— Совсем-совсем никак?

— Абсолютно. Нет никакого предчувствия, никаких ощущений. Просто в Приливе возникает рисунок, в котором я могу разглядеть четкий силуэт звездолета. А потом — звук. Вот только тогда возникают ощущения, — Джокт передернул плечами и уточнил: — Очень и очень неприятные. Как будто кто-то трогает изнутри позвоночник... Не могу передать, потому что мне не с чем сравнивать. Тем

более что у меня пока небольшой опыт по встречам в Приливах. Всего два контакта...

Тут особист вздрогнул второй раз.

— А второй контакт... Больше ничего не происходило? Такого, чего не было при первой встрече?

Джокт задумался, и во взгляде собеседника тут же промелькнула опасная подозрительность.

— Я не знаю, можно ли это назвать чем-то особенным, просто...

Напрягся особист, напрягся адъютант, только медик остался прежним, и Джокт понял почему. Его наверняка отправили в Крепость соблюсти формальности, оторвав от какого-нибудь важного дела, например составления графика поставок биопротезов в Крепость «Африка», штурмовые группы которой несли большие потери. Или от другого канцелярского занятия. То, что это действительно являлось формальностью, было несомненным. Потому что если бы Джокту потребовалась помощь, навряд ли ее мог оказать старший командор, давно забывший, как пользоваться ремкомплектом. И наверняка их встреча первая и последняя, о чем медик знал, а в штабе с Джоктом будут вести беседы и обследования другие специалисты медицинского управления, у которых нашивки на шевронах поменьше...

— Просто первый раз я увидел один корабль. Сегодня их оказалось несколько, и, может быть, поэтому зов стал сильнее.

— Зов? Почему ты назвал это зовом? — тут же отреагировал офицер особого отдела.

Джокт прикусил язык, поняв, что со словами ему нужно обращаться намного осторожнее и что они могут дорого обойтись ему при случае.

— Я не знаю, как еще это назвать. Звук, зов, голос. Оба раза было такое ощущение, будто кто-то прямо над ухом повторяет одно и то же: «Ом, Ом, Ом!» И больше ничего.

— Тебе не показалось, будто кто-то зовет тебя по имени? — наполовину все также отстраненно, наполовину со слегка пробудившимся интересом спросил командор-медик.

— Нет, они больше ничего...

— Кто — они? — опять особист, и опять Джокт мысленно огрел себя по затылку.

«Вот балда! Сам же нарываюсь!»

— Ну галлюцинации или кто-то, или что-то... Не может же звук существовать сам по себе? У любого звука должен быть источник.

у акустика, например, имелся прибор, излучающий низкочастотный сигнал, такой сигнал невозможно услышать. А в Приливе я дважды слышал одно и то же.

— Этот звук? И только?

— Да. Только этот звук. Если бы меня кто-то назвал по имени или к непонятному слову добавилось хоть одно уже понятное, я... я бы умер, наверное, от страха. Не потому что трус, такова сила воздействия. Сегодня видение длилось дольше, и я рассмотрел... Они огромные, эти звездолеты, как блокадопрерыватель, а ведь угловые размеры того же «Кирасира»...

Медик совсем заскучал и отвернулся разглядывать туман Прилива в обзорном экране. А Джокт поймал себя на том, что тоже не прочь полюбоваться Приливом. Да что там! Его просто тянуло посмотреть на экран. Еще было чувство, будто загадочные корабли, «Летучие голландцы», всегда рядом, всегда находятся в Приливе, нужно только суметь угадать их силуэты за нагромождением прочих фигур. Страха не было, Джокт не боялся вновь увидеть огромные провалы оружейных раструбов и конические, висящие одну над другой, надстройки призрачных звездолетов, пусть даже их окажется целая сотня или тысяча. Зато оставалось опасение, что, услышав звук, он снова впадет в транс и его индап, уже можно будет сказать «по привычке», снова сделает что-то не то, что-то ненужное, отчего Бар Аарон будет яростно сверкать очками, обижаться на молчание пациента, а потом скажет: «Поздравляю, Джокт! Ты уже второй раз сошел с ума! Видишь, это не страшно...»

Джокт тряхнул головой. Особист, угадав его мысли, снял визуализацию, и теперь на экранах побежали красочные кадры — водные пейзажи Европы с высоты птичьего полета. Джокт усмехнулся чужой заботе.

— Это не поможет. Мне сказали, что зов, то есть... звук, действует даже на тех, кто находится далеко от обзорных экранов.

— Боишься? — поинтересовался особист.

На этот раз без усмешки и легкого намека на нее. Профессионал в своей работе, он наверняка имел много образов. Даже не так, у него не было постоянного индивидуального образа, только тот, который необходим в данный момент.

— Не знаю. Я не чувствовал никакой угрозы. Просто... Все это случилось так неожиданно. Честно говоря, я был бы рад больше никогда ничего не увидеть. Идти Приливом, как все. Заниматься своей работой, а не...

Джокт в третий раз прикусил язык, с которого готов был сорваться какой-нибудь нелестный эпитет в адрес троих сопровождающих.

— Может, ты и прав, пилот. — В голосе особиста теперь звучало даже сострадание. — Но тебе не пришлось выбирать...

«Тогда почему меня считают предателем? — чуть было не кинул ему в сочувствующее и сострадающее лицо Джокт. — Почему я обязательно должен оказаться перерожденным существом со скрытой программой, полученной в Приливе? Может быть, еще кто-то захочет обвинить меня и в связях с Бессмертными? Теми, кого я жег в бою, теми, которые запускали в „Витраж" свои торпеды?»

Но он не сказал ничего, сделав вид, будто с интересом просматривает видеоролик.

* * *

Потом снова Лунная станция. Мягкая швартовка и подмигивание пилота авизо.

Отбывающих на Землю было относительно немного. Больше — технический персонал и гражданские. А вот людей, прибывших на Луну с Земли и ожидающих отправки дальше, за пределы Солнечной, вот их было даже чересчур много.

Пока особист куда-то исчезал, видимо, договариваясь о внеочередной отправке на Землю, Джокт разглядывал толпу, скопившуюся под громадой купола, и с удивлением отмечал, что здесь преобладают штурмовики. Опять — группами, сотня за сотней, они направлялись к причальным сходням и исчезали в непроницаемых, прикрытых тройной защитой транспортах, которые закинут их дальше — к «Австралии», «Азии», «Америке», «Европе» и «Африке».

На лицах пехотинцев читалась тревога. Ведь ежу понятно было, к чему вся эта спешка и для чего их отправляют к форпостам.

Неожиданно Джокт высмотрел лицо, показавшееся знакомым.

«Вот черт! Я ведь должен ему ящик джина! Два ящика! — вспомнил он. — Именно этот парень подсказал, где найти и увидеть Лиин...»

Найти, чтобы потерять.

В конце концов, поборов искушение окрикнуть его, Джокт решил не начинать разговор. Потому что неизбежно должны были

возникнуть некоторые неприятные вопросы. А ему очень не хотелось ворошить память. Очень. Не хотелось.

Энергетический луч. Лунный причал, где Джокт с сопровождающими не задержались, пройдя после высадки какими-то безлюдными служебными коридорами, где в самом конце оказалась станция подземки. Совсем маленькая станция, но Джокт был уверен, что отсюда можно попасть в любой конец планеты.

Экспресс-вагон был один. То ли подавались они к тайной станции только по заказу, то ли пользовались ими вот такие небольшие группы. И весь путь лежал исключительно ниже поверхности. Глубоко, глубже, чем ходит обычная подземка или даже Единая Трансконтинентальная. К тому же дальше шел прямой путь — практически без изгибов, подъемов и спусков. Сколько Джокт ни пытался рассмотреть в иллюминаторе экспресс-вагона какое-нибудь ответвление пути, ему это не удалось. Ни ответвлений, которые способен был заметить даже на такой скорости взгляд действительного пилота, ни других станций, ничего. Только темнота туннеля, подсвечиваемая транспортным энергетическим лучом малой мощности, чье сияние выбивалось из-под округлого днища вагона и ложилось на стены и тюбинги туннеля неясными смазанными пятнами.

Всю дорогу Джокт молчал. Молчали и его сопровождающие. Лишь в конце пути, на станции, выводившей прямо внутрь штабного комплекса зданий, расположенного в Средиземноморском Мегаполисе, командор-медик пожелал ему выжить в бою, пожав руку, и с этими словами удалился первым. Вторым оказался особист. Он не стал прощаться, а взглянул на часы и сказал, что встретится с Джоктом сразу после приема у командующего крепостной обороной.

Адъютант пропустил Джокта вперед и, уставившись своим фирменным давящим взглядом в затылок, указывал, куда следует идти.

— Господин полковник! — Джокту надоело это терпеть: взгляд и все, что за ним крылось, и он обернулся. Причем остановился так резко, что адъютант едва не налетел на него. — Господин полковник! Моя работа — пилотировать истребитель. Моя команда — два таких же, как и я сам, вчерашних курсанта. Мой тактический номер по ведомости Крепости — «веда — тридцать». И это все, что у меня есть. А выше — оболочка и броня Крепости, космос, звезды, командир группы, потом командир истребительного отряда, командующий истребительным флотом «Австралии», над ними — комендант,

офицеры штаба... Может быть, у вас произошло что-то неприятное, но только я в этом не виноват. И если бы не чертовы встречи в Приливе, вы бы никогда не узнали о моем существовании. Ни вы, ни целый заместитель главнокомандующего КС. Кстати, так же как и я — о вас. Вы делаете свою работу, я — свою. И в этом мы никак не пересекаемся. Поэтому, не посчитайте за дерзость, прошу вас не смотреть на меня, как...

Джокт так и не смог подобрать подходящего слова, да это было и не нужно.

Пару секунд адъютант сохранял прежний взгляд. Потом уголки его губ приподнялись, и Джокт понял, что это была улыбка!

Через какие же передряги и события должна протащить человека его служба, если улыбаться он может только так — уголками губ? Может быть, адъютанта умилило перечисление всей пирамиды власти, что высилась над маленьким ее кирпичиком — пилотом, а может, он просто давно не слышал человеческих откровений. Без масок и вуали, как любил противопоставлять братство пилотов правилам жизни хайменов Барон. Так или иначе, взгляд адъютанта изменился. Не потеплел и не наполнился дружелюбием, нет. Просто — потерял давление. И сразу оказалось, что глаза у адъютанта обычные карие, без надменных морщин под нижними веками, и что он может взирать на окружающих вполне обычным взглядом.

— Литературный факультет не заканчивал? Обычно мне говорят: чего пялишься? На свою жену смотри, а я тебе не картина! Ну что-то такое... А ты производишь впечатление молодого человека с высшим образованием. И угораздило же тебя попасть в истребительный флот! Стихи, наверное, пишешь?

— Не пишу, — смутился Джокт, — некогда мне этим заниматься.

— Ладно, ладно. Когда будешь разговаривать с гелиокомандором, держись проще, он не очень-то любит всякие сентенции. И ни в коем случае не перебивай его. Этого он тоже не любит. Он, как и я, наверное, давно забыл, что значит быть простым лейтенантом. Удачи!

И оказалось, что они уже пришли. Два гвардейца-штурмовика, без клякс, но с большим набором нагрудных знаков, охраняющие огромное полотно знамени, подняли перед собой, перехватывая за цевье, тяжелые «леборейторы».

Джокт уже собрался толкнуть дверь, но его остановил адъютант.

— Стой, ты что?

— Ничего. Я подумал, тут наверняка просто приемная...

— Просто? Приемная? О, нет, ты ошибаешься! Это — Первая Приемная заместителя главнокомандующего КС, начальника крепостной обороны, гелиокомандора Бисмара! Не понимаешь, в чем разница, нет?

Выпятив грудь, придав лицу сосредоточенно-хмурое выражение, адъютант коснулся сенсора, находящегося где-то на уровне пупка. Джокт даже не обратил внимания на сенсор. И только после того, как голос из селектора позволил войти, открыл дверь.

Ага! Это явно не комендантство Крепости! Джокт все понял, когда прошел через шесть приемных залов, где у него трижды проверили личный код, активировав подкожный идентификатор, маленький оптический сканер зачем-то ударил по глазам полоской света, а на грудь, рядом с нашивкой о ранении чья-то рука прицепила прямоугольник с указанием имени, звания и места службы Джокта. Получилось очень и очень коротко: «1-й лейтенант Джокт, пилот ИФК „Австралия“».

О нем сообщили куда-то дальше, и так постепенно-постепенно, из рук в руки, он прошел сквозь все приемные. Где-то в третьей или четвертой из них остался адъютант, который прикоснулся вместо рукопожатия пальцем ко лбу, будто сказав на прощание: «Помни, что я говорил!» И совсем другой офицер-адъютант открыл последнюю дверь.

Так маленькому кирпичику-пилоту было позволено на несколько минут очутиться если не на самой вершине пирамиды, то очень и очень далеко от ее основания. Ох, не зря положено всякому человеку иметь свое место в жизни! Совсем скоро Джокту предстояло это прочувствовать, что называется, на собственной шкуре.

— Пилот Джокт, ком! — памятуя о наставлениях, полученных от адъютанта, лаконично доложил Джокт.

Мало ли какие причуды, кроме общеизвестных, водятся в штабе. И неясно, как тут реагируют на простых, даром что — первых, лейтенантов. Тем более многое всегда зависит от настроения командующих.

Джокту казалось, что он уже забыл, как можно привести в замешательство подчиненного. А вот, оказалось, не забыл!

— Можно? — вполне вежливо поинтересовался он как-то у офицера-техника, к которому был направлен за какой-то надобностью инструкторами еще на первом курсе.

— Можно девке испортить... щелку! — было ему нелюбезным, как тогда показалось, ответом.

— Ой... Разрешите?

— Ну если в жены возьмешь!

Являются — привидения, и даже прибывают в некоторых случаях — поезда Межконтинентальной. Все вспомнил Джокт, поэтому мудрить не стал.

Раз он здесь, значит, явился... то есть — прибыл... то есть... тьфу, черт!

— Пилот Джокт, ком!

— Тот самый, что дважды встречал «Летучих голландцев»?

— Да, ком!

— Как самочувствие после медблока, пилот Джокт?

— В норме, ком.

Командующий крепостной обороной — важнейшей составляющей части всей Внешнекосмической обороны Солнечной оказался высоким человеком с острым носом и четким пробором в прическе. Выглядел он моложе коменданта «Австралии». Но через пять минут общения Джокт понял, что командующий минимум на десять лет старше Старика. Это читалось в его взгляде.

— Ты действительно ИХ видел?

— Да, ком.

— Присаживайся, у тебя впереди два трудных дня. Придется потерпеть общение со штабными специалистами. И с офицером особого отдела. Вы уже познакомились?

— Да, ком!

Ага, рубаха парень, разыгрывающий друга всех лейтенантов флота! Знаем, знаем. С такими нужно держать ухо востро. Пока ты говоришь то, что ему нравится, он милейший человек и любезный собеседник. Чуть что-то не то — съест!

Когда Джокт в двадцатый, наверное, раз выдал свое «да, ком!», командующий, почему-то оказавшийся в гражданской форме, чего не ожидал Джокт, поморщился, словно от зубной боли.

— Все, хватит. Это тебя адъютанты запугали. Не разучился разговаривать нормальным языком? К тому же, если не ошибаюсь, сейчас ты находишься в отпуске. — Он снова поморщился, и Джокт понял, вот оно, начинается. — Не расскажешь, с чем это связано?

— Да, ко... — Джокт осекся под резкий поворот головы командующего. — Да, это так. Комендант дал мне двое суток отпуска после лазарета. «Зигзаг — пятьдесят второй» вернулся в Крепость в режиме принудительной эвакуации. Мой «Зигзаг».

— Вот даже как? — Брови командующего сошлись над переносицей, и в голосе зазвучала нота заинтересованности.

Похоже было, всю историю гелиокомандор знал лишь в общих чертах. А может быть, сработал эффект «испорченного телефона».

— Но я не получал ранений. Из боя вышли нормально, направлялись к Крепости через Прилив, и там...

— Ты увидел странные звездолеты и услышал чей-то голос, — удовлетворенный собственной осведомленностью, закончил за Джокта командующий.

— Не совсем так. Это не голос. Просто звуки.

— Звуки? — Командующий усмехнулся. — Ладно, с этим разберутся специалисты. Скажи мне лучше вот что...

Джокт внутренне напрягся, ожидая неприятностей, и в этом оказался абсолютно прав.

— Тебе известно, что несколько таких же пилотов исчезли после того, как слышали звуки, или голоса, или что вы там слышите?

Теперь отвечать нужно было с величайшей осторожностью. Кто знает, какой аппаратурой оборудован этот кабинет? Вычислить ложь, исследовав в записи человеческий голос, от интонаций до микропауз, по всему спектру его характеристик, — элементарно. Если, конечно, человек не прошел специальный курс «навигационного вокала» при обучении.

Резонанс и диссонанс. Кварты, терции, септимы и полутона. Тембр. Все становилось важным, когда эфир забит искажениями, наведенными радиоспутниками Бессмертных, и голос может просто завязнуть в помехах. Тогда тебя просто никто не расслышит. Кричать в микрофон, отправляя сенсор верньера к максимальному усилению сигнала, — это не выход. Вокальный синтезатор, с успехом используемый сонгмейкерами, как рассказывала Лиин, тоже не выход. Он может обмануть сотни тысяч, если не миллионы, наивных почитателей, превращая любой речитатив или же самый заурядный голосок раскрученного «таланта» в сладкоголосый хор. Жаль, но с Бессмертными такой трюк не проходил. Чувствительный слух (ведь черви способны воспринимать звуковые колебания всей поверхностью тела) и аппаратура Бессмертных умеют мгновенно выделять исходный тембр, начисто отсекая его от искусственных модуляций, и тогда — все... Не много бы заработали те самые «таланты», доведись им выступать перед Бессмертными.

Радиоспутник, вернее, выбрасываемый буй постановки помех и противодействия голосовым сообщениям, тут же смодулирует свои, схожие сигналы. Тогда призыв атаковать может превратиться в команду к отступлению. И это еще не худший случай.

Однажды крейсер КС, чей экипаж до последней минуты пребывал в уверенности, что идет на выручку облепленному «Кнопками» монитору, прямым ходом вполз в перекрестия прицелов затаившегося линкора... В лучшем случае, если можно так сказать, будет неясно, какой вообще отдается приказ. Радиобуи давно использовались Бессмертными, причем не всегда для того, чтобы забить эфир и прервать всякую связь-мгновенку в оперативном квадрате. Зачастую враг готовил именно такие каверзы, заодно пополняя имеющийся уже банк данных с записью переговоров пилотов Солнечной.

Поэтому курсантам и приходилось на занятиях по «навигационному вокалу» терзать голосовые связки, добиваясь различного звучания собственного голоса. Приходилось тренировать слух, чтобы можно было уловить искусственное изменение голосов других пилотов, когда враг производил так называемую «вставку» — вклинивался в общение пилотов.

На практике Джокт еще не встречался с информационным оружием Бессмертных, но был к этому готов. Сможет ли он обмануть голосовой детектор лжи? Вот в чем вопрос! В любом случае, решил Джокт, отвечать необходимо быстро, без пауз на раздумывание. Тогда, может быть...

— Я слышал только звуки, никаких голосов. А про исчезновение пилотов тоже что-то такое слышал.

— От кого же, если не секрет?

— В кубриках, из разговоров с другими пилотами. У нас многие интересуются Приливами, и...

— Так. Вот и первая ложь.

Если здесь и имелись детекторы, командующему они были без надобности.

— Даже я не знаю, что можно услышать в Приливе... И совсем недавно узнал, что случалось с некоторыми пилотами... Может быть, в кубрике тебя просветили и насчет дальнейшей их судьбы? Что происходило с пилотами после исчезновениями?

— Потом они снова появлялись.

Джокт почувствовал, как у него краснеют уши. Малейшие ненужные эмоции, и сработает инъектор. Его щелчок выдаст почище всякого детектора. Но вот только что он понял, что ему не дано убедительно врать. Нужно что-то решать или с чем-то соглашаться...

— У нас действительно ведутся, и очень часто, такие разговоры среди пилотов. И ни для кого не тайна, что в Приливе что-то есть. Только никто пока не знает — что? Про других пилотов мне рас-

сказывал служащий медуправления, когда я был вызван на беседу в связи с поданным послеполетным рапортом.

— И то, что люди исчезали и появлялись, это тоже он вам рассказал?

— Кажется, да... Я не помню... — И тут его посетила восхитительная мысль: — Понимаете, сегодня, когда истребитель вышел в принудительном режиме эвакуации, я потерял сознание. Это после того, как услышал звуки. А мой индап... сделал что-то не так. И я впал в транс, откуда меня пришлось выводить штатным медикам Крепости. Не знаю точно, что именно произошло и чем все это можно объяснить, навряд ли просто испугом, страха я как раз не испытывал. Но только наш психиатр, вернее, штатный психиатр отряда штурмовой пехоты, полковник Бар Аарон, сказал, что я как будто сошел с ума.

— Так и сказал? — В глазах командующего еще играла усмешка, а вот лицо уже приняло недовольно-властное выражение.

Командующий разгадал, да и как было не разгадать, нехитрый маневр Джокта.

Находился в трансе. Что-то с сознанием. К полетам годен, но... Тут — помню, тут — не помню.

И рубаха-парень, друг всех лейтенантов флота и любитель задушевностей «без галстуков», весь вышел. Командующему осталось только надеть форму со всеми регалиями, чтобы Джокт почувствовал невообразимую незначительность перед такой фигурой.

— Хорошо. Подробности — специалистам. Пусть они разбираются, сошел ты с ума или нет. И что к этому могло привести. Но вот лично мой диагноз совпадает с мнением господина полковника, и вы, пилот, наверное, действительно сошли с ума, если пытаетесь меня обманывать! Вы понимаете, чем это может для вас закончиться? И встаньте смирно, когда с вами разговаривает старший офицер!

Упс! Джокт мысленно попрощался с дальнейшей карьерой пилота и представил совсем иную карьеру — на рудниках, где-нибудь в зоне ответственности Крепости «Африка», карьеру рудодобытчика в штрафном отряде, который если и не загнется от трудового усердия (обеспеченного ему самым надлежащим образом), то рано или поздно станет жертвой атаки Бессмертных. Когда идет прикрытие прииска на каком-нибудь планетоиде, богатом ресурсами, про его обитателей вспоминают в последнюю очередь. К тому же первыми о них вполне могут «позаботиться» и штурмовики Бессмертных.

Но, даже думая так, Джокт продолжал гнуть свое, вспомнив давние слова Бар Аарона, что внутреннее «Я» — вещь непознаваемая.

— Готов понести ответственность, если вы считаете меня лжецом. Но только на самом деле... — И откуда только взялось второе дыхание? Наверное, научиться лгать — то же самое, что научиться плавать: прыгнув в озеро с лодки. Тогда или — или. Нашлось подобающее выражение лица, нашлись слова и несгибаемая твердость. — Транс... Индап... Лазарет...

Кое-как ему удалось отвести первую угрозу. Вторая оказалась пострашнее.

— Хорошо, — недовольно бросил командующий. — На время посчитаем, что я поверил в эти бредни. Есть только одно «но»! Ты уверен, что тебя можно допускать к полетам? Я имею в виду все вот это — транс, эвакуацию и лазарет.

Что называется, это был удар под дых.

— По мнению медиков, несомненно. Я тоже так считаю. Происшествие в Приливе не повлияло в целом на мое сознание.

— В целом? А в частности? А если где-то в подкорке у тебя уже зашита какая-то программа? И в следующем бою вся группа из-за тебя...

— Я готов пройти полное медсканирование!

— Орел! Герой! И к наказанию готов, и к сканированию! С чего такая готовность?

— А что я еще могу сказать, если вы мне все равно не верите?

— Мы же договорились, что верю. Временно. — Командующий сделал ударение на этом слове, сменив затем тон. Теперь голос его звучал едва ли не вкрадчиво, отчего Джокт почувствовал себя совсем уж неуютно.

Знаем, знаем! Чем больше давление, тем громче взрыв. И еще это «мы»; можно подумать, Джокт имел хоть какое-то право голоса!

— Насчет того, что было в Приливе, мы разобрались. А медсканирование ты пройдешь независимо от того, хочешь или нет. Но вот ответь, когда ты пришел в себя, после лазарета, твоя память, твое сознание — они уже нормально функционируют?

— Да, конечно.

— И вплоть до этой самой секунды ты отчетливо помнишь все, что с тобой происходило после лазарета? Кого видел, с кем общался...

— Да, ком. — Джокт вернулся к исходной манере ответов, уже догадываясь, куда клонит командующий.

— Ну еще бы! Ты же прошел стандартную модификацию сознания, базовый курс плюс ДПИ, добавочный для пилотов истребительного корпуса! С твоей памятью мало кто из обычных людей может потягаться на Земле, разве что какие-нибудь шахматисты-вундеркинды! Так?

— Да, ком...

— Вот и расскажи, будь любезен, о чем вы беседовали с комендантом Крепости «Австралия» перед отправлением сюда, в штаб? Давай, не стесняйся, а то я действительно решу, что ты утратил годность к службе, и катись тогда на все четыре стороны! Никакой комендант уже не поможет!

«Все, приплыл!» — понял Джокт, а в памяти прозвучала навязчивая фраза популярного в Солнечной шлягера: «А девочка — созрела!»

Когда исход боя оборачивается не в вашу пользу, такое бывает, и уже не помогут никакие манипуляции с «Глазом Орла», все, что остается с вами — это злость. На врага, что оказался сильнее, на себя, что оказался слаб, на что угодно. Форсаж! Забыть о перегрузках, пусть лучше они вас убивают, чем черви! Ищите самую гущу вражеского строя, ищите самое дорогое, чем они смогут оплатить вашу жизнь. Только злость! Форсаж! Злость!

Так говорил Гонза, когда Джокт с ведомыми совершали в составе его группы тренировочные вылеты. Так учит разум загнанного зверя. Этого нет ни в одном из наставлений флотской службы. Но это всегда было, есть и будет присутствовать на поле боя.

Сдать Старика, сообщить, что он ведет какую-то двойную игру, при этом считая, что правда на его стороне, — значит облечь себя на позор и презрение. Причем презирать его будет не только Старик и сослуживцы, но и сам командующий крепостной обороной, ожидающий сейчас ответа. Вот, он уже заранее презрительно сощурился!

Еще Старик сказал, что возврат Джокта гарантирован. Он не просил беречь в тайне разговор, не взял с Джокта слово офицера хранить его до второго срока службы! Но это как раз и так было ясно. Иначе зачем жужжал тот «кондиционер» в углу комендантской каюты? Зачем комендант разыгрывал спектакль перед адъютантом?

— Я не могу передать весь разговор, — подняв голову, совсем как Балу, сказал Джокт. — Мои слова и мысли — к вашим услугам! А чужие...

— То есть вы открыто отказываетесь подчиниться моему приказу? Вы отказываетесь сообщить мне, заместителю главнокомандующего ВКО, гелиокомандору, начальнику крепостной обороны, то, о чем я приказываю вам сообщить?

— Нет, ком! Ваш приказ для любого из подчиненных — это закон! Уверен, что комендант Крепости «Австралия» также готов его исполнить! И в случае, если вы прикажете ему сообщить все интересующие вас сведения, он непременно это сделает, сделает в тысячу раз лучше, чем я.

Минут на пять, если не больше, в кабинете воцарилась тишина. Командующий мерил шагами помещение, не глядя на Джокта. Пилот стоял навытяжку, как ему и было приказано, глупо таращась в стену прямо перед собой. И все, что звучало в этой тишине, так это щелчки его индапа.

— Знаешь, почему я не прикажу взять тебя под стражу немедленно и упечь туда, куда даже Бессмертным никогда не добраться?

Джокт молчал, понимая, что любой звук, сорвавшийся с его губ, послужит катализатором той жуткой реакции, что лучше всяких квазеров, выпущенных монитором сверхдальнего действия, размажет его судьбу сначала по казенным формулярам юридических документов, а потом по самым дальним уголкам Солнечной, куда рано или поздно попадают все отщепенцы и изгои. Не зря мудрецы всех эпох предупреждали: самое сложное для морали — видеть недостатки закона, не соглашаться с ним, но никогда его не нарушать.

Любое слово сейчас вызовет вспышку ярости гелиокомандора, который между тем вот-вот готов придумать красивый и бескровный выход для них обоих из сложившегося тупика.

Джокт молчал, ощущая себя маленьким деревом, тем, к которому прижался однажды спиной, там, в Сквере Милано... Вспомнил все тогдашние мысли и ощущения... Дереву не справиться со стихиями. Ветер сорвет листья, огонь превратит в золу, а земля сомнет и перекорежит корни. Индап работал, страх исчез, а раболепия не было с самого начала, в чем, несомненно, имелись заслуги Балу и Барона.

— Молчишь? Значит, знаешь... Поэтому и решил, что можешь воспользоваться уговором между мной и твоим сумасбродным комендантом... Воспользоваться безнаказанно! Только так не будет, пилот. Продолжай свою службу и выживи в бою, но еще подумай, что станется с твоей карьерой, если Старик... — Удивительное дело!

Он назвал коменданта так же, как называли его в Крепости. — Если Старик подаст в отставку. Это не угроза. Просто совет на будущее. Почаще присматривайся к окружающим и их поведению, почаще задумывайся о том времени, что настанет хотя бы через день, через неделю, через год, не смотри только на день вперед. И может быть, тогда ты поймешь, по каким правилам ведется игра и каково в ней твое место.

— Это будущее не наступит! — твердо, уже нарушая собственную установку заткнуться и молчать в тряпочку, сказал Джокт.

— Ты о чем? Конечно, не наступит. Для таких строптивых будущего не существует, есть только настоящее... Но ты ведь не отстаиваешь честь офицера, как раз наоборот, ты пытаешься сделать то, чего не должен, не имеешь права делать! Откуда тебе известно, что комендант заслуживает такой жертвы? Ведь ты и общался-то с ним всего несколько раз. Или я даже в этом ошибаюсь? Может быть, он заблуждается, искренне, но заблуждается. И это не ты покрыл коменданта, он прикрывается тобой и такими, как ты... Вот почему для тебя не наступит будущего!

Все допустимые и недопустимые границы субординации давно были нарушены. Командующий, ведущий душеспасительную беседу с чужим вассалом, вместо того чтобы прибить его к позорному столбу, мог прервать начатый о судьбе Джокта и коменданта «Австралии» разговор в любой момент. Для Старика это ничего пока не будет означать, а вот для Джокта... Поэтому он решился.

— Нет, ком. Совсем не поэтому!

— Я обычно не склонен выслушивать чьи-то оправдания, но все же попробуй, вдруг у тебя получится? Получится убедить самого себя!

— Я пришел во флот, чтобы отомстить врагу за смерть моей семьи. Обычной, маленькой, ничего не значащей для высоких семей и для судьбы Солнечной, но моей! Я обучен жечь истребители Бессмертных, а не извиваться, оказавшись между двух огней. И я не размышляю, прав ли мой комендант, потому что мне это безразлично. Но пока он командует Крепостью, а я — седьмая скрипка дублирующего состава в его оркестре (это была часть опасной и губительной философии Лиин, но сейчас пришлась вполне к месту), я должен играть вместе с оркестром! Крепость заменила мне семью, стала моим домом. Свой долг перед Солнечной я вижу в том, чтобы не просто выжить в бою, но победить. А когда наступит наша общая победа, готов снять форму и ответить за все, что сделал неправильно. Конечно, если тогда в этом сохранится смысл. Если

же победа невозможна, мне незачем вообще о чем-то переживать. Летать! Побеждать или погибнуть! — закончил Джокт, оценивавший собственный пафос будто со стороны.

Слова рождались как-то сами собой и, выстраиваясь именно в таком порядке, вылетали наружу. Еще подумалось, что Эстела или другая прелестница с Площади Цветов обязательно отдались бы ему лишних пару раз за такие слова.

Самое удивительное, все, что говорил Джокт, прозвучало искренне. И выглядело простодушной откровенностью, без дальнего прицела и надежд пронять командующего высоким слогом.

В военных видеофильмах после таких речей седые оберкомандоры, роняя скупую слезу, тискали рвущихся в бой пилотов в объятиях, целуя взасос и эротично поглаживая их боевые ордена.

В жизни все случается совсем по-другому, как довелось убедиться Джокту.

— Свободен. Поступаешь в распоряжение офицера особого отдела, — сухо сказал командующий, делая взмах рукой.

Уже в дверях Джокт скорее почувствовал спиной, чем услышал заключительный эпитет, который будто припечатал ему на спину гелиокомандор.

— Молодой дурак!

И все.

Глава 9

Общение со штабными специалистами — медиками, акустиками, техниками по вооружению, инженерами-гравиониками и прочими — не принесло ничего нового ни одной, ни другой стороне. Разве что была принята во внимание нестандартная реакция индапа, после чего офицер из отдела разработок медицинского оборудования пообещал, что больше этого не повторится. К счастью, как он сказал Джокту, ты у нас редчайшее исключение, поэтому нет нужды производить замену индапов во всем флоте.

Акустик вновь демонстрировал свою коробочку. Она исправно вызывала мерзкий гул, от которого Джокту хотелось выпрыгнуть в окно. Акустик при этом чему-то радовался. Джокт — нет.

Специалиста по вооружению привлек подробный рассказ о размерах излучателей, и путем каких-то пространных рассуждений он пришел к выводу, что это, скорее всего, не гравитационное оружие.

Джокту не то чтобы было наплевать на такие выводы, но к восторгу оружейника, тешившегося джоктовыми химерами, он отнесся безразлично, без всякого ликования.

Медик-психиатр разбил в пух и прах теорию полковника Бар Аарона о временном помешательстве Джокта, расхохотавшись во весь голос. И снова был приглашен акустик, который на пару с психиатром подвергли пилота воздействию мерзкого приборчика, а Джокт еле удержался, чтобы не выбежать из конференц-зала. Теперь они оба чему-то радовались — акустик и психиатр. Джокт снова — нет.

Вообще каждый из участников разношерстной штабной комиссии выражал свою радость по-разному, но при этом у всех имелось какое-то сожаление во взглядах. Джокт докопался до причин этого сожаления. Причина была одна и являлась вполне очевидной — через сутки их «обследуемый» должен был покинуть Землю, и выковырять его из Крепости на более длительный срок почему-то не представлялось для них возможным.

Главный курьез всей заварухи заключался в том, что Джокт вновь и вновь отказывался признать материальность объектов, на которые уже дважды натыкался в Приливе. А все специалисты, как один, убеждали его в обратном, с жаром доказывая свою позицию. На самом деле Джокт, привыкший доверять собственному зрению и слуху, был куда более убежденнее их всех вместе взятых, но подыгрывать не собирался. К тому же все больше и больше он понимал, что такое изучение явления не даст и не может дать никаких реальных результатов. Кроме его рассказов у комиссии на руках ничего не было, бортовая аппаратура «Витража» по-прежнему не фиксировала никаких объектов и посторонних излучений в Приливе. Оставался только Джокт да еще срабатывание индапа — хоть что-то! — который был слеп ко всем внешним проявлениям, реагируя исключительно на состояние пилота.

Никаких новых откровений насчет других астронавтов, встречавшихся в Приливе с «Летучими голландцами» (это стало уже устоявшимся термином). Никаких пояснений по поводу исчезновений и последующих появлений. Никто ничего больше не собирался рассказывать Джокту. Когда он сам битый час пытался вызвать на откровенность медика-разработчика индапов, то встретил уже не сожаление во взгляде, а неподдельную тоску и вселенскую скорбь. Значит, не хитрил Старик! Что-то или кто-то не дает военным до конца разобраться с этим феноменом. Для Джокта, может быть, это являлось благом, иначе он ни за что не вернулся бы отсюда

в Крепость — летал бы каждый день на каком-нибудь неуправляемом одноместном корыте сквозь ближайший Прилив. Войти в приливную точку — выйти. Разворот. Войти — выйти. Разворот. Пока космос не поквитался бы с ним за такие извращения неподдельным безумием.

Открывшаяся перспектива заставила вздрогнуть почище любого акустического приборчика.

«Еще день. Всего лишь день!» — твердил он себе.

Ночевать Джокт остался, как и советовал комендант, в гостинице. Во избежание, так сказать. Там же, в гостиничном номере, у него состоялся интереснейший разговор с особистом, который затянулся за полночь.

Вначале шли ничего не значащие пространные беседы о сложностях внутриполитических процессов в Солнечной, из которых Джокт не понимал ровным счетом ни бельмеса, а потому лишь поддакивал. Фракции войны, лоббисты, демпинговая политика, военные поставки, банковские кредиты, Экономическое Равновесие, даже почему-то смена всего состава межпланетного арбитража — все оказалось густо переплетено и зависело друг от друга. Убедившись, что его собеседник очень далек от мысли примкнуть к Юпитерианской сепаратистской группировке и даже ни разу не читал программу оппозиционной партии Банковского клуба Европы, особист перешел к более привычным Джокту вещам. Коснулся даже нежеланной темы атаки Бессмертных на Плутон. Но этим ему хотя бы удалось оживить пилота, и они яростно спорили на избитую тему: прав или нет был капитан Альварес, предавший, по сути, мученической смерти сотню тысяч человек, пытавшихся укрыться на «Хванге».

— Нельзя — понимаешь? — нельзя никому дарить ложную надежду!

— Тогда еще не было известно, ложная она или нет! Он пытался хоть что-то сделать!

— Разве это геройство — подставить под удар рубку управления? Дальше — что? Даже если бы транспорт оставили в покое.

— Ему могло хватить инерции... Его должны были встретить домашний флот и Юпитерианские патрули! Вместо этого весь Плутон остался без прикрытия! Скажите, если можете, кто-нибудь понес за это наказание? Или все посчитали халатностью? Если не хуже — свалили на неодолимую силу...

Джокт, к собственному удивлению, поддержал эту беседу, что далось ему безболезненно. Почти. И отстаивал собственную точку

зрения о бесполезности обвинений единственного героя во всей этой истории, капитана Альвареса, считая виновными штабистов, допустивших дыру в обороне Плутона.

Офицер особого отдела настаивал на том, что если кто-то и виновен, то только враг. Винить же Бессмертных было не просто бесполезно, скорее — бессмысленно.

— Истребители! Почему рядом не оказалось истребителей! Если бы у него оказалось прикрытие, хотя бы полтора десятка «Зигзагов», все могло окончиться по-другому! Не для всех, только для находившихся на борту «Хванга»!

— Ну тогда ты бы так и не стал пилотом. — Отшучивания особиста оказались злыми, но удар ниже пояса не застал Джокта врасплох, ведь он внутренне был готов к чему-то подобному.

— Возможно! И тогда бы мне не пришлось околачиваться два дня в штабе и вести разговоры, которые мне совершенно не хочется вести.

Его визави игру принял.

— Тем более с людьми, которых не хочется видеть, — поддакнул он.

— И это тоже. Если бы кто-нибудь сказал, что вам всем от меня нужно, разговаривать стало бы проще. А так я жду каждую секунду какого-нибудь подвоха, жду, что меня поймают на слове... Вот вы... вы только и делаете, что цепляетесь за слова, и не говорите, что вам надо.

— А ты не догадываешься?

— Пока что нет. Я дважды встречал в Приливе «Летучих голландцев». Не знаю, случайность это или нет, но вторая встреча чуть не убила меня. И если только из-за этого теперь...

— Ты вынужден меня терпеть. — Особист наполовину закончил фразу за Джокта.

— Да! — выдержав очередной изучающий взгляд собеседника, ответил Джокт. — Меня держат в неведении, а это, мне кажется, большая ошибка!

— Продолжай, — поощрил особист.

— Тут нечего продолжать! Кто-то до меня видел эти же самые звездолеты, слышал такой же звук или зов, как угодно, потом с ними происходили таинственные исчезновения, потом...

— Они появлялись и тут же оказывались «под колпаком», — прервал особист, теперь уже заканчивая до конца. — И больше никто в штабе их не видел. Даже моя контора. Мне кажется, ты слишком хорошо информирован. Не поделишься секретом — откуда?

Ну вот. Влезть в душу, поговорить о том о сем, а после врубить в лоб — откуда? Кто? С какой целью? Извлечь все, чего не смог вытащить из Джокта командующий.

— Мы уже перешли к официальному допросу?

— Пока нет, но...

В этом «но» было и обещание, и угроза, и все, что угодно, кроме понимания.

— Я все уже сообщил заместителю командующего ВКО, гелиокомандору Бисмару. Честно и правдиво. Разве вам неизвестно?

— Странно. — Особист усмехнулся. — Он так не считает... Насчет честности и правдивости. Кстати, это одно и то же, с чего бы тебе повторяться?

У Джокта чуть было не вырвалось, что ему плевать, кто и что считает, и плевать на филологические находки особиста. К счастью, он смог удержаться и промолчал.

— Ладно. Раз ты и так знаешь много, я тоже кое-что расскажу... Активизация «Летучих голландцев» происходит почему-то именно тогда, когда штаб ВКО планирует какую-нибудь крупную операцию.

— И что? Каким боком это касается меня?

— Через одиннадцать, — особист взглянул на часы, — нет, уже через десять дней будет проведена Самая Крупная Операция. И «Летучие голландцы» — тут как тут. Улавливаешь?

Джокт улавливал. Еще бы! Офицер-особист, верный своему делу, так натурально взглянул на часы и так проникновенно сказал про десять дней, что неинформированный поверил бы на раз!

— Ха! Первый контакт произошел давно, да и второй — за одиннадцать дней. А флот всегда проводит какие-нибудь операции. И вместо того чтобы разбираться с загадками Прилива, вы начинаете искать вражеских лазутчиков.

— Это не я! Ты сам так сказал! — довольно хохотнул особист.

— Сам, согласен. Нужно быть полным идиотом, чтобы не понять, к чему все идет. Ведь если я не ошибаюсь, ваша служба не занимается изыскательской деятельностью? Нет?

— Не занимается. Тут ты прав. А насчет лазутчика — не угадал. Если бы мне что-то показалось странным даже в твоей улыбке, не говоря о более веских подозрениях, то... Тебя немедленно бы изолировали, пилот Джокт! И наше дальнейшее общение происходило бы в другом месте, независимо, кстати, от пожеланий коменданта «Австралии».

А ведь это уже угроза, понял Джокт! Это уже прямой намек на то, чтобы я стал посговорчивей! И еще... Почему здесь все так не любят Старика?

— Завтра с подъема тебя подвергнут медсканированию, и если что-нибудь...

— Я знаю. Вот когда подвергнут, тогда и поговорим. А сейчас извините, но если это не официальный допрос, мне бы хотелось выспаться. Вдруг снова придется спасать Землю? — сказал Джокт, намекая на результаты предыдущего медсканирования, которое он прошел, будучи еще курсантом.

Особист щелкнул пальцами и неожиданно легко согласился.

— Ты прав. Сначала дождемся результатов, а потом вместе их обсудим. Спокойных снов, пилот!

Офицер ушел. Джокт, не снимая формы, рухнул на широкую гравикойку. И оказалось, что спокойных снов как раз-то и не будет!

В памяти вертелся и вертелся весь этот разговор. Разговор ни о чем, глупые, притянутые за уши подозрения, Альварес, «Хванг», какие-то политические партии, позиции и оппозиции... И можно смело делать вывод, что после Старика особист был вторым человеком, который подтвердил, что в Джокте видят чужого лазутчика. Пусть сделал он это косвенно, не говорил ничего такого в глаза, но этот визит, полуночные разговоры, верчение вокруг да около — они говорили сами за себя. Опять же, что случится, если медицинские приборы найдут что-то необычное? Малейшее отклонение от нормы...

Но как? Почему? Джокт принялся размышлять.

Определенно во всем этом разговоре крылся какой-то смысл. Намеки и еще что-то... Не зря особист поделился с ним дополнительной информацией о предыдущих пилотах, встречавшихся с «Летучими голландцами». Не просто так указал на возможную связь этих встреч с планируемыми операциями. Но почему такое выпало именно ему, Джокту?

Отбросим как уже несущественное. Что случилось, то случилось. Нужно подумать кое о чем другом.

Звездолеты в Приливе были именно такими, какими их мог создать человек. Пусть непохожие на все известные Джокту типы кораблей, пусть превосходящие размерами земные линкоры. Но это явно не техника Бессмертных или каких-нибудь других, пока незнакомых Ино-рас. Очень уж по-человечески выглядела компоновка некоторых блоков и надстроек таинственных «голландцев».

В них не угадывалось ни намека на закругленные обводы звездолетов Бессмертных, у которых, кстати, все оружие, раструбы всех излучателей «утоплены» в корпус, поэтому создается впечатление зализанности... Никакой угловатости и геометрического примитивизма. Хотя... Почему бы и нет?

Там, где человечество использовало квадрат и круг, основу геометрии Солнечной, у Бессмертных были ромб и овал. Соответственно все квадратные сечения становились ромбовидными, а круглые — эллиптическими.

Джокт вспоминал, каким прогностическим программам обучали их в Плутонианском институте гравионики...

Представьте себе, — начиналась такая лекция, — что у вас под рукой достаточно мощный вычислительный терминал, содержащий полную базу данных по антропологии и зоологии других земных существ, а также базы данных по механике, архитектуре и всем-всем достижениям человечества.

Первая ступень, первое орудие труда — палка-копалка. Ее можно использовать и в качестве оружия, и как рычаг, и как средство для сбивания высоко расположенных плодов. Потом — веревка. Сначала из каких-нибудь лиан, например из длинной лозы, потом из внутренностей животных. Веревка — это обобщающий термин. Под него подпадает и тетива для лука, и праща для метания, и средство, чтобы прикрепить обтесанный камень к уже имеющейся палке-копалке. Так человек получил топор, копье и молот.

Создание каждого последующего орудия труда напрямую зависит от предыдущего. Появился молот — человек придумал набойки, колья, гвозди и много чего еще. Появился нож, ну или хотя бы каменное скребло, стало возможным качественное ошкуривание убитых на охоте зверей. Шкуры — не только набедренные повязки и накидки, впоследствии это и кузнечные меха для нагнетания жара. И стали возможны изделия из металлов. Естественно, появился молот. Потом прогресс становится лавинообразным. Металлы — это и наконечники для стрел и копий, и кольчуга, и более совершенные орудия труда. Огонь — это приготовление пищи, обогрев и сигнальные костры. А позже — стекло и зеркала.

Чуть раньше было колесо и рыболовная сеть, чуть позже — химия, электричество и фабричное производство мебели.

Выдолбленный древесный ствол, плот с шестом, лодки весельные и лодки парусные, галеры — пароходы — теплоходы — атомоходы. Воздушные змеи на веревочках, фейерверки, воздушные

шары — аэропланы — самолеты — звездолеты. Наскальные рисунки углем — и головидение. Шаманские обряды, примитивное мореплавание и караванные переходы — астрономия. Физика и астрофизика. Каменные пещеры, шалаши и небоскребы. Много, много чего! Но!

Основой, первым кирпичиком (забудем пока про веревку, огонь и шкуру убитого животного) остается та же палка-копалка.

А почему? Да очень просто — конечности с развитыми кистями очень замечательно подходили к этой основе. Палку можно было перехватить поудобнее, она хорошо ложилась и ложится в ладонь. Не зря ведь даже обезьяны умеют приспосабливать прутики для поедания муравьев. Втыкают такой прутик в глубь муравейника, а когда достают обратно, на нем полно добычи, и не нужно ловить муравьев поодиночке. Обезьяне остается просто облизнуть свой прутик.

Если бы у человека не имелось рук, скорее всего, он пользовался бы пальцами ног, тоже изначально задуманных природой как хватательные инструменты. А что пришлось бы делать разумной корове, окажись она исполненной решимости построить и развить цивилизацию парнокопытных? Вот здесь палка-копалка могла и не пригодиться. Но что-то они бы все равно использовали в качестве основы. Например, камень, который можно перекатывать по земле. Возможно, благодаря этому цивилизация парнокопытных быстрее бы изобрела колесо. И намного позже пришла к палке и веревке. А значит, все дальнейшее развитие покатилось бы на этом коровьем колесе чуть-чуть в сторону. Теперь можно опустить промежуточные этапы и сразу представить звездолет разумных парнокопытных. Будет он похож на звездолет, к которому в своем развитии пришел человек?

Будет ли небоскреб, построенный цивилизацией разумных псов, похож на здание Генерального Штаба ВКО Солнечной? Собаки, как раз, может быть, и начнут с палки. Разовьют в процессе эволюции свои конечности, научатся прямохождению. Их зубы и когти — ну представьте себе самую большую земную собаку, каковой является медведь! — как нельзя лучше подойдут для выделки шкур и прочего. А вот нет...

Несмотря на то что у человека и собаки на девяносто семь процентов совпадает строение генов, природные их возможности разные. А значит, и возможности развития разные. Человек способен различить около пяти миллионов цветовых оттенков и воспринимает несколько тысяч запахов. У собак все наоборот: полмиллиона

запахов, но они почти не различают цвета. Далекие неподвижные объекты собака не видит вообще. И это значит...

А что это значит? Может быть, им не понадобятся небоскребы? Человечество всегда стремилось за горизонт, для собаки горизонт находится совсем близко. Будут ли они мечтать о покорении неба? Будет ли мечтать о покорении неба придуманная раса лошадей, коз, овец, которые совсем его не видят? Вернее, видят лишь серый провал, потому что не воспринимают синий цвет. Как быть с пчелами, что улавливают ультрафиолетовую часть спектра? С некоторыми морскими животными, слышащими в инфразвуковом диапазоне и чувствующими, как трется волна о воздух?

Постепенно-постепенно все физиологические различия приведут к тому, что звездолеты их будут отличаться, как отличается синее небо от серого. Бесцветный мир — от мира, насыщенного ультрафиолетом, далекий горизонт — от горизонта, находящегося на расстоянии вытянутой руки.

Вспомнив эту прогностическую программу, Джокт уже твердо был уверен: то, что он встретил в Приливе, дело рук человека, а не чьих-нибудь лап, копыт, крыльев, плавников, ложных конечностей и псевдоподий!

Но вдруг он с ужасом осознал, что это не объясняло ровным счетом ничего. Если Бессмертные нашли способ внедрять в человеческий мозг свои закодированные послания, почему они обязательно должны завлекать своей техникой? Ведь сразу станет ясно: тут что-то не так!

Нет, уровень развития разумных червей никак не назвать ниже уровня развития человека. Может быть, у них тоже есть прогностические программы и операторы Бессмертных вогнали в память вычислителей банк антропологических данных, смоделировав в конечном итоге объемное изображение этих самых «Летучих голландцев»? Чем можно разбить такое предположение? Звуки... Вот тут как раз больше оправдывалось недоверие к «Летучим голландцам». Что это за звук — «Ом»? Почему не обычная речь? Бессмертные умеют воспроизводить человеческую речь! И еще. Общение Бессмертных между собой происходит именно с помощью инфразвука.

Джокт обхватил голову руками, увидев все, приключившееся с ним, в другом ракурсе. Значит, подозрения могут оказаться небеспочвенными? Тогда почему его не изолировали с самого начала? Ведь это так очевидно! И он не раз уже сам спрашивал именно об этом. Ведь если все так, то он может представлять потенциальную

опасность, как минимум для своей истребительной группы! Может служить каналом связи, через который Бессмертные будут вытягивать из его сознания все сведения, которыми он располагает.

Почему же он не под замком? И неважно, у кого может находиться ключ — у офицеров штаба ВКО или у таинственных служб хайменов, забравших из ведения военных остальных пилотов, которые слышали и видели то же самое.

Джокт встал, испытав потребность покинуть помещение, лишенное к тому же окон. Выйти хотя бы в коридор... Коснулся сенсора, подергал дверную ручку и убедился, что заперт.

Что-то становится на свои места! А потом он неожиданно успокоился.

Э, нет! Так действительно можно свести себя с ума! И где-то во всей этой логике имелся изъян.

То, что особист заблокировал дверь снаружи, тоже еще ни о чем не говорило. Это могла быть простая мера предосторожности, чтобы молодого пилота, чьи дни пребывания на Земле за последние несколько лет можно пересчитать по пальцам, не потянуло на какие-нибудь ночные подвиги. Ночь, она ведь располагает... К той же Эстеле в гости забежать, например...

Еще, возможно, стало обыкновением блокировать все двери штабной гостиницы. Взгляд Джокта уперся в коммуникатор. На нем имелась маленькая пластинка с указанием номера сержанта-консьержа. Стоит его набрать и сообщить, что есть необходимость покинуть гостиницу. Что он будет делать? Как отреагирует?

— Пилот Джокт, комната двести четыре. У меня почему-то заблокирована дверь.

— Доброй ночи! Извините, господин офицер! Магнитный замок начал барахлить всего день назад, и пока не успели его заменить. Сейчас я разблокирую дверь снаружи. Еще раз извините!

Чудно! Налицо первые признаки приближающейся паранойи. А скоро он начнет шарахаться от собственной тени...

Не дожидаясь прихода консьержа, Джокт наконец-то разделся и нырнул под одеяло. Включил видео, выбирая из сотен каналов любимый (время все лечит, теперь Джокт снова с интересом просматривал этот канал) «дискавери», но передача посвящалась жизни в Крепости «Азия», которая ничем от жизни в «Австралии» не отличалась. К тому же пояснения давал такой же молодой пилот, как и Джокт, только почему-то со знаками различия капитан-лейтенанта. Вот это было странно. Ни одного знака отличия, и уже капитан-лейтенант. Ах да, вот же строка состоя... тьфу, черт! —

обычная бегущая строка. Пресс-секретарь комендантства. Тогда понятно. Лиин знала о таких капитан-лейтенантах намного больше, чем Джокт. Потом тихо щелкнул замок, и все страхи улетучились сами собой вместе с этим щелчком. Хотя на завтра было назначено медсканирование, оно вряд ли требовало от Джокта предполетного сна, и он снял индап, бережно уложив его на пол так, чтобы тот оказался под рукой.

Изъян был. И Джокт все-таки нашел, в чем он заключался.

Тех пилотов, что изолировали от остального мира, спрятав невесть куда, наверняка уже подвергли и сканированиям и, скорее всего, куда более скрупулезным обследованиям. Как там Старик сказал? Разбирают сознание на фрагменты? Вот если бы в их сознании нашли что-то такое... Да нет, не гостиничная скука, консьерж и поломанный замок, не далекий от реальностей службы командор-медик, а транспорт с охраной, «Фениксами» или «Саламандрами», и нескольких крейсеров, особая конвойная рота, действительное ограничение свободы и совсем другие разговоры с особистами – вот что ожидало бы Джокта!

Выключив видео и пожелав себе хоть каких-нибудь сновидений, Джокт уснул. И черта с два поймал за хвост ускользнувший сон, когда утром его разбудил офицер особого отдела. Зато теперь он получил еще одну возможность убедиться, как сильно отличается сон с индапом от обычного, потому что Джокту почудилось, будто он всего минуту назад погасил свет.

— Я сейчас, — буркнул он особисту, застывшему в ожидании у двери, и направился в ванную.

Почему-то пользоваться услугами индапа, раз это здесь являлось необязательным, Джокту не хотелось.

Потом, после контрастного душа, прихватив на всякий случай полотенце, он направился в медицинское управление.

-- А это зачем? — удивленно спросил особист, указывая на полотенце.

— Да так, имею некоторый опыт, — уклончиво ответил Джокт.

Нет, второй раз он не собирался умирать. И хотя понимал бесполезность этого занятия, всю дорогу давал себе внутренние установки.

«Я не рвусь в герои. Я не должен умирать. Все будет не по-настоящему!»

Его встретил тот самый полковник-медик, что проводил сканирование в прошлый раз. Тот, который собирался наградить Джокта «Солнечной короной» и доверил бы сопровождение госпитального

транспорта. На удивление, все происходило быстро и сухо, словно они виделись впервые. Виной всему был, скорее всего, сопровождающий Джокта.

— Надень-ка вот это. — Вместо приветствия медик подал Джокту новенький индап. — Я слышал, с прежним у тебя вышла какая-то размолвка.

И все. А еще удивительнее было, что вместо сна на медицинском сканере его отправили к штабному космодрому.

— ...Тебе не нужно отсчитывать секунды, будешь стартовать в энергетическом луче! — Веселый техник, на удивление хорошо осведомленный о прошлых виртуальных приключениях пилота, стукнул по шлему СВЗ. — Полетное задание получишь на орбите!

Вот это да, подумал Джокт, неужели уже существует модификация «Зигзага», которая позволяет вести медсканирование в полете?

— И что, мне опять придется встретиться с Йоши? И он снова окажется программой-провокатором? — осведомился Джокт, когда после жесткого старта, от которого затрещал экзоскелет скафандра, истребитель вышел на внешнюю орбиту.

— Нет, Джокт. Не будет никаких программ-провокаторов и никаких нападений Бессмертных на Землю тоже не будет. Так что забудь, что происходило в прошлый раз, а сосредоточься на задании, теперь все по-другому... Знаешь, как можно отличить иллюзию, даже наведенную, от яви? Просто скоси глаза. Предмет, который находится сбоку от тебя, будет виден боковым зрением. Во снах и в тестах он исчезает или превращается во что-то другое.

— Только и всего?

— Конечно нет. Но это самый простейший способ, придуманный на Земле тысячелетия назад. Так убеждали людей, страдавших галлюцинациями.

Слева от «Зигзага» повисло узкое веретено исследовательского судна, обвешанное спутниками-зондами. Две внушительных размеров гигантские чаши параболических антенн придавали ему сходство с карикатурным носом, к которому пририсовали слоновьи уши. Джокт попытался уловить его боковым зрением — ушастый нос был на месте.

— Но почему мне не сказали, что предстоит боевой вылет? Я спал без индапа, — признался Джокт.

В ответ он услышал смех медика, оставшегося внизу, под облаками.

— Посмотри на тактический дисплей. Что ты видишь?

— Нормальным или боковым зрением? — съязвил Джокт.

— Каким угодно. Ну?

Состояние двигательных систем... Отсутствие обратной реакции гравиквазеров... Работа криогенераторов, грависканер и энергорадар — норма. Навигационные системы — норма. На подвесках... А что с арсенальными подвесками?

— Почему я иду «нулем»?

— Оружие тебе не понадобится, Джокт. Район, где производятся исследования, полностью безопасен. Возможно, Бессмертные даже не догадываются о его существовании. Все, что вам придется делать, — войти в Прилив. После выхода — войти обратно. Потом — снова войти, опять выйти, войти...

— Выдавить шампунь, втереть, смыть, повторить процедуру, — пробормотал Джокт, начиная догадываться, что за испытание его ожидает.

— Вначале тебе нужно добраться до места исследований, это через три Прилива, значит, час — час двадцать в один конец. Плюс столько же обратно. Работаем... — Пауза, медик сверялся по времени. — Работаем восемь часов без учета дороги. Примерно двадцать проходов через Прилив. Ты готов?

Войти — выйти, войти — выйти, выйти — войти... Подобным изнасилованием Прилива до него не занимался ни один пилот «Австралии», подумал Джокт. Еще он подумал: сюда бы Эстелу, вот кто бы оценил это сочетание полета на боевом истребителе с неким знакомым ей процессом. Тут же мысли обратились к другому... А ведь подвески не зря пустые! И не зря Старик перед отправкой на Землю цитировал ему служебный Регламент КС, особенно про офицеров, находящихся в отпуске, и о невозможности их использования в боевых операциях! Барон еще как-то по-своему объяснял некоторые положения Регламента. Вассал моего вассала... Что-то из древней истории, означающее для Джокта невозможность боевого вылета с Земли без приказа коменданта «Австралии».

Вот, значит, как они выкрутились! Зачем тратить время на возню с медсканированием, не приносящим ни пользы науке, ни удовольствия испытуемому, когда можно использовать пилота по прямому назначению, то есть кинуть его, как кролика, двадцать раз через Прилив? И Регламент не нарушен, и исследования ведутся, и все вассалы при деле! А двадцать раз — это без учета дороги, еще шесть проходов в Приливе. Авось на втором десятке загнется. Ис-

чезнет или хотя бы еще раз вступит в контакт. Ведь именно это их всех интересует?

Джокту было неприятно ощущать себя лабораторной крысой. Но что можно поделать в его положении? Разве что отправить по мгновенке депешу в Крепость. Так, мол, и так, господин комендант. Катаюсь вот туда-сюда. Лечу сквозь Прилив, как на качелях. По заданию штаба, в рамках проводимого обследования, совершая звездные фрикции до наступления полной импотенции... А почему нет? Что такого в этой передаче?

Уже потянувшись к сенсорам связи для подготовки к передаче голосовых сообщений, Джокт увидел еще одну странность «Зигзага»...

Заблокирована антенна даль-связи! Свинство? Конечно! И все сигналы, входящие и исходящие, были замкнуты на том самом Ушастом исследователе.

— Вас будет сопровождать на протяжении полета исследователь «Прометей». Для того чтоб вы не вышли за радиус действия его регистрирующей аппаратуры, на истребителе установлена блокировка скорости. — Джокт округлил глаза, похоже, кто-то читает его мысли. — Также все принимаемые и излучаемые истребителем сигналы перенаправлены на «Прометей». Учтите, пилот, этот исследователь — очень дорогая игрушка и стоит намного дороже того, на сколько он выглядит.

Ага, понял Джокт, пытаются скормить хоть какое-то правдоподобное объяснение, нашли идиота! Не выйдет, парни! А в голове уже крутилась совсем уж нехорошая догадка.

— Прошу докладывать во время полета обо всем необычном, не бойся ошибиться в своих ощущениях, «Прометей» оборудован новейшими регистраторами энергетических полей и сигналов любого уровня. Может быть, нам вместе удастся...

Дальше Джокт не слушал, переключив все внимание на корпус «Прометея». Выдав несколько корректирующих импульсов, движки «Зигзага» заглохли, и теперь Джокт сумел рассмотреть корабль-исследователь со всех сторон, описав вокруг него петлю.

Так. Понятно. Регистраторы, говорите? Уши? В случае чего эти уши умеют, оказывается, складываться, а вместо них возникает очертание малой боевой рубки, на три турели. Да еще и не все спутники, крепящиеся к бортам «Прометея», являются исследовательскими зондами. Два по левому борту и столько же по правому — дистанционно управляемые обоймы-аресеналы, снаряжаемые обычно тремя малыми торпедами близкого радиуса действия. Судя

по всему, пустыми обоймы на «Прометее» не были, иначе зачем они тогда вообще место занимают? Вывод: блокировка скорости до двух десятых световой вовсе не для облегчения работы регистрирующей аппаратуры. «Зигзаг» идет «нулем». Идет медленно. Еще наверняка какая-нибудь каверза имеется вроде ограничений по маневру, и короткие радиусы разворотов ему сейчас недоступны. А вот Ушастый — настоящий заяц-оборотень. Даром что тихоходный. Если что — сожжет на счет три. И даже торпеды ему не понадобятся. Много ли нужно ума попасть в ползущий как муха, да еще по максимальной дуге на развороте, беззащитный истребитель?

— Чего они от меня ожидают в таком случае? — ужаснулся Джокт после осмысления всей диспозиции полета. — Что я коршуном накинусь на «Прометей» и набью им всем морды, взяв исследователь на абордаж, как Балу центральный пост вражеского линкора? Или просто сбегу куда подальше... Но куда? К «Австралии»? Или, помахав на прощание пустыми подвесками, прямиком к Бессмертным?

Нужно будет сразу определиться с радиусами и с двигательными заслонками. Не скорость, так маневр, не оружие, так хоть возможность уйти в полет-кувырок. Что-то же должно у него остаться на самый крайний случай? Это только в штабе считают, что район, куда его отправляют, напрочь безопасен. То же самое думали когда-то про Плутон.

— Удачи, пилот! — снова прорезался сквозь невеселые мысли голос медика, ответственного за эксперимент. — Пойми главное! Это не боевая операция! Это очень и очень важная исследовательская работа. Четко следуй инструкциям с «Прометея», не отвлекайся ни на какие другие вещи. Думай только... Ты знаешь, о чем тебе думать в Приливе. Все, до встречи! Передаю связь «Прометею»!

Вот-вот, и все «Летучие голландцы» Вселенной налетят на запах моей мысли, как мухи на сладкое!

— Ну что, пилот? Поищем твою галлюцинацию? — возник другой голос, и Джокт чертыхнулся.

Особист-то здесь зачем? Что нужно от меня злому гению разведки? Боится, что сбегу? Наверняка ведь его идея — раздеть и обездвижить «Зигзаг», посадить подопытного, или поднадзорного, как угодно, словно куклу в люльку, и гонять туда-сюда. Спасибо еще, на дистанционку не поставили. Хотя, может быть, все еще впереди. Просто время не пришло. Как придет, засунут в спасательный бот, встанут два таких Ушастых по обе стороны одного Прилива и начнут перекидываться ботом, как шариком для пинг-понга.

— Ты чего отмалчиваешься? Не рад меня слышать или все никак не можешь решить, что для тебя было бы лучше, простое медсканирование или такой вот эксперимент?

— Я бы выбрал сканирование, — ответил особисту Джокт, — но меня, наверное, забыли спросить. Или я не расслышал, когда предлагали выбирать. Но вы не стесняйтесь! Это же во благо, я понимаю...

— Точно! Не расслышал! Всего, что я вчера говорил. Давай без истерик, пилот. Мне еще меньше улыбается целый день шнырять туда-сюда, присматривая за твоим хвостом, а вот видишь — приходится.

— Какие истерики? Какие обиды? Спал и видел этот счастливый день во снах!

— Ну и замечательно.

— Значит, Ушастый... то есть «Прометей»...

— Пойдет за тобой след в след. Вернее, перед тобой. А за корму «Зигзага» перед каждым новым погружением в Прилив будет запускаться зонд. Так что дистанция должна быть выдержана строго: между тобой, исследователем и зондом. Две сотни километров, не больше, поэтому на «Зигзаге» установлено ограничение скоростного режима. Входить — на двух сотых, а дистанция действительно невелика, и выдержать ее, повторяю, нужно в точности. Так что потребуются все твои навыки. Запомни: двести тысяч метров, ни больше ни меньше, иначе все насмарку! А один час полета «Прометея» обходится дороже того же часа работы эскадры линкоров. Так что постарайся. В своих же интересах...

В моих, в моих! Еще немножко — в интересах самого особиста, что приставлен ко мне, хорошо, если не пожизненно! Немножко — в интересах штаба ВКО, чуть-чуть — в интересах тайной спецслужбы хайменов. Знать бы, чья доля тут больше?

«Прометей» обозначил начало движения топовым сигналом, тут же продублированным вспыхиванием навигационного экрана, и джойстик удобно лег в руку (опять палка-копалка!), а педали ответили звоном, который умеют различать только пилоты истребителей.

Навигатор «Прометея» рыскал вправо и влево, уходил в провал и поднимал Ушастика в крутую горку. К тому же менял скоростной режим и дважды погасил инерцию, компенсируясь до полной остановки. Видимо, желал проверить реакцию Джокта.

«Наивный щенок!» — Почему-то думать о себе самом хотелось как о матером пилотище, умеющем продевать истребитель сквозь «игольное ушко».

Был такой тренировочный финт: обруч, диаметром в сотню метров, сквозь который нужно провести «Зигзаг» на половинной скорости. Правда, о таком тренинге Джокту доводилось только слышать, потому что предназначался он для «Фениксов» и «Саламандр», элиты истребительного флота. Обычные фронтовые «Зигзаги» не имели для прохождения «игольного ушка» необходимого уровня чувствительности управления, да и лишних полтора года на овладение этим трюком — откуда их взять?

«Щенок!» — еще раз мысленно повторил Джокт, следуя за исследователем как приклеенный.

И как-то даже не задумался, что за навигаторской панелью «Прометея» — один из бывших «Фениксов», возвратившийся в строй после полугода скитания по госпиталям и хирургическим отделениям. А ведь легко было догадаться, кому еще можно доверить управление кораблем, напичканным сверхдорогой экзотической аппаратурой стоимостью в два-три линкора? По поводу аппаратуры Джокту представился случай убедиться, когда на подходе к первой приливной точке доминирующая система позиционирования исследователя вдруг вывела на экран «Зигзага» полную проводку курса, вплоть до места прибытия.

— Вот это да! — выдохнул Джокт, увидев, что «Прометей» локирует разом едва ли не все пространство, контролируемое Солнечной.

Теперь он мог видеть на экране при изменении масштабирования и «Австралию», и «Азию» — да что там! — все пять Крепостей и даже рудный район, прикрываемый «Европой», куда прямо в эту минуту спешили сразу десять транспортов со штурмовой пехотой под прикрытием эскадры крейсеров и истребителей.

Даже пространственные локаторы «Австралии» были на порядок слабее, охватывая взором только подответственный район и краешек зоны ответственности «Африки».

Изображение исчезло, видимо, это был просто короткий, но очень уж действенный акт демонстрации возможностей исследователя. Причем далеко не всех возможностей. Потому что в следующую секунду другой, незнакомый голос с «Прометея» осведомился:

— Это ты обо мне так плохо подумал? Нехорошо...

Навигатор! Точно он! Это что же означает? Что они на Ушастом уже и мысли читать умеют?

— Удивлен? Вот то-то же. Извини, что погонял тебя, как мальчишку. Нужно же было как-то убедиться, что у меня надежный ведомый.

Нет, в самом деле, дистанционное чтение мыслей! Это же, это же...

— Не переживай, Прима! Сканируется только твой эмоциональный фон. Вначале ты был раздражен, теперь — удивлен. Остальное отгадать несложно. Если из чайника валит пар, значит, вода закипела, а не замерзла. Верно?

Так Джокта впервые назвали когда-то общеупотребительным, а ныне почти забытым словечком на пилотском сленге. Секунд — второй, Прима — первый лейтенант. В отрядах «Фениксов» и «Саламандр» явление крайне редкое, если даже на подхвате у них работают сплошь капитан-лейтенанты. Кэпы. В Крепостях же три четверти флотского состава — лейтенанты. Первые и вторые. Поэтому слово перестало звучать.

— Молодец, кстати, шустро пляшешь... — Это он о маневрировании, догадался Джокт, вовсе незнакомый со всем набором словечек у элитаров. — Майор Куман, экс-«Феникс». Еще раз извини за проверку. Уклонение вправо надо бы тебе отрихтовать...

— Почему? — вступил в разговор Джокт, а сам подумал: какой странный день, все перед ним извиняются, но ему почему-то не становится легче.

— Все очень просто, пилот. Судя по полету, ты — типичный правша. Уклон влево ведешь нормально, вправо — амплитуда чуть меньше.

Надо же! Такое подметить — немалое мастерство требуется, и взгляд наметанный. Причем очень большое мастерство, и очень наметанный взгляд.

— На самом деле это характерно для всех правшей, так что ты не тушуйся. Инстинкты, пилот, инстинкты... И в бою, если будет без разницы, куда сваливаться, влево или вправо, ты уйдешь влево. Потому что твой мозг знает о том, что ты правша. Значит, правая рука сильнее и развита лучше, а самое главное — все действия подсознательно подгоняются для использования правой руки. Атавизм! Как у краба движение боком. Тем боком, где клешня побольше.

— Я учту, — коротко ответил Джокт, удивляясь, почему никто из инструкторов раньше не подмечал эту особенность в пилотировании?

— Учти обязательно. Не подумай, что какой-то списанный болтун решил поучить уму-разуму новичка, просто так, от нечего делать. Бессмертные-асы, а рано или поздно ты с ними встретишься, вступают в бой вторым эшелоном. Удобно. Под удар подставляются менее опытные пилоты, и есть время проанализировать действия

и намерения противника. То есть наши действия. Угадав, кто из пилотов левша, а кто правша, они начинают атаковать из невыгодных позиций, пользуясь уже этим знанием. И если у Бессмертного появится выбор — как лучше произвести стрельбу, зная о том, что ты с наибольшей вероятностью уйдешь с курса туда, куда тебе привычней уходить, он обязательно рубанет справа. Для тебя — слева. Туда, где ты окажешься, подставляясь под торпеду или энергетические излучатели.

— Как-то не замечал раньше, но все равно, спасибо.

— Раньше? Ты сколько раз участвовал в бою? Девять? Десять? Ну от силы двадцать. В настоящем, не тренировочном, без Первого Боевого.

— Два, — тут же смутившись собственной резкости, ответил Джокт и сразу переспросил: — А почему не считая Первый Боевой?

— Потому. Сам знаешь, — сказал, будто отрезал, майор. — Такие Бессмертные, которых я привел в пример, на самом деле встречаются не часто. Но встречаются.

— Спасибо, — повторил Джокт.

— Не за что. А теперь уравнивай дистанцию. Произвожу запуск зонда.

Зонд? Хотя все правильно. Чем черт не шутит? Вдруг в первом же Приливе они и наткнутся на «Летучих голландцев»?

Дистанция... Отработать курс... Тьфу, точно на петлю влево пошел, можно было вправо... Где-то позади раскрыл серебристо-черные антенны-зонтики зонд. Зонд — зонт. Так становятся поэтами. Плохими. Исчез исследователь, отрубилась связь. Туман, весь в слабых проблесках. Прилив!

Выход в пространство, наполненное звездами, как глоток воздуха после всплытия из глубин на поверхность. И снова немножко пилотского трепа с майором, который успел научить еще одной маленькой хитрости пилотажа. Ах да! Их же обучают пилотированию вражеских звездолетов, вот откуда он знает, почему комендоры «Кросроудов» в первую очередь стараются выбить истребители второй волны. Надо же, упрощение работы навигационно-тактического оборудования и переориентирование орудийных установок...

Корректировка курса и дистанции. Зонд — зонт. Проблески...

Снова. И два корабля вышли в заданном секторе, где им предстояло, чуть ли не взявшись за руки, прыгать парой туда и обратно. Групповая любовь с криком. Да еще в таком месте!

— Сигма Мак-Дональдса! — Джокт присвистнул. Красивейшее место! Звездочки, как блестящие игрушки. Будто улыбаются, встречая тебя. Если бы еще не три черные дыры поблизости...

Во всех лоциях это место отмечалось как крайне нежелательное для навигации. Разве что для глупых туристов, да еще за большие деньги... Ну их, эти улыбающиеся звездочки. Вспухнуть от страха! Всего одна пульсация черной дыры, и все. На всю жизнь покойник! — так говорили, когда имелось в виду, что нечего будет даже отправлять к месту «второго срока службы».

Хвала исследовательской станции «Антиглоб»! Если бы не они, до сих пор про пульсации черных дыр не было бы известно... Тоже интереснейший феномен в основе — «гравитационная память»!

Джокт запустил программу «Астронет» из стандартного набора информационных справочников, вшитых в память бортового вычислителя как раз для таких вот случаев, восьми часов тупого блуждания сквозь Приливы. Никакой опасности. Только каждые двадцать пять минут — перестроение, запуск зонда и следующий нырок. Сдохнуть со скуки!

В четверть экрана выделился квадрат со знакомой заставкой «А-Н». Голосовое сопровождение Джокт включать не стал. Так ему нравилось больше...

Плыть с полностью активированным обзором, то есть зависнуть в пустоте, где можно было бы добавить сюрреализма, передвигая ногами, будто шагая по Вселенной. Можно, если бы не необходимость контроля педалей управления.

Со всех сторон — бесконечность. Целая бесконечность бесконечностей! И легче всего понять обреченность одинокого путника-человека на бескрайних полях космоса. Где вместо злаков колышутся звезды, где нет ни лета, ни зимы, только весны... Ну вот. Сначала зонт-зонд, теперь это...

Точка выхода из Прилива располагалась в не менее живописном месте — Дабл-ви Окна. Часть звездного конгломерата Гейтса, названного именем полунищего, как гласила легенда, одиночки, который на последние средства выкупил у флота списанный одноместный исследователь и подался когда-то в искатели Приливов. Он был одним из множества бескорыстных романтиков, что делали открытия — находили новые Приливы и передавали все сведения о них в безвозмездное пользование всей Солнечной. Не путать с Гейтсом — известнейшим филантропом, который полтора века назад из удачливого топ-менеджера превратился в простого администратора

игрового детского центра, передав свои сбережения Детскому фонду. Да, были люди... Теперь вот — Дабл-ви Окна осталась. На века!

Две черные дыры, уже втянувшие в себя вещество нескольких ближайших звезд, и к ним в придачу нестабильный газовый гигант, в шутку названный «Маленьким и мягким». Одна пульсация — и нет никаких темных шатунов. Так, за миллионы лет гигант подмял под себя все огромное скопище планетоидов, когда-то существовавших здесь, и комет, чьи яркие орбиты пересекались с невероятно прожорливым полем тяготения гиганта.

«А-Н» услужливо отреагировала на касание экрана пальцами, затянутыми в перчатку СВЗ. И без того непередаваемо-яркие ощущения полета с полным обзором стали еще ярче, еще красочней, потому что программа демонстрировала сведения как раз о тех объектах, в опасной близости от которых шагал-плыл-летел Джокт.

Глава 10

...Вселенная, Метагалактика — звездный сад, в котором есть все, от пыли и цветов до великанов-деревьев. Наверное, не зря говорится, что первые впечатления остаются самыми яркими. Свое первое впечатление о Земле Джокт составлял по Лунному причалу. Где была и трава, и цветы, и великаны-деревья... Может быть, только поэтому он не возмутился, не восстал внутренне против всего остального, что поразило его на Земле.

Конечно, тяжело сравнивать, можно сказать категоричнее, — сравнивать нельзя Метагалактику с Лунным причалом. Даже для образности, потому что не те расстояния, они просто несопоставимы! Но с чем, скажите, сравнить муравью путь от корневищ к верхушке кипариса? С чем сравнить ему красоту заката и даже красоту горной вершины, которой коснулся закат и к которой пути для муравья не будет? А муравейник — вот он, рядом. Такой знакомый и обжитый. Вот костры в центре поляны, чем не закат? Джокт сравнивал... Любовался и искал привычные аналогии. Тайны Вселенной, раз уж они оказались рядом с ним, ее бесконечные формы существования материи и энергии, все, все было ему интересно.

Специального предмета по космогонии и строению Вселенной для курсантов не существовало. Это как раз понятно. Были только обобщающие факультативы по физике пространства и космических объектов, то, что имело практический смысл для навигации. Но это

то же самое, что двухлетнего ребенка знакомить с электричеством, не вдаваясь в тонкости. Вот электрическая розетка. Туда нельзя лазить пальцами и втыкать какие угодно предметы. Все. Знания получены, к жизни готов.

Черная дыра — та же розетка. Подходить к ней близко — нельзя. Убьет! Ее гравитационные объятия сильнее защиты звездолета, не выдержит никакой корпус, не говоря уже об астронавтах на борту. И объяснялось на факультативах очень просто: близко нельзя! И знакомили с таблицей исчисления предельно допустимого расстояния облета такого объекта. Впрочем, даже таблица — ознакомительного плана. Грависканер способен засечь провал в метрике пространства на достаточном для маневра расстоянии, дисплей озарится красным сполохом, и взвоет дурным голосом сигнализатор. Потому что это — объект высшего приоритета опасности. К тому же все обнаруженные черные дыры были обозначены в лоциях и отмечены в навигационных бортовых вычислителях. Но черные дыры — не единственная ужасная вещь, с которой возможна встреча вдали от Крепости.

Пульсирующие газовые гиганты, не путать со звездами-пульсарами! Нейтронные звезды. Путать можно, у звезд-пульсаров схожая судьба и экваториальная скорость вращения в половину световой...

Вспышка Сверхновой вообще не оставит шанса далеким созвездиям. Ведь это — смерть звезды, величественная и ужасающая смерть. Старые летописи хранят воспоминания очевидцев о яркой звезде, появившейся на небе и светившей даже днем. Год 1054-й Религиозной Эпохи. Китай и Азия. Впоследствии оказалось, что Сверхновая, «звезда-гостья», как ее назвали, находилась на расстоянии в три с половиной тысячи светолет от Солнечной. Вещество, выброшенное взрывом, продолжает свой полет до сих пор... И на том месте, где она находилась, сейчас зарождается новый звездный конгломерат. Кстати, после смерти далекой звезды в центре новорожденной туманности запульсировал маленький маячок. Звезда-пульсар. Это — одна смерть. С надгробием и эпитафиями. Существует другая разновидность, более мрачная. Когда после взрыва Сверхновой остается только гравитационная могила. Та самая черная дыра.

Еще возможно измельчание звезды от гигантской до карликовой. Тоже не подарок для навигаторов — сверхмалый объект, диаметром сопоставимый с небольшой планетой, но обладающий массой Солнца. Плотность вещества карликовой звезды в миллион

раз превышает плотность металлов. Горсть этого вещества окажется неподъемной для грузового звездолета...

Объектов с невообразимыми качествами и свойствами становилось все больше и больше по мере продвижения человечества в космос. Пока мы не повстречались с Бессмертными. На самом деле разновидностей звезд и их типов может оказаться бесконечное множество, не поддающееся четкой и полной классификации. Понятно, что это мало отвлекало среднего обывателя Солнечной от его насущных дел, но пилотов флота назвать обывателями никак нельзя. Не встреться Бессмертные, экспансия была бы продолжена. И флот все равно находился бы на острие атаки, направленной на этот раз против силы космических стихий...

Да, спецподготовка пилотов по всем проблемам астрофизики невозможна. Взамен специальных курсов и существовала программа-вставка «Астронет», проще — «А-Н», в обязательном порядке присутствующая в навигационном вычислителе любого звездолета.

Во-первых, встречаясь с теми или иными космическими телами, пространственные локаторы — грависканеры, энергорадары, оптические регистраторы и прочие приборы — автоматически, без участия пилотов, снимали всевозможные характеристики объектов, постоянно пополняя банк данных. Объяснение очень простое — можно сотню раз пройти вблизи одной и той же стабильной звезды, а в сто первый раз равновесие между силами сжатия и противоположно направленной силой выброса вещества окажется нарушенным, и тогда случается Большой Бада — бум! — превращение в Сверхновую и взрыв, что в любом случае означает гибель обширной области пространства. Учитывая, что больше сотни звезд ежегодно становятся Новыми (тот же катаклизм, что и Сверхновая, только масштабом поменьше и без окончательной гибели звезды), а раз в сотню лет происходит хотя бы одна вспышка Сверхновой со всеми вытекающими, работа программы-приложения «А-Н» является более чем актуальной. Ведь этот процесс можно предвидеть заранее, пока, к сожалению, с разной долей вероятности. Фиксируя изменение силы магнитного поля, уровень излучений звезды, накопление тяжелых металлов в звездном веществе...

Во-вторых, программа «А-Н» позволяла пилотам самостоятельно познать физику пространства. Раз уж все корабли флота КС в какой-то мере являлись и исследовательскими звездолетами, почему бы и действительным пилотам не стать исследователями? Ведь звезды завораживают. Притягивают, дразнят вблизи и издали.

Может быть, на Земле и аквапланете Европа люди давно отвыкли обращать внимание на звезды. Джокт не отвык.

Особенно его интересовали провалы черных дыр, что оставались после окончательной гибели звезды. Объясняя доступным языком, а «А-Н», рассчитанная на любого пользователя, содержала только доступные описания, без громоздких формул и специфических терминов, черная дыра — сохранившаяся гравитационная составляющая без собственно вещества, которое ей нужно удерживать. Это очень и очень приблизительная, упрощенная схема, но даже ей можно доверять на обывательском уровне. Солнце удерживает в своем поле притяжения множество планет, даже гиганты Юпитер и Сатурн. При этом сила притяжения достаточно велика, чтобы избежать быстрого разлета гелия и водорода, основы «тела» любой звезды. Если вдруг сила термоядерного распада ослабнет хоть на чуть-чуть из-за перерасхода вещества, необходимого для реакции, то сила притяжения тут же начнет сжатие, что приведет к уменьшению размеров звезды и падению мощности излучения. Центр гравитации останется, а вещество, начиная опадать к такому центру, также начнет убывать в объеме до бесконечно малых величин. Опять же в грубом приближении — его просто не станет. Вот тогда-то и происходит образование черной дыры — гравитационного провала. Считается, что наблюдатель, отправившийся в полет к черной дыре, может увидеть будущее Вселенной. Таков уж парадокс. Теоретические расчеты, хотя и кажутся невероятными, объясняют все очень просто, но на практике возможности подтвердить эту парадоксальную теорию невозможно. Зонд, ушедший в провал, должен передавать полученные данные внешнему кораблю-наблюдателю. Должен, но не может. Потому как сила притяжения черной дыры настолько велика, что ни свет, ни другое волновое излучение не способны ее преодолеть. Так что передача невозможна... Это как попытка обогнать тренажер — беговую дорожку, запущенную со скоростью, превышающую скорость бега самого умелого спринтера.

Но была еще одна изюминка в феномене гравитационных провалов, вот именно она и казалась Джокту наиболее привлекательной. А заключалась она в следующем...

Любое вещество не может исчезнуть безвозвратно. Значит, все «похищенное» провалами должно обернуться или излучением (которое неспособно покинуть черную дыру), или появиться в другом месте. Так и произошло. Исследовательский флот Солнечной обнаружил другие, белые дыры. Места выброса в пространство энергии и протовещества из ниоткуда. Этим же объясняли

и открытие в Галактическом Ядре звезд, обладающих вместо поля тяготения отталкивающей силой. Действие антигравов основано примерно на таком же принципе — перенос гравитационной составляющей пространства в другое место. Например, городской скутер на антиграве — не воздушный шарик, который, оторвавшись от земли будет подниматься все выше и выше, пока не лопнет или не начнет постепенно опускаться обратно. Подъем на высоту до сотни метров требует одних затрат энергии, на сантиметр — совсем других, на порядок меньших. А вот если предположить, что черные дыры существуют только в обязательной связи с белыми — теория Провала и Фонтана, так это назвали, — то вырисовывалась очень интересная картина. Схожесть с Приливами!

Тут уже устремления к знаниям Джокта-исследователя совпадали с практической необходимостью таких знаний для Джокта-пилота. Тем более что загадки Прилива коснулись его самым что ни на есть прямым образом. Да что там коснулись! Огрели палкой по голове! И теперь он не чувствовал, не догадывался, а знал наверняка — пока разгадка не будет найдена, судьба его, и без того неопределенная, как у любого другого пилота КС, стремится к еще большей неопределенности. Спасибо «Летучим голландцам»!

Интриги власти, особый отдел, командование крепостной обороной, перспектива навечно превратиться в подопытного кролика, прогулки в темноте с завязанными глазами, штабные комиссии, подозрения и «метод тыка» в самом наглядном его проявлении — все становилось частью первой большой загадки. Пилоты исчезали и появлялись, что подтверждалось многими. Куда там они попадали, что видели и кто их пытается теперь изучать «для личного пользования», он навряд ли сможет найти ответ. Но вот задуматься — почему он? Что за звездолеты бродят в Приливе? Без руля и без ветрил, так сказать. И без руля ли? Этими размышлениями как раз и занимался Джокт, жадно впитывая информацию, содержащуюся в программе «А-Н».

Приливная точка — Провал? Своеобразная «черная дыра» мелкого масштаба? Выход из Прилива — Фонтан? Белая дыра или ее аналог? Почему же тогда можно выйти из Прилива, войти обратно и вернуться к исходной точке? Вот, как сейчас? Кстати, сколько там осталось? Неважно. С «Прометея» укажут, когда нужно возвращаться... Дальше... Приливы не обладают собственной силой притяжения или отталкивания. Хочешь — входи в Прилив, нет — пролетай рядышком. Грависканер просто информирует: вот тут, тут и тут — космические туннели. Можно сэкономить сотню лет жиз-

ни и добраться туда, туда и туда всего за тысячу двести семьдесят две секунды с хвостиком. Плата за проезд? А вот это интересней... Понятно, что можно лишний раз вспомнить добрым словом отчаянного Пикшина. Для первых пассажиров — бесплатно! В целях рекламы. Как с остальными?

Джокт не боялся увлекаться бредовыми идеями. До некоторых пор для него, как и для всего человечества, Приливы были такой же данностью во Вселенной, как звезды — висят себе и висят. Излучают и излучают. Как кометы — они есть, летают, хвостатые, и с этим ничего не поделаешь. Разве что возвести противокометную оборону, на всякий случай, мало ли... Кстати, создание Противокометной обороны послужило первым шагом к образованию Космических Сил и другой, более мощной структуры — Внешнекосмической Обороны Солнечной. Вовремя успели. Потом появились первые исследователи Бессмертных. Так что, спасибо кометам!

Но вот после встреч с неизвестностью Джокт стал воспринимать Приливы как нечто особенное. Больше, чем просто туннели.

Реалии полного обзора: рука в перчатке на фоне клубящегося тумана открывает следующий раздел «А-Н».

Парадоксы.

Вот-вот, как раз интересно. Когда еще можно будет так долго пить из колодца познаний? Конечно же, в Крепости тоже полно вычислителей общего доступа с программой «А-Н», но это совсем другое... Нет проникновенности, нет будоражащего сознание единства с бесконечностью. Парадоксы...

«Процесс выброса вещества из белой дыры не обязательно является вторичным, последующим за поглощением вещества парной черной дырой».

Ого! Хорош парадокс! Ветер дует, потому что листья колышутся!

«Имеется временной парадокс, или парадокс причинно-следственной связи между поглощением вещества черной и выброса материи белой дырой».

Ну точно! Сначала листья, потом — ветер!

«Вещество, извергаемое белой дырой, заставляет парную черную дыру активней проводить поглощение. Парадокс в действии — пульсации черных дыр».

Все это, может быть, и логично, подумал Джокт, но пока не видно ни одной увязки с Приливами. Вот если бы гравитационный провал становился попеременно то белой, то черной дырой, тогда да, вполне смахивало бы на Прилив. В масштабе миллион к единице! Но этой теории чего-то недостает, какого-то связующего звена...

Для того чтобы насос перекачивал жидкость из одного резервуара в другой, необходимо приложить внешнюю силу... Может быть, существует еще и третий, скрытый процесс? Процесс аккумулирования вещества, попавшего в черную дыру? Какая-то дыра-конденсатор? Не белая, не черная, а находящаяся между ними?

Надо будет поделиться с кем-то из исследовательского отдела «Австралии». Если и поднимут на смех, то свои, не штабные мудрецы из Средиземноморского Мегаполиса, неизвестно на кого работающие!

Наконец настало время совершить последний полет сквозь Прилив. Никаких голосов, никаких «Летучих голландцев», аппаратура «Прометея» оказалась невостребованной и не зафиксировала ровным счетом ничего. Даже когда оба корабля произвели еще одну пару переходов, контрольных, сверх установленных восьми. И к Джокту вернулось забытое уже чувство дискомфорта и брезгливости к собственному СВЗ. Невозможно ведь полностью заблокировать работу внутренних органов. Даже индапом никак невозможно. И часть жидкости перекочевала из Джокта в маленький «памперс»-накопитель скафандра. Еще невозможно установить норму полетов для такого исследования. Что, если ему больше никогда в жизни не суждено увидеть и услышать призраков Прилива? От этой мысли почему-то становилось и легко, и одновременно грустно на душе. А может быть, они появятся, как всегда неожиданно, когда Джокт выйдет в свой сто первый рейд. Или сто третий. Или просто — третий.

— Возвращаемся. — Голос особиста окончательно вернул к действительности.

Пилот исследователя молчал. Видимо, тоже понимал, что слетали зазря. Молчала сверхдорогая аппаратура «Прометея», молчал Прилив, Джокта тоже не особенно тянуло на разговоры. С майором экс-«фениксом» он бы еще поговорил. С особистом — никак не тянуло.

Дорога домой, на Землю. Первый Прилив, второй, третий... Джокт даже не понял, что произошло...

...с удивлением рассматривая новый индап, который только что снял с него медик.

— Вы снова меня обманули? — Впору было топать ногой и плаксиво обижаться на весь белый свет.

Правда, почему-то это оказалось не медуправление. Помещение было другое — те самые ангары, откуда утром стартовал Джокт. По-настоящему стартовал или же в наведенном сне, он не понимал.

«Зигзаг» остывал рядом, и странная пара — улыбающийся офицер медуправления с хмурым, задумчивым офицером особого от-

дела, — разглядывали Джокта. Каждый по-своему и в то же время одинаково. Как диковинного зверя. Обезьяну, только что обретшую разум человека, или человека, на сутки превратившегося в обезьяну.

— Так... как? — с надеждой неуверенно спросил Джокт. — Это был сон, опять сон или...

— Это был полет. Никто тебя не обманывал... — за медика ответил особист.

Если бы то же самое не подтвердил медик, Джокт поверил бы еще меньше.

— А почему я не помню посадки? Не-ет, что-то здесь не то! Неужели я снова очутился в трансе? Так? — Это была единственная мысль, хоть как-то объясняющая наступивший провал, не в пространстве — в памяти.

— Не так, пилот. Не так! — Снова особист, теперь уже не хмурый, а растерянный, сдавивший виски руками. — Ты был в полете. Это со мной они... поиграли. — В глазах офицера особого отдела мелькнуло что-то опасное, но он сумел сразу же погасить этот блеск.

Поняв, что он не может увидеть настоящую картинку произошедшего, Джокт обратился с тем же вопросом к медику. Неспроста же тот сейчас улыбался, не обращая внимания на бурю, уместившуюся в одном человеке, в особисте, и готовую в любую секунду вырваться наружу.

— Был, был, успокойся. Вот, можешь еще и у него спросить. — И медик указал куда-то за спину Джокта.

Из коридора в ангар шагнул мужчина приблизительно тридцати пяти — сорока лет. Вместо военной формы — черный комбинезон без знаков различия.

«Пилот корабля-исследователя!» — догадался Джокт.

— Вот теперь можем и познакомиться! — Мужчина протянул широкую ладонь, как-то не вязавшуюся с его небольшим ростом. — Майор Куман, исследовательский отряд, экс-«феникс». Я сопровождал тебя... — Тут он вопросительно посмотрел на медика.

— Он помнит, — кивнул тот.

— А, ну тогда просто здравствуй. Приятно было угробить на тебя целый день.

Затем пилот исследователя заметил особиста, отошедшего в сторону.

— Познакомите? — снова переспросил он у медика.

И кусочки мозаики прыгнули друг к другу, образуя почти собранную картинку. Почти.

Выходило, что теперь вместо Джокта вся мощь искусственно созданного мира поглотила другого — особиста, который только-только осознал эфемерность мира, в котором он побывал. А самого Джокта, да еще вот этого пилота из бывших элитаров, действительно целый день швыряла из Прилива в Прилив чья-то высокая начальственная воля. Воля того, кто задумал весь эксперимент — коварную ловушку для двух человеческих сознаний. Джокт разговаривал с особистом, но его не было рядом, он остался на Земле... Понимая, что офицер-особист абсолютно не был посвящен в детали эксперимента, Джокт понимал и другое. Ни медик, проводивший сложное групповое сканирование, ни начальник медицинского управления, ни командование изыскательского отдела — никто не мог в одиночку отдать такой приказ. Возможно, им был гелиокомандор Бисмар, вот кто наверняка мог это сделать. Тем понятнее становились недовольство особиста, который, думая, что проводит надзор, сам оказался поднадзорным.

Это ведь не шутка, как однажды убедился Джокт, прожить целую жизнь, а потом узнать, что вся она была ложью. Набором стандартных программ, вторгшихся в сознание и овладевших им.

Диспозиция представлялась пилоту примерно такой: он сам, как только надел индап, тут же получил ударную дозу какой-то гадости, мгновенно выдернувшей его из реальности. Особист, уже облизнувшийся при виде доставшейся ему куклы-марионетки по имени Джокт, тоже был введен в иллюзорный мир, созданный медицинской машиной. Как? Каким образом с ним это проделали? Джокт не знал, но это было действительно несущественной деталью. Просто подкрались со спины и вкололи укол? Воздействовали как-то по-другому? Неважно. Гораздо интереснее оказалось открытие того факта, что Джокт действительно управлял истребителем, пока кто-то вел управление им самим. Пилот-элитар был единственным, кто контролировал ситуацию, так сказать, в реале, не подвергаясь никаким воздействиям.

На миг у Джокта мелькнуло подозрение, что и этот вывод может случиться неверным допущением. А что? С них станется! Нужно будет — они всю Крепость когда-нибудь закатают в подконтрольный эмулятор жизни!

— Как... как вам мои уклоны вправо? — не к месту, посреди бормотаний медика, разглядывавшего данные, поступившие на экран, задал вопрос Джокт.

— Вправо? — Джокт напрягся. — Намного лучше, чем в начале полета. — Джокт выдохнул. — Меня не благодари, рано или поздно кто-то должен был дать тебе этот совет...

Потом, понимая, что ничего не теряет и что мыслить категориями «уместно-неуместно», «нужно — ненужно» сейчас не время, Джокт решил напрямую порасспрашивать медика, раз уж никто другой (имея в виду особиста) не собирался этого делать.

— Зачем было исключать из наблюдения за ходом сканирования вот его. — Он дернул плечом в сторону особиста, который стоял поодаль, весьма и весьма эмоционально общаясь с невидимым (видеофон коммутатора был отключен) собеседником.

— Не знаю, — честно ответил медик, — не я же планировал это исследование.

— Но почему даже его не уведомили обо всех подробностях?

— Таково было задание. Ты в сопровождении майора Кумана вылетаешь на двухместном «Зигзаге» и...

— Как? Как — на двухместном «Зигзаге»? А Ушастый? «Прометей»? А как же все остальное? Зонды, дистанция...

— «Прометей» и все остальное сыграли роль Йоши и нападения Бессмертных на Землю. Помнишь предыдущее сканирование? Так что поверь, пилот, программ-провокаторов у нас очень много. Очень!

— Какой еще «Прометей»? — вступил в беседу майор. — Мы и на «Зигзаге» прилично попрактиковались... Правда?

Ничего себе — практиковались! Так что же? Еще был и третий, для кого реальность переплелась с иллюзиями?

Джокт оценил весь эксперимент как во сто крат более гнусное дело, чем то, когда он просто лежал в медицинском сканере и в грезах видел явь. Теперь все было наоборот. Он грезил наяву. Как сомнабула. И кто-то все это время копался в его сознании, как хирург во внутренностях пациента во время операции.

Джокт словно воочию увидел эту картинку — он сам, радостно ухмыляющийся дебил со вскрытой черепной коробкой, пускает слюни и таращится на звездный пейзаж. Пытаясь вдобавок выстраивать какие-то теории! А в это время над его головой склонились безликие призраки, перебирая пальцами в стерильных перчатках кусочки обнаженного мозга. Где-то вдали находится такой же человек без макушки, которому повезло больше. Он не пускает слюни, не ухмыляется во все стороны, просто спит и видит сны. Но в его черепе тоже шарят призраки.

От представленного Джокту стало дурно. Он прислонился к белой кушетке, потом сел на нее, а потом почувствовал, что падает. И не было индапа, способного удержать это падение срочной тонизирующей инъекцией.

— Ему досталось больше, чем вам, — где-то в отдалении громыхал подобием громовых раскатов голос медика. — Стыдитесь, офицер! Я просто выполнял приказ! — Ага, значит, особист все же решил разразиться грозой, и буря вырвалась из него. — Между прочим, план проведения эксперимента завизирован и вашим ведомством, вот с ним и разбирайтесь! А меня не нужно пугать, пуганый уже!

Раскаты отодвигались все дальше и дальше, и вот все, что от них осталось — просто дождь. Он бьет по наклонным плоскостям гигантских окон Лунного причала. Рядом о чем-то втолковывает человек в оранжевой куртке. Потом человек встает и уходит. Остается дождь... Бесшумные молнии тешились яркой игрой над горизонтом, а вода катилась и катилась по стеклу широкими потоками. Затем она нашла брешь в оконных рамах и начала падать оттуда, с высоты макушек притихших деревьев. Все ближе и ближе, и капли слились в ручеек, а Джокту что-то мешало встать и отойти в сторону. Он, запрокинув голову, отмечал путь воды, которая, как оказалось, искала его лицо. И наконец нашла...

— Очнулся! Всегда помогало! — Медик с объемной колбой в руке стоял над ним и лил из колбы воду.

На нос и на щеки, одновременно похлопывая по щекам свободной рукой.

— Не переживай, все уже нормально, — упреждая всевозможные вопросы, поспешил разъяснить он Джокту. — Это вестибулярные проблемы... Во время эксперимента в тебе как бы сочеталось сразу два сознания, спящее и бодрствующее. Причем им приходилось сменять друг друга, иначе ты бы не смог управлять истребителем. А головокружение и еще возможная тошнота — побочные эффекты. Никаких отклонений и нарушений основных функций, наоборот, нормальная реакция. Неприятно, я знаю. Но, увы, что поделаешь? Через пару минут сможешь встать на ноги, а пока лучше полежать.

И тут Джокт понял, что никакой это не ангар. Та самая комната, где ему надели индап с недобрым секретом. Снова вернулись вопросы. А как же еще теплый корпус истребителя? Как же подземный коридор, откуда шагнул в ангар пилот экс-«феникс»? Еще одно размышление над воспоминаниями: навряд ли в стартовом ангаре мог быть коммутатор, через который выплескивал свои эмоции особист.

Его мозаика была собрана, но в ее рисунке все равно угадывалось несколько пробелов. Там, где кусочков мозаики не хватило.

Потом уже, в Крепости, находясь в служебной каюте коменданта, где опять гудел аппарат, похожий на кондиционер, Джокт понял, что ему не отыскать недостающих кусочков. И хмурился комендант, и разбивались, словно о глухую стену, все попытки полковника Бар Аарона пробить хоть какую-то информацию по своим каналам.

Снова и снова Джокт возвращался то ли к яви, то ли к видениям. Вспомнил все, даже то, что происходило после эксперимента. Как вечером, вопреки рекомендациям коменданта, отправился в город...

Джокт попал на Площадь Цветов. Не обращая внимания на круживших там прелестниц (ведь Эстелы среди них не было, а Барон давно поставил ему диагноз «однолюб»), вызвал «Ламу». Потом долго кружил над улицами и проспектами, восстанавливая по памяти маршрут, которым довелось следовать лишь однажды. Оказалось, что искать человека в Мегаполисе в сотни и в тысячи раз труднее, чем пробираться за сотни и тысячи светолет сквозь Приливы. И понял, что в Мегаполис пришла осень, он знал, что это просто: когда ветер и листья, нужно опустить кабину гравискутера, потому что в форменном комбинезоне он продрог. Еще он понял, что осень созвучна с одиночеством. Почему? Наверное, из-за падающих листьев, закончивших свою жизнь, из-за холодного ветра, почему-то продолжающего жить в теснинах Мегаполиса.

Наконец-то Джокт нашел этот дом и даже вышел из скутера. Но не торопился пойти к лифту. Как там она говорила? Я не жилетка, чтобы в меня плакаться? А зачем он здесь? Чтобы рассказать, как в очередной раз кто-то поиздевался над ним? Что ему попалась еще одна пустышка, которую он облизывал, умиляясь при этом целый день? И то, что день оказался вычеркнутым из жизни. Зачем ей это?

«Осенью все птицы летят на юг» — светились в вечернем сумраке слова граффити.

Была осень. Джокт посмотрел на небо. Они летели...

А он? И вместе с листьями закружились сомнения. Был ли полет? Или все же — от начала до конца наведенные сны? Химеры? Но почему так?

Джокт догадывался, что не найдет сейчас ответа. Но знал, что все равно когда-нибудь это случится. Потому что в сомнения и маленькую жалость к самому себе вплелось еще одно ощущение. Стойкое, цельное, как холодный ветер Мегаполиса — ощущение, будто его обокрали.

Комендант клялся, что он здесь ни при чем и не знает, почему Джокта подвергли какому-то эксперименту. Еще он сказал, хотя мог вообще ничего не объяснять, что даже командующий крепостной обороной, нелюбезный к Джокту гелиокомандор Бисмар, тоже не в курсе. Санкция на эксперимент, как выяснилось, давалась откуда-то свыше. Программу для двойного сканирования — Джокта и попавшего в ту же западню офицера особого отдела — вводил какой-то уполномоченный представитель Глобального Совета. Медик управления, кстати, темная лошадка, неизвестно на какого хозяина работавший, выполнил простейшие инструкции, запустив процесс, но даже он не контролировал весь ход сканирования, не знал, что за программа вошла во взаимодействие с сознанием пилота, а главное, не знал, что это было за взаимодействие.

— Во что-то ты влип, Джокт, — очень серьезно подвел итог Барон, когда пилот поделился всей историей с друзьями.

— Да, действительно... Ерунда полная, — согласился Спенсер. — О таком я еще не слышал. Ты не боишься, что кто-то пожелал сделать из тебя шпиона? Фиксировать все, что происходит здесь, в Крепости, и во время вылетов? И каждый раз, когда тебя будут вызывать в штаб...

Джокт отрицал такую возможность. Потому что после прибытия в Крепость провел целый день в медицинском сканере на палубе «Зет-14», где полковник Бар Аарон обшарил каждый квадратик его тела, пытаясь обнаружить следы вживления чипа и сам чип. Ему даже пришлось пойти на подлог, зафиксировав повреждение идентификатора, чтобы вшить под кожу новый.

Гаваец шутил, что при желании теперь можно натворить любых дел, сославшись, что данные со старого идентификатора могли быть украдены умелыми хакерами и перенесены в идентификатор какой-нибудь темной личности, а поэтому, мол, и пришел в негодность. Но шутка не была оценена должным образом, только Спенсер покрутил пальцем у виска, а Барон дал Гавайцу щелчка по лбу. Хорошо, что это сделал Барон, а не Балу, который примчался на разговор позже и выдал собственную версию.

— Знаешь, когда пришлось выбивать Бессмертных с Плутона... Ты знаешь, Джокт... Так вот потом весь штурмовой отряд, каждого из тех, кто побывал на поверхности под Куполом, подвергли сканированию. Убирали из памяти кое-какие моменты. Меня там не было, и я почему-то даже рад. Говорят, в каждом взводе нашлось

хотя бы по одному бойцу, что сошел с ума. Уж не знаю, что им демонстрировали на сеансах сканирования и как это вообще происходило, может быть, так же как и с тобой — и сон, и явь вместе...

Джокт снова не согласился.

— Все мои воспоминания вроде бы на месте. И вообще, полковник Аарон сказал, что память стереть невозможно. Ослабить эмоциональный фон каких-нибудь воспоминаний — да, но только с риском что-то повредить. Так что я тоже не знаю, что за процедуры проводили тем штурмовикам. Но если бы это было просто — убрать ненужные воспоминания, я бы не имел кучи проблем во время обучения.

Обменявшись соображениями и так и не обнаружив хоть какое-нибудь объяснение, друзья посоветовали Джокту поскорее забыть этот эпизод.

— Я так думаю, — сказал Барон. — Если бы дело дошло до нарушений работы мозга, тебя бы не допустили к полетам. Тот же полковник Аарон не допустил. А мы идем в рейд завтра утром. Ты заявлен лидером, как всегда. Значит, на твою дальнейшую службу это не повлияет. Дальше. Если бы ты оказался чем-то интересен хайменам, — тут Барон был категоричен, определяя истинных инициаторов таинства эксперимента, проведенного над Джоктом, — то не только о полетах... Тебе бы пришлось забыть и о Крепости, и об остальном мире. Никуда бы тебя не отпустили.

— Но штаб! Комендант Крепости! — пытался возразить Джокт, заранее понимая, что возражения не пройдут.

При этом он свято соблюдал уговор не выдавать Барона, рассказавшего о семейной связи Балу со Стариком.

— Ни штаб, ни комендант, никто вообще из военного ведомства не контролировал весь эксперимент, или обследование, или что там с тобой сделали.

— Акт мужеложства! — Шутки у Гавайца сегодня явно не заладились, и он заработал еще один щелчок. И тут же, смутившись от сразу нескольких серьезных взглядов, направленных на него, притих. — Очень удобно... Я про такое слышал...

В другое время это «очень удобно» в определенном контексте позволило бы Барону изводить Гавайца до вечера. Но не в этот раз.

— В общем, если никто не пожелал сообщить тебе правду, то в ближайшем будущем ты до нее не докопаешься. — Спенсер, уступавший Барону в эрудиции и способности к блестящим умозаключениям, как всегда с лихвой компенсировал эти свойства житейской мудростью. — Но рано или поздно что-то всплывет, Джокт. Появится

какой-нибудь хвост, главное, ухватиться за него покрепче, не пропустить момент, тогда ты вытащишь и всего зверя. А пока пусть он прячется. Не переживай и не думай об этом. Барон прав: если что, тебя бы не выпустили с Земли. И даже батальон штурмовой пехоты вместе с комендантом и его связями не смогли бы тебя разыскать...

Так, постепенно-постепенно, беседа пошла по иному руслу. И оказалось, что пока Джокт маялся на Земле, в Крепости тоже произошли кое-какие события, напрямую касающиеся дальнейшего несения службы.

— В последнем бою, когда Балу брал на абордаж линкор Бессмертных, — Балу расцвел улыбкой, поглаживая матово отсвечивающий орден «Честь, Доблесть и Сила», — помнишь, там была группа пилотов, которые...

— Помню. Сумасшедшие какие-то. Надеюсь, это очередное новшество-эксперимент вроде штрафной роты, в которой только кровью можно вернуть гражданство?

— Да нет, что ты! Всех штрафников загоняют на рудники. Вместо «Зигзагов» и «Леборейторов» снабжают их парой манипуляторов на Скафандре Добытчика... А то, что ты видел, — наша смена, следующее поколение пилотов.

— Действительно? Но они же кроме близкой схватки ничего не продемонстрировали. Или я что-то не так понял? Не то видел? И вообще имею провалы в памяти, в логике, этим все сказано, и конец всем загадкам!

— Нет. — Спенсер перехватил слово у Барона. — С твоей памятью все в порядке. Только ближняя схватка. Но вспомни, как они ее провели!

— В пехоте, между прочим, личное умение иногда ценится выше, чем способность хорошо действовать в группе, — добавил Балу. — Не всегда, конечно, но...

— Это в пехоте. И только потому, что штурмовики Бессмертных не признают строя и действуют в одиночку, — возразил Джокт.

— Правильно. Но есть еще одно «но»! Флот имеет совсем другие задачи. Бой в пространстве, сопровождение караванов, орбитальное прикрытие. Теоретически вы можете проникнуть хоть на другой край Галактики, если разведчики найдут такую цепочку Приливов. Но это еще не будет означать, что тот край Галактики станет частью Солнечной...

— Почему нет? Вывести туда же парочку отрядов мониторов, перевести одну из Крепостей, линкорами блокировать все перспективные для разработок районы...

— Нет, Джокт. Все не то! Существует древняя формула войны. Может быть, самая древняя, потому что, когда первые пехотинцы всерьез крошили друг другу черепа тяжелыми дубинами, еще и в помине не было флота. Даже морского. Любое место, любой город, любая планета принадлежат тому, чья пехота ступила на эту землю и безнаказанно ее топчет... Мы можем найти домашние планеты Бессмертных, можем подвергнуть их орбитальной бомбардировке, но мы ни в чем не будем уверены и не посчитаем такие планеты захваченными, пусть даже просто зачищенными — вряд ли нам понадобятся их дырявые планеты, — пока штурмовые отряды, высаженные на поверхность, не подадут самый лучший в мире сигнал «Все чисто!».

С этим было тяжело не согласиться.

— Ладно, насчет пехоты КС ты меня убедил, — продолжал упорствовать Джокт. — Но как можно работать с ведомыми, которые готовы покинуть тебя в любой момент, перестав прикрывать, как только им захочется побыть героями, и ринутся совсем в другую сторону? Пусть даже, чтобы лихо высечь врага... Флот Бессмертных ведет действия только в группах!

— Эти пилоты, из новых, не имеют разбивки на тройки. Среди них нет лидеров и ведомых, командиров групп и подчиненных. Они все, каждый из них — лидер! Причем лидер, не нуждающийся в ведомых!

— Все равно, ерунда какая-то! Бессмертные быстро научатся противостоять таким разрозненным лидерам, начнут их сжигать пачками. Даже «Саламандры», при всех их индивидуальных талантах и умениях, ведут бой в группе. И именно поэтому чаще всего побеждают.

— Правильно. Потому что обучены вести групповой бой! Да еще по усложненным схемам, каждый раз — новым. Только в случае крайней необходимости они начинают действовать поодиночке. А наши новенькие не умеют действовать группой. Их просто не обучали этому.

— Почему?

— Очень просто, — ввернул слово Барон. — Помнишь, когда мы возвращались с Земли после «Стокгольма», на транспорте с нами были странные парни, такие все из себя молчаливые и неулыбчивые? Их еще сопровождали военные медики.

— Информационные наркоманы? Инфонарики? Кто-то решил превратить их в пилотов?

— Не веришь?

— Нет, вам всем я, конечно, верю...

— Пошли, убедишься! — Барон ухватил Джокта за руку, потянув за собой.

— Я с вами! — тут же заявил Спенсер.

Отказался только Балу, сказав, что уже посмотрел на новых пилотов и что предпочитает более разговорчивых собеседников.

— А куда мы, собственно, идем? — осведомился Джокт, когда они прошли мимо межуровневых лифтов, которыми можно было добраться до всех известных уже Джокту «людных» мест: спортзалов, офицерских кафе, трека, видеосалонов и прочих заведений, где обычно собирались пилоты истребительного флота.

— В ЭР-ПЕ-ВЕ, — ответил Гаваец, и глаза его как-то странно заблестели.

Наверное, подумал Джокт, официантка с Площади Цветов нажала на какой-то тайный переключатель, что был у Гавайца. Раньше ни Гаваец, ни Джокт не посещали это место. Они считали — всему свое время. Тут же Джокт почувствовал странную двойственность... Что-то тянуло его туда, теперь, после встречи с Эстелой, которая тоже умела находить тайные переключатели. А что-то отталкивало от этого посещения. Может быть, остатки романтических переживаний от знакомства с Лиин.

— А почему именно в ЭР-ПЕ-ВЕ? Разве кто-то из них так сильно нуждается в женском обществе? Я слышал, все как раз наоборот...

— Да нет, — со смехом пояснил Барон, который тоже никогда особо не стремился попасть в Вип-Ресторацию, помалкивая о причинах. — Какой-то шутник сказал их надзирателям, что это такой порядок — с семи до восьми вечера всем пилотам истребителей находиться в ЭР-ПЕ-ВЕ...

— И они поверили?

— А как им было не поверить? Нашлись знатоки, переподсоединили коммутатор и голосом Старика чуть ли не в ультимативной форме оповестили — по одной группе, каждый день, с семи до восьми. Медики пока эту фишку не просекли. Три дня ходили, как часы. Скорее всего, и сегодня... Сейчас увидим.

В центральное, или, как еще говорили, Центровое, заведение Крепости добраться было непросто. Уже в этом угадывалась его особенность. По негласной традиции, как по дороге успел сообщить Спенсер, все офицеры, посещающие заведение, в его пределах считаются равными друг перед другом. Захочет какой угодно лейтенант пообщаться с целым полковником, присядет к нему за стол — все, придется общаться целому полковнику с лейтенантом.

Если нет очевидных причин отказывать. Естественно, не всем старшим офицерам такое правило было по душе.

— Ты не забыл? — допытывался Спенсер. — Ресторация Випкласса... Дальше? Эх, балда! Точно на Земле тебе что-то не то стерли. Послеполетная! А значит, для кого заведение? Ну думай, думай, это же элементарно!

— Я понимаю... Раз послеполетная, значит, для тех, кто вернулся с вылета. Но ведь офицеры-штурмовики тоже посещают ЭР-ПЕВЕ. Они ведь не пилоты.

— Стерли, стерли! Туго стало у тебя с соображалкой. Как, по-твоему, они к месту штурмовок добираются? Пешком? По камушкам, по камушкам, от звездочки к звездочке? Конечно, и офицеры пехоты КС, и какой-нибудь очкарик-гравионщик с крейсера, и даже линкоровский кок. Еще гравиметеорологи, разведчики, изыскатели. Все, кто уходит в рейды! Поэтому и получается, что девочки и выпивка ждут именно таких, как мы, а не тыловых крыс из комендантства. Отсюда недопонимания разные случаются. Кстати, — Спенсер перепрыгнул на другую тему, — я слышал, ты тоже кое с кем из Общества Содействия на Земле познакомился. Надеюсь, все происходило не так, как в первый раз, когда мы с Балу еле-еле разыскали тебя? Вот, Гаваец тебя сдал...

А ведь точно, вспомнил Джокт, после встречи с Эстелой он не успел ничего рассказать Спенсеру. Ведь сразу по возврату был рейд. В конце полета, возле самой Крепости, Джокт ушел в нирвану, как выразился Барон, а потом за ним примчались сразу трое офицеров с Земли, а потом...

— Должен же я был когда-нибудь извиниться перед ней, — ответил он Спенсеру, вовсе не собираясь хвастать и распространяться о многом остальном, что происходило между ним и Эстелой.

Особенно, что за голографический зверь притаился у нее между бедер и как ему страшно было, каким-то первобытным страхом, приближаться к этому зверю.

— Так ты нашел ту самую девчонку? Мужчина! Красиво поступил. А то так бы и ходила среди девиц с Площади Цветов легенда о сумасшедших пилотах «Австралии», что завлекают их на загородную прогулку, а потом с остервенением насилуют!

— Спенсер, не надо! До сих пор стыдно...

— Ладно, не буду. Она-то как? Простила?

— Вроде бы.

— На прощание подарила свое фото? Ну они иногда так делают — дарят свое голофото на память.

— Уже знаю. Подарила.

— Цени, парень! Не каждому эти девицы такие подарки делают. Еще они просят, чтоб голофото обязательно попало в кабину истребителя. Просила?

— Просила, только я...

— Сделай это обязательно. Говорят, приносит удачу в бою. А еще говорят, будто есть какие-то особые дни, когда все они, я имею в виду девиц, встречаются и шаманят.

— Что делают?

— Обряд себе какой-то придумали. Окружают себя голофотками всех пилотов, что у них побывали, будто вспоминают нас и просят сохранения наших жизней. Считается, чем больше пилотов... как это сказать... чем больше таких голограмм на этих встречах, тем лучше для флота.

— А кого они просят?

— Кто их знает, Джокт. Это уже женские тайны, и никого из мужчин посвящать в них не принято.

Джокт задумался, пытаясь разобраться, все же за или против он таких обрядов? Потом, представив, как Эстела смотрит на него, пускай даже не на него, а всего лишь на его голографию (тут же возникла мысль: интересно, в каком ракурсе он там запечатлен?), он почувствовал приятное волнение. Наверное, из-за ощущения, что пусть на непродолжительное время, но кто-то вспомнил о нем, и на это время он стал для кого-то важен, нужен кому-то. Мысленно Джокт пожелал в ответ, чтобы Эстелу выбрали самым главным капитаном всех болельщиц. Сознание вновь и вновь заволакивалось картинами сборища зеленоглазых обнаженных ведьм...

— Обязательно вывешу. Завтра же, перед вылетом, — абсолютно серьезно сказал Джокт.

Они прошли по комендантской палубе — все-таки крысам-тыловикам, как назвал их Спенсер, удалось уравнять положение и добиться обустройства ЭР-ПЕ-ВЕ, злачного местечка, поближе к себе, а не к уровням, где, собственно, обитали пилоты. Затем, опустившись лифтом на ярус ниже (хотя имелась и лестница), вся компания оказалась в просторном зале.

Ну все верно, отметил Джокт, должны же были штабисты чем-то думать, не прямо же за стенами штабных кают держать Крепостной бордель... Почему-то ЭР-ПЕ-ВЕ стойко ассоциировался для Джокта с борделем, и, хотя он ни разу еще не был здесь, заведение представлялось ему своеобразной Площадью Цветов, где он побывал уже дважды. До сих пор Джокт посещал другие офицерские

заведения, даже нашивки лейтенанта «обмывал» с остальными в том самом кафе, где Балу знакомил его с Лиин.

Как выяснилось, он оказался одновременно и близок, и далек в своих предположениях.

Первое — вестибюль. Холл приличных размеров, с видеоэкранами и мягкой подсветкой. Уже отсюда слышалась громкая музыка, доносящаяся из основного зала. В холле же, помимо того, имелось множество мягких кресел, расположенных так, чтобы офицерам было удобно общаться между собой. Возле каждого полукружья кресел имелись столики с пепельницами и бокалами. Все кресла, к слову, были заняты.

Второе. На удивление, мало кто из офицеров курил, зато бокалы опрокидывались с поразительной скоростью. Присмотревшись, Джокт отметил, что большинство находящихся в холле — офицеры штурмовой пехоты.

Тогда понятно... Для них это не так страшно... Переглянувшись с Бароном и Гавайцем, Джокт отметил, что взгляды друзей так же обращены на опустошаемые бокалы. Что вызвало однозначно нехорошие воспоминания. Вдобавок Гаваец потрогал нижнюю губу, на которой еще виднелись следы травмы, полученной в «Стокгольме».

— Это не для нас. С утра — вылет, — напомнил Барон, и все с ним согласились.

Хотя не совсем так. Спенсер, равнодушно пожав плечами, продемонстрировал целую упаковку нейтрализаторов.

— Нет-нет-нет! — Гаваец опять потрогал губу. — Иногда даже они не помогают!

Спенсер вторично пожал плечами, и они вошли в зал.

Первое, что бросалось в глаза, — парочка квадратных военных полицейских из корабельной команды, исполняющих обязанности вышибал. Впрочем, полицейские только скользнули взглядами, убедившись, что никто из вновь прибывших не шатается из стороны в сторону и не пытается буянить, они тут же потеряли к пилотам всякий интерес.

— Если даже в холле нет свободных кресел, наверное, здесь тоже для нас мест не найдется, — пессимистично обронил Джокт, с интересом разглядывая зал.

— А мы подождем. До восьми всего ничего осталось. Нужно только найти этих новеньких и их нянек...

Зал оказался большим. Насколько большим, судить было трудно, светильники горели только над столами, да и то не везде. И разные люди предавались разным занятиям. Большая часть зала оставалась скрытой от взгляда.

Кто-то курил, пуская кольца, одно сквозь другое. Наверное, любимое развлечение штурмовиков, подумал Джокт, ведь ходила легенда о крупном призе, ожидающем того, кто сумеет вот так — одно сквозь другое, пропустить девятнадцать колец друг сквозь друга. И якобы кто-то уже проделал это с восемнадцатью кольцами... Некоторые вели оживленное общение, другие тянули бокал за бокалом. Где-то в другом конце зала, а может, это происходило ближе к середине, мелькал стробоскоп, разноцветные узкие лучи выписывали сложные узоры, перебегая с потолка на столики и на лица людей.

Там же, под этим мельтешением огней, виднелась площадка, на которой танцевали. Среди угловатых безразмерных фигур офицеров-пехотинцев и разнокалиберных прочих, гибко извивались женские тела. Гремела музыка. Невидимый жокей сыпал шутками и неразборчивыми скороговорками.

— Вот же они! — указал в глубь зала Барон и начал пробираться через лабиринт столов и кресел.

Джокт, Спенсер и Гаваец направились следом.

— О! — примерно так прокомментировал Джокт то, что увидел минутой позже.

Зрелище было из ряда вон выходящее и тут же впечатывалось в память своим гротеском. У самого края танцевальной площадки за несколькими столами сидели двадцать истуканов. У каждого в руках — одинаковые чашки с кофе. И даже отпивали они по глотку из этих чашек одновременно, будто по команде. Спины — прямые. Взгляды — застывшие, как у андроидов с отключенными рецепторами, отметил Джокт.

Казалось, ко всему происходящему вокруг пилоты не имели ровным счетом никакого отношения, будто ничего из окружающего их не касалось. Мимо проходили другие пилоты, иногда задевая кресла с истуканами. Джокт увидел, как кто-то задел одного из них под локоть. Кофе немедленно выплеснулся из чашки на стол, тут же напомнив Джокту одну забытую сцену в кафе... Но пилот невозмутимо, как и полагается истуканам, продолжал сидеть с опустошенной чашкой в руке. Пятно вытер медик, находившийся рядом, и стал что-то шептать на ухо пилоту-юноше. Действительно, вся двадцатка — мальчишки не старше шестнадцати-семнадцати лет. После нашептываний медика юноша-пилот невозмутимо, даже слишком невозмутимо, поставил чашку и поднял вверх руку.

Ага, значит это все-таки не андроиды. И уже умеют подзывать официантов. Но отчего они все такие заторможенные? Как-то не вязалась в голове Джокта эта картина с другой, не так давно

уиденной. Быстрые, отчаянные атаки в гуще вражеского строя. Резкое, опасное маневрирование на пределе сберегающих возможностей истребителей и скафандров. Точные удары. Полыхающие короткими вспышками «Кнопки», тут же разлетающиеся на куски. И — такая меланхолия рядом с пульсирующими звуками динамиков, яркими огнями и танцующими людьми.

— Так! Теперь внимание, начинаю отсчет! — Барону пришлось склониться к самому уху Джокта, чтоб тот смог расслышать. Глаза Барон скосил на часы: — Десять, девять, восемь...

Выкриком «ноль!» отсчет был окончен, и тут же Барон рванулся к ближайшему столику с новенькими. В эту же секунду они встали: все, разом, снова как будто по команде. И, выстроившись в цепочку, ведомые тремя или четырьмя медиками, направились к выходу.

Действительно, происходящее было похоже на чудо! Глупое, ненужное чудо. К Джокту опять вернулось ощущение, что перед ним не люди, а андроиды, которых он имел счастье наблюдать когда-то в гравиметрических цехах во время учебы в Плутонианском институте гравионики. Такая четкость, синхронность действий не могла не поразить. В бою Джокт ощущал биение времени как биение собственного сердца. Но то — в бою, где за одну секунду истребитель, разогнавшийся до предельно возможной скорости, проходит двести семьдесят тысяч километров. Чуть меньше, если быть точным и вспомнить, что величина в 300 000 километров в секунду — немного завышена для округления. Да и космический вакуум — это не абсолют. В свободном от скопления космической пыли пространстве плотность вещества, или межзвездной газовой среды, как верно это называется, составляет примерно один атом на кубический сантиметр. Мало до смешного, но именно этот атом и определяет возможность полетов с околосветовыми скоростями, где гравитация — важнейшая составляющая таких полетов.

Развив короткую мысль в неприлично глубокую для такого места, как ЭР-ПЕ-ВЕ, Джокт тут же дал себе слово после рейда посетить исследовательский отдел на предмет общения с астрофизиками. Сразу обо всем — и о Приливах, и о провалах в пространстве...

— Да, впечатляет! — согласился он с Бароном, занимая освободившееся кресло. — Это же надо, иметь такой точный внутренний хронометр!

— Ха! Хронометр! Ты бы посмотрел, как они по коридорам ходят! Будто играют. Перед тем как за угол завернуть, разворачиваются всем корпусом. Перед кубриком этих новичков кто-то нарисовал

на переборке дверь с ручкой. Что ты думаешь? Две минуты один из них открыть пытался. Потом вышел второй, стал ему помогать...

— Получается, что для них все происходящее вокруг — незнакомая игра?

— Конечно, игра, — теперь за объяснения принялся Спенсер. — Ты что думаешь, их специально такими болванчиками сделали? Сами себя довели. Инфонаркомания практически неизлечима. Зависимость такая, что могут неделями не отрываться от своих игр. Лишь бы кормили их. С ложечки. Потому что гибнут они в основном от истощения.

— Ну и что, что игра? Что с того, что кормить нужно с ложечки? При чем здесь истребительный флот?

— Очень даже при том. Как ни смешно, современные игры-симуляторы развили у них почти такие же навыки, как и у нас. Мы шли к одной и той же цели с двух разных концов... Остается только провести модификацию, разработать более мощные скафандры с усиленной сберегающей функцией и повышенной сопротивляемостью к перегрузкам. И тихонько пересадить всех игроков с кресел, на которых они зависли перед мониторами, в кресла боевых истребителей. Похоже, никакой для них разницы.

— Значит, они не воюют, а всего лишь играют? Не понимая, что попадание в кабину истребителя это вовсе не попадание в топ, не просто столько-то штрафных баллов, а верная смерть! И в конце их ждет не «Игра окончена, попробуйте еще!», а служба «второго срока», прах, запечатанный в шлем, окруженный пластиковым веночком и дистанционный подрывной заряд там же?

— Не понимают, Джокт. Это болезнь. Какой-то умник нашелся, додумался, как и этих калек — они ведь калеки, верно? — использовать в войне. И по всей Солнечной ведется отбор лучших из лучших. Ты сам видел, на что они способны. А знаешь, какая самая распространенная причина их гибели в бою?

— Слабое противодействие торпедной атаке при выходе на дистанцию ближнего боя? Отсутствие группового взаимодействия? — предположил Джокт.

— Нет. Перегрузки. Критические перегрузки при критическом маневрировании. От торпед они уходят — будь здоров! Сейчас срочно разрабатываются какие-то приспособления-приставки вроде скафандра, которые им нужно надевать перед игрой. Эта одежда воспроизводит давление на тело, не двадцать «же», конечно, но, говорят, очень даже ощутимо. Чтобы хоть как-то дать им понять, что поджидает их в другой игре. Взрослой. Чтобы они хоть как-то научились самосо-

хранению. В играх при критических перегрузках срабатывает сигнализатор опасности, опять же — начисление штрафных очков. Не знали они, что на самом деле все не так. Резкое сваливание или резкий выход на вираж — все. Система и пикнуть не успеет, а в СВЗ — только фарш. «Водяные матрешки» они не воспринимают, поэтому...

— Но ведь от такой зависимости можно как-то избавиться! Хороший курс психологической реабилитации, еще что-то... Что-то же должно быть против этого!

— Наверняка так оно и есть. Но кто это все будет оплачивать? Ты? Я? Мальчишки ведь больше из беспризорных или из тех, чьи родители наплевали на собственных детей. Пропадают целыми днями в социальных салонах и пусть пропадают, лишь бы жить не мешали... Куда выгодней оказалось переделать их в таких вот пилотов. Пилотов первой волны! Кстати, на «Общий штурм» выходим вместе. Их — вперед, взламывать «червивые розы», потом пойдут автоматические эскадры, корабли-роботы. Потом — мы, надежда, так сказать, и опора Солнечной.

— Какой бред! Разве это не ужасно? — Джокту стало как-то не по себе, когда он понял, что его сравнения новичков с андроидами оказались вполне уместны. Вот только нельзя сравнивать людей с роботами. Никак нельзя. Даже безнадежно больных людей, мальчишек, которые никогда не станут взрослыми, а до самой смерти будут играть в игру! Всего лишь играть. До самой скорой смерти...

— Джокт? Да ты что? Думаешь, я легко все это переварил? Но что теперь поделаешь? К тому же есть и другая сторона... Они счастливы, понимаешь? Они счастливы, Джокт! И за эту возможность сыграть во Взрослую Игру готовы заплатить жизнью. Верни их на Землю, там они сдохнут, как только им исполнится двадцать. Потому что социальные салоны — только до двадцати лет. Сдохнут или попадут в молодежные банды. Какой-нибудь другой мудрец, не тот, что работает на государство, снова даст им возможность играть. Ты представляешь, что они способны за это сделать? Да все, что угодно! Особенно девчонки, потому что им есть чем расплачиваться... А потом и этот праздник жизни закончится, и тогда — тупик. Конец игры без права попробовать сначала. Вот тебе две крайности, Джокт. Глобальное Правительство выбрало одну из них. Ты думаешь, в штабе ВКО двумя руками все были за? Как раз нет...

— Стой! Подожди! — Джокт вдруг понял, отчего кресло стало жестким, а огни — в несколько раз ярче. — Про их будущее... вернее, про отсутствие всякого будущего у них — я понял. Но вот — девчонки... Ты сказал — девчонки? Среди них?

— Для меня это тоже было новостью...

— Но ведь нам объясняли, что женское сознание почему-то непригодно для пилотирования?

— Непригодно для обучения пилотированию. Это не совсем одно и то же. Все новички стали пилотами не по науке, а поневоле. Отбирали, я уже говорил, лучших из лучших, по результатам каких-то сетевых конкурсов. И... Да, среди них есть несколько девушек. Вообще жуть — соплячки, лет по шестнадцать, а туда же... Одна такая соплячка сожгла сразу четыре «Кнопки». В первом бою. Как тебе?

Все хорошее настроение куда-то пропало. Джокт замолчал, совсем как истуканы-новички, погрузившись в созерцание кофейной чашки. Спенсер заказал бокал «Джек Даниэля», своего любимого виски, и исчез, присоединившись к каким-то пилотам-исследователям. Гаваец с Бароном ринулись отплясывать под разноцветными огнями.

Заметив, что за столиком освободились места, к Джокту подсели два офицера крейсерской группы. Перед каждым из них на столе появилось по бокалу какого-то напитка, а на коленях — по ярко накрашенной девице. Женщины беспрерывно хохотали и порывались вытянуть своих кавалеров, а заодно и Джокта, на танец.

— Ну что ты такой грустный! — сложив губы дудочкой, все повторяла и повторяла одна из них, обращаясь то к одному, то к другому офицеру, и даже Джокта она спросила о том же самом. — Ну что ты такой грустный? Идем, потанцуем!

Ни лиц, ни фигур девушек Джокт не разглядел в суматошном мелькании стробоскопа. Только то, что губы были дудочкой.

— Ну что ты такой грустный...

Когда она свесилась через весь стол, чтобы задать свой самый важный вопрос, едва не слетев с колен крейсерского офицера, Джокт уловил запах дезодоранта пополам с алкоголем и понял, что девица сильно пьяна.

— Ну что ты такой...

Он встал и направился к выходу. Совсем ему не понравилось здесь. К тому же все, что рассказал Спенсер, давило на сердце сильнее, чем воспоминания о прошедшем сканировании и всех вопросах, оставшихся после него.

— Летал я или нет к этой проклятой Сигме? Летал или нет?

Он поймал себя на том, что сильно смахивает на девицу, повторяющую и повторяющую одно и то же. Но ничего не мог с собой поделать. Летал или нет? Или из него решили сделать такого точно

пилота новой формации, путающего игру с реальностью, разве что наоборот — путающего реальность с игрой. Чужой игрой, вот что было обиднее всего.

С утра — рейд. Два дня на Земле, особенно последний, требовали полного уединения и отдыха. Сон с индапом как раз мог решить к утру все проблемы, и Джокт собирался этим воспользоваться.

Вытянувшись в струнку на выходе, пропуская седого полковника астрографической службы (круг и циркуль), увешанного орденскими планками и сразу двумя девицами в придачу, Джокт потом чуть не заплутал, так как первый раз побывал на этом уровне Крепости. Самый короткий путь — тот, который тебе известен. Поэтому пришлось выбираться, пользуясь транспортером, к ангарам и уже оттуда знакомой дорогой направляться к своей каюте. Мимо него промчалась группа пилотов-истребителей, на ходу защелкивая индапы. Вторая дежурная смена, понял Джокт, срочный вылет, опять какой-нибудь линкор вляпался по самое не хочу. Опять кто-то сгорает заживо в тесных казематах и турельных гнездах... Ему ли судить тех, кто втянул в такую войну еще и девчонок, живущих своей игрой? Может, так и нужно? И прав был Спенсер, говоря, что новые пилоты не имели будущего и взамен обрели возможность сослужить большую службу Солнечной. Может быть...

Когда он, пропетляв по изгибам коридора, наконец-то нашел свое жилище — сказывался короткий промежуток времени с момента «переезда» из общего кубрика в индивидуальную каюту — внезапно все изменилось. Что-то щелкнуло внутри, мысли побежали в обратном направлении, и захотелось вернуться в ЭР-ПЕ-ВЕ, чтобы найти пьяную девицу, которая наверняка успела всем надоесть, покружить ее в танце, а после уйти, забрав ее с собой. Так, как астрограф, не стесняясь чужих взглядов. Ведь завтра — рейд. Опять перед боем Гонза сообщит схему замещения — на самый крайний случай. Не поджидает ли этот же случай и его, Джокта? К чему тогда все? К чему ненужная мораль и одиночество? Ведь завтра — рейд...

Уже собравшись осуществить свое намерение, Джокт остановился, раздумывая, но вдруг увидел, что одна из дверей в коридоре открыта, как раз рядом с его каютой. Это выглядело чуть необычно... Само нахождение в недрах циклопического сооружения Крепости порождало достаточно сильное чувство отчуждения от внешнего мира. Поэтому двери офицерских кают, как правило, никогда не запирались на магнитные замки. Разве что кому-нибудь захочется еще большего одиночества и отчуждения, если говорить о каких-то фрагментах личной жизни, которые не выставляются напоказ.

Но чтобы вот так — дверь нараспашку... Наверное, человеческие традиции и устои, как внутренние (личные), так и внешние (общественные), заставляющие держать двери прикрытыми даже в Крепости, эти традиции неискоренимы. Даже осознавая, что если кто-то и решит потревожить тебя в твоем же жилище, то только по необходимости, пилоты предпочитали спать, слушать музыку, смотреть видео, диктовать сообщения родным и друзьям, находящимся вдали от Крепости, за прикрытыми дверями, пусть даже не запертыми на замок. Обычное дело. Поэтому дверь нараспашку обращала на себя внимание. Достаточно сказать, что на всем видимом изгибе коридора она была такая одна. Прочие — закрыты.

Заинтересовавшись, Джокт заглянул внутрь каюты, ожидая увидеть там или небольшую компанию, занятую разговорами, а потому попросту не обратившую внимания, что дверь открылась, или же наоборот — никого не увидеть. Пилот мог оказаться участником второй дежурной группы и, выбегая, сосредотачиваясь на ходу перед боем, забыть про такой пустяк. Тогда Джокт непременно сделал бы то, что второпях не успел сделать неведомый собрат по оружию.

Но он ошибся. В каюте не было никаких компаний, но она не осталась пустующей. Хозяин каюты находился на месте, располагаясь спиной ко входу, перед монитором, и увлеченно гоняя по экрану маленький звездолетик, который отбивался от наседавших на него врагов. Это-то и показалось самым необычным. Вылеты, тренировки на тренажерах, где реализм достигал апогея, оставляя ощущение действительного присутствия в кабине истребителя, все это исключало такое свободное времяпровождение, как компьютерные игры. Разве что преферанс при отсутствии живых партнеров и простенькие головоломки. Все остальное, особенно звездные сражения, являлось уже явным перебором.

— Эй! — обратился Джокт, но человек, перед монитором не отреагировал.

— Эй! — позвал он еще раз, зачем-то делая шаг внутрь каюты.

Опять то же самое... Звуковое сопровождение игры было отключено, и тут Джокт заметил, что играющий не нуждается в динамиках, в его ушах прочно сидели беспроводные наушники-ракушки. Еще Джокт обратил внимание, что пилот, явно новичок, какой-то щуплый даже для подростка, увлекся настолько, что раскачивается всем телом в такт движению игрушечного истребителя.

«Новый формат! — пронзила мысль. — Надо же, а ведь все решили, что их будут держать отдельно, где-нибудь поближе к лазаре-

ту. Или наоборот, сразу рядом с ангарами, чтобы проще заманивать в истребители, отвлекая от игры. Вечной Игры. Игры Навсегда».

Сразу же вспомнилась недавняя картина, увиденная в ЭР-ПЕ-ВЕ. Пилоты-юноши, целая группа, встают, будто по команде, и, сочтя ненужную миссию исполненной, покидают зал. Потому что в каютах их поджидает настоящий мир, мир Вечной Игры, Игры Навсегда.

Не зная, как можно отвлечь внимание играющего, а главное, о чем вообще с ним заговорить, Джокт тихонько, на цыпочках, развернулся и сделал шаг обратно, в коридор. Где сразу же столкнулся нос к носу с офицером-медиком с нашивками второго лейтенанта.

Вообще, у медиков-военных солдафонщина встречается крайне редко. В том числе расшаркивание перед старшими по званию. Потому что для военных эскулапов, вынужденно несущих службу и существующих только потому, что существуют армия и флот, важнее званий были прочие приоритеты. Например, мера личной ответственности. Начальник отделения, будь он хоть капитан-лейтенантом, одновременно являлся царем и богом для подчиненного врача, пускай тот носит майорские лычки. Потому что ответственность за жизнь и здоровье пациентов несет он, начальник отделения, ему делать указания о продолжительности и способах лечения. А звания... Ну кто-то стал военным медиком сразу после окончания института и за десять лет успел дослужиться до майора. Кто-то, отврачевав эти же десять лет в гражданском заведении на Земле, Марсе, Венере, Титане или Европе и будучи призванным по необходимости на службу (это называлось — затыкать дыры), получает максимум капитан-лейтенанта. Так что где-где, а в военной медицине звания — не абсолютный показатель подготовки и значимости офицера.

— Какого черта! Что ты здесь ищешь? — сказал отпрыгнувший в сторону второй лейтенант.

— Ничего. Увидел, что дверь открыта, и заглянул...

— У тебя что, своей каюты нет? Или тебя пригласили?

— Нет... То есть есть, — растерялся Джокт.

— Ну топай тогда. Закрыл бы дверь и пошел себе дальше...

Естественно, даже без разницы в званиях такой вызывающий тон не мог понравиться Джокту.

— А ты сам кто? Может быть, у тебя нет своей каюты? Что нужно санитару на пилотской палубе? — Джокт специально принизил медика, отлично зная, что обязанности санитаров исполняют сержанты внутрикорабельной службы. — Топай сам и прикуси

язык... — Джокт чуть было не добавил «перед старшим по званию», но сдержался, сменив формулировку: — Пока его не укоротили.

Все-таки он пока не майор и даже не капитан-лейтенант. А разница между вторым и первым лейтенантами, Примой и Секундой, очень небольшая. Даже на жалованье почти не сказывается.

Но слова возымели действие, медик стушевался, сменив тон, и даже извинился.

— Слушай, пилот, ты меня извини, конечно, только не нужно тебе сюда заходить. Это уже моя вина, что не заблокировал дверь... Ты же понимаешь — инфонаркоманам без разницы, где и как съезжать крышей. Их хоть на унитаз посади, только дай в руки приставку, спать будут на том унитазе... Разговаривать с ними невозможно, да и о чем? Вот если бы ты ей новую версию игры какой-нибудь с Земли привез, тогда, может быть... А я просто забыл кое-что, пришлось вернуться, поэтому дверь...

— Ей? Так это что — девушка? — Джокт заново оглядел узкие мальчишеские плечи и худую вытянутую шею с выбритым затылком.

И только сейчас увидел, что в мочках ушей игрока, почти полностью скрытые наушниками, поблескивают белые точечки миниатюрных клипсов. Простенькие, какие дарят родители десятилетним дочерям, когда у тех появляются первые потребности быть красивыми.

— Это девушка? — снова повторил вопрос Джокт.

— Ага. Если быть точным, то — девочка. В смысле еще не женщина, ну то есть... — Медик сам был достаточно молод, моложе Джокта, а потому не стал демонстрировать весь цинизм, присущий людям его профессии.

— Сколько же ей лет?

— Могу сказать. — Медик достал из нагрудного кармана электронный блокнот и, быстро пробежав по крохотным клавишам, ответил: — Вот, каюта триста семнадцать, палуба «Вед-12», так... Лина. Пятнадцать лет. Рост... Вес...

На Джокта словно накатила тяжелая волна. И нужно было срочно выплывать наверх, но он не мог, потому что к ногам оказался привязан камень. Перед глазами мелькнули четыре нуля, высвечиваемые в полночь циферблатом над входом в курсантский кубрик. Потом — забытый смех, забытые плавные ласки, ночные томления и черные сны. Первая ссора и, наконец, Сквер Милано. Рекламник. Лицо на нем... Лиин. Лина. Джокту показалось, что это знак. Сигнал, подаваемый злой судьбой, судьбой-разлучницей.

Знак о том, что еще не все закончилось и что-то живет в нем. Знак — напоминание о предательстве.

— Вообще-то ее полное имя — Каталина, наверное, в школе все называли Линой, так и осталось... Переведена в социальный приют после гибели родителей на Плутоне четыре года назад...

Вторая волна. Еще тяжелее. Зря он подошел к этой двери! К предательству добавилась другая потеря. Плутон, «Хванг», Черный колодец. Все закружилось перед глазами Джокта. Единственной мыслью, не темной, но и не светлой, оказалась простая констатация. Прав был полковник Бар Аарон. Второе «Я» — как космос, как Вселенная. Оно всегда рядом и ничего не забывает.

— Эй, ты слышишь меня? Пилот, как тебя там? — Медик, близоруко щурясь, нагнулся к Джокту, чтобы прочесть имя на узкой вставке над левым карманом комбинезона. — Джокт? Ты слышишь? Что с тобой?

— Ничего, — выныривая и делая глубокий вдох, сказал Джокт. — Ничего, все в порядке, — и, поймав недоверчивый взгляд медика, неловко пояснил, — накатило что-то... Уже прошло.

— Накатило? — Медик смотрел по-прежнему с сомнением. — А ты уверен, что нет необходимости показаться кому-нибудь из... — Он не стал заканчивать, вовремя сообразив, что сам является врачом и таким советом может принизить собственную репутацию, пусть даже в глазах незнакомого пилота. — Я имею в виду показаться компетентному специалисту. Потому что меня прикомандировали к Крепости как ассистента.

— Нет, все в порядке, я уже посещал психиатра, — сказал Джокт, только добавив сумбура в мысли молодого медика, составляющего сейчас мнение обо всех пилотах истребителей. — Это старая проблема, можно сказать, что ее уже нет. Просто... Просто у меня тоже погибли родные на Плутоне, вот и...

Джокт не стал добавлять про Лиин и созвучность этих двух имен, но и сказанного оказалось достаточно.

— А-а! — протянул медик. — Понятно. Извини, я не знал.

— Все нормально. Все прошло, — повторил Джокт и заторопился уходить.

Уйти к себе в каюту, потому что в ЭР-ПЕ-ВЕ уже не тянуло. Вылет так вылет. Кто сказал, что с ним обязательно должно что-то случиться? К тому же упоминание Плутона навело на мысли о счете, который все еще не был уплачен Бессмертными.

— Ладно. Прошло и прошло... Еще ее зовут Великая Мамба, — совсем неожиданно добавил медик и этим полностью снял воз-

никшее напряжение. Мысли Джокта мгновенно вернулись из прошлого в настоящее, горечь сменилась удивлением.

— Как?

Глава 12

...Все-все, что происходит в жизни, нельзя назвать набором случайностей, как бы ни тянуло это сделать, потому что в случайностях замешаны мы сами. Это и не предопределенность. Не фатум, не рок. Скорее кристаллическая решетка, в которой кристаллы каждый человек выкладывает собственными руками. Получается — у кого графит, у кого — алмаз. Дело не в том, что Его Величество Случай валится прямо на голову, предстает каким-то единственно возможным ответвлением жизненного пути. Нет, случай бессилен и ничего не может совершить без нашего участия. В то же время мы нуждаемся в случайностях! Это как дорога с односторонним движением, где неожиданно может возникнуть развилка, поворот, но чаще — перекресток. Выбирая их, выбирая наши случайности, мы начинаем двигаться в другую сторону, и тут уже ничего не попишешь. Балу пригласил Джокта в кафе. Джокт не отказался. Что было дальше, уже произошло. Кофе можно было не заказывать, тем более что кофе с водкой — неудачное сочетание. Сок — фреш... Он тоже сыграл свою роль. И Джокт наделал глупостей, которых делать, на первый взгляд, вовсе не стоило. Оказалось — к лучшему. Потом все перепуталось, дорога пошла под откос, и выяснилось, что все — к худшему. Вопрос: только ли Лиин виновата? Может быть, часть вины стоит взвалить на Балу? Или на кофе? Или — на себя? Люди, догадывающиеся, что каждое случайное событие — поворот, ведущий неизвестно к чему, но всегда к чему-то новому, эти люди не отказываются от случая. Потому и существует устоявшееся «Пользоваться случаем», но нет логического антипода — «отказаться от случая»...

Если бы медик не произнес последнюю фразу, Джокт не остался бы продолжать разговор. Если бы не остался продолжать разговор...

Он остался. Кто в этом виноват?

— Как ее зовут?

— Великая Мамба. Сетевой ник. — Медик пустился в объяснения. — Есть такая очень опасная змея на Земле. Кажется, самая быстрая. У нее прыжок...

— Почему змея? Да к тому же очень опасная? Лина имеет склонность к агрессии? — наконец-то решился произнести ее имя Джокт.

— Навряд ли. Я же говорю: посади на унитаз, будут на нем жить. Какая агрессия? Вот в играх — другое дело. Каталина действительно особенная. Чемпион Солнечной — в июне и в августе этого года — по игре в «Зигзаг-52». Поэтому сюда и загремела. А то, что Мамба, это просто детское свойство. Она пользуется ником последние четыре года. Тут все такие, кстати. Великая Мамба, Кровавый Демон, Палач, есть даже группа «Стиратели». Стиратели Бессмертных, естественно. У них не только имена, но и порядковые номера — Стиратель-один, Стиратель-четыре, Стиратель-две тысячи...

— Две тысячи? Это значит, что есть и тысячный Стиратель, и тысяча девятьсот девяносто девятый?

— Конечно. Инфонаркомания — самая страшная болезнь последних лет. Даже я не знаю, сколько подростков сходит с ума из-за увлечений компьютерной реальностью, эти цифры засекречены. Но думаю, их слишком много. Практически все дети начиная с шести лет играют в компьютерные игры, но вот далеко не у всех этих детей находятся родители, способные не дать им пропасть в сети навсегда. Сначала это даже поощрялось — строились социальные центры для таких игроков все же лучше, чем участие в молодежных бандах. Правда, в банды их тоже принимали охотно.

— И заставляли потом отрабатывать... — вспомнил Джокт пояснения Спенсера.

— Да, заставляли. Делом и телом. Ее вот точно использовали бы... Еще год, и вся жизнь — беспрерывный секс вперемешку с играми. Так что пусть лучше здесь, в Крепости... А насчет Стирателей — они объединились, создав спецподразделение истребителей, для них даже специальная версия игры была прописана. Представляешь, что означает поддержка тысяч участников единовременно? Программисты, наверное, с ума посходили, пока прописывали...

— Так что же, их еще больше, чем две тысячи?

— Нет, это конечная цифра. Они сами так установили: в нашей группе — две тысячи. И баста. К вам в «Австралию» попало... сейчас... — Он снова взялся за блокнот, а Джокт подумал, что медик действительно еще не освоился, если говорит про Крепость — «к вам». — Вот... семнадцать человек, самых достойных. Среди них есть пилоты, уже имеющие «Солнечную корону». Не каждый офицер флота КС сможет с ними потягаться... Вот так.

— Стой! Значит, они умеют вести групповой бой? Так что ли?

— Нет, к сожалению. Пытаются помогать друг другу, но это не совсем то. Вернее, совсем не то. Вас же готовили по специальным программам, опять же — специальные модификации. Для «Фениксов» и «Саламандр», если встречался с такими, вообще существует спецкурс «Олд — Ди». Старый дуэт. Проверенный. Такому — учиться и учиться. Знаешь, я во всем этом пока слабо разбираюсь, но мне кажется, пилоты новой формации и без спецподготовки на многое способны. Правда, тяжко ребятам приходится... Несут потери, учатся друг у друга. Хорошо еще, их лидеры остальным помогают. Не табельные, неформальные лидеры. Еще бы средства найти...

— Главное — не средства. Не хватает времени. Если хотим выжить — приходится и им идти в бой... В первой волне!

— Да, ситуация... Но они действительно многое могут! На самом деле даже общение у них между собой существует. Сетевое, правда. Там они все когда-то и перезнакомились, в сети... Еще готовят группу для штурмовых отрядов, слышал, «Дым победы»? Или просто — «Дым»? По этой игре фильм сняли. Ни о чем, правда, я смотрел...

— Со Стирателями Бессмертных понятно. И даже Кровавых демонов я могу понять. Но отчего девчонка, которая могла бы играть совсем в другие игры, решила освоить «Зигзаг-52» да еще самую сложную версию — под имитационную приставку с педалями и джойстиком вместо обычной клавиатуры? И даже начав играть — почему именно «Великая Мамба»? Не могла что-то попроще выбрать? «Луна» какая-нибудь, «Фея», например, еще что-то.

— Во-первых, детская психология. Лет в десять, скорее всего, она и была «Луной» или «Феей». Когда играла в куклу Фарби, слышал? Фарби на прогулке, Фарби-водолаз, Фарби-охотница, горнолыжница, парикмахер...

— Слышал. Потом в нелегальной сети появилась «Фарби-проститутка» и верх идиотизма — «Фарби — пилот истребителя». Вот. Выбери свой наряд и прическу перед рейдом — подготовка к вступлению в ряды потребителей... Но затем, наконец-то поняв, что истребитель из Фарби, как из осла одуванчик, и что в жизни все абсолютно по-другому, без слащавостей и перепрыгиваний из платья в платье, Каталина перешла на другие игры. «Зигзаг-52», «Дым». Только в ее голове уже навсегда поселилась кукла Фарби, которой надоело оставаться куклой. И, услышав песню, она стала «Великой Мамбой». Чтобы казаться окружающим ужасной и способной натворить много дел. Потом не стало родителей. Приют. Сеть. Окончательный диагноз.

— Жалко девчонку. — Джокт продолжал смотреть на бритый затылок и наивные сережки-клипсы, все еще не угадывая в ее силуэте хоть что-нибудь, что отличало бы девочку от мальчишки.

Сама Каталина, пока пилот с медиком вели разговор, даже не обернулась. Хотя наверняка должна была почувствовать чужое присутствие.

— Да, жаль. Им проводят быстрый курс модификаций, чтобы сразу не загнулись, и кидают в самое пекло. Вот она, можно сказать, свое уже отработала. В первом бою — четыре «Кнопки». Ребра, правда, переломаны и ключица. Ускорения с перегрузками были настоящими. — Медик посмотрел на Джокта так, будто пилот был виновен в переломах Каталины.

Но Джокт не замечал взгляда, думая: «Ох, черт! Значит, именно про нее, про эту девчонку-подростка говорил Спенсер. Выходит она — живая легенда?»

— Почему же, раз она отработала, не отправить ее на Землю? Не вылечить, в конце концов, за счет Правительства и хайменов?

— Не знаю. Такие расходы, наверное, не заложены в бюджете.

— Как же так?

— Не знаю, — повторил медик, — но это не новость. Я вот недавно читал, что когда-то давным-давно, в каком-то из государств, в аграрном, кстати, государстве, расходы на содержание власти оказались больше, чем на развитие аграрного сектора. Теперь — такие вот пилоты... Ладно, — медик понял, что заболтался, — время идет, а мне ее покормить нужно. И отвести на горшок.

— На... куда? — переспросил Джокт.

— В туалет! И покормить с ложечки! Ты что же думаешь? Что она просто притворяется? Или заигралась чуть дольше обычного? Это болезнь, Джокт. Я не могу просто помахать у нее перед носом и попросить вернуться к реальности, где нужно есть, спать, ходить в туалет... Там ее реальность. — Он ткнул в кажущийся сейчас ненавистным экран. — Там, а не здесь! Нас с тобой для нее просто не существует! Так, сквозняк из потустороннего мира... Только — Вечная Игра. Улавливаешь? Они умирают от истощения организма, от запоров, раннего геморроя и общих инфекций. Через несколько лет такой жизни, даже если кто-то начнет присматривать, начинается необратимое разрушение оболочки глаз, малокровие, спазмы, не помогают никакие защитные фильтры, рак мозга, понимаешь? Вот что их ждет. Быстрому излечению болезнь поддается только на ранней стадии, когда можно просто отключить экран, шлепнуть по заднице и отправить играться со сверстниками куда-нибудь на

улицу. Было бы кому шлепать, и если найдутся те самые сверстники, которых тоже оторвали от сетевой игры... А сейчас уже поздно. Отключить игру — и они сходят с ума окончательно. А постепенный вывод, отучение от наркотика занимает время, много времени. Которого у нас нет. Ты сам так сказал. Так что давай... Приятно было пообщаться.

Медик, не дожидаясь ответа, подошел к Каталине, которая по-прежнему никак не реагировала на присутствие и разговор, и действительно не стал махать перед ней руками, не стал отключать монитор, а пробежался по клавиатуре, которая находилась слева от монитора, в стороне. Потому что сейчас вместо клавиатуры Лина-Каталина-Великая Мамба, пилот, уничтоживший разом четыре единицы инопланетной техники, и просто несчастная девочка, без прошлого и без будущего, использовала джойстик, в точности копирующий джойстик «Зигзага». А ноги ее мелко вздрагивали в коленях, когда ей требовалось, микрон за микроном, пользоваться педалями управления.

А ведь она не ждет за свою победу никаких благодарностей или наград, вдруг подумалось Джокту. И почему-то сразу стало стыдно собственных медалей, полученных, как ему показалось, за несравненно меньшие заслуги. Да, он тоже сжег несколько «Кнопок», но ведь на то он и действительный пилот, это его работа, к этому его готовили. В случае с Каталиной все обстояло по-другому...

Когда медик нажал запуск команды, ожили динамики. Девочка-пилот вздрогнула, как от удара; видимо, в наушниках появились такие же потусторонние звуки, что лились из динамиков.

Великая Мамба, проклятие джунглей,
Великая Мамба, божество дикаря!
Тамтамы умолкли, в ночь спрятаны бубны.
Великая Мамба, кто жертва твоя?

Это была песня. Та самая, которую упоминал медик. Кажется, Джокт слышал ее когда-то давно, еще на Плутоне.

— Старый хит! Ее любимая! — подтвердил медик. — Кстати, вот тебе и ответ, почему Мамба еще и Великая, а не какая-нибудь «просто гадюка».

Потом медик снова коснулся клавиатуры, и Джокт поразился, насколько быстро порхали его пальцы.

В левом углу экрана появилась надпись: «Сообщение! База — Великой Мамбе! Прервать миссию! Сообщение! База — Великой Мам-

бе...» И побежало, зациклилось в непрерывную ленту. Каталина тут же выпустила гашетку и вытянула под столом ноги. Видимо, и руки, и ноги у нее сильно затекли. А скафандра, чтобы восстанавливать кровообращение, или хотя бы его компьютерного аналога-приставки, толстого комбинезона с силовым каркасом, на ней не было.

Медик, которого теперь хотелось назвать жестокой нянькой, не церемонясь, подхватил враз обмякшую девочку-пилота и повел, подталкивая, в угол каюты, где находились душевая с туалетом.

— Ну что смотришь? Думаешь, мне приятно? Век бы с ней не возился! Всю новую формацию собрали в одном кубрике, а для нее и еще двоих не хватило места. Вернее, места не хватило для трех компьютеров, и так кубрик в игровой салон превратился... Пришлось устроить к вам на палубу. Ее. А тех двоих — на Вед-седьмую... Вот и бегаю к ней по часам, как заведенный, чтобы она получала нужные калории и вовремя избавлялась от ненужных. Помоги лучше брюки стянуть!

Джокт сделал два неуверенных шага, сильно сомневаясь, что ему стоит за это браться, и с удивлением отметил, что ноги у нее действительно не мальчишеские — длинные, даже кое-где с округлостями под обтягивающей тканью брюк. Еще там, где у девушек полагается находиться женской груди, тоже выступали два закругленных холмика, размером с яблоко. Впрочем, блузка была свободной, не в обтяжку, и немного скрадывала... Джокт чуть не добавил: «радиусы».

А вот лица девочки-пилота ему рассмотреть не удалось. Потому что на лице Каталина носила маску — стереоэкранную приставку наподобие маски для ныряния, скрывающую лицо до подбородка и с прорезями для носового дыхания. В принципе, увидев наушники-ракушки, можно было догадаться, впрочем, маска-экран крепилась с помощью микроприсосок к вискам, поэтому не имела ремешков и застежек, которые были бы видны на затылке.

Эта серебристая маска не делала ее похожей на монстра или на робота-андроида. Но и угадать какие-либо черты лица тоже не позволяла. Оставались разве что губы. А что губы? Две тонкие, плотно сжатые полоски. Бледные, без следов касания помады...

Когда медик-нянька, пыхтевший все это время у ног Каталины, силясь расстегнуть заевший замок, наконец справился с этим занятием и стянул рывком вниз брюки вместе с трусиками, в глаза Джокта ударила неожиданная белизна этих ног. Гладкая кожа с редкими бесцветными волосками на внешней части бедер, короткими, больше напоминающими какой-то пушок. Особенно там, где

выступал вполне сформировавшийся лобок. Сам не понимая почему, Джокт отвернулся. Ведь то, что он увидел, не просто смутило, но и необычайно взволновало его. Когда медик проделал этот фокус с брюками, Джокт ощутил непроизвольный прилив крови.

Ноги у Каталины были худыми, с выпирающими коленями и узкими гладкими лодыжками. Но бедра оказались вполне достаточной ширины и упругости, чтобы понять — вот маленькая женщина. Пускай будущая, но женщина. И захотелось пожелать, чтобы это будущее для нее настало.

Все прочие желания, возникшие в этот момент, подавил индап.

Медик делал свою работу — а как еще можно это назвать? — без сноровки, медленно. Прошло минут пять, пока он вышел из душевого блока, бурча при этом под нос. Лицо его пылало. Вслед за ним вышла Каталина. Сама, без посторонней помощи. Подошла к столу, видимо, научившись уже ориентироваться в тесноте каюты, и села на стул.

— Она все время ходит с такой штукой? — почему-то захотелось назвать маску намордником. Грубое слово. И оно не прозвучало.

— А какая ей разница? Для них всех главное — до игрушек дорваться. Вот приучилась... Знает уже, что сейчас небольшой вынужденный перерыв, потому что я должен покормить, а потом... — Медик махнул в сторону компьютера.

После этого в руке Каталины появился высокий стакан с какой-то невкусной на вид жидкостью, мутной, с плавающими белесыми хлопьями. Но она его с жадностью высосала через тонкую длинную трубку.

— Так, порядок! Теперь крекеры. — Он достал из продуктовой ниши маленькую упаковку, вскрыл ее и высыпал содержимое на плоское блюдце, заблаговременно выставив его справа от джойстика.

— И это все? — тут же пожалел Каталину Джокт.

— Все. Витаминизированные крекеры, белковый коктейль... Мы с тобой, может быть, и умеем быть разборчивыми в еде, а ей до лампочки. Сама все равно ничего не попросит. Вот сейчас похрустит и опять начнет гонять свою жестянку!

Поняв, что сморозил глупость, назвав истребитель — пусть даже игрушечный набор пикселей на экране — жестянкой, да еще в присутствии пилота, которому доводится едва ли не целовать такую жестянку после каждого боя, медик-нянька заторопился.

— Моя миссия окончена, а ее только начинается. Через два часа индап ее убаюкает, койка — вот, рядом... Приду утром, чтобы снова...

Он не стал договаривать, и так было понятно.

Для Каталины вместе с игровой миссией начиналась реальность. А для Джокта реальность как будто слегка поплыла. Сейчас они разойдутся, думал он, по своим каютам, где ему перед сном удастся, наверное, посмотреть видеопрограмму, если ничего не случится. А эта девочка-пилот, макушкой достающая едва ли до подбородка Джокту, останется со своим одиночеством, не замечая и не зная, что одинока. И будет жечь вражеские корабли. Только для того, чтобы завтра, вернее, как только окрепнет после полученных травм, продолжить свое занятие, но только в кабине настоящего «Зигзага».

Где-то Джокт подцепил выражение: «если мертвый, то надолго, если дурак — навсегда». Девочка-пилот, когда-то забывшая, что она — девочка, живой человек, выбрала себе пугающий сетевой ник — Великая Мамба и навсегда растворилась в огненных джунглях. Кто ее жертва? Она сама!

Оставив Каталину сидеть перед экраном, медик запер дверь на замок, вдобавок активировав кодовую блокировку.

— А это зачем? — удивился Джокт. — Будто замуровываешь человека в склепе.

— Как зачем? Ты что, не догадываешься?

— Н-нет. — Джокт действительно не догадывался, куда клонит медик, тем более что он убедился в беспомощности Каталины. — Куда же она может пойти? А вот если случится тревога, общий сбор или вообще — атака Бессмертных... Что тогда?

— Тогда я явлюсь, открою дверь и буду сопровождать ее до ангара.

— Слушай, ты представляешь себе, что может произойти, если что-то у тебя не получится?

— Например? — Теперь уже медик отказывался понимать Джокта.

— Например, массовый прорыв линейного флота в сопровождении крейсеров и истребителей. Неожиданная бомбардировка поверхности Крепости. Тут будет настоящий муравейник, навряд ли тебе удастся так вот просто попасть на нашу палубу. А вдруг из строя выйдут лифты? Или вообще вся транспортная система? А прямо над ее каютой окажется поврежденный сектор и кончится активная броня на поверхности? Тогда уводить ее нужно будет срочно. Не к ангарам, куда угодно, чтобы не изжарилась живьем! А на дверях — твой личный код.

— Разве такое возможно? — с сомнением, но заметно побледнев, спросил медик. — Мне говорили, Крепость прикрыта со всех сторон дежурными группами, постами обороны, да и вообще мало чем ее можно пробить.

— Замечательно! Тебе забыли только упомянуть, что у нас здесь сплошной курорт, а не служба! Что Бессмертные летают на допотопных железяках и стреляют из рогатки. Можно. Можно прошибить и Крепость. Группы прикрытия, спутники-сателлиты с лазерным высокоточным оружием, комплексы противокосмической обороны — все это есть. К сожалению, мы не гарантированы от того, что искусственные Приливы Бессмертных не откроются у самой поверхности Крепости.

— Черт, об этом я не думал! Но оставить дверь просто прикрытой я тоже не могу! Что же мне теперь — устраиваться жить по соседству?

— Не знаю. Но почему ты не можешь оставить дверь? У нас никто двери не запирает.

— Джокт, — медик скорчил презрительную гримасу, явно копируя кого-то из своих недавних преподавателей, — ты или притворяешься, или просто дурак. Не обижайся, но так выходит... Она — беззащитная девчонка. Девчонка, понимаешь? Даже больная, навряд ли она мечтала стать матерью прямо на пилотской палубе крепости «Австралия». А к нам уже заходили несколько этих... В черных форменках... Интересовались.

— Штурмовики, что ли?

— Ага. Очень интересовались, что за пупсиков мы привезли в Крепость и как их разыскать. Они так и говорили — «пупсики»...

— П-почему «пупсики»? — По телу Джокта словно прошлись жесткой щеткой, потому что он наконец увидел то очевидное, на что уже раз сто намекнул медик. — Нет, если ты думаешь...

— Я не думаю! Я знаю! Вчера такую же девчонку в «Америке» похитили прямо из общего кубрика. Ассистент куда-то не вовремя отлучился... Нашли четырьмя уровнями ниже, в каком-то коридоре. Без одежды, с синяком под глазом. И... И... — Медику то ли не хватало духу закончить, то ли он переживал за халатность своего собрата со змеей в петлицах, но дальше он ничего не стал говорить.

Джокт, на миг представивший, как толпа штурмовиков сдергивает рывком брюки с Каталины, побледнел и замахал руками.

— Нет-нет! Запирай! Только не используй слишком простые коды — вмиг откроют!

— Проняло? Девчонка-то — не уродина, и все при ней, все на месте. Ты ее без маски не видел. Чуть-чуть подрастет — красавицей станет...

Джокт вспомнил свою реакцию на обнаженные ноги девочки-пилота, из нюансов почему-то больше всего запомнились ярко-

желтые нейлоновые носки, достающие до середины лодыжек. Ему снова стало стыдно. И тогда он ушел.

— Пока! Если что, я на медицинской палубе. Спроси Хенса.

— Обязательно!

Джокт никогда не ощущал в себе цинизма и не понимал его в других людях. К счастью, все, кто его окружал — и Гаваец, который становится пунцовым и податливым, как большая плюшевая игрушка, если по нему поскрести пальчиком, затянутым в перчатку, и Барон, с такой нежностью вспоминающий свою Вайну, и Спенсер, что никогда не рассказывает о своих личных делах, и даже Балу — тоже не были циниками.

Предательство Лиин не ожесточило сердца Джокта. Доступность Эстелы не заставила воспринимать женщин, словно временную собственность. Видеть доступную женщину в Каталине он не мог. Во-первых, она еще девочка, во-вторых, ее имя — Лина, в-третьих, она была девочкой-пилотом, опасной для врага, но беззащитной перед людьми.

«Не мог?» — с сомнением подумал он, вспоминая, как падает на пол легкая ткань брюк и легкомысленные трусики, и как безвольно поникают при этом ее руки.

Сам не зная, зачем он это делает, Джокт включил компьютер, вошел в сеть, где прямо сейчас велась игра, и ввел первое, что пришло на ум.

«Питон Джокт вызывает Великую Мамбу!»

К его удивлению, очень скоро пришел и ответ...

Глава 13

— Отмечена активность флота Бессмертных в секторе...

Далее следуют номер оперативного квадрата и ожидаемое количество боевых единиц врага. Голос Гонзы как всегда ровен, без эмоционального окраса.

— Выходим в составе группы поддержки для пяти линкоров и отряда мониторов, также по прибытии выполняем экспериментальную миссию, всего задействовано тридцать троек «Зигзагов»...

«Девяносто истребителей — неплохо для планового рейда. Очень неплохо!» — подумал Джокт, перед глазами которого все еще вспыхивали какие-то круги и цветовые пятна.

Поспать ему удалось совсем немного. Он не ожидал, что это будет так увлекательно. Питон и Великая Мамба были единственными, кто остался в живых к двум часам ночи. Девочка-пилот оказалась стойким оловянным солдатиком, и даже индап не сразу свалил ее в сон. Джокт уже знал, что индапы, рассчитанные на взаимодействие с пилотами, полностью прошедшими курс модификаций, у «новой формации» работают в щадящем режиме. Но даже после того, как на экране высветилась надпись о выходе Великой Мамбы в режиме принудительной эвакуации, Джокт продолжал прокручивать все сообщения, которыми они успели обменяться в игре. До этой ночи он даже не знал, как силен в нем ребенок, прячущийся внутри, и насколько этот ребенок жадный до виртуального сражения.

Вначале это была просто попытка наладить общение, занятие довольно сложное, если учесть, что к компьютерам не были подключены системы обмена голосовой информацией. А набрать хоть какой-то, даже короткий, текст-послание оказалось очень затруднительно в условиях максимальной активности врага и почти нулевого начального рейтинга игрока под ником Питон, которого все остальные сначала просто игнорировали. Пришлось постараться.

Сколько раз сбивали его, сколько «Кнопок» сжег он сам, Джокт не помнил, с улыбкой таращась на последнее послание девочки-пилота:

«Приятно было с тобой летать, Питон Джокт!»

Еще он думал, как странно, неужели все заболевшие игрой дети верят в бессмертие? Не в то, что для червей-инопланетян, а в то, что для людей? Неосуществимая мечта человечества. Но как еще назвать иначе? Ведь в игре их сбивали, и жизнь, ограниченная рамками двух событий — «игра начата» и «игра окончена», повторялась затем снова и снова. Этого он не понимал. Ему казалось, что нужно похлопать девочку-пилота по щекам, содрать серебристую маску и облить ее лицо водой из какой-нибудь колбы, как проделали это с ним. Привести в чувство и Каталину, и всех других, чтобы они тут же распахнули глаза, скользя по настоящему миру пусть слегка замутненным, но осмысленным взглядом... И можно будет больше не сажать их в истребители, не сдергивать брюки к полу и не подавать питательную мерзость в высоких бокалах, потому что вся жизнь их сразу изменится, игра станет просто игрой. А иллюзия поменяется местами с реальностью.

Приятно было с тобой летать!..

* * *

— Теперь об эксперименте. Нашей группе предстоит особая работа. Отнеситесь к ней серьезно, не как к игре. — Джокт очнулся, потому что слова командира Гонзы прозвучали в унисон его мыслям. — Управление истребителями подключено к дополнительному контуру. Мы все, тридцать машин, выходим из Прилива последними. По команде с линкора «Блистательная Порта» — о! старые знакомые, приятно будет полетать! — начинаем вести управление кораблями дистанционно-управляемой группы — ДУГи. Связь между истребителями — в два потока, прямой и обратный. Все, что будет фиксировать оптическая аппаратура истребителей ДУГи, выводится на обзорные экраны. Я уже пробовал, впечатление незабываемое, и никаких отличий от реального полета. Почти никаких. Учтите, действовать предстоит с максимальным вниманием — корабли ДУГи обладают большей маневренностью и большими критическими углами пилотирования...

Тоже понятно. До сих пор возможности истребителей имели ограничения, связанные со способностью пилотов и их СВЗ выдерживать нагрузки. Теперь целый ряд этих ограничений снят. Ну что же...

— В полете провести индивидуальную юстировку управления. Привыкайте к ним, ребята. Джокт!

Ну вот, он так и знал, что обязательно прозвучит его имя и Гонза, как всегда, прикажет держаться позади общего строя. Ему и его ведомым. Потому что молодо-зелено.

Не угадал!

— Добро пожаловать в преисподнюю! Пойдешь с ведомыми на острие «стрелки». Атакуете первыми, выбираете позицию, направление атаки и приоритеты для всей группы. А я как-нибудь сзади, в тишине, да не в обиде. Из боя не выходить! После торпедного залпа выводите свои истребители ДУГи хоть в самый центр вражеского строя. Удачи!

«Стрелка» — построение группы в одной плоскости перевернутой на девяносто градусов буквой «V». Пробивная сила такого строя настолько же велика, как и его уязвимость перед фланговыми торпедными атаками.

Но если «стрелка» успевает вклиниться во вражеское построение-полусферу, рассекая его на две части, это почти победа. Это веер торпед, как в одну, так и в другую сторону, возможность мгновенного разворота «все вдруг» и атака любой из рассеченных полусфер, с гарантией, что противодействие будет минимальным.

Потому что враг, оставшийся по обе стороны, не может вести запуск торпед и продольную стрельбу, не может запустить ловушки, рискуя навредить второй отсеченной группе. Торпеды, скорее всего, самоликвидируются, а вот плазменное оружие в случае промаха ударит по своим же. Промах торпед, при движении атакующих землян с максимальной скоростью, тоже гарантирован, поэтому им и остается только самоликвидация. Потери «Зигзаги» несли только на подлете, когда командиры решались использовать «стрелку».

Прилив. Туман. Пожалуйста, кто бы вы ни были! Только не сейчас!

Джокт добавил к мысленной просьбе еще одно действие...

Почему командор крейсера «Галахер», увидевший в Приливе «Летучих голландцев», никак не отреагировал на звук, вообще ничего не услышал? Потому что аудиорекордер «Спринт» — хорошая аппаратура, и «Мегасмерть» продолжает звучать в хит-парадах Солнечной. Музыка для любителей и для тех, кто нуждается в такой музыке! Низкие частоты? И замечательно, что — низкие! Это не блюзы, которые пела Лиин. Не наложение звуковых дорожек, столь любимых Эстелой. Каждому — свое!

Где-то внутри головы, слева направо, простучала плотная дробь ударов, чуть вдали грянул и пошел вибрировать медным бархатом гонг, а вторя ему, металлический, уже не медный — стальной лязг, начал продвижение от затылка к самой переносице. Давно Джокт не слушал этот квартет, в последний раз, может быть, еще до прибытия в Крепость. Теперь все, о чем пели музыканты, воспринималось по-другому. Похоже, они-то как раз знали, о чем можно петь для пилотов флота КС!

В далеком Внеземелье злой разум внеземной
Выводит на орбиту корабль боевой!
И в черных аппаратах прощальная заря —
И голос навигатора: В прицеле — Земля!

Спасибо, «Летучие»! Пролетайте. Как-нибудь в другой раз. Выход из Прилива, а там...

Пять глыб — линкоры Солнечной бьют в пространство, заполненное кораблями Бессмертных. Ничего себе, повышенная активность! До полусотни крейсеров! Мониторы выстроились в замкнутую цепочку, работают, будто движется лента конвейера, сменяя

друг друга. Левое крыло — крейсеры Солнечной. Попеременная атака, движение их строя — движение жующих челюстей. Если бы пространство умело кричать, оно бы кричало!

Я точно знаю, что
Издалека одетый в камуфляж появился зверь,
И радость торпеды легка и светла —
Ее расчетчики ищут цель!

Залп в сто восемьдесят торпед. По расходящимся направлениям. В сложных траекториях сразу же запутываются две «червивые розы». Это работает правое крыло. Истребители.

Потом, раз сто, наверное, в наушниках прозвучало рефреном:

Возьми в ладонь яркий огонь,
Возьми в ладонь яркий огонь...

И сразу захотелось протянуть руку к далекой звезде. Что может быть ярче звезды?

Оперативный квадрат незнаком и битком набит инопланетной техникой. Больше всего «Кросроудов», которые мечутся, пытаясь прикрыть транспорты. Удар на упреждение — великое дело, спасибо разведке! Флот Солнечной Бессмертные ожидали увидеть здесь не больше, чем белая верблюдица может ждать потомства от жабы.

Три линкора Бессмертных огрызаются полными бортовыми, на тактическом дисплее — красная полоса прямо посредине оперативного квадрата. Бессмертные не ведут стрельбу на поражение, дистанция велика, а выстраивают собственную «зону отчуждения».

Еще один запуск торпед «Зигзагами». Похоже, сегодня генеральная репетиция на малой сцене... И начало проходит удачно!

Два линкора Солнечной на форсаже рвутся сквозь «зону отчуждения», идут прямо в эпицентр гравитационного торнадо. Глупость? Нисколько! Два звездолета типа «носорог», новейшего типа, с носовой частью — трансформером... Сейчас там плющится броня, и летит к черту фронтальная оптика со всей прочей аппаратурой. Дюзы «носорогов» утоплены в броневые юбки — надо же чему-то учиться у Бессмертных! — а потому малоуязвимы, след работы двигателей, будто сполох на пол-Галактики! И вдруг эта пара оказывается рядом с линкорами врага. «Зона отчуждения» пройдена, начинается фаза экзекуции.

Канониры Бессмертных не успевают сменить фокусировку орудий, «носороги» проводят короткое движение юзом — это как если бы их живых прототипов научить делать разворот на льду, и оживают все орудийные палубы. Спешное перестроение приводит противника к тому, что один из его линкоров перекрывает собой два оставшихся. Полтора, если учесть то, что осталось от одного из перекрытых.

На левом фланге тоже начинается движение. Жующие челюсти плавно, даже с какой-то меланхолией, приближаются к «Кросроудам», и те принимают бой. После короткой дуэли на сходящихся курсах крейсера Солнечной одновременно расходятся, образуя кольцо — раскрытую пасть. В фокусе их излучателей — ядро вражеской крейсерской группы. И те наконец-то забывают про транспорты.

— Пора, мальчики! — прорывается к Джокту сквозь гитарные пассажи голос Гонзы. — Наши двойники готовы!

Оставшаяся на изначальной позиции «Блистательная Порта» делает ленивый подъем, и под брюхом линкора показывается цепочка истребителей ДУГи.

— Второй контур! — уже говорит командор «Порты». — Десять секунд до подключения!

— Барон, Гаваец! — Ощущение безопасности еще рядом, еще внутри, но скоро оно исчезнет.

Потому что эта игра из разряда тех, которые невозможно отличить от реальности.

Через десять секунд, как и было обещано, Джокт увидел над собой брюхо звездолета, усыпанное выпуклостями мембран для запуска миниджетов, и со стороны — свой «Витраж», застывший у точки выхода из Прилива. Если бы не расстояние, можно было бы попытаться помахать самому себе...

— На время экспериментального вылета мы позаботимся о ваших «Зигзагах». Ну и о вас самих, разумеется... Подтянем вас гравитационными захватами, так что не волнуйтесь, — командор спокоен, как богомол перед случкой, все у него продумано, все рассчитано заранее.

Действительно, не висеть же всей группе вот так, у приливной точки. А вдруг прорыв? Атака из вновь открывшихся Приливов?

Потом «Витраж» остался в безопасности, а его двойник прыгнул вперед. Никаких «водяных матрешек», пусть себе протекают, оставляя разноцветные пятна. От гиперфорсированного выхода на полную скорость Джокт содрогнулся, тело его непроизвольно вжалось в кресло, ожидая компенсирующего удара. И даже показалось,

что этот удар произошел и вдоль позвоночника побежали трещины. В реале ведь не поможет ни СВЗ, ни что угодно еще. Такого старта человеку не пережить!

— Вау! — самопроизвольный выкрик Барона.

Гаваец только шумно втягивает воздух, видимо испытывая тот же страх, что и Джокт.

Только ведомые! Сейчас некогда было следить за остальными истребителями группы, это уже их дело — образовать «стрелку». Тройка Джокта всего лишь наметила острие, наконечник. Справа сверху вспыхнула маленькая звезда. Один из линкоров Бессмертных вспух плазменным волдырем и лопнул. Ошметки обшивки, словно космическая картечь, хлынули во все стороны.

На смену «носорогам» приходят два других линкора. Только «Порта» остается незадействованной в атаке, продолжая контролировать приливную точку и покой того настоящего «Витража» и того настоящего Джокта, что остались позади.

Тело продолжало реагировать, в ожидании смертельных перегрузок ожил индап. А истребители ДУГи уже резали «стрелкой» скопище «Кнопок». Торпедная атака не принесла врагу удачи, наверняка баллистические расчетчики не были запрограммированы на новые возможности «Зигзагов». Маленький такой сюрприз звездным братьям по разуму, не век же только им нас удивлять! Тут же следует ответный торпедный залп. Из тройки Джокта реакции и способности предвидения хватило одному лишь Барону, потому что новые особенности звездолетов оказались непривычны не только для врага. Когда основной строй группы выпускал торпеды, Джокт уже вырвался далеко за пределы вражеского построения. Хорошо еще, хватило реакции хотя бы не тратить торпеды напрасно, делая запоздалый запуск.

— Эй, Барон, как тебе удалось? Научишь? — Гаваец не скрывает восхищения в голосе, и Джокт ощущает едва ли не приступ ревности. Он должен подавать пример ведомым! Он!

— Без проблем!

Вот тут Джокт усмехнулся. Разве можно научить тому, что выходит за пределы общих возможностей человека? Он был уверен, что Барон, как самый собранный и расчетливый член команды, приготовился выпустить торпеды сразу, как только резко утопил педаль ускорения. Но тем не менее у него получилось...

Сзади вспыхивали «Кнопки».

— Свободная охота! — Куда девалась хваленая невозмутимость Гонзы? Он кричит едва ли не фальцетом, чуть не пустив радостного

«петуха», и после, привычным уже голосом: — Прогоните машины на всех режимах, разрешаю любые фокусы. Можете даже залезть в дюзы какого-нибудь «Кросроуда» и посмотреть, что из этого получится...

Строй распался на тройки. «Кнопок» еще хватало, к тому же они начали отвечать более удачно, чем вначале. А все прочие «Зигзаги», настоящие, не машины-двойники, шестьдесят истребителей, что уже провели торпедные атаки, не стали мешать, словно уступая группе Гонзы добычу.

Так случилось, что тройка Джокта оказалась единственной, кому удалось прорваться к самим транспортам. Те, оставшись без крейсеров прикрытия, у которых сейчас своих забот было по горло, спешили к приливной точке...

На первый взгляд размеры и форма звездолетов не имеют в космосе особого значения, где скорость и маневренность зависят только от возможностей двигателя и надежности системы навигации. Но это — до определенного предела. Существует граница скорости, после которой космическое пространство уже нельзя считать вакуумом, и все эти бесконечно малые количества атомов межзвездного вещества обретают плотность и способность оказывать сопротивление движению. Для больших скоростей даже была установлена физическая величина, показывающая закономерность возрастания плотности при возрастании скорости. Опустите руку в заполненную водой широкую емкость. Это даже приятно. А потом ударьте изо всех сил по воде сомкнутой ладонью. Не перестарайтесь, чтобы не отбить руку, потому что окажется, что это очень больно, будто бьете по асфальту! Транспортные суда были выполнены в форме широкого клина с узкой режущей кромкой в носовой части. Режущей по-настоящему. Генерируемый во время движения поток плазмы, растекающийся тонким слоем по всей поверхности клина, делал звездолет неуязвимым перед потоком частиц, несущихся навстречу. На боевых же кораблях Солнечной использовался принцип гравитационного отталкивания.

«Зигзаги» настигли транспорты, когда тем осталось всего несколько минут до входа в Прилив. Это оказались большие звездолеты — огромная удача, особенно если учесть, сколько живой силы и техники может оказаться у них на борту!

«Извини, Балу, что лишаем тебя работы!» — подумал Джокт, ловя в перекрестие прицелов широкий сплющенный прямоугольник головного транспорта.

Атака! И сразу же первое ценное наблюдение!

Дистанционные истребители связаны с основными, управляющими «Зигзагами», но не между собой. Вышло так, что истребители Джокта, Барона и Гавайца, вся тройка, атаковали один и тот же транспорт. Между тем, когда есть возможность избирательной атаки по целям, а эта возможность сейчас у них имелась, тактические анализаторы «Зигзагов», имеющие постоянную связь между собой, несомненно высветили бы на дисплеях, что цель захвачена другим истребителем. Тогда пилот мог решать, стоит ли атаковать эту же цель или целесообразней выбрать другую. Но этот минус неожиданно обернулся плюсом, потому что объединенный залп трех «Зигзагов» из всех видов оружия, включая три израсходованные торпеды, начисто развалил одновременно атакованный транспорт, чего не всегда можно было добиться одиночному истребителю.

После этого, объединив усилия, тройка Джокта выпотрошила еще два транспорта. Теперь они «дымили» просачивающейся сквозь миллион рваных ран серно-азотокислородной смесью. Именно такая, кажется, гадость была пригодна для комфортного дыхания червей. И из-за высокого содержания азота и кислорода в земной атмосфере Бессмертные желали заполучить во что бы то ни стало еще один мир. Так, по крайней мере, трактовал причину инопланетной агрессии отдел пропаганды.

Удобно, расходы на терратрансформирование невелики. Азот с кислородом под рукой — вся воздушная оболочка планеты. Им осталось бы только изменить пропорции. Сера — тоже не самый дефицитный продукт. Одни только запасы сероводорода на дне Черного моря чего стоят! Не говоря о прочих сульфатных соединениях. Вулканы, скрытые подводные и подземные резервуары...

Наперерез тройке рванулось полтора десятка «Кнопок». И все посторонние мысли куда-то испарились. Принять бой в таких условиях — дело очень и очень рискованное, но и оставить в покое транспорты — лакомую добычу! — позволив им исчезнуть в Приливе, тоже не хотелось.

Вот «Кнопки» выпустили, не скупясь, по две торпеды. И оказалось, что ловушек на истребителях — по одной на каждом. Еще Имы, но их тоже недостаточно для отражения торпедной атаки, на всех — восемь. Пока торпеды шли плотным строем, но вот-вот должны были начать индивидуальное маневрирование.

— Выставляем ловушки! — командует Джокт.

Поскольку ничего другого никто и не ждал, Барон с Гавайцем выбрасывают ловушки практически одновременно с Джоктом. Вот

теперь несогласованность и отсутствие связи между тактическими анализаторами оказали плохую услугу — две ловушки раскрываются совсем рядом, тут же начиная генерировать гравитационный барьер. И только третья раскрывается чуть в стороне. Вместо возможных ста процентов эффективность пространственной защиты оказывается на треть ниже. Но двадцать торпед все же попадаются в контуры искривленного пространства, начиная долгий бег на месте.

— Джокт? — торопит с ответом Барон.

Конечно же, ни о чем другом, кроме как об отрыве от торпед, речи быть не может. А транспортам осталось три минуты до входа в Прилив.

— Имитаторы! — Джокт понял, что ему не хочется заглядывать в дюзы вражеского крейсера, а еще больше не хочется отпускать транспорты. — Все! Все Имы к запуску!

Изменив масштаб, он вгляделся в высвеченную общую картину боя.

Один из «носорогов» вот-вот скроется в Приливе. Видимо, недешево дался ему прорыв сквозь завесу залпов трех вражеских линкоров. У Бессмертных боеспособность сохранил только один, и теперь три линкора Солнечной теснили его в сторону от приливной точки, не позволяя выбрать удобную для старта на форсаже траекторию полета. Линкор — не истребитель, ему не дано мгновенно гасить ускорение. Отдача может оказаться такой, что не понадобятся никакие усилия противника, чтобы его разрушить. Дальше. Крейсера...

Крейсера оказались втянуты в какую-то жуткую бойню с «Кросроудами», причем преимущество пока оставалось на стороне Бессмертных, и несколько земных красавцев-«Моравов» уже выходили из боя, оплавленные, искореженные, с роящимися вокруг спасательными ботами. Поэтому весь отряд Гонзы занимался сейчас поддержкой крейсерской группы. Причем его пилоты делали это весьма оригинальным способом, видимо, успев адаптироваться к дистанционному управлению. Траектории полета двух истребителей завершились точным пересечением с траекториями пары вражеских крейсеров. Эффектная вспышка, детонация активного вещества на «Кросроудах», и тут же все тонет в непроницаемой черноте космоса.

Остальные «Зигзаги» — из шестидесяти их осталось пятьдесят четыре — разделились на две группы. Одна ушла наперерез «Кросроудам», пытающимся подавить мониторы сверхдальнего действия, работающие сейчас в нештатном режиме. Мощность залпа у мониторов, конечно, сокрушительная, но вот маневренность и

способность быстро переключаться на другие цели очень низкая. Без «Зигзагов» им было не выстоять, и на истребителях, несущих потери, это понимали. Вторая группа «Зигзагов» вела бой с основной стаей «Кнопок» на сближении-удалении. Словно два маятника на тяжелых цепях качались навстречу друг другу. И после каждого сближения эти цепи, одна и вторая, теряли свои звенья...

Из всего увиденного Джокт сделал вывод, что никто из своих не сможет поддержать его тройку. И никто из врагов не сможет оторваться для оказания помощи транспортам. А значит... Нет, нельзя упускать такую возможность!

Восемь Имов принимают на себя восемь вражеских торпед. Оставшимся двум — увы! — уже ничего не может помешать, кроме...

— Гаваец! Работаешь на транспорты! Барон, приготовься...

— Уходим? — запоздало то ли спрашивает, то ли сообщает, то ли просит Гаваец.

— Транспорты! Гаваец, не отпускай транспорты! Сожги, сколько сможешь! Барон?

— Готов!

Не всегда нужны слова. Иногда достаточно общей воли и общего устремления к победе. Главное — выбрать цель.

Далекие точки звезд размазаны по обзорному экрану, будто сидишь внутри клубка с пряжей. На время о какой угодно ориентации можно забыть. Полет — кувырок. Первый полет-кувырок, за который не поставит оценки инструктор и не скажет: «В чем дело, девочки? Передумали становиться мальчиками? Или у кого-то головка закружилась? Я спрашиваю, мать вашу! В чем дело? На исходную. Еще раз...» И торпеды теперь — настоящие. Хищники, погнавшиеся за добычей.

Умудрившись уловить точку перенацеливания — это когда торпеда Бессмертных производит анализ дальнейших возможных действий, решая, сменить ли ей курс — на самом пределе интуиции и сверхъестественной способности предвидения, Джокт выставил двигательные заслонки. Как только торпеда обозначила свой путь к истребителю стремительным росчерком, заслонки сброшены, звездолет уходит чуть ли не на перпендикуляре к прежнему курсу. Там, где он только что находился, энергорадар отмечает срабатывание торпеды. Действительно, есть разница между МПКТ и бесконтактной, чересчур умной, торпедой Бессмертных.

А вот Барон не справился.

— Че... — оборвавшийся выкрик.

Вспышка. Рассыпавшийся в пространстве прах плоскостей и электронной начинки. Один из оторванных двигателей вместе с искрящими обрубками подвижных пилонов ярким метеором продолжает бессмысленный полет.

— Нет! — Джокт кричит одновременно с Гавайцем.

И тут же выдыхает свое отчаяние, и боль, и злобу.

— Дальше без меня. Успехов, ребята! — В голосе Барона нет испуга. Только разочарование, что выбыл из игры в разгар веселья.

— Тьфу, а я тебя уже похоронил... и веночек к шлему примотал, — скрывая смятение, еще раз выдохнул Джокт.

— Ну да, веночек! Видели, как меня разнесло? Едет мальчик на машине, весь размазанный по шине! Было бы все на самом деле, вряд ли от меня даже шлем остался.

— Совсем забыл, что ты... что мы... — признался Гаваец.

— Приятно было воскреснуть. Неплохая штука, эти истребители ДУГи!

— Принято. Теперь не мешай. — Джокт повертел головой, но передача картинки велась качественно, без сбоев. Если бы не отсутствие перегрузок, иллюзия присутствия в кабине дистанционно управляемого истребителя была бы полнейшей.

Впрочем, отсутствие перегрузок воспринималось уже как должное. Джокт даже подумал, что если бы он выполнял приказ совершить плавный прямолинейный полет, и в момент старта все системы ориентирования и управления «Зигзага» переподключили бы к истребителю ДУГи, он мог бы и не заметить подмены и думать всю дорогу, будто летит, а на самом деле...

Неожиданная догадка обожгла словно огонь, хороший, дружественный, но неожиданный, к которому просто неловко протянули руку.

— Командир Гонза!

— Вижу тебя на экране, Джокт. Далеко забрался!

— Да уж... Забрался. Потерял ведомого. — Перед глазами Джокта вновь возникло видение оторванного двигателя, отправившегося в полет-агонию, но он тут же собрался, сообразив, что не время. — Атакуем транспорты!

— Понял, молодец. Я тут полгруппы потерял... Спасибо инженерам, не навсегда!

— Командир! Наш рейд — это обкатка? — наконец-то добрался он до сути своей догадки.

— Конечно, истребители ДУГи — новинка. Им от роду всего неделя, вот... пробуем.

— Для кого — пробуем?

— Догадался? Еще раз молодец. Но не только для пилотов новой формации, нам тоже эти игрушки достанутся.

— Спасибо! — непонятно за что поблагодарил он Гонзу, будто именно его командир придумал, как сохранить жизнь пилотам-подросткам, и в сердце заиграла радость.

Ну что ж, девочка-пилот, Великая Мамба... В такие игры играй на здоровье! Он снова вспомнил ее худую вытянутую шею, выбритый и оттого кажущийся несуразным затылок, тонкие ноги, и захотелось спеть — про джунгли, про умолкшие тамтамы. Ты не жертва, Лина! Сейчас произнести мысленно первое имя, которое назвал медик, оказалось легко. Ты не жертва, Великая Мамба! Твоя жизнь еще только начинается, добро пожаловать в Крепость «Австралия»!

— Джокт! — Гаваец первым заметил очередную угрозу.

Мгновением позже забил тревогу сигнализатор опасности. «Кнопки», посчитав дело сделанным, прекратили было движение, решив вернуться к месту основных событий, а теперь снова, убедившись, что два истребителя землян уцелели, запустили торпеды. Первый транспорт уже исчез. За ним второй и третий. Гаваец израсходовал все свои торпеды, в пространстве плыли, нелепо кувыркаясь, два средних транспорта. Сейчас ведомый Джокта обрабатывал их корпуса плазмой и лазерами. Для верности. Несомненно, это было правильным решением, потому что без торпед охотиться на другие транспорты, оставив недобитыми эти два, было бы неправильно. Но у самого Джокта осталось четыре торпеды. И никакого прикрытия. А соблазн велик! Очень велик!

— Гаваец! Наверное, умирать страшно даже понарошку, но я не уйду!

Две торпеды уже на подлете. Точка перенацеливания, вторая, сейчас они разделятся и атакуют оба истребителя.

— Схождение! Курс на Прилив! — командует Джокт. — Когда торпеды окажутся рядом...

— Я понял, командир! — Джокт не сразу осознал, как к нему обратился Гаваец. — Сожги их, сколько сможешь, — возвратилось ему пожелание. — А я потом расскажу, как это — умирать понарошку.

Два истребителя вышли на параллельные курсы, сравняли скорости и начали сближение. В Приливе скрылся уже весь оставшийся караван транспортов — шесть кораблей, несущих штурмовые отряды. Сейчас не время гадать, для чего они предназначались. Но ясно было одно: Бессмертные вывезли свою пехоту не на обзорную

экскурсию, чтобы любоваться видами Великой Космической Задницы, каковой, несомненно, являлся этот оперативный квадрат. Ни светил, ни кометных облаков, ни планетарных туманностей. Только гигантская мясорубка, что работала за спиной Джокта и выплевывала из вспышек и треска в эфире другую пыль — еще горячую, еще со следами живых прикосновений, пыль, без которой миллиарды лет обходилась Галактика.

Прилив близился. Скорость — две десятые, чуть выше скорости транспортов, чтобы наверняка нагнать их на выходе и не вляпаться глупо на первой же секунде в неприятности.

«А вдруг — цепочка Приливов? — подумал Джокт. — Что тогда?»

Случиться могло все, что угодно. Этот Прилив — не наш. Серый. Неизведанный, но единственно сейчас желанный. Потому что впереди враг. Потому что Джокт пообещал оставить Балу без работы. Даже если транспорты загружены наполовину, это тысяча червей-штурмовиков и не менее десятка «Трепангов», своеобразных аналогов земной бронетехники.

Вспомнив давно просмотренный учебный видеофильм — съемку реального боя на поверхности пустой каменистой планеты, Джокт пересчитал по-другому. Две тысячи «Шарков», десять тысяч штурмовиков пехоты КС плюс еще четыре тысячи, танковые экипажи. Вот чего могут стоить улизнувшие из-под самого носа транспорты.

Истребитель Гавайца показался в верхней полусфере, над истребителем Джокта. Казалось, оба звездолета застыли друг возле друга. Но такая синхронность была целиком заслугой пилотов, снова напомнили о себе отсутствие взаимного контроля и связи тактических анализаторов. Сейчас торпеды, выпущенные «Кнопками», видят перед собой одну цель, настолько близко оказались истребители ДУГи.

— Пора, Гаваец! Потом расскажешь, — тихо командует Джокт, но его ведомый уже погасил ускорение и заставил машину буквально встать на дыбы, двигаясь брюхом вперед, словно прикрывая распластанными плоскостями и пустыми уже арсенальными подвесками-крыльями своего лидера от вражеских торпед. Две вспышки слились в одну. План сработал, а Джокт приготовился увидеть привычную картинку графических безумств Прилива. Изнанку пространства. Узкий лаз между отдаленными точками.

Но не увидел.

Глава 14

«Блистательная Порта» нависала над самым колпаком кабины «Зигзага». Вдали, наподобие фейерверков, вспыхивали синие и красные, с радужной игрой, искры. Крейсерские группы продолжали вести битву, и место их схватки стало ядром сражения, к которому устремились и истребители. Три земных линкора образовали вершины огромного треугольника, замкнувшего в своих невидимых гранях это ядро. Но линкоры в бой не вступали, видимо, ожидая скорого появления на арене новых сил врага.

Ну что ж. Все верно. Передача данных из Прилива, будь он хоть трижды серым, невозможна. Сквозь Прилив — всегда, и никогда — из Прилива, вспомнил Джокт простейшую истину. Аппаратура «Зигзага» бездействовала, а отключить контуры управления и обмена данными с истребителем ДУГи Джокт не решался. А вдруг сбой? Вдруг Бессмертным удастся найти волшебную отмычку и новейшее оружие Солнечной достанется им неповрежденным в качестве приза? Фантазии это или нет, Джокт тоже не стал проверять, твердо веря в одно: он должен оказаться там, в кабине истребителя ДУГи в момент его выхода из Прилива. Пускай даже его ожидает виртуальное уничтожение (а для самого звездолета — реальное), но он должен...

Слева и справа от «Витража» срывались с места истребители. Джокт не знал, кто именно стартует, но и без этого было понятно — пилоты группы Гонзы, уже лишившиеся управляемых дистанционно машин, спешили наверстать упущенное, так сказать, в реале, выводя в атаку свои «Зигзаги». Рядом с Джоктом, под прикрытием орудийных палуб «Порты», оставались только те, кто еще не потерял связи с истребителями-двойниками, продолжая вовсю эксплуатировать «запасную» жизнь.

«Чем не игра?» — подумал Джокт.

Он был уверен, что среди оставшихся рядом весело обменивались впечатлениями о пережитой смерти Барон с Гавайцем. Наверняка Гонза не позволит им участвовать в той общей свалке, что происходила в месте столкновения крейсерских групп.

Линкор «Блистательная Порта», словно заботливая наседка, освещал опекаемые бездействующие «Зигзаги» мощными поисковыми прожекторами. Пару раз широкий белый луч прошелся над «Витражом». Но поскольку оптика работала всего лишь в дежурном режиме — режиме ожидания, так как оставалась замкнута в контур связи с истребителем ДУГи, Джокту приходилось довольствоваться

только двумя узкими полосками визуализации. Кольцо шириной не более двадцати сантиметров в продольной плоскости, именно сквозь него он видел отсветы далекого боя. Еще такое же кольцо опоясывало «Витраж» в поперечной плоскости, благодаря чему была видна нависающая часть линкора. Поэтому прожектора не заливали светом панели управления «Витража». Так, скользили по рукам, тут же уходя в сторону.

Перед вылетом Джокта перехватил Спенсер, успев шепнуть, что после возвращения ожидается, как он выразился, «взрослый маджонг».

— Не надоело бегать на вторых ролях у Гонзы? — спросил Спенсер, — Выживи в бою! Тебе нужно успеть занять свое место в строю перед «Общим штурмом».

— Это не ко мне, попроси лучше Бессмертных! — ответил Джокт, буквально растаяв от такого внимания старшего товарища.

И вот теперь он с трепетом ожидал той секунды, когда истребитель ДУГи должен вынырнуть из Прилива.

Конечно, его так и подмывало временно прервать коммутацию и порасспрашивать об ощущениях Барона с Гавайцем. Особенно Гавайца. Потому что Барон наверняка не успел понять, что же такое с ним произошло? А вот Гаваец сознательно принял на себя две торпеды, одна из которых предназначалась Джокту. Но каким бы сильным ни казалось это желание, Джокт сдержался. Чтобы прямо сейчас стартовать всей тройкой к остальным, нужно было отложить это мероприятие. Полный запас торпед на «Зигзагах», ой, как не помешал бы в схватке. По расчетам Джокта, группа Гонзы, те пилоты, что уже ушли к месту основных действий, вполне могли успеть израсходовать торпеды. Хотя, погоня за транспортами сквозь неисследованный, Серый Прилив, тоже сулила немало хорошего. Главное, чтобы не подвела бортовая аппаратура на истребителе-двойнике. Потому что Джокт все больше и больше сомневался в том, что успеет сбить еще хотя бы один транспорт. Но аппаратура могла пригодиться в другом деле: данные о секторе пространства, куда выводила никем из людей не хоженная тропа, могли оказаться весьма и весьма ценными. Мало ли? Вдруг он наткнется на одну из «домашних» планет Бессмертных? Пусть даже это окажется не планета, а хоть какой-нибудь базовый комплекс флота Бессмертных, тоже немаловажная находка! Тогда что? А то, черт подери, что выходы из Прилива защищены! Вполне вероятно, истребитель окажется уничтоженным сразу после выхода из

Прилива, в первый же миг. Но что-то, пусть самую малость, аппаратура успеет зафиксировать. И можно думать о развитии успеха. Например, сразу же отправить сквозь Прилив «Кирасира». Пока защитные механизмы врага будут заниматься его нейтрализацией, пройдет достаточно много времени, чтоб вслед за прерывателем блокады в Прилив хлынули линкоры и крейсера. Может быть, именно ему, Джокту, доведется раньше времени начать «Общий штурм», вопреки прогнозам коменданта! Начать прямо сейчас, меньше чем через пять минут!

Джокт прикрыл глаза, чтобы стало легче адаптироваться к той части Галактики, куда вот-вот вывалится истребитель-двойник.

Четыре минуты...

А вдруг ни к чему все волнения? И в конце Серого Прилива ждет пустое пространство и следующая приливная точка? Потому что цепочка Приливов — вот верное и разумное средство. Бессмертные не идиоты, не станут же они действительно держать базы прямо через один Прилив от зоны возможных боестолкновений? Хотя крепость «Австралия», например, находится именно на удалении одного Прилива от Земли... Но даже если так, все равно остаются транспорты.

Три минуты...

Самым обидным окажется вариант с выныриванием в необитаемом секторе, посреди цепочки, и последующим уничтожением. Тогда — ни стратегической информации, ни транспортов.

Почему-то мысль о транспортах в качестве награды за двадцать с хвостиком минут ожидания уже не грела. Пусть лучше это окажется стратегическая информация! Аппаратура должна успеть хоть что-то зафиксировать! И даже одна миллисекунда — это хорошо. Этого достаточно. Радары и сканеры звездолета вряд ли смогут захватить и проанализировать всю картинку: дислокацию, численность врага, метод прикрытия Прилива... Но если успеть отключить функцию тактического анализа, скорость сбора информации возрастет. Рука зависла над подсвеченным прямоугольником. Когда настанет последняя секунда, нужно просто успеть сделать одно касание.

Перед глазами одновременно со всеми этими мыслями мелькнули лучи высшего ордена Космических Сил — «Солнечной короны».

Две минуты...

Но что послужит утешением, если ничего не выйдет? Если защитные установки, дежурная армада боевых кораблей, мины, бомбы и что там у них есть не дадут ему даже желанной миллисекунды? А двадцать минут бездействия, проведенные здесь, под прикрытием линкора — слишком большая жертва... Или не слишком? Все-таки он должен был попытаться. И глупо искать утешений.

Одна минута...

...Хотя оно есть! Есть утешение! Как мог он забыть! Девочка-пилот и все остальные! Вам не придется больше совершать бессознательные подвиги, ломая ребра, не придется превращаться в своих же игровых юнитов, слепо и глупо зарабатывая призовые очки, не зная, какое великое дело вы делаете. Лина! Что бы ни случилось с моим истребителем при выходе из Прилива, ты будешь...

Отсчет закончен. Выход! И мысли побежали обгоняя друг друга, обрываясь, словно гравитационный след за кормой. Обрываясь не дозвучав, недооформившись, не...

Функция анализа отключена до того, как ресницы закончили движение вверх. Левая нога — тангаж! Клиренс! Захватить как можно большую картинку! Правая — ускорение до максимума! Сразу, резко, ведь ограничений...

Имы выпущены раньше, чем тактический дисплей высветил атаку. Ах да! Анализатор ведь...

Справа — оранжевый гигант, умирающая звезда, похожая на скопище ржавых облаков. Какая она огромная! Слой за слоем переработанная в ядерной топке материя сползала с нее, как сползает кожа с мертвеца. Рядом — вторая. Уже умершая. Надгробие. Белый карлик. Если здесь умирают даже звезды, значит, и мне не должно быть страшно... Россыпь астероидов — как вовремя! Укрыться в них — получить лишний шанс. Ныряю...

Отмена! Отмена! Джойстик на себя! Заслонки выставить и сбросить!

Торпеды идут плотно, как мыльные пузыри из волшебного кружка на конце палочки, я в детстве такие...

Надо же! Астероидный пояс — автоматические торпедоносцы! А в перекрестье прицелов словно из ниоткуда попадает транспорт. Один из тех, за которыми Джокт погнался сквозь Серый Прилив.

Потратить четыре оставшиеся торпеды жалко, а плазмой его не прошибешь. Как говорил Гонза? Что не съедим, то надкусим!

Ловушка пошла. Надо же! На истребителе ДУГи установлена дополнительная ловушка! Так сказать, «выбор корабля». Сработала автоматически. Сюда бы Монса, он мастер выставлять...

Куда же меня занесло? Время, на которое был согласен Джокт, истекло; теперь, что бы ни происходило, все являлось подарком. Пользоваться таким подарком нужно щедро, безрассудно, ни о чем не жалея, ничего больше не желая. А значит, пора и оглядеться...

Анализатор снова включен. Программа-лоцман ищет привязки по звезде-гиганту. Эм-41? Не то. Скопление Гиады? Не то. Эм-3? Снова не то... Ящик Пандоры? Скопление Кара-оглу? Глаз Демона? Да что же это такое?

Отключив программу-лоцман, понимая, что толку все равно не будет, Джокт стал думать о других вещах... Две торпеды промчались так близко, что истребитель бросило в сторону гравитационной инверсией. Это отклонение обмануло третью, последнюю из короткой серии, торпеду. Почти обмануло...

В нижней полусфере — вспышка! Левый разгонный движок сразу начинает «отставать» от правого. К счастью, это не надолго, навигационный вычислитель, он же полет-контролер, перераспределил мощности двигателей. Максимальная скорость упала до восьми десятых световой. Зато сохранилась управляемость.

Снова полыхает сигнализатор опасности. Звуковое оповещение рвет перепонки чуть позже, на какую-то бесконечно малую величину позже. Но Джокт понял, окажись он сейчас в кабине истребителя на самом деле, был бы уже мертв! И у него имелась куча оснований так полагать: прошедший сквозь корпус истребителя пучок жесткого излучения оказался настолько активен, что часть аппаратуры вышла из строя. Та часть, где использовались радиоактивные элементы. А значит, прощайте блоки прицеливания! Все до одного.

Взамен — осознание истины. Это не промежуточный сектор! Это не цепочка Приливов. Что-то более важное оберегают здесь Бессмертные!

Энергорадар уже вычислил источник излучения. У Джокта волосы встали дыбом — красный гигант! Управляемая звезда! Звезда — оружие! Тут же истребитель ДУГи настигает вторая волна излучения...

«Интересно, осталось бы от меня хоть что-то? — подумал Джокт, едва не хихикая. — В такой микроволновке можно испечь целый

материк! Приготовить биологически неактивный суп из любого земного океана! Что они за всем этим прячут?!»

Истребитель начало швырять во все стороны, и, как назло, сдох грависканер. А ведь бьют откуда-то издалека! Иначе бы — корпус всмятку, движки — врозь... Еще один пояс астероидов, и снова обманка — станции-торпедоносцы. На этот раз Джокт не стал соваться без разбора, предчувствуя подвох. Меняя скоростной режим, выписывая кривые, о которых можно только мечтать пилоту, он рвался дальше, в глубь сектора пространства. Тактический анализатор сообщил об отстреле сразу восьмидесяти процентов активной брони. Оставшиеся двадцать — прикрытие движков. Все верно, для экстренной эвакуации нужны только движки и две-три секунды работы навигационного вычислителя. Только эвакуации не будет...

Джокт готов был заплакать, до чего же не хотелось после всего увиденного прекращать эту игру. Что они здесь прячут?

Этот сумасшедший танец под обстрелом гравитационных орудий не мог продолжаться вечно. Пока пилота спасали лишь расширенные возможности маневра. Канониры Бессмертных элементарно мазали, потому что еще не уловили до конца этого нюанса. Они ведь собирались грохнуть обычный «Зигзаг», а не какую-то там радиоуправляемую игрушку, пилотируемую человеком, находящимся неизвестно за сколько миллионов или, может быть, даже миллиардов километров отсюда. Охотники приготовились убить птицу, а из камышей вылетел реактивный птеродактиль, умеющий выписывать такие петли, что невозможно взять на мушку... Но пора выпускать и когти! Пока они еще целы.

— Где ОНО? — выкрикнул Джокт, уходя в провал с боковым закручиванием и отбрасывая очередную торпеду реактивной струей двигателей.

Вслед за этим сигнализатор опасности высвечивает «тройную порцию» смерти. Спираль закручивания становится еще плотнее. На таких перегрузках не выживают. Да, девочка-пилот, зря ты отказалась от куклы Фарби. Видишь, какую игрушку приготовила для тебя техническая служба Солнечной? Хотя... Сними шляпу или наушники с маской. Может быть, тогда я увижу, какого цвета у тебя...

— Вот!

Не так...

— ВО-ОО-ОТ!!

Форсаж до ноль семи оставшихся. Снова петля. Еще одно закручивание (все равно не выживают, ха-ха!), обход третьего пояса

астероидов. А звезда-гигант — недобрый глаз, наливается красным.

Можешь гневаться! Можешь плеваться потоками частиц, пока не лопнешь, дряхлый мыльный пузырь! Вот оно!

Не транспортная станция, не планетоиды-верфи и не флотская база. Планета!

Атмосфера — сера, азот, кислород. Нестабильна. Следы планетоформирования... Сквозь желтушные облака, сквозь местный слой Хевисайда рвутся транспорты — один, второй, третий, четвертый...

А ведь это — не просто так! Это же — эвакуация! Он, ужасный и могучий Питон Джокт — вспомнился и пришелся к месту глупый ник — он, гроза Бессмертных и прочих набрюхеползающих, Питон, Кровавый Демон, Палач и миллион Злобных Акустических Коробочек, нашел и вверг в панику Домашнюю планету врага! Заставил бояться, прошел через их Линию Маннергейма и Атлантический Вал. А значит, пройдут и другие. «Зигзаги» пройдут! Пройдет «Кирасир», прикрывая своим торсом остальные звездолеты от жесткого излучения звезды-охранника...

Транспортов уже не четыре — больше десятка. И в задней полусфере, на юге, просматриваются пронзительно-синие точки вышедших для перехвата звездолетов. Поздно спохватились! Я быстрее! Даже наполовину развалившийся, без брони, без средств защиты и с выведенной из строя аппаратурой (уже не только блоками прицеливания), я ближе, а значит — быстрее!

Транспорты уходят. Уходят куда-то вдоль края атмосферы, прячась на другой стороне планеты. Вот это нам — плюнуть и растереть! Что? Уже — ноль пять световой? Все равно — плюнуть и растереть, растереть и плюнуть. В любой последовательности. Но чтобы в конце — растереть!

— Сюрприз! — сказала невидимая фея, взмахнув волшебной палочкой в мыльных пузырях, и Джокт увидел, что с другой стороны, на мизерном удалении от планеты — приливная точка. Запасной выход. Бомбоубежище, в котором укрывались один за другим транспорты, поднявшиеся с поверхности планеты.

Прыгнуть бы во второй раз! Но это как в бочке без обручей и с прохудившимся днищем — в Ниагару... А реально успеть сжечь вон те два крайних транспорта.

Планета, схема защиты Прилива, пусть даже с неприятной неожиданностью — звездой. Теперь еще и транспорты. Фея? Пошла

вон, старая дура! Вместе со своей волшебной палочкой. Полный триумф! Транспорт — на идеальной траектории! Не нужно никаких курсовых блоков прицеливания. Буду, как артиллеристы древности, наводить сквозь дуло. Что вижу, то и жгу! Кто не спрятался, я не...

Две торпеды на левой арсенальной подвеске, словно заждавшиеся гончие псы, вырвались из-под брюха.

— Удачи! — пожелал им Джокт.

Были бы это собаки, точно помахали бы хвостиками.

Удачи! Вы сейчас еще быстрее! Быстрее меня, быстрее всех «Кнопок» и флюидов прогадившей службу звезды, пусть мигает!

А она мигала! Да еще как! Пучок шел по касательной, чтобы его частицы не попали в Прилив, понял Джокт. Экран полыхнул в последний раз и сдох. Теперь истребитель представился верным конем, получившим двести стрел в каждый бок, издохший, но все же почему-то бьющий в воздухе копытами... Транспорт разорвало — приходи сестра жены любоваться (автор — Балу, чтец — Джокт). Запомните, суки бесхребетные, что это такое истребительный флот Солнечной!

Ноль пять держится. Это все, что может сделать умирающий скакун — бить копытами. А вот и второй транспорт. И снова — на идеальной траектории! Обзорные экраны начали гаснуть, но это принесло и некоторое облегчение. Звезда наконец-то перестала пялиться в спину. «Кнопки», даже если и вышли на дистанцию эффективной торпедной атаки, тоже исчезли. По какому-то счастливому стечению обстоятельств сохранилась область фасеток в носовой части истребителя, хотя по большому счету это уже не истребитель. Так, бочка в Ниагару! Без обручей и с отвалившимся дном. Со сваренным, выпаренным и высушенным прыгуном внутри, которому сейчас удариться или утонуть — один черт.

Скорое окончание игры вдруг заставило Джокта увидеть все по-другому: цепко, отчетливо. Ему неожиданно захотелось рассмотреть поближе обреченный транспорт, а заодно выпустить торпеды при одновременном подъеме носовой части. Потому что не нужна абсолютно никакая электронная начинка, чтобы залепить с двух шагов в мишень, занимающую всю видимую часть космоса. А подъем — для того, чтобы торпеды легли в две точки коротким пунктиром, вскрыв оболочку транспорта наподобие консервного ножа, по центральной продольной оси, от дюз до носовой надстройки...

Носовой? Почему носовой? Это что, новый тип транспортного судна? Точно, новый. Таких флот КС еще не встречал. Глупая

компоновка для военного звездолета. Экипаж должен быть укрыт внутри, в самом чреве, под многослойной броней и прочими химерами защиты. Потому что транспорты подвергаются атакам вернее всего, что у Бессмертных, что у Солнечной.

Но надстройка — это еще не все... Кстати, кажется, навигаторы на транспорте потеряли от страха голову. Нет, не голову, задницу, у червей ведь вместо одной головы — две задницы... Зачем было выводить транспорт на равномерное движение? Зачем провели корректировку и судно развернуло брюхом вперед? Навигаторская рубка ближе и ближе... Почему не наоборот? И почему в корпусе множество проемов-экранов? Самых любопытных штурмовиков на нем перевозят? Чтобы полюбовались местными красотами?

Черт с ними, со штурмовиками, пусть пялятся! Но ведь экраны обзора (вовсе не гиперхрустальные фасетки) в десять раз снижают прочность корпуса! Малейшее гравитационное возмущение, хватит даже отзвука залпа самого малого калибра линкора, той же «Порты», чтобы... Эх, «Блистательную Порту» сейчас сюда! А к ней — «Кирасира». Ну и по мелочи: пятьдесят других линкоров, чтобы шли развернутым строем, такое только в кино увидеть можно, сотню-полторы крейсеров, пару сотен троек «Зигзагов», мониторов парочку... сотен. И в Прилив!

Вдогонку! Потому что не уходят транспорты Бессмертных в какую-нибудь Подмышку Галактики, или ее же Коленный Сгиб, идут к другой Домашней планете. К форту, к Базе, туда, где их ждут, где их будут встречать...

Но почему экраны? Почему чужой навигатор выпятил рубку транспорта прямо под нос своей смерти?

Контролька над кнопкой гашетки откинута. Палец на кнопке. Одно биение сердца, самое малое напряжение мышц, движение первой и второй фаланги указательного пальца... С правой арсенальной подвески рвутся уже не гончие — бешеные псы скалят клыки, роняя пенную слюну! С такого расстояния промахнуться невозможно.

Но почему?..

Джокту сделалось жарко, а потом холодно. Даже в бесчисленных миллионах километров от этой планеты, там, под корпусом «Блистательной Порты» индап всадил ему в шею целое озеро химической дряни.

Поворот Альвареса! «Хванг»!

Перед ним — не военный транспорт, а пассажирское судно, и, может быть, прямо сейчас тысяча других Бессмертных, без броневых

колец и мутированной злобы в сознании, смотрят с надеждой на звезду-Немезиду, которой представляется им истребитель Солнечной. И среди них есть червь-студент, зубрящий ночами теорию гравитационного взаимодействия частиц во Вселенной. Есть червь-певица, пусть даже ее блюзы для человеческого слуха — редчайшая гадость, но для того студента — райская песня. И все у этой пары может сложиться по-другому. Может... В том-то все и дело!

И червь-навигатор поступает правильно. Он понял, в чем заключался замысел навигатора-землянина по имени Альварес, понял! Он подставил святая святых — командную рубку корабля. Словно умолял — бей меня, Джокт! Уничтожь, сожги! До самой последней ДНК, чтоб ничего от меня не осталось! Бей, пилот! Это так легко — одно движение первой и второй фаланги...

Тогда оставался шанс, пусть совсем небольшой, что транспорт, уже направленный в Прилив, дойдет. Дойдет на автоматике, даже без навигаторов.

Почему же все так происходит? Никогда раньше за Бессмертными не замечалось готовности к самопожертвованию. Ради чего это исключение из правил, которые не были нарушены ни разу вот уже на протяжении нескольких десятилетий непрекращающейся войны? Кто или что находится на борту транспорта? Может быть элита? Правительство, доминирующие особи, выдающиеся, если так можно сказать, личности? Ученые? Гениальные стратеги?

Нет! Все не то! Мало ли по каким причинам оказалась так близко от районов боевых действий эта планета... Взять ту же «Австралию» — один Прилив до полосы столкновений... На планете не может быть ни правительства, ни гениев, а даже если бы и были, не хлипкие транспорты спасали бы их драгоценную жизнь, а монолиты прерывателей, каким любой катаклизм нипочем. Тем более ни за что не стартовали бы поспешно навстречу явной угрозе, первыми с поверхности обязательно поднялись боевые корабли прикрытия, и только потом... Но ведь навигатор делал это! Жертвовал собой! Не ради элиты, не ради выдающихся личностей, и пустым он не мог взлетать... Глупо, чрезвычайно глупо!

То, что транспорт шел с обычными пассажирами, частью «гражданского» населения, Джокт не сомневался. Также не сомневался он, что в случае явной опасности, а сейчас для транспорта вышел именно такой случай, навигатор скорее ушел бы обратно в атмосферу, чем продолжал прорываться к Приливу. Может быть, этот транспорт вовсе не атмосферник? Взлет в аналоге земного энергетического луча... Тогда самостоятельная посадка невозможна?

Или же на борту очень близкие навигатору особи? Ради них, пожалуй...

Дети! Маленькие червячки, которые пока и знать не знают, что где-то есть настырные земляне и что с ними почему-то ведется война на уничтожение! Вот кто может находиться на обычном, беззащитном транспорте! И ради них, повинуясь простейшему природному инстинкту, навигатор готовился сейчас к смерти. Не просто готовился — умолял о ней своими действиями, упрашивал...

Бей, Джокт! Сожги меня! Только оставь в покое пассажирский отсек, чтоб у них появился шанс. Ну же! Словно вживую прозвучал то ли голос, то ли скрежет, то ли инфразвук из Прилива. Вот, значит, каков ты, голос внутреннего «Я»!

Индап. Дрожь торпед на подвесках. Клыки наружу и их нельзя уже спрятать.

— Я НЕ-МО-ГУ!

Корпус транспорта выскочил из смертельного перекрестья прицелов. Джокту или показалось, или на самом деле навигатор заставил транспорт неуклюже качнуться из стороны в сторону, будто салютуя и благодаря земного пилота.

Выдох. Джойстик на себя, контрольку на место. Сиреневые нити торпедных дюз истаяли. Пусть захлебнутся слюной...

Решение далось ему непросто. Может быть даже, принимало это решение не сознание, а та темная половина, что крылась где-то в подкорке, что заставляла смотреть в полночь на обнуленный циферблат. Может быть... Джокт не знал. И теперь перекатывал во рту слюнный шарик, будто перекати-поле по песчаной пустыне.

Этот ступор оказался тяжелее, чем блаженная нирвана от встречи с «Летучими голландцами». Там он ничего не понимал. Здесь же понял слишком многое...

Глава 15

Наверное, таково свойство всех фей: казаться добрыми, а на деле подставлять Золушку. И — копчиком ее, копчиком! О булыжную мостовую, посреди дынных корок. И чтоб — мыши по ногам, до визга! Но и злые феи иногда ошибаются, делают все наоборот. Они машут, словно припадочные, волшебной палочкой, больше похожей на чугунное коромысло, у которого на концах дырявые ведра

с навозом. Такие феи наливаются багрянцем, тужатся, чтобы размахнуться как следует и нагадить побольше, на всю оставшуюся... Да чтоб остатка того не оказалось слишком много. А вместо этого выходит подарок. Королевский. Всем подаркам подарок!

Взмах — и перед полуразрушенным, едва сохраняющим возможность полета истребителем у другого полушария планеты оказывается стройный клин линкоров Бессмертных.

Вот оно! Вот — решение! Возможности те же — ноль пять световых. Ну что ж. Будет не так ярко, как в прошлый раз, зато сейчас у меня есть торпеды! Активированы, ждут, готовы! И никакого Йоши, бубнящего про спасение над самым ухом.

«Давно хотел!» — успел подумать Джокт, вдавливая педаль ускорения и выбирая серединный линкор, которому точно не уйти с траектории полета истребителя.

Вспышка, крик, агония. Все, как тогда, на первом медсканировании, за исключением некоторых физиологических нюансов. Только какой-то холод все скользит между лопаток — первый раз не имелось угрозы ни пилоту, ни истребителю. Теперь второй... Только что погиб корабль, но он, Джокт, все еще цел. Что-то будет в третий раз...

«Я выжил, — думал Джокт. — Но почему не могут выжить все? Почему всегда кто-нибудь должен гибнуть?»

Даже девиз истребителей не казался ему теперь истиной. Летать. Побеждать или...

г. Кишинев,
сентябрь–декабрь 2005

ЧУЖОЕ ОРУЖИЕ

Пролог.
Опять не к месту

Сны оставались прежними, но теперь в них вплелись безликие людские фигуры, неумолимо проходящие мимо. Джокту хотелось крикнуть, чтоб остановить их, но что-то закрыло рот, какая-то вата набилась в легкие, и он начал задыхаться...

С этим он и проснулся посреди ночи.

Ветеран-артиллерист, лежащий рядом, сказал ему: «Теперь понял, для кого ты жег вражеские корабли? Видишь, как обходят нас стороной все эти подонки, которых мы защищаем на высоких орбитах от уничтожения?»

— Ты не прав. Просто тогда во всем этом был смысл, а теперь его не осталось... Нельзя воскрешать мертвецов. Это вправе делать только Всевышний.

— Всевышний? Ты бредишь, пилот! Когда-то этим можно было утешиться, но ты опоздал родиться... Всевышний умер, а скоро умрем и мы — ближние, которых никто не возлюбит.

— Успокойся, сейчас уже ничего не изменишь. И когда ты надевал мундир, то отлично знал, чем это все может кончиться... И мы не можем быть ближними для всех остальных, потому что летаем слишком далеко от них... Успокойся.

...На тринадцатый день в Пантеоне людей было меньше обычного, то есть практически не было совсем. Это в какой-то мере можно было объяснить дождем, что лил за окнами здания. Но это же и обрадовало Джокта, потому что он очень остро вдруг ощутил свою неполноценность. Свою *непринадлежность* к человечеству. Он вспоминал балладу об Орфее и Эвридике...

Даже после разрешения, полученного от Аида, Орфей потерял свою возлюбленную. Стоило тогда с самого начала пытаться воскресить ее?

— ...а здесь? — отвлек его от грустных философствований приятный женский голос.

— А здесь стоит настоящий зомби! Без лица, без кожи и без сердца, — тут же шепотом ответил второй посетитель Пантеона.

Джокт чуть повернул голову вправо и увидел странную пару.

На девушке было надето дорогое платье, сплошь в золотых украшениях, а в ее распущенных каштановых волосах красовалась белая роза.

Во всем ее облике сквозило непонимание.

Спутник девушки был высок, тучен, с гладко зализанными назад волосами. Он носил шикарный костюм, и от него буквально разило пошлым парфюмом. Лет ему было — под сорок, ей — не более двадцати пяти.

Джокта сразу же посетила мысль, что мужчина чувствует себя комфортно в этом обличье, в то время как девушка более напоминала прекрасную птицу, случайно оказавшуюся в змеиной коже. Казалось, она здесь сама по себе, а ее платье и украшения существуют отдельно.

И еще... По ее виду никак нельзя было сказать, что она какая-нибудь шлюха, однако сквозь тонкую шелковую ткань отчетливо вызывающе проглядывали большие упругие груди, что явно нравилось мужчине.

— Мистер, я не знаю вашего имени, но хочу предупредить, что этими самыми ушами, которые вы почему-то решили обмануть, когда-то я расслышал настолько слабый шорох в эфире, что даже движение червя под землей оказалось бы громче. К слову, именно этим я спас всю группу от вражеской засады. Неужели вы думаете, что мне не расслышать всего того, что вы уже сказали, и то, что вы наверняка еще собираетесь сказать? Главным образом, как я понимаю, — насчет моего внешнего вида, так? Точнее, по поводу его отсутствия... Тем более мне должно быть обидно оттого, что вы оскорбили меня в присутствии дамы. Но раз уж я нахожусь здесь, в своей клетке, то, наверное, не стоит обижаться на слова, которые уже никак не могут повредить. Единственное, о чем бы я хотел попросить вас, так это пройти дальше, а еще лучше — как можно скорее покинуть Пантеон. Поверьте, ни мне, ни всем остальным здесь не так уж легко смотреть на людские лица, тем более что времени у меня осталось не так много. Не надо портить последние часы жизни... Пожалуйста...

Пока Джокт голосом навигатора, готовящегося поспорить с сетью вражеских шумовых заграждений, говорил свою речь, девушка все так же непонимающе, теперь еще и несколько испуганно, повернулась, начав рассматривать что-то над его головой.

Первоначально Джокт решил, что она боится посмотреть ему прямо в глаза, но затем, на какой-то миг, их взгляды встретились...

Она смотрела сквозь него!

Толстяк заерзал, подхватывая спутницу под руку и собираясь уходить.

— Леди, простите! Возможно, вы не менее несчастны, чем я. А поэтому прошу вас, никогда не возвращайтесь в Пантеон! И пусть нам обоим повезет в следующей жизни.

Голос Джокта дрогнул, и, если бы он мог, он бы заплакал. Но он не мог, и дело было не в отсутствии индапа, хотя именно это можно назвать крайней жестокостью — вот так неожиданно лишить пилота его верного помощника. Но мера себя оправдывала тем, что одновременно с индапами не стало и случаев самоубийств. Это так просто — «тревожный коктейль», плюс еще одна комбинация, плюс еще...

Но плакать хотелось, ведь ему стало понятно, что девушка — прелестное творение природы — полностью слепа. И что ее кавалер рано или поздно сделает ее просто игрушкой для удовлетворения возникающей страсти, а потом бросит. Либо будет заигрывать с другими прямо в ее присутствии, не страшась разоблачения. Для него это — беспроигрышный вариант. Потому и красуются девичьи груди в угоду мужчине, поэтому и блестят бессмысленные украшения, и лишь белая роза — живой цветок, вдетый в кудри явно ее же рукой, затмевает этот блеск.

Но это была лирика, непонятно зачем взволновавшая Джокта за тридцать шесть часов до смерти.

Толстяк понял, что калека из Пантеона разгадал его секрет, и почти силой повел девушку...

— Постой! — Она мягко, но настойчиво освободила руку, а затем сделала несколько неуверенных шагов в сторону Джокта.

— Извините моего друга; возможно, он несправедлив. А я... Я не могу вас судить, так как...

— Не продолжайте. Я знаю. Очень хорошо, что вы не можете нас судить.

Мужчина вновь подошел к ней, чтоб увести навсегда. Но тут, словно из воздуха, возник оператор.

— Господин! Вы нарушаете Правила Определения!

Было видно, что еще немного, и оператор Пантеона измочалит франта, поскольку уж он-то точно догадывался — что пришлось пережить всем тем, кто попал в Пантеон, и что они все переживают в ожидании своего приговора.

— Нет, нет! Я только хотел... — У толстяка задрожал двойной подбородок, а галстук съехал набок.

Нарушение Правил Определения считалось одним из тяжких государственных преступлений.

Девушка между тем сделала еще шаг.

— Неужели это очень опасная процедура — передать импульсы своего сердца другому человеку?

— Не знаю. Врачи говорят, что сама процедура установления медицинской мини-аппаратуры безопасна...

— Странно, почему этот метод не практикуется везде, то есть для обычных людей? Тогда все было бы привычнее и не так... страшно.

— Да, эта процедура применяется только в Пантеонах. Но поверьте, все те, кто помещен в Пантеоны, нуждаются в импульсах и жизненной энергии чужих органов не потому, что хотят жить больше других, а потому, что они сейчас нужнее Солнечной, чем другие. — При этом Джокт многозначительно посмотрел на спутника девушки.

— Вы говорите загадками. — Ее карие глаза смотрели почти в глаза Джокту.

— Ну почему же... Все двести человек, которые ждут здесь либо помощи, либо забвения, не так давно были пилотами, штурманами и стрелками космического флота Земли. Воспитать такого воина на планете стоит немыслимых затрат, поэтому путем использования Пантеонов военные власти пытаются возродить к жизни тех, кто уже бился в звездных сражениях. Стоял до конца и не отступил. И если кому-то из нас добрые самаритяне возвращают жизнь, то вовсе не для того, чтоб ею насладиться... Мы садимся в навигаторские кресла, берем снова в руки джойстики управления истребителями...

— Какая ей, к черту, разница?! — вмешался усатый пилот, находящийся в нише напротив.

— Погоди, дружище. Нет ничего плохого в том, если на прощание я расскажу хоть немного, — какие мы все-таки... — У Джокта не нашлось простых слов, чтоб сказать то, что он желал. — Возможно, это будет и нескромно, но — ты не против?

Усатый был не против, так как имел две «Лунные Короны», добытые не где-нибудь, а в самом настоящем пекле.

— Леди! Все калеки, которых собрали в этом зале — герои. Вы мне верите? Хотя бы потому, что они — здесь. Никто из нас не прятался за чужими спинами...

— Ну а вы? Почему вы? В чем ваше несчастье?

— Мое? — Джокт грустно усмехнулся. — Ваш друг, он верно все сказал. Я потерял сердце в бою с Бессмертными. Мое имя — Джокт, хотя вам оно ни о чем теперь не скажет. Мой корабль назывался «Витраж». Это одноместный истребитель, который рано или поздно должен был стартовать в преисподнюю. Правда, при этом мы забираем с собой немало могильщиков... А теперь я нахожусь здесь и слушаю по ночам, как за стенами Пантеона справляются кошачьи свадьбы...

— Джокт... «Витраж»... — будто пробуя слова на вкус, произнесла девушка.

— От вас пахнет розой. Какое счастье, что этот запах сильнее, чем самые дорогие духи. И вы смогли невольно сделать всем нам большой подарок, напомнив, что мы — воины! Что прожили не зря и должны умереть так же, как уже умирали однажды — с верою в жизнь... А теперь уходите. Вам еще предстоит быть израненной шипами розы по имени Жизнь. Тогда вспоминайте о нас, и пусть станет легче...

— Джокт... «Витраж»... розы, — повторяла она, когда толстяк все-таки ухватил ее за руки и буквально вынес из Пантеона, воспользовавшись слабостью оператора, ушедшего утирать глаза.

— До свидания!

— Прощайте... — неслышно сказал он ей вслед.

Ему оставалось жить чуть больше суток.

Пролог второй

Существуют вещи, которые нельзя потрогать руками. Например, время, энергия, эмоции и мысли. Бег времени, истечение энергии — порождения процесса эволюции Вселенной. Тонкая материя мыслей и чувств — развитие жизни. Но для всего должна существовать точка отсчета, момент, когда был запущен невероятно сложный механизм всех эволюций. Нулевой момент.

Наверное, его искали, ищут и будут искать по той простой причине, что очень тяжело, вернее — невозможно представить себе Вечность и Бесконечность. Еще этому способствует открытие красного

смещения и реликтовых тепловых излучений, потому что и то и другое так и подталкивает найти тот нулевой момент, после которого началось разбегание вещества и течение времени.

Классическая модель Большого Взрыва, разработанная в Солнечной, позже видоизмененная в Инфляционную модель развития Вселенной, так или иначе указывала, что все началось примерно двадцать три миллиарда лет назад.

Пройдя путь от сингулярности (ее можно назвать нулевой пространственностью) до эры вещества за десять тысяч лет, Вселенная потом долго и упорно обустраивалась некими Протогалактиками. О звездах, тем более о планетах и их обитателях, тогда и речи не шло. Первые звезды появились через четыре миллиарда лет после нулевого момента, девятнадцать миллиардов лет назад. Но и тогда Солнечная была, что называется, только в проекте, впрочем, как и подавляющее большинство планетарных систем. А приблизительная дата ее рождения — семь с половиной миллиардов лет до изобретения телевидения и запуска первых орбитальных спутников.

Если обращать больше внимания на Землю как на колыбель человеческой цивилизации и отмечать основные моменты ее жизни, то и здесь — цифры с бесконечными рядами нулей. Потому что первые микроорганизмы образовались на Земле ни много ни мало — шесть миллиардов лет назад...

Как и всякая другая модель, теория Большого Взрыва, или Инфляционная, то есть теория падения, допускающая, что до наступления нулевого момента происходили некоторые пока непознаваемые процессы, приведшие к Большому Взрыву, — все это может оказаться ошибочным. Не зря ведь существуют и другие теории. Например, модель Стационарной Вселенной: все было, есть и будет, но даже Вечности и Бесконечности не чужды перемены. Или теория Эддингтона — Леметра: Вселенная — Большое Яйцо, за скорлупой которого — великое Ничто и безвременное Никогда.

К счастью, после совершения Единого Акта Отречения от Веры ученый корпус больше не искал наиболее легких путей, уносясь, в случае неудачных исследований, навстречу простому и всеобъемлющему облачно-пуховому догматизму Божественного Творения, довлевшего над человечеством множество веков. Тем более если задуматься, теория Божественного Творения — всего лишь персонификация того же Большого Взрыва. Сначала не было ничего, потом появилось что-то, а чаще — кто-то, и вот тогда стало все!

Морально устаревшая попытка указать появление высшего сознания в качестве исходной точки для всеобщей эволюции Все-

ленной, не более. Урбанизированное общество Солнечной легко рассталось с догматизмом. К тому же элита цивилизации, клан хайменов (и это уже не секрет) больше не нуждался в спекуляции верой для управления обществом. Поэтому самыми перспективными остались различные вариации теорий на тему Большого Взрыва.

Ученые не случайно обращались к пересчетам этапов общей эволюции именно сейчас, когда война с Бессмертными — не стучалась, нет! — уже вышибала все двери! Дело в том, что существует и другая шкала, более наглядная. Условный календарь, пригодный для актуального прогноза уровня развития врага. Это очень просто...

Если принять время существования Вселенной за один земной год, начав его отсчет с нулевого момента, то картина получится следующая.

Одиннадцать месяцев в этом условном году на Земле вообще не происходило ничего интересного. Да и сама Земля появилась лишь в начале девятого месяца. Не правда ли, символичное совпадение?

Потом все пришло в движение. Завертелось, начало преобразовываться, делиться, размножаться, плавать, ползать, летать, цвести. И вообще, покатилось, как снежный ком.

Под самый конец года, 31 декабря, в десять часов вечера, на Земле появились первые люди. И были общинно-родовые эпохи, племена, питекантропы и неандертальцы. За полторы-две минуты до начала войны с Бессмертными в мир вошел Человек Разумный.

Вот только первые черви, по крайней мере на Земле, появились почти месяц назад по этому же календарю...

— Я — свой! Я — свой! — кричала его бортовая аппаратура. — Не атаковать! Я — свой...

И тысячи участников группы прорыва ждали сейчас, затаив дыхание, — что же произойдет? Опознают ли Бессмертные линкор, потерянный когда-то в бою и захваченный абордажной командой штурмовиков Космической Пехоты?

Казалось, в Прилив входит маленькая Луна, — правая часть линкора, кое-как залатанная техническими службами, напоминала шершавократерную поверхность безжизненного небесного тела, сплошь покрытого шрамами. Рядом с линкором, едва заметный благодаря своим маленьким размерам, крошечной точкой на фоне массивного трофейного звездолета, шел корабль радиоэлектронной поддержки. Он-то и подавал непрекращающиеся сигналы, транслируемые затем мощной станцией связи линкора. Офицеры-радиоэлектронщики на

«Обманщике», так назывался корабль РЭП, напряженно всматривались в экраны дешифровальных установок, ожидая как чуда хоть какого-нибудь ответного сигнала Бессмертных.

Позади этой странной пары корявили изображение созвездий прикрытые полями искажения шесть ударных отрядов. По два линкора, двадцать крейсерских звездолетов, тридцатка истребителей плюс четыре средних транспорта, несущие штурмовиков и бронетехнику, а также несколько вспомогательных звездолетов входили в состав каждого отряда. В идеале, если бы уловка сработала и все шесть отрядов смогли благополучно выйти из Прилива, за ними была готова стартовать вторая волна — двадцать линкоров, до полусотни тяжелых крейсеров прорыва, несколько инженерных станций, способных длительное время генерировать мощные гравитационные экраны, парочка больших транспортов, несущих каждый по штурмовому полку полного состава, и пять тридцаток истребителей. Операция «Троянский конь» началась!

Группа Гонзы, куда входил Джокт со своими ведомыми, находилась в составе третьего ударного отряда. Кроме этого, отряду была придана базовая станция истребителей, напоминающая огромное колесо, у которого каждая ступица оканчивалась зафиксированным в гравитационном захвате и готовым к старту истребителем дистанционно-управляемой группы — ДУГи. В центре станции-колеса размещался пункт управления, и операторы ДУГи заняли места в индивидуальных капсулах, готовясь начать свою Игру.

Никаких переговоров, ни единого кодированного сообщения. Чтобы не выдать приближения всей армады кораблей, были заблокированы даже функциональные каналы автоматической связи между звездолетами группы. Только звезды, кое-где затуманенные, «поплывшие», когда их свет оказывался тронут искажающими оптику массированными полями прикрытия, только извечная трескотня эфира — реликтовый фон и голоса далеких квазаров — квазизвездных радиоисточников, чья мощность излучения в радиодиапазоне превышала совокупную мощность излучения целой галактики... Следы движков каждого звездолета частично скрадывались особым рабочим режимом, частично растворялись в невидимой замкнутой сфере, воспроизводимой инженерными станциями. Это все напоминало движение бесцветных мыльных пузырей, внутри которых затаилось по отряду. Огромных пузырей, объемом сопоставимых с какой-нибудь малой планетой. Никакого активного энергетического и гравитационного сканирования. Бездействовали даже лазерные дальномеры, поэтому на первой стадии

операции приходилось опасаться больше столкновения со своими же звездолетами, чем атаки Бессмертных.

Звезда-гигант, о которой сообщил по прибытии из последнего рейда Джокт, представляла собой отдельную опасность. И неизвестно еще, как бы отреагировала она на вторжение не единичного истребителя, а целого флота Солнечной. Единственное, что утешало, — это единодушное решение специалистов-астрофизиков о невозможности быстрого разгона внутренних процессов, происходящих в фотосфере звезды. Иначе говоря — если даже Бессмертные захотели бы уничтожить флот Солнечной (а заодно едва ли не сотню оперативных квадратов пространства), превратив красный гигант в Новую, мгновенно им это не удастся. Как не удастся в течение ближайшего столетия. Обладай они такими возможностями, — вся их война с Солнечной оказалась бы каким-то фарсом, безумием, нелогичной тратой времени. Для противника намного проще было бы разом уничтожить все форпосты, а потом, как выразился Балу, — «просто заплевать всю Солнечную».

— Я — свой! Не атаковать! Я — свой!

Наконец линкор с «Обманщиком», словно гигантская акула — мегалодон с присосавшейся рыбкой-прилипалой, вошли в Прилив. Следом за ними скользнула отдельная группа — десять крейсеров, лишенных экипажей и идущих в автоматическом полетном режиме. Корабли-мишени, на случай, если что-то пойдет не так. Вместо торпед и прочего оружия эти крейсеры были упакованы Имитаторами цели — Имами и гравитационными ловушками, которые, все до единой, должны были быть сброшены сразу же после предполагаемой атаки. Тогда, по замыслу тактического управления, у боевых отрядов оставалось время на продвижение в глубь звездной системы с домашней планетой Бессмертных, — к следующей приливной точке. А средства противодействия, выпущенные автоматикой группы полностью роботизированных крейсеров, нейтрализовали бы автономные торпедоносцы врага, дислокация которых была уже известна благодаря прорыву Джокта.

К слову, линкор Бессмертных, только что исчезнувший в Приливе, тоже шел без какого-нибудь экипажа, управляемый с навигационного поста «Обманщика». Однако управление достигалось не за счет дистанционных РЭ-команд, а допотопным методом — посредством защищенной кабельной связи. Надежно экранированная нить — всего полтора миллиметра в поперечнике — и еще одна, точно такая же, дублирующая, протянулись от корабля РЭП к покорному вражескому звездолету. В случае успеха операции линкор был подготовлен

к выполнению функции планетарной станции. То есть переделан под миниатюрную базу для штурмовых отрядов, собирающихся осуществить высадку на поверхность планеты. Поэтому если наружная обшивка линкора подвергалась лишь грубому латанию, то внутри была проведена основательная работа. Лазарет на тысячу двести мест, регенеративный центр, опреснительные установки, а также командный пункт с мощными тактическими вычислителями и антеннами связи. Все остальное пространство линкора занимали композитные материалы, выполняющие роль дополнительной защиты.

С момента, когда Джокту удалось побывать рядом с домашней планетой Бессмертных, прошло два месяца. Срок достаточный, чтобы враг успел подготовиться к вторжению. Но тем не менее иного выхода командование КС не нашло. Сторонники немедленной атаки остались в меньшинстве. Вместо этого было проведено тактическое отступление, при котором пришлось даже оставить пять оперативных квадратов, основательно блокировав все прилегающие приливные точки. Наличие возле обнаруженной планеты лишь небольшого, по меркам орбитальной обороны, линейного флота (а тактический анализатор истребителя успел тогда зафиксировать десять линкоров, один из которых мог оказаться если и не уничтожен, то достаточно сильно поврежден маневром истребителя ДУГи) позволяло предполагать, что враг подтянет и другие силы. Так что немедленная атака могла обернуться поражением любого флота Солнечной, который посмел бы пройти Серым Приливом к планете Бессмертных. Опять же — управляемая звезда, прицельно плюющаяся убийственным излучением. Кто знал, каковы были возможности врага в применении этого грандиозного оружия? Ведь точечные удары по мечущемуся одиночному истребителю — это одно дело, другое — сплошной фон излучения, который окажется направленным в сторону Прилива, когда из него начнут появляться корабли Солнечной.

В том, что Бессмертные решатся на такой удар, сомневаться не приходилось. Поэтому и шел во главе строя трофейный линкор. И кричал на открытой волне, используя доступные техническим службам частоты Бессмертных:

— Я — свой! Не атаковать!

А следом плыли гигантские мыльные пузыри с готовыми к атаке звездолетами...

За два месяца были осуществлены и другие специальные мероприятия. Такие, например, как имитация штурма оперативного ква-

драта, в котором находился вход в Серый Прилив. Штурм — в лоб! Но, как и предполагалось, все атаки землян оказались отбиты. Причем не только и не столько из-за отсутствия приказа о прорыве к планете, — такой приказ мог быть отдан лишь после достижения значительных успехов в первой фазе операции. Нет, не в приказе дело. Пройти не удалось именно из-за противодействия со стороны противника. Поэтому весь сектор оказался начинен останками погибших звездолетов: земных и вражеских. Прилив, ведущий в этот сектор, теперь был заблокирован с обеих сторон.

На самом деле основной задачей имитации штурма являлось, помимо собственно попытки прорыва, обнаружение «черного входа» в этот же сектор. И таковой был найден — в двух световых днях. Сто пятьдесят часов подлетного времени, с учетом необходимости маскировки и малой скорости инженерных станций.

Сейчас, по прошествии двух месяцев, через «черный вход» в сектор пробралась группа кораблей, которые деблокировали приливную точку, обеспечивающую путь к планете. Контролирующие блокаду звездолеты врага — десять крейсеров и линкор Бессмертных, — по словам командира деблокирующей группы, «даже чавкнуть не успели»... Залп, — практически в упор! — произведенный двадцаткой мониторов, образовал буйный водоворот, гравитационное завихрение, там, где только что располагались вражеские корабли. Заодно было обкатано новое оружие Солнечной, те самые прикрывающие поля, генерируемые инженерными станциями. Это что касается эффекта неожиданности...

Еще двумя днями раньше весь линейный флот Крепости «Европа» вышел в атаку на противостоящую группировку Бессмертных. Вот здесь успех оказался более чем внушительным, и дрогнувший противник немедленно направил к месту схватки дополнительные силы — сразу тридцать линкоров. По данным аналитической службы, несколько из вновь прибывших кораблей могли оказаться как раз из состава прикрытия обнаруженной планеты. Итого — сразу два эффекта. Неожиданность и временное ослабление сил противника в квадрате подготавливаемого удара.

— Я — свой! Не атаковать! Я — свой! — вновь появился сигнал.

И это означало, что трофейный линкор вместе с «Обманщиком» вышли из Прилива.

Глава 1

Два месяца — достаточный срок, чтобы в жизни произошли какие-то перемены. Война — не в счет. Она лишь ускоритель событий. К тому же ни один из своих вылетов Джокт не мог назвать рутинной работой. Усталость, будто расплата за сверхъестественные возможности, цепко хватала пилотов сразу после возвращения из рейдов. По счастью, этой усталости пока не удавалось перерасти в апатию ко всему остальному. И любые события, происходящие с Джоктом или с его друзьями, по-прежнему вызывали у него интерес к жизни.

Во-первых, значимым событием он считал разговор, произошедший с полковником Бар Аароном. На самом деле это была всего лишь первая попытка, разведка боем, как назвал произошедшее Джокт, но ведь должен он был хотя бы попробовать!

Психиатр долго и размеренно кивал в такт словам Джокта, пока тот вел свою речь, а потом огорошил довольно неприятной репликой:

— То есть ты хочешь склонить меня к совершению преступления?

Джокт заморгал, услышав такие слова.

— П-почему — к преступлению?

— Потому что Каталина — пилот Вирт-команды и, следовательно, является полноценным солдатом своего подразделения. А ты просишь, чтобы я превратил ее в неполноценного Вирт-пилота. Понимаешь?

Попросив помощи в выведении Лины, Великой Мамбы, из-под патологической зависимости от Игры, Джокт даже не предполагал о наличии иных аспектов. Теперь же он видел, что ответ полковника вполне логичен. Более того, является единственно правильным ответом.

Ведь действительно, как только Каталина (Лина, продолжал он называть ее про себя) поймет, что существует другая реальность, и, более того, соприкоснется с этой реальностью, научится ее ощущать и отличать от Игры, она перестанет быть Великой Мамбой.

— Ощущение ответственности за свои действия не позволит ей дальше продолжать участвовать в сражениях. И вполне может привести к гибели действительных пилотов. К твоей, например, гибели. Неужели ты не задумывался над этим?

— Я... я думал, она сможет продолжать свою работу и в то же время станет полноценным человеком, перестанет быть сомнамбулой, которую нужно водить в туалет и кормить из трубки...

— Не сможет, Джокт. Она не сможет продолжить... Дело ведь не в том, что всем этим юношам и девушкам удалось наловчиться быстрее всех орудовать джойстиком. Речь идет о серьезных изменениях структуры мыслительного процесса. Знаешь, психологи часто приводят пример такого самовнушения, когда у человека получается вызвать волдыри на коже простым прикосновением карандаша. Этот человек просто внушил себе, что карандаш на самом деле является зажженной сигаретой. Или вот тебе пример попроще: люди с неуравновешенной психикой способны блокировать работу внутренних органов. Для них эмоциональное напряжение оказывается настолько велико, что желчный пузырь, например, начинает работать не в такт, сбивается дыхание, изменяется сердечный ритм, скачет давление... Но это все — частные случаи. Инфонаркомания — не просто страсть к играм и синдром «ленивого человека». Тут все сложнее... Можно сказать, они сами умудрились произвести начальную модификацию сознания. То, что с вами проделывали путем медицинских вмешательств... Плата за такие изменения — полное выпадение из реальности.

— Так что же получается? Каталине уже никогда не стать нормальным человеком?

— Я этого не утверждал, — смягчил только что сказанное полковник, — я говорю о том, что сейчас ей не нужно становиться нормальным человеком. Как ни странно, но для той работы, которой она занимается, ее состояние ненормальности и есть единственно нормальное. Ничего загнул, а?

Увидев, насколько оказался огорчен его отказом Джокт, Бар Аарон попытался его отвлечь.

— Да не печалься ты так! Рано или поздно проблема информационной наркомании все равно будет решена. Просто сейчас не время... К тому же после оснащения флота дистанционно

управляемыми истребителями твоей девушке почти не грозят никакие опасности...

— Она не моя девушка! — живо отреагировал Джокт.

— Это ты кому хочешь рассказывай, только не мне. Зачем тогда именно ее ты хочешь увидеть нормальным, полноценным человеком? Вернее, чтобы не получилось, будто я сам себе противоречу, — хочешь увидеть ее неполноценным пилотом Вирт-команды? Насколько я знаю, Каталина не единственная девчонка, есть и другие...

Крыть было нечем, Джокт из-за этого только разозлился.

— Хорошо! Вы правы! Я бы очень хотел завести знакомство с Каталиной. Но невозможно встречаться с сумасшедшей куклой, для которой значение имеет только ее Игра, и ничего больше!

— Гхм-м, — протянул медик, — то ты пытаешься сблизиться с певицей, то тебе нужна инфонаркоманка... Какая-то плохая у тебя карма, Джокт.

— Чего-чего?

— Ничего, это я так, о своем... Зачем оно тебе нужно, ты можешь мне объяснить?

Джокт поморщился, с силой потерев щеку. Как всегда, полковнику удалось попасть, что называется, не в бровь, а в глаз. И никакого вразумительного объяснения у Джокта не имелось. Ну в самом деле, смешно рассказывать человеку, который намного старше тебя, о каких-то странных фантазиях, о стыде, что вгоняет в краску, о неожиданном желании — когда он увидел ее длинные ноги. Смешно и неправильно. Неправильно и глупо. Глупо и ...

Полковник, заметив, что заставил Джокта испытать смущение, прервал его мысли.

— Давай представь себе на минуту, что каким-то чудесным образом Каталина излечилась. Не будем сейчас думать о последствиях для службы... Стала нормальной, забыла, что была пилотом... Уверен ли ты, что она сама захочет с тобой знакомиться? Вполне возможно, ее привлекают совсем другие мужчины. Коренастые, широкоплечие, рыжеволосые... Тут недавно заходил ко мне один сержант — как раз такой... Рыжий, квадратный, с голубыми глазами...

Джокт вздрогнул как от удара. Потому что знал этого сержанта. Тогда пришлось вызвать Балу, так как сам Джокт не был уверен, что сможет справиться с сержантом в одиночку. Вернее — он был полностью уверен, что справиться не сможет... А сержант как раз заканчивал вскрывать замок на двери Каталины...

Случись Джокту отсутствовать в это время — он даже ничего не узнал бы. И штурмовик, наплевав на возможность нормального обще-

ния, чего так недоставало Джокту, и беззащитное состояние девочки-пилота, свел бы с ней знакомство, что называется, вплотную.

К счастью, группа истребителей только-только вернулась из рейда, и Джокт услышал мелодичные переливы электронного раскодировщика, которым рыжеволосый сержант пытался открыть замок. Еще к счастью — Балу вовремя прибежал на палубу, откликнувшись на вызов. Иначе Джокту пришлось бы вступить в безнадежную схватку со штурмовиком. Навряд ли, как он признался потом Балу, ему хватило бы смелости использовать оружие и стрелять на поражение. Потому что любой предупредительный выстрел из «Клинча», и даже выстрел в руку или в ногу, не остановил бы сержанта.

Балу вырубил любителя клубнички только с третьего удара.

— Силен, бык! — изумился майор, потирая отбитую ладонь. — Наверное, из кинематической артиллерии. Там все такие...

— Почему? — Джокт поинтересовался больше для того, чтобы Балу не обратил внимания на его дрожащие руки, — Я думал, участники штурмовых групп — самые-самые...

— После нескольких залпов автоматика часто отказывает. И тогда приходится подавать заряды вручную, — пояснил Балу, — каждая болванка — сто двадцать килограммов...

Похоже, он все-таки заметил, как дрожат руки у Джокта, но вида не подал...

Теперь Джокту пришлось еще сильнее тереть щеки, чтобы отогнать неприятное воспоминание. А Бар Аарон продолжил:

— Еще, вполне может случиться, после излечения у нее появится антипатия к играм. И, естественно, ко всякому антуражу этих игр. Во что там они играют? Ах, в «Зигзаг-52», конечно же! Замечательно! Да ей будет противно даже смотреть на форму пилота, не говоря уже о большем. А ты ведь большего хочешь, не так ли, мой друг?

Джокт хотел большего. Для него стало пыткой даже просто смотреть, как несколько раз в день мимо его каюты проходят «медики-няньки». Ведь он отлично знал, что происходит потом в каюте Каталины... Рывком стянутые брюки, движения марионетки и кукловод — вот он, рядом! Упаковка чипсов и бокал питательной дряни...

Самое страшное, как казалось Джокту, это то, что медики перестали краснеть, исполняя обязанности нянек. Перестали краснеть и перестали видеть в инфонаркоманах своих пациентов. Чем могли закончиться такие обходы? И чем тот же Хенс, молодой второй лейтенант медицинской службы, который когда-то и познакомил Джокта с Каталиной, лучше рыжего сержанта?

Джокт знал, как это называется. Ревность! Знал и то, что персоналу, обслуживающему Вирт-команду, запрещены любые действия сексуального характера в отношении подопечных. Знал, но все равно ревновал. Что могут означать подобные запреты здесь, в Крепости?

А сколько раз он представлял себя на месте Хенса? Сколько раз мысленно снимал с Каталины одежду, оказываясь лицом рядом с ее коленями! Но рассказать все это Бар Аарону ему не хватало духу.

К счастью, полковнику и так все было ясно. Иначе разговор мог закончиться гораздо раньше.

— Вот что, Джокт. Не нужно ничего объяснять, я вполне понимаю, что тобой движет. И даже восхищен этим альтруизмом. Боюсь, однако, мне не удастся все обставить даже как медицинские изыскания. Например, для обнаружения эффективных путей излечения человеческой болезни, каковой и является инфонаркомания. Попытаться сделать что-нибудь самому — тоже не советую. Будет только хуже. Повторюсь — сейчас не время. Думаю, никто не поймет движение твоей души. Ты уж поверь, но все обстоит именно так: попытайся я помочь Каталине, меня тут же потащат в особый отдел. Кстати, как там твой знакомый особист поживает?

Разговор ушел в другое русло, и все, что оставалось Джокту, это виртуальное общение с Каталиной во время сетевых игр.

«Великая Мамба вызывает Питона Джокта!» — так теперь начиналась для Джокта каждая вторая ночь.

«Было приятно с тобой летать!» — так она заканчивалась. С одним лишь уточнением: перед словом «приятно» появилось еще одно слово.

Очень. Приятно. С тобой. Летать...

Пусть это всего лишь свойство фантазии, но для Джокта это слово звучало едва ли не как признание в любви.

Вторым важным событием после осознания влечения к Каталине и неудачной, к сожалению, попытки ей помочь, для Джокта стал специальный тест-маджонг.

Если раньше ему удавалось справляться с любыми запутанными комбинациями фишек, выкладываемых маджонг-автоматом, то на этот раз задача ставилась несколько иная. Теперь фишки маджонга превратились во что-то другое, в инструмент, позволяющий определить не только индивидуальные возможности пилотов, но и их способность воспринимать ход мыслей друг друга. Делалось это просто...

Когда-то давно, насколько успел узнать Джокт, когда человечество еще только-только делало первые шаги в космосе и осваивало орбиту Земли, существовало множество поразительно несложных тестов для подборки экипажей космического корабля. На прежних орбитальных станциях космонавтам доводилось проводить длительное время в некомфортных условиях. Чего стоила одна только гравитация, вернее — ее отсутствие, когда кровь равномерно приливала ко всем участкам тела. Явление, не предусмотренное природой человеческого организма. И чтобы вынести такое состояние, участники полетов были вынуждены проводить бесчисленные тренировки на специальных тренажерах, отдавая этому занятию множество времени.

Потом — психологический стресс. Ведь особенностью орбитальных станций являлась их лишь относительная надежность. Тогда еще не существовало защиты от всепроникающих микрочастиц. После возврата с орбиты можно было обнаружить при помощи увеличительной техники деформацию поверхности скафандров. Фактически каждый из космонавтов (если указывать точнее — ткани их тела на молекулярном уровне) подвергался во время полета постоянному обстрелу невидимыми частицами, где каждое «ранение» являлось проникающим. Белые вспышки перед глазами во время полета, приступы недомогания, если полет продолжался длительное время, — это лишь осязаемые последствия попадания микрочастиц.

По сравнению с современными межзвездными перелетами космонавты начальной эпохи освоения космоса выглядели крайне выносливыми людьми. Выносливыми во всем: от способностей выдерживать огромные физические нагрузки (без всяких модификаций!) до невероятной эмоциональной устойчивости. Каково им было там, в тесных переходах орбитальных станций? Каково им было осознавать, что защита от метеоритов и микрочастиц — эфемерна? И любой крохотный предмет, даже затвердевшая чешуйка краски с другой станции, способен прошить их корабль насквозь... А ведь, кроме этого, прежде чем оказаться на орбите, им нужно было пройти стадию подъема, когда прямо под ногами у них висела огромная бомба с топливом! Взлетать приходилось, что называется, верхом на пуле.

Еще. Что может быть милее и желаннее для военного астронавта, чем возврат на базу? Когда все трудности и опасности позади, полетное задание выполнено, движки не вгрызаются ультразвуком в мозг во время критических режимов работы, а пляска огней на экранах угасает, угасает, угасает, что позволяет впервые за множество минут сморгнуть. Когда-то все было не так. Возврат на Землю являлся самым ответственным, самым рискованным этапом полета.

Спускаемые капсулы трепало в объятиях атмосферы. Языки плазмы облизывали их со всех сторон, заставляя обугливаться внешнюю обшивку. Вибрация могла оказаться настолько сильной, что едва не крошились зубы... Но было еще кое-что.

Совместимость!

Каждый из космонавтов сам по себе мог являться сверхчеловеком, — причем в буквальном смысле. Выносить огромные перегрузки, справляться с большим количеством стрессовых ситуаций. А вот вместе, при проведении полета в составе экипажа, они могли оказаться слабее. Ведь каждый час, едва ли не каждая минута на орбите — ответственный труд. Это потом уже, с развитием космического туризма, на орбитальных станциях стали появляться состоятельные бездельники, которые только делали вид, что чем-то заняты. Экипаж всегда должен работать как часы. А в часовом механизме, как известно, даже шестерни делаются из одного металла. Вывод — экипаж должен быть сплоченным. Не только в силу приказа, но и в силу естественных причин. Иными словами, космонавты должны были подходить один другому лучше, чем самые образцовые друзья. Они Должны Быть Совместимы. Не желать уединения друг от друга. Суметь вытерпеть друг друга, ведь все мы разные, и материя человеческих отношений весьма тонка — тоньше, чем нанопленка! Месяц непрерывной работы в замкнутом, сильно ограниченном по площади пространстве, под грохот вентиляции да еще в непрекращающейся борьбе с подсознанием, когда кажется, что звезды уже говорят: «Ты наш! Второй посадочный не раскроется! В капсуле случится декомпрессия! И вообще, вас снесет, вы сядете прямо в кратер действующего вулкана Санторин...» Весь этот месяц нужно верить не только в себя, но и в того, кто рядом.

В годы орбитальных полетов экипажи, которые планировалось отправить в космос на одну-две недели, должны были проходить совместную подготовку около полугода. Если срок нахождения на орбите достигал одного-двух месяцев, подготовка велась не меньше года. А на случай длительного полета, сроком до года, время подготовки занимало больше двух лет. И уже тогда актуальным являлся вопрос лидерства и подчинения. Особенно для небольших, в два-три человека экипажей. Ведь в большом экипаже увеличиваются шансы найти «родственную душу». Да и проще складываются отношения подчинения. Вот у двух космонавтов, находящихся даже десять суток на орбите на станции, таких шансов уже не было. Вариант «два паука в одной банке» мог привести к срыву полетного задания и катастрофе, не говоря уже о сумасшедших затратах, пущенных на ветер. Ведь

тогда, столетия назад, при составлении бюджета орбитальной экспедиции, учитывали каждую минуту полетного времени!

Кстати, первые орбитальные станции почему-то носили название пилотируемых. Хотя, учитывая крайне ограниченные возможности маневрирования, им больше подходило прилагательное «обитаемые»... Но даже в то время профессия космонавта являлась более чем почетной.

Естественно, каждый из кандидатов в отряд космонавтов вольно или невольно пытался скрыть собственные недостатки, многим это удавалось. Почти удавалось. Все недостатки проявлялись уже потом, когда отошли разгонные ступени и станция выведена на орбиту. Результат — несколько потерянных дорогостоящих спутников, поврежденная станция, незавершенные эксперименты. Поэтому бывали, оказывается, даже такие случаи, когда в последний день предполетной подготовки обоих членов экипажа снимали с программы, назначая на их место дублеров, которые сумели больше притереться и поладить между собой, понимая друг друга с полуслова.

Но какими бы ухищрениями ни пользовался человек, существует огромное множество неконтролируемых реакций тела, которые расскажут о человеке больше, чем он сам о себе знает. Используя знание этих реакций, группа психологов, формировавшая экипажи, и делала свои заключения. А методы оказались настолько просты, что Джокт чуть не рассмеялся над словами инструктора-психолога, рассказывавшего эту предысторию.

— Всего-то? Сложить руки на груди? — Даже Барон не удержался от скептицизма.

— Всего-то... Попробуйте! Только одновременно... Ну, скажем, с вашим временным лидером. Готовы?

Барон кивнул, Джокт тоже. В следующую секунду они сложили руки на груди, крест-накрест, как и показал инструктор.

— Та-ак! — Психолог довольно ухмыльнулся, не торопясь пока с разъяснениями. — А теперь просто похлопайте, будто вы на концерте. Можете это сделать громко...

И Барон, и Джокт воспользовались советом, несколько раз звонко хлопнув в ладоши. Пока все казалось им игрой. Причем каждый старался сделать это громче другого, почему-то решив, что в громкости и силе хлопков кроется какой-то загадочный показатель. Величина, способная выдать некоторую информацию. Конечно же, они ошибались.

— Все, все! Молодцы. Из-за вас в ушах зазвенело... Хватит, я сказал! Лучше с последним хлопком сцепите ладони... Очень

хорошо... Превентивная проверка окончена, и я уже готов дать рекомендации. Хотите услышать?

Еще бы! Вокруг Джокта с Бароном собралась остальная группа, все тридцать пилотов, которых вот-вот должны были развести по-новому в тройки, указав каждому его маленькую судьбу — быть лидером или ведомым.

Теперь молодые пилоты уже знали, что никаких особых привилегий лидерство в тройке не дает, за тем лишь исключением, что ведомые должны беспрекословно следовать за лидером, а лидер — избирать направление атаки. Но в остальном это положение не сказывалось ни на служебном росте, ни на признании какой-то вторичности ведомых по сравнению с лидерами. Просто в регулярных флотских подразделениях основной боевой единицей считалась именно тройка, а не одиночный «Зигзаг». И в этой тройке каждый должен находиться на своем месте. В остальном... Психология — туманная наука. В смысле, для всех, кроме специалистов, ее положения — сплошной туман. Не всегда самые рискованные и одаренные пилоты, с полным набором открывшихся после модификаций возможностей и способностей, становились лидерами. И наоборот — командирами крупных флотских соединений впоследствии чаще становились именно ведомые. Их работа позволяла, как ни странно, накопить чуть больше опыта, поскольку, пока лидер принимал решение за решением, ведомым доставалось больше времени на анализ. Ошибки — они ведь со стороны всегда виднее. Да и советы легче давать со стороны... Возвратившись в Крепость после выполнения полетных заданий, ведомые иногда выдавали более четкую, чем лидер, картину произошедших во время вылета событий. Естественно, при командовании, например, тридцаткой, это могло сослужить хорошую службу. К слову, майор Гонза пять лет летал в ведомых, а затем стал командиром тридцатки истребителей.

— Смотрите, что у нас получилось! — начал инструктор. — Когда вы скрестили руки, у Джокта сверху легла правая рука, а у Барона — левая.

И Барон, и Джокт, да и все остальные тут же повторили жест, заново сложив на груди руки и отмечая, какая именно рука легла сверху. Получилось — у двадцати двух человек, и у Джокта в том числе, сверху оказалась правая рука, у восьми оставшихся, включая Барона, — левая. Джокт попытался сделать все наоборот, но тут же почувствовал разницу.

— Невозможно обмануть самого себя, — прокомментировал эти попытки инструктор. — И дело вовсе не в пространственной ориен-

тации и доминировании разных мозговых полушарий. Левша или правша — тут не играет никакой роли. Дальше...

Дальше оказалось, что при хлопках и Джокт и Барон одновременно делали основной замах правой рукой.

— Тут вы совпали, — прокомментировал инструктор, — но вот рукопожатие с самим собой, последовавшее за хлопками, снова выявило разницу. У Джокта сверху ложился большой палец правой руки. У Барона — левой.

— И что все это означает? — Хлопки и рукопожатия получились разными и у остальных пилотов. Само собой, всех их теперь заинтересовала интерпретация теста.

— Это говорит сразу о многом. Например, о том, что Джокт и Барон не должны находиться в составе одной тройки...

— Как? Почему? — вырвалось одновременно у Джокта, Барона и даже Гавайца.

— Вот так и потому! — ответил сразу на оба вопроса инструктор. — Можете считать это официальным заключением. А к нему я прихожу потому, что рано или поздно возникнет ситуация, когда вам лучше не находиться в одной тройке. Модель, конечно, теоретическая, но... Кстати, — добавил он, обращаясь уже ко всем пилотам, — не пытайтесь что-то изменить. Я понимаю, всем вам не хочется расставаться с товарищами и вы готовы пойти на обман, спешно тренируясь в хлопках и рукопожатиях... Напрасный труд. Все, что происходило только что в кубрике, записано на видеочипы. Уже через час я буду знать — кому и с кем нельзя оставаться в одной тройке.

Возникла пауза, и каждый из пилотов смог прочувствовать определенную долю подлости, присутствующую в тестировании.

— Поймите! — увидев недовольство сразу в тридцати взглядах, направленных на него, поспешил оправдаться инструктор. — Мы не стремимся развести все тройки! Но точно так же не стремимся сохранить и уже создавшиеся. Для Солнечной и для Крепости важен только один вопрос — эффективность каждой тройки в любой возможной ситуации... И спорить со мной бессмысленно, и осуждать несправедливо. Потому что все через это проходят. Вы уж поверьте мне на слово, будет только лучше.

Вряд ли слова инструктора вызвали у кого-то понимание. Все были возмущены фокусом с тайной видеосъемкой.

— Джокт! — Неожиданно инструктор ткнул пальцем в грудь пилоту. Вернее, попытался это сделать, потому что тот отклонился ровно настолько, чтобы палец инструктора остановился меньше чем в сантиметре от ткани комбинезона. — Джокт! — повторил

инструктор. — Тебя никогда не посещали мысли, что из Барона может получиться неплохой лидер? Может быть, даже получше тебя?

Джокту даже не пришлось раздумывать, потому что он успел задать себе тот же вопрос, пытаясь найти объяснение только что полученному известию.

— Да, ком. И не однажды.

— Пилот Барон? Никогда не мечтали о том, чтобы самому вести тройку?

Барон отмолчался, но из отведенного в сторону взгляда ответ был понятен.

— Значит, мое заключение не должно вас удивлять. Вот так вот.

Гаваец, до сих пор молчавший, перебегал взглядом с Джокта на Барона и обратно, наблюдая, как они переваривают свалившееся несчастье. А после не выдержал и поинтересовался:

— А... Как же я? — Даже голос Гавайца показался сейчас каким-то измененным, чужим. Растерянность в его глазах плескалась сильней, чем у Джокта с Бароном. — Я-то уж точно никогда не желал быть лидером! И, черт возьми, не понимаю, почему должен расставаться с кем-нибудь из своих друзей только потому, что они неправильно машут руками. А может, у них сегодня просто такой день случился... Очень не хочу с кем-нибудь из них...

— Или с обоими сразу, — подкинул фразу психолог.

— Как? — Теперь Гаваец выглядел донельзя изумленным, с покрасневшим лицом и выпученными глазами он напоминал большого тюленя.

— Запросто. То, что вы никогда не стремились к лидерству в тройке, мне еще ни о чем не говорит. Только после тест-маджонга станет ясно — летать вам ведомым или лидером. Но даже если ведомым — стоит поискать ответ на вопрос: чьим ведомым? Кто будет для вас лидером? Джокт? Барон? Кто-то другой?

— О-о-о! — протянул Гаваец, запустив пятерню в короткий ежик на голове. — Почему весь этот цирк нужно было проводить именно сейчас? Почему — не раньше? Ведь нам позволили слетаться, а потом — как палкой по голове! Этот, слева, — больше не ведомый, а тот, другой, — уже не лидер, и вообще, лидером будет тот вот задохлик, который если чего-то и умеет, так это правильно хлопать в ладоши и скрещивать руки как положено... Мы вместе выходим на задания! Уже год! Неужели вы не понимаете? Вы бы вообще почаще меняли состав троек, дождались бы от пилотов благодарности...

— Да, как-то нелогично получается, — согласился Барон. — Если бы не сегодняшний тест, никто бы и не додумался разводить нас... Позвольте выразить несогласие с вашими выводами?

— Да-да! — Поняв, что это уже не шутки и все происходит на самом деле, Барона поддержал Джокт: — Мы подадим рапорт коменданту, и тогда...

— Не теряйте время понапрасну! — оборвал их инструктор. — Как вы думаете, я здесь по чьей воле нахожусь? По своей, что ли? Ага, дошло наконец-то! И имею от коменданта четкую инструкцию посылать всех несогласных в задницу. Понятно? Да и с чем вы не согласны? Не я хлопал за вас в ладоши... Так что комендант моего решения не отменит, вы же не оберетесь неприятностей, если будете досаждать ему с подобными просьбами. Обращайтесь лучше сразу в штаб Внешнекосмической обороны, на Землю. Там, по крайней мере, вам не накидают нарядов по службе. Надеюсь, вы догадываетесь, каков даже в этом случае будет ответ?

Молчал Барон, молчал Гаваец. Молчал и Джокт, представляя, как его рапорт ложится на стол гелиокомандора Бисмара.

— Знаете, что? — Теперь инструктор сам пошел в атаку: — Не нужно смотреть на меня волком! Не думаю, что вам стало бы приятней, если бы я оставил всех в неведении до окончания тестирования, а потом кто-то из ассистентов объявил тот же результат. Что скажете? Вот то-то! Не знаю, насколько это поможет лично вам, пилот Джокт. — Психолог снова попытался ткнуть пальцем, и снова это у него не получилось. — Но я бы хотел сказать, что подобная участь ожидает практически всех здесь собравшихся. Набрать минимальный боевой опыт, летая временными тройками, — это одно. А стать полностью автономной боевой тройкой, которой можно доверить любое задание, — совсем другое дело. Кстати, — теперь он обращался к Гавайцу, — ваше предложение о частой замене троек принимается! Можно считать, вы попали прямо в точку.

— То есть?

— Иногда что-то меняется в людях, вернее — что-то изменяет их. Кто-то приобретает новые качества, кто-то теряет... Раз в год ВСЕ пилоты теперь будут проходить тест-маджонг. Такое уже практиковалось раньше.

— И как успехи? — Пилотам оставалось только язвить.

— Редко кто из ведомых попадал в лидеры, еще реже — из лидеров в ведомые. Но состав троек изменялся почти наполовину. Почему — сами поймете со временем. Сейчас же, перед прохождением тест-маджонга, и пока обрабатывается информация с видеочипов,

не забивайте головы ненужными вопросами. Давайте, я лучше расскажу что-нибудь еще о непроизвольных реакциях и их связи с нашей сущностью...

И, не дожидаясь согласия, а больше — чтобы отвлечь пилотов от раздумий, инструктор пустился в экскурс по практической психологии. Мало-помалу в разговор вступили и пилоты...

Пусть этот разговор и оказался сумбурным, из тех, что забываются на следующий день, но все же он достиг своей цели. Через десять минут со всех сторон посыпались вопросы, и больше никто не заикался о несогласии с выводами инструктора. Вскоре, если ощущение несправедливости и осталось, вслух его никто не озвучил...

— А сила рукопожатия о чем-нибудь говорит? Если один человек сжимает руку другого со всей силы, то это значит...

— Это значит, что он более эгоистичен, чем собеседник. Еще, возможно, свидетельствует о гипертрофированном инстинкте собственника. Конечно, по одному этому жесту ничего не скажешь, здесь немалую роль играет и физическая сила. — Инструктор кивнул в сторону Гавайца. — Но все же в большинстве случаев такой жест делается умышленно и говорит скорее о плохом, чем о хорошем.

— Почему?

— Как вам сказать... Это в моем понимании... Одно дело — быть человеком честолюбивым, другое — стараться подавить любого другого человека. Это ведь атавизм чистейшей воды! Звери рычат, демонстрируют зубы, парнокопытные вскидывают рога, а люди... Наблюдения показывают, что такие «силачи», здороваясь с людьми, от которых в чем-то зависят, резко ослабляют хватку. Такая реакция не относится к неконтролируемым. Я называю — любить себя, любимого.

— А разве это не показатель жесткости характера?

— Возможно. Но еще может оказаться свидетельством простой жестокости. Между жесткостью и жестокостью граница, конечно, имеется. Но очень тонкая. Вы понимаете? И почему-то, чаще всего, такая жестокость вымещается на женщинах, уж простите за сентиментальность, но бывают... перегибы...

Пилоты понимали. Может быть, каждый по-своему.

— А имеет ли значение, на каком расстоянии от собеседника останавливаться во время разговора? Это тоже о чем-то говорит?

— Ну-у... Специалист различит сразу несколько случаев, и, если это не близкие друзья, чаще всего такое положение собеседника, когда он пытается буквально втиснуться в вашу кожу, должно за-

ставить сомневаться в его правдивости. Хотя общего заключения делать по этому признаку нельзя. Для тех, кто живет в густонаселенных районах, такая близость — норма. А вот, скажем, колонисты, которым пришлось осваивать обширные территории и жить обособленно друг от друга, те всегда при разговоре сохраняют дистанцию, стараясь находиться на расстоянии вытянутой руки. Присмотритесь сами: всегда можно отличить астронавтов линейного флота от пилотов истребителей. На линкорах ютятся в тесных помещениях, особенно капонирщики и расчетные группы, обоймами, вплотную друг возле друга. Вы же привыкли к простору. Простору и одиночеству. Все, что чуть больше вашего одиночества, — полетные тройки...

Так, постепенно, инструктор вернулся к основной теме разговора — о тестировании для формирования новых полетных троек. В это же время в кубрике начали появляться новые лица. К своему удивлению, Джокт увидел среди них и Спенсера.

— Привет! — обменялись они рукопожатиями.

И Джокт поймал себя на том, что оценивает силу пожатия Спенсера. С каким-то облегчением и радостью в итоге он решил, что с женщинами у Спенсера все нормально, без перегибов. И с другими людьми тоже.

— Ты чего здесь? — задал он вопрос Спенсеру.

— За тем же, что и ты, — без улыбки ответил Спенсер. — Формирование троек. Тест-маджонг.

— И... Ты тоже?

— Как видишь, не я один... Жестокая штука, правда?

Джокт тут же вспомнил слова инструктора насчет регулярно проводимого тестирования даже для опытных пилотов и согласился, что да — штука эта ужасная!

Объявление инструктора о том, какие тройки будут разбиты, Джокт уже не слушал и почему-то старался не встречаться взглядом ни с Бароном, ни с Гавайцем. Ему казалось, что повинен он сам. А вот недовольных возгласов у присутствующих прибавилось. Впрочем, это были только пилоты одного с Джоктом выпуска, к пилотам, вошедшим вместе со Спенсером, это не относилось. Они стояли спокойно, словно готовились принять к исполнению какое-то будничное указание. К тому же их очередь пока не настала. И в итоге вышло, что полностью нетронутыми остались всего две тройки. Хотя бы кому-то повезло! Еще в трех тройках выбыло всего по одному человеку.

— Ну и что сейчас будет происходить? Как нас собираются склеить заново? — поинтересовался Джокт у Спенсера.

— О! Это будет незабываемая игра! — живо откликнулся тот. — Хорошо, если закончим к утру...

— Даже так?

— А ты что думал? Иногда тест-маджонг длится несколько дней. Вот, например...

Неизвестно, какой пример собирался привести Спенсер, потому что в следующую секунду инструктор отдал команду.

— Активировать индапы! Предполетный режим! Разбейтесь по парам и проходите в маджонг-класс.

— А... — начал было кто-то.

— Это без разницы, с кем будете в паре. Вам предстоит собрать не один пасьянс, пока что-то прояснится. Ну кто первый?

Барон ухватил Джокта за руку и, насупившись, сделал первый шаг.

— Сложите руки... Похлопайте... Еще бы попрыгать заставил — кто выше! — баобаб ученый! — бормотал он при этом, очевидно, пытаясь найти хоть какой-нибудь шанс опровергнуть выводы психолога.

Но с первой же партии все стало ясно. И если этот метод, испробованный годами и поколениями пилотов, был верным, то выходило, что психолог не ошибался...

— Начинайте! — приказал один из ассистентов, и перемешивающий автомат выложил перед Джоктом и Бароном немыслимую головоломку...

Глава 2

Основным отличием этого теста от почти забытых уже занятий в маджонг-классе являлось условие парного разбора пасьянса. Рядом со столом, на котором высилась замысловатая фигура из фишек маджонга, звонко тикал неутомимый метроном. Ритм его щелчков был не быстрым и не медленным, средним, как раз таким, чтобы в одиночку справиться с заданием стало бы чуть ли не пустяковым делом. Но это — в одиночку... Напарникам было запрещено общаться между собой. Никаких слов, никаких лишних жестов, никакой мимики. Впрочем, мимика и слова сейчас никак не могли помочь — на каждого из пилотов опустился оптико-акустический барьер, отключающийся и включающийся синхронно со звучанием метронома. Попеременно — то один, то другой пилот — оказыва-

лись окруженными снопами переливчато-розового света. И Джокт не видел напарника те две-три секунды, за которые Барон должен был снять свою фишку. А потом — наоборот, барьер включался над Бароном. Сегментом пересечения двух тубусов света являлся стол с пасьянсом. Он-то и открывался взору при переключении барьера. Щелчок — и Джокт видит лишь стол и пасьянс, в котором Барон уже снял одну из фишек. За три секунды нужно распознать, какую именно, и снять парную. Или же самому убрать фишку, оставляя на долю Барона вспоминать предыдущее расположение фишек, оценивая, какой из них не стало, и снимать парную. Все это — в вязкости искажающего барьера, за которым нет Барона, нет инструктора и ассистентов, других столов и испытуемыми. Ничего нет. Какие-то тени, что движутся хаотично, избегая возможности стать человеческим очертанием. Звуки — словно услышать их под водой...

Конечно, можно было бы попытаться обхитрить психолога, нарушить весь процесс хотя бы тем, что задержать руку над местом, откуда только что снял фишку. Или наоборот — будто невзначай указать на парную фишку, облегчая задачу напарника. Барьер непроницаем только для света и звука... Но именно это делать было строжайше запрещено. Всевидящее око видеочипов, которыми был буквально начинен маджонг-класс, тут же оповещало ассистента о нарушении вводной. И почувствовать себя снова курсантом, которого инструктор тыкает лицом в экран с записью его поведения, никому из пилотов не хотелось.

Уже через десять переключений барьера Джокт понял, что недооценил коварства инструктора. Потому что основного общеизвестного правила собирания маджонга — пасьянса никто не отменял. Убираются только парные фишки. Одна за другой. Просто в предложенном тесте одновременность зависела сразу от двух участников. Я увидел выгодную пару: две двойки-доты по углам. Убираю первую двойку, а вторую убирает напарник. Только он должен сориентироваться, понять, какую пару выбрал я, и продолжить действие. А заодно согласиться, что эта пара в перспективе освобождает путь к другим парам. Самая большая проблема заключалась в том, что выгодность снятия той или иной пары каждым из пилотов оценивалась по-разному. В одиночку Джокт разобрал бы не менее трех четвертей выпавшей головоломки. Это если она не имела окончательного решения. Если же имела — обязан был разобрать всю до конца.

Убираем пару двоек-дотов, этим открываем второй ряд из трех и высвобождаем сразу четыре фишки, из которых можно выбирать... Тогда через пять-шесть ходов откроется фишка с цветком

орхидеи — нужная пара для цветка сливы, который находится на вершине одной из пирамид и в свою очередь открывает дорогу сразу к шести фишкам, освобождая их. Это просто. Но почему-то Барон не замечает такой простоты. И когда стол с пасьянсом снова возникает перед Джоктом, он видит, что Барон не тронул двойку-дот. Он убрал фишку «южный ветер»...

Сомневаться в том, что Барон смог вычислить задумку Джокта, не приходилось. Значит, он умышленно пошел на штрафной балл, заметив другую комбинацию, которая, по его мнению, позволяет еще эффективнее, за меньшее количество снятий разобрать весь пасьянс.

Джокт чертыхнулся. Ведь допустимо было набрать всего три штрафных балла, после чего сеанс прекращался. Задание считалось проваленным. Но с другой стороны — если общее количество ходов оказывалось хотя бы одинаковым с количеством, на которое программировал головоломку перемешивающий автомат, пара считалась подходящей друг другу. Именно это опровергло бы жестокий вердикт инструктора, и Джокт с Бароном могли остаться в одной тройке.

Джокт понимал, что Барон старается, хочет сделать все как лучше. Странно... Неужели он не понял, что самый верный путь — четко следовать за тем, кто сделал первый ход и убрал первую фишку? Это же очевидно!

«Стоп! — сказал сам себе Джокт. — А с чего я решил, что мой вариант — самый верный? Может быть, Барон как раз и прав? По крайней мере, в жизни Барон не раз принимал более верные решения, чем я».

Первый промежуточный удар метронома... Идти за Бароном? Снять фишку «северный ветер»? Двойка-дот возвращена на место перемешивающим автоматом. Ход Джокта не засчитан, этот ход обменяли на штрафной балл. Барон обменял. Так прав он или не прав? Фишки с ветрами освобождают пару шестерок — иероглифов и одновременно другую пару. Убрать иероглифы — получаем цепочку с цветами орхидеи и хризантемы... Освобождаются еще две пары фишек «дот»... За ними еще пара... И разбирается почти половина пасьянса...

Второй промежуточный удар. С третьим настанет передача хода. Неужели Барон снова оказался на высоте? Открыть своим ходом дорогу к решению половины проблемы! Заманчиво. Но почему тогда он, Джокт, сам не заметил этой возможности? Индап щелкает, время растягивается, но растяжение его не бесконечно, вот-вот раздастся третий щелчок и...

Еще раз — стоп! Так нельзя! Убрать фишки с орхидеей и хризантемой — оставить без пары цветок сливы! А он — на вершине пирамиды, запирает собой сразу шесть фишек. Единственно оставшийся цветок бамбука, который тоже мог бы послужить парой к цветку сливы, пока не виден, его нет в верхнем слое! Значит — пасьянс не может быть собран таким способом!

Третий щелчок. Джокт вновь снял двойку-дот. А фишка, только что снятая Бароном, возвратилась на место...

— В этом вся проблема, — терпеливо, будто общаясь с детьми, разъяснял психолог. — Даже если бы вы поняли, что самое важное в тесте вовсе не скорость, а способ взаимодействия, у вас все равно ничего бы не вышло.

— Если бы мы договорились заранее, все бы у нас получилось! — возражал Барон, который оказался виноват.

Но выяснилось, что его вина — мнимая.

— Смотрите! — Инструктор вызвал на экран запись пасьянса, ставшего несчастливым для Джокта с Бароном. — Даже если забыть про вашу игру с фишками и два штрафных балла... Вот! — Наконец-то он нашел интересующий момент: — Видите?

В компьютерной обработке на экране воспроизводилась не только видеозапись, но и сложные расчеты, выводимые в правом верхнем углу экрана, а также алые стрелки, высвечивающиеся наложением на запись. Стрелками отображались траектории взглядов, которыми тестируемые оценивали ситуацию на маджонг-столе.

— Вот-вот-вот! Видите?

Сначала дошло до Джокта, потом уже и Барон понял, в чем дело.

Каждый раз, когда выпадала очередь Барона, тот сразу вычислял, какую фишку убрал Джокт, это легко давалось им обоим, но вот после, в оставшиеся две секунды Барон постоянно пытался нащупать взглядом собственную комбинацию. Стрелка металась по рисунку пасьянса, указывая, куда направлен его взгляд. А ведь он не просто так высматривал какие-нибудь пары фишек, доступных для снятия! Нет, Барон шел дальше, выстраивая прогноз для других возможностей, развивая собственный поиск. Когда же этого не происходило, Барон тратил время на то, чтобы попытаться разгадать замысел Джокта. Это как акт ревности: почему он снял именно эту фишку? Что это нам дает? Ага, кажется, понятно, но вот мой вариант...

— В затяжном бою это неизбежно приводит к дезорганизации тройки, — продолжил пояснения инструктор, — ведомый не должен, не имеет права размышлять, почему его лидер избрал именно такой

угол атаки? Почему повел тройку в атаку на северную полусферу, в лоб, когда можно уйти на вираж, атаковать позже восточную полусферу... Сейчас речь идет не об индивидуальных аналитических способностях, а об их совместимости. И я лишний раз убедился, что не ошибся при первичном тесте. Вы не должны летать вместе, как бы вам того ни хотелось и какой бы несправедливостью ни показалось мое решение.

— Но разве это плохо, — пытался возражать Джокт, — когда в тройке есть ведомый, способный увидеть лучшее решение?

— Очень. Очень плохо! Об этом вам лучше порасспрашивать командира Гонзу. Ведомые обязаны идти за лидером, даже если он ведет их прямо в преисподнюю. А лидер не должен ожидать подсказок, пусть даже сделанных лучшим другом.

— Но Бессмертные научились неожиданно появляться в любой точке! Они прокладывают собственные Приливы, и ...

Джокт не договорил. Хотя идея его была понятна каждому, психолог повысил голос. Теперь в нем не осталось ни следа от прежней терпеливости. И выложил последний козырь.

— Именно! Научились появляться где угодно и когда угодно! Поэтому лидер тройки всегда должен держать в голове этот случай, какое бы маневрирование ни производила его тройка. Всегда должен готовиться, что в любой точке, в любой момент может появиться новый соперник! Скажи, Джокт, только без обмана, как по-твоему, — из Барона получился бы классный лидер?

Джокт понял, к чему задан вопрос и что он услышит после своего ответа. Но хитрить и выворачиваться не стал.

— Ему даже не нужно прилагать к этому усилий. Барон — прирожденный лидер. Наверняка даже лучший, чем я.

Барон попытался вставить слово, но был остановлен жестом инструктора.

— И я так считаю. На одной чаше весов — ваша дружба, а на другой... Зачем же лишать истребительный флот прирожденного лидера? Я не могу оценивать — лучше он будет, чем ты, или нет, мое дело — формировать полетные тройки. Но знаю — он будет лидером!

На этом испытания для Джокта не окончились. Поняв, что так и будет, что им не летать с Бароном в одной тройке, едва касаясь крыльями-подвесками, он разозлился на такую несправедливость, а заодно на инструктора, на себя, на маджонг и прочее остальное. Теперь Джокт нашел выход злости на маджонг-столах. Он не думал о совместимости. Как не думал о том, с кем хотелось ему оказаться в одной тройке и кто будет его ведомыми.

Вторую тестовую комбинацию Барон разыгрывал с Гавайцем, и настала очередь Джокта ревновать, следя за ходом испытания, ожидая их результатов. Инструктор оценил совместимость Барона с Гавайцем как близкую к идеалу...

Джокт ушел в игру, его руки летали над столом, ему хотелось, чтобы метроном щелкал чаще. К чему теперь время? К чему раздумья над головоломкой? Он шел напролом, даже не переживая — успевает за ним очередной напарник или нет. Появившийся «Взгляд Орла» позволял ему видеть насквозь хитрости и ловушки, подготовленные перемешивающим автоматом.

Первый взгляд на пасьянс. Оценка. Восемнадцатиходовая комбинация, дальше — ерунда! Подчищать оставшиеся пары... Метроном и впрямь зачастил. Время на ход — секунда! Напарники вылетали один за другим, не поспевая за нестандартным мышлением Джокта. Те из них, кто все же умудрялся уловить, какой именно фишки только что не стало и какую парную фишку требуется убрать, были отсеяны инструктором. Виной тому — все те же алые черточки-стрелки на экране. Может быть, из таких напарников получатся лидеры, может быть — идеальные ведомые. Но только не для него. Не для Джокта.

И оказалось так, что вскоре Джокт остался в одиночестве. Из тридцати пилотов первого года действительной службы двадцать семь были разведены по тройкам. Еще двоим осталось подобрать лидера из числа более опытных, пришедших вместе со Спенсером, пилотов. А Джокт остался один. Сам по себе. Лидер без ведомых. Белая ворона, оказавшаяся светлее других белых ворон. Единственное, что утешало, когда он уже смирился с мыслью, что Барон и Гаваец не будут летать с ним в тройке, — это то обстоятельство, что из них троих не разлучили хотя бы Барона с Гавайцем. Барон стал лидером, Гаваец — его ведомым, что не являлось чем-то удивительным. Вторым ведомым Барона стал Монс. Вот это уже странно, потому что Монс до сих пор был лидером. Ну теперь это станет лучшая тройка, порадовался за друзей Джокт. Гаваец — прикрывает тыл, надежный как скала, — вспомнил Джокт виртуальную смерть Гавайца, когда тот безропотно принял истребителем ДУГи сразу две торпеды... Монс — лучший постановщик ловушек, какого не против были бы заполучить к себе даже офицеры рангом повыше. А он...

— И что мне теперь делать? — ломающимся голосом спросил Джокт у инструктора, понимая, насколько глупо и плаксиво звучит его вопрос. — Переквалифицироваться в пилоты миниджета?

Психолог между тем воспринял это как шутку и улыбнулся.

— Ну-ну, парень! Возможно, тебе повезет больше, чем всем остальным. Еще не вечер, — добавил он, хотя по общекорабельному только что наступила полночь.

Джокт повернулся к двери кубрика и побледнел. Прямо на него уставилось электронное табло часов, на котором горело четыре нуля. Опять... Время палиндромов!

— Ты как, Джокт? Осилишь еще парочку пасьянсов? — Кто-то подошел и ткнул его в бок.

Джокт обернулся. И не поверил своим глазам. Рядом с ним стоял Спенсер Янг Ли.

— А... почему? — только и смог спросить Джокт.

— Мой лидер принял двух ваших... Его, — Спенсер кивнул в сторону второго офицера с нашивками капитан-лейтенанта, — решили погонять в новой тройке. Кстати, знакомьтесь, это Смоки!

— Смоки Фаервью, — представился тот без улыбки, но и без напряжения во взгляде, — а ты Джокт. Спенсер про тебя рассказывал...

Такой оборот событий заставил сердце Джокта забиться, а самого его по-другому посмотреть на сложившуюся ситуацию. Еще бы! Ему выпадал шанс летать в такой команде! Ради Спенсера он готов был стать ведомым, и это не представлялось зазорным. Скольким фокусам пилотирования обучил его Спенсер? А сколько еще покажет! Сколько нового он сможет узнать от неулыбчивого Смоки? Капитан-лейтенантских нашивок просто так не дают...

Усталость растворилась в только что полученном заряде положительных эмоций, циферблат с четырьмя нулями больше не пугал. К тому же момент временного палиндрома прошел. Только бы не оплошать теперь за маджонг-столом, заволновался Джокт. Только бы не оплошать!

— Готовы? — Ассистент подмигнул Джокту, догадываясь, что испытывает молодой пилот в такой момент. — Пасьянс!

Перемешивающий автомат издал короткую костяную трель и выставил на стол фигуру.

— Начинайте!

Световой тубус. Щелканье метронома. Движение рук над фишками.

Сначала в пару с Джоктом встал Смоки. Ход первый, ход второй, третий ход... Метроном их не щадил, отсекая короткие промежутки. Четвертый ход. Комбинация не самая простая, но и не самая сложная. Джокт успел просмотреть и просчитать ее до двадцатого

хода, с поправкой на два. Все-таки второй и третий слой пасьянса недоступны его взгляду, и анализ можно было вести, только опираясь на теорию вероятности, — маленький прообраз способности Предвидения, что включается у пилотов во время полетов с околосветовыми скоростями.

Шестой ход. Седьмой...

На десятом ходу Джокт понял свою ошибку. Но что-либо изменить уже было невозможно!

Несколько часов марафона по игре в маджонг, где перерывами являлись только те редкие минуты, когда инструктор и его ассистенты составляли новые пары, не прошли для Джокта бесследно. Сейчас, выступая в паре со Смоки, он не успел перестроиться и продолжал разбирать пасьянс в собственной манере. Быстро, проницательно, оставляя на долю напарника только подбирать нужные парные фишки. И совсем вылетело из головы, что он вновь демонстрирует характеристики лидера!

Что делать? Мысли заметались, он чуть было не потерял ту цепочку ходов, что составил заранее. Делать-то что? Сбить рисунок, схему разгадывания пасьянса? Пойти на штрафной бал, отдавая первенство Смоки?

Наверное, он так и сделал бы, но тут же пришло и понимание другого...

Пилот Смоки тоже мог изменить схему, возвратив на стол фишку, убранную Джоктом, а вместо нее убрать другую, свою... Мог, но не стал этого делать. Может быть, так и нужно? Или где-то рядом подвох? А Смоки просто не хочет набирать штрафных баллов?

Еще сложнее было понять инструктора. Ведь именно Джокту почему-то был передан первый ход. Нетрудно догадаться, что за этим должно последовать. Только Смоки мог изменить ситуацию. Потому что снимал фишки за Джоктом. Но он этого не сделал... Почему?

Круг замыкался, Джокта бросило в жар от осознания собственной самонадеянности.

«Дурак! Самовлюбленный сноб! — мысленно отругал он себя. — Чем я думал, когда начинал партию?»

Двадцать первый ход. Дальше пасьянс разбирался сам собой. Все угловые, запирающие фишки уже открыты, при их снятии высвободились и остальные...

— Ну что ж. Очень неплохо, — вернул его к действительности голос Смоки.

Впрочем, офицер обращался к инструктору. А Джокт увидел, как гаснет, отключаясь, барьер. Партия была остановлена.

— Можно не продолжать, дальше все ясно, — пояснил инструктор.

Да, можно и не продолжать. Все ясно. Джокт не годится в ведомые к Смоки. Но совершенно неожиданно барьеры вспыхивают вновь, и к столу подходит Спенсер...

— Начинайте! — командует инструктор.

Право первого хода передано Спенсеру. Тот снимает абсолютно ничего не дающую в перспективе фишку, самым наглядным образом поощряя Джокта перехватить инициативу, и все повторяется.

Двадцать четыре хода. Один штрафной балл — за первый же ход. Барьеры гаснут...

— Но почему? — недоумевал чуть позже Джокт, когда инструктор объявил то, чего уж никак нельзя было ожидать. — Как я могу стать лидером для...

Инструктор молчал и улыбался, за него ответил Спенсер:

— Можешь! Я ведь тебе говорил когда-то, что срок службы не влияет на положение в тройке.

Спенсер тоже улыбался. Но самой странной выглядела третья улыбка — улыбка Смоки. Она появилась всего на секунду, но секунда показалась Джокту часом.

— Привет, новый лидер! — сказал Смоки, протягивая руку, словно знакомясь с Джоктом заново.

Не улыбался только Джокт. Он даже не нашел, что можно сказать в такой ситуации, а его попытку возражать просто не приняли во внимание.

Таково было второе значительное событие в его жизни после полета в Серый Прилив, к планете Бессмертных. Так что вновь появиться у входа в этот же Прилив ему предстояло с новыми ведомыми — Спенсером на «Стеле» и Смоки Фаервью на «Гольфе». Но было еще и третье событие... Наверное, оно окончательно примирило Джокта и с отказом Бар Аарона помочь Каталине выйти из состояния зависимости от Игры, и с переходом в другую тройку.

Барон. Член семьи хайменов, для которого все происходящее являлось просто фарсом, спектаклем с декорациями, но декорациями отнюдь не вечными.

Вскоре ему предстояло отправиться на Землю. Навсегда снять форму пилота и пройти семь кругов ада, где главными пытками должны были стать изощренная человеческая жестокость — та, что не считается даже с кровным родством, — алчность, подлость и продажность тех, в чьих силах было помочь. Совершенный им когда-то бунт, юношеская выходка, которую он посчитал актом

гражданского героизма, вот-вот должна была обернуться трагичной несправедливостью.

— Джокт. У нас все равно не получилось бы летать вместе. Потому что... Ну ты знаешь. Из штаба пришел запрос. Они хотят обставить дело так, будто им потребовалось несколько молодых офицеров для какого-то торжества. Видел уже, как это делается... Что-то вроде панихиды по погибшим на «Инке», только повод другой, все в мажоре, народу побольше. Ну там молодая смена выпускает голубей в небо или что-то в этом роде. Только, боюсь, моего лица ты не увидишь в видеохронике. По дороге ведь всякое может приключиться, временное помешательство, например, вполне удобная мотивировка. Такая штука вызовет только брезгливость у тех, кто смог бы копнуть поглубже...

— Я не знаю, что сказать, — растерялся Джокт после печальной исповеди друга. — Я не знаю, что сказать и что сделать... Неужели Старик не может помочь?

— Комендант — настоящий человек, никогда этого не забывай! Но в моем случае даже он бессилен...

Уже ночью Барон ворвался в каюту Джокта совсем другим — обновленным, с горящими глазами, и, ожесточенно жестикулируя, сообщил невероятное известие.

— Джокт! — орал он на весь коридор, не обращая внимания на суровое напоминание электронных часов о том, что уже половина третьего. — Джокт! Я же говорил, что Старик — настоящий человек! Человечище!

— Что случилось? — Сорвав наушники и едва успев выбить дробь на клавиатуре работающего компьютера, Джокт почему-то стыдливо отвернул экран в сторону.

Но Барон даже не обратил на этот жест внимания.

— Завтра... То есть сегодня уже! В рейд уходит особая группа! Подлетное время до цели — два месяца!

— Ну и что? — Джокт все еще недоумевал по поводу позднего визита, хотя всей душой желал бы разделить радость Барона.

Для этого осталось только понять — с чего бы это? Откуда? Что за весть так взбудоражила его друга?

— Два! Месяца! — раздельно повторил Барон. — Дошло? И я иду в составе группы из тридцати истребителей. Как тебе новость?

Теперь Джокт понял. Его доклад о проходе Серым Приливом заставил офицеров-аналитиков разделиться во мнениях на две группы. Но пока не прекращались споры и расчеты всех трудностей по проникновению в «счастливый» Прилив, — а что еще счастье

для военных астронавтов, как не это? — было принято решение о прямолинейном достижении нужного оперативного квадрата. То есть об отправке небольшой ударной группы собственным ходом, без использования приливных точек. Именно эта группа должна отворить изнутри дверь, что выведет флот «Австралии» к новым победам! Домашняя планета Бессмертных — это не шутка!

Фактически это оказалось самым важным открытием за время войны. В случае удачного штурма планеты можно было надеяться на захват таких данных, что даже и не снились всем аналитикам, исследователям и разведывательным службам Солнечной.

— Но как это получилось? Ты же говорил, что запрос из штаба...

— А-а, ерунда! Всегда найдется нерадивый офицер связи, который такой запрос посчитает второстепенным и передаст его коменданту уже после отправки ударной группы.

— Разве за это не наказывают? Что случится с офицером связи?

— Конечно, его накажут! Влепят выговор, могут понизить в звании. Хотя я не думаю, что дойдет до такого, по большому счету запрос действительно второстепенный, не относится к выполнению боевой задачи. Ну вместо одного молодого пилота пришлют другого. Хоть двух, хоть трех, да хоть целую группу! Снимут с линкора, который стал в док, на профилактику всех пилотов миниджетов, и... велика беда! Они сами себя перехитрили!

Когда Барон говорил «они» да еще закатывал под лоб глаза, становилось ясно, кого он имеет в виду. Действительно, перемудрили хаймены. К тому же этот план — явно задумка Старика, сумевшего толково воспользоваться подвернувшейся возможностью отправить Барона туда, где его не найдут никакие «шестерки» влиятельной семьи.

— Если связному офицеру будет грозить что-то посерьезнее выговора, найдется еще и медик, удостоверивший временную недееспособность связиста в момент принятия запроса. Еще лучше — установят факт отказа индапа, выдавшего ударную дозу успокоительного. Один на миллион, но вот — проверьте! Сейчас такая чехарда понеслась, а все из-за тебя! — Барон потрепал Джокта за волосы. — В комендантских службах все с ног валятся и с катушек съезжают. Не спят, живут только благодаря индапам, так что Старику ничего не стоит обставить все по-благородному. Формально — на момент отправки группы — никакого приказа на руках у него не было, а значит, и нарушения нет. Видишь? Я же говорил — Старик, он особенный! Я у него в долгу. Если понадобится, и офицер-медик, и связист, и кто угодно еще, выполнят любую, даже самую неверо-

ятную просьбу, — всегда найдутся люди, принявшие его сторону. Даже стыдно мне как-то...

— Но почему он все это сделал? — вырвалось у Джокта, который тут же пожалел о сказанном.

— Ты разве не рад? Какая теперь разница? — Улыбка Барона погасла, теперь он только грустно усмехался. — Комендант «Австралии» — вояка не по назначению, а по призванию. Живи он даже в мирное время, а все равно военная косточка выпирала бы. Конечно, быть хайменом — значит нести определенные обязанности перед людьми своего круга... Но сейчас, когда Бессмертным без разницы, кого растереть в порошок, не все смотрят на одни и те же вещи одинаково. Кому-то поступки Старика покажутся сплошным сумасбродством. Даже то, что он решил стать комендантом Крепости и вбухал больше половины собственных средств в военные разработки... Вот только побольше бы сейчас таких сумасбродов...

— Ты — еще один, — ввернул Джокт.

— Я не в счет. Простой пилот. Даже не лучший. Нечто в миллион раз меньшее, чем даже пешка. Хотя, знаешь, после нашей победы Старик вполне может стать одной из самых влиятельных фигур Солнечной. Ведь все, что он вложил, вернется ему с процентами. После победы...

Выговорившись, Барон наконец-то присел на край гравикойки и только тут задал себе вопрос: а почему это его друг не спит?

— Когда думаешь ложиться? Тебе не кажется, что это уже перегибы?

— Я... решил поработать на компьютере. — Джокт почувствовал, как краснеют мочки ушей, что происходило каждый раз, когда ему приходилось врать.

Тут они были схожи с Гавайцем. Что-что, а врать не умел ни один, ни другой.

— Понятно. Опять играешь? Не боишься стать этим... инфонариком?

— Не боюсь. — Поняв, что ложь не удалась, Джокт уселся рядом. — Полковник Бар Аарон говорит, что в моем возрасте уже не грозит оторваться от реальности.

— Не грозит оторваться? Сейчас посмотрим...

И, не дожидаясь разрешения, Барон подскочил к столу, поворачивая экран.

«Великая Мамба вызывает Питона Джокта! У нас проблемы. Атакованы группой „Кнопок"!» — бежало в строке вызова на фоне звездного пространства, расчерченного прицелами.

— Снова Каталина?

Джокт боялся, что Барон начнет издеваться, тонко, обидно, — иногда это получалось у него очень даже мастерски. Но такого не произошло.

— Это она? — Барон повторил вопрос.

— Она, — выдохнул Джокт, посмотрев на экран.

— Ты что, влюбился в жителя виртуальности? В сумасшедшую?

— Каталина не сумасшедшая! — Джокт поджал губы.

Барон оставил издевки, но его лишь наполовину справедливые упреки жалили больно.

— Ты должен понимать, что это все несерьезно. В это время ты должен спать и видеть десятый сон! Понимаешь, что твоя привязанность к Каталине уже начала тебе мешать?

— Ничего, завтра начинаются установочные вылеты в новых тройках, высплюсь после обеда...

— Выспишься. Только предварительно провалишь всю тренировку. У тебя ведомые — асы! Разве не понятно? Теперь нужно постоянно держать форму. Давай-ка укладывайся, попроси у индапа глубокий сон и забудь о ней. Хотя бы на сегодня.

— Не могу, — покачал головой Джокт, зная, как глупо выглядит его объяснение, — ты же видишь, там сейчас свалка начнется, она ждет... Она верит, что я приду в ее Игру.

— Давай сообщим, что ты погиб. Погиб смертью героя, сбив десять линкоров и двадцать крейсеров. Давай?

— Торпед не хватит, — совсем уж скис Джокт, — и в этой Игре невозможно сбить неучтенный линкор или крейсер... К тому же слово «погиб» для них ничего не означает. Так же, как и «воскрес». Для них все это — Вечная Игра. Игра навсегда!

— Ладно-ладно, я пошутил. Но все равно, так нельзя, — смягчил тон и стал оправдываться Барон. — Конечно, это не мое собачье дело, но тебе же завтра... Да какое там! Сегодня! Тебе не играть сегодня предстоит, а лидировать в новой тройке! Виражи, провалы, подъемы... Если что-то пойдет не так, как ты будешь объясняться со Спенсером и этим... третьим, неулыбчивым?

— Смоки, — механически подсказал Джокт.

— Смоки, — повторил Барон. — Он точно не поймет, сочтет за блажь! Утрата доверия со стороны ведомых — дрянная вещь!

Заметив, что Джокт остается безучастным ко всем наставлениям, Барон снова сел рядом, обхватив друга рукой за плечо.

— Знаешь, Джокт... Как-то не везет тебе в личной жизни... Лиин. Теперь — вообще что-то невообразимое.

— Она не женщина. Ей всего пятнадцать, — зачем-то огрызнулся Джокт. — Вся проблема в том, что я очень хорошо все воображаю. Понимаешь?

И дальше Джокт рассказал все — про собственные чувства, когда он увидел Каталину почти обнаженной, про размышления над судьбой всех несчастных информационных наркоманов.

— Как это раньше называлось? Каторжники, прикованные к веслам на галерах? Только их галеры никогда не придут к берегу. Или они не заметят этого берега... Ни берега, ни самих цепей. Но зато я — вижу! Это ужасно, Барон! Если Старик когда-нибудь станет большой фигурой, попроси, чтоб он навсегда решил вопрос с мальчишками и девчонками, что падают на дно жизни, не замечая этого падения...

— Ты думаешь, все так просто? Мне тоже их иногда жаль. Но сейчас не время для сантиментов. Нужно думать о том, что все они пригодятся в бою!

— Вот видишь? Ты говоришь — иногда жаль, а потом сам себе противоречишь.

— В чем же?

— То, как ты сказал про них, — «пригодятся»! Будто о полезной вещи, как о дополнительных разгонных двигателях или электронной системе навигации. Так нельзя, они — почти дети! Хорошо, среди них нет грудных младенцев. А если бы младенцы научились играть в «Зигзаг-52», их тоже — за полетные джойстики и в бой?

— Не горячись, не надо! Младенцы не смогут играть в такую игру. К тому же не выдержат перегрузок... Ой, прости! — увидев невероятно округлившиеся глаза Джокта, поспешил извиниться Барон, но затем нашел выход: — Глупости! О каких перегрузках речь, если теперь они управляют истребителями Дистанционных Групп? Да у них вообще самое безопасное место в бою — держаться позади, пилотировать дистанционно...

— Вот только Бессмертные не различают — где для кого безопасно, а где нет. Все равно станция с пилотами новой формации. — Джокт старательно избегал слов «сумасшедшие», «инфонарики» и прочих эпитетов. — Станция должна находиться в оперативном квадрате боевых действий. А в бою всякое может случиться.

— Ладно. — Барон попробовал разъяснить по-другому: — Хочешь узнать всю правду?

— Правду о чем?

— И о твоей Каталине тоже!

— Ну-ну...

— Просто сидеть перед монитором с утра и до утра — этого недостаточно, чтобы стать... такими. Для полного эффекта нужно кое-что еще...

— Полное отсутствие веры в будущее?

— Это, может быть, тоже. Но есть вещи и похуже. Ты слышал когда-нибудь о наркодилерах?

— Наркодилеры? Кажется, их истребили еще пару сотен лет назад. Те, что еще встречаются, — импровизация неудачников и...

— Правильно. Истребили. Потому что Совет хайменов ввел жесткую монополию на продажу наркотических веществ. Но истребили верхушки картелей, всех выявить невозможно. И тогда появились некоторые одиночки, желающие конкурировать с властью. Поскольку такая конкуренция нереальна, ведь это глупо — приобретать «экстази» у хитролицего проныры, когда можно спокойно скинуть пару кредитов, — если брать для себя и для друзей, — прямо у входа в ночной клуб. Постоянным клиентам — скидка!

— К чему ты это ведешь? На что ты намекаешь, Барон?

— Не понимаешь? Подумай — конкурировать невозможно, но хочется. Что делать?

— Действительно, ничего не понимаю...

— Нужно разрабатывать новые наркотики, которые нигде больше не достать! А-а, о чем я говорю! — Барон махнул рукой. — Ты же с Плутона! Вряд ли даже знаешь, что такое «экстази»!

— Нет, почему, знаю, — робко признался Джокт, — конечно, не на Плутоне, там строго...

— Здесь? В Крепости? — Теперь глаза округлились уже у Барона.

— Нет, конечно! Одну капсулу — с Эстелой. Когда мы... Ну во второй раз, в общем... А еще раньше — пару раз на Европе. Помнишь, я говорил, что проходил там практику, как раз, когда все произошло...

Джокт, конечно же, имел в виду трагедию Плутона и «Хвангa». Барон все понял, но уже привык игнорировать переживания Джокта. Впрочем, прежних переживаний уже не было. С тем, что осталось, Джокт вполне справлялся.

— На Европе — и всего пару раз? Ну ты даешь! Да там уже с утра все под кайфом! Планета-аквапарк! Планета для развлечений!

— Для кого — развлечения, а для кого — десять часов практических занятий в катакомбах шахт гравитационного контроля. Так что — пару раз всего и пробовал. Тем более мне не понравилось.

— Это с непривычки. Мне тоже сначала не нравилось, а потом — еле-еле оторвался. Когда оторвался, отец был жутко недоволен.

— Недоволен? Почему?

— Так удобнее. Это же мечта хайменов — общество, с утра до вечера находящееся в хорошем настроении. Все довольны, всем хорошо. Жизнь прекрасна, что с того, что окажется чуть короче? Любая работа кажется легкой. А вечером — бары, девочки. Опять «экстази»... Хотя официально это и считается слабым наркотиком, мало кто понимает, что даже слабый наркотик — всего лишь более короткая дорожка в крематорий. Но я не о том... Дилеры-одиночки додумались до наркотика, который, совмещаясь с времяпровождением за компьютером, позволяет вживаться в игру. Их тоже гоняли. Ловили, отправляли за решетку. Но чаще оставляли под рукой. Так что идея использовать детскую страсть к военным играм для нужд Солнечной возникла не сейчас и вовсе не у военных... Как только Бессмертные атаковали дальние форпосты, дилеров перестали гонять, теперь они пасутся у каждого социального салона развлечений...

Их разговор растянулся почти на час. С темы инфонаркомании они вновь вернулись к обсуждению рейда, в который отправлялся Барон.

— Два месяца полета, а потом — сразу в бой! Это же невероятно тяжело!

— Еще не пробовал, так что расскажу потом. Хотя, вообще-то, мы ведь не одни идем. Будут мониторы, крейсеры, пара линкоров...

— Мониторы? Но ведь у них большой досветовой порог... Подлетное время...

— А тягачи на что? Мониторы пойдут на привязи. Нас примут на борт линкоры, даже стартовые площадки переоборудованы... Так что меня впереди ждут два месяца сплошного отдыха. Ну учебные вылеты еще, конечно. Жаль только, связь будет запрещена. Чтобы Бессмертные не вычислили такой маневр. Зато когда мы свалимся им на задницы, будет то еще развлечение! Знаешь, когда в последний раз флот передвигался вот так — самостоятельно, без Приливов? Пятнадцать лет назад. И то это было, по-моему, бегство какого-то отряда, потому что их базу развалили, а местный Прилив блокировали десятикратно превосходящие силы врага. Вот командир и решил, что разумнее вывести остатки эскадры из-под удара, чем потерять последние звездолеты без надежд на победу. Такой вот сюрприз через пятнадцать лет!

— Неужели Бессмертные не просчитают эту возможность? А если они все-таки засекут вашу группу на подлете? Тогда что?

— Не знаю, — простодушно ответил Барон, — пошлем сигнал, вы ударите сквозь Прилив, с двух сторон будет легче его деблокировать...

— Но тогда исчезает фактор неожиданности, и входить во второй Прилив, чтобы попасть к домашней планете Бессмертных, будет глупостью! Их звезда-гигант выпарит нас, как букашек, если они успеют предупредить...

— Не знаю, — повторил Барон. Для него, похоже, куда важнее было вновь обмануть свою семью, чем задумываться над исходом очередной схватки. — Скорее всего, и на этот случай существует какой-то план.

На том они и расстались, церемонно поклонившись друг другу, как делали это важные шишки в видеофильмах. А после оба рассмеялись. Часы показывали четыре утра, Барон ушел в приподнятом настроении, насвистывая какую-то мелодию. Джокт пожелал ему удачи. Наверное, это свойство возраста — расставаться легко. И даже не задумываться над какими-нибудь мрачными вариантами развития событий.

Сам Джокт, поняв, что ему действительно придется несладко, если индап не успеет провести полную предполетную процедуру монтажа сновидений, с сожалением подошел к столу с включенным компьютером. И вдруг, повинуясь какому-то внезапному порыву, набрал на клавиатуре совсем не то, что собирался.

«Великая Мамба! Я приду за тобой!»

Но ответа не последовало. Каталина уже спала в этот поздний — или ранний, как посмотреть — час. И тогда он добавил еще одну фразу...

Глава 3

Согласно намеченной диспозиции, за трофейным линкором, управляемым с «Обманщика», плотным роем шли крейсеры-автоматы. Если бы хитрость землян была раскрыта сразу, эти корабли уже выкидывали бы ловушки по расходящимся от выхода из Прилива лучам, чтобы облегчить подлет атакующих групп первой волны. Но этого не происходило. Исправно следовали призывы о помощи, воспроизводимые аппаратурой связи линкора, и можно было молиться Великому Космосу, чтобы так продолжалось как можно дольше. Автоматические крейсеры тоже не посылали оповещения об атаке Бессмертных. И вскоре настала очередь групп первой волны. Здесь боевым кораблям пришлось рассредоточиться для входа в Прилив, и инженерные станции на время отключили

гравитационные коконы. На время — означало до момента выхода по ту сторону Прилива.

Первой волне было придано четыре станции — в обеспечение режима невидимости для грависканеров врага с четырех позиций. Одна из них, та, что шла первой, по выходу из Прилива вновь выставила экран. Затем тянулись самые мощные корабли — пара линкоров и пять тяжелых крейсеров, за ними — вторая станция. Линкоры и крейсеры выстраивались в одной плоскости, и их накрывала режимом невидимости вторая инженерная станция. Следом появлялись третья станция и пятнадцать фронтовых крейсеров, сопровождаемых тридцаткой истребителей. И наконец четвертая станция замыкала всю цепочку. Получалось, что один «мыльный пузырь» на выходе из Прилива превращался в два, поменьше размерами. И так должно было продолжаться достаточно долго — до превращения шести групп в двенадцать укрытых коконами невидимости полугрупп. Сделано это было для того, чтобы каждый класс звездолетов мог совместно решать одну задачу. Линкоры, как рассчитывали еще в Крепости, должны подавить астероидные россыпи со скрытыми в них торпедоносными станциями обороны врага. Крейсеры — вступить в схватку с местным прикрывающим флотом Бессмертных, во встрече с которым никто не сомневался. Первичной задачей истребителей являлось подавление орбитальной обороны планеты и блокирование взлетающих эвакуационных транспортов. За этим же к планете направлялась часть тяжелых крейсеров, способных уничтожать транспорты гравитационным оружием и одновременно производить первичную бомбардировку поверхности планеты. Вторая часть тяжелой крейсерской группы предназначалась для обеспечения безопасности выходящих из Прилива транспортов со штурмовой пехотой. В случае если штурмовикам удастся занять плацдарм на планете, в дело должна была вступить вторая волна. И два больших транспорта садились бы на поверхность для расширения плацдарма. Потом уже предполагалось блокировать всю планету и вторую приливную точку, ведущую предположительно в глубь территорий Бессмертных. И если бы все прошло гладко, во второй Прилив направлялись корабли-разведчики, а также прочая рать — линкоры, тяжелые крейсеры прорыва, сто пятьдесят истребителей...

Но гладко не прошло.

Бессмертные, как казалось самым правдоподобным, пропустили свой линкор, не разобравшись в происходящем или же самым невероятным образом спутав его с тем самым линкором, что прикрывал доступ к планете снаружи Прилива и был уничтожен

неожиданной атакой, осуществленной группой, ушедшей в полет два месяца назад. Еще могло оказаться, что автоматические торпедоносцы — первичное звено обороны на дальних подступах к планете — вообще никак не отреагировали на появление своего линкора, будучи запрограммированными исключительно на торпедирование вражеской, то есть земной, техники. «Обманщик» — не в счет. Его пилоты буквально втиснули корпус корабля связи между тремя выступающими конструкциями гравитационных палуб линкора Бессмертных. Представить, что комендоры такой громадины позволят маленькому звездолету Солнечной неприкаянно зависнуть над поверхностью линкора, Бессмертные не могли. Инженерные станции, синхронно запускавшие поля невидимости, тоже не определялись как цель для атаки. Что касается десяти автоматических крейсеров, тут применили необычный для врага трюк. Нужно было видеть, как они летят! Над программированием траекторий их полета бились сразу несколько тактических и вычислительных служб Солнечной. Два крейсера сейчас кувыркались в пространстве, едва не задевая друг друга надстройками. Еще четыре шли юзом, будто только что потеряли управление. Лишенные экипажей, а значит, и систем жизнеобеспечения, оставшиеся четыре из десятка нагло шли ровной цепочкой. Но в их бортах зияли огромные бреши, какие могла оставить гравитационная артиллерия главного калибра линкора. Из этих десяти-пятнадцатиметровых пробоин вырывался газовый поток, стелющийся замерзшим шлейфом вслед за звездолетами. Этот психологический момент — вид разгромленной группы крейсеров и линкора, что расправился с ними, но и сам получил повреждения, — должен был сковать внимание сил обороны противника. Анализ ситуации в таком случае мог занять сколько угодно времени. Потому что единственным надежным способом полностью уяснить, что же произошло с линкором и что за крейсеры тянутся за ним по инерции, было отправить к звездолетам какой-нибудь корабль-исследователь. А это — время. Время, так необходимое кораблям вторжения — первой волне, для сосредоточения внутри оперативного квадрата.

На линкоре, вернее, на «Обманщике», приняли сигнал. С планеты или же с охранных станций отправили запрос пароля. Поскольку дешифровальщики, сколько ни бились, так и не смогли разобраться со всеми видами кодировки, применяемой Бессмертными, рисковать и пытаться выдать хоть какой-нибудь ответный сигнал никто не собирался. И линкор продолжал вещать во всех диапазонах одно и то же.

— Я — свой! Не атаковать! Я — свой!

А первая группа уже начала выходить из Прилива. Правда, линкорам пришлось потесниться, так как в общий строй вклинились несколько мониторов, два крейсера и несколько троек истребителей — все корабли из группы деблокирования Прилива. Среди них оказалась и тройка Барона, но Джокт узнал об этом двадцатью минутами позже, когда настала его очередь вынырнуть по ту сторону Прилива. К его неудовольствию, один из средних транспортов, что должен был выскользнуть из кокона невидимости перед входом в Прилив, остался в строю, и Джокт едва успел отвести тройку чуть в сторону, чтобы избежать столкновения. Но это происшествие оказалось мелочью. Потому что дальше все пошло наперекосяк.

Командование больше всего переживало за «человеческий фактор», но подвели не экипажи, а техника. На замыкающей инженерной станции отказали генераторы. Всего на секунду, но даже этого оказалось много. Инверсионные следы множества движков не могли остаться незамеченными наблюдателями Бессмертных, несмотря на то что группа шла с минимальным ускорением. Со стороны это, наверное, выглядело хвостом невидимой кометы. Но, как известно, невидимых комет не бывает. Либо они пока не попадались астрофизическим исследовательским станциям. А вот гравитационная инверсия, существующая сама по себе, — это нечто в тысячу раз более значительное, чем кометный хвост.

Гравирадары Бессмертных выдали первичную информацию. Потом в ход пошли спектрометры, мгновенно вычленившие и проанализировавшие плазменную составляющую следов инверсии. Все неизвестные сложились в величину, понятную тактическим анализаторам врага. И началось!

Со стороны астероидных поясов пошла волна торпед. Много, очень много... Их запуск был заметен в оптике, и «Обманщик», отслеживающий пространство, являющийся поводырем для слепой, пока работал режим невидимости, группы, тут же послал сигнал-оповещение.

Мгновенно ожил эфир. Зачастила дробь кодированных передач с линкоров. И инженерные станции, все четыре, переметнулись на левый фланг группы, выстраиваясь вдоль бортов линкоров. Теперь их задачей стало генерирование гравитационных линз с невероятной степенью искажения метрики. Пока что это являлось единственной защитой от смертоносного излучения звезды-гиганта. Звезда же не заставила себя долго ждать.

Астронавигационные сенсоры «Зигзага» вывели сообщение о возникновении светлого пятна в фотосфере звезды. Значит,

силовой каркас, воздвигнутый Бессмертными вокруг светила и удерживающий внутри губительную энергию активных частиц, был снят в определенном месте. Будто открылся клапан. Крейсеры и истребители, мониторы, транспорт — все звездолеты прижались к правым бортам линкоров. Сейчас вся надежда была только на инженерные станции. Откажи снова хотя бы на одной из них генераторы, — не нужно на секунду, на миг! — и с первым отрядом первой волны будет покончено в ту же секунду!

К счастью, генераторы выдержали. И отряд сумел пройти наиболее опасный участок, прилегающий к выходу из Прилива. Командор флагманского линкора тут же отправил сигнал опасности, адресованный остальной эскадре. Но даже этого не потребовалось. Там, где грависканеры локировали приливную точку, вспухло облако плазмы, внутри которого свободно уместилась бы планета.

Мины! Заряд невероятной мощности! Теперь там сияла маленькая звездочка, способностей которой хватило бы обогреть Луну. Астероидные пояса, находившиеся по выходу справа, выпустили еще одну серию торпед. И тут стало ясно, что все складывается как нельзя хуже. Линкоры, опасающиеся нового потока излучения со стороны красного гиганта, продолжали жаться к инженерным станциям. Остальные звездолеты прятались за линкорами, как будто длинная цепочка людей пытается защититься единственным зонтом. И поэтому гравитационный залп с правого борта обоих линкоров был невозможен. Торпед — более двухсот. Бессмертные будто срывали злость за обман, который почти удался землянам. Тридцать девять истребителей — ровно столько их оказалось после присоединения трех троек, проделавших двухмесячный путь, могли выставить двести тридцать четыре ИМа — имитатора цели. Потому что с самого начала все «Зигзаги» использовали схему вооружения «пополам». Никаких ловушек, никаких подавителей эфира. На каждой из двух арсенальных подвесок — по три торпеды и три ИМа. Итого — по шесть единиц наступательного и оборонительного вооружения на истребитель. Вот только присоединившиеся тройки — в ходе своей неожиданной атаки, когда целая орава звездолетов Солнечной выскользнула из гравитационного кокона прямо под носом блокирующего Прилив отряда Бессмертных, — успели израсходовать по два ИМа с каждого истребителя. С поправкой на них оставалось двести шестнадцать имитаторов. Совершив их отстрел, «Зигзаги» остались бы без средств защиты. А впереди ждали новые торпедные залпы, сопротивление сил планетарной обороны и дуэли с «Кнопками», которые вот-вот должны появиться.

Тактический анализатор вовсю вещал об опасности. Пауза затягивалась, и система безопасности выдала поспешный запрос на экстренную эвакуацию.

— Дура! — рявкнул Джокт, отключая систему.

Потому что эвакуация невозможна. Проход сквозь Прилив оказался заперт. Это стало понятно, когда полыхнуло еще два мегазаряда, а вслед за ними в Прилив вошел, будто вкатился, невесть откуда взявшийся астероид огромного размера, в несколько раз больше любого линкора. Точка оказалась заблокирована, его размеров как раз на это хватило.

Новый командир Джокта, майор Лерой, старший тридцатки, приказал сменить позицию, чтобы освободить сектор для орудий крейсерской группы. Но этот приказ остался неисполненным. Снова — светлая точка в спектре излучения звезды-гиганта, и снова — надежда только на инженерные станции. Их мощностей должно хватить еще на десять минут работы в режиме уплотнения гравитации, то есть для генерирования гравитационных линз, отклоняющих поток излучения.

— Командир? — не выдержав, на связь вышел кто-то из пилотов группы.

Джокт уже вывел «Витраж» на максимальный тангаж вправо. Его ведомые послушно продублировали маневр. Теперь тройка двигалась вперед полубоком. Секунд на пять-шесть запаса инерции хватило бы. Потом нужно выровнять положение «Зигзагов», стабилизируя полет. Иначе та же инерция выкинет их из общего строя, подставляя под убийственный поток излучения красного гиганта.

— Командир? — теперь уже не выдержал сам Джокт, прикоснувшись безымянным пальцем к кнопке на джойстике, управляющей сбросом имитаторов.

Вот тут наконец произошло маленькое военное чудо. Хотя только его и нужно было ожидать.

Десятка автоматических крейсеров, перестав тянуться за трофейным линкором, спешно мчалась назад — к боевой группе, выкидывая одну за другой гравитационные ловушки.

Джокту захотелось стереть со лба капельки пота. Естественно, находясь в СВЗ — скафандре высшей защиты, сделать это нереально. Зато сработал индап, услужливо прекратив потоотделение и возвращая сердечный ритм к норме.

Крейсеры, управляемые автоматикой, не имеющие почти никакого наступательного оружия, несли в блоках-арсеналах множество оборонительных средств, которых хватило бы на десять торпедных атак.

Почти сотня гравитационных ловушек была активирована на пути движения торпед. Те из них, что смогли избежать гравитационного плена, перенацеливались на ИМы, выпущенные крейсерами вслед за ловушками. Прорвавшиеся пять или шесть торпед — ничтожная величина от первичного количества — встретили шесть имитаторов, запущенных крайними истребителями. Тройка Джокта в этом не участвовала. Крейсеры между тем заняли независимую позицию, перекрывая направление к группе звездолетов со стороны астероидных поясов. Теперь можно не бояться торпедных атак. Корабли-автоматы описывали малую дугу, постоянно находясь на векторе предполагаемой атаки. Благодаря этому теперь появились время и возможность приблизиться к планете. А она уже вырастала на обзорных экранах, превращаясь из неприметной пылинки в коричневый диск, отдающий оранжевым оттенком. Это сказывался спектр излучения звезды. Таким планету делал световой поток, переломленный в сернисто-азотно-кислородной атмосфере. Не радовало лишь то, что рядом с диском появилась россыпь других звездочек — корабли планетарной обороны Бессмертных.

— Всем экипажам! — ожила общая волна, легко сканируемая средствами эфирного перехвата Бессмертных. — Говорит командор Бранч...

Все правильно. Прорываться обратно — неосуществимая затея. Фланировать в открытом пространстве, находясь в зоне поражения охранного комплекса автоматических торпедоносцев, пусть даже крейсеры на время устранили эту угрозу, — тоже не лучшая затея. Потому что по левому борту, терзая окрестности корявыми протуберанцами, пылало недружелюбное светило. Сдохни прямо сейчас хоть один генератор на инженерных станциях... Ну ясно... А явной цели, подлежащей атаке, поблизости не обнаружилось, хотя до последнего все надеялись найти таинственный центр управления излучением звезды.

Еще на Земле все почему-то сошлись во мнении, что Бессмертные каким-то образом сумели охватить часть пространства вокруг звезды гравитационными полями. И часть излучения, накапливаясь под изолирующим полем, выпускалась наружу дистанционно отдаваемой командой. То есть один из сегментов, находящийся в определенной точке наведенного поля изоляции, деактивировался. И оттуда вырывался аккумулированный поток излучения. Еще технические специалисты были уверены, что пункт управления всем процессом должен находиться где-нибудь поблизости от звезды, и уж никак не далее пяти световых минут от нее. Иначе чем можно

объяснить довольно точную «стрельбу» потоками излучения по истребителю ДУГи, который прорвался сюда два месяца назад и наделал большой переполох? Ученые не сомневались, что центром управления может служить и крупный комплекс с многочисленными дублирующими системами. Ведь чего мог стоить хотя бы один «промах»? Что случится на планете, если ее коснется поток излучения, смертельный для любых клеточных структур?

Из всего этого следовал единственно верный вывод — прорвавшимся отрядам нужно как можно скорее подойти к орбите планеты, где шансы на применение Бессмертными излучения звезды окажутся минимальными. Вражеский центр управления так и не был обнаружен, хотя вся бортовая отслеживающая аппаратура одного из линкоров занималась именно его поиском. Но вот задача как можно скорее добраться до планеты не утратила своей актуальности. Пусть даже там их уже встречают. И вовсе не с распростертыми объятиями.

Трофейный линкор больше не вводил Бессмертных в заблуждение, хотя и не перестал транслировать опознавательные сигналы. По нему влепили сразу сотню торпед, и пять линкоров, висящих на орбите планеты, не пожалели десятка гравитационных залпов батареями главного калибра. Странно, но «Обманщик» не бросился на форсаже под прикрытие эскадры, оставаясь рядом с плененным линкором. Очень странно...

— Всем экипажам! Линкоры и крейсерские группы выходят в атаку!

Командор Бранч, командующий линкором «Июнь», принимал на себя общее руководство. Хотя оба линкора, образующие ядро группы, относились к одному классу линейных кораблей — маталотов, первенство «Июня» не ставилось под сомнение, — его капитан уже десятый год осуществлял командование, а вот на «Августе», втором маталоте, вся команда была из новичков, за исключением, разумеется, аналитической и тактической группы. Сам командир «Августа» только недавно был назначен на эту должность. Раньше он командовал соединением крейсеров.

Удивительно, подумал Джокт, как нам не повезло! Если бы первой вошла шестая группа, то общая наступательная мощь оказалась бы выше.

Дело в том, что вся серия линкоров-«ежегодников», как называли их во флоте, создавалась по аналогии с серией «Зодиак». То есть в серии изготавливались два типа кораблей — линкоры-лидеры и вспомогательные линкоры-маталоты. «Январь» — лидер,

«Февраль» — его маталот, «Март» — «Апрель», и так далее. А у линкора-лидера защита на порядок выше, больше орудийных палуб, больше суммарная мощность залпа. Наверное, спешка, происходившая в последние дни, не оставила аналитикам времени просчитать, что будет, если пройти сможет только одна группа? Хотя в любом случае ответ на такой вопрос не мог оказаться оптимистичным. Наверное, именно из-за этого никто его и не задавал.

Теперь вся группа в ловушке, напоминающей мрачный туннель. Дорога обратно запечатана. Впереди — встреча с превосходящими силами противника. Так что уже не важно, каким звездолетам и какого типа предстояло пройти этот путь... Важно, что командор Бранч, принявший общее командование на правах более опытного капитана, стремился найти решение. И все надеялись, что ему удастся это сделать.

По предложенной диспозиции в атаку выходили оба линкора, пять тяжелых крейсеров, предназначенных как раз для такого рода работы, и пять «Моравов», крейсеров общефронтового типа. Пять троек истребителей должны следовать за ними, готовясь отсечь фланговую атаку «Кнопок» — излюбленный маневр Бессмертных. Остаток истребителей вместе с десятью «Моравами» обеспечивали неприкосновенность транспорта, на котором находилось девять штурмовых рот и столько же единиц бронетехники для подавления целей на поверхности планеты, в которых уже заняли свои места экипажи. Сам транспорт, величина абсолютно малая при сражениях в космическом пространстве, на поверхности превращался в довольно внушительную силу, имея на борту несколько комплексов ПВО и шахты, загруженные тактическими ракетами, а также радиолокационный пост, пост сообщения с пехотинцами и штат медиков, естественно, вместе с медблоком.

Сброс десанта сейчас выглядел утопией и мог служить скорее жестом отчаяния, чем перспективной операцией. Но, похоже, командор Бранч так не считал.

— В случае успешного развития событий десант выбрасывается в одном из наиболее густонаселенных районов планеты...

Вот именно это «в случае успешного развития» было единственным допущением, которое прозвучало в речи командора. Все остальное — сплошной императив: «Линкоры атакуют... тяжелые крейсеры очищают подлетный коридор... истребители отсекают... „Моравы“ с истребителями контролируют орбиту». Ха! А смогут ли пятнадцать «Зигзагов» отсечь все «Кнопки», которые тут окажутся? А потом — контролировать орбиту?

Как ни странно, императивная манера планирования впечатлила Джокта. Слова командора вселяли уверенность — так и будет! Только так, не иначе!

Сканирующая аппаратура вывела обстановку на экран. Пять линкоров, десять крейсеров, «Кнопки» — два отряда по тридцать штук...

Еще Джокт отметил, что императивы импонируют ему больше, чем привычные вводные с многоходовым анализом, с кучей запасных планов.

В случае невозможности... В случае, если... В случае... Не будет другого случая! Или — или! Как и все на этой проклятой войне. А значит, «Зигзаги» отсекут, должны отсечь. Крейсеры очистят коридор. Десант сядет. И наведет шороху.

Теперь все сказанное командором звучало даже не приказами — пророчествами Оракула. Пророчествами, которые обязательно сбудутся. Иначе никак.

Врут или не врут Оракулы? Прекрасный шанс проверить на собственной шкуре...

Но было в диспозиции еще кое-что... Инженерные станции и шестерка мониторов, что сунулись вслед за группой, проникнув внутрь «мыльных пузырей» в момент их митоза... Им командор определил особую роль.

Ввиду продолжения воздействия потока смертельного излучения, испускаемого гигантской звездой, три станции оставались в арьергарде, прикрывая южную для всей группы полусферу. А четвертая станция должна вернуться к выполнению изначальной функции и укрыть в гравитационный кокон все шесть мониторов. Именно вот этому скрытому отряду нужно произвести рискованный маневр (в изложении командора — отряд мониторов выходит на позицию фланговой атаки), чтобы, заняв выгодное положение в пространстве, выжидать удобного момента («отряд атакует скопление звездолетов!»). Для сопровождения четвертой инженерной станции отправлялась тройка «Зигзагов», имитирующих автономный проход по безумной, проигрышной траектории. Таковая траектория, по мнению командора, «вводит противника в заблуждение, они... ограничиваются равной силой противодействия...».

Джокт усмехнулся. Выходило, что командору Бранчу осталось только указать, какому из вражеских звездолетов и в какую именно минуту боя бесславно погибнуть, настолько оптимистично звучала вся диспозиция.

— Джокт! — голос командира Лероя, старшего в группе истребителей. — Уходишь с четвертой станцией, выводишь их на позицию...

— Принято, ком! — Он даже не успел осознать, насколько ответственная работа поручалась его тройке.

Две точки на экране полыхают желтым. Ведомые показывают готовность к исполнению.

— Конец связи!

Теперь все действия — полностью автономны. И все решения должны приниматься самостоятельно — им, Джоктом, лидером тройки боевых истребителей!

Если бы не индап, Джокт обязательно задохнулся бы от гордости. Он забыл про отрезанную дорогу назад, про звезду-гиганта, вражеский флот и все остальное. Теперь для него существовала только одна цель — верно определить место, откуда мониторы в момент снятия кокона смогут нанести единственный удар. Вряд ли в случае неудачи им позволят стрелять дважды.

Расчет командора во многом оказался верным. Невидимые операторы энергетических заслонок, которые вели управление излучением звезды, уменьшили широту луча и попытались пробить защиту основной группы кораблей, не реагируя на тройку истребителей, что ушла по большой дуге в сторону, но неминуемо должна была оказаться вскоре в гуще сражения. Потом, определив, какие именно действия предпринимает прорвавшийся флот землян, а именно, что они пытаются атаковать превосходящие их силы прикрытия планеты, операторы и вовсе перекрыли поток излучения. Знали бы они, что на инженерных станциях энергии для поддержания плотности гравитационных линз осталось всего на полторы-две минуты!

Но они не знали. Убедившись в неэффективности воздействия и опасаясь мазнуть потоком частиц по собственной планете, Бессмертные закрыли «окна». Таким образом, две линии обороны — астероиды-торпедоносцы, блокированные автоматическими крейсерами, и управляемая звезда — оказались пройдены. Оставалась третья, самая грозная компонента — флот врага!

Лерой отобрал еще четырнадцать пилотов и лично возглавил атаку. Когда Джокт увидел, что среди пяти атакующих троек нет тройки Барона, у него отлегло от сердца. Пробить такими силами шестьдесят «Кнопок», выстроенных в две перевернутые полусферы, лично ему казалось невыполнимой миссией. Правда, «Зигзаги» шли в сопровождении тяжелых крейсеров «бойцовой серии»: «Викинга», «Корсара», «Кнехта», «Зулу» и «Драгуна». Это были новейшие крейсеры, сочетавшие в себе оснащенность, надежность, маневренность дальних разведчиков и мощную броневую защиту,

за что их называли малыми линкорами. Ко всему этому в придачу «бойцы» обладали наступательной мощью звена «Моравов». Вот только экипажам приходилось нелегко нести службу на тяжелых крейсерах, и после каждого рейда мало кто из астронавтов не попадал в лазарет. Такой ценой — ценой здоровья, а иногда и жизни членов экипажа достигалась и высокая маневренность, и способность вести дуэли с линкорами Бессмертных.

Вскоре Джокту стало не до посторонних мыслей, пусть даже они отнимали считанные секунды. Вражеский флот прикрытия планеты пришел в движение, и пять линкоров самоуверенно-надменно выстраивались в линию, разворачиваясь бортами к атакующему строю землян. Меньше чем через пару минут они могли начать обстрел.

«Кнопки», посчитав пятнадцать «Зигзагов» недостаточной угрозой, начали рассредоточение. И это стало их первой ошибкой...

Десяток крейсеров противника переместились ближе к планете. Скорее всего, для предотвращения бомбардировки ее поверхности. Вторая ошибка...

Потому что теперь командор Бранч мог быть уверенным, что Бессмертным есть что защищать на этой планете и что сил противокосмической обороны на планете явно недостаточно. А значит, его решение отправить вниз штурмовое подразделение может дать полезный эффект. В любом случае сражение на орбите не могло продолжаться долго. Вот-вот сдохнут генераторы инженерных станций. По изменению гравитационной составляющей Бессмертные это сразу поймут. Тогда им достаточно будет просто выдавить флот Солнечной обратно, под убийственный поток.

Еще здесь, на орбите, транспорт штурмовой пехоты КС — скорее обуза для флота. Выделить часть звездолетов для его защиты невозможно, они нужны в бою, и транспорт окажется просто мишенью. Даже для шального истребителя Бессмертных, удачно выбравшего позицию для торпедной атаки. А значит, выход лишь один. Дать штурмовикам ту единственную работу, которую они могли сделать здесь, в чужом секторе пространства, на поверхности чужой планеты под светом чужой звезды. Дать работу штурмовикам и шанс всему флоту. Увидеть за безнадежностью ситуации проблеск надежды. Сажать десант! Иначе все остальное — бессмыслица...

Хотя неизвестно еще, каков гарнизон планеты. Ведь там могло оказаться до черта штурмовиков Бессмертных и целая армия «Трепангов» — бронированных экранопланов, являющихся основной разновидностью наземной боевой техники врага. Скорее всего, так

оно и есть, вот только все решает не количество техники, а ее мобильность. Успеют ли Бессмертные стянуть как можно больше сил к месту высадки десанта или не успеют?

Укрепившиеся на плацдарме девять рот штурмовой пехоты Солнечной — почти полтысячи штурмовиков, да еще под прикрытием комплексов защиты собственного транспорта, с выведенными на периметр «Шарками» — крепкий орешек. А если вдобавок обеспечить им орбитальное прикрытие... Сутки они продержатся. С прикрытием, может быть, больше. Вот только что им делать на незнакомой планете все это время, Джокт не понимал.

Между тем нужно было определяться с мониторами. Найти для них позицию чуть дальше, чем необходимо, — будет утерян эффект неожиданности, и вражеские звездолеты сумеют рассредоточиться до того, как мониторы дадут залп. Выйти на позицию чуть ближе, в зоне поражения вспомогательными калибрами, и автоматика линкоров уничтожит мониторы раньше, чем они произведут прицеливание. Дилемма, для которой нужно найти золотую середину. Джокт понимал, что нужно рисковать. Что весь план командора строится только на риске и неожиданности. Но как свести риск к минимуму, а возможность успеха — к максимальной величине?

Связь с операторами мониторов исключена. Перехватив сигнал, Бессмертные поймут, что у них на фланге происходит то же самое, что случилось при проникновении флота Солнечной в пределы этого сектора. Теперь они не будут тратить время и строить догадки — первые залпы заставят инженерную станцию израсходовать все запасы энергии, и мониторы выпадут в оптическое пространство, лишенные защиты. Последующими залпами — или торпедной атакой, что не имело никакой разницы, — мониторы будут уничтожены.

Дилемма... Но что-то уже вертелось в голове. Какая-то мысль, какой-то до крайности безумный план. Безумный и смешной одновременно... А что, если...

Долго раздумывать не получается. Линкоры Бессмертных дают пристрелочный залп. Красная полоса на экране тактического анализатора, определяющего сейчас зону поражения, возникает в нескольких миллионах километров от вырвавшихся вперед тяжелых крейсеров. «Бойцы» идут на половине световой. Примерно через двадцать секунд достигнут полосы отчуждения, и тогда Бессмертные начнут долбить пространство главными калибрами. Если продолжать движение, то прорваться повезет двум-трем из всей крейсерской группы. И наверняка больше половины постов на этих счастливчиках выйдет из строя... «Моравы» не пройдут,

это точно. Не тот уровень защиты. Линкоры, из которых только «Июнь» выполнен по проекту «Носорог» и оснащен трансформирующейся носовой частью, тоже могут попытаться... Ну а дальше? Что дальше? При равной дуэли у линкоров имелся бы шанс. Но когда два против пяти, это не что иное, как суицид. Осмысленное самоубийство!

Секунды таяли, как инверсионный след за соплами движков. Истребители расходятся пятью тройками, им даже близко нельзя подходить к полосе отчуждения — разорвет гравитационными вихрями! Но линкорам Солнечной тоже мешает работа «Зигзагов», и сейчас истребители сходились по каким-то диким, немыслимым траекториям, напоминающим меридианные линии глобуса. На каждую тройку «Зигзагов» доставалось двенадцать «Кнопок»!

Если бы это оказалась игра, Джокт предпочел бы играть за соперника. Не так страшно, а главное — наверняка победа.

А пространство вокруг дрожало огнями далеких звезд, и, даже сливаясь в черточки при активном маневрировании, звезды были прекрасны! Прекрасны, но равнодушны ко всему, что сейчас должно произойти. Индап ввел Джокта в состояние странной эйфории, когда хотелось говорить со звездами, просить их, чтобы острие атакующих крейсеров не расплющилось о толстый брус вражеской защиты... Чтобы где-то рядом открылась дорога домой, к Крепости, и им было позволено уйти...

— Лидер! — Его вызывал Смоки, разом нарушив призрачную идиллию. — Наши действия?

Ну вот, отметил Джокт, вот и весь мой авторитет... Не командир, а только лидер. К тому же зазевавшийся от бездействия. Хотя чего можно ожидать от более опытного, наверняка разменявшего сотню вылетов, офицера?

Оба ведомых явно пребывали в растерянности, не имея, как и Джокт, ни малейшего представления о том, что им надлежит сделать. И вернулась та самая мысль — безумная и смешная... Планета вместе с группой вражеских линкоров уже близко. Выставить еще одну полосу отчуждения, пускай вспомогательными калибрами, — задача по силам носовым постам головного линкора. Но даже без этого к тройке Джокта уже метнулось десять «Кнопок», что никак не облегчало задачу остальных «Зигзагов».

Первая часть фокуса с незаметно подкравшимся стадом слонов прошла успешно. Потом оказалось, что все слоны рухнули в огромную яму-ловушку. Жаль, что сейчас нельзя послать еще один сигнал «я — свой!». Нельзя послать сигнал...

Мысль оформилась. Нет, не перестала выглядеть безумной. Правда, смешного в ней поубавилось, потому что отдать приказ ведомым он сумеет, но разгадают ли его замысел скрытые невидимостью мониторы? Пусть даже их антенны принимают и прослушивают переговоры, звучащие на открытой волне. В том-то и проблема, что нельзя ничего говорить напрямую. Если Бессмертные разгадают... А они, твари, сейчас настороже и разгадают обязательно... Но ведь не дураки управляют мониторами? Далеко не дураки! И ведомые — Смоки со Спенсером, на дураков никак не тянут.

— Спенсер, Смоки, что бы вы стали делать с перебежчиком?

Молчание. А секунды идут. Вот-вот откроются носовые порты ближайшего по траектории схождения линкора!

— Что бы вы стали делать с товарищем, который решил перестать быть вашим товарищем?

Разъяснять нельзя, очень вероятно, что Бессмертные давно понимают человеческую речь, звучащую в открытом эфире, научились ведь они использовать синтезированные фразы в радиоэлектронной борьбе! Поэтому — разъяснять нельзя, только косноязычно... Теряя время и невнятно... И ждать ответа уже некогда.

Джойстик на себя, потом — в провал, с заваливанием. Тьфу ты! Опять получилось влево! Но это сейчас — как к заднице дверца. Ведомые теряют его на секунду, потом Спенсер открывает огонь.

— Умница! — орет Джокт, подставляясь с кормы.

Нас не учили пилотировать «Кнопки». Мы не знаем, когда пилот — Бессмертный — чувствует себя наименее защищенным. Но вот они, на удивление разумные черви, усвоили, как легко атаковать «Зигзаг» с кормы, особенно — выпустив две торпеды, врубив боевой лазер и долбанув плазмогенераторами. Что-нибудь обязательно зацепит. Причем торпеды идут не прямо в хвост, а к обтекателям движков, ведь движки нельзя одновременно сориентировать в разные точки одной плоскости!

Половина сделана, с облегчением подумал Джокт, когда его «Витраж» тряхнуло близким срабатыванием торпеды. Все верно. Самоликвидатор. Замечательная штука! А вот — два потока плазмы по корпусу, отчего садится половина отслеживающей аппаратуры и начинает барахлить навигационный экран. На нем, впрочем, уже неясно, где желтые точки, а где — бирюзовые. Перестарался Спенсер, но, может, оно и к лучшему!

Рыская из стороны в сторону, выписывая синусоиду, при которой вибрация добирается сквозь СВЗ к ребрам и колотит по ним,

будто отбойным молотком, «Витраж» рвался к «Кнопкам» и линкорам Бессмертных, как к самой желанной гавани.

Когда-то давно, как утверждали старослужащие, имели место случаи дезертирства. Это еще до индапов. Конечно же, ни о каких попытках предательства речи не шло, просто не всем пилотам удавалось справиться с накатывающей паникой. Секундное помешательство приводило к тому, что такие пилоты кричали: «Не стреляйте!», адресуя свой крик врагу. Тогда еще ничего не было ясно — кто противник, какие у него намерения, зачем вся эта война? И Бессмертные не стреляли...

Заполучить в целости «Молнию» или «Комету» — истребители того времени, наспех переделанные из малых исследовательских кораблей, — считалось врагами за удачу. Ведь вместе со звездолетами им доставалось много еще чего любопытного: аппаратура связи, кодировщики сигналов, координаты форпостов, занесенные в бортовой компьютер. Потом — схемы доступных человечеству Приливов, тогдашние модели скафандров высшей защиты — и... содержимое этих скафандров для анатомических исследований! Только потом появились индапы, исключающие панику, вычеркивающие ее из списка человеческих эмоций. И такие случаи прекратились. А «Зигзаг», подобранный вражескими эвакуаторами после боя, это вовсе не то же самое, что полностью сохранившаяся машина. Так, хлам. Развалившийся корпус, расплавленные панели, и мертвая мумия, с которой свисают лохмотья и обломки стальных ребер скафандра.

Джокт не очень-то доверял подобным байкам насчет «перебежчиков», но все же слышал о них. И вот — пригодилось. В любом случае, его расчет оказался верным. В бою, особенно при сближении на контркурсах, когда все внимание приковано к вырастающим в размерах звездолетам врага и тело, и сознание ждут единственно возможных действий, то есть начала оружейной дуэли, любая неожиданность, любое нестандартное действие вызывает в первую очередь замешательство. Перед тем как сделать такой рискованный ход, Джокт представил себе ситуацию, в которой одна из «Кнопок» вдруг вырывается из общего строя и на форсаже улепетывает от своих соратников, а ей уже высвечивают дорогу боевые лазеры и летят торпеды. Что бы тогда сделало командование флота Солнечной? Какое решение принял бы любой пилот или комендор? Пропустить, прикрыть собственной боевой мощью такой корабль, а разобраться — отчего да почему? — можно и после. Именно так и собирались сейчас поступить противники. Только одно звено во всей этой не-

понятке осталось им неведомо. Группа мониторов, скрытно подбирающаяся на расстояние убийственного залпа, залпа в упор!

Джокт, стараясь сохранить целой зубную эмаль, уже ничего не мог говорить. Едва удерживая истребитель на курсе, он активировал кормовую турель. Повредить ведомым это никак не могло, ну а для убедительности — вполне сойдет...

У «Кнопок» имелась сотня возможностей выпустить навстречу ему торпеды, и тогда «Витраж» не спасло бы ничего. Но они не выпустили торпеды. Едва сумев из-за критической вибрации сфокусировать зрение на экране тактического анализатора, Джокт успел заметить, что «Кнопки» расступаются, пропуская поврежденный «Зигзаг». Головной линкор тоже делает движение навстречу и дает пристрелочный залп. Но тугая волна гравитации проходит над «Витражом», чуть-чуть не доставая ведомых. Спенсер со Смоки выпускают еще по торпеде и бьют плазмогенераторами, на этот раз — «в молоко». И отваливают, выписывая полукружья на малых радиусах разворота.

— Лежать нам в лазарете рядом! — с каким-то восторгом отметил Джокт.

План сработал. Безумная мысль, сумасшедшая импровизация — все удалось!

Носовые орудия линкора задействованы, ищут возможность ударить на опережение, пытаясь задеть два уходящих истребителя хотя бы на излете. Вычислители, или что там есть у червей, загружены работой. Теперь линкору будет не так-то легко провести перенацеливание: снять прежнюю боевую задачу, взять координаты новой цели, приступить к выполнению другой задачи...

Одна из «Кнопок» разлетается в рыбью чешую, столкнувшись с невидимой преградой. Не научились еще, значит, Бессмертные локировать хитрые поля инженерных станций! И кокон снят, на доске появляются сразу шесть запасных ферзей. Если даже не ферзей, то хотя бы башен, что никак не облегчает участь врага. Еще на подлете мониторы сориентировали артиллерийские палубы на прямолинейную курсовую стрельбу. Сейчас шестерым комендорам остается только привести в движение первую и вторую фаланги указательных пальцев...

И комендоры не сплоховали! Залп в упор, когда частицы гравиквазеров не просто вонзаются в корпуса вражеских линкоров, но прошивают их насквозь, словно тяжелая картечь — листовую пластмассу. Теперь Джокту уже не хотелось бы сыграть за противника.

Первый линкор превращается в дырявый шарик для пинг-понга, который только что отправлен в молниеносное туше. Он врезается в следующий линкор, невесомость, как известно, не уничтожает массу. А когда два тела, обладающие массой, начинают к тому же взаимодействовать, появляется давление — произведение массы на ускорение, приложенное к поверхности.

Если атом водорода обладает массой семнадцать в минус двадцать восьмой степени килограммов, а галактика Млечный Путь, в основном состоящая из атомов водорода, по некоторым оценкам имеет двадцать два килограмма в сороковой степени, то масса вражеского линкора отложится где-то посредине. Семь в девятой степени килограммов. Масса двух уже мертвых линкоров — полтора десятка миллионов тонн. Ускорение — более чем достаточное. Площади соприкосновения — имелись...

Зря навигаторы Бессмертных выстроили линкоры в идеальную линию... Все, что с ними произошло, в замедленном темпе (и уменьшенных масштабах, разумеется) должно было походить на красиво складывающуюся цепочку фишек маджонга, когда они по очереди валятся друг на друга...

Гравиквазеры не просто вонзаются в звездолеты, а становятся вязальными спицами, пропущенными сквозь податливую шерсть. Первые два линкора, превратившись в хлам, бьют жестким облаком металлического рванья в третий линкор. Он тут же приумножает общую груду, как очередной пласт снега делает толще ком для снеговика. Четвертый... Мог уцелеть. Если бы мониторы не шарахнули повторно, прямо в центр обломков, оставшихся от первых трех линкоров. Четвертый звездолет, пораженный частью обломков, начал заваливаться набок, будто в нем сместился центр тяжести. Именно в таком положении его и настигает второй залп. Центр исчез вообще, как, впрочем, сам четвертый линкор. Замыкающий, пятый, успел сманеврировать, и Джокт поразился реакции навигаторов и подвижности этой махины. Но при уклонении от столкновения последний из линкоров вынужден был выйти на форсаже в сторону мониторов. Как ни велики были возможности корабля, это не пошло на пользу его экипажу. Облако обломков все же задело корму пятого. И он завращался на месте, нанизывая сам себя на новый поток квазеров.

— Сошла лавина, и лыжники финишировали одновременно! — прокомментировал Спенсер.

Всего тремя залпами отряд мониторов дальнего действия вынес целое линейное соединение врага. Теперь планета оказалась беззащитной. Почти...

Глава 4

Джокт положил истребитель в крутой вираж, расстроив и без того смятенный порядок вражеских «Кнопок». И теперь возвращался к ведомым.

— Лидеру тройки истребителей! Орден Доблести! Повышение в звании! Что угодно! — командор Бранч, казалось, подарит сейчас Джокту звезду с неба.

Главное, чтобы не эту, оранжево-красную...

Линкор командора, не обращая внимания на огрызающиеся «Кросроуды» Бессмертных, уже давил полными бортовыми растерявшиеся «Кнопки», расстроив обе «Червивые розы». И основная группа «Зигзагов» уже кинулась добивать разрозненные вражеские звенья истребителей. А весь крейсерский отряд, «Моравы» и тяжелые крейсеры, вышли вплотную к планете.

— Впервые слышу, чтобы за дезертирство раздавали ордена, — сказал Спенсер и только потом добавил: — С возвращением, лидер! Надеюсь, мы не сильно помяли твой «Витраж»...

— Все в порядке.

Джокт еще не осознал до конца, что только что стал орденоносцем со всеми причитающимися привилегиями. Ему пока тяжело было сосредоточиться на такой новости. Компенсация ускорения, когда на доли секунды перегрузка возросла до сорока «же». Возврат. Проверка систем истребителя.

А на поверхности планеты уже расцвели первые бутоны разрывов. Крейсеры приступили к орбитальной бомбардировке.

— Нет, ты действительно герой, хотя и наполовину сумасшедший, — теперь заговорил и второй ведомый. — Я уже подумал...

— Ничего себе — только подумал! Кто мне половину датчиков плазмой срезал?

— Ну я... — не нашелся, чем оправдаться, Смоки.

— Будешь должен шикарный стол в Эр-Пе-Ве! Когда вернемся... И чтобы — яблоки натуральные! Полкредита за штуку! И талую воду с ледников! — вспомнил Джокт старый рассказ Барона про быт хайменов. — А если честно, я больше всего боялся, что вы не станете ничего делать, а рванете следом. Тогда бы никто никому и ничего не был должен...

— Принято, ком! Будут тебе талые яблоки и ледник за полкредита!

Мимо истребителей как раз проходила цепочка мониторов. Слажено, по команде, они сбросили скорость практически до нуля.

После, нелепо перевалившись с боку на бок — все разом, — снова вошли в полетный режим. Джокт почувствовал себя маленьким мальчиком, перед которым взрослые и суровые дядьки выстроились по стойке «смирно» и козырнули, словно самому чтимому старейшине. Вот только не хватало ощущения законченности... Как будто стереть одну «Кнопку», когда рядом щетинятся антеннами еще сотни таких же «Кнопок». И нет дороги назад.

— Наши действия, ком? — обратился Джокт к командиру Лерою.

Тот ответил не сразу. Не оттого, что был занят погоней за целью или выведением тактических расчетов. Скорее ему нечего было ответить.

— Наши действия — полное бездействие. На орбите все уже чисто. Линкоры минируют вторую приливную точку, других Приливов в ближайших секторах нет. Разве что сами Бессмертные прогрызут. Но тогда нам... — Командир прикусил язык, и слово «крышка» не прозвучало. — Сейчас будут готовить к посадке транспорт.

— Но куда именно? В какую точку?

— Не по адресу вопрос. А вообще, диспозиция существовала еще изначально. Вот и проверим — насколько она верна...

— Джокт! — коснулся слуха слабый вызов Спенсера. — Джокт, внутренняя связь!

Лерой отключился от общей связи, но Джокт, привыкший доверять другу, не воспользовался этим обстоятельством, скользнув пальцем в перчатке по полоске активации внутренней связи.

Теперь общение происходило только между ним и Спенсером. В случае необходимости система связи вышла бы автоматически на общую волну.

— Слушаю, Спенсер.

— Не дразни майора, видишь, он сейчас не в ладах с самим собой.

— А еще больше — с командором Бранчем, — добавил Смоки, который уже висел на одной волне со Спенсером.

— Но я же ничего такого...

— Конечно, ничего такого. Ты бы еще попросил расчет вероятности возврата в Крепость! Все пошло наперекосяк, и нужно это понимать.

— А я и так понимаю. Но это не значит, что не имею права уточнить дальнейшую задачу... Между прочим, задачу для всей тройки.

— Право ты, конечно, такое имеешь. Но... не надо, Джокт. Мы — команда. Авторитет командира для всех непререкаем. А ты только что посадил его в лужу. Понимаешь? Какого ответа сейчас можно

ожидать? Вы трое — налево, остальные — направо, начинаем биться лбами в запертый Прилив... Нет? Или — всем истребителям собраться над южным полюсом планеты!

— Южным? Полюсом?

— Не хочешь? Тогда — над северным. Или вообще — следуем к поясу астероидов, посмотреть, как там дела у автоматических крейсеров... Нет никакого плана действий. И быть не может. Командор Бранч просто следует логике изначального плана — раз уж мы сюда пришли, чтобы прорваться к поверхности, значит, десант пойдет на посадку. И будет держаться, сколько сможет. В случае, если основным силам удастся пройти твоим Серым Приливом, эти действия имеют смысл.

— Но ведь это не удастся! — почему-то обиженно проговорил Джокт, отчетливо представляя, насколько надежно закупорен Прилив.

Еще он был ошарашен пусть дружеским, но внушением за, в общем-то, безобидный вопрос, адресованный командиру истребительного отряда.

— И я так думаю. Не удастся. И Смоки так думает... Смоки? Согласен?

— После той дуры, что рванула в приливной точке, да еще после астероида, — видали, какой огромный? — там даже пехотинец с ранцевым двигателем не протиснется. Но шанс — это всегда неожиданный гость. Кто знает. Что произойдет уже через пять часов? Или через пять минут?

— Вот видишь, Джокт! Все так думают. Второго варианта нет, только ждать. А если ничего не выйдет у всех нас... Все равно для десантников существенная разница — где подыхать! На поверхности, в бою, или в коробке транспорта... Не в этом дело. Просто со стороны выглядело так, будто ты герой дня, выполнивший свою часть работы, а командир на твой вопрос...

— Я понял. Ты прав. Сейчас извинюсь.

— Стой, Джокт! Стой, дурак! Ты...

Но Джокт уже вернулся на общую волну, снова запросив майора Лероя.

— Не сейчас, — последовал ответ, прозвучавший, как показалось Джокту, с оттенком раздражения.

— Ком, я насчет своей глупости...

Снова тихо зашелестел индивидуальный вызов Спенсера, и Джокт уловил что-то насчет свойства любой глупости ширяться и размножаться.

— Прошу меня извинить. — Сразу после этого Джокт перешел на индивидуальный канал связи с командиром. — Я даже не уверен, что и сейчас поступаю правильно... Только прошу не думать, будто я...

Вот, черт! Опять запутался!

Пару секунд командир молчал, и были слышны только отголоски переговоров экипажей крейсеров, отмечающих бурной радостью каждый новый запуск орбитальной бомбы. Запуск, маневрирование в атмосфере, где бомбы пытались перехватить средства ПКО, а главное — моменты контакта. Счет шел уже на десятки тысяч километров уничтоженной поверхности.

— Тут любой запутается, — наконец-то отозвался майор, и Джокт физически ощутил ту незримую линию, находясь на которой Лерой выбирал — свернуть налево или направо? Очередной палиндром. На этот раз шаг был навстречу. — Хорошо хоть, понял... В следующий раз попробуй обдумать последствия любого вопроса, прежде чем задашь его. Сам, кстати, понял или...

— Нет, это Спенсер, — признался Джокт.

— Спенсер... Хорошо, — последовало неожиданное заключение, — до связи.

Очень хорошо! Просто замечательно! Добиться от командира признания в том, что он беспомощен! Пусть даже признания на индивидуальном канале!

Пока Джокт так раздумывал, он неосознанно приблизил «Витраж» к планете. Слишком уж заразительны и эмоциональны оказались комментарии экипажей крейсерской группы.

— О! Тут были Аппалачи!

— Куда подевался Мадагаскар? Или показалось?

— Повезло пехотуре, спустятся, а там — голое поле. В ямочках.

— Смотрите! Бомбометчики что-то пишут!

— Как — пишут?

— Не как, а — чем... Орбиталками! Уже написали: «Пламенный привет от...».

Привет был действительно пламенный. Три материка, различимые с орбиты даже под толщей желтушных облаков, покрылись апокалипсическим пунктиром. Очаги бушующего огня, прожигавшего почву на сотни метров вглубь, складывались в какие-то буквы. Разглядев все как следует, Джокт понял: ему почему-то не хочется разделить общее веселье. Пусть даже там, внизу, был враг. Все-таки бомбардировке подвергся не какой-нибудь сплошь военный объект, а планета. И сразу вспомнился вражеский транспорт, который

Джокт выпустил из перекрестья прицелов. Он все никак не мог забыть «Поворот Альвареса» в исполнении навигатора — Бессмертного. Зря пытались добиться от него вразумительного мотива этого поступка сотрудники особого отдела. Ведь никак невозможно объяснить посторонним то, что не можешь объяснить самому себе.

Учитывая общий эффект, достигнутый прорывом в этот сектор пространства единственного истребителя, дистанционно управляемого Джоктом, в конце концов особисты оставили его в покое. Но он-то! Он не обрел покой! Поэтому и не разделял радость бомбометных расчетов...

— А что силы сопротивления?

— Уничтожают не более десяти процентов орбитальных зарядов... Только в двух-трех районах — до пятидесяти процентов... Наверное, там и будет место высадки. Штабы, заводы или еще что-нибудь... Не зря они лучше охраняются.

— Но там же ничего не останется!

— Наоборот. Обязательно кто-то и что-то останется. И десанту придется нелегко.

В таких рассуждениях имелась, конечно, логика. Очень вероятно, что силы противокосмической обороны сконцентрированы вокруг особо важных объектов и территорий. Но еще могло оказаться, что плотная оборона — обманный ход Бессмертных. Показать силу там, где она не нужна, оставив запас противодействия там, где надо. Чтобы в момент высадки встретить десант во всеоружии. Но гадать не приходилось. Крейсеры клали орбитальные бомбы без всякой системы, нащупывая именно зоны повышенной защищенности. Потому что теми силами штурмовой пехоты, какими располагала прорвавшаяся группа кораблей Солнечной, удержать планету невозможно. Невозможно и бессмысленно. Вот захватить какой-нибудь военный или промышленный объект — реально. Захватить, чтобы вытряхнуть, выпотрошить, вывернуть наизнанку, но найти что-нибудь такое, что сможет оправдать все потери, которые неизбежно возникнут при высадке. Утопия! Сплошная утопия!

Наконец к планете вернулись линкоры, закончив минирование второй приливной точки. Они сбросили скорость, врубив движки на реверс, и, компенсируя инерцию, прорисовались двумя овалами. Но тут же ушли в тень планеты, опасаясь очередной каверзы местного светила.

Наверное, командор Бранч был прав, принимая решение посадить на поверхность второй линкор. Посадить прежде, чем вниз

метнется десантный транспорт. Наверное, он прав и в том, что вместе с линкором на посадку отправляется одна из инженерных станций. Но почему — истребители?

— Майор Лерой! Две тройки ваших «Зигзагов» тоже идут вниз. Отправьте к «Августу» шесть машин, их спустят в гравитационных захватах...

Линкор, в отличие от десантного транспорта, не предназначен для посадки на планету. Вернее, производит ее только в исключительных случаях, и маневрирование в условиях сверхмалой тяги, под воздействием гравитации планеты для него сильно затруднено. При этом громадина звездолета движется по сужающейся спирали, то есть звездолет вынужден описать несколько кругов в атмосфере, прежде чем его корпус будет поставлен «на дюзы». А это означает, что на пути своего движения он заставит ожить все пункты противокосмической обороны, что уцелели при бомбардировке. Дальше остается выявить и подавить их.

Сама посадка «на дюзы» выпарит огромный кратер, который наполовину скроет профиль линкора, при этом для носовых орудийных палуб сохранялась возможность противодействовать баллистическим ракетам, если, конечно, такие ракеты будут запущены. Это в плюс. Второй плюс — увеличение плацдарма для высадки десанта. Использование корабельных «Вариоров» в качестве воздушного прикрытия плацдарма — это третий плюс. Миниджеты и, конечно же, стационарное вооружение линкора должны расширить возможности десанта. Что касается инженерной станции... После недолгого размышления Джокт понял, в чем ее предназначение. Она должна отдать все запасы гравиквазеров для обеспечения взлета линкора с поверхности. А если повезет, то и десантному транспорту могло кое-что достаться. Но к чему «Зигзаги»? Да еще всего шесть машин? Этого Джокт понять не мог.

Воздушное патрулирование? Работы движков в режиме атмосферного старта даже на сверхмалой тяге хватит минут на пятнадцать-двадцать, вряд ли больше. Вдобавок, без способности после этого самостоятельно подняться на орбиту, не говоря уже о дальнейшем участии в сражении! Хотя дозаправка, конечно, возможна, но... Все ради пятнадцати минут ползанья на черепашьей скорости под желтым небом этой планеты? Сколько там можно держать для более или менее эффективной работы? Одну-две звуковые? Это если у Бессмертных не окажется каких-нибудь тихоходных планетарных самолетиков, идущих на дозвуковых скоростях. Как ни странно, именно они могут случиться самыми грозными

противниками — практически недосягаемыми для «Зигзага». Как работать торпедами? Вычислитель МПКТ просто-напросто сойдет с ума! О каком наведении может идти речь, если движки торпед не рассчитаны на скорость меньше, чем одна сотая световой? Да и собственные радарные со сканирующими установками «Зигзага» не возьмут цель на большом удалении. Только до горизонта, может быть, километрах в двухстах. Еще одна утопия!

Плазмогенераторы и лазерные турели... Не выдержит энергосистема истребителя. А если и выдержит, срок полета с десяти-пятнадцати минут сократится до смехотворного промежутка между стартом и быстрой посадкой. Без навигационной карты, без определителя положения в пространстве. Ну-ка...

Джокт произвел нехитрый расчет, учитывая данные спектроскопа, показавшего приблизительный состав атмосферы. Вышло чуть больше, чем он предполагал вначале, но тоже неутешительно. Двадцать две минуты полета — в некритических режимах, и четыре — при боевом маневрировании, с задействованными системами ближнего боя. Ближнего по меркам открытого космоса, естественно. Но это все — без учета дополнительной тяги двигателей, поскольку сила притяжения планеты требовала лишнего расхода мощности. «Зигзаг» — не планер, его масса покоя над планетой превращалась в вес, и нужно было, вдобавок ко всему прочему, элементарно не свалиться в пике. Значит, и оружие ближнего боя — утопия. Что еще? Выполнение функции эвакуатора? Смешно. Самим бы кто-то помог! В корабле элементарно не хватит места для двоих человек в СВЗ. Теоретически можно представить, как кто-то — но только без скафандра высшей защиты! — втиснется в кабину. А дальше? Взлет просто убьет пассажира. Если подниматься без форсажа, запас активных гравиквазеров закончится раньше, чем истребитель достигнет стабильной орбиты, где его можно дозаправить или же зацепить гравитационными захватами.

Тогда — зачем? Зачем командору на поверхности потребовались «Зигзаги»? Там, где от них ровным счетом никакого толка не будет и быть не может? Неужели командор допускает ошибку? Или оговорился? Но нет, так не бывает...

Скорее всего, майора Лероя сейчас посетили точно такие же мысли. Потому что он, получив приказ, медлил с его исполнением. Джокт подумал, что вот еще пять секунд, и майор получит выволочку от командора. Но нет. Напоминание о поставленной задаче на выволочку не походило. Скорее это было сглаживанием того острого угла, который вот-вот должен был вклиниться между командующим всей группы и командиром звена истребителей.

— Майор Лерой! Направьте выбранных пилотов к третьей инженерной станции, им еще потребуется время принять контейнеры с дополнительным запасом квазеров.

Передача на общей волне. А значит, Лерой не посмеет спорить с командором и задавать уточняющие вопросы. Единственное, что попытался уточнить Лерой, — какие именно пилоты потребуются на поверхности? Мастера ближнего боя или же самые опытные в пилотаже? На что командор Бранч уклончиво посоветовал направить самых везучих. Лерой замолк. Но вскоре принял решение.

— Тройка Джокта! Тройка Смэша! Направляетесь к третьей станции и принимаете контейнеры. Садитесь на планету вместе со штурмовой группой, посадка — в гравитационных захватах линкора!

Было похоже, что Лерой начал перенимать манеру командора, облекая приказания в форму императива. Направляетесь. Принимаете. Садитесь. Очень удобная форма, скрывающая все недоговоренности. А что они должны делать после посадки?

Бессмысленно было спорить с командиром, к тому же Джокт увидел все совершенно в другом ракурсе. Посадка на планету — это же безумно занимательное приключение! Приключение, в которое грех не захватить своих друзей.

— Предложение, ком!

— Опять? — Джокт представил, как у Лероя сдвигаются брови.

Наверняка майор ожидал от молодого пилота очередной бестактности.

— Нет, ком! Поскольку полетная миссия — явный нестандарт, предлагаю направить вместе с моей тройку Барона. Они присоединились к звену при входе в Прилив...

— Обоснование?

— Я, Барон и один из его ведомых входили в состав одной тройки. Может быть, это обстоятельство...

— Принимается. Тройке Смэша — отбой. С Джоктом идет Барон.

Или это только показалось Джокту, или на самом деле Смэш выдохнул с облегчением, услышав отмену приказа для его тройки. Ну что ж... Мало кому нравится неопределенность...

Вообще-то, не глядя на имеющуюся в предложении Джокта логику, решение командира могло оказаться прямо противоположным. Не потому, что Джокт, пусть корректно, в скрытой форме оспорил приказ. Не весь, в какой-то его части, но все же... Что-что, а любые признаки раздражения и решения, принимаемые на основе эмоций, индапы отсекали почти со стопроцентной гарантией.

Почти — потому что некоторые эмоции оставались устойчивыми к медицинскому вмешательству. Как сойти с боевого курса, если там, в двух шагах от смерти, окажется твой друг? Как уничтожить вражеский транспорт, который...

Джокт вздрогнул, увидев снова перед глазами задирающий носовую часть транспортник Бессмертных, который он должен был сжечь, но не сделал этого. Вот сработал инъектор индапа, и мысли вновь вернулись в прежнее русло.

Командир Лерой не стал бы жертвой эмоций, даже отклонив просьбу Джокта. Дело в другом. Предполагалось, что в боевой обстановке любой из пилотов должен проявить максимум мастерства и умений. С учетом универсальности подготовки пилотов разницы между тройками существовать не должно. Как и разницы в выборе той или иной тройки. Но задача действительно была явным нестандартом. Командор Бранч не торопился с разъяснениями. Могло случиться и так, что у него не имелось разъяснений. Просто какая-то недооформившаяся мысль. Возможно, даже на уровне интуиции. На то он и командор, чтобы всегда быть готовым к импровизациям.

Джокту почему-то вспомнился его детский поход к границе плутонианского города — Купола. Там, за невидимой энергетической перегородкой, начиналась безжизненная замерзшая пустыня. Температура под Куполом держалась в пределах приемлемой нормы — от десяти до двадцати градусов Цельсия. Но сложный гравитационный барьер Купола, запросто выдерживающий чудовищную разницу в температуре, давлении, других параметрах, отличающих мир под Куполом от агрессивной космической среды, непроницаемая перегородка для потока излучений и метеоритов, он был устроен так, что по всему периметру проходила зона сброса накопленного тепла. И у границ Купола, на всем их протяжении, воздух звенел от сухого мороза. А на полосе шириной приблизительно в сто — сто пятьдесят метров лежал вечный снег. Однажды группа одноклассников Джокта, и он сам в их числе, отправилась на целый день к границе Купола, захватив палатку, спальники, запас синтетического горючего и банджо. И надо же было такому случиться, что на одной из энергостанций города как раз в это время произошла поломка. Небольшая, некритическая, иначе этот день стал бы последним днем города. Но то, что в условиях Земли или Европы, где тоже имеется собственная атмосфера и электромагнитный щит, считается поломкой мелкого масштаба и приводится в норму без оглядки на остальное пространство планеты, на Плутоне — всегда чрезвычайное происшествие. Нет, сирены не выли. Никто не спе-

шил в убежища. Просто был выставлен энергетический блок под Куполом. И школьники безуспешно пытались развести огонь с помощью плазменной зажигалки. Каково же оказалось всеобщее их удивление, когда один из них, Джокт уже и не помнил все имена, достал из кармана маленький спичечный коробок. Архаика. Раритет, изготовленный для любителей старины. А после — чиркнул деревянной палочкой длиной с указательный палец, заканчивающейся серной головкой, и костер запылал.

Это был незабываемый поход — на границе разделения температур, в зоне турбулентности, завывал ветер. Город погрузился во мрак. И остались только снег и бездонное звездное небо. Всего на пятнадцать минут. Со временем исчезли имена, стерлись прочие воспоминания, а те минуты так и остались в памяти. Зачем взял спичечный коробок тот друг из детства? Может быть, просто хотел похвастать. А вот — пригодилось...

Наверное, истребителям на поверхности планеты предполагалась роль именно такой странной вещи, от которой никто не ожидает пользы, но она вдруг обязательно потребуется. Станет нужной, единственно необходимой. И, может быть, в памяти командора Бранча тоже жило какое-то воспоминание о вещах, что в самый неожиданный момент превращаются из бессмысленных в необходимо важные.

— Принято, ком! — отзывается Барон, выводя тройку из путаного строя и направляясь к Джокту. Потом уже, на индивидуальной волне, Барон добавляет: — Спасибо за приглашение, лидер!

— Не за что! Пока неизвестно, что нас ожидает. Не исключено, что ты еще станешь меня проклинать. Потом. Когда и если случится что-то нехорошее...

Истребители приблизились к техническим палубам инженерной станции, где существовало что-то наподобие финиширов — потоковые захваты, один за другим притягивавшие корпуса «Зигзагов» еще ближе к станции. Настолько ближе, что Джокт почувствовал опасение за целостность арсенальных подвесок, когда они царапнули корпус станции.

Затем из недр звездолета на палубы высыпало несколько десятков роботов, оснащенных манипуляторами. Что они там делали, каким образом происходило присоединение контейнеров с дополнительным запасом звездного горючего, Джокт не узнал. Потому что отключил обзор, блаженно потянувшись внутри СВЗ. Что-то хрустнуло в позвоночнике, потом в предплечье. Растяжения, полученные при маневрировании под носом у флота Бессмертных,

давали о себе знать. Пока индап и СВЗ блокировали все последствия перегрузок. А вот после возвращения в Крепость...

Только сейчас до Джокта дошло, почему майор самой первой назвал его тройку. Спуск на планету означал нормальную гравитацию, так необходимую для заживления микротрещин и заращивания лопнувших капилляров. На поверхности индап справится со своей задачей в десять раз быстрее. А опасность... Здесь, в открытом пространстве, находясь между грозной звездой и противником, который вот-вот может появиться из новосотворенных Приливов, опасностей было ненамного меньше. Пусть внизу ждала неизвестность, в которую им всем только предстояло окунуться с головой, все равно... Спуск в гравитационных захватах линкора — как в люльке — бездействие на поверхности, где основная работа ляжет на плечи штурмовой пехоты. И в это же время — осознание факта спуска на домашнюю планету Бессмертных! Впервые за время войны! Это тонизировало почище любого индапа.

На панели мелькнул зеленый огонек сенсора контроля. Контейнеры установлены. Включив обзорник и поиграв с режимами визуализации, Джокт рассмотрел их — квадратные кейсы, метр на метр, толщиной с кулак. Значит, полезный объем — чуть больше медицинской колбы. Остальное — механизмы электромагнитной ловушки-хранилища и системы подачи квазеров в приемник истребителя. С учетом непрерывности и замкнутого цикла энергетического процесса запас достаточный, чтобы прорываться к Крепости. А если по дороге придется огрызаться, то есть терять часть квазеров, хватит, чтобы добраться до Прилива. Если он окажется разблокированным и если собственные запасы окажутся исчерпаны во время атмосферного старта. Ну что ж. За каким бы туманом их ни посылали, кое-какие детали все же командор продумал...

— Вы идете вниз на случай всяких неожиданностей, что могут возникнуть на орбите, — наконец-то сообщил задачу командор Бранч, — пехотное подразделение надеется захватить технические трофеи и, что важнее, носители с базами данных. Любые, какие подвернутся. Штурмовики продержатся сколько смогут, их будет прикрывать линкор, которому затем предстоит атмосферный старт. Поэтому с вами пойдет инженерная станция. — На этот раз командор растерял куда-то все свои императивы, ведь надежда на захват важной информации вырисовывалась более чем призрачная. — Роль воздушных сил на планете выполнят джеты линкора, так что «Зигзаги» весь срок пребывания на планете остаются пассивными зрителями. Но потом вам предстоит сопровождать линкор, потому

что все трофеи он примет на борт. Сопровождать не просто при взлете с поверхности, но и дальше...

Несмотря на призрачность надежд, план командора тем не менее представлялся логичным. В тех условиях, в которых оказался весь прорвавшийся флот, единственным, что могло послужить оправданием его гибели, являлась только возможная информация, добытая при штурме планеты.

«А ведь у всех командующих линкорами, похоже, один и тот же пунктик! Цена за поражение», — подумал Джокт, вспомнив ситуацию, в которую попал «Инк», и все, что говорил на церемониальном ужине командор Беркли.

Тогда ведь речь шла о таких же вещах — чем можно оправдать гибель экипажа. Правда, в меньших масштабах. Кроме «Инка», терять командору Беркли было нечего. А сейчас командор Бранч готовился к потере двух десятков крейсеров, мониторов, инженерных станций и звена истребителей, помимо собственного «Июня». Наверное, индап заставит его исчерпать ресурсы организма раньше, чем закончится вся местная авантюра, решил Джокт, потому что невозможно так запросто, без последствий, осознавать происходящее. Особенно происходящее помимо твоей воли. Дороги назад нет. Дорога вперед неизвестна. Но, оказалось, оставался еще один путь. Окольный. Нехоженый. Неподдающийся расчетам тактических вычислителей.

— Пока штурмовой отряд работает на поверхности, расчетчики всех находящихся на орбите звездолетов подключаются в общую сеть... Надеюсь, им хватит мощности наконец-то определить, где же, черт возьми, мы находимся! И в каком направлении лежит возможное спасение. На тот случай, если спасение невозможно, — невозмутимым голосом продолжил командор, — расчетные и аналитические группы все равно должны указать, в каком направлении отправить уцелевшие корабли, чтобы с наибольшей вероятностью, рано или поздно, достичь районов, контролируемых Солнечной.

В этом «рано или поздно» и заключалась сущность всего замысла. Потому что Серый Прилив Джокта привел флот в ранее неизвестный, но абсолютно недосягаемый прямым путем, при полете с околосветовой скоростью, район галактики. Возможно, вся группа находилась сейчас как раз на другом краю галактического диска. Где угодно, навигационным вычислителям до сих пор не удалось найти хоть одну знакомую привязку для определения координат. Если это удастся при объединении производительности бортовых вычислителей всех собравшихся за обратной стороной планеты кораблей, тогда линкор «Август», подобрав остатки десанта и его

эскорт из шести «Зигзагов», — не исключено, это будет все, что останется от флота, — смогут лечь на курс, ведущий к ближайшему Приливу. А вот насколько близок окажется Прилив, пока оставалось только гадать. Полет длительностью в пару сотен лет вряд ли будет разумным. И вряд ли такая последняя жертва поможет Солнечной, даже если на борту «Августа» будет находиться невероятно ценная информация. Звездолеты, идущие заданным курсом в автоматическом режиме, конечно, имеют весьма высокий шанс дойти. Куда-нибудь, когда-нибудь. А вот их экипажи...

Словно почувствовав, как червь сомнения гложет сейчас каждого из астронавтов на каждом из кораблей, будь то линкор, крейсер, инженерная станция или истребитель, командор Бранч решил форсировать события. Тем более что Бессмертные и так заставляли себя ждать и вот-вот могли нагрянуть к зависшему на орбите флоту.

— Командор Буран! Принимайте управление посадочной группой! Действия десантного транспорта — по вашему усмотрению. Рекомендуемое место высадки...

Дальше Бранч перешел на индивидуальный канал, связываясь с командором второго линкора, которому и предстояло осуществить посадку, и Джокт не узнал, где же окажется плацдарм, на котором надеялись закрепиться штурмовики. Там, где орбитальщики превратили часть самого крупного континента в долину смерти, выбив гигантскими гейзерами разрывов свой «пламенный привет»? На каком-нибудь из островов, которыми изобиловал широкий океан, лежащий между материками и южным полюсом планеты? На окраине предполагаемого мегаполиса — в центре коммуникаций (с орбиты при помощи оптики можно было заметить четкие прямые линии, пересекающие сушу во всех направлениях) или еще где? Но раз полномочия по определению места высадки возлагались на командора спускающегося вниз линкора, значит, возможны корректировка этих координат и принятие окончательного решения после выполнения нескольких витков перед посадкой.

— Группе истребителей, транспорту и инженерной станции! — В коммуникаторе возник голос командора Бурана, чье странное вьюжное имя-прозвище контрастировало с солнечным названием линкора под его командованием. — Станция следует за нами на удалении, дублируя посадочный маневр. Истребители остаются на технических палубах станции... Транспорт садится только после получения кодированного сигнала об опасности. Повторяю — транспорту посадка разрешена только при оповещении об опасности!

Если вами будет получен сигнал с координатами и сообщением, что все в порядке, посадка запрещена!

Вот тебе и менее опытный командор, восхитился Джокт. Похоже, Бурану довелось столкнуться с информационным оружием Бессмертных.

А ведь и вправду планетарные средства противодействия — это не обязательно зенитные комплексы и гравитационная артиллерия. Бессмертные будут использовать абсолютно все, чтобы помешать успешной высадке десанта!

Еще Джокт отметил рациональность мышления командора «Августа». Зачем сажать «Зигзаги» в захватах линкора, когда с этой же задачей может справиться инженерная станция? Ее пассивная защита может оказаться намного действеннее, чем все бортовые средства защиты боевого корабля. Это первое. Второе — в случае гибели линкора, чего тоже нельзя исключать, у станции появится шанс выйти обратно на орбиту, используя тот запас квазеров, что уже не сможет пригодиться «Августу». А значит, шанс появится и у истребителей. Если им не суждено сослужить хорошую службу на поверхности, — а при потере линкора нужно будет или пересматривать планы штурма, или вовсе отказаться от них, — то на орбите, при появлении флота Бессмертных, на счету окажется каждый «Зигзаг».

Через несколько минут линкор «Август» нырнул в атмосферу планеты, тут же окутавшись по контуру плазменным свечением. И начал снижение.

Вслед за ним двинулась инженерная станция, заботливо выставив небольшой экран над техническими палубами. При этом управление энергетическим экраном было передано на «Витраж» Джокта. Разумная мера, если станция подвергнется атаке и истребителям все же придется стартовать в атмосфере.

Десантный транспорт, чье днище буквально утыкано посадочными движками, а корпус укрыт многослойной броней, способен садиться так, как опускается на дно реки камень, — в сумасшедшей болтанке, раскачиваясь маятником, чтобы преодолеть сопротивление плотной среды, начав падение по траектории, идущей навстречу вращению планеты. И где-то там, в его брюхе, застыли в позе эмбриона девять штурмовых рот, обхваченных вяжущими посадочными полями. Вяжущими — это буквально. Каждый из штурмовиков находился будто бы в маленьком силовом коконе. Едва транспорт коснется поверхности и скинет штурм-трапы, заодно обеспечивая безопасность высадки лазерными башнями, штурмовики должны тут же высыпать наружу, готовые с ходу вступить

в сражение за плацдарм. А для этого не обязательно полагаться на их возможности выдерживать спуск с орбиты только благодаря скафандрам и личным модификациям...

Глава 5

Планета приблизилась рывком, стоило инженерной станции выйти на критическую орбиту, где уже начинала действовать сила притяжения. Теперь, даже если вырубить движки, станция все равно должна падать, падать, падать. Навстречу неизвестности.

Вот желтый диск планеты оказался над головой, будто станция не приближалась к нему, а наоборот — собиралась удалиться. Где-то далеко чертил огненный след линкор, изредка выбрасывая противоракеты, отбиваясь от невидимых со станции средств перехвата наземных пунктов противокосмической обороны.

Вскоре точка, где подвергся атаке линкор, была достигнута, и станция также попала под обстрел. Джокт видел, как из-за пухлого, в синих прожилках облака, рванулся ослепительный веер лазеров. Мгновенно сгенерировать гравитационную линзу не удалось, и станции досталось. Теперь на ее корпусе, посреди хитросплетений каких-то решетчатых ферм, балок и шарниров, распласталась рваная рана. Была ли это обитаемая зона, Джокт не знал, но все равно содрогнулся, тут же получив щипок в шею. Эмоции не помогут. Страх тоже. Планета, затаившаяся после уничтожения прикрывающего флота Бессмертных, встречала теперь дерзких землян шквалом огня. Тут и боевые лазеры, и ракеты, дважды на панели «Зигзага» вспыхивало предупреждение о попадании в полосу жесткого излучения. Еще дважды станцию швыряло в сторону, сбрасывая с траектории гравитационными ударами. Если бы не отлаженная работа невидимых силовых захватов, «Зигзаги» могли получить значительные повреждения. Но обошлось. Даже тогда, когда несколько «умных» торпед вышли наперерез станции. Инженерный звездолет — вовсе не беззащитная лохань с шестеренками! Напичканная хитроумными механизмами, управляющими гравитацией, станция перехватила ракеты, швырнув их затем невидимой рукой обратно — точно в то место, откуда они стартовали!

— Проект «Праща»! — не без гордости прокомментировали из командной рубки станции. — Баллистический вычислитель, совмещенный с гравитационным ротором. Видели, как мы их?

А все это время из невидимых космических далей сыпались орбитальные бомбы. Крейсеры продолжали работу, опустошая лотки бомбометов, поскольку экономить их не имело смысла, вряд ли они понадобятся в космической схватке, а вот воздействие на силы обороны планеты вносило свои коррективы в возможность Бессмертных предотвратить высадку десанта. Под орбитальными бомбами гибли сейчас города, пункты противокосмической обороны, какие-то промышленные объекты, территории, где были отмечены активность и скопление техники... Так что кое-какая цена Бессмертными уже была уплачена.

Проносящиеся над головой материки покрылись многочисленными язвами, и их становилось все больше и больше. Теоретически орбитальная бомбардировка могла вызвать необратимые тектонические процессы, потому что одним из поражающих факторов некоторых бомб, запускаемых сейчас с орбиты, являлось воздействие на материковые плиты. Непросто даже представить себе, что означает образование нового разлома посреди устоявшейся материковой плиты! Активизация всех имеющихся вулканических цепей, которые тянутся, обозначая края таких плит. Быстрое высвобождение подкоркового напряжения, фонтанирующая повсюду смертоносная лава, сумасшедшие атмосферные пертурбации, торнадо, вставшие на дыбы моря и океаны, цунами, бьющие в прибрежные районы бесконечной чередой...

От представленных картин Джокт даже усомнился: а правильно ли мы поступаем? Имеем ли вообще право решать судьбу планеты, созданной давно и не нами? Планета ведь не виновата, что на ней поселились черви — Бессмертные — и что через миллиарды лет после ее зарождения между Бессмертными и цивилизацией Солнечной возникнет война. И Бессмертные, и человечество — всего лишь временщики в бесконечности жизни Вселенной...

Все, происходившее сейчас с планетой врага, походило на ответную акцию после нападения на Плутон. Вот разве что на Плутоне имелся пусть густонаселенный, но единственный город. Здесь же городов имелось множество, все указывало на это. Однако существовала и другая сторона медали, это наверняка осознал не только Джокт... Если раньше Бессмертных что-то удерживало от попыток бомбардировки Земли, то теперь они имели полное право проделать то же самое с колыбелью человеческой цивилизации. Пойти на штурм, не считаясь ни с какими потерями, — что удержит их от этого шага? Особенно после вот этого рейда землян?

Тут же пришла и другая мысль. О значении этой несчастной планеты для расы Бессмертных. Вряд ли мир, гибнущий под

ударами орбитальных бомб, представлял для Бессмертных такую же ценность, что и Земля для человечества. Иначе здесь пришлось бы сражаться не с пятью, а с пятьюдесятью линкорами. Со стаями «разрисованных» — элитных подразделений врага. А если так, сколько же всего колонизированных планет может насчитывать мир разумных червей? И для чего им понадобилась еще одна планета — Земля? Неужели многочисленной и развитой цивилизации необходимо вести войну на уничтожение?

Дух захватывало от таких рассуждений, но перед глазами Джокта снова встал Плутон, что до сих пор сотрясается в тектонических конвульсиях, не оправившись после штурма и последующей орбитальной бомбардировки. Что есть равнозначность в такой войне? Неопределенный термин, психологический трюк для самоуспокоения и удовлетворения видовых амбиций! У нас — Плутон, у врага — Желтая, как окрестил чуть позже эту планету Балу за цвет облаков и атмосферы. А определение равнозначности — безнадежное и бессмысленное занятие. Бомбометы — залп! И бомбы сыпались, сыпались...

Линкор и станция снижались, отправившись уже на пятый виток, и диск планеты превратился в опрокинутое блюдце с загибающимися краями, когда в эфире прошло сообщение:

— Координаты высадки... Периметр чист... Разрешаю посадку...

Прежде чем до Джокта дошло, что происходит, вниз ухнула целая серия орбиталок. Точно к указанным координатам. Еще пара тысяч квадратных километров превратились в чудовищный костер.

Прав был командор Буран, когда вздумал вывернуть наизнанку код посадки. И только что Бессмертные воспользовались другим оружием, с которым Джокту не доводилось сталкиваться прежде.

А потом случилось что-то и вовсе невообразимое!

Очертания материков начали расплываться, изменяя форму и рельеф. Там, где только что высилась горная цепь, появилось треугольное море. Посреди океана неожиданно вставали участки суши, заполненные блеском огней и пересечением коммуникационных линий — то ли дорог, то ли трубопроводов. А атмосфера из дымчато-желтой становилась то зеленоватой, то голубой, как на Земле, а потом и вовсе какой-то шестицветной.

— Что за чертовщина? — Джокт трижды зажмурился, но с каждым новым брошенным на поверхность планеты взглядом картина становилась все более и более фантастической.

Вот рядом с инженерной станцией промелькнули уступы гигантского горного пика. Джокт покосился на навигационную панель и присвистнул. Высота — пятьдесят три километра. Так не бы-

вает! Проморгать с орбиты подобное циклопическое образование невозможно! А облака, собравшиеся возле невероятной горы, тем временем обрели шахматную черно-белую раскраску.

— Спокойно, лидер! Это иллюзия. — Голос Спенсера прозвучал настолько неожиданно, что Джокт вздрогнул. — Маскировочная сетка, если хочешь. Мы с таким уже встречались, помнишь? — обратился Спенсер ко второму ведомому. — Только там масштаб был поменьше...

— Да уж, намного меньше. Десяток «Кнопок», превратившихся в два линкора. Если бы не индап, я бы обделался со страха! Но там мы могли доверять хотя бы энергорадарам. А здесь — как проверить? Куда, интересно, будет садиться «Август»? Может быть, вон на то плато? А на самом деле там только что был океан...

Теоретически посадка в океан не могла оказаться фатальной для галактического линкора. Его мощности хватило бы мгновенно выпарить километровый столб жидкости и выползти из такой передряги на реверсе. Вот только на практике этого никто еще не проверял. Командор Буран, похоже, тоже не рискнул проверить.

— Орбита! Дайте полную фотометрию поверхности, с привязкой по звезде и полюсам планеты! — запросил он. — Пакет — в «желтой» форме. У нас фантомы...

«Желтая форма» означала особый код, специфическую фразу, каждое слово которой следует за определенной частью общего информационного пакета. Всего перед каждым рейдом принималось семь «разноцветных» форм, по цветам солнечного спектра. То есть выбирались семь фраз, которые и использовали при необходимости для подтверждения подлинности всего пакета. Обычно это были какие-нибудь «белые» стихи.

«Я знаю — часть пакета — что значит — вторая часть — прийти — третья — домой — еще часть — и увидеть — еще — что меня — снова часть — не ждали».

И прочая белиберда.

При использовании «желтого кода» каждая часть картинки должна была сопровождаться такими вот фразами, являющимися частью единой фразы, известной передающему и принимающему. Если часть картинки придет без соответствующего предисловия, значит, это проделки врага.

— Продублируйте фотометрию на транспорт, чтобы они потом не заблудились!

Казалось, решение найдено, простое и надежное. Но не тут-то было!

Даже Спенсер со Смоки не нашлись, что сказать, когда планета завращалась в другую сторону. А на ее поверхности открылись гигантские «окна» пустоты, через которые можно было увидеть звезды на другой стороне.

Камуфляж для целой планеты! Все были вынуждены признать, что он удался Бессмертным на славу.

Теперь навигационным постам линкора, который вот-вот должен был осуществить посадку, предстояло изрядно напрячься. Даже с полной фотометрией и подробными картами поверхности.

Другие средства противокосмической обороны мгновенно прекратили работу, будто заткнулись, чтобы не облегчать чужакам задачу по ориентированию.

— По-моему, тут нечему удивляться, — снова Спенсер, — если у них целая звезда в подчинении, то...

— Есть чему удивляться, — возразил Смоки, — например, как они до сих пор с нами не расправились, при такой-то мощи! Я имею в виду не только нашу группу, и даже не Крепость «Австралию», или все остальные Крепости, а вообще...

— Барон! Гаваец! Как вам все это? — обратился к друзьям Джокт, не понимая, как вообще можно ориентироваться во всей этой круговерти.

— Нормально. Представляешь, какой у них должен быть расход энергии? — не потерял своего прагматизма Барон.

— Боятся — значит уважают! — изрек Гаваец, — А я вообще обзор выключил. Ну их... В глазах рябит. Как-нибудь сядем.

Такой ответ ошарашил всех. Услышав слова Гавайца, засмеялись не только остальные пятеро пилотов истребителей, но и присутствующие на командном посту офицеры инженерной станции, потому что связь со станцией осуществлялась постоянно.

— Что тут смешного? Я правду говорю — так и голова закружиться может! — Кажется, на посту станции кто-то улегся от смеха на пол, а Гаваец со всей серьезностью продолжил: — Я и вам советую... Включите лучше видеорекордер, что-нибудь приятное... Мы же следуем точно за линкором? Вот пусть у них голова и кружится...

Рационализм, граничащий с невероятной простотой, искренняя вера в собственную правоту и безмятежный тон — таков весь Гаваец. Но это только внешне. Джокт не забыл, как тот же Гаваец безропотно исполнил приказ пойти на смерть. Пусть даже виртуальную. В первом «полете» на истребителях дистанционно управляемой группы очень даже непросто было отличить виртуальное от реальности. Все было почти как в Вечной Игре инфонаркоманов...

Эх, Лина-Каталина, девочка-пилот, вздохнул Джокт, я так хотел сказать тебе «Здравствуй!» не в Игре, а просто... Кажется, тебе придется искать нового партнера вместо Питона Джокта. Как жаль!

— Внимание! Локируется флот Бессмертных! — ворвался в мысли Джокта голос командора Бранча. — Десять следов финиша. Линкоры. Еще десять. Снова линкоры. Двадцать пять следов в противоположной стороне — «Кросроуды», сорок — «Кнопки», еще «Кнопки»...

Смолк смех, исчезли любые другие звуки в эфире. Только биение галактического пульса — вечные помехи космоса, продукт жизнедеятельности далеких и близких звезд. Еще тонкий писк космической морзянки — дальние квазары, звезды, вращающиеся с бешеной скоростью и удаленные на немыслимые расстояния. И эпитафией — снова голос командора:

— «Август»! Форсируйте поиск плацдарма! Транспорту — приготовиться к прыжку, вам тут не место в любом случае... Поработайте на поверхности, а мы...

Продолжать Бранч не стал. И так все было ясно. Вступать в схватку при таком соотношении сил — самоубийство. Но самоубийство необходимое! Единственно возможный ход. Потому что пути отступления отсутствуют. Маневр ограничен. Попытка прорыва в любом направлении — бред. Капитуляция — бессмысленна, бред в десятой степени!

Влипли, подумал Джокт. К чему тогда вся эта возня с высадкой десанта?

Накренившись, транспорт перешел на более низкую орбиту. И течение времени обрело физическое тело, стало враждебным. Теперь это были не секунды, а отравленные стрелы, летящие со всех сторон, пронзающие и «Зигзаги», и станцию, и тех, кто остался на орбите.

Уходили — не минуты. Просто делались медленные шаги. В никуда. Шаги со сбитым дыханием, шаги под черный полог небытия. Скоро, очень скоро этот полог опустится и накроет любого...

Планета, где наверняка стало известно о прибытии большого флота, начала оживать. То тут, то там сканеры фиксировали запуски ракет. Фантасмагория, порожденная работой камуфлирующих механизмов, постепенно прекращалась, и моря переставали быть треугольными, а горные пики — шестидесятикилометровыми. Станция догоняла линкор, будто бы его орудийные палубы могли защитить от той армады, что начала движение к планете, появившись, как всегда, из ниоткуда, в новых приливных точках. Очередной виток

происходил на высоте всего шести километров, где уже на самом деле могло произойти столкновение с горными массивами. Поверхность планеты, до сих пор висевшей над головой, как-то незаметно переместилась под ноги. И разрушения, причиненные орбитальной бомбардировкой, отчетливо виднелись в разрывах облаков.

— Эх, не получилось найти станцию управления экранированием звезды! — нарушил тяжелое молчание Спенсер. — Сейчас бы шарахнуть по этому сборищу... С ума сойти! Двадцать пять линкоров!

— Может быть, этот центр управления как раз внизу? Может быть, наши аналитики ошибались? — попробовал прогнать мрачный настрой Джокт. — И мы не зря опускаемся на планету?

— Ну да... Искать черную кошку в черной комнате... Нет! В черном мегахаусе! Особенно если ее там нет... Джокт! Ты понимаешь, что десанту и без того поставлена невыполнимая задача? Подумай, что можно найти и захватить за такое короткое время? Мы даже не знаем, как могут выглядеть эти самые носители информации... Ну притащат они какую-нибудь поваренную книгу с лучшими рецептами земных соусов для местных гурманов или там руководство по изобретению шестиколесных велосипедов...

— Почему шестиколесных? — машинально переспросил Джокт.

— Чтобы хвост не волочился. Какая разница? Это я образно... А что изменилось бы, появись Бессмертные не сейчас, а через день? Через неделю? Да хоть через месяц. Что изменилось бы? У нас элементарно не хватит сил бороться с целой планетой. В конечном итоге — сожрали бы нас тут, на поверхности. А с теми, кто на орбите, тоже придумали, что сделать... Жест, конечно, красивый. Может быть, даже принесет кое-какие дивиденды в войне. Главное, чтобы эта высадка и вообще все вторжение, не показались Бессмертным нашей агонией.

— Хороша агония! Почаще бы так! — вклинился Смоки. — Разломали десятую часть суши, планету теперь эвакуировать придется...

— Это ничего не решает, — возразил Спенсер. — Даже если бы у нас имелась возможность грохнуть сразу всю эту планету... Даже тогда...

— Разве можно уничтожить одним ударом ВСЮ планету? — засомневался Джокт.

— А почему нет? Бессмертные сами, похоже, приготовили себе же ловушку. Вот представь, что будет, если обнаружить пункт управления энергетическими каркасами чертового светила! Да, звездо-

леты на орбите обречены... Нам тоже ничего не светит — основные силы вторжения не прошли, поддержки ждать неоткуда, мы — в мышеловке, и все такое. Но в этом есть свое преимущество!

— Какое же? Ты о чем?

— Как о чем? Раз уж нам все равно погибать, не лучше ли продать жизнь подороже? Увековечить, так сказать, свою смерть? Нет, найти такой пункт управления — светлая мечта! Снимаем все поля защиты, и пусть звезда выжжет все в этом оперативном квадрате! Ты же видел, Бессмертные сами боятся ее излучения! Если бы они не боялись, нас давно уже выпарили бы прямо в звездолетах. А так — пока живые...

— Согласен. — Джокт почему-то очень спокойно воспринял слова о неизбежной гибели, не понадобилось даже вмешательства индапа. — Вот только пункт управления — не черная кошка. И времени нет. Помнишь, на чем основывались выводы аналитиков Крепости? Только прямое управление. С многократным дублированием. Никаких ретрансляторов управляющего сигнала... Станция может оказаться у самой кромки фотосферы. Температура красного гиганта все же ниже, чем у звезд Же-класса. А станцию... Радарами ее не взять, никакой сканер на фоне звезды ее не заметит...

— Джокт! Тебе никогда не доводилось проходить вблизи фотосферы звезды? Любой звезды, пусть даже умирающего карлика, у которого топка работает еле-еле. Да любой звездолет разорвет шумовым потоком. Помнишь, как вскипает вода в разогревателе? Слышал клокочущий звук? Увеличь размеры этого разогревателя в миллионы раз и просчитай — сколько там получится децибелов?

— Но в вакууме...

— В каком таком вакууме? Ты же сам высказал — рядом с фотосферой. А там совсем даже не вакуум... Да к тому же фотосфера и условная кора звезд испускают весь спектр излучений — от инфра до ультра. Как можно передать сигнал, когда эфир мертв? Забит помехами от края и до края? Вдобавок — нестабильность магнитного поля и еще сотни параметров... Нет там никакой станции и быть не может. И на планете этой тоже ничего нет! Мы чего-то не поняли. Встретились с процессом, объяснить который не в состоянии, просто придумали ближайшую нашему мышлению и логике теорию, но боимся себе признаться в этом...

В душе Джокт был во многом согласен, тем более что раньше и сам рассуждал точно таким же образом. Но почему-то не хотелось воспринимать правоту Спенсера.

— Тогда — как же...

— Не знаю. Никто не знает. Я поверю, что штурмовики могут найти что угодно. Хоть полный геральдический каталог всех особей Бессмертных! Но уверен — пункт управления звездой им не найти.

— Жалко. Идея взорвать домашнюю планету выглядит хоть и чересчур кровожадной, но очень привлекательной. Особенно в нашей ситуации. Даже если у них сотни таких планет, все равно — потеря одной из них это большая потеря... А кроме, как использовать излучение звезды, ничего, значит, нельзя сделать...

— Ничего. Но мы можем нанести огромный урон здешним обитателям и инфраструктуре, они нас надолго запомнят!

— Ага, — снова возник голос Смоки, — и нашими именами станут пугать своих детишек и внуков — до десятого колена! Тоже есть чем гордиться.. Конечно, разнести тут все на скопление мертвых астероидов было бы лучше. Но это только мечты. Никак — значит никак.

— Поправка! — это Барон. — Если загнать большой резервуар с квазерами на порядочную глубину, например в сверхглубокую расщелину или тектонический провал, километров на триста... А потом активировать весь запас разом, то...

— Осталось только вычислить такую расщелину, — скептически высказался Джокт.

— Ну после орбитальной бомбардировки возникновение подобных разломов не исключено...

— Допустим. А где взять резервуар с квазерами? Я так понимаю, речь идет о каком-то внушительном количестве, которое вряд ли сейчас мы соберем? Может быть, снять со станции?

Вопрос повис в воздухе. Невольно взгляды пилотов застыли на конструкциях инженерной станции, делающей, как было объявлено, предпоследний виток.

— Ты думаешь? — заинтересовался Джокт.

— Я пока ничего не думаю. Но линкору, наверное, вполне хватит собственных запасов, чтобы подняться на орбиту и там уже произвести дозаправку...

Центральный пост станции, где слышали весь диалог пилотов истребителей, подозрительно замолчал.

— Внимание! Говорит командор Бранч! — донесся голос с орбиты. — Неприятель сконцентрировал в секторе огромный флот. Начинает движение...

Потом вихрь помех забил эфир, и у Джокта возникло ощущение, что их отрезало от всего остального мира. К счастью, за несколько секунд до включения неприятельских станций, блокирующих связь, командор Буран определился с местом высадки и отправил

на транспорт пакет с координатами. Сам линкор «Август» уже вставал на дюзы, сминая все вокруг гравитационными ударами орудий и выплавляя одновременно котлован, в котором с успехом мог бы разместиться весь Лунный Причал.

Инженерная станция, следуя заранее определенной диспозиции, зашла на посадку в километре от линкора, прикрытая собственными энергетическими полями и работой излучателей «Августа». По крайней мере, линкор и станцию не уничтожили в первую секунду после касания грунта. Это радовало. А следом, с оглушительным гулом, под громоподобные раскаты разрезаемой атмосферы, с неба валился десантный транспорт, секундами позже впившийся в поверхность столбами пламени посадочных движков.

Все это, наверное, со стороны выглядело очень эффектно. Вдобавок достаточно символично: корабли Солнечной, сразу нескольких классов, на площади одного из городов планеты Бессмертных.

Площадь, как сразу же окрестили это место, выглядела слишком по-земному, хотя и с некоторыми отличиями. Ровный, будто полированный участок свободного пространства, поверхность которого не имела признаков блочной, плиточной и какой угодно сборки. Зеркальный монолит. Плоскость, сразу же создающая ощущение скольжения. А рядом, буквально в сотне метров от станции и севшего практически впритык десантного транспорта, высились странные конструкции, в которых, используя небольшую долю воображения, нетрудно было угадать подобие земных административных зданий. И вот именно они наводили на некоторые другие, уже безрадостные, мысли...

Очистить огромные площади в других местах, облегчая работу десанта, для того чтобы сесть посреди нетронутого города, где все силы сопротивления уцелели, готовы и ждут!

Блокада эфира куда-то пропала, но первые секунды после снятия блокады никто не проронил ни слова. Сюрприз оказался с червоточинкой! В буквальном смысле. Потому что не только Джокт, многие ощутили близкое присутствие Бессмертных.

— Десанту — штурм! — возвестил командор Буран, хотя делать это ему оказалось необязательно.

Транспорт откинул шторм-трапы едва ли не сразу же после касания грунта, и по ним уже выбегали, направляясь к зданиям, штурмовики космических сил Солнечной.

— Этот город — единственный, откуда не взлетела ни одна ракета! — внес ясность кто-то с поста управления инженерной станции. — Мы отследили схему прикрытия, траектории, кучу

других параметров... Вокруг нашего города — три кольца средств ПВО, но они вели стрельбу так, будто пытались нас обхитрить, — несвязанно, отдельными батареями... Защита наоборот...

Теперь ситуация прояснялась. У командора линкора имелся обширный выбор мест для посадки. Какие-то территории с признаками коммуникаций и построек огрызались особенно ожесточенно, какие-то — чуть меньше. И только один-единственный город вообще не пытался противодействовать силам вторжения. Словно показывал: «Здесь нет ничего такого, что стоит оборонять». А так не бывает! Город должен был огрызаться всей мощью имеющихся сил обороны. Даже если бы это был город, ничего не производящий, ничего не значащий для Бессмертных. Вот и было решено, что Бессмертные просто рассчитывали сразу на несколько дезорганизующих факторов...

Так случилось, это место не попало под орбитальную бомбардировку, значит, все силы для отпора вторжению сохранились, и мы вполне могли посчитать место опасным для высадки. С другой стороны, здешние комплексы ПВО повели себя, мягко скажем, никак, что могло свидетельствовать о малой стратегической значимости. Если бы не активная работа аналитического поста линкора, три кольца стартовых площадок ракет ПВО вокруг города могли остаться незамеченными.

Но даже вялая, искусно подражающая спонтанной, работа этих средств ПВО позволила аналитикам судить о многом...И с задумкой показать город как стратегически незначительный объект Бессмертные просчитались. А значит, пока все шло совсем не так, как желалось врагу. А ведь могло случиться по-другому. Например, как вариант, — на линкоре сбили стабилизаторы, и он свалился в неконтролируемый штопор, поэтому пришлось садиться вообще в первом подвернувшемся месте, удобном для посадки. И таких вариантов — больше сотни! Тогда никто не обратил бы внимания на город, изначально имеющий низший приоритет как цель для атаки.

К счастью, как выяснилось позже, все обошлось. Мы сели. Полировка площади пошла трещинами под тяжестью штурмовой бронетехники, цепочкой съезжающей по аппарелям...

Одно из свойств, присущих человеку, — для всего находить аналоги. Место посадки — площадь. Окружающие площадь громадины — постройки. А ведь они могли оказаться простыми геологическими образованиями! Потому что своим видом напоминали сталактиты, высокие перевернутые конусы, расширяющиеся от

основания кверху, будто каменные грибы на тонких ножках. Площадь... Ну, например, слой льда, выступившего на поверхность планеты и отшлифованного до зеркального блеска. Продукт выветривания и каких-нибудь неизвестных воздействий чужой атмосферы.

Но только Джокт, как и все остальные, сразу восприняли это место именно как город. Вернее, как часть города. Каменные грибы никто не называл грибами или сталактитами. Очень уж четкий профиль имел каждый из них. К тому же прослеживался геометрический порядок в расположении строений. Конечно, природа способна выкинуть какую угодно шутку, но...

Высота зданий достигала пятидесяти метров, и снизу не было видно, что там, на крышах строений? При посадке никто просто не обратил внимания. Но почему-то появлялась уверенность, что крыши имеют такую же гладкую полированную поверхность, как и площадь. В этом чувствовалась гармония.

Инженерная станция, остывающая после посадки, с обугленными бортами и черными пятнами там, где корпус вошел в соприкосновение с атмосферой, не бездействовала. В то время, как передовые отряды штурмовой пехоты уже достигли границы площади и вступили на улицы, образованные параллельно стоящими рядами грибообразных зданий, со станции высыпали исследовательские автоматические модули. И сразу же было определено, что площадь сделана из полимерных соединений. Полировка оказалась молекулярной пленкой, что лишний раз подтвердило ее искусственное происхождение. А тишина и ощущение запустения сменились необычными звуками.

Это был и ритмичный барабанный бой, и громкое шуршание сминаемого листа бумаги. Источник звуков установить не удалось, потому что они шли отовсюду, множась долгим эхом. Звуки пугали. Они свидетельствовали об опасности. Пока незримой, но уже вот-вот готовой обрушиться на людей, посмевших появиться в чужом городе. Потом в странную перемешку шуршания и ритмичных ударов вплелись длинные очереди «Леборейторов», раздались тугие хлопки штурмовых гранат, и стало не так страшно.

В считанные минуты каменные джунгли зданий, тоже сделанные из полимеров, как определили модули инженерной станции, превратились в поле боя. Джокт увидел, как два «Шарка», присев на нос, синхронно бьют в основание зданий. Сверху, из-под круглой крыши, сверкнул боевой лазер, и тут же несколько штурмовиков, запустив антигравы СВЗ, взмыли на пятидесятиметровую высоту и подавили вражескую точку совмещенным залпом из плазмометов,

а потом начали облет крыши, высаживая из «Леборейторов» проемы, наподобие оконных. Не хватало только звона бьющегося стекла.

Внизу, у подножий строений, произошло какое-то движение. «Шарки» перенесли огонь в глубь квартала. В итоге из трех «Трепангов», что устремились к площади, два оказались сразу же подбиты. Штурмовики поливали отливающие малиновым корпуса «Трепангов» щедрыми очередями, ожидая появление экипажей. Вот два червя, выскользнув из вставших торчком бронированных сегментов своих боевых машин, попытались прорваться. Они не тратили время на переползания, а сразу же метнулись длинными скользкими стрелами. Прыжок одного Бессмертного прервался где-то посредине, он рухнул на полированную поверхность, корчась под шквалом реактивных пуль. Похоже, операторы боевых машин врага, так же как и экипажи «Шарков», не были облачены в броню. Вот только здесь, на одной из домашних планет, у них имелся шанс выжить после попадания в «Трепанг». По крайней мере, второму Бессмертному удалось ретироваться. Он скрылся, а все внимание штурмовиков перенеслось на третий «Трепанг».

Экраноплан, отдаленно напоминающий земную сороконожку, поочередно используя антигравы, перемещался по изломанной траектории. И оказался на открытом пространстве площади. Его корпус щетинился коническими раструбами излучателей, но начать обстрел ему не удалось — откуда-то издалека будто протянулась невидимая рука и буквально вбила корпус «Трепанга» в поверхность. Это отреагировало одно из гравитационных орудий линкора. На дистанции всего несколько километров орудийные вычислители справились с такой целью шутя. Еще бы! В пространственной схватке им приходилось обрабатывать цели на удалении в миллионы километров, к тому же там были цели, движущиеся с околосветовой скоростью и активно маневрирующие.

Тут все оказалось просто, и вскоре на площади выросло пять бесформенных груд. Все, что осталось от пяти других «Трепангов», которые рискнули покинуть сталактитовый город. Но долго так продолжаться не могло, и через какое-то время площадь была оставлена в покое. Зато развернулась новая схватка. На этот раз — в небе. Гравилеты Бессмертных стремились прорваться к десантному транспорту. Узкие, словно стилеты, машины с крыльями-подвесками, внезапно появились из-за облаков. Им противостояла готовая к такому обороту дела стая «Вариоров», выпущенная с линкора.

Схватка была отчаянная и грозила окончиться поражением отряда миниджетов, если бы не синхронизация действий «Вариоров» с орудийными палубами «Августа».

Джеты маневрировали, используя преимущество в скорости. Гравилеты, вынужденные принять бой, разделились. Часть из них продолжила попытки выйти в атаку на транспорт и, сваливаясь на стреловидные крылья, устремлялась со всех сторон к площади. Им противостояли боевые посты транспорта, отмахиваясь от врага широкими веерами лазеров. С другой частью атмосферников продолжали играть джеты. То подставляясь, то сходя с траекторий атак, они неожиданно взмывали вверх, освобождая сектор обстрела, и тогда гравитационные орудия линкора накрывали сразу по две — по три машины врага.

Над транспортом поднялось несколько платформ, уходя ввысь. Автоматические корректировщики, понял Джокт. Теперь штурмовикам не приходилось плутать между строениями. Целеуказатели корректировщиков выводили топографию на шлемы СВЗ. И каждый десантник видел, где он находится, где находятся другие бойцы, в каком из проулков притаился враг и какие кварталы попали под обстрел «Шарков». Теперь, когда у штурмовиков появилась поддержка, они сами могли служить корректировщиками для танковых экипажей.

Не ожидавшие такого натиска Бессмертные поначалу действовали вяло. То же можно было сказать и про пехоту КС, потому что среди абсолютно идентичных грибообразных строений тяжело выбирать приоритетное направление боевого поиска.

Но постепенно подтянулись штурмовики Бессмертных, и действо оживилось. То в одном, то в другом месте появлялись прикрытые броневыми кольцами черви-штурмовики и атаковали десант. Используя преимущество в снаряжении и возможности антигравов СВЗ, десантники Солнечной поднимались вверх при появлении червей, одновременно опустошая ленты с боеприпасами. Потом Бессмертные начали появляться на верхних этажах строений. Подняться выше плоскости крыш десантники, конечно, могли, но тогда оказывались вне прикрытия зданий, на открытом пространстве, поражаемые со всех сторон лазерным оружием вражеской штурмпехоты. Поэтому им пришлось вести бой между поверхностью и верхними этажами.

От частого использования антигравы должны были подсесть минут через десять-пятнадцать. Будто догадываясь об этом, а скорее — точно зная возможности снаряжения пехоты КС, Бессмертные

ужесточили натиск. С каждой крыши, в каждом проходе мелькали тонкие спицы лазеров. Пехотинцы несли потери...

Шестеро пилотов истребителей, продолжавшие находиться на технической палубе инженерной станции в своих «Зигзагах», не имели возможности следить за ходом сражения, так как все девять штурмовых рот подключили индивидуальные информационные коммутаторы в общую сеть, выводя ее разве что на тактический пост транспорта, заодно продолжая получать полную топографию с платформ-корректировщиков. Но вот в просветах между строениями сорвался вниз один штурмовик, сопровождаемый блеском токовода — нитей, извергаемых штурмовиками Бессмертных. За ним — другой, третий... «Вариоры» уже вернулись на линкор, «Шарки», бесполезные в условиях уличного боя, отползли к транспорту. А на силы вторжения уже надвигалась новая опасность...

Поняв, что основной преградой для доступа к транспорту служат орудийные палубы линкора, враг решил разделаться сначала с «Августом». Над площадью к месту посадки линкора пронеслось несколько огненных полос. Реактивные снаряды или что-то подобное, запущенные со стороны тех самых колец обороны, что бездействовали при спуске с орбиты. Линкор уничтожил половину снарядов, но остальная часть достигла корпуса звездолета, порождая звуки, будто огромной кувалдой бьют по дребезжащему стальному листу. Броня выдержала. Но какой-то ущерб все же был нанесен, и через минуту небо запестрело новыми росчерками, тянущимися уже со всех сторон.

Бессмертные не стали использовать против линкора заряды большой мощности. Видимо, им было что терять в этом городе, было за что опасаться, раз ожидаемой вспышки термоядерного взрыва так и не последовало. Но даже маломощные ракеты и многочисленные реактивные снаряды рано или поздно должны были пробить броню линкора. Капля за каплей и камень долбит...

— Может быть, нам стоит уйти за горизонт и накрыть пусковые установки? — подал голос Спенсер.

Бездействовать в такие минуты — самое худшее, и Джокт согласился. Но командор Буран не дал разрешения.

— Все установки уничтожить не удастся. Плохо, конечно, но нисколько не странно. На радушный прием никто и не рассчитывал, верно?

— А если переместить линкор ближе к окраинам, чтобы работа гравитационной артиллерии...

— Не получится. Пока мы в городе, нас всего лишь хлопают по щекам, и защита справляется. А за городом... Вот там они бабахнут всем, что у них имеется.

— Так что — нам? Висеть тут и ждать?

— Ждать. До сих пор происходила разведка боем, но уже кое-что наклевывается, и скоро пехота получит конкретную задачу...

— А дальше?

Вопрос этот мучил всех. Не только пилотов истребителей, но и экипажи станции, транспорта, линкора. По сути, десант был занят именно поиском черной кошки в черном мегахаусе. И вертелось жуткое — как тяжело искать ее, особенно если никакой кошки там нет.

На орбите вот-вот должна была начаться дуэль оставшихся кораблей флота с превосходящими силами противника. Дуэль без шансов на победу. Теперь не помог бы даже фокус с использованием мониторов дальнего действия. Группа звездолетов Солнечной была обречена, как муха, завязшая в патоке. Ни прыгнуть сквозь Прилив, ни уйти в сторону от планеты... В качестве последнего шанса мог послужить вариант с разминированием второй приливной точки или попытка вырваться из сектора еще дальше во владения Бессмертных. Но только со стопроцентной гарантией можно было ожидать, что землян там встретят...

— Ждите, — повторил командор, не имея, что еще сказать.

Глава 6

Трагедии и масштабы. Масштабы трагедий... Два слова, будто созданные друг для друга!

Пчела, чей улей гложет пламя пожара, не думает о том, что этот же пожар, перед тем как шагнуть к ее дому, уничтожил целый лес.

Человек, потерявший близких, лишь вскользь скорбит о тысячах, потерянных другими.

Для моллюска, выброшенного на берег и не имеющего возможности вернуться в море, трагедией стал быстрый отлив. А следующая волна унесет с собой неразумную букашку, что доверчиво уселась на камень.

Есть трагедии и — Трагедии. Те, что с большой буквы, — лично касающиеся нас. Те, что с маленькой, — кого-то или чего-то другого. Одно из скоплений галактик пересеклось с соседним скоплением. Погибли миллионы миров, неисчислимое множество звезд

и планет превратились в блуждающие излучения и пыль. Это — трагедия с маленькой буквы. Быть может, нам никогда и не узнать, что произошло с теми далекими-предалекими галактиками!

Космическая молекула — астероид диаметром в пару тысяч километров — грозит столкнуться с Землей. Несомненно, если бы такое когда-нибудь произошло, то стало бы Величайшей Трагедией. Не для нас. Нас бы не стало... А всем остальным и всему остальному — наплевать. Значит, истинная трагедия — всего лишь негативные события, взаимодействие тел, процессов, явлений, личностей, организмов, касающиеся только их самих. Все, что не вовлечено в такое взаимодействие, не станет участником трагедии и не оценит ее. Масштабы трагедии, если не заниматься интерпретациями, — оценка самими участниками событийного и физического взаимодействия. Причем максимой будет являться смерть, прекращение существования!

Но для живого и разумного имеется и более страшная вещь — ожидание надвигающейся трагедии. И природа просто обязана была дать всему живому механизм защиты от такого ожидания.

Бессмертные, те наверняка справляются благодаря осознанию огромной вероятности их последующей аутоинкарнации — возможности стать собой из самого себя, полученной благодаря достижениям их науки.

Человеку, как и в прежние времена, в большей степени приходится не терять надежды. Иначе мы бы вымерли, едва став разумными и начав понимать, что своды пещер способны обвалиться, вода в ручье, воздух, почва пропитаны и кишат невидимой смертью. Дерево, и оно — готово рухнуть, огонь — сжечь дотла, в воде может утонуть самый лучший пловец. А дикие звери не всегда бывают объектами охоты, зачастую меняясь с охотником местами.

Мир живет надеждой, и это не лирика! Напрасно физиологи не рассматривают такое свойство как одну из важнейших составляющих видового прогресса, подменяя ее чистым инстинктом. Не только для людей...

Есть надежда для мелких рыб, что сегодня хищник насытится другой добычей. Надежда для хищника, что корма хватит. А соперник за обладание территорией окажется слабее. Даже в бабочке-однодневке живет надежда: а вдруг и ей доведется увидеть рассвет дважды?

Это свойство для всех! Мир живет надеждой, а мы — лишь часть этого мира...

Снова появились гравилеты. Теперь их задача упростилась, потому что линкор вынужден был отбиваться от ракетных атак, ис-

пользуя все возможности, в том числе и гравитационное оружие. Два летательных аппарата, которым удалось пройти невредимыми сквозь периметр, контролируемый станциями ПВО десантного транспорта, уже близко! Легли на крыло. Сбросили груз. Выровняли полет. Ушли.

Рядом с транспортом разбух и схлопнулся воздух. Действие вакуумных зарядов таково, что два опорных устройства переломились, будто спички. И без того неуклюжий транспорт осел на левый бок. Еще пара-тройка попаданий, и процедура взлета окажется проблематичной. А если долбануть сверху, прямо по навигационным устройствам, — и вовсе невозможной.

Инженерную станцию пока не трогали. Хотя автоматика и готова выставить над ней гравитационный щит при первой опасности. И при второй бы выставила, при третьей... Но все равно, рано или поздно закончатся запасы активных квазеров. Тогда — ни защиты, ни возможности взлететь...

Одновременно с гравилетами появились «Трепанги». Они выползали со всех сторон из-за оснований зданий и сразу же начинали обстрел. Теперь операторам «Трепангов» не приходилось тратить время на оценку ситуации и выбор цели. Точно так же, как штурмовики КС получили подробное целеуказание, «Трепанги» заранее, до появления на площади, знали месторасположение совершивших посадку звездолетов и нахождение каждого «Шарка».

Штурмовому танку лазерное оружие не страшно. При сохранении целостности броневых и отражающих покрытий «Шарк» выдерживал несколько серий попаданий боевого лазера. Плазмой его тоже невозможно прошибить. Электромагнитная защита заставляла плазму обтекать вдоль бортов, как магнитное поле Земли преграждает дорогу солнечной плазме. Но, как известно, выигрывая в одном, обязательно проиграешь в чем-то другом...

«Трепанги» использовали гравитационное оружие. Далеко не такой мощности, как у самой слабой гравитационной турели звездолета, но для наземного боя хватало и этого.

Один из «Шарков», потеряв форму, превратился в уродливую скошенную пирамиду. Вскоре и другой неподвижно застыл после попадания в блок антигравов. Танкисты второй машины успели катапультироваться, поняв, что находиться внутри им не стоит. Орудия штурмового танка произвели несколько выстрелов в автоматическом режиме, вырвав пару броневых сегментов из ближайшего «Трепанга», но сразу после этого двадцатитонная машина

совершила гротескный кульбит в воздухе, упав на башню. Отстреливаемые стаканы с танкистами успешно приземлились возле десантного транспорта, недалеко от штурм-трапа. Но взойти на трап экипажу не удалось — другой «Трепанг» полоснул лазером, рассекая фигурки в легких скафандрах напополам.

Неожиданно простучало противометеоритное курсовое орудие одного из «Зигзагов», удачно сориентированное в сторону врага. Барон, как всегда, оказался на высоте. Он убедил операторов инженерной станции снять гравитационный захват с носовой части. Его «Зигзаг» стал частично уязвим для оружия «Трепангов», но взамен получил возможность вести стрельбу, превратившись в неподвижную огневую точку.

Любой экраноплан, пересекающий воображаемый курс истребителя, попадал под обстрел. Вскоре то же самое проделали и остальные пять «Зигзагов». Теперь площадь оказалась разделена на секторы. Пока враг маневрировал, пытаясь разобраться с новой угрозой, «Шарки» расстреляли сразу двенадцать «Трепангов».

Маленькие победы, думал Джокт, это всего лишь маленькие победы, из которых сможет вырасти разве что одно большое поражение...

Место посадки «Августа» давно окуталось плотными облаками. Бессмертные и там применили вакуумные заряды. Сейчас в воздухе вокруг корпуса линкора, накрывая его доверху, кружились серые смерчи. Пыль, расплавленные частицы полимерного материала... Снова пришли гравилеты, и десантный транспорт, что называется, «лег на живот». С инженерной станции к нему тут же отправили группу ремонтных аппаратов для восстановления стартово-посадочных опор. А рядом с транспортом закувыркался еще один «Шарк».

— Сволочи! — сцепив зубы, прокомментировал это зрелище Смоки.

— А что ты хотел? Чтобы нас встречали с цветами и оркестром? — ответил Спенсер. — Странно, как мы вообще до сих пор целы...

Из сталактитового города обратно к месту посадки вернулась часть десантников, узнавших, какая опасность грозит танковым экипажам. Штурмовыми гранатами им удалось уничтожить два «Трепанга». Остальные тотчас же покинули площадь. Но «Леборейторы» десантников молчали. Видимо, кончился боезапас. У некоторых не тянули антигравы, и они бежали, используя последние капли энергии экзоскелетов СВЗ. Бежали к штурм-трапам.

— Как там? — поинтересовались со станции, и Джокт с удивлением отметил, что прозевал выход штурмовиков на открытую волну.

Ответа на станции не дождались. Вернее, ответом было только тяжелое сосредоточенное дыхание пехотинцев. Время для вопросов оказалось неудачным.

— Потеряли треть... Нужно сменить снаряжение... — все-таки нашел силы один из штурмовиков. — А как там... на орбите?

— Не знаю, — соврал офицер со станции.

Правильно. Ни к чему знать этому потрепанному пехотинцу, опустошившему в схватке с врагом весь боезапас, что совсем скоро его старания окажутся напрасными.

Разделавшись с группой звездолетов, флот врага примется за них. В сложившихся условиях Бессмертные вполне могли пожертвовать частью зданий, лишь бы уничтожить землян. Более сотни орбитальных бомб вбили в планету крейсеры Солнечной. Теперь одной больше, одной меньше — без разницы. Не поможет даже защита инженерной станции, потому что в эпицентре разрыва орбитального заряда не спасется ничто. Сначала все вокруг сотрясает невероятной силы удар, от которого образуется едва ли не километровый провал, а во все стороны побегут каньоны-трещины. Электромагнитный импульс выведет из строя всю управляющую электронику за миллисекунду до того, как образовавшиеся пустоты затопят озера кипящей плазмы... А может быть, все окажется намного проще. Если линкоры Бессмертных умеют входить в атмосферу, то что мешает одному из них опуститься к самой поверхности и тремя гравитационными ударами бортовой артиллерии стереть, расплющить о полировку площади все три звездолета землян? Оставшиеся пехотинцы, даже если они успеют рассредоточиться и укроются в городе, продержатся недолго...

— Что, потеряли связь с орбитой?

Уловив недоверие в голосе штурмовика и используя замешательство офицера станции, Джокт спросил:

— Балу... Майор Балу — с вами?

— Не знаю, — вернул ложь десантник.

Джокту уже был известен этот странный, на его взгляд, обычай штурмовиков. Во время боя они не обращались друг к другу по именам. Только в исключительных случаях. Номер «пятнадцатый». Номер «двести восьмой»... Их тактические проекторы выводили на внутреннюю поверхность шлема и дублирующий экран-прицел всю информацию только с таким, числовым, содержанием. Считалось, до окончания боя не нужно называть имена вслух. Только номер.

А как угадать, под каким номером мог скрываться Балу? Ферзей, как называли в пехоте КС майоров, уходящих на штурмовку, вряд ли могло быть больше девяти — по числу рот, прибывших на транспорте. Значит, десантник, вступивший в разговор, не скрывал правду. Он просто не вышел еще из боя, не смог поверить, что поднялся по штурм-трапу и находится в относительной безопасности. И ничего не скажет по поводу Балу. А про номер — какой-нибудь три-три-шесть или один-одиннадцать — его не спрашивали. Разбираться же в запутанной нумерации штурмовиков, меняющейся к тому же на каждом задании, Джокт так и не научился.

Еще свою роль вполне могло сыграть спешное формирование штурмовых отрядов к этому рейду, и десантник мог на самом деле не знать, о ком идет речь. Вряд ли штурмовики потратили хотя бы часть подлетного времени для знакомства. Это ненужно и невозможно одновременно. В транспорте, где каждый метр занят только необходимым — запасными батареями для антигравов, допкомплектами для штурмовой техники, километрами лент с боеприпасами к «Леборейторам», медицинским оборудованием и прочим подобным, — свободного места не оставалось, и перемещаться по обитаемой палубе транспорта штурмовикам не доводилось. Если откликнувшийся пехотинец не входил в роту Балу, то даже не догадывается, кто еще из Ферзей, помимо его собственного командира, находился на борту транспорта. Номер. Только номер...

Над городом появилось звено гравилетов, сразу же выполнивших боевой разворот. Посты ПВО транспорта огрызнулись лазерными турелями, уничтожив несколько атмосферников и заставив другие сойти с курса атаки.

Десантники торопились. Нет, не укрыться под бронированными козырьками, нависающими над штурм-трапом, а поскорее перевооружиться и вернуться обратно, в город.

— Много... выбыло в городе? — решился еще на один вопрос Джокт.

— Треть, — лаконично бросил десантник. — И мы назвали это джунглями...

Джунгли? Джокт будто заново оглядел то, что окружало площадь со всех сторон. А что? Джунгли. Лес. Вот такие странные растения...

Штурмовики успели исчезнуть внутри корпуса звездолета. И вовремя, потому что часть гравилетов прорвалась сквозь заградительный огонь. Там, где только что тянулась людская цепоч-

ка, полыхнуло трижды. Один из «Шарков», оказавшийся ближе остальных к месту разрывов, перевернуло набок. Окажись поблизости «Трепанги», с танком было бы покончено. Но вот, отработав антигравами, «Шарк» вернулся в исходное положение. Его орудия продолжили стрельбу вдоль улиц, где за каждым поворотом уже изготовились к атаке штурмовые отряды Бессмертных, накапливая силы для броска к транспорту и инженерной станции.

А Джокт уже начал отсчет времени до гибели соединения кораблей, находящихся на орбите. Он не мог понять, чего так упорно ждет командор Буран? Чуда? Это хорошая штука. Жалко, что оно не появляется всякий раз, когда его ждешь... Залп мониторов, уничтоживших линкоры прикрытия планеты. Из трех звездолетов при посадке уцелели все три... Этим на сегодня весь лимит, похоже, был исчерпан. Значит, надеяться не на что, и теперь весь рейд представлялся совсем в другом свете. Например, глупостью. Именно эта вещь часто скрывается за героизмом и отчаянным натиском.

Настоящая шутка может прозвучать только однажды, вспомнил Джокт слова Спенсера. Во второй раз это уже не шутка.

Так же вышло и с его одиночным прорывом к красному гиганту. Во второй раз не могло, не должно было получиться... Вот и не получилось. Уничтожив силы прикрытия планеты, прорвавшаяся группа кораблей Солнечной уже взяла плату за собственную гибель. Теперь осталось отдать товар... Так почему же командор не поднимает «Август»? На орбите второй линкор сейчас важнее, чем здесь. Победа невозможна. Но возможно еще больше увеличить цену!

Линкор «Август», который по первоначальному замыслу должен был прикрывать транспорт и десант, сам превратился в мишень. К помощи он был сейчас неспособен, вынужденно занимаясь собственной защитой. Хотя это и заставляло врага тратить именно на «Август» средства подавления и атмосферную авиацию. В любом случае «карманный флот» линкора не мог долго противостоять всем военно-воздушным силам планеты.

Внезапно что-то изменилось. Так же выли в желтом небе гравилеты, разрезая воздух при пикировании. Тихоходные атмосферники носили горчичный камуфляж с серыми обводами, а потому оказались малозаметными для визуальных наблюдений. И вскоре обещали заполнить своими звеньями все пространство над городом. «Трепанги», сверкая лязгающими, будто несмазанными, сегментами броневого прикрытия, то появлялись из-за строений, то исчезали. Над линкором все так же стелилась плотная дымка и разлетались вокруг фрагменты обшивки. Ракеты шли непрерывным потоком!

Больше для того, чтобы на линкоре, как выразился Спенсер, невозможно было перевести дыхание. Все активные и пассивные системы обороны звездолета работали исключительно на нейтрализацию ракетной угрозы. Речи о том, чтобы снять запас квазеров с инженерной станции, пока не шло, но из разговоров Джокт уловил — транспортные модули загружены, некоторые функциональные палубы уже деактивированы, и экипаж корабля, как гражданские техники, так и офицеры боевых постов, готовы перейти на транспорт.

Что же заставило подумать, что во всем этом хаосе появился какой-то смысл?

И тут он понял! Вторая партия штурмовиков, направлявшаяся из города к транспорту, внезапно повернула обратно. С пустыми лентами «Леборейторов», с выдохшимися антигравами, — они возвращались!

Следом кинулся тот отряд, что самым первым побывал на транспорте. Джокт увидел в руках пополнивших боезапас и энергопитание штурмовиков по две, по три штурмовые винтовки! Дополнительные батареи для СВЗ, грозди штурмовых гранат, знакомые уже скоростные пилы с гипералмазными зубьями на режущей кромке... Значит, где-то начался упорный ближний бой. Рукопашная схватка! Штурмовики на ходу сбрасывали запасное снаряжение на подоспевшие гравитационные платформы, теперь перевооружение других пехотинцев должно произойти там, прямо посреди боя. Значит, цель обнаружена. Носители информации, вычислительные машины, детский планетарий со звездными картами обитаемого мира Бессмертных. Вариантов множество. Добычей могли стать и какие-нибудь местные хаймены, если таковые водятся среди Бессмертных. Со всеми архивами, сокровищами и капитанской дочкой в придачу! Пехота отыскала черную кошку...

Джокт почувствовал необычайное возбуждение. Ему захотелось немедленно снять обе тройки истребителей и, пусть на черепашьей скорости, повести их к месту последнего штурма. Но это возбуждение просуществовало недолго, на смену ему пришло разочарование...

— Вот ведь как... — уронил Спенсер печальную шутку. — Быть нищим, тонуть в море, мечтая о спасательном круге, но вместо него найти кусок золота... Здоровенный такой кусок, килограммов на двадцать!

Остальные промолчали. И радость ушла, испарилась от такой несправедливости.

Действительно, что может быть горестней несвоевременной находки? Теперь, что бы там ни обнаружили штурмовики, оно не

могло спасти от надвигающейся гибели орбитальную группу кораблей, а вместе с ней и все имеющиеся на поверхности планеты скудные силы землян.

Чуть позже оказалось, что логика не тождественна Провидению. Когда есть второе, первое не нужно.

— Пилот Джокт! — ожил канал связи с линкором. — По команде идете в заданный квадрат... Передаю точные координаты...

На экране появилась схема города, с полной навигационной картинкой: пронумерованные точки — оставшиеся в живых штурмовики, кварталы (вовсе не прямоугольные, скорее дугообразные), перекрестки... И желтый кружок над одним из них.

— Пешком дойдем, — отозвался Джокт, оценив масштаб.

При этом даже мелькнула мысль, что нелегко будет придать «Зигзагу», привыкшему к околосветовым скоростям, столь малый стартовый импульс.

— Вас подтолкнет инженерная станция, они как раз готовятся.

Ну конечно! Гравитационный разгон! Что-то вроде энергетического луча, только по навесной траектории. Почти горизонтально, и нужно успеть стиснуть зубы, чтобы не выбило толчком.

— Тот из вас, кто долетит — принять на подвески груз...

Как это? Что означает «кто долетит»? Масштаб убаюкивал — всего один километр. Только километр! Что может случиться?

— Сразу после принятия груза — старт! Поднимаетесь на орбиту, дальше — в сопровождении одного из «Моравов» уходите... уходите... Координаты сообщит командор Бранч...

Вот теперь все стало ясно. И сразу же будто холодом повеяло. Тем самым холодом, что станет вечным спутником их «Зигзагов» на бесконечном пути, идущем сквозь всю галактику. Такой путь одинаково тяжело измерить и миллионами километров, и годами.

План-«долгожитель». Это название придумал еще перед спуском на поверхность командор Бранч. А суть его заключалась в следующем: они получают бесценный груз и должны во что бы то ни стало донести его до форпостов Солнечной. Приливов нет. Те Приливы, что могут встретиться на пути в ближайшем обозримом будущем, — Серые, неизведанные. Право на риск — отсутствует. Последний шанс потому и называют последним, что безысходность в нем граничит с наибольшим риском.

Риск во всем. Сколько там может оказаться до ближайшего Прилива, который навигационные вычислители опознают как доступный к проникновению на территорию, контролируемую Солнечной? Двести лет полета? Двести дней? Сто лет, тысячу?

То, что пилотам истребителей не дано дожить до окончания миссии, — это ясно. Но даже с необходимой дозаправкой квазерами вовсе не факт, что выдержат сами истребители — движки и навигационное оборудование. Потому что «Зигзаг» не вырублен из единой глыбы металла. Сколько в нем всевозможных узлов, блоков, деталей, приборов, микрочипов, не предназначенных для длительного использования? Если сдохнет передатчик, — а он точно сдохнет! — как подать сигнал встречающим? Возможности связи-мгновенки тоже небезграничны: несколько оперативных квадратов от ближайшего Прилива... А дальше сигнал просто растворится в хитросплетениях прочих сигналов — сверхмощного пульса квазаров и блуждающих помех... Приливных точек нет. Значит, долететь куда-нибудь истребитель сможет разве что в виде астероида-шатуна. И останется только один шанс из сотен — шанс на то, что первый же караван рудодобытчиков не расстреляет его в поисках квазаров... Если вообще кто-нибудь заметит...

Командор Бранч придумал особый геометрический порядок в ордере. Именно в таком положении должны выстроиться «Зигзаги» и одиночный крейсер после смерти последнего члена экипажа. Вот почему «Зигзагов» шесть, а не один или два. И крейсер тоже пригодится. На роль самого крупного астероида. Так их легче будет идентифицировать как неспорадическое соединение. Шесть малых глыб, служащих вершинами воображаемого ромба с квадратным сечением посредине, и одна глыба побольше — точно в центре. Такое сочетание наверняка привлечет, по мнению командора, внимание аналитических вычислителей.

Любой план имеет свои изъяны. Не являлся исключением и план командора по доставке добытого с планеты врага артефакта, или что там будет добыто...

Что произойдет, например, если весь четкий рисунок строя собьет какой-нибудь настоящий, реликтовый астероид? Нельзя же полагаться на вечную точность стрельбы противометеоритных кинетических пушек! Что произойдет, если блуждающая комета собьет полем тяготения и давлением истекающих шлейфовых газов траекторию движения?

Самое страшное допущение Джокт поставил в конец длинной цепочки...

Понадобится ли Солнечной ценный груз мертвых звездолетов хотя бы через год-два, не говоря уже о сотнях лет?

Динамика войны с Бессмертными оказалась неутешительной для Солнечной. Дни человеческой цивилизации, по самым пессимисти-

ческим оценкам, уже были сочтены. На оборону и частные флотские операции запасов активного вещества хватит на ту самую пару лет, о которой говорили все, кто имел в виду начало операции «Прорыв». Последний шанс, где только безысходность и невероятный риск...

— Джокт, ты понял? — прервал невеселую оценку возможной пользы командор. — Только по моей команде! На станции! Подготовиться к запуску истребителей! И смотрите, чтобы легли как на перину...

— Спенсер? Барон? Гаваец? — Отчего-то Джокту захотелось услышать голоса друзей, но они молчали. Только Гаваец насвистывал, безбожно фальшивя, какую-то простенькую мелодию. И Джокт зацепился за этот свист, за пять-шесть нот, из которых состоял звукоряд, как за надежную скобу эвакуатора.

— Гаваец, что это?

— «Прощание с Камехамехой», командир. Так называлось древнее королевское семейство правителей моих островов.

— А почему — прощание?

— Потому что они все умерли. И в память о них придумали эту песню.

Тьфу! Не за то цеплялся, подумал Джокт. Если бы Гаваец ничего не разъяснял, можно было подумать, что он насвистывает марш футбольных фанатов.

Теперь все ясно. Барон, Спенсер, Гаваец... Они поняли не меньше, чем Джокт. И готовились к долгому путешествию.

Глава 7

Местное светило, размером в четверть неба, уже коснулось краем далекого горизонта. Отсюда не было видно, как это происходит, мешали подступающие со всех сторон грибообразные здания, кажущиеся сейчас черными силуэтами, вырезанными из бумаги, словно нагромождение декораций для сцены, на которой разыгрывается трагедия.

— Слушай, Спенсер, а может быть, это ошибка? — Не в силах оставаться наедине с собственными мыслями Джокт любой ценой захотел разговорить своего более опытного ведомого. — Может быть, у основной эскадры все-таки есть шанс пробиться? Никто не знает, как поведет себя тот астероид-гигант... Вдруг его объема окажется недостаточно для того, чтоб закрыть приливную точку навсегда?

— Если бы они могли это сделать, то уже давно были бы здесь.

— А как же тогда все теории движения в Приливах? Только искусственное тело, с искусственной траекторией движения может пройти сквозь Прилив, а тут...

— Это только теории. Двести, триста — сколько там могло состояться экспериментов? — вовсе не значит, что в триста второй раз все произойдет по-другому... К тому же астероиду придали ускорение, и он абсолютно не случайно был позиционирован для движения в сторону приливной точки.

— Да, понимаю. Но ведь после начального импульса наверняка включились какие-нибудь механизмы, запустившие реверсирование движения, по-другому никак. Без остановки хода астероид должен проскочить Прилив и выйти с другой стороны... А если его движение остановлено, неужели невозможно, чтобы Прилив снова реагировал на астероид, как на обычное тело, подчиненное общим законам движения?

— Что такое общие законы движения?

Джокт смутился. Ведь это были всего лишь его догадки.

— Ну понимаешь... Большой взрыв, или что там было вначале, определил траектории движения всех частиц, на все время существования Вселенной... Вот как мы занимались в пинбол-классах, просчитывали траектории шарика, натыкающегося на разные препятствия. Зная начальный импульс, зная, где именно располагаются препятствия, можно сказать, где окажется шарик через столько-то секунд, а где — чуть позже...

— Вселенная — не аппарат для игры в пинбол, Джокт. То, что ты сейчас пытаешься сделать, когда-то называлось поиском Бога...

— Все верно, но это говорит только о наших небольших возможностях в вычислении. Представь себе вычислительный модуль с бесконечными возможностями. Без лимита по быстродействию, с неограниченными ресурсами. Супермозг. Неужели такой прибор не смог бы рассчитать, какова траектория каждого космического тела? Каково будет его местонахождение в любой момент времени?

— Это все применимо к прямолинейному движению, если же взять звездолеты...

— Нет! В том-то и дело! Ни о каких звездолетах не может быть и речи! Только исходная модель пространства и то, из чего оно образовано! Кометные облака, звезды, планеты... Мы ведь довольно легко вычисляем траектории движения планет вокруг звезд! Сами звезды являются всего лишь частью более крупных конгломераций. Звездные острова, в свою очередь, наполняют галактику и враща-

ются вокруг ее ядра. Галактики входят в скопления галактик, и так далее... Но изменения — только в том, что на порядок возрастает количественная величина. Качество, свойства, общая схема гравитационного взаимодействия... Это одно и то же!

— Нашли время, — недовольно буркнул Гаваец, — нас вот-вот поджарят к чертям, а вы решили раскрыть все тайны мироздания... Философы!

— Не поджарили еще? И то хорошо. А помечтать никогда не вредно. Продолжай, Джокт, по крайней мере, лучше вести разговор о Вселенной, чем о каких-то червях...

— Да нет, я так... — еще больше смутился Джокт, боясь признаться, как часто ему приходилось задумываться над великолепием и бесконечностью открытого пространства.

— Я серьезно! Друга своего не слушай, он, наверное, еще лицеистом возненавидел физику пространства...

— Спенсер, я только хотел сказать, что...

— Что ищешь Бога.

— Я не знаю, что это такое, но...

— Никто не знает.

На палубах инженерной станции возникло движение. Несколько автоматических модулей подступили вплотную к каждому из «Зигзагов», готовя истребители к прыжку.

— Если честно, я тоже не пойму, к чему такие разговоры именно сейчас? — К Гавайцу присоединился Барон.

— Вот, посмотри. Если эскадра сумеет пройти, Бессмертным, возможно, не сдержать натиска, а мы уже будем далеко-далеко... И получится все наоборот. Важный трофей, или что там, который нужно передать штабу ВКО, на десятки лет окажется потерянным для Солнечной.

— А если эскадра не пройдет? Видел, какую дуру закатили Бессмертные в приливную точку?

— Закупорили, я знаю...

— Не просто закупорили, а закрыли навсегда. Замуровали! Так что забудь про нее, там уже нет Прилива.

— А что вместо него?

Барон, собравшийся отвечать, запнулся, а Джокт изумился собственному вопросу, вырвавшемуся невольно и неосознанно.

Если перекрыть приливную точку, что случится? Внешнее проявление очевидно — Прилива не стало, теперь вместо него обычное пространство, проницаемое для любого материального тела, с любой траекторией движения. Никакого шрама на теле Вселенной,

никаких аномалий. Приливы и раньше прекращали существование — стараниями флота, закрывавшего стратегически уязвимые направления телами огромного объема. Но вот если представить, что при этом исчез целый кубик пространства, пусть необычного, такого, где любой полет — двадцать одна минута с чем-то. Это же не уничтожение пространства, а только блокирование доступа!

— Спенсер! — Джокт в возбуждении обращался только к ведомому, но был уверен, что сейчас его с интересом слушают и остальные пилоты. — Помнишь, тот огромный аквариум, на Лунном Причале? Вернее, каскад аквариумов. Балу объяснял нам, как они между собой соединены, помнишь?

— Ты имеешь в виду, что если из одного аквариума забирают водяной куб и перекачивают в другой, то...

— Вот-вот! Что-то вроде! Вдруг существует какой-нибудь аналог закона Архимеда и для такого случая? — Джокт заволновался, ожидая в любую секунду приказа на старт, после которого его рассуждения потеряют любую значимость. — Посмотри! Диаметр астероида — треть Лунного... Объем...

— Ну что я тебе говорил?

Спенсер Янг Ли ликовал, невзирая ни на какие обстоятельства. Чувствовалось, что он по-особому гордится Джоктом.

— Да... Тяжелый случай. Парню с таким воображением — прямая дорога в отряд исследователей, — согласился Смоки, видимо, продолжая вести со Спенсером какой-то из давних разговоров. — Один раз этот парень уже нырнул в Серый Прилив. Хотя бы и на истребителе ДУГи. Второй раз ему будет не страшно.

— Нет, я не шучу. — Не поняв, о чем идет речь, Джокт продолжил развивать только что рожденную теорию. — Я просто хотел сказать, что астероид выпал из обычного пространства. Прямо здесь, на наших глазах, так? Вошел в Прилив и там пропал. А грависканеры ничего не заметили! Никакого искажения метрики, никаких гравитационных колебаний...

— Джокт, это всего лишь одна из многих загадок Прилива. Сейчас мы тоже, например, покинем этот сектор пространства. И будет к лучшему, если наш уход никто не заметит! — Барон, как всегда, продемонстрировал способность увязать любое размышление с той ситуацией, для которой оно пригодно.

Конечно же, он был прав. Но Джокт заупрямился.

— Барон! Мы до сих пор проходим сквозь Приливы, как в учебном коридоре, легко, непринужденно, как будто так и нужно... Но до конца никто так и не понял, почему это происходит? Я знаю,

все пилоты думают об этом. И ты, и Спенсер, и... Но это не коридор! Это загадочная зона безвременья! Паутина с полыми нитями, опутавшая Вселенную! Корабли, что я встречал в Приливе, они-то откуда? Может быть, тот самый астероид, выпав из нашего, тут же оказался в другом пространстве, как раз рядом с «летучими голландцами», как мы их называем. Но только там эти звездолеты перестали быть призраками!

— Сильно загнул! Зря ты не попал в исследовательский отряд, — резюмировал Барон.

— Нет, про закон Архимеда я, может быть, погорячился. Вода — это вода, а Вселенная — это Вселенная... Но вот насчет астероида — и близко нет аналога с «черными дырами», где можно пропасть навсегда...

Джокт хотел добавить кое-что из ранних своих рассуждений, про связь «черных» и «белых» дыр. Отвлек его все тот же голос Спенсера.

— Ты понял?

— Да, размах у твоего друга... Флот бьется за каждый сектор, — продолжили прерванный диалог ведомые Джокта, — за каждую захудалую планетенку, возле которой вертятся квазаросодержащие астероиды, а тут — Вселенная! Призраки, переставшие быть призраками! Спенсер, тебе страшно не становится? Мы чуть-чуть не сожгли собственного лидера, когда он вздумал имитировать позорное бегство... Сейчас он делает какие-то намеки на «черные дыры»...

— Нужно будет просчитать, когда выйдем в долгий полет, — нет ли случайно на пути «черных дыр»? А в остальном — немножко фантазии никому не помешает. Я даже кое в чем готов согласиться с Джоктом...

— Согласиться?

— Именно. А еще я немножко завидую, остались считанные минуты до прыжка на орбиту, у меня уже шея от индана болит, так все неопределенно, а лидер — отвлек! Даже умирать уже как-то не страшно...

Джокт почувствовал, как к горлу подкатил предательский комок. Его осмеяли! И кто? Спенсер! Который так упоенно когда-то рассказывал о величии пространства...

Когда обида достигла апогея, сработал индан. Джокт понял, что это не он невольно успокоил остальных пилотов, а совсем наоборот — они успокаивали его своими шутками. Кто как не он сам всего минуту назад вызывал Спенсера, Барона и Гавайца, чтобы

не остаться одному перед волной накатывающего страха? Индап, конечно же, помог бы. Но это совсем другая помощь.

— Да ну вас к черту! — притворно обиженным тоном сказал Джокт. — Проверяйте, проверяйте, где по курсу «черная дыра»... И имейте в виду — при любых обстоятельствах вы обязаны следовать за лидером! Считайте, что вам не повезло. И фантазии у меня оказалось больше, чем это допустимо для пилота истребителя. Понятно?

Барон удовлетворенно хмыкнул.

— Да, ком! — в два голоса откликнулись ведомые.

А Гаваец, перестав насвистывать веселую похоронку, добавил:

— А нам можно? Барон, давай попросим Джокта, чтобы он нас тоже прихватил...

— Зачем? — по цепочке откликнулся Барон.

— Ну сочиню что-нибудь вроде «Воскрешения Камехамехи»!

Спенсер расхохотался первым. За ним — Джокт, потом уже Смоки с Бароном и Кейт — второй ведомый в тройке Барона.

Напряженность мгновенно исчезла. Даже режущие воздух гравилеты — и те перестали казаться опасными. Все штурмовики растворились среди зданий, уже наверняка достигнув точки штурма. Но приказ на вылет все еще не поступал...

— Вахта! Что там случилось? — вызвал Спенсер навигаторов станции.

— Точно не знаем, но, кажется, обнаружен чрезвычайно интересный бункер... Там, говорят, такая система обороны, что еле-еле прошли! Ангары с «Трепангами», парочка вот этих грибов-шампиньонов, под завязку набитых штурмовиками Бессмертных... В общем, корректировщики выдали один и тот же тактический расчет — в таком-то квартале есть место, которое и охраняет вся эта гвардия. Как только разведчики десанта сунулись — сразу же нарвались на бункер.

— Представляю, что там...

— Настоящая бойня! Если бы не дерзость разведотделения, вряд ли удалось бы пробиться даже «Шаркам»... Но что-то они нашли. Иначе не стали бы докладывать командору. Ого! Смотрите!

Джокт кинул взгляд вдаль, поверх плоских крыш, и изумился. Такого он еще не видел!

Вдали, на другой стороне города, вставал на дюзы линкор...

Огромный звездолет, чьи двигатели развивали невероятную тягу, поднимался из кратера, образованного при посадке. Струи плазмы, перекрученные гравитационной составляющей в жгуты, выбивались из кратера, скользя по спекшимся и спрессованным

стенкам, словно по внутренней поверхности гигантской чаши. А после, вырываясь наружу и окутывая «Август», становились похожими на ослепительно-белые лепестки.

Для немедленного старта это был непозволительный расход активного вещества. Навигаторы, привыкшие оперировать величинами, обязательно имеющими длинный ряд нулей позади первых цифр, превратились в ювелиров. Грохот стоял такой, что включилась шумовая защита истребителей.

«Двести пятьдесят децибелов у источника» — ожила система оповещения об опасности. Почти в два раза выше смертельного для человека уровня!

Словно встающий на ноги титан, линкор мог представлять опасность и для штурмовых групп, находящихся в пределах досягаемости работающих дюз.

— Зачем они это делают? — воскликнул кто-то со станции.

— Действительно, странно... — проговорил Джокт.

Гаваец, хоть и был наверняка изумлен не меньше других, в очередной раз вызвал своими словами улыбки.

— Ну вот. Уже улетать. А мы даже не успели сделать голофото... Запечатлеть себя на фоне этих домишек.

Строения дрожали от гула. Скоро, очень скоро от них не останется даже воспоминаний. Но что будет с десантом? Неужели все зря?

Джокт прикинул в уме, и получалось, что штурмовикам никак не успеть обратно. Линкор тем временем чуть отклонился от вертикальной оси. Свирепое пламя стартовых двигателей сметало теперь квартал за кварталом. Здания, привлекательные какой-то недоступной, нераспробованной красотой, валились друг на друга, будто кегли. Пятнадцатиэтажные, если использовать мерки земной архитектуры, с верхушками двадцатиметрового диаметра, они казались набором изящных бокалов, из-под которых одним движением выдернули скатерть... Строения валились одно за другим, теряя очертания и превращаясь в бесформенные груды. Тем не менее их тонкие основания оказались на удивление прочными. Если бы это было не так, «Августу» хватило одного стартового импульса, чтобы развалить весь город. Но они выдерживали! Выдерживали запредельную вибрацию, энергию стартовой волны, вес рушащихся на них соседних зданий! Действительно, жаль, никто не сделал голофото...

Все равно позже, когда линкор, зависший в сотне метров над поверхностью, чуть приблизился к площади, стало понятно — городу не выстоять.

На связь вышел командор и выдал вообще невероятную новость.

Оказалось, своим маневром линкор уничтожил все атакующие силы Бессмертных, направленные на удержание десанта. А сами штурмовики КС умудрились проникнуть в глубокий бункер, и опасность им не грозила. Пока не грозила...

Внутри подземного лабиринта десант обнаружил запасной пункт управления сдерживающими полями звезды-гиганта!

— Ого! Вот это новость дня! — высказался Спенсер. — Только я не понимаю, как удалось им определить, что та штука — именно пункт управления, вдобавок — именно запасной? И что нам это дает?

Восторженные утверждения командора выглядели на самом деле странно. Специалисты технических служб Солнечной месяцами ломали головы: как использовать те или иные трофейные механизмы врага? Причем речь не шла о принципах действия или же о молекулярной структуре составляющих моноблоков. Хотя бы способы управления! Ведь там, где человек мог использовать кнопки или сенсоры, Бессмертные применяли чувствительные слои, осуществляя воздействие регулируемым давлением туловища на традиционно веретенообразную поверхность. Естественно, сам оператор находился внутри такого веретена, словно в коконе.

Лишенные конечностей и всяких псевдоподий, вопреки предположениям о существовании уникальных особей, способных вытягивать из туловища какое-то подобие отростков, Бессмертные вынуждены применять всю поверхность тела. И делали это мастерски!

Джокт вспомнил, как в период обучения, на занятиях по инобиологии, курсантам продемонстрировали в замедленном темпе динамику работы пилота-Бессмертного. Каждый сегмент тела червя контактировал с соответствующей зоной управления, находящейся на внутренней поверхности кокона. Но одного контакта было явно недостаточно. Та же «Кнопка», основной истребитель врага, не могла иметь примитивное управление с помощью всего двадцати двух команд — по числу сегментов тела пилота. Как и «Зигзаг», это был высокотехнологичный многофункциональный звездолет. Пилот «Зигзага» мог подать в полете свыше сотни основных команд, но и это — только основы управления. Работа джойстика, с помощью которого можно изменить направление движения, заключалась в попеременном переключении около тысячи микроконтактеров. Чем больше их число — тем выше чувствительность истребителя.

Педаль ускорения и тангажа, управление заслонками, активаторы различных режимов навигационной панели... Если учесть все, то общее количество управляющих команд превышало десятки тысяч.

Естественно, пилот «Зигзага» не задумывался над всем этим, когда управлял истребителем.

В принципе пилоты-Бессмертные действовали точно так же. Регулируя силу нажатия каждого сегмента, они могли подать на одну и ту же зону управления огромное множество команд. А весь командный кокон представлял собой единое устройство невероятной сложности.

Как же возможно разобраться за короткий промежуток времени с управлением сдерживающими полями звезды-охранника? Разобраться, освоить и в конце концов применить? Вдобавок — сделали это не инженеры, съевшие по своре собак на изучении инопланетной техники, а солдаты штурмовых рот, чья задача — уничтожать живую силу противника вместе со всякой техникой, а особенность модификаций тела и сознания заключается не в чрезвычайном ускорении мыслительной деятельности и способностей к прозрениям, а в возможности выдерживать огромные нагрузки и иметь нечеловеческую реакцию... Как же?

— Послушайте, а не долбанули Бессмертные по линкору каким-нибудь новым оружием? — Фантазия Джокта оказалась щедра на догадки. — И теперь все на «Августе», включая командора, просто выдают желаемое за действительное, находясь на самом деле в плену иллюзий? Только иллюзии на этот раз не визуальные, а... ментальные, что ли?

— Все может быть, — философски ответил Барон.

Еще короче выразился Гаваец:

— Поживем — увидим.

Остальные пилоты промолчали, обдумывая догадку Джокта.

— Спенсер! — вызвал Джокт. — Помнишь, при посадке...

— Помню. Кино нам показали что надо!

— Если теперь такое же кино крутится в голове командора? Как ты думаешь? И зачем они выжгли город? Зачем вообще выползли из своей посадочной воронки? Это раз! И два — разве могут штурмовики так быстро сориентироваться — что за аппарат они нашли и как им...

— Принято, ком. А теперь чуть-чуть помолчи, — оборвал его Спенсер.

Джокт осекся, услышав такое от Спенсера. Было похоже, ведомого на самом деле встревожила догадка лидера. И странное сочетание согласия и грубости — всего лишь крайняя необходимость. Джокт это понял и подавил обиду.

— Станция! — Голос Спенсера прозвучал властно, будто не командор Буран, а он, Спенсер, осуществлял здесь управление

операцией. — Вы можете пробить экстренный канал связи с «Августом»? У нас — только возможность отзываться на запросы...

— Мы все можем! — многообещающе ответил новый голос, до сих пор ни разу не прозвучавший на навигационном посту инженерного звездолета. — Я — полковник Далус, старший инженерной группы... Догадку вашего лидера слышал. Какие имеете предложения?

Линкор поднялся выше, будто нарочно подставляясь под летящие со всех сторон ракеты ПВО. Еще немного, и в зоне досягаемости работы его дюз окажется площадь с двумя кораблями. Но в том-то и дело, что никаких ракет сейчас не было!

Пока что угол отклонения «Августа» от вертикальной оси оставался прежним. Но изменить его и даже зависнуть над площадью — дело одной секунды, одного корректирующего импульса...

Джокт услышал, как командир инженерного персонала станции отдал короткий приказ.

— Приготовиться к постановке щита! Мощность — двести тридцать процентов... — потом уже, обращаясь к пилотам истребителей: — Остается только надеяться, что эта догадка...

Но Спенсер прервал и его:

— Спросите командора о чем-нибудь... Задайте вопрос кодом.

Конечно же! Как он сам не додумался?

Джокт закусил губу.

Красный код, желтый код, почему бы не попробовать? Спенсер продолжал:

— На станции есть кто-нибудь, кто лично знаком с командором Бураном?

— Я его сам хорошо знаю... Понял! Готовлю канал.

Коммуникатор Джокта издал царапающий перепонки звук, на секунду наступила глухота. Канал был выставлен.

— Командор! Вызывает станция, полковник Далус!

— В чем дело, полковник? Вы заблокировали все каналы...

— Оранжевый! Понимаете меня? Оранжевый!

Любой пилот Солнечной знал, что означает этот цвет. Код опасности, при которой любой подчиненный вправе оспорить приказ командира. Но это было чрезвычайно редкое явление — заявить об оранжевом коде. Редкое и с далеко идущими последствиями для запрашивающего, потому что после выхода из боя должно последовать официальное разбирательство.

Оранжевый — тонкая грань между необходимостью — с одной стороны, а также недоверием и неповиновением — с другой.

Знания Джокта об использовании оранжевого кода были чисто теоретические, все, что запомнилось, — это то, что кто-то ошибался, бывало, поверив, что настало время оранжевого кода.

Командор молчал.

— Полковник! Контроль сознания может оказаться на порядок выше, чем мы думаем! — вставил реплику в это молчание Спенсер, тем самым невольно присоединяясь к военному инженеру в требовании оранжевого кода. — И мы не знаем, каковы возможности Бессмертных...

— Появился шанс узнать, — коротко ответили со станции.

— Командор?

Пошла третья секунда. Джокт будто наяву увидел, как ладонь офицера накрыла сенсор запуска генераторов гравитации. Выставить щит — это далеко не все возможности станции. Еще, например, вполне без проблем можно использовать сразу весь запас активного вещества для обоюдного уничтожения — и станции, и транспорта, и линкора с городом в придачу. Четвертая секунда. Еще миг, и...

— Наверное, я понял. — Ответ командора сливается с общим выдохом облегчения. — Добро! Оранжевый. В чем у вас проблемы?

— Они могут знать все, что знает командор! — скороговоркой застрочил Спенсер.

Это покер! Может быть, блеф, а может, на самом деле фул-хаус или роял... Согласие командора еще ничего не означало, думал Джокт. Командор Буран не может не понимать, что вовсе не из-за пустяка сработали передатчики станции и не праздное любопытство гложет полковника... Но если здесь — ловушка Бессмертных, то это неудивительно. Человеческая мысль недалеко продвинулась в технологиях управления сознанием по сравнению с врагом. А вот Бессмертные... С их кодировкой в лучах смерти, например...

— Прошу ответить на три вопроса, командор. И быть искренним.

— Спрашивай, Далус!

Или же Джокту почудилось, или на самом деле в голосе командора прорезалась какая-то издевка.

— Первое, помните ли вы мою дату рождения? Ожидание ответа — десять секунд.

— Если он ответит, — прошел по индивидуальному каналу шепот Спенсера, — дело — труба! Надо убираться...

Простейший, на первый взгляд, вопрос скрывал в себе ловушку. Запоминание подобных мелочей (особенно, если командор Буран с полковником Далусом не были закадычными друзьями) явно

не входило в число самых необходимых вещей, которые должен помнить командующий линкором. Но вот в памяти, возможно, они когда-то и отложились, недаром же полковник задал такой вопрос! Отложились — на самую дальнюю полку сознания.

Если сознание под контролем, значит, поисковая система, или что там, перетряхнет все закоулки мозга, все цепочки нейронов, и ответ будет найден.

— Не помню. Кажется, летом...

— Второй, — не обсуждая полученный ответ, продолжил Далус. — Общий объем стратегических запасов квазаров Солнечной по состоянию на начало года?

Вопрос на грани предательства. Джокт напрягся.

— Что-то не то, -- опять прошептал Спенсер, — если командор ответит...

— А он может знать ответ? — так же шепотом, как будто их могли услышать на линкоре, поинтересовался Джокт.

— Не знаю. Мало ли?

— Пошел к черту, Далус! Ты сам — под оранжевым кодом! Давай лучше поинтересуйся, каково общее количество кораблей Большого флота Солнечной? С раскладкой по пунктам базирования! Порадуй своих новых хозяев!

Линкор угрожающе качнулся, будто колокол, из-под обода которого торчит огненное било.

— Пять секунд. — Далус оставался бесстрастен.

— Хорошо... Но даже если бы знал — не ответил!

— А ведь как-то отвечали на этот же вопрос! На одной чудной вечеринке в «Савое». Не помните?

-- Я, кроме входа в эту самую «Савою», ничего не помню... — пробурчал командор, видимо, не желая распространяться о прочих подробностях той вечеринки.

— Две секунды! Приготовить канал связи с командором Брачем!

— Ладно, потом сочтемся, -- многообещающе сказал командор. — А запасов ровно столько, чтобы забрать с собой и Землю, и Солнце, и даже остальные планеты.

— Вы кое-что забыли добавить.

— И всех хайменов тоже! Рад, что вы запомнили, о чем мы тогда говорили!

— Третий... Что было раньше -- яйцо или курица?

— Ага! — тут же отозвался Спенсер. — Проверка на вложенный интеллект! Хитрит технарь...

— Раньше все было, и яйцо, и курица, — снова проворчал командор, — а теперь синтетическая жратва и эргеры... А твой день рождения — 22 июня. День солнцестояния... У нас еще возник заумный спор... По поводу атавистических яйцекладов у живородящих, потому и запомнил. А теперь, когда проверка, я надеюсь, закончена, хочу указать на некоторые ошибки. — Командор брал реванш за те вольности, что вынужден был стерпеть от офицера — техника инженерной станции. — Первое, если бы полный перехват сознания оказался возможен, я бы смел вас с площади, как только вы затребовали оранжевый код. А потом поднял линкор на орбиту и продолжил свое черное дело... Второе, для любых мыслящих существ цепочки ассоциаций — это первый шаг в развитии памяти и сознания. Снег — холодно — огонь — шкура — строить жилище. Банан — высоко — палка — бросить. И так далее. Значит, практически на все вопросы можно найти более или менее удачные ответы. Третье... — командор чуть помедлил, — ...все это ерунда. Не понимаю, как такое могло прийти вам в голову? Мы бы давно проиграли всю эту войну. Мониторы не подкрались бы час назад к строю вражеских линкоров, десантники просто-напросто перестреляли бы друг друга еще при заходе на посадку. И не достигли, само собой, того места, где скрываются настоящие сокровища, и ваш вымышленный бог из машины тут ни при чем. Вот так.

— Не согласен! Мы интересуем Бессмертных точно так же, как и они — нас. Перебить всю нашу группу можно и без управления сознанием. Если вы не забыли, сегодня мы играем на чужой территории. А вот получить ценную информацию о положении дел в Солнечной и на форпостах... Тоже ведь — настоящее сокровище. Что касается наших подозрений... Вы покинули место, удобное для отражения атак. Вы уничтожили пути к отступлению для десанта... Ну так это казалось со стороны... Ваш линкор находится в нестабильном положении...

Голос инженера возрастал, и неожиданно Джокт понял, что полковник Далус не избавился до конца от подозрений. Мало того! Он практически убедил всех остальных, что дело тут нечисто...

— Вахте! Пробить канал связи с «Июнем»! — отдал он неожиданное распоряжение. — Транспорту, приготовиться к старту!

Из-за запутанной ситуации, в которую вогнали друг друга полковник с командором, сейчас можно было наделать множество ошибок.

Взлет транспорта, например, как мера предосторожности, себя не оправдывала и вообще была лишена смысла. Без штурмовиков

транспорт представлял собой наименее ценную боевую единицу из всей группы. Ноль без палочки. Но если все подозрения — глупость, с уходом транспорта все штурмовики обречены!

— Черт! Далус! Ты с ума сошел? Я поднял линкор, чтобы принять весь возможный удар на себя! У нас выбито до двадцати процентов защиты! Мы расходуем энергию, как Ниагара — воду! И все — чтобы прикрыть штурмовую пехоту, облегчить их задачу! Если можешь — иди сюда и проверь сам!

— Я не могу. И если даже ошибаюсь, то буду только рад такому обстоятельству, но...

— Я могу! — неожиданно для себя самого выкрикнул Джокт.

— И ты туда же? — поинтересовался Гаваец.

— Да, я хочу подойти к месту входа в бункер и даже спуститься вниз, если разрешите...

Полковник замолчал. Вместо него заговорил командор.

— Что ж... Вам так и так стартовать в атмосфере... Подкинь его, Далус, к отмеченному кварталу. Пусть сходит и убедится сам. Заодно и я узнаю — все ли внизу так замечательно, как доложила штурмовая группа. Я ведь сам, честно говоря, не все понимаю до конца, — неожиданно признался командор. — И начинаю становиться подозрительным. Видимо, Далус, вы заразили меня этой подозрительностью! Пока пилот будет путешествовать, мы вместе обсудим, что за вопросы придется ему задавать, когда он... Извини, Джокт, сам напросился... Но только контактный метод воздействия на сознание существует на самом деле, в это я верю. Мы сами его применяем. Так что у тебя примерно полчаса до выхода на связь. Долгий спуск, как доложили штурмовики.

— А как же остальная группа кораблей? — Теперь и Барон решил внести свою лепту, чтобы упорядочить возникший хаос. — Пока Джокт будет перемещаться туда-сюда, пока мы выясним — можно ли кому-то доверять? И если да, то кому? А к этому времени флота не станет. У них несколько минут до боя...

— Боя не будет. — Командор нехотя выложил еще одну новость дня. — И это тоже мне представляется невероятным... Штурмовики контролируют звезду. Флот Бессмертных вышел на связь...

Наверное, даже потеря Лиин и встречи с «летучими голландцами» оказались для Джокта меньшим потрясением, чем эта новость. Сердце толкнуло кровь и остановилось. Во рту мгновенно пересохло, зрачки расширились, инъектор индапа сработал дважды.

Если не только что, то буквально минуту назад каждый из пилотов думал о неизбежности смерти и ее некоторых разновид-

ностях. Экипажи, участвующие в безнадежном сражении, погибли бы очень и очень быстро. Шестерка истребителей и один из крейсеров — на пару недель позже... И вдруг усталый голос командора, возвестивший о том, что на сегодня гибель отменяется. А что будет завтра — еще неизвестно. Так же как неизвестно, почему Бессмертные, избегавшие всяческих контактов с человечеством, за исключением огневого контакта, вдруг решили выйти на связь. Опасались за планету? Но прихлопнуть землян теми силами, которыми Бессмертные теперь располагали, плевое дело, они могли бы не дожидаться, пока десант подберется к таинственному бункеру. Шарахнули бы чем-нибудь помощнее, и нет никакой проблемы!

— А разве это... — ледяным голосом потянул Барон.

— Все! Больше ничего не скажу! Полковник Далус! Давайте канал связи с орбитой, думаю, сейчас это получится... Понимаю, что не верится, я сам уже не знаю, чему верить...

— Принято, ком!

Долго ждать не пришлось. Как бы то ни было и что бы ни нашли штурмовики, Бессмертные сняли блокаду эфира. Наверное, операторы связи только и ждали такой команды. По перепонкам снова будто протерли шершавой бумагой, но теперь Джокту было уже не до неприятных ощущений.

— Орбита! Говорит командор Буран. Что у вас?

— Рад слышать, что вы в порядке! А у нас какая-то ерунда... — Голос командора Бранча звучал в удивительном диапазоне — где-то между ликованием и недоумением. — Флот Бессмертных имеет уже двадцатикратное превосходство. Следов новых финишей не наблюдаем, хотя прыгали со всех сторон, как блохи... А сейчас даже не знаю, что подумать. Противник прекратил движение! Но мы все равно блокированы... Осталось только понять — чего же они ждут? Это не вы там постарались? Наверное, пехота взяла в плен самого главного червя?

Командор орбитальной группировки кораблей пытался шутить, даже не догадываясь, насколько близка к истине его шутка.

— Может быть, может быть... Буду готовить пакет с докладом, а пока мы тут кое-что хотим проверить...

На этом короткий обмен новостями между командорами закончился. А Джокт испытал новые невероятные чувства.

Вот это да! Это же... Это же — самый настоящий дипломатический контакт с врагом! Не стрельба, а диалог! Первый со времени начала войны! Скорей бы...

Пламя нетерпения пожирало Джокта изнутри вернее плазменного горения, оно становилось жарче, чем фотосфера самой горячей звезды!

— Можно отправляться, командор? — Объятый этим пламенем, Джокт чуть было не врубил стартовый движок, забыв, что «Зигзаг» продолжает оставаться в гравитационном захвате станции.

— Думаю, да. Далус, как вы считаете? Если ваши догадки имеют под собой хоть какую-нибудь почву, не напрасно ли мы отправляем к штурмовой группе еще и пилота флота?

— Может быть, и зря... Но если мои догадки, как вы сказали, имеют почву... То уже безразлично — отправим мы его или нет. Надеюсь, пилот сможет вернуться, а мы сможем найти достаточно надежные вопросы к оранжевому коду. На что-то все равно нужно решаться.

— Да, на что-то нужно решаться, — эхом повторил слова инженера командор.

— Имею предложение! — Барон, так же как и Джокт, оглушенный новостью о контакте с Бессмертными, вышел из ступора и теперь деятельно пытался помочь советом. — Прошу отправить меня вместе с Джоктом!

— Это еще почему? Мы не уверены, что стоит отправлять туда даже одного пилота, а вы...

— Если речь идет о переговорах, я подумал, что могут понадобиться дипломатические способности, вот и все.

Вот те на! Джокт почувствовал что-то наподобие укола ревности. Наверное, оттого что прикосновение к тайне зачастую становится более волнующим, чем прикосновение к женщине. Хотя тут же себя и одернул. Чушь! Женщины — та же тайна, если не похлеще...

— Если следовать вашей логике, то спускаться в бункер придется в конечном итоге мне, — ответил командор. — Я, кстати, об этом уже подумываю. Но... Нет! Точный объем стратегических запасов квазаров мне неизвестен, зато известно многое другое... И в случае, если внизу — хитрая ловушка... Подожди! Про какие дипломатические способности ты говоришь? — Командор, в пылу спора с самим собой, вначале не понял все, что высказал Барон. — Что-то я не слышал про пилотов-дипломатов. Это мне кажется нелепостью из разряда летающих слонов... Или мыслящих апельсинов. Что вы имеете в виду, лейтенант?

— Разрешите индивидуальный канал? — уверенным, окрепшим голосом, но вполне учтиво попросил Барон.

И Джокт понял, придется идти вдвоем, если не хуже — ведь могут отправить одного Барона, потому что у него за спиной школа администраторов и начальный курс какой-то закрытой академии для детей хайменов.

— Да... — протянул командор через минуту, вновь выходя на общий канал. — Лучше бы тебе этого не говорить.

— Считайте, что я ничего вам и не сказал. Ведь мыслящие апельсины и летающие слоны не разговаривают.

— Ну хорошо... Пилоты Джокт и Барон! У вас имеется полчаса, чтобы увидеть все своими глазами, разобраться и сообщить результат. Штурмовую группу я предупрежу, вас встретят. В случае атаки флота Бессмертных — срочно возвращайтесь. Если будет, что захватить... Ну вы понимаете... Пусть это окажется Техногенное Нечто размером с башню «Шарка». Сбрасывайте к черту все торпеды, они вам все равно не помогут...

— Прихватим все, что подвернется под руку! — пообещал Джокт, с облегчением осознав, что он все-таки прикоснется к этой тайне. А то, что вместе с Бароном, — это даже лучше...

— Командор! Пускай это только пустая формальность, ритуал, но он нуждается в соблюдении... — о чем-то напомнил Барон.

— Ах да! Я и забыл про всякие старые инструкции! Мне казалось, их никогда не отряхнуть от пыли... — И голос командора стал торжественен, будто он вручал каждому из пилотов по «Солнечной короне». — Пилот Барон, порядковый зет-сотня — две сотни — два! Властью старшего командира из всех землян, находящихся на этой планете, передаю вам полномочия по выражению воли и интересов... во благо...

Дальше Джокт не слушал. Пыли на старой инструкции действительно оказалось много, как он подумал, смутно улавливая смысл за высокопарностью выражений, что использовал командор. Для Джокта это было полной архаикой. Еще он с облегчением отметил свое собственное безразличие к тому, что говорить с Бессмертными поручают не ему, а Барону. Что ж... Наверняка это правильно. Прикоснуться к тайне — одно. Использовать ее «во благо и для выражения воли и интересов» — совсем другое дело.

Линкор величественно отплыл в сторону, напоследок, будто изображая акт доброй воли, сбив пламя с улиц мягкой гравитационной волной.

— А я уже придумал вопрос по оранжевому коду! — невпопад заявил Спенсер. — Готовься, Джокт! Сегодня ты уже побывал в роли предателя...

— Не нужно никаких вопросов и никакого кода! — перебил его Барон. — Мы просто активируем видеочипы, и все, что будет с нами происходить, вы увидите потом собственными глазами...

Действительно просто! Полковник Далус хмыкнул, а командор издал смешок — нечто среднее между удовлетворением сметливостью Барона и досадой на общую недогадливость.

Это было последнее, что услышал Джокт перед толчком гравитационной волны. И едва успел спрятать язык за зубами, когда «Зигзаг», будто простой кусок железа, грохнулся на другой стороне города, а его аварийные стойки впились в такую же полированную поверхность, что и на площади. Удар вышел не настолько сильным, чтобы повредить аппаратуру, — в бою «Зигзагу» доставалось куда больше! — но все же достаточно чувствительным. Помогли аварийные посадочные линзы, установленные модулями станции и сработавшие в последний момент перед ударом.

Надо будет надевать специальную капу, как у боксеров, решил Джокт. Пусть лучше невнятная речь, чем полный рот зубной эмали...

Рядом, с плотным стуком, «сел» истребитель Барона. Невероятная, абсурдная картина — летящие, как камни из пращи, и рушащиеся на поверхность высокотехнологичные боевые машины! Такое открытие сделал Джокт, наблюдая посадку друга.

Потом лифт доставил его из кабины на поверхность планеты. Прямо в клубы улетучивающейся криогенной смеси. Проверив, удобно ли выходит из кобуры табельный «Клинч», и работу связи, Джокт первым шагнул к широкому зеву провала, у края которого стоял пехотинец КС в черном штурмовом СВЗ.

— Ну что? Пошли, дипломат? — невольно съязвил он, обратившись к Барону.

— Не обижайся, Джокт, я же...

— Я не обижаюсь. Наоборот — спасибо, что вызвался. Мы ведь — друзья?

— Конечно! Что за вопрос? Я просто подумал...

— Не нужно, Барон. Честно — спасибо. Мне и вправду не о чем говорить с Бессмертными, так что...

— Буду твоим должником! Вернемся в Крепость — проси чего хочешь! Тебе спасибо, Джокт! За понимание.

Штурмовик отступил на шаг в сторону, жестом показывая, где тут спуск. И Джокт, и Барон чертыхнулись, поняв, что за взаимными извинениями оба забыли включить наружные коммуникаторы СВЗ.

— ...быстрее! Никто не знает, сколько они тут будут ждать... — сразу раздался низкий, охрипший голос десантника. — По сторонам можете не глазеть. Самое интересное — внизу...

Глава 8

Подчиняясь штурмовику, Джокт сделал пару быстрых шагов, достигнув округлого входа в вертикальный туннель. Но тут же отпрянул. Там, за краем распахнутого люка, — гигантская куполообразная крышка валялась рядом, сорванная взрывом, — клубился какой-то плотный, непроницаемо-серый туман, в котором шевелились неясные черные тени.

«Проклятые черви! — мелькнула первая догадка. — Они как-то просочились сюда и отрезали тех, кто внизу, в бункере, от выхода!»

Рука машинально нащупала магнитную застежку кобуры, и через секунду прямоугольный ствол «Клинча» уставился в провал, отыскивая цель. На внутренней поверхности шлема СВЗ тут же высветился экран управления стрельбой. Но строка целеуказателя оставалась пустой! Белая точка прицела, бегающая по размытому узору, напоминающему мелкие волны на водной поверхности, никак не хотела становиться красной. Или же боевой процессор, содержащий сотни информационных страниц о всевозможных враждебных целях, не смог идентифицировать это черное шевеление как признак опасности, или...

Барон, сделавший свой шаг лишь на секунду позже Джокта, точно так же стоял сейчас с табельным оружием в вытянутой руке и недоуменно водил ствол из стороны в сторону.

— Я же сказал, ни на что не обращать внимания! — досадливо произнес штурмовик, поясняя: — Все, что вы увидите, — мираж. Сплошная бутафория. Как на аттракционе с голографическими чудовищами. Так что лучше заблокируйте боевую систему, а то начнете еще палить куда попало...

Джокт сконфуженно спрятал «Клинч», выбив большим пальцем по указательному нехитрый код: два быстрых удара в область верхней фаланги и три удара по средней фаланге. Сигнал от перчатки отключил процессор. Конечно же, пилот понимал, что пятизарядный «Клинч» весьма слабое оружие в сложившейся ситуации и вряд ли поможет в случае возникновения реальной опасности. Здесь не Земля, не Марс и не Европа, а целая планета,

принадлежащая миру Бессмертных, и она готовилась в любую секунду прихлопнуть маленький отряд, посмевший вторгнуться на чужую территорию. А все пространство вокруг планеты буквально забито звездолетами Бессмертных, блокирующими корабли флота Солнечной. Вот разве что в самый последний момент успеть бы выпустить разрывную пулю в висок, чтобы не достаться червям в качестве подопытного кролика...

Успокаивало лишь то, что рядом находился Тор — лейтенант пехоты КС, на каждом плече которого висело по штурмовой винтовке. В случае опасности десантник пустит их в ход практически одновременно с возникновением этой самой опасности. Кто-кто, а Джокт точно знал, какими невероятными рефлексами обладают бойцы-штурмовики! А если не получится у лейтенанта... Что ж, значит, Джокту с Бароном и вовсе бессмысленно трепыхаться.

Решив так, Джокт в последний раз коснулся большим пальцем указательного и этим поставил защелку кобуры на стопор. Теперь все. Можно идти.

Непрозрачная пелена, отдаленно напоминающая туман Прилива, коснулась лодыжки. Потом он погрузил ногу по колено, нащупывая опору, и наконец нырнул в этот невесомый кисель с головой.

Включившаяся сразу же подсветка выхватила несколько неровных кусков тумана, где продолжали извиваться причудливые прожилки, отчего казалось, будто он находится на дне «Черного колодца». И все пространство туннеля стало каким-то неуютным.

— Гаси фонарь, пилот! Здесь не поможет, будет только хуже. Такие зверские рожи появляются — сразу назад бежать хочется...

— В темноте тоже как-то не очень...

— Да ты не переживай! Тут прошло сорок человек, так что ничего страшного. Вначале будет ровная дорожка с уклоном, метров двести, а потом, как перейдем на второй уровень... Ну там уже сами увидите.

Джокт послушно выключил подсветку, с удивлением обнаружив, что ожидаемая темнота не наступила, даже когда они удалились от входа на порядочное расстояние. Никаких видимых источников света рядом не наблюдалось, но серый цвет не превратился в абсолютную тьму. Как если бы здешний воздух или само пространство туннеля подсвечивали сами себя, как будто вокруг носился рой микроскопических светлячков. Постепенно стала различима точечная структура субстанции, наполнявшей все вокруг. Из-за этого вполне можно было подумать, что находишься в центре активной голограммы. Джокт так и поступил — занялся самовнуше-

нием. Барон, идущий след в след, вначале жался то к Джокту, то к сопровождающему офицеру, но, похоже, тоже сумел справиться с первыми страхами и научился не обращать внимания на противное скольжение неясных силуэтов. Несколько раз темная тень касалась скафандра Барона и еще дважды оплеталась вокруг руки, словно какая-нибудь гибкая змея. Никаких ощущений, кроме брезгливости, это уже не вызывало, и дальше Барон перестал наступать на пятки Джокту или стопорить движение штурмовика. К тому же туман постепенно рассеялся, делая фигуры в скафандрах вполне различимыми. Так продолжалось пару минут. Затем штурмовик предупреждающе окрикнул:

— Стойте! Второй уровень. Я лучше пойду вперед, а вы — за мной. Тут будет посерьезней, но тоже — мираж. Так что не сглупите. Как? Готовы?

Обогнав пилотов, пехотинец поднял руку, собрав пальцы в кулак, а после резким движением разжал их, одновременно выбрасывая руку вперед.

Ни Джокт, ни Барон не были знакомы с языком жестов, принятым в пехоте КС для подачи некоторых команд. Но все было понятно...

Лейтенант ускорил шаг, и приходилось поспевать за его широкой поступью. Коридор заканчивался тупиком, но их проводник в черном СВЗ прошел сквозь стену. И тут обманка!

Джокт зажмурился, понимая, как непросто будет преодолеть — нет, не стену — другой барьер, тот, что срочно воздвигало сознание. Сделав несколько шагов, он обернулся назад, и только тогда вновь открыл глаза, — посмотреть, как будет выглядеть со стороны появление Барона из глухой стены.

Барона-то он увидел, тот, кстати, тоже держал глаза закрытыми... Но еще Джокт понял, что лучше бы ему не смотреть...

Стены не было. Вместо нее позади бушевало пламя. Огромная пещера, чьи своды терялись в вышине, — вот что появилось вместо коридора.

Пещерные стены отдавали малиновым и казались сложенными из гигантских каменных глыб. Из всех щелей между глыбами бил огонь, словно загорелся просочившийся газ, вырывающийся под давлением. Посмотрев вперед, боясь упустить из виду штурмовика, Джокт понял, что напоминает ему это место... Один из этапов компьютерной игры «Запрещенный город», где нужно перемещаться на вертком гравискутере внутри почти такой же огненной пещеры, где вдобавок иногда рушатся объятые пламенем камни...

— Все в порядке? — не оборачиваясь, поинтересовался штурмовик. — Никто не отстал?

— Полный ажур! Ты бы предупредил хотя бы, насчет стенки, — отозвался Барон.

— Ерунда! Нам еще топать и топать. Ложные тупики, ложные повороты... Цветочки. На четвертом уровне пойдут ягодки, тогда стану предупреждать. А тут... Ну огонек. Как вам? Не жжется?

— Нет, — ответил Джокт и поинтересовался: — А что, должен жечься?

— Здесь не должен. Говорю — цветочки... А потом начнется... Но вы, главное, не отставайте!

Через несколько сотен метров свод пещеры стал рушиться. Ну вот, подумал Джокт, точно, как будто очутились в «Запрещенном городе»!

Сначала полетели мелкие камни, а потом... Круглая плита, метров двадцати в диаметре, угрожающе качнулась. Посреди треска и рева бутафорного пламени послышался новый звук — тягучий, низкий, переходящий сразу же в противное цвиганье, будто водили острым по стеклу. И плита, просев между другими, сдерживающими ее валунами, устремилась вниз.

Первым желанием было — остановиться! Замереть, позволяя огненным тоннам рухнуть на неровную дорогу. Чтобы уже потом как-нибудь перебраться через завал.

Эффект овеществления оказался настолько силен, что Джокт непременно последовал бы такому желанию. Ведь выглядело все как взаправду. И только неутомимо шагающий лейтенант штурмовой пехоты, не обративший на демонстрацию камнепада никакого внимания, выдернул пилота из краткого слияния с наведенной реальностью. Наверное, так происходит с инфонаркоманами, подумал Джокт, в их видения тоже никто со стороны не верит. Но для них-то все — по-настоящему! Потом ему снова пришлось закрыть глаза.

Три человека — сначала штурмовик, потом Джокт с Бароном — шли прямо сквозь плиту, которая успела расколоться на части после падения. Будь она настоящей, все трое, несомненно, оказались бы навечно погребены под завалом.

— Третий уровень! — возвестил о следующем этапе их путешествия проводник. — Как вы относитесь, ну, скажем, к абстрактным фигурам?

Джокт только-только хотел ответить, что к абстрактным фигурам нужно и относиться — абстрактно... Он не успел.

На дороге, выложенной квадратной плиткой, размерами десять на десять сантиметров, не больше, несколько таких квадратов ожило, зависнув над поверхностью, срастаясь гранями и превращаясь в куб.

Сначала это были единичные парящие кубы. Мелкие, те же десять на десять. Но вот потом кубов стало много, и из более мелких получился один большой — с ребром в метр.

Постепенно то тут, то там, словно подверженная какой-то гравитационной коррозии, дорога теряла плитки. Они немедленно поднимались кверху, некоторые — едва-едва, другие взмывали сразу на десятки метров. И там уже, в высоте, начинали трансформироваться в кубы. Звуки исчезли. Все происходило в полной тишине. Зато наконец-то обозначился источник освещения: высоко, еще выше, чем свод только что пройденной огненной пещеры, ярко светились белым квадратные плитки-плафоны, сливающиеся в один общий ярко-белый потолок. Но там, наверху, тоже ничего не оставалось на месте. И те, другие, светящиеся плитки, будто пародируя цементно-серых своих двойников, что под ногами, отламывались, образуя такие же светящиеся кубы. Процесс обрел цикличность, метаморфозы усилились, и скоро начали образовываться гиганты, с ребром не менее десяти метров. Пока что они маячили где-то по сторонам, не приближаясь к дороге, как кубики для играющего циклопа. Но вот, медленно кувыркаясь, как в невесомости, будто здесь гравитация действовала избирательно, они начали приближаться к центру дороги, грозя ее полностью перекрыть.

Рядом с Бароном проплывал самый маленький кубик, составленный из шести десятисантиметровых плиток. Но как только пилот захотел подтолкнуть его рукой и посмотреть, что из этого выйдет, раздался голос штурмовика:

— Черт, совсем забыл! Вы это... их не трогайте, опасно!

Барон отдернул руку, словно ужаленный.

— А почему? Это уже не иллюзия?

Как-то тяжело поверить, что метаморфирующие, парящие, как мыльные пузыри, дорожные плитки, наплевав на законы притяжения, могут оказаться вещественными.

— Не знаю, не проверял, мне сказали — не трогать, вот и предупреждаю.

Барон изумился такому безоговорочному подчинению, идущему вопреки естественному желанию узнать — что же происходит с плитками, явно имеющими плотность, когда они начинают парить в пространстве?

Сам не зная, зачем он это делает, Барон все же не сдержался, шлепнув ладонью следующий маленький куб.

К его счастью, он тут же перешел на бег, догнав Джокта. А десятки фигур всех размеров, метнулись к месту, где только что находился пилот, рушась в одну кучу, вминаясь одна в другую, образовав в конечном итоге высокую насыпь-курган.

Апогеем внезапного перехода от бесцельного полета к атаке стало падение серой глыбины с ребром в двадцать метров! Она грохнулась с вполне реалистичным звуком, похоронив все прочее под собой, подняв клубы самой настоящей пыли.

— Вот это да! — Восторженный и потрясенный Барон поддел один из осколков, закатившийся под ноги.

Тот оказался вполне реальным куском то ли бетона, то ли еще чего и с каменным стуком отлетел в сторону. Барон почувствовал соответствующую отдачу в скафандре. Она оказалась слабой, но все равно — реальной! Тут же ему вместе с Джоктом пришлось спасаться бегством, потому что кубы снова ринулись в атаку.

— Вы что, идиоты? Или я невнятно объясняю? — поинтересовался штурмовик, когда пилоты его нагнали. — Не слышали, что ли?

— Слышали, — покаялся Барон. — И идиот здесь только я один... Как-то не верилось, да и выглядит все...

— Какая разница, как и что здесь выглядит? Сказано — не трогать, значит, не трогать! Просто идите, и ничего не произойдет. Понятно?

— Все, ком, больше никаких экспериментов, — заверил Барон. — Извини...

— Извиняться будешь перед командором, если дойдешь. А экспериментов больше не будет, потому что дальше — все взаправду, усекли?

Покинув третью зону, они очутились в четвертой, и там действительно все оказалось по-настоящему. И пришлось прыгать через ров с какой-то коричневой жидкостью, которая на самом деле оказалась сверхактивной кислотой. Штурмовик, чтобы пресечь всякие глупости, продемонстрировал это, кинув в ров патрон. Тот не стал тонуть — не успел, растворившись весь, без остатка, меньше чем за секунду.

— Латунь, обедненный уран, оружейный сплав... — зачем-то перечислил Джокт.

— Хоть капля на скафандр попадет — считай, покойник, — приободрил штурмовик.

Поэтому прыжки вышли на славу! Используя экзоскелеты СВЗ, им пришлось преодолевать разом десятиметровые расстояния. Без разбега. Без мыслей что-нибудь потрогать руками.

— Там, дальше, будет еще веселее... У вас хронометры работают?

— Мы сами себе — хронометры, — еле-еле отдышался Джокт, — а что нужно засекать?

— Потом объясню, сейчас другое...

На шестом уровне дорога превратилась в лаз метрового диаметра. Пришлось перемещаться, словно по трубе. Скользкие стенки и неудобства движения в скафандре на четвереньках оказались ерундой по сравнению с неожиданно возникающими кольцевыми диафрагмами, которые на деле являлись весьма эффективным режущим механизмом.

— Рубанет так, что пробой скафандра неизбежен. Дышать воздухом этой планеты мы не можем. Делайте выводы.

Выводы были сделаны правильные. Пилоты уподобились дрессированным собакам, четко выполняющим команды хозяина. То бишь лейтенанта-штурмовика, уже испытавшего на себе все местные прелести.

— Шесть секунд — бросок. Потом замрите! — кричал штурмовик.

И Джокт, и Барон — по очереди преодолевали очередной отрезок. С лязгом смыкались стальные челюсти, и казалось просто поразительным — как смогли те, что самыми первыми проползли по этой трубе, с такой тщательностью провести хронометраж.

— А... никто не пострадал, пока вы добрались до бункера? — спросил Джокт после того, как уровень был пройден.

— Некоторые погибли, — лаконично бросил лейтенант.

Но даже из его ответа следовало, что погибших было как минимум двое. Это потом уже, пройдя сквозь все уровни защиты, пилоты узнали, что штурмовая группа недосчиталась восьми человек, сгинувших в ловушках лабиринта. Ведь пробиваться к неведомой цели им приходилось единственно методом проб и ошибок, да еще в условиях жесткого цейтнота. Так что потери были неизбежны.

— Восьмой уровень. Ментальная атака... Что-то наподобие кубиков из плитки... — делился рекомендациями штурмовик. — Идти размеренным шагом по световым полосам. Малейшая неточность, чуть быстрее или чуть медленнее шаг — вас убьет...

— Что? Что убьет? — Джокт уже не знал, чего еще можно ожидать от кажущегося бесконечным охранного лабиринта.

— Не знаю, — отрезал пехотинец и вернулся к наставлениям: — Первые три шага — свободные. Ловите ритм и расстояние между световыми полосами. Дальше они остаются постоянными. Нужно пройти

двести десять шагов, темп — шаг в две секунды ровно, между полосами — семьдесят сантиметров... После первых трех имею рекомендацию включить глухой светофильтр и запустить хронометраж...

— Идти вслепую, — подытожил Барон, — чтобы не увидеть того, чего видеть нам не нужно...

— Да, такие рекомендации, — подтвердил штурмовик.

— Ну что ж. Пошли, что ли? — Джокт сгорал от нетерпения посмотреть, какие наваждения, обретающие вещественность, если обратить на них внимание, встретятся по дороге.

Однако при этом он понимал — не стоит пренебрегать предупреждениями тех, кто уже прошел это препятствие.

За поворотом, как и говорил штурмовик, обнаружилась обширная площадь. Освещение здесь было тусклым, источник света — неопределенным.

— Белые ночи! — охарактеризовал Барон.

— Белая ночь? — Штурмовик отнесся к словам Барона с безразличием, а вот Джокт задал один из самых любимых вопросов Гавайца: — Что это такое?

— Ну, понимаешь, на Земле, на определенных широтах наблюдается необычное явление, когда днем светит солнце, а ночью... как будто вот-вот рассвет... Не знаю, как объяснить, наверное, это нужно видеть.

— Не отставайте! — подстегнул окриком штурмовик и сделал шаг на площадку, где им предстояло пройти новое испытание.

Сразу же поверхность прямо перед пехотинцем заиграла радужными цветами. Первая линия, поняли пилоты. Джокту так хотелось посмотреть со стороны — что будет происходить вокруг шагающего, словно автомат, пехотинца. Но, к его глубокому удивлению, на площади ровным счетом ничего не изменилось. Тот же сумеречный свет, идущий отовсюду. Вспыхивающие на серой поверхности цветовые полосы и черная фигурка лейтенанта.

— Не зря же он сказал про ментальную атаку, — понял недоумение Джокта Барон, — наверное, сюрпризы постепенно начинают индивидуализироваться... Меня чуть не угробила куча летающего щебня, а тут это может оказаться чем угодно — треугольной кислотой, пятимерными клацающими челюстями. Это же сюр, Джокт! Полный сюр! Инопланетные ловушки! Вспомни, что творилось, когда мы опускались на планету! Так что давай, выбирай ритм, закрывай глаза и вперед!

Если бы штурмовика окружали какие угодно напасти — летающие горы, огнедышащие камни, — было бы, по крайней мере,

понятно, с чем имеешь дело. А вот именно эта пугающая пустота и тишина, в которой скрываются неведомые чудовища, заставили Джокта почувствовать волнение.

Сморщившись от щипка индапа, понимая, что стоять истуканом долго не придется, он сделал вдох и, зачем-то задержав дыхание, сделал первые три шага.

Это оказалось просто: шаг — короткая пауза в две секунды, следующий шаг, на семьдесят сантиметров... А ведь в этой простоте тоже крылась какая-то неправильность! Допустим, думал Джокт, активировав функцию автономного передвижения на скафандре, шагать по прямой в СВЗ несравненно легче, чем делать то же самое без скафандра, да еще с закрытыми глазами. Тогда неизбежно пришлось бы отклониться от прямого маршрута — толчковая нога сильнее другой. С этой проблемой сейчас справлялся экзоскелет, уравнивая усилия конечностей наподобие допотопных автомобильных сателлитов. Но как рассчитать другое — то, что у идущих может оказаться разный размер ступни? Семьдесят сантиметров между полосами... А если бы тут шел разумный кенгуру, у которого только ступня — семьдесят сантиметров? Непрост, ой, непрост лабиринт!

Еще раз вобрав побольше воздуха, как перед ожидаемыми перегрузками, Джокт сделал третий шаг, после чего пошел вслепую.

Опускать глухой светофильтр он не стал. И это чуть было не послужило причиной трагедии. Оказалось, только при взгляде со стороны площадь оставалась пустой.

Во-первых, звуки... Они появились сразу после третьего шага и тянулись к Джокту со всех сторон. Какие-то неясные шумы, словно от работающих вдалеке мощных насосов — всхлипывания, шипение, стук поршней, будто насосы втягивают воду.

Потом, собственно, звуки льющейся воды, что заполняет гулкий бассейн. И сразу за этим — зазвучало эхо от собственных шагов, как если бы идти по узкому длинному коридору с высокими стенами. Например, в здании штаба ВКО, где пришлось побывать Джокту. Но это оказалось только началом...

Прямо перед пилотом раздался душераздирающий крик, явно изданный живым существом. Так мог кричать, например, до смерти напуганный человек. От неожиданности Джокт сам чуть было не закричал и чуть не сбил шаг. Но глаз так и не раскрыл.

— Нет, чтобы предупредить, — послал он проклятие в адрес штурмовика, — можно было бы отключить заранее внешний коммуникатор!

Всего лишь отключить коммуникатор, вместо того чтобы терпеть очередное вмешательство индапа! Лишь отключить... Что Джокт и сделал, стоило ему справиться с новым приступом волнения. Но и это оказалось не главным сюрпризом...

Второе — ощущения. Здесь пасовали все привычные оценки окружающей действительности. Вместе с прочими звуками исчезло и журчание набегающей воды, но взамен появилось четкое ощущение, как эта же вода дошла до щиколоток, потом поднялась выше, достав до колен... Чуткая сенсорика СВЗ доносила слабое, как и положено воде, сопротивление среды. Какая же ментальность может быть у скафандра?

— Очень... Очень непростой лабиринт, — подумалось в который раз, и Джокт решил ни на что не обращать внимания.

— Это миф. Это мираж. Это бутафория, — твердил он про себя, упрямо продолжая двигаться уже по грудь в воде, если, конечно, здесь была вода. — Это галлюцинация. Наведенный образ, — продолжал перечислять Джокт, — защитный камуфляж высшего ранга!

А вслед за вторым последовало третье новшество...

Упругий толчок в спину. Джокт ощутил его, когда осталось пройти меньше половины.

Сначала один толчок, потом второй, будто кто-то или что-то подгоняло Джокта: «Иди быстрей! Сбивайся с ритма! Давай, давай!» — подгоняло навстречу к смерти. Вот теперь Джокт полностью осознал возможность печального исхода из-за нарушения правил чужой игры.

Очередной толчок оказался намного сильнее предыдущих. Ментальность ментальностью, а экзоскелет СВЗ вынужден был компенсировать нагрузку, отчего в груди возникло ощущение легкого нажатия.

Автоматика скафандра высшей защиты могла справиться не в пример с более мощным внешним воздействием. Все-таки скафандр был рассчитан на преодоление запредельных перегрузок, а не на какие-то толчки.

Что же это? Кому понадобилось во что бы то ни стало помешать пилоту? Незнание опасности, как всякое неведение, страшнее всего. К счастью, на этот случай существовал индап. Работа инъектора — и никаких детских страхов из темного угла на ближайшие несколько минут. На смену страху пришла волна злости. На охранные системы лабиринта, на Бессмертных, на себя в конце концов!

Когда до завершения уровня осталось двадцать шагов — сорок секунд, если мерить временем, тысяча четыреста сантиметров,

если расстоянием, — Джокт, идущий буквально под градом ударов в спину, решил взглянуть врагу в глаза.

Глупость? Может быть. Смелость? Навряд ли. Любопытство? Это вернее всего.

На секунду открыв глаза, он тут же зажмурился и шел так уже до конца.

— Двести десять! — непроизвольно вырвалось, когда он ощутил дружеское похлопывание по плечу вместо очередного удара.

— Дерьмовая штука, верно? — осведомился штурмовик.

— Да уж... — неопределенно ответил Джокт, оглядываясь на пустую поляну.

Там, впрочем, ничего не изменилось. Тот же рассеянный свет, те же вспыхивающие полосы, рассекающие поляну от края и до края. Вот только фигурка была не черная, а светло-серебристая.

Барон вышагивал, словно манекен, высоко задирая ноги, зачем-то согнув руки в локтях и выставив вперед кулаки. Ему оставалось шагов двадцать. Внезапно что-то изменилось в схеме движения Барона. Вместо того чтобы опустить поднятую чуть ли не на уровень пояса ногу, он стал клониться назад. Казалось, Барон вот-вот упадет на спину. Но обошлось. Чуть поспешнее, чем раньше, сделав шаг, он встал на светящуюся полосу, и дальше все прошло без проволочек.

— Ты как? — озаботился Джокт.

— Нормально. Но что-то мне подсказывает, что это была не самая приятная прогулка. А ведь нам еще возвращаться!

— О, черт, действительно... — Тут же вернулось ощущение надвигающейся воды, удары и то видение, которое довелось уловить Джокту.

— Не переживайте. Как раз в обратный путь можно идти, ничего не опасаясь. Ловушки работают только при приближении к бункеру. Уйти назад — всегда пожалуйста! Знаете, сколько было соблазнов именно так поступить?

— Это хорошая новость! — отозвался Барон.

— Да, хорошая. Но есть и плохая... Нам нужно преодолеть еще четыре уровня. Кто-нибудь из вас играл в крикет?

Джокт пожал плечами, такое название ему ни о чем не говорило.

— Провести шар через ворота? — уточнил сведущий в светских развлечениях Барон.

— Ага... Через ворота. Только не шар, — самого себя. Рекомендаций нет. Следуйте только нечетным числам...

Джокт не успел ничего сказать, как штурмовик указал направление — опять сквозь стену, хотя дорога шла в обход, делая поворот.

— Там что?

— Там погиб один из наших. Плазменное горение, не иначе. Кусок страховочного троса оказался расплавленным.

— Ладно, крикет, так крикет, — отпрянул чуть было не сунувшийся за поворот Барон. — Не переживай, Джокт, крикет — это просто...

Он ошибался...

Паника захлестнула сразу же, как только Джокт понял, что застрял в стене. Вошел в нее и не может выйти!

Первым порывом было — рвануться назад, но что-то в последний момент подсказало, что нужно только вперед. Удивило бездействие индапа, такого еще не бывало ни разу. И каменная кладка, позволившая проникнуть внутрь себя лишь на шаг, окружила темнотой и жуткой тяжестью, с которой не справлялся сверхнадежный СВЗ!

Внезапно Джокт понял, из-за чего тяжесть — на нем просто не было скафандра! Сконцентрировав усилия перед проходом сквозь стену, пилот сделал твердый шаг вперед, но после этого остался внутри стены, будто выскользнув из СВЗ, а автоматика скафандра, передав начальное усилие экзоскелету, протолкнула скафандр, с индапом и всем прочим заодно, — наружу!

— Черт! Черт! Черт! — хотелось закричать, но не получалось, к лицу плотной маской подступило что-то твердое, холодное, отдающее гнилью. — Это бред! Этого не может быть! Это...

Еще рывок, и стена опала липкими лохмотьями, пропуская наконец-то Джокта. Сразу же он увидел себя... со спины!

Естественно, никаких фатальных поломок скафандра не наблюдалось. Вот серебристая фигурка подняла руку, потом опустила. Подняла вторую, вытянула ее вперед. И тут он понял, что фигура, видимая со спины, копирует его движения. При прохождениии сквозь стену Джокту, для того чтобы удержать равновесие, действительно пришлось балансировать руками.

Снова ментальная атака, успокаивал он себя. На самом деле я в порядке, иначе не выжил бы в чужой атмосфере, скафандр в норме, системы действуют, и мне ничего не угрожает... Я-то в порядке, а вот мое сознание...

Был бы здесь полковник Бар Аарон, он бы точно порадовался тому обстоятельству, что кто-то научился отделять загадочную субстанцию внутреннего «Я» от всего остального.

— Спокойно, я в порядке, — повторял раз за разом Джокт, словно заклинание.

Всего лишь очередное испытание. Почему бы и не попытаться сыграть в новую игру? Вот только — где же тут ворота? И что они собой представляют?

Дальше все пошло, как в дурном сне. Воротами оказались обыкновенные П-образные балки, и провести сквозь них, как выразился штурмовик, самого себя, было не самым сложным. Сложным оказалось то, что в зоне лабиринта на этом уровне будто порвались причинно-следственные связи.

Фигура в скафандре делала шаг на миг раньше, чем его решал сделать Джокт. Поддаться, пойти на поводу такой несуразицы означало проигрыш, и он понимал это. Пришлось собрать в кулак всю волю, все инстинкты, чтобы не оступиться.

Шаг. Сейчас направо. Вот и очередные ворота. Только то, чем управлял сейчас Джокт, уже по ту сторону ворот... Логика не срабатывала. Время для одних и тех же событий текло двумя параллельными потоками. И один поток отставал от другого на проклятую долю секунды. Чтобы преодолеть препятствие, нужно сделать то, что уже сделано...

В финале появилась еще одна стена, проходя сквозь которую Джокт вновь ощутил себя единым целым, к тому же находящимся в относительной безопасности скафандра. Два потока времени снова стали одним.

Если бы не необходимость следовать к сердцу лабиринта — таинственному бункеру — и если бы не помощь индапа, плюнуть на все, повернуться, поверив словам штурмовика, что назад путь свободен, и бежать! Бежать скорее из этого детища извращенной фантазии создателей лабиринта.

— Барон, я, наверное, не люблю крикет, — сказал Джокт, чем вызвал усмешку штурмовика. Но вот Барон остался серьезен, не принимая шутки.

— Ничего. Прошли ведь?

— Прошли, прошли. Только до сих пор не могу понять: где — я, а где другая проекция моего «Я»? Что-то разобрало меня на кусочки, заставило чувствовать себя кукловодом, управляемым собственной куклой. Все бред, я знаю. Чужие фантазии и наш с тобою бред. Но если провести хотя бы час за такой игрой... Нормальным из нее не выйти, ты понимаешь?

— Бред, согласен. К тому же похожий на сон. Я ощущал себя сомнамбулой, но знал и то, что все сны кончаются. Мы прошли,

осталось совсем чуть-чуть, правда? — Теперь Барон обращался к штурмовику.

Почувствовав, как оба пилота нуждаются в поддержке и ободрении, лейтенант подтвердил:

— Да, самое тяжелое уже позади, дальше так, ерунда...

Естественно, он соврал, и, само собой, они ему не поверили.

* * *

Последние стадии выглядели сущим адом, где им приходилось бежать, пригибаться, видеть то, чего увидеть невозможно. Например, как небо меняется местами с поверхностью и все-все вокруг, включая их самих, рушится в перевернутое небо, а потом оказывается, что дальше, за облаками, неожиданно белоснежными, находится другая твердь, удержаться на которой невозможно. И все начиналось сначала: падение сквозь облака — антигравы не срабатывали — снова поверхность, и опять падение. Маятник, грозящий обернуться вечностью, если не найти выход.

— А вот и последний уровень! — возвестил наконец штурмовик. — Не знаю, из-за чего и почему, но мы потеряли здесь сразу двоих... Хотя нужно просто идти вперед. Может быть, они остановились не вовремя, может быть, остановились не в том месте... А если допустить, что лабиринт как-то реагирует на наши мысли, — может быть, они подумали о чем-то, здесь запрещенном. Рекомендаций нет... Надеюсь, вы пройдете...

Только сейчас, на последней линии защиты лабиринта, Джокт осознал, что все вокруг — система огромной сложности и размеров. Карстовые пещеры. Иначе откуда это? Здоровенные плиты, озера кислоты и камни, камни, камни. Шершавые, с желтым налетом...

— Тут хотя бы разговаривать можно?

— Сколько угодно! Можно все. Просто на всякий случай не останавливайтесь и не думайте, ну, например... — Вот о чем бы таком нехорошем не думать, штурмовик не сказал, зато еще раз уточнил: — Если повезет — дойдем. А если нет — значит, навсегда уже — нет!

— Умеют Бессмертные хранить секреты, — не касаясь сказанного элитным пехотинцем, отвлеченно заметил Барон. — Как же вам удалось пройти весь лабиринт?

— Вот так. Очень просто, можно сказать. А если в подробностях... Нашли люк. Он, кстати, был заделан так прочно, что вряд

ли им пользовались последние лет десять, а может, и больше. Даже вместо электромагнитных или гравитационных запоров — обычная механика. Вся в ржавчине. Рванули кумулятивным фугасом, крышку снесло... — Штурмовик говорил отрывисто, будто прислушиваясь одновременно к чему-то, но пока ничего странного не происходило. — Что там сразу у входа, вы видели сами. Мы вошли. Я был замыкающим, так что подробностей от меня не дождетесь. Впереди идущие передавали рекомендации, так и дошли.

«Какая короткая героическая сага! — подумал Джокт. — Вошли, дошли... И восемь погибших».

— Если бы не этот бункер, я думаю, погибли бы все, — словно прочитав его мысли, заявил пехотинец. — Не только десант, но и флотские экипажи. Прижали группу кораблей основательно!

— А ты откуда знаешь?

— Сейчас поймете... Там ведь не только система управления звездой, но и кое-что поинтересней.

— Странно, — удивился Барон. — Выставить защиту такого уровня, но не обезопасить сам бункер от проникновения или — хотя бы уничтожить, в крайнем случае. Сплоховали черви. Себе на горе, нам на радость.

Джокт еще не знал, что увидит в самом бункере, но все произошедшее в лабиринте наталкивало на одну вполне естественную мысль.

— Знаешь, Барон, мне почему-то кажется, что Бессмертные тут вовсе ни при чем.

— Что ты имеешь в виду?

— Лабиринт, бункер — не их это работа, вот что!

— Тогда чья же?

— Не знаю. Но только полоса препятствий получилась какая-то очень человеческая, — выпалил свою догадку Джокт и пояснил: — Рассчитанная на человека или схожее существо... Работа с сознанием... Ну не может ведь такого быть, чтобы препарирование сознания случайно оказалось таким избирательным. Будто они, эти таинственные создатели, знали, что именно люди когда-то попадут в лабиринт. Неужели у них не имеется секретов от своих же сородичей?

— Может быть, и не имеется. Полная внутривидовая гармония, так сказать. Да мало ли...

— Тогда мы обречены.

— Странные выводы из одного-единственного допущения. Почему?

— Нам не справиться с таким организованным врагом. Вся Солнечная пронизана секретами. Секретами одних людей — от других. И если бы где-то, например на Венере, инженеры умудрились создать центр управления излучением Солнца, то я больше чем уверен, в охранном лабиринте хватило бы ловушек и для Бессмертных, и для людей. Или я не прав?

— Кое в чем прав, конечно... А почему ты решил, что этот же лабиринт, который мы прошли, не имеет и других ловушек — против любопытных червей-оппозиционеров?

— Не нужно насмехаться... Как-то нереально все, очень много впечатлений. Но вот не могу я себе представить червя, что скачет по светящимся полоскам! Огненная пещера, разве что...

— А проклятая узкая труба? Самое то место, где могут перемещаться Бессмертные. У них ведь даже переходы внутри звездолетов — пневматика и трубы. Помнишь, Балу рассказывал?

— Логично. Но только все равно неубедительно... Одно-единственное препятствие, ну два от силы... Даже три, давай посчитаем воду, что появилась в зоне ментальной атаки, остальное пока оставим в покое.

— Какая вода? Ты о чем, Джокт?

— То место, где ты чуть не упал на спину... Интервал — две секунды, расстояние — семьдесят...

— Не было там никакой воды! Только ветер. Ветер из аэродинамической трубы. Признаться честно, я и отшатнулся из-за того, что решил подсмотреть в конце пути...

— И что ты увидел?

— То и увидел. Как будто прямо передо мной вращаются гигантские лопасти. Сначала был ветер. Завывал, прямо как в горах! Потом ветер перерос в ураган. Свистело, рычало, что-то ломалось, пришлось отключить внешний коммуникатор. А потом, когда поток усилился, я открыл глаза.

— Ничего себе! Я же говорил — невероятная избирательность! Ведь мы шли практически один за другим! Для тебя выл ветер, а я чувствовал воду, будто сейчас все вокруг затопит наводнением. Потом что-то стало толкать в спину, кто-то кричал... Тоже отрубил микрофоны. Потом удары стали сильней. Открыл глаза... Но только это был не пропеллер! Какой-то механизм.

— Какой? — оживился штурмовик, никак не отреагировавший на то, что оба его подопечных нарушили простейшую инструкцию — ни при каких обстоятельствах не открывать глаза. Но сейчас это и впрямь было неважно. — Какой механизм?

— Мне сложно описать. Я увидел лишь часть, потому что подсматривал только секунду. Но оно было большим. Очень большим! Помнишь, Барон, я рассказывал о черных линкорах, которые видел в Приливе?

— «Летучие голландцы», из-за которых пришлось собирать целую комиссию?

— Они. Так вот, эта чудо-техника вполне могла служить чем-то вроде «Шарков» для «летучих голландцев». Первое и единственное, что я отчетливо разглядел, — гусеничный ход. Один из видов догравитационного передвижения. Только вот такими гусеницами можно сокрушить целый город. Представляете? Высотой — с небоскреб! А ведь на подобном шасси должна располагаться башня или что-то вроде, а в башне — оружие. Причем такое, что сравнимо с корабельной артиллерией крейсера!

— Гигантомания, ерунда! — отмахнулся штурмовик. — Я тоже видел какую-то громадину. Правда, очень похожую на гравискутер. Никаких гусениц. Большой, да. Но с небоскребом не сравнить.

— На самом деле, гигантомания — это не ерунда, — авторитетно заявил Барон, — когда-то на Земле составлялись проекты тяжелых штурмовых машин, таких, что могли размолоть хоть полк «Трепангов». А отказались от осуществления плана из-за высоких затрат на производство. Высокий профиль — нужна мощная защита. Мощная защита, плюс большой калибр — прожорливая и огромная энергоустановка. Большая энергоустановка, большой калибр — высокий профиль. Замкнутый круг. Предпочли по старинке: тактическую машину с гравитационной тягой и многоствольной артустановкой, экипаж — два человека, а не два десятка. Скромный бортовой компьютер, локальные задачи...

— Ого, парни, какие вы осведомленные! — протянул штурмовик. — А я вот с «Шарка» начинал. Стрелком. Подбили нас. В СВЗ еще ничего, а как попадал после этого в танковый стакан — все. Руки дрожат, индап бесперебойно шею обкалывает, забыть не могу, как заклинило катапульту и металл начал плавиться. Так что мне дорога в танковые экипажи заказана. Стал «полевиком». Но вот если бы была машина — с небоскреб, хоть с гусеницами, хоть без гусениц, неважно — высокий там силуэт или нет, думаю, не отказался бы на такой служить. В транспорте ведь летаю — никаких страхов.

— Клаустрофобия плюс синдром танкиста, — подытожил Барон. — Я думаю, это излечимо.

— Как видишь — не вполне. Но если вернуться к тому, с чего мы начали разговор, то в главном твой друг прав. — Штурмовик

вернул начатую тему в прежнее русло. — Этот бункер сделан не Бессмертными. И не для Бессмертных. Вот, полюбуйтесь!

Он сделал приглашающий жест пройти вперед, и Джокт с Бароном поняли, что испытание окончено. Лабиринт пройден!

Глава 9

Зал прямоугольной формы, размерами приблизительно сто метров на двести. Впрочем, освещение было скудным, поэтому оценку размерам можно было давать только приблизительную. Высота от пола до потолка — что-то около десяти метров. Но это не означало, что значительная часть пространства пропадала зря. По всему периметру, на высоте двух, четырех и шести метров, через каждые два метра, тянулись площадки с высокими поручнями. Ширина площадок — метра четыре, все они были оборудованы операторскими пультами непонятного предназначения: пластиковые кресла с пустующими мягкими сиденьями, перед каждым из которых слепо таращились в центр зала погасшие экраны.

По углам все площадки соединялись между собой вертикальными винтообразными лестницами. Лестницы, как и вся обстановка, указывали, что Бессмертные не имеют абсолютно никакого отношения к созданию этого центра управления. К такому однозначному выводу пришли все без исключения. Хромированные ступеньки и поручни, кресла операторов — все укладывалось в привычные рамки человеческого восприятия, поскольку наверняка было создано человеком и для человека.

Еще в глубине зала находился какой-то комплекс, с высокими прямоугольными шкафами, присмотревшись к которому легко уловить сходство с вполне земной барной стойкой. Для полноты впечатления не хватало только бокалов и шейкеров. Ну и бармена, разумеется. Хотя не исключено, что этот бар мог оказаться автоматическим.

Чем дольше взгляд скользил по залу, отмечая новые детали, делая маленькие удивительные открытия, тем сильнее становилось ощущение нереальности происходящего. Джокт даже испугался, не является ли все таким же миражом, как призраки охранного лабиринта? И, пока они тут расхаживают, обмениваясь короткими репликами, может быть, черви уже окружили их со всех сторон, внутренне насмехаясь над беспечными, глупыми хомо?

Но пол оставался полом, лестница — лестницей, ничего не метаморфировало, никто не собирался нападать. Рядом с баром имелось три квадратных столика, возле каждого — круглые табуретки и экраны, очень похожие на обыкновенные головизоры. Приглядевшись, Джокт заметил на столиках крошечные пепельницы с желобками для сигарет.

Когда увиденного оказалось вполне достаточно, чтобы утвердиться в мысли о земном происхождении бункера, сознание начало играть злые шутки, отказываясь воспринимать одновременно обстановку зала и планету, заселенную Бессмертными, которые не нуждаются ни в лестницах с перилами и ступеньками, ни в столиках с табуретами и пепельницами, ни в креслах перед пультами операторов. Или-или. Реальностью должно быть что-то одно!

— Обалдеть! — не сдержался Джокт. — Это же, это...

— Заглубленный командный пункт, — ответил на невысказанный вопрос штурмовик, который находился здесь явно за старшего.

— Балу! Вот это место для встречи!

— Привет, дружище! Действительно, место странное. И для встречи, и вообще... О! И Барон с тобой? Рад видеть.

Несколько штурмовиков колдовало над одним из пультов, располагающихся на нижнем уровне зала и занимающих приличное пространство. Из множества его экранов два были активны, и сейчас на одном из них вертелось изображение планеты, прямо как в Центральном посту Крепости, а на другом, раскинув щупальца протуберанцев, зловеще пылало косматое светило.

— Такого просто не может быть! Это или обман, или чудо! Найти на домашней планете врага скрытый командный пункт Солнечной! — выплескивая радостные эмоции, вызванные отчасти встречей с другом, отчасти — осознанием открывающихся возможностей для продолжения борьбы в этом секторе, не щадя других пользователей внешних коммуникаторов, выкрикнул Джокт.

— Действительно, чудо, — более спокойно ответил Балу. — Настолько не верится во все это, что мы даже не сообщили подробностей на транспорт. Но, Джокт, ничего из этого не принадлежит Солнечной.

— Как это?

— Очень просто. Сейчас покажу. Но сначала нужно определиться — а что делать с вызовом Бессмертных? Барон! Насколько я понимаю, ты получил от командора полномочия на ведение переговоров?

— Да, получил, — с важностью ответил пилот.

— Надеюсь, ты уже знаешь, о чем будешь с ними говорить? А главное — как?

— Насчет тона можешь не сомневаться, раз они обратились с запросом о переговорах, значит, можно и понаглеть. А вот насчет чего разговор... Пока я ничего не знаю, Балу, и не понимаю, как такое произошло и в связи с чем. Может быть, введешь меня в курс дела?

— Обязательно!

Балу махнул рукой одному из десантников, находящемуся возле действующего экрана. Видимо, тот имел какое-то отношение к словам, что собирался сказать майор.

— Значит, так, первое — связь с Бессмертными ведется обменом информационных пакетов. Это дает как нам, так и Бессмертным время для обдумывания сказанного. Второе — я уже начал вести переговоры...

Балу не договорил, а Джокт уже почувствовал, как вздрогнул Барон. Некоторое тщеславие ему все-таки было присуще, какникак — сын хаймена, хоть и опальный. Но Балу в этом плане ничем от Барона не отличался. Однако помимо высокого происхождения он обладал старшинством в звании. Еще нелишним было бы вспомнить, кто первым пробился сюда, в бункер, а значит, имеет полное право тут хозяйничать. В любом случае то, что флотская группировка еще жива, еще существует, — целиком и полностью заслуга штурмового подразделения.

Джокт ожидал, что Барон сейчас выскажется по поводу ритуала, проведенного командором Бураном, и напомнит о назначении его, Барона, полномочным представителем, но этого не произошло. Барон лишь согласно склонил голову, собираясь слушать дальше. Балу не заставил себя ждать.

— Третье, Барон, — ни мои, ни твои, ни чьи бы то еще услуги в переговорах не понадобятся. Бессмертные согласны говорить только с одним человеком...

Не зная отчего, Джокт почувствовал, как забилось у него сердце. Дар предвидения — особый дар пилотов истребителей, но почему сейчас? Почему не в боевой обстановке?

— И этот человек... — поторопил штурмовика Барон.

— Пилот «Зигзага», который пару месяцев назад, во время прорыва к этой планете, сохранил жизнь всем Бессмертным, находящимся на борту среднего транспорта.

Теперь сердце стучало не стесняясь, словно Джокт уходил на малом радиусе от десятка вражеских торпед. Почему он? Какая им

разница, с кем говорить? Ведь главное — содержание переговоров! Дернуло же его тогда отпустить проклятый транспорт!

— Вначале мы прикинулись, что не понимаем, о ком речь, — продолжил Балу, запросто усаживаясь прямо в тяжелом СВЗ в ближайшее кресло. — Но Бессмертные категорически утверждали, что им точно известно — такой пилот находится в составе группы. Наверное, как-то вычислили, прослушав эфир... С этим ладно, теперь пусть голова болит у инженеров постов связи... Я решил тянуть время, ответил, дескать, попробуем установить, о ком речь... Они обязались ждать. Вот такая ситуация.

— А что, если вместо меня действительно будет говорить Барон? Он ведь тоже пилот истребителя и шел тогда со мной. Вернее, управлял одним из истребителей ДУГи... Неужели они решили, что, если я совершил однажды глупость, обязательно повторю ее еще раз и стану сочувствовать Бессмертным, проявляя мягкотелость ко всей их своре?

— Я не знаю, Джокт. Но не вижу тут никакой проблемы. Между составлением пакета, его передачей и приемом ответа проходит где-то около пяти-шести минут. Говорить, готовить пакет будешь ты, а вот что нужно говорить, решим все вместе.

Предложение казалось разумным. Никаких причин, чтобы отказаться, у Джокта не имелось. Сказать просто «не хочу», этого мало. Барон попытался что-то возразить, намекая на нежелательность того, чтобы вот так сразу же идти на уступки.

— Сначала подавай им именно Джокта, потом еще что-то попросят, дальше — больше... А мы, значит, во всем должны соглашаться?

— Для создавшегося положения — невелика уступка, посмотрите сюда! — сказал Балу, встал с кресла и подвел обоих пилотов к действующему экрану, тому, где вертелась планета. — Видите?

Вблизи на экране можно было рассмотреть какие-то черточки и отметки, окружающие планету. Нетрудно было догадаться, что это — локализация обеих группировок звездолетов. Бессмертные надежно блокировали позицию единственного линкора и тяжелых крейсеров. Стоило им попытаться начать сближение или, наоборот, начать маневр уклонения, их тут же ожидала атака со всех полусфер. Многократное превосходство противника ощущалось сейчас особенно ярко. Джокт отметил одну странность — значительная часть вражеских сил концентрировалась прямо напротив группировки Солнечной, занимая более высокую орбиту. Перемещаясь, звездолеты врага в точности копировали перемещения кораблей землян. Прорыв в такой ситуации невозможен. Вдобавок несколько

групп «Кнопок» и «Кросроудов» располагались чуть в отдалении, образуя следующий эшелон блокады.

— Я думаю, контроль за излучением звезды не даст нам пока никакого особого преимущества, — просчитал выгоды позиции врага Джокт. — Если мы используем это оружие так, чтобы не задеть собственные корабли, в лучшем случае снимем только вот эти три группы, они дальше всех остальных от планеты и не успеют спрятаться. — Для наглядности он постучал пальцем по экрану, отмечая группы, которыми, по его мнению, готовы пожертвовать Бессмертные в случае лучевого удара. — Их основные силы прикрыты нашими звездолетами. Чтобы сковырнуть врага, придется бить по своим. Обоюдное уничтожение! Плюс возможность выпарить всю эту планету, что всегда успеется...

— Не понимаю, — признался Барон, — если они так боятся за свою планету... — А потом словно взорвался: — Какая, к черту, планета Бессмертных! Посмотри на этот зал, Джокт! Посмотри!

— Это мы обсудим позже. — Балу погасил вспышку негодования пилота. — Сейчас — только о деле...

— Ладно, о деле... Я хотел сказать, если они беспокоятся за планету, зачем пригнали на орбиту кучу техники? Хватило бы и ограниченной группировки, чтобы расправиться с нашими звездолетами, пускай даже в затяжном бою...

— Тогда точно пришлось бы укокошить всю планету. Другого выхода нам не остается. Сколько мы продержимся в бункере? Пару дней? Неделю, если удастся перетащить хотя бы часть рекреационных машин с транспорта и со станции? — заметил Джокт.

Между пилотами возник спор по поводу причин, заставивших Бессмертных выставить на подавление небольшой группы прорвавшихся звездолетов целую армаду. Джокт считал это глупостью стратегов, Барон — демонстрацией мощи, Балу не вмешивался, внимательно прислушиваясь к словам каждого.

— Будто специально пригнали сюда как можно больше звездолетов! Чтобы нам было о чем торговаться.

— Ты лучше обрати внимание — здесь в основном крейсеры и истребители. Малый флот. Линкоры появились и сразу отошли подальше, к краю системы. Если бы нас собирались прихлопнуть одним ударом, проще было вывести еще одну пятерку линкоров. Поближе. Ну для убедительности — еще десять.

— Смысл? Уходить нам все равно некуда. Бессмертные понимают, что даже при таком превосходстве победы всухую не получится. Зачем подставлять линкоры?

В конечном итоге пилоты были готовы сойтись на том, что все — сплошные совпадения, потому что флот Бессмертных появился раньше, чем штурмовики добрались до бункера.

— Но теперь, пока мы можем управлять звездой, любой их шаг — самоубийство. И наш любой шаг — самоубийство. Патовая ситуация. Вот и предложили переговоры.

— Мало ли и раньше случалось таких ситуаций! Но насчет звезды...

— Стоп! — прервал наконец-то спор Балу. — Сейчас без разницы, какой флот блокировал нас, Малый или Большой, а до бункера мы добрались раньше, просто вначале никак не могли разобраться с управлением. Поэтому и доложились не сразу. Еще этот проклятый лабиринт! Не было ведь абсолютно никакой уверенности, что получится пройти его еще раз... Видели, что там? Потом, где гарантия, что через несколько минут прямо здесь, в зале, не появится какой-то ментальный оборотень, плод нашего сознания, способный при этом тут всех разорвать? А главное — это НЕ НА-ША, — раздельно, по слогам, произнес Балу, — не наша станция! Дошло? И с управлением звездой, честно говоря, пока не очень...

Только сейчас Джокт обратил внимание, что сенсорные и кнопочные панели, хотя и были практически идентичны таким же панелям тактических вычислителей Солнечной, сопровождались странными значками, даже отдаленно не напоминающими привычную письменную графику. Значки, непонятные закорючки и лишь стройные ряды повторяющихся символов Барон опознал как цифровой ряд:

— Я знаю, что это такое! Цифры! Когда-то на Земле действительно существовало несколько цифровых систем... Да это просто! Вот, неужели никто не узнает? Повернутый крест — десять, прямые палочки — единицы. Вот это — пятерка... Как же его? Вспомнил! Латинский цифровой ряд.

— А остальные знаки? Я знаком с некоторыми древними числовыми системами, в том числе и с латинской, но тут есть и отличия, — проявил некоторую эрудицию Балу.

— Например? — Барон заметно повеселел от осознания важности имеющихся у него знаний.

— Например, вот это что?

— Девятка, конечно.

— А почему целых шесть символов? Пятерка и четыре единицы. Должно быть два — единица перед десяткой. Или вот — четверка? Четыре прямых отрезка...

— Верно, четверка. Понимаешь, Балу, тот ряд, который тебе известен, всего лишь рационализированные, искаженные цифры. Насколько я помню, с девяткой связана какая-то история про огромный часовой механизм. Его монтировали когда-то в британском мегаполисе, на центральной башне. Правда, тогда еще не было мегаполисов, так, в каком-то городке. И чтобы поместить всю цифру, создателю часов пришлось отобразить на циферблате девятку в новом виде, всего из трех символов. С тех пор так и пошло... С некоторыми остальными цифрами тоже связаны какие-то истории. То есть вначале цифры были совсем другими, прямо как на этих панелях. А потом... Балу, я удивлен, ты и вправду с этим не разобрался?

Штурмовик удрученно развел руками.

— Похоже, что так. Теперь вижу, конечно, что все просто... Но все равно многое не понимаю...

Пока сгрудившиеся вокруг офицеры жадно впитывали пояснения Барона, пехотинец, находившийся у дальнего пульта, не оборудованного экраном, — почему Джокт сразу его и не заметил — окликнул майора:

— Ком! Пакет!

— И что там? Включай! — отозвался Балу.

— Слушайте!

Голос, заполнивший все пространство бункера, явно не принадлежал живому существу. В нем не имелось ни пунктуационных выделений, ни эмоционального окраса. Скорее всего, работал какой-то аппарат, аналогичный земному лингватору. Ничего удивительного в этом, конечно, не было. В бою, применяя системы информационного обмана, Бессмертные использовали миксы из фраз, понадерганных из переговоров между пилотами Солнечной, перехваченных врагом. Теперь же, для подготовки пакета с сообщением, Бессмертным приходилось модулировать человеческую речь, воссоздавая тот смысл, что они пытались вложить в нее, переводя собственные речевые сигналы на человеческий язык. Из-за этого фразы получались неровными, а голос машины-переводчика заполнен шипящими звуками.

— Блес-стящ-щий С-седьмой здес-сь! Ес-сть пилот, выз-званый с-с ним говорить, с-связ-зь...

Балу посмотрел на Джокта, но тот замахал руками, потому что был не готов. Слова Балу о том, что полного контроля над звездой у них пока нет, едва не повергли Джокта в шок. И нужно было сначала разобраться с этим, чтобы знать — какими козырями в действительности он будет обладать в переговорах? Еще смущало

бездействие всех остальных операторских пультов. Может быть, из бункера ведется управление не только излучением звезды? И есть что-нибудь еще, о чем пока ни штурмовики, ни Джокт с Бароном не догадываются, но чего очень и очень боятся черви. Неспроста эти переговоры. Наверное, у врага имелись причины так настойчиво их добиваться — впервые с начала войны! И это не обязательно могла быть только угроза планете.

Где-то в закоулках сознания ожила затаенная мысль, наверняка не только у Джокта, и совершенно точно — не у него первого. А вдруг именно сейчас получится остановить всю войну? Уничтожение планеты — это, конечно, не все. Только этап, за которым последуют другие — мстительная атака всех космических сил Бессмертных, самоубийственный прорыв к Земле, бои за уничтожение всех Крепостей — что угодно! И очень, очень нужно в таком случае успеть разобраться — каково же основное предназначение бункера? Почему так боятся Бессмертные? А главное — чего именно они боятся на самом деле?

Неготовность Джокта к ведению диалога объяснялась еще и новизной впечатлений. Особенно после того, как он услышал это шипение. Потому что, если вдуматься, то была, пускай и в машинном переводе, речь врага!

Кто он? Кто такой неведомый Седьмой Блестящий? То есть наоборот — Блестящий и Седьмой? Местный комендант, проваливший оборону планеты и теперь вынужденный пойти на крайние меры, вплоть до ведения переговоров с землянами? Командор? Старший навигатор? Обобщенно — самый старший того флота, что скопился в окрестностях планеты и уже готов размазать группу чужих звездолетов? Или, может быть, суверен — глава — директор — Властелин — Просто — Самый — Толстый — Червь?

Время позволяло искать и ответы, и вопросы. Флот врага и его наземные силы не делали никаких попыток атаковать землян.

— Ответь, что нужный человек, великий пилот всех времен и народов, гроза червей и прочих тварей, а также совсем немножко их благодетель, могучий и ужасный Джокт еще не явился. Но обязательно добавь, что скоро будет, — попросил Балу невольного оператора пульта связи и добавил: — Должны же они понимать, что никто не станет бегать, положив язык на плечо! И вообще...

Что там вообще, так и осталось загадкой. Штурмовик у пульта почти дословно повторил все, что сказал Балу. И первое напряжение, вызванное вторжением чуждого голоса, ушло. Осталось время — для ответов и вопросов.

— Пусть помучаются с переводом. Ты не против побыть Могучим и Ужасным, нет?

— Не против, — ответил Джокт, вспоминая игру с Великой Мамбой — Каталиной.

— Вот и хорошо... Барон, помоги моим ребятам разобраться хотя бы с цифрами, уверен, даже это пригодится. А мы пока повозимся с остальными пультами...

— Хорошо. У кого-нибудь есть маркер, чтобы надписать поверх обычные цифры? Эх, жалко, нет специалиста по древним языкам, с мощным лингватором в придачу! Цифры как цифры, с этим разберемся, понять бы функциональные назначения всех сенсоров.

— Сейчас запросим «Август», а те пусть свяжутся с орбитой. Может, повезет и с этим, кто знает? У нас есть связь? — спросил Балу у штурмовика-связиста, за плечами которого, помимо штурмовой винтовки, находился плоский ранец — усилитель сигнала.

— Связь очень неустойчивая, ком! Сплошные помехи... Но попробую.

— Вызывай командора, пока они не подтвердят, что все поняли. Только смотри, чтобы Бессмертные не догадались, на чем мы тут забуксовали. Поймут, гады, что ни черта мы не разобрались с управлением, врежут всеми калибрами... Если честно, — смущенно пояснил он Джокту, — даже в коммутаторе связи с пространством у нас получилось разобраться случайно. Вот он уронил колпак от прицела. — Балу показал на того самого штурмовика, что отвечал за переговоры с Бессмертными. — Прямо на сенсор, а там уже шел пакет... Теперь он у нас главный специалист!

— А как же звезда? — изумился Барон. — Или все — сплошной блеф? Почему Бессмертные решили...

— Действительно, блеф, — перебил его Балу. — Только мы тут ни при чем. Чего бы там Бессмертные ни решили, никакого повода им никто не давал. Я всего лишь изменил сетку координат на втором экране. Там очень просто — вращаешь верньер, и все. А какой-нибудь Самой Главной Красной Кнопки под кодовым замком и за семью печатями на пульте нет. Так что...

— Понято. Значит, Бессмертным нечего бояться? И, находясь здесь, посреди этой роскоши, мы не можем свернуть даже самой паршивой горушки на планете? Не говоря уже о звездолетах!

— Именно. Поэтому я предлагаю тянуть переговоры, сколько возможно. А в это время сюда нужно провести как можно больше технарей, инженеров, аналитиков, даже не знаю, кого именно. Навряд ли, конечно, в каком-то из экипажей найдется лингвист.

Но все равно нужно попытаться, может быть, у нас получится... Свернуть горушку!

— Да-а. Задача... — потянул Барон. — Метод проб и ошибок, насколько я понимаю, тут никого не устраивает?

— Нажимать все кнопки подряд в надежде, что наткнемся на нужные? Мы уже пробовали. Никакого результата. Пользы от этого все равно не будет, а вот навредить можно. Вдруг какой-то из сенсоров — команда на взрыв Вселенной? Или хотя бы этого бункера, что нам абсолютно без разницы... Но Вселенную все-таки жалко. Кто знает, чем располагали эти двойники человечества. Кстати, видите: бар, столики, пепельницы... Эти предметы ничего вам не говорят?

— Кислород? — сразу понял Барон.

— Кислород! — подтвердил Балу.

— Не обязательно. Даже если на этой планете когда-то жили люди... Может быть, не двойники, а наши прародители. И тут когда-то имелась совсем другая атмосфера...

— Какая бы атмосфера тут ни была — хоть сто, хоть тысячу, хоть миллион лет назад, — заглубленный командный пункт должен иметь автономную систему жизнеобеспечения. И если наши прародители, как ты их назвал, дышали кислородом, а не парами серы, то где-то спрятаны и рекреационные устройства, и баллоны с водой и кислородом. Ведь мы находимся на порядочной глубине, а не просто на уровне минус какого-то этажа. Лабиринт, интеллектуальная защита высокого уровня... Нет, Барон, те, кто строил этот бункер, готовились провести в нем годы, не дни. Я в этом уверен!

— Интересно, а почему Бессмертные не уничтожили бункер? Ведь знали о его существовании, это бесспорно. Допустим, пройти лабиринт им оказалось не под силу. Но ведь у них есть и другие возможности! Даже не используя специальную технику, которой они, кстати, наверняка располагают, черви вполне способны просочиться, прогрызть себе ход, ведущий напрямую в бункер, минуя лабиринт, и здесь уже похозяйничать.

— Конечно, все это странно, я согласен. Но ты учти, что мы не знаем всех возможностей защитных механизмов бункера. Все, с чем пришлось нам столкнуться в лабиринте, явно имело направленность не пропустить именно человека. — Штурмовик невольно повторил мысли, высказанные Джоктом. — Для червей тут могут прятаться совсем другие сюрпризы!

— Не факт, что этим прародителям были известны Бессмертные!

— Почему бы нет? Бункер в таком случае, возможно, — разгадка причины, побудившей Бессмертных начать с нами войну без

объяснения мотивов. Не исключено, что, наткнувшись на дальние форпосты Солнечной, они решили, что встретили своего старого врага... А если они сами теперь управляют излучением звезды, у них должно хватать поводов к тому, чтобы не трогать бункер!

— Перехваченный сигнал?

— Ну конечно! Я сразу об этом подумал. Для того чтобы держать под контролем такую громадину, нужно постоянно иметь связь с исполнительными механизмами. Поскольку нам — к несчастью, и Бессмертным — к счастью, такие технологии пока не по зубам, они, наткнувшись на такой подарок судьбы, просто используют несущий сигнал, изменяя его по своему усмотрению. Поэтому мы и не обнаружили никаких контролирующих станций вблизи звезды. Ведь только в нашем понимании они должны там находиться. А для более развитой цивилизации это не проблема, может быть, исполнительные механизмы кроются прямо в фотосфере светила? Фотосфера в любом случае стабильней, чем корона звезды.

— Все может быть, — подытожил Джокт. — Но пока мы фантазируем, не лучше ли продумать, о чем все-таки нам можно и нужно говорить с Бессмертными?

— Дельно, — согласился Балу, — предлагаю просчитать несколько вариантов. Давайте, я буду этим самым Блестящим Седьмым, а ты, Джокт, — Великим и Ужасным... Моя задача — выяснить, какими возможностями вы тут располагаете и что планируете делать. К тому же, согласитесь, чуть-чуть изменить сигнал — этого мало. И если в ближайшее время не произойдет демонстрации посущественнее, например уничтожения экипажа хотя бы одного из звездолетов, значит...

— Согласен! — подхватил Барон. — А наша задача — без всяких уничтожений убедить их, что мы еще не на то способны! Тогда, значит, наглость — наше второе счастье. Вот, например, можно начать с требования контрибуций. Десять миллионов тонн корабельных сплавов... Двадцать больших транспортов, груженных гравиквазарами! У них ведь тоже — звездолеты на квазарной тяге?

— А зачем победителю просить стратегические материалы? Значит, без них — никак? До свидания, вы проиграли!

— Ну а что тогда? Бочку деликатесов со стола главного Бессмертного? Горсть самоцветов из Священной Дырки в Главной Планете? Картину слизью их великого червячьего художника? У нас, на Земле, своих гениев абстракции хватает.

— Начать можно с требования немедленного прекращения боевых действий во всех оперативных квадратах на период переговоров, — прервал красноречие Барона Джокт.

— О! Слышу слова не мальчика, но...

— Где это ты нахватался дипломатических штучек? — перебивая один другого, заговорили Балу с Бароном.

— Нигде. Смотрел по видео. Там просили о перемирии и обмене пленными, — признался Джокт.

— Допустим, с пленными и у нас, и у Бессмертных негусто. А вот насчет временного прекращения боевых действий... Знаешь, звучит солидно, что-то в этом есть, хотя можно и пролететь.

— Почему? — Балу, забыв, что в споре играет роль врага, встал на защиту Джокта.

— Потому что Бессмертные, может быть, и согласятся. А как нам предупредить ту же «Европу»? У них линкоры — каждый день по двадцать четыре часа в работе! Вот и первая нестыковка. Решат: сидите тут, запертые, даже со своими связаться не можете... Или еще хуже — с вами нельзя ни о чем договариваться, потому что обманете... Это только по видео такие трюки проходят, а нам нельзя ошибиться.

— Да, неувязка с прекращением огня может выйти.

— А если, ничего не объясняя, потребовать от них односторонних действий? Пусть выведут все корабли из зоны огневого контакта, в знак согласия вести дальнейшие переговоры и в подтверждение серьезности предложений. Какие существуют гарантии, что нас просто не водят за нос? А если согласятся, наши, скорее всего, тоже прекратят стрельбу, — внес уточнение Джокт.

— Прекратят, если не примут за слабость и не отправят звездолеты в погоню. Вот что бы ты сделал, Джокт, если сцепился с «Кнопкой», а она вдруг начала отход? Оставил в покое? Или радостно влепил пару торпед в корму?

— Скорее всего, второе, — признал Джокт. — Но ведь можно запутать червей, сказать, они не так меня поняли. Я ведь действительно хочу предложить им отвести свои корабли, без всяких взаимных обещаний не атаковать. Пусть уходят в собственные Приливы, пусть делают что хотят, нам на самом деле нужно подтверждение, что переговоры — не фикция, не трюк!

Все замолчали, включая и Джокта. Каждый задумался. Очень уж заманчивым выглядело предложение потребовать от Бессмертных хотя бы временно прекратить боевые действия, да еще в одностороннем порядке. Нелишним было посмотреть, как они вообще отреагируют на такое предложение?

— Есть новости с «Августа»? — переспросил связиста Балу.

— Да, все в порядке. Я попросил прислать всех тех, у кого вместо головы — куриные фрукты, пойдет, ком? Проводник вышел встречать.

— Как ты сказал?

Балу и остальные, кто слышал доклад связиста, рассмеялись.

— Это чтобы Бессмертные не поняли, — пояснил тот, без нотки веселья в голосе.

— Пойдет, пойдет. Нужно бы нескольких проводников отправить, ну да ладно. В крайнем случае, смотается пару раз. Пора набираться новых специализаций... Так что будем делать, уважаемые переговорщики?

Смех ушел, осталась та же проблема.

— Всего не предусмотреть, — резонно заметил Барон, — но начать можно и с предложенного Джоктом перемирия, а там посмотрим. А пока лучше я помогу разобраться с цифрами.

Барон направился к группе штурмовиков, изучающих один из операторских пультов. Балу остался с Джоктом.

— И что ты думаешь по поводу всего этого?

— Я поражен, Балу, просто поражен! Человечество искало звездных братьев, а встретило врага. Теперь же, отправляясь во вражеский тыл, мы нашли следы этих самых братьев или, может быть, наших бабушек-дедушек. До сих пор не верится! Но только не может ли оказаться, что это просто какой-то заброшенный объект Солнечной? А все знаки, цифры, видоизмененные пульты управления — для отвода глаз?

— Исключено, Джокт. Ты забыл про связь между командным пультом и целой звездой. Такие возможности нам до сих пор не под силу! Еще, хотя я и не специалист... Здесь абсолютно нет пыли, но почему-то кажется, что пункт покинут тысячелетия назад, если не больше.

— Ты можешь это как-то объяснить?

— Нет, не могу. Просто интуиция, ощущения. Как в древнем храме... Я не чувствую здесь опасности. Не чувствую времени. А ведь где-то за стенами скрыты источники энергии и часть исполнительных механизмов: те, что производят фантомов охранного лабиринта, те, что направляют сигнал к звезде... А я ничего не чувствую. Вот, скажи, с тобой никогда такого не случалось — заходишь в чью-то комнату и понимаешь, тут давно никого не было? Или наоборот — кто-то вышел совсем недавно.

Джокт задумался, но ответить не смог. Последнее время ему как-то не доводилось бывать в чьих-либо комнатах, разве что у Эстелы в гостях, в остальном — это были каюты.

— Со мной такое постоянно... — продолжил Балу. — Но вот здесь, в бункере, рассчитанном минимум на сотню человек персонала, я не ощущаю ничего. Будто никогда никого и не было. Город на поверхности ты видел, он не предназначен для человека. Мне пришлось побывать в трех зданиях. Ну этих. — Балу сложил для наглядности ладони, а после поднял руки кверху, одновременно разводя ладони в стороны. — В грибообразных... Там нет ничего от человеческой архитектуры. Ни внутри, ни снаружи. Я не думаю, что остальные города чем-то отличаются. Атмосфера, ты тоже в курсе, — как облако над кратером вулкана. Очень много серы и серных соединений. Для червей, наверное, в самый раз. А нашим красным кровяным тельцам нужен кислород. Сера в таких пропорциях для нас — яд! Поэтому, если допустить, что когда-то это была кислородная планета, а после что-то случилось, и жизнь на ней стала меняться, так что людям пришлось покинуть планету, — как ты думаешь, сколько времени должно было пройти, чтобы здесь обосновались Бессмертные? Хорошо обосновались, прочно, выстроили свои города, освоили орбиту, понатыкали пункты противокосмической обороны...

— Смотря какие достижения в планетоформировании у них имеются. Вот у нас — Марс, Плутон, Европа... — начал перечислять пилот.

— Нет, Джокт! Все земные колонии, те, что есть, и те, что были, — просто жизнь под куполом. Технологические консервы для обитания человека. А тут изменения в масштабе всей планеты! Даже если Бессмертные обладают технологиями изменения состава ВСЕЙ атмосферы, все равно, для этого нужно время. И время немалое. Может быть, поэтому я и говорю о тысячелетиях? Ты представляешь, как далеко ушла в развитии цивилизация, соорудившая бункер? Я имею в виду — как далеко они нас обставили по состоянию на сегодня?

— Если не погибли в катаклизме...

— Не погибли, уверен. Иначе даже здесь было бы полно останков...

— Слушай, а если это действительно не просто пункт управления, а убежище? — зацепился за мысль Джокт. — Убежище от тех же катаклизмов, что изменили планету? Ну и что, что на полу не валяются скелеты? Не успели добраться, что-то помешало, не в этом дело. Просто таких убежищ может оказаться великое множество по всей планете!

— Мы это узнаем обязательно, если разберемся с пультами управления. Думаю, если им удалось подчинить себе излучение

звезды, в несколько раз превышающей размерами Солнце, то не составило бы труда поддерживать связь между всеми бункерами. Если они, конечно, существуют.

— Ком, снова пакет!

— Блес-стящ-щий С-седьмой с-сдес-сь...

Голос шел из скрытых динамиков. Один такой динамик штурмовики уже расковыряли, но там, под пластиковой решеткой, оказалась лишь тонкая пластина, размером с ладонь, толщиной в волос. Чужая технология. Непонятные принципы действия. Оставалось только удивляться, как вообще пехотинцы сумели выделить два сенсора, отвечающие за прием и передачу сообщений, среди нескольких десятков точно таких же сенсоров, расположенных на пульте связи?

Барон прервал свое занятие, направляясь к Джокту.

— Ну что? Я думаю, пора отвечать. Мы не можем тянуть паузу вечно. Джокт?

— Хорошо, я готов. Куда говорить?

Штурмовик, орудовавший возле пульта, подвел Джокта к креслу, указав жестом, что можно сесть, и потрогал тонкую проволочку, идущую от пульта и заканчивающуюся как раз на уровне лица сидящего. Назначение проволочки было очевидным. Микрофон, почти такой же, что применяется для общения по И-сети.

— Здесь пилот Джокт, — не ощущая ни трепета, ни волнения, обыденно, словно на ежедневном рапорте, сказал он. — Я пришел. О чем вы хотите говорить?

Убедившись, что продолжать пилот не собирается, штурмовик коснулся синего прямоугольника и потом пояснил:

— Все, пакет ушел.

Ага, подумал Джокт, скоро здесь все приобретут по новой специализации. Один уже превратился в проводника, второй вот — в специалиста по связи, а ему суждено стать профессиональным переговорщиком.

Пока длилось ожидание ответа, с «Августа» сообщили, что отправили группу из восьми человек.

— Надеюсь, хоть чем-то они смогут нам помочь, — задумчиво высказался Балу, скептически наблюдая, как мечутся от пульта к пульту бойцы огневых рот, рисуя маркерами понятные цифры поверх чужих значков.

А в это же время часть отряда собралась у дальнего угла, возбужденно о чем-то переговариваясь.

— Везде пол ровный, покрытие без рисунка, а тут как будто квадрат посветлее, — доносил голоса внешний коммуникатор. — Может, попробуем вскрыть?

— Подождите! Пусть сначала технари появятся, неизвестно, что может произойти, если мы используем оружие внутри бункера...

Но ждать инженеров не пришлось. Один из пехотинцев провел ногой, следуя контуру квадрата, и пластина квадрата бесшумно отошла в сторону, являя под собой еще один спуск. На этот раз без всяких туманов и темных шевелений в проеме. Спуск был оборудован скобами, с помощью которых можно было проникнуть на нижний уровень.

— Два-тринадцатый, пошел! Остальные прикрывают, — скомандовал кто-то из офицеров. — Оружие на предохранитель, гранаты оставить, открывать огонь только в самом крайнем случае... Зацепите его страховочным тросом!

Все понимали, как осторожно нужно действовать в этом странном месте, где любая мелочь может оказаться ценнее, чем собственная жизнь. Штурмовик исчез в провале, но Джокту не удалось понаблюдать дальше. У него имелось другое занятие.

— Приветс-ствие, Джокт, — все тот же машинный голос произнес его имя раздельно, протянув гласную, получилось «Джоокт», — Блес-стящ-щий С-седьмой сдес-сь... Говорить только с-с тобой... Говорить про тебя и ос-стальных с-с...

Пакет закончился. Барон переглянулся с майором.

— Так мы целый день будем общаться, пока начнем хоть что-то понимать.

— Ничего, Бессмертным тоже, наверное, приходится туго. Остается надеяться, что их аппаратура перевода способна самообучаться. Несколько коротких диалогов, и пойдет быстрее.

— А если не пойдет? И дальше будет продолжаться та же белиберда — говорить с-с твоя-моя не понимай, — передразнил Барон.

— Тогда, значит, будем сворачивать процесс. Только бы технари разобрались с этими пультами!

— Знаете, — возразил Джокт, — даже если мне придется просидеть в этом кресле не час, а сутки, я готов. Лишь бы пошло на пользу.

— Ах да! Ты же надеешься склонить червей к вечному миру! — съязвил Барон. — Не будь наивным, Джокт! Войны так не заканчиваются. Просто Бессмертные чего-то испугались, вот и решили проверить — а нужно ли им этого пугаться? Ты лучше запомни: дашь слабинку, все пойдет к черту! Пока враг остается в неведении,

у нас есть шанс. Не зря они именно тебя выбрали, ой не зря! Этот транспорт...

— Он делал «Поворот Альвареса»! Ты понимаешь? И мы, кажется, давно уже все это обсудили!

— Не горячись, Джокт. Барон не сказал ничего такого, чтобы кидаться друг на друга. Если честно, я с ним согласен. Нельзя давать слабину. Нельзя видеть в собеседнике какого-то пацифиста. Нужно держать в голове одно — все, что он скажет, ложь! Все, что он предложит, может пойти нам во вред... И нельзя остановить войну одним разговором, — сказал Балу, а после короткой паузы добавил: — К сожалению.

— Ком! Два-тринадцатый вернулся! Внизу такой же зал, он наблюдал сверху. Никаких пультов и кресел, все пространство занято массивными конструкциями. Предположительно, это элементы энергетической установки.

— Хорошо, пока туда не суйтесь. Поищите лучше другие скрытые двери. Проверьте все стены, на всех уровнях. Пройдитесь по всем балконам.

— Принято, ком! Как у вас?

— Обучаем врага разговорной речи. А что, не слышно?

— Ответы слышны, — сказал и тактично умолк докладывающий лейтенант, прозрачно намекая, что в не меньшей степени всех интересует и то, что говорит Бессмертным Джокт.

— Занимайтесь своим делом. Потом вместе будем слушать запись.

Видеочипы, как и обещал Барон, у всех были включены. Балу, Джокт, Барон и сержант, помогающий Джокту осуществлять связь, записывали абсолютно все, что происходило сейчас у пульта.

Хотя фраза Бессмертного прозвучала очень и очень двусмысленно, отвечать приходилось все равно. Что именно говорить — целиком и полностью лежало на Джокте.

— Что означает ваше имя? В каком ранге находитесь и какими полномочиями обладаете? — наконец решился на что-то Джокт, вызвав кучу реплик со стороны Барона.

— Какая тебе разница, что обозначает его имя? Может, это и есть его ранг, и что? А когда их аппарат начнет переводить «полномочия», он вообще сломается.

— Не могу же я вот так сразу в лоб — отводите звездолеты!

— Можешь, еще как можешь! Даже не так — ты должен!

Хотя Барон и обладал знаниями, недоступными для Джокта, вся мишура дипломатии, все тонкости переговорного процесса были сейчас бессильны. Не только Джокт понимал очевидное.

— Послушайте, все это ерунда, — сказал Балу, — дилетантство сплошное. Настоящие переговоры должен вести, ты уж извини, Барон, тот, кто умеет это делать, а не мы.

— Никто не умеет. Потому что никого никогда не готовили вести такие переговоры! Все, что сейчас будет сказано, — это и есть первый опыт. Вполне возможно, у Бессмертных это совсем по-другому обстоит. Коллективное принятие решения для такого случая или четкое представление — что им от нас нужно. А мы? Изобретаем велосипед. Если что-то пойдет не так, на нас свалят столько вины, в жизни не отмоемся.

— Правильно, свалят. Не исключено, что командор с самого начала просчитал возможность такого исхода. Шаг влево, шаг вправо — и конец. С другой стороны, никто вообще никаких шагов еще не делал, тут ты прав. Так что давай, Джокт, не смущайся, говори то, что тебе подскажет внутренний голос. Только постарайся ничего не сболтнуть про Солнечную. Лучше — уходи от всяких познавательных тем, даже если взамен тебе предложат выслушать родословную каждого Бессмертного. Есть ситуация патовая, есть поиск выхода, обоюдовыгодного, не забудь. Вот и все. Остальное — слова, форма — несущественно.

Но Джокт и без того твердо решил говорить только то, что кажется важным и нужным именно ему, а не Балу и не Барону. И успел даже мысленно извиниться перед обоими хайменами по этому поводу.

Мигнула синяя панель. Ответ пришел. Короткий, наполовину непонятный. Но главное в нем все же прозвучало.

— Имя — нет. Ранг — нет. Блес-стящ-щий С-седьмой ес-сть. Полная с-сила — ес-сть... Вы ос-ставляете, мы пропус-скаем...

Панель погасла.

Вот так. Никакого торга и прощупываний. Прямо в лоб. Уходите — не тронем. Только стоит ли верить этому заявлению, вот в чем вопрос.

— Ого! Прыткий переговорщик нам достался! Все бросить и поверить ему... Насчет полномочий, это только слова, я уверен! — Барон, видимо, все никак не мог смириться, что право вести разговор, предоставленное ему командованием, в силу внешних обстоятельств отошло к Джокту. И старался высказываться по всяческим поводам.

Естественно, это не понравилось даже штурмовику.

— Прекрати! Все эмоции — после. Сейчас надо думать.

Но Барон решил не уступать позиций.

— Нас собираются обмануть, неужели не ясно? Мы до сих пор ни в чем не можем быть уверенными. Мы даже не знаем точно: кто он, наш оппонент, что он? А тут — предложение покинуть планету. Не пропустят они нас! И, кстати, если пользоваться казуистикой — пропустить до астероидного пояса, это будет означать, что они сдержали обещание, или как?

— Опять? Сказано же — думать! С чего ты решил, что речь идет о планете? Вполне вероятно, что нас просят покинуть бункер. И все. И вообще, кто знает, что у них за мышление?

— Так оно и есть, — согласился Джокт. — И мышление наверняка другое, и особенности изложения мыслей... Я не имею в виду речевые способности.

— Это глупо! — Барон гнул свое. — Глупо считать нас такими идиотами, которые клюют на первую же приманку! Они сделали грубую попытку, но мы не должны...

— Никто и не говорит, что мы клюнули. Но, в принципе, можно и согласиться... Время ведь нужно тянуть? Одна из заповедей войны — удивить противника. Сделать не то, что он от тебя ожидает. Думаю, эта универсальная аксиома подойдет и сейчас... А сказать можно что угодно. Важны не слова, а возможности. И в этом Бессмертные нас пока превосходят.

Увидев, что Джокт уже потянулся к сенсору подготовки пакета, Барон заволновался.

— Э, э! Что ты делаешь? Мы еще не решили...

Но Джокт не стал дослушивать.

— Блестящий Седьмой! Мы имели приказ прийти сюда. Мы пришли. Приказа уйти у нас нет. Если вы прекратите действия ваших флотов во всех секторах, возможно, нам разрешат это сделать. Этим мы хотим убедиться, что ты имеешь полную силу. — Джокт не стал употреблять слово «полномочия». — Прошу поторопиться, у нас есть и другие приказы! — и нажал кнопку отправления.

Возникла пауза, которую затем нарушил Балу.

— Вот это да! Джокт, да ты прирожденный дипломат! — заявил он. — И немножко поэт. Как ты сказал? Мы пришли! Приказа уйти нет! К тому же выставил все-таки свой ультиматум!

Барон вначале был другого мнения, но высказываться не стал, а только пробурчал что-то неразборчивое. В конечном итоге между ними возникло согласие в том, что Джокт не сказал ничего недозволенного. А дальше, под давлением Балу, Барон вынужден был признать: ответ получился великолепным, и Джокт со своими вы-

нужденными обязанностями пока справляется, поэтому есть надежда, что будет справляться и дальше.

— Получится у него выявить намерения Бессмертных, не получится... Время он протянуть сможет. А самым главным пока остается разобраться с управлением пультами. Потому что, действительно, без реальной демонстрации силы все может закончиться в любой момент, да еще — совсем не так, как нам хотелось бы, — внушал Барону майор.

— Проводник с группой отправился! — прервал их разговор связист.

Сразу вслед за этим хорошая новость пришла и от поисковой команды, что ощупывала и осматривала стены.

— Есть дверь! Даже не одна! Зал, полный каких-то резервуаров, и... кажется, тут у них было место для отдыха.

— Если в емкостях — кислород, считайте, нам уже повезло! — отозвался Балу. — Только не останавливайтесь, пошарьте хорошо и в этом помещении, могут быть другие двери. Душ, туалет, столовая — пофантазируйте! Думайте, что это обычный штабной бункер, рассчитанный на длительное пребывание персонала, тогда искать станет легче.

Балу оказался прав. Почти сразу же обнаружилось несколько санитарных блоков. Сомнений больше не осталось: кем бы ни были создатели бункера, они явно походили на людей. Навряд ли Бессмертным или каким-нибудь другим разумным тварям понадобились для отправления естественных нужд унитазы, точная копия обычных унитазов, что имеются в каждом административном или жилом здании Солнечной. Размерами и формой они совпадали полностью.

Кто-то из штурмовиков пошутил по этому поводу, что теперь можно отыскать отпечатки чужих задниц, и тогда все станет ясно, и что еще стоит попробовать взять анализы из трубопровода.

Шутка шуткой, но от истины пехотинец оказался недалек, потому что при отсутствии других следов, органика — любая органика — рассказала бы многое.

— Блестящий С-седьмой здесь!...

Аппарат-лингватор Бессмертных, похоже, и впрямь имел функцию самообучения. Шипения стало заметно меньше, появились кое-какие речевые обороты и выделения фраз. Хотя не все еще получалось гладко, речь говорящего стала богаче. Да и объем пакета увеличился.

— Джокт! Ты говоришь — мы, не говоришь — я! Но ты уже делал один выбор. Ты сказал — пришли, не нужно уходить. Я отдал приказ. Я сказал — не надо атаковать везде! Мы прекратили. Вы — оставляйте. Мы — пропускаем...

— Опять за свое? — Барон с досадой в голосе высказал то, о чем подумал и Джокт. — И что обидно, нам никак не проверить, прекратили они действия у форпостов или нет!

— А мне странно другое... Почему он удивился, что я исполняю приказы? Бессмертные наверняка осведомлены о существовании воинской иерархии в войсках и во флоте Солнечной.

Джокт откинулся на спинку кресла, которая тут же заботливо подалась назад и попыталась обхватить наплечники скафандра.

— Наверное, это тоже как-то связано с тем транспортом. Ты мог атаковать, но не стал. Вот он, твой выбор. Бессмертные просто неверно истолковали тот поступок.

— Наверное, — согласился Джокт, — но стоит ли сейчас все объяснять?

— Конечно, нет! — В голосе Балу отчего-то прорезалось веселье, будто ему удалось сделать удачный ход в какой-то игре. — Вдруг твоя — жалость, что ли — единственный повод к переговорам? И если наш Блестящий полномочный поймет, что такое минутная человеческая слабость...

— Нет! Не нужно о слабости! — Барон отвлекся на секунду, упустив нить разговора, и теперь не понял, о чем ведет речь Балу. — Нужно о силе!

— Где же сейчас ее возьмешь, силу? Сидим, как ананасы в консерве, фантазируем, попутно древние тайны пытаемся разгадывать!

Джокт выпрямился в кресле. Ему надоела ненужная забота истосковавшейся по хозяину бытовой автоматики.

— А если проверить? Согласиться вывести только часть звездолетов? Там, на орбите, — крейсером больше, крейсером меньше, разницы нет. Интересно, согласятся?

— Попробовать можно, — сказал Балу. — Только как мы узнаем, даже если они согласятся, что крейсер благополучно попал в какое-нибудь безопасное место? И что это будет за место? Бессмертные, раз уж они могут открывать Приливы, с легкостью отправят корабль куда угодно, только не туда, куда нужно. Или еще хуже — выведут в свободный сектор, к ближайшему прилегающему к нашей территории Приливу, оттуда крейсер пошлет сигнал, что все в порядке, а потом его просто уничтожат. После того, естественно, как закроют Прилив.

— Не угадаешь. Какие еще мысли будут? А то мне отвечать как бы уже пора.

Никаких мыслей не было. Джокту снова пришлось импровизировать:

— Я могу говорить и от своего имени, и от имени остальных, это еще один выбор. Я рад, мы рады, что сейчас никто не убивает. Когда вы нападаете, мы защищаемся, мы нападаем — вы защищаетесь. Кто был первым?

Глава 10

Джокту показалось, что у него получится выудить ответ о причинах нападения, но он ошибался. Когда Бессмертный вышел на связь, ответом было лишь то, что он — Блестящий Седьмой — не нападал. Дальнейший его ответ огорчил еще сильнее, так как Блестящий признался, что приостановление боевых действий не приносит ему радости. Все это можно было оценивать по-разному.

Например, так: сам-то Блестящий, ведущий переговоры, действительно не участвовал в первых атаках Бессмертных, но вот дальше готов сражаться хоть целую вечность. Спросить напрямую — к чему вся эта война? — Джокт пока не решался, хотя его так и подмывало это сделать. Но пока необходимо было ждать прибытия инженеров. А потом надеяться со всеми вместе, что им удастся подчинить запирающие поля и выпустить в сторону врага хотя бы куцый поток частиц, причем так, чтобы не задеть ни одной «Кнопки», но чтобы враг наверняка засек это действие.

Инженеры со станции прибыли. Входя в зал по одному, они тут же начинали обмениваться восклицаниями, увидев, что собой представляет бункер, и мигом забыв, какие испытания им только что пришлось преодолеть.

— Почему только семеро? — удивился Балу. — Сказали, отправляют восьмерых.

Лейтенант, исполняющий обязанности проводника, красноречиво махнул рукой:

— Был и восьмой, — а после уточнил: — Чересчур любопытным оказался. Не дошел.

— Световое поле? — зачем-то уточнил Балу, как будто имелась какая-то разница — где и отчего погиб один из инженеров.

— Световое, — подтвердил лейтенант. — Но из-за этого восьмого чуть двоих других не накрыло!

— Понятно. Свободен, — коротко распорядился Балу, едва скрывая недовольство, словно это лейтенант виноват в смерти одного из исследователей.

Ни Джокт, ни Барон не стали вмешиваться, хотя и понимали, что лейтенант абсолютно ни при чем. Барон вспомнил, как ему захотелось потрогать летающий куб, несмотря на предупреждение штурмовика, Джокт — как открыл глаза на световом поле. А ведь они оба действительные офицеры флота! О том, что такое приказ и рекомендации, знают не понаслышке! А здесь — инженеры, наверняка готовые пожертвовать собой, только бы понять, как устроены ловушки лабиринта.

В том, что погибший решил открыть глаза вовсе не из праздного любопытства, Джокт не сомневался. И ему тут же стало стыдно за собственную глупость, едва не стоившую ему жизни.

К тому времени инженеры, теперь уже яростно чертыхаясь, подступили к пульту, над которым светились экраны с изображениями планеты и звезды.

— Хотя бы намекнули, чертовы дуболомы! Что вам стоило? Здесь оборудование нужно! Приборы тестирования, мини-вычислитель...

Отношения между научным персоналом и кадровыми военными не всегда складывались лучшим образом. Сейчас семеро исследователей единодушно обвиняли военных в элементарной глупости.

— Вы что думаете? Отдали приказ, щелкнули пальцами, и мы тут же разобрались во всей этой электронике? У самих — винтовки, гранаты, целый арсенал, а нам как? Пальцами в наносхемах ковыряться?

Конечно же, они были правы. Чужая техника требовала осторожного подхода, тем более речь шла об экстренном изучении функционального назначения сложнейших приборов управления! Без специального оборудования исследователи, конечно же, могли бесконечно долго топтаться на месте, продолжая чертыхаться, охая и ахая по поводу возможностей техники, скрытой в бункере.

Балу, пропустив мимо ушей кучу нелестных эпитетов, быстро разъяснил, что такой вызов, без уточнения характера предстоящей работы, был продиктован исключительно соображениями безопасности.

— Я сожалею, что мы пошли на этот шаг, но дело очень важное. Бессмертные не должны догадаться, чем мы тут собираемся заняться.

Изложив подробно ситуацию, в которой оказался штурмовой отряд, да и вся группировка прорвавшихся к планете кораблей, майор пообещал, что необходимое оборудование будет доставлено по первому же требованию.

— Все равно, одним вам не управиться, и я хочу знать, что еще, кроме оборудования, какие специалисты здесь нужны?

Исследователи мигом сменили гнев на милость (вообще, это здорово у них получалось — переходы из крайности в крайность) и теперь важно вышагивали по залу, поднимаясь на другие уровни. Их резюме было готово уже через десять минут и оказалось не совсем утешительным. После того как они согласились с мнением Балу и остальных, что обнаруженный бункер — творение неизвестной цивилизации, схожей с человечеством, один из инженеров, оказавшийся как раз специалистом по отладке аппаратуры управления (земной, разумеется), протяжно и нудно принялся объяснять, обильно пересыпая рассказ техническими терминами, об уровнях защищенности каждого из пультов. Дело дошло до спора.

— Вы подумайте, майор! Для того чтобы проникнуть в бункер, нужно преодолеть вначале целую полосу препятствий. Причем, я уверен, коэффициент противодействия лабиринта может изменяться вплоть до полной блокировки доступа. А раз так, то где гарантии, что все приборы, в которых нам нужно разобраться, тоже не оборудованы защитными устройствами? Попытка грубого вмешательства может привести к чему угодно, вплоть до уничтожения схем и блоков. Про порог Барейлена—Свесси слыхали? А про расчеты надежности командной аппаратуры Кносса—Фабрицкого? И это еще не самое страшное... Вы утверждаете, что отсюда ведется или велось управление запирающими полями, контролирующими поток излучения звезды? Замечательно! А вы хотя бы приблизительно представляете, о каких энергетических уровнях идет речь? Нам такое даже не снилось. А раз так, то...

— Подождите минутку! Насколько я понимаю, вы хотите сказать, что ученому корпусу Солнечной будет не под силу разобраться со всем этим?

— Я такого не говорил! — быстро открестился от половины сказанного инженер. — Просто предупреждаю, что неосторожное вмешательство может привести к самым...

— Так вмешивайтесь осторожно, черт возьми! — Штурмовику надоело выслушивать абсолютно неуместные сейчас лекции. — Это вы должны кое-что понять: без вашей помощи всем тут крышка!

Специалист по аппаратуре управления замолчал. Понятное дело, ему не понравился тон Балу, но спорить дальше он не стал.

После короткой пикировки между штурмовиком и исследователем остальные тоже как-то притихли. В конце концов все наладилось.

— Вот перечень. Тут номера и наименование технического инвентаря, без которого нам действительно не разобраться.

— Какой объем все это займет? — не вдаваясь в подробности, что за оборудование просят инженеры, спросил Балу. Увидев, что собеседник борется с искушением вразумить неотесанного служаку о чрезвычайной надобности каждой из перечисленных вещей, Балу пояснил: — У нас нет времени и нет возможностей тащить сюда целый склад. Вдобавок каждый раз при преодолении лабиринта мы теряем людей... Один рейс занимает примерно двадцать минут. Хорошо, если на все про все мы имеем хотя бы пару часов. За это время мне нужно, чтобы вы заставили звезду расстаться с одной-единственной порцией излучения. Тогда, может быть, у вас в дальнейшем появится шанс изучить тут все до мелочей. Мне тоже представляется немаловажным знать — что это за пульты? Для чего они? Какими процессами управляют и как управлять ими самими. Понятно? Поэтому выберите из списка только самое основное, самое необходимое оборудование... Вот это, например... Что это такое? Стендовая лаборатория... Это можно нести в руках?

— Что вы! Стендовая лаборатория включает в себя несколько вычислительных терминалов, плюс аналоговый дубликатор, плюс...

— К черту лабораторию! К черту дубликаторы! Только то, что смогут унести с собой десять человек за один раз!

Увидев, как инженер нервно потирает руку об руку, Балу смягчился:

— Ладно, двадцать человек. Гравитационные платформы в лабиринте не действуют... Только прошу вас, делайте все быстрее!

Отозвав половину своих людей, Балу снова подошел к пульту связи.

— Как продвигаются переговоры? Узнал уже самый главный секрет Бессмертных? Или, наоборот, выболтал все, что тебе известно об армейском рационе и способах переработки фруктов в горячительные напитки?

— Бессмыслица, Балу. Полная бессмыслица! Большинство вопросов Бессмертных почему-то касаются только меня, будто сейчас подробности моей жизни являются чем-то самым главным для них.

Ответы на мои вопросы — расплывчаты, и ничего из них я не понял. С терминологией вообще полный завал.

— Это так важно — терминология?

— Вот только сейчас я выяснил, что по отношению к нам Бессмертные вообще не употребляют понятия «война», это просто машинный перевод.

— То есть они настолько миролюбивы, что даже не догадываются, насколько это плохое дело — воевать? Надеются уничтожить целую цивилизацию и даже не догадываются, что такое война? Пацифисты, мать их!

— В том-то и дело, что нет! Все они понимают, но не называют это войной!

— Тогда я ничего не понимаю... Ты хоть можешь объяснить?

— Попытаюсь. Значит, так... — Джокту снова пришлось откинуться на спинку кресла, теперь — чтобы видеть нависающего над креслом штурмовика. — Все, что происходит между Бессмертными и Солнечной, для них это — часть эволюции, не война. Но! — Пилот предостерегающе поднял руку, пресекая любые вопросы. — Пройдя эту эволюционную ступень, они окажутся готовы — держись крепче! — к войне с настоящим врагом! Как тебе оборот?

— Ничего себе! Звучит прямо как оскорбление! Мы для них, значит, детский полигон. Пусть сначала попробуют не подавиться Солнечной, а потом... Мечтатели хреновы! Джокт, а ты ничего не напутал? Потому что если все правда, хоть и звучит бредово, то как информация к размышлению — это очень ценные сведения, к тому же высшего приоритета.

— Вроде бы не напутал. И даже переспросил. Они четко разделяют два понятия — война с Солнечной, которая на самом деле для них не война, а вроде необходимой исторической эпохи, и — война с врагом. Уже *настоящая война*, с *настоящим врагом*!

Балу присел на корточки. Только сейчас Джокт заметил, что боевой скафандр штурмовика в двух местах опален так, что внешние пластины оказались приварены друг к другу, ограничивая подвижность плечевого сегмента. Еще, на спине, прямо по блоку гравитатора — глубокая ровная трещина. Если бы червь повел лучом чуть в сторону, буквально на несколько сантиметров, не беседовать больше с другом! А антиграв, скорее всего, разрушен основательно.

Еще Джокту припомнились и кувыркающийся в воздухе «Шарк», поднятый кверху гравитационным ударом, и две фигурки танкистов, перерезанные напополам. «Август», отбивающийся от пикирующих гравилетов, со свистом рассекающих атмосферу при

заходе в атаку, залп мониторов, уничтоживший сразу пять линкоров врага. Он вспомнил кружащий вокруг Крепости рой «службы второго срока», размер которого постоянно растет... Схватки с «Кнопками», после которых руки сами по ночам тянутся к невидимому джойстику, а губы шепчут, шепчут слова команд... Искореженный «Инк», вернувшийся с несколькими сотнями трупов на борту, два других линкора, сцепившихся, выжигающих друг другу внутренности. Это не война?

Еще раньше были мертвые громады суперлинкоров, один из которых, «Кирасир», ему довелось как-то посетить. Когда-то «Кирасир», битком набитый мертвецами, поставили в док на переоборудование. Восстановительная команда со всей серьезностью утверждала, что там, под толстыми слоями защиты, за каждым углом притаились призраки... Был черный лед, милосердно скрывший под собой руины города-купола на Плутоне, и в то же время — обугленные тела штурмовиков Бессмертных, которые укладывали штабелями тяжелой строительной техникой на малом планетоиде у Беты Стрельца... Вражеский звездолет, тот самый, что послужил отмычкой для проникновения к чужой планете, взятый в Приливе на абордаж офицерской группой, где из-за невозможности действовать оружием штурмовикам пришлось допотопными энергопилами с острыми зубьями разваливать на части членов экипажа корабля... Это — не смерть?

Потери, если не вести подсчета — у кого больше, — имелись у обеих сторон. Потери в технике, потери в живой силе. Цивилизация Бессмертных не могла, как и Солнечная, не испытывать лишений, вызванных боями за обладание чужими территориями. Экономика, культура, что там еще, — все замерло на месте, подчиняясь законам тотальной мобилизации абсолютно всех сил. Это — эволюция?

— Джокт. Если все так, то... кто же их настоящий враг? — Балу задал вопрос, от которого у кого угодно по коже мурашки.

— Спрашивал. Сейчас будет ответ. Если честно, мне даже думать не хочется, что может нас ожидать в дальнейшем. Не здесь, в бункере, и не на орбите планеты. Через десять лет, через сто. А может быть, завтра. Представь, завтра война! Барон говорил как-то — враг моего врага мой друг. Не хотелось бы, чтобы это оказалось неправдой. Если завтра война, и война — без пощады, нам остается радоваться, что живем в наше время, а не в беспросветном завтра... Когда кроме Бессмертных появится какой-то настоящий враг.

— Скоро пакет? И где сержант? Или ты сам уже тут справляешься?

— Половина ушла за паяльниками и отвертками для исследователей, вторая половина — обследует помещения. Приходится самому... А вот и пакет!

Высветилась кнопка приема. Балу протянул руку, но тут же отдернул.

— Давай, лучше ты. Жми, Джокт. Каким бы ни было наше завтра, лучше узнать про это заранее.

— Седьмой Блестящий здесь! — ожил динамик.

* * *

Казалось, сами стены, замершие пульты и пустые экраны вслушиваются сейчас в этот чужой голос. Чтобы не мешать Балу в общении с исследователями, а другим штурмовикам — в поисках остальных помещений центра управления, Джокт раньше убрал громкость. Ему было просто это сделать, особенно после того, как один из пехотинцев открыл принцип активирования дверей в бункере. Нажать и провести по контуру. Прямо рядом с сенсором приема пакета обнаружился дугообразный вырез, как нельзя лучше подходящий для этой цели. В вырезе блестела полупрозрачная пластина, заполненная слабым свечением. С трудом, но все же втиснув в вырез палец в перчатке, Джокт провел справа налево, нажимая на пластину. Та половина, по которой он провел пальцем, перестала светиться. Звук сразу уменьшился вдвое. Вроде бы просто. Но был и очередной секрет. Одновременно со снижением громкости наполовину уменьшился и радиус распространения звука. Штурмовики, стоявшие за серединой зала, уже ничего не слышали. Достаточно было сделать всего шаг в сторону, и там звук появлялся снова. Не на пределе слышимости, а такой же, как и возле самого динамика. Налицо самое что ни на есть нарушение закона распространения звуковых колебаний. Но Джокту уже надоело удивляться. Позже он понял, что, возможно, никакого противоречия здесь нет. В Солнечной повсеместно использовался конус конфиденциальности, оптико-звуковой барьер, непроницаемый для света и звука. Тут, в бункере, могло оказаться что-то подобное, только противоположного действия. Дальность распространения звука регулировалась одновременно с его воспроизведением, а не постановкой преград. Чужая техника, в очередной раз вспомнил Джокт.

Сейчас он вернул регулятор громкости в прежнее положение, обеспечивающее слышимость во всех уголках центрального зала. И голос гремел...

— Блестящий Седьмой удивлен! Ты спрашиваешь не то, что тебе нужно-необходимо-желательно узнать!

Аппаратура Бессмертных, похоже, теперь уже полностью справлялась со своей задачей. Ни шипения, ни раздельного произношения слов, минимум неверно построенных фраз. У земного лингватора, даже усовершенствованного, так быстро не получилось бы распознать все тонкости общения с инопланетной расой даже в ходе длительного диалога. Почему-то это казалось зловещим признаком...

— Вы — не враг. Настоящий враг — после... Когда мы пройдем последний этап...

— Что я тебе говорил? — почему-то шепотом, будто его могли подслушать, сказал штурмовику Джокт.

Балу только кивнул, напряженно всматриваясь в светящуюся панель, будто именно она скрывала в себе ответы на многие вопросы.

— Если нам не получится — заслужится — удастся встать на следующую ступень, тогда очередь вам... Встречаться со своим настоящим врагом!

Джокт вздрогнул. Пакет окончился.

— А сейчас ты что-нибудь понял? — поинтересовался закончивший работу с цифрами и незаметно подошедший к пульту Барон.

Он сразу уловил смысл, и Джокту не пришлось объяснять все догадки и размышления, высказанные им и Балу.

— Может быть, те люди или почти люди, которые соорудили этот бункер, — они и есть настоящий враг Бессмертных? Допустим, когда-то Бессмертным удалось справиться с местной цивилизацией, и проигравшие вынуждены были рассеяться, бежать куда-то в недосягаемые дали, где Бессмертные не могли их найти. И теперь черви ждут возвращения своих врагов. Заодно это объясняет и нападение Бессмертных на Солнечную.

— Как рабочая гипотеза принимается, — согласился Балу, -- но таких гипотез сейчас можно нагородить целую кучу, а истина так и останется в стороне. Что ты скажешь, если я посчитаю абсолютно все слова Бессмертных — выдумкой? Отвлекающим маневром, заговариванием зубов? Раз они вышли к звездам, значит, не лишены фантазии, верно? Вот и тянут время, скармливая нам сказки о настоящих врагах и о кровавой эволюции. Их отношение к войне с нами напоминает древний культ дикарей, что съедали печень, сердце и мозг врага, надеясь, что этим станут хитрее, умнее и выносливей, а значит, победят других, более сильных врагов.

— Может быть, и так. Но какой смысл им тянуть время? Вы чуть-чуть сдвинули сетку координат, и они сразу испугались. Это я еще понимаю. А дальше?

— А дальше, пока мы перекидываемся с червями словами, ничуть не доверяя друг другу, Бессмертные пытаются, например, перекрыть доступ сигналов с планеты, чтобы лишить нас нового оружия. Как тебе предположение?

Барон замолчал, так же как и Балу, глядя сейчас на светящийся сенсор. Наверное, из-за того, что сенсор являлся одним из очень немногих элементов панели, он и притягивал к себе взгляды. А Джокт тем временем готовил следующий информативный пакет. При этом он учел все только что сказанное его друзьями и одновременно в очередной раз попытался разузнать хоть что-то о самих Бессмертных. То, что может быть признано информацией высшего приоритета.

— Мы не хотим использовать оружие вашего настоящего врага, но если вы попробуете повредить это оружие, то используем обязательно. Мы не готовы уйти, но уйдем. Сначала — один корабль. Он должен попасть... — Джокт оглянулся на Барона, и тот подсказал: «К Крепости! Давай к Крепости!» — Должен попасть к звездной системе Капа Струны, — завершил Джокт.

— Если они все время ведут активный перехват переговоров в эфире, значит, должны знать, что я имею в виду старушку «Австралию», — пояснил Джокт, отправляя пакет. — А мы посмотрим, как они отреагируют на Капу Струны, признают, что знакомы хотя бы с нашими названиями созвездий, или нет. В любом случае у нас появилось еще шесть минут. Что бы там ни планировал кто-то сделать, время работает сейчас не только на Бессмертных.

Исследователи, посовещавшись, наконец-то определились с необходимыми специалистами и заявили Балу, что им потребуется несколько помощников-операторов, хотя бы один специалист, работавший с лингватором, а лучше — двое таких специалистов, и физик-высокотемпературщик со своими приборами.

— Здесь вполне могут использоваться сверхпроводники, действующие в сверхвысоких температурах, значит, нужен кто-то, кто сможет просчитывать параметры...

— Офицер двигательного поста подойдет? — предложил Балу.

Инженер пробурчал что-то насчет науки в погонах, но все же согласился.

— Пусть будет офицер. Только не флаг-адъютант, а двигателист, лучше всего, получавший образование в гражданском университете.

Настала очередь Балу выражать недовольство. Он высказался по поводу мест для пристраивания избалованных сынков, а Джокт, вспомнивший рассказ Эстелы о ее перспективе стать только оператором низшего звена, согласился.

В конечном итоге сошлись на том, что времени все равно в обрез. Ближайший двигателист находится на «Августе», а где он там получал образование и чем реально может помочь, станет ясно только с его появлением.

— Еще нам нужен хотя бы один оптик, пара специалистов по катализу квазаров, — их можно вызвать или с орбиты, потому что на мониторах одни из лучших таких спецов, — нехотя признал исследователь, — или же поискать среди артиллеристов линкора.

— А они здесь зачем? — удивился Балу.

— Потому что речь идет об управлении потоком частиц. И я бы очень хотел, чтобы в момент, когда у нас получится выплеснуть такой поток, рядом находился хоть кто-то, кто смог бы подсказать, как эти частицы себя поведут.

— Тогда вам нужен еще и фотометрист, и спец по жестким излучениям... Тут, скорее всего, подойдет офицер по системам защиты. Потом — фотонщики, нейтронщики, гравионики... Давайте сразу пригласим целый университет. Чтобы не мучиться!

— Не надо сарказма. Нам нужен результат, а не дилетантство! — заявил исследователь. — Иначе ничего и не получится.

— Получится, — убежденно ответил Балу, — должно получиться. Только не нужно желать невозможного и ждать помощи с орбиты. Вы сами — с инженерной станции? Специалист по компьютерному анализу? Вот и подумайте, сколько еще специалистов имеется на станции. Подумайте, сколько офицеров на «Августе», даже не имея сертификатов и элитного образования, каждый день управляются со всевозможной аппаратурой... Найдите, наконец, самого везучего палубного матроса, который сможет наобум решить все наши проблемы, просто нажав проклятые нужные сенсоры! И я очень прошу, давайте перестанем наконец заниматься самолюбованием. Больше вы не услышите сарказма, будем делать одно дело. Договорились?

— Еще хочу гравискутер, кредитку и трех блондинок, — все же не сдержался Балу, когда исследователь удалился, чтобы передать штурмовику, поддерживающему связь с транспортом и линкором, все данные о необходимых специалистах и исследовательском оборудовании.

Потом майор вызвал проводника лейтенанта, объяснив новую задачу.

— Если ты потеряешь по дороге хоть одного яйцеголового, без которого нам не оживить эти железяки, сам будешь ковыряться вместо него в схемах. Понял? Делай что хочешь, хоть на спине их тащи, но чтобы дошли все! С платформами не мучайтесь, не пройдут они в лабиринте. Что там еще? Не угробьте в зубастой трубе приборы. Сразу проверь, чтобы по размерам все подходило. Насчет светового поля... Я тут подумал, а может, стоит отрегулировать скафандры на жесткий режим? Будут шагать, как роботы, что бы им не померещилось.

— Неделя в лазарете с вывихами конечностей, — позволил себе короткую реплику лейтенант.

— Хоть две недели! Хоть год! Важно, черт побери, чтобы они оказались здесь, в бункере, и были способны соображать. С вывихами или без вывихов — зато живые! Все. Скафандры выставляешь на жесткий режим.

— А что делать нашим, которые снаружи держат периметр?

— Пусть остаются на местах. Попутно подкиньте им боеприпасов, неизвестно, чем тут все закончится.

— Принято, ком! — Лейтенант возглавил отряд в двадцать человек и, отбиваясь от насевших со всех сторон исследователей, которым в последний момент вспоминалось еще о каких-нибудь необходимых вещах, что нужно доставить в бункер, ушел в лабиринт.

Глава 11

Прежде чем продолжить разговор с Джоктом, Балу многозначительно скосил глаза на маковое зернышко видеочипа, уютно пристроившееся возле основания шлема, а после, отодвинувшись, так, чтобы не попасть в поле зрения видеочипа, что имелся у Джокта, аккуратно ковырнул пальцем в перчатке, отключая звук. Джокт понял и проделал то же самое со своим видеочипом. Запись продолжалась, но теперь они могли чуть-чуть поговорить конфиденциально, хотя каждый понимал, что потом это временное отключение записи звука вызовет немало вопросов.

— Джокт, как ты думаешь, чего от тебя добиваются Бессмертные на переговорах? И почему пожелали вести разговор именно с тобой? Неужели это так важно для них — твой поступок и спасшийся

транспорт? Мне кажется, если мы не поймем, — тут он поправился, — ты не поймешь причину, все эти разговоры попросту лишены смысла. А вот в штабе кое-кто приготовит тебе по этому поводу не самый ласковый прием...

— А сам ты как считаешь? — вернул вопрос пилот.

— Не думаю, что им требуются твои признания в любви ко всему червеобразному. Возможно, Бессмертные изучают твое мышление...

— Зачем оно им?

— Чтобы понять, в какой ситуации должен оказаться пилот «Зигзага», что должно происходить с этим пилотом, чтобы он вот так, как ты, не стал расстреливать транспорты.

— Это если меня действительно отличают как человека, не нажавшего на гашетку.

— Разумеется. Пока можно отталкиваться именно от этого признака. Тем более такая причина самая очевидная. Итак, что ты скажешь насчет скрытой формы изучения твоей психики, мыслей, чего там еще можно исследовать по голосовым сообщениям, для массовой переориентации наших истребителей в пилотов-миротворцев?

— Вряд ли. Все, что случилось тогда, — слишком мелкий эпизод в сражении. Кстати, ничего мне не помешало больше никого не пощадить. Меня смущает наше незнание того, насколько хорошо осведомлены Бессмертные о каждом пилоте истребителя. Как они меня вычислили, например?

— Уместнее был бы вопрос — зачем они вообще тебя вычисляли? А все остальное — имя, порядковый номер, позывной звездолета...

— Я не совсем это имел в виду, Балу. Номер, позывной — такую информацию никто и не скрывает в бою. Зато есть вещи посерьезнее.

— Не понимаю тебя. Бессмертные научились как-то добывать и другую информацию, из внеэфирных переговоров?

— Видишь ли, я начинаю подозревать, что все намного хуже. Например, я не удивлюсь, если узнаю, что Бессмертные собирают полное досье на каждого офицера флота. Хотя зачем им это нужно, даже не представляю. Что касается меня, ты забыл одну деталь. Прилив. Черные корабли. И то, что я встречался с ними дважды.

— Я не забыл и тоже об этом думал. Но откуда могут знать Бессмертные? Ты же не вел разговоров в эфире: вот только что увидел нечто, имел контакт. И так далее. Все это известно в штабе ВКО, в определенных структурах власти, вот там на тебя точно собрали полное досье.

— И тем не менее все эти сведения есть теперь и у Бессмертных. Я чувствую, как они прощупывают меня. Вроде бы ничего не говорят напрямую, но... Вот она причина, Балу. Корабли из Прилива. Чужие корабли. Не наши, но и не Бессмертных. И Блестящий Седьмой именно поэтому говорит со мной, хочет узнать, как я смогу использовать свой козырь, и вообще — есть ли он у меня. Кто-то очень много сообщил ему о встречах в Приливе.

— Кто-то? Уж не хочешь ли ты сказать...

— Уже сказал. Балу, где-то в штабе есть предатель. Или не в штабе, или не один. Но есть.

Балу огляделся вокруг, проверив, не слушает ли их кто-то еще.

— Какие-то слишком быстрые выводы ты делаешь... Джокт, я не понимаю, откуда такие догадки, но это всего лишь догадки. Блестящий даже не пытался узнать насчет призраков Прилива. Знаешь, что? Наверное, это просто стресс. Прорыв к звезде, посадка под фанфары на чужую планету, этот бункер, и в конце — то, что Бессмертные вышли на переговоры и выбрали именно тебя для этой цели... Просто слишком много невероятного, и ты неосознанно добавляешь еще одну невероятность. Стоит ли сейчас вообще об этом думать?

— Не все так просто, Балу. И вспомнил я только что не посадку на планету и все связанное с посадкой. Не Блестящего, не его выбор. Совсем другое.

— Тогда поделись — чем ты можешь подтвердить свою догадку.

— Многими вещами, о которых известно и тебе, и Спенсеру, и Барону. Помнишь, ты рассказывал о прорыве штурмовиков Бессмертных к Европе? Я потом проверил твой рассказ. Все сходилось, но были и некоторые другие детали.

— Ты имеешь в виду танковый батальон с лучшими стрелками, которые уничтожили весь десант еще при посадке, не дав ему развернуться по-настоящему? Но это не единственная часть, укомплектованная лучшими из лучших. Такие батальоны готовят для особых случаев. Ты уж мне поверь, случаев этих предостаточно. А в истребительном флоте — «Саламандры», «Фениксы»... В большом флоте существует особый крейсерский отряд, но он только называется крейсерским, там и истребители, и линкоры, и группа мониторов. Не слышал? Такой отряд находится вблизи Земли. Но даже его корабли участвуют в сражениях, где же еще им набираться опыта и как не растерять уже имеющийся?

— Я знаю, и я не о том сейчас говорю. Меня абсолютно не удивляет, что танковый батальон на Европе был укомплектован

отличными экипажами, меня удивляет другое: что он вообще там оказался. Маневры на водной планете, где из суши — всего несколько островов, тебе ли не понимать, насколько это глупо?

— Не глупо, Джокт. Странно, но не глупо! Может быть, шла подготовка к ведению боев на ограниченных участках суши? Нет, не проходит твоя догадка. Я, кажется, знаю, на что ты захочешь обратить мое внимание — на сроки развертывания батальона. Не нужно, потому что это может быть простым совпадением — переброска танковой группы на Европу за несколько дней до прорыва.

— А размещение их на том самом острове, куда транспорты скинули посадочные капсулы, — тоже совпадение? Они же работали, как в тире: бах-бах! — и никто ничего даже понять не успел. Был десант, нет десанта. Если нет, почти что и не было... Между прочим, потом этот батальон перевели на Землю и больше никуда не отпускали. А взамен прислали к Европе усиленную группу орбитальных перехватчиков. Где же тут логика?

— Логики, может быть, и маловато, зато это все может оказаться простым совпадением. Видишь, я уже начинаю повторяться?

— Хорошо, — неожиданно легко согласился Джокт, — тогда вернемся чуть назад. Где был флот прикрытия Плутона, когда... когда не стало города Купола?

— Перестань, пожалуйста. Тут вообще никого нельзя винить. Бессмертные вывалились там, где их никто не ожидал. Потом заблокировали эфир, что тоже оказалось для нас в новинку, — полное подавление эфира и связи-мгновенки. И даже три батальона «Шарков» ничем бы не смогли помочь.

— «Шарки» не смогли бы. А крейсеры? Их отправили в патрульный облет. Все сразу! И именно в этот момент атаковали Бессмертные. Дальше уже все так, как ты рассуждаешь, — вновь открывшиеся Приливы, блокада эфира, но сначала ушли корабли флота. Еще одно совпадение?

— Послушай, Джокт, в чем же тогда предательство? Где оно? Зачем ты связываешь два абсолютно разных события? Ведь на Европе атаку отбили. Тут никак о предательстве говорить не приходится. Если танковый батальон прибыл туда намеренно, для отражения готовящейся агрессии, то это больше говорит об осведомленности нашей разведки. Не зря же содержат целый аппарат, со своими исследовательскими отделами, всеми этими ясновидящими и прочим. А раз такой фокус получился у нас, почему не должно получиться у Бессмертных? Ты меня понимаешь?

— Отлично понимаю. Думаю, что если бы Бессмертным удалось уничтожить еще и города на Европе, ты первый бы заговорил о предательстве, увязав Плутон и Европу в звенья одной цепочки.

Балу пружинисто поднялся, одновременно обдумывая, как яснее ответить пилоту, чтобы вывести его из тупика, в который он сам себя загонял прямо на глазах у штурмовика.

— Джокт, ты уже начинаешь противоречить собственным словам, ты...

— Кстати, — будто не слыша, что говорит Балу, перебил Джокт, — тебе не известно, какова хотя бы примерная численность штурмовиков Бессмертных при попытке высадиться на Европу? Что-то быстро с ними «Шарки» расправились. Хватило бы вообще у червей сил, чтобы занять всю планету? Почему они выбрасывались только над одним городом-островом? Причем именно над тем, где уже стояли, как на учениях, колонны «Шарков»! Видишь, сколько вопросов...

Балу постоял, раскачиваясь с пятки на носок, а потом сознался.

— Странно. Точно так же говорил и... комендант Крепости «Австралия». — Балу упорно не желал признаваться, кем ему на самом деле доводится комендант. — Еще то же самое думали многие из штабных офицеров... Но ведь никто никогда не проводил разбирательств на высшем уровне? Никто никогда не ставил вопрос о поиске врагов внутренних...

— Ну вот наконец-то ты сам начал сомневаться.

— Нет, до сомнений пока очень далеко, я просто размышляю, пытаясь тебя понять.

— Не поймешь. Потому что это еще не все! — возбужденно выпалил Джокт. — Давай вспомним, что такое Первый Боевой у курсантов-истребителей? Мне всегда казалось, что это просто удачное стечение обстоятельств. На этот раз — удачное для нас, причем такое, что удачнее не бывает! Ты тоже твердишь о совпадениях, веришь в них. И я верил... До тех пор пока не услышал про какого-то настоящего врага!

— Ну эта новость пока что...

— Ладно, — снова перебил его пилот, — то, что настоящий враг существует, будем расценивать только как допущение. Ну а теперь давай все просчитаем, пользуясь таким допущением, посмотри, что получается: если мы — полигон, тогда действия Бессмертных вполне объяснимы. Обкатка своих пилотов-новичков в столкновении с новичками истребителями Солнечной. И сразу же возникает неясность — а кто натолкнул нас на такую идею? Дважды звенья ис-

требителей выходили в квадрат Первого Боевого. И на третий раз поняли, что происходит и как можно использовать такую ситуацию. Справедливо, разумно, верно... Но ведь это же происходило у каждой из Крепостей! Теперь каждая Крепость, хоть «Австралия», хоть «Америка», имеет свою тайну, свой Первый Боевой! Опять совпадения? А еще давай вспомним, что новички Бессмертные обладают невероятной генной памятью! Навыки пилотирования переходят к ним при рождении! Причем это происходит внутри касты пилотов! Знаешь, что означает их кастовость, разделение социальных слоев по боевым специализациям? То, что они действительно готовятся к чему-то большему, чем просто война с Солнечной! Первый Боевой — это открытая информация, и ни для кого на самом деле она не является секретом. Но только мне кажется, что никакие объяснения не могут окончательно и полновесно доказать необходимость Первого Боевого для Бессмертных. Для нас — да, для них — ни в коем случае! Был бы очень рад ошибиться в этом, Балу, но я прав.

— Тебе только кажется, что ты прав. Не забывай, речь идет о допущении, от которого ты отталкиваешься.

— Хорошо. Почему они не натаскивают своих штурмовиков? Надеются взять численностью?

— И это тоже. — Балу вспомнил ужасный вал залитых в броню червей, встретивших десант Солнечной на одном из планетоидов.

— Но почему вам нигде не противостоят части штурмовиков, состоящие только из новобранцев?

— Наверное, из-за того, что нам не часто выпадает встречаться в каком-то месте дважды. Или даже трижды. Вы, пилоты, действуете по секторам, очередность облетов, дежурства, прикрытия точек пространства... А нам приходится работать только по конкретным объектам. Быть может, Бессмертные и пытались что-то такое проделать, хотя... Нет, не припоминаю.

Балу, больше по инерции, все еще занимался поиском аргументов в подтверждение ошибочности заявления Джокта, но делал это уже без уверенности. Наверное, потому что чувствовал — Джокт высказался не полностью, и у него имеются какие-то другие объяснения. Чутье не подвело штурмовика. Объяснений, а вернее — новых трактовок старых событий, у Джокта было хоть отбавляй!

— Балу, признайся честно, тебе вообще когда-нибудь приходилось сталкиваться в бою с необученными штурмовиками Бессмертных? Без оценки вероятности повторной встречи? Пусть это были не полнокровные воинские части, а хотя бы единичные случаи, вроде как у вас — солдат-стажер при ветеране десятка штурмов?

Встречал таких противников? Я не имею в виду червей со слабым вооружением, недостаточной броней, просто особо невезучих, что попадаются под первую же очередь, кто-то всегда погибает первым... А именно необученных? Застывающих при виде атакующего строя пехоты КС, не знающих, как укрыться от неожиданно появившегося «Шарка», стремящихся как можно быстрее вгрызться в почву, где можно спастись...

— Если честно, таких не припоминаю. Но, может быть, мне просто не хватает времени обращать внимание — кто там невезучий, а кто — необученный?

— Может быть, может быть... Только в пространственном бою я всегда отличу опытного пилота Бессмертного от менее опытного. А с временем на торпедную атаку или уход от вражеской атаки у меня тоже негусто... Это же очевидно! Они уже подготовили части штурмовой пехоты! Годами или веками, но каста штурмовиков полностью сложилась у Бессмертных, и нет никакой необходимости готовить новичков, потому что... потому что...

— Это тоже допущение. Твоя фантазия, вывод, к которому ты пришел эмпирическим путем. Хотя, если честно, довольно любопытный вывод... Кто знает, на самом деле не существует новобранцев-штурмовиков у Бессмертных или они не встречались именно мне... Я готов поспрашивать других Ферзей, но не думаю, что кто-то из них оказался в бою пытливым исследователем.

— Ладно, — снова уступил Джокт, — оставим пока Первый Боевой, и все, что с ним связано, будет очередным совпадением. А как тебе рассказы Барона? Рассказы про золотые слитки, например? А ведь он, когда ему никто не захотел поверить, специально пересказал то же самое под воздействием индапа — «коктейль правды» не мог ошибиться!

— Барон мог подхватить такую информацию в случайном разговоре, где некто решил почесать языком. Он и поверил. И ничем твой «коктейль правды» эту веру не вышибет.

— Хорошо, что он нас сейчас не слышит!

— Хорошо, что нас не слышит кое-кто другой, например твой друг из особого отдела! А Барон... Ну что тут такого? Он не только про слитки рассказывал. Жаль, ему мало когда удавалось хоть чем-то свои рассказы подтвердить.

— Действительно, жаль. Но разве подобные слухи могут возникнуть на ровном месте?

— Да сколько угодно! Вспомни, Джокт, ты же сам смеялся, когда услышал от кого-то рассказ о Бессмертных, высадившихся

в Карпатах. Тогда вообще дело дошло до тихой самоэвакуации, а ты говоришь — на ровном месте не бывает. Еще как бывает!

— Хорошо. Барон фантазирует. Ему ты не веришь. А мне ты готов поверить?

— Ты неправильно ставишь вопрос. Не кому, а во что мне нужно будет поверить. В твои догадки? В какие-то гипотезы, допущения и прочее? Джокт, ты посмотри, как это выглядит со стороны. Сейчас не самое лучшее время для любых разговоров. Я просто спросил твое мнение — почему Бессмертные интересуются тобой? А ты выдал в ответ, что где-то в штабе сидят предатели, связанные с Бессмертными, и поставляют им информацию. Более того, обобщил неообщаемое. Первый Боевой, Плутон, Европу. Мифические золотые слитки... Кому они понадобятся в случае крушения Солнечной? Или кто-то мечтает жить среди червей? Это невообразимо, Джокт! Вместо того чтобы заниматься делом, я и ты...

— И все-таки я задал тебе вопрос. Ответь, пожалуйста.

— Ну, — осторожно начал Балу, не желая вот так, напрямую, обидеть друга, — вообще-то я никогда раньше не замечал за тобой склонности к выдумкам. Но, Джокт, — все-таки он не удержался, — я до сих пор не знаю, как стоит относиться к твоим рассказам о черных линкорах!

— Я сам этого не знаю. За меня все решала целая комиссия различных спецов и пришла к выводу, что все нужно воспринимать очень серьезно. Ведь не я один встречался в Приливе с «Летучими голландцами».

— Какое это имеет отношение к предательству? Если, конечно, мы все еще говорим о предательстве?

— Самое прямое, Балу. Когда меня загрузили в корабль-исследователь, — помнишь, я потешался над странным кораблем «ушастиком», с огромными параболами антенн вроде слоновьих ушей? — вот тогда я побывал в наведенной реальности. Вроде бы ничего такого странного и удивительного, во славу Солнечной мы все готовы побыть подопытными кроликами, тем более что у нас не всегда спрашивают на это согласия, верно? Но одна странность все же была. И она до сих пор не дает мне покоя. Черт с ними, с моими ощущениями, будто кто-то стер у меня часть памяти, хотя после первого медсканирования я отчетливо помнил все-все детали... Наверное, медики, работающие с наведенной реальностью, способны запутать кого угодно. Но со мной был офицер особого отдела. Этой самой наведенной реальностью ему тоже по полной программе запутали мозги. Зачем? Разве не пользуются сотрудники особого отдела

доступом практически ко всем тайнам? Зачем было скрывать что-то и от него? И что именно от него попытались утаить? Третий участник эксперимента, пилот-исследователь, управляющий «ушастиком», тоже побывал в плену галлюцинаций. Только он в этом не признался, а может быть, просто не догадывался. К чему такие сложности?

— Не знаю. Это известно только тем, кто проверял твою способность наблюдать в Приливе «Летучих голландцев».

— Правильно — мою! Мою способность! Пусть я был подопытным кроликом, ладно. Но двое других? Что это был за эксперимент? Почему подопытным кроликом стал особист? До меня только потом дошло, что приказ-разрешение на участие особиста в эксперименте с применением наведенной реальности мог быть выдан только заранее! Что это за игры, Балу? Чьи это игры? Молчишь? Не знаешь? Я тоже не знаю и могу только фантазировать. Но мне кажется, именно тот эксперимент каким-то образом связан с осведомленностью Бессмертных. Бессмертные знают, что я уцелел, после того как отпустил транспорт, но это означает, что им известно про новые истребители для Вирт-пилотов. Так?

Теперь дальше. Почти четыре десятка пилотов истребителей, экипажи линкоров, крейсеров и мониторов, сотня старших офицеров, наконец, два полновесных командора! Ты посмотри, сколько удобных фигур для ведения переговоров! А Бессмертные выбрали именно меня.

— Может быть, они действительно тянут время, а тогда никакой разницы — кто сидит за пультом связи...

— Вот! Вот оно! Никакой разницы! И пока не прозвучало ни единой вразумительной фразы, объясняющей, для чего на переговорах нужен я!

— Ну и что?

Ко всему, что касалось несчастных и счастливых совпадений, Балу не растерял критического отношения. Говорить о предательстве, оперируя лишь некоторыми событиями с различными причинами — бездоказательно. Так считал Балу. Но в то же время он понимал, что Джокт вовсе не фантазер и не потерявший то ли от страха, то ли еще от чего голову мальчишка, на плечи которого тяжелой ношей легло разрешение важной и ответственной задачи. То, что Джокт рассказал об эксперименте с наведенной реальностью, тоже можно понять двояко. И штурмовик разрывался между этими двоякостями, противоречиями, имевшимися во всем, не только в толковании эксперимента. Но то, что для переговоров — для первых переговоров между двумя враждующими неизвестно из-за чего

цивилизациями! — был вызван простой пилот, этот факт выглядел действительно более чем странным. Балу так и высказал Джокту, однако все равно еще раз попытался увести его в сторону от скоропалительных выводов.

— Давай пока не будем горячиться, — посоветовал штурмовик перед тем, как обратно включить звуковое сопровождение записи на чипе. — В таких делах спешка не нужна. Уж если и в самом деле существует предатель или предатели, то слишком быстрыми выводами и громогласными заявлениями их можно только вспугнуть. Но никак не разоблачить. Сосредоточься пока на главном. Попробуй задать какой-нибудь вопрос с двойным значением, вытянуть хоть что-то из Бессмертного. Только учти, даже если у тебя получится, это вовсе не будет обозначать, что ты узнал правду. К тому же он явно не желает быть откровенным, твой Блестящий друг! Но попробуй, попробуй, он, кажется, вошел во вкус, разговаривая с тобой.

— Попробуй... Я только этим и занимаюсь. Пробую найти хоть что-то важное и в то же время не потерять нить переговоров. Для начала нам нужно живыми выбраться из всей этой передряги. Правильно я понимаю задачу? А насчет всего остального, хочу, чтобы ты знал, — кроме тебя, я никого не посвящал в свои мысли.

— У тебя просто не было для этого времени! Про настоящего врага ты услышал только сегодня, сейчас. Так что пока будет лучше считать настоящего врага — выдумкой Бессмертных, а настоящего предателя, ты извини, Джокт, — твоей выдумкой. А там посмотрим...

— Хорошо. Последний вопрос, ладно? Ты только хорошо подумай, прежде чем ответить.

— Постараюсь.

— Балу, что бы тебя убедило, что явилось бы доказательством... Я не имею в виду чьи-то чистосердечные признания...

— Я понял. — Кистевой сервомотор скафандра коротко взвизгнул, и Джокт увидел, как крошится в пыль ни в чем не повинный подлокотник кресла в сжатом кулаке штурмовика. — Понял, Джокт. Только если все так, до признаний кое-кто не доживет. А доказательства... Давай попробуем все-таки добиться от Блестящего хотя бы кусочка правды?

— Правды о чем?

— Это мы сейчас решим. — Балу ослабил хватку, начав рассуждать вслух: — Во-первых, Джокт, нужно для начала определить почву, на которую можно опираться. Это значит, что мы не можем доверять ни единому слову Бессмертных. Мы не можем доверять

даже самим себе, когда речь идет о переговорах в эфире. Пока я уверен только в том, что наш бункер достаточно надежно экранирован, иначе Бессмертные давно бы уже знали, как мы блефуем. Принимается? Тогда второе... Мы не должны делать никаких окончательных выводов, даже если Бессмертные прямо сейчас признают, что имеют лазутчика среди людей. Справедливо? Посеять недоверие к командованию — почти победа.

Джокт не спорил, молчаливо соглашаясь со всем, что говорил Балу. Вот только почва, как выразился штурмовик, больше походила на песок. Самое то место для построения замка фантазии.

— Третье... В твоем вопросе не должно содержаться даже намека на ответ. Пожалуй, если Блестящий выскажет что-то, что известно, например, в штабе, то, о чем не вещалось взахлеб на открытой волне, этого будет уже кое-что. Ты говоришь — Прилив? «Летучие голландцы»? Вот и подумай, как спросить об этом Бессмертных.

— Я попробую, но не уверен...

— Сначала попробуй, потом уже решай, в чем ты уверен, а в чем нет. Ты вообще понимаешь? Ты отдаешь себе отчет, что может произойти, если твое обвинение поддержат на официальном уровне? Это будет раскол! Охота на ведьм, когда проще сводят какие-нибудь старые счеты, чем ищут правду. Вдобавок, что это за предательство в малых дозах? Тот, кто обладает информацией о перемещении боевых групп, а может быть, напрямую причастен к отдаче приказов о таких перемещениях, способен очень быстро повлиять на исход войны. Естественно, этот исход будет не в нашу пользу. Но мы-то еще живы? Еще сражаемся? Не они — на Земле, а мы — здесь, на проклятой желтушной планете... Давай, Джокт. У тебя получится. Не может не получиться! — приободрил он пилота.

— Седьмой Блестящий здесь!

Джокт замер. Ему показалось, что пауза после первой фразы, ставшей уже привычной, будет длиться вечно. Напрягся и Балу, снова нащупывая подлокотник.

И вот он, ответ на вопрос о возможности эвакуации! Вот он, результат маленького экзамена на знание астрономии!

— Выход к Крепости «Австралия» будет открыт сразу для всех кораблей. Вы уходите — мы пропускаем...

В зал входили новые лица: специалисты, инженеры, офицеры боевых вахт. Штурмовики, в скрипящих от натуги СВЗ, вносили груды оборудования, бережно укладывая его на пол. Даже не верилось, что они смогли пройти с такой горой груза через все ловушки охранного лабиринта... Джокт видел, как засуетились, за-

бегали первые семь исследователей, вводя в суть проблемы вновь прибывших. А те застывали, увидев бункер и услышав звучащие в нем слова Бессмертного...

— Оружием, которое ты зря назвал оружием нашего настоящего врага, вы не воспользуетесь. Мы не повреждаем... Вы уходите сейчас, немедленно. Мы — пропускаем. Вы не уходите — мы атакуем!

— Ну вот. Сами дождались ультиматума, — грустно усмехнулся Джокт. — А дорогу к «Австралии» они, похоже, хорошо знают...

— Ничего, ничего! Они просто засекли, как мы перемещаем что-то в бункер. Вот и испугались, — снова подошел Барон, которого завлекло обследование пультов управления. — Сейчас нужно проявить выдержку!

— И дождаться атаки?

— Не будет никакой атаки! Они давно могли это сделать, но что-то их удерживает. Бессмертные просто не могут решить — верить нам или нет, активируем мы или нет запирающие поля звезды?

— А может быть, наоборот. Как раз созрели для такого решения! Будем соглашаться с их требованиями?

— Ты что, Джокт? Сожгут все корабли еще до старта! Пока мы находимся в бункере, нашим кораблям ничего не грозит. Как только покинем его...

И тут Балу впервые высказал мысль, которая впоследствии воплотилась в решение труднейшей из головоломок, и дерзость граничила с безумием в его высказывании.

— Кто сказал, что мы оставим бункер, даже если кораблям удастся покинуть сектор?

— Ты... Ты что? Балу! Вы с Джоктом сговорились, что ли? Кто кого обскачет по части сумасшествия? Один предлагает отдаться на милость врагу, как будто не знает, что за милость можно ждать от Бессмертных! Второй... Балу, вы не протянете в бункере и недели! Это еще в лучшем случае... На сколько вам хватит кислорода? А если вспомнить о воде и питании?

— Послушай, — перебил его штурмовик, — тебе известно, что мы обнаружили первым делом, когда добрались до бункера? Нет? Вот и помолчи. Я не зря говорил о длительной консервации помещений. Тут все было заполнено инертным газом. Понимаешь, что это означает? Те, кто раньше находился в этом бункере, а после ушел, выкачали сначала весь воздух, не знаю, чем они дышали, и забили объем инертной субстанцией, которая смогла сохранять всю аппаратуру на протяжении любого периода. И я уверен, что

где-то здесь же есть и механизм оживления бункера. Кислород, вода, рационы для персонала.

— А если они дышали другим воздухом? Соединениями серы, например?

— Тогда я съем собственные погоны, — без тени иронии заявил Балу. — Обещаю!

После такого самоуверенного заявления, свидетельствовавшего о глубокой вере Балу, что предшественники, выстроившие эту подземную цитадель, были схожи с людьми и дышали кислородом, Барону оставалось развести руками, а самому Балу с вероятностью более чем пятьдесят процентов готовиться к не самой сытной своей трапезе.

— Прекратите! Барон, посоветуй лучше, что ответить этому... Седьмому, — взмолился Джокт.

— А посылай его куда подальше и настаивай на наших требованиях! — убежденно ответил Барон. — Если им хорошо известно, что такое Капа и Крепость «Австралия», пусть проведут туда один! — Для убедительности, будто он говорил не с Джоктом, а с тем самым переговорщиком Бессмертным, Барон показал выставленный палец. — Один крейсер! Причем именно тот, что мы захотим отправить. И этот крейсер должен выйти на связь, сообщить кодом, что дошел куда нужно и находится в безопасности. Потом будем выводить по одному остальные корабли, и они тоже должны сообщать о безопасном прибытии. В итоге риску атаки флота Бессмертных подвергнутся только самые последние звездолеты. Те, что должны будут эвакуировать всех, кто сейчас находится в бункере. Десантный транспорт бросим, инженерную станцию взорвем, значит, последним станет «Август». Ты пойми, — убеждал он Джокта, — они согласились прекратить боевые действия. Пускай на короткое время, но — все боевые действия! Значит, согласятся и на прочее, только бы мы не шарахнули по планете. Все-таки здесь не какая-нибудь флотская база, здесь приличная инфраструктура, города, население... А мы можем все уничтожить одним махом! Требуй, Джокт, требуй! И больше, больше металла в голосе!

Воинственную горячность Барона остудил Балу.

— Во-первых, мы не знаем, на самом ли деле они прекратили боевые действия или только на словах. С них ведь станется! Во-вторых, если ты еще не забыл, мы ничем не можем повредить ни планете, ни их флоту. Наконец, в-третьих... Мы не должны покидать бункер. Даже если сейчас не выйдет запустить всю аппаратуру, может получиться завтра, послезавтра, через неделю, когда кислород подойдет к концу. Но насчет кислорода мы еще посмотрим.

Потом Балу повернулся к Джокту и несколько раз приложил ладони к шлему, словно говоря — вспомни, что ты собрался сделать!

Джокт кивнул в ответ, касаясь тонкой веточки микрофона.

— Бессмертный, слушай! Корабли не будут уходить вместе. У нас было слишком мало времени и возможностей обрести к вам доверие. Сначала уйдет один звездолет. Уйдет к Капе Струны и подтвердит сигналом безопасное прибытие. Потом второй. Потом третий... Ты сказал, оружие, которым мы сейчас управляем, не принадлежит вашему настоящему врагу. Какая нам разница? Попробуете атаковать — мы обязательно его запустим. И ты станешь виновником гибели целой планеты, только ты! А когда не станет ни планеты, ни кораблей — ваших и наших, сюда доберутся невидимки, — ввернул он свой замаскированный вопрос с двойным дном, — те, которые прячутся в проколотом пространстве. Доберутся сюда и пойдут дальше. Я знаю, потому что я их видел! И тогда вам не удастся подняться на следующую ступень, чтобы встретить настоящего врага. Мне больше нечего сказать. Соглашайтесь или делайте что хотите. Прощай, Седьмой Блестящий! Навсегда прощай. Не мы первые начали эту войну. Но мы ее закончим. Закончим не так, как вам хочется — надлежит — удастся, — передразнил он Бессмертного. — Мы закончим! Обещаю.

Глава 12

— Ну что же... Будем считать, ты сражался, как лев, и сделал все, что смог, — сказал Барон, когда по всем прикидкам послание уже пришло к Бессмертным и расшифровывалось. — А зачем ты приплел еще и «Летучих голландцев»? Их ты имел в виду, когда говорил о невидимках из проколотого пространства?

Если намек понятен Барону, значит, поймут и Бессмертные, и если хоть как-то подтвердят, что им это понятно, значит, на самом деле существует некто, передающий Бессмертным определенные сведения. Джокт собирался уже было ответить Барону, но вместо него это сделал Балу, явно уводя разговор в другую сторону:

— В нашем положении вспомнишь, наверное, и не о таком чуде. А вот про оружие, что мы не раздумывая пустим в ход, и про уничтоженную планету, это ты здорово влепил! Меня проняло, надеюсь, Бессмертным тоже понравилось. Кто знает, может быть, они не разгадают нашего блефа, тогда...

Но к ним уже бежал связист, до сих пор неподвижно стоявший у входа в зал.

— Сообщение с «Августа», ком! Звено «Кросроудов» выходит в атаку!

Это же известие было продублировано с операторского пульта, обеспечивающего, увы, пока только пассивный обзор окрестностей звезды и планеты.

— Они меняют позицию! Двадцать крейсеров перемещаются на малой тяге к нашим звездолетам!

— Вот тебе и весь блеф, — огорченно высказался Барон. — Не прошел, значит, фокус с запугиванием...

Исследователи, офицеры инженерных служб, штурмовики — все, как один, обернулись почему-то к Балу, будто он мог изменить ситуацию и заставить вражеские крейсеры отказаться от принятых намерений. Балу понял, что ему любой ценой нужно вывести из оцепенения находящихся в зале, и выкинул вперед руку, указывая на какого-то рядового штурмовика, что вошел в зал из смежного помещения.

— Ты! Какое у тебя задание?

— А... Искать доступ к предполагаемым скрытым отсекам жизнеобеспечения, ком! — все-таки удалось тому доложиться.

— Почему не исполняется? — Мгновенно, без перехода, голос Балу стал ревом, таким Джокт еще никогда не видел своего друга. — По возвращении на базу — трое суток карцера!

Пехотинца будто смело ветром — едва успев ответить положенное «есть, ком!», он тут же скрылся в полумраке недавно обнаруженной комнаты.

— Вы! — Теперь Балу указывал на двух рядовых, что тащили на третий уровень зала громоздкий футляр и остановились на полдороге, едва услышав тревожную весть. — У вас что, антигравы сдохли? Почему не заменили на транспорте? Или проблема не с антигравом, а с мозгами? Так и будете по часу возиться с каждой хреновиной?

Следующим подвернулся лейтенант-проводник, который точно ни в чем не был виноват. Но это только на первый взгляд. Как ни странно, Балу нашел, за что его наказать.

— Что, Тор? Выбился в лейтенанты и плевать на все? Что там в Уставе пехоты на этот случай имеется? Правило пять, быстро!

— Исполнивший задание помогает остальным в выполнении их заданий, — будто с удивлением, какие, мол, тут задания, за несколько минут до окончания игры, ответил лейтенант.

Но Балу даже ухом не повел, словно не замечая намека.

— Почему не проследили за действиями рядовых — вот этих двух болванов с футляром? Хватай тогда... видишь эту штуку? — Балу указал на ящик, размерами превосходящий скафандр: — И живо тяни ее, куда укажут инженеры!

Последний приказ на самом деле был двойным и давал установку к действиям как лейтенанту, так и исследователям. Все ожило снова, вверх-вниз замелькали штурмовики, перемещавшие аппаратуру на верхние уровни, где-то в углу раздался оклик другого сержанта, обнаружившего новое потайное помещение. Исследователи, наверняка теперь понявшие, что майор прав и что бездействие и ожидание хуже самой развязки, приникли к пультам со своими электронными прозвонками, отмычками, индикаторами и прочим. А точки на экране продолжали движение.

Убедившись, что никто не смотрит в его сторону, Балу знаком подозвал связиста и тихо, так что слышали только Джокт и Барон, сказал:

— Если кто-то и заслужил наказания, это ты. Не хватало мне в команде связиста-идиота! Ты можешь как-то остановить флот Бессмертных?

— Нет, ком. — Поняв, какую непростительную ошибку он совершил, передавая на весь зал сведения о начале вражеской атаки, связист, наверное, ожидал, что Балу сейчас вобьет его в пол.

— Значит, не можешь? А я могу? — Балу сделал шаг вперед, вплотную прижавшись шлемом к шлему связиста. — В Каверне Титлиновой таких, как ты, паникеров, командиры сжигали на месте, понял?

Связист не отвечал, невольно сглатывая, понимая, что даже уставной ответ неуместен.

— Передай коммуникатор другому, а сам идешь наружу, прикрывать периметр. Назад вернешься, только если разрешит второй Ферзь, майор Снап...

Когда пехотинец удалился, Джокт взглянул на Балу.

— Ты только что отправил его умирать. Атака «Кросроудов» — это только начало. Следующим шагом они сметут тех, кто на поверхности, — как-то неуверенно произнес он, словно перед ним другой человек, не друг, а чужой, жестокий командир.

— Один такой герой способен угробить целую команду. Пусть пока проветрится. Что до атаки... Майор Снап не идиот, не станет пробиваться обратно к транспорту, а чтобы добраться до бункера, ему потребуется проводник.

Джокт сразу же сник, почувствовав себя полным профаном в вопросах руководства людьми. А ведь должен был понять, думал он, что в пехоте майоров дают не только за уничтоженных червей. В «Австралии» проходил службу сержант Борг, штурмовик-легенда. Он уничтожил около сорока Бессмертных. Однако же не стал даже лейтенантом. А Балу в очередной раз доказал, что значит быть настоящим командиром. Эх, ему бы так...

Сам Балу, недовольный репликой Джокта, демонстративно покинул его, направляясь к группе исследователей. Но почти тут же случай помог Джокту реабилитироваться в глазах друга.

Экран, показывающий планету и прилегающее пространство, был огромен. Даже отсюда, от пульта связи, находящегося у противоположной стены, Джокт отчетливо различал расположение и траекторию движения любого из вражеских кораблей, что во множестве скопились за внешней орбитой. Действительно, все было так, часть крейсеров Бессмертных оторвалась от основной группы и сходилась с группой звездолетов Солнечной, имея в конусе атаки линкор «Июнь» и три тяжелых крейсера, находящихся рядом с ним. Маневр врага недвусмысленно показывал намерения Бессмертных атаковать. Джокт, будто наяву представил, как надрываются сейчас тактические анализаторы всех без исключения кораблей, от линкора до истребителя: «Атака! Атака!», как раскрываются бронированные жалюзи портов и линкор готовится нанести упреждающий залп орудиями главного калибра. Идентификация целей, захват, активация квазаров, расчет мощности — сколько там? Секунды? Вот, меняя позицию, все оставшиеся на орбите истребители, как верные гончие, начинают движение к линкору, собираясь прикрыть его с кормы. «Моравы» окружают отряд мониторов дальнего действия, чьи наступательные и оборонительные способности соотносились как сто к одному. В нужный момент мониторы подадут сигнал, и крейсеры разбегутся, освобождая коридор для сокрушающего потока разъяренных квазаров. Если, конечно, Бессмертные позволят настать такому моменту.

Пульт коммуникатора, оставленный невыдержанным связистом, находился у другого штурмовика. А время бежало, с толчками сердца, с суматошной, кажущейся в свете приближающихся событий бессмысленной работой исследователей и помогающих им штурмовиков. Но самое большое сожаление у Джокта почему-то вызывало другое обстоятельство — что ему не доведется услышать ответ Бессмертного на скрытый вопрос: известно или нет врагам, что видел он в Приливе? Станут или не станут они комментировать

закамуфлированное упоминание о «Летучих голландцах»? Как не вовремя, страдал Джокт, как все быстро... Хотя по времени пакет с ответом Бессмертного уже должен был прийти... Должен? Пакет? Вот же он, ответ! Точечная проекция хищных крестообразных крейсеров, что выходят в атаку! К чему другие ответы?

— Балу? — неуверенно начал Джокт, заметив на экране еще одно движение.

Там, вдалеке от места концентрации основных сил Бессмертных, нависающих над блокированной группой звездолетов Солнечной, начал перемещение многочисленный рой «Кнопок», вражеских истребителей, которые, по идее, должны были перекрывать возможные пути если не отхода (уходить-то некуда!), то хотя бы рассредоточения земных кораблей. Вот только «Кнопки» не выстраивались в «червивые розы», не пытались как можно шире набросить сеть траекторий запуска торпед, они...

— Балу! — Догадка переросла в уверенность, теперь важно было понять, что к чему, чтобы не совершить ошибку.

Ответ Блестящего, что должен был уже прозвучать, но не прозвучал, — хотя бы саркастическое прощание в ответ на выпад Джокта, потом — двадцатка крейсеров, половина из которых обречена погибнуть после залпа главных калибров «Июня», а вдобавок к крейсерам — неподвижные линкоры Бессмертных и спешно покидающие свои места истребители, с двух сторон спешащие сейчас... спешащие... Только не торопиться! Отследить траектории «Кнопок». Отследить, куда они... Есть!

— Балу!! Мне нужна связь с «Августом»! Связь с линкором, Балу!

— Джокт, что с тобой? — Теперь от него отшатнулся и Барон.

А майор не торопился с ответом, медленно, будто нехотя, как показалось Джокту, поворачиваясь в его сторону. Тогда пилот в два прыжка очутился рядом с новым связистом, пытаясь вырвать у него из рук коммуникатор.

А «Кросроуды» выстроились в полусферу, их основные генераторы плазмы, гравитационные и лазерные излучатели, обоймы с торпедами — все готово для нанесения удара. Пытаясь справиться с противодействием штурмовика, — полетный СВЗ пилота истребителя против основного пехотного, где усиление экзоскелетом движений конечностей выше на порядок, — Джокт видел, как еще несколько вражеских крейсеров начинают отходить от основной группы, образуя второй эшелон атаки...

— Балу! Связь! Дуболомы чертовы, дайте мне связь! Ведь они только...

Расширенные от удивления глаза штурмовика-связиста под армированным гиперхрусталем шлема выражают одновременно и неуверенность. Будто он увидел лучик света над пропастью, последнюю надежду, и по этому лучику ему предлагают пройтись. Взгляд связиста метнулся к майору. Несомненно, без команды Балу он ни за что не отдаст коммуникатор, помня, как поступил командир с его предшественником. Но даже в этом взгляде читалась мольба.

«Кнопки» уходили на теневую сторону планеты! Несомненно, их перемещение отображалось и на тактических экранах звездолетов командора Бранча, вот только можно ли верно истолковать такое перемещение под истошные вопли системы оповещения, когда, перечеркивая изображение, поверх всей картинки ложится красная полоса — «Атака!».

Балу коротко повел кистью из стороны в сторону, что можно было истолковать как угодно. Но связист понял это движение единственно верным образом, передавая наконец-то коммуникатор Джокту. Не дожидаясь следующего необходимого действия, Джокт сам рванул из крохотной выемки под шлемом СВЗ штурмовика тонкий усик дистанционного соединителя и вставил в соответствующий фиксатор собственного скафандра.

— Командор! Это не атака! «Кнопки» уходят в тень! У нас здесь полная картинка...

Не только в пехоте и не только за количественные показатели дают высокие звания. На плоскости коммуникатора один из индикаторов поменял цвет с зеленого на красный. Сигнал перенаправлен дальше. И тут же врывается голос командора Бранча. Врывается фразой, разорванной посредине.

— ...энергию на главный калибр. Семнадцать секунд...

— Командор! Это не атака, — повторил Джокт.

На этот раз он уже не кричал, понимая, как легко принять крик за истерию. К тому же помог индан, добавивший, как показалось Джокту, немножко льда, воткнув этот лед в воспаленное серое вещество мозга. Семнадцать секунд — почти вечность...

— Здесь пилот Джокт. — Две секунды. — Видим подробную картинку, «Кнопки» отходят на теневую сторону. — Еще три секунды. — Основная группа противника неактивна. Это не атака. — Плюс еще четыре. — Они только имитируют нападение. Предположительно проверка нашей реакции. Если вы попробуете противодействовать... — Еще пять секунд, итого четырнадцать.

— Дробь атаке! — слышится команда Бранча.

— Ф-фух! Успел! Я успел!

Теперь оставалось только проследить, насколько верна догадка Джокта.

В случае ошибки утешением могло быть только то, что звездолеты все равно уже обречены. А десяток уничтоженных крейсеров — это не плата. Так, мелочь на сдачу.

Командор Бранч молчал, Джокт слышал только сиплое дыхание, будто идущее сквозь зубы. Но почему — будто? Как можно еще встречать приближение смерти, зная только, что отброшен щит, которым можно хотя бы попытаться остановить ее приближение? Еще слышны переливы сирен тактического анализатора. Все правильно, прошел запрос на принудительную эвакуацию. Ну и куда будем эвакуировать, уважаемая железяка? Глупцы все те, кто ратовал когда-то за оснащение флота исключительно необитаемыми станциями.

О, эта чудная, всепонимающая, невероятно быстрая и безмозглая техника! О, прозорливые, осторожные, расчетливые паникеры — анализаторы! Автоматика орудийных палуб, способная бесстрашно шарахнуть по скоплению больших кораблей, оставив в покое маленький верткий истребитель, который вот-вот уронит поблизости от дюз орбитальный заряд! Безмятежная, полная куриной ласки медицинская аппаратура, врачующая плоть и направляющая нейрохимические реакции из тупика страха в нужное русло бесконечного героизма. Как глупа она, когда речь идет всего лишь о простом пилоте и о простой певице! Или о простом пилоте и простой — как она говорила? — болельщице футбольной команды! Или о пилоте и другом пилоте, девочке из Вирт-команды...

Что-то не вовремя кольнуло сердце Джокта. Но индап остался невозмутим, как невозмутимы остались электронные недра вычислителей всех кораблей, своих и вражеских.

Воюют не механизмы, а люди! Если быть точнее — разумные существа, но не то, что создано их одновременно благословенным и проклятым разумом.

— Джокт, они...

Барон, который должен чувствовать себя пристыженным, не смог вот так, сразу, выдернуть Джокта из того кокона невидимых нитей напряжения, что в секунду задушат, уничтожат его хрупкое, чуткое ожидание. Ему казалось, прозвучи на орбите хоть один залп, он обязательно это услышит, почувствует, наплевать, что пустота пространства — худший из проводников для звука. Потому что

сразу после первого залпа раздастся тысяча других, и одновременно сотни вражеских торпед вырвутся из обойм, бесшумно-оглушающе, незаметно метнувшись в сторону обреченных звездолетов. Звездолетов, которые только что получили приказ безропотно ожидать либо гибели, либо чуда. Из всей палитры сущностей и их сравнений неожиданно исчезла середина, остались только сошедшиеся вплотную крайности. Далеко — близко, действие — бездействие, смерть — жизнь.

— Они остановились, Джокт. Гасят инерцию.

Кокон исчез. Время понеслось в прежнем ритме. Крайности разошлись на предельное друг от друга расстояние.

Вообще-то, Барон был не прав. «Кросроуды» не нуждаются в погашении инерции, потому что, благодаря четырем разнонаправленным движкам, свободно ориентируемым в пространстве, они умеют превращать поступательную инерцию движения во вращательную. Человеческий вестибулярный аппарат точно не выдержал бы такой «остановки» чужого крейсера, когда на несколько мгновений крестообразный корпус, пустившийся во вращение, превращался в сплошной диск. Зато на уровне оказалась выдержка командиров кораблей. Едва получив приказ командора Бранча, пилоты истребителей тут же отработали обратно направленными импульсами, возвращаясь на исходные позиции. Крейсеры не отстали. «Моравы» выписали сложные фигуры, словно на пилотажных учениях. На «Июне» не просто отключили локацию-наведение, но и опустили орудийные заслонки, одновременно сбросив энергию обратно в накопители. То-то сходили сейчас с ума на энергетической вахте! Но теперь ни один прибор обнаружения Бессмертных, включая их энергорадары и тактические оповестители, не мог не прийти к единственному заключению — земная эскадра бездействует, полностью игнорируя маневр «Кросроудов». Она безмятежна, как оранжевый ровный свет звезды. А вот иные приборы засекли, что как раз со светом звезды происходит что-то неладное. И помимо фотонов, всяких альфа-бета-гамма и прочих нейтрино, а также радиочастотных излучений, в спектре появилось нечто новое.

Желая хоть чем-то подтвердить догадку Джокта, Балу, пользуясь единственно определенным по функции верньером, снова сместил сетку координат на экране, отображающем звезду.

Теперь на некоторые участки фотосферы будто наложился пестрый узор шахматной доски. Квадратики полностью прозрачные — квадратики матовые, полупрозрачные. Понимая, что в любом случае сейчас идет самая настоящая игра в покер, где

проигравший удаляется в небытие, а карта, лежащая рубашкой вверх, — не обязательно джокер, а вполне возможно, какая-нибудь дурацкая тройка, одновременно Балу принялся лихачить и с некоторыми другими верньерами-регуляторами, до которых только мог дотянуться на пульте. И каждое его движение, каждый поворот простейших аккуратных колесиков, что ровными рядами выстроились на пульте, одновременные нажатия стройных прямоугольников сенсорных и кнопочных панелей — так сыграла бы на рояле безумная рука, прошедшая от первой до последней клавиши, — все это отзывалось недоумением исполнительных механизмов и огромными величинами энергии, перекидываемой по запутанным, непонятным схемам. Но Балу отбросил мысли о всяких опасностях, грозящих при таком небрежном использовании точной аппаратуры. Почему-то он был уверен, что способен оживить разве что безопасные системы наведения, ту же сетку координат, овеществленную в гигантскую мощность сканирующих пространство невидимых лучей целеуказания, наверное, просто не верилось во что-то более существенное. Вот это метание и улавливали отслеживающие устройства Бессмертных. А уловив, насторожились, извещая экипажи о тревожных процессах.

Наверное, так же чувствовали себя экипажи подводных аппаратов давно прошедших на Земле войн, когда стального корпуса касался звонкий сигнал сонора, думал сейчас Джокт, завороженно смотрящий на безумную пляску сетки координат посреди огромного экрана.

А потом что-то изменилось. То ли Провидение направило старания Балу, то ли сами приборы таинственных существ, создавших бункер, поняли, чего добивается человек, орудующий верньерами и переключателями на пульте. Ненадолго, всего на секунду, одному из квадратиков, образованному пересечением тонких линий, надоело быть прозрачным или даже полупрозрачным. Он полыхнул черным!

Вот снова крайность. Черным — полыхнуть. Но для монотонно-оранжевой палитры оптического излучения звезды черный цвет оказался миниатюрным зрачком. Недобрым, гневным, поражающим своим цветом зрачком василиска.

— Ого! — воскликнул Барон, чуть было не подскочивший на месте, когда это произошло.

Балу, твердо следующий в жизни заповеди, что много хорошего — это уже плохо, прекратил истязание пульта. А через коммуникатор Джокт услышал выдох облегчения командора Бранча.

И сразу же, рефреном, шумные восклицания других офицеров, находящихся рядом с ним.

— Есть поток частиц! — возвестили на мостике «Июня». — Выброс по траектории: звезда — первое скопление истребителей Бессмертных за орбитой!

То, что для кораблей Солнечной оказалось невероятной удачей, рожденной случайностями, Бессмертные однозначно восприняли как предостережение. Из бункера, захваченного землянами, только что был нанесен удар, вернее, подана команда, приоткрывшая один из запирающих механизмов энергетических полей. В общем, команда на высвобождение всепроникающего потока частиц, способных выпарить любую органику.

По другой случайности, невидимый костлявый палец ткнул именно в ту область, где располагалась до начала маневра одна из групп «Кнопок». Лучшего и желать не приходилось! Потому что именно такой ориентир для атаки, избранный случаем и удачей Балу, больше всего походил на предупреждение. Стойте, где стоите! Тронете нас, мы тоже не будем церемониться!

Если бы поток пронзил хотя бы один из истребителей, Бессмертные, скорее всего, вынуждены были ответить какими-нибудь активными действиями, оказавшись в положении самих землян, которым некуда было деваться перед возникшей угрозой уничтожения. А тут угроза для Бессмертных возрастала многократно! Можно сказать, только сейчас это становилось угрозой. Ведь при поражении всей органики нечего было и думать о последующем восстановлении особей из сохранившегося клеточного материала.

Так или иначе, пока все складывалось донельзя хорошо.

— Пилот Джокт! — Голос командора показался ему охрипшим или же на самом деле звучал хрипло. — Лейтенант! Парень... Дружище... — Эпитеты, словно награды на ткань комбинезона, светлыми пятнами сыпались сейчас на счастливого, переживающего со всеми радостное облегчение Джокта. — Сынок! Ты спас целую эскадру! — наконец закончил командор. — Наградой не обижу, но... вернемся обратно, проси что хочешь!

Ну вот. Все командоры линкоров абсолютно одинаковы. Наверное, в сотый уже раз вспоминая капитана «Инка», Везунчика Баркли, подумал Джокт, а вслух, попутно вспомнив недавнюю шутку Балу, сказал:

— Хочу кредитку, гравискутер и трех блондинок на Европе... — Чем вызвал дружный хохот на вахте линкора.

— Будут! Будут блондинки! Всех красоток Европы тебе приведу, выбирай, которую захочешь! А для начала... Ну, ты понимаешь, женщины любят героев, что-нибудь такое... Эх, черт, ни одной штабной крысы рядом! От меня — «Андромеду», на Земле пошлю ходатайство о представлении к «Короне»!

«Андромеда» — для краткости. Другое название, тоже неофициальное — «За достижение недостижимого». Официально же награда именовалась просто и незатейливо — «Знак Славы», но являлась одной из высших наград, вручаемых не столько за индивидуальные боевые заслуги, сколько по признаку особого отличия для общего дела, например в ходе планирования сложнейших боевых операций или при достижении новых перспективных разработок. Насколько помнил Джокт, чаще всего такой награды удостаивались операционисты штабов, офицеры инженерного корпуса, командиры соединений, и очень редко — пилоты истребителей. Наверное, скромно решил Джокт, если он и заслуживает какой-то награды, так это разве что «Орла на ветке» (знак «Личная доблесть», вручаемый в случае одиночного поступка, связанного со спасением многих жизней), что-то вроде «Пришел на помощь», медали, уже имеющейся у Джокта. Тем более ему уже пообещали вручить «Орла на ветке» — за удачный вывод мониторов на цель. Только «Личная доблесть» — не медаль, а орден, у которого цифра-номер на обратной стороне на несколько порядков меньше номера медали, полученной от Везунчика Беркли, командора «Инка». Хотя командор Бранч продумал и кое-что другое...

К «Андромеде» полагались не только некоторые высокие привилегии, но и единоразовое существенное пополнение кредитного счета. Андромеда могла полностью обеспечить и личный гравискутер, и оплату пребывания на Европе.

А вот с «Солнечной Короной» сложнее. Это мечта. Мечта не только пилотов истребителей, но и любого командира. Насколько знал Джокт, сам Бранч носил всего одну «Солнечную Корону». Вручение такой награды пахло не казенными дорожками, шампанским в узком бокале и портьерным сукном штаба ВКО, а кое-чем похлеще. Например, уютом особняка Совета хайменов, липовыми аллеями где-то в заповедной зоне, глотком вина, сделанного из винограда, что вобрал в себя солнце лет шестьдесят-восемьдесят назад. Вина, что изготовлено совсем на другой Земле, не знающей еще войны с Бессмертными.

Был еще один отличительный признак «Солнечной Короны». Она не имела других, неофициальных наименований. Только так,

только признанием высшей из наград. Курсантский сон для Джокта стал вдруг явью. Но сейчас эта явь оказалась тяжелее, тревожней, чем представлял он когда-то. Услышать о высоких наградах в момент, когда ничего еще не ясно, когда отработаны только пара раундов из долгих двенадцати и впереди всего лишь передышка. Перерыв перед следующим раундом. В одном углу — несколько звездолетов Солнечной и группа людей, случайно забравшаяся в странный бункер, где получила доступ к странному чужому оружию. В другом — огромная рать. Десятки звездолетов всех классов, поджидающих удобного случая, и военная мощь целой планеты, жаждущей отторгнуть, стряхнуть с себя чужаков.

Фортуна переменчива. Кто знает, получится ли в следующий раз кому-нибудь так же удачно набрать комбинацию на пульте, чтобы пустить чужое оружие в ход?

Еще сквозь юношескую радость пробивалось какое-то нытье, идущее изнутри. «Андромеда» и «Солнечная Корона». За быстрый анализ обстановки и те несколько фраз, что он успел уложить в четырнадцать секунд. Не слишком ли много почестей на такой случай?

— Командор! — Джокт еще улыбался во все лицо, купаясь в золотом потоке приятных фантазий, но уже понимал, что на самом деле это не золото, всего лишь позолота. — Командор, я... Это высокая честь для меня, но только...

— Знаю, знаю, пилот. Сейчас тебе кажется — а не слишком ли много тебе отвалилось? Через минуту покажется, что старик Бранч впал в щедростный маразм, через две — что все это ерунда, не стоящая и выеденного яйца, и что ты не сделал ничего героического. Еще через несколько минут почувствуешь себя достойным разве что поздравительных рукопожатий, рюмки-другой добротненького ликера и вечера в Эр-Пе-Ве, ну еще разве что какой-нибудь блестяшки, вроде «Отличия 4-й ступени». Нет?

— Что-то вроде того... У меня перед глазами находится экран обзора, и было легко проследить всю картинку для понимания ситуации, а вот у вас на орбите...

— Ну что ж, очень похвально! — перебивая Джокта, проговорил командор. — Ты хочешь сказать, окажись такой же экран у меня под носом, я бы сам тут разобрался, а? Только ты забыл пару мелких деталей. У меня здесь сразу несколько экранов, и не я один провожу анализ ситуации. К тому же, если не ошибаюсь, рядом с тобой находится еще один пилот. И командир аналитической группы линкора «Август». Неужели им было просто неинтересно смотреть на твой огромный экран? Или они оба закрыли глаза, чтобы молча

похоронить всех, кто на орбите, а потом ждать и собственной участи? Ну что молчишь? Эх, мальчишка... Кое-кто на твоем месте запросто заявил бы, что ему мало и «Андромеды» и «Короны» за такое великое дело... Лучше скажи, кто тот художник, что нанес завершающий штрих? Неужели тебе придется выдать еще одну награду?

Джокт понял, о чем речь и почему командор не называет вещи своими именами, не спрашивает прямо — как вам удалось активировать звездный поток излучения и кто находился за пультом в этот момент? Кто художник... Хотя удивляться нечему, идиомы в обязательном порядке присутствовали в лексиконе большинства командиров соединений и кораблей Большого флота, что зачастую помогало хоть как-то противостоять эфирному перехвату. Задай командор вопрос иначе, Джокт оказался бы в сложном положении. Ответь он на «как удалось» — случайно, то есть сущую правду, и тогда Бессмертные выйдут в настоящую атаку. Бодро отрапортовать, что вся аппаратура и управление запирающими полями под контролем, — командор возьмет в расчет новые возможности, которыми на самом деле они не обладают. А вот насчет «кто художник» — это запросто!

— Демонстрационный удар произвел майор Балу, корпус штурмовой пехоты, Крепость «Австралия»! — так, чтобы непременно услышал сам Балу, отчеканил Джокт.

— Передайте майору мою благодарность!

Благодарность? И все? Только благодарность? Пусть даже она рано или поздно сыграет свою роль при наделении штурмовика очередными привилегиями, но все же этого мало! Только за своевременное и верное решение тактической задачки на Джокта свалились сразу две высокие награды. Случись то же самое в курсантской аудитории, максимум, что светило бы ему за разбор такой же вводной, это хороший балл, поощрение (в виде снятия какого-нибудь из уже имеющихся взысканий), ну и все!

Несправедливо! Без импровизаций Балу ситуация все равно продолжала висеть на волоске неопределенности, сейчас же Бессмертные, надо полагать, и думать забыли об атаке и наказании дерзких землян, потому что в прицелах скрытой аппаратуры наведения висел не кусок дерьма, и даже не два куска, не «Кнопки» с «Кросроудами», не линкор, в прицелах наведения застыла целая планета. Домашняя планета Бессмертных.

Как высказать командору, что если кто-то и совершил подвиг, пусть даже случайный, то это именно Балу, и что благодарность должна сопровождаться чем-то более осязаемым, например той же «Короной», почему бы и нет?

— Командор, имеется обстоятельство, о котором...

Нет, не так. Бессмертные живо среагируют, услыхав о каких-то обстоятельствах...

— Ком, вы утверждали, что я могу просить вас о чем угодно!

Снова не то. Получается, он выпрашивает награду для Балу.

Так как же сообщить, что в бункере, совсем рядом, находится сейчас еще один человек, который может и должен рассчитывать на равенство с Джоктом в получении наград?

Ловите удачу за хвост, любили повторять во время обучения инструкторы. Награды, как рыбы, ходят косяками, прошел один — жди следующего... Оставить это дело на потом? Но кто знает, что потом случится? Что случится с Балу, с командором, с Джоктом уже через несколько минут? А Балу может рассчитывать на равенство. Рассчитывать на...

— Командор! — решился Джокт. — Прошу ограничиться в отношении меня вынесением такой же благодарности. Мотивы просьбы — при личном докладе!

Вот так. И будь теперь, что будет.

— Ладно, пилот, не надоедай! Не нужно никаких мотивов, я же не все еще сказал... Объявляю о награждении майора Балу, корпус штурмовой пехоты, Крепость «Австралия» орденом-знаком «Личная доблесть». Все! Переходите на связь с «Августом», Бессмертные все уши себе натерли, выслушивая наши семейные разговоры, а у вас, кажется, остались какие-то незавершенные дела.

Панель перемигнулась обратно — с красного на зеленый. Теперь Джокта поздравил командор Буран и попросил также передать поздравления для Балу. А после поинтересовался:

— Как разговор, не склеилось?

Разумеется, речь шла о переговорах с Бессмертными, но что можно было сообщить сейчас, в перерывах между раундами?

— Ждем возможного ответа, — осторожно высказался Джокт, хотя на самом деле никакого ответа он уже не ожидал.

Теперь он проклинал себя за несдержанность в переговорах и глупый, ненужный жест. Какой болван! Надо же было додуматься: «Прощай навсегда! Не мы начали, но мы закончим! Я, головой меня об стену, обещаю!»

Вспомнив гротескность и пафос, с которым производились все эти восклицания, Джокт действительно захотел удариться обо что-то жесткое, например о внутреннюю поверхность шлема, что он и проделал два раза. Жаль, предназначенная для смягчения любых

ударов, она не принесла удовлетворения. Еще хотелось попытаться все переиграть, набрать новый пакет, чтобы хоть как-то сгладить ситуацию и получить возможность продолжить разговор с Блестящим Седьмым. Тем более что он закинул приманку — едва прикрытое упоминание о линкорах из Прилива. Знают ли Бессмертные то, что знает он? Наверное, Джокт действительно попытался бы как-то повторить вопрос, отправив новый пакет в нарушение нехитрых правил, сложившихся в ходе этой игры: один спрашивает — другой отвечает и задает свой вопрос — первый отвечает и снова спрашивает — второй отвечает и снова...

Но все обошлось. Бессмертный сам вышел на связь. По-видимому, в немалой степени этому способствовал тончайший (даже не по космическим, хотя бы по планетарным меркам, всего лишь пару километров в диаметре) поток агрессивных частиц, прошивший пространство за кормой только что сменивших позицию вражеских истребителей. И вот — Бессмертный на связи...

Кто-то из штурмовиков окликнул Джокта, признавая его первенство даже перед майором — первенство по части ведения переговоров.

— Лейтенант! Пришел информационный пакет!

Джокт передал коммуникатор обратно, попутно извинившись перед связистом. Хотя, если вдуматься, ему не за что было извиняться.

— Ну ты даешь! — сказал подскочивший к пульту связи Балу. — Посадил-таки мне «Орла» на ветку!

— Просто было бы несправедливо, если...

— Ладно, ладно, перестань, а то отвечу, как командор, что ты уже начинаешь надоедать. Справедливо — несправедливо, рано тебе обо всем этом думать. Что скажешь, Барон? — Откуда-то с верхних ярусов спустился и другой пилот. — Кто у нас Джокт после всего этого? Я имею в виду — после отнекиваний от наград и всяких просьб?

— Кто-кто, дурак, наверное, — флегматично отозвался Барон.

— Правильно, поддерживаю! Ты что думаешь, Джокт? Командору больше нечего делать, как развлекаться, раздавая направо — налево ордена? Другой бы взял и согласился. В смысле, согласился с твоим предложением заменить «Корону» с «Андромедой» на благодарность. Думаешь, так это все просто для командора — объявил о награде, и — хлоп! — готово! Ничего-то ты не знаешь, Джокт... Теперь, после официального объявления о награждении «Андромедой» какого-то пилота, которого даже никто не знает в его экипаже,

не командира звена, а так, лидера, одного среди тысячи других таких же лидеров троек, — после этого командору придется потратить уйму времени на заполнение электронных формуляров, вызывать твоего непосредственного командира, потом, собрав нужные сведения, со всем этим пробиваться сквозь препоны штабистов. По секрету — это одна из самых трудных работ для командира и, между прочим, чревата некоторым уменьшением личного счета — на бутылку-другую неплохого коньяка, плохой в штабах не употребляют. На что угодно придется ему пойти, чтобы его слово не осталось пустым звуком. И только тогда, если все пойдет без препон, может быть... Что касается «Короны», тут пятьдесят на пятьдесят. А скорее — десять на девяносто, — получишь ты ее или нет. Все-таки высшая награда Солнечной! С первого представления даже из старших офицеров мало кто получал «Корону». Но даже что-то другое взамен — «Хранителя Солнечной»... Нет, Хранителем ты тоже, скорее всего, не станешь... Что там остается, соответственное поступку и недалекое от «Короны»? Ага! «Южный Крест»! Без бриллиантов, правда, но зачем они тебе вообще нужны, бриллианты? Это лучшие подруги девушек, тебе ни к чему. Без бриллиантов, потому что всего лишь лейтенант, но с высокими привилегиями...

— Привилегии для семьи, а я... а мне...

— Ясно. Ни к чему. Там, наверху, будут точно так же думать. Значит — решено! Вместо «Солнечной Короны» — «Южный Крест». Можешь начинать считать себя кавалером ордена первопроходцев! Без бриллиантов, без привилегий, зато — какая романтическая история, Джокт! Сквозь самый первый свой Прилив Пикшин попал прямиком к Альфе Южного Креста! Именно после этого и учредили орден, а сам Пикшин стал первым его кавалером. Очень даже неплохо и тебе его заполучить. Но если серьезно, спасибо, что не забыл про меня. Мне-то что, но вот комендант будет гордиться... Э-э, «Орел на ветке», это тоже...

— Я вот подумал, — торопливо проговорил Джокт, чтобы уйти от деликатной темы по поводу происхождения Балу и причин, побудивших его надеть форму штурмовика, — твой «Орел на ветке» имеет один неоспоримый плюс.

— Какой же? — Балу с радостью ухватился за такой поворот в разговоре, потому что иначе ему бы пришлось выкручиваться самому.

— Не надо ломать голову, на что его заменить. Так что своего «Орла» ты точно получишь. А теперь, если мы все, какие есть тут орденоносцы, не хотим, чтобы наши награды выдавались

с пометкой «посмертно», думаю, нужно продолжить разговор с Бессмертным.

— Ну давай, давай. Разъясни ему ситуацию, сообщи, что они не должны начинать атаку, потому что тут, в бункере, сидят два свежеиспеченных героя. Если ты готов...

И снова голос. И снова только что метавшиеся от уровня к уровню штурмовики и исследователи замерли, прислушиваясь к этому голосу. Балу пришлось показать ближайшему пехотинцу кулак, чтобы тот, споткнувшись, продолжил манипуляции с электронным замком в футляре очередной хитроумной машины. Его действия, как первая упавшая фишка маджонга, подтолкнули и остальных. И что-то уже наладилось во всем этом хаотичном движении черных и белых скафандров. Что-то продвигалось, обрастало ритмом и единой направленностью.

— Блестящий Седьмой здесь! — вещал голос.

Наверное, непосвященный мог воспринять услышанное за монолог чтеца-профессионала. Земного чтеца-профессионала, естественно, который тщательно выговаривает каждую фразу, каждую букву. Делает паузы там, где это нужно, расставляет слова в правильном порядке... Но вот только это был не чтец. И даже не земной.

— Да, аппаратура дешифровки у них что надо, — вздохнул Джокт, когда возникла привычная уже пауза после такого же привычного приветствия. — Интересно, это у Бессмертных так принято, начинать каждую мысль личностным самоутверждением? Или копируют нашу манеру уставного общения?

— Возьми и спроси, какая тебе разница? — уколол Барон.

Теперь у него имелась более чем очевидная причина так язвить. Две награды, пускай даже у друга, но он-то, он сам! Точно такая же причина, без сомнений, имелась и у офицера аналитической группы «Августа», с натугой перемещающего сейчас какой-то ромбовидный предмет.

А в манере разговора Бессмертного появилось что-то новое...

С тобой решил я согласиться.
Пусть за одним пойдет другой.

— Это он о кораблях? — изумился Барон.

— Нет, о солнечных деньках на Европе! Слушай, дубина, — оборвал Балу.

Ничто плохого не случится,
хотя бы полон свет бедой...

— Это-то откуда? Тоже перехват? Они что, теперь будут сыпать стихами?

— Да молчи же ты!

Не нужно трогать тень и ружья
ненастоящего врага.
Ты ошибаешься! Снаружи
придет и к вам моя беда...

Теперь работа застопорилась полностью. Балу не сделал даже попытки погнать штурмовиков и исследователей к пультам. Вот только, после получения новой информации, поступающей в неожиданном, необычном виде, было над чем задуматься. Создатели бункера — ненастоящие враги Бессмертных! Крепко, видать, кто-то прижал червей, если даже такая грандиозная пушка, как гигант класса «К», — ничто по сравнению с чем-то другим...

Ты говорил о невидимках,
не стоит в них искать друзей,
Ведь в негативе фотоснимков
свет будет тьмой, а ночь — как день...
И за проколотым пространством
лежит иная, злая суть.
Как ты, мы верим в постоянство,
как вам — осталось нам чуть-чуть...

— Что такое негатив? — зачем-то решил выяснить Барон, но его вопрос остался без ответа.

— Я схожу с ума, Балу! Это невероятно! Может быть, они просто воздействуют сейчас на наше сознание? — не выдержал и Джокт.

— Я тебе сойду! Я тебе так сойду! Чипы пишут? У всех чипы пишут этого... поэта? Прослушают в штабе, вот тогда каша заварится нешуточная!

— Но он только что говорил о невидимках! Он знает! Он...

— Молчи, Джокт! Потом. Все потом. И не здесь.

А голос звучал. Или же в специально смодулированных частотах действительно крылось нечто гипнотическое, или в голосе Бессмертного на самом деле звучала печаль:

В прощанье нет хорошей вести.
Пройдет не слишком много лет,
Когда, нарушив равновесье,
придут и те, кто даст ответ...

— Не выйдет! У него не выйдет! Я буду торпедировать все транспорты, даже если мне будут махать белым флагом! Я никогда, никогда...

— Поэт, мать его! Стихоплет! Джокт, успокойся, это вранье и выдумки, чтобы запудрить нам мозги!

— Балу! Мы будем вечно ходить кругами! Мы не знаем того, что знают Бессмертные, а они с нами не поделятся, потому что... потому что...

— Потому что считают себя обреченными на встречу с настоящим врагом! Не слушай его, Джокт! Это выдумка, какая-то глупая легенда глупых червей!

— У них имеется причина, почему они не захотели войти в контакт!

— Жечь их надо! Жечь! Давить ублюдков! Да отключи ты эту говорильню!

Прерывать поток строк не пришлось, потому что пакет был коротким и закончился, едва Балу потянулся к пульту.

— Ладно. Полным анализом и расшифровкой, я думаю, будет лучше заняться в Крепости. Сейчас слишком много эмоций, много нового и... Надо думать, как вам поскорее отсюда убраться.

Балу решил все взять в свои руки, заметив, что Джокт, Барон да и многие другие буквально впали в ступор, прослушав последнее послание Бессмертного.

Ведь в этом послании можно было найти что угодно — от хрупкой надежды обрести нить взаимопонимания до обещания другой, может быть, худшей беды, грозящей не только Бессмертным, но и Солнечной. Каждая фраза, каждый оборот речи Блестящего Седьмого порождал множество вопросов, множество догадок и фантазий, этакий своеобразный коктейль из противоречий.

Балу, конечно же, был прав. Но даже очнувшись, Джокт отметил одну странность в стихотворном ребусе врага.

— Ты заметил? Он только пару раз обратился к человечеству, все остальное — будто бы личное послание, послание для меня! Что он хотел? Чего им от меня нужно?

— Когда вы вернетесь в Крепость, уверен, там точно подсчитают, как, кого и сколько раз назвал Бессмертный. Давай, вам уже пора...

— Почему — вам? Что... Балу?

Штурмовик не ответил, подзывая связиста и перебросив соединитель коммуникатора с разъемом своего СВЗ.

Джокт не мог услышать, что говорил командор «Августа», да и вряд ли он решился бы вести важный разговор, опасаясь перехвата. Тем не менее ответы Балу, неопределенные, краткие, не предвещали ничего хорошего.

— Да, командор... Считаю ситуацию разрешимой... Подробности доложит пилот Джокт. Да, ком... Не уверен, но надеюсь на это. Осмелюсь заметить, сейчас никто и ни в чем не может быть уверенным... Отбой связи.

— Балу? Почему ты сказал «вам»? — как заклинание, повторял Джокт, ничуть уже не сомневаясь в его намерениях.

Окончив диалог, Балу отключил коммуникатор, протягивая его Джокту.

— Возьми, вряд ли он здесь пригодится. Как только вы покинете планету, Бессмертные заблокируют связь. Если, конечно, им не удастся преподнести нам какой-нибудь сюрприз похуже.

— Но... разве это так необходимо — остаться?

— Еще как необходимо! Мы станем великими глупцами, если оставим это место. Ты разве ничего не понял? Не поверю.

Конечно же, Джокт понял. Удачное стечение обстоятельств позволило вначале обнаружить эту планету, а потом достичь ее поверхности и, собственно, бункера. Всей этой цепочке везения не хватало еще некоторых звеньев.

— Если у нас получится, мы накинем на червей такую удавку, о какой Солнечная не могла даже мечтать! Получив контроль над запирающими полями звездного потока, мы обезопасим весь этот район. А самое главное — мы достигнем паритета. Это как в древности, когда несколько развитых государств держали друг друга, а заодно весь мир, под прицелом. Иначе грянули бы войны, способные уничтожить все человечество или отправить его обратно, в каменные пещеры. Понимаешь? Мы контролируем эту планету. Станут ли в такой ситуации Бессмертные атаковать Землю? Сохранится ли в этом смысл? Или они наконец-то оставят нас в покое, потому что если даже принять на веру хотя бы половину той ахинеи, что мы услышали, там ни разу не прозвучало о победе любой ценой! Чего они достигнут, уничтожив одну планету, а взамен потеряв другую — вот эту, желтую?

— Наконец! Вот оно! — чему-то обрадовался Барон и пояснил: — Наконец-то кто-то додумался дать планете приличное имя. Желтая!

Балу, поздравляю тебя, надеюсь, никому и никогда не придется переименовывать ее в Планету Несбывшихся Надежд, или, что еще хуже, — в планету Балу... Вот только ты говоришь о контроле над звездой, но сначала нужно получить этот контроль, — задумчиво окончил он, с сомнением глядя на старания инженеров.

— Получим. Иначе я заставлю съесть погоны, нашивки и остальное вот этих гениев технической мысли. Неудобно ведь обедать в одиночку.

— Оставь свои шуточки! — Джокт никак не мог смириться с мыслью, что штурмовик действительно все решил и не отступит от задуманного. — Ты должен хотя бы просчитать — имеется ли запасной вариант? Вдруг вам тут не удастся разобраться во всем? Что тогда? Даже если Бессмертные не добрались до бункера за множество лет, это еще ни о чем не говорит. И сейчас они возобновят попытки, ты сам это понимаешь. И получается, даже в случае успеха вам придется уничтожить планету и самих себя. Что останется от твоего паритета?

— Ну это мы еще посмотрим, — ответил Балу, — а запасной вариант — пожалуйста: связка штурмовых гранат. Запустить взрыватели на кумулятивное действие и превратить все оборудование бункера в винегрет. Что может быть проще?

— Тогда почему не сделать этого прямо сейчас?

— Потому что мы еще не отработали полностью основной план. Подчинить управление, разобраться с остальной аппаратурой, мы ведь даже представить пока не в состоянии, какие возможности здесь скрыты! А взорвать — это будем считать самой крайней, вынужденной мерой. Если нас к тому вынудят либо Бессмертные, либо... прочие обстоятельства.

Что такое прочие обстоятельства, Балу предпочел не объяснять. И так было ясно.

— Балу! Что ты такое говоришь! Все твои доводы — всего лишь надежда на удачу, в них нет ничего рационального, они... — продолжал свой протест Джокт, хотя внутренне был уже убежден в правоте штурмовика.

— Послушай, Джокт, тебе меня не переубедить. Ты опять видишь перед собой только командира-служаку, намерившегося подороже продать свою шкуру, но это не так. И о себе я думаю в последнюю очередь. Помнишь, было высказано предположение — каким образом излучение звезды контролируется Бессмертными?

— Перехват управляющих команд, исходящих из центра управления? Перекодирование их для собственных надобностей?

— Да. Это наиболее вероятное предположение, объясняющее собой все остальное. Например, почему Бессмертные не установили такого же контроля над другими светилами?

— Может быть...

— Не «может быть», а так оно и есть! Черта с два мне удалось бы пугнуть их флот, если это было бы не так! Основной, несущий сигнал идет именно отсюда. Все экраны отключены, пульты мертвы, и только один из них активен! Отсюда поддерживается постоянная связь с исполняющими механизмами, а Бессмертные каким-то образом сделали дублирующий центр, где просто преобразовывают чужой сигнал. Не станет основного сигнала, прервется вся нить. Уверен, как только это случится, планете ничего хорошего ждать не придется. Планете, да и всему сопредельному пространству. Поэтому я и говорил — в случае чего мы уничтожим всю аппаратуру, найдем помещения с генераторами сигнала и устроим праздничный фейерверк!

— Балу, я согласен, я понимаю... Но ведь можно установить таймер, и пусть здесь рванет, когда корабли окажутся в безопасности!

— Если! Если окажутся в безопасности. Ты это хотел сказать? А вдруг Бессмертные сожгут вас перед самым входом в Прилив? Не на старте, а у точки входа, чтобы было обиднее? Тогда остаемся мы, единственная гарантия мщения.

— Давай пока не будем так рассуждать, а посчитаем, что нас выпустят из системы. Если выпустят и мы уйдем безнаказанно, стоит ли придерживаться каких-то правил? Даже если они не тронут звездолеты — невелика ведь горстка! — что мешает нам запустить таймер и все равно стереть жизнь с этой планеты?

Барон коротко хохотнул, заулыбался и штурмовик.

— Да... Крупно ошибся в тебе Блестящий Седьмой. Надо же — стереть жизнь с планеты!

— Знаешь что? — вспылил Джокт, до сих пор не отошедший после разговора с Бессмертным. — Я могу быть романтиком, могу быть мечтателем, даже влюбленным болваном, но при этом не забываю, что в первую очередь я — пилот флота Солнечной! Еще я знаю, что Бессмертные точно не стали бы церемониться. Их не остановят никакие обстоятельства, окажись они в нашей ситуации где-то на поверхности Земли! То, что они проделали с Плутоном... Но если ты все равно настаиваешь, то остаюсь и я!

— Все, Джокт. Не теряй времени. Ты сам знаешь, почему тебе нужно уходить. Потому что ты вернешься к истребителю, возьмешь

атмосферный старт, покинешь вместе с остальными кораблями этот сектор и... Мне почему-то кажется, что если у кого и имеются шансы сюда вернуться, то только у тебя. К тому же ты участвовал в первых переговорах. Не исключено, последуют и другие, и ты сможешь оказать большую услугу Солнечной, выступая переговорщиком. Еще я уверен, что ты можешь стать гарантом безопасного прохода звездолетов, и давай пока не будем вникать — почему ты? Почему именно тебя избрали Бессмертные? Мне так кажется, а значит, это еще не истина. Даже не оставаясь в бункере, ты все равно рискуешь. Этого ты хотел? Рискнуть вместе со мной? Нет, Джокт, не нужно. Ты улетаешь. Кто-то должен сообщить обо всем Старику. Не хочу доверять эту миссию случайным людям. А если ты не забыл, нужно кое-что проверить... Одну деталь, потому что я, наверное, соглашусь с тобой... Ищите того червя, что находится ближе остальных, ищите червя, сколько бы звезд он ни носил на погонах! А мы останемся рисковать здесь...

— Мы — это кто? На транспорте остались штурмовики, на инженерной станции — куча исследователей...

— Боюсь, это окажется слишком большой наглостью — ждать от Бессмертных позволения на перемещения в бункер людей и грузов. Они же ясно сказали — улетайте! Так что придется нам самим... Десяток штурмовиков, больше не потребуется, чтобы разнести в случае чего весь бункер вдребезги, вместе с остальными помещениями. Теми, что уже обнаружены, и теми, что нам только предстоит обнаружить. Еще останутся исследователи. Я уже перекинулся парой слов с некоторыми... Может быть, кто-то уйдет, но большинство останется. Для них это — шанс, какой выпадает раз на миллион жизней. Техника иной цивилизации! Возможность прикоснуться к трудам предтечей человечества! Тут, кстати, никто уже не сомневается, что, по крайней мере, внешне мы ничем от них не отличаемся. Ну и, конечно же, нужен еще кто-то, чтобы руководить всей этой миссией. Не могу же я похлопать по плечу кого-то из лейтенантов, благословляя на подвиг вместо себя? Надо мной потом самые распоследние рядовые станут смеяться — хорош майор! Сбежал, герой!

— Не скажут! Это все ерунда, есть принцип целесообразности, есть...

— Нет, Джокт. Нет такого принципа для нашего случая. В утешение могу добавить — не один я считаю, что где-то рядом скрыты запасы самого необходимого и системы жизнеобеспечения. Тогда вообще — не волчье логово, а райское местечко этот бункер! В общем, я остаюсь, а ты улетаешь. Вот так-то, Джокт.

— Он прав, тебе нужно лететь, чтобы принести пользу, нужно быть на своем месте, а для тебя...

— Подожди, подожди! И ты тоже? И ты решил остаться?

— Конечно. Моя помощь в расшифровке цифровых обозначений уже пригодилась. Кроме меня здесь нет ни одного пилота. А вдруг и это окажется необходимым? И когда ты вернешься, кто-то ведь должен будет выводить тебя на посадку?

— Чушь. Барон! С таким же успехом могу остаться и я!

— Нет, не чушь. Не забывай, что возврат в Крепость мне не принесет ничего хорошего. Меня там ждут, и вовсе не для того, чтобы осыпать с ног до головы любезностями...

— О-о! Проклятый мир! Проклятая война!

— Так говорят герои видеофильмов, Джокт. А мы... Давай лучше помолчим на дорожку.

Только сейчас Джокт понял, почему логику иногда наделяют эпитетом «железная». Вовсе не из-за безупречности в суждениях. Применимо к случаю — не только потому, что Барон и Балу правы и спорить с ними трудно. Нет. Железная — из-за свойства этого самого металла служить непрошибаемой перегородкой. Вот лист железа. Это логика. Вот Балу с Бароном, а вот Джокт. Они стоят по разные стороны листа. Так рядом и так далеко друг от друга...

Штурмовик отошел в сторону, начиная отдавать приказания — кому из пехотинцев остаться, кому — уходить. Исследователи не могли считаться его подчиненными, поэтому им Балу предоставил полную свободу выбора. И Джокта почему-то не сильно удивило, что уйти, покинуть бункер, согласился только один. Тот самый специалист по аппаратуре управления, что спорил в самом начале с майором. Хотя именно его специализация больше всего пригодилась бы здесь, посреди чужих аппаратов управления. Но тем не менее никто не стал ему ничего объяснять, он сделал свой выбор.

А вот со штурмовиками случилось все в точности до наоборот. Никто не хотел уходить. Понимая, что ситуация вырисовывается напрочь нештатная, рядовые и сержанты, не говоря уже о трех имевшихся в бункере лейтенантах, спорили с Балу, как равные с равным. Напрасно майор апеллировал к званию и грозил наказаниями, решение отряда штурмовиков осталось неизменным. Или уходят все, или все остаются.

Балу продолжал бушевать, рассыпая направо и налево проклятия, обещая спустить с непокорных семь шкур, но в душе у него, белой пеной над тревожной водой, поднималась гордость. Когда Джокт уловил выражение его лица, понял: на несколько минут

Балу стал самым счастливым человеком в этом секторе пространства.

— Возьми, — напомнил Джокту о коммуникаторе Балу, — и иди! И... постой! Нет, иди. — Ни Джокт, ни Балу не знали, какие слова можно найти для такого прощания.

За них это сделал Барон.

— Уже получен вызов с «Августа». Не забудь запустить самоликвидатор моего истребителя. И еще... Не забудь вернуться!

Прощальные объятия в скафандрах высшей защиты — это уже из области высокого искусства. Едва сдерживая рыдания, идущие откуда-то из груди, испытывая от этого работу индапа, но не испытывая никакого облегчения, Джокт сделал несколько шагов к выходу из зала. Там его уже ждал исследователь-отступник. Может быть, он просто струсил, может быть, имел какие-то причины для трусости, этого Джокт так и не узнал, потому что исследователя не стало, едва они попали на последний (первый, если считать от бункера) уровень охранного лабиринта.

Хлопок, короткая вспышка, и нет ничего — ни обугленного скафандра, ни летящих во все стороны лохмотьев. По крайней мере, так Джокту стало понятно, в чем заключалась опасность этой последней ловушки и почему здесь уже погибли два человека.

Незримые механизмы, охраняющие доступ к пункту управления, решали за вас — достоин ты или нет продолжать свой путь. Путь не в пространстве, по загадочным дорожкам лабиринта. Кроме них ведь существуют и другие дороги. Дороги жизни...

Глава 13

Обратный путь, как и обещал пехотинец-проводник, не таил в себе никаких опасностей. Если, конечно, не считать того, что произошло у выхода из бункера. Наверное, этот уровень был запрограммирован на постоянное действие. Что-то вроде детектора лжи, всепроникающей проверки на лояльность какой-то идее. Какой? Трудно ответить, не зная абсолютно ничего о создателях бункера.

Световое поле бездействовало. Джокт опасливо сделал первые шаги, ожидая возникновения гигантского механического монстра и звука хлещущей со всех сторон воды, как если бы открылись шлюзы плотины. Ничего этого не случилось. Место как место. Искусственная площадка, отлично замаскированная под природный

ландшафт, или же наоборот — участок ландшафта, часть гигантской пещеры, ставшая грозным звеном охранного лабиринта.

Перемещение внутри туннеля-трубы также не вызвало осложнений, не считая естественного неудобства при передвижении здесь в скафандре. На всякий случай пилот отстегнул одну из батарей регенерации кислородного запаса, проталкивая теперь ее перед собой. Пультом коммуникатора, как драгоценной реликвией, Джокт решил не рисковать. Он все еще помнил, с каким убедительным лязганьем смыкались ножи диафрагмы.

Никакой неразберихи с гравитацией в помещении, где дорога выложена плитками. Теперь плитки даже не пытались левитировать. Не складывались в кубы, вели себя вполне обычно, смиренно ложась под ноги. Никаких ментальных атак, никакого раздвоения личности и странных, проницаемых стен. Дорожка делала поворот, за которым оказывалось следующее помещение, и оставалось просто идти, пытаясь переварить все, что стало известно, с чем ему пришлось познакомиться за последний час.

Единственное, также загадочно клубился туман в последнем переходе лабиринта и все также скользили в нем загадочные тени. Теперь это было не страшно.

Наконец показалась светлая прорезь люка. Джокт выкарабкался, опершись о край крышки-купола, рядом тут же возникли два штурмовика. Из-за резкого перехода от пелены тумана, где любые действия скрадывались и возникало ощущение неподвижности, к желтизне планетарной атмосферы, Джокт сразу не понял, что его встречают. Ему показалось, будто что-то произошло и штурмовики стараются втиснуть его обратно, чтобы затем отправиться вместе с ним в обратный путь, снова к бункеру. После оказалось, что один из пехотинцев, заметив отсутствие батареи регенерации, пытался перекинуть в паз СВЗ Джокта свою запасную батарею. В любом случае, лишний возобновляемый запас кислорода штурмовику был уже ни к чему. А при вероятном прорыве с боем к транспорту снижение общей нагрузки на экзоскелет скафандра, пусть даже на полтора-два килограмма, по весу батареи, могло сыграть свою роль.

— Как там? — желая услышать хоть какие-то откровения, спросил штурмовик.

Но Джокту пришлось его разочаровать. Сначала — с батареей, которую он пристегнул к набедреннику, чтобы не возиться с подключением, потом — с откровениями.

— Там все нормально. Что у вас?

Ничуть не проявив досады, пехотинец сообщил, что получен приказ дождаться пилота и одного из исследователей, а потом запереть люк, хотя это являлось чистой условностью, и отходить к транспорту.

— Объявлена эвакуация. Вроде бы черви собираются нас выпускать. Но если бы спросили меня, то лично я в это не верю, потому что так не бывает. Постой! А это не ты случайно разговаривал с Бессмертными? Тогда, получается, все это правда?

— Переговоры вел я, — согласился Джокт. — А что там было правдой, что — нет, скоро узнаем... Кстати, исследователя не будет, — добавил он, замечая, что второй пехотинец продолжает всматриваться в живущую своей жизнью муть туннеля.

— Передумал он, что ли? Правильно сделал! Такой шанс! Эх, а у нас приказ отходить... Значит, передумал, — повторился штурмовик. — И с тобой больше никого?

— Со мной никого, — не вдаваясь в подробности, ответил Джокт, которого не тянуло сейчас на откровенность по поводу обстоятельств исчезновения исследователя.

Рядом высились, хищно присев на корму, словно два готовых к прыжку зверя, оба истребителя — «Лувр» Барона и «Витраж» Джокта.

Отходим? Почему — отходим?

— Подожди! А что значит — отходить к транспорту? А как же...

— То и значит, — лаконично разъяснил один из штурмовиков, пока его напарник с помощью гравиплатформы водворял на место крышку люка. — Мы тебя будем сопровождать, а ваши машины подготовлены к взрыву, — а после задал совсем уж неожиданный вопрос: — Второй пилот погиб, ведь так?

Джокт замер, чувствуя, как кровь отхлынула от лица.

— Не погиб, а пропал без вести, — поправил его второй штурмовик, запуская наконец-то платформу.

— А какая разница? Погиб, исчез... Сгинул в этом чертовом лазе!

Первый шок, вызванный неожиданностью известия, прошел. Теперь Джокт начал что-то понимать.

— А ведь Барон снова задумал какую-то игру! Что же это может быть? Ага, понял...

В той игре, в которую Барон оказался втянут по своей же воле, его смерть ничего не решает, так он сам говорил. Значит, есть разница! Погибший и пропавший без вести, да еще при столь необычных обстоятельствах, — вовсе не одно и то же! Хотя появляется и целая

куча «но»! Например, до последнего момента, пока Джокт находился в бункере, Балу никакой дезинформации о пропаже второго пилота не сообщал. Ни на «Август», ни на десантный транспорт.

Более того, когда командор Бранч упоминал Барона, а заодно офицера-аналитика «Августа», — в связи со своевременным докладом-рекомендацией Джокта, — никто не опроверг командора и не сделал обязательной и логичной для такого случая поправки. Так и так, офицер-аналитик был, а пилот Барон — увы, исчез. Проклятое место, тут все так и наполнено опасностями!

А ведь все переговоры фиксировались. Никто теперь не пойдет на грандиозный подлог, стирая записи.

— Он же не знает, — снова слова штурмовика, оперирующего платформой. — Расскажи ему!

— Точно! Совсем из головы вылетело, — сокрушенно вздохнул другой. — Вы ведь вместе летали?

— Вместе, — решил ему подыграть и снизил голос до скорбного шепота Джокт.

— Летали, значит, вместе, а погибать пришлось поодиночке... Ой, извини! Ты-то еще... Ну я хотел сказать... — вконец запутался пехотинец.

— Ферзь в бункере принял решение сразу за тобой отправить и второго пилота. Барона, кажется, — снова подключился к объяснениям штурмовик на гравиплатформе.

И это, восхитился Джокт, продумали! Ни его имени, ни имени исследователя, прозвучало и запомнилось всем только имя Барона!

— Майор передал с ним какую-то информацию, — воспринял размышления Джокта за печальное молчание штурмовик. — Но что-то там произошло, там ведь целый лабиринт, правильно? А коммуникатор он еще раньше тебе зачем-то передал...

— Это на память. Мы были хорошо знакомы с майором, — пояснил Джокт.

— Да нет. На сохранение. Такая примета. На память — слишком грустно звучит. Ферзь так просто собой и ребятами рисковать не будет. Если зацепились, значит, надежно! Так что на сохранение... А твой дружок... Ну в общем, куда-то не туда повернул, там ведь повороты, ловушки, да? Был человек — и нет человека. Майор просил тебе передать, что будет искать второго пилота.

— Как передал? Коммуникатор ведь у меня? — изумился Джокт.

— Это ничего. Ферзи могут поддерживать экстренную связь не только с базой, но и друг с другом. Между собой — даже без

коммуникатора, там какая-то звуковая система. Точки — тире. Вот они между собой и общаются...

— Майор Снип? — уточнил Джокт.

— Снап, — поправил штурмовик, — командир моей роты. Сейчас он на крыше, планирует отход. Ему тот другой Ферзь и просил передать... Ну не ему, он сказал Снапу, а тот нам, сообщить тебе, что пилота будут искать.

Штурмовик нервничал, сбивался, наверняка ему ни разу не приходилось бывать в подобных переделках. Зато теперь все встало на свои места. Барона будут искать. Этим Балу на всякий случай решил напомнить Джокту, что за ситуация у Барона и почему они решили так поступить. На душе чуть-чуть полегчало. Оставалось решить единственную дилемму.

— Пойду своим ходом, — упрямо сказал Джокт. — У меня на истребителе специальный запас для атмосферного старта...

— Ты что? Это же приказ! — продемонстрировал верность распоряжениям своего командира пехотинец. — Взрываем ваших птичек, чтобы врагу не достались, мы даже гранаты уже приготовили, и вместе идем к транспорту! Оттуда — на линкор. Кажется, и нашей коробочке тоже не летать... И — на орбиту! А там посмотрим, какой из тебя переговорщик.

Вот тут до Джокта дошло, что кроется за простыми словами штурмовика, прозвучавшими почти как шутка. Теперь, что бы ни случилось с группой звездолетов, какую бы подлость ни задумали Бессмертные, часть вины будет лежать и на нем. Не он сам, так другие с удовольствием такую вину возложат.

«Какой из тебя переговорщик?» — вновь прозвучало в голове.

Ну и пусть! Пусть ничего не получится. Значит, так и должно произойти. Прав Балу. Правы и командоры линкоров. Кто-то должен будет отомстить за смерть экипажей. И плата, которую они возьмут, окажется достойной. Даже с избытком!

— Я пойду своим ходом! — повторил Джокт. — Снимайте ваши гранаты вот с этого. — Он указал на «Витраж». — А второй придется уничтожить...

Максимум повреждений, которые могли нанести истребителю штурмовые гранаты, даже ШГК — кумулятивного действия, это трещины в основном корпусе. Если, конечно, не отключить системы защиты корабля: плазменную, гравитационную, электромагнитную, кинетическую... И если штурмовики не додумались затолкать парочку гранат прямиком в узкие сопла разгонных движков. Хотя и в первом, и во втором случае истребитель окажется негоден к по-

летам. Не более. Но вот его начинка, что надежно укрыта несколькими защитными слоями, особенно система эвакуации, хранящая в себе запись тысяч и тысяч маневров, проделанных истребителем с момента старта — все это достанется врагу.

— Снимите гранаты и со второго истребителя. Я сам...

И только сейчас Джокт понял, что не сможет снять защиту и запустить программу самоликвидации истребителя. Потому что, хотя внешне это были две абсолютно одинаковые машины, пилоты у них разные. Проникнуть в кабину «Лувра» может только Барон, как и в «Витраж» — только Джокт, если перед тем, как покинуть истребитель, Барон не выставил программу дежурства. Только в дежурный истребитель мог получить доступ любой пилот. Например, в «Витраже» Джокт не включал дежурного доступа. А что Барон? Неужели он поступает как-то по-другому и способен оставить свой «Лувр» на волю случая? К счастью, имелся очень простой и быстрый способ это проверить.

Джокт шагнул под нависающее над головой брюхо истребителя, предварительно коснувшись корпуса в определенных местах. И сразу раздалось шипение опускающегося стакана.

Значит, Барон все так задумал с самого начала, в очередной раз восхитился расчетливостью друга Джокт, нашел, значит, выход, как избавиться от проблемы или хотя бы задвинуть ее куда подальше на время.

Вот и кабина. Под ногами сработали криогенераторы.

«Нет, милый, даже не пытайся... Я не твой пилот. Не я принимал это решение», — с неожиданной грустью и жалостью думал Джокт, запуская прощальную комбинацию команд.

Плазменная защита. Отключить. Гравитационная... Контроль квазаров. Отключить. Запустить реакцию распада. Все равно, без помощи инженерии не удастся перекинуть на «Витраж» запасное хранилище активного вещества. Контроль доп-кейса — отключить. Реакция распада.

Это не будет взрывом, ни ядерным, ни обычным. Кристаллики гравиквазаров, крохотные, почти прозрачные, вдруг станут черными, словно угольное крошево, и все. Наверное, ему даже не будет больно, словно о человеке, подумалось об истребителе.

Бортовая аппаратура... Экстренный допуск. Навигационный вычислитель, тактический анализатор, боевые системы, системы противодействия...

Джокт будто заглянул сейчас в душу звездолета, увидел его мозг и нервы, потрогал сердце, органы слуха и зрения. Не будет

больно... Больше всего это походило на анатомическое вскрытие еще живого существа. Укол индапа. Программа самоуничтожения... Еще укол. Пальцы застыли над кнопкой с двойным контроллером, и Джокт заметил, как они дрожат, пальцы, невзирая на срабатывания индапа.

Сомнительную честь ты оказал мне, Барон. Убить твоего лучшего друга!

Наконец дрожь унялась, внизу подавали какие-то знаки штурмовики. Программа самоуничтожения — запуск!

— Прощай. Извини, что так... — Теперь он сказал это вслух.

Печально мигнули разом все дисплеи. Мигнули и погасли. Команда принята. Будто закрылись глаза. Последним прощанием — мягко, почти бесшумно, за спиной сомкнулись округлые двери лифта. И стакан подъемника скользнул обратно вверх. Чтобы навсегда остаться частью обреченной машины.

— Чего так долго? Нужно быстрее! С твоего мы все гранаты сняли, Снап так и сказал, что вряд ли пилот расстанется с истребителем, и раз уж суждено... то без разницы — где...

Штурмовик явно не страдал сентиментальностью. Хотя именно сейчас в ней не имелось нужды. А Джокт — другое дело. Ему почему-то непременно захотелось увидеть, как это происходит, — самоликвидация истребителя. На самом деле ни Джокту, ни Барону, пожалуй даже, никому из знакомых пилотов не доводилось наблюдать такую смерть корабля.

Корпус «Лувра» вздрогнул. Изнутри потянулись ослепительные щупальца, но тут же опали. И даже в этой, чужой, атмосфере внешние датчики скафандра отметили, как раскалился изнутри корпус «Зигзага». Как намертво спаялись в единый монолит все блоки, схемы, приборы, все основные системы истребителя. Будто в сверхмощном разряде печи крематория, с одним лишь отличием, пламя шло изнутри.

— Прощай...

Штурмовики уже не слышали его, взмыв к верхушке ближайшего строения. Джокт понял, пора отправляться. Оказавшись рядом с «Витражом», повинуясь внезапному порыву, он погладил руками его корпус. Я тебя никогда не убью, слышишь? Будто давал он клятву. Реагируя на присутствие своего пилота, «Витраж» выпустил лифт.

Позже Джокту удалось сдержать клятву. В паре «пилот-истребитель» не он убил своего друга...

Старт вне энергетического луча, без гравитационной или какой угодно катапульты оказался не таким уж легким занятием. Тем более Джокту досталось произвести такой старт впервые в реальных условиях, а не в учебной капсуле-имитаторе. Это на первый только взгляд все просто — отработать импульс разгонными движками и бросить истребитель на приличную высоту, где уже можно вернуться к привычной шкале скоростей. Здесь же, у поверхности, приходилось действовать с огромной осторожностью, потому что сказывалось воздействие гравитации планеты. Приходилось вспоминать все навыки, приобретенные за годы курсантской школы.

Экстренный режим. Заслонки выставить. Плавный импульс с одновременным снятием заслонок. Вот он и случай, не подпадающий под требование целесообразности, которое учитывалось при разработке истребителя. Имелся бы на «Зигзаге» обычный гравитатор, что могло бы быть проще? Поднялся, разгон по горизонтали, пронзить атмосферу, выйти на орбиту, а там... Но разве могли знать создатели «Зигзага», что их детище однажды сядет на поверхность чужой планеты? Спасибо хоть, предусмотрели возможность экстренной дозаправки квазарами на случай атмосферного старта!

Как ни старался Джокт, «Витраж» ощутимо тряхнуло на старте, к тому же импульс оказался недостаточно мощным. Пилот, что называется, недостарался. Поэтому пришлось подать еще один корректирующий импульс, чтобы не клюнуть носом.

Внизу рывком, толчками, пронесся город. Только теперь, с высоты, Джокт увидел, что круглые шляпки крыш имеют разные цвета. Справа мелькнула ожившей горой туша «Августа». Линкор только-только встал на дюзы и начал свой тяжелый подъем.

Испугавшись, что сейчас шарахнет какой-нибудь пост ПВО, — все-таки истребитель покинул пределы города и уже приближался к следующему, и неизвестно, как отреагирует враг на его маневр, схожий с топографической разведкой, — Джокт повел джойстик на себя, плавно задирая нос «Зигзага». Но перед тем как выйти на вертикаль, он все же успел заметить второй город. И здесь тоже крыша каждого из зданий имела собственный окрас. В общем итоге получалась огромная мозаика, вот только рисунок неясный. Ломаные линии, окружности, волнистый узор... Однако в том, что это именно рисунок, а не случайные цветовые и геометрические совпадения, у Джокта сомнений не было.

Чужая графика чужого города на чужой планете.

Сразу за окраиной темнело глубокое ущелье, на дне которого все еще плескалось пламя. Один из рубцов, что появился на теле

планеты после орбитальной бомбардировки, один из шрамов, что остался надолго, если не навечно. Отпустят ли их Бессмертные — закрались первые настоящие сомнения — после всего, что сотворили они с планетой? Раньше Джокт хоть и осознавал возможность обмана со стороны врага, но как-то сильно по этому поводу не переживал, предпочитая плыть по течению событий. Все-таки Блестящий Седьмой зачем-то вышел на переговоры. Зачем-то разговаривал с Джоктом. Может быть, Бессмертный просто не видел другой геометрии — геометрии смерти? Не видел этих инфернальных ущелий и воронок, кратеров проснувшихся вулканов, всего, что больше напоминало уродливые плоды труда вивисектора?

Напрасные надежды, убедился чуть позже Джокт. С орбиты видно все!

«Будь что будет!» — решил он про себя.

Балу отомстит. Заодно представился реальный шанс проверить, готовы ли Бессмертные держать слово? Жаль только, что в случае отрицательного ответа это знание уже не пригодится Солнечной. И тогда возможны другие провокации. Может быть, для Бессмертных все эти переговоры — тоже эксперимент? Насколько серьезно отнесутся к их пустым обещаниям наивные земляне? И уже сегодня Блестящий Седьмой или какой-нибудь Тусклый Восьмой выйдет на связь с одной из Крепостей, усыпляя их бдительность, убеждая совершить роковую ошибку, поверив в реальность переговоров. Хотя это еще не факт, просто одна из вероятностей, потому что Крепости пока не находятся в безвыходном положении, как это произошло с группой кораблей, прорвавшихся к планете.

— К Желтой! — Тут же вспомнилось название, которым окрестил планету Балу.

Небольшое рысканье показало, что истребитель достиг верхних слоев атмосферы и скоро — звезды. Там и станет понятно, что их ожидает — еще один шанс или справедливое, с точки зрения врага, мщение.

Глава 14

Их не тронули. Отряды штурмовиков КС черными ручейками стекались на площадь, где ожидал посадочный бот, который должен был доставить пехотинцев на линкор.

Технику пришлось бросить: инженерную станцию, на которой технари успели демонтировать наиболее важные агрегаты управле-

ния гравитацией, а также транспорт, уже подготовленный (впрочем, как и станция) к уничтожению. Остались и «Шарки», застывшие, с обездвиженными прицельными механизмами. Они стояли, высоко задрав башенные орудия, будто посылая прощальный салют.

А по краям площади тонко выли маневровыми движками «Трепанги». Много, очень много «Трепангов». Штурмовики двигались молча. Безрадостное, тревожное ощущение посадки в беззащитный бот, под прицелами вражеских боевых машин, и прошедшие волнующие минуты штурма, когда десант топтал чужие улицы, чужую землю, — все это штурмовики забирали с собой.

Еще появилась вражеская пехота. Штурмовики Бессмертных. Гвардия. Ню-кевларовое покрытие отсвечивало золотом. С такими пехоте КС еще не доводилось встречаться. И был взлет. Медленный, осторожный, как шаги оказавшегося в центре змеиной поляны.

— Неужели не долбанут? — Еще не веря в счастливое избавление, пилот бота облизнул враз пересохшие губы.

Было отчего. Совсем рядом громоздились руины зданий, разрушенных тягой линкора. Вдали, доставая до неба, клубился черный, как сажа, дым. Где-то легла на поверхность уродливая надпись: «Пламенный привет». Неужели — пропустят?

Но их пропустили.

А потом линкор «Август» занял место в общем строю на орбите, и «Витраж» пришвартовался к «Июню», флагману группы, потому что командор Бранч затребовал Джокта к себе. Рядом, зловеще переливаясь зелеными огнями, выстраивались в сложную фигуру вражеские крейсеры, обозначив условный коридор, стянув, словно обручами, пространство внутри коридора, предназначенное для перелета кораблей Солнечной. Приблизились и линкоры. Грациозно и плавно они отрабатывали движками, цепочкой раскидываясь вдоль коридора. И «Кнопки». Они юлили в невероятной близости от кораблей Солнечной, будто стараясь заглянуть в иллюминаторы. Демонстрировали превосходство флота Бессмертных, а может быть, и провоцировали. Из земной группы не шелохнулся ни один звездолет. Все понимали — теперь это бессмысленно.

Никаких вражеских кораблей неизвестного типа, никаких изменений в метрике пространства, никакой работы для отслеживающей аппаратуры. Просто — в конце коридора вдруг открылась приливная точка, и первым прошел сквозь строй «Кросроудов» один из «Моравов».

— Мы у Капы, ком, — бесцветно доложился по связи-мгновенке капитан крейсера.

Доложился, естественно, кодом. После этого один из «Кросроудов», самый ближний к земной группе, сыпанул вокруг себя плазмой. Никто ни о чем не договаривался подробно, но и так было понятно. Раз стрельба не на поражение, значит, это сигнал следующему кораблю.

Вторым прыгнул в Прилив «Август», унося с собой штурмовиков и терабайты информации, которые удалось собрать во время облета планеты и на ее поверхности. Стратегической ценности эта информация не представляла. Просто параметры излучения светила, общая фотометрия всего сектора, подробная фотометрия поверхности планеты и запись возможностей камуфлирующих установок врага. Ну может быть, где-то среди миллионов и миллионов отслеженных параметров крылась надежда, что загадка, все загадки будут разгаданы! И наконец флот Солнечной сможет вернуться, проложив сюда другую дорогу.

Потом ушли оставшиеся инженерные станции. За них почему-то переживали больше всего. Вдруг Бессмертным захочется получить один из новейших кораблей Солнечной? На всякий случай все три станции были подготовлены к немедленному уничтожению. Но обошлось.

«Моравы», мониторы, тяжелые крейсеры, истребители... Последним к приливной точке двинулся флагман «Июнь».

Джокт, находившийся к тому времени на капитанском мостике линкора, успевший уже нахвататься пронзительно-недоверяющих взглядов офицеров «Июня», в свою очередь наблюдал за Бранчем. Командор, впрочем, сразу же пресек всякие намеки на возможность контроля Бессмертными сознания Джокта. Даже теперь, в этой непростой ситуации, командор был невозмутим, словно ему приходилось делать рутинную работу.

Сектор пространства — Прилив — Крепость «Австралия». Что может быть проще такого маршрута?

Вот только сектор пространства — неопределен. Дорогу в Прилив охраняет туча вражеских звездолетов, чей суммарный залп способен в секунду разнести «Июнь» на атомы. Что может быть проще?..

Все надеялись, что сейчас пройдет еще один запрос на связь со стороны Бессмертных. Находящиеся на мостике уже прослушали запись переговоров, с нетерпением отсекая все, кроме слов Блестящего Седьмого и вопросов Джокта. И ничего не могли из этого понять. Да и никаких новых запросов, чтобы продолжить диалог, не поступало.

— Это все слишком волшебно, чтобы быть правдой, — заметил старший помощник командора. — Они решили выйти на переговоры, они накидали нам полные карманы загадок, они отпускают нас. Почему?

Взгляды мгновенно обратились к Джокту. Сам же пилот, даже под гнетом этих взглядов, ничего не мог объяснить. Потому что был удивлен всем произошедшим не меньше других.

— Да, парень... Тебя ожидает целое море вопросов, смотри, не утони... Сначала вопросы в Крепости, потом наверняка в штабе ВКО, если не где-нибудь еще, — и командор красноречиво повел глазами кверху, намекая на положение тех, кто может заинтересоваться Джоктом.

— Я догадываюсь. Постараюсь не утонуть и очень надеюсь, что все сделал правильно. Сначала согласился на эти переговоры, потом... Разве я должен был отказываться? Или вы тоже считаете, что я — всего лишь марионетка Бессмертных?

— Ну конечно же, нет! Если бы Бессмертные научились такое проделывать с каждым из нас, им не нужны были бы ни звездолеты, ни посты ПВО на планетах. К тому же, насколько я понял, вы решали все вместе — ты, другой пилот, который получил полномочия, и тот майор, что остался в бункере... Так что прими в качестве совета — если станет совсем тяжко, вали все на майора, ему-то все равно, а звучать будет вполне правдоподобно.

— Решали мы вместе, но говорил только я. Потом, правда, увлекся...

И приливная точка, так же неожиданно, как появилась, теперь схлопнулась за кормой «Июня».

Передать удивление, что испытали на отслеживающих постах Крепости, вообще не представляется возможным! Когда прямо под боком у «Австралии», в районе «службы второго срока», стали появляться из новосотворенной приливной точки корабли пропавшей группы, первой реакцией оказалось даже не удивление, а натуральная паника! Их едва не расстреляли дежурные мониторы. Потом, когда стало понятно, что звездолеты выходят прямо на минное поле и не могут в таком положении нести никакой угрозы, страсти несколько утихли.

Наверное, в этом был какой-то символизм, коварный жест Бессмертных — выпустить звездолеты, ткнуть их прямо в космическое кладбище, где под каждым пластиковым венком, под каждой пластиной с забытыми именами и шлемами, наполненными пеплом,

а чаще — пустотой, скрывался тактический заряд. Что это? Простое совпадение или неприкрытый намек на недолговечность человеческой жизни?

Так или иначе, они дошли. И были встречены самым невероятным образом — развернутыми в точку прибытия гравитационными орудиями, недоверием и недоумением. Ввиду сложившейся нештатной ситуации звездолетам разрешили финишировать только поодиночке. И прежде чем экипажи смогли покинуть свои корабли, там побывали штурмовые группы и особая инспекция, спешно созданная комендантством Крепости. Убедившись, что перед ними — не фантомы, не какая-нибудь новая уловка Бессмертных, им позволили наконец-то швартовку. Вот только каждый вернувшийся истребитель к финишерам сопровождала тройка истребителей из Крепости, в связи с чем майор Лерой пообещал набить морду всякому, кто усомнится, что он — это он. Крейсеры становились на внешние причалы, фиксируя отслеживающей аппаратурой постоянное облучение средствами прицеливания Крепости. Оба линкора загнали вообще черт знает куда, подальше от приливной точки, и только там, едва ли не у самой Капы, заглушив движки и ложась в дрейф, «Июнь» и «Август» выкинули боты с экипажами.

Возможно, такие меры предосторожности и были оправданы, но каждый из побывавших у Желтой, про себя ворчал.

— То Бессмертные чуть не грохнули. Теперь вот свои же...

Комендант отправил на Землю депешу, и там уже готовился к вылету корабль — авизо с представителями штаба. Сверхмощную эскадру, продолжавшую бесцельно барражировать где-то у другого схлопнувшегося Прилива, ведущего к Желтой, пока не стали отзывать. А командирам каждого звездолета и каждому пилоту истребителя предложили спешно готовить послеполетные рапорта. Наверняка эти отчеты в обязательном порядке потребуют прибывшие с Земли.

Оба командора, Буран и Бранч, прихватив с собой Джокта, как одного из главных участников всех событий, направились для устного доклада к коменданту.

Кроме Старика, в флагманской кают-компании Крепости сейчас собралось немало других офицеров. Но Джокт безотрывно смотрел только на коменданта, ожидая момента, когда придется сообщить о решении Балу остаться в бункере на планете врага. В самом начале доклада, не зная, что именно может заинтересовать из случившегося, Джокт попросил командора Бранча продемонстрировать запись переговоров. И теперь голос Блестящего Седьмого звучал

и здесь, в Крепости. Услышав его, все замерли, а Джокт будто бы снова оказался в бункере, рядом с Балу, Бароном и десятками инопланетных терминалов, которые еще только предстояло оживить оставшимся.

Комендант внимательно вслушивался во все эти импровизации Джокта и литературные экзерсисы Бессмертного, обхватив голову руками. Потом запись прослушали еще два раза. Тут же содержимое чипа было размножено, теперь каждый, словно сувенир, получил точно такую же запись. Еще несколько копий приготовили для штабной комиссии. Кругом все спорили, обсуждали ход переговоров, но Джокт в этом не участвовал. Он ждал другого единственного вопроса, а комендант все никак его не задавал. Наконец Джокт не вытерпел.

— Разрешите, ком? Майор Балу, он...

— Потом, Джокт, это потом...

И только сейчас пилот узнал, что «постареть за один день» — это не метафора. Так бывает на самом деле. Узнал, едва перехватив тот взгляд, которым сопроводил свои слова Старик.

«Потом... Это потом...» — долго еще звучал где-то внутри голос коменданта. Отца, только что узнавшего, что он, возможно, потерял последнего сына.

* * *

Через час прибыла штабная комиссия. Джокта отвели в отдельную каюту. «Для беседы...» Но эта беседа обернулась длительным допросом.

— Почему Бессмертные выбрали именно вас для ведения переговоров? — сразу же спросил некий высокий чин в ранге овер-командора, и Джокт, поняв, к чему идет дело, сразу сник.

— Я не знаю...

А что можно ответить на такой вопрос? Быть чересчур откровенным и делиться собственными выводами тоже не получалось. Едва пилот напомнил о том, как не стал атаковать транспорт, стартующий с планеты, сразу последовал еще один вопрос, тоже из разряда тех, на которые невозможно найти ответ.

— Почему вы не стали атаковать транспорт?

И понеслось.

Его заставили вспомнить все, и даже попытки суицида. Выжав из Джокта абсолютно все силы, овер-командор, оказавшийся начальником отдела активной разведки, объявил перерыв, чтобы

сверить сказанное Джоктом с затребованными подтверждающими материалами. Но на смену овер-командору сразу появился другой особист — из отдела технической разведки. И те же вопросы зазвучали снова.

Потом был кто-то из заместителей начальника штаба ВКО, потом — специалист аналитик. Психолог. Снова аналитик. Полковнику Бар Аарону, успевшему выразить взглядом свое сочувствие, пришлось проделать ряд экспресс-тестов, и Джокт опять проваливался в бункер, а затем — в охранный лабиринт. В «Витраж», висящий в силовых захватах только-только начавшей спуск инженерной станции. Снова — в «Витраж», теперь для того чтобы управлять истребителем ДУГи, идти сквозь Серый Прилив, холодея от предчувствия невозможности возврата, и — выпускать из прицелов корпус вражеского транспорта, только что проделавшего «Поворот Альвареса»...

Все слилось для Джокта в один вращающийся круг. Значимые и незначимые события, люди — близкие ему и абсолютно незнакомые. Лиин, Эстела, Каталина, Балу, Гаваец, Барон, Спенсер, какие-то лица, чьи-то голоса, Эр-Пе-Ве, где он впервые увидел пилотов Вирт-команды. Пришлось сознаваться, что впервые он видел их раньше, на борту транспорта, и в этом особист уловил какой-то подвох. Глупость! Глупость!

Затем Джокту пришлось повторять многое из сказанного, но уже в присутствии командора Бранча, затем в присутствии командора Бурана и полковника Далуса, того, который с инженерной станции высказывал свое недоверие к действиям командора «Августа».

«Кажется, Барон называл это перекрестным допросом», — мелькнула отвлеченная мысль.

Потом перед ним прокрутили запись с его же видеочипа, и Джокту пришлось комментировать многие вещи. Вот только не все моменты поддавались комментариям. Например, отключение звуковой дорожки.

— Три с половиной минуты! — засек время очередной «собеседник».

И тут же вопрос, словно молотком по макушке.

— Для чего вы отключили запись? О чем говорили три с половиной минуты с майором Балу?

На удивление, Джокту даже в голову не пришла мысль хоть как-то протестовать против такого насилия. Как только его голосу не хватало звучания или невольно опускались веки — он хотел спать, он абсолютно потерял счет времени! — перед ним тут же оказывался бокал с супертонизирующим напитком.

К концу допроса Джокт ощущал себя каким-то ожившим музыкальным рекордером, из которого вместо музыки льется один и тот же рассказ. Рекордер, включенный на бесконечное, цикличное воспроизведение!

Что-то насторожило овер-командора, что-то — аналитика. Несмотря на протесты коменданта, не говоря уже о Спенсере, Смоки, Гавайце, тех, кто побывал с ним на Желтой, пять огромных охранников сопроводили Джокта в авизо. Посыльный корабль под конвоем тридцатки истребителей отряда «Феникс», срочно отозванных для этой цели с юпитерианской орбиты, стартовал на Землю. Там экзекуция была продолжена. Но вместо Бар Аарона за пультом медсканера стоял другой медик, и тесты существенно удлинились по времени...

Уже прозвучало слово «лазутчик», поэтому Джокту пришлось собирать волю в кулак, чтобы в тысячный раз пересказать всю историю с переговорами. А на форпостах, на следующие сутки после бегства группы кораблей с Желтой, Бессмертные снова возобновили атаки. Оказывается, и в этом они не обманули, пообещав временно прекратить боевые действия. Соответственно — добавились новые вопросы для Джокта.

Не зная ни передышки, ни отдыха, — только супертонизаторы и короткий искусственный сон, четыре часа в сутки, — Джокт превратился в главную интригу для множества спецслужб. И не только для них. «Герой или предатель?» — такими заголовками пестрели газеты и журналы Солнечной. В И-сети появилась новая игра, под названием «Пилот Джокт». Многое произошло за это время.

Но однажды утром он проснулся, как всегда, в узости подземной комнаты-склепа, где его содержали, и обнаружил рядом с гравикойкой аккуратно сложенную на стуле форму капитан-лейтенанта. Два новых ордена — «Андромеда» и «Лунная Корона» (не угадал Балу) — играли теперь на груди холеным блеском, а двери оказались незаперты. Тогда-то он и понял, что худшее — позади. Ему поверили!

Первым вопросом, который он задал после скромной официальной церемонии, прошедшей кулуарно, без помпы и блеска, в штабе ВКО, стал вопрос о друге.

— Что с Балу?

— Пока неизвестно, — после секундного замешательства ответил штаб-адъютант, объявивший Джокту о наградах и о повышении в звании. — Прошло две недели, но прорваться к Желтой, — быстро название разлетелось, обрадовался Джокт, — не получилось.

— А... переговоры еще велись?

— Нет. Все попытки выйти на связь с Бессмертными, как и прежде, оказались бесплодными. Они будто забыли, что первые вышли на связь. Они отказываются нас услышать, ну и, соответственно, молчат сами.

Две недели! Прошло две недели! Джокт рвался в Крепость, словно там он мог помочь друзьям. Две недели заставили его почувствовать, как это тяжело — расставаться с полетами и с истребителем. Его ждал Спенсер, ждал Смоки, Гаваец, ждал «Витраж», и очень хотелось надеяться, что не забыла своего напарника по Игре девочка-пилот, Великая Мамба. Скорее в Крепость!

Но вместо этого ему чуть ли не приказали несколько дней отдохнуть на Земле, чтобы восстановиться после многочисленных тестов и сканирований. Конечно, не забыли при этом намекнуть, что в случае излишней откровенности при встречах с представителями прессы последствия могут оказаться самыми негативными. Что это означало, Джокт решил не проверять. Поэтому, первым делом оторвавшись от репортеров, дежуривших у комплекса зданий штаба, а еще из-за того, что никаких других знакомых на Земле у него не имелось, Джокт отправился к Эстеле.

Впрочем, он теперь не мог сказать с уверенностью, было ли это осмысленной необходимостью, расчетом или же внутренним влечением. Но когда Джокт переступил порог ее жилища, то сразу понял — его здесь ждут.

— Эстела, здравствуй, я...

— Знаю. Меня предупредили, что четыре дня могу пропускать практику. И я поняла, что ты придешь. Будешь кофе?

Джокт кивнул, а Эстела, одарив его счастливой улыбкой, убежала на кухню.

Был вечер. И был кофе, ароматный, забытый, нетронутый, медленно остывающий в чашках. Еще были рассказы, вперемешку с объятиями.

— Ах, Джокт, Джокт! Ты мог бы сейчас пожелать любую девушку, не только меня, твою болельщицу, но даже настоящую профессионалку, самого высокого класса. Из тех, что ублажают хайменов. Но ты пришел ко мне. Почему?

На бедрах, на внутренней стороне, у нее оказалась татуировка. Джокт не догадывался, что существует такая разновидность экзотического боди-арта. Примерно от верхней трети левого бедра до противоположной точки на правом бедре высвечивалась акулья

пасть с шевелящимися рядами острых конических зубов. Получалось, чтобы овладеть Эстелой, Джокт должен был, превозмогая неподдельный страх, проникнуть прямо в эту пасть, доверив шевелящимся, живым зубам часть своей плоти. Немаловажную часть!

Когда она заметила этот страх, то рассмеялась.

— А нельзя это как-нибудь...

— Нет! Ты с ума сошел! Знаешь, сколько стоит такая татуировка? Почему тебе не нравится?

— Страшно, — признался Джокт.

Она опять рассмеялась, но заявила, что ни за что не оторвется от Джокта только для того, чтобы бежать, как гончая, в тату-салон. Забудь, Джокт. Я не думала, что тебя это оттолкнет... Нет, нет, просто... Так неожиданно... Она смеялась снова. Неожиданно? И все? Не все... Эти зубы, эта пасть... Сосредоточься на центре этой пасти. Убедись, что она совсем не такая плохая и кровожадная, как представляется. Но все равно... Ладно, в следующий раз выберу себе другое тату. Клубок змей. Правда, экзотично? Глупость... Сам ты глупый... Верь мне. Это моя ручная акула. Попробуй и ты ее приручить...

С Эстелой было легко. Джокт чувствовал, что может говорить на любые темы. Он сказал ей о Каталине, сразу же испугавшись, что этим оттолкнет Эстелу. Но такого не произошло.

— Ты снова влюбился? А как же та певица? Как же я?

Своим вопросом она поставила Джокта в тупик, но тут же рассмеялась, словно веселой шутке. Только тогда он потянулся за кофе. О своих чувствах к Лиин Джокт почти забыл. Но вот о том, что может теперь выбирать между Эстелой и Каталиной, как-то даже не думал.

— Все нормально, Джокт, все хорошо. Я просто шучу, — сказала она, запахнув края халата. — Я, наверное, просто дура, но буду желать, чтобы у тебя получилось с девочкой-пилотом. И буду ей завидовать. Это даже замечательно, что ты о ней рассказал. Жаль, что с ней так поступают. — Речь Эстелы становилась то быстрой, веселой, то медленной, задумчивой. — К тому же еще ведь ничего не решено?

— Еще нет, — вздохнул Джокт. — И я даже не знаю, решится ли когда-нибудь вообще.

— Ладно, Джокт, брось. Умей наслаждаться минутами радости. Все решится. Ты — пилот, и она — пилот. Люди должны быть вместе. Вы ведь вместе, Джокт? Служите в одной Крепости? Вот

видишь! А я через месяц отправляюсь в какую-то жутко секретную лабораторию, и ты меня не увидишь до самого окончания войны. Не нужно ничего говорить! — Эстела прикрыла его губы ладонью. — Я сама так решила. Потому что в этом мой единственный шанс...

— Какой шанс? О чем ты, Эстела? — все же сумел обмануть ее мягкую руку Джокт.

— Ты ничего не видел на Земле. Туристические и прочие маршруты проложены так, чтобы ничего не видеть. Ты не знаешь, Джокт, как живут люди нижних мегаполисов. Как по ночам гробятся у конвейеров миллионы молодых людей, не знающих, что такое солнечный свет...

— Как это — не знающих?

— Очень просто. Днем они отсыпаются, потому что днем на красивеньких, чистых улицах не должно быть никого с перекошенными от усталости лицами. Ты многого не знаешь, Джокт... В клубах теперь все меньше и меньше молодежи — штурмовой пехоте нужны солдаты, а звездолетам — экипажи. Редко кому удается попасть в караван рудодобытчиков. Да и там уже — не как прежде...

— Но ведь — война! — возразил он. — Кто-то гибнет, кто-то должен занять их места...

Он хотел добавить: «А кто-то должен ждать», но Эстела подхватила его под руку и повела к дверям.

— Пойдем на крышу, я знаю, как туда попасть! Оттуда можно увидеть звезды! Знаешь, сейчас это нетрудно, иллюминации все меньше и меньше. Пойдем, я покажу тебе, что такое звезды, увиденные с Земли. Они маленькие. Далекие. И такие равнодушные ко всему...

Так и случилось. На крыше гулял ветер, и Эстела прижалась к Джокту, чтобы не замерзнуть. Звезды были действительно маленькие, тусклые и далекие. Равнодушные ко всему. А где-то среди них, возможно, даже среди небольшой этой россыпи, пыталась пробиться сквозь светящуюся ауру мегаполиса особенная звезда. Красная, с ржавым отливом, с вращающейся вокруг нее желтой планетой. И там, на желтой...

Джокт почувствовал, как его душат слезы. Индап остался валяться рядом с кроватью. Это ведь просто самоубийство — заниматься любовью, не снимая индапа. Потому что эмоции — враги пилота истребителя.

Неожиданно ему стало мало этой россыпи. Все-таки огни города оказались сильней. Сколько она сказала — месяц? А потом —

закрытая лаборатория-завод, без звезд, без солнечного света, без возможности встретиться...

— Уйдем отсюда, Эстела! Мне этого мало! Здесь не звезды, а только тени! Идем, пока у нас еще есть время!

Он вызвал скутер. Даже минимум личных привилегий позволял многое. Например, пересекать на городской «Ламе» границы любого мегаполиса, целых четыре дня путешествовать, где захочется.

— Идем. Эстела, я покажу тебе другие звезды. Пусть даже с Земли, но там окажется много, много звезд! Мы будем лететь за ночью, будем любоваться ими! Не только мы одни... Когда-нибудь война закончится, я уверен, люди перестанут бояться звезд, научатся находить общий язык со всеми, кто есть еще кроме нас. Даже с Бессмертными. Не скоро, но научатся. Я знаю, потому что я разговаривал с Бессмертными!

— А ты расскажешь мне, кто такой Настоящий Враг?

— Нет, Эстела, я не хочу о врагах... Лучше — о друзьях, которые далеко, которые — я знаю! я чувствую это! — живы, и ждут моего возвращения. Они еще ждут...

Бесшумная «Лама» скользнула к подъезду, и они отправились вслед за ночью.

г. Кишинев, март — июль 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ЗВЁЗДНЫЙ ПАТЕНТ 5
РАСПРАВЛЯЯ КЛЫЛЬЯ 231
СЕРЫЙ ПРИЛИВ 489
ЧУЖОЕ ОРУЖИЕ 737

Литературно-художественное издание

Дмитрий ГРАДИНАР

ЗВЕЗДНЫЙ ПАТЕНТ

ЗВЕЗДНЫЙ ПАТЕНТ
РАСПРАВЛЯЯ КРЫЛЬЯ
СЕРЫЙ ПРИЛИВ
ЧУЖОЕ ОРУЖИЕ

Ответственный редактор *А. Сидорович*
Корректоры *О. Смушко, А. Мартынова, Л. Галаганова*
Верстка *И. Третьякова*

Подписано в печать 10.04.2012.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура Петербургская.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 50,4. Уч.-изд. л. 52,14.
Тираж 4050 экз. Заказ № 5855.

«Ленинградское издательство»
191023, Санкт-Петербург, пер. Апраксин, д. 4, лит. А, пом. 15Н
E-mail: fankon@yandex.ru
Телефон/факс: (812) 363-42-72

Отпечатано по технологии CTP
в ИПК ООО «Ленинградское издательство»
194044, Санкт-Петербург, ул. Менделеевская, д. 9
Телефон/факс: (812) 495-56-10

ЗВЕЗДНЫЙ ПАТЕНТ

— Командор Грей! Они уже здесь! До подрыва — четыре минуты! Всё готово, приказ исполнен, корабль переведён на автоматику и готов к уничтожению! — вклинился чей-то голос.

Шкип стиснул зубы, понимая, что командор прав! Дело не в том — спасёт он свою шкуру или нет, дело в этих самых обломках, что заполняют грузовой отсек «Трайда».

Тип брони. Химическая формула и технология сплавов. Особенности конструкции. Вооружение. Навигационный блок. Пилот-чужой, живой или мёртвый, неважно. Данные телеметрии о ходовых качествах врага. Любая мелочь может оказаться важной. Хоть какой-то шанс нащупать их слабое место или же хотя бы создать действенные средства защиты и вооружения. Листопадный Зал и Эйфория — это только начало. Если это война, то Солнечная успеет отмобилизовать силы для защиты. Схлопывание Приливов это только временная мера. Потеря дальних колоний и промышленных районов разработки, пусть даже погибнут многие тысячи, — Шкипу было страшно назвать самому себе цифру с шестью нулями, — это ещё не гибель всего человечества! Нужно лишь время. Время и знания, как можно больше знаний о противнике!

Ленинградское издательство

ISBN 978-5-9942-1024-6

9 785994 210246

www.lenizdat.org